

ПРАВОСЛАВНО-БОГОСЛОВСКІЯ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ ИСХОЖДЕНІИ
СВЯТАГО ДУХА
отъ одного только Отца.

Адама Зерникава.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

Б. Давидовича.

Томъ II.

ЖИТОМИРЪ.

Типо-литографія М. Дененмана, Михайловская, д. № 3.
1906.

Печатать разрѣшается.

Житомиръ. 25 Октября 1905 г. Цензоръ, Архимандритъ *Виссаріонъ*.

Его Преосвященству,

Преосвященному **Антонію**

Епископу Волынскому и Житомирскому

посвящаетъ

свой трудъ

переводчикъ.

Издаваемый II томъ огромнаго труда Адама Зерникава посвященъ въ большей своей части полемикѣ съ латинскими богословами, заблужденія которыхъ въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа этотъ ученый защитникъ православной истины разбиваетъ шагъ за шагомъ съ помощью своего простаго, но основательнаго метода. Сущность этого метода сводится къ тому, что Зерникавъ старается всегда отыскать точку опоры для своихъ разсужденій и доказательствъ въ ученіи Отцовъ Церкви, преимущественно греческихъ, выясняя, гдѣ и въ чемъ Латиняне ихъ не вѣрно поняли и пришли къ ложнымъ заключеніямъ. Тамъ, гдѣ латинскіе богословы прибѣгаютъ къ діалектикѣ и рационалистическимъ доказательствамъ, Зерникавъ съ неумолимою логикою разрушаетъ ихъ построенія и выводы, обнаруживая ихъ несостоятельность. Подробность, или скорѣе кропотливость въ доказательствахъ, смущающая современнаго читателя, привыкшаго къ быстрымъ, но часто поверхностнымъ обобщеніямъ, представляется необходимою въ выясненіи столь великаго вопроса и не умаляетъ достоинствъ стариннаго писателя.

Заключительныя главы II тома представляютъ исторію попытокъ къ возстановленію единства Церкви въ Средніе вѣка. Попытки эти не достигли цѣли по той простой причинѣ, что мотивами ихъ были интересы политическіе, а не религіозные. Исторія неудавшихся средневѣковыхъ уній показываетъ однако, что первымъ и главнымъ вопросомъ въ дѣлѣ соединенія Церквей было ученіе о Св. Духѣ и что передъ этимъ вопросомъ всѣ другія пререканія относительно разностей обряда и церковной дисциплины отходили на второй планъ. Отъ рѣшенія этого вопроса и теперь зависитъ главнымъ образомъ возстановленіе нарушеннаго единства христіанской Церкви.

Появленіе книги Зерникава на русскомъ языкѣ и вообще извлеченіе ея изъ бездны забвенія, помимо мѣстнаго значенія для Западно-Русскаго края, представляетъ несомнѣнную важность для настоящаго времени въ болѣе общемъ смыслѣ. Въ наши дни противъ христіанства идетъ отчасти скрытая и глухая, отчасти откровенная и беззастѣнчивая, но во всякомъ случаѣ рѣшительная борьба со стороны, такъ называемаго, научнаго позитивнаго направления, принявшаго подъ вліяніемъ еврейства и масонства антихристіанскую, точнѣе антихристову окраску. Отдѣленіе Церкви отъ государства, о которомъ хлопчуть современные политики и которое проведено уже закономъ во Франціи, есть первый актъ этой борьбы, за которымъ несомнѣнно послѣдуютъ другія мѣры, направленные къ уничтоженію христіанства, какъ основы общественной и государственной жизни. Церкви Христовой грозятъ преслѣдованія, можетъ быть, болѣе опасныя, чѣмъ гоненія первыхъ вѣковъ нашей эры. Въ виду этой борьбы долженъ настать рано или поздно конецъ церковному раздѣленію христіанства. Недалеко то время, когда съ возстановленіемъ каноническаго строя Русской Церкви явится возможность созыва вселенскаго Собора съ цѣлью прекратить рознь и раздѣленіе среди послѣдователей Христа.

Несомнѣнно, что въ возникновеніи разъединенія Церкви большую роль играло недостаточное пониманіе Латинянами ученія Отцовъ Церкви греческой и невѣрное толкованіе ихъ мыслей; въ свою очередь Греки иногда не могли убѣдительно доказать Латинянамъ ихъ заблужденія, не находя въ латинскомъ языкѣ словъ для точнаго выраженія своихъ идей. Вообще разница двухъ языковъ, на которыхъ устанавливалась первоначально христіанская догма, и недостаточное проникновеніе Грековъ и Латинянъ въ духъ языка своихъ противниковъ вело къ недоразумѣніямъ и разногласію, имѣвшимъ столь печальныя послѣдствія. Отсутствие до появленія книгопечатанія вѣрныхъ списковъ твореній Отцовъ Церкви составляло также немалую причину возникновенія раскола въ догматическомъ ученіи. При настоящемъ состояніи критики и при существованіи точныхъ, научныхъ изданій твореній Отцовъ Церкви не можетъ быть мѣста подобнымъ недоразумѣніямъ. Въ свою оче-

рѣдь огромныя средства обмѣна мыслей, въ прежнія времена не существовавшія, открываютъ возможность всесторонняго обсуждения, которое должно привести къ установленію истины и соглашенію.

Переводчикъ православно-богословскихъ изслѣдованій А. Зерникава принадлежитъ къ числу немногочисленныхъ пока приверженцевъ идеи возстановленія вселенскаго единства Церкви Христовой и вѣритъ въ возможность ея осуществленія. Издаваемая книга можетъ оказать громадную услугу дѣлу православія всестороннимъ анализомъ недоразумѣній въ ученіи о Св. Троицѣ, приведшихъ Западную Церковь къ отдѣленію отъ Восточной. Конечно, полемическій задоръ, отъ котораго нельзя было очистить эту книгу, долженъ быть разсматриваемъ, какъ слѣдствіе настроенія людей XVII-го столѣтія, въ наши дни неумѣстнаго и всего менѣе ведущаго къ цѣли.

Переводъ книги Зерникава на русскій языкъ обязанъ своимъ появленіемъ ревности о благѣ Церкви двухъ Волынскихъ іерарховъ и сочувствію Волынскаго духовенства. Если начинъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ покойному архіепископу *Модесту*, то его завершеніе и приведеніе къ окончанію зависѣли вполне отъ высокаго вниманія и содѣйствія его преемника. Поэтому посвященіе II тома преосвященному *Антонію* является выраженіемъ долга глубокой и искренней благодарности. Равнымъ образомъ такимъ посвященіемъ своего скромнаго труда переводчикъ желалъ по-сильно содѣйствовать увѣковѣченію въ родной странѣ памяти о предстоятельствѣ въ ея Церкви іерарха, пастырская и учительная дѣятельность котораго ставитъ его въ рядъ Отцовъ и Учителей, приводимыхъ въ издаваемой книгѣ въ свидѣтельство истины православнаго ученія о Св. Духѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

въ которой доказывається, что посланіе Св. Духа Сыномъ (Іоан. XV, 26) не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына.

 Между доказательствами, которыя Латиняне пытаются найти въ Священномъ Писаніи въ защиту своего мнѣнія, главное заключается въ томъ, что изъ посланія Св. Духа Сыномъ они выводятъ также и исхожденіе Его отъ Сына. Изъ извѣстныхъ словъ Спасителя: „когда же придетъ Утѣшитель, Которого Я пошлю отъ Отца“ и пр. они дѣлаютъ слѣдующіе выводы: *прежде всего* они утверждаютъ, что посланіе то же, что и исхожденіе: слѣдовательно, если Духъ Св. посылается Сыномъ, то Онъ также и исходитъ отъ Него. *Далѣе*,—говорятъ они, кѣмъ кто посылается, отъ того и исходитъ; а между тѣмъ Священное Писаніе много разъ учитъ, что Духъ Св. посылается Сыномъ. *Затѣмъ*,—никогда, будто бы, Духъ Св. не былъ бы посылаемъ Сыномъ, если бы Онъ и не исходилъ отъ Него, ибо о Богѣ Отцѣ, такъ какъ Онъ никому не обязанъ существованіемъ, никогда поэтому и не читаемъ въ Писаніи, что Его кто нибудь посылаетъ. *Наконецъ*,—разсуждаютъ Латиняне, Духъ Св. посылается Сыномъ или по приказанію, какъ старшимъ,—или по совѣту, какъ мудрѣйшимъ, или же наконецъ по естественному произвожденію. Но ни по приказанію, ни по совѣту Сыномъ Онъ не посылается,—значитъ, посылается по естественному произвожденію.

Вотъ что говорятъ Латиняне.

ОТВѢТЪ I.

Точно такой же способъ доказательства употребляли нѣкогда еретики противъ каевоиковъ (православныхъ), чтобы сдѣлать выводъ, что Духъ Св. произведенъ Сыномъ способомъ рожденія (generative), почему Онъ и есть будто бы сынъ Сына или внукъ Отца. О нихъ *Аванасій* во второмъ посланіи къ Серапіону (т. II, стр. 16) говоритъ слѣдующее: „потомъ они (еретики) прибавляютъ, какъ ты пишешь: если Духъ возьметъ отъ Сына и если Онъ Имъ дается, (ибо такъ написано), то отсюда они сейчасъ выводятъ: значить, Отецъ есть дѣдъ, а Духъ Его внукъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда же явствуетъ, что выраженіе—„Духъ Св. Сыномъ посылается, или дается“—Св. Отцы никоимъ образомъ не принимали, какъ доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына; ибо иначе они опровергли бы однимъ словомъ это доказательство, указавъ, что изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что Сынъ есть начало Св. Духа, но Духъ Св. отъ Сына не рождается, а исходитъ. Теперь же Отцы, какъ видно изъ примѣра *Аванасія*, доказательство это, какъ нелѣпное, только отвергаютъ, не входя въ его опроверженіе. Слѣдовательно,—выраженіе—„Духъ Св. Сыномъ посылается“ они не считали доказательствомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Поэтому и мы, подобно *Аванасію*, выразившемуся такъ относительно еретиковъ, по поводу подобнаго доказательства Латинянъ, по которому выходитъ, будто Сынъ отъ Отца, а Духъ Св. отъ Сына произошли какъ бы черезъ нѣкоторыя ступени, въ правѣ замѣтить: „кто, слыша это, станетъ считать ихъ христіанами, а не скорѣе язычниками?“.

ОТВѢТЪ II.

Какимъ образомъ, далѣе, изъ посланія Св. Духа Сыномъ можно выводить Его исхожденія отъ Сына, когда Отцы ясно учатъ, что сказано—„посылается Духъ Св. Сыномъ“ не въ смыслѣ начала (происхожденія), а только вслѣдствіе сообщества и единства природы? Слѣдовательно, не вслѣдствіе произведенія, а только вслѣдствіе

¹⁾ Употребляемъ слово *отвѣтъ* вмѣсто болѣе подходящаго выраженія *опроверженіе*, желая сохранить точную передачу подлинника, въ которомъ стоитъ—*responsio*.

единства природы имѣеть Сынъ возможность посылать Св. Духа. Такъ Св. *Амвросій* въ книгѣ „о символѣ“, гл. X (т. IV твореній, столб. 94) пишетъ: „говорить Сынъ: Утѣшитель отъ Отца исходитъ—по началу (происхожденію); говоритъ (далѣе): Котораго Я пошлю—по сообществу и единству природы“. Здѣсь *Амвросій*, конечно, ясно учить, что Духъ Св. называется исходящимъ отъ Отца въ смыслѣ происхожденія; а посылаемымъ Сыномъ называется Онъ не въ смыслѣ также происхожденія, но только по единству природы. Равнымъ образомъ и *Иеронимъ* въ комментаріи XVI на LVII гл. *Исаи* говоритъ: „Духъ Св., Который отъ Отца исходитъ и по сообществу природы посылается Сыномъ, говорящимъ: если Я пойду, пошлю Его къ вамъ“.

ОТВѢТЪ III.

Если же отъ посланія Духа Св., совершеннаго Сыномъ, мы захотимъ восходить къ Его (Духа) причинѣ (ибо посылаемый есть лицо, имѣющее причину (causatus), то опять-таки Отцы учатъ, что посланіе Св. Духа есть доказательство его исхожденія, но не отъ Сына, а отъ Отца. Такъ *Григорій Назіанзинъ* въ бесѣдѣ XXXVII (стр. 611) говоритъ: „выраженія (о Духѣ Св.) нѣсколько унижительныя, какъ-то: быть подаваемымъ, быть посылаемымъ, распредѣляемымъ, вдуновеніе, обѣщаніе, предстательство и другія, которыя не считаю нужнымъ приводить,—должны быть относимы къ главной причинѣ (Отцу), чтобы показать, отъ кого (происходитъ) Духъ, и чтобъ не принимались три раздѣльныя начала, какъ будто бы Боговъ было много“. *Григорій Богословъ* говоритъ здѣсь о посланіи Духа Св. не только Отцомъ, но и Сыномъ: онъ выражается вообще: „выраженія нѣсколько унижительныя, какъ-то: быть даваемымъ, посылаемымъ“, подъ которыми, конечно, понимается одинаково и посланіе Духа Св. Сыномъ. „Вдуновеніе“, о которомъ упоминаетъ также *Григорій*, совершенно Сыномъ, а не Отцомъ: слѣдовательно, онъ показываетъ, что „быть даваемымъ, посылаемымъ, распредѣляемымъ“ говорится о Духѣ Св. для обнаруженія, отъ кого происходитъ Духъ Св., т. е. для обнаруженія, что Онъ—отъ другого происходитъ, а не отъ Себя Самаго. Намъреваясь же показать, кто служитъ причиной Св. Духа, ради которой онъ называется посылаемымъ какъ Отцомъ, такъ и Сыномъ, *Григорій* име-

нуетъ *Одного* только Отца, а не также и Сына. Отсюда, слѣдовательно, ясно вытекаетъ, что посланіе Св. Духа Сыномъ не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына, но исхожденія Его отъ Отца. Подобную же мысль выражаетъ Григорій Богословъ въ III-й пѣснѣ *о началахъ*, которая относится къ Духу Св. (т. II твореній стр. 163): „А если Священное Писаніе, или благочестивые писатели говорятъ что-нибудь о Рожденномъ, или о Духѣ, что Ихъ ставить какъ бы ниже Верховнаго Родителя, то ты, чтобы тамъ ни было, такъ разумно понимай сказанное: отсюда въ концѣ концовъ вытекаетъ та истина, что Тотъ и Другой ведутъ свое происхожденіе отъ Отца, но божество Обоихъ не отдѣляется отъ Него; такъ что пусть для тебя не будетъ много властей, но одна, которую ты долженъ почитать съ одинаковымъ благоговѣніемъ“ Также и блаженный *Августинъ* въ IV кн. „о Троицѣ“, въ гл. XX выражается: „и подобно тому какъ быть даромъ Божиимъ для Духа Св. значить исходить отъ Отца, такъ быть посланнымъ значить признаваться, что Онъ отъ Него исходить“.

ОТВѢТЪ IV.

Поэтому-то Отцы вездѣ отвергаютъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляютъ, что Сынъ Его посылаетъ. *Кириллъ* въ кн. „о Троицѣ“, гл. X говоритъ: „должно знать, что Отца мы не называемъ (происшедшимъ) отъ когонибудь; называемъ же Его Отцомъ Сына. А Сына не называемъ—безъ причины, ни Отцомъ; называемъ же Его—отъ Отца и Сыномъ отъ Отца. Духа же Святаго называемъ и отъ Отца, и Духомъ Отца именуемъ; но отъ Сына Духа не называемъ, а Духомъ Сына Его именуемъ (если кто Духа Христа не имѣетъ, говоритъ божественный Апостоль и пр.) и признаемъ, что Онъ черезъ Сына намъ явленъ и данъ“. То же повторяетъ *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн., гл. XI „православной вѣры“ и въ словѣ о святой Субботѣ: „почитаемъ Духа Святаго (Духомъ) Бога Отца, т. е. изъ Него исходящимъ,—который однако называется и (Духомъ) Сына, потому что черезъ Него явленъ и удѣленъ тварямъ, однако не отъ Него имѣетъ свое существованіе и бытіе“. *Максимъ* въ посланіи къ

Марину говорить: „въ особенности же они привели согласныя мнѣнія Римскихъ Отцовъ, а также и Кирилла Александрійскаго изъ его священныхъ толкованій на евангеліе Іоанна, въ которыхъ они заявили, что они отнюдь не утверждаютъ, что Сынъ есть причина Духа; ибо они знаютъ одну причину Сына и Духа — Отца, — именно — Перваго черезъ рожденіе, а Второго — черезъ исхожденіе; но указываютъ, что Онъ (Духъ) черезъ Него (Сына) является и этимъ доказываютъ общность Его (Духа) сущности безъ всякаго различія“. *Анастасій Библиотечарь* въ посланіи къ Іоанну Діакону пишетъ: „кромѣ того, уяснили мы себѣ изъ посланія того же святаго Максима къ пресвитеру Марину вопросъ объ исхожденіи Св. Духа. Здѣсь онъ заявляетъ, что напрасно Греки насъ упрекаютъ, такъ какъ мы не называемъ Сына причиной или началомъ Духа Святаго, какъ они думаютъ. Но зная единство сущности Отца и Сына, мы признаемъ, что Духъ исходитъ какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына, понимая, конечно, подъ исхожденіемъ посланіе. Такъ благочестиво изъясняя и поучая знающихъ тотъ и другой языкъ, Максимъ учитъ и насъ, и Грековъ, въ какомъ отношеніи исходитъ и въ какомъ не исходитъ Духъ Св. отъ Сына“. Наконецъ—*Михаилъ Синкеллъ* въ жизнеописаніи Св. Діонисія Ареопагита говоритъ: „онъ (Діонисій) предоставляетъ почитать Одного Бога, Одного Господа, чтимаго и поклоняемаго въ трехъ лицахъ, относя Сына и Св. Духа къ одному началу и причинѣ, (признавая) Духа Святаго исходящимъ отъ Одного только Отца и черезъ Сына вышедшимъ и явленнымъ людямъ“.—И такъ, Отцы посланіе Св. Духа Сыномъ не считали доказательствомъ Его исхожденія отъ Сына.

ОТВѢТЪ V.

Разумѣется, устанавливавшіе положеніе: кто посылается другимъ, отъ него также имѣетъ причину существованія, или исходить, — этимъ самымъ принимали то, что заключается въ исходномъ пунктѣ ¹⁾. Ибо ложно, будто это положеніе имѣетъ характеръ всеобщей истины, — поэтому и выводы отсюда получались одинаково ложны. Конечно, посланіе Св. Духа совершилось къ тварямъ и

¹⁾ Т. е. совершали логическую погрѣшность, называемую *petitio principii*.

во времени, и поэтому относится къ числу внѣшнихъ дѣйствій Божіихъ. А эти дѣйствія, какъ учитъ католическій догматъ, принадлежатъ не одному только лицу, а всѣмъ тремъ. Это ученіе мы находимъ у Св. Отцовъ.

Св. Аѳанасій въ словѣ противъ Савелліанъ „о вѣчномъ существованіи съ Богомъ Сына и Духа Св.“ (т. I твореній, стр. 661) говоритъ: „такъ какъ все совершается Богомъ черезъ Христа въ Духъ Святомъ,—то я вижу нераздѣльное дѣйствованіе Отца и Сына и Св. Духа“. То же заключается въ „посланіи къ Сарапіону противъ утверждающихъ, что Духъ Св. есть тварь“ (т. I, стр. 205). И въ сочиненіи „о человѣческой природѣ, воспринятой Единороднымъ“, выяснивши подробно, что часто то, что принадлежитъ Отцу и Сыну, приписывается и Св. Духу, онъ прибавляетъ (т. I стр. 605): „дѣла, которыя принадлежатъ Отцу (суть Отца), Св. Писаніе называетъ дѣлами Сына и Духа Святаго“. Также и въ книгѣ „объ общей сущности Отца и Сына“ (т. I) онъ вездѣ во многихъ выраженіяхъ доказываетъ одинаковое дѣйствованіе Св. Троицы относительно, разумѣется, тварей. *Дидимъ Александрійскій* въ концѣ I-й кн. „о Духѣ Святомъ“ (т. VI твореній Іеронима, столб. 495) выражается: „во всемъ слѣдуетъ утверждать одно и то же дѣйствованіе Отца и Сына и Св. Духа“. *Василій Великій* въ V кн. противъ Евномія, (т. II, стр. 119) говоритъ: „ясно мы видимъ одно и то же дѣйствованіе Бога черезъ Сына въ Духѣ Святомъ“. И снова на стр. 124: „мы доказываемъ одни и тѣ же дѣйствія Отца и Сына и Св. Духа“. И въ концѣ книги, стр. 135: „такъ какъ все совершается Богомъ черезъ Іисуса Христа въ Духѣ, то я вижу нераздѣльное дѣйствованіе Отца и Сына и Св. Духа“. И въ посланіи LXXX передъ концомъ (т. II стр. 905): „взирая на дѣйствованіе Отца и Сына и Св. Духа, ни въ чемъ никонмъ образомъ не разнящееся и не отличное“. И въ концѣ (стр. 906): „одно есть дѣйствіе Отца и Сына и Св. Духа“. *Амвросій* въ гл. III, книги I „о Духѣ Святомъ“ (т. IV твореній, столб. 216) пишетъ: „тамъ, гдѣ приписывается какое-нибудь дѣйствіе Отцу, или Сыну, или Духу Св., оно относится не только къ Св. Духу, но также къ Отцу и Сыну,—не только къ Отцу, но также къ Сыну

и Духу“. Тоже онъ доказываетъ во многихъ главахъ своихъ книгъ о Св. Духѣ.—*Григорій Нисскій*—въ срединѣ книги: „да не будутъ три Бога“ (т. II стр. 454) говоритъ: „что бы ни дѣлалось, касающееся промысленія о насъ, или управления и устроенія все-ленной, дѣлается тремя“ (т. е. божескими лицами). *Иоаннъ Златоустъ* въ бесѣдѣ „о вѣрѣ“ (т. VII, стр. 29С твореній, изданныхъ въ Итонѣ только по гречески) пишетъ: „такъ какъ доказано, что одно дѣйствованіе Сына, Отца и Духа Св., то необходимо вѣровать и въ одну сущность“. *Августинъ* въ „руководствѣ къ Лаврентію“ гл. XXXVIII—говоритъ: „такъ какъ ту тварь, которую зачала и родила Дѣва, хотя относящуюся къ одному только лицу Сына, создала вся Троица,—ибо дѣйствія Троицы нераздѣльны,—то почему въ созданіи ея называется Одинъ только Духъ? Развѣ и въ томъ случаѣ, когда въ какомъ-нибудь дѣлѣ называется Одинъ изъ трехъ, понимается дѣйствующею вся Троица? Такъ,—и можетъ быть доказано примѣрами“. И затѣмъ въ очень многихъ мѣстахъ Августинъ учитъ, что дѣйствованіе Троицы нераздѣльно, какъ то: въ XI словѣ „о глаголахъ Господнихъ“; въ посланіяхъ XCIX и CII; въ I кн., гл. VIII „о предназначеніи святыхъ“; въ словѣ XXXVIII „о времени“, въ изслѣдованіяхъ XX, XCV и CIV на Іоанна; въ книгѣ „противъ рѣчи Аріанъ“ во многихъ мѣстахъ; въ кн. I „о Троицѣ“, гл. IV, V и XII,—кн. II гл. X, кн. IV, гл. XXI, кн. XIII, гл. XI, кн. XV гл. III и въ другихъ мѣстахъ. *Авторъ вопросовъ изъ ветхаго и новаго завѣта* въ вопросѣ II (между твореніями Августина, т. IV) говоритъ: „дѣлаетъ ли Отецъ, Сынъ, или Духъ Святыи,—дѣйствуетъ Троица“. Тоже заключается и въ вопросѣ XCVII.—*Кириллъ Іерусалимскій* въ IV кн. толкованій на Іоанна, въ гл. III (т. IV твореній, стр. 366) говоритъ: „когда одно по природѣ божество разумѣется и въ Отцѣ, и въ Сынѣ, и въ Св. Духѣ, то не Каждый въ отдѣльности дѣйствуетъ въ томъ, что есть; но то, что называется сдѣланнымъ Однимъ (изъ Нихъ), есть непременно дѣло всей божеской природы“. То же встрѣчается въ IV кн. толкованій на Іоанна, въ гл. I (стр. 346 и 347) и въ X кн., гл. II (стр. 859).—*Теодоритъ* въ толкованіяхъ на псаломъ CI—въ концѣ (т. I твореній, стр. 802) говоритъ: „что дѣлаетъ Отецъ, то же точно такъ же дѣлаетъ и Сынъ; одна и таже при-

рода познается въ Томъ и Другомъ: ибо мы знаемъ единое дѣйствование Троицы“.—*Левъ Великій* въ X словѣ „о страданіи Господа“ говоритъ: „дѣла Троицы во всемъ общи, также и знаменія“. Тоже заключаютъ II и III слово на пятьдесятницу.—*Ремигій*, ¹⁾ епископъ Реймскій, въ толкованіи на VI гл. посланія къ Римлянамъ (т. V, ч. III Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 826) выражается: „дѣла Троицы—нераздѣльны“. *Фульгенцій* ²⁾ въ „отвѣтъ на V вопросъ“, на вопр. I (т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 68) говоритъ: „изъ того, что Отецъ, Сынъ и Духъ Св. нераздѣльны, слѣдуетъ, что Они дѣйствуютъ нераздѣльно“. *Авторъ* книгъ „объ единой въ божествѣ Троицѣ“, въ кн. VII (между твореніями Аѳанасія, т. II, стр. 573) пишетъ: „лицемѣры! говорите, что одно дѣйствование Отца и Сына и Св. Духа: ибо все, что дѣлаетъ Отецъ, все это объявляется дѣломъ совокунно и Сына и Духа Св.; точно такъ же и то, что производитъ Сынъ, относится къ Отцу и владычному Духу; и эти дѣла совокунно объявляются дѣлами и Отца, и Сына. Видишь ли, что ихъ дѣйствование объединено въ одной природѣ божества?“.

Вигилій ³⁾, папа Римскій, въ окружномъ посланіи ко всей церкви, которое значится подъ номеромъ XV въ числѣ его посланій (т. V Соборовъ, столб. 332) говоритъ: „въ Отцѣ и Сынѣ и Духъ Св.—одно дѣйствование.“—*Пелагій* ⁴⁾, папа Римскій, въ посланіи LXVI къ королю Хильдеберту (т. V Соборовъ, столб. 803) пишетъ: „вѣрую въ три лица или три ипостаси одной сущности, одной силы, одного дѣйствования, одного блаженства и одной власти.“ *Анастасій Синаитъ* ⁵⁾ въ кн. I „о догматахъ вѣры“ (т. VI

¹⁾ Ремигій, родомъ Галлъ, назначенный епископомъ Реймскимъ въ 471, а по инымъ въ 459 году, въ возрастѣ 22 лѣтъ, епископствовалъ до 96 лѣтъ въ теченіе 74 лѣтъ.

²⁾ См. о немъ I т., вѣкъ VI.

Прим. перев.

³⁾ Вигилій себя самого и свои убѣжденія постыдно продалъ за деньги царицѣ Теодорѣ, супругѣ императора Юстиніана; изгнавши посредствомъ клеветы Сильверія, сталъ добиваться его каедры, на которую и былъ избранъ въ 540 году; причинивши много смутъ и волненій въ восточной и западной церкви, умеръ въ Сиракузахъ на обратномъ пути изъ Византіи въ Римъ отъ каменной болѣзни въ 555 г. О немъ см. въ I т. гл. III, поврежден. 27.

Прим. перев.

⁴⁾ О Пелагій см. т. I гл. IV, вѣкъ VI

⁵⁾ См. о немъ т. I, гл. I вѣкъ VI.

Прим. перев.

Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 697): „съ излишкомъ доказано, что дѣйствованіе Св. Троицы.—одно; оно вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что (въ ней) одна сущность.“ *Агафонъ* ¹⁾, папа Римскій, въ посланіи къ Императору, читанномъ на IV засѣданіи VI-го вселенскаго собора (т. VI Соборовъ, столб. 637): „тамъ, гдѣ говорится объ одной природѣ святой и нераздѣльной Троицы, должно понимать послѣдовательно и одну естественную волю, и одно естественное дѣйствованіе.“ *Толедскій VI Соборъ* (правило I т. V Соборовъ, столб. 1742) и *Толедскій XI Соборъ* (т. VI Соборовъ, столб. 544); также *Толедскій XVI Соборъ* (т. VI Соборовъ, столб. 1333) выражаются: „нераздѣльны дѣла Троицы.“ — *Дамаскинъ* въ I кн. „православной вѣры,“ въ главѣ VIII пишетъ: „признается одно дѣйствованіе въ трехъ совершенныхъ лицахъ.“ Такъ же онъ учитъ въ главѣ XI книги I; въ главѣ XIX кн. IV и въ гл. VI книги „о двухъ воляхъ и дѣйствованіяхъ въ Христѣ“ — и вездѣ въ другихъ сочиненіяхъ. *Беда* ²⁾ въ толкованіи на XVI гл. Іоанна (т. V твореній, столб. 567): „нераздѣльны суть дѣла Троицы“ и въ толкованіи на XXI гл. Дѣяній (т. V, столб. 660): „Духъ Св., равно какъ Отецъ и Сынъ, есть Господь и Богъ; и нельзя раздѣлять дѣйствованія тѣхъ, чья природа и воля—одна.“ Наконецъ, *Альбинъ Алкуинъ* въ вопросѣ XI говоритъ. „развѣ не раздѣльны дѣла Св. Троицы? Конечно, все что ни дѣлаетъ Богъ, всецѣло дѣлаетъ это Св. Троица нераздѣльно: ибо одно дѣйствованіе Св. Троицы такъ же, какъ одна сущность, природа и воля.“ — То же говорятъ и другіе.

И такъ,—въ виду того, что дѣла Божіи во внѣ общи всѣмъ тремъ лицамъ, а посланіе Св. Духа принадлежитъ къ числу внѣшнихъ дѣйствій Божіихъ, конечно, очевидно, что Духъ Св. не менѣе Самъ Себя посылаетъ или раздаетъ вѣрнымъ, чѣмъ посылается или подается Отцомъ, или Сыномъ. Это говоритъ само Св. Писаніе: „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ.“ И Апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ замѣчаетъ: „все это творить Одинъ и Тотъ же Духъ, удѣляя каждому, какъ хочетъ.“ Отсюда и *Августинъ* въ XV книгѣ „о Троицѣ“ въ гл. XIX говоритъ: „оттого, что Они

¹⁾ См. о немъ т. I, гл. IV, вѣкъ VII.

²⁾ См. о немъ въ I т. гл. III, поврежд. 37 и въ гл. IV, вѣкъ VIII.

даютъ, что Онъ дается, Онъ (Духъ Св.) не меньше Ихъ; Духъ Св., какъ даръ Божій, такъ дается, что и Самъ Себя даетъ, какъ Богъ. Нельзя назвать не имѣющимъ своей власти (не самостоятельнымъ) Того, о Комъ сказано: Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ; а также существуетъ заявленіе Апостола, выше мною уже приведенное: все это творитъ Одинъ и Тотъ же Духъ, удѣляя Свое каждому, какъ хочетъ.“ И *Беда* въ книгѣ „изъясненій на Дѣянія Апостоловъ“, на гл. X (т. VI, столбъ 20) говоритъ: „такъ дается Духъ Святыи, какъ даръ Божій, что Самъ Себя даетъ, какъ Богъ: Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ.“ И въ VI лѣтней бесѣдѣ о Святыяхъ (т. VII столб. III): „Отець посылаетъ Духа, Сынъ посылаетъ Духа, Духъ, гдѣ хочетъ, дышетъ: ибо, дѣйствительно, какъ мы сказали, одна воля и дѣйствованіе Отца, Сына и Св. Духа.“ И въ „зимней бесѣдѣ о святыяхъ на Богоявленіе Господне“ (т. VII, столб. 322): „Сынъ власть подавать людямъ Духа имѣетъ не меньше Отца: ибо, разумѣется, одна сущность въ божествѣ, нераздѣльно дѣйствованіе Отца и Сына и Того же Св. Духа. Именно—и о Самомъ Духѣ, — что Онъ по Своей волѣ приходитъ, куда хочетъ, по своей волѣ производитъ, что хочетъ, свидѣтельствуетъ Сынъ, говоря, какъ я замѣтилъ выше: Духъ, гдѣ хочетъ, дышетъ. Все это, говоритъ Апостоль, творитъ Одинъ и Тотъ же Духъ, удѣляя каждому, какъ хочетъ.“ *Альбинъ Алкуинъ* во II кн. „о Троицѣ“ въ гл. XIX, пишетъ: „такъ какъ Онъ одинаково дается Отцомъ и Сыномъ, то еще больше Самимъ Собою дается, какъ и говоритъ о Немъ Сынъ: Духъ, гдѣ хочетъ, дышетъ“.

Гаймонъ въ словѣ на недѣлю предъ отданіемъ праздника Вознесенія Господня говоритъ: „когда Духъ Св дается Отцомъ, дается и Сыномъ, и кому дается Сыномъ, дается и Отцомъ, ибо приходитъ Духъ Св. отъ Себя, т. е. по собственной волѣ, почему о Немъ Господь говоритъ въ другомъ мѣстѣ: Духъ, гдѣ хочетъ, дышетъ, т. е. какого чело-вѣка сердце захочетъ просвѣтитъ, просвѣщаетъ. И Павелъ, исчисливши дары Того же Духа, наконецъ вывелъ заключеніе: все это производитъ Одинъ и Тотъ же Духъ, удѣляя каждому, какъ хочетъ: ибо Онъ — одной сущности съ Отцомъ и Сыномъ.“ Затѣмъ также *Гинкмаръ*, архіепископъ Реймскій, хотя и защитникъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, въ книгѣ „о нетройномъ божествѣ“

повторяетъ приведенныя слова Альбина Алкуина (т. I стр. 422). Также и *Ратрамнъ*, монахъ Корбейскій, хотя ратовалъ за то же мнѣніе, въ I кн. „объ исхожденіи Св. Духа противъ восточныхъ“, въ гл. V (т. II Колосницы древнихъ писателей, стр. 11) говоритъ: „свидѣтельствуемъ Св. Евангеліе, что Духъ, гдѣ хочетъ, дышетъ. Что это значитъ: дышетъ? Разумѣется, что,—когда хочетъ и вездѣ, гдѣ хочетъ, изливаетъ Себя Самого. Будемъ же видѣть одно дѣйствование всей Троицы: Отецъ изливаетъ, Сынъ изливаетъ Духа Св., Духъ Св., дыша, гдѣ хочетъ, Себя Самого изливаетъ.“ Наконецъ, между другими и самъ *Ломбардъ*, когда началось уже раздѣленіе церквей (въ кн. I, раздѣлъ XV) писалъ: „отсюда нужно соображать: когда Духъ Св. дается людямъ Отцомъ и Сыномъ, что равносильно Его временному исхожденію отъ Того и Другого, или посланію,—Самимъ ли Собою Онъ также дается? Если Онъ дается Собою, то и исходитъ отъ Себя, или посылается Собою? Потому, что мы говоримъ, что Духъ Св. есть и Богъ, и даръ или данное, поэтому Онъ даетъ и дается: даетъ,—поскольку Онъ—Богъ, а дается,—поскольку Онъ—даръ и даваемое. А такъ какъ дарованіе или даваніе Духа Св. есть дѣйствование Бога, и дѣйствование трехъ лицъ—обще и нераздѣльно: то даруется Духъ Св. не только Отцомъ и Сыномъ, но также и Самимъ Собою.“—И указавъ слова Августина, нами выше приведенныя, онъ продолжаетъ: „ибо если Духъ Св. не можетъ дать Самого Себя, а можетъ дать Его Отецъ и Сынъ,—то такимъ образомъ Отецъ и Сынъ могутъ дать нѣчто, чего не можетъ дать Духъ Св.—Также:—если Отецъ и Сынъ даютъ нѣчто, а Духъ Св. не даетъ,—значитъ, Отецъ и Сынъ творятъ нѣчто, чего не творитъ Духъ Св. И такъ, Духъ Св. даетъ Себя Самого. Если же Онъ даетъ Себя Самого, тогда и исходитъ и посылается отъ Себя Самого, что, конечно, вѣрно. Ибо временное исхожденіе Духа Св. или посланіе Его—есть дарованіе, а оно есть дѣйствование Бога. Слѣдовательно, исходитъ Духъ Св. временно отъ Себя и посылается Собою, потому что дается Собою.“

ОТВѢТЪ VI.

Равнымъ образомъ, такъ какъ посланіе Сына, что для всякаго очевидно, есть одинаково вѣщнее дѣло Бога,—дѣйствования же Божіи во вѣкъ суть нераздѣльны, то слѣдуетъ сказать, что Сынъ

Божій Самъ Себя послалъ въ этотъ міръ. Опять-таки этому учать Св. Отцы и точно такъ же иногда упоминають приведенное основаніе, при чемъ доказываютъ это, кромѣ того, словами Св. Писанія, что Сынъ Божій Самъ Себя отдалъ за міръ. *Амвросій* въ III кн., гл. II „о Духъ Свягомъ“ (т. IV твореній, столб. 255) пишетъ: „пророкъ, не опредѣляя, къмъ данъ (Сынъ Божій), показываетъ этимъ, что Онъ данъ благодатию Троицы; а такъ какъ Сынъ Самъ Себя далъ, то, конечно, Онъ не могъ Самъ Себѣ быть подчиненнымъ по божеству“. *Идакій Кларъ* въ кн. противъ Варимунда (т. IV Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 622) говоритъ: „развѣ послѣ столь многочисленныхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ Сынъ объявляетъ Себя Богомъ Самимъ по Себѣ, ты можешь сказать, что Онъ пришелъ отъ другого, а не отъ Себя Самого? Между тѣмъ ясно, что Тотъ, Кто снизошелъ до принятія нашей плоти, пришелъ по Своей волѣ, а не будучи посланъ другимъ“. Эти же слова приводятся и въ I посланіи Римскаго епископа *Гигина*, измышленномъ *Исидоромъ Меркаторомъ* (т. I Соборовъ, столб. 566). *Августинъ* въ XX гл. III книги „противъ Максимиана, епископа Аріанъ“ (т. VI твореній, листъ 240) говоритъ: „не такъ (Сынъ Божій) былъ посланъ, что бы не послалъ Самого Себя,— такъ какъ Онъ объявляется преданнымъ Отцомъ, когда говорится: Который Сына Собственнаго не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ. Въ другомъ же мѣстѣ говорится о Самомъ Сынѣ: Который меня возлюбилъ и предалъ Самого Себя за меня“. Въ особенности же *Августинъ* объ этомъ ведетъ рѣчь во II кн. „о Троицѣ“, гл. V: „можетъ быть, кто-нибудь принуждаетъ насъ сказать, что Сынъ также посланъ и Самимъ Собою: ибо зачатіе и рожденіе Маріи есть дѣйствованіе Троицы, твореніемъ Которой все создается. Но какъ же, говоритъ онъ, Отецъ Его послалъ, если Онъ Самъ Себя послалъ? Такому я прежде всего отвѣчаю, требуя сказать, если онъ можетъ, какимъ образомъ Отецъ освятилъ Его, если Онъ Самъ Себя освятилъ? Ибо то и другое говоритъ Господь: про Того, Котораго Отецъ, говоритъ Онъ, освятилъ и послалъ въ этотъ міръ, вы говорите, что Онъ богохульствуетъ, такъ какъ Я сказалъ: Я Сынъ Божій. А въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: и за нихъ Я свящу Себя Самого. Также спрошу, какимъ образомъ Отецъ предалъ Его, если Онъ Самъ

Себя предаль? А между тѣмъ то и другое говорить Апостоль Павелъ: Который, говорить, Собственнаго Сына не пощадилъ, но предаль Его за насъ всѣхъ. Въ другомъ мѣстѣ о Самомъ Спасителѣ онъ (Павель) говорить: Который меня возлюбилъ и предаль Себя Самого за меня. Я думаю, онъ отвѣтитъ, если хорошо это понимаетъ: потому что одна воля Отца и Сына и дѣйствованіе Ихъ нераздѣльно. Пусть такъ именно понимаетъ онъ, что воплощеніе и рожденіе отъ дѣвы, въ которомъ Сынъ мыслится посланнымъ, совершенно нераздѣльно однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ Отца и Сына. Ибо, если такъ станемъ спрашивать, то, можетъ быть, яснѣе покажется то, что мы говоримъ, какимъ образомъ послалъ Богъ Сына Своего? Приказалъ ли Ему придти, и Онъ, повинуясь повелѣнію, пришелъ, или просилъ, или только посовѣтовалъ? Но что бы ни было въ этомъ случаѣ, оно выражено было словомъ, а Слово Божіе и есть Самъ Сынъ Божій. Поэтому, когда Отецъ послалъ Его словомъ, то посланіе Его совершено Отцомъ и Словомъ Его. Слѣдовательно, Отцомъ и Сыномъ посланъ Тотъ же Сынъ, такъ какъ слово Отца есть Самъ Сынъ. Кто же проникнется столь нечестивымъ мнѣніемъ, что подумаетъ, будто Отцомъ создано было временное слово для того, что бы посланъ былъ вѣчный Сынъ и что бы Онъ явился во плоти отъ времени? Но, конечно, въ самомъ словѣ Бога, которое было изначала у Бога и было Богомъ, т. е. въ самой мудрости Божіей безъ времени было то, въ какое время она должна была явиться во плоти. Поэтому, такъ какъ безъ всякаго временнаго начала, въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и Слово было Богомъ; то безъ всякаго времени въ самомъ словѣ заключалось, въ какое время Слово станетъ плотью и станетъ обитать въ насъ. Когда пришло это исполненіе времени, послалъ Богъ Сына Своего, явившагося отъ жены, т. е. явившагося во времени, для того что бы воплощенное Слово явилось людямъ,—то Слово, которое было безъ времени въ самомъ словѣ, что бы стать во времени. Ибо порядокъ временъ въ вѣчной премудрости Божіей находится безвременнымъ. И такъ, когда Отцомъ и Сыномъ сдѣлано было то, что бы Сынъ явился во плоти, то согласно съ этимъ названъ посланнымъ Тотъ, Кто появился во плоти; а послалъ Его Тотъ, Кто въ ней не явился. Ибо то, что произво-

дится во внѣ предъ тѣлесными глазами, исходитъ изъ внутренняго приготовленія духовной природы и поэтому справедливо называется посланнымъ. Эта же форма воспринятаго человѣка есть лицо Сына, а не также и Отца. Вотъ почему невидимый Отецъ вмѣстѣ съ Сыномъ, такъ же, какъ и Онъ, невидимымъ, пославши Того же Сына видимаго, названъ пославшимъ Его; а Этотъ Послѣдній, если бы сталъ видимымъ такимъ образомъ, чтобы перестать быть невидимымъ вмѣстѣ съ Отцомъ, т. е., если бы невидимая сущность Слова, измѣнившись и перейдя, обратилась въ видимую тварь, такъ понимался бы Сыномъ, посланнымъ Отцомъ, что оказался бы только посланнымъ, а не также и посылающимъ вмѣстѣ съ Отцомъ. — Когда же такъ воспринять образъ раба, что остался неизмѣннымъ образъ Бога, ясно, что то, что совершено Отцомъ и Сыномъ невидимыми, явилось въ Сынѣ, т. е. невидимымъ Отцомъ вмѣстѣ съ невидимымъ Сыномъ посланъ Тотъ же Сынъ видимымъ. И такъ почему говорить: и отъ Себя Самого Я не пришелъ? Это уже сказано сообразно съ образомъ раба, по которому (также) сказано: Я никого не сужу. — Тоже говоритъ Августинъ и въ изслѣдованіи на LXV псаломъ. — *Евсевій Эмиссенскій* въ словѣ на третій день послѣ IV воскресенія (т. V, ч. I Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 654) говорить: „что же значать слова: кто послалъ меня, какъ не Тотъ, Кто пожелалъ, что бы Я сталъ человѣкомъ и принялъ плоть? Но это дѣйствованіе всей Троицы, а не только Отца“. — *Беда* въ толкованіи на посланіе къ Римлянамъ, къ гл. VIII (т. IV твореній, столб. 170) пишетъ: „сказано Апостоломъ: возлюбившій меня и предавшій Самого Себя за меня. Сказано объ Отцѣ: Который не пощадилъ Собственнаго Сына, но предалъ Его за насъ всѣхъ. И такъ, если Отецъ предалъ Сына и Сынъ Самого Себя предалъ, то что сдѣлалъ Іуда? Отецъ, предавая на смерть Сына за насъ, сдѣлалъ благо; Христосъ, предавая Себя Самого за насъ, сдѣлалъ благо“. — *XI Толедскій Соборъ* (т. VI Соборовъ, столб. 544) выражается: „Спаситель понимается также посланнымъ Самимъ Собою потому, что признается нераздѣльною не только власть, но и дѣйствованіе всей Троицы“. *Еверій и Беатъ* „противъ Елипанда“, кн. I въ концѣ (т. VIII Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 358): „такъ какъ одна воля и одна власть Отца и Сына и Св. Духа, — то и Отецъ послалъ Сы-

на, въ отношеніи чего Онъ ниже (меньше), и Сынъ Самъ Себя послалъ, въ отношеніи чего Онъ—равень (Отцу)“. То же говоритъ и *Ломбардъ* въ I кн. „мѣстнѣй“. разд. XV.

И такъ, если Сынъ послалъ также Самъ Себя, то равнымъ образомъ, конечно, слѣдуетъ, что и Духъ Св. Самъ Себя послалъ, или же — что Онъ не имѣетъ одинаковой власти и силы съ Сыномъ, что не возможно. Опять—какое можно допустить основаніе, по которому Сынъ послалъ бы Самого Себя, а Духъ не послалъ бы Самого Себя? Конечно, нѣтъ никакой возможности выставить здѣсь основаніемъ Ихъ неравенство: ибо какъ посланіе Сына Божія, такъ и посланіе Духа Св. совершено во времени и относится къ тварямъ, т. е. причисляется къ внѣшнимъ дѣламъ Божиимъ. И затѣмъ съ неменьшимъ основаніемъ можно сказать, что Духъ Св. Самъ Себя далъ или изліялъ, нежели, какъ говоритъ Писаніе, что Сынъ Самъ Себя предалъ за насъ. Наконецъ,—Августинъ, Евсевій, Толедскій Соборъ и Еверій съ Беатомъ учили, что Сынъ также Самъ Себя послалъ, потому, что дѣйствование Троицы—одно. По той же, слѣдовательно, причинѣ, такъ какъ посланіе Духа Св. есть равно дѣйствование Бога во внѣ, то отсюда съ необходимостью вытекаетъ, что посланіе Духа Св. есть дѣйствование Троицы и что поэтому Духъ Св. Самъ Себя посылаетъ. Если же, какъ теперь доказано, Духъ Св. Самъ Себя изливаетъ, даетъ, посылаетъ, то, спрашивается, какимъ образомъ Латиняне могли допустить выводъ: кѣмъ кто посылается, тѣмъ и производится? Ужъ не сталъ ли бы, наконецъ, Духъ Св. причиной и началомъ Самого Себя и уже для Латинянъ не оказалось ли бы мало Отца и Сына? Далѣе,—если, какъ доказано, Сынъ также посылаетъ Самъ Себя,—то, значить, и Сынъ становится родителемъ и Отцомъ Самого Себя?—И такъ совершенно ложно положеніе, что божественное лицо (ипостась) съ необходимостью происходитъ отъ того, кѣмъ посылается.

Но приводятъ въ качествѣ возраженія слова *Аванасія* въ словѣ противъ Савеліанъ: „если—одно лицо, то почему одно посылаетъ, а другое посылается?“ Подобное же выраженіе употребляетъ *Епифаній* въ LXV ереси противъ Новатіанъ. Но въ этомъ случаѣ Отцы разумѣютъ тѣ мѣста Писанія, гдѣ упоминается объ одномъ, какъ посылающемъ, и о другомъ, какъ посылаемомъ,—гдѣ, понятно, по-

сылающій и посланный вовсе не одно лицо. Однако развѣ отсюда слѣдуетъ, что посылающій и посланный непременно всегда должны быть двумя лицами? Конечно, когда Апостоль говоритъ: „Который Собственнаго Сына не пощадилъ, но предалъ Его за насъ всѣхъ“, то, такъ какъ здѣсь упоминается объ одномъ, какъ предающемъ, и о другомъ, какъ предаваемомъ, отнюдь предающій и предаваемый не могутъ быть однимъ лицомъ. Однако въ другомъ мѣстѣ Св. Писаніе говоритъ: „Который меня возлюбилъ и Самого Себя предалъ за меня“. И такъ, развѣ потому только, что въ первомъ свидѣтельствѣ Апостола предающій и предаваемый не могутъ быть однимъ лицомъ, такъ какъ одинъ предавалъ, а другой предавался, то и во второмъ свидѣтельствѣ нужно принимать два лица въ предающемъ и предаваемомъ? Нелѣпость: ибо не въ двухъ, а въ одного Христа вѣруемъ мы—христіане. Слѣдовательно, съ равнымъ основаніемъ можно правильно сказать о Духѣ Св., что Онъ Самъ Себя послалъ, и по той же причинѣ приведенныя слова Отцовъ нисколько не противорѣчатъ этому ученію. Дѣло здѣсь такъ очевидно и приведенное свидѣтельство Апостола дѣлаетъ его столь несомнѣннымъ, что излишне подробнѣе останавливаться на его выясненіи.

Выставляютъ еще въ качествѣ возраженія слова *Василія Великаго* изъ V кн. „противъ Евномія“: „конечно, Духъ Св. Самъ Себя не посылаетъ. Посланіемъ же называется выходъ на дѣло, а не переходеніе съ мѣста на мѣсто“. Но смыслъ словъ *Василія* таковъ: Духъ Св. Себя Самого, т. е. Свое божество, къ намъ не посылаетъ, такъ какъ Онъ, по своему божеству присутствуя вездѣ, не могъ послать Себя никуда, гдѣ бы Онъ не присутствовалъ. Что Духъ Св. не посылается въ такомъ именно смыслѣ, мы ниже услышимъ ясно выраженное ученіе *Іоанна Златоустаго, Кирилла Александрійскаго, Автора*, „сокращенія противъ Аріанъ“, изданнаго іезуитомъ Сирмондомъ, *Аммонія* и *Северіана*. Поэтому-то и *Василій* также прибавляетъ: „но подѣ посланіемъ Духа Св. разумѣется исходъ на дѣло, а не переходеніе съ мѣста на мѣсто“, обозначивъ этимъ, конечно, что потому Духъ Св. Себя Самого, т. е. Свое божество, послать не можетъ, что „посланіе Его знаменуетъ исходъ на дѣло, а не переходеніе съ одного мѣ-

ста на^с другое^с. Разумѣтся, такъ какъ Духъ Св. вездѣсущъ, то упомянутый исходъ Св. Духа состоитъ въ томъ, что Онъ, и до того времени вездѣ пребывающій, начинаетъ сообщать вѣрующимъ Свои благодатные дары.

Наконецъ, возражаетъ нѣкій иезуитъ: ¹⁾ „слѣдуетъ спросить, — что значать эти положенія: Духъ Св. есть, или исходитъ внѣшнимъ образомъ (ab extra) отъ Сына, или черезъ Сына? И если скажутъ, что это то же, что—посланъ, или данъ людямъ; то отсюда слѣдуетъ заключить, что, такъ какъ они (православные) сами говорятъ: Духъ Св. посылается также и дается Собою, они должны также говорить: Духъ Св. есть или исходитъ отъ Себя, или черезъ Себя, подобно тому какъ говорится: есть отъ Сына, есть отъ Обоихъ, исходитъ отъ Отца и Сына, или черезъ Сына; производится Отцомъ черезъ Себя такимъ образомъ, какъ, по выраженію Св. Дамаскина, Онъ производится Отцомъ черезъ Слово. Нелегко будетъ извлечь эту загвоздку. Между тѣмъ однако въ богословіи католической церкви это выраженіе объясняется весьма легко, такъ какъ она учитъ вмѣстѣ съ Св. Василиемъ Великимъ, что (въ выраженіи) исходитъ отъ Бога (нужно понимать) исходитъ не во времени, хотя дѣйствіе Его является и во времени, и исхожденіе, или лучше—посланіе во внѣ всегда предполагаетъ въ посылающемъ лицѣ силу изначальную (principativam), потому-то никогда не говорится: Отецъ посылается, или дается, — ибо Онъ есть начало безъ начала“. Такъ рассуждаетъ иезуитъ.

Но, прежде всего, сами Латиняне выраженіе: Духъ Св. исходитъ во внѣ отъ Сына, или черезъ Сына, понимаютъ не иначе, какъ—Духъ Св. посылается, или дается Сыномъ: таковъ именно ясный и прямой смыслъ этихъ словъ, и ничего другого они не означаютъ. Изъ того же, что о Духѣ Св. говорится, что Онъ Самъ Себя посылаетъ, сами Латиняне выводятъ заключеніе, что Духъ Св. отъ Самого Себя есть, исходитъ во внѣ, какъ мы видѣли выше въ IV^о отвѣтѣ на примѣрѣ *Ломбарда* Между тѣмъ мы, хотя признаемъ, что слово — исхожденіе (processio) нѣкоторыми Латинянами неправильно принимается въ смыслъ временнаго посланія; но никоимъ образомъ не утверждаемъ,

¹⁾ Циховій, вопр. VI, стр. 69.

что въ собственномъ и принятомъ католическою церковью значеніи такъ можетъ быть понимаемо слово исхожденіе, а утверждаемъ, что имъ обозначается только способъ существованія (бытія) Св. Духа отъ Отца. И поэтому мы отнюдь не утверждаемъ, какъ думаетъ іезуитъ, что когда Св. Отцы употребляютъ слово ἐκπορεύεσθαι или исходить, т. е. когда учатъ, что Духъ исходитъ отъ Отца черезъ Сына, то это нужно понимать въ отношеніи Сына—во внѣ, какъ мы объ этомъ будемъ вести рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Поэтому также пеумѣстно приведенное свидѣтельство Дамаскина, утверждающаго, что Духъ Св. производится Отцомъ черезъ Сына. Слѣдовательно остается только вытащить загвоздку, которую іезуитъ вбилъ въ качествѣ возраженія: „если Духъ Св. Самъ Себя посылаетъ, то равнымъ образомъ Духъ Св. есть (происходитъ) изъ Самого Себя“. И загвоздку эту легко извлечь. Именно—когда вслѣдствіе посланія Духа Св. Сыномъ Духъ называется Св. Отцами происходящимъ (сущимъ) отъ Сына, то смыслъ этого выраженія, конечно, тотъ, что Духъ Св. есть (происходитъ) отъ Сына, т. е. данъ намъ Сыномъ, какъ мы подробно это доказали въ главѣ, посвященной разрѣшенію возраженій, взятыхъ изъ восточныхъ Отцовъ, именно по поводу словъ Кирилла Александрійскаго: истинно-ли Духъ Св. называется изливающимъ, дающимъ Себя Самого намъ. Слѣдовательно, Духъ Св. истинно называется происходящимъ (сущимъ) изъ Себя, т. е. намъ подаваемымъ. И въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ во II гл. Петръ повторяетъ слѣдующія слова Юлія: „и будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, и изолью отъ Духа Моего на всякую плоть“. Такъ какъ Духъ Св. Самъ Себя добровольно изливаетъ, а здѣсь говорится, что Богъ изливаетъ отъ Духа Св., то необходимо заключить, что Духъ Св. одинаково изливаетъ, конечно, отъ Себя, или изъ Себя. Справедливо поэтому Духъ Св. называется происходящимъ (сущимъ) изъ Себя, т. е. намъ даннымъ.

Относительно же замѣчанія іезуита, „что посланіе во внѣ всегда предполагаетъ силу изначальную или начальственную (*vim principiativam, vim principiandi*) въ лицѣ посылающемъ“, поговоримъ подробно ниже. Но совершенно ложно, что чему нибудь подобному училъ Василій Великій. Словъ приведенныхъ, или мѣста, гдѣ они находятся іезуитъ не указываетъ; но лучше онъ не могъ спрятаться

и прикрыть свою ложь. Однако, если бы онъ хотѣлъ, что бы мы отвѣтили ему на остальные выставленныя имъ слова Василія Великаго, именно,—„что исходить отъ Бога, не исходить во времени, хотя дѣйственность его является во времени“, то долженъ бы былъ отмѣнить самое мѣсто Василія, что бы можно было, разсмотрѣвши и разобравши основательно это мѣсто, обсудить, какой смыслъ заключается въ немъ. Хотя эти слова, такъ просто приведенныя, допускаютъ также совсѣмъ православное толкованіе, но ни въ какомъ смыслѣ изъ нихъ нельзя вывести заключеній, полезныхъ для мнѣнія Латинянъ.

ОТВѢТЪ VII.

Но, затѣмъ, и Сынъ посылается Духомъ Св. И это посланіе Сына есть именно дѣло виѣшнее (*ad extra*),—а дѣла виѣшнія, согласно съ тѣмъ, что мы выше привели, общи каждому изъ трехъ лицъ. Самъ Сынъ Божій у Исаи¹⁾ говоритъ: „вотъ Господь и Духъ Его послали Меня“. Передъ этимъ же Богъ говоритъ: „Я Богъ первый, Я и послѣ этого, и, кромѣ Меня, нѣтъ Бога“. И затѣмъ: „Я рукою Моею основалъ землю, и Духъ Мой утвердилъ небо, Я повелѣваю всѣмъ звѣздамъ. Я воздвигъ праведно Царя, и всѣ пути Мои прямы“. И вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: „вотъ Господь, и Духъ Его послалъ Меня“. Говоритъ это, слѣдовательно, Сынъ Божій: ибо Отецъ не посылается; да и въ послѣдующихъ словахъ ясно указывается, что это сказалъ Спаситель: „это сказалъ Господь Твой Искушитель, святой Израиль“. У Луки, въ главѣ IV, Самъ Спаситель приводитъ слова пророка, какъ о Немъ сказаннаго: „Духъ Господень на Миѣ; поэтому помазалъ Меня, благовѣствовать нищимъ послалъ Меня“.

Такъ же учать въ общемъ согласіи и Св. Отцы. Вотъ что они говорятъ:

Оригенъ во II томѣ изысканій (*ἐξήγητικῶν*) на Іоанна, стр. 57: „у Исаи Христосъ признается посланнымъ не Отцомъ только, но и Св. Духомъ. Онъ говоритъ: и нынѣ Господь послалъ меня и Духъ Его“.

¹⁾ Гл. XXXX, VIII, ст. 12—17.

Аванасій „о пресв. Богородицѣ“ (т. I, стр. 1039): „и прежде всего у Исаи Самъ посланный говорить: слушай: Я первый, и Я во вѣки, и рука Моя основала землю, и десница моя утвердила небо. И являясь во время дѣйствованія, прибавляетъ, говоря; и нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его. Ясно этимъ Онъ указываетъ на Самого Себя, и, заявляя, что это Онъ Самъ—Богъ, сотворившій небо и землю, говорить: и нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его“.

Слова Василия Великаго изъ III кн. противъ Евномія, сюда относящіяся, приводимъ ниже.

Амеросій въ III кн. «о Духѣ Святомъ», въ гл. I (т. IV творений, столб. 255): «нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его. Кто же это говорить: послалъ Меня Господь и Духъ Его, какъ не Тотъ, Кто пришелъ отъ Отца спасать грѣшниковъ?—Котораго, какъ ты слышишь, и Духъ послалъ, что бы ты, когда читаешь, что Сынъ посылаетъ Духа, не подумалъ, что Духъ обладаетъ меньшею властью. И такъ,—и Отецъ послалъ Сына, и Духъ; также и Духа послалъ Отецъ и Сынъ; слѣдовательно, если Сынъ и Духъ взаимно посылаютъ Другъ Друга подобно тому, какъ посылаетъ Отецъ, то это не есть унижительное подчиненіе, а общность власти». И во II главѣ: «данъ (Сынъ Божій), осмѣливаюсь сказать, и Духомъ, потому что Онъ посланъ Духомъ». И во II кн. „о вѣрѣ“, гл. IV (т. IV творений, столб. 138): „и обрати вниманіе, что Господь Нашъ Иисусъ Христосъ у Исаи сказалъ, что Онъ посланъ Духомъ Св.—И такъ развѣ Сынъ меньше Духа, потому что посланъ Духомъ? Такимъ образомъ написано, что Сынъ называетъ Себя посланнымъ Отцомъ и Духомъ Его: Я, говорить, первый, и Я во вѣки, и рука Моя основала землю, десница Моя скрѣпила небо. И ниже: Я сказалъ, Я призвалъ, привелъ его и сдѣлалъ счастливымъ путь его. Придите ко мнѣ и услышите это: не скрытно Я говорилъ въ началѣ,—когда совершилось, Я былъ тамъ. И нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его.—Конечно,—посланъ Я Господомъ и Духомъ Его,—сказалъ Тотъ, кто Самъ сотворилъ небо и землю. И такъ смотрите, тутъ простота рѣчи, а не унижительное посланіе. Онъ Самъ посланъ Отцомъ, посланъ Духомъ“.—*Идакій Кларъ въ кн. противъ Варимунда* (т. IV Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр.

635): „подобно тому какъ Самъ Сынъ Божій послалъ Духа ученикамъ, такъ и Онъ былъ посланъ Духомъ, что Онъ пророчески предвозвѣстилъ черезъ Исаію, говоря: Духъ Господа на Мяѣ, поэтому помазалъ Меня, благовѣстити ницѣмъ послалъ Меня, проповѣдывать свободу плѣннымъ, слѣбнымъ прозрѣніе“.

Иеронимъ въ толк. на XLVІІІ гл. Исаіи (т. IV твореній, столб. 338): „чтобы это возвѣстити, называетъ себя пророкъ посланнымъ Господомъ и Духомъ Его. Такъ выходитъ у Евреевъ и по ихъ мнѣнію. Однако по Симмаху, который истолковалъ: кто это возвѣстилъ тому, котораго Господь возлюбилъ и который совершилъ волю Его въ Вавилонѣ, и согласно выраженію семидесяти: τὸ ἄρα σπέρμα Χαλδαίων, т. е. чтобы уничтожить сѣмя Халдеевъ,—это относится къ лицу Господа, Который истинно возлюбленъ Отцомъ и Который совершилъ всю волю Отца и уничтожилъ въ Вавилонѣ, т. е. въ смѣшеніи міра, сего всякое сѣмя Халдеевъ, подъ которыми разумѣются демоны.—И нынѣ Онъ говоритъ: Я, всегда бывший съ Отцомъ и въ Отцѣ и никогда не бывший безъ Отца, и теперь говорю, и говорю сообразно брѣнности принятой Мною плоти, что Господь Богъ послалъ Меня и Духъ Его.—И въ краткомъ стихѣ показываетъ намъ таинство Троицы“.—*Иоаннъ Златоустъ* въ бесѣдѣ „о святомъ и поклоняемомъ Духѣ“ въ концѣ (т. VI твореній, греко-латинское изданіе, стр. 225): „а если я тебѣ докажу, что Творецъ неба и земли посланъ Духомъ Св., что ты скажешь? Или откажись отъ Христа, или отвергни Писанія, или, рабъ Писаній, повинуйся имъ. И гдѣ, говоритъ, сказано это? Слушай Бога, говорящаго черезъ пророка Исаію, провозвѣстника истины: слушай Меня, говоритъ Онъ, Іаковъ и Израиль, что Я стану говорить. Я Богъ первый, Я и послѣ сего, и, кромѣ Меня, нѣтъ Бога. Внимай и остальному, что здѣсь изслѣдуется. Кто тутъ говоритъ: Отецъ, или Сынъ? Смотри, какъ прямо провозглашаетъ Онъ Троицу въ образѣ монархіи: Я—Богъ первый, Я и послѣ сего, и, кромѣ Меня, нѣтъ Бога. Кто это говоритъ? Творецъ міра. Ибо Онъ присовокупляетъ: Я рукою Своею основалъ землю. Смотри, какъ (далее) говоритъ *Звѣздитель*: и Духъ Мой утвердилъ небо. Я приказалъ всѣмъ звѣздамъ, Я воздвигъ праведно Царя, и всѣ пути мои прямы. Самъ Себя назвалъ Творцомъ и Звѣздителемъ неба и земли Затѣмъ Онъ

говорить слѣдующее:—Я съ самаго начала не говорилъ вамъ этого прикровенно и не въ темномъ мѣстѣ. Сказалъ: основалъ землю и сотворилъ небо; когда созданы были они, Я тамъ былъ; и нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его... Тебя, Который создалъ небо и землю, Который далъ приказъ звѣздамъ, Тебя послалъ Господь и Духъ Его.—Творецъ неба и земли говоритъ: Господь послалъ Меня и Духъ Его“.—*Августинъ*, помимо того, что такъ же учитъ въ словѣ VI „о времени“, во II кн. „о Тройцѣ“, въ V гл. книги „противъ рѣчи Аріанъ“, въ гл. XXI и въ III кн. „противъ Максимиана аріанина“, выражается слѣдующимъ образомъ въ XIX гл. книги „противъ рѣчи Аріанъ“: „черезъ пророка указывается, что и Отецъ и Духъ Св. послали Сына. Ибо кто, какъ не Сынъ, предвозвѣщая черезъ Исаію Свое пришествіе, говоритъ: слушайте Меня, Іаковъ и Израиль, кого Я назову: Я—первый, и Я—во вѣки, и рука Моя основала землю, и десница Моя утвердила небеса; призову ихъ, и предстанутъ вмѣстѣ, и сойдутся всѣ и услышатъ, кто имъ возвѣстилъ это? Возлюбивъ Тебя, Я совершилъ волю Твою надъ Вавилономъ, что бы уничтожить сѣмя Халдеевъ. Я говорилъ, Я привелъ его и сдѣлалъ благополучнымъ путь его. Приходите ко Мнѣ и слушайте; Я и съ самаго начала не говорилъ темно. Когда совершалось, Я былъ тамъ; и теперь Господь Меня послалъ и Духъ Его.—Что можетъ быть очевиднѣе? Вотъ Онъ Самъ говоритъ, что посланъ Духомъ Св.,—Онъ, основавшій землю и утвердившій небо. Здѣсь нужно признать Единороднаго, черезъ Котораго все создано“. *Авторъ* „сокращенія противъ Аріанъ“ (между догматическими статьями пяти древнихъ писателей, изданными іезуитомъ Іаковомъ Сирмондомъ въ Парижѣ въ 1630 г., на стр. 107): „но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: потому (Духъ Св.) ниже (меньше), что называется посланнымъ? А что скажетъ онъ, когда прочитаетъ у пророка Исаіи сказанное отъ лица Христа, Который говоритъ: Господь послалъ Меня и Духъ Его. Какимъ образомъ можно счесть меньшимъ Того, Кто признается посланнымъ для нашего освобожденія Бога, какъ равный Отцу,—и не только посланнымъ, какъ сказано у Исаіи, но и сотворившимъ по плоти?“

Авторъ „вопросовъ изъ ветхаго и новаго Завѣта“ (между твореніями Августина, т. V вопр. ХСVII): „читаемъ у Исаіи, что

говорить Господь: Я—первый, и Я—во вѣки, и рука Моя основала землю, и десница Моя утвердила небо. Когда они произошли,—Я тамъ былъ; и нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его. Кто это, по твоему, основалъ землю? Самъ Онъ говоритъ, что Онъ былъ посланъ. Развѣ это Отецъ? Никкимъ образомъ. Слѣдовательно это—Сынъ, Который называетъ Себя посланнымъ Богомъ и Духомъ Св. Вотъ и равенство между Сыномъ и Духомъ Св. Ибо какъ Духъ Св. называется посланнымъ Отцомъ и Сыномъ, такъ и Христосъ посланъ Отцомъ и Св. Духомъ.“

Евсевій ¹⁾ *Эмиссенскій* въ словѣ на третій день (*feria*) послѣ IV воскресенія (т. V, ч. I Кельнской библиотеки Отцовъ стр. 654): „что значать слова: Кто послалъ Меня, какъ не Тотъ, Кто пожелалъ, чтобы Я сталъ человѣкомъ и принималъ плоть? Это дѣйствование всей Троицы, а не одного только Отца.“

Цереалисз ²⁾, епископъ Африканскій, въ кн. противъ Максимиана, въ III гл. (т. V Кельнской библиотеки Отцовъ, ч. III, стр. 647): „и Духъ Св. послалъ Сына Божія, какъ написано у пророка Исаи собственными Его словами: и нынѣ, говоритъ онъ, Господь послалъ Меня и Духъ Его.“

Пасхазій ³⁾ въ I кн. „о Духѣ Св.“ гл. VII (т. V Кельнской библи. Отцовъ, стр. 736): „и нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его. Слѣдовательно, иной въ лицѣ Господь Отецъ, иной—Духъ Бога Отца. И такъ, когда мы читаемъ, что Сынъ посылается Отцомъ и Духомъ Св., то, очевидно, открывается, что Духъ Св. существуетъ подъ именемъ трехъ лицъ Самъ по Себѣ.“

Авторъ книгъ „объ единомъ божествѣ Троицы“ въ III книгѣ (между твореніями *Аванасія*, т. II, стр. 562): „помни, что эта сила природы посылающаго (Христа) и посланнаго (Духа Св.) взаимна, такъ какъ оказывается, что Послѣдній, Который теперь посылается, уже раньше Самъ послалъ посылающаго. И наконецъ прими Бога, свидѣтельствующаго черезъ Св. Исаио о Сынѣ Божіемъ: придите ко Мнѣ и слушайте вотъ что: съ самаго начала Я не говорилъ

¹⁾ См. о немъ т. I, гл. III поврежд. XXV.

²⁾ Епископъ Кастулонскій ок. 487 г.: вель публичное состязаніе въ Карвагенѣ съ Аріанскимъ епископомъ Максиминомъ.

³⁾ См. о немъ I т., IV гл., вѣкъ V.

скрыто; когда совершалось, Я тамъ былъ, и нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его. И такъ знай, что божество природы посылающаго и посланнаго нѣкогда было—одно, такъ какъ Тотъ, Кто теперь въ евангеліи засвидѣтельствовалъ о Себѣ, что пошлетъ Духа Утѣшителя, Самъ уже былъ посланъ Имъ, какъ исповѣдалъ славный Исаія.“

Фульгенцій ¹⁾ во II кн. къ Мониму, въ гл. VI (т. VI Кельнской библ. Отцовъ, стр. 24): „если нужно считать посылающаго могущественнѣе посланнаго, то пусть узнаютъ, что ихъ ложь въ этомъ (случаѣ) побѣждена: ибо какъ мы читаемъ, что Духъ Св. посланъ Отцомъ и Сыномъ, такъ и Сынъ оказывается посланнымъ Отцомъ и Духомъ.—Но и въ другомъ мѣстѣ того же пророка Онъ указываетъ на Свое посланіе Господомъ и Духомъ Его слѣдующими словами: и нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его. Слѣдовательно, Отцомъ и Духомъ посланъ былъ Сынъ, и Отцомъ и Сыномъ посланъ Духъ.“

Анастасій Синаитъ въ I кн. „о догматахъ вѣры“ (т. VI Кельнской библ. Отцовъ, стр. 696): „мы знаемъ, что Самъ Сынъ посланъ былъ не только Отцомъ, но и Духомъ Св., какъ Самъ Онъ сказалъ черезъ Исаію: и нынѣ Господь послалъ меня и Духъ Его.“

Исидоръ ²⁾, епископъ Гиспаленскій, въ кн. I, гл. XV „мнѣній“: „Христосъ свидѣтельствуетъ о Себѣ, что Онъ посланъ не только Отцомъ, но также и Духомъ Св., словами пророка: придите ко Мнѣ и слушайте вотъ что: Я изначала не говорилъ скрыто; прежде чѣмъ стало отъ времени, Я былъ тамъ. И теперь Господь послалъ Меня и Духъ Его.“ То же говоритъ Исидоръ и въ книгѣ „о рождествѣ Господа“, въ гл. IV.

Толедскій XI Соборъ (т. VI Соборовъ столб. 544): „должно вѣровать, что Сынъ посланъ не только Отцомъ, но и Духомъ Св., потому что Онъ Самъ говоритъ черезъ пророка: и нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его.“

Гильдефонсъ ³⁾ въ X гл. книги „о дѣвствѣ Маріи“ (т. VII Кельнской библ. Отцовъ, стр. 429): „ты, не вѣрившій каждому въ

¹⁾ См. о немъ т. I, гл. IV, вѣкъ VI.

²⁾ О немъ упоминалось въ т. I, гл. III, поврежд. XXXIII.

³⁾ Испанецъ, епископъ Толедскій, умеръ въ 657 г.

отдѣльности лицу говорящему, вѣрь той же нераздѣльной Троицѣ, вмѣстѣ дѣйствующей и вмѣстѣ созидающей, ибо такъ черезъ Исаію сказано: и нынѣ Господь Меня послалъ и Духъ Его.“

Еверій и Беатъ ¹⁾ — во II кн. „противъ Елипанда“ въ серединѣ (т. VIII Бельнской библ. Отцовъ, стр. 377): „Одинъ только Сынъ явился людямъ въ своей сущности; явился не въ той сущности, въ которой Онъ равенъ Отцу, а въ той, въ которой пришелъ, будучи посланъ Отцомъ и Духомъ Св.“

Паулинъ ²⁾, епископъ Аквилейскій на Фриульскомъ Соборѣ 797 года (т. VII Соборовъ, столбъ 996): „отсюда черезъ Исаію (Сынъ Божій) свидѣтельствуется, что Духъ Св. есть Духъ Отца, говоря въ образѣ челоуѣка: Духъ Господа на Мнѣ, и это: Господь послалъ Меня и Духъ Его.“

Обычная глосса (толкованіе) на слова пророка: Господь послалъ Меня и Духъ Его: „Отецъ опредѣлилъ, чтобы Сынъ воплотился, а зачатъ Онъ отъ Духа Св.“ Поэтому-то и *Ломбардъ* въ кн. I „мнѣній“, разд. XV не разѣ учитъ, что Сынъ посланъ также и Духомъ Святымъ.

И такъ, теперь доказано, что Сынъ посланъ въ міръ какъ Отцомъ, такъ и Духомъ Святымъ. Изъ этого опять явствуется, что „посланіе Духа Св. Сыномъ не есть доказательство Его исхожденія отъ Сына“, или что не все, что чѣмъ либо посылается, непременно имъ и произведено.“ Не произведенъ Сынъ Духомъ Св., хотя Имъ и былъ посланъ. Это вытекаетъ изъ только что приведенныхъ словъ Амвросія. Замѣчая, что Сынъ посылается Духомъ Св. и въ свою очередь Духъ Св. посылается Сыномъ, онъ въ III кн., гл. I „о Духѣ“ говоритъ: „если Сынъ и Духъ Св. взаимно Другъ Друга посылаютъ, какъ посылаетъ Ихъ Отецъ, то это не унижительное подчиненіе, а общность власти.“ Слѣдовательно, по равной и общей власти Духъ Св. посылаетъ Сына, а Сынъ въ свою очередь посылаетъ Духа Св.;—не въ отношеніи начала Духъ Св. посылаетъ Сына, поэтому не на такомъ основаніи и Духъ Св. посылается Сыномъ. Такъ же отсюда выводитъ равенство между Сыномъ Духомъ

¹⁾ См. о нихъ I т., гл. III поврежд. XXXIX.

²⁾ См. о немъ т. I, гл. III поврежд. XLI и въ гл. V.

Св. и авторъ вопросовъ изъ ветхаго и новаго завѣта (у Августина вопр. ХСVII) въ приведенныхъ выше словахъ: „вотъ—равенство между Сыномъ и Духомъ Св., ибо какъ Отцомъ и Сыномъ посланъ (читаемъ мы) Духъ Св., такъ и Богомъ и Духомъ Св. посланъ Христосъ.“ Поэтому равенства не было бы между Сыномъ и Духомъ Св., если бы Сынъ посылалъ Духа Св. въ отношеніи начала (ex ratione principii—τῆς ἀρχῆς λόγῳ), и Духъ въ такомъ же отношеніи отнюдь не посылалъ Сына.—Также и авторъ книгъ „о единомъ божествѣ Троицы“ (у Аѳанасія) въ III кн. говоритъ: помни, что эта природная сила взаимна у посылающаго и посланнаго, т. е. у Сына Божія и у Духа Св., такъ какъ Послѣдній, Который теперь посланъ, Самъ, оказывается, уже прежде посылалъ посылающаго.“ И такъ, только въ силу природы посылаетъ Духа Св. Сынъ и въ свою очередь Духъ Св. посылаетъ Сына; но въ природѣ Ихъ не заключается сила быть производителемъ Другого. Слѣдовательно,—какъ Духъ Св. не посылаетъ Сына по началу, такъ и Сынъ не посылаетъ Духа Св. на такомъ же основаніи, т. е. по началу.

Противъ этого все наперерывъ выставляютъ единственное возраженіе: „дѣйствительно, говорятъ, Сынъ посланъ былъ Духомъ Св., но по человѣческой природѣ (какъ человѣкъ).“ Но къ чему это ведетъ? Либо при этомъ разумѣютъ, что не въ одномъ и томъ же отношеніи Сынъ посланъ Отцомъ и Духомъ Св., такъ какъ Отцомъ Онъ посылается не по человѣческой только природѣ (какъ посланъ именно Духомъ Св.), но также и по божеству; либо понимаютъ, что одинаково Отцомъ и Духомъ Св. Сынъ посланъ, только какъ человѣкъ;—между тѣмъ Духа Св. Сынъ посланъ, какъ Бога. Ибо—послѣднее положеніе Латинянъ—по божеству—такъ будетъ ограничено: къмъ какое лицо посылается по божеству, отъ того и происходитъ, какъ отъ причины. И такъ, что касается перваго, то, конечно, ложно, будто Сынъ посланъ былъ Отцомъ на одномъ основаніи, а Духомъ Св. на другомъ; ложно именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ возражатели желали, т. е. будто Сынъ посланъ Отцомъ также и по божеству. Ибо во *первыхъ*: посланіе Сына Божія есть внѣшнее дѣло Бога: оно касается нашего спасенія и совершилось во времени. Но, какъ выше было доказано, внѣшнія

дѣла Божьи общи всѣмъ тремъ божественнымъ лицамъ. Слѣдовательно, — какимъ образомъ Отець посылаетъ Сына, такимъ же точно посылаетъ Его и Духъ Св.—*Во-вторыхъ* у пророка также сказано: „и нынѣ Господь Меня послалъ и Духъ Его“. Изъ этихъ словъ выходитъ, что какъ Господь послалъ Сына, такъ же точно послалъ Сына и Духъ Св. Въ какомъ именно смыслѣ и какимъ способомъ относится Отець къ посланію Сына, въ такомъ смыслѣ и отношеніи, по этимъ словамъ, находится къ этому посланію и Духъ Св. Значитъ, не посылается Сынъ Духомъ Св. только по человѣчеству, а Отцомъ, кромѣ того, еще и по божественной природѣ (какъ Богъ). *Въ третьихъ*: ложно, что Сынъ посланъ былъ Отцомъ по божеству: если кто куда — нибудь посылается, то, конечно, слѣдуетъ заключить, что его тамъ раньше не было; если же онъ уже тамъ находится, то, разумѣется, не можетъ быть туда посланъ. Между тѣмъ Сынъ Божій по божественной природѣ вездѣ — сущъ. Какимъ же образомъ Сынъ могъ бы быть посланъ куда — нибудь, какъ Богъ (по божественной природѣ)? Посланіе, затѣмъ, Сына совершилось для искупленія людей, посланъ былъ Сынъ въ этотъ міръ; — отъ людей же и отъ міра никогда не отдѣлялся Онъ по Своему божеству. Слѣдовательно, какъ же могъ бы быть посланъ Сынъ Божій въ міръ для искупленія вѣрующихъ по божеству? *Въ четвертыхъ*: въ чемъ состоитъ посланіе (миссія) Сына, учитъ насъ Апостолъ: „когда, говоритъ онъ, пришло исполненіе времени, послалъ Богъ Сына Своего, рождаемаго отъ жены, созданнаго подѣ закономъ.“ Этими словами Апостолъ указалъ, какимъ образомъ Отець послалъ Сына въ міръ, т. е. по человѣческой природѣ, такъ какъ Сынъ воплотился отъ жены. И, наконецъ, *въ пятыхъ*: св. Отцы въ единодушномъ согласіи отвергаютъ мысль, будто Сынъ посланъ намъ Отцомъ по божественной природѣ, а истолковываютъ посланіе Сына Отцомъ, только какъ воплощеніе.—Посмотримъ, что они объ этомъ говорятъ.

Впереди прочихъ мы по справедливости ставимъ самихъ св. Отцовъ I-го вселенскаго Собора; одно свидѣтельство этого Собора было бы достаточно для доказательства нашего положенія: ибо кто осмѣлится идти противъ догматовъ столь великаго Собора? Самъ

же этотъ Соборъ тѣмъ же доводомъ, который и мы приводили, именно, что вслѣдствіе Своего вездѣсущія Сынъ не можетъ быть посылаемъ по божественной природѣ, также доказываетъ, что посланіе Сына Божія обозначаетъ только Его воплощеніе. Такъ отъ имени остальныхъ Св. Отцовъ *Макарій*, епископъ Іерусалимскій (у Геласія, кн II, гл. XXIII, т. II Соборовъ, столб. 222) заявилъ: „снова скажемъ: (выраженія) снизойти, сойти, быть посланнымъ нужно принимать относительно способа Его воплощенія, какъ мы прежде указали. Божествомъ же Своимъ Онъ всегда все наполняетъ вмѣстѣ съ Отцомъ, сообразно съ прежде переданнымъ пониманіемъ.“

Тоже говорятъ отдѣльно Отцы Церкви.

Оригенъ въ II т. ἐξήγητικῶν (толкованій) на Іоанна, стр. 27: „а если Спаситель Нашъ, какъ написано у Ісаіи, говоритъ, что Онъ посланъ Отцомъ и Духомъ Его, то нужно отвѣтить, что въ этомъ мѣстѣ Христосъ посланъ Духомъ не потому, что отличается отъ Него природой, но по домостроительству воплощенія Сына Божія“.

Василій Великій въ III кн. противъ Евномія (послѣ начала, т. II твореній, стр. 82): „Ісаія отъ лица Господа, конечно, по человѣчеству Его, сказалъ: Господь послалъ Меня и Духъ Его“.

Григорій Богословъ въ словѣ на Богоявленіе (у Θεодорита, діалогъ II, который надписывается „несліанный“, т. IV твореній, стр. 98): „посланъ былъ, конечно, (Сынъ Божій), но какъ человѣкъ: ибо у Него была двойная природа; поэтому-то Онъ трудился, и испытывалъ голодь и жажду, и уставалъ, и плакалъ по закону человѣческаго тѣла“. Эти слова Назіанзина приводитъ и Левъ Великій, папа Римскій, въ ХСVII посланіи къ императору Льву.

Григорій Нисскій въ словѣ „о божествѣ Сына и Духа Св.“ (т. II твореній, стр. 902): „и такъ сказано: Пославшій Меня больше Меня. Посмотримъ же, къмъ это произнесено? Какъ Онъ былъ посланъ: въ образѣ ли Бога, или принявши образъ раба? Пребывая ли въ полномъ божествѣ, или обезсиливши Себя рабскимъ образомъ? Полагаю совершенно яснымъ, что нельзя сказать о божественной силѣ и природѣ, всего касающейся, все проникаю-

щѣй и все обнимающей, что она посылается. Ибо внѣ ея нѣтъ никакой пустоты, куда бы она, не бывъ тамъ прежде, могла придти, бывши послана. Но замыкая и держа своею сохранительною силою всѣ вещи, она не имѣетъ куда переходить, такъ какъ сама есть полнота всеобщности вещей. И такъ, посланіемъ называется схождение Сына Божія до нашей низменности и немощности, происшедшее по волѣ Отца. Именно переходъ отъ безсмертной природы къ нашей жизни обозначаетъ не движеніе Господа съ мѣста на мѣсто, но указываетъ на схождение съ высоты славы къ низменности плоти. И такъ сошло и явилось не нагое Слово, но ставшее плотью, являющееся не въ образѣ Бога, но въ образѣ раба“. *Иеронимъ* въ толкованіи на XLVIII гл. Исаи выводитъ Сына Божія, говорящаго такъ: „по брѣнности принятой (Мною) плоти говорю, что Господь Меня послалъ и Духъ Его“.

Идакій Кларъ, епископъ Испанскій, въ книгѣ противъ Варимунда (т. IV Вельнской библ. Отцовъ, стр. 622): „видишь,— что Сынъ не по божеству былъ посланъ Отцомъ, но по плоти, которую Онъ милостиво и сострадательно не презрѣлъ принять ради насъ“. И черезъ нѣсколько строкъ: „ибо Тотъ, Кто пребывая въ Отцѣ, остается въ силѣ Своего могущества, не имѣлъ, конечно, мѣста, куда бы Отецъ могъ Его послать, потому что никакая часть времени и земли не изъята отъ взора Отца, куда бы, по ихъ мнѣнію, могъ быть посланъ Сынъ Отцомъ“. *Іоаннъ Златоустъ* въ бесѣдѣ „о Святомъ и покланяемомъ Духѣ“ подъ конецъ (т. VI твореній, греко-латинское изданіе, стр. 225): „послалъ Богъ Сына Своего въ міръ... Послалъ, какъ не находящагося въ мірѣ? Потому ли Онъ пришелъ въ міръ, что раньше Онъ тамъ не былъ? Какимъ же образомъ евангелистъ Іоаннъ говоритъ: все черезъ Него было; въ мірѣ былъ и міръ черезъ Него сталъ? Какъ же Онъ снова былъ посланъ въ міръ? Если посланъ посланный и если посланный остался вверху, а посланный внизу, то какъ же Онъ говорилъ: посланный Меня со Мною есть? Заклинаю тебя, тщательно внимай и непоколебимо сохраняй слово. Ибо еретикъ можетъ сказать: со Мною,—т. е. Мнѣ служить въ помощь, какъ и я говорю: Богъ со мною. А (Спаситель) не сказалъ просто, но какъ? Отецъ, во Мнѣ пребывающій. Если Онъ съ Нимъ былъ и въ Немъ остался, то

какимъ образомъ Тотъ послалъ, а Этотъ былъ посланъ? Если пославшій остался вверху, а посланный пришелъ внизъ, то какимъ образомъ Сынъ говорить: Отецъ— со Мною? Если пославшій остался вверху, то какъ посылающій имѣеть съ Собою посланнаго? Ибо Онъ сказалъ: Я—въ Отцѣ и Отецъ—во Мнѣ?“ И сказавши еще кое-что (на стр. 226), Златоустъ заключаетъ: „Тебя, сотворившаго небо и землю, давшаго повеленіе свѣтиламъ, Господь послалъ и Духъ Его; родилъ по божеству, послалъ по плоти“.

Августинъ во II кн. „о Тройцѣ“, въ гл. V: „въ томъ убѣжденные и до того доходятъ, что говорятъ: пославшій больше посланнаго; поэтому Отецъ больше Сына, такъ какъ Сынъ постоянно напоминаетъ, что Онъ посланъ Отцомъ; больше Отецъ и Духа Св., такъ какъ о Немъ Иисусъ сказалъ: Котораго Отецъ посылаетъ во имя Мое. И Духъ Св. меньше Обоихъ, потому что Отецъ Его посылаетъ, какъ мы упомянули, и Сынъ, сказавшій: если Я уйду, пошлю Его къ вамъ. Въ этомъ вопросѣ прежде всего спрашиваю: откуда и какъ посланъ Сынъ? Я, говоритъ Онъ, отъ Отца исшелъ и пришелъ въ этотъ міръ. Слѣдовательно, быть посланнымъ—значить—изойти отъ Отца и придти въ этотъ міръ. Почему же о Немъ самъ евангелистъ говорить: въ этомъ мірѣ былъ, и міръ черезъ Него сталъ, и міръ Его не призналъ? А затѣмъ прибавляетъ: въ свое собственное (владѣніе) пришелъ.—Конечно, туда былъ посланъ, куда пришелъ. Но если Онъ посланъ былъ, то, такъ какъ Онъ отъ Отца исшелъ и пришелъ въ этотъ міръ и былъ въ этомъ мірѣ, значить, Онъ посланъ былъ туда, гдѣ былъ. Притомъ,—если и то, что Богъ говоритъ у пророка: Я наполняю небо и землю, сказано о Сынѣ (ибо нѣкоторые доказываютъ, что устами пророковъ, или въ пророкахъ Онъ Самъ говорилъ), то куда же Онъ былъ посланъ, какъ не туда, гдѣ былъ? Ибо вездѣ былъ Тотъ, Кто говоритъ: Я наполняю небо и землю. Если же это сказано объ Отцѣ, то гдѣ же Онъ могъ быть безъ своего слова, безъ своей премудрости, которая простирается съ силою отъ конца до конца и все располагаетъ въ порядѣ (со сладостью)?—Такимъ образомъ, если и Сынъ посылается туда, гдѣ былъ, то спрашивается, какъ же понимать это посланіе?—И Апостолъ пишетъ такъ о Сынѣ: когда же пришло исполненіе времени, послалъ Богъ Сына

Своего, происшедшаго отъ жены, ставшаго подъ закономъ, для того, чтобы Онъ искупилъ бывшихъ подъ закономъ.—Послалъ, говоритъ, Сына Своего, происшедшаго отъ жены. Итакъ, говоря: послалъ Богъ Сына, происшедшаго отъ жены, этимъ самымъ достаточно показываетъ, что посланъ былъ Сынъ въ томъ смыслѣ, что произошелъ (явился) отъ жены. Слѣдовательно—какъ рожденный Отцомъ, Онъ былъ въ этомъ мірѣ,—а какъ рожденный Маріей, Онъ пришелъ въ этотъ міръ, будучи туда посланъ¹⁾. И дальше Августинъ еще подробнѣе разсуждаетъ о рожденіи отъ Дѣвы и воплощеніи, въ которомъ, по его ученію, Сынъ былъ посланъ.

Затѣмъ тотъ же Августинъ въ XX гл. IV кн. „о Троицѣ“ пишетъ: „не потому Сынъ называется посланнымъ, что рожденъ отъ Отца, но или потому, что Слово явилось этому міру, ставши плотью, почему (Спаситель) говоритъ: Я отъ Отца исшелъ и пришелъ въ этотъ міръ; или потому, что въ умѣ всякаго Оно (слово) понимается во времени, какъ сказано: пошли Его (слово—премудрость), чтобы Онъ былъ со мною и со мною трудился¹⁾. А вотъ мѣсто изъ книги „противъ рѣчи Аріанъ“, гл. IV: „здѣсь же то можно понять, что потому именно Сынъ называется посланнымъ Отцомъ, что во плоти явился Сынъ человѣческой, а не Отецъ. Ибо кто посылается туда, гдѣ онъ находится? А гдѣ же нѣтъ премудрости Божіей, которая есть Христосъ и о которой читаемъ: проходитъ отъ конца до конца съ силою и располагаетъ все съ сладостью? Слѣдовательно, если Сынъ есть вездѣ,—то куда Онъ долженъ былъ быть посланъ, гдѣ Его не было, какъ не явившись (во плоти) такимъ образомъ, какимъ Онъ являлся?“ Наконецъ, въ кн. „о христіанскомъ ученіи“, въ гл. XI: „и такъ сказано, что Онъ къ намъ пришелъ,—не вслѣдствіе прихода черезъ разстоянія мѣстъ, а вслѣдствіе явленія смертнымъ въ смертной плоти. Ибо Онъ пришелъ туда, гдѣ былъ, такъ какъ Онъ былъ въ этомъ мірѣ, и міръ черезъ Него сталъ“. *Нилъ Аскетъ*²⁾ ученикъ Іоанна Златоустаго (т. I посланій, посланіе ССХІХ, Римское Греко-Латинское изданіе въ переводѣ Льва Алліатія, 1668 г., стр. 81): „говорится о Сынѣ, что Онъ посылается, не потому, что Богъ Слово находится въ лонѣ

¹⁾ Причт. Сол. IX, 10.

²⁾ Нилъ сталъ извѣстенъ около 440 года.

Отца, все въ Себѣ заключая: ибо изъ Него, и черезъ Него и въ Немъ — все, — въ Немъ живемъ, движемся и есмь; но потому, что Богъ Слово усвоилъ Себѣ страданія принятаго Имъ тѣла“.

Кириллъ Александрійскій во второмъ словѣ въ книгѣ „о правой вѣрѣ къ царевнамъ“, въ началѣ (т. V твореній, часть II, стр. 131): „гдѣ нѣтъ Слова Бога, если онъ наполняетъ все по природѣ божества? Какъ же Оно посылается Отцомъ и какъ къ Нему идетъ? Посылается, конечно, по челоѳчеству сообразно съ способомъ и разумомъ посланія и апостольства, именно чтобы проповѣдать плѣннымъ отпущеніе на свободу, а слѣпымъ—прозрѣніе“. И въ толкованіи на Юлія, въ кн. IV, гл. III (т. IV, стр. 366): „когда Сынъ говоритъ, что Онъ посланъ, то обозначаетъ не иное что, какъ Свое воплощеніе“. И послѣ нѣсколькихъ разсужденій: „и, сталъ Я плотью,—это значитъ именно, что онъ былъ посланъ“.

Авторъ „сокращенія противъ Аріанъ“ (среди пяти древнихъ писателей, изд. Сирмондомъ въ Парижѣ 1630 г.—на страницѣ 77): „но, быть можетъ, слыша, что Сынъ посланъ, ты думаешь, что Онъ—меньше Отца? Спрашиваю тебя: вѣруешь ли Ты, что Сынъ —Богъ, или нѣтъ? Безъ сомнѣнія, ты отвѣтишь:—Богъ,—ибо если бы ты и хотѣлъ отрицать это, то убѣдился бы изъ Св. Писанія“. И доказавши, что Сынъ—Богъ, продолжаетъ (стр. 78): „если же Онъ—Богъ, мало того, потому, что Онъ Богъ, потому, что черезъ Него все стало, и не только не меньшій, но высочайшій Богъ,—то спрашиваю тебя: вездѣ ли Богъ находится, или, можетъ быть, только въ извѣстномъ мѣстѣ? Такъ какъ нечестиво отрицать вездѣсущіе Божіе, то скажи: куда Онъ былъ посланъ? Подъ посланіемъ Сына разумѣй Его воплощеніе, какъ изъясняетъ Апостолъ: послалъ, говоритъ онъ, Богъ Сына Своего, происшедшаго отъ жены, ставшаго подъ закономъ. Наконецъ о Немъ читаемъ у пророка: Я наполняю небо и землю, говоритъ Господь. И евангелистъ о Немъ же говоритъ: полноту Его мы всѣ получили. И если Онъ все наполняетъ, то куда былъ посланъ Онъ, чьего величія полно все?“.

Авторъ книги „размышленій“ у Августина, гл. XIII (т. IX твореній Августина): „ты, Богъ Отецъ, Одинъ только никогда и нигдѣ не называешься посланнымъ. О Сынѣ же Твоемъ такъ пи-

шесть апостоловъ: когда пришло исполненіе времени, послалъ Богъ Сына Своего. Говоря: послалъ, апостолъ достаточно показываетъ, что Онъ посланнымъ прішелъ въ этотъ міръ, когда родился отъ блаженной приснодѣвы Маріи и явился истиннымъ и совершеннымъ человѣкомъ во плоти. Но что значить то, что говоритъ о Немъ этотъ главнѣйшій изъ евангелистовъ: въ мірѣ былъ и черезъ Него міръ сталъ? Туда-то посланъ былъ Онъ по человѣчеству, гдѣ всегда былъ и есть по божеству, — и я вѣрю всѣмъ сердцемъ и исповѣдую устами, что это посланіе есть, конечно, дѣло всей Святой Троицы“.

И авторъ книги „о новой пѣснѣ“ (также между твореніями Августина, т. IX) въ гл. VII: „Христосъ, насколько принялъ (природу) человѣка, называется посланнымъ,—а на сколько Богъ, равенъ Отцу. Ибо куда могъ послать Его Отецъ, гдѣ бы Онъ не былъ съ Сыномъ?“.

Слова автора LXV вопросовъ у того же Августина въ вопр. IX увидимъ впоследствии.

Примассій ¹⁾ въ толкованіи на IV гл. посланія къ Галатамъ (т. IV, ч. II Кельнской библ. Отцовъ, стр. 81): „подъ посланіемъ Сына разумѣется Его воплощеніе, а не уменьшенія величія“.

Евсевій Эмиссенскій во второй день недѣли (feria) послѣ второго воскресенія (т. V Кельнской библ. Отцовъ, стр. 642): „Сынъ посланъ Отцомъ,—въ плоти родился и сталъ человѣкомъ: ибо посланіе есть тоже, что воплощеніе“. И въ третій день недѣли послѣ четвертаго воскресенія слова, выше приведенныя: „что значать слова: Который Меня послалъ, какъ не:—Который пожелалъ, чтобы Я сталъ человѣкомъ и принялъ плоть? А это дѣйствованіе всей Троицы, а не только Отца“.

Цереалисъ, епископъ Африканскій, въ кн. противъ Максимиана, въ гл. III (т. V Кельнской библ. Отцовъ, ч. III, стр. 647): „о томъ, какъ послалъ Отецъ Сына, учать такъ: посланіе Сына есть воплощеніе Сына. Свидѣтельствуешь апостолъ,—кто былъ посланъ, —Сынъ ли, или Сынъ человѣка, говоря: послалъ Богъ Сына, про-

¹⁾ Примассій былъ епископомъ города Юстиніанопа, въ Африкѣ около 550 г.; не явился нѣсколько разъ приглашаемый на V всел. Соборъ (553 г.); подписался подъ постановленіемъ паны Вигилія, которое послѣдній представилъ императору (Юстиніану).
Прим. перев.

исшѣднаго отъ жены, ставшаго подъ закономъ, чтобы искупить подзаконныхъ“. *Фульгенцій* въ кн. „о вѣрѣ къ Петру“, въ гл. XV: когда пришло исполненіе времени, Сынъ Божій, посланный Отцомъ и Св. Духомъ, произошелъ отъ жены, которую Онъ Одинъ сотворилъ; сталъ подъ закономъ, который Онъ далъ“. И въ кн. VIII „противъ Фабіана“ (въ ссылкѣ ¹⁾) *Теодульфа*, епископа Орлеанскаго, въ смѣси объ исхожденіи Св. Духа, т. VI, Кельнской библи. Отцовъ стр. 190): „такъ какъ не объ одномъ способѣ посланія говорится въ Св. Писаніи, то поэтому въ таинствѣ воплощенія Сынъ былъ посланъ не только Отцомъ, но и Св. Духомъ: ибо посредникъ между Богомъ и людьми, человекъ Иисусъ Христосъ воплотился дѣйствованіемъ всей Троицы“.

Ильдефонсъ въ книгѣ „о дѣвствѣ Маріи“ въ гл. VII (т. VII Кельнской библи. Отцовъ, стр. 439): „черезъ Исаію сказано: и теперь Господь Меня послалъ и Духъ Его. Вотъ какъ вся Троица показываетъ новое изумительное Свое дѣйствование въ томъ, что Сынъ Божій пришелъ воплотиться черезъ Нашу Дѣву“.

Беда въ комментаріи къ V гл. Іоанна (т. V твореній, столб. 499): „это посланіе есть воплощеніе Христа“. И къ VIII гл. (столб. 524): „что же такое— посланіе Христа, какъ не воплощеніе Его? Сказать: посланъ Христосъ,—это то же, что сказать: воплотился Христосъ и посланъ Отцомъ, и отъ Отца никогда не отходилъ, и здѣсь былъ черезъ воплощеніе, и здѣсь есть теперь черезъ божество“. И послѣ: „и такъ будемъ разумѣть, что посланіемъ названо воплощеніе Сына“. И въ столб. 533: „посланіе Христа— это Его воплощеніе“. И въ кн. „вопросовъ“, вопр. послѣдній (т. VIII твореній, столб. 302): „что Богъ Отецъ посылаетъ Сына,— говорится въ не собственномъ смѣслѣ, ибо Тотъ, Кто съ Нимъ вездѣ находится, посылается такъ, чтобы отодвинуться отъ Него по мѣсту; однако говорится посылаетъ по нѣкоторому уподобленію: какъ мы отдѣляемъ отъ себя того, кого посылаемъ, такъ и Отецъ послалъ Сына, когда нѣсколько отдѣлилъ Его отъ Себя въ принятіи плоти. Ибо, хотя Отецъ и Сынъ и Духъ Св. совмѣстно дѣйствовали въ

¹⁾ Десять книгъ Фульгенція „о предопредѣленіи и благодати“ погибли. Изъ нихъ сохранилъ намъ семь отрывковъ Теодульфъ.

зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи,—однако только одно лицо Сына приняло плоть, и такъ кажется, какъ будто Онъ (Отець) отъ Себя послалъ (Сына), ибо Онъ не принялъ вмѣстѣ съ Сыномъ плоти отъ Дѣвы“.

Еверій и Беатъ въ I кн. противъ Елипанда—въ концѣ (т. VIII Вельнской библи. Отцовъ, стр. 358): „такъ какъ одна воля и одна власть у Отца и Сына и Св. Духа, то и Отець послалъ Сына, сообразно съ тѣмъ, что Тотъ меньше, и Сынъ Самъ Себя послалъ сообразно съ тѣмъ, что Онъ равенъ Ему (Отцу)“. И во II кн.—послѣ середины (т. VIII, стр. 377): „Одинъ только сынъ явился по сущности Своей людямъ, не по той, по которой Онъ—равенъ Отцу, но по той, по которой пришелъ, будучи посланъ Отцомъ и Духомъ“.

Паулинъ, митрополитъ Аквиленскій, на Фріульскомъ Соборѣ (т. VII Соборовъ, столб. 996): „поэтому черезъ Исаію (Сынъ Божій) свидѣтельствуемъ, что Духъ Св. есть Духъ Отца, говоря въ образѣ человѣка: Духъ Господа на Мнѣ; также и это: Господь послалъ Меня и Духъ Его“.

Выше приведенныя слова Беды изъ его комментарія къ V и VIII гл. Іоанна приводятъ и *Альбинъ Алкуинъ* по поводу сказаннаго у Іоанна: „если Я сужу, то судъ мой истиненъ“.

Тотъ же Алкуинъ въ III кн., IV гл. „о Троицѣ“ говоритъ: „нужно изслѣдовать, какъ слѣдуетъ понимать посланіе Сына? Только объ Отцѣ не читаемъ, что Онъ куда-нибудь былъ посланъ; о Сынѣ же такъ пишетъ апостоль: когда пришло исполненіе времени, послалъ Богъ Сына Своего, происшедшаго отъ жены, ставшаго подъ закономъ, чтобы бы искупить бывшихъ подъ закономъ. Говоря: послалъ Богъ Сына Своего, происшедшаго отъ жены, апостоль достаточно показываетъ, что тѣмъ самымъ посланъ былъ Сынъ, что произошелъ отъ жены. Слѣдовательно,—потому, что отъ Бога рожденъ, Сынъ Божій былъ въ этомъ мірѣ, какъ говоритъ евангелистъ: въ мірѣ былъ, и міръ черезъ Него сталъ; по тому же, что родился отъ Дѣвы Маріи, - Онъ пришелъ въ этотъ міръ, будучи посланъ. И Самъ Господь говоритъ: Я отъ Отца исшелъ и пришелъ въ этотъ міръ. Это и есть-быть посланнымъ“. И въ гл. IV: „правильно названъ посланнымъ Тотъ, Кто явился во плоти (а послалъ

Его Тотъ, Кто въ ней не являлся). И такъ этотъ принятый образъ человѣка—есть лицо Сына, но не Отца. Поэтому сказано, что невидимый Отецъ вмѣстѣ съ Сыномъ, съ Нимъ невидимымъ, послалъ Тогоже Сына, дѣлая Его видимымъ“.

Обычное толкованіе (глосса) на слова пророка: нынѣ Господь послалъ Меня и Духъ Его: „Отецъ опредѣлилъ, чтобы Сынъ воплотился; зачать же Онъ отъ Духа Святого“.

Равнымъ образомъ отсюда Анзельмъ ¹⁾ *Кентерберійскій* въ комментаріи къ IV гл. посланія къ Галатамъ (т. II твореній, изд. Кельнское, 1612 г., стр. 245): „послалъ его, т. е. заставилъ воплотиться, чтобы Онъ былъ видимъ людямъ. Я называю Его по плоти происшедшимъ отъ жены т. е. отъ женщины-матери“.

Наконецъ *Ломбардъ* въ I кн. «мнѣній» разд. XV: «выше-сказаннымъ ясно доказывается, что Сынъ посланъ былъ Отцомъ и Духомъ Св. и Самимъ Собою,—доказывается также, каково это посланіе;—конечно, это—воплощеніе, т. е.—что Онъ сталъ человѣкомъ, почему и явился видимымъ. А это есть общее дѣло Отца и Сына Св. Духа».

И такъ обманываютъ другихъ и самихъ себя тѣ Латиняне, (сколько бы ихъ ни было), которые утверждаютъ, что Сынъ посланъ былъ Духомъ Св. только по человѣчеству, а Отцомъ Онъ посланъ еще по божеству. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ несомнѣнно, что Сынъ одинаково и Отцомъ былъ посланъ только человѣчеству. Что касается затѣмъ утвержденія, что Духъ Св. послалъ Сына тогько по человѣческой природѣ, а что Самъ Духъ Св. Сыномъ посланъ былъ по божеству,—то опять-таки совершенно ложно, будто *Сынъ послалъ Духа Св. по божеству. Ибо, вопервыхъ*, Духъ Св. божествомъ Своимъ все наполняетъ и вездѣ присутствуетъ. Но туда, гдѣ кто-нибудь находится, онъ не можетъ другимъ быть посланъ. Какъ же о Духѣ Св. можно говорить, что Онъ посылается по Своей божественной природѣ?—*Во вторыхъ*:—Духъ Св., намъ подаваемый, можетъ умножаться, можетъ и уменьшаться. Поэтому Елисей желаетъ двойного Духа Иліи! И апостоль въ V гл. къ Тессалоникійцамъ увѣщаетъ: „Духа не угашайте“. И въ I посл. Іоанна

¹⁾ Анзельмъ 1093—1169.

въ IV гл. говорится: „кто пребываетъ въ любви, въ Богѣ пребываетъ, и Богъ — въ немъ“. Но Духъ Св. по божеству не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться, ни угашаться, ни отступать отъ кого-нибудь. Слѣдовательно, не по божеству Онъ дается или посылается вѣрнымъ. — *Въ третьихъ*: у евангелиста сказано: „Духа Св. еще не было, — потому что Христосъ еще не прославился“. Но въ отношеніи сущности Своей, Духъ Св. былъ и существовалъ и раньше, чѣмъ Христосъ прославился. Слѣдовательно, такъ какъ въ томъ отношеніи, въ которомъ Духъ Св. посланъ былъ намъ, Онъ не существовалъ до прославленія Христа, то очевидно, конечно, что Духъ Св. не подается вѣрнымъ по божеству. *Въ четвертыхъ*: когда Духъ Св. посылается къ намъ, — не Онъ только, но вмѣстѣ съ Нимъ приходятъ также и Отецъ, и Сынъ. Вотъ слова Самого Сына Божія: „если кто Меня любитъ, то сохранить Мое слово, и Отецъ Мой его возлюбитъ, и придемъ къ нему и сдѣлаемъ у него пребываніе“. Но Отецъ или Сынъ никоимъ образомъ не могли придти куда-нибудь по божеству, — это даже и сами Латиняне не признаютъ. Равнымъ образомъ, значить, и Духъ Св., при посланіи котораго вмѣстѣ съ Нимъ приходятъ Отецъ и Сынъ, не могъ приходиться къ намъ по божеству. *Въ пятыхъ*: такъ же учатъ столь многіе, нами только что приведенные Отцы: *Григорій Нисскій, Идакій Кларъ, Иоаннъ Златоустъ, Августинъ* въ книгѣ „противъ рѣчи Аріанъ“, *Нилъ Аскетъ, Кириллъ Александрійскій, Авторъ „сокращенія противъ Аріанъ“, Авторъ книги „о новой пѣснь“* у Августина и наконецъ *Отцы 1-го вселенскаго Собора въ Никей*. Всѣ они отрицаютъ посланіе Сына по божеству, т. е. по скольку Онъ-Богъ, именно потому, что Сынъ Божій все наполняетъ Своимъ присутствіемъ. Если же потому Сынъ не могъ быть посланнымъ по божеству, что Онъ вездѣсущъ, — то равнымъ образомъ, конечно, и Духъ Св. не могъ быть посланъ по божеству, — ибо и Онъ не менѣе Сына-вездѣсущъ. — И такъ, столько же разъ Св. Отцы учатъ, что Духъ Св. не посылается по божеству, сколько отрицаютъ, что Сынъ по сказанной причинѣ посылается по божеству, — и между ними находятся и сами отцы I вселенскаго Собора. Кто же позволить себѣ усумниться въ истинѣ этого догмата?

. И, наконецъ, въ *шестыхъ*: равно въ другихъ мѣстахъ Св. Отцы отрицають также, что Самъ Св. Духъ посылается по божеству, т. е. по скольку Онъ — Богъ. Приведемъ то, что они объ этомъ говорятъ. *Григорій Богословъ* въ словѣ XXXVII (стр. 611): „все что говорится (о Св. Духѣ) нѣсколько унизительнаго, какъ то: быть даннымъ, посланнымъ, удѣленнымъ, вдуновеніе, обѣщаніе, посредничество и пр., — что бы не вспоминать каждаго выраженія, — должно быть отнесено къ первой причинѣ“. Въ нѣсколько унизительномъ смыслѣ выражаются о Св. Духѣ, говоря о посланіи Его и потому оно къ божеству Его собственно не относится.

Іоаннъ Златоустъ въ «бесѣдѣ о Св. и покланяемомъ Духѣ» (т. VI твореній, стр. 224): «когда услышишь слова: пошлю вамъ Духа Св., — не принимай ихъ — по божеству. Ибо Богъ не посылается. Это — названія (имена), обозначающія дѣйствованіе. Всякій посылающій посылаетъ въ тѣ мѣста, гдѣ его самого нѣтъ. Вообрази, что я буду говорить съ кѣмъ нибудь съ этого кресла (сидѣнья). Я не могу сказать кому бы то ни было: поди-ка, я пошлю тебя сюда. Это не будетъ-послать, а помѣститъ или посадить вмѣстѣ съ собою. Если же Богъ вездѣ (ибо сказано: Я наполняю небо и землю, говоритъ Господь), то куда посылаетъ Онъ, будучи вездѣ? — Если я взойду на небо, — Ты-тамъ: если сойду въ пріисподнюю, — Ты тамъ; если полечу (возьму крылья мои) съ разсвѣтомъ и поселюсь на краѣ моря, — и тамъ рука Твоя поведетъ меня. И такъ, куда же Богъ пошлетъ? Или, можетъ быть, Самъ Онъ — вездѣ, а посылаемый — не вездѣ?“ И въ LXXVII бесѣдѣ на Іоанна: „но зачѣмъ Господь сказалъ: пошлю Его? Это значитъ приготовлю васъ къ Его принятію. Ибо какъ послать Того, Кто вездѣсущъ?“

Августинъ въ III кн. «о Троицѣ» подѣ конецъ: «и такъ, остается намъ разсмотрѣть: такъ какъ и при рожденіи Господа отъ Дѣвы, и при схожденіи Духа Св. въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубя, и при видѣніи огненныхъ языковъ, и при громѣ съ неба въ день пятидесятницы послѣ вознесенія Господа, тѣлеснымъ и смертнымъ чувствамъ явилось не Само Слово Божіе въ Своей сущности, по которой Оно равно и совѣчно Отцу, не Духъ Отца и Сына въ сущности Своей, по которой и Онъ равенъ и совѣченъ Обоимъ, но (явились Они), конечно, въ твари, которая могла образоваться

и предстать въ такихъ образахъ, то какая разница между тѣми явленіями и свойствами Сына Божія и Св. Духа, хотя обнаружившимися черезъ видимую тварь?» И во II кн. «о Тройцѣ», гл. V: «Богъ никогда не могъ быть безъ Духа Своего. И такъ, если Богъ вездѣсущъ, —вездѣсущъ также и Духъ Его; слѣдовательно и Духъ Св. посланъ былъ туда, гдѣ былъ Ибо и тотъ, кто не находитъ мѣста, куда бы онъ могъ уйти отъ лица Божія и говоритъ: если взойду на небо, — Ты-тамъ, если сойду въ преисподнюю—Ты тамъ, желая дать понять, что Богъ—вездѣ, назвалъ Духа Его. Именно онъ такъ говоритъ: куда уйду отъ Духа Твоего и куда убѣгу отъ лица Твоего? Поэтому если и Сынъ, и Духъ Св. посылаются туда, гдѣ былъ, то спрашивается, какъ нужно понимать это посланіе Сына-ли, Духа ли Святого?» И вслѣдъ затѣмъ Августинъ доказываетъ, что Духъ Св. посланъ Сыномъ не по божеству, но въ иномъ отношеніи.—Слова *автора* книги „LXV° вопросовъ“ (между твореніями Августина, вопр. IX), которыми Онъ отрицаетъ посланіе Духа Св. по своей сущности, увидимъ впоследствии.

Кириллъ Александрійскій въ кн. «о вѣрѣ—къ царевнамъ» (т. II Соборовъ, ч. I дѣяній Ефесскаго Собора, столб. 240): «пусть никого не смущаетъ выраженіе —посланіе, сказанное о Самомъ Словѣ: ибо свойственно богодуховенному Писанію иногда употреблять такіа выраженія, не потому, что бы оно хотѣло описать и опредѣлить эту божественную и небесную природу (ибо знаетъ, что она безтѣлесна и внѣ всякаго опредѣленія, мѣста и границы), но потому, что стремится этого рода человѣческими словами выяснить то, что иначе ускользаетъ отъ воспріятія нашего ума. Ибо и Самъ Спаситель обѣщаетъ намъ послать Утѣшителя, хотя однако Духъ Св. все наполняетъ: Духъ Господа, сказано, наполнилъ вселенную».

Авторъ „сокращенія противъ Аріанъ“ (у Сирмонда, стр. 107): „но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: потому Онъ (Духъ Св.) меньше, что о Немъ читаемъ, что Онъ былъ посланъ... Должно вѣрить, что посылается Тотъ, Кто признается вездѣсущимъ,—какъ говоритъ (о Немъ) Псалмопѣвецъ: куда уйду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего куда убѣгу?“

Аммоній въ катенѣ (цѣпи) Греческихъ Отцовъ—на XIV гл. Іоанна: «не посылается Духъ, такъ какъ во всѣхъ мѣстахъ само-

лично присутствуетъ; но это (выраженіе) обозначаетъ время пришествія. Ибо, если бы Христосъ не былъ закланъ и если бы грѣхъ не былъ разрѣшенъ, Духъ не сошелъ бы на вѣрующихъ».

Северіанъ, наконецъ, слова котораго приводитъ *Теофилактъ* въ комментаріи на Дѣянія, къ гл. II (Кельнское изд. 1568 г., стр. 32): „не сказалъ:—излію Духа Моего, но отъ Духа Моего. Духъ не изливается“.

Какъ посылается Духъ Св., легко вывести и изъ выше сказаннаго. Ибо — какимъ образомъ Духъ Св. можетъ умножаться, уменьшаться, быть погашаемымъ, отходить? Какимъ образомъ Его не было до прославленія Христа? Какъ, наконецъ, могъ быть Онъ придти къ вѣрующимъ вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ (а всему этому учить Св. Писаніе), какъ не въ дарахъ благодати? Поэтому въ псалмѣ LXIII говорится, что Спаситель въ самомъ вознесеніи получилъ дары за людей: „Ты взомель въ высоту, плѣнилъ плѣненіе, получилъ дары въ людяхъ“. Спаситель также общается, что Онъ пошлетъ силу Духа Св. Такъ Онъ говоритъ (Луки XXIV): „оставайтесь въ Иерусалимѣ, пока облечетесь силою свыше; и получите силу нашедшаго на васъ Духа“. И во II гл. Дѣяній: „пусть крестится каждый изъ васъ во имя Иисуса Христа въ отпущеніе грѣховъ,—и получите даръ Св. Духа“.

Такъ же учать затѣмъ вездѣ и Отцы.

Аванасій въ книгѣ „о выраженіяхъ и толкованіяхъ притчъ евангельскихъ“, вопр. XXIX (т. II твореній, стр. 400), говоря объ изліянніи Духа Св. на апостоловъ во время пятидесятницы и разбирая выраженіе: „вы креститесь Духомъ Святымъ и получите силу нашедшаго на васъ Духа“ и это: „Духа Св. еще не было, ибо Иисусъ еще не былъ прославленъ“, говоритъ: „Духомъ Св. называетъ не лицо (ипостась) Св. Духа,—ибо Оно было прежде, есть и будетъ всегда, но даръ Св. Духа, который (даръ) принель на апостоловъ Христа въ десятый день по вознесеніи Его и въ пятидесятый по воскресеніи“.

Іоаннъ Златоустъ въ бесѣдѣ «о святомъ и достойномъ поклоненія Духѣ» подъ конецъ (т. VI твореній, стр. 225): «когда Сынъ говоритъ: пошлю вамъ Духа Св.—это значитъ —даръ Духа

Святаго, и знайте, что даръ посылается, а Духъ не посылается. Спаситель говоритъ апостоламъ: оставайтесь въ Иерусалимѣ, пока облечетесь силою свыше, и получите силу нашедшаго на васъ Св. Духа. Иное дѣло—сила, которая уступается, и иное—Духъ, который уступаетъ, удѣляя каждому, какъ хочетъ. И такъ, ты не можешь доказать, что Духъ Св. посылается чистымъ божествомъ“. И потомъ: «посланіе Духа еретики принимаютъ за униженіе. Послалъ Отець, Который не переходитъ и не переводится съ мѣста; послалъ Духа Св. Сынъ, Который (Его) отъ Себя не отдѣляетъ и отъ Котораго Онъ не отдѣляется. Вотъ почему Писаніе говоритъ: Богъ излилъ Духа Своего, т. е. даръ Духа Святаго. Божество не излилось, а только—даръ. Поэтому, чтобы показать, что изливаемое не есть Духъ Св., но благодать Духа Божія, Давидъ говоритъ Христу: излилася благодать въ устахъ Твоихъ;—излилася благодать, а не подающій благодать». И доказавши подробно въ началѣ этого слова, что дары Св. Духа называются въ Св. Писаніи именемъ Духа, Златоустъ наконецъ прибавляетъ: «а еретики, не зная, что, когда (апостоль) говоритъ—Духъ освященія, или обѣтованія,—то имѣеть въ виду дары,—относятъ это къ природѣ, говоря: что Богъ далъ, то и Духъ Св. даровалъ. Видишь, говорятъ, что это даръ Божій? Прочитали: дары, и относятъ ихъ къ природѣ. А нужно было разобрать, какія имена выясняютъ природу, а какія обозначаютъ благодать».

Августинъ въ XXII словѣ, III на Пятидесятницу (въ дополненіи къ творен. *Августина*, изд. въ Парижѣ 1654 г., т. I стр. 54): «что-же это значитъ: не можетъ Онъ придти, если Я не уйду? Полезно, говоритъ, для васъ, что бы Я шелъ: ибо если Я не пойду, Утѣшитель къ вамъ не придетъ. И такъ что же это? Сколько ни получаемъ, или взвѣщиваемъ, или при Его дарованіи понимаемъ, или говоримъ то, во что вѣримъ, все это да восприметъ тотчасъ ваша любовь.—Мнѣ кажется, что ученики заняты были человѣческимъ образомъ Господа Христа и привязаны были къ Нему, какъ люди къ человѣку,—человѣческою любовью. А Онъ хотѣлъ, что бы они имѣли скорѣе божественную любовь, и такимъ образомъ хотѣлъ сдѣлать ихъ изъ плотскихъ духовными,—чѣмъ не дѣлается чело- вѣкъ иначе, какъ даромъ (благодатью) Св. Духа. Слѣдова-

тельно, вотъ что Онъ говоритъ: пошлю вамъ даръ, благодаря которому вы сдѣлаетесь духовными,—даръ, конечно, Духа Св. Духовными же вы не можете стать иначе, какъ переставши быть плотскими». И въ изслѣдованіи LXXIV¹⁾ на евангеліе Іоанна: «не Самъ Духъ раздѣляется, но дары черезъ Духа: ибо могутъ быть дѣленія дарованій, а Господь Одинъ Тотъ же».

Левъ Великій, папа Римскій, въ словѣ на Пятидесятницу: «ожидалось пришествіе Св. Духа, потому что Господь Іисусъ общалъ, что Онъ прибудетъ, но не для того, чтобы тогда впервые начать обитать въ святыхъ, а для того, чтобы посвященные Ему сердца и зажечь горячѣе, и одарить изобильнѣе, нагромождая свои дары, а не начиная: оттого не новый въ дѣлѣ, что богаче щедростью».

Теодоръ ¹⁾, епископъ Гераклеискій, въ катенѣ Греческихъ Отцовъ къ XX гл. Іоанна: «Духомъ называетъ (Господь) духовную благодать, говоря: примите Духа Святого,—потому что Онъ дѣлалъ слушателей духовными, какъ и Самъ выше сказалъ: слова мои, которыя Я вамъ говорю, суть духъ и жизнь. Слѣдовательно, если слова, Имъ сказанныя, Онъ называетъ духомъ, т. е. чѣмъ-то духовнымъ, то какъ же еще съ большимъ основаніемъ подобнымъ же образомъ не назвать Ему было столь великій даръ—Духомъ?»

Фульгенцій въ II кн. „къ Мониму“, въ гл. VI (т. VI Кельнской библ. Отцовъ, стр. 24): „всякій христіанинъ не долженъ понимать, что посланіе Сына и Духа Св. совершилось мѣстнымъ образомъ (localiter—τοπικῶς), но станемъ понимать подъ именемъ посланія дѣло дарованнаго обнаруженія. Ибо такъ не мѣстно посланъ былъ Сынъ и не мѣстно посылается Духъ Св., какъ не мѣстно также пришествіе Самого Отца; между тѣмъ Сынъ любящимъ Его общаетъ пришествіе не только Свое, но и Отца. Онъ говоритъ: если кто меня любитъ и слово Мое соблюдетъ, того и Отецъ Мой возлюбитъ, и Мы придемъ къ нему и сдѣлаемъ у него пребываніе. Слѣдовательно—подобно тому какъ Отецъ и Сынъ вездѣсущи (нигдѣ не отсутствуютъ) и однако приходятъ, къ кому хотятъ,

¹⁾ Теодоръ, родомъ изъ Гераклеи Фракійской, называвшейся раньше Перинеомъ, бывший тамъ впоследствии епископомъ, сталъ извѣстенъ ок. 334 г., умеръ ок. 338 г., приставши къ полу—аріанамъ

приходятъ именно по благодати, такъ какъ по могуществу вездѣ находятся; такъ и въ посланіи или пришествіи Духа Св. не слѣдуетъ понимать никакого Его движенія, а нужно полагать совершеніе нашего освященіе“. И въ гл. VП: „поэтому-то, какъ говоритъ апостоль, сравнивая духовное съ духовнымъ, и въ Духѣ, Который по природѣ есть, конечно, Богъ, не мысля ничего тѣлеснаго, ничего мѣстнаго, ничего временнаго, ничего измѣняемаго, мы должны думать, что иногда именемъ Духа Св. называются дары духовной благодати. Такъ мы читаемъ въ книгѣ Царствъ: когда Илія божественнымъ изволеніемъ долженъ былъ перенестись (на небо) и прежде чѣмъ вознестись позволилъ своему ученику просить, чего тотъ захочетъ,—тотъ испросилъ, что бы Духъ, Котораго получилъ Илія, былъ данъ ему двойнѣ. Конечно, здѣсь мы разумѣемъ, что подъ именемъ Духа означается даръ духовной благодати. Ибо сущность Духа Св. не можетъ ни умножаться, ни уменьшаться, потому что Онъ, будучи вѣчнымъ безъ начала и безъ предѣла,—совершененъ безъ прибавленія и ущерба“.

Северіанъ ¹⁾ у *Θеофилакта* вышеприведенными словами: „не Духъ изливается, но даръ Духа.“

Исидоръ—Гиспаленскій въ I кн. „мнѣній“ гл. XV: „даръ Духа Св. раздѣляется между членами церкви, и каждому дается особый даръ. Христосъ же имѣлъ всю полноту благодатныхъ даровъ, о которой сказано: исполненный благодати и истины. Слѣдовательно, въ Христѣ вся полнота благодати: ибо избраннымъ каждому удѣляются отдѣльные дары.“

Слова *Августина* изъ его LXXIV изслѣдованія на *Іоанна*, которыя мы только что привели, повторяетъ и *Беда* въ комментаріи къ XII гл. посланія къ *Римлянамъ*.

Альбинъ—Алжуинъ во II кн. „о Тройцѣ“, гл. XXII: „дары Св. Духа членами Церкви раздѣляются, какъ печать (sigillatim), и каждому дается особый даръ; ибо только во Христѣ—вся полнота даровъ, потому что въ немъ обитаетъ вся полнота божества. Отсюда Онъ и провозглашается евангелистомъ—исполненнымъ благо-

¹⁾ *Северіанъ* былъ епископомъ въ Сиріи ок. 401 г.—современникъ *Златоустаго*, расположеніемъ котораго пользовался, будучи въ *Константинополѣ*.

дати и истины. Въ Св. Духѣ заключается вся благодать даровъ: Ибо Онъ Самъ, какъ хочетъ, раздаетъ благодать даровъ, однимъ давая рѣчь мудрости, другимъ-знанія, инымъ вѣру, и такимъ образомъ всякому подается благодать въ силѣ Духа по волѣ раздающаго“. И чрезъ нѣсколько строкъ (столб. 736): „но теперъ дары Св. Духа находятся въ людяхъ не такъ, какъ когда-то. Ибо въ народѣ Израильскомъ дары Св. Духа возсіяли на немногихъ какими-нибудь знаменіями или пророчествами; а нынѣ благодать Св. Духа разливается во всемъ множествѣ вѣрующихъ по волѣ раздающаго Бога. И это сказано въ евангеліи: Духъ еще не былъ данъ, потому что Христосъ еще не прославился. Подобно тому какъ члены одного тѣла имѣютъ различное назначеніе, — однако всеми ими управляетъ и черезъ нихъ дѣйствуетъ одна душа, распредѣляя между членами, что каждый долженъ дѣлать: глазъ видѣть, рука-дѣйствовать, нога-ходить, ухо слышать; — такъ и различные дары розданы вѣрнымъ, какъ членамъ по мѣрѣ, свойственной каждому. И хотя во всемъ множествѣ вѣрныхъ разная благодать даровъ, — однако Церкви представляетъ собою одно тѣло, скрѣпленное и связанное одною связью любви черезъ Духа Святого“.

Маркъ Пустынникъ ¹⁾ въ отвѣтѣ сомнѣвавшимся въ божественномъ крещеніи, на вопросъ: „какъ немного раньше ты сказалъ, что Духъ Св. истинно въ насъ обитаетъ?“ (т. I библіотеки Греческихъ Отцовъ, ст. 931): „я сказалъ: начатки Духа Св. въ насъ обитаютъ; сказалъ, не желая вводить мысль о нѣкоторой части тѣла, или о нѣкоторомъ дѣленіи Св. Духа (ибо Онъ не дѣлится и не отчуждается), но желая показать нашу вмѣстимость (способность воспринять), которая не можетъ принять всю силу Св. Духа иначе какъ только черезъ конечную заповѣдь, т. е. черезъ смерть; такъ что и смерть за истину Христову есть велѣніе Боже. И такъ, подобно какъ совершенное солнце предоставляетъ всѣмъ свое полное простое и равное благодѣяніе, а каждый насколько у него чистый глазъ, настолько хотя бы онъ былъ и простолюдинъ, воспринимаетъ свѣтъ; такъ и Духъ Св. отъ принятія крещенія сдѣлалъ

¹⁾ Этотъ Маркъ жилъ въ IV вѣкѣ; пребылъ въ отшельничествѣ около ста лѣтъ. Не нужно смѣшивать съ другимъ Маркомъ-пустынникомъ, жившимъ ок. 909 при императорѣ Львѣ.

вѣрующихъ въ него способными вмѣстить все дѣйствія и дары. Однако не всѣхъ одинаково допустилъ Онъ пользоваться Его дарами,—но каждаго по достоинству его и по образу исполненія Его заповѣдей сообразно съ тѣмъ, насколько онъ заявилъ себя добрыми дѣлами и высказалъ мѣру своей вѣры въ Христа“.

Ломбардъ также припоминаетъ слова Беды, имѣющія тотъ же смыслъ, въ I кн. „мнѣній“, разд. XIV: „а нѣкоторые говорятъ, что Духъ Св., какъ Богъ, не дается, а только дары Его, которые не суть самъ Духъ Св., и утверждаютъ, что Духъ Св. подается съ благодатию Его, которая однако не есть Онъ Самъ, подаваемый людямъ. И говорятъ, что это разумѣлъ Беда въ приведенныхъ выше словахъ, гдѣ онъ говоритъ, что Духъ Св. исходитъ, когда дается людямъ Его благодать, — какъ бы не Онъ Самъ дается, а Его благодать.“

Отсюда также и Отецъ и Сынъ приходятъ къ намъ не иначе, какъ только по дарамъ благодати, по благодатному дѣйствованію, или, что одно и то же, по благодатному вселенію въ насъ.—Эту мысль ясно проводятъ Св. Отцы.

Ремигій Реймскій въ комментаріи на I посл. къ Коринѣ. гл. XII (т. V, ч. III Кельнской библ. Отцовъ стр. 889): „нужно признать, что хотя Богъ по могуществу божества—вездѣсущъ, однако Онъ-не вездѣ по благодати вселенія, и въ тѣхъ, въ которыхъ обитаетъ по благодати, не одинаково обитаетъ“.

Фульгенцій во II кн. „къ Мониму“ въ словахъ, только что приведенныхъ: „какъ Отецъ и Сынъ не могутъ не быть, гдѣ бы то ни было, и однако приходятъ, къ кому хотятъ,—но приходятъ по благодати, ибо по могуществу Они вездѣсущи; такъ и въ посланіи и въ пришествіи Духа Св. не должно понимать никакого мѣстнаго движенія Его, но нужно признавать дѣйствіе нашего освященія“.

И раньше этихъ Отцовъ *Августинъ* въ XVII посланіи писалъ: „нужно признать, что Богъ вездѣсущъ по присутствію божества но Онъ не вездѣ по благодати обитанія. Ибо влѣдствіе этого обитанія, въ которомъ, безъ сомнѣнія, познается благодать Его любви, мы не говоримъ: Отецъ Нашъ, который вездѣ пребываетъ, хотя это и истинно,—но: Отецъ Нашъ, который на небесахъ, что бы

въ молитвѣ скорѣе вспоминать храмъ Его, которымъ и мы сами должны быть. Поэтому, такъ какъ вездѣсущій не во всѣхъ обитаетъ, то и въ комъ Онъ обитаетъ, обитаетъ не равно. Ибо—какимъ образомъ Елисей просилъ, что бы Духъ Божій, бывший въ Или, оказался въ немъ вдвойнѣ? И откуда среди святыхъ одни святѣе другихъ, если не вслѣдствіе обладанія болѣе изобильнымъ пребываніемъ въ нихъ Бога?“

Но ни Духъ Св. безъ Отца и Сына, ни Отецъ и Сынъ безъ Духа Св. никогда къ намъ не приходятъ. Вотъ слова *Августина* относительно этого, въ I кн., гл. IX „о Троицѣ“: „нѣсколько раньше Онъ (Спаситель) говоритъ: и Я упрошу Отца, и Онъ дастъ вамъ иного Утѣшителя для того, чтобы Онъ былъ съ вами вѣчно; слѣдовательно Онъ не отдѣлится, когда придутъ Отецъ и Сынъ, но будетъ въ той же обители вмѣстѣ съ Ними, такъ какъ ни Онъ безъ Нихъ, ни Они безъ него не приходятъ. Но для обозначенія Троицы, когда называется каждое лицо, то говорится о лицахъ нѣчто свойственное отдѣльно каждому; однако не мыслятся они (лица) отдѣльно одно отъ другого вслѣдствіе единства той же Троицы, одной сущности и божества Отца и Сына и Св. Духа“.

И въ посланіи LVII (далеко до середины): „кто, кромѣ совершенно незнающаго нераздѣльности Троицы, осмѣлится думать, что въ комъ-нибудь можетъ обитать Отецъ или Сынъ безъ Духа Св., или Духъ Св. безъ Отца и Сына?“.

Изъ всего этого, несомнѣнно, достаточно ясно, что Латиняне заблуждаются, утверждая, что Духъ Св. посылается Сыномъ по божеству, такъ какъ Онъ посылается, какъ доказано, только по дарованію благодати и благодатнымъ дѣйствіямъ. И отсюда далѣе Отцы вездѣ учатъ: Духъ Св. посланъ былъ не по сущности, но по видимымъ формамъ, въ которыхъ Онъ явился. Такъ *Августинъ* во II кн., гл. V „о Троицѣ“: „если (Сынъ Божій) называется посланнымъ постольку, поскольку явился во внѣ въ образѣ тѣлесной твари, будучи внутри, въ духовной Своей природѣ, навсегда скрытымъ отъ глазъ смертныхъ; то легко уже и относительно Св. Духа понять, почему и Онъ называется посланнымъ. Именно—созданъ былъ во времени нѣкоторый видъ твари для того, чтобы въ ней видимо показалъ Себя Духъ Св.,—или въ то время, когда Онъ

сошелъ въ тѣлесномъ образѣ, какъ голубь, на Самого Господа, или, когда спусти десять дней по вознесеніи, въ день пятидесятницы, послышался внезапно съ неба шумъ, какъ бы пронеслось сильное дуновеніе, и стали видимы апостоламъ раздѣленные языки, какъ бы огненные, и сѣли на каждомъ изъ нихъ. Это дѣйствіе, видимо выраженное и представленное взорамъ смертныхъ, и названо посланіемъ Св. Духа,—не такъ, что бы явилась сама сущность Его, въ которой и Онъ столь же невидимъ и неизмѣняемъ, какъ и Отецъ и Сынъ, но для того, что бы сердца людей, возбужденныя внѣшними видѣніями, обратились отъ временнаго обнаруженія Его пришествія къ скрытой вѣчности Его всегдашняго присутствія“.

Авторъ „сокращенія противъ Аріанъ“ (среди пяти древнихъ писателей, изд. Сирмондомъ, стр. 108): „должно вѣровать, что посылается признаваемый вездѣсущимъ,—какъ говоритъ псалмопѣвецъ: куда пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего куда убѣгу? Но, подобно посланію Сына, посланіе здѣсь обозначаетъ воплощеніе, когда Онъ (Духъ Св.) соизволилъ объявить Себя или въ видѣ голубя, или въ огнѣ, или въ различныхъ подобнаго рода знаменій“.

Авторъ книги LXV^е вопр. (у Августина, т. IV^е, вопр. IX), на вопросъ Орозія: „скажи, что ты понимаешь подъ посланіемъ Духа Св.?... Развѣ и Онъ принялъ человѣческій образъ, чтобы Его назвали посланнымъ?“ Отвѣтъ: „какъ Сынъ не называется ни посланнымъ, ни меньшимъ по существу, такъ и Духъ. Наконецъ,—какъ Первый названъ меньшимъ, или посланнымъ по человѣку (какъ человѣкъ), такъ и Второй названъ посланнымъ, какъ голубь, или огонь, разумѣется потому, что явился не въ той сущности, въ которой Онъ равенъ Отцу, но, какъ сказано, въ видѣ подчиненной твари“.

И *Альбинъ Алхунъ* въ III кн. „о Троицѣ“, въ гл. V: „это посланіе (Духа Св.) совершилось посредствомъ нѣкоторыхъ видимыхъ на часъ тварей: созданъ былъ на время нѣкоторый видъ твари, что бы въ ней могъ показать Себя Духъ Св., или когда сошелъ на Самого Господа послѣ крещенія въ тѣлесномъ видѣ голубя, или когда явился въ тѣлесномъ образѣ при сошествіи на апостоловъ въ огненныхъ языкахъ. Это дѣйствіе, выраженное ви-

димо и представшее глазамъ смертныхъ, называется посланіемъ Св. Духа“.—Такимъ образомъ, никогда Отцы не признавали, что Духъ Св. можетъ быть посылаемъ и по божеству.

ОТВѢТЪ VIII.

И такъ, доказано, что Духъ Св. посылается не иначе, какъ только въ смыслѣ дара, или въ смыслѣ благодатныхъ дѣйствій. Спрашивается, каковъ же выводъ: „Духъ Св. съ согласія, вслѣдствіе единосущія, Сына изливаетъ на насъ Свои дары, слѣдовательно—Духъ Св. произведенъ Сыномъ (произошелъ отъ Сына)?“ Конечно, всякому ясно, что нѣтъ никакой необходимости для такого заключенія. Это тоже, какъ если бы умозаключать такимъ образомъ: Сынъ—единосущенъ со Св. Духомъ, слѣдовательно Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Я же сказалъ: Духъ Св. посылается Сыномъ, это значитъ: Духъ Св. съ согласія, по единосущію, Сына начинаетъ изливать Свои дары. Ибо въ посланіи Духа Сынъ участвуетъ не иначе, какъ только по тожеству и общности природы.—Такъ *Амеросій* въ кн. „о символѣ“ въ гл. X (т. IV твореній, столб. 94) пишетъ: „говорить (Спаситель): отъ Отца исходитъ—по началу (происхожденію); говорить: Котораго Я пошлю—по общности и единству природы“. И въ кн. III, гл. I „о Духѣ Св.“ (т. IV твореній, столб. 255): „если взаимно посылаютъ Другъ Друга Сынъ и Духъ такъ, какъ посылаетъ Отецъ, то это не есть униженіе подчиненія, а общность власти“. *Иеронимъ* въ комментаріи къ *Исаи*,—на главу LVII: „Духъ Св., Который отъ Отца выходитъ, и по общности природы посылается Сыномъ, говорящимъ: если Я пойду, пошлю Его къ вамъ“.

Кириллъ Александрійскій въ XI кн. толкованій на *Іоанна* (т. IV твореній, стр. 987): „Духъ Отца есть Духъ Сына и Отца, посылающаго и обѣщающаго дать Его святымъ, но въ свою очередь раздаетъ Его, какъ собственнаго, Сынъ вслѣдствіе тожества сущности, которую имѣетъ совмѣстно съ Отцомъ“.

И авторъ книгъ „объ единомъ Божествѣ Троицы“, въ III кн. (между твореніями *Аванасія*, т. II, стр. 562): „узнай, наконецъ, что нѣкогда было соединено это божество посылающаго (Сына) и посланнаго (Духа Св.), такъ какъ Тотъ, Кто теперь въ евангеліи

засвидѣтельствовадь о Себѣ, что Онъ пошлетъ Духа-Утѣшителя, заявилъ черезъ славнаго Исаію, что Самъ уже раньше Имъ (Духомъ) былъ посланъ. Не меньше, значитъ, о Сынѣ слѣдуетъ сказать, что Онъ посылаетъ намъ Духа Св. только по волѣ и единственному согласію (ибо у Троицы—одна воля и согласіе), какъ и о Духѣ, что Онъ только по такой же причинѣ послалъ Сына“.

Но противъ того положенія, что Духъ Св. посылается только въ смыслѣ даровъ, Латиняне приводятъ разныя возраженія. Именно — *Белларминъ* во II кн., въ XXII гл. своего сочиненія „о Христѣ“ пишетъ: „утверждать противное есть явное заблужденіе. Ибо въ V гл. къ Римл. сказано: любовь Божія разлита въ сердцахъ нашихъ черезъ Духа Св., Который намъ данъ. Ты видишь, здѣсь ясно различаются Духъ Св. и дары Его,— то и другое дается“. Но хотя мы утверждаемъ, что Духъ Св. посылается только въ смыслѣ благодатныхъ даровъ, однако изъ за этого не отрицаемъ (избави насъ Бог!), что былъ посланъ и Самъ Св. Духъ. Ибо хотя, конечно, и Сынъ Божій посылается, не по скольку Онъ Богъ или по своему божеству, но только по человѣческой природѣ; тѣмъ не менѣ въ этотъ міръ посланъ былъ Самъ Сынъ—Богъ Слово. Слѣдовательно, посылается въ этотъ міръ Сынъ Божій, посылается въ этотъ міръ и человѣкъ—Христось: развѣ изъ того, что въ этихъ словахъ поминается и Сынъ Божій, и посланная плоть, не слѣдуетъ, что Сынъ Божій посланъ былъ въ этотъ міръ не по плоти только? И такъ, различается въ приведенныхъ словахъ апостола Духъ Св., какъ виновникъ и производитель, отъ Его дѣлъ, потому что, разумѣется, Онъ Самъ намъ дается, производя въ насъ Свои дары. Если же нѣкоторые изъ Отцовъ въ выписанныхъ нами выше мѣстахъ изъ ихъ сочиненій отрицають, что Духъ Св. посылается, или изливается, то, конечно, разумѣють, что мы также видѣли, что Духъ Св. не изливается и не посылается по скольку Онъ-Богъ, или по божеству. Въ самомъ дѣлѣ, *Кириллъ Александрійскій*, который открыто отрицалъ, что Духу Св. не причествуетъ посланіе, въ другомъ мѣстѣ, въ діалогъ VII съ Ерміемъ, говоритъ: „не благодати (т. е. одной только), но Самого единаго Святаго Духа стали участниками апостолы вслѣдствіе этого. вдуновенія Спасителя“.

Белларминъ же продолжаетъ: „также въ I къ Коринѣ. гл. VI: члены ваши суть храмъ Св. Духа, Котораго имѣете въ себѣ. И дальше: носите Бога въ тѣлѣ вашемъ. Но, конечно, дары Духа Св. не суть Богъ и имъ не должно быть храма. И въ I посл. Іоанна, гл. IV: кто пребываетъ въ любви, въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ. Слѣдовательно, не одна любовь, которая не есть Богъ, въ насъ пребываетъ, но пребываетъ истинно Самъ Богъ.—Наконецъ, то, что сказано въ XVI гл. Іоанна: если Я не уйду, Утѣшитель къ вамъ не придетъ, и если Я пойду, пришлю Его къ вамъ. И въ XIV гл. Іоанна: иного Утѣшителя дастъ вамъ и пр.— всѣ эти мѣста только нелѣпѣйшимъ образомъ можно относить къ дарамъ: ибо дары не приходятъ, не посылаются и не могутъ сравниться съ Христомъ, какъ Одинъ Утѣшитель съ Другимъ“. И приведя слова *Златоустаго* изъ комментарія къ V посл. къ Римлянамъ и слова *Кирилла* Александрійскаго на XVI гл. Іоанна, *Белларминъ* прибавляетъ: „всѣ они (Отцы) учатъ, что посылается Сыномъ Самъ Богъ Духъ Святый“.

Этимъ іезуитъ доказываетъ, что одни дары Св. Духа намъ не даются, но посылается также и Самъ Св. Духъ. Но этого, какъ сказано, мы никогда не отрицаемъ. Если же іезуитъ хотѣлъ опровергнуть мнѣніе восточныхъ, онъ долженъ былъ доказать вотъ что: Духъ Св. посылается не только по дарамъ, но также и по самому божеству. Какъ мы только что объясняли, посланъ былъ, конечно, въ этотъ міръ человѣкъ—Христосъ, посланъ въ свою очередь въ этотъ міръ Сынъ Божій. Развѣ же поѣтому Сынъ Божій не былъ посланъ въ этотъ міръ только по человѣческой природѣ? — Затѣмъ-иное дѣло посланіе Св. Духа, иное самое уже вселеніе Св. Духа. Вѣдь Богъ не имѣетъ никакого отношенія къ мѣсту, но говорится, что Онъ присутствуетъ тамъ, гдѣ обнаруживаетъ какое-нибудь дѣйствіе, какъ объ этомъ пространно учатъ: *Василій* въ XXX бесѣдѣ „о раѣ“ (т. I стр. 628), *Дидимъ* Александрійскій въ II кн. „о Св. Духѣ“, *Григорій Нисскій* въ I кн. противъ Евномія (въ приложеніи къ твореніямъ Нисскаго, изд. іезуитомъ Гретсеромъ въ Парижѣ, въ 1618 г., стр. 55); *Августинъ* въ V кн., гл. I „о Троицѣ“, въ I кн. „разговора о кн. Бытія“, номеръ 102, въ кн. VIII „о кн. Бытія буквально“ (ad litteram), гл. XIX и XXVI, въ

посланиѣхъ II и СХII. *Максимъ* Исповѣдникъ въ „разсужденіи съ Пирромъ“ (т. V Соборовъ, столб. 1810); *Немесій*, епискомъ Эмиссенскій, — „о природѣ челоуѣка“ (т. II библиотеки Греческихъ Отцовъ, стр. 493); наконецъ *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. „православной вѣры“, гл. XVI.

Слѣдовательно, — такъ какъ Духъ Св., совершая все во всемъ, Своею сущностью вездѣ присутствуетъ и поэтому по Своей сущности никуда не можетъ быть посланъ, — то выраженія Духъ Св. приходитъ, посылается — употребляются, когда Онъ начинаетъ изливать Свои дары, или совершать Свои благодатныя дѣйствія. По благодатнымъ дѣйствіямъ, значить, Онъ не во всемъ находился, по сущности Своей присутствуя всегда и во всемъ. Но тамъ, гдѣ уже совершаетъ Духъ Св. эти благодатныя дѣйствія, то, (такъ какъ Богъ присутствуетъ тамъ, гдѣ Онъ совершаетъ), говорятъ тогда, что Онъ тѣмъ болѣе присутствуетъ тамъ по Своей сущности, чѣмъ явственнѣе становится дѣйствіе Самого Бога. И поэтому-то вслѣдствіе болѣе явственныхъ дѣйствій мы, вѣрные, и называемся храмомъ Духа Св. — Слѣдовательно, въ выставленныхъ въ качествѣ возраженія мѣстахъ изъ гл. VI, I-го посл. къ Коринѣ. и изъ IV гл. I-го посланія Іоанна идетъ рѣчь не о посланіи, а о самомъ уже благодатномъ вселеніи Духа Св. — Что же касается *Златоустаго* и *Кирилла*, слова которыхъ приведены выше, то, конечно, первый ясно училъ, что Духъ Св. посылается не по божеству, а только по дарамъ; а второй равнымъ образомъ отрицалъ, что можно понимать посланіе по божеству тамъ, гдѣ говорится о посланіи Духа Св., но утверждалъ, что такое слово Богъ употребляетъ для челоуѣческаго пониманія. Ибо иное дѣло сказать: — посылается Богъ Духъ Св., иное — Духъ Св. посылается по своему божеству.

Но *Белларминъ* прибавляетъ: „приведемъ самое ясное основаніе: если стануть говорить, что Духъ посылается Сыномъ потому, что Сынъ есть виновникъ даровъ, то можно также сказать, что Отецъ посылается Сыномъ, мало того — что Отецъ и Сынъ посылаются Духомъ Св., ибо какое угодно лицо есть виновникъ всѣхъ даровъ.“ Быть посланнымъ Сыномъ, — говоримъ мы, значить начать съ согласія, по единосущію, Сына изливать благодатные дары. На нелѣпости же, которыя, по мнѣнію Беллармина, отсюда равно можно выставить, отвѣтимъ впоследствии.

Наконецъ, *Веллярминъ* еще заявляетъ: „если бы посланіе Духа Сыномъ обозначало посланіе Его даровъ, то также, когда мы читаемъ, что Сынъ посланъ Отцомъ въ этотъ міръ, невѣрующіе въ это могли бы отвѣтить: не Сынъ истинно былъ посланъ, но нѣкоторый сотворенный даръ,—и такимъ образомъ исчезло бы таинство воплощенія.“ Но мы не просто утверждаемъ, что,—если Духъ Св. посылается Сыномъ, то это значитъ:—посылаются дары Его, какъ будто бы мы вмѣстѣ съ тѣмъ отрицали, что Самъ Духъ Св. къ намъ посылается; а только защищаемъ положеніе, что Духъ Св. къ намъ посылается не по божеству, а лишь—по дарамъ (въ смыслѣ даровъ). Какимъ же образомъ можно вывести слѣдствіе, что и Сынъ не былъ къ намъ посланъ истинно, а только сотворенный даръ? Отсюда только будетъ слѣдовать, что на равномъ основаніи, — конечно,—не по божеству, но инымъ образомъ, т. е. по чѣловѣчеству, посланъ былъ Сынъ въ этотъ міръ. Притомъ не возможно также, что бы Сынъ и Духъ Св. согласовались въ отношеніи посланія,—именно: Духъ Св. не воплотился такъ, какъ Сынъ. Слѣдовательно, какимъ образомъ вслѣдствіе этого объясненія посланіемъ Духа Св. могло бы уничтожиться таинство воплощенія?

Можно, затѣмъ, возражать: посылается намъ Духъ Святыи—Богъ, равный Отцу и Сыну, поэтому и третье лицо божества. Если это такъ, то, конечно, Духъ Св. посылается къ намъ по божеству, или же Его божество, если только мы не захотимъ отвергнуть божественную природу его лица (ипостаси). Но когда посланъ къ намъ Духъ, пришелъ и Отецъ—истинный Богъ,—первое божественное лицо; пришелъ вмѣстѣ къ намъ и Сынъ Божій, Который намъ это открылъ,—Богъ, конечно, равный Своему Отцу, т. е. второе божественное лицо;—а между тѣмъ однако Отецъ, или Сынъ по божеству къ намъ не приходятъ. Далѣе —Сынъ Божій—*λόγος*—истинно посланъ былъ въ міръ, равный Богу Отцу,—второе божественное лицо (ипостась); и однако не по божеству (не какъ Богъ) былъ посланъ въ міръ Сынъ Божій. Точно такъ же, затѣмъ, Сынъ Божій—*λόγος*, равный Богу Отцу и Св. Духу, и поэтому второе лицо божества, ставшій челоуѣкомъ, воплотившійся, пострадавшій, умершій, взнесъ на небо.—Объ этотъ говорятъ Св. Отцы.

Фульгенцій въ кн. „о вѣрѣ къ Петру,“ въ гл. XIII: „крѣпко держись и никонмъ образомъ не сомнѣвайся, что одно лицо изъ Тройцы, т. е. Богъ—Сынъ, Одинъ только родившійся изъ природы Бога Отца и одной и той же природы съ Отцомъ, Самъ въ исполненіи времени по Своей волѣ зачатъ былъ въ дѣвѣ по воспріятію рабскаго образа и родился отъ дѣвы, ставши Словомъ—плотью.“ И въ гл. XLV: „слѣдуетъ также вѣрить для спасенія, что одно лицо изъ Тройцы, т. е. единородный Богъ Одинъ только сталъ чловѣкомъ для нашего спасенія.“ И въ кн. „о воплощеніи и благодати Господа Нашего Иисуса Христа,“ въ гл. X: „Одинъ только Сынъ т. е. Тотъ Котораго Отець родилъ въ единствѣ природы совѣчнымъ Себѣ и соравнымъ Сыномъ, т. е. одно изъ Тройцы лицо Христа, единственный Сынъ Божій зачатъ во плоти и родился изъ утробы матери дѣвы для того, чтобы насъ спасти.“

Иоаннъ Дамаскинъ въ III кн. „православной вѣры“, въ гл. XI: „плоть, ставшая Словомъ, есть сама ипостась Слова, сдѣлавшаяся безповоротно ипостасью плоти.“ И въ кн. IV, гл. V: „ипостась Бога Слова была до воплощенія несложная, безтѣлесная и несозданная; воплотившійся же, она стала и ипостасью плоти, и составила изъ божества, которое всегда имѣла, и изъ плоти, которую приняла.“

И такъ, если ипостась Сына воплотилась, если затѣмъ она, пострадавши, взшла на небо, то развѣ по этому Христось воплотился и пострадалъ по божеству? Равнымъ образомъ никакъ нельзя дѣлать такой выводъ: лицо (ипостась) Духа Св. къ намъ посылается, — значить, оно посылается къ намъ по божеству. Конечно, нѣтъ никакой необходимости выводить заключеніе, что, что бы ни говорилось о Сынѣ Божіемъ и о Духѣ Св. и объ Ихъ лицахъ, это говорится по самому Ихъ божеству; тогда какъ, разумѣется, объ этихъ двухъ лицахъ говорится иногда, не насколько они лица божественныя, но и инымъ образомъ: какъ по чловѣчеству воплотилось и пострадало лицо Сына Божія, и по дарамъ послано лицо Св. Духа. Наконецъ, отсюда не слѣдуетъ отрицаніе божества этихъ лицъ; нисколько не болѣе это вытекаетъ въ этомъ случаѣ, какъ когда мы отрицаемъ, что Сынъ и Духъ Св. посланы были по божеству, или

что Сынъ воплотился и пострадалъ, какъ Богъ: ибо для всякаго ясно, что вслѣдствіе этого Сынъ и Духъ Св. не лишились божества. Мы только что привели основаніе для этого,—оно равно относится и сюда.—И такъ, изъ данныхъ до сихъ поръ отвѣтовъ достаточно явствуется, что Латиняне безъ всякой необходимости дѣлаютъ заключеніе: кто посылается, тотъ и происходитъ отъ того, къмъ посылается, а потому—Духъ Св. исходитъ Сына, такъ какъ Онъ Сыномъ посылается.

Но, кромѣ того, выставляли далѣе еще возраженіе: „посланіе это одно и то же, что и исхожденіе,“—слѣдовательно—если Духъ Св. посылается Сыномъ, то и исходитъ отъ Него. Между тѣмъ это совершенно различныя вещи: посланіе Духа Св. совершилось во времени; оно произошло для насъ; а ипостасное исхожденіе Св. Духа, или Его произведеніе,—вѣчно, прежде всѣхъ временъ и вѣковъ. Посланіе Св. Духа происходитъ ради насъ и отсюда—оно дѣло Бога во внѣ (внѣшнее); произведеніе же Духа Св., или исхожденіе,—безъ всякаго отношенія къ тварямъ, не менѣе, чѣмъ рожденіе Сына Божія, совершилось отъ вѣчности, и поэтому оно есть дѣло Бога внутреннее. Посланіе есть изліяніе даровъ, или благодатное дѣйствіе даровъ (о чемъ говорилось выше); а исхожденіе есть способъ, которымъ Духъ Св. получилъ причину Своего существованія. Исхожденіе—далѣе—есть способъ ипостаснаго бытія (*modus subsistendi*—*λόγιστος ὑφίστασθαι*), а посланіе—нисколько;—такъ же рожденіе Сына Отцомъ есть способъ ипостаснаго бытія, а совершившееся посланіе Его въ этотъ міръ—нисколько. Духъ Св. уже отъ вѣчности существовалъ по способу Своего ипостаснаго бытія,—посланіе же Его совершилось только во времени. Кромѣ того, Духъ Св. и Самъ Себя въ равной мѣрѣ излилъ, далъ, послалъ,—а между тѣмъ исходитъ-то Онъ не отъ Самого Себя. Слѣдовательно, столь же ложно, что посланіе Духа Св. есть Его исхожденіе, какъ ложно, что рожденіе Сына Божія отъ Пресвятой Дѣвы есть то же, что рожденіе Сына отъ Отца: основаніе для того и другого утвержденія—одинаковое. А что нѣкоторые изъ Латинянъ словомъ исхожденіе обозначали также временное посланіе, то это они дѣлали произвольно и чрезвычайно неправильно, въ чемъ мы уже выше убѣдились. Ибо въ истинномъ, собственномъ и католическою церковью приня-

томъ смыслѣ слово исхожденіе (*vox processionis*) обозначаетъ единственно основаніе происхожденія Духа Св. Слѣдовательно, если настаивать на указанномъ несобственномъ смыслѣ и прибавлять, что исхожденіе Св. Духа только одно и поэтому посланіе есть тоже исхоженіе, то, конечно, ложно, что на этомъ основаніи существуетъ одинъ только родъ исхожденія, но исхожденіе будетъ или временнымъ, или вѣчнымъ и ипостаснымъ. Поэтому *Ломбардъ* въ I кн. „мѣстѣ“, разд. XIV заявляетъ: „притомъ тщательно слѣдуетъ отмѣтить, что исхожденіе Св. Духа—двойное: вѣчное, неизреченное, по которому Онъ исходитъ вѣчно и внѣ времени отъ Отца и Сына, — и временное, — по которому Онъ исходитъ отъ Отца и Сына для освященія твари.“ Между тѣмъ въ несобственномъ значеніи, по которому исхожденіе обозначало посланіе, посланіе тоже-ственно съ исхожденіемъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово исхожденіе знаменуетъ способъ, которымъ Духъ Св. получилъ причину Своего бытія.

Но „хотя посланіе“, говорятъ иные, „не есть само исхожденіе, однако оно предполагаетъ въ посылающемъ способность быть началомъ“. Дѣйствительно, посланіе предполагаетъ, конечно, основаніе начала, почему Сынъ, будучи посланъ, зависитъ отъ причины (*causatus*), — равнымъ образомъ и Духъ Св., будучи посланъ, произшелъ или былъ произведенъ, но ложно, что посланіе непременно предполагаетъ въ посылающемъ способность быть началомъ. Ибо Сынъ былъ, какъ выше говорилось, посланъ Духомъ Св., — однако это посланіе Духомъ Сына не предполагаетъ въ посылающемъ Духъ Св. способности произведенія Сына: Одинъ Отецъ—родитель Сына. Далѣе, — Сынъ и Духъ Св. Самы Себя посылаютъ, что также раньше доказано; но развѣ поэтому въ Сынѣ и Духъ Св. заключается способность произведенія Самихъ Себя? Напротивъ, хотя Григорій Назіанзинъ точно такъ же признаетъ, что посланіе Духа Св. предполагаетъ производителя, но желая показать, кого онъ предполагаетъ производителемъ Св. Духа, или въ комъ предполагаетъ эту производительную силу, Онъ называетъ не Сына, а только Отца. Такъ въ XXXVIII словъ говоритъ: „все, что ни говорится нѣсколько униженнаго о Духъ Св., какъ-то: быть даннымъ, посланнымъ, удѣленнымъ, вдуновеніе, обѣщаніе,

посредничество и пр.—чтобы всего не припоминать,—нужно отнести къ главной причинѣ (Отцу), чтобы показать изъ кого—Духъ, и что бы не принимать трехъ раздѣльныхъ началъ, какъ будто есть много Боговъ“.

Нѣкто настаиваетъ ¹⁾: „для уничтоженія разницы между исхожденіемъ виѣшнимъ и внутреннимъ (ab extra et intra), слѣдуетъ прежде всего спросить у противниковъ: отъ какого греческаго Св. Отца они узнали, что исхожденіе Св. Духа дается чисто временно и свойственно Одному только Сыну? Ибо то исхожденіе, которое есть въ Отцѣ, съ необходимостью предполагаетъ исхожденіе вѣчное. Кто ихъ научилъ, что Духъ св. иначе есть Духъ Сына, иначе—Отца, или есть иначе отъ Сына, иначе отъ Отца, хотя Онъ есть одинъ и тотъ же Того и Другого? Откуда они взяли, что Отецъ не можетъ быть раздавателемъ Св. Духа иначе, какъ только въ качествѣ Его начала; Сынъ же можетъ быть Его раздавателемъ, хотя и не есть Его начало?“ Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ сказать, *во первыхъ*: какимъ же это образомъ было бы невозможнымъ, что бы Сыну принадлежало только временное посланіе Св. Духа, а не также и Его произведеніе, хотя Отцу принадлежить и временное посланіе Св. Духа, и Его произведеніе, тогда какъ и Духъ Св., конечно, посылаетъ Сына только временно и отнюдь не рождаетъ Его отъ вѣчности, хотя Отецъ и посылаетъ Сына временно, и также рождаетъ Его прежде всѣхъ вѣковъ? А что, *далѣе*, чисто временное исхожденіе, или посланіе Св. Духа (ибо словами временное исхожденіе обозначается одно только временное посланіе) дается, тому учить и само Св. Писаніе, говоря о посланіи Св. Духа, и очень многіе изъ Отцовъ, — всѣ тѣ, которые выше исповѣдали, что Духъ Св. посылается не по божеству, а только по дарамъ. Притомъ,—неправда, что это послѣднее посланіе свойственно только Сыну, ибо оно принадлежить и Отцу, и даже Самому Св. Духу. Ибо, хотя чисто временное посланіе предполагаетъ въ Отцѣ вѣчное исхожденіе, однако это же самое посланіе, разсматриваемое само въ себѣ, есть совершенно одно и то же по числу въ Отцѣ и Сынѣ, въ Которомъ не предполагаетъ одинаково вѣчнаго исхожденія:—посланіе Духа Св. есть виѣшнее дѣйствіе

¹⁾ Циховій, вопр. VI ст. 68.

божества,—слѣдовательно, оно одно и тоже числомъ принадлежитъ Отцу и Сыну. Твореніе, конечно, предполагаетъ въ Отцѣ причину Сына и также Духа Св.,—въ Сынѣ же-нисколько; однако одна способность творенія въ Сынѣ и въ Отцѣ. Послалъ Сына Отецъ, послалъ Его, согласно съ сказаннымъ выше, и Духъ Святыи; но посланіе въ Отцѣ предполагаетъ вѣчное рожденіе, а въ Духѣ Св.—не предполагаетъ. Однако вслѣдствіе этого въ Отцѣ и въ Духѣ Св. пребываетъ одно по числу посланіе,—и это еще потому, что хотя въ Отцѣ посланіе Сына или Духа Св. предполагаетъ способность быть причиною, однако опредѣленіе посланія Сына будетъ принадлежать Отцу и Св. Духу, а опредѣленіе посланія Духа Св. точно такъ же будетъ принадлежать какъ Отцу, такъ и Сыну Божію. — Далѣе,—мы отнюдь не говоримъ, что Духъ Св. есть иначе Духъ Сына, иначе Духъ Отца. Но объ этомъ будетъ рѣчь въ особой главѣ.—Не утверждаемъ мы также, что Духъ Св. иначе есть отъ Отца, иначе—отъ Сына. Ибо если словомъ „есть“—обозначается Его вѣчное исхожденіе, то Духъ святыи отнюдь не—отъ Сына, а только отъ Отца есть или исходитъ. Если же словомъ „есть“ обозначается временное посланіе (о такомъ пониманіи подробно—въ другомъ мѣстѣ), то мы, конечно, говоримъ, что Духъ Св. одинаково есть отъ Отца и отъ Сына. Но ложно утвержденіе, что одинъ и тотъ же Духъ Св. не можетъ быть Духомъ Обоихъ иначе, какъ только исходя вмѣстѣ отъ Отца и Сына. Но и объ этомъ поговоримъ въ особой главѣ. Наконецъ,—что Сынъ можетъ быть подателемъ Св. Духа, хотя онъ и не есть Его начало, тогда какъ Отецъ есть вмѣстѣ и податель, и производитель Духа Св., явствуетъ, конечно, изъ того, что Отецъ вмѣстѣ посылаетъ и раждаетъ Сына, однако Духъ Св. не раждаетъ такъ же Сына, а только посылаетъ Его. Мало того,—Духъ Св. есть, конечно, податель Самого Себя,—но онъ не является нисколько производителемъ Себя. Этому такъ часто учатъ Св. Отцы, какъ и тому, что Сынъ есть податель, но не причина, не начало и не источникъ Св. Духа; Отца же они называютъ и подателемъ, и причиною Св. Духа.

Наконецъ, тотъ же писатель ¹⁾ предъявляетъ въ другомъ мѣстѣ такое возраженіе: „сила посланія либо та же въ Сынѣ, что и

¹⁾ Циховій, воп. VIII, стр. 81.

въ Отцѣ, либо различная. Если различная, то и посланія будутъ различны, и дѣйствованіе Сына и Отца не будетъ одно; слѣдственно не будетъ одна и Ихъ сущность: ибо чьи природныя силы и дѣйствія различны, тѣхъ различны и сущности, такъ какъ изъ сущности вытекаетъ и сила. Если же одна и та же, то, такъ какъ въ Отцѣ сила посланія предполагаетъ силу дыханія, ту же силу необходимо предполагать и въ Сынѣ“. Совершенно вѣрно, что сила посланія Духа Св. одна и та же въ Отцѣ и Сынѣ, но совершенно ложно, что должно предполагать въ Сынѣ такую же силу, такую же способность дыханія. Ибо одна и та же сила посланія въ Отцѣ и въ Духѣ Св. (если же она была бы различна, то, употребляемъ аргументъ самого іезуита, — и посланія также будутъ различны, и дѣйствованіе Отца и Духа Св. не будетъ одно, слѣдовательно не будетъ одинаковой Ихъ сущность), и однако сила посланія не предполагаетъ въ Св. Духѣ силы рожденія. — Далѣе, — Сынъ Самъ Себя послать, какъ мы выше видѣли, и способность послать Самого Себя въ Немъ та же, что и въ Отцѣ; эта же способность Сына посылать Самого Себя тождественна съ способностью посылать Сына, которая есть у Духа Св., поэтому способность посылать Сына, которая есть у Духа Св., тождественна съ способностью посылать Сына, которая есть въ Отцѣ, — и однако способность посылать Самого Себя не предполагаетъ въ Сынѣ способности рожденія. Способность творенія, конечно, одна и та же въ Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ, но хотя она предполагаетъ въ Отцѣ способность быть причиной Сына и Духа Св., однако въ Сынѣ, или въ Св. Духѣ такой способности не предполагаетъ. Способность посылать Духа Св. предполагаетъ въ Отцѣ начало безъ начала; развѣ поэтому такое же начало безъ начала та же способность посланія равнымъ образомъ можетъ предполагать въ Сынѣ? Между тѣмъ основаніе для такого вывода одинаково съ тѣмъ, которое употребляетъ іезуитъ: способность посланія одна и та же въ Отцѣ и Сынѣ. Но Сынъ посылаетъ Духа Св. отъ Отца, Отецъ же отнюдь не посылаетъ Его отъ Сына (о чемъ рѣчь потомъ). Однако, если бы способъ заключенія іезуита былъ вѣренъ, то отсюда равнымъ образомъ слѣдовало бы, что Отецъ долженъ посылать Св. Духа отъ Сына. Затѣмъ, — что способность посланія Духа Св. отнюдь не

предполагаетъ въ Сынѣ способности дыханія, хотя Онъ посылаетъ Духа Св. такъ же, какъ Отецъ, становится яснымъ изъ словъ *Амвросія* въ III кн. „о Св. Духѣ“, гл. I: „если, говоритъ онъ, Сынъ и Духъ Св. посылаютъ Одинъ Другого такъ, какъ посылаетъ Отецъ, то это не униженіе подчиненія, а общность власти“. Слѣдовательно,—какова власть посланія заключается въ Св. Духѣ, посылающемъ Сына такъ, какъ посылаетъ Его Отецъ, такова же, по словамъ *Амвросія*, власть посланія въ Сынѣ, посылающемъ Духа Св. такъ, какъ посылаетъ Его Отецъ. Но для всѣхъ ясно, что власть посланія Сына отнюдь не предполагаетъ въ Св. Духѣ способности рожденія; равнымъ образомъ и власть посланія Духа Св., присущая Сыну, не будетъ вести къ предположенію способности дыханія (произведенія черезъ дыханіе). Отсюда же способъ разсужденія *іезуита* не ведетъ нисколько къ данному заключенію: ибо для установленія одной и той же способности посланія тождество пропхожденія (этой способности) не имѣетъ значенія, что ясно вытекаетъ изъ примѣра творенія. Сила творенія одна и таже и въ Отцѣ, и въ Сынѣ,—однако Отецъ эту способность имѣетъ отъ Себя, а Сынъ получаетъ ее отъ Отца. Для того, чтобы признать какую нибудь одну и ту же по числу способность присущую въ нѣсколькихъ лицахъ, достаточно, если цѣлостное опредѣленіе этой способности къ нимъ подходитъ. Поэтому—то и сами *Латиняне* въ другомъ случаѣ стараются доказать, что единству дуновенія нисколько не мѣшаетъ то обстоятельство, что Отецъ отъ Себя имѣетъ способность дыханія, а Сынъ, по ихъ утвержденію, имѣетъ ее отъ Отца.

Предъявляли еще такое возраженіе: „Духъ Св. посылается Сыномъ или какъ старшимъ, или какъ разумнѣйшимъ, или какъ причиной, Его производящею. Первыми двумя способами Онъ не посылается; значитъ, посылается Онъ Сыномъ, какъ производящимъ“. Но это перечисленіе оснований посланія было недостаточнымъ. Ибо иначе можно было бы, въ дѣйствительности, составить такое умозаключеніе: Сынъ посылается Духомъ Св., или какъ старшимъ, или какъ разумнѣйшимъ, или какъ производителемъ. Но первыми двумя способами Онъ не посылается; значитъ Онъ посылается Духомъ Св., какъ производителемъ. Здѣсь само собою ясно, на какомъ основа-

ни посылается Сыномъ Духъ Св.: на томъ, на какомъ посылается Духомъ Св. Сыномъ, --именно по согласію и единосущной волѣ посылается Духъ Св., такъ какъ по такой причинѣ посылается Духомъ Св. Сынь. Таково ясное ученіе Отцовъ, признавшихъ, какъ мы выше видѣли, что Духъ Св. посылается Сыномъ по сообществу и по тожеству природы. Мало того, *Амеросій* въ III кн. I гл. „о Св. Духѣ“ ясно признавалъ, что Сынь и Св. Духъ посылаютъ Самихъ Себя по общности власти: „если, говорилъ Онъ, Сынь и Духъ Св. посылаютъ Себя взаимно, какъ посылаетъ Ихъ Отець, то это — не униженіе подчиненія, а общность власти“. Но ни по приказанію, ни по совѣту, ни по произведенію, а по единосущному согласію и волѣ посылается Сынь Св. Духомъ, — слѣдовательно одинаково по такой же причинѣ посылается Сыномъ и Св. Духъ.

Отсюда равнымъ образомъ рухнетъ подобный же аргументъ нѣкоего іезуита, ¹⁾ котораго дальнѣйшее разуужденіе таково: при посланіи требуется, что бы лицо посылаемое какимъ бы то ни было образомъ побуждалось (двигалось) посылающимъ, приказаніемъ ли, совѣтомъ ли, или вложенной въ него силой, или природнымъ происхожденіемъ подобно тому, какъ посылается вѣтвь отъ дерева. Такъ какъ изъ этихъ способовъ ни одинъ не можетъ подходить къ Духъ божественнымъ лицамъ, кромѣ послѣдняго, то нельзя сказать, что Духъ Св. посылается вѣчно Сыномъ иначе, какъ только потому, что Первый ведетъ Двое природное происхожденіе отъ Второго. Но такое заключеніе ошибочно, ибо помимо перечисленныхъ способовъ посланія, въ божествѣ одно лицо посылается другимъ еще по единосущной волѣ и согласію. Это ясно видно изъ того, что Сынь посылается Св. Духомъ, а Онъ посылается ни по приказанію, ни по совѣту, ни по нарочитой силѣ, ни по естественному происхожденію, а, какъ сказано, по единосущному хотѣнію и согласію. Сказать же, что Духъ Св. посылается Сыномъ вѣчно, — чистѣйшая ложь, и утверждая это, іезуитъ совершаетъ логическую погрѣшность, называемую *reſitio principii*.

Наконецъ, возражали: Одинъ Отець нигдѣ не называется въ Писаніи посланнымъ, и не по иному основанію, какъ по тому,

¹⁾ Циховій, вопр. X, стр. 102.

что не обязанъ другому причиной Своего существованія. Слѣдовательно,—быть посланнымъ—значить—быть произведеннымъ (произойти),—а такъ какъ Духъ Св. Сыномъ посылается, то отъ Него и исходитъ. Мы очень охотно устунаемъ, что тотъ, кто не произведенъ, не можетъ быть посланъ, и опять,—кто посылается, несомнѣнно произведенъ; но ложно будто изъ того, что кто не произведенъ, не можетъ быть посланнымъ, слѣдуетъ, что посланный необходимо произведенъ тѣмъ, къ кому посылается. Посылаетъ, конечно Духъ Св. Сына для воплощенія; развѣ поэтому Сынъ произведенъ, или рожденъ Духомъ Св.? Посылаетъ Себя Самого Сынъ, посылаетъ Себя Самого и Духъ Св.; однако, ни Тотъ, ни Другой не служатъ причиной и началомъ Самого Себя, напротивъ,—*Григорій Назіанзинъ* и *Августинъ* учатъ, что познать посланіе Духа—значить признавать, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, но не отъ Сына. Это ихъ ученіе мы видѣли подробно выше въ III отвѣтѣ на I-е доказательство.

Но означенный іезуитъ еще настаиваетъ¹⁾: „въ божествѣ, собственно говоря, нельзя назвать лицо посылающимъ, въ особенности вѣчно, иначе, какъ только въ томъ случаѣ, когда оно имѣетъ основаніе начала въ отношеніи къ лицу посылаемому. Это единственное основаніе, почему объ Отцѣ не говорится, что Онъ посылается (какъ свидѣтельствуешь Св. Августинъ въ кн. IV гл. XX „о Троицѣ“ и въ т. VI „противъ рѣчи Аріанъ“, гл. IV),—потому что Онъ Одинъ только не имѣетъ виновника, отъ котораго бы исходилъ“. Что Отецъ не посылается, причина дѣйствительно та, что Онъ ни отъ кого не исходитъ. Слѣдовательно кто не имѣетъ виновника, отъ котораго бы исходилъ, тотъ не посылается,—поэтому то, заключая обратно,—кто посылается, тотъ имѣетъ виновника своего исхожденія. Таково ученіе Августина. Но ложно, будто отсюда слѣдуетъ выводъ: посылающій есть производитель посылаемаго, ибо посылаемый не непременно имѣетъ производителемъ своимъ посылающаго. И приведенное основаніе Августина этого не доказываетъ.—Онъ не говоритъ: кто посылается къ комунибудь, имѣетъ его и своимъ виновникомъ, или имѣетъ виновникомъ того, къ кому посылается, а просто только выражается: тотъ,

¹⁾ Циховій, вопр. X, 102.

кто посылается, имѣетъ производителя, отъ котораго исходить. Если же это понимать относительно посылающаго вѣчно, то, конечно, справедливо, что посылающій имѣетъ по отношенію къ посылаемому основаніе начала,—но ложно, что Духъ Св. такъ именно (т. е. вѣчно) посылается Сыномъ.

Но кромѣ такого пониманія слова *посланіе*, по которому разумѣется только посланіе къ намъ, Отцы иногда подъ этимъ словомъ понимаютъ также вѣчное и ипостасное произведеніе. Такъ мы видѣли (въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ VI вѣка), что въ этомъ смыслѣ употребляютъ это слово *Анастасій Синаитъ* въ своемъ „путеводителѣ“ и во многихъ мѣстахъ *Епифаній*. И *Кириллъ Александрійскій* во II кн. толкованій на Іоанна, гл. V (т. IV, стр. 197) говоритъ: „посланнымъ называетъ Себя (Спаситель), очевидно потому, что Онъ (произошелъ) отъ Бога и Отца или по образу воплощенія, по которому засіялъ міру во плоти съ соизволенія и вѣдома Отца, или какъ слово, выходящее какимъ-то образомъ изъ рождающаго ума и исполняющее волю“. Тоже заключается и во II кн. толкованій на Іоанна, гл. III (т. IV, стр. 169) и въ кн. IV, гл. V (стр. 413), гдѣ Кириллъ говоритъ: „должно знать, что, когда Онъ снова называетъ Себя посланнымъ, то не указываетъ, что Онъ меньше достоинства Отца; ибо не слѣдуетъ думать, что это посланіе—рабское, хотя Онъ и заявляетъ это про Себя пезаслуженно, облекшись въ образъ раба. Посланъ же Онъ такимъ образомъ, какъ слово изъ ума и блескъ изъ солнца“. И такъ, иногда Отцы понимаютъ слово посланіе въ смыслѣ вѣчнаго произведенія какъ въ отношеніи Сына, такъ и въ отношеніи Духа Св.—Но это пониманіе сюда не идетъ. Ибо мы теперь ведемъ рѣчь о временномъ только и къ намъ совершившемся посланіи Сына и Духа Св. и только въ этомъ смыслѣ принимаемъ слово *посланіе*. И совершенно ложно, что въ этомъ смыслѣ посланіе есть самое произведеніе лица, или его предполагаютъ. Если же это положеніе принимается въ первомъ смыслѣ, то опять таки—чистѣйшая ложь, будто Духъ Св. посылается Сыномъ. И ничего это не доказываетъ здѣсь, что слово *посланіе* иногда принимается также и въ смыслѣ вѣчнаго посланія, такъ что выходить—къмъ кто посылается временно, тѣмъ также и по-

сылается вѣчно. Ибо слово *посланіе* предлагалось и по отношенію къ Сыну; однако Сынъ отнюдь не посылается Духомъ Св. отъ вѣчности, хотя и былъ посланъ временно въ этотъ міръ для воплощенія.

Наконецъ, то, что нѣкій іезуитъ возражаетъ на это, приводя нѣкоторыя слова *Григорія Чудотворца*, *Григорія Богослова* и *Аѳанасія* изъ II-го слова противъ Аріанъ, легко опровергнетъ тотъ, кто вчитается въ ихъ творенія. Тогда легко будетъ доказать, изслѣдовавши самый текстъ, что либо тамъ идетъ рѣчь о временномъ только посланіи, либо нѣтъ никакой необходимости понимать сказанное въ смыслѣ самого ипостаснаго произведенія. Затѣмъ, приводимыя тѣмъ же писателемъ въ качествѣ возраженій свидѣтельства *Аѳанасія* изъ книги „о принятіи чловѣческой природы“ и изъ конца посланія къ Серапіону, а также свидѣтельство *Анастасія Синаита* изъ I кн. „о догматахъ вѣры“, мы разрѣшили въ главѣ, въ которой опровергли возраженія, взятая изъ восточныхъ Отцовъ. На словахъ же *Фульгенція*, которыя онъ также приводитъ, какъ на поврежденныхъ, что доказано въ главѣ о поврежденіяхъ въ писаніяхъ Латинскихъ Отцовъ, мы не считаемъ нужнымъ останавливаться.

Этимъ мы и закончимъ наши возраженія на разсужденія Латинянъ, въ которыхъ они изъ посланія Духа Св. Сыномъ выводятъ доказательства и исхожденія Духа Св. отъ Сына.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

въ которой доказывается, что дуновение Спасителя на апостоловъ со словами: „получите Духа Святаго“ (Юан. XX, 22) не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына.

 ля доказательства своего мнѣнія Латиняне приводятъ еще то событіе изъ жизни Спасителя, когда Онъ, дунувши на учениковъ, сказалъ: „примите Духа Святаго“. Не дунулъ бы, говорятъ они, Спаситель, если бы Духъ Св. отъ Него не исходилъ, если бы этимъ самымъ Онъ также не хотѣлъ показать, что отъ вѣчности отъ Него вѣетъ или дышется Духъ Св. Притомъ дыханіе Духа Св.—одно. Здѣсь же Духъ Св. дышется или вдувается Сыномъ, слѣдовательно это вдуновение есть одно и тоже, что вѣчное дыханіе Духа Св.

ОТВѢТЪ I.

Но, прежде всего, если кто изъ этого вдуновенія Христа захочетъ непременно выводить причину Св. Духа, то, конечно, онъ можетъ заключать отсюда, что не Сынъ Божій, а только Отецъ есть производитель Св. Духа. Этому именно учитъ *Григорій* Богословъ въ словѣ XXXVII, (стр. 611), гдѣ Онъ говоритъ: все что говорится нѣсколько унижительнаго (о Св. Духѣ), въ родѣ: даваться, посылаться, раздаваться, *вдуновение*, обѣтованіе, посредничество и пр., чтобы не вспоминать каждаго выраженія въ отдѣльности,—

должно быть отнесено къ главной причинѣ—Отцу для того чтобы показать, отъ кого происходитъ Духъ и чтобы не принимать трехъ раздѣльныхъ началъ, какъ будто Боговъ много“. Григорій заявляетъ, что выраженіе—быть вдунутымъ—въ отношеніи Св. Духа употреблено, чтобы показать, отъ кого происходитъ Духъ Св., иначе говоря показать, что Онъ происходитъ отъ другого, а не отъ Себя Самого. И такъ, желая объяснить, кто причина Св. Духа, по которой Онъ называется вдунутымъ Сыномъ, онъ называетъ Одного только Отца, не говоря вовсе о Сынѣ. Ясно отсюда слѣдуетъ, что вдунуеніе Св. Духа не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына, но скорѣе служить доказательствомъ Его исхожденія отъ Отца.

ОТВѢТЪ II.

И отсюда какъ *Авторъ* книги „о Троицѣ“ въ гл. X, такъ и *Иоаннъ Дамаскинъ* въ I кн., гл. XI „православной вѣры“, когда учатъ, что Духъ Св. былъ вдунутъ Сыномъ Божіимъ апостоламъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ, что Онъ исходитъ отъ Сына Божія. Именно они говорятъ: „мы исповѣдуемъ, что Духъ Св. не отъ Сына, но черезъ Сына намъ явленъ и данъ. Ибо Онъ дунулъ и сказалъ Своимъ ученикамъ: получите Духа Св.—Подобно тому, какъ изъ солнца и лучъ, и блескъ; оно—источникъ луча и блеска. Черезъ лучъ, сообщается намъ блескъ, и онъ самъ насъ освѣщаетъ, и мы съ нимъ сообщаемся“. И такъ Св. Отцы отнюдь не принимали вдунуеніе Духа Св., совершеннаго Сыномъ, за доказательство Его исхожденія отъ Сына.

ОТВѢТЪ III.

Разумѣется, когда Сынъ Божій, дунувши, говорилъ ученикамъ: „получите Духа Святаго“, Онъ давалъ Его имъ,—но вещество это, которымъ Сынъ Божій подулъ на учениковъ, никоимъ образомъ не было Самимъ Св. Духомъ, а только знаменовало Его. Такъ *Августинъ* въ XIII кн. „о государствѣ Божіемъ“ говоритъ: „Духъ Св. не тварь, но Творецъ; и это тѣлесное дунуеніе, исходящее изъ плотскихъ устъ, не была сущность Св. Духа и природа Его, но скорѣе нѣкоторое обозначеніе, чтобы мы черезъ него поняли, какъ я сказалъ, что Духъ Св.—общій Отцу и Сыну; ибо Онъ не есть

особенный въ каждомъ отдѣльно, но есть Одинъ Обоихъ.“ И въ кн. X—, буквального толкованія кн. Бытія“, въ гл. V: „и это дуновение изъ тѣла Господа, когда Онъ дунуль и сказалъ: получите Духа Святаго, не была сущность Св. Духа.“ *Гаймонъ*, епископъ Гальберштадскій, въ словѣ на первое воскресеніе послѣ страстей по поводу словъ: „получите Духа Св.“, говоритъ: „не было это вдуновение Духомъ Святымъ, такъ же, какъ и тотъ огонь, который явился надъ апостолами въ десятый день по вознесеніи Господа на небо. Дуновение это есть не что иное, какъ приведенный въ движеніе воздухъ.—Подобно тому какъ дыханіе не есть часть твоей души, такъ и означенное вдуновение не было Св. Духомъ; но черезъ это вдуновение и тѣлесный огонь выявилъ себя безтѣлесный Духъ Св., посылаемый Господомъ въ сердца апостоловъ.“ Самъ также *Ратрамнъ*, монахъ Корбейскій, въ III гл. I кн. „противъ восточныхъ“ (т. XII Колосницы древнихъ писателей, стр. 7) пишетъ: „не такъ, что бы это тѣлесное дуновение, взятое изъ воздуха и при помощи легкихъ излитое черезъ органъ усть, было сущностью Св. Духа.“—И такъ, этимъ вдуновеніемъ Духа Св. обозначается, что Духъ Св. былъ данъ или удѣленъ Спасителемъ апостоламъ; но самое дуновение отнюдь не было Духомъ Святымъ. Между тѣмъ мы въ особой главѣ показали уже, что посланіе, т. е. надѣленіе дарами Духа Св. не есть доказательство исхожденія Его отъ Сына.—

ОТВѢТЪ IV.

Если, затѣмъ, Христосъ производитъ вдуновение Духа Св. апостоламъ, то равнымъ образомъ и Духъ Св. дышетъ Самого Себя, ибо „Духъ“, говоритъ Спаситель, „дышетъ, гдѣ хочетъ.“ Это выраженіе о Духѣ Св. такъ изъясняютъ *Августинъ* въ XV кн., гл. XIX „о Троицѣ“, *Беда* въ книгѣ „размысленій на Дѣянія апостольскія“ къ гл. X и въ въ VI-ой лѣтней бесѣдѣ о святыхъ, а также и въ зимней бесѣдѣ о святыхъ на богоявленіе Господне; также *Альбинъ Алхунъ* въ II кн., гл. XIX „о Троицѣ;“ *Гаймонъ* въ словѣ на воскресеніе послѣ отданія вознесенія Господня; *Гинкмаръ* Реймскій въ кн. „о тройственномъ божествѣ“ и, наконецъ, *Ратрамнъ* въ I кн. „противъ восточныхъ“, гл. V.—Слова ихъ мы

видѣли въ предъидущей главѣ, въ V отвѣтѣ. И такъ, если Духъ Св. равно Самъ Себя дышетъ, то какимъ образомъ вдуновение Его можетъ быть доказательствомъ Его исхожденія отъ Сына? Или, наконецъ, что иначе равно отсюда слѣдовало бы, Духъ Св.—причина Самого Себя?

Слѣдуетъ замѣтить, что когда одинъ православный писатель¹⁾ предъ- явилъ Латинянамъ это возраженіе, то нѣкій іезуитъ²⁾ сталъ настаивать такимъ образомъ: „а что лиеологъ доказываетъ на основаніи словъ: Духъ, гдѣ хочетъ, дышетъ,—что Духъ Св. есть дышатель внѣшнимъ образомъ (*spirator ad extra*), то онъ является смѣшнымъ для всѣхъ, кто считаетъ настоящимъ истолкователемъ писанія Теофилакта³⁾, учащаго *ῥητῶς* (ясно, точно), что въ этомъ мѣстѣ Духъ означаетъ вѣтеръ, а не лицо Пресвятой Троицы.“ Но мы, относя эти слова къ Самому Духу Св., отнюдь не обвиняемъ Теофилакта, понимающаго ихъ въ смыслѣ вѣтра, въ неправильномъ толкованіи. Очень многія мѣста Св. Писанія имѣютъ много буквальныхъ смысловъ,—почему и Св. Отцы въ толкованіи Писанія часто расходятся. Это произошло также и въ данномъ случаѣ: слова Спасителя:—„Духъ, гдѣ хочетъ, дышетъ“—допускаютъ разное пониманіе; поэтому Теофилактъ толкуетъ его такъ, а упомянутые Отцы иначе. И такъ очень нелѣпо возражаетъ іезуитъ, что становятся смѣшными относящія приведенныя выше слова Христа къ лицу Св. Духа, тогда какъ Теофилактъ объясняетъ ихъ только въ смыслѣ вѣтра. Напротивъ, гораздо болѣе смѣшонъ онъ самъ, выставляя на посмѣяніе всякаго, съ нимъ не согласнаго.

ОТВѢТЪ V.

Посланіе Св. Духа, совершившееся во время пятидесятницы, далеко превосходитъ это вдуновение Спасителя. Ибо хотя Спаситель, дунувши, далъ Духа Св. ученикамъ,—однако, уже намѣреваясь воз-

¹⁾ Это былъ искрившій свое имя западно-русскій писатель, написавшій въ половинѣ—XVII стол. сочиненіе противъ исхожденія св. Духа отъ Сына и назвавшій его лиеосъ (*λίθος*—камень). Противъ этого сочиненія и написавъ свой трибуналь Циховій, называя православнаго писателя въ насмѣшку лиеологомъ. Прим. перев.

²⁾ Циховій въ трибуналь стр. 155.

³⁾ Теофилактъ, архіепископъ Болгарскій. Здѣсь имѣется въ виду его толкованіе на III гл. отъ Іоанна.

несть на небо, убѣждаетъ апостоловъ „не уходить изъ Іерусалима, но ждать тамъ (исполненія) обѣтованія Св. Духа“, которое до того времени столько разъ имъ дѣлалъ (Іоан. XIV, XV и XVI). Опять—таки Спаситель говорилъ: „если я не уйду, Духъ Св. не придетъ къ вамъ; когда же уйду, пошлю Его къ вамъ“. Слѣдовательно, Онъ задерживаетъ пришествіе Св. Духа до Своего вознесенія.—Какимъ же образомъ апостолы должны были ждать въ Іерусалимѣ пришествія Св. Духа послѣ вознесенія Господа? Какимъ же образомъ Духъ Св. былъ данъ не въ присутствіи Господа, когда тутъ же Самъ Спаситель, дунувъ, говоритъ: „получите Духа Св.“? Конечно, это никогда не будетъ примирено иначе, какъ если мы, слѣдуя за св. Отцами, станемъ утверждать, что въ то и другое время данъ былъ Духъ Св.; но черезъ дуновеніе былъ сообщенъ ученикамъ только единственный даръ Св. Духа, т. е. отпущеніе грѣховъ, какъ и говоритъ Спаситель, дунувши: „получите Духа Святаго;—кому отпустите грѣхи, тѣмъ отпустятся“, во время же пятидесятницы было удѣлено все совершенство всякихъ даровъ, напр. даръ языковъ и др. И такъ, насколько столько разъ обѣщанное посланіе Духа Св. превосходитъ дуновеніе, всякому ясно. Если же посланіе Св. Духа Сыномъ отнюдь не служить, какъ было доказано въ предъидущей главѣ, доказательствомъ исхожденія Его Отъ Сына,—то тѣмъ менѣе, конечно, можно выводить изъ указаннаго дуновенія, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына. На приведенномъ именно нами основаніи св. Отцы вездѣ примиряютъ только что упомянутыя мѣста. Вотъ что они говорятъ;

Евсевій, сынъ Памфила, въ письмѣ къ Марину (у Анастасія Синаита, вопр. CXLVIII): „Духъ Св., вдунутый Христомъ апостоламъ, разрѣшалъ и отпускалъ всѣ грѣхи. А что имъ обѣщано было, что они будутъ крестить въ Духѣ Св. и будутъ надѣлены силой дѣйствованій,—то это указываетъ на совершительную способность тѣхъ чудесъ, которыя имъ предстояло совершить, и силу побороу тѣ опасности, которымъ они должны были въ послѣдствіи подвергнуться. Ибо Онъ не хотѣлъ, что бы они проповѣдывали язычникамъ до полученія Этой силы, имѣвшей придти Свыше. Что этотъ даръ отличенъ отъ другихъ дѣйствованій Св. Духа, учитъ апостоль въ слѣдующихъ словахъ: иному даются дѣйствованія силъ, иному—

пророчества; Господь дастъ слово благовѣствующимъ силою мноюю. Когда апостолы не были еще причастниками этой силы, они отказались отъ Него все и соблазнились во время страданій; а когда облечлись и подкрѣпились этой силой, тогда заявили свое свидѣтельство о Христѣ свободно, открыто и безтрепетно.“

Кириллъ Иерусалимскій въ XIV оглашеніи: „вмѣстѣ съ тѣмъ все (ученики) насладились спасительнымъ дуновеніемъ и получили власть отпускать грѣхи въ силѣ Духа Святаго.“ И въ оглашеніи XVII: „такъ повѣствовало евангеліе,—что только по воскресеніи Онъ дунулъ на нихъ. Но при этомъ даетъ и теперь благодать, общаетъ еще больше и говоритъ имъ: Я готовъ вамъ дать, но вы еще не можете вмѣстить. Пока получите благодать, кто можетъ; впоследствии же воспримете обильнѣе; сидите въ Иерусалимѣ до тѣхъ поръ, пока не облечетесь силою свыше. Теперь вы получаете по частямъ, тогда получите совершенно; ибо тотъ, кто воспринимаетъ что—нибудь, часто имѣетъ только часть,—кто же надѣваетъ одежду, всеѣхъ сторонъ ею облачается.“

Аванасій въ кн. „о выраженіяхъ и толкованіяхъ евангельскихъ притчъ“ (вопр. XXIX, т. II твореній, стр. 399); „зачѣмъ Христосъ дунулъ на учениковъ Своихъ, говоря: получите Духа Св.? Сказавъ: получите Духа Св.,—Онъ далъ имъ чрезъ это вдуновеніе власть и даръ отпускать грѣхи, совершительная же сила крещенія и знаменій пришла къ нимъ въ праздникъ пятидесятницы. Поэтому (Господь) сказалъ: вы будете крестить въ Духъ Св. и получите силу шедшаго на васъ Духа Св.—Ибо до страданій Его—апостолы не исцѣляли больныхъ черезъ Духа Св., но по власти и повѣленію, даннымъ Христомъ. Еще не было Духа Св., потому что Христосъ тогда еще не былъ прославленъ, а прославился Онъ, воскресши изъ мертвыхъ. Духомъ же Св. Онъ называетъ не ипостась Св. Духа: ибо она была прежде и будетъ всегда,—но даръ Св. Духа, который перешелъ на учениковъ Христа въ десятый день по вознесеніи и въ пятидесятый по воскресеніи.“

Амвросій въ X кн. комментаріевъ на евангеліе отъ Луки къ гл. XXIV (въ концѣ): „Духа Св. или вдунулъ (Христосъ) одиннадцати апостоламъ, какъ болѣе совершеннымъ, а остальнымъ общаетъ послѣ того доставить; или имъ же тамъ вдунулъ, а здѣсь

объясняетъ. И это не кажется противорѣчимъ, такъ какъ есть раздѣленіе благодатныхъ даровъ: одному дается слово мудрости, другому слово знанія сообразно тому же Духу, иному въра въ томъ же Духѣ, иному благодать исцѣленій, иному благодать языковъ. Слѣдовательно, тамъ Онъ вдунулъ одну благодатную силу, а здѣсь объясняетъ другую. Тамъ именно дана была благодать отпущенія грѣховъ, что кажется нѣсколько маловажнѣе. И потому вдувается Христомъ, чтобы ты въроваль, что это Духъ Христа и что это Духъ отъ Бога: ибо Одинъ только Богъ отпускаетъ грѣхи. Лука же описалъ изліяніе благодати языковъ. Наконецъ тамъ читаешь: получите Духа Св.,—чьи грѣхи отпустите, отпустятся; а въ Дѣяніяхъ апостоловъ:—и исполнились всѣ Духа Св. и начали говорить на разныхъ языкахъ, какъ давалъ имъ говорить Духъ.“

Иеронимъ въ посланіи къ Гедибію (вопр. IX): „какимъ образомъ Спаситель, согласно Іоанну, вдохнулъ Духа Св. въ святыхъ апостоловъ, а согласно Лукѣ, объясняетъ послать Его послѣ вознесенія? Разрѣшеніе этого вопроса очень легко, если мы, слѣдуя ученію апостола Павла, признаемъ различные благодатные дары Духа Св.—И такъ Господь, сказавшій по воскресеніи Своемъ, согласно евангелію Луки: вотъ Я пошлю обѣтованіе Отца Моего на васъ,—вы же сидите въ городѣ, пока не облечетесь силою свыше, по его же сообщенію въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, приказалъ имъ не удаляться изъ Іерусалима, но ожидать обѣщанія Отца, которое, сказалъ Онъ, вы слышали изъ устъ Моихъ: ибо Іоаннъ крестилъ водою, вы же черезъ нѣсколько дней будете крестить Духомъ Св.—Въ свою очередь въ концѣ евангелія отъ Іоанна рассказывается, что въ тотъ день, когда Спаситель воскресъ, т. е. въ воскресенье, онъ вошелъ къ апостоламъ чрезъ затворенныя двери и сказалъ имъ во второй разъ: миръ вамъ! и прибавилъ: какъ Меня послалъ Отецъ, такъ и Я васъ посылаю. Сказавши это, Онъ дунулъ на нихъ и сказалъ: получите Духа Св. Чьи грѣхи отпустите, тѣмъ отпустятся, и чьи удержите, удержатся.—И такъ въ первый день воскресенія (апостолы) получили благодать Св. Духа, что бы отпустить грѣхи, крестить и дѣлать сынами Божиими, раздавая Духа усыновленія, по словамъ Самого Спасителя: кому отпустите

грѣхи, отпустятся, чьи удержите,—удержатся. А въ день пятидесятиницы имъ снова и обширнѣе было возвѣщено, что бы они крестили Духомъ Св. и облеклись силою свыше и при помощи ея проповѣдали евангеліе Христово всемъ народамъ, согласно съ тѣмъ, что мы читаемъ въ LXXII псалмѣ: Господь дастъ слово благовѣствующимъ силою многою, что бы имѣть совершенство силъ и благодать исцѣлений и что бы получитьъ разные роды языковъ для проповѣди многимъ народамъ, такъ что уже тогда стало извѣстнымъ, какіе апостолы какимъ народамъ должны сообщать евангеліе. Это обѣщаніе Духа Святаго, по словамъ Луки, исполнилось въ десятый день по вознесеніи Спасителя.—Слѣдовательно, Іоаннъ и Лука не расходятся, сообщая—первый, что (Духъ Св.) данъ былъ въ первый день воскресенія,—а второй,—что Онъ пришелъ въ пятидесятый день;—но тутъ замѣчается возвышеніе апостольскаго достоинства въ томъ, что, получивши сперва благодать отпущенія грѣховъ, они послѣ того получили совершенство силъ и всѣ роды дарованій, описанные апостоломъ, какъ мы указали, и, что было еще болѣе необходимымъ, знаніе языковъ всѣхъ народовъ, что бы не нуждаться при проповѣди Христова евангелія ни въ какомъ переводчикѣ.“

Златоустъ въ LXXV бесѣдѣ на евангеліе отъ Іоанна (послѣ середины—въ комментаріи на Іоанна, изданномъ по гречески и по латынѣ Коммеліемъ, стр. 432): „какимъ образомъ сказалъ (Спаситель):—если Я не уйду, Тотъ не придетъ,—между тѣмъ теперь даетъ Духа Святаго? Нѣкоторые говорятъ, что онъ не далъ Духа, а сдѣлалъ (апостоловъ) черезъ дуновеніе способными къ принятію (Его). Однако не погрѣшитъ тотъ, кто станетъ говорить, что они получили тогда нѣкоторую духовную власть и благодать, но не такую, что бы воскрешать мертвыхъ, или показывать (чудесныя) силы, а только—что бы отпускать грѣхи. Ибо различны благодатныя дарованія Св. Духа; поэтому (Спаситель) прибавилъ: чьи грѣхи отпустите, отпустятся, показывая, какой видъ благодати Онъ даетъ. А спустя пятьдесятъ дней (апостолы) получили силу знаменій. Вотъ почему Онъ сказалъ: получите силу сходящаго на васъ Св. Духа и будете моими свидѣтелями въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ,—свидѣтелями посредствомъ знаменій“.—

Та же мысль заключается въ словѣ о Духѣ Св. на пятидесятницу (въ началѣ;—латинское Парижское изданіе 1588 г., т. III твореній, столб. 788).

Евсевій Эмиссенскій въ словѣ на первое воскресеніе послѣ Пасхи (т. V, ч. I Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 678), рассуждая объ указанномъ дуновеніи, говоритъ: «если теперь Господь далъ своимъ ученикамъ Св. Духа, то не въ той полнотѣ, въ которой намѣренъ былъ дать потомъ».

Левъ Великій въ словѣ II на пятидесятницу: «всѣ, кто увѣрвалъ въ Господа Иисуса, имѣли влитымъ въ себя Св. Духа; и апостолы получили власть отпустить грѣхи уже тогда, когда послѣ воскресенія Своего Господь дунулъ и сказалъ: получите Св. Духа,— чьи грѣхи отпустите, тѣмъ отпустятся, и чьи удержите, удержатся. Но для того совершенства, которое должно было быть достигнуто апостолами, сберегалась большая благодать и изобильнѣйшее вдохновеніе, для того, что бы черезъ него они приняли то, чего еще не получали, и могли превосходитѣ удерживать то, что получили. Ибо нужно было, что бы увеличивались способность руководимыхъ и умножалось постоянство той благодати, которая оставляла въ сторонѣ всякій страхъ и не боялась неистовства преслѣдователей. Конечно, апостолы, исполнившись Духа Св., стали усерднѣе желать этого и дѣйственнѣе превозмогать, отираваясь отъ знанія заповѣданнаго къ перенесенію страданій для того, что бы, не дрожа уже ни передъ какими бурями, попираетъ съ помощью вѣры волны вѣка и гордыню міра и, презирая смерть, нести евангеліе истины всѣмъ народамъ».

Анастасій Синаитъ въ вопр. CXLVШ спрашиваетъ: «какъ нужно понимать слова Господа: если Я не уйду, Утѣшитель не придетъ, между тѣмъ какъ Онъ удѣляетъ апостоламъ Св. Духа чрезъ дуновеніе?» И отвѣчаетъ: «чрезъ дуновеніе Онъ имъ доставляетъ власть и духовную благодать отпущенія грѣховъ. Ибо Онъ прибавилъ: чьи грѣхи отпустите, отпустятся; и чьи удержите, удержатся. И черезъ сошествіе въ пятидесятницу Онъ имъ даровалъ благодать крещенія и силу знаменій. Поэтому Онъ говоритъ: вы же будете крещены Духомъ Святымъ и получите силу нашедшаго на васъ Св. Духа. Апостолы до страданій не совершали исцѣленій Духомъ Св.,

но властію и повелѣніемъ Христа: Духъ Св. еще не былъ имъ данъ, такъ какъ Исусъ еще не былъ прославленъ; прославился же Онъ, когда воскресъ изъ мертвыхъ».

Аммоній въ катенѣ (цѣпи) Греческихъ Отцовъ—къ евангелію отъ Іоанна,—въ толкованіи на XX главу: «далъ имъ (апостоламъ) даръ разрѣшать грѣхи и судить. Но можно сказать, что они получили только даръ отпустить грѣхи, послѣ же пятидесятницы они получили власть воскрешать мертвыхъ и совершать то, что совершеннѣе».

Беда въ II вопр. на Дѣянія апостольскія спрашиваетъ: «какимъ образомъ Духъ Св. до вознесенія Спасителя черезъ дуновение сообщается апостоламъ, по евангелію Іоанна, тогда какъ, по Дѣяніямъ апостоловъ, Онъ посланъ былъ на апостоловъ въ десятый день послѣ вознесенія?» И отвѣчаетъ: «есть много благодатныхъ дарованій Духа Св., согласно съ тѣмъ, что говоритъ апостолъ: иному дается черезъ Духа слово мудрости, иному отъ Того же Духа слово знанія; иному въ Одномъ (и Томъ же) Духѣ благодать исцѣленій и пр. И такъ, предъ вознесеніемъ (апостолы) получили благодать Духа Св., что бы посредствомъ нея они могли крестить, отпустить грѣхи и вливать въ вѣрующихъ Духа Святаго. Вотъ почему—тогда, когда имъ вдунуть былъ Спасителемъ Духъ Св., было сказано: чьи грѣхи отпустите, отпустятся, чьи удержите, удержатся. А послѣ вознесенія они получили гораздо большую благодать Св. Духа въ совершеніи силъ, въ дарѣ исцѣленій, въ пониманіи различныхъ языковъ, сообразно съ тѣмъ, что имъ обѣцано было въ тотъ же день, — именно-что они крестятся Духомъ Св. и облечутся силою для проповѣди евангелія Христова всеѣмъ народамъ. Слѣдовательно, въ этомъ воспринятіи Духа Св. сообразно съ распределеніемъ Господней благодати обнаруживается усовершенствованіе апостоловъ, а не противорѣчіе Писанія».

Амаларій ¹⁾ *Фортунатъ* въ IV кн., гл. XXV^{II} — „о церковныхъ должностяхъ“ (т. IX, ч. I Кельнской библ. Отцовъ, стр. 381), приведя слова Спасителя: „получите Духа Святого“, говорить: „они (апостолы) уже получили Духа Св. въ отпущеніи грѣховъ, но еще оставался даръ, котораго они не получали, а гото-

¹⁾ Въ 810 г. сталъ архіепископомъ Трирекимъ, былъ посылаемъ Карломъ Великимъ посломъ въ Константинополь, ум. въ 814 г.

вились получить въ день пятидесятницы, т. е. даръ утверждать свою проповѣдь знаменіями чудесъ и не бояться неистовства преслѣдователей, не быть опутанными узами земныхъ вождельній и не впадать въ какое либо заблужденіе“.— *Икуменій* въ толкованіяхъ на Дѣянія—на I гл. (т. I твореній, греко-латинское парижское изданіе 1631 г., стр. 4): «но если Духъ Св. никогда не приходилъ, то какъ же Онъ (Спаситель) сказалъ: получите Духа Св.? Либо Онъ сказалъ это, дѣлая ихъ способными и приготовляя къ воспринятію Духа, а получили они Его, когда Онъ сошелъ; либо выразился о будущемъ, какъ о настоящемъ; либо иное дарованіе Духа очистительное, иное-совершительное. Это схождение Св. Духа совершенное и дѣлающее совершенными апостоловъ, какъ оно дѣлаетъ такими и остальныхъ людей, совершилось во время пятидесятницы, а не пришло въ присутствіи Его (Спасителя) на землѣ».—Тоже говорятъ *Илія*, архіепископъ Критскій, въ комментаріи къ слову Григорія Назіанзина о Св. Духѣ, и *Оеофилактъ* въ комментаріяхъ къ евангелію отъ Іоанна, къ гл. III и XX и къ Дѣяніямъ Апостольскимъ, гл. I, на слова: «будете крещены въ Духѣ Святомъ».

Наконецъ, *Бернардъ* въ словѣ VI на вознесеніе Господне (т. I твореній, столб. 269): «извѣстно, что (апостолы) и раньше получили Духа, т. е. когда (Спаситель) дунулъ на нихъ и сказалъ: получите Духа Святаго, — но получили вообще Духа вѣры и разумѣнія, а не ревности, которою болѣе освѣщался бы разумъ, чѣмъ воспламенялось стремленіе (души). Ибо нуженъ былъ двойкій Духъ: кому Отчее Слово раньше внушило ученіе и знаніе и наполнило сердце пониманіемъ, тѣмъ божественный огонь, нисшедшій, конечно, послѣ того и нашедшій уже чистыя вмѣстилища, влилъ избытокъ дары благодати и измѣнилъ совершенно въ духовное томленіе, такъ что бы зажженная въ нихъ любовь, сильная какъ смерть, уже не считала приличнымъ заирать не только двери, но и уста страха ради іудейска».

Однако Отцы приводятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другія основанія того, что Духъ Св. былъ данъ дважды: именно—нѣкоторые учатъ, что это сдѣлано было по причинѣ двойной любви, т. е. любви къ Богу и ближнему.

Августинъ въ кн. XV, гл. XXVI «о Тройцѣ»: «какая могла бы быть причина того, что (Спаситель) по воскресеніи Своёмъ далъ сперва на землѣ, а послѣ того съ неба послалъ Духа Святаго? Я такъ думаю: потому, — что по этому дару разливается въ сердцахъ нашихъ любовь, которою мы любимъ Бога и ближняго сообразно двумъ заповѣдямъ, на коихъ виситъ весь законъ и пророки. Знаменуя это, Господь Иисусъ далъ дважды Духа Св., — одинъ разъ на землѣ -- ради любви къ ближнему, а другой разъ съ неба ради любви къ Богу». Та же мысль заключается и въ XVII кн. словъ — въ словѣ VI и въ LXXVI изслѣдованіи на евангеліе отъ Іоанна.

Григорій Великій, папа Римскій, въ бесѣдѣ XXVI на евангелія: «слѣдуетъ намъ спросить: что значитъ, что Господь Нашъ разъ далъ Духа Св., будучи на землѣ, и другой предсѣдательствуя на небѣ? Ибо ясно указано, что (Духъ Св.) не въ иномъ мѣстѣ данъ, какъ когда принимается чрезъ вдуновеніе, а послѣ того, приходя съ неба, обнаруживается въ разныхъ языкахъ. И такъ, почему раньше (Духъ Св.) дается ученикамъ на землѣ, а потомъ посылается съ неба, какъ не потому, что установлено двѣ заповѣди любви, т. е. къ Богу и ближнимъ? На землѣ данъ Духъ, что бы любить ближняго, и съ неба данъ Духъ, что бы любить Бога. Слѣдовательно, — подобно тому какъ одна любовь, а двѣ заповѣди, такъ и одинъ Духъ, а два даянія: прежде отъ Господа, пребывающаго на землѣ, а потомъ — съ неба, такъ какъ въ любви къ ближнему мы научаемся, какъ должно достигать любви къ Богу.» — Тоже онъ повторяетъ и въ XXX бесѣдѣ на евангелія.

Въ свою очередь то, что мы только что приводили изъ XXVI гл. XV кн. Августина «о Тройцѣ», повторяетъ *Беда* въ комментаріи къ V гл. посл. къ Римлянамъ, равно какъ и сказанное Августиномъ въ словѣ о вознесеніи Господнемъ (т. VI твореній, столб. 83); такое же толкованіе предлагаетъ онъ въ вопр. II на Дѣянія (т. VI, столб. 29).

Еверій и Беатъ въ I кн. противъ Елипанда (т. VIII Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 342): «разъ далъ (Господь) Духа Св. на землѣ для любви къ ближнему, и во второй разъ далъ (Его) съ неба для любви къ Богу».

Альбинъ Алкуинъ въ кн. II «о Тройцѣ», гл. XXI: «безъ сомнѣнія, Духъ Св. данъ дважды для того, чтобы напомнить двѣ заповѣди любви. Двѣ именно заповѣди, но любовь одна — какъ одинъ Духъ, а два даянія; и любовь къ ближнему та же, что и любовь къ Богу. На землѣ дается Духъ, что бы любить ближняго, а съ неба дается, что бы любить Бога». Тотъ же Алкуинъ повторяетъ выше приведенныя слова Григорія Великаго изъ XXVI бесѣды въ комментарий на евангеліе отъ Іоанна на слова: «получите Духа Св.».

Гаймонъ въ словѣ на первое воскресеніе послѣ Пасхи: «въ Св. евангеліи читаемъ, что Духъ Св. данъ былъ Богомъ ученикамъ дважды: разъ въ тотъ день, когда Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, будучи на землѣ, и другой послѣ вознесенія, когда Онъ возсѣлъ на небѣ. Почему же это? Потому, что двѣ заповѣди любви, — любовь къ Богу и къ ближнему. Подобно тому какъ одна любовь, а двѣ заповѣди, т. е. любовь къ Богу и къ ближнему, такъ и одинъ Духъ, а два даянія. На землѣ дается Духъ, что бы любить ближняго, съ неба дается Духъ, что бы любить Бога. И сначала дается на землѣ, а потомъ посылаелся съ неба: ибо чрезъ любовь къ ближнему доходимъ до любви къ Богу. Такъ и говоритъ евангелистъ Іоаннъ: кто не любитъ брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ».

Въ свою очередь къ этому основанію *Августинъ* присоединяетъ еще другое въ своей книгѣ „противъ посланія Манихея“, которое называютъ посланіемъ „основанія“ (гл. X, т. VI твореній): „вслѣдствіе этого двойного прославленія (Спасителя) по человѣчеству и по божеству дважды также данъ былъ Духъ Св.: разъ, — послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, когда Онъ дунулъ въ лица учениковъ со словами: получите Духа Св., и другой разъ черезъ десять дней послѣ того, какъ Онъ взошелъ на небо“.

Иное опять основаніе указываетъ *Кириллъ* Александрійскій въ XII кн. толкованій на евангеліе отъ Іоанна, на слова: „получите Духа Св. (т. IV твореній, стр. 1096): „можетъ быть“, говоритъ онъ „кто нибудь станетъ недоумѣвать и изъ стремленія поучиться спроситъ: гдѣ же и когда апостолы приобрѣли благодать Духа? Тогда ли, когда Спаситель явился имъ внезапно въ домъ по воскресеніи и дунулъ, говоря: получите Духа Святаго, — или въ

день св. пятидесятницы, когда въ собраніи ихъ вдругъ послышался съ неба шумъ, какъ бы отъ сильнаго дуновенія, и явились имъ раздѣленные языки, подобные огню, и сѣли на каждомъ изъ нихъ, и начали они говорить разными языками, какъ давалъ имъ говорить Духъ Святой? Ибо—или мы скажемъ, что имъ дана была нѣкая двоякая благодать, или мы не будемъ знать самаго времени, когда апостолы стали истинно причастниками Духа, если, конечно, находить истинными слова Спасителя и то, что въ Дѣянїяхъ пишется о св. апостолахъ. Но не легко сомнѣваться, въ особенности, когда Самъ Христосъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ: лучше для васъ, что бы Я ушелъ, ибо если Я не уйду, Утѣшитель къ вамъ не придетъ; когда же уйду, то пошлю Его вамъ. Кто—нибудь, можетъ быть, станетъ настаивать и скажетъ: истина, т. е. Христосъ, не имѣетъ лгать. И такъ,—разъ Онъ сказалъ, что не придетъ Утѣшитель къ намъ, если Онъ не уйдетъ къ Отцу, но тогда навѣрное пошлетъ Его, когда опять воротится къ Отцу, то какимъ же образомъ оказывается, что Духъ Св. данъ Имъ въ то время, когда Онъ еще не возвратился (къ Отцу)? Но хотя это вопросъ очень темный, трудный для объясненія и способный смутить всякаго, однако онъ имѣетъ весьма подходящее разрѣшеніе, если мы не станемъ думать, что Христосъ похожъ на насъ, а что Онъ скорѣе Богъ отъ Бога и имѣетъ власть говорить самымъ соответствующимъ сущности вещей образомъ. Онъ обѣщалъ, что пошлетъ намъ съ неба Утѣшителя, когда будетъ у Отца, что, конечно, и сдѣлалъ, возвратившись къ Отцу, и излилъ весьма обильно Духа желавшимъ Его получить, Который и воспринимается по вѣрѣ въ Него (Христа) и въ святое крещеніе. Въ этомъ именно случаѣ исполнялось извѣстное пророческое слово: изолью отъ Духа моего на всякую плоть. Но нужно было, что бы Сынъ, податель Духа, являлся подателемъ вмѣстѣ съ Отцомъ для того, что бы тѣ, Кто увѣруетъ въ Него, разумѣли, что Онъ есть сила Отца, создавшая все и приведшая человѣка изъ ничего къ бытію.—Такимъ образомъ, когда Спаситель сказалъ, что пошлетъ Утѣшителя послѣ того, какъ взойдетъ къ Отцу, и назначилъ это время для всеобщей благодати, то однако Онъ далъ намъ начатки обѣтованія, какъ бы задатокъ въ ученикахъ по многимъ и основательнымъ, какъ уже сказано, причинамъ.

Слѣдовательно,—апостолы получили причастіе Св. Духа, когда (Спаситель) дунулъ и сказалъ: получите Духа Святаго, ибо Христось лгать не умѣеть и не сказалъ бы-получите,—если бы не далъ. Въ дни же пятидесятницы, когда Богу угодно было дать болѣе ясное обнаруженіе благодати и объявленіе вселившагося въ нихъ Духа, явились огненные языки, которые нисколько не обозначали начала дара въ нихъ, но скорѣе приводили ихъ къ началу слова“.

Наконецъ, нѣкоторые отрицають, что Христось, дунувши и сказавши: „получите Духа Св.“,—далъ тогда же апостоламъ Св. Духа, и утверждаютъ, что Онъ только чрезъ это дуновение сдѣдалъ апостоловъ способными къ воспріятію Св. Духа впоследствии.

Іоаннъ Златоустъ въ I бесѣдѣ на Дѣянія (греко-латинск. Гейдельбергское изданіе вмѣстѣ съ комментариемъ Златоустаго на еванг. отъ Іоанна, 1609 г., стр. 425): „Духъ пришелъ, когда исполнялся пятидесятый день. Но если Онъ до тѣхъ поръ еще не приходилъ, какъ же (Спаситель) сказалъ: получите Духа Святаго? Конечно, что бы сдѣлать (учениковъ) способными и приготовленными къ принятію Духа. Ибо если Даниилъ изнемогъ въ ожиданіи увидѣть ангела, то гораздо болѣе имъ прилично было быть внѣ себя въ ожиданіи получить столь великій Божій даръ. Слѣдовательно, можно-ли такимъ образомъ разрѣшать предложенный вопросъ, или лучше такъ это понимать, что (Господь) здѣсь говоритъ о будущемъ, какъ будто оно уже произошло, подобно тому какъ Онъ выразился: наступайте на змѣю и на скорпіона и на всякую силу вражью?“ И въ бесѣдѣ LXXX на еванг. отъ Іоанна (указанное изданіе стр. 432): „нѣкоторые говорятъ, что Онъ не далъ Духа, но сдѣлалъ ихъ чрезъ дуновение способными къ принятію. Ибо, если, Даниилъ пришелъ въ ужасъ, увидѣвъ ангела, то что могло бы случиться съ ними (учениками) вслѣдствіе принятія этой тайной благодати, если бы Богъ раньше ихъ къ этому не подготовилъ? Поэтому, говорятъ, не сказалъ (Господь): вы получили, но получили, но получите Духа Св. Однако не будетъ ошибки, если кто нибудь станетъ говорить, что они тогда уже получили нѣкоторую силу духовной благодати“.

И *Аммоній* въ катенѣ греческихъ Отцовъ, къ XX гл. Іоанна: „иные же говорятъ, что этимъ Онъ сдѣлалъ ихъ способными

къ принятію Духа, Котораго они должны были получить послѣ вознесенія. Поэтому-то Онъ не сказалъ: вы получили Духа Св., но получите“.

И *Икуменій* въ комментаріи къ I гл. Дѣяній въ приведенныхъ уже выше выраженіяхъ: „но если никогда не приходилъ (до этого времени, т. е. до пятидесятницы) Духъ Св., то какимъ образомъ (Спаситель) сказалъ: получите Духа Св.? Либо Онъ это сказалъ, дѣлая ихъ способными и подготавливая къ воспринятію Духа,—а получили Они Его, когда Онъ сошелъ,—либо Онъ выразился о будущемъ, какъ о настоящемъ,—либо—иное дарованіе Духа очищающее (человѣка),—иное совершительное“.

Это толкованіе нашло также приверженца въ *Теодорѣ Мопсуетскомъ*; приведено оно было въ IV засѣданіи V вселенскаго Собора (т. V Соборовъ, столб. 440). Вотъ его слова: „сказано: получите вмѣсто получите. Ибо если бы, дунувши, (Спаситель) далъ ученикамъ Духа Св., какъ нѣкоторые полагали очень нелѣпно, то было излишне послѣ того говорить имъ и въ особенности во время вознесенія на небо, что бы они не удалялись изъ Іерусалима, но ждали обѣщаннаго Духа, притомъ такими словами: но получите силу, когда сойдетъ на васъ Св. Духъ. И Лука ясно говорить, что самое принествіе Св. Духа совершилось въ пятидесятый день отъ воскресенія, послѣ вознесенія. И то еще слѣдуетъ замѣтить: если бы они получили Духа отъ дуновенія, то не сказалъ бы (Спаситель): получите,—но такъ какъ вы получили.—А выраженіе—получите подходитъ къ тѣмъ, которые еще не получили“. И это толкованіе въ томъ именно смыслѣ, что онъ отрицалъ дарованіе Духа Св. апостоламъ чрезъ дуновеніе, отвергъ V вселенскій Соборъ. Такъ въ XII анаѳемѣ (т. V Соборовъ, столб. 576) сказано: „и кромѣ иныхъ безчисленныхъ богохульствъ, осмѣлился (Теодоръ) утверждать, что послѣ воскресенія, когда Господь дунулъ на апостоловъ и сказалъ: получите Духа Св., Онъ имъ не далъ Духа, но только образно (*figuratim*, *σχηματι*) дунулъ“. И это осужденіе Теодора повторилъ и императоръ Юстиніанъ въ своемъ „исповѣданіи противъ трехъ главъ“, которое помѣщено послѣ актовъ V Собора, въ столб. 706.

Отсюда однако противъ одного только *Теофилакта* возстаетъ нѣкій іезуитъ: ¹⁾ „поэтому-то“, говоритъ онъ, „пусть разсудитъ безпристрастный читатель: не тяжело ли погрѣшилъ противъ священнаго суда восточныхъ Отцовъ, не говоря уже о западныхъ, *Теофилактъ*, называя въ комментаріи къ третьей главѣ св. Іоанна такое ихъ толкованіе безуміемъ, основываясь на легкомысленномъ сужденіи *Теодора Мопсуетскаго*. Если, говорилъ (*Теофилактъ*), далъ Духа ученикамъ тогда, когда дунуль, то какимъ образомъ Онъ обѣщалъ послѣ того, что дастъ имъ Его, и далъ въ день пятидесятиницы? Онъ долженъ былъ помнить, что это его противорѣчіе было включено на V вселенскомъ Соборѣ въ число заблужденій *Теодора* въ гл. XIV. Папа Вигилій въ своемъ наставленіи, предложенномъ этому Собору, такъ его (*Теодора*) опровергаетъ: а что въ этой главѣ сказано, что Господь Іисусъ, дунувъ на апостоловъ, не далъ имъ Духа, а обѣщалъ дать, такъ что черезъ это либо сама истина почитается солгавшего (чего да не будетъ!), сказавъ: получите Духа Святаго, Котораго не давала,—либо, какъ простой человѣкъ, не имѣла чего дать, либо дать вовсе не могла;—если это (*Теодоръ*) думаетъ, или проповѣдуетъ,—да будетъ анаѐма.. Это долженъ былъ прочитать *Теофилактъ*, что бы не подвергнуть себя и другихъ опасности тяжелой отвѣтственности“. Такъ говоритъ іезуитъ, какъ будто одинъ только *Теофилактъ* передалъ такое толкованіе словъ Христа, что бы за это подвергнуться осужденію; между тѣмъ какъ столько поименованныхъ нами Отцовъ и другіе, про которыхъ они упоминаютъ, слѣдовали этому же толкованію, или какъ будто, наконецъ, *Теофилактъ* заимствовалъ его у *Теодора Мопсуетскаго*, тогда какъ и *Златоустъ* и другіе предшествоващіе *Теоодору*, о которыхъ также упоминаетъ *Златоустъ*, такъ толковали это мѣсто евангелія. Но всякому ясно, что, хотя по указаннымъ основаніямъ и можно сказать, что Духъ Св. данъ былъ дважды, однако этимъ мало примиряются мѣста, гдѣ апостолы и признаются уже получившими Св. Духа, и снова имъ приказывается ожидать Его послѣ вознесенія Христа на небо, Мѣста эти мы выше разсмотрѣли. Слѣдовательно, сюда идетъ только первое изъ означенныхъ толкованій, по которому признается, что

¹⁾ Циховій, вопр. 1, стр. 6.

Духъ Св. сначала былъ данъ по дару отпущенія грѣховъ, а потомъ во время пятидесятницы по совершенству всѣхъ даровъ. Достаточно ясно отсюда, что посланіе Духа Св. во время пятидесятницы гораздо совершеннѣе вдохновенія Его, совершеннаго Спасителемъ. Такимъ образомъ,—такъ какъ нѣтъ никакого основанія изъ посланія Св. Духа во время пятидесятницы выводить, что Онъ исходитъ отъ Сына, что было доказано въ особой главѣ, то, конечно, очевидно, что изъ того, что Сынъ Божій, дунувши на апостоловъ, даровалъ имъ Духа, отнюдь не вытекаетъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына.

ОТВѢТЪ VI.

Изъ дуновенія Христомъ Духа Св. не вытекаетъ ничего иного; какъ только то, что Духъ Св. есть Духъ Христа,—что Онъ не чуждъ Его сущности; что Онъ—отъ Бога; что Онъ дается изъ божественной сущности; что Онъ дается черезъ Сына; что Духъ Отца свойственъ Христу; что человечество Христа получило раньше всѣ дары Духа Святаго. Такъ *Аванасій* во второмъ посланіи къ Серапіону о Св. Духѣ (т. II твореній, стр. 18) пишетъ: „въ то время, какъ Отецъ посылаетъ Духа, Сынъ, дунувъ, даетъ Его ученикамъ, такъ какъ все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ Сыну, и когда Слово было у пророковъ, Они пророчествовали Духомъ“. И въ кн. „о явленіи во плоти Бога Слова“ онъ выражается словами, которыя мы должны будемъ разсматривать въ главѣ о свидѣтельствахъ, приводимыхъ Латинянами въ качествѣ возраженія изъ восточныхъ Отцовъ: „дунувъ (Спаситель) Его въ лицо апостоловъ, говоря: получите Духа Св., дабы мы поняли, что Духъ Св., даваемый ученикамъ, происходитъ изъ полноты божества. Ибо въ Христѣ, т. е. въ тѣлѣ Его, обитаетъ тѣлесно вся полнота божества, какъ и говорить евангелистъ Іоаннъ: мы всѣ получили отъ полноты Его. Именно въ тѣлесномъ видѣ, т. е. въ образѣ голубя, видѣли Духа Св. сходящимъ и пребывающимъ на Немъ. Въ насъ слѣдовательно, обитаютъ начатки и задатокъ божественности, а въ Христѣ вся полнота божества“. *Василій Великій* въ XVII бесѣдѣ о крещеніи: „приступающій къ крещенію пусть помнитъ о Господѣ, Который дунувъ Духа Св. и этимъ дуновеніемъ обозначилъ,

что Духъ Св.—божественной сущности“. *Епифаній* въ LXXIV ереси (Духоборцевъ) (т. I стр. 902): „такъ какъ Духъ не чуждъ божества Бога, то (Спаситель) дунуль въ лицо учениковъ и сказалъ: получите Духа Св.“ *Амвросій* въ X кн. комментарий на Луку,—къ гл. XXIV: „потому Духъ Св. вдувается Христомъ, что бы ты вѣрилъ, что Духъ есть Христовъ, и вѣрилъ, что Духъ отъ Бога: ибо Одинъ только Богъ отпускаетъ грѣхи“.

Августинъ въ XIII кн., гл. XXIV „о государствѣ Божиѣмъ“: „въ томъ, что Господь сдѣлалъ, когда Онъ дунуль, говоря: получите Духа Св., Онъ благоволилъ дать понять, что Духъ Св. не есть только (Духъ) Отца, но также и Духъ Единороднаго. Ибо Онъ есть Духъ Отца и Сына,—съ нимъ—Троица:—Отецъ, Сынъ и Духъ Св.;—Онъ—не тварь, но творецъ. И это дуновение тѣлесное исходящее изъ плотскихъ устъ, не было существо Св. Духа и природа, но скорѣе обозначеніе, что бы мы черезъ него поняли, какъ я сказалъ, что Духъ Св.—общъ Отцу и Сыну: ибо Онъ не принадлежитъ каждому изъ Нихъ отдѣльно, но есть Одинъ для Обояхъ.“

Кириллъ Александрійскій въ IX кн. толкованій на Иоанна (далеко до конца—т. IV твореній, стр. 810): „какимъ образомъ, если Сынъ чуждъ сущности Отца, Онъ даетъ Духа Отца, какъ Своего? А написано: дунуль на апостоловъ, говоря: получите Духа Св.“ И опять тамъ же: „такъ какъ каждый изъ насъ содержитъ въ себѣ свой собственный духъ и изливаетъ его изъ сокровеннѣйшихъ глубинъ во внѣ, поэтому и Христосъ дунуль тѣлесно, показывая этимъ знакомъ, что подобно тому, какъ изъ человѣческихъ устъ тѣлесно исходитъ человѣческой духъ, такъ изъ божественной сущности согласно съ божествомъ изливается Духъ, Имъ подаваемый.“ И въ изложеніи Никейскаго символа: „исходитъ (Св. Духъ) отъ Бога Отца, какъ изъ источника, а уступается твари черезъ Сына. Поэтому Онъ (Сынъ) дунуль на Св. апостоловъ, говоря: получите Духа Св.“ И въ XVII кн. на Иоанна (т. IV, стр. 1095): „освящаетъ, давая имъ Собственнаго Духа посредствомъ видимаго дуновения, дабы и мы вѣрили, что (Духъ) не чуждъ Сыну, но единосущенъ съ нимъ и черезъ него является (выходить).“

Исидоръ Целусіотъ кн. I, послан. ХСVII: „чтобы показать единство Св. Духа съ Нимъ Самимъ и Отцомъ, Господь Нашъ сказалъ ученикамъ, воскресши изъ мертвыхъ: примите Духа Св.— кому отпустите грѣхи, — отпустятся, конечно, властью Того Духа Св., Котораго получаете и Который можетъ по божеству отпускать грѣхи.“

Аммоній въ катенѣ греческихъ Отцовъ на Іоанна, къ гл. XX: „а что (Господь) черезъ дуновение далъ Духа, этимъ онъ показалъ, что (Духъ) единосущенъ съ Нимъ и отнюдь не чуждъ Ему, такъ какъ Онъ является отъ Отца черезъ Него (Сына) и укрѣпляетъ ихъ (апостоловъ), что бы они дѣлали угодное Богу и сознали силу Христовой тайны.“

Софроній Іерусалимскій въ посланіи къ Сергію (XI дѣяніе VI вселенскаго Собора, т. VI Соборовъ, столб. 879): „(Спаситель) удѣляетъ имъ Духа Св., какъ родственнаго Ему и одного происхожденія съ Нимъ“. Авторъ книги „о Троицѣ“, которая существуетъ подъ именемъ *Кирилла Александрійскаго*, въ гл. X—и *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. „православной вѣры“, въ гл. X: „мы исповѣдуемъ, что Духъ Св.—не отъ Сына (происходитъ), но черезъ Сына объявленъ намъ и данъ. Ибо дунуль, говорить (Іоаннъ), и сказалъ ученикамъ своимъ: получите Духа Св.“ *Веда* въ комментаріяхъ на евангеліе отъ Іоанна,—къ гл. XX (т. V твореній, столб. 613): „дунувши, Онъ показалъ, что Духъ Св. не есть (Духъ) Одного только Отца, но и Его“. Это же повторяетъ *Альбинъ Алкуинъ* въ коммент. на Іоанна—къ словамъ: „получите Духа Св.“

И такъ, если Сынъ Божій есть Богъ и если то, что Сыномъ вдувается, Сыномъ и дается, то отсюда слѣдуетъ, конечно, что вдуваемое Сыномъ имѣетъ божественную сущность, и поэтому совершенно вѣрно *Василій Великій* въ приведенныхъ выше словахъ вывелъ изъ этого дуновенія то, что Духъ Св. имѣетъ божественную сущность. Равнымъ образомъ и *Епифаній* выводитъ отсюда не исхождение Св. Духа отъ Сына, но только то, что Духъ Св. не чуждъ божества Бога. Затѣмъ *Амвросій* также отсюда заключалъ, что Духъ Св. есть Богъ отъ Бога, но это онъ выводилъ

всего меньше из того, что Сынъ дуновениемъ далъ Духа Св., но изъ того, что Духъ Св. въ этомъ случаѣ названъ отпускающимъ грѣхи. Опять—же: если Духъ Св. вдувается изъ Сына, то Онъ, конечно, есть Его собственный Духъ; Сынъ же Божій есть Богъ; отсюда слѣдуетъ конечно, что бы Духъ Св. изливался на вѣрныхъ изъ божественной сущности—богоподобно, а не рабскимъ, напримеръ, образомъ. Это именно и выводилъ отсюда *Кириллъ Александрійскій* въ IX кн. толкованій на Іоанна. Слѣдовательно,—если такимъ именно образомъ вдувается Духъ Св. Сыномъ, то ясно, конечно, что черезъ Сына также Духъ Св. является отъ Отца, т. е. къ намъ, какъ и выводилъ это вмѣстѣ съ Кирилломъ Александрійскимъ (XII кн. толкованій на Іоанна) и Аммоній въ катенѣ греческихъ Отцовъ на Іоанна къ XX гл.—Здѣсь у обоихъ названныхъ Отцовъ идетъ рѣчь не о вѣчномъ и ипостасномъ исхожденіи, а только о временномъ изліяніи Духа Св. черезъ Сына.—И такъ, вотъ какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ дуновенія Христа согласно ученію св. Отцовъ, а нисколько не тотъ, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына.

Затѣмъ, утверждали, будто дуновеніе Духа Св.—одно; здѣсь же Духъ Св. вдувается или выдыхается Сыномъ,—слѣдовательно—дуновеніе это то же, что и вѣчное выдыханіе Св. Духа,—и поэтому-то отсюда съ необходимостью будто бы вытекаетъ заключеніе, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына.

Но тутъ мы имѣемъ дѣло съ совершенно различными вещами: дуновеніе совершилось во времени,—оно сдѣлано для насъ; произведеніе же Духа Св. совершилось прежде всѣхъ вѣковъ и временъ,—оно—вѣчно. Дуновеніе было сдѣлано для апостоловъ и потому оно дѣло Божіе внѣшнее; произведеніе же Духа Св. совершилось безъ всякаго отношенія къ тварямъ и не менѣе, чѣмъ рожденіе Сына Божія,—вѣчно,—и поэтому оно—дѣло Божіе внутреннее. Дуновениемъ данъ ученикамъ одинъ даръ Духа Св., т. е. отпущеніе грѣховъ,—а исхожденіе—есть способъ, которымъ Духъ Св. имѣетъ причину Своего существованія. Исхожденіе есть образъ ипостаснаго бытія Св. Духа, а дуновеніе—нисколько. Духъ Св., далѣе, Самъ Себя дышетъ, какъ выше доказано,—но отъ Себя Самого Онъ

нисколько не происходить. Опять-таки тѣлесное дуновение, исшедшее изъ устъ Христа, не было самою сущностью Св. Духа, а то, что дышется или исходитъ отъ вѣчности, есть Самъ Духъ Св. Затѣмъ,—если бы это доказательство имѣло силу, то изъ него, конечно, слѣдовало бы, что Духъ Св. исходитъ также, или иначе имѣетъ причину Своего бытія, изъ самого тѣла, которое Сынъ Божій принялъ на Себя во времени,—слѣдовало бы опять, что Богъ приведенъ къ бытію тварью. Но это невозможно; мало того,—богохульно. Ибо дуновение это произведено дыханіемъ устъ, поэтому вышло изъ тѣла. Слѣдовательно,—если дуновение это и дыханіе (произведеніе Духа)—одно и то же,—то отсюда слѣдуетъ несомнѣнно, что Духъ Св. производится человѣческимъ тѣломъ такъ же, какъ выдувается человѣческимъ тѣломъ.—Дѣйствительно, одно дышаніе или произведеніе Духа Св. Но какой же выводъ: значить, когда въ этомъ случаѣ дышется или вдувается Духъ Св., то это дуновение тождественно съ дышаніемъ или произведеніемъ Св. Духа? Вѣдь дышаніе Св. Духа, дѣйствительно, одно,—то именно, которое вѣчно; но, конечно, если мы будемъ имѣть въ виду то, что сдѣлано во времени для нашего спасенія, то должны будемъ признать снова иное дуновение или дышаніе Духа Св. Слѣдовательно,—такъ какъ это послѣднее дуновение совершенно разнится отъ вѣчнаго дышанія Духа Св., то ясно, конечно, что никоимъ образомъ нельзя заключать, что, если здѣсь Духъ Св. дышется или вдувается, то это дуновение или дыханіе—тождественно съ произведеніемъ или вѣчнымъ дыханіемъ Духа Св.,—хотя, если прямо сказать, слѣдуетъ даже совсѣмъ отрицать, что здѣсь былъ вдунуть Духъ Св. Ибо, хотя Спаситель, дунувши, далъ ученикамъ Духа Св. и это дарованіе Св. Духа выразилъ дуновеніемъ, однако само это тѣлесное дуновение отнюдь не было сущностью Св. Духа, по ученію Августина и др., какъ мы выше видѣли. Слѣдовательно,—тѣлеснымъ дуновеніемъ Духъ Св. сообщался (вдувался) не иначе, какъ только домостроительно, или раздавательно (*oecopomise et dispensantive*), т. е. такъ какъ вмѣстѣ съ дуновеніемъ давался Духъ Св. и Его дарованіе обозначалось этимъ дуновеніемъ, то можно сказать, что Христомъ былъ вдунуть Духъ Св. Но Отцы католической церкви и не употребляли слова—*дыханіе* въ объясненіи исхожденія Св. Духа.

Да и откуда было бы извѣстно, что Духъ Св. произведенъ черезъ способъ дыханія, когда основаніе исхожденія Св. Духа признается совершенно неизвѣстнымъ, какъ мы указали въ другомъ мѣстѣ? И имя Духъ—тутъ ни причемъ: оно обще Троицѣ, — столько же Сынъ — Духъ, сколько и Отецъ: въ Писаніи сказано: „Богъ есть Духъ.“ И такъ, развѣ потому, что Сынъ есть Духъ, можно производить Его отъ Отца способомъ дыханія?—Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Но, говорятъ иные, хотя дуновеніе не есть само произведеніе Св. Духа, однако черзъ дуновеніе подходящимъ образомъ обозначено исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Но этимъ самымъ Они принимаютъ, какъ доказанное то, что требуется доказать; это мы теперь изслѣдуемъ и разбираемъ. Противъ этого именно мы до сихъ поръ и спорили: ибо—одно и тоже утверждать, что дуновеніе Иисуса Христа на апостоловъ есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына и, съ другой стороны, что это дуновеніе представляетъ подходящее и привычное обозначеніе исхожденія Св. Духа отъ Сына,—такъ что долѣе останавливаться на этомъ нѣтъ надобности.

Противъ этого возражаетъ, наконецъ, нѣкій іезуитъ ¹⁾: именно послѣ приведенныхъ выше словъ *Кирилла* изъ XII кн. его толкованій на Іоанна онъ выставляетъ, затѣмъ, изъ той же книги: „слѣдовательно, получаютъ (апостолы) причастіе Св. Духа, когда также Онъ дунулъ на нихъ, говоря: получите Духа Св., ибо Христосъ не можетъ лгать и не скажетъ: получите, если не дастъ.“

Но ничему иному *Кириллъ* этими словами не научаетъ, кромѣ того, что дуновеніемъ былъ данъ ученикамъ Духъ Св., и вовсе онъ не прибавляетъ, что этимъ дуновеніемъ обозначено исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Кто же когда-нибудь отрицалъ, что Спаситель чрезъ дуновеніе сообщилъ ученикамъ Духа Св? Но нелѣпо утверждать, что дарованіе Духа Св., совершенное черезъ Сына, можетъ служить доказательствомъ Его исхожденія отъ Сына.

Между тѣмъ означенный писатель продолжаетъ: „и изъ этого предположенія“ (т. е., что будто бы *Кириллъ* вѣровалъ, что дуновеніемъ Христосъ обозначилъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына) „выводитъ тотъ же Св. патріархъ, что Сынъ единосущенъ съ Отцомъ— въ

¹⁾ Циховій въ I вопр. своего трибунала, стр. 3.

IX кн. на Иоанна, листъ 810. Какимъ образомъ, говорить онъ, если Сынъ другой сущности, нежели Отецъ, Онъ передаетъ Духа Отца, какъ Своего? Ибо написано: дунуль на учениковъ, говоря: получите Духа Св. Слѣдовательно, неосновательно будетъ думать кто-нибудь, что Сынъ, будучи по существу участникомъ естественныхъ благъ Бога Отца, имѣеть Духа непривнесеннымъ, не извнѣ (ибо бесуміе такъ и подумать), но такъ, какъ каждый изъ насъ, Онъ содержитъ въ Себѣ Самомъ Своего Духа и изливаетъ во внѣ изъ сокровенной глубины. Поэтому-то Христосъ дунуль тѣлесно, показывая, что какъ изъ человѣческихъ устъ выходитъ тѣлесно духъ, такъ изъ божественной сущности Θεοπρεπῶς (Богоприлично) изливается Духъ, Который есть (выходить) изъ Него“.

Но, во-первыхъ, ложно, будто Кириллъ выводитъ заключеніе, что Сынъ—единосущенъ съ Отцомъ, изъ предположенія, что черезъ извѣстное дуновеніе обозначается исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Этому въ приведенныхъ словахъ Кириллъ не учитъ и даже не намекаетъ. „Духъ Св., говоритъ Онъ, есть собственный Сына, не привнесенный (присвоенный), и Сынъ содержитъ въ Себѣ Духа такъ, какъ каждый изъ насъ содержитъ свой духъ и изливаетъ Его изъ глубины Своихъ внутренностей“.—И какъ изъ устъ человѣческихъ исходитъ Духъ тѣлесно, такъ и Христосъ дуновеніемъ показалъ, что равнымъ образомъ не извнѣ и не привносно, но изъ Его божественной сущности и образомъ, приличествующимъ Богу, изливается Духъ на апостоловъ, т. е. изъ Него подается намъ. Если таковъ смыслъ словъ Кирилла, — то какъ иначе Кириллъ вывелъ бы изъ дуновенія Христа, что Онъ единосущенъ съ Отцомъ, какъ не допустивъ напередъ, что этимъ дуновеніемъ Христа знаменуется исхожденіе Св. Духа отъ Него? Конечно, по необходимости Кириллъ выводилъ отсюда это заключеніе такъ: изъ дуновенія Спасителя явствуетъ, что Сынъ даетъ Духа Св., не какъ нѣчто привнесенное извнѣ, или чужое, но какъ Своего. А такъ какъ этотъ же Духъ Св. есть Духъ Отца и въ то же время Его собственный Духъ,—то необходимо, чтобы Сынъ былъ единосущенъ съ Отцомъ, разумѣется, если этотъ Духъ есть собственный Отца, а также собственный и Сына. Гдѣ же, что бы такъ заключать, нужно предполагать, или предполагается, что Духъ Св. исходитъ также и отъ

Сына или, что чрезъ извѣстное дуновеніе Христа обозначается исхожденіе Св. Духа отъ Него?—А затѣмъ, то, что на основаніи сейчасъ приведенныхъ словъ Кирилла можно было возражать, мы обстоятельно опровергаемъ въ главѣ, въ которой разбираются свидѣтельства восточныхъ Отцовъ, выставляемыя Латинянами въ защиту своего мнѣнія, тамъ именно, гдѣ рѣчь идетъ о словахъ Кирилла.

Далѣе тотъ же іезуитъ продолжаетъ ¹⁾ „а что-бы кто-нибудь не сказалъ, что чрезъ это дуновеніе даны только благодатныя дары, то противъ этого возражаетъ Кириллъ въ VII кн. разговоровъ съ Ерміемъ, листъ 638. Не благодати, говоритъ онъ, но самого единого и Святаго Духа стали апостолы причастниками этимъ дуновеніемъ Спасителя“. И мы никогда не отрицали, что, когда Спаситель сказалъ: получите Духа Св., то ученикамъ данъ былъ истинно Духъ Св. Но такъ какъ дары Духа Св. бываютъ разнообразныя, то мы утверждаемъ, что извѣстнымъ дуновеніемъ Духъ Св. данъ былъ апостоламъ только по отношенію къ отпущенію грѣховъ.

Впрочемъ приведенныя слова Кирилла не находятся въ указанномъ мѣстѣ, а соотвѣтствующія имъ вотъ въ какомъ видѣ представляются во II гл. твореній, по Парижскому латинскому изданію 1604 г., стр. 321: „а то, что напечатлѣлъ намъ божественный образъ и что даетъ какъ бы печать небесной красоты, развѣ не Духъ?“ Ерміи: „но не какъ Богъ, а какъ сообщитель божественной благодати“. Кириллъ: „значитъ, не Онъ, а благодать чрезъ Него на насъ изображается. И такъ, было необходимо человѣку называться образомъ благодати, а не образомъ Бога“. И далѣе, говоря объ Адамѣ: „принималъ образъ Бога, когда вдунуто было въ него дыханіе жизни. Когда же онъ потерялъ освященіе паденіемъ въ грѣхъ, то (Богъ) возвратилъ къ первоначальной и древней красотѣ, когда Христось обновилъ то, что обветшало, въ образъ божественный и духовный, и не въ иной какой-нибудь, чѣмъ въ какомъ онъ былъ вначалѣ. Ибо Онъ дунулъ апостоловъ, говоря: получите Духа Св.“ И немного далѣе:

¹⁾ Тамъ же, стр. 4.

„развѣ не-Богъ Духъ Св., Который измѣняетъ въ образъ Бога, не черезъ благодать, какъ сообщитель, но какъ подающій Намъ достойнымъ причастіе божественной природы?“ И такъ, смыслъ Кирилла таковъ: когда Христосъ дунулъ на апостоловъ, то Онъ далъ не благодать, такую т. е., которая дается какъ бы служителемъ, но также Духа Св.—Слѣдовательно, Кириллъ не отрицаетъ, что тогда дана была благодать, но только разумѣетъ, что дана была не та благодать, которая дается какъ бы служителемъ (сообщителемъ). То, что такая именно благодать тогда была дана, и мы рѣшительно отрицаемъ.

Присоединяетъ далѣе іезуитъ слова *Аванасія* изъ жизни „о принятіи человѣческой природы“. Но о нихъ скажемъ въ главѣ, гдѣ будемъ разрѣшать возраженія, извлеченныя изъ свидѣтельствъ восточныхъ Отцовъ. Здѣсь же онъ приводитъ еще слова *Аванасія* изъ посланія его къ Серапіону (т. II твореній, стр. I): „когда Онъ дунулъ на нихъ, то далъ Его изъ Себя ученикамъ“—и прибавляетъ: „какъ же изъ Себя, если не исходящимъ?“—Но развѣ Сынъ не имѣетъ въ Себѣ и въ Своей природѣ Ему принадлежащаго Св. Духа? Если Сынъ другимъ удѣляетъ Того же Духа, то, конечно, нужно, что бы онъ Его даровалъ изъ Себя. И такъ, какъ же Сынъ не могъ бы удѣлять изъ Себя Св. Духа иначе, какъ только потому, что будто бы Онъ отъ Него исходитъ?

Приводимая, затѣмъ, тѣмъ же писателемъ слова *Анастасія Синаита* изъ I кн. „о догматахъ вѣры“, а также то, что онъ приводитъ изъ Кирилла Іерусалимскаго для доказательства своей мысли, разберемъ въ главѣ, гдѣ мы опровергаемъ возраженія, взятыя изъ восточныхъ Отцовъ.

О словахъ же *Епифанія* изъ LXXIV ереси говорилось нѣсколько выше. Къ нимъ далѣе присоединяетъ этотъ писатель. ¹⁾ сказанное *Епифаніемъ* изъ ереси LXIX: „въ другомъ мѣстѣ даетъ, не спрашивая болѣе, но собственною властью, какъ источникъ, происходящій изъ источника; и будучи Богомъ отъ Бога, дунулъ въ лицо имъ и сказалъ: получите Духа Св.“ Но отсюда ничего нельзя извлечь въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына. Ибо смыслъ

¹⁾ Указан. кн. стр. I.

словъ Епифанія тотъ, что Спаситель по человѣческой природѣ часто просить Духа Св. у Отца, иногда же (какъ въ извѣстномъ дуновеніи) удѣляетъ Духа собственною властью, т. е. какъ Своего собственнаго, а не испрошеннаго униженно у другого,—удѣляетъ по Своей божественной природѣ, какъ Богъ и источникъ, или раздаватель Духа Св. (Ибо Онъ есть Богъ отъ Бога и источникъ изъ источника; Отецъ равнымъ образомъ есть источникъ и раздаватель Духа Св.). Слѣдовательно, говоря: „Сынъ также своею властью даетъ Духа Св.“, Епифаній даетъ понять, что Сынъ удѣляетъ Духа, не вымаливая Его у Отца, но Своего собственнаго даетъ, какъ единосущный, какъ Богъ и источникъ. А говоря: „даетъ Духа, какъ источникъ изъ источника,“ разумѣетъ внѣшнее дарованіе Духа Св. Ибо и въ той же LXIX ереси подъ номеромъ LIV (стр. 776 греко-латинск. изданія) Епифаній также называетъ Сына источникомъ изъ источника, говоря: „отъ источника (происходитъ) не въ иномъ смыслѣ, но существуя Одинъ подъ именемъ Сына и Слова; Сынъ—источникъ, вышедшій изъ источника, всегда существующій, рожденный у Отца: ибо у Тебя—источникъ жизни“. Вслѣдъ затѣмъ онъ называетъ также и Духа Св. источникомъ изъ источника, что, конечно, можетъ быть понимаемо не иначе, какъ въ смыслѣ внѣшняго истеченія. Дѣйствительно, къ приведеннымъ словамъ онъ непосредственно присоединяетъ: „что бы показать о Духѣ Святомъ: въ свѣтѣ Твоемъ увидимъ свѣтъ. Что бы этимъ показать, что свѣтъ—Отецъ, и свѣтъ Отца—Сынъ, и свѣтъ—Духъ Св.; источникъ изъ источника—изъ Отца и Единороднаго—Духъ Св. Изъ чрева Его потекутъ рѣки воды, ведущей въ жизнь вѣчную—сказалъ (Спаситель) это о Духѣ Св., говоритъ евангеліе“.

Вслѣдъ затѣмъ выставляетъ іезуитъ слова *Василія* изъ XVІІ бес. „о крещеніи,“ нѣсколько выше приведенныя, и прибавляетъ: „сказанное не въ иномъ смыслѣ можетъ быть объяснено, какъ такимъ способомъ разсужденія: все, что происходитъ отъ Бога,—божественной сущности. Духъ Св., вдунутый апостоламъ,—отъ Бога (ибо Сынъ—Богъ); слѣдовательно—Духъ, вдунутый апостоламъ, божественной сущности“. Но что совершенно иначе могутъ быть и даже должны быть объяснены слова *Василія* мы уже видѣли выше. Разсужденіе *Василія* таково: Духъ Св. вдувается Сыномъ Божіимъ,—

слѣдовательно — Духъ Св. — есть божественной сущности, какъ это ясно изъ его словъ. Здѣсь, конечно, отсутствуетъ только большая посылка, которую если прибавить, что полный силлогизмъ Василя будетъ имѣть такой видъ: кто вдувается Сыномъ Божиимъ, — божественной сущности (ибо Сынъ Божій — Богъ, а что Сыномъ вдувается — Сыномъ дается); Духъ Св., вдувается Сыномъ; слѣдовательно — Духъ Св. — божественной сущности. А іезуитъ образуетъ меньшую посылку: „Духъ Св., вдунутый апостоламъ, есть отъ Бога“ не по мысли Василя. Эти слова — не Василя, который просто сказалъ только: „черезъ это дуновеніе Онъ (Спаситель) показалъ, что Духъ — божественной сущности“. И такъ Василій показалъ, что изъ одного только дуновенія выводится заключеніе, что Духъ Св. — божественной сущности. Здѣсь для доказательства этого, по мысли Василя, достаточно меньшей посылки: Духъ Св. вдувается ученикамъ Сыномъ. Отсюда затѣмъ становится яснымъ, что большая посылка: „все, что исходитъ отъ Бога, — божественной сущности“, — образована іезуитомъ отнюдь не по мысли Василя. Для всякаго очевидно, что такая большая посылка не вытекаетъ изъ словъ Василя.

Настаиваетъ дальше тотъ же авторъ: „онъ же (т. е. Василій Великій) въ V кн. противъ Евномія, въ главѣ объ отпущеніи грѣховъ, листъ 780 въ концѣ и слѣд., для доказательства, что Духъ Св. есть Богъ, употребляетъ такой доводъ: тотъ, кто можетъ черезъ апостоловъ отпускать грѣхи, есть Богъ (такъ какъ отпускать грѣхи свойственно только Богу); Духъ Св., черезъ дуновеніе данный апостоламъ, можетъ черезъ апостоловъ отпускать грѣхи; слѣдовательно, Онъ — Богъ. Этотъ доводъ, очевидно, убѣждаетъ, что извѣстными словами: получите и пр. — апостоламъ данъ былъ Самъ Духъ Св., а не какой —нибудь сотворенный даръ, такъ какъ говорить и доказывать, что какая —нибудь тварь — Богъ, есть богохульство или язычество“. Но и мы не отрицаемъ, что апостоламъ вмѣстѣ съ даромъ отпущенія грѣховъ данъ былъ тогда Спасителемъ Самъ Духъ Св. — Тоже самое высказываетъ іезуитъ и по поводу Теофилакта, о чемъ была рѣчь выше. „А что этимъ дуновеніемъ“, продолжаетъ онъ, „означено исхождение божественнѣйшаго Духа, этому учитъ сверхъ того и св. Григорій Богословъ

въ словѣ XLIV на Св. пятидесятницу, по Антверпенскому изданію 1612 г. листъ 269: послѣ совершенія дѣла нашего спасенія дуновение, безъ сомнѣнія, имѣеть видъ болѣе божественнаго вдохновенія“. Но слова Григорія читаются такъ: „означенное дуновение ясно было болѣе божественное вдохновеніе.“ Конечно, это дуновение было вдохновеніемъ болѣе божественнымъ, чѣмъ первое — на отогнание болѣзней и злыхъ духовъ, которое также совершалось апостолами не безъ Св. Духа. Григорій доказываетъ въ этомъ мѣстѣ, что Духъ Св. данъ былъ апостоламъ трижды: сперва неясно, потомъ яснѣе и въ третій разъ совершеннѣе, сообразно съ тѣмъ, какъ требовало время и пониманіе апостоловъ. И этимъ именемъ „болѣе божественнаго“ вдохновенія св. Отецъ обозначаетъ болѣе открытое и болѣе ясное подааніе Св. Духа. „Проявлялъ, говоритъ онъ, Духъ Св. Свою силу на учениковъ Христа, и проявлялъ ее трояко (сообразно съ тѣмъ, какъ они могли ее вмѣстить) и въ три времени, именно: раньше, чѣмъ Христосъ прославился черезъ страданіе; послѣ того, какъ онъ прославился воскресеніемъ, и затѣмъ послѣ Его вознесенія на небо или послѣ Его возстановленія, или можетъ быть иначе какъ-нибудь названо это обстоятельство. Это ясно показываетъ въ первомъ случаѣ власть изгонять духовъ (злыхъ), исцѣлять болѣзни; затѣмъ, послѣ совершенія дѣла нашего спасенія извѣстное дуновение, которое, очевидно, есть болѣе божественное вдохновеніе, — и наконецъ, нынѣшнее раздѣленіе огненныхъ языковъ, которое прославляемъ; но въ первомъ случаѣ — темно, во второмъ — яснѣе, а теперь — совершеннѣе, присутствуя не однимъ только дѣйствованіемъ, какъ прежде, а находясь и пребывая, такъ сказать, существеннымъ образомъ“.

Тоже говоритъ и *Никита* въ своемъ комментарий: „Духъ Святый являлъ свою силу на апостолахъ троякимъ образомъ, конечно, сообразно съ тѣмъ, насколько они сами были способны воспринять (Его) и какъ требовало того время. Именно, — сперва, — передъ страданіями Христа, не ясно, когда Онъ послалъ ихъ на проповѣдь и далъ имъ власть исцѣлять болѣзни и прогонять демоновъ. все это отнюдь не совершилось безъ божественнаго Духа. Во вторыхъ, — послѣ воскресенія болѣе выпукло и яснѣе: ибо, дунувши, Онъ сказалъ: получите Духа Св.; при этомъ Онъ являлся

отнюдь не инымъ, чѣмъ Тотъ, Который вѣялъ отъ перваго творенія вещей, но тѣмъ же Самымъ, черезъ Котораго дано было дыханіе,—тогда вмѣстѣ съ душою, а теперь—въ душу. А въ третьихъ,—когда Христосъ восшелъ на небеса“ и пр.

Выставляетъ еще означенный писатель сказанное *Григоріемъ Нисскимъ* въ его словѣ на текстъ: „тогда и Сынъ покорится“,“ объясняя слова писанія: „славу, которую Ты далъ мнѣ“ такъ: „славою Своею называетъ Духа Святаго, Котораго далъ ученикамъ черезъ дуновеніе“. Но, какъ много разъ было заявлено, и мы нисколько не отрицаемъ, что въ извѣстномъ случаѣ („получите Духа Святаго“) данъ былъ апостоламъ Самъ Духъ Святыи; славою же своею Сынъ называетъ Духа Святаго потому, что Духъ Св. Его прославилъ. Спрашивается, какимъ образомъ? „Разумѣется, тѣмъ что Духъ Св. насъ научилъ, что Сынъ Божій есть образъ невидимаго Бога, блескъ Его славы и начертаніе Его сущности“ какъ сказалъ *Св. Амвросій* во II кн., XII гл. своей книги: „о Духѣ Святомъ.“ Но и Сынъ прославляетъ Духа Св., что бы такимъ образомъ, прославляя Другъ Друга взаимно, явить единство божественной природы, а не потому, что Сынъ происходитъ отъ Духа Св.—или Духъ Св. отъ Сына.

Такъ *Св. Амвросій* въ томъ же мѣстѣ раньше говоритъ: „прославляетъ и Духъ Сына, какъ прославляетъ Его и Отецъ; прославляетъ также Сынъ Божій Духа, какъ мы выше сказали. И такъ, не лишень силы тотъ, кто воздаетъ взаимную славу черезъ единство вѣчнаго свѣта.“

Наконецъ, прибавляетъ иезуитъ и свидѣтельство *Августина* Но о словахъ латинскихъ Отцовъ, утверждающихъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, сказано въ главѣ о поврежденіи писаній латинскихъ Отцовъ,—а о *Феофилактѣ* объяснено выше.

И такъ, изъ того, что Спаситель дунулъ въ лицо апостоламъ, говоря: „получите Духа Святаго“ отнюдь не слѣдуетъ, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

въ которой доказывается, что выраженіе Спасителя: *все что имѣетъ Отецъ,—Мое* (Іоанна XII, 15) не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына.

зъ словъ Христа: „все, что принадлежитъ Отцу,—Мое“ Латиняне вездѣ дѣлають выводъ, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына. Ибо, если Сынъ, говорятъ они, имѣетъ все—Отца, а Отецъ производитъ Духа Св., то, конечно, слѣдуетъ, чтобы равнымъ образомъ и Сынъ производилъ Духа Св. Иные разсуждаютъ такъ: Сынъ имѣетъ все Отца, исключая только отношеніе Отца (т. е. отцовство). Слѣдовательно, Сынъ выдыхаетъ Духа Св., ибо это не значитъ—быть Отцомъ.

ОТВѢТЪ I.

Но, во-первыхъ, положеніе: „Сынъ имѣетъ все Отца“ никоимъ образомъ не должно было быть понимаемо въ смыслѣ того, что относится къ ипостаснымъ свойствамъ, или къ внутреннимъ дѣйствіямъ Божіимъ. Отецъ имѣетъ, конечно, рожденіе Сына, которое нисколько не принадлежитъ Сыну. Затѣмъ, Отецъ есть *ἀρχή*, Сынъ—нисколько; Отецъ есть причина и источникъ божества, а Сынъ нѣтъ; Отецъ—изъ никого иного, Сынъ—изъ Отца; сидѣніе—одесную Отца, а не Сына; Отецъ, а не Сынъ, носитъ кого нибудь въ Своемъ лонѣ.—Именно это послѣднее помѣщаетъ въ числѣ ипостасныхъ свойствъ Отца Анаста-

сій Синаитъ въ XVI гл. своего „Путеводителя“, гдѣ онъ говоритъ: „Слово не имѣеть нерождаемости Отца, не имѣеть и способности рожденія; Оно—не безначально; не имѣеть сидѣнія одесную Себя; Оно не носить въ Своемъ лонѣ; не имѣеть и другихъ ипостасныхъ свойствъ Отца“. И такъ, если такъ много изъ того, что свойственно Отцу, не принадлежитъ Сыну, и все это касается ипостасныхъ свойствъ Отца, или внутреннихъ Его дѣйствій, то, очевидно, что положеніе: „Сынъ имѣеть все Отца“ не можетъ и не должно быть понимаемо въ отношеніи ипостасныхъ свойствъ, или внутреннихъ дѣйствій Бога. Положеніе: „все, что Отца,—Мое“—всеобщее. Чтѣ подъ нимъ понимается, то оно, конечно, должно обнимать всесторонне. А такъ какъ оно отнюдь не простирается на ипостасныя свойства, или дѣйствія внутреннія, то ясно, что это положеніе не понимается въ смыслѣ ипостасныхъ свойствъ, или внутреннихъ дѣйствій Божіихъ. Между тѣмъ произведеніе Духа Св. относится къ числу внутреннихъ дѣйствій Божіихъ и ипостасныхъ Его свойствъ. Ибо—внутреннимъ дѣйствіемъ Божіимъ служить все то, что Богъ производитъ отъ вѣчности безъ всякаго отношенія къ тварямъ,— что, конечно, относится къ произведенію Духа Св., которое поэтому есть внутреннее дѣйствіе Отца не менѣе, чѣмъ рожденіе Сына. Далѣе,— что это произведеніе есть ипостасное свойство Отца, мы пространно доказали въ главѣ, въ которой привели разные аргументы въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца, взятыя изъ богословскихъ началъ. Теперь мы только опять напомнимъ, что было каѳолическимъ догматомъ (какъ показано въ той же главѣ) положеніе: все, что не относится къ божественной сущности, какъ сущности, обозначаетъ способъ явленія ипостаснаго (*modum subsistendi*, τρόπος τῆς ὑφίστασθαι) или ипостасное свойство. А такъ какъ положеніе: „все, что—Отца,—Мое“ отнюдь не понимается въ смыслѣ ипостасныхъ свойствъ, или внутреннихъ дѣйствій, въ числѣ которыхъ находится произведеніе Духа Св., принадлежащее Богу Отцу, то, очевидно, что подъ положеніе: „Сынъ имѣеть все, что есть Отца“ Латиняне никоимъ образомъ не могутъ подвести: „а Отцу принадлежитъ произведеніе Духа Святаго“. Но они настаиваютъ на всеобщности положенія: „все“. „Все, чтѣ Отца, имѣеть Сынъ“. И мы не отрицаемъ этой всеобщности,—допускаемъ ее даже

въ самой высокой степени, но только относительно того, чего она касается, а отнюдь не относительно того, что подъ нею не разумѣется, т. е. въ смыслѣ ипостасныхъ свойствъ или внутреннихъ дѣйствій Бога. Въ самомъ дѣлѣ, — если столько перечисленныхъ нами свойствъ исключаются изъ этого положенія и однако за нимъ сохраняется характеръ всеобщности, то, конечно, сохранится эта всеобщность не менѣе и тогда, если исключить изъ него и остальные свойства Отца. Если же понимать всеобщность и въ смыслѣ этихъ послѣднихъ (т. е. ипостасныхъ свойствъ), то, конечно, ни одно изъ нихъ не можетъ быть исключено. Но объ этомъ сейчасъ скажемъ.

ОТВѢТЪ II.

И поэтому равнымъ образомъ *Григорій Назіанзинъ* изъ положенія: „все, что есть Отца, имѣетъ Сынъ“ — исключаетъ не только рожденіе Сына, но просто причину, т. е. причину происхожденія Сына и Духа Св. Такъ въ словѣ XXIV „противъ пришельцевъ изъ Египта“ — въ концѣ — онъ говоритъ: „все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Сыну, исключая причину. Все же, что есть — Сына, принадлежитъ и Духу, кромѣ сыновства и того, что говорится о Немъ тѣлесно ради меня, человѣка, и ради моего спасенія.“ Слѣдовательно подъ положеніе: „все, что — Отца, имѣетъ Сынъ“ — никакимъ образомъ нельзя подвести произведенія Духа, оно рѣшительно исключается изъ этого положенія.

Можно сказать: подъ словомъ — *причина* Григорій разумѣетъ только причину Сына. Но вездѣ, гдѣ только Григорій ни употребляетъ такъ просто это слово, онъ обозначаетъ имъ какъ причину Сына, такъ и Духа Св., какъ это видно изъ множества его рѣчей. Мало того, — когда въ I-мъ словѣ, представляющемъ апологію бѣгство¹⁾, онъ (на стр. 17) приписывалъ одному только Отцу, преимущество причины которое Ему принадлежитъ, какъ Отцу то, желая вслѣдъ затѣмъ выяснитъ, въ чемъ заключается это преимущество причины, принадлежащее отцу и отнимаемое отъ Сына, онъ упоминаетъ какъ о причинѣ Сына, такъ и Духа Св. „Не настолько, говоритъ онъ, должно быть Христолобумъ, что бы не сохранять Христу имени Сына, а Отцу — преимущество причины, которое онъ имѣетъ, какъ

¹⁾ т. е. бѣгство епископовъ изъ Египта.

Отець и родитель. Ибо Онъ былъ бы причиною малаго и недостойнаго, даже причиною ничтожнаго и недостойнаго, если бы Онъ не былъ причиною той божественности и благодати, которыя усматриваются въ Сынѣ и Духѣ Св.: въ Первомъ,—какъ Сынѣ и Словѣ, въ Последнемъ,—какъ исходящемъ, но не какъ въ разрѣшимомъ нѣкоторомъ дуновеніи.“ Слѣдовательно,—когда Григорій отнимаетъ у Сына причину, то онъ разумѣетъ какъ причину Сына, такъ и Духа Святаго.

ОТВѢТЪ III.

Далѣе, — и Духъ Св. имѣетъ все, что есть у Отца. Ибо если бы Сынъ имѣлъ все, что у Отца, а Духъ Св.—нѣтъ,—то единство между Отцомъ и Сыномъ было бы больше, чѣмъ между Отцомъ и Духомъ Св.,—что нелѣпо. Опять таки:—одно божество, одно величіе Сына и Духа Св.,—и какъ Отець разнится отъ Сына только ипостасью, точно такъ же отъ Духа Св. Онъ отличается одной только ипостасью. Подробное ученіе Отцовъ объ этомъ мы читали въ главѣ, въ которой приводили разныя доказательства изъ богословскихъ началъ въ пользу исхожденія Св. Духа отъ одного только Отца. Поэтому—*Діонисій Ареопагитъ* въ книгѣ „о божественныхъ именахъ“ во II гл. (въ началѣ) говоритъ: „то, что принадлежитъ Отцу и Сыну, Сынъ общительно и неразрывно прилагаетъ и божественному Духу. *Василій Великій* въ III кн. противъ Евномія: „что—обще Отцу и Сыну, равно обще и Духу Святому“. *Августинъ* въ XI кн. о Троицѣ, гл. IV: „все, что имѣетъ Отець, принадлежитъ не только Сыну, но и Духу Святому: ибо Духъ Св. имѣетъ власть прославить Сына, Котораго прославляетъ Отець.“ *Левъ Великій*, папа Римскій, въ I словѣ на пятидесятницу: „не принадлежитъ иное Отцу, иное Сыну, иное—Духу Св.; но все, что имѣетъ Отець, имѣетъ и Сынъ, имѣетъ и Духъ Св. И эта общность всегда была присуца этой Троицѣ: ибо тамъ имѣтъ все—значитъ тоже, что всегда существовать. Нельзя думать тутъ ни о какомъ времени, ни о какихъ степеняхъ, ни о какомъ различіи, и, если никто не можетъ объяснить о Богѣ, что Онъ такое, никто не долженъ смѣть утверждать, что Его нѣтъ. Ибо извинительнѣе о неизяснимой природѣ не высказать достойнаго, чѣмъ утверждать

противное. И такъ, все, что благочестивыя сёрдца могутъ понять о вѣчной и неизмѣнной славѣ Отца,—то же пусть разумѣютъ они нераздѣльно и безразлично и о Сынѣ и о Духѣ Св.; ибо потому мы исповѣдуемъ, что эта блаженная Троица есть Одинъ Богъ, что въ этихъ трехъ лицахъ нѣтъ никакого различія ни сущности, ни силы, ни воли, ни дѣйствія.“ И въ словѣ Ш на пятидесятницу онъ же говоритъ: „что имѣетъ Отецъ, имѣетъ и Сынъ,—и что имѣетъ Отецъ и Сынъ, имѣетъ и Духъ Св.: ибо вся Троица вмѣстѣ есть одинъ Богъ.“ Наконецъ *Антіохъ*, монахъ лавры аввы Саввы, въ бесѣдѣ I „о вѣрѣ“ (т. I библиотеки Греческихъ Отцовъ, стр. 1028): „коротко сказать: Само богочначальное Слово говоритъ: Я и Отецъ—одно; и: все Мое—Твое и Твое—Мое. И также все,— что принадлежитъ Отцу и Самому Сыну, все это вполне Самъ Сынъ приписываетъ Духу Св., почитаемому въ величїи божества, вслѣдствіе нераздѣльнаго равенства общей и единой природы, т. е. вслѣдствіе источнаго почитанія божественнаго дѣйствія и постоянной причины творческой силы, когда Онъ говоритъ: ступайте, учите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа.“ Слѣдовательно, равно и Духъ Св. имѣетъ все, принадлежащее Отцу, какъ и Сынъ. Если же изъ того, что Сынъ имѣетъ все Отца, слѣдовало бы, что Сынъ, исключая одно только рожденіе, все прочее имѣетъ Отца и въ томъ числѣ также произведеніе Св. Духа, то съ равною необходимостью также слѣдовало бы, что Духъ Св., точно такъ же имѣя все Отца, исключая только произведеніе Себя, долженъ имѣть все остальное Отца и между прочимъ рожденіе Сына, или же, исключая только рожденіе Сына, все остальное Отца и въ томъ числѣ также и произведеніе Себя;—но это, конечно, не возможно. Поэтому и отсюда очевидно явствуетъ, что положеніе: „Сынъ имѣетъ все Отца“ не можетъ быть понимаемо въ смыслѣ ипостасныхъ свойствъ, или внутреннихъ дѣйствій Бога Отца. Ибо такое положеніе: „Духъ Св. имѣетъ все Отца,“ которому соответствуетъ первое: „Сынъ имѣетъ все Отца“ никоимъ образомъ не понимается въ смыслѣ ипостасныхъ свойствъ или дѣйствій внутреннихъ Бога Отца. Духъ Св. не имѣетъ ни одного внутренняго свойства, или дѣйствія Бога Отца: Онъ не рождаетъ, не производитъ, Онъ не есть *ἀγέννητος*, т. е. нерожда-

емый, никого не носить въ своемъ лонѣ, не имѣть сѣдящаго одесную и т. д.,—и однако все—Отца имѣть Духъ Св.—Слѣдовательно, никоимъ образомъ это положеніе, а также и другое, ему соответствующее и одинаковый смыслъ заключающее: „Сынъ имѣетъ все Отца“, не должно быть мыслимо относительно ипостасныхъ свойствъ Отца. И такъ, какимъ образомъ подѣ положеніе: „Сынъ имѣетъ все Отца“ Латиняне могли подвести произведеніе Св. Духа, которое несомнѣнно есть дѣйствіе Отца внутреннее и Его свойство личное? Если же изъ положенія: „Духъ Св. имѣетъ все Отца“ исключается какъ рожденіе Сына, такъ и произведеніе Духа Св. и съ исключеніемъ ихъ не падаетъ всеобщность этого положенія,—то изъ этого, конечно, явствуется, что нисколько не противорѣчить всеобщности положенія: „Сынъ имѣетъ все Отца“, если равнымъ образомъ исключить два упомянутыя выше свойства, т. е. активное рожденіе и прѣизведеніе Св. Духа.—

ОТВѢТЪ ІV.

Имѣетъ, — далѣе, — Духъ Св. все Сына. Ибо если все Отца имѣетъ какъ Сынъ, такъ и Духъ Св., а Отецъ опять-таки имѣетъ все, что имѣетъ Сынъ, то, конечно, Духъ Св. имѣетъ все Сына. Это утверждаютъ: *Діонисій Ареопагитъ* въ только что приведенныхъ словахъ: „что есть Отца и Сына, то общительно и неразрывно прилагается и Св. Духу“. *Дидимъ Александрійскій* во II кн. „о Духѣ Св.“: „что принадлежитъ Сыну, имѣетъ и Св. Духъ“. *Епифаній* въ LXXVI ереси (Аномеевъ), въ возраженіи на XXII гл. Аэтія: „родившій рожденнаго изъ Себя Самого и посланшій изъ Себя Духа Своего Святаго, Духа - участника въ томъ, что принадлежитъ Сыну, родилъ не всѣхъ, но одного“. *Иеронимъ* въ „изъясненіи вѣры къ Кириллу“: „все, что Отца, то и Сына; и все, что Сына, все это Духа Св.“ *Іоаннъ Златоустъ* въ гл. LXVII бесѣдѣ на Іоанна (въ серединѣ): „что Отца, то и Сына, а что — Сына, то и Духа.“ — Слова *Льва Великаго* мы только что приводили. *Анастасій Синаитъ* въ I кн. „о догматахъ вѣры“ (стр. 694, т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ): Духъ Св. получаетъ все Сына, имѣющаго все Отца“. Наконецъ слова *Антіоха Монаха* мы равнымъ образомъ только что читали.—

И такъ Духъ Св. имѣеть все то, что и Сынъ. Если же изъ того, что все Отца имѣеть Сынъ, слѣдовало бы, что Сынъ, за исключеніемъ только рожденія, имѣлъ все остальное Отца и въ томъ числѣ также произведеніе Св. Духа, то съ равною необходимостью нужно было бы допустить, что Духъ Св., имѣя все Сына, исключая произведеніе Себя, имѣють, согласно мнѣнію Латинянъ, все остальное Сына и между прочимъ и пассивное рожденіе, какъ Сынъ, — что — невозможно. И отсюда также снова становится очевиднымъ, что положеніе: „Сынъ имѣеть все Отца“ не можетъ быть понимаемо относительно ипостасныхъ свойствъ, или дѣйствій внутреннихъ Отца, ибо положеніе: „Духъ Св. имѣеть все Сына“ никоимъ образомъ не понимается въ смыслѣ ипостасныхъ свойствъ, или внутреннихъ дѣйствій Бога Сына. Духъ Св. не имѣеть ни одного личнаго свойства, или внутренняго дѣйствія Бога Сына, а между тѣмъ имѣеть все Сына. Слѣдовательно, — послѣднее положеніе, да и другое: „Сынъ имѣеть все Отца“. (ибо оно ему соотвѣтствуетъ и заключаетъ одинаковый смыслъ) не должны быть понимаемы въ смыслѣ ипостасныхъ свойствъ, или внутреннихъ дѣйствій. И такъ, опять-таки какимъ образомъ подъ извѣстное положеніе: „Сынъ имѣеть все Отца“ Латиняне могли подвести произведеніе Св. Духа, т. е. дѣйствіе внутреннее Отца и Его личное свойство? Если же изъ положенія: „Духъ Св. имѣеть все Сына“ исключаются ипостасныя свойства и внутреннія дѣйствія Божіи, каковы, напр., пассивное рожденіе и, согласно съ Латинянами, произведеніе Себя, и если съ ихъ исключеніемъ не теряется всеобщность этого положенія, то опять-таки ясно отсюда вытекаетъ, что точно такъ же нисколько не мѣшаетъ всеобщности положенія: „Сынъ имѣеть все Отца“, если мы одинаково исключимъ два означенныя свойства, т. е. активное рожденіе и произведеніе Духа Св.—Ибо для того и другого вывода основаніе одно.

ОТВѢТЪ V.

Между тѣмъ положеніе: „Сынъ имѣеть все Отца“ нужно понимать стносительно того, что касается единой божественной сущности. Такъ какъ въ одинаковой степени Сынъ имѣеть все Отца, Духъ Св. имѣеть все Сына, и въ свою очередь все Сына имѣеть

Отець, то ясно, что эти выраженія нужно принимать въ отношеніи единства божества и величества. А то, что касается божества, (одно только это, а не иное) — обще всей Тройцѣ. И наоборотъ, какъ доказано было, выраженія: „все Отца имѣеть Сынъ, все Сына и Отца имѣеть Св. Духъ“ не должны быть понимаемы въ смыслѣ ипостасныхъ свойствъ, или дѣйствій внутреннихъ. Что же не относится къ свойствамъ ипостасныхъ, то относится къ божественной сущности и обще всей Тройцѣ, и что не касается божественной сущности, то относится къ ипостаснымъ свойствамъ, какъ было доказано въ главѣ, въ которой приведены разныя доказательства изъ богословскихъ началъ въ пользу исхожденія Св. Духа отъ одного только Отца. Поэтому Св. Отцы объясняютъ слова Спасителя: „все Отца—Мое“, относя ихъ къ одной сущности и божеству Отца и къ тому, что называется принадлежащимъ Отцу сообразно этой одной сущности и божеству. Вотъ что они говорятъ: *Діонисій Ареопагитъ* въ книгѣ „о божественныхъ именахъ“, въ гл. II (въ началѣ): „Само божественное Слово говорить: Я и Отець одно;—и: все, что есть у Отца,—Мое.“ И, снова: „то, что принадлежитъ Отцу и Ему Самому, Онъ (Сынъ) общительно и по единенію прилагаетъ также и Духу Святому, какъ то: божественныя дѣйствія, почитаніе, источную и непрерывную причину и распредѣленіе небесныхъ даровъ. Никто, я думаю, изъ тѣхъ, которые напитаны прямымъ и благочестивымъ пониманіемъ божественныхъ изреченій, не станетъ возражать противъ мысли, что все божественное въ самомъ точномъ смыслѣ присуще всему божеству.“—*Феофилъ Антиохійскій* ¹⁾ въ комментаріяхъ на евангелія, въ книгѣ I (т. II Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 151): „сказалъ (Спаситель): все Отца—Мое. Слѣдовательно,—если природа Отца была въ Сынѣ, то природа знанія не могла выродиться“. *Третулліанъ* въ кн. „противъ Праксея“, въ гл. XVII: „имя Отца—Богъ всемогущій, высочайшій, Господь силъ, Царь Израиля, Сущій; такъ объ этомъ учитъ Писаніе. Тоже, говоримъ мы, принадлежитъ и Сыну: съ этимъ Сынъ пришелъ, съ этимъ всегда дѣйствовалъ, и это въ Себѣ обнаружилъ людямъ“.

¹⁾ Феофилъ былъ шестымъ (или, если считать Петра, седьмымъ) епископомъ Антиохіи † 181 г.

Аванасій въ толкованіи на изреченіе: „все Мнѣ передано Отцомъ Моимъ“ (т. I твореній, стр. 151): „когда Онъ хочетъ заявить Свое единство съ Отцомъ, Онъ это дѣлаетъ не прикровенно, но ясно учить, говоря: все, что ни имѣеть Отець,—Мое. Какъ все находится во власти Отца, такъ равно оно и во власти Сына. А что имѣеть Отець, нужно снова изслѣдовать. Это указываетъ, что Онъ всегда съ Отцомъ.—Ибо слова: все, что имѣеть Отець, показываютъ могущество Отца; слово же:—Мое—показываетъ нераздѣльное единство. И такъ, необходимо намъ разумѣть, что въ Отцѣ находятся—вѣчность, непрерывность, безсмертіе. Все это находится въ Немъ, не какъ чуждое, но оно въ Немъ и Сынъ пребываетъ, какъ въ источникѣ. Слѣдовательно, когда ты хочешь размышлять о Сынѣ, изучивши, что есть въ Отцѣ, тогда вѣрь, что это есть также и въ Сынѣ. Какъ въ Отцѣ, такъ и въ Сынѣ есть жизнь, чтобы учить нераздѣльности и вѣчности. И такъ, ясно доказано, что Единородный есть и Отець будущаго вѣка, и Богъ сильный и мощный, что Онъ имѣеть все, что есть у Отца, и — что какъ Отець даетъ жизнь, такъ и въ Его власти животворить, кого хочетъ: услышать, говорить Онъ, мертвые голосъ Сына Божія—и ожить. Одна воля и намѣреніе у Отца и Сына, потому что и природа у Нихъ одна и недѣлимая“. И въ „посланіи къ Серапіону противъ тѣхъ, кто говоритъ, что Сынъ есть тварь“ (т. I твореній, стр. 167): „когда вѣченъ Отець, необходимо, чтобы и Сынъ былъ также вѣченъ. Что мы мыслимъ въ Отцѣ, то несомнительно есть и въ Сынѣ, по слову Самого Господа: все, что имѣеть Отець,—Мое; и все Мое есть Отца. Слѣдовательно, вѣченъ Отець,—вѣченъ и Сынъ: ибо черезъ Него созданы времена и вѣка; Онъ есть Богъ, благословенный всѣми во вѣки аминь, какъ говоритъ апостоль. Всемогущъ Отець, всемогущъ Сынъ, по свидѣтельству Іоанна: это говоритъ Тотъ, Кто есть, Кто былъ, Кто придетъ; Онъ всемогущъ; Отець есть свѣтъ, сіяніе,—и Сынъ—лучъ и истинный свѣтъ. Истинный Богъ—Отець, истинный Богъ—Сынъ. Такъ написано Іоанномъ: мы въ истинномъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ. Онъ есть истинный Богъ и жизнь вѣчная. И вообще: нѣтъ ничего такого, что есть у Отца, что не принадлежало бы Сыну. Поэтому-то Сынъ—въ Отцѣ, и Отець въ Сынѣ; ибо что есть

Отца, то есть въ Сынѣ, и обратно—что мыслится въ Отцѣ, есть Сына. Такъ слѣдуетъ толковать изреченіе: Я и Отець—одно. Ибо не одно въ Первомъ, а другое—во Второмъ, но что есть въ Отцѣ, то и въ Сынѣ, и что видишь въ Отцѣ, то же видишь и въ Сынѣ¹. И нѣсколько дальше (стр. 169): „все—Отца есть Сына, такъ какъ Онъ единосущенъ съ Отцомъ. Ибо какъ, если бы Онъ имѣлъ какое—нибудь сродство съ сотворенными вещами, Онъ былъ бы съ ними единосущенъ, такъ, пребывая чуждымъ твари по существу, Онъ былъ бы собственнымъ Словомъ Отца, и инымъ и различнымъ отъ нея. Между тѣмъ, такъ какъ все Отца свойственно Ему (Сыну), то Онъ по справедливости будетъ считаться единосущнымъ съ Отцомъ. Такъ это понимая, Отцы исповѣдали на Никейскомъ Соборѣ, что Сынъ единосущенъ и изъ сущности Отца. Они хорошо понимали, что существо созданное никогда не можетъ позволить себѣ выраженіе: все, что имѣетъ Отець,—Мое. И какимъ образомъ о томъ, что получило начало своего бытія, можно сказать: кто есть, кто былъ вѣчно? Поэтому,—такъ какъ Сынъ имѣетъ все это и то, что принадлежитъ Отцу,—то необходимо, что бы природа Сына была несотворенною, но единосущною съ Отцомъ; въ особенности же,—такъ какъ сотворенная природа никоимъ образомъ не могла бы обладать тѣмъ, что свойственно Бѣгу; свойства же Божіи—тѣ, по которымъ Богъ познается, каковы: всемогущество, самобытность, неизмѣняемость и другія вышеприведенныя для того, чтобы Самъ Творецъ не казался, согласно съ мнѣніемъ этихъ глушцовъ, односущнымъ съ тварями и не имѣлъ бы только того, что могутъ заключать въ себѣ и твари².—Также въ III діалогѣ¹) о Тройцѣ (т. III твореній, стр. 212) „сама слава Отца и Его намѣреніе и могущество суть Сына; поэтому Сынъ и сказалъ: все, что имѣетъ Отець,—Мое². И опять въ спорѣ²) съ Аріемъ, веденномъ на Никейскомъ Соборѣ (т. I, стр. 332): „не ради созданныхъ вещей говоритъ Онъ,—сказавши: все, что имѣетъ Отець,—Мое; но то, что относится къ божеству Отца,

¹) Діалогъ этотъ критики исключаютъ изъ числа подлинныхъ твореній Аванасія и приписываютъ нѣкоторыя Феодориту, а другіе—Максиму Исповѣднику.

²) И это произведенное считаютъ подложнымъ.

Прим. перев.

Прим. перев.

Себѣ свойственнымъ называлъ, именно: безсмертіе, неповредимость, неизмѣнность, необъятность, силу предвѣдѣнія и все, что ни есть Отецъ, то приписывалъ Себѣ“. Отсюда и въ діалогъ I о Троицѣ (т. II, стр. 181) Аѳанасій учитъ, что только свойства сущности, а не ипостаси Отца общи Сыну. Аномей: „если всѣ свойства Отца общи Духу и Сыну, то выходитъ, что Духъ и Сынъ суть Отецъ“. Православный: „я не сказалъ: свойства Отца—общи Сыну и Духу Святому, но свойства сущности Бога—общи Отцу и Сыну и Св. Духу, какъ то: неповрежденность, безсмертіе, неизмѣняемость, неложность и все такое.“—*Иларій Пиктавійскій* (епископъ города Пуатье) въ IX кн. „о Троицѣ“: „и такъ, Отецъ далъ все, а Сынъ получилъ все, и не надлежитъ сомнѣнію то, что Онъ сказалъ: все, что принадлежитъ Отцу,—Мое. И, конечно, это выраженіе обозначаетъ не роды тварей и не различныя явленія стихійныя, но, открывая намъ славу блаженнаго и самосуцаго божества, показываетъ, что здѣсь нужно разумѣть Бога въ томъ, что Ему свойственно: въ силѣ, въ вѣчности, въ провидѣніи и могуществѣ.“—Эти слова повторяетъ и авторъ книги „о единствѣ Отца и Сына,“ находящейся между твореніями Иларія (стр. 760).

Дидимъ Александрійскій во II кн. „о Св. Духѣ“: „хотя отъ Отца исходитъ Духъ истины, и даетъ Богъ Духа Св. просящимъ у Него, однако, такъ какъ все, что имѣетъ Отецъ,—Мое;—то и Самый Духъ Отца—Мой и отъ Моего возьметъ. Берегись же въ виду сказаннаго, чтобы не впасть въ тяжкую ошибку пониманія и не подуматъ, что это вещь какая-нибудь или имущество, которое принадлежитъ Отцу и Сыну;—но то, что имѣетъ Отецъ по существу Своему, т. е. вѣчность, неизмѣняемость, неповрежденность, неизмѣнную благость, отъ Него и въ Немъ пребывающую, все это имѣетъ и Сынъ. И все, что есть Сына, тоже имѣетъ и Отецъ.—Но въ этомъ выраженіи и въ предложенномъ смыслѣ, то, что выше мы назвали принадлежащимъ Отцу, имѣетъ и Сынъ; и что есть Сына, имѣетъ и Св. Духъ.“—*Василій Великій* въ словѣ „о вѣрѣ“ (т. I стр. 500): „пребывающій въ сущности Сынъ есть все то, что есть Отецъ, согласно съ выраженіемъ Самаго Господа: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, образу принадлежитъ все, что есть въ первообразѣ. Мы видѣли, говоритъ

евангеліе, славу Его, славу какъ единокровнаго Отцомъ, т. е. эти удивительныя свойства даны Ему не въ качествѣ дара, или милости, но Сынъ обладаетъ достоинствомъ Отчаго божества по природной общности. Слѣдовательно,—какъ Сынъ, Онъ естественно владѣеть тѣмъ, что принадлежитъ Отцу,—а какъ единокровный, Онъ все въ Себѣ совмѣщаетъ, ничто не дѣля съ другимъ. И такъ, изъ самаго названія—Сынъ мы узнаемъ, что Онъ равенъ (Отцу) благодію, равенъ могуществомъ, общникъ той же славы“. И въ гл. VIII книги „о Св. Духѣ“ (т. II, стр. 161): „потому Господь говорить: все Мое—Твое, какъ бы къ Себѣ относя начало твари, —и Твое—Мое,—что къ Нему отъ Отца переходитъ власть творить и не потому, что Отецъ для творенія воспользовался помощію Сына, и не потому, что Ему особенными велѣніями поручено производство каждаго дѣла, но потому, что Слово, блистая благодіями Отца, все творитъ по подобію Того, Кто Его родилъ. Ибо, если по сущности Онъ ничѣмъ не разнится отъ Отца, то не разнится отъ Отца и по силѣ. Далѣе, — кто равенъ силою, равенъ и творчествомъ. Между тѣмъ Христосъ — Божія сила, Божья премудрость; и такимъ образомъ все черезъ Него стало, все черезъ Него создано.“—*Амвросій* въ книгѣ „о тайнѣ воплощенія Господня“, гл. VIII: „такъ какъ Онъ сказалъ: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое,—и Твое—Мое, то этимъ Онъ утвердилъ единство“. И въ кн. II, „о вѣрѣ“, гл. III: „все, что имѣетъ Отецъ,—Мое. Что—все? Не о тваряхъ, конечно, Онъ сказалъ, ибо все это стало черезъ Сына, но Онъ, родясь, овладѣлъ тѣмъ, что имѣетъ Отецъ, т. е. вѣчностью, величіемъ, божественностью. Слѣдовательно, мы не можемъ сомнѣваться, что имѣющій все, что имѣетъ Отецъ (а написано: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое),—всемогущъ“. Въ кн. IV „о вѣрѣ“ гл. IV (въ началѣ): „когда Сынъ говоритъ: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое,—это значитъ не то, что Онъ Самъ Отцу передалъ, а то, что Онъ отъ Отца получилъ по праву рожденія. И потому мы называемъ Сына вѣчною силою. А если вѣчны Его сила и божество, то, конечно, вѣчно и Его могущество“. И въ послѣдующемъ разсужденіи *Амвросій* изъ словъ Христа: „все—Отца,—Мое“ исключаетъ то, что относится къ свойству Отца: „не менѣе“, говоритъ онъ, „имѣетъ Сынъ оттого, что Онъ не Отецъ,

и Отець имѣеть не менѣе оттого, что Онъ не Сынъ. Ибо Сынъ сказалъ: все, что имѣеть Отець,—Мое. Поэтому рожденіе заключается въ свойствѣ Отца, а не въ правѣ власти“. И во II кн. толкованій на Луку (подъ конецъ): „загѣмъ, когда говорить: въ Которомъ Мое благоволеніе, не чуждое хвалить въ Сынѣ, но Свое. Ибо что значить сказать: въ Немъ Мое благоволеніе, какъ не то, что все, что имѣеть Сынъ, имѣеть и Отець, такъ какъ и то, что есть Отца, есть и Сына? Сынъ сказалъ: все, что имѣеть Отець,—Мое. Ибо сила не имѣющаго никакого различія божества не раздѣляетъ между Отцомъ и Сыномъ, но сообщаетъ Отцу и Сыну одну власть“. Въ комментаріяхъ на посланіе къ Ефесянамъ, на II гл.: „въ этомъ заключается различіе между Отцомъ и Сыномъ: Отець ни отъ кого не получилъ это имя (отца), а Сынъ черезъ рожденіе получилъ все Отца, такъ что Сынъ отъ Отца нисколько не разнится ни въ силѣ, ни въ сущности, ни въ имени. Вотъ почему Онъ говоритъ: все, что имѣеть Отець,—Мое и Мое—Отца“. *Иеронимъ* „въ изложеніи вѣры къ Кириллу“: „Спаситель говоритъ: все, что—Отца,—Мое. И такъ если то, что принадлежитъ Отцу, есть Сына, и все, что есть Сына, все это принадлежитъ Духу Св., то, слѣдовательно, нѣтъ во всемъ ничего у Сына, что не касалось бы Его власти, нѣтъ ничего, чтобы не было Имъ создано, не управлялось Его мановеніемъ, Его велѣніемъ. Такъ какъ Сынъ имѣеть все въ Своей власти, то все Ему присуще. И Духъ Св. имѣеть власть надъ всѣмъ, надъ чѣмъ властвуетъ Сынъ.“—*Епифаній* въ LXVII ереси (Аномеевъ), въ опроверженіи I главы Аэтія (подъ конецъ): „здѣсь мы обнимаемъ тожество по природѣ изъ евангельскаго свидѣтельства, именно: все Отца,—Мое, т. е. Отець—Богъ и Я—Богъ; Отець—жизнь, и Я—жизнь. И все прочее, что приличествуетъ Отцу и Сыну и Св. Духу—въ одномъ божествѣ, въ Троицѣ, не имѣющей ничего различнаго“. И въ словѣ якорномъ, номеръ XVI (т. II, стр. 21): „думаютъ несмысленные, не просвѣщенные Духомъ Святымъ, есть ли что-нибудь въ Отцѣ, чего нѣтъ въ божествѣ Сына? Ибо какъ Отець имѣеть жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сынъ имѣеть жизнь въ Самомъ Себѣ; и все, что принадлежитъ Отцу,—Мое, говоритъ тоже святое Слово Божіе. Что же принадлежитъ Отцу, какъ не это? Богъ—свойство Отца, оно

также и свойство Сына; жизнь—Отца, жизнь—и Сына; Свѣтъ—Отца, конечно, также—и Сына; безсмертіе Отца, безсмертіе равно—и Сына; непостижимость—Отца,—также—и Сына. Все, что принадлежит Отцу, принадлежит и Сыну“.—*Іоаннъ Златоустъ* въ „бесѣдѣ о Троицѣ“ (далеко послѣ начала, т. VI твореній греко-латинскаго изданія, стр. 192): „все, что ни принадлежит Отцу,—Мое, говоритъ едиnorodный Богъ, пребывающій въ лонѣ Отца. Моисей сказалъ: Сущій меня послалъ. Сущій—Отець, Сущій—Сынъ, и Сущій къ Сущему относится безъ начала, не будучи рожденъ во времени. Все, что имѣетъ Отець, Который есть истинная жизнь, безсмертіе, свѣтъ, всемогущъ, Богъ и Господь, —тоже, конечно, имѣетъ и Сынъ. Я, говоритъ Онъ, истина и жизнь; и—былъ свѣтъ истинный, и Слово было Богъ.“

Августинъ въ „словѣ VI о времени“ (подъ конецъ): „все, сказалъ, что имѣетъ Отець,—Мое. Говоря:—все, ничего здѣсь не оставляетъ, чего было бы у Него меньше, чѣмъ у Отца; все, т. е. могущество единого божества, сущность, величіе“. И въ изслѣдованіи XVII на евангеліе отъ Іоанна: „то, что Онъ (Спаситель) говоритъ, ведя рѣчь о Духѣ Святомъ: все, что имѣетъ Отець,—Мое; потому Я сказалъ такъ, что Онъ (Духъ Св.) отъ Моего возьметъ и вамъ объявитъ,—все это Онъ сказалъ о томъ, что относится къ самому божеству Отца, въ чемъ Онъ равенъ Ему, имѣя все, что Тотъ имѣетъ“. *Авторъ* вопросовъ изъ новаго и ветхаго завѣта, помѣщенныхъ среди твореній *Августина* (т. IV вопр. СХХV): „все, что—Отца,—Мое,—этимъ Онъ обозначилъ, что сущность Бога Отца есть Его сущность.“—*Кириллъ Александрійскій* въ XII кн. толкованій на евангеліе Іоанна, въ гл. II (т. IV твореній, стр. 941): „все Мое—Твое, и Твое,—Мое. Ибо какъ можетъ быть что бы тѣ, въ комъ нѣтъ никакой разницы, но во всемъ существенное равенство и сходство, не были одной природы?“—И затѣмъ: „такъ какъ Сынъ есть плодъ и напечатлѣніе иностаси Отца, то Онъ присвоиваетъ Себѣ все, принадлежащее Тому (Отцу) по природѣ. По этому и говорятъ: все, что имѣетъ Отець,—Мое: потому Я и сказалъ вамъ, что отъ Моего возьметъ (Духа Св.) и возвѣститъ вамъ“. Въ кн. XI толкованій на Іоанна, гл. IX (стр. 969): „царство—одно и тоже и власть надъ всѣми святой и единосущной Троицы—одна.“

и все что ни есть Сына подлежить славѣ Сына и Отца, и на оборотъ, все, что считается подлежащимъ Отцу, подчиняется также господству Сына. Поэтому-то Онъ и говоритъ:—и Мое все — Твое и Твое — Мое. Ибо тамъ, гдѣ блещетъ совершеннѣйшее тожество природы во всемъ, тамъ является совершенно таже слава единства, не приписывающая что-нибудь отдѣльно одному исключеніемъ другого, но удѣляющая равную, одну и ту же славу во всемъ. Такъ какъ Онъ есть по существу наслѣдникъ божественныхъ достоинствъ Своего Отца, то, конечно, Онъ Самъ оказывается благодателемъ всего, что принадлежитъ Отцу, и показываетъ, что Отець имѣетъ все, Ему (Сыну) принадлежащее“.— И въ I кн. на Іоанна, гл. III (предъ концомъ, стр. 27): „все, что имѣетъ Отець, все это — Сына; есть совершенство въ Отцѣ, совершеннымъ будетъ и Сынъ, имѣющій свойства и совершенства Отца“.

Евлогій ¹⁾ *Александрійскій*—въ собраніи сочиненій безыменнаго автора противъ Северіанъ (т. IV древнихъ чтеній, изд. Канизіемъ, ч. I стр. 240): „мы называемъ Троицу *ἁποθῆου*, т. е. единосущною, потому что одна и таже всецѣло сущность познается въ трехъ лицахъ: такъ—Отець имѣетъ совершенную сущность божества, подобно тому и Сынъ, равно и Духъ Св. Отсюда—совершененъ Богъ Отець, совершененъ Богъ Сынъ, совершененъ Богъ Духъ Святой. Признаетъ это Павелъ, проповѣдникъ истины, когда говоритъ: въ Немъ тѣлесно обитаетъ полнота божества. Онъ не говоритъ, что Отець воплотился, но что цѣлостное божество есть въ трехъ лицахъ безъ всякаго ущерба въ Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ, въ каждомъ (лицѣ) совершенно, согласно съ словами Господа сказавшаго все Отца—Мое, т. е. все, что подходитъ подъ понятіе сущности Отца, все это принадлежитъ Сыну, принявшему плоть,—не потому, чтобы Отець былъ Сыномъ или Сынъ—Отцомъ, ибо эти имена обозначаютъ. Ихъ отношеніе Другъ къ Другу. И такъ,—какъ не сказать, что сущность божества находится полностью во Христѣ, безъ ущерба, если мы называемъ Его совершеннымъ?“

Антіохъ, монахъ лавры Саввы, въ I бесѣдѣ, „о вѣрѣ“ повторяетъ слова Діонисія Ареопагита, выше приведенныя: впрочемъ

¹⁾ Евлогій изъ Антіохіи былъ призванъ на Александрійскую кафедру въ 581 г., умеръ около 608 г. Прим. перев.

эти слова *Антиоха* мы привели въ III отвѣтѣ. То, что говоритъ *Августинъ* въ *СѸП* изслѣдованіи на *Іоанна* (см. выше) повторяетъ/*Беда* въ IV кн. гл. LXIII комментарія на *Луку*, къ гл. XV (т. V твореній, столб. 375) и въ комментаріи на *Іоанна* къ XVII гл. (т. V, столб. 585) и въ лѣтней бесѣдѣ о времени въ недѣлю „вспойте“ (т. VII, столб. 21) и, наконецъ, въ бесѣдѣ великопостной, въ субботу послѣ „помяни“ (подъ конецъ т. VII столб. 248). Тѣже слова *Августина* повторяетъ и *Альбинъ Алкуинъ* въ комментаріи на *Іоанна* на слова: „все, что имѣетъ Отецъ,—Мое.“ — *Гаймонъ* въ словѣ на недѣлю „вспойте“ на слова Спасителя: „все, что имѣетъ Отецъ,—Мое:“ — что же это, что имѣетъ Отецъ? вѣчность? Равнымъ образомъ и Сынъ имѣетъ вѣчность, ибо Онъ совѣченъ Ему. Покажи мнѣ огонь безъ тепла, и я покажу тебѣ Отца безъ Сына. Отецъ не предшествуетъ Сыну временемъ, но началомъ. Отецъ — всемогущъ, и Сынъ также всемогущъ вмѣстѣ со Св. Духомъ.—Отецъ—творецъ всего міра,—и Сынъ равно творецъ всего міра. Черезъ Него Богъ Отецъ сотворилъ все, что находится на небѣ и на землѣ; почему *Іоаннъ*, написавшій это евангеліе, сказалъ въ началѣ своей книги: все черезъ Него стало. Поэтому Онъ (Спаситель) сказалъ: отъ Моего возьметъ (Духъ Св.) и возвѣститъ вамъ“.

Рабанъ Мавръ въ бесѣдѣ *СѸ* (т. V твореній, стр. 654): „все, что ни имѣетъ Отецъ,—Мое; поэтому Я сказалъ: отъ Моего получить и возвѣститъ вамъ. Говоритъ здѣсь (Спаситель) о томъ, что относится къ самому божеству Отца, въ чемъ Онъ равенъ Отцу, въ которомъ (т. е. божествѣ) Духъ Св. равенъ Отцу и Сыну: ибо одна сущность, одна природа, одно величіе, одна слава, одна вѣчность Отца и Сына и Св. Духа. Одинъ Богъ всемогущій, нераздѣльный и нестижательный для всякой твари—Отецъ, Сынъ и Св. Духъ“.

Тоже говоритъ *Смарагдъ* въ словѣ на III недѣлю послѣ отданія Пасхи. Наконецъ приведенныя слова *Августина* изъ *СѸП* изслѣдованія на евангеліе *Іоанна* повторяетъ также *Гинкмаръ Реймскій* въ кн. „о трійномъ божествѣ“ (т. I твореній стр. 422).

И такъ, достаточно изъ всего этого выяснилось, что слова Спасителя: „все Отца,—Мое“ нужно понимать въ смыслѣ того, что относится къ божественной сущности Отца. Какимъ же

теперь образомъ подь это положеніе Латиняне подводятъ посылку: *а Отецъ производитъ Духа Св.?* Вѣдь произведеніе Духа Св. приписывается не на основаніи сущности, но есть внутреннее дѣйствіе Его и составляетъ свойство ипостасное.

Но Латиняне стоятъ на своемъ, говоря,—*во первыхъ*: Отцы, желая показать, какимъ образомъ Сынъ имѣетъ все Отца, постоянно исключаютъ только нерождаемость и такимъ образомъ молчаливо отрицаютъ, что отъ Сына слѣдуетъ отнять и произведеніе Св. Духа. При этомъ Латиняне выставляютъ слова слѣдующихъ Отцовъ: *Григорія Назіанзина* изъ XIV слова на Св. пятидесятницу: „все, что ни имѣетъ Отецъ, есть Сынъ, за исключеніемъ нерождаемости“; *Іоанна Домаскина* изъ I кн., гл. IX, „православной вѣры“: „Сынъ во всемъ подобенъ Отцу, кромѣ нерожденія.“ Опять тамъ же: „исключая нерождаемость, все имѣетъ Сынъ, что имѣетъ Отецъ“. Повторяетъ онъ это и въ III кн., гл. XIII „православной вѣры“ и въ книгѣ „о двухъ воляхъ во Христѣ“, гл. VII. Но если Отцы изъ положенія: *все Отца имѣетъ Сынъ* исключаютъ только свойство—нерожденный,—то равнымъ образомъ они многократно учатъ, что все Отца имѣетъ и Духъ Св., за исключеніемъ нерождаемости. Такъ они говорятъ:

Григорій Богославъ въ словѣ XXXVII о Духѣ Св. (стр. 61): „какое существуетъ божественное имя, которымъ бы не назывался Духъ Св., исключая (имени) нерожденного и рожденного?“ *Кесарій*, родной братъ этого Григорія, въ I діалогѣ: „всякое единство, равенство и тожество—въ Троицѣ, исключая нерождаемость, рожденіе и исхожденіе“. *Кириллъ*, или кто бы—ни былъ другой—*Авторъ* книги „о Троицѣ“, гл. VIII: „все, что ни имѣетъ Отецъ, принадлежитъ Духу Св., исключая нерождаемость“. И въ гл. IX: „вѣруемъ и въ Одного Духа Св., имѣющаго все, что имѣетъ Отецъ и Сынъ, за исключеніемъ нерождаемости и рожденія“. Тоже повторяетъ и *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. „православной вѣры“, гл. X.

И такъ, если бы изъ того, что Отцы учатъ, что Сынъ имѣетъ все Отца, исключая нерождаемость, вытекало, что Сынъ также производитъ Духа Св., то вытекало бы равнымъ образомъ, что,

такъ какъ Духъ Св. имѣть все Отца, за исключеніемъ нерождаемости, Онъ или рождаетъ Сына, или произвелъ Самого Себя, что утверждать, конечно, не возможно и богохульно.

Если бы, далѣе, позволительно было разсуждать такъ: все Отца имѣть Сынъ за исключеніемъ нерождаемости,—слѣдовательно, —Сынъ производитъ Духа Св.; то отсюда, конечно, слѣдовало бы, что Сынъ имѣетъ способность рождать. Ибо быть нерожденнымъ и рождать—не одно и то же: нерожденнымъ быть значитъ не быть отъ другого, а рождать — значитъ производить другого способомъ рожденія. Слѣдовало бы, далѣе, что кто-нибудь сидитъ одесную Сына, также,—что Сынъ носить кого-нибудь въ Своемъ лонѣ и имѣть остальные ипостасныя свойства Отца. Изъ этого само собою вытекаетъ, что когда Отцы исключаютъ только нерождаемость, какъ не принадлежащую Сыну и Духу Св., то отдѣленіемъ одного личнаго свойства захватываются также и остальные личные свойства. Ибо отличительные признаки свойствъ связаны между собою, какъ кольца въ цѣпи. Поэтому Дамаскинъ, сказавшій въ книгѣ „о двухъ воляхъ во Христѣ“, въ гл. VII: „Сынъ имѣть все Отца, за исключеніемъ нерождаемости, въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ исключаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рожденіе. Вотъ что онъ тамъ говоритъ: „все, что ни имѣетъ Отецъ, есть Сына, кромѣ нерождаемости, истиннымъ свидѣтелемъ чего служить Самъ Господь, говоря: все, что ни имѣетъ Отецъ,—Мое.— И къ Самому Отцу Онъ говоритъ: все Мое—Твое. Свойство же ипостаси Его Самого—быть Сыномъ, рожденнымъ отъ Отца, а не Отцомъ нерожденнымъ, и не родителемъ. Ибо отъ Отца Онъ родился безстрастно“. Въ книгѣ „объ иконахъ“ онъ исключаетъ не только нерождаемость, какъ обыкновенно дѣлалъ въ другихъ мѣстахъ, но и отцовство: „Сынъ есть образъ Отца, ни въ чемъ не отличающійся, во всемъ подобный Отцу, кромѣ только нерождаемости и отцовства“. Тоже дѣлаетъ онъ въ кн. „о двухъ воляхъ во Христѣ“, въ гл. XII. Слѣдовательно, нельзя заключать, что съ исключеніемъ одного только свойства, прочія свойства Отца подходятъ также Сыну; такъ какъ, хотя, напримѣръ, быть нерожденнымъ не значитъ производить Св. Духа, однако подъ однимъ поименованнымъ свойствомъ нерожденности захватываются также и всѣ прочія. Притомъ свой-

ство *нерожденность* берется здѣсь вмѣсто того, что свойственно лицу, которое нерождено.—Точно такимъ же образомъ въ одинаковомъ случаѣ поступаетъ и тотъ іезуитъ¹⁾, противъ котораго мы до сихъ поръ столько возражали и еще будемъ возражать: опираясь лишь на свойство нерожденного лица для своего положенія, онъ разрѣшаетъ подобную же трудность, именно: почему только нерожденность, а не активное рожденіе и произведеніе изъемляется отъ Св. Духа. „Называется здѣсь, говоритъ онъ, Духъ Св. имѣющимъ все, что имѣетъ Отецъ и Сынъ, за исключеніемъ свойства нерожденности и рожденія, принимая его не въ непереходномъ,—а въ переходномъ значеніи, т. е. вмѣсто того, что свойственно лицу, которое нерождено, и вмѣсто того, что свойственно лицу, которое рождено. Свойство лица нерожденного родить Сына и дышать вмѣстѣ съ Сыномъ Св. Духа; свойство же лица рожденного—родиться отъ Отца и дышать вмѣстѣ съ Отцомъ Св. Духа.“ Слѣдовательно, какъ лицомъ Отца обнимаетея все, что говорится объ Отцѣ въ отношеніи лица, а не въ отношеніи сущности; такъ тамъ, гдѣ изъ числа этихъ свойствъ отъ Сына отнимается только нерожденность, отнюдь нельзя дѣлать заключеніе, что вслѣдствіе этого все остальное, что говорится объ Отцѣ только въ отношеніи лица, подходит также и къ Сыну.

Настаиваютъ, *во-вторыхъ*, Латиняне вотъ на чемъ: Отцы учатъ, что Сынъ имѣетъ все Отца, за исключеніемъ свойства быть Отцомъ; между тѣмъ производитъ Духа Св. не значить быть Отцомъ. Слѣдовательно, Сынъ производитъ Духа Св.—Въ этомъ случаѣ Латиняне имѣютъ въ виду то, что говорятъ: *Аванасій* въ „посланіи о соборахъ въ Ариминѣ и Селевкіи“ (т. I, стр. 923): „въ одинаковомъ смыслѣ Онъ имѣетъ равенство съ Отцомъ, такъ что то, что объ Отцѣ говорится, то же Писаніе говоритъ о Сынѣ, исключая только, что Онъ не называется Отцомъ. Поэтому Сынъ говоритъ: все Мое—Твое и Твое—Мое.“ И затѣмъ (стр. 924): „все, что ни найдешь сказаннымъ объ Отцѣ, то же найдешь сказаннымъ о Сынѣ, кромѣ только того, что Онъ не называется Отцомъ, какъ сказано выше.“ *Григорій Нисскій* въ словѣ I противъ Евномія (т. II твореній, стр. 19): „и мы говоримъ, что имѣющій все, свойственное Отцу, есть все это, за исключеніемъ бытія Отцомъ. Имѣющій

¹⁾ Циховій, *вопр.* X, стр. 1014.

все, принадлежащее Сыну, являетъ въ Себѣ цѣлостнаго Сына, за исключеніемъ рожденія Сыномъ. И въ словѣ II (стр. 89): „Сынъ есть все то, что — Отецъ, за исключеніемъ того, что послѣдній есть Отецъ.“ *Иоаннъ Златоустъ* въ XXXVIII бесѣдѣ на Іоанна: „вотъ какимъ образомъ Они вовсе ни въ чемъ не различаются, кромѣ того, что Одинъ есть Отецъ, а другой Сынъ.“ *Кириллъ Александрійскій* въ I кн. толкованій на Іоанна, гл. IV (т. IV, твореній стр. 86): „едиородное Слово Божіе и Сынъ, желая показать, что Онъ есть истинный Богъ, явившійся отъ Бога Отца, сказалъ: все, что имѣеть Отецъ, — Мое. Но Сынъ естественно есть наслѣдникъ и всѣхъ свойствъ, которыя присущи Отцу, и изъ Него по природѣ существуетъ, но свойства быть Отцомъ Онъ никогда не будетъ имѣть. А это именно и есть одно изъ свойствъ, присущихъ Отцу. Однако Сынъ остается не лишеннымъ ничего изъ того, что присуще Отцу и, хотя не мыслится Отцомъ, но имѣеть въ Себѣ Самомъ совершенно все, что составляетъ свойство и особенность сущности Отца. Приноравливая такую же рѣчь къ лицу Отца, мы говоримъ, что Онъ по природѣ имѣеть все, принадлежащее Сыну, однако Онъ никогда не можетъ быть Самимъ Сыномъ или Словомъ.“ И въ кн. XI толкованій на Іоанна, въ гл. II (стр. 930): „такъ какъ ничѣмъ не отрѣзается и не отстоитъ Сынъ отъ Отца, будучи во всемъ равенъ и подобенъ Ему, за исключеніемъ того, что Тотъ — Отецъ; и такъ какъ сущность въ Обоихъ обнаруживается не различнымъ образомъ; то какъ не будетъ общимъ, или скорѣе однимъ и тѣмъ же въ Обоихъ, т. е. въ Сынѣ то, что принадлежитъ Отцу, и въ Рождающемъ то, что принадлежитъ Рожденному?“ Опять въ изъясненіи IX анаѳематизмы: „Сынъ является всѣмъ, что есть Отецъ, исключая только бытія Отцомъ.“ И въ „сокровищѣ“ въ утвержденіи XII (т. V, ч. I стр. 110): „если кто тщательно изслѣдуетъ Писаніе, то найдетъ, что Сынъ называется тѣми же именами, какъ и Отецъ, исключая одно только, — что Послѣдній называется Отцомъ.“ И тоже повторяетъ Кириллъ относительно Отца: „тѣми же, разумѣется, именами называется Отецъ, что и Сынъ, исключая одно только, — что (Послѣдній) называется Сыномъ.“ — *Иоаннъ Дамаскинъ* „объ иконахъ“ кн. III: „Сынъ есть образъ Отца, ни въ чемъ не различающійся, во всемъ подобный Отцу,

крѣмъ одной только нерождаемости и отцовства.“ Наконецъ, *Бѣда* въ комментарий на Іоанна, къ гл. V (т. V, столб. 493): „все одинаково въ Отцѣ и Сынѣ, крѣмъ того, что Отецъ есть Отецъ и Сынь есть Сынь,—различіе въ лицахъ, но единство въ природѣ.

Но когда говорится: *Сынъ имѣетъ все Отца*, за исключеніемъ бытія Отцомъ, то это выраженіе можно понимать въ двоякомъ смыслѣ. Быть Отцомъ—либо указываетъ только на отношеніе къ Сыну, либо этимъ словомъ обозначается то лицо, которое есть родитель Сына, такъ какъ названіе Отецъ знаменуетъ всецѣло первое лицо. Въ первомъ смыслѣ быть Отцомъ значить не болѣе, какъ родить. И такъ, если въ этомъ смыслѣ понимаютъ Латиняне упомянутое исключеніе, то мы его сейчасъ опровергнемъ въ послѣдующемъ возраженіи, когда докажемъ, что изъ того, что Отцы учатъ: *Сынъ имѣетъ все Отца, крѣмъ свойства родить*, нисколько не слѣдуетъ заключеніе: Сынь производитъ Св. Духа. Если же они *быть Отцомъ* понимаютъ во второмъ смыслѣ, то опять—таки легко можно доказать, что изъ того что Сынь имѣетъ все Отца, крѣмъ бытія Отцомъ, отнюдь не слѣдуетъ, что Сынь производитъ Св. Духа. Ибо *во первыхъ* и о Духѣ Св. учатъ св. Отцы, что Онъ имѣетъ все Отца, исключая только то, что Онъ не Отецъ. Многоразличныя свидѣтельства ихъ относительно этого предмета приведены въ главѣ, въ которой мы представили разныя доказательства въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца, заимствованныя изъ богословскихъ началъ. Такъ мы приводили слова Епифанія изъ его сочиненія „о таинственномъ значеніи чиселъ,“ (ном. II, т. II стр. 304): „Троица—Отецъ, Сынь и Св. Духъ—единосущны во всемъ: въ согласіи, въ силѣ, въ дѣйствіи, въ божественности, въ величій;—Она отлична только ипостасно и именами (потому что, конечно, иное Отецъ, иное—Сынь, иное—Духъ Св.), а въ силѣ и дѣйствіяхъ едина.“ *Григорій Нисскій* въ книгѣ „о вѣрѣ къ Симплицію“ (недалеко отъ конца т. II, стр. 475): „всякое почетное имя прилагается къ Духу Св. такъ же, какъ къ Отцу и Сыну, исключая того, чѣмъ ипостаси ясно и не слитно отдѣляются другъ отъ друга. Я хочу сказать, что ни Отецъ не называется Духомъ Св., ни Сынь; остальное же, чѣмъ только ни называется Отецъ и Сынь, прила-

гается Писаніемъ и къ Духу Св.—Тоже, что и Епифаній, говоритъ *Іоаннъ Злотоустъ* въ бесѣдѣ „о вѣрѣ“ (стр. 289, т. VII греческ. изданіе въ Англіи).—Авторъ книгъ „о единомъ божествѣ Троицы,“ изданныхъ съ именемъ Аванасія, во II кн. (т. II твореній Аванасія, стр. 556): „вообще Троица раздѣльна только въ именахъ лицъ, въ божествѣ же не раздѣльна“. *Дамаскинъ* въ кн. противъ Несторіанъ (номеръ 21, т. IV чтеній Канизія о древности, стр. 218): „если одна природа Св. Троицы, то и одно дѣйствіе и все въ ней—общее, кромѣ ипостаси“. Наконецъ, *Григорій Нисскій* свидѣтельствуесть, что въ католической церкви было догматомъ: „никакой иной разницы нѣтъ въ Троицѣ, кромѣ разницы по ипостаси“. Такъ въ I словѣ противъ Евномія (т. II, стр. 64) онъ говоритъ: „ученіе церковное провозглашаетъ, что въ Отцѣ и Сынѣ и Св.—Духѣ одна сила, одна благость, и сущность, и слава, и все остальное, за исключеніемъ различія по ипостаси.“

И такъ, Отцы одинаково учать о Сынѣ и о Духѣ Св., что какъ Тотъ, такъ и Другой имѣють все Отца, за исключеніемъ бытія Отцомъ. Слѣдовательно, нельзя разсуждать: Духъ Св. имѣеть все Отца, кромѣ бытія Отцомъ,—значить, Духъ Св. производитъ Самъ себя,—ибо производитъ Духа Св. не значить быть Отцомъ;—такъ равно нѣтъ никакого основанія дѣлать выводъ: Сынъ имѣеть все Отца, кромѣ бытія Отцомъ, значить—Онъ также производитъ Духа Св.—ибо это не значить быть Отцомъ.

Во-вторыхъ: изъ только что приведенныхъ свидѣтельствъ, далѣе, вытекаетъ, что Духъ Св. имѣеть все Сына, кромѣ бытія Сыномъ, что для всякаго очевидно. Слѣдовательно опять-таки,—какъ нельзя заключать: Духъ Св., имѣеть все Сына, кромѣ бытія Сыномъ, значить, согласно съ Латинянами, Духъ Св. Самъ себя произвелъ, ибо это не значить быть Сыномъ; такъ равно нѣтъ никакой необходимости заключать: Сынъ имѣеть все Отца, кромѣ бытія Отцомъ,—слѣдовательно Сынъ производитъ Духа Св., ибо это не значить быть Отцомъ.

Въ-третьихъ: такъ какъ слово Отецъ обозначаетъ цѣлостную ипостась божественную со всѣми ея личными свойствами, то, конечно, подъ положеніе: Сынъ имѣеть все Отца, кромѣ бытія Отцомъ, никоимъ образомъ не можетъ быть подведено что—нибудъ

также, что приписывается Отцу не въ отношеніи сущности, а въ отношеніи лица, каковымъ именно является произведеніе Духа Св. (ибо мы теперъ стремились доказать не иное что, какъ только то, что изъ слова Отець, понимаемаго въ смыслѣ цѣлостной ипостаси, нисколько не слѣдуетъ выводъ: все Отца имѣеть Сынъ, кромѣ бытія Отцомъ, слѣд. Духъ Св. исходитъ отъ Сына). Поэтому, конечно, *Григорій Назіанзинъ* учитъ, что подъ преимуществомъ причины, которое имѣеть первая божественная ипостась какъ Отець и Родитель, понимается равно и причина Духа Св. — Такъ въ I словѣ онъ говоритъ: „не слѣдуетъ такъ увлекаться любовью къ Сыну, чтобы не сохранять за Нимъ имени Сына, а за Отцомъ преимущество причины, которое Онъ имѣеть, какъ Отець и Родитель. Ибо Онъ (Отець) былъ бы причиною малаго и ничтожнаго, мало того причиною недостойнаго, если бы не былъ причиною того божества и благости, которыя усматриваются въ Сынѣ и въ Св. Духѣ.“ И такъ, Отцу, говоритъ *Григорій*, принадлежитъ преимущество причины, какъ Отцу и Родителю; а объясняя, какая это причина, онъ вспомнилъ о причинѣ Сына и Духа Св. Вотъ какую, слѣдовательно, причину онъ разумѣлъ, когда утверждалъ, что Отцу принадлежитъ преимущество причины, которое Онъ имѣеть, какъ Отець и Родитель. Въ этомъ смыслѣ—быть Отцомъ—не значить только родить, какъ понимаютъ Латиняне, выставляя свое возраженіе.—Поэтому, наконецъ, въ *четвертыхъ*, когда Отцы учатъ: Сынъ имѣеть все Отца, кромѣ бытія Отцомъ, то они отнюдь не понимаютъ, что Сынъ имѣеть что—нибудь такое, что приписывается Отцу и въ отношеніи лица, а не въ отношеніи сущности; но только *быть Отцомъ* противоплагаютъ божеской сущности и всему, что говорится въ отношеніи сущности,—и подъ положеніе: *все Отца есть Сына, кромѣ бытія Отцомъ*, подводятъ не иное что, какъ только то, что говорится въ отношеніи одной божественной сущности. Такъ *Аванасій* къ словамъ, выше приведеннымъ, непосредственно прибавляетъ выясненіе того, что называется Богомъ: „Слово есть Богъ, —Онъ—всемогущъ,—свѣтъ, виновникъ творенія, вѣченъ, Господь; Отцу служатъ ангелы, но они преклоняются и передъ Сыномъ; Онъ (Сынъ) почитается, какъ и Отець; Онъ равенъ Богу; Онъ—истина отъ истинаго,

жизнь отъ живого, причемъ Отець заступаеть мѣсто какъ бы источника для этого (истины и жизни); Сынъ живетъ, воскрешаетъ умершихъ, какъ Его Отець. Такъ написано въ евангеліи. Объ Отцѣ именно написано: Господь Богъ Твой - Одинъ, — Богъ — Боговъ заговорилъ и назвалъ землю. А о Сынѣ: Господь Богъ явился намъ, — Господь Боговъ будетъ виденъ въ Сіонѣ.“ Далѣе черезъ нѣсколько строкъ къ этимъ словамъ Аванасій прибавляетъ то, что мы привели во второмъ возраженіи Латинянь. — *Кириллъ* въ приведенномъ выше мѣстѣ изъ I кн. толкованій на Іоанна говоритъ: „Сынъ имѣеть въ Себѣ Самомъ совершенно все то, что свойственно сущности Отца. Отець имѣеть все, что называетъ принадлежащимъ Сыну по природѣ.“ Такъ и къ словамъ, приведеннымъ выше изъ XI кн. на Іоанна, онъ предпосылаетъ: „сказаннымъ Онъ далъ понять, что такъ какъ Онъ является плодомъ Его (Отца) сущности, то все, что присуще Его сущности, Онъ (Сынъ) по природѣ къ Себѣ привлекаеть и называетъ Своимъ.“ И затѣмъ, къ тѣмъ же вышеприведеннымъ словамъ непосредственно присоединяеть: „вслѣдствіе того, какъ я думаю, Онъ (Спаситель) говорилъ объ этомъ очень выразительно и съ большою сдержанностью. Ибо онъ не сказалъ: все, что имѣеть Отець, имѣю и Я, чтобы не дать основанія понимать простого какого —нибудь сходства въ представленіи вѣшняго образа, образованнаго по первообразу, каковымъ образомъ служимъ мы сами, созданные по образу Божію, но сказалъ: Мое, указывая этимъ на крайнее единеніе, которое Онъ имѣеть съ Родителемъ, и на силу единосущія, заключающуюся въ неизмѣнныхъ свойствахъ Того и Другого. Это именно, и болѣе ясно выражаетъ Онъ въ другихъ словахъ, обращенныхъ къ Отцу: все Мое — Твое и Твое — Мое. Тутъ нѣтъ никакой разницы, но полнѣйшее тожество сущности. Какъ же у Нихъ не будетъ все одно и тоже по природѣ?“ Точно такъ же и къ словамъ, приведеннымъ выше изъ XII утвержденія „сокровища“ *Кириллъ* присоединяеть: „это ясно можетъ быть доказано примѣрами. — Всемогущъ Отець, — говорится такъ и о Сынѣ: это говоритъ Тотъ, Кто былъ, Кто придетъ, всемогущій, Господь, Отець и Одинъ Господь Іисусъ Христосъ. Отець — свѣтъ, и Сынъ говоритъ: Я — свѣтъ міра. Отець отпускаеть грѣхи, — тоже дѣлаеть и Сынъ. — Знайте, говоритъ, что Сынъ чело-

вѣческій имѣть власть на землѣ отпускать грѣхи. Поэтому все присуще Сыну, что есть въ Отцѣ.—Истина говорить: все, что имѣеть Отець,—Мое. И опять, обращаясь къ Отцу, говорить: все Мое—Твое и Твое—Мое.“

Слѣдовательно, такъ какъ опять положеніе: *все Отца принадлежитъ Сыну, кромѣ бытія Отцомъ*, должно быть понимаемо только въ смыслѣ того, что приписывается Отцу въ отношеніи одной и той же божественной сущности, то ясно, что Латиняне неосновательно подъ это положеніе подводятъ произведение Духа Св., которое приписывается Отцу не въ отношеніи сущности а въ отношеніи лица. И такъ какъ, кромѣ того, Сынъ не имѣеть свойства—быть нерожденнымъ, имѣть кого—нибудь сидящимъ одесную себя, носить кого—нибудь въ своемъ лонѣ, что однако принадлежитъ Отцу, то, хотя все Отца имѣеть Сынъ, за исключеніемъ бытія Отцомъ, ясно, конечно, опять, что въ этихъ положеніяхъ либо словомъ Отець обозначается первая ипостась, разумѣется, со всѣми своими ипостасными свойствами, либо, если словомъ Отець обозначается одно только отношеніе къ Сыну, подъ свойствомъ рожденія понимаются и прочія свойства Отца.—Къ этому мы и переходимъ.

Именно, *въ третьихъ*, Латиняне настаиваетъ: Отцы учатъ, говорятъ они, что Сынъ имѣеть все Отца, исключая только свойство раждать; но производить Духа Св.—не есть раждать,—слѣдовательно Сынъ произвелъ Духа Св., ибо послѣдній отъ Отца исходитъ (а не рождается). Приводятъ они въ этомъ случаѣ то, что говорятъ:

Иеронимъ „въ изъясненіи вѣры къ Кириллу:“ „прочь мысль, что въ Сынѣ Божіемъ чего-нибудь больше, или меньше (чѣмъ въ Отцѣ) въ пространствѣ (мѣстѣ), или во времени, или въ силѣ, или въ знаніи, или въ равенствѣ, или въ подчиненіи,—когда все это говорится, чтобы приписать Его божеству, а не плоти. Ибо, если Онъ больше или меньше, или если что-нибудь подобное въ Немъ находятъ, исключая только то, что Сына родилъ Отець и что Сынъ не отъ Себя Самого родился, но въ собственномъ смыслѣ родился отъ Отца, и не во времени, а вѣчно, не отъинуду, а изъ Его сущности,—то можетъ выходить изъ ихъ (еретиковъ)

словъ, что Отецъ окажется завидующимъ, или бессильнымъ, да кому же еще будетъ признанъ ограниченнымъ во времени“. — *Кириллъ* во II діалогѣ къ Еремію: „мы вѣримъ, что Сынъ совѣченъ Отцу, имѣетъ все наравнѣ съ Отцомъ, кромѣ одного только: (свойства) раждать“. И затѣмъ *Іоаннъ Дамаскинъ* въ III кн. „православной вѣры“, гл. VII: „Сынъ имѣетъ все то, что и Отецъ, какъ съ Нимъ единосущный, отличаясь отъ ипостаси Отца способомъ рожденія и положеніемъ.“

Но разрѣшеніе этого возраженія само собою вытекаетъ изъ того, что нами сказано въ опроверженіе перваго изъ предъявленныхъ возраженій. Именно, если Отцы относительно положенія: — *все Отца имѣетъ Сынъ*, исключаютъ только свойство рожденія, — то равнымъ образомъ они вездѣ учатъ, что Духъ Св. имѣетъ все Сына, за исключеніемъ пассивнаго рожденія. Такъ *Григорій Богословъ* въ XLIV словѣ на св. пятидесятницу (стр. 978): „все, что есть Сына, принадлежитъ Духу Св., за исключеніемъ рожденія“. И въ словѣ XXIV „противъ переселившихся изъ Египта“: „все, что ни имѣетъ Сынъ, есть также и у Св. Духа, если исключить сыновство“.

Іоаннъ Дамаскинъ въ I кн., гл. X „православной вѣры“: „вѣруемъ въ одного Духа Св., имѣющаго все, что имѣютъ Отецъ и Сынъ, за исключеніемъ нерождаемости и рожденія“. И въ исторіи Варлаама и Юсафата, — гл. XIX: „свойство Отца — быть нерожденнымъ, а Сына — рожденіе, Духа же Св. — исхожденіе. — Отецъ, Сынъ и Духъ Св. во всемъ суть одно, исключая свойствъ, которыя я указалъ нѣсколько раньше“. И жившіе раньше Дамаскина Отцы, — *Кесарій*, братъ Григорія Богослова, въ діалогѣ I: „въ Троицѣ — всякое единство, равенство и тожество, исключая нерожденности, рожденіе и исхожденіе“. *Леонтій-монахъ* въ кн. „объ евреяхъ“, въ дѣяніи I: „одно лицо — Отца, другое — Сына, третье — Духа Святаго, и эти три (лица) ничѣмъ между собою не различаются, кромѣ однихъ только ствойствъ, — тѣмъ именно, что этотъ Отецъ, тотъ Сынъ, — тотъ Духъ Св. Ибо у Нихъ у трехъ одна сущность, одна власть, одна воля. Въ томъ только Они различаются, что Сынъ рождается отъ Отца, а Духъ Св. отъ Него исходитъ.“

Авторъ кн. „о Троицѣ“, приписываемой Кириллу, въ гл. X: „мы признаемъ одного Бога,—мыслимъ притомъ же различіе только въ свойствахъ отцовства, сыновства и исхожденія, въ томъ, что касается причины и происшедшаго отъ причины, а также совершенія ипостаси, т. е. способа ея обнаруженія“. Опять тамъ же: „по всему Отецъ, Сынъ и Духъ Св. составляютъ Одно, за исключеніемъ нерождаемости, рожденія и исхожденія“. Тоже повторяетъ *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн., гл. XI „православной вѣры“.

И такъ, если бы изъ ученія св. Отцовъ, по которому Сынъ имѣетъ все Отца, исключая рожденіе, вытекало заключеніе, что Сынъ также производитъ Св. Духа, то равнымъ образомъ слѣдовало бы сдѣлать и такой выводъ: такъ какъ Св. Духъ имѣетъ все Сына, за исключеніемъ рожденія, а между тѣмъ, согласно съ мнѣніями Латинянъ, Сынъ производитъ Духа Св., значить Духъ Св. Самъ Себя произвелъ,—что невозможно.—Далѣе, — если бы можно было такъ просто разсуждать: Сынъ имѣетъ все Отца за исключеніемъ свойства раждать, — слѣдовательно Сынъ производитъ Духа Св.,—то одинаково, конечно, можно было бы выводить заключеніе, что Сынъ—нерожденъ, ибо быть нерожденнымъ и родить—не одно и то же: быть нерожденнымъ значить—не быть отъ другого, а раждать—производить другого способомъ рожденія. Слѣдовало бы, дальше, отсюда, что-кто-нибудь сидитъ одесную Сына, также—что Сынъ носитъ кого-нибудь въ Своемъ лонѣ и имѣетъ прочія ипостосныя свойства Отца. И такъ, само собою изъ этого вытекаетъ, что когда Отцы учатъ, что Сынъ имѣетъ все Отца, за исключеніемъ рожденія, то подъ выдѣленіемъ одного этого свойства понимаются также и прочія личныя особенности Отца, такъ какъ отличительные признаки (*notionalia γωριστικά*) связаны между собою, какъ кольца въ цѣпи. И, дѣйствительно, *Григорій Богословъ* въ I словѣ въ выше приведенномъ мѣстѣ уча, что не Сыну, а Отцу принадлежитъ преимущество причины, которое Онъ имѣетъ, какъ Отецъ и Родитель, и объясняя, въ чемъ заключается это преимущество причины, которое свойственно Отцу, какъ Отцу и Родителю, нарочито называетъ причину какъ Сына, такъ и Духа Св.—Ничего не можетъ быть яснѣе этого свидѣтельства. Нельзя, слѣдовательно, заключать, что если исключить только одно извѣстное свойство Отца, то остальные Его свойства принадлежатъ также

и Сыну. Ибо хотя, напр. раждать не значить производить Духа Св., однако подь однимъ поименованнымъ свойствомъ рожденія нужно понимать и всѣ прочія свойства. Принимается здѣсь свойство рожденнаго не въ непереходномъ значеніи, а въ переходномъ, т. е. вмѣсто того, что составляетъ свойство лица, которое рождено. Мы видѣли выше, что этимъ именно различіемъ воспользовался нѣкій іезуитъ; что бы разрѣшить вопросъ: почему Отцы изъ того, что имѣетъ Сынъ, отнимаютъ отъ Духа Св. только рожденіе.—Слѣдовательно, какъ лицо Отца обнимаетъ все, что приписывается Отцу въ отношеніи лица, а не въ отношеніи сущности, такъ тамъ, гдѣ изъ числа Его свойствъ у Сына исключается только дѣятельное (активное) рожденіе, однудь нельзя выводить, что этимъ самымъ все прочее, что приписывается Отцу въ отношеніи только лица, принадлежитъ также и Сыну.

Возражаетъ, наконецъ, въ *четвертыхъ*, Беллярминъ во II кн. „о Христѣ“, въ гл. XXII: „если бы Отецъ и Сынъ не имѣли всего общимъ, за исключеніемъ противоположнаго отношенія, то они различались бы болѣе, чѣмъ отношеніемъ,—различались бы, слѣдовательно, сущностью. Ибо Отецъ, какъ дышущій (spirator), не есть признакъ соотносительный къ Сыну. Слѣдовательно, если Отецъ, какъ дышущій, отличается отъ Сына, отличается дышаніемъ, то это различіе не есть отношеніе, а нѣкая форма, существующая въ Отцѣ; поэтому Отецъ и Сынъ отличаются въ сущности,—что составляетъ арианскую ересь“.

Но ничего не смыслить іезуитъ, и ему слѣдовало бы прояснить себѣ голову пріемомъ чемерицы раньше, чѣмъ писать подобныя вещи. Ибо, если бы такой выводъ имѣлъ силу, то равнымъ образомъ, конечно, слѣдовалъ бы и такой рядъ заключеній: все, что имѣетъ Отецъ принадлежитъ также и Духу Св., какъ выше показано. И такъ, если бы Отецъ и Духъ Св. не имѣли всего общимъ, за исключеніемъ противоположнаго отношенія, то Они различались бы болѣе, чѣмъ отношеніемъ, и поэтому отличались бы сущностью,—ибо Отецъ, какъ Отецъ, не есть понятіе относительное къ Духу Св., а относится, какъ дышущій. Слѣдовательно, если Отецъ, какъ Отецъ, отличается отъ Духа Св., то отличается отцовствомъ, не какъ отношеніемъ, а какъ нѣкоторою формою,

существующею въ Отцѣ; и такимъ образомъ, Отецъ и Духъ Св. разнятся въ сущности. Выходить арианская ересь. Слѣдовательно, отцовствомъ не отличается Отецъ отъ Духа Св.—а поэтому Духъ Св. раждаетъ Сына,—что невозможно, богохульно. Далѣе,—если бы указанный выводъ іезуита имѣлъ силу, то выходило бы, что Духъ Св.—нерожденъ, какъ и Отецъ. Именно, такъ какъ, по разсужденію Беллярмина, Духъ Св. долженъ имѣть все Отца тамъ, гдѣ не противорѣчитъ этому противоположное отношеніе,—а въ Св. Духѣ нѣтъ ничего, чтобы противопологалось сказанному понятію—*нерожденный*, значить, Духъ Св. будетъ равно имѣть ипостасное свойство Отца *нерождаемость*,—что опять нелѣпо. Ибо, по общему ученію Отцовъ, какъ сказано, *нерожденный* есть ипостасное свойство Отца, слѣдовательно, оно не можетъ быть раздѣляемо Духомъ Святымъ. И хотя справедливо, что въ отрицательномъ отношеніи Духъ Св. не рожденъ, однако о Духѣ Св. отнюдь нельзя сказать *нерожденный* въ томъ смыслѣ, въ какомъ это говорится объ Отцѣ: потому именно, что въ послѣднемъ смыслѣ *нерождаемымъ* быть—значить также--не быть изъ другого. И опять: такъ какъ, согласно съ Латинянами, Сынъ есть производитель Духа Св., то, конечно, отъ Сына Духъ Св. будетъ имѣть все Сына, за исключеніемъ противоположнаго отношенія. Будетъ, слѣдовательно, имѣть Духъ Св. отъ Сына также и Его сыновство. Ибо сыновство и страдательное дыханіе противопологаются не иначе, какъ только относительно. И такимъ образомъ выходитъ, что Духъ Св. есть вмѣстѣ съ Сыномъ одинъ и единственный Сынъ,—что превосходить всякій предѣлъ нелѣпости. Несомнѣнно, заблуждается Беллярминъ, когда дѣлаетъ выводъ: если бы Отецъ и Сынъ имѣли не все общее, за исключеніемъ противоположнаго отношенія, то непременно различались бы сущностью. Ибо Отецъ и Духъ Св. не имѣютъ общимъ рожденія (способности родить), хотя Духъ Св. не имѣетъ ничего, чтó бы относительно противопологалось Отцу,—и однако изъ-за этого Отецъ и Духъ Св. не различаются въ Своей сущности.

Но въ такомъ случаѣ, говоритъ Беллярминъ, Они различались бы болѣе чѣмъ противоположнымъ отношеніемъ,--слѣдовательно, различались бы сущностью. Однако ложность такого заключенія ясно вытекаетъ изъ предъидущаго возраженія.

Поэтому совершенно основательно объ этомъ выводѣ іезуита Беллярмина и о другихъ латинскихъ выводахъ изъ словъ Христа: „все Отца—Мое“—сказаль въ своей книгѣ „о государствѣ“ (кн. VІІІ, гл. X, номеръ 128) *Маркъ Антоній de Dominis*, будучи притомъ латиняниномъ: „Св. Писаніе не должно быть осквернено подобными заключеніями и выводами,—но должно быть понимаемо въ простотѣ и обдумываемо съ большою трезвостью.“

Въ заключеніе замѣтимъ: самыми нелѣпыми изъ Латинянь оказываются тѣ, которые, когда имъ возражаешь, что изъ ихъ доказательствъ, выводимыхъ какъ изъ другихъ словъ Спасителя, такъ и изъ данныхъ: „все Отца—Мое,“ вытекаетъ, что Духъ Св. Самъ Себя произвелъ, или родилъ Сына, отвѣчаютъ: такъ возражать нельзя, такой выводъ дѣлать невозможно, такъ какъ для всѣхъ очевидно, что это—нелѣпость и противорѣчить свойству Духа Св. Между тѣмъ, хотя, по признанію всѣхъ, невозможно допустить, что Духъ Св. Себя Самъ производитъ, или раждаетъ Сына, но, если бы разсужденія Латинянь имѣли смыслъ, то это изъ нихъ вытекало бы. Очевидно, конечно, также, что если это невозможно и однако это вытекаетъ изъ ихъ разсужденій, то они такъ разсуждаютъ просто для забавы. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, ихъ умозаключенія были основательны, то было бы справедливо и то, что Духъ Св. Самъ Себя производитъ, или что Онъ рождаетъ Сына. Слѣдовательно, если это невозможно,—а ложное заключеніе выводится не иначе, какъ изъ ложныхъ посылокъ, то, конечно, совершенно очевидно, что Латиняне до сихъ поръ ложно умозаключали и потому ни къ чему не пришли.

Итакъ, достаточно выяснено, что выраженіе: „Сынъ имѣетъ все Отца“ не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

въ которой доказывается, что выраженіе: *Духъ Св. есть Духа Сына* не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына.

Изь того, что въ Священномъ Писаніи Духъ Св. называется Духомъ Сына, Латиняне выводятъ неправильно заключеніе для утвержденія своего мнѣнія объ исхожденія Духа Св. отъ Сына. Когда, говорятъ они, Духъ Св. называется Духомъ Сына, то по смыслу самого выраженія выходитъ, что Духъ Св. есть дыханіе Сына, или Сыномъ производится черезъ дыханіе (дышется). Называется, затѣмъ, Св. Духъ *Духомъ Отца*;—называется не въ иномъ смыслѣ, какъ только въ томъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, какъ отъ причины. Слѣдовательно по такой же причинѣ Духъ Св. называется и Духомъ Сына, и поэтому Духъ Св. одинаково исходитъ отъ Отца и отъ Сына.

ОТВѢТЪ I.

Опять-таки это выраженіе выставляли противъ православныхъ Аріане, думая довести ихъ до невозможнаго. Такъ, по заявленію Аванасія („кн. къ Серапіону противъ тѣхъ, кто говоритъ, что Духъ Св.—тварь“, т. I твореній, стр. 189), они разсуждали: „если Духъ есть Духъ Сына, то слѣдовательно Богъ Отецъ есть дѣдъ Духа Св.“ Между тѣмъ католическая церковь всегда весьма строго различала выраженія: Духъ Св. есть Духъ Сына и Духъ Святой ис-

ходить отъ Сына. Напротивъ, часто католическіе Учители и Отцы, хотя признають, что Духъ Св. есть также Духъ Сына, но отрицають, что поэтому Онъ произведенъ Сыномъ. Вотъ что они говорятъ:

Θεοδωριτῆς въ опроверженіи IX анаѳематизмы Кирилла: „если Кириллъ назвалъ Духа собственнымъ Сына, какъ одной съ Нимъ природы и исходящаго отъ Отца, то и мы вмѣстѣ съ Нимъ это исповѣдуемъ и принимаемъ, какъ благочестивое мнѣніе (голосъ). Если же (Кириллъ) называетъ Его такъ въ томъ смыслѣ, что (Духъ Св.) отъ Сына или черезъ Сына получилъ существованіе: то мы гнушаемся его, какъ нечестивца и богохульника“. Точно такъ-же Кириллъ въ своемъ отвѣтѣ на возраженіе *Θεοδωριτῆς* противъ его IX анаѳематизмы, въ виду того, что *Θεοδωριτῆς* предположилъ въ послѣдней двойной смыслъ, принимая первый и осуждая послѣдній, заявилъ, что онъ слѣдуетъ только первому смыслу, т. е. утверждаетъ, что Духъ Св. исходитъ не отъ Сына, а отъ Отца. „Онъ былъ и есть, заявляетъ Кириллъ, Его (Сына) Духъ, какъ и, конечно, Отца. И это намъ очень хорошо объясняетъ божественный Павелъ. Именно—исходитъ, по слову Спасителя, Духъ Св. отъ Бога Отца, но не чуждъ Сыну, ибо Тотъ имѣетъ все вмѣстѣ съ Отцомъ“. И затѣмъ въ VII кн. „о Тройцѣ“ Кириллъ равно учитъ, что именемъ Духа обозначается то, что Онъ исходитъ отъ Отца, а принадлежитъ Сыну: „что родилъ—знаменуетъ имя—Отецъ, что родился, обнаруживаетъ имя Сынъ, а что Духъ—отъ Бога Отца, но есть собственный и Самого Сына на подобіе нашего человѣческаго духа, хотя Онъ понимается существующимъ ипостасно и истинно,—это указываетъ слово (Духъ)“.—Тѣ же находимъ мы у *Симеона Богослова* въ Ш-емъ словѣ „о вѣрѣ и правахъ христіанъ и монашествующихъ“ и привели уже въ другомъ мѣстѣ: „когда Сынъ именуется Богомъ, то нужно понимать, что Онъ—Сынъ Божій. Когда же, наконецъ, Духъ Св. именуется Богомъ, то Онъ разумѣется Духомъ какъ бы исходящимъ изъ Отца и собственнымъ Сына“. Также и епископы восточные въ посланіи къ *Іоанну Антиохійскому* говорятъ: „письмо, недавно присланное (тобою), украшается евангельскимъ благородствомъ: въ немъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ провозглашается совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ; и Духъ Св. объявляется имѣющимъ бытіе не отъ Сына

или черезъ Сына, но исходящимъ отъ Отца, собственнымъ же Сына. Увидѣвъ въ письмѣ (твоемъ) эту правильность ученія, мы восхваляли въ тебѣ цѣлителя заплетающихся языковъ, превратившаго нестройный шумъ въ пріятную гармонію.“ — Авторъ книги „о Тройцѣ“, приписываемой Кириллу Александрійскому, въ гл. X: „Духа Св. не называемъ (происходящимъ) отъ Сына, но именуемъ Духомъ Сына: если кто Духа Христа не имѣеть, сказалъ божественный апостоль.“ *Иоаннъ Дамаскинъ*, кромѣ того, что повторяетъ эти слова автора книги „о Тройцѣ“ въ I кн. гл. XI „православной вѣры“, въ посланіи „о трисвятѣ“ въ концѣ говоритъ слѣдующее: „у насъ Одинъ Богъ Отецъ, и Слово Его и Духъ Его. Слово же само по себѣ существующее (*ἐνοπίστατον*) рожденіе, а посему—Сынъ; и Духъ само по себѣ существующее исхожденіе и произведеніе изъ Отца именно,—Сына же, но не изъ Сына, какъ объявленный Духомъ устъ Бога Слова.“ И въ словѣ „о субботахъ“: „почитаемъ Духа Св., какъ Духа Бога и Отца, т. е. какъ отъ Него исходящаго, Который однако называется (Духомъ) Сына, потому что черезъ Него обнаруженъ и дарованъ гварямъ, но не отъ Него имѣеть бытіе или появленіе.“ Наконецъ *Августинъ* ясно показываетъ, что иное сказать: Духъ исходитъ отъ Отца, а иное Духъ есть собственный кого-нибудь. Такъ въ „руководствѣ къ Лаврентію“, въ гл. IX онъ пишетъ: „достаточно для христіанина вѣровать въ Отца и Сына, рожденнаго Отцомъ, и Духа Св., отъ Того-же Отца исходящаго, но Одного и Того же Духа и Отца и Сына“. Раздѣляя тутъ одно отъ другого, говоря, что Духъ исходитъ отъ Отца, но собственный того и другого, *Августинъ*, конечно, высказалъ, что не одно и то же—Духъ Св. исходитъ отъ кого нибудь и Духъ Св.—чей-нибудь. Въ концѣ концовъ смыслъ здѣсь у *Августина* такой: Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца, что доказано въ главѣ о свидѣтельствахъ западныхъ Отцовъ.

ОТВѢТЪ II.

Свидѣтельствуешь, затѣмъ, Св. Писаніе, что Богъ есть Духъ. Слѣдовательно, и Богъ Отецъ—Духъ, и Богъ Сынъ—Духъ. Опять же Св. Писаніе свидѣтельствуешь, что Богъ—Святъ. Значить, Богъ Отецъ—святъ и Богъ Сынъ—святъ. И такъ имя Духа Св.—обще

Отцу, обще и Сыну. Но въ то время какъ Отець, такъ и Сынъ суть каждый Духъ и святъ, это же имя, общее Тройцѣ, присваиваетъ себѣ, какъ собственное, и третье лицо божества. Отсюда въ этомъ смыслѣ я правильно отрицаю, что Отець или Сынъ суть Духъ Святой. Конечно, такъ какъ намъ неизвѣстенъ способъ произведенія третьей ипостаси (ибо его намъ не открыло верховное божество, а даже если бы и открыло, то мы его не понимали бы, а только называется эта ипостась исходящею отъ Отца или произведенною Отцомъ), то поэтому третья ипостась названа одинаково общимъ именемъ — Духъ Святой. Между тѣмъ Сынъ получилъ собственное имя отъ открытаго намъ способа Своего происхожденія отъ Отца, именно чрезъ Свое вѣчное и неизяснимое рожденіе. — Поэтому *Аванасій* въ I діалогѣ о Тройцѣ (т. II стр. 171) говоритъ: „развѣ Отець не Духъ Святой? Отець — также Духъ Святой, но не Духъ Божій.“ *Амвросій* въ сочиненіи „о символѣ“, гл. I (т. IV твореній, столб. 88): „хотя Отець — есть Духъ и Сынъ есть Духъ, и Отець — святой и Сынъ — святой, однако собственно только третья ипостась называется Духомъ Святымъ. Слѣдовательно, — такъ какъ она совѣчна и обща Обоимъ, то называется тѣмъ, что суть Они Оба“. *Августинъ* въ кн. V гл. XI „о Тройцѣ:“ „Духомъ же Святымъ согласно съ тѣмъ, что написано: — Богъ есть Духъ, можетъ общо называться, такъ какъ и Отець Духъ, и Сынъ Духъ, Отець — святъ, и Сынъ святъ. И такъ, Отець и Сынъ и Духъ — святы; а такъ какъ Богъ Одинъ и Богъ, конечно, святъ, и Богъ — Духъ, то можетъ называться Духомъ святымъ Тройца.“ И далѣе: „Духъ Святой нѣкоторое неизяснимое общеніе Отца и Сына, и потому, можетъ быть, такъ называется, что тоже названіе можетъ принадлежать Отцу и Сыну, ибо Онъ называется собственно тѣмъ, чѣмъ и Они сообща называются, потому что и Отець — Духъ, и Сынъ — Духъ, и Отець — святъ, и Сынъ — святъ. И такъ, что бы именемъ, которое приличествуетъ Тому и Другому, обозначить общеніе Обоихъ, Духъ Святой называется даромъ Обоихъ“. Тоже заключается въ кн. XV, гл. XIX „о Тройцѣ“ и въ посланія CLXXIV, въ концѣ. — *Кириллъ Александрійскій* въ діалогѣ VII о Тройцѣ (т. V твореній, ч. I стр. 637): „по тожеству сущности приличествуетъ также Богу

Отцу названіе Духа, хотя оно третье въ порядкѣ именъ; принадлежитъ также Сыну: ибо Христось, поучая самарянскую женщину, сказалъ: Богъ—Духъ. Пишетъ также Павелъ: Господь есть Духъ“.

Анастасій Синаитъ въ I кн. „о догматахъ вѣры“ (т. VI Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 696): „называется Богъ Духомъ и называется Богъ святымъ; оба же названія подходятъ Тому, Кто собственно называется Духомъ Святымъ. Отець, будучи Богомъ Отцомъ, называется именами Духа, т. е. святымъ и Духомъ хотя все это цѣлое не называется Духомъ Святымъ.“ *Наконецъ, Исидоръ Гиспаленскій* въ VII кн. „началь“, гл. III: „хотя и Отець—святъ, и Сынъ—святъ, но только собственно такъ называется Духъ Святый, какъ святость Обоихъ однородная и единосущная.“ И такъ —быть Духомъ и быть святымъ—общее свойство Отца и Сына, хотя это общее имя, какъ собственное, усваиваетъ Себѣ Духъ Святый. Ясно отсюда вытекаетъ, что, когда Духъ Святый называется Духомъ Отца и Сына, то словомъ Духъ отнюдь не обозначается, какъ выставляли это Латиняне, дыханіе Отца и Сына. Ибо когда говорится объ Отцѣ, что Онъ—Духъ, то какъ для всякаго очевидно, слово Духъ никоимъ образомъ не принимается въ томъ смыслѣ, что Онъ выдохнуть или произведенъ. Но это общее имя—Духъ принадлежитъ всей Тройцѣ и одинаково говорится какъ объ Отцѣ, такъ и о Духѣ Святомъ.

Могутъ сказать вмѣстѣ съ *Альбертомъ Великимъ* (его „сокращенное изложеніе богословской системы“ кн. I, гл. IX), что слово Духъ принимается либо въ смыслѣ дѣятельномъ (активномъ), поскольку дышетъ, сообразно съ словами Юанна: „Духъ, гдѣ хочетъ, дышетъ,“ либо въ смыслѣ страдательномъ (пассивномъ), поскольку выдыхается или исходитъ черезъ посредство дыханія. Въ первомъ, значить, смыслѣ слово *духъ* — общее Отцу и Сыну, а во второмъ оно принадлежитъ Одному только Духу Святому. Но это — измышленіе Альберта Великаго, будто Духъ на указанномъ основаніи называется или въ дѣятельномъ, или въ страдательномъ смыслѣ. Приведенные Отцы, конечно, не зная такого различенія, утверждали, что на одномъ основаніи, именно на томъ, по которому имя Духъ обще Отцу и Сыну, оно прилагается и къ Духу Святому

какъ Его собственное. Поэтому безъ всякаго основанія придумалъ Альбертъ Великій, или могъ придумать второе пониманіе слова Духъ, но тѣмъ самымъ онъ совершаетъ грубую логическую ошибку, называемую *petitio principii*: ¹⁾ Затѣмъ,—откуда стало бы извѣстнымъ, что Духъ Св. исходитъ черезъ способъ дыханія, когда весь хоръ Отцовъ учитъ и сповѣдуетъ, что способъ произведенія Духа Св. неизвѣстенъ? Говорится далѣе у Іоанна, въ III гл.: „Духъ, гдѣ хочетъ, дышаетъ,“ но это должно понимать о временномъ дыханіи, которымъ Духъ Св. раздаетъ вѣрующимъ Свои дары. Кто же станетъ утверждать, что въ этомъ смыслѣ названіе *Духъ* обще Отцу и Сыну отъ вѣка? Если же уже отъ вѣка Духъ Св. имѣетъ общее имя Троицы отъ дыханія, то спрашивается, что же когда-нибудь отъ вѣчности произвелъ Духъ Св. черезъ дыханіе, что бы отсюда носить имя *духъ* активно?

ОТВѢТЪ III.

Называется, далѣе, Духъ Св. *Духомъ Отца*, потому что Онъ Его собственный Духъ, съ Нимъ единосущный и отъ Него исходитъ. Но нѣтъ никакой необходимости отсюда заключать, что если Духъ Св. не исходитъ одинаково также и отъ Сына, то Онъ не въ одинаковомъ смыслѣ называется Духомъ Сына и Отца и потому является уже не однимъ Духомъ Св.—Конечно, Сынъ есть въ Отцѣ, есть Онъ и въ Духѣ Св.; Онъ собственный Отца и Духа Св. и единосущенъ съ Тѣмъ и Другимъ; но, хотя потому Сынъ въ Отцѣ, съ Нимъ единосущенъ, Его собственный, что Имъ рожденъ, развѣ отсюда слѣдуетъ, что Сынъ равно рожденъ Духомъ Святымъ, или двусмысленно говорится, что Онъ въ Отцѣ и Духѣ Св., съ Тѣмъ и Другимъ единосущенъ и собственный Обоихъ? Духъ Св., затѣмъ,—Духъ Отца, какъ начала безъ начала; развѣ же поэтому Духъ Св. есть Духъ Сына также какъ начала безъ начала, или, такъ какъ это невозможно, то въ разныхъ смыслахъ Духъ Св. называется Духомъ Отца и Сына? Само собою отсюда очевидно, что смыслъ положенія: *Духъ Св. есть Духъ другого* долженъ быть отличаемо отъ непосредственной причины, по которой смыслъ этого положенія имѣетъ мѣсто. Ибо, конечно, въ одномъ и томъ же смыслѣ говорится, что Духъ Св. есть Духъ

¹⁾ Зерникавъ выражается тутъ такъ: *classico sumit id, quod in principio.*

Отца и Сына, именно, въ томъ, что Онъ —единосущенъ съ Тѣмъ и Другимъ, свойствененъ Тому и Другому. Подобно тому и многое иное, что относится къ Нимъ взаимно, относится не иначе, какъ только вслѣдствіе тѣснѣйшей связи, такъ именно, какъ душа называется принадлежащею тѣлу. Но когда Духъ Св. называется Духомъ Отца, потому что отъ Отца исходитъ, то тутъ уже обозначается непосредственность причины, по которой придается смыслъ положенію: *Духъ Св. есть Духъ Отца и Сына.* Слѣдовательно, недвусмысленно вдругъ Духъ Св. называется Духомъ Отца и Сына, хотя отъ Сына и не исходитъ. Ибо изъ того, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, и Сынъ отъ Него родился, Послѣдній равнымъ образомъ получилъ, что Духъ Св. сталъ Его собственнымъ, съ Нимъ единосущнымъ, или иначе—Духъ Св. сталъ Его Духомъ. Отсюда также вытекаетъ, что въ одномъ и томъ же смыслѣ и на одинаковомъ основаніи Сынъ есть въ Отцѣ, есть и въ Духѣ Св. и однако не также родился отъ Духа Св. Сынъ, какъ отъ Отца; по подобно тому, какъ изъ Своего рожденія отъ Отца Сынъ получаетъ бытіе въ Отцѣ, такъ равно единственно изъ того же рожденія имѣетъ Онъ Свое бытіе въ Духѣ Св. Это касается уже непосредственной причины. Слѣдовательно, есть равнымъ образомъ одна причина, по которой Духъ Св. является Духомъ Отца и Сына, т. е. исхождение Его отъ Отца. Но приведенные примѣры доказываютъ, что отнюдь не двусмысленно Духъ Св. называется Духомъ Отца и Сына, хотя Онъ отъ Сына и не исходитъ. Ибо достаточно того, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, чтобы въ одномъ и томъ же смыслѣ называться Духомъ Отца и Сына и быть потому Духомъ собственнымъ Того и Другого и съ Ними единосущнымъ.

ОТВѢТЪ IV.

И потому св. Отцы признали, что Духъ Св. есть Духъ Сына и Отца не иначе, какъ по единству сущности, т. е. что Духъ Имъ принадлежитъ (Ихъ собственный) и съ Ними еднносущенъ, когда исходитъ отъ Отца. Вотъ, что они говорятъ:

Григорій Назіанзинъ въ XXXVII словѣ о Духѣ Св. (стр. 160): „я самъ ужасаюсь при такомъ обиліи именъ, противъ котораго безстыдно поднимаютъ голову тѣ, кто возстаютъ противъ Ду-

ха. Онъ называется Духомъ Божиимъ, Духомъ Христа, умомъ Христа, Духомъ Господнимъ, Самимъ Господомъ, Духомъ усыновленія, Духомъ истины,—перстомъ Господнимъ, огнемъ, какъ Богъ, (все это) для обозначенія, думаю, что Онъ той же сущности“. *Амвросій* въ комментаріи на III гл. посланія къ Ефесянамъ (т. III, столб. 501): „намъ дается Духъ Христа, Который есть и Духъ Бога Отца. Ибо въ Нихъ является единство одной природы, . Они между Собою Свои. Поэтому Господь говорить: все—Отца—Мое и все Мое—Отца.“ Тутъ св. Отецъ ясно учитъ, что Духъ Св. называтся Духомъ Отца и Сына по единству одной природы. И въ комментаріи на VIII гл. посланія къ Римлянамъ, на слова: „если кто Духа Христа не имѣеть, тотъ—не Его“ (т. III столб. 288): „теперь называетъ (апостолъ) Духа Божія Духомъ Христа, — потому что все Отца есть Сына“. *Иеронимъ* во II кн. противъ Пеллагіанъ (т. II, столб. 442): „замѣть, что Духъ Иисуса есть Духъ Святыи, Который въ другомъ мѣстѣ называется Духомъ Отца вслѣдствіе единства сущности“. И въ книгѣ II на посланіе къ Галатамъ, на IV гл. (т. VI, столб. 311): „Тотъ же Духъ безразлично вслѣдствіе общности природы называется то (Духомъ) Отца, то Сына.“—Авторъ книги вопросовъ Ветхаго и Новаго Завѣта, вопр. CXXXVI (т. IV твореній Августина): „не иначе знаетъ Духъ Св. тайны Божіи, какъ черезъ сущность: ибо одна сущность имѣеть одинъ смыслъ и волю. Чего хочетъ Отецъ, того хочетъ и Сынь, и чего хочетъ Сынь, того же хочетъ и Духъ Св. Поэтому-то (т. е. вслѣдствіе одной и той же сущности и воли) иногда Онъ называется Духомъ Божиимъ, иногда и Духомъ Христа: Который, сказалъ (Спаситель), отъ Бога исходитъ и возьметъ изъ Моего“. *Иоаннъ Златоустъ* въ бесѣдѣ на пятидесятницу, которая начинается: *πᾶσα μὲν ἡμέρα* (т. VII твореній греческаго англійскаго изданія стр. 584): „иногда Онъ называется Духомъ Святымъ, иногда Духомъ Сына, иногда Духомъ Отца—не потому, что проповѣдь о Немъ спутана, но потому, что это обозначаетъ нераздѣльность божественной сущности“. И въ бесѣдѣ „о Святомъ и покланяемомъ Духѣ“ (въ началѣ, т. VI твореній греко-латинскаго изданія, стр. 205): „что бы мы, слыша выраженіе: Духъ Святой, никогда не думали, что Онъ по свойству называется Духомъ

Божіимъ, Писаніе вводитъ Духа Святаго и прибавляетъ:—Который есть отъ Бога. Иное дѣло—сказать—Божій и Который—отъ Бога: Божій—небо и земля, какъ Имъ созданныя; отъ Бога же ничто не называется иначе, какъ только происходящее изъ Его сущности. Такимъ называется Духъ Святой. И такъ, чтобы кто-нибудь, какъ я сказалъ, слыша о Духѣ Святомъ, не подумалъ, что Онъ обозначаетъ какое-нибудь свойство, а не общее природы, Павелъ говоритъ: намъ же дарованъ не духъ міра, но Духъ, Который—отъ Бога“. И послѣ начала той же бесѣды: „Духъ есть Духъ Сына. Въ другомъ мѣстѣ Павелъ называетъ (Его) Духомъ Христа: вы же не—въ плоти, но въ Духѣ, ибо Духъ Христа обитаетъ въ васъ. Заклинаю васъ, замѣтьте это святое соединеніе. Павелъ вводитъ какъ бы нѣкоторую святую и живую цѣпь изъ тройной силы, соединяя природу нераздѣльную и указывая подъ различными именами одну силу.“—*Феодулъ*¹⁾, *пресвитеръ Келесирійскій*, въ комментаріи на VIII гл. посланія къ Римлянамъ (гл. V ч. III Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 579): „Духъ Божій есть также Духъ Христа, ибо Духъ общъ и Отцу, и Сыну“. *Седулій*²⁾ въ комментаріи на VIII гл. посланія къ Римлянамъ (листъ 25—Базельскаго изданія 1528 г.): „называетъ теперь (Павелъ) Духа Божія Духомъ Христа, потому что все Отца есть Сына.“—*Анастасій Синаитъ* въ I кн. „о догматахъ вѣры“ (т. VI Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 696): „Духъ Святой, Духъ Божій, Духъ Христа и Духъ Иисуса—черезъ всѣ ипостаси показываетъ божественное слово естественное сродство божества“. И опять (стр. 696): „апостоламъ Онъ (Духъ Св.) былъ присущъ по сообщенію;—Спасителю Нашему и Богу, какъ единосущный и Такой же Богъ. На этомъ основаніи Онъ называется Духомъ Божіимъ и Духомъ Христа.“—*Леонтій*, епископъ Кесаріи Каппадокійской, обращаясь съ рѣчью отъ имени всего I-го вселенскаго Собора къ философу (у Геласія Кизическаго, II кн. дѣяній I-го Никейскаго Собора, гл. XX, т. II Соборовъ, столб. 208): „Духъ Св. отъ Отца исходитъ и собственный Сына, какъ и говоритъ св. апостоль Павелъ:

¹⁾ Сталь извѣстенъ около 480 г., умеръ 492 г. Прим. перев.

²⁾ Съ точностью нельзя опредѣлить, когда онъ жилъ: по однимъ онъ подписался подъ опредѣленіями римскаго собора 726 г., по другимъ—жилъ около 818 г. Прим. перев.

кто Духа Христа не имѣеть, тотъ не—Его“. *Дидимъ* Александрийскій въ II кн. „о Духѣ Св.“ (т. VI твореній Иеронима): „Духъ Св. исключительнымъ образомъ связанъ съ Сыномъ, почему (т. е. вслѣдствіе этой самой тѣсной и исключительной связи, которая существуетъ между Духомъ Св. и Сыномъ) и названъ Духомъ Сына, дѣлая черезъ усыновленіе сынами тѣхъ, кто захочетъ Его принять.“—*Василій* въ кн. о Духѣ Св., гл. XVIII (т. II, стр. 189): „Духомъ Христа называется Онъ, какъ Его собственный по природѣ. Поэтому (апостоль) говоритъ: если кто Духа Христа не имѣеть, тотъ не—Его“. И въ словѣ противъ Савелліанъ (передъ концомъ—гл. I, стр. 608): „принадлежность Духа Св. Отцу я узнаю изъ того, что Онъ отъ Отца исходитъ; принадлежность же Его Сыну изъ того, что слышу: если кто Духа Христа не имѣеть, тотъ не—Его. Ибо если Онъ не принадлежитъ (не есть собственный) Христу, то какъ можетъ съ Христомъ соединять?“

Кириллъ Александрийскій въ VII кн. „о Троицѣ“ въ выраженіяхъ, приведенныхъ выше: „родиль—обозначаетъ имя Отца, рождень—обозначаетъ имя Сына, а что Духъ отъ Бога Отца, но свойственъ (собственный) и Самому Сыну,—наподобіе нашего человѣческаго духа, хотя понимается ипостасно и истинно существующимъ,—это показываетъ слово (Духъ).“—*Симеонъ Богословъ* въ III словѣ „о вѣрѣ“ словами также только что приведенными: „когда Сынъ именуется Богомъ, то разумѣется, что Сынъ есть Богъ,—когда затѣмъ Духъ Св. именуется Богомъ, то разумѣется Духомъ, какъ бы исходящимъ изъ Отца и собственнымъ Сына по неизъяснимому соединенію и различенію“. Отсюда *Кириллъ* Александрийскій вслѣдствіе этой самой тѣсной связи Духа Св. съ Сыномъ вездѣ учитъ, что апостоль Павелъ называетъ Духомъ Святымъ Сына. Такъ онъ въ IV кн. толкованій на III гл. евангелія отъ Іоанна (т. VI, стр. 377) говоритъ: „что Сынъ въ божественномъ Писаніи часто называется также именемъ Св. Духа, это мы узнаемъ изъ предлежащаго. Ибо блаженный Іоаннъ пишетъ о Немъ: это есть пришедшій черезъ воду и духъ Іисусъ Христосъ, не въ водѣ только, но въ водѣ и духѣ. Свидѣтельствуетъ Духъ, потому что Духъ истина. И вотъ онъ называетъ Его Духомъ истины, такъ какъ Христосъ открыто проповѣдуетъ: Я—истина. Опять же Па-

ведь говорить намъ въ посланіи: кто—во плоти, не можетъ быть приятнымъ Богу, вы же—не во плоти, но въ Духъ Божиємъ, такъ какъ Духъ Божій обитаетъ въ васъ: если же кто Духа Христа не имѣетъ, тотъ и не—Его. А если Христось въ васъ, то тѣло мертво вслѣдствіе грѣха, но Духъ—жизнь по правдѣ. И такъ опять, такъ какъ Онъ сказалъ что Духъ Божій обитаетъ въ насъ, то этимъ сказалъ, что Самъ Христось есть въ насъ. Не отдѣляется отъ Сына Духъ Его по тожеству природы, хотя понимается существующимъ по истинѣ самостоятельно. Поэтому-то часто онъ (Павель) безразлично называетъ то Духа, то Его Самого (Христа).“ И впереди этого (стр. 376): „называетъ Онъ Себя Самого Духомъ, такъ какъ Богъ—Духъ, какъ и Павель говоритъ: Господь—Духъ. И говоримъ мы это не потому, что не признаемъ Духа Св. существующимъ въ собственной ипостаси, но такъ какъ, ставши человѣкомъ, Онъ называетъ Себя Сыномъ человѣческимъ, Онъ такимъ образомъ именуется Себя Духомъ отъ собственного Духа, ибо Его Духъ не чуждъ Ему“. И во II кн. на I гл. Юанна (стр. 126): „думая правильно и непорочно и безъ всякаго заблужденія слѣдуя богооткровенному Писанію, мы говоримъ то, что не есть что-нибудь иное отъ Него (т. е. въ отношеніи природнаго тожества существующее отдѣльно и особо). Зная это, полагаю, и св. Павель часто соединяетъ и приводитъ Одного вмѣсто Другого, т. е. Духа Св. и Сына, какъ будто это было одно и тоже. Ибо ты найдешь у него слова: если кто Духа Христа не имѣетъ, тотъ не—Его“. И въ „сокровищѣ“ въ утвержденіи XXXIII (т. V, ч. I стр. 334): „Павель опять называетъ Христа Духомъ, говоря: если же Христось въ васъ, заявляя этимъ, что Онъ не чуждъ природы Слова, но такъ съ ней соединенъ, что, хотя имѣетъ собственную ипостась,—Онъ существуетъ въ Сынѣ и Сынъ въ Немъ вслѣдствіе тожества сущности.“

Говорятъ, наконецъ, что Духъ Св. потому есть Духъ Сына, что Онъ посылается Сыномъ и намъ является *Василій Великій* въ V кн. противъ Евномія: „поэтому-то апостоль ясно проповѣдалъ, что Духъ Св. — отъ Бога, говоря: Духа мы получили отъ Бога; и объяснилъ, что Онъ возсіялъ черезъ Сына, называя Его Духомъ Сына“. *Дамаскинъ* въ словѣ о сущности: „мы и этимъ Духа Св. какъ Духа Бога Отца, именно какъ

изъ Него исходящаго, Который однако и (Духъ) Сына, потому что черезъ Него обнаружился и сообщень твари, -- не отъ Него однако, имѣя Свое бытіе или появленіе“.

Можно при этомъ сказать: если Духъ Св. называется Духомъ Сына только вслѣдствіе единства сущности, то по такой же причинѣ Сынъ будетъ называться Духомъ Отца, а Отецъ Духомъ Сына; а также Отецъ и Сынъ будутъ Духомъ Духа Святаго. Но подобно тому, какъ Отецъ, хотя Духъ и святой, однако Одинъ только Духъ Св. усваиваетъ Себѣ имя Святаго Духа, такъ равно Одинъ только Духъ Св. называется Духомъ Отца и Сына, хотя Отецъ (тоже нужно разумѣть и о Сынѣ) не менѣе—Духъ. И опять-таки Онъ (Духъ) собствененъ Сыну и поэтому Его собственнѣйшій Духъ, — однако, какъ сказано, этимъ именемъ не называется Отецъ, какъ и именемъ Св. Духа, такъ какъ эти имена усваиваетъ Себѣ только Одинъ Духъ Св. О Сынѣ же, или объ Отцѣ нельзя было сказать, что Они—Сынъ, или Отецъ Духа Св., какъ говорится о Духѣ Св., что Онъ Духъ Отца, или Сына, потому что въ такомъ случаѣ выходило бы, что Духъ Св. либо родилъ Сына, либо рожденъ Отцомъ. Ибо слово *отецъ* съ необходимостью обозначать—родить, а слово *сынъ* быть рожденнымъ; но другое дѣло слово *духъ*, которое отнюдь не означаетъ быть произведеннымъ, какъ выше было доказано. И не было необходимости заключать, что подобно тому, какъ Духъ Св. относится къ Отцу и Сыну, — именно Отецъ есть Духъ Отца и Сына, — такъ же и Отецъ и Сынъ относятся къ Духу Св. Ибо и во многихъ другихъ случаяхъ отношеній встрѣчается, что нѣтъ названій, которыя бы соотвѣтствовали тому, что выражаетъ взаимныя отношенія. „Не слѣдуетъ волноваться, говоритъ Августинъ въ V кн., гл. XII „о Троицѣ,“ — когда мы сказали, что Духъ Св. называется относительно, то называли не Самую Троицу, но Того, Кто въ Троицѣ, потому что, повидимому, ей взаимно не соотвѣтствуетъ названіе того, къ которому оно относится. Ибо здѣсь мы не можемъ сказать такъ, какъ говоримъ: рабъ господина и господинъ раба, Сынъ Отца и Отецъ Сына, когда это говорится относительно. Мы говоримъ: Духъ Св. Отца, но не говоримъ обратно:—Отецъ Духа Св., чтобы Духъ Св. не разумѣлся Его Сыномъ; также говоримъ: Духъ Св.—Сына

но не говоримъ:—Сынъ Духа Св., чтобы Духъ Св. не разумѣлся Его Отцомъ. И такъ во многихъ относительныхъ случаяхъ бываетъ, что не находится слово, которое бы выразило взаимное отношеніе“. И въ XXXVIII словѣ „о времени“: „подобно тому, какъ говорятъ относительно объ Отцѣ и Сынѣ, такъ говорятъ и о Духѣ Св. въ нѣкоторомъ родѣ относительно къ Отцу и Сыну, потому что Онъ есть Духъ Отца и Сына. Но само отношеніе Духа Св. не можетъ быть обращено на обоюдномъ основаніи такъ, какъ Отецъ и Сынъ. Ибо Отецъ называется Отцомъ Сына и Сынъ называется Сыномъ Отца; Духъ же Св. единообразно называется по отношенію къ Отцу и Сыну, такъ какъ Онъ - Духъ Отца и Сына. Мы называемъ Духа Св. Духомъ Отца, но не говоримъ обратно: Отецъ Св. Духа, чтобы не разумѣть Духа Св. Его Сыномъ. Точно такъ же называемъ Духа Св. Духомъ Сына; но не говоримъ: Сынъ—Духа Св., чтобы Духа Св. не разумѣть Его Отцомъ.“ И *Григорій Нисскій* въ III бесѣдѣ на молитву Господню, что уже приводилось въ другомъ мѣстѣ: „хотя Духъ Св.—отъ Бога, но Онъ также—Духъ Христа. Между тѣмъ Сынъ, хотя отъ Бога, но Онъ точно такъ же (Сынъ) Духа Св. и не есть и не называется; и это относительное послѣдствіе не обращается взаимно такъ, чтобы можно было на одинаковомъ основаніи его обратно возвращать и чтобы подобно тому какъ говоримъ Духъ Христа, такъ же называли Христа Христомъ Духа“.

Иезуитъ *Петавій* при этомъ настаиваетъ: „Сынъ есть собственный Отца, потому что Онъ отъ Отца родился. Духъ Св. есть собственный Отца, потому что отъ Отца исходитъ. Слѣдовательно, Духъ Св. равнымъ образомъ есть собственный Сына потому, что отъ Него исходитъ“. Но это мы уже выше опровергали. Это вѣдь тоже, что заключать такъ: „Духъ Св. есть Духъ Отца, потому что отъ Него исходитъ, слѣдовательно равнымъ образомъ Духъ есть Духъ Сына, потому что отъ Него исходитъ.“ Но, разумѣется, ложно положеніе, что тотъ кто принадлежитъ другому (собственный другого), имъ непременно и производится: приведенное наведеніе, конечно, несовершенно, ибо и Сынъ принадлежитъ (есть собственный) Духа, и однако отъ Духа Св. не рождается. Въ одномъ смыслѣ и на одинаковомъ основаніи говорится, что какъ Сынъ и

Отець, такъ и Духъ Св. между Собою—собственные, но изъ смысла этого положенія должна была быть выдѣлена непосредственная причина, по которой Сынъ признается собственнымъ Отца, или Духъ Св. собственнымъ Сына,—и обратно Сынъ собственнымъ Духа Св., или Духъ Св. собственнымъ Отца. Именно,—однимъ Своимъ рожденіемъ Сынъ достигаетъ того, что Духъ Св. Ему принадлежитъ (есть собственный Его), и изъ этой одной причины вытекаетъ, что Самъ Сынъ принадлежитъ Отцу. Отсюда одинаково Сынъ есть собственный и Духа Св. и Отца въ одномъ смыслѣ и на одномъ основаніи,—и однако не отъ Духа Св. рожденъ Сынъ, какъ по роженію Своему Онъ получаетъ то, чтобы быть собственнымъ Отца. Это уже касается непосредственной причины, дающей этимъ положеніямъ смыслъ, который они значеніемъ словъ сами изъ себя изводятъ; всякое же основаніе начала въ божествѣ есть единственное и вытекаетъ изъ Одного только Отца. Но объ этомъ раньше говорилось. Въ самомъ дѣлѣ, когда *Кириллъ* Александрійскій въ XI кн. толкованій на евангеліе отъ Іоанна, на II гл. (т. IV твореній, стр. 934) спрашиваетъ: „почему Духъ Св. есть собственный Сына?“, онъ не отвѣчаетъ,—какъ это дѣлаютъ Латиняне: потому что отъ Сына исходитъ,—а потому, что Сынъ единосущенъ съ Отцомъ. „Собственный этотъ Духъ и Сына, говоритъ онъ, ибо Сынъ единосущенъ съ Отцомъ“. *Теодоритъ* также утверждалъ, что Духъ Св. принадлежитъ Сыну, потому что съ Нимъ единосущенъ и исходитъ отъ Отца, а не потому, что отъ Сына исходитъ. Это пониманіе *Теодорита* принимаетъ въ своей апологіи *Кириллъ*, о чемъ уже говорилось выше въ I отвѣтѣ настоящей главы. Поэтому-то тотъ же *Кириллъ* и въ VI діалогѣ „о Тройцѣ“ (послѣ начала, т. V твореній, ч. I, стр. 592) говоритъ: „чьимъ Духомъ мы признаемъ Духа Св.? Духомъ Одного ли Бога Отца, или также и Духомъ Сына? Или отдѣльно Каждаго и Обоихъ какъ бы Одного,—Отца черезъ Сына по тожеству сущности? Такъ (последнее) и я утверждаю.“

Но на это нѣкто ¹⁾ возражаетъ: „*Кириллъ* учитъ, что Духъ Св. принадлежитъ истинѣ—Христу такъ, какъ Отцу, отъ Котораго исходитъ. Слѣдовательно,—такъ какъ Духъ Св. есть (Духъ)

¹⁾ Циховій, вопр. VШ, стр. 81.

Отца, какъ Отцомъ произведенный, то Онъ также будетъ (Духомъ) Сына, какъ Имъ произведенный, что-бы справедливо можно было сказать, что Онъ такимъ же образомъ (Духъ) Сына, какимъ—Отца.“

Слова *Кирилла* изъ X кн. на *Юанна* таковы: „назвавши Духа истины, т. е. Своего, утѣшителемъ, Онъ (Спаситель) говоритъ, что Тотъ исходитъ отъ Отца. Ибо какъ по природѣ Духъ Св. есть собственный Сына, въ Немъ существующій и черезъ Него исходящій, такъ Онъ есть и—Отца.“ Однако тутъ *Кириллъ* говоритъ, что Духъ Св. равно собственный Сына, какъ и Отца; но то, „отъ Котораго исходитъ,“ отнюдь не понимаетъ также и о Сынѣ, т. е. какъ бы и въ этомъ смыслѣ Духъ Св. есть собственный Сына, а только, такъ какъ Духъ Св. исходитъ отъ Отца, отсюда выводитъ, что Онъ есть собственный Отца: „назвавши Духа Своимъ, говоритъ *Кириллъ*, (Спаситель) утверждаетъ, что Онъ исходитъ отъ Отца. Значить, Духъ есть собственный какъ Сына, такъ и Отца.“—Послѣднее доказывается тѣмъ, что Духъ признается исходящимъ отъ Отца. Таковъ смыслъ *Кирилла*, а не тотъ который изъ словъ его старался извлечь *иезуитъ*.

Останавливаясь, далѣе, на возраженіи *Латинянъ*: „Духъ Св. называется Духомъ устъ и губъ Христа, слѣдовательно—отъ Сына исходитъ“, нѣтъ никакой необходимости Это тоже, что и возраженіе: „Духъ Св. есть Духъ Сына—слѣдовательно—отъ Него исходитъ“. Въ Богѣ, конечно, нѣтъ ни губъ, ни устъ, но такъ выражаются о Немъ человѣческимъ образомъ, что бы выразить словами: Духъ Св.—„Духъ губъ и устъ Христа“ одну и ту же природу Св. Духа съ Христомъ, подобно тому какъ и духъ, который изливаютъ люди, является не изъ чуждой человѣку природы.

Возражаютъ еще: „Сынъ есть рука Божія, Духъ Св. Его переть, какъ учить Св. Писаніе. Но рука исходитъ изъ тѣла, а палець изъ руки. слѣдовательно,—Духъ исходитъ отъ Сына.“ Но опять-таки ни на какомъ иномъ основаніи Сынъ называется *рукою Отца*, или Духъ Св.—*перстомъ Божиимъ*, какъ только для того, что-бы показать единосуціе одной и той же природы и одну и ту же силу *Аванасій* въ Никейскомъ спорѣ съ *Аріемъ* (т. I твореній, стр. 145) говоритъ: „припомни-ка указаніе о Сынѣ, находящееся въ Исходѣ, ¹⁾

¹⁾ Исх. VIII, 19.

и найдешь, что вѣчная сила Св. Духа единосущна съ Отцомъ въ томъ, что Онъ (Духъ) называется перстомъ Его. Подлинно, волхвы египетскіе, видя непреборимую силу Св. Духа, воскликнули: это—перстъ Божій: Этими словами они признали ничто иное, какъ единосущную силу Св. Духа, которая Ему принадлежитъ вмѣстѣ съ Богомъ Отцомъ. Это перстъ Божій, воскликнули они, противъ котораго бороться нѣтъ возможности“. *Дидимъ Александрійскій* въ I кн. „о Духѣ Св.“ (подъ конецъ, т. VI твореній Иеронима): „и другимъ примѣромъ изъ Писанія обнаруживается единство природы и сила Троицы. Сынъ называется и рукою, и десницею, и плечомъ Отца. Какъ часто мы учили, этими словами доказывается безразличіе единой природы. Ибо и Духъ Св. по соединенію природы Отца и Сына называется перстомъ Божиимъ. Если же палець связанъ съ рукою, а рука съ тѣмъ, чья она то и палець, безъ сомнѣнія, относится къ сущности того, чей онъ. Но берегись, что бы, обратившись къ вещамъ низменнымъ и забывъ предметъ, о которомъ теперь идетъ разсужденіе, ты не сталъ рисовать себѣ въ душѣ различія тѣлесныхъ членовъ и не началъ воображать себѣ величину, неравенство и другія части тѣль большія или меньшія, говоря, что палець отъ руки и рука отъ того, чья она, очень разнятся: ибо тутъ Писаніе говоритъ о безтѣлесномъ, желая показать только единство, а не размѣръ сущности. Какъ не отдѣляется отъ тѣла рука посредствомъ которой оно все совершаетъ и производитъ, и находится она въ томъ, чья она,—такъ и палець не отдѣляется отъ руки того, чей онъ. И такъ, отбрось неравенство и размѣры, когда мыслишь о Богѣ, и пойми единство перста, руки и всей сущности. Этимъ—то перстомъ былъ написанъ законъ на скрижаляхъ“.—*Григорій Назіанзинъ* въ XXXVII словѣ „о Духѣ Св.“ выражается словами, приведенными выше въ этомъ же отвѣтѣ: „я самъ ужасаюсь при такомъ обиліи именъ, противъ котораго поднимають безстыдную голову тѣ, кто возстаетъ противъ Духа Св.— Онъ называется Духомъ Бога, Духомъ Христа, умомъ Христа, Сухомъ Господнимъ, Самимъ Господомъ, Духомъ усыновленія, Духомъ истины, перстомъ Бога, огнемъ, какъ Богъ; все это для показанія, какъ я думаю, что Онъ той же сущности“. *Кириллъ Александрійскій* въ комментаріи на Луку (въ катенѣ Греческихъ Отцовъ на

Луку, издание іезуита Кордерія въ Антверпенѣ, къ гл. XI стих. 20, стр. 324): „называетъ здѣсь ¹⁾ (Спаситель) Духа Св. перстомъ Божиимъ, такъ какъ Самъ Онъ называется рукою Бога Отца, потому что все Онъ (Отець) черезъ Него (Духа) совершаетъ подобно тому какъ и Сынъ дѣйствуетъ въ Духѣ. И такъ, подобно тому какъ палець приложенъ къ рукѣ, не какъ отличный отъ нея, но какъ отъ природы вставленный въ нее; такъ и Духъ Св., хотя изъ Отца исходитъ, по единосущію связанъ съ Сыномъ и Сынъ черезъ Него все творитъ“. И въ „скровищѣ“, утверждение XXXIV (т. V твореній ч. I, стр. 339): „называетъ (Спаситель) Духа Святаго перстомъ Божиимъ, происшедшимъ нѣкоторымъ образомъ изъ божественной сущности и естественно отъ нея зависящимъ, какъ палець отъ руки человѣческой. Рукою же и десницею Божіею называетъ Св. Писаніе Сына, какъ, напримѣръ: спасла его десница Его и святая рука Его. И въ другомъ мѣстѣ: Господи, высока рука Твоя, и они не признали. Подобно тому какъ рука отъ природы приложена ко всему тѣлу и все дѣлаетъ, что угодно уму, и помазываетъ, употребляя палець; такъ и Слово Бога отъ природы изъ Него и въ Немъ, такъ сказать, приложенное, мы должны считать изъ Него истекающимъ; въ Сынѣ же должны усматривать естественно и по существу исходящаго отъ Отца Духа, черезъ Котораго, помазывая, Онъ все освящаетъ. Слѣдовательно, Духъ Св. не чуждъ божественной природѣ и не извне привходитъ въ нее, но является естественно изъ нея и въ ней такъ, какъ палець находится въ рукѣ и одной природы съ ней, и въ свою очередь рука находится въ тѣлѣ и нисколько не отличается отъ тѣла по своей сущности. А если это такъ, то, конечно, Духъ Св.—Богъ, и иначе понимаемъ быть не долженъ“. *Анастасій Синаитъ* въ I кн. „о догматахъ вѣры“. (т. VI Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 696): „если (Отець) все дѣлаетъ черезъ Сына, т. е. черезъ Слово, Которое было въ началѣ, т. е. въ Отцѣ; и у Бога—Духъ и рука Его все сотворила, и персты Его (сотворили) небо; то я думаю, не будетъ никакой разницы, назвать ли Сына, или Духа, сказать ли руки, или пальцы, или что бы то нибыло, если эти слова объясняютъ единосущіе или совмѣстную творческую силу и дѣятельность

¹⁾ Если Я перстомъ Божиимъ изгоняю бѣсовъ.....

посредствомъ соединенія членовъ, называемыхъ символически, такъ какъ Богъ — безтѣлесенъ, и нельзя думать, что Онъ пользуется членами, подобно намъ. А если это показываетъ единосушіе, и руки и пальцы — одной природы между собою и съ тѣломъ, — то совершенно доказано, что божественная природа — одна и недѣлима, не раскалывается на разныя природы.“

И такъ, Духъ Св. называется *перстомъ Бога*, а Сынъ Его *рукою* по единству природы и силы. Откуда же является необходимость отъ единства природы и силы, существующаго между Сыномъ и Духомъ Св., заключатькъ исхожденію Св. Духа Отъ Сына? Далѣе, — плечо соединяется съ тѣломъ, рука съ плечомъ, палець съ рукою, — но развѣ палець произведенъ плечомъ? Какимъ же образомъ изъ этого уподобленія можно доказать произведеніе Духа Св. Сыномъ? О рукѣ говорится, что она исходитъ изъ плеча не въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, что она соединяется съ плечомъ. Но, помимо этого, и *Василій Великій* заявляетъ, что Духъ Св. называется перстомъ Божиимъ вслѣдствіе единой чудодѣйственной силы. Такъ въ V кн. противъ Евномія (т. II стр. 112) онъ говоритъ: „Духъ Св. названъ перстомъ Божиимъ въ тѣхъ знаменіяхъ, которыя совершены Моисеемъ, и въ тѣхъ, которыя совершены Господомъ, не потому, что есть нѣкоторая малая сила, существующая рядомъ съ Богомъ, какъ палець наряду съ тѣломъ, но потому что между дарами Духа, существующими въ раздѣльности, есть нѣкій одинъ даръ, — именно благодать чудесъ и исцѣленій, — и этотъ одинъ, а не всѣ дары Духа, и называется (Господь) перстомъ. Ибо одному черезъ Духа подается Духъ мудрости, другому отъ Того же Духа — слово знанія, иному благодать исцѣленій въ Томъ же Духѣ, иному — пророчество, иному — различеніе духовъ, иному — благодать языковъ, иному — толкованіе словъ. Но все это совершаетъ Одинъ и Тотъ же Духъ, удѣляя каждому, какъ хочетъ. Можетъ же кто-нибудь сказать, что всѣ эти и какіе бы то ни было иные дары Духа суть какъ бы тѣло его, — и одинъ какой-нибудь даръ — палець“. Отсюда и *Августинъ* во II кн. „евангельскихъ вопросовъ“, вопр. XXII (т. IV твореній) пишетъ: „поэтому Духъ Св. называется перстомъ Божиимъ вслѣдствіе раздѣленія даровъ, которые въ Немъ даются особо каждому изъ людей, или изъ ангеловъ. Ибо ни въ какихъ нашихъ членахъ не обнару-

живается частичность болѣе, чѣмъ въ пальцахъ“. Тоже повторяетъ и *Беда* въ IV кн. комментарий на Луку, гл. XLVIII (т. V твореній, столб. 339) и въ великопостной бесѣдѣ на III недѣлю поста (т. VII твореній столб. 249). И это толкованіе не въ пользу приведеннаго Латинянами возраженія, какъ для всякаго очевидно.

А возраженія, обычно выводимыя изъ того, что Духъ называется исходящимъ изъ устъ Отца, а Сынъ есть *уста* Отца, мы разберемъ въ главѣ, въ которой станемъ опровергать свидѣтельства, проводимыя Латинянами изъ писаній восточныхъ Отцовъ.

Выставляетъ, далѣе, нѣкто ¹⁾ слѣдующія слова *Кирилла* изъ XI кн. на Іоанна (листъ 925): „смотри, какое осторожное выраженіе. Ибо, сказавши, что Духъ придетъ къ намъ, (Спаситель) назвалъ Его Духомъ истины, т. е. Себя Самого: ибо Онъ--истина. Поэтому Духъ Св. понимается не чуждымъ сущности Единороднаго и естественно изъ нея исходитъ.“ Отнюдь *Кириллъ* не сказалъ тамъ, что Духъ Св. исходитъ изъ сущности Сына, а только выходитъ изъ нея. ²⁾ Вотъ слова его: *πρόβαισι δὲ φρονηῶσι ἔξ αὐτῆς. Кириллъ* хочетъ сказать ими, что Сынъ подаетъ намъ Духа Св., не какъ нѣчто внѣшнее, или служебное, но какъ съ Нимъ единосущнаго и Ему собственнаго, -- что мы впоследствии подробно докажемъ въ только что указанной главѣ. Въ этомъ именно смыслѣ *Кириллъ* сказалъ, что Духъ Св. есть Духъ Сына, а вовсе не потому, что отъ Него исходитъ. -- Равнымъ образомъ въ указанной главѣ мы разберемъ и всѣ остальные подобныя возраженія, которыя обыкновенно изъ *Кирилла* приводятъ помянутый іезуитъ, или вообще Латиняне, въ изъясненіе словъ Спасителя.

Наконецъ, тотъ же авторъ выставляетъ слова *Епифанія* изъ LXXIV ереси: „Одинъ только Духъ Св. называется отъ Отца и Сына: именно какъ Духъ истины и Духъ Отца,“—какъ бы смыслъ *Епифанія* былъ таковъ: когда Духъ называется Духомъ истины, то разумѣется, что Духъ отъ Сына исходитъ. Но, приводя такъ эти слова *Епифанія*, іезуитъ поступаетъ очень недобросовѣстно: слова „отъ Отца и Сына“ *Епифаній* не отдѣляетъ отъ пред-

¹⁾ Циховій, вопр. I. стр. 3.

²⁾ Разница вытекаетъ изъ значенія греческихъ глаголовъ: *πρόβαισι*—происходить, получать начало,—латинское *procedere*—*προτείναι*—выходить, лат. *exire*.

шествующихъ, не ставитъ онъ и частицы „какъ“ и не останавливается на приведенныхъ словахъ. Вотъ его подлинныя выраженія въ „словѣ Якорномъ,“ ном. LXXII, и въ ереси LXXIV ном. 9: „Одинъ только Духъ Св. называется отъ Отца и Сына, Духомъ истины, и Духомъ Божіимъ, и Духомъ Христовымъ.“ Если даже здѣсь отдѣлить слова: *отъ Отца и Сына* отъ послѣдующихъ, то это еще не придаетъ силы мнѣнію Латинянъ, ибо смыслъ тутъ такой: потому что отъ Отца исходитъ и отъ Сына получаетъ, какъ это нами доказывается въ упомянутой главѣ относительно этого мѣста Епифанія. Далѣе, неосновательно въ словахъ Епифанія, что Духъ Св. называется отъ Отца и Сына, Духомъ истины и Духомъ Божіимъ, видѣть тотъ смыслъ, будто Духъ Св. называется отъ Отца и Сына потому именно, что Онъ—Духъ истины и Духъ Божій. Вѣдь Епифаній не прибавляетъ словъ: *такъ какъ именно* (utpote), что дѣлаетъ вопреки истинѣ іезуитъ,—а просто заявляетъ: въ св. Писаніе говорится: Духъ Св. называется отъ Отца и Сына, Духомъ истины, Духомъ Божіимъ,—имѣя намѣреніе только привести то, что говорится въ св. Писаніи о Духѣ Св. И поэтому вслѣдъ за приведенными словами: *Духъ истины и Духъ Божій*, прибавляетъ: *и Духъ Христа*. Конечно, Онъ не сдѣлалъ бы этой прибавки, если бы имѣлъ желаніе доказывать, что изъ того, что Духъ Св.—Духъ истины и Духъ Божій, вытекаетъ Его исхожденіе отъ Отца и Сына. Ибо такимъ образомъ нарушился бы весь порядокъ основаній. Поэтому-то и іезуитъ послѣднія слова Епифанія въ своей цитатѣ выпустилъ; а между тѣмъ слова: *Духъ Христа* должны были быть связаны съ предыдущими: *Духъ истины*.

Возражаютъ, ¹⁾ наконецъ, что слова апостола: „котораго Господь Іисусъ убьетъ Духомъ устъ Своихъ“ испорчены восточными, уничтожившими слово—„Іисусъ,“ чтобы читать: „Котораго Господь убьетъ Духомъ устъ Своихъ,“ между тѣмъ какъ слово -- „Іисусъ“ находится въ древнемъ экземплярѣ, изданномъ въ Москвѣ. Мы охотно уступаемъ, что древнее чтеніе этого мѣста заключало слово *Іисусъ*, какъ это видно въ особенности изъ Латинскихъ Отцовъ. Такъ эти слова проводятъ: *Тертуллианъ* въ книгѣ „о воскресеніи плоти,“ въ гл. XXIV; *Иеронимъ* въ своемъ

¹⁾ Циховій, вопр. I стр. 15.

переводѣ; *Амвросій* въ III кн. гл. VII „о Духѣ Св.“; *Руфинъ* въ изложеніи символа; *Августинъ* въ XX кн. „о государствѣ Божиѣмъ“ и въ LXXX посланіи; *Исихій* также между посланіями Августина, — посл. LXXXIX; *Фульгенцій* въ кн. „о вѣрѣ къ Петру“, гл. XI; *Григорій Великій* въ кн. XIV на Юва, гл. XI; *Беда* въ комментаріи на посл. къ Фессалоникійцамъ по поводу приведеннаго мѣста; *Ансельмъ* также въ комментаріи; *Петръ Даміани* въ VI кн. посланій въ посл. XV и въ XXXVIII замѣткѣ, гл. III „объ исхожденіи Св. Духа“; *Брианъ Вальтонъ* свидѣтельствуетъ (въ своей библии полиглоттѣ, Лондонское изданіе 1657 г. т. V стр. 818), что такое чтеніе заключаютъ древніе греческіе рукописные кодексы. Точно такъ же читаетъ это мѣсто и *Аванасій* въ посл. къ Серапіону (т. I твореній, стр. 349, Гейдельбергское изданіе 1600 г.) и *Златоустъ* въ комментаріи, бесѣда IV на 2-ое посл. къ Фессалоникійцамъ. Между тѣмъ въ настоящее время обычное чтеніе этого мѣста въ греческихъ кодексахъ слова *Иисусъ* не заключаетъ; не знаетъ его также и переводъ Арабскій и Эфіопскій у Вальтона въ указанномъ мѣстѣ.

Но нисколько не ново, что извѣстное мѣсто Писанія имѣетъ разное чтеніе. Сколько, напр., различныхъ чтеній, всего Св. Писанія отмѣчаетъ въ своей библии полиглоттѣ Вальтонъ! Такъ нѣкогда въ молитвѣ Господней у Луки читалось: „да прійдетъ Духъ Св.“, а теперь читается: „да прійдетъ царствіе Твое.“ Такъ *Григорій Нисскій* въ словѣ III на молитву Господню (т. I, стр. 737) говоритъ: „а можетъ быть, какъ объясняетъ намъ такой смыслъ Лука, молящійся, чтобы пришло царствіе, молить о помощи Духа Святаго? Ибо онъ дважды въ евангеліи вмѣсто: да прійдетъ царствіе Твое, говоритъ: да прійдетъ Св. Духъ Твой на насъ и очиститъ насъ. Лука именно говоритъ: Духъ Св., а Матѳеи называлъ царство.“ И *Максимъ Исповѣдникъ* въ изложеніи молитвы Господней къ Евѳимію въ „Панопліи“, гл. VII, титулъ II пишетъ: „царство Бога Отца въ существѣ своемъ есть Духъ Св., — ибо то, что въ этомъ мѣстѣ Матѳеи называетъ царствомъ, другой евангелистъ тамъ называлъ Духомъ Св.: да прійдетъ, говоритъ онъ, Духъ Св. и насъ очиститъ.“ И такъ, если какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ чтенія греческихъ кодексовъ часто разнятся

между собою, слѣдуетъ ли изъ-за этого обвинять восточныхъ въ искаженіи, когда въ обычныхъ чтеніяхъ въ выраженіи апостола слово *Иисусъ* не читается? Слово Павла въ посл. къ Коринѳянамъ таковы: „мы не Духа міра получили, но Духа, Который отъ Бога.“ — Но древнѣйшій изъ Отцовъ *Иустинъ Исповѣдникъ* читаетъ ихъ такъ въ „изложеніи вѣры:“ „мы не духа міра получили, но Духа, Который отъ Бога Отца.“ Слѣдуетъ ли отсюда утверждать, что Латиняне уничтожили въ священныхъ кодексахъ слово: „Отца“, потому что оно кажется благопріятствующимъ исхожденію Св. Духа отъ Одного только Отца? Далѣе — *Петръ Даміани* въ одномъ мѣстѣ читаетъ: „какого Господь Іисусъ убьетъ Духомъ устъ Своихъ,“ а въ замѣткѣ (opúsculo) LIV „объ антихристѣ“ (т. Ш. стр. 387) и въ замѣткѣ I „о католической вѣрѣ,“ въ гл. X читаемъ: „какого Господь Іисусъ Христосъ убьетъ Духомъ устъ Своихъ.“ Такъ развѣ опять восточные уничтожили въ этомъ текстѣ слова: „Іисусъ Христосъ,“ чтó и ставили въ вину восточнымъ Тюбингенскіе Лютеране въ своемъ отвѣтѣ на II возраженіе Константинопольскаго патріарха Іереми (стр. 294), совершая большую несправедливость? Спаситель, наконецъ, у Іоанна говоритъ: „не отъ Себя Самого будетъ говорить, но, что услышитъ, скажетъ.“ А св. *Игнатій* въ посланіи къ Ефѣсянамъ читаетъ эти слова такъ: „не отъ Себя Самого будетъ говорить, но, чтѣ услышитъ отъ Меня, скажетъ.“ Значитъ, опять восточные уничтожили слова „отъ Менѣ, какъ благопріятельствующія исхожденію Св. Духа отъ Сына? Наконецъ“, съ злымъ умысломъ будто бы наши хотѣли вычеркнуть изъ указанного мѣста апостола слово „*Иисусъ*“, а то иначе слова апостола противорѣчили бы исхожденію Св. Духа отъ Одного только Отца. Какъ будто бы не одно и то же: Духъ Св. — Духъ Сына и Духъ устъ Его, — что бы восточные послѣднее уничтожали, а первое оставляли нетронутымъ. Между тѣмъ, хотя даже не читать слова *Иисусъ*, столь ясно, что тутъ Апостолъ ведетъ рѣчь о пришествіи Спасителя, что никто никогда въ этомъ не усомнился бы. Какой смыслъ былъ бы вычеркнуть слово *Иисусъ*, когда самымъ яснымъ образомъ апостоломъ здѣсь разумѣется: „Духъ Св. есть Духъ устъ Христа, Которымъ Онъ убьетъ антихриста?“

Сказаннаго достаточно для опроверженія вывода Латинянъ, будто изъ того, что Духъ Св. называется Духомъ Христа, слѣдуетъ, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывается, что слова Спасителя: *Духъ Св. отъ Моего возьметъ* (Іоан. XVI, 14) не могутъ служить доказательствомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына.

Выставляютъ, кромѣ того, Латиняне въ защиту своего мнѣнія сказанное Спасителемъ о Духѣ Св.: „Онъ отъ Моего возьметъ“. Такъ какъ Духъ Св.—Богъ и совершенъ, то нельзя допустить, чтобы Онъ могъ брать отъ кого-нибудь во времени. Слѣдовательно, если говорится, что Духъ Св. беретъ что-нибудь, то нужно понимать, что Онъ беретъ это отъ причины, отъ которой имѣетъ Свое существованіе. А если Духъ Св. что-нибудь беретъ отъ Сына, какъ Самъ Спаситель показываетъ, то необходимо заключить, что Онъ беретъ это отъ Сына отъ вѣчности въ отношеніи причины. Ибо ничего отъ вѣчности Духъ Св. не можетъ получать отъ кого-нибудь иначе, какъ отъ причины. Почему же? Потому что премудрость есть сама сущность Св. Духа, которая, конечно, не пришла Ему во времени, а присуща Ему была отъ вѣчности. Слѣдовательно,—разъ Духъ Св. беретъ отъ Сына, то, разумѣется, отъ Него также исходитъ.—Это опять-таки доводъ Аріанъ, съ цѣлью показать, будто Сынъ—начало Св. Духа. Такъ думалъ доказывать это аріанскій епископъ *Максиминъ* (у Августина, I кн. противъ того же *Максимиана*, т. VI твореній): „Духъ Св. взялъ отъ Христа, по свидѣтельству Самого Христа, какъ говорить Онъ въ евангеліи“. И черезъ нѣсколько строкъ: „я Духа Св. исповѣдалъ по ученію Спасителя, именно: освѣщаетъ ли Онъ,

взялъ это отъ Христа, — учитъ ли, — отъ Христа взялъ. Все, что ни дѣлаетъ Духъ Св., Онъ пріобрѣлъ отъ едиnorodнаго Бога“. Отсюда, понимая въ такомъ смыслѣ слова Христа, Аріане усиливались привести каѳоликовъ къ невозможному такимъ образомъ: Духъ Св. беретъ отъ Сына, слѣдовательно Духъ Св. сынъ Сына, а Отецъ — дѣдъ Его. — Про это именно говоритъ *Аванасій* во второмъ посланіи къ Серапіону (т. II твореній, стр. 16): „далѣе они прибавляютъ, какъ ты пишешь: если Духъ Св. возьметъ отъ Сына и если Онъ Имъ дается (ибо такъ написано), то они сейчасъ дѣлаютъ выводъ: значить, Отецъ — дѣдъ и Духъ Его внукъ. — Кто, слыша это, станетъ ихъ считать христіанами, а не язычниками?“

ОТВѢТЪ I.

Прежде всего, замѣтимъ относительно словъ Спасителя, что Онъ сказалъ: „отъ Моего возьметъ“, а не отъ Меня. Слѣдовательно, Спаситель показываетъ, что Духъ Св. возьметъ отъ того, что есть въ Немъ Самомъ, т. е. отъ Отца, Который въ Сынѣ. Если въ такомъ смыслѣ понимать слова Христа, то отсюда нельзя выводить ничего нелѣпаго. Ибо — истина, что Духъ Св. отъ Отца и беретъ, и отъ Него исходитъ. И что слова эти Христа нужно несомнѣнно понимать объ Отцѣ, явствуетъ, конечно, изъ того, что, сказавши: „Духъ Св. возьметъ отъ Моего,“ Спаситель въ поясненіе прибавляетъ: „все Отца — Мое, — потому — то я сказалъ: отъ Моего возьметъ“. Разсуждаетъ, значить, тутъ Спаситель такъ: „все Отца — Мое, слѣдовательно, Духъ Св. отъ Моего возьметъ“. Чтобы установить здѣсь полную аргументацію Спасителя, необходимо прибавить посылку: „отъ Отца беретъ Духъ Св.“, ибо въ этомъ разсужденіи отсутствуетъ *меньшая посылка*, какъ ее называютъ въ школѣ, образуемая изъ средняго и большаго термина, которая и будетъ именно: „Духъ Св. отъ Отца беретъ“. Такимъ образомъ, полный силлогизмъ Спасителя былъ бы такой: все Отца — Мое; Духъ Св. отъ Отца беретъ, слѣд., Духъ Св. беретъ изъ Моего; такъ что ясно отсюда вытекаетъ, что смыслъ слова Спасителя: „отъ Моего возьметъ Духъ Святой“, т. е. отъ Отца возьметъ. И такъ, если Спаситель прямо учитъ: Духъ Св. отъ Отца беретъ, то какимъ образомъ отсюда Латиняне могли вывести заключеніе: Духъ Св.

отъ Сына исходить? Кроме того, слѣдуетъ замѣтить: Спаситель, чтобы показать, что Духъ Св. беретъ изъ Ему принадлежащаго, прибѣгаетъ къ Отцу, говоря, что Духъ Св. получаетъ изъ Ему принадлежащаго потому, что получаетъ отъ Отца. Этимъ Онъ ясно относитъ полученіе не къ Себѣ, но къ Отцу,—иначе Онъ приписалъ бы основаніе его не Отцу, а Себѣ. Поэтому и католическая церковь изъясняетъ эти слова, относя ихъ къ Отцу.

Аванасій въ діалогѣ I противъ Македонія (т. II стр. 278) „какъ Сынъ, имѣя все въ природѣ, какъ Сынъ, говоритъ: Я ничего не дѣлаю отъ себя Самого,—чтобы отнести начало блага къ Отцу, такъ и о Духѣ, слушай, что Онъ говоритъ: хотя Тотъ (Духъ) въ Своей природѣ имѣетъ все, какъ Духъ Божій, Онъ относитъ Его къ причинѣ, говоря: не отъ Себя Самого Онъ будетъ говорить, но, что услышитъ, скажетъ и будущее объявитъ; также: Онъ возьметъ отъ Моего, т. е. отъ Отца. Ибо Онъ прибавляетъ слѣдующія слова: все, что—Отца,—Мое; потому-то Я и сказалъ, что Онъ отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ. Сказалъ (Спаситель), что Онъ беретъ, не какъ незнающій, но потому, что относитъ дѣйствительность и благодать Духа къ причинѣ.“ Равнымъ образомъ и *Григорій Богословъ* все, что говорится о Св. Духѣ нѣсколько унижительнаго, находитъ нужнымъ отнести къ первой причинѣ, т. е. къ Отцу. Такъ въ сл. XXXVII (стр. 611) онъ выражается „что ни говорится нѣсколько унижительнаго о Духѣ Св., какъ то: быть даннымъ, быть посланнымъ, удѣленнымъ, вдуновеніе, обѣщаніе, ходатайство и пр. (что бы не вспоминать каждаго выраженія въ отдѣльности),—все это должно отнести къ первой причинѣ (Отцу), что бы видно было, отъ Кого—Духъ Св., и чтобы не принимать трехъ раздѣльныхъ причинъ, какъ будто Боговъ было много.“ *Августинъ* въ кн.: „противъ рѣчи Аріанъ,“ гл. XXIII (т. IV твореній): „а сказавши о Духѣ Св.: отъ Моего возьметъ, Онъ самъ разрѣшаетъ вопросъ,—чтобы не подумали, что Духъ Св. отъ Него отстоитъ какъ бы черезъ нѣкоторыя ступени, какъ и Онъ Самъ—отъ Отца; тогда какъ Они Оба отъ Отца—Одинъ рождается, Другой исходитъ. Это двѣ вещи въ высотѣ такой природы различить совершенно не возможно. Вотъ почему, чтобы не подумали это, какъ я сказалъ, (Спаситель) непосредствен-

но прибавилъ: все, что имѣеть Отець, — Мое, — поэтому Я сказалъ: отъ Моего возьметъ. Безъ сомнѣнія, Онъ хотѣлъ дать понять, что (Духъ) возьметъ отъ Отца, но поэтому также и отъ Него Самого, ибо все, что имѣеть Отець, — Его. И это не есть различіе природы, но проявленіе одного начала.“ И въ XXIV гл.: „и не слѣдуетъ смущаться, что глаголь стоитъ въ будущемъ времени: возьметъ, — какъ будто Онъ еще не имѣлъ, такъ какъ времена употребляются безразлично, хотя, разумѣется, вѣчность не имѣеть времени. Ибо Онъ (Духъ) и взялъ, потому что исшелъ отъ Отца, и беретъ, потому что отъ Отца исходитъ, и возьметъ, потому что никогда не перестанетъ исходить отъ Отца; подобно тому, какъ Богъ есть, былъ и будетъ, — и однако Онъ не имѣеть, не имѣлъ и не будетъ имѣть начала, или конца времени.“ И собираясь опровергнуть упомянутый доводъ аріанина Максимиана, онъ говоритъ (въ I кн. „противъ Максимиана“ т. VI твореній): „а что ты ссылаешься на то, что Господь сказалъ о Духѣ Св.: — отъ Моего возьметъ, то это потому сказано, что Онъ отъ Отца взялъ, а все, что Отца, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Сыну. Именно — Онъ Самъ, сказавши это, прибавилъ: потому я сказалъ: отъ Моего возьметъ, что все, что имѣеть Отець, — Мое.“ И въ изслѣдованіи VII на Іоанна (т. IX твореній): „то, что Онъ сказалъ, говоря о Духѣ Св.: все, что имѣеть Отець, — Мое, потому — то Я сказалъ, что Онъ (Духъ Св.) возьметъ отъ Моего и вамъ возвѣститъ, — сказалъ Онъ это о томъ, что относится къ самому божеству Отца, о томъ, въ чемъ Онъ равенъ Отцу, имѣя все, что Тотъ имѣеть. Ибо Духъ Св. имѣлъ взять не отъ твари, подчиненной Отцу и Сыну, то, о чемъ (Спаситель) сказалъ: отъ Моего возьметъ, но, конечно, отъ Отца, отъ Котораго Духъ исходитъ и отъ Котораго Сынъ родился.“ Также въ изслѣдованіи С на Іоанна: „слова: отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ — понимайте православно. Не думайте, какъ полагали нѣкоторые еретики, что вслѣдствіе этого Духъ Св. ниже Сына, такъ какъ Сынъ беретъ — отъ Отца, а Духъ Св. отъ Сына по нѣкоторымъ степенямъ Своей природы. Да не будетъ такого вѣрованія, такихъ рѣчей, такой мысли въ христіанскихъ сердцахъ! Притомъ Самъ (Спаситель) тотчасъ разрѣшилъ этотъ вопросъ и объяснилъ, почему Онъ такъ сказалъ: все, сказалъ Онъ, что имѣеть Отець, — Мое, — потому — то Я ска-

заль: отъ Моего (Духъ) возьметъ и вамъ возвѣститъ. Чего хотѣть больше? Слѣдовательно, Духъ Св. беретъ отъ Отца, откуда беретъ и Сынъ. Ибо въ этой Троицѣ Сынъ родился отъ Отца, отъ Отца же исходитъ Духъ Св. Одинъ только Отецъ ни отъ кого не родился и ни отъ кого не исходитъ.“ И во II кн. „о Троицѣ“ въ гл. III (т. III твореній): „Христосъ говоритъ о Духѣ: Онъ не отъ Себя станетъ говорить, но скажетъ то, что услышитъ и будущее вамъ возвѣститъ; Онъ Меня прославитъ, потому что отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ. Если бы вслѣдъ затѣмъ Онъ тотчасъ не сказалъ: все, что ни имѣетъ Отецъ,—Мое, вотъ почему Я сказалъ: такъ какъ Онъ (Духъ Св.) отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ,—то можно было бы пожалуй думать, что Духъ Св. такъ же родился отъ Христа, какъ Онъ Самъ родился отъ Отца. Но о Себѣ Онъ сказалъ: Мое ученіе—не Мое, но посланнаго Меня, а о Духѣ Св. выразился: не отъ Себя станетъ Онъ говорить, но, скажетъ то, что услышитъ, такъ какъ возьметъ отъ Моего и вамъ возвѣститъ. А такъ какъ Онъ указалъ причину, почему Онъ сказалъ: отъ Моего возьметъ,—именно заявилъ: все, что ни имѣетъ Отецъ,—Мое, вотъ почему Я сказалъ—отъ Моего возьметъ, то, слѣдовательно, остается понимать, что и Духъ Св. имѣетъ отъ Отца, какъ и Сынъ“. Во II кн. „возраженія на посланіе Парменіана“, гл. XV (т. VII твореній): „такимъ образомъ, послѣ приведенныхъ имъ (Парменіаномъ) свидѣтельствъ обнаруживается, что онъ не правъ, такъ какъ, хотя Сынъ говоритъ, что Онъ взялъ отъ Отца и что Духъ Св. беретъ изъ Ему (Сыну) принадлежащаго, но не по степенямъ (т. е. какъ Духъ Св. отъ Сына, такъ Сынъ отъ Отца беретъ), а такъ, какъ Самъ Онъ объяснилъ, говоря: потому что все, что имѣетъ Отецъ,—Мое,—потому Я сказалъ:—отъ Моего возьметъ.“ Наконецъ, во II кн. „о Троицѣ“, гл. IV: „далѣе, если потому Духъ Св. прославляетъ Сына, что возьметъ изъ того, что Сыну принадлежитъ, и потому изъ принадлежащаго Ему возьметъ, что все, что имѣетъ Отецъ, Ему (Сыну) принадлежитъ, то—ясно, что, когда Духъ Св. прославляетъ Сына, и Отецъ прославляетъ Сына.“—*Иоаннъ Златоустъ* въ LXXVII бесѣдѣ на евангеліе отъ Іоанна: все, что имѣетъ Отецъ, Мое. Поэтому, такъ какъ—Мое то, что Отецъ имѣетъ, а Тотъ (Духъ Св.) станетъ говорить изъ того, что принадлежитъ

Отцу, то Онъ скажетъ изъ Моего.“— *Кириллъ Александрійскій* въ VI кн. діалоговъ о Троицѣ (ч. I, т. V твореній, стр. 629): „еще многое имѣю вамъ сказать, но вы не можете теперъ вмѣстить. Когда же придетъ Онъ, Духъ истины,—то приведетъ васъ ко всякой истинѣ: ибо Онъ будетъ говорить не отъ Себя, но скажетъ, что услышитъ, и будущее вамъ возвѣститъ. Онъ Меня прославитъ, потому что отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ. Ясны ли для тебя приведенныя выраженія и усмотрѣлъ ли ты, что (Спаситель) называетъ Утѣшителя Духомъ истины, но также говоритъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, показывая какъ Свое собственное все, что принадлежитъ Отцу?“ *Евсевій Эмиссенскій* въ словѣ на IV недѣлю послѣ Пасхи, объясняя приведенныя слова Спасителя (т. V ч. I Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 681), говоритъ: „если Духъ Св. беретъ изъ того, что принадлежитъ Отцу, то, конечно, Онъ беретъ изъ того, что принадлежитъ Сыну,—такъ какъ все, что имѣетъ Отецъ, есть Сынъ“. *Ноннъ Панаполитанскій* въ парафразѣ къ евангелію отъ Іоанна въ передачѣ приведенныхъ словъ (въ приложеніи бібліотеки Греческихъ Отцовъ, стр. 366): „Духъ Св., исходящій отъ Отца, возвыситъ Меня, прославляя: ибо, получая отъ Отца Моего, Онъ въ то время, какъ вы соберетесь и соединитесь вмѣстѣ, покажетъ вамъ предзнаменованія, предварающія время, и то, что съ вами случится. И по нѣкоторому извѣстному опредѣленію Мой жребій—все, что имѣетъ Отецъ,—вотъ почему Я сказалъ вамъ, что Тотъ Утѣшитель, получая отъ Моего божественнаго Отца, предвозвѣщаетъ конецъ творенія“. *Вигилій, епископъ Тридентинскій*, въ „спорѣ Аванасія съ Савелліемъ, Фотикомъ и Аріемъ“ (между сочиненіями Григорія Кассандра, стр. 498): „потому Духъ Св. истину говоритъ, что Онъ говоритъ не изъ собственного, т. е. не отъ Себя Самого, но изъ того, что слѣдуетъ говорить изъ принадлежащаго Отцу и Сыну: отъ Моего, сказалъ (Спаситель), Онъ возьметъ и вамъ возвѣститъ. И что бы показать, что это значитъ—взять у Него то, что взято отъ Отца, говоритъ: потому Я сказалъ: Онъ возьметъ отъ Моего, что, все, что имѣетъ Отецъ,—Мое.“ *Аполлинарій* въ Катенѣ („цѣпи“) Греческихъ Отцовъ къ XVI гл. Іоанна: „говоря такъ:—отъ Моего, (Спаситель) обозначаетъ, что это отъ Отца, ибо

Мое—то, что—Отца. Выраженіе же, Отъ Моего возьметъ—понимай такимъ же образомъ, а не такъ, какъ будто какое-нибудь знаніе приходило къ Духу Святому.“

То, что мы приводили изъ С VII изслѣдованія Августина на евангеліе отъ Іоанна, повторяетъ Беда въ IV кн. комментаріевъ на евангеліе отъ Луки, (гл. LXIII на XVIII главу, т. V твореній, столб. 375) и въ лѣтней бесѣдѣ о времени, въ недѣлю „воспойте“ (т. V II твореній, столб. 21), и въ великопостной бесѣдѣ на субботу послѣ „помяни“ (въ концѣ VII т., столб. 248),— и, наконецъ, въ комментаріи къ XVI гл. Іоанна (т. V твореній, столб. 585). А то, что мы цитировали изъ С изслѣдованія Августина на евангеліе отъ Іоанна, повторяетъ Беда въ комментаріи къ XVI гл. Іоанна, (т. V твореній, столб. 572) и въ лѣтней бесѣдѣ о времени въ недѣлю „воспойте“ (т. VII твореній, столб. 21).—*Альбинъ Алкуинъ* въ комментаріи къ евангелію отъ Іоанна, на слова: *отъ Моего возьметъ*: „такъ какъ отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ, т. е. отъ Моего Отца; Духъ Св. взялъ отъ Отца, потому что Онъ отъ Отца исходитъ, отъ Котораго родился и Сынъ. Ни отъ кого же не родился, ни отъ кого не исходитъ Одинъ только Отецъ.“—Обычное толкованіе (глосса) при означенныхъ словахъ Спасителя выражается такъ: „отъ Моего, т. е. отъ Отца, отъ Котораго (происхожу) и Я.“ *Гаймонъ* въ словѣ на недѣлю „воспойте“ толкуетъ такъ: „отъ Моего возьметъ, т. е. отъ Моего Отца“. И въ лѣтней бесѣдѣ на IV недѣлю послѣ Пасхи (127 стр. его лѣтнихъ бесѣдъ, изданныхъ въ Кельнѣ въ 1539) онъ говоритъ: „а что (Спаситель) сказалъ: отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ, то нужно здѣсь подразумѣвать: отъ Отца Моего,— ибо Одинъ только Отецъ ни отъ кого не происходитъ, ни отъ кого не исходитъ. Сынъ же не называется происходящимъ отъ Себя Самаго, потому что Онъ родился отъ Отца; Духъ Св. называется получающимъ отъ Отца. Отсюда и выходитъ: — все, что имѣетъ Отецъ— Мое.“—Слова Алкуина Альбина, выше приведенныя, повторяетъ и *Рабанъ Мавръ* въ CV бесѣдѣ (т. V твореній, стр. 654), и *Смарагдъ* въ словѣ на III недѣлю послѣ отданія Пасхи (листь 97). Затѣмъ тотъ же *Смарагдъ* въ словѣ на недѣлю ваіи (листь 69) повторяетъ слова Августина изъ С изслѣдованія его на евангеліе отъ Іоанна: „слѣдовательно, Духъ Св. беретъ отъ Отца, откуда бе-

реть и Сынъ, потому что въ этой Тройцѣ отъ Отца родился Сынъ, отъ Отца исходитъ Духъ Св. Одинъ только Отецъ ни отъ кого не родился, ни отъ кого не исходитъ “—Наконецъ, *Гинкмаръ Реймскій* въ кн. „о нетройномъ божествѣ“ (т. I стр. 422) повторяетъ вышеприведенныя нами слова Августина изъ *СvII* изслѣдованія на евангеліе отъ Іоанна. Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ присоединяется и *Захарія Хризополитанскій* ¹⁾ въ комментаріи къ евангелистамъ—при словахъ евангелія отъ Іоанна: *отъ Моего возьметъ* (т. XII, ч. I Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 183): „отъ Моего, сказалъ Сынъ, возьметъ Духъ,—потому что Духъ Св. беретъ отъ Отца, откуда беретъ и Сынъ.—Духъ Св. беретъ отъ Отца черезъ исхождение, Сынъ—черезъ рожденіе.“ И когда Христосъ опять повторилъ тѣже слова (стр. 184): „Я сказалъ такъ, потому что отъ Того же Духъ имѣетъ исхождение, отъ Кого и Я родился, что бы не думали, что Духъ ниже (меньше) Меня, или родился отъ Меня, подобно тому какъ Я—отъ Отца.“

Послѣ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ является совершенно неосновательнымъ пишущій ²⁾ слѣдующее: „пустъ подумаютъ тѣ, кто слова: отъ Моего возьметъ—объясняютъ въ смыслѣ—отъ Отца, не противорѣчатъ ли они дерзко св. Отцамъ, ясно учащимъ, что это выраженіе понимать нужно о Сынѣ“. И затѣмъ: „удивительно, наконецъ, какимъ образомъ безразсудство не уступаетъ хоть бы авторитету св. Григорія? Онъ говоритъ: изъ того беретъ Духъ Св., чтó есть Сынъ. Какъ же смѣютъ они эти слова относить къ Отцу? Развѣ у нихъ, какъ нѣкогда у Савелліанъ, Сынъ есть Отецъ?“ Но какъ назвать иначе, какъ не безстыдствомъ обвиненіе іезуитомъ въ дерзости и безразсудствѣ тѣхъ, кто означенныя слова Христа толкуютъ, относя ихъ къ Отцу? Развѣ не такъ учили приведенные въ большомъ числѣ Отцы? И не противорѣчитъ ли самъ себѣ тотъ же іезуитъ, толкуя тутъ же слова Спасителя („отъ Моего“) не въ смыслѣ Сына, но въ смыслѣ того, что имѣетъ Отецъ? „Весьма остроумно, говоритъ онъ, замѣтилъ ученѣйшій кардиналъ и патріархъ Виссаріонъ въ своемъ небольшомъ трудѣ, написанномъ къ

¹⁾ Захарія, епископъ города Хризополиса, или монахъ такъ называемаго у Латинянъ ордена Премонстрантовъ, написавшій въ половинѣ XII в. „симфонію, или гармонію четырехъ евангелистовъ“.

Прим. перев.

²⁾ Циховій, вопр. I, стр. 12.

Алексію Ласкарису, что у Грековъ слова: ἐκ τοῦ ἐμοῦ, выраженные прилагательнымъ, никогда не ставятся безъ существительнаго, иначе въ выраженіи: „отъ Моего“ также правильно можно было бы подразумѣвать—врага, раба, какъ и Отца. Слѣдовательно смыслъ выраженія Христа такой, какой я указалъ; или такой: кто беретъ изъ того, что имѣетъ Отець, беретъ изъ Моего (ибо все, что имѣетъ Отець, — Мое); Духъ Св. беретъ изъ того, что имѣетъ Отець, слѣдовательно беретъ изъ Моего.“ — Учатъ, дѣйстви-тельно иногда Отцы, что Духъ беретъ отъ Сына, но этимъ они нисколько не противорѣчатъ тѣмъ, которые слова: „отъ Моего возьметъ“ объясняютъ въ смыслѣ: отъ Отца. А такъ какъ, далѣе, между многими смыслами всегда есть одинъ главный, преимуще-ственный, который усматриваетъ Духъ Св., то, конечно, какъ мы выше видѣли, по самому значенію словъ выраженіе Христа: „отъ Моего“ нужно разумѣть въ отношеніи къ Отцу.

Неосновательно тотъ же іезуитъ говоритъ ¹⁾ далѣе: „наконецъ Самъ Господь Иисусъ едва ли не заключаетъ то же самое силло-гистически. Именно—Онъ такъ аргументируетъ: чье все, что имѣ-етъ Отець, отъ того Духъ Св. беретъ способность говорить, знать и съ нимъ отождествляться; Мое все, что имѣетъ Отець, говоритъ Сынъ,—слѣдовательно отъ Меня беретъ Духъ Св. способность знать, говорить, быть“. Но такой ли выводъ дѣлалъ Спаситель, говоря: все — Отца — Мое, слѣдовательно Духъ Св. отъ Моего возъ-метъ? Гдѣ тутъ Сынъ добавляетъ, что Духъ Св. возьметъ у Него знаніе, слово и, слѣдовательно, бытіе? Или, скорѣе,—гдѣ здѣсь Сынъ хочетъ сдѣлать выводъ, что Духъ Св. беретъ отъ Него, когда у Него намѣреніе только показать, что Духъ Св. беретъ изъ того, что Ему принадлежитъ? Погрѣшаетъ далѣе іезуитъ, образуя бѣль-шую посылку силлогизма такимъ образомъ: „кому принадлежитъ все, что имѣетъ Отець, —отъ того Духъ святой беретъ“ Спаси-тель выразился: „все, что имѣетъ Отець, —Мое, слѣдовательно — Духъ Св. изъ Моего возьметъ.“ Тутъ, какъ мы выше видѣли, ²⁾ посылка: все Отца — Мое занимаетъ мѣсто большей, а не меньшей посылки.

¹⁾ Указанное мѣсто стр. 12.

²⁾ въ I-мъ отвѣтѣ.

Но настаиваетъ далѣе тотъ же писатель: 1) „наконецъ, къ словамъ: изъ Моего возьметъ — прибавляются слѣдующія: и вамъ возвѣститъ. Изъ этого такъ можно заключать: отъ кого Духъ Св. беретъ мудрость и силу просвѣщать апостоловъ, отъ того Онъ беретъ бытіе (ибо для Бога одно и то же — знать и быть); отъ Сына беретъ Онъ мудрость и силу просвѣщенія, какъ свидѣтельствуется сама истина, — слѣдовательно — отъ Сына онъ беретъ бытіе“. — Но ложно, будто сама истина, т. е. Сынъ, свидѣтельствуется, что Духъ отъ Него получаетъ мудрость и силу просвѣщенія, такъ какъ по смыслу словъ Его выходитъ, что объ Отцѣ только говорится, что Духъ Св. отъ Него возьметъ, какъ выше доказано. И Отцы, дѣйствительно, учатъ, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, но понимаютъ это не въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, что и Сынъ равнымъ образомъ беретъ отъ Духа Св. то, что Онъ возвѣщаетъ, именно вслѣдствіе одной и той же сущности, такъ какъ Духъ Св. возвѣщаетъ не противное тому, что возвѣстилъ Сынъ. — Но объ этомъ поведемъ рѣчь ниже.

Настаиваетъ, наконецъ, тотъ же іезуитъ: 2) „говорятъ, — иное дѣло сказать: — возьметъ отъ Моего, иное — отъ Меня. Отвѣчаю: отрицаютъ это св. Игнатій, св. Афанасій и другіе, мною приведенные. Затѣмъ я различаю: иное это — въ томъ, въ чемъ различается: Мое и Меня, а не въ томъ, въ чемъ оно — одно и то же. Слово же (Богъ), будучи чистымъ дѣйствованіемъ, не имѣетъ этого различія, но совершенное единство.“ О первомъ изъ этихъ возраженій говорено выше. — А что въ Сынѣ не различается: „Мое“ и „Меня“ — это совершенно ложно и пахнетъ савелліанизмомъ. Ибо если лицо Сына совершенно тождественно со всѣмъ тѣмъ, что Ему принадлежитъ и что въ Немъ находится (что въ комъ-нибудь есть, то его), то нужно, конечно, чтобы лицо Сына было тождественно съ лицомъ Отца: вѣдь Отецъ есть въ Сынѣ, и все Отца принадлежитъ Сыну. Выходило бы также, что лицо Сына тождественно съ лицомъ Св. Духа, или лицо Духа Св. тождественно съ лицомъ Отца, — ибо Духъ Св. — въ Сынѣ, и Отецъ — въ Духѣ Св. — Между тѣмъ, дѣйствительно, — въ Богѣ все — общее, за исключеніемъ того, что касается

1) Тамъ же, стр. 13.

2) Тамъ же, стр. 12.

лиць,—и въ этомъ послѣднемъ „Мое“ и „Меня“ совершенно различаются. Равнымъ образомъ на этомъ основаніи, если имѣютъ въ виду одно и тоже лицо, а не иное, то „Мое“ и „Меня“ не различаются. Здѣсь же, при употребленіи Спасителемъ слова „Мое“ рѣшительно разумѣется: отъ Отца, какъ выше доказано. Слѣдовательно, здѣсь не одно и тоже было сказать: „Мое“ и „Меня.“

ОТВѢТЪ II.

Объясняли, далѣе, Отцы это „отъ Моего возьметъ“ также и о Сынѣ, въ томъ смыслѣ, что Духъ Св. беретъ отъ Сына. Писанія Отцовъ—полны такими мѣстами, въ особенности писанія Епифанія;—отсюда они вообще часто учатъ, что Духъ Св. все беретъ отъ Сына. *Аванасій* въ IV кн. противъ Аріанъ (т. I стр. 477): „Онъ (Спаситель) даетъ Духа, и все, что имѣетъ Духъ, имѣетъ это отъ Слова.“ И въ посланіи къ Серапіону (т. II, стр. 17): „Духъ есть Сына и отъ Сына беретъ все, какъ Самъ (Сынъ) сказалъ и, дунувъ, далъ Его ученикамъ.—*Кириллъ Іерусалимскій* въ XII оглашеніи (листъ 187): „Отецъ даетъ Сыну, а Сынъ сообщаетъ Духу Св.—Самъ Іисусъ сказалъ: все мнѣ передано Моимъ Отцомъ. А о Духѣ Святомъ: Онъ Меня прославить, потому что отъ Моего возьметъ.“—Но никогда Отцы не понимали этого въ отношеніи причины, а утверждали, что въ этомъ отношеніи Духъ Св. беретъ только отъ Отца; полученіе же отъ Сына разумѣли исключительно въ отношеніи одной и той же единосущной природы, уча, что Духъ Св. возвѣщаетъ не противное, а совершенно тождественное съ тѣмъ, что возвѣщалъ Спаситель, т. е.—что Онъ беретъ у Сына то, что намѣренъ намъ возвѣстить. Равнымъ образомъ, конечно, въ этомъ смыслѣ Сынъ взялъ у Духа Св. то, что Онъ возвѣщалъ міру. Такъ именно *Дидимъ Александрійскій* во II кн. „о Духѣ Св.“ (т. VI твореній Іеронима) говоритъ: „Утѣшитель возьметъ отъ Моего.—Здѣсь опять слѣдуетъ понимать, что Онъ беретъ то, что соотвѣтствуетъ божественной природѣ. Слѣдовательно, какъ Сынъ, давая, не лишается того, что даетъ, и удѣляетъ другимъ не съ ущербомъ для Себя,—такъ и Духъ Св. не получаетъ того, чего Онъ раньше не имѣлъ. Ибо, если Онъ получилъ то, чего прежде не имѣлъ, то перенесъ даръ на другого, Онъ сталъ раздавателемъ пустымъ (не

имѣющимъ), переставъ имѣть то, что раздалъ. И такъ, какъ мы понимали, рассуждая выше о природахъ безтѣлесныхъ, такъ и теперь нужно разумѣть, что Духъ Св. беретъ отъ Сына то, что было въ Его (Духа) природѣ,—и это обозначаетъ не дающаго и получающаго, но одну сущность. Такъ и Сынъ считается получающимъ отъ Отца то, въ чемъ Онъ участвовалъ. И Сынъ не становится чѣмъ-нибудь инымъ, если исключить то, что дается Ему Отцомъ, и не измѣняется сущность Св. Духа съ исключеніемъ того, что дается Ему Сыномъ. Потому это говорится, чтобы мы вѣровали, что въ Троицѣ такая же природа Духа Св., какъ природа Отца и Сына.“ *Амеросій* во II кн. „о Св. Духѣ“, гл. XII: „Сынъ Божій знаетъ все и имѣетъ предвѣдѣніе всего, что случится, — и то, что ты считаешь неизвѣстнымъ Сыну, — это отъ Сына взялъ Духъ Св.— А взялъ по единству сущности точно такъ, какъ взялъ отъ Отца Сынъ. Онъ, говорить (Спаситель), Меня прославить, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ все. Все, что имѣетъ Отецъ, — Мое, потому Я сказалъ: отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ. И такъ, что можетъ быть очевиднѣе этого единства? — Что имѣетъ Отецъ, — принадлежитъ Сыну; что имѣетъ Сынъ, — получилъ и Духъ.“ *Кириллъ* въ VI діалогѣ о Троицѣ (послѣ начала, т. V, ч. I, стр. 593): „когда (Спаситель) прибавляетъ: потому что Онъ отъ Моего возьметъ, то этимъ, очевидно, указываетъ существенную и природную связь, по которой Духъ Его есть одно съ Нимъ. Не по участию (не заимствуя) будетъ мудрымъ отъ Него Духъ, говорить Онъ, и не въ качествѣ слуги (передатчика) принесетъ святымъ слово Сына, но подобно тому, какъ если бы какой-нибудь благоуханнѣйшій цвѣтокъ разлилъ свой запахъ и, вливаясь въ чувства предстоящихъ, говорилъ: отъ моего возьметъ, обозначалъ бы этимъ природное свойство, а не что-нибудь принимающее участіе отдѣльно,—такъ разумѣй о Сынѣ и Духѣ. Ибо, будучи Духомъ мудрости и силы, Онъ есть всецѣло мудрость и сила, сохраняя въ Себѣ Самомъ всю дѣйственность посылающаго и какъ бы въ собственной природѣ хорошо показывая Того, чей Онъ.—Сказавши же: отъ Моего возьметъ,—(Спаситель) по необходимости прибавилъ: все, что имѣетъ Отецъ, — Мое, потому—то Я и сказалъ вамъ, что Онъ (Духъ) отъ Моего возьметъ. Ибо какъ Духъ—всегда святъ по

природѣ, потому что Онъ—Духъ Св. Отца,—такъ онъ и мудръ, потому что Онъ—Духъ мудрости. А мудрость—Сынъ,—и мы никоимъ образомъ не говоримъ, что Духъ святъ и мудръ по какому-нибудь отношенію или участию, но скорѣе по существу, и это какъ бы природное качество святой и ведущей божественности, которое мыслится въ Отцѣ и Сынѣ, мыслится и въ Самомъ Духѣ.“

И въ кн. XI толкованій на евангеліе отъ Іоанна, гл. II на слова: *отъ Моего возьметъ* (т. IV стр. 931): „все Мое—Твое, сказалъ (Спаситель), и Твое—Мое. Ибо тутъ нѣтъ никакой разницы, но существовавшее во всемъ равенство и сходство. И какъ же могло бы не быть это по природѣ? Слѣдовательно, Богъ Отецъ имѣетъ изъ Себя и въ Себѣ Собственнаго Духа, Которымъ Онъ обитаетъ въ святыхъ, черезъ Котораго обыкновенно открываетъ тайны,—не въ смыслѣ служебномъ,—ничего подобнаго нельзя думать,—но въ смыслѣ въ Немъ существенно пребывающаго и изъ Него нераздѣльно и неразрывно происходящаго, какъ Свое истолковывающаго то, что принадлежитъ Отцу, въ Которомъ и изъ Котораго—Онъ (Духъ). Ибо Отецъ обитаетъ въ тваряхъ не иначе, какъ черезъ Сына въ Духѣ. Но этотъ Духъ есть собственный Сына, ибо Сынъ единосущенъ съ Отцомъ. Поэтому, говоритъ Спаситель, такъ какъ является свойствомъ Бога Отца—открываться достойнымъ въ собственномъ Духѣ и черезъ Него совершать все, что Онъ хочетъ, и этотъ Самый Духъ по природѣ присущъ также Мнѣ, то вотъ почему Я сказалъ: потому что Онъ возьметъ отъ Моего и вамъ возвратитъ. Пусть никто не смущается словомъ *возьметъ*, но помнить, что все, что мы говоримъ о Богѣ, какъ люди, нужно понимать не такъ (не по человѣчески), а способомъ, превосходящимъ наше пониманіе. Такимъ образомъ, когда мы говоримъ: беретъ Духъ отъ Отца и Сына то, что Имъ принадлежитъ, то это не значить, что Онъ когда-нибудь не имѣлъ присущаго Имъ знанія и силы и сталъ ихъ имѣть только съ тѣхъ поръ, когда беретъ (ибо Духъ—всегда всевѣдущъ и всемогущъ,—мало того, Онъ на самомъ дѣлѣ—сама мудрость и сила, и не по участию, а по природѣ); но подобно благовонію ароматныхъ веществъ, влитоу въ наши поздри, но нѣкоторымъ образомъ отличному отъ нихъ,—это можетъ быть созерцаемо только въ мысли. Однако ты станешь думать, что оно (благоуханіе) происходитъ

не иначе, какъ отъ тѣхъ веществъ, отъ которыхъ оно получилось по силѣ своего обнаруженія,—между тѣмъ оно не иное, такъ какъ изъ нихъ и въ нихъ является.—Нѣчто подобное, но гораздо выше этого, думай о Богѣ Духѣ Святомъ. Онъ есть какъ бы благоуханіе сущности Божіей,—живое и дѣйственное, переносящее твари то, что—отъ Бога, и вѣдряющее въ нее причастіе верховной сущности. Ибо если запахъ ароматныхъ веществъ оставляетъ собственную ихъ сущность на одеждахъ и нѣкоторымъ образомъ преобразуетъ въ себя самого то, къ чему онъ пристаётъ, то какъ же Духъ Св., будучи отъ Бога по природѣ, не сдѣлаетъ причастными божественной природѣ тѣхъ, въ комъ Онъ обитаетъ? Слѣдовательно, и Сынъ, будучи плодомъ и начертаніемъ ипостаси Отца, присволяетъ Себѣ по природѣ все, что Тому принадлежитъ. Потому Онъ и говоритъ: все, что—Отца,—Мое, вслѣдствіе чего Я сказалъ вамъ: Онъ отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ, т. е. Духъ Св., Который черезъ Него и въ Немъ есть,—черезъ Котораго Онъ, какъ и Отецъ, обитаетъ въ святыхъ. Не иное нѣчто, чѣмъ Онъ, есть Духъ Его, хотя существуетъ въ собственной ипостаси,—именно: Онъ Духъ, а не Сынъ.“ Вотъ что говоритъ Кириллъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что не точно понялъ это мѣсто тотъ ¹⁾, кто къ приведеннымъ словамъ Кирилла „да не смущается никто, слыша здѣсь слово брать (получать), но пусть знаетъ, что, выражаясь о томъ, что относится къ божеству, не слѣдуетъ такъ и понимать, а нѣкоторымъ способомъ, превосходящимъ наше понятіе. Такъ и мы говоримъ: Духъ Св. беретъ отъ Отца и Сына то, что Имъ принадлежитъ“—прибавляетъ: „изъ этого послѣдняго я такъ заключаю: все, что ни получаетъ Духъ Св. отъ Отца, получаетъ въ смыслѣ происхожденія (начала); то, что получаетъ Духъ Св. отъ Сына, тоже Онъ получаетъ отъ Отца; слѣдовательно все, что ни получаетъ Духъ Св. отъ Сына, Онъ получаетъ въ смыслѣ происхожденія (начала). Или яснѣе: брать отъ Отца и Сына—значитъ—исходить отъ Отца и Сына. Духъ Св. беретъ отъ Отца и Сына то, что Имъ принадлежитъ, слѣдовательно—Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына.“ Конечно, вѣрно, что Духъ Св. беретъ отъ Отца

¹⁾ Циховій, вопр. I, стр. 9.

въ смыслѣ происхожденія (начала) то, что Онъ получаетъ отъ Отца отъ вѣчности, но ложно, будто Кириллъ, уча, что Духъ Св. беретъ отъ Отца и Сына, понимаетъ здѣсь въ смыслѣ происхожденія, что Духъ Св. беретъ отъ Отца, или отъ Сына. Онъ говоритъ только о томъ, что во времени беретъ Духъ Св. отъ Отца и Сына, т. е. о томъ, что Духу Св. предстояло возвѣстити намъ. Самъ Кириллъ въ приведенномъ мѣстѣ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ Духъ Св. называется имъ получающимъ отъ Отца и Сына то, что Имъ принадлежитъ. Онъ отнюдь не говоритъ, что это онъ утверждаетъ въ отношеніи начала или исхожденія, а, напротивъ, прямо отрицаетъ такое пониманіе: „полученіе, говоритъ онъ, Духомъ Св. отъ Отца и Сына того, что Имъ принадлежитъ, нужно понимать не такъ, будто Онъ когда нибудь не имѣлъ присущихъ Имъ знанія и силы; но какъ нѣкое благоуханіе ароматовъ, вливаемое въ наши ноздри, отличное нѣкоторымъ образомъ отъ нихъ, а только воспринимаемое временно; однако слѣдуетъ думать, что оно не иначе происходитъ, какъ получивши силу для своего обнаруженія отъ того, изъ чего оно исходитъ, такъ какъ оно — не иное, существуя изъ него и въ немъ. Нѣчто подобное, но еще выше этого, нужно разумѣть о Богѣ Духъ Св.“ Не иначе, какъ только вслѣдствіе одной и той же природы, получаетъ, по понятію Кирилла, Духъ Св. отъ Отца и Сына. Такъ онъ напередъ замѣчаетъ: „такъ какъ является свойственнымъ Богу Отцу открываться достойнымъ въ Духъ Св. и черезъ Него производить все, что Онъ хочетъ, и Этотъ Духъ присущъ также и Миѣ по природѣ,—потому то Я и сказалъ: Онъ отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣстити.“ Вотъ что слѣдуетъ замѣтить на сдѣланное іезуитомъ возраженіе.

Затѣмъ—тотъ же *Кириллъ* въ своемъ „сокровищѣ“, въ утвержденіи XXXIV (т. V, ч. I, стр. 350) говоритъ: „Онъ (Духъ Св.) не будетъ говорить отъ Себя Самого, но скажетъ, что услышитъ, потому что возьметъ изъ Моего. Это все равно, какъ если бы медъ сказалъ о присутствіи ему свойствъ: оно ничего отъ себя не придастъ чувству вкушающихъ, но отъ моего возьметъ,—при переходеніи физическомъ, такъ сказать, качества сущности въ то, что изъ нихъ исходитъ, — подобно тому (что мы выше сказали), какъ сладость изъ меда, жаръ изъ огня, освѣженіе изъ воды.“

Такъ, наконецъ, говорить и *Евсевій Эмиссенскій* въ словѣ на IV недѣлю послѣ Пасхи (т. V, ч. I, библиотеки Кельнскихъ Отцовъ стр. 682); тутъ онъ прямо утверждаетъ, что Сынъ могъ сказать, что Духъ Св. беретъ изъ того, что принадлежитъ Отцу и Духу Св.: „такъ какъ это, говоритъ онъ, общее всѣхъ Троицхъ и общее существенно, то Господь могъ сказать, если бы пожелалъ: потому что отъ Моего и Своего (Духъ) возьметъ и вамъ возвѣститъ. Ибо и Сынъ, когда училъ, бралъ изъ Своего и изъ того, что принадлежитъ Отцу и Духу Св., такъ какъ одна премудрость и истина всѣхъ Троицхъ. Поэтому Онъ Самъ говоритъ: Мое ученіе—не Мое.“—Разумѣется, если одна сущность, одна премудрость въ божествѣ, то всѣ дѣйствія во внѣ—общии всей Троицѣ. Въ этомъ смыслѣ, когда Духъ Св. намъ что-нибудь возвѣщаетъ, говорится, что Онъ беретъ это отъ Сына, ибо безъ согласія и содѣйствія Сына Духъ этого дѣлать не могъ. Отсюда въ одинаковомъ смыслѣ и Сынъ также бралъ отъ Духа Св. то, что Онъ возвѣщалъ, какъ ясно училъ *Евсевій Эмиссенскій*.

И такъ съ достаточною очевидностью явствуется, какъ учили многіе приведенные Отцы, что о Духѣ Св. сказано: Онъ беретъ отъ Сына—не иначе, какъ по одной и той же единосущной природѣ, мудрости и силѣ.

Равнымъ образомъ къ тому же приводятъ тѣ мѣста Отцовъ, гдѣ они утверждаютъ, что Духъ Св. потому бралъ отъ Сына, что Онъ намѣревался возвѣщать то, что никоимъ образомъ не расходилось со словами Христа, но было совершенно тождественно съ ними. Такъ какъ одна природа Того и Другого, а потому одна и мудрость, то, когда Духъ Св. что-нибудь возмѣщаетъ,—конечно, Онъ не можетъ возвѣщать противнаго мудрости и истинѣ Сына Божія, но возвѣщаетъ это при полнѣйшемъ содѣйствіи и согласіи Сына. Такъ *Іоаннъ Златоустъ* въ бесѣдѣ LXXVII на Іоанна говоритъ: „когда (Господь) сказалъ: Онъ васъ научитъ и напомнитъ и въ скорбяхъ васъ утѣшитъ,—чего Онъ Самъ не сдѣлалъ; и: слѣдуетъ Мнѣ уйти; и: не можете вы этого теперь вмѣстить, а тогда сможете; и: Онъ научитъ всякой истинѣ;—то, чтобы, услышавши это, не сочли Духа Св. большимъ Его и не вняли въ край-

нее нечестіе, Онъ прибавилъ: потому что отъ Моего возьметъ, — т. е., что Я сказалъ, то и Онъ станетъ говорить. Отъ Моего возьметъ, — т. е. то, что Я знаю и сознаю: ибо Мое знаніе и знаніе Духа — одно. — Отъ Моего возьметъ, — т. е. ни въ чемъ со Мною не разоидется.“ И подь конецъ той же бесѣды: „а что Онъ говоритъ: отъ Моего возьметъ, либо о благодати, въ Моей плоти пришедшей, либо о томъ же знаніи, которое и Я имѣю, то это не въ томъ смыслѣ, будто Онъ нуждается въ этомъ, и не потому, что этому Онъ учится у другого, но потому, что знаніе (Ихъ) одно и то же. И почему Онъ сказалъ такъ, а не иначе? Потому что апостолы еще не слыхали о Духѣ. Поэтому Онъ объ одномъ только заботится, что бы Ему (Духу) повѣрили и чтобы Его приняли и не соблазнялись. Ибо сказавъ: одинъ учитель вашъ Христось, Онъ, чтобы они (ученики) не думали, что оскорбятъ Его, если стануть вѣрить Тому (Духу Св.), говорить теперь: одно ученіе Мое и Его, — чему Я хотѣлъ учить, то и Онъ будетъ говорить. Не думайте, что Его ученіе — иное: оно — Мое и увеличиваетъ Мою славу.“ Конечно, ничего не можетъ быть яснѣе этихъ словъ. И *Кириллъ Александрійскій* въ XI кн. на Іоанна, въ гл. I (т. IV твореній, стр. 927): „никомъ образомъ нельзя подозрѣвать, что Утѣшитель, т. е. Духъ, лишился естественной и прирожденной Ему силы, такъ что, если бы не взялъ (не получилъ), то не былъ бы достаточно силенъ совершать дѣла божественныя. Необходимо по праву считать великимъ нечестивцемъ того, кто бы подумалъ, что нѣчто подобное вѣрно. Но такъ какъ Онъ единосущенъ съ Сыномъ и является черезъ Него способомъ, приличествующимъ Богу, имѣя всю Его совершеннѣйшую во всемъ силу и способность дѣйствования, то потому (Спаситель) сказалъ: отъ Моего возьметъ. Ибо мы вѣруемъ, что Духъ существуетъ Самъ по Себѣ и есть по истинѣ то, что Онъ есть и чѣмъ считается; однако Онъ соприсущъ въ сущности Бога и изъ нея выходитъ, имѣя все, что ей принадлежитъ, въ Себѣ по природѣ; не по участию и не относительнымъ образомъ и не какъ иной отъ нея, потому что Онъ — собственный ея. Ибо, подобно тому, какъ запахъ пахучихъ цвѣтовъ издаетъ во внѣ свою естественную дѣйственность, силу и пахучее качество, впадая въ части тѣла, одаренныя силою обонянія и, насколько понять можно,

кажется чѣмъ-то инымъ и отличнымъ отъ природы той вещи, которую издается; если же онъ разсматривается въ себѣ самомъ, то ничего не имѣетъ отличнаго отъ вещей, изъ которыхъ и въ которыхъ является; такъ разумѣй и о Богѣ Духѣ Св., если однако поймешь силу примѣра возвышеннѣе. И такъ, безъ обвиненія и безъ порицанія всякаго можно сказать, что беретъ нѣчто отъ Единороднаго Духа Его. Ибо, выходя по природѣ черезъ Сына, какъ Его собственный, Онъ считается ко всему тому, что совершенно имѣетъ, получающимъ и то, что принадлежитъ Тому (есть Того, т. е. Сына). А если это выражено словами довольно грубо, то не слѣдуетъ приходить въ соблазнъ,—а скорѣе станемъ винить бѣдность нашего языка, который не можетъ передать эти божественныя вещи, какъ прилично: ибо какая рѣчь не оказывается ниже этой несказанной природы и славы? И такъ, Онъ возвѣститъ вамъ, говорить (Спаситель), беря отъ Моего, т. е. Онъ будетъ излагать не иное, какъ то, что Я хотѣлъ бы сказать. И такъ какъ Онъ—Мой Духъ, то Онъ будетъ говорить одно и тоже со Мной и возвѣститъ вамъ то, что составляетъ Мою волю.“

Уча на указанномъ основаніи, что Духъ беретъ отъ Сына вслѣдствіе одной сущности, премудрости и вѣдѣнія, Отца, затѣмъ, изъ этого полученія Духомъ Св. отъ Сына вездѣ выводятъ заключеніе, что Духъ Св. единосущенъ съ Сыномъ.

Епифаній въ словѣ якорномъ (номеръ VШ, т. II твореній, стр. 12): „Самъ Единородный говоритъ: Духъ Отца, Который отъ Отца исходитъ и отъ Моего возьметъ,—что бы ты не считалъ Его чуждымъ Отцу и Сыну, но одной и той же сущности, одного и того же божества.“ И въ ереси LXXI (т. I твореній, стр. 833): „Господь говоритъ о Духѣ Св., признавая Его прирожденнымъ участникомъ Своего божества, и выражается: Который отъ Отца исходитъ и отъ Моего возьметъ.“ И въ ереси LXIX (стр. 774): „осмѣливаются говорить, что Духъ Св. сотворенъ Сыномъ, а между тѣмъ Онъ—не сотворенъ, отъ Отца исходитъ и отъ Сына беретъ.“ Опять: „какимъ образомъ можетъ быть сотвореннымъ Духъ, о Которомъ имѣется свидѣтельство, что Онъ отъ Отца исходитъ и отъ Сына беретъ?“ *Златоустъ* въ словѣ о Троицѣ (т. VI твореній греко-латинскаго изданія, стр. 200): „вѣруй, что съ От-

цомъ единосущенъ Сынъ, единосущенъ и Духъ: ибо, исходя отъ Отца и беря (получая) отъ Сына, Духъ не чуждъ божеской сущности.“-- И *Анастасій Синаитъ* въ I кн. „о догматахъ вѣры“ (т. VI Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 694): „Духъ Св. называется Духомъ истины; притомъ Онъ исходитъ отъ Отца, а беретъ все Сына, имѣющаго все Отца, чтобы показать и сдѣлать явнымъ, что одна сущность получающаго и Того, у Кого Онъ беретъ, и Того, отъ Котораго Онъ по природѣ исходитъ. Ибо Онъ не произошелъ отъ кого-нибудь, имѣющаго иную природу, и не взялъ чего-нибудь у не единосущнаго. А если представляютъ одну сущность съ Нимъ и Тотъ, отъ Котораго Онъ исшелъ, и Тотъ, отъ Котораго Онъ взялъ: то Они по необходимости и между Собою будутъ одной и той же сущности.“ Опять: „Спаситель нашъ Иисусъ объ единосущномъ Ему Утѣшителѣ говоритъ, что Онъ отъ Отца исходитъ, а беретъ отъ Сына, дѣлающаго Своимъ и имѣющаго все, что принадлежитъ Отцу. Ибо одна сущность, а у одной сущности все—общее; общая сущность, — естественно и положеніе.“ Такъ говорятъ и другіе.

Возражаетъ, имѣя въ виду приведенныя слова Епифанія, *Белларминъ* во II кн., гл. XXV своего сочиненія „о Христѣ:“ „въ этомъ мѣстѣ выраженіе: отъ Сына получающій (берущій) не можетъ обозначать ничего другаго, кромѣ — отъ Сына исходящій черезъ вѣчное истеченіе. Ибо Епифаній противопоставляетъ это— беретъ отъ Сына— творенію. Онъ учитъ, что Духъ не сотворенъ Сыномъ, какъ говорили еретики, но что Онъ получилъ существованіе Свое отъ Сына инымъ образомъ, а не черезъ твореніе.“ Противопоставляетъ, конечно, Епифаній творенію то, что Духъ Св. получаетъ отъ Сына; но по какой необходимости отсюда слѣдуетъ, что мысль Епифанія была такова: Духъ не сотворенъ Сыномъ, а получилъ Свое существованіе отъ Сына инымъ образомъ? Никакой, конечно, нѣтъ тутъ необходимости Изъ того, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, Епифаній основательно выводитъ заключеніе, что Духъ Св. не есть тварь, такъ какъ Духъ Св. не иначе можетъ брать отъ Сына, какъ только будучи единосущенъ съ Нимъ. Слѣдовательно,—какимъ образомъ этотъ выводъ и доказательство не имѣли бы силы иначе, какъ если бы вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что

Духъ Св. производится Сыномъ инымъ образомъ, а не черезъ твореніе? Нелѣпость!—Тотъ же іезуитъ на вышеприведенныя слова Анастасія: „чтобы научить, что одна сущность какъ Того, Кто взялъ, такъ и Того, отъ Кого взялъ, а также и Того, отъ Кого исходитъ“ — возражаетъ въ указанномъ мѣстѣ слѣдующее: „здѣсь подѣ тѣмъ, кто беретъ сущность, (Анастасій) разумѣетъ Духа, подѣ тѣмъ, отъ кого беретъ,—Сына, а подѣ тѣмъ, отъ котораго исходитъ,—Отца.—И если Духъ беретъ отъ Сына сущность, то чего же намъ другого искать? И о словѣ *исходитъ* не должно быть вопроса, такъ какъ это явствуетъ изъ самого дѣла.“ Дѣйствительно, Анастасій говоритъ, что тотъ, кто беретъ, есть Духъ, а Сынъ тотъ, отъ котораго Онъ беретъ; но іезуитъ отъ себя прибавляетъ, будто Анастасій говоритъ, что Духъ Св. беретъ отъ Сына *сущность*, сущность именно. Между тѣмъ въ какомъ смыслѣ говорится, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, мы уже показали.

Не основателенъ, наконецъ, латинскій писатель, ¹⁾ который, приведя тѣже слова Анастасія, говоритъ: „тутъ слѣдуетъ замѣтить, что св. Отецъ весьма благоразумно употребилъ иную фразу въ объясненіи исхожденія Св. Духа отъ Сына, чѣмъ въ объясненіи исхожденія Его же отъ Отца, конечно, для того, чтобы говорить собственными словами священнаго Писанія и чтобы показать, что Отецъ и Сынъ, имѣющій все Отца, являются однимъ дыхателемъ (*spirator, πνεοστήρ*), такъ какъ Они суть одинъ Богъ, одинъ Творецъ,—и что бы намекнуть, что дыхательная сила въ Сынѣ происходитъ отъ Отца и что Духу Святому Отцомъ не можетъ быть сообщено бытіе безъ того, что бы вмѣстѣ съ тѣмъ не сообщилось оно Ему Сыномъ, имѣющимъ все Отца.“ Все это измышленія іезуита, въ которыхъ онъ грубо принимаетъ какъ доказанное то, что требуетъ еще доказательства. Много онъ говоритъ, но ничего не доказываетъ, не соблюдая такимъ образомъ законовъ логическаго спора.—

И такъ, доказано, что св. Отцы учили о полученіи отъ Сына Духомъ Святымъ не въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, что, такъ какъ у Духа Св. и у Сына одна сущность, одна премудрость и сила и такъ какъ внѣшнія дѣла Божіи—общіи Троицѣ, то Духъ

¹⁾ Циховій, вопр. I, стр. 10.

Св., когда что-нибудь намъ возвѣщаетъ, или раздаетъ Свои дары, или совершаетъ что-нибудь другое для нашего спасенія, — получаетъ это отъ Сына, — ибо все возвѣщаетъ и творитъ въ насъ при содѣйствіи и съ соизволенія Сына. Какъ же, спрашивается, можно дѣлать выводъ: Духъ Св. беретъ отъ Сына, слѣдовательно, — Онъ отъ Сына исходитъ? Только для распредѣленія и сообщенія беретъ Духъ Св. у Сына, для насъ, а не въ отношеніи Своего происхожденія отъ вѣчности. Но объ этомъ послѣ.

И такъ Латиняне играютъ только въ двусмысленность, когда толкуютъ, что Духъ Св. беретъ отъ Сына далеко не въ томъ смыслѣ, какъ передали намъ это св. Отцы. Отсюда предлагающіе намъ такія возраженія Латинянь не менѣе нелѣпы, чѣмъ тотъ, кто только изъ одной и той же общей божественной природы, премудрости и силы захотѣлъ бы дѣлать выводъ, что Духъ Св. также исходитъ и отъ Сына, потому что Онъ исходитъ отъ Отца, Котораго сущность, премудрость и сила тождественны съ сущностью, премудростью и силою Сына. — Дѣйствительно, *Аванасій* въ „посланіи къ Серапіону о томъ, что Духъ Св. не есть тварь“ (т. I твореній, стр. 195) объясняетъ слова: „отъ Моего возьметъ“ такъ, какъ бы смыслъ ихъ былъ: — потому что отъ Сына услышитъ. Именно-желая показать, что Духъ Св. такъ относится къ Сыну, какъ Сынъ относится къ Отцу, и перечисливши кое-что, что Они имѣютъ общее, онъ прибавляетъ: „и Сынъ говоритъ: что Я услышалъ отъ Отца, то и говорю міру. Духъ же беретъ отъ Сына: ибо отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ. И Сынъ пришелъ во имя Отца. — Дамъ Духа Святаго, говоритъ (Спаситель), Котораго Отецъ пошлетъ во имя Мое. — И такъ, — если Духъ Св. имѣетъ по отношенію къ Сыну тотъ порядокъ и природу, какія имѣетъ Сынъ по отношенію къ Отцу, то какъ можетъ быть, что называющій Духа тварью, не разумѣетъ по необходимости того же относительно Сына?“ — Но какъ Духъ Св. называется слышащимъ отъ Сына, выяснимъ въ особомъ изслѣдованіи.

Амеросій въ III кн., гл. XVIII „о Духѣ Св.“ такъ толкуетъ эти слова: „какъ не похищается у Отца, такъ не похищается и у Сына, не похищается и у Духа Св. тотъ изъ насъ, кто получаетъ жизнь вѣчную во имя Троицы по тому самому, что сказано, что и Отецъ далъ Сыну, и

Духъ взялъ отъ Сына. Ибо написано: Онъ меня прославить, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ. А это, кажется, (Спаситель) сказалъ скорѣе о дарѣ распредѣленія, чѣмъ о правѣ божественной власти. Ибо кого Сынъ искупляетъ, тѣхъ беретъ также для освященія Духъ.“ Но дѣло сводится къ тому же, именно — что имѣло мѣсто вообще, то припоминается Амвросіемъ только отчасти. Между тѣмъ, онъ одинаково признаетъ, что Духъ Св. беретъ отъ Сына только въ отношеніи распредѣленія, такъ же, какъ и мы только что истолковали слова Самаго Спасителя въ этомъ послѣднемъ смыслѣ (по которому: „отъ Моего“ объясняется о Христѣ).

Иному толкованію въ другомъ мѣстѣ слѣдуетъ *Іоаннъ Златоустъ*.—Такъ въ бесѣдѣ „о святомъ и поклоняемомъ Духѣ (около середины) онъ говоритъ: „ты видѣлъ, какъ Онъ (Спаситель) сказалъ: не отъ Себя Самого (Духъ) говорить, но отъ Него получаетъ? Развѣ самостоятельность Духа не можетъ обнаружиться? Не показало ли Писаніе, что Онъ подлѣжитъ власти Сына, отъ Него одоужается и служитъ помощію для другого? Тщательно внимай: каждый разъ, какъ тебѣ что-нибудь сказанное кажется неяснымъ, не сразу соглашайся съ нимъ, но жди конца сужденія. У Сына и Духа—одна природа, одна сила, одна истина, одна жизнь, одна премудрость. Но съ того времени, какъ Спаситель удостоилъ воспринять нашу плоть, Онъ исполнился Духа Св.,—не потому, что Онъ былъ ниже Духа Св., но потому, что плоть нуждалась въ томъ, чтобы Онъ принялъ по человѣчеству пришествіе Духа; а не потому, чтобы Богъ Слово не могъ освятить тварь, которую воспринять. И такъ, плоть Господа унаслѣдовала Духа Св., и сообразно съ этимъ Спаситель благоволилъ возвратить Духу Св. въ собственность плоть, которую принялъ, такъ что то, что Христось творилъ по плоти, должно приписываться Духу Св., обитавшему въ Немъ, какъ въ святомъ человѣческомъ храмѣ. Слѣдовательно, плоть имѣла Духа Св., но не часть даровъ Его, какъ мы, которымъ одному дается мудрость, другому знаніе, а она имѣла всѣ дары. Поэтому и слѣдовало, что бы мы всѣ получали оттуда, изъ тѣла Господня, какъ бы изъ нѣкотораго вмѣстелища, по частямъ; изъ него сообщалось апостоламъ и пророкамъ. Іоаннъ свидѣтель-

ствуешь, что въ Немъ—вся полнота божества. И Павелъ говоритъ: въ Немъ тѣлесно обитаетъ вся полнота божества. Не сказалъ просто: въ Немъ обитало божество, но—полнота божества,—т. е. всякій даръ божества. И чтобы кто-нибудь не подумалъ, что даръ этотъ обиталъ въ Богѣ Словѣ, (апостоль говоритъ): въ Немъ обитала вся полнота божества тѣлесно. Въ плоти Его—вся полнота мудрости, разумѣнія, силы, знаменій, всякаго дѣйствованія. Поэтому отъ полноты Его мы всё одолжаемся. Иоаннъ Креститель свидѣтельствуешь: и Я Его не зналъ, но Пославшій меня крестить сказалъ мнѣ: на комъ увидишь Духа сходящаго и пребывающаго на немъ (не сказалъ, — подающаго ему одинъ даръ, но пребывающаго всецѣло), — тотъ и есть крещающій Духомъ Св. и огнемъ. Далѣе Иоаннъ, желая показать, что Спаситель получилъ благодать не такъ, какъ человѣкъ, говоритъ: не мѣрю далъ Богъ Духа, но Отецъ любитъ Сына и все далъ въ руки Его. И такъ, мы откуда получаемъ? Мы всё получили отъ полноты Его; Онъ—полноту, а мы—отъ полноты. Какимъ образомъ? Отъ того, кто наполнилъ плоть Господню, почерпнулъ изъ нея, какъ изъ источника, и сообщилъ людямъ благодать. Обрати вниманіе, пожалуйста: (Господь) говоритъ: когда придетъ Утѣшитель, Духъ истины, Онъ приведетъ васъ ко всякой истинѣ, ибо отъ Моего возьметъ. Обрати хорошенько вниманіе: не сказалъ:—отъ Меня, но отъ Моего. Отъ Моего, но-чье.? Дастъ вамъ отъ Моего, но возьметъ;—а беретъ не позаимствованное. Но такъ какъ Онъ наполнилъ источникъ, какъ начало даровъ, то черпаетъ изъ вмѣстительна вода и даетъ всё изъ Своего собственнаго. Отсюда—братъ—значитъ братъ изъ собственнаго. Слушай: наполнилъ Богъ Моисея Духомъ, и говоритъ Моисей: я не могу одинъ нести тяжесть этого народа, возьми Себѣ для служенія другого. Говоритъ ему Богъ: выбери семьдесятъ старѣйшинъ, и возьму отъ Духа, Который—въ тебѣ и дамъ на нихъ. Не сказалъ: возьму твоего, но отъ Духа, Который въ тебѣ,—изъ Моего возьму. Говоритъ Богъ: въ тѣ дни изолью отъ Духа Моего на всякую плоть,—и станутъ пророчествовать. Если Богъ, беря у Моисея, заимствовалъ (бралъ въ займы), то и Духъ, беря у Сына, заимствовалъ. Вѣдь Моисей есть прообразъ Христа;—ибо, какъ Моисеемъ были исполнены семьдесятъ, такъ отъ Христа весь міръ получилъ Духа Св.—

Отъ Моего возьметъ: изъ того, что Мнѣ удѣлили, Мнѣ, одному только Господнему человѣку,—возьметъ Себѣ Тотъ, Кто далъ, Кто сошелъ на Меня и остался во Мнѣ, Кто помазалъ Меня, освятилъ Меня, привелъ Меня въ пустыню, вывелъ Меня побѣдителемъ,—возьметъ отъ Моего и вамъ возвѣститъ. И, чтобы показать, что Онъ упоминалъ не о Духѣ Св., а о дарахъ Его, сказавъ: отъ Моего возьметъ, тотчасъ прибавилъ: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое (Іоан. XVI, 15). Я получилъ это отъ Духа Св., вотъ почему Я сказалъ: отъ Моего возьметъ, такъ какъ Богъ освятилъ плоть Духомъ Св. и послалъ Отецъ даръ Духа на плоть Христа. Пришла благодать, дала всѣ дары Христу, и Онъ говоритъ: отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ.“ Но и тутъ Златоустъ признаетъ, что о полученіи Духомъ Св. отъ Сына говорится только въ отношеніи того, что совершается Духомъ Св. раздавательно ради нашего спасенія, когда, напр., Онъ раздаетъ Свои дары вѣрующимъ. Въ этомъ именно смыслѣ Духъ Св. называется берущимъ у Сына,—что мы уже доказали. Мало того, Златоустъ здѣсь учитъ, что Духъ Св. только беретъ отъ Своего собственнаго, т. е. отъ Своей собственной полноты, которою Онъ обиталъ въ плоти Христа. Изъ этого еще съ большей ясностью вытекаетъ, что изъ того, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, нельзя выводить заключеніе, будто Духъ Св. отъ Сына исходитъ: ибо ни плоть Христа не есть причина Духа Св., ни Духъ Св. не есть причина Самого Себя.

О т в ѣ т ь III.

Далѣе,—не могъ быть одинъ только Духъ Св. названъ берущимъ отъ Сына, но, несомнѣнно, равнымъ образомъ и Сынъ беретъ отъ Духа Св. Это прежде всего ясно вытекаетъ изъ самой аргументаціи, которою Спаситель доказываетъ, на какомъ условіи Духъ Св. беретъ отъ Сына: все Отца, говоритъ Онъ, имѣетъ Сынъ,—слѣдовательно,—Духъ Св. беретъ отъ Сына. Но если потому, что Сынъ имѣетъ все Отца, другое божественное лицо беретъ отъ Сына то, что Оно возвѣщаетъ, то равнымъ образомъ съ необходимостью слѣдуетъ выводъ: такъ какъ Духъ Св. имѣетъ все Отца, то другое божественное лицо, т. е. Сынъ, беретъ отъ Духа Св. то, что Онъ возвѣщаетъ. Если, далѣе, изъ того, что какъ у Сына, такъ

и у Духа Св.—одна сущность и премудрость, а внѣшнія дѣйствія общи всей Троицѣ, слѣдуетъ, что Духъ Св., когда при содѣйствіи и съ согласія Сына возвѣщаетъ не противное мудрости Сына, а совершенно съ нею тождественное, — беретъ это отъ Сына, — то, конечно, отсюда равно такъ же слѣдуетъ, что Сынъ беретъ отъ Духа то, что возвѣщаетъ: ибо одинаково при содѣйствіи и съ соизволенія Духа и Сынъ возвѣститъ не противное мудрости Духа, но совершенно тождественное съ нею.

Златоустъ въ LXXVII бесѣдѣ на Іоанна, что мы уже выше приводили, говоритъ: „потому Спаситель говоритъ, что Духъ Св. возьметъ отъ Него,—т. е. что Я сказалъ, и Онъ скажетъ. Отъ Моего возьметъ, т. е., что Я знаю и сознаю. Ибо Мое знаніе и знаніе Духа — одно.—Отъ Моего возьметъ, т. е. ни въ чемъ со Мною не разойдется.“ Если же Духъ Св. потому беретъ отъ Сына, что говоритъ то, что сказалъ Сынъ и что Сынъ знаетъ и сознаетъ, ни въ чемъ съ Нимъ не разнясь, то, конечно, и Сынъ, сказавши то, что говорилъ Духъ Св. черезъ пророковъ и что зналъ и сознавалъ Духъ Св., ни въ чемъ съ Нимъ не расходящійся, правильно называется получающимъ отъ Духа Св.—И опять *Златоустъ* въ томъ же выше приведенномъ мѣстѣ заявляетъ: „а что (Спаситель) сказалъ: отъ Моего возьметъ,—либо отъ благодати, которая придетъ въ Мою плоть, либо отъ знанія, которое у Меня есть,—не такъ какъ бы его у Него (Духа Св.) не было, и не потому что Онъ узналъ отъ другого, но потому что (у Меня и у Него) знаніе одно и то же. Одно, говоритъ (Господь), ученіе Мое и Его; чему Я намѣренъ былъ учить, Онъ скажетъ. Не думайте, что Его ученіе—иное: ибо это —Мое.“ Если же опять Духъ Св. потому называется получающимъ отъ Сына, что то, что Онъ говоритъ, Онъ получаетъ изъ того же знанія, которое имѣетъ и Сынъ, и не какъ не имѣющій этого знанія, или заимствующій его отъ другого, но потому, что знаніе это одно и то же, и если Онъ намѣренъ былъ учить тому же, что сказалъ Сынъ, то конечно, ясно, что съ одинаковымъ основаніемъ нужно заключить, что Сынъ взялъ отъ Духа Св. Равнымъ образомъ и то, чему училъ Сынъ, Онъ получилъ изъ того же знанія, которое было въ Духѣ Св., и не потому получилъ, что какъ бы нуждался въ немъ, или научился ему у другого, — но потому, что

знаніе и сознание у Нихъ одно и то же, и Онъ сказалъ бы то же, чему намѣренъ былъ учить Духъ Св.—*Кириллъ Александрійскій* также въ XXI кн. гл. I толкованій на Іоанна говоритъ (въ мѣстѣ уже раньше приведенномъ): „и такъ Онъ возвѣститъ вамъ, говоритъ (Господь), получая изъ Моего, т. е. Онъ сообщитъ то, что Я хотѣлъ бы сказать. И такъ какъ это Духъ Мой, то Онъ будетъ говорить совершенно одно и то же со Мною, и возвѣститъ вамъ то, что составляетъ Мое желаніе.“ Но опять съ одинаковою послѣдовательностью выходитъ, что Сынъ также получилъ отъ Духа то, что Онъ возвѣщалъ, одинаково Онъ изложилъ не иное что, а то, что желалъ Духъ Св. и совершенно говорилъ одно и то же съ Нимъ. И отсюда, т. е. такъ какъ знаніе, мудрость и истина всей Троицы—одна, *Евсевій Эмиссенскій* ясно училъ, что Сынъ также получилъ отъ Духа Св. то, что Онъ проповѣдывалъ. Такъ въ словѣ на IV недѣлю послѣ Пасхи онъ говоритъ: „и Сынъ, когда проповѣдывалъ, бралъ изъ Своего и изъ того, что принадлежитъ Отцу и Духу Св. ибо одно знаніе и истина у всѣхъ Трехъ. Поэтому и Самъ Онъ говорилъ: Мое ученіе—не Мое. А если и Сынъ беретъ отъ Духа Св., то спрашивается, какимъ образомъ можно заключать: Духъ Св. беретъ отъ Сына, слѣдовательно—Онъ отъ Сына исходитъ? Неужели же, наконецъ, Духъ Св. есть начало Сына,—и какъ Сынъ рожденъ Духомъ Св., такъ отъ Сына исходитъ Духъ Св.?

ОТВѢТЪ IV.

Кромѣ того: беретъ, дѣйствительно, Духъ Св. отъ Сына, но не отъ вѣчности, а только во времени, разумѣется, какъ сказано, вслѣдствіе одной сущности, мудрости, истины и силы. Изъ самихъ словъ Спасителя ясно, что Онъ имѣетъ въ виду только временное полученіе, когда говоритъ: „отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ;“ ибо здѣсь глаголъ употребленъ въ будущемъ времени, а не въ прошедшемъ и обозначаетъ не то, что совершилось отъ вѣка, а то, что должно было впредь совершиться. Притомъ благодать, въ которой Духъ Св. намѣренъ былъ обнаружить Себя ученикамъ, тогда еще не была исполнена, а предвидѣлась въ будущемъ, какъ такая, которую Спаситель ставилъ въ зависимость отъ пришествія Св. Духа, на что и указываетъ глаголъ въ будущемъ времени: „и воз-

въститъ вамъ.“ Возвѣщеніе это еще не совершилось, и потому не было оно отъ вѣчности. Но равнымъ образомъ Спаситель сказалъ: „отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ.“ Слѣдовательно,—въ то время, когда возвѣститъ Духъ, тогда и возьметъ отъ Сына. Значить, тогда взялъ, когда возвѣстилъ; а возвѣстилъ во времени, а не отъ вѣка. И такъ—во времени только взялъ Духъ отъ Сына.

Отсюда *Дидимъ Александрійскій* во II кн. „о Духѣ Св.“ въ вышеприведенномъ мѣстѣ выражается: „Духъ Св. не беретъ того, чего раньше имѣлъ. Ибо если онъ беретъ то, чего раньше не имѣлъ, то, перенеся даръ на другого, раздаватель сталъ пустымъ, переставая имѣть то, что отдалъ.“ А если Духъ Св. взялъ отъ Сына то, что уже раньше имѣлъ, т. е. имѣлъ уже до дарованія Сыномъ, то, конечно, это полученіе—не вѣчное, а только временное. Такъ и *Златоустъ* говоритъ въ LXXVII бесѣдѣ на Іоанна: „отъ Моего возьметъ, т. е. отъ благодати, которая придетъ въ Мою плоть, либо отъ того знанія, которое есть у Меня, и не какъ не имѣющій и не потому, что узналъ отъ другого.“ И такъ, если Духъ Св. беретъ отъ Сына не какъ неимѣющій, или узнающій; то, конечно, взятое отъ Сына Онъ уже прежде имѣлъ, уже прежде до подачи Сыномъ зналъ; значить, не отъ вѣчности, а только во времени это получилъ.

И *Кириллъ* также въ XI кн. на Іоанна, гл. II говоритъ: „нужно понимать, что (Духъ Св.) беретъ отъ Отца и Сына то, что Имъ принадлежитъ, не потому, что когда-нибудь не имѣлъ знанія и силы, которыя въ Нихъ находятся, и только тогда имѣетъ, когда Онъ мыслится получающимъ: ибо Духъ—всегда премудръ и всемогущъ.“ Слѣдовательно, Духъ Св. уже и безъ дарованія Отцомъ, или Сыномъ имѣлъ то, что, по словамъ Спасителя, Онъ бралъ отъ Отца и отъ Него Самого. Значить, здѣсь дѣло идетъ не о вѣчномъ, а о временномъ только полученіи. Далѣе,—тотъ же *Кириллъ* въ XI кн. гл. I толкованій на Іоанна пишетъ: „никоимъ образомъ не слѣдуетъ допускать, что Утѣшитель, т. е. Духъ, лишенъ природной и прирожденной Ему силы, такъ что, если бы не получилъ, то оказался бы недостаточнымъ Самъ по Себѣ, чтобы совершать божественныя дѣла. Необходимо по справедливости считать послѣднимъ нечестивцемъ того, кто бы вздумалъ иѣчто подобное считать

вѣрнымъ.“ Значить, будучи уже совершеннымъ и ни въ чемъ не нуждаясь, Духъ Св. бралъ отъ Сына; уже раньше, безъ дарованія Сыномъ, имѣлъ Духъ Св. то, что взялъ отъ Сына. И такъ,—не отъ вѣчности, а во времени взялъ отъ Сына Духъ Св. А если, согласно словамъ Спасителя: „отъ Моего возьметъ“, не отъ вѣчности, а во времени только Духъ Св. беретъ отъ Сына, то какимъ, спрашивается, образомъ—взятіе отъ Сына можетъ служить доказательствомъ исхожденія Духа Св. отъ Сына? Исхожденіе Духа Св., конечно,—вѣчное, а не временное, а указанное полученіе Духомъ Св. отъ Сына—только временное, а не вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчное. Или—что за выводъ: Духъ беретъ отъ Сына временно,—слѣдовательно Онъ также беретъ отъ Него же вѣчно черезъ Свое ипостасное исхожденіе? Равнымъ образомъ, конечно, какъ указано было въ III отвѣтѣ, взялъ отъ Духа Св. Сынъ,—однако вслѣдствіе этого Онъ нерожденъ Духомъ Св.

Но возраженіе Латинянь, приведенное нами въ началѣ настоящей главы, говорило: „такъ какъ Духъ Св.—Богъ, то Онъ и совершенъ, ничего не лишень и ни въ чемъ не нуждается, что бы Онъ могъ получать во времени.“ Конечно, говорить, что Духъ Св. взялъ отъ Сына во времени потому именно, что Онъ прежде этого не имѣлъ, очень нелѣпо. Однако справедливо говорится о Духѣ Св., что Онъ беретъ отъ Сына и во времени то, что Онъ уже раньше имѣлъ, имѣя въ виду именно одну сущность и знаніе, т. е. въ томъ смыслѣ, въ какомъ сказано выше. Изъ этого, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, что вслѣдствіе такого полученія Духъ Св. несовершенъ, въ чемъ нибудь нуждается, или чего-нибудь лишень.

Между тѣмъ скажутъ: вотъ что говорилъ *Августинъ* въ XXIV главѣ книги „противъ рѣчи Аріанъ:“ „не слѣдуетъ смущаться, что глаголъ стоитъ въ будущемъ времени: возьметъ,—какъ будто-бы Онъ (Духъ) еще не имѣлъ:—времена глагола употребляются безразлично, хотя вѣчность понимается пребывающею безъ времени.“ Но здѣсь *Августинъ* слова Спасителя: „отъ Моего возьметъ“ толкуетъ не о временномъ полученія Духомъ Св. отъ Сына, но о вѣчномъ полученія Имъ, или исхожденія отъ Отца. Поэтому-то онъ и прибавилъ къ приведеннымъ словамъ: „ибо—и взялъ, такъ какъ отъ Отца изошелъ,—и беретъ, потому что отъ Отца исходитъ,—

и возьметъ, потому что никогда не перестанетъ отъ Отца исходить.“ Слѣдовательно, — если въ этомъ смыслѣ понимается полученіе Духомъ Св., то, конечно, въ этомъ полученіи нельзя усматривать никакихъ временъ. То же, что Богъ доставляетъ намъ въ отношеніи нашего спасенія, конечно, совершается во времени и допускаетъ различеніе временъ. И такъ, изъ положенія: Духъ Св. взявъ во времени отъ Сына то, что возвѣстилъ для нашего спасенія, — никоимъ образомъ не слѣдуетъ выводъ: — значитъ, Онъ взялъ это отъ Сына и отъ вѣчности.

Скажутъ далѣе: нелѣпо, повидимому, утверждать, что, если слова Спасителя: „отъ Моего возьметъ“ относятся къ Спасителю, то въ нихъ рѣчь идетъ о временномъ полученіи, — если же — къ Отцу, то ихъ нужно понимать въ смыслѣ вѣчнаго полученія или исхожденія. Какимъ образомъ также полученіе Духомъ Св. отъ Сына можетъ быть только временнымъ, тогда какъ временное полученіе Духомъ Св. отъ Отца предполагаетъ въ Духѣ Св. Его вѣчное исхожденіе? Что касается перваго, то сообразно со смысломъ, какой проливаютъ сами собой слова Спасителя и какой внушаетъ главнымъ образомъ Духъ Св., если они и понимаются въ отношеніи къ Отцу, они имѣютъ въ виду только временное полученіе Св. Духомъ отъ Отца, что мы и слышали выше изъ устъ св. Отцовъ. Но такъ какъ обыкновенно бываютъ разные смыслы одного и того же мѣста, то, кромѣ того, когда понимаются эти слова Спасителя въ отношеніи къ Отцу, они объясняются еще и въ смыслѣ вѣчнаго полученія, т. е. исхожденія Св. Духа отъ Отца. Ибо все, что говорится нѣсколько унизительнаго о Духѣ Св., по наставленію Григорія Богослова, нужно относить къ главной причинѣ, т. е. къ Отцу, чтобы видно было, отъ кого — Духъ Св. И такъ, — тогда какъ на указанномъ основаніи Духъ Св. отъ Отца беретъ и временно, и отъ вѣчности, отъ Сына Онъ беретъ только временно. Отсюда при толкованіи этого мѣста св. Отцы въ отношеніи Отца упоминаютъ о двоякомъ полученіи; въ отношеніи же Сына — объ одномъ только — временномъ. Слѣдовательно, — какимъ образомъ можно сказать, что въ этомъ случаѣ утверждается нѣчто нелѣпное? Далѣе, — когда Духъ Св. беретъ отъ Отца, то это полученіе предполагаетъ Его вѣчное полученіе, т. е. исхожденіе отъ Отца; но отсюда ни-

сколько не слѣдуетъ, что временное полученіе Духомъ Св. отъ Сына предполагаетъ одинакого въ Немъ вѣчное полученіе, т. е. исхожденіе отъ Сына. Ибо и въ Сынѣ, когда Онъ беретъ отъ Отца, предполагается Его вѣчное полученіе, т. е. рожденіе отъ Отца; и однако, когда Сынъ беретъ отъ Духа Св., - въ Немъ не предполагается Его вѣчное полученіе, т. е. рожденіе отъ Духа Св. Такимъ образомъ и посланіе Бога Сына Отцомъ предполагаетъ въ Немъ вѣчное рожденіе отъ Отца, и однако, хотя Сынъ также посылается и Духомъ Св., въ Немъ изъ-за этого не предполагается вѣчное рожденіе Его отъ Духа Св.—Но объ этомъ мы уже вели рѣчь въ главѣ, въ которой доказали, что посланіе Духа Св. Сыномъ не есть доказательство Его исхожденія отъ Сына.

ОТВѢТЪ V.

Поэтому-то Отцы объяснили полученіе Духомъ Св. отъ Сына отнюдь не въ смыслѣ причины,—мало того, они исповѣдали, что нельзя и не должно его въ такомъ смыслѣ понимать. И, *во первыхъ*, если бы *Аванасій* изъ того, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, выводилъ заключеніе, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, то приведенный нами въ началѣ этой главы аргументъ еретиковъ: „Духъ Св. отъ Сына беретъ,—слѣдовательно, Онъ есть сынъ Сына и внукъ Отца,“ Онъ разбилъ бы двумя словами, доказывая, что изъ этого слѣдуетъ всеконечно, что Духъ Св. произведенъ Сыномъ, но въ божествѣ не одно основаніе происхожденія: ибо Сынъ рождается, а Духъ исходитъ. Но уже *Аванасій* полагалъ, что этимъ разрѣшеніемъ вопроса нельзя пользоваться и прямо отвергаетъ этотъ аргументъ, какъ нелѣпный, о чемъ у насъ уже была рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

Далѣе, *Дидимъ Александрійскій* учитъ, что тамъ, гдѣ говорится о полученіи Духомъ Св. отъ Сына, нужно понимать это въ несобственномъ смыслѣ, и какъ нѣкоторое злоупотребленіе (*improprie et abusive intelligendum*): ибо нѣтъ ни Сына дающаго, ни Духа Св. получающаго;—Духъ Св. взялъ то, что уже раньше имѣлъ. Но какъ же могъ Сынъ не давать, а Духъ Св. не получать, если бы въ выраженіи: Духъ Св. беретъ отъ Сына смыслъ былъ такой: Духъ Св. отъ Сына исходитъ? Притомъ, если Духъ

Св. отъ Сына беретъ то, что онъ раньше уже имѣлъ безъ подачи Сыномъ; то, конечно, изъ смысла этихъ словъ отнюдь не выходитъ, что Духъ Св. взялъ отъ Сына, какъ отъ причины,—ибо того, что Духъ Св. получаетъ отъ причины, Онъ раньше еще не имѣлъ. Такъ во II кн. „о Духѣ“ Дидимъ пишетъ: „здѣсь — слово братъ — нужно понимать такъ, какъ прилично божественной природѣ. Какъ Сынъ, давая, не лишается того, что отдаетъ, и не сообщаетъ другимъ съ ущербомъ для Себя,—такъ и Духъ не получаетъ того, чего раньше не имѣлъ. Ибо если Онъ получилъ то, чего прежде не имѣлъ, то, передавши даръ другому, Онъ сталъ издержавшимся раздавателемъ, переставши имѣть то, что отдалъ. И такъ,—какъ мы понимали выше, разсуждая о природахъ безтѣлесныхъ, такъ и теперь нужно признать, что Духъ Св. получаетъ отъ Сына то, что принадлежало Его природѣ,—и это обозначаетъ не дающаго и получающаго, но одну сущность. А такъ какъ всякое человѣческое слово можетъ судить только о тѣлахъ, Троица же, о Которой у насъ теперь рѣчь, превосходить всѣ матеріальныя сущности,—поэтому никакое слово не можетъ быть къ Ней въ собственномъ смыслѣ приноровлено и обозначить Ея сущность, но все, что мы говоримъ, мы говоримъ *καταχρηστικῶς*, т. е. злоупотребительно (*abusivè*) обо всемъ безтѣлесномъ и въ особенности о Троицѣ.“ Точно такъ же и *Амвросій* отрицаетъ, что выраженіе: „отъ Моего возьметъ“, или что Духъ Св. отъ Сына беретъ, сказано о правѣ божественной власти. Между тѣмъ, если бы въ этихъ словахъ заключался смыслъ, что Духъ Св. отъ Сына исходитъ, то, конечно, это нужно было бы понимать въ значеніи божественной власти и преимущества силы: въ этомъ случаѣ у Сына была бы возможность или сила производить Св. Духа. Слова *Амвросія* въ III кн. XVIII гл. „о Духѣ Св.“ таковы: „написано: Онъ Меня прославить, потому что отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ. Это (Спаситель) сказалъ, повидимому, болѣе о дарѣ распредѣленія, чѣмъ о правѣ божественной власти.“

Затѣмъ, когда *Новаціанъ*, какъ теперешніе Латиняне, изъ того, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, сталъ выводить заключеніе, что Сынъ старше Духа Св.,—то, какъ извѣстно, *Иеронимъ* открыто осудилъ это ученіе *Новаціана*. Вотъ что именно говорилъ *Новаціанъ*, пресвитеръ древняго Рима, въ своей книгѣ „о Троицѣ,“

гл. XXIV* (стр. 1046 твореній Тертуліана, Парижск. изд. Памелія 1616 года): „если (Духъ Св.) взялъ отъ Христа то, что Онъ возвѣщаетъ, то Христось уже старше (больше) Утѣшителя, потому что Утѣшитель и не бралъ бы отъ Христа, если бы не былъ меньше (ниже) Христа. Будучи ниже Христа, Утѣшитель доказываетъ также, что Христось есть Богъ тѣмъ самымъ, что отъ Него получилъ Имъ возвѣщаемое,—получилъ для того, чтобы этимъ ярче засвидѣтельствовать божество Христа; оказавшись ниже Христа, Онъ беретъ у Него то, что передаетъ другимъ. Наоборотъ,—если бы Христось былъ только человѣкомъ, то Христось взялъ бы у Утѣшителя то, что Онъ говорилъ, а не Утѣшитель сталъ бы брать у Христа то, что Онъ возвѣщалъ.“ За эти именно слова осудилъ кнѣгу Новаціана Іеронимъ. Такъ въ примѣчаніяхъ тамъ же самъ Памелій, латинянинъ, говоритъ: „за это именно мѣсто книга эта названа блаженнымъ Іеронимомъ еретическою.“ Если отъ Сына Божія исходитъ Духъ Св., то, конечно, Сынъ старше Его, подобно тому какъ на этомъ основаніи св. Отцы учатъ, что Отець старше Сына. И такъ,—если Іеронимъ прямо отрицаетъ, что изъ того, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, слѣдуетъ, будто Сынъ старше Духа Св., то ясно, конечно, что никогда Іеронимъ слова: „отъ Моего возьметъ“ не понималъ въ смыслѣ исхожденія Св. Духа отъ Сына.

Такъ и *Іоаннъ Златоустъ* прямо учитъ, что не ясно вполне, почему сказано, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, и прибавляетъ, отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что Духъ одолжается у Сына или подлежить власти Сына. Однако это было бы по его разумѣнію, истиннымъ, если бы Духъ Св. исходилъ отъ Сына. Ибо Онъ не существовалъ бы, если бы не былъ произведенъ Сыномъ и на этомъ основаніи Онъ подлежалъ бы власти, или дышательной (*spirativa*) силѣ Сына, будучи отъ нея въ зависимости. И затѣмъ, Духъ Св. ничего не имѣлъ бы, если бы Сынъ Ему не далъ, и въ этомъ отношеніи Духъ Св. всеѣмъ былъ бы обязанъ Сыну. Такъ и говоритъ *Златоустъ* въ бесѣдѣ „о Святомъ и достойномъ поклоненія Духѣ“: „ты видѣлъ, какъ (Спаситель) сказалъ: не отъ Себя Самого говоритъ, но отъ Него (Духъ) получаетъ? Развѣ не можетъ обнаружиться самостоятельность Св. Духа? Не показало ли Писаніе, что

Онъ подлежитъ власти Сына, у Него одолжается и помогаетъ другимъ? Обрати тщательно вниманіе: каждый разъ какъ какое-нибудь выраженіе покажется тебѣ неяснымъ, не сразу соглашайся съ нимъ, но жди конца сужденія. Не видишь ли, какъ, когда возводятъ постройки, все смѣшано:—известь, камни, дерево—и все сливается въ твоихъ глазахъ, а для строителя все—на своемъ мѣстѣ? Онъ знаетъ своевременно, какъ эту смѣсь употребить въ томъ, или другомъ мѣстѣ и какъ все это теперь разбросанное, будучи приведено въ гармонію, создастъ красоту зданія. И такъ, когда увидишь, что говорящій перескакиваетъ отъ этого къ тому и отъ того къ этому, вѣрь, что онъ собираетъ матеріаль. Когда и я приложу матеріаль, тогда покажу гармонію.“ Конечно, если бы Златоустъ полагалъ, что изъ полученія Духомъ Св. отъ Сына слѣдуетъ, или этимъ Самымъ обозначается, что Духъ Св. отъ Сына исходитъ, то возражающему на это, что отсюда слѣдуетъ, что Духъ Св. подчиненъ Сыну и всѣмъ Ему обязанъ, онъ отвѣтилъ бы, что по его разумѣнію, это слѣдуетъ заключить, такъ какъ Духъ Св. отъ Сына исходитъ, что уже доказано, и никогда не сказалъ бы, что слова Спасителя неясны, или нуждаются въ длинномъ объясненіи. Онъ сказалъ бы однимъ словомъ: это разумѣется само собою, ибо Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Такъ и въ бесѣдѣ LXXVII на евангеліе отъ Іоанна онъ говоритъ: „отъ Моего, сказалъ (Спаситель), возьметъ,—либо отъ благодати, которая вошла въ мою плоть, либо отъ знанія, которое я имѣю, но не какъ нуждающійся, ни какъ узнающій отъ другого.“ Значить, то, что беретъ Духъ Св. отъ Сына,—Онъ беретъ не какъ неимущій,—и поэтому Онъ имѣлъ уже раньше, чѣмъ Сынъ Ему далъ; слѣдовательно, беретъ Духъ Св. отъ Сына не какъ отъ причины: ибо того, что Онъ беретъ отъ причины, Онъ раньше еще не имѣлъ.

Далѣе,—когда изъ того, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, Аріане дѣлали выводъ, что Сынъ есть начало Духа Св., то *Августинъ*, собираясь возражать на это доказательство въ кн. „противъ рѣчи Аріанъ“, отнюдь не прибавляетъ, что дѣйствительно изъ полученія Духомъ Св. отъ Сына правильно вытекаетъ заключеніе, что Сынъ—начале Духа Св., а Аріане заблуждаются, вѣруя только, что Духъ Св. произведенъ Сыномъ по способу творенія. Между тѣмъ онъ

такъ по необходимости отвѣтилъ бы, если бы полученіе Духомъ Св. отъ Сына онъ считалъ доказательствомъ исхожденія Духа Св. отъ Сына, ибо объ этомъ шла рѣчь; но, напротивъ, онъ ясно отрицаетъ, будто изъ того, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, слѣдуетъ, что Духъ—отъ Сына, потому что какъ Духъ, такъ и Сынъ—отъ Отца. И онъ прибавляетъ: если положеніе: „отъ Моего возьметъ“ понимать въ отношеніи начала, то его нѣжно относить къ Отцу, отъ Котораго исходитъ Духъ Св. Вотъ какъ Онъ выражается: „а что (Спаситель) сказалъ о Духѣ: отъ Моего возьметъ, то Онъ Самъ разрѣшаетъ вопросъ. Что бы не подумали, что Духъ Св. происходитъ черезъ нѣкоторыя ступени отъ Него такъ, какъ Онъ Самъ—отъ Отца, тогда какъ Они Оба отъ Отца—Одинъ рождается, Другой исходитъ,—каковыя двѣ вещи въ высотѣ этой природы различить совершенно трудно,—что бы этого не думали, какъ я сказалъ,—(Спаситель) сейчасъ прибавилъ: все, что имѣетъ Отець,—Мое,—поэтому Я и сказалъ: отъ Моего возьметъ;—прибавилъ, желая такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, дать понять, что (Духъ) беретъ отъ Отца.“ Отсюда, снова желая опровергнуть вышеприведенное нами доказательство аріанина Максимиана, также изъ полученія Духомъ Св. отъ Сына выводившаго заключеніе, что Сынъ есть начало Духа Св., Августинъ выраженіе: „отъ Моего возьметъ,“ опять объясняетъ, какъ относящееся къ Отцу, а не къ Сыну, ясно такимъ образомъ отрицая, что положеніе: „отъ Моего возьметъ,“ понимаемое въ отношеніи начала, можетъ быть относимо къ Сыну. Такъ въ I кн. „противъ Максимиана“ онъ отвѣчаетъ: „что ты говоришь: Господь сказалъ о Духѣ Св.—отъ Моего возьметъ, то это потому сказано, что Онъ взялъ отъ Отца, а все, что—Отца, есть, безъ сомнѣнія, и Сына. Ибо Самъ (Господь), сказавши это, прибавилъ; потому Я сказалъ: — отъ Моего возьметъ, что все, что имѣетъ Отець,—Мое.“

Въ этомъ смыслѣ въ другомъ мѣстѣ Августинъ отрицаетъ, что Духъ Св. беретъ отъ Сына. Ибо постепенность не имѣетъ мѣста въ Тройцѣ, такъ чтобы Духъ Св. бралъ отъ Сына, а Сынъ отъ Отца. Такъ во II кн. „противъ посланія Парменіана,“ въ гл. XV (т. VII твореній) онъ говоритъ: „такимъ образомъ изъ приведенныхъ имъ (Парменіаномъ) свидѣтельствъ обнаруживается худое положеніе, потому что, хотя Сынъ говоритъ, что Онъ взялъ отъ

Отца, а Духъ Св. беретъ отъ Него, но не по степенямъ, а такъ, какъ Онъ Самъ объяснилъ, говоря: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое, —потому-то Я сказалъ: отъ Моего возьметъ.“ И въ изслѣдованіи на евангеліе отъ Іоанна (т. IX твореній) Августинъ говоритъ: „то, что Онъ сказалъ: отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ, понимайте православно (каѳолическими умами). Ибо, какъ думали нѣкоторые еретики, не ниже Духъ Св. Сына оттого, что Сынъ беретъ отъ Отца, а Духъ Св. — отъ Сына по какимъ-то ступенямъ природы. Прочъ такое вѣрованіе, такія рѣчи, такія мысли отъ христіанскихъ сердець! Наконецъ Самъ (Господь) непосредственно разрѣшилъ вопросъ и объяснилъ, почему Онъ это сказалъ: все, говоритъ Онъ, чтó имѣетъ Отецъ, -- Мое,—поэтому Я и сказалъ, что (Духъ) отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ. Чего же вы хотите больше? И такъ, отъ Отца беретъ Духъ Св., — оттуда, откуда беретъ и Сынъ: ибо въ этой Тройцѣ отъ Отца родился Сынъ, отъ Отца исходитъ Духъ Св.—Одинъ только Отецъ ни отъ кого не родился, ни отъ кого не исходитъ.“ Точно такъ же и къ словамъ, приведеннымъ изъ XXIII гл. книги „противъ рѣчи Аріанъ,“ Августинъ прибавляетъ: „Духъ Св. называется получающимъ отъ Сына только по единосуцію: (Господь говоритъ это), желая такимъ образомъ дать понять, что (Духъ) беретъ отъ Отца, но также и изъ того, чтó Ему (Сыну) принадлежитъ, такъ какъ все, что имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Ему.“ Одинаковая мысль заключается и въ только что приведенныхъ словахъ изъ II кн. „противъ посланія Парменіана.“ Наконецъ, въ изслѣдованіи СѦП на евангеліе отъ Іоанна Августинъ прямо заявляетъ, что это („отъ Моего возьметъ“) сказано вслѣдствіе единства божества: „то, что (Спаситель) говоритъ, ведя рѣчь о Духѣ Св.: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое, потому-то Я сказалъ, что (Духъ) отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ, —это онъ сказалъ о томъ, что касается самого божества Отца, того, въ чемъ Онъ Ему равенъ, имѣя все, чтó Тотъ имѣетъ.“

Кириллъ Александрійскій въ XI кн., II гл. толкованій на евангеліе Іоанна также прямо училъ, что выраженіе о Духѣ Св., что Онъ беретъ отъ Сына употреблено не въ собственномъ смыслѣ,—что мы только такъ говоримъ о Богѣ, но понимать нужно не человѣческимъ образомъ, а образомъ, превосходящимъ наше

пониманіе: „пустъ никто, говоритъ онъ, не смущается словомъ:— беретъ, но пусть помнитъ, что мы это говоримъ о Богѣ, какъ люди, однако это понимать слѣдуетъ не такъ, а образомъ, наше пониманіе превосходящимъ.“ И въ XI кн. на Іоанна, въ гл. I: „а если это изложено нѣсколько грубыми словами, не слѣдуетъ однако поддаваться соблазну, а скорѣе будемъ жаловаться на бѣдность нашего языка, который не въ состояніи выразить божественное, какъ слѣдуетъ. Ибо какая рѣчь не стоитъ ниже этой невыразимой природы и славы?“ И такъ, Кириллъ выраженіе: „отъ Моего возьметъ“ не принялъ въ смыслѣ исхожденія Св. Духа отъ Сына,—иначе онъ, конечно, не сказалъ бы, что слова—Духъ Св. беретъ отъ Сына—нужно понимать не въ собственномъ смыслѣ, или что ихъ очень трудно объяснить,—а безъ всякихъ грубыхъ словъ, безъ жалобы на бѣдность языка, какъ это онъ сдѣлалъ, доказалъ бы, что это выраженіе объясняется легко двумя словами,—т. е. что смыслъ его тотъ, что Духъ Св. Сыномъ произведенъ,—что Латиняне находятъ самымъ очевиднымъ и легчайшимъ объясненіемъ. Опять въ кн. XI на Іоанна, въ гл. II. Кириллъ замѣчаетъ: „братъ понимается отъ Отца и Сына то, что Имъ принадлежитъ, не потому что (Духъ Св.) нѣкогда не имѣлъ той силы и знанія, которыя Имъ присущи, и сталъ имѣть лишь съ тѣхъ поръ, какъ считается имѣющимъ: ибо Духъ Св. всегда премудръ и всемогущъ.“ И въ I гл.: „никоимъ образомъ нельзя подозрѣвать, что Утѣшитель, т. е. Духъ Св., лишенъ естественной и прирожденной Ему силы, такъ что если бы не получилъ, то не былъ бы въ состояніи совершать божественныя дѣла.“ Если же Духъ Св. не нуждался въ полученіи и имѣлъ уже все то, что Онъ получаетъ отъ Отца и Сына, имѣлъ также безъ дарованія Отцомъ и Сыномъ, то ясно, что слова Христа: „отъ Моего возьметъ“ Кириллъ отнюдь не принималъ въ смыслѣ причины: то, что Духъ Св. уже имѣлъ, Онъ не могъ получить отъ Своей причины, какъ таковой.

Наконецъ, слова *Евсевія Эмиссенскаго* изъ бесѣды на IV недѣлю послѣ Пасхи очень ясны: „такъ какъ это—общее Всѣхъ Троицхъ и существенно общее, то Господь могъ сказать, если бы захотѣлъ: отъ Моего и Своего возьметъ и вамъ возвѣститъ. Ибо и Сынъ, когда проповѣдывалъ, бралъ изъ Своего и изъ того, что

принадлежить Отцу и Духу Св. Ибо премудрость и истина Всѣхъ Троицхъ—одна. Поэтому и Самъ (Господь) говорилъ: Мое ученье— не Мое.“

Если бы положеніемъ: Духъ Св. отъ Сына беретъ—обозначалось исхожденіе Св. Духа отъ Сына, то какъ бы могъ Евсевій сказать: Сынъ могъ бы взять отъ Духа Св. или Духъ Св.—отъ Своего? Развѣ Духъ Св.—начало Себя Самого, или начало Сына? Никонимъ образомъ, значить, положеніе: Духъ Св. беретъ отъ Сына — не должно толковать въ смыслѣ исхожденія Св. Духа отъ Сына.

Скажутъ, *во первыхъ*: если Духъ Св. все беретъ у Сына, какъ училъ выше Аѳанасій, то, конечно, беретъ у Сына и бытіе, а потому и исходитъ отъ Сына. Но именно Спаситель Самъ словами: „отъ Моего возьметъ и вамъ возвѣститъ“ показываетъ, что полученіе Св. Духомъ нужно понимать только относительно того, что Духъ Св. открываетъ, или творитъ раздавательно, т. е. для нашего спасенія: въ числѣ такихъ даровъ находится и возвѣщеніе, произведенное для учениковъ Духомъ Св. И такъ,—все, что ради нашего спасенія открываетъ, или совершаетъ Духъ Св., получаетъ Онъ отъ Сына, но подъ это никонимъ образомъ не можетъ быть подведено бытіе Св. Духа. Мало того, какъ показано, Сынъ также получаетъ отъ Духа Св.,—однако это полученіе понимается только въ отношеніи того, что Спаситель для нашего спасенія либо открылъ, либо совершилъ по Своему божеству,—а не таковъ смыслъ его, будто Онъ получаетъ отъ Духа Св. бытіе. Отсюда точно такъ же *Кириллъ Александрійскій*, говоря объ этомъ временномъ полученіи Духомъ Св. отъ Отца и Сына, объясняетъ его только въ отношеніи знанія и силы: „получаетъ, говоритъ онъ (кн. XI гл. II, на Іоанна), Духъ Св. отъ Отца и Сына то, что Имъ принадлежитъ, не потому, что знанія и силы, Имъ присущихъ, Онъ когда-нибудь не имѣлъ и только теперь имѣетъ, когда понимается получающимъ.“ Поэтому никогда св. каѳолическіе Отцы не учили, что Духъ Св. беретъ отъ Сына и бытіе.

Скажутъ *далее*: если, согласно словамъ Спасителя, Духъ Св. беретъ отъ Сына знаніе, то, конечно, Онъ беретъ отъ Сына и бытіе: ибо въ божествѣ знаніе тожественно съ бытіемъ. И справед-

ливо, что бытіе Духа Св. тожественно съ Его субстанціальнымъ знаніемъ, но ложно, будто субстанціальное знаніе Онъ получаетъ отъ Сына. То, что намъ сообщаетъ Духъ Св., Онъ получаетъ отъ Сына; но никакимъ образомъ Онъ намъ не сообщаетъ Своего субстанціальнаго знанія,—а только даръ знанія. Дары Св. Духа суть Его энергіи (возбужденія въ насъ)—и потому—сотворены. Такъ именно *Василій Великій* въ V кн. противъ Евномія (т. II твореній, стр. 141) говоритъ: „Духъ Св. имѣеть причиною Бога, какъ Свой источникъ, и оттуда почерпаетъ; Самъ же Онъ служитъ источникомъ вышеуказанныхъ благъ. Но то, что Онъ почерпаетъ отъ Бога, субстанціально; а то, что Онъ черпаетъ изъ Себя Самого,—суть Его дѣйствія.“ Слѣдовательно, Духъ Св. беретъ у Сына только даръ познанія, который и раздаетъ вѣрующимъ; утвержденіе же, что даръ познанія или познаніе, въ этомъ смыслѣ принимаемое, есть бытіе Св. Духа,—ложно, ибо бытіе Св. Духа не сотворено,—а дары Св. Духа причисляются къ сотворенной природѣ. Точно такъ же и Сынъ получаетъ, какъ показано было выше, знаніе или мудрость, намъ подаваемую, отъ Духа Св.; и однако отсюда не слѣдуетъ, что Сынъ получаетъ отъ Духа бытіе, хотя знаніе въ божествѣ одно и то же, что и бытіе. И почему, спрашивается, такое заключеніе не можетъ имѣть силы? Не иначе, какъ потому, что личное (субстанціальное) знаніе—тожественно съ бытіемъ, а даръ знанія—нѣтъ. Но не субстанціальное знаніе, а только даръ знанія получаетъ отъ Сына Духъ Св.,—это одно только Онъ намъ сообщаетъ.

Отсюда падаютъ сами собою доказательства нѣкотораго іезуита (Циховія), приведенныя нами въ концѣ 1-го отвѣта настоящей главы. Онъ разсуждалъ такъ: „отъ Того, кто имѣеть все, принадлежащее Отцу, Духъ Св. беретъ способность говорить, знать и съ Нимъ отождествляться. Мое все, что имѣеть Отецъ, говоритъ Сынъ.... Слѣдовательно....“ Опять: „отъ того, отъ кого Духъ Св. беретъ мудрость и силу просвѣщать апостоловъ, отъ Него беретъ и бытіе: ибо въ Богѣ знать и быть—одно и то же. Отъ Сына беретъ и Духъ Св. мудрость и силу просвѣщать, какъ свидѣтельствуеть Сама Истина.—Слѣдовательно“ и пр. Дѣйствительно, субстанціальное знаніе и мудрость, сила просвѣщать и говорить—тожественны съ бытіемъ. Но ложно, что Духъ Св. получилъ именно субстанціальное

знаніе, или что Духъ Св. получилъ отъ Того, Чье все, что имѣеть Отець, субстанціальную мудрость и силу говорить. То, что получилъ Духъ Св. отъ Сына, суть дары знанія, какъ напр. даръ просвѣщенія и пр.; а въ этомъ смыслѣ силу просвѣщенія, т. е. способность языковъ и знанія, нельзя назвать въ божествѣ отождествленіемъ. Правильно, сообразно съ тѣмъ, что мы выше доказали, что Христось такъ же получаетъ отъ Духа Св. способность говорить, знать, получаетъ мудрость, силу просвѣщенія, но отсюда однако не слѣдуетъ, что Сынъ получаетъ отъ Духа Св. бытіе. Почему же, какъ не потому, что иное дѣло, напр. даръ знанія и иное—субстанціальное (ипостасное) знаніе? Выше мы опровергали аргументы, доказывающіе, что Духъ Св. беретъ отъ Сына,—но занялись главнымъ образомъ выясненіемъ смысла словъ: „отъ Моего возьметъ,“ смысла, по которому, конечно, разумѣется, что Духъ Св. беретъ отъ Отца. Отсюда мы отрицали, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, что утверждалъ іезуитъ, основываясь на томъ, что слова Христа („отъ Моего возьметъ“) нужно толковать въ отношеніи къ Сыну.

Но возражать: *Дидимъ Александрійскій* во II кн. „о Духѣ Св.“ учитъ, что Духъ Св. беретъ у Сына свое бытіе. Ибо вотъ что онъ говоритъ: „и Сынъ называется получающимъ отъ Отца то самое, въ чемъ Онъ существуетъ,—и не иное что есть Сынъ, исключая то, что Ему дается Отцомъ, и не иная есть сущность Духа Св., кромѣ того, что дается Ему Сыномъ.“ Если, значитъ, не иная есть сущность Духа Св., кромѣ того, что дается Ему, или что онъ получаетъ отъ Сына, то, конечно, Онъ получаетъ отъ Сына свою сущность.—Но что Сидимъ отнюдь не допускаетъ, что Духъ Св. беретъ отъ Сына бытіе, очевиднымъ становится изъ того же мѣста, гдѣ онъ ясно отрицаетъ, что Духъ Св. на самомъ дѣлѣ беретъ отъ Сына, заявляя, что это говорится не иначе, какъ въ несобственномъ смыслѣ, или злоупотребительно (*abusive, καταχρηστικῶς*). Вотъ его слова: „нужно сознавать, что Духъ Св. беретъ отъ Сына то, что принадлежало Его (Духа) природѣ,---и это обозначаетъ не дающаго и получающаго, а одну сущность.“ И вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ приведенныя выше въ началѣ возраженія слова. Потомъ продолжаетъ: „такъ какъ всякое человѣческое слово ни о чемъ иномъ можетъ судить, какъ только о тѣлахъ, а Троица, о которой у насъ теперь идетъ

рѣчь, превосходить всѣ тѣлесныя сущности, — поэтому никакое слово не можетъ быть въ собственномъ смыслѣ къ ней припоровлено и обозначать ея сущность; но все, что мы говоримъ обо всемъ невещественномъ и въ особенности о Троицѣ, говоримъ *καταχρηστικῶς*, т. е. злоупотребительно (въ несобственномъ смыслѣ).“ Разумѣется, смыслъ словъ Дидима такой: Духъ Св., будучи Богомъ и совершеннымъ, ничего не могъ получить, чего бы Онъ раньше не имѣлъ; слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ Духъ Св. ничего не можетъ получать отъ Сына, какъ и замѣтилъ впереди приведенныхъ словъ самъ Сидитъ: „Духъ Св. не получаетъ того, чего прежде не имѣлъ, — ибо, если онъ получилъ то, чего прежде не имѣлъ, то перенесъ даръ на другого, самъ раздаватель сталъ бы неимущимъ, переставая имѣть то, что Онъ отдалъ.“ Между тѣмъ говорится только въ несобственномъ смыслѣ и злоупотребительно, что Духъ Св. получаетъ отъ Сына, что бы этимъ самымъ обозначить одну сущность Того и Другого. И такъ, Дидимъ нисколько не помогаетъ Латинянамъ. Ибо что за выводъ: у Сына и Духа Св. одна сущность (у Дидима это выражается: „Духъ Св. получаетъ отъ Сына не потому, что бы на самомъ дѣлѣ Духъ Св. получалъ отъ Сына,)“ слѣдовательно — Духъ Св. отъ Сына исходитъ? Такой выводъ тогда только имѣлъ бы мѣсто, если бы утверждалось, что Духъ Св. въ самомъ дѣлѣ беретъ отъ Сына свое бытіе, и если бы таково именно было толкованіе словъ: „отъ Моего возметь.“ Между тѣмъ мы потому помѣстили среди свидѣтельствъ другихъ Отцовъ и приведенныя слова Дидима, что въ нихъ еще и онъ заявляетъ: выраженіе — Духъ Св. беретъ отъ Сына употреблено только для обозначенія единства божественной сущности.

Настаиваетъ далѣе нѣкоторый іезуитъ¹⁾: Аѳанасій учить въ другомъ мѣстѣ, что Духъ Св. получаетъ отъ Сына свѣдѣніе о послѣднемъ судѣ. Слова Аѳанасія въ словѣ IV противъ Аріанъ (листъ 495) таковы: „если ты допускаешь, что Духъ Св. знаетъ (день суда), то гораздо болѣе знаетъ его Слово, насколько Оно есть Слово, отъ котораго получаетъ даже Духъ Св.“ Но Аѳанасій здѣсь не говоритъ, что Духъ Св. свѣдѣніе о послѣднемъ судѣ получаетъ отъ Сына, а если бы и говорилъ, то отсюда не слѣдовало

¹⁾ Циховій, вопр. I, стр. 8.

бы ничего нелѣпаго. Ибо какимъ образомъ Духъ Св. получаетъ отъ Сына знаніе грядущаго, мы видѣли выше,—именно—изъ того же знанія, которымъ обладаетъ Сынъ, и Онъ его имѣеть и получаетъ. Но тотъ же авторъ прибавляетъ: „онъ (Аѳанасій) также въ книгѣ объ общей сущности Отца, Сына и Св. Духа, листъ 222, въ концѣ черезъ слова: отъ Моего возьметъ (ἐκ τοῦ ἐμοῦ λήφεται)—доказываетъ, что ἐξ (предлогъ — изъ) должно быть придаваемо къ Сыну, какъ дается Отцу.“ Но какъ легко было бы разрѣшить это тому, кто имѣеть творенія Аѳанасія! Мы же теперь не имѣемъ ихъ подъ руками. Вслѣдъ затѣмъ выставляетъ тотъ же писатель слова Кирилла изъ XI кн. толкованій на евангеліе отъ Іоанна, гл. I, въ которыхъ тотъ говорить, что потому Духъ Св. беретъ отъ Сына, что Онъ единосущенъ съ Сыномъ и θεοπρεπῶς (богѣпно) исходитъ черезъ Него, имѣя во всемъ Его всю силу. Подобное тому находимъ у *Беллармина* въ XXV гл. II кн. „о Христѣ“, гдѣ онъ выводитъ изъ того же мѣста Кирилла слѣдующее возраженіе: „исходя черезъ Сына естественно, какъ собственный Его вмѣстѣ со всѣмъ, что Онъ совершенно имѣеть, (Духъ) называется получающимъ то, что Ему (Сыну) принадлежитъ.“ Но тамъ, гдѣ Кириллъ говоритъ: Духъ Св. θεοπρεπῶς, или естественно черезъ Сына выходитъ (выходитъ, а не исходитъ προῦν а не ἐκπορευόμενον), онъ никоимъ образомъ не разумѣеть вѣчнаго исхожденія Св. Духа, а только временное Его посланичество. Но *Белларминъ* настаиваетъ: „замѣть:—Духъ Св. исходитъ черезъ Сына со всѣмъ тѣмъ, что Онъ въ совершенствѣ имѣеть. Что же иное это обозначаетъ, какъ не то, что Духу Св. черезъ исхожденіе отъ Сына сообщаются божественная сущность и всѣ абсолютныя совершенства?“ Нелѣпность. Отнюдь Кириллъ не говоритъ, что Духъ Св. выходитъ черезъ Сына со всѣмъ, что имѣеть, но слова его таковы: Духъ Св. выходитъ естественно, какъ собственный Его со всѣмъ, что абсолютно (τελειῶς) имѣеть. Такимъ образомъ слова: „со всѣмъ, что абсолютно имѣеть,“ соединяются непосредственно со словами: „какъ Его собственный“, а не съ предшествующими: „черезъ Сына выходящій.“ Затѣмъ—смыслъ приведенныхъ словъ Кирилла такой, какой придаетъ въ приведенномъ мѣстѣ самъ Кириллъ, слова котораго мы читали выше во II отвѣтѣ, именно: какъ запахъ исходитъ отъ цвѣтка и все.

что способно вмѣстить его, обнимаетъ своимъ ароматомъ, при чемъ этотъ ароматъ, хотя кажется чѣмъ—то внѣшнимъ, однако есть одно и то же съ цвѣткомъ,—такъ должно понимать и полученіе Духомъ Св. отъ Сына,—т. е. когда Онъ переходитъ къ намъ черезъ Сына, просвѣщая насъ, такъ какъ Духъ Св. есть одинаково собственный Сына со всѣмъ, что Тотъ имѣетъ.

Остальное, что первый іезуитъ приводитъ изъ того же Кирилла, мы опровергали выше во II отвѣтѣ. О словахъ Игнатія, которые онъ вслѣдъ затѣмъ выставляетъ, мы поведемъ рѣчь въ особой главѣ, въ которой будетъ доказано, что выраженіе:—Духъ Св. слышитъ то, что говоритъ,—не есть аргументъ въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына. Возраженіе его, выводимое изъ словъ Анастасія Синаита, мы уже разрѣшили выше. Прибавляетъ онъ затѣмъ слова *Кирилла Иерусалимскаго* изъ его XVI оглашенія: „Отецъ даетъ Сыну, а Сынъ сообщаетъ Св. Духу. Самъ Иисусъ говоритъ: все Мнѣ передано Моимъ Отцомъ. И о Духѣ Св.: Онъ Меня прославить, потому что отъ Моего возьметъ.“ И присовокупляетъ: „отсюда ясно,—въ томъ смыслѣ сказано, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, или Сынъ сообщаетъ Духу Св., въ какомъ Сыну все передано Отцомъ. Но Сыну все передано внутреннимъ образомъ (ad intra), или въ отношеніи начала. Слѣдовательно, и Сынъ сообщаетъ Духу, а Духъ Св. беретъ отъ Сына внутреннимъ образомъ и по началу.“ Но, хотя Сыну Отцомъ передано все по началу, однако то, что Онъ беретъ отъ Отца во времени только вслѣдствіе одного и того же знанія, Онъ не получалъ уже отъ вѣка внутреннимъ образомъ, равно какъ Онъ не возвѣщалъ уже отъ вѣка внутреннимъ образомъ того, что Онъ возвѣщалъ во времени. Слѣдовательно, — въ этомъ смыслѣ справедливо то, что какъ Духъ Св. беретъ отъ Сына, такъ и Сынъ взялъ отъ Отца, и наоборотъ. Но что бы въ то время, какъ говорится, что Сынъ все получилъ отъ Отца внутреннимъ образомъ, т. е. и Свое отъ Него происхожденіе,—въ такомъ же смыслѣ необходимо было понимать и полученіе Духомъ Св. отъ Сына,—для этого нѣтъ никакого основанія. „Отецъ даетъ Сыну, а Сынъ сообщаетъ Св. Духу,“ говоритъ Кириллъ, конечно, для того, чтобы этимъ общеніемъ доказать, что у Отца, Сына и Духа Св.—одна и таже сущность. Но такой

выводъ равно слѣдовало бы сдѣлать, если бы въ отношеніи Сына понималось, что Сынъ отъ Отца беретъ внутреннимъ образомъ, а въ отношеніи Духа Св.,—что Духъ Св. отъ Сына беретъ только разсматриваемое во времени. Ибо если все внутреннее Сынъ имѣетъ отъ Отца, то Онъ, конечно, есть одной сущности съ Отцомъ,— и опять если Духъ Св. имѣетъ отъ Сына все, разсматриваемое во времени, вслѣдствіе единства знанія, силы и воли, то отсюда равнымъ образомъ слѣдуетъ, что и Духъ Св. имѣетъ одну сущность съ Сыномъ.

Приводить еще для защиты своего мнѣнія іезуиты нѣкоторыя слова Елифанія, но о нихъ мы скажемъ въ главѣ въ которой разберемъ возраженія, заимствованныя изъ писаній греческихъ Отцовъ. Тутъ же приводитъ онъ слова Василія, въ которыхъ говорится, что Духъ Св. беретъ отъ Сына; но этотъ аргументъ мы разбивали во всей настоящей главѣ. Выставляетъ онъ далѣе слова *Григорія Богослова* изъ XLIX слова о вѣрѣ (стр. 736): „Спаситель послалъ намъ Духа Св. изъ Своей собственной и одной и той же сущности, покровителя, печатника и путеводителя въ жизнь вѣчную, какъ написано въ словѣ Божіемъ: изолью отъ Духа Моего на рабовъ Моихъ и на рабынь Моихъ. И опять: Духъ изъ Меня выйдетъ. И Самъ Господь Спаситель Нашъ говоритъ: отъ Моего возьметъ, изъ того, конечно, что есть Сынъ, потому что и Сынъ—изъ того, что есть Отецъ.“ И прибавляетъ іезуитъ: „пусть противники замѣтятъ, что здѣсь они должны такъ относить къ Сыну то, что получается Духомъ Св., какъ относятъ они къ Отцу то, что получается Сыномъ.“ Прежде всего-то, какимъ образомъ Сынъ посылаетъ Св. Духа изъ Своей сущности, было показано въ главѣ, въ которой доказано, что посланіе Сыномъ Св. Духа не есть аргументъ въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына. Именно:—если Сынъ имѣлъ Св. Духа въ Себѣ и въ Своей сущности, то, конечно, Духъ Св. не могъ быть посланъ иначе, какъ изъ одной и той же Его сущности. Слѣдовательно, когда Св. Григорій училъ, что Спаситель посылаетъ намъ Св. Духа изъ одной Своей собственной сущности, то для доказательства этого онъ между прочимъ приводитъ также слова Христа: „отъ Моего возьметъ,“ чтобы смыслъ ихъ былъ таковъ, что Духъ, будучи къ намъ посланъ, получилъ не изъ иной, но изъ одной и той-же сущности Сына. Изъ этого, конечно,

ясно, что Св. Григорій тутъ ведетъ рѣчь только о временномъ полученіи Духомъ Св. отъ Сына. Равно въ этомъ смыслѣ затѣмъ онъ прибавляетъ: „потому что и Сынъ изъ того, что—Отецъ,“ давая, разумѣется, понять, что какъ Духъ Св., будучи посланъ Сыномъ, посылался изъ одной собственной сущности Сына и изъ нея получилъ то, что станетъ намъ возвѣщать, такъ равно и Сынъ, посланный Отцомъ, былъ посланъ изъ одной и собственной сущности Отца и изъ нея получилъ то, что намъ возвѣстилъ. И такъ, положимъ, согласно съ Григоріемъ Богословомъ, что должно относиться къ Сыну то, что отъ Него получается Духомъ Святымъ, такъ, какъ относится къ Отцу то, что отъ Него получается Сыномъ. Конечно, это полученіе должно понимать только въ смыслѣ того, что во времени получаетъ Сынъ отъ Отца, а Духъ Св.—отъ Сына, ибо и Тотъ, и Другой посылаются къ намъ. Но допустимъ, что по отношенію къ Сыну Григорій здѣсь разумѣетъ Его вѣчное полученіе отъ Отца,—однако отсюда ничего нельзя извлечь въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына. Ибо такимъ образомъ Григорій устанавливалъ бы сравненіе не просто въ полученіи получаемого, что бы оно и каково бы ни было,—какъ этого хотѣлъ іезуитъ,—а въ отношеніи того, что получается изъ одной и той же сущности. Св. Григорій сказалъ, что Духъ Св. посылается Сыномъ изъ одной и той же Его сущности, ибо такъ учить Спаситель, говоря: „отъ Моего возьметъ.“ Поэтому онъ и прибавляетъ: „потому что и Сынъ изъ того, что есть Отецъ,“ относя, разумѣется, эти слова къ только что сказанному, именно, что Духъ Св. посылается изъ одной и той же сущности Сына. Здѣсь всего лучше могъ бы быть установленъ такой смыслъ: какъ Сынъ ничего не можетъ получить отъ Отца внутреннимъ образомъ иначе, какъ только изъ Его сущности, такъ и Духъ Св., когда посылается къ намъ, равнымъ образомъ не можетъ получать отъ Сына иначе, какъ только изъ одной Его сущности.

Что касается Западныхъ Отцовъ - Иларія и Фульгенція, которыхъ здѣсь приводитъ также іезуитъ, то въ главѣ о поврежденіяхъ въ писаніяхъ латинскихъ Отцовъ доказано было, что свидѣтельства ихъ повреждены. Слова же Льва Великаго, имъ также приводимыя, такъ какъ они ничего не говорятъ, кромѣ того, что Сынъ даетъ

Духа Св., а это равносильно тому, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, то доказательство, которое Латиняне на нихъ основываютъ, мы разбили въ настоящей главѣ, равно какъ опровергли и то, что вслѣдъ затѣмъ присовокупили іезуитъ относительно словъ Христа: „отъ Моего возьметъ.“

Выставляетъ наконецъ тотъ же іезуитъ ¹⁾ слѣдующія слова *Епифанія* изъ LXIX ереси—Аріанъ: все сотворено Богомъ, —Одинъ только Сынъ Божій—рожденъ и Одинъ только Духъ Св. отъ Отца исшелъ и отъ Сына взялъ; все же остальное сотворено: произойдя, не изшло отъ Отца и не взяло отъ Сына, но отъ полноты Сына.“ Но ничего этимъ іезуитъ не достигаетъ. Епифаній учитъ: все Богомъ сотворено, —Сынъ же и Духъ Св.—не сотворены,—такъ какъ именно Сынъ отъ Отца родился, а Духъ Св. отъ Отца исходитъ и отъ Сына получаетъ. Гдѣ же изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что Духъ Св. произведенъ Сыномъ? Цѣль у Епифанія была доказать, что Духъ Св. не сотворенъ, и это онъ доказываетъ изъ того, что онъ получаетъ отъ Сына. А развѣ изъ того, что вслѣдствіе одной и той же сущности—изъ сущности, знанія и силы Сына получаетъ Духъ Св. то, что Онъ намъ возвѣщаетъ и для спасенія нашего совершаетъ (это и есть: —Духъ Св. получаетъ отъ Сына), не вытекаетъ необходимое заключеніе, что Духъ Св. не сотворенъ? Отсюда, затѣмъ, Епифаній, желая доказать, что все остальное сотворено, прибавляетъ такое основаніе: оно не изшло отъ Отца и не получило отъ Сына, а только отъ полноты Его, по словамъ евангелія: „отъ полноты Его мы все получили.“ Этимъ онъ, конечно, показываетъ, что все остальное потому сотворено, что не изшло отъ Отца и не получило вслѣдствіе одной сущности изъ самой этой сущности, знанія и силы Сына, а только изъ полноты, причастно, и какъ отъгнуду (со стороны). Въ этомъ именно смыслъ справедливо говорится, что все остальное сотворено: ибо не изъ Сына, а изъ полноты Его получило, если бы даже этимъ творческое начало и не противопоставалось вѣчному исхожденію отъ Сына.

Вотъ что можно возразить на утвержденія Латинянъ, которыми они силятся изъ словъ Сына: „отъ Моего возьметъ,“ вывести заключеніе, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына.

¹⁾ Циховій, тамъ-же стр. 12 и 13.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывается, что слова: „Духъ Св. не отъ Себя будетъ говорить, но будетъ говорить, что услышитъ,“ (Иоан. XVI, 13) не служатъ доказательствомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына.

Выставляютъ еще Латиняне въ пользу своего мнѣнія такой аргументъ: Христосъ Самъ свидѣтельствуеть о Себѣ, что Онъ не можетъ творить отъ Себя, если не видитъ Отца творящаго и,—что Онъ услышитъ отъ Отца, то скажетъ въ мірѣ (Иоан. V, 19, 30). Но это понимать нужно не иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что Сынъ произошелъ отъ Отца, какъ отъ причины. Въ свою очередь точно такъ же и о Духѣ Св. Сынъ говоритъ: „Духъ не отъ Себя говорить будетъ, но будетъ говорить, что услышитъ.“ И такъ, если Духъ Св. ничего не говоритъ, какъ только то, что услышитъ отъ Сына, ясно отсюда, что Духъ Св. равно отъ Сына и исходитъ. Сказанное: что услышитъ Духъ,—хотя не прибавлено отъ Меня,—нужно однако понимать о Сынѣ, такъ какъ Онъ говоритъ: „отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ.“ Слѣдовательно, отъ Сына слышитъ, потому что отъ Него беретъ.

Это доказательство совпадаетъ съ предъидущимъ, т. е. съ тѣмъ, въ которомъ изъ полученія Духомъ Св. отъ Сына выводили заключеніе, что Духъ Св. и исходитъ отъ Сына: ибо въ Троицѣ слышать значить то же, что и получать возвѣщаемое. Отсюда легко вытекаетъ разрѣшеніе настоящаго доказательства. Опять-таки такой же способъ разсужденія употребляли Аріане, съ цѣлью доказать,

что Сынъ—изчало Духа Св. Такъ Аріане въ рѣчи своей (у Августина, т. VI твореній) говорятъ: „Духъ Св. отъ Себя не говоритъ, но во всемъ ждетъ приказанія Христа: не отъ Себя, говоритъ (Господь), но что услышитъ, скажетъ.“

ОТВѢТЬ I.

Прежде всего, если имѣть въ виду главный смыслъ этого мѣста, смыслъ, который внушаетъ Духъ Св. въ особенности предъ прочими смыслами и который вытекаетъ самъ собою изъ словъ Спасителя, то въ этихъ словахъ вовсе не сказано, что Духъ Св. слышитъ отъ Сына. Христосъ не говоритъ: „что Духъ Св. отъ Меня услышитъ, скажетъ,“ а просто только: „что услышитъ, скажетъ,“ и прибавляетъ: „возьметъ отъ Моего то, что вамъ возвѣститъ.“ Слѣдовательно, отъ того слышитъ, отъ кого беретъ. Между тѣмъ согласно съ самымъ основательнымъ толкованіемъ этихъ словъ, въ нихъ говорится, что Духъ Св. беретъ отъ Отца,—какъ было доказано въ предъидущей главѣ. Равнымъ образомъ и смыслъ разсматриваемаго мѣста тотъ, что Духъ Св. будетъ слышать отъ Отца. Поэтому и самъ *Августинъ* на упомянутый доводъ Аріанъ отвѣчаетъ въ книгѣ „противъ рѣчи Аріанъ“, гл. XXIII слѣдующее: „а что Духъ Св. во всемъ ждетъ приказанія Христа, какъ они утверждаютъ, то пусть читаютъ, если могутъ. Ибо сказано: не отъ Себя будетъ говорить, но не сказано: все, что отъ Меня услышитъ, а что услышитъ, будетъ говорить. А почему такъ сказано, стало ясно уже не много раньше изъ упомянутого мною изложенія Господа, гдѣ Онъ говоритъ: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое, поэтому Я сказалъ:—отъ Моего возьметъ“ И отсюда, затѣмъ, Св. Отцы вездѣ выраженіе: „что услышитъ“ толкуютъ въ отношеніи къ Отцу.

Аванасій въ I діалогѣ противъ Македонія (слова, нами уже въ другомъ мѣстѣ приведенныя): „какъ Сынъ, имѣя все по природѣ въ качествѣ Сына, говоритъ: Я ничего не дѣлаю отъ Себя,—что бы отнести начало благъ къ Отцу, такъ понимай и то, что Онъ (Сынъ) говоритъ о Духѣ. Именно: все, что Тотъ имѣетъ въ Своей природѣ, какъ Духъ Божій, (Спаситель) относитъ къ самой причинѣ, говоря: не будетъ говорить отъ Себя, но скажетъ, что услышитъ, и будущее вамъ возвѣститъ. И еще: отъ Моего возьметъ, т. е. отъ Отца.“

Августинъ въ книгѣ „противъ рѣчи Аріанъ,“ отвергну увши, какъ мы только что видѣли, что выраженіе: „что услышитъ“ должно относить къ Сыну, прибавляетъ: „согласно съ этимъ, Духъ Св. не отъ Себя говоритъ, потому что Онъ не происходитъ (не есть) отъ Себя, исходя отъ Отца,—какъ и Сынъ не можетъ отъ Себя творить чтобы то ни было, потому что и Онъ не есть отъ Себя.“ И въ изслѣдованіи ХСІХ на Іоанна (т. ІХ): „какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Себѣ и Самъ Онъ—ни что иное, какъ жизнь, которая въ Немъ, и Сыну далъ (способность) имѣть жизнь въ Себѣ, т. е. родилъ Сына для того, что бы и Онъ былъ жизнью;—такъ должны мы понимать то, что сказано о Духъ Св.: не станеть говорить отъ Себя, но что услышитъ, скажетъ, что бы мы разумѣли, что Онъ не отъ Себя Самого: ибо Одинъ только Отецъ не (происходитъ) отъ другого. Между тѣмъ и Сынъ рожденъ Отцомъ, и Духъ Св. отъ Отца исходитъ.—Слѣдовательно, не будетъ говорить отъ Себя, потому что Онъ не отъ Себя Самого, но станеть говорить то, что услышитъ. Отъ Того услышитъ, отъ Кого исходитъ. Для него слышать то же, что знать, а знать то же, что быть, какъ выше доказано. И такъ,—потому что Онъ не отъ Себя, а отъ Того, отъ Кого исходитъ, то у Него знаніе отъ Того, отъ Кого бытіе, отъ Того, значить, и слышаніе, которое есть ни что иное, какъ знаніе. И нечего удивляться, что глаголь поставленъ въ будущемъ времени. Не сказано: что услышалъ, или что слышитъ,—но что услышитъ, скажетъ: ибо это слышаніе—вѣчно, такъ какъ знаніе—вѣчно. Въ томъ же, что вѣчно,—безъ начала и безъ конца,—глаголь непогрѣшительно ставится въ какомъ угодно времени,—въ настоящемъ ли, въ прошедшемъ, или въ будущемъ. И такъ отъ Того слышалъ, слышитъ, будетъ слышать, отъ Кого имѣетъ бытіе (есть), а имѣетъ бытіе отъ Того, отъ Кого исходитъ.“

Отсюда и *авторъ* миѣній, извлеченныхъ изъ *Августина*, въ миѣніи СССLXVII говорятъ: „а потому, такъ какъ сообразно съ круговращеніемъ времени человѣческая рѣчь принимаетъ разнообразный видъ, то о томъ, кто во всѣ времена не могъ, не можетъ и не сможетъ не быть, справедливо говорится въ какомъ бы то ни было времени. И такъ Духъ Св. всегда слышитъ, такъ какъ всегда знаетъ. А знать для Него равносильно тому, что и

быть, а вѣчно быть для Него—значить отъ Отца исходить. И никто не можетъ сказать, что Духъ Св. не есть жизнь, въ то время какъ жизнь—Отецъ, жизнь—Сынъ.“

То, что мы привели изъ ХСІХ изслѣдованія Августина на евангеліе отъ Іоанна повторяетъ и *Веда* въ комментаріи къ ХVІ гл. отъ Іоанна (т. V твореній, столб. 570) и въ книгѣ лѣтнихъ бесѣдъ о времени, на недѣлю „воспойте“ (т. VII, столб. 20).

И *Альбинъ Алкуинъ* въ комментаріи на евангеліе отъ Іоанна на слова: „не отъ Себя станеть говорить“—пишетъ: „не отъ Себя станеть говорить Духъ Св., можетъ быть, потому, что Онъ не есть объ Себя, но отъ Отца. Ибо Сынъ рожденъ Отцомъ, а Духъ Св. отъ Отца исходить. Не говоритъ отъ Себя, т. е. безъ общности съ Отцомъ и Сыномъ, ибо Духъ Св. не отдѣленъ отъ Отца и Сына, но одно дѣло—Отца и Сына Св. Духа...—Но станеть говорить, чтó услышитъ. — Услышитъ, разумѣется, по единству сущности и присвоенію знанія. Не станеть говорить отъ Себя, потому что Онъ не отъ Себя Самого. Ибо Одинъ только Отецъ—не отъ Иного,—Сынъ отъ Отца рожденъ, а Духъ Св. отъ Отца исходить. Отъ того, значить, услышитъ Духъ Св., отъ Кого исходить: ибо Онъ не отъ Себя, а отъ Того, отъ Кого исходить. И такъ отъ Того—слышаніе, которое есть ничто иное, какъ знаніе.“ *Гаймонъ* въ лѣтней бесѣдѣ на IV недѣлю послѣ Пасхи по поводу приведенныхъ словъ Христа: „услышитъ, конечно, отъ Отца, отъ Котораго Онъ (Духъ Св.) есть (происходить) не временно, но вѣчно, не видимо, но невидимо.“ Тоже говорятъ *Рабанъ Мауръ* въ CV бесѣдѣ (т. V твореній, стр. 653) и *Смарагдъ* въ бесѣдѣ на III недѣлю послѣ отданія Пасхи (стр. 97), повторяя только что цитированныя слова Альбина Алкуина.

И такъ, если по смыслу, который главнымъ образомъ внушаетъ Духъ Св. и который вытекаетъ самъ собой изъ самихъ словъ, нужно разумѣть, что Духъ Св. слышитъ отъ Отца по вѣчному Своему исхожденію, то ясно, что отсюда Латиняне не могутъ извлечь ничего въ защиту своего мнѣнія. Ибо что былъ бы за выводъ: Духъ Св. слышитъ отъ Отца по вѣчному Своему исхожденію, или, что то же, Духъ Св. отъ Отца исходить,—слѣдовательно Духъ Св. исходить также и отъ Сына?

ОТВѢТЪ II.

Но подобно тому, какъ по другому смыслу словъ: „отъ Моего возьметъ Духъ Св.“ можно понимать, что Духъ Св. беретъ отъ Сына, именно — когда Онъ вслѣдствіе одной и той же сущности беретъ отъ Сына то, что намъ возвѣщаетъ, — что было доказано въ предшествующей главѣ, — такъ равно отсюда слѣдуетъ (ибо, согласно словамъ Спасителя, отъ Кого беретъ Духъ Св., отъ Того слышитъ), что Духъ Св. слышитъ также и отъ Сына, — въ томъ, разумѣется, указанномъ нами смыслѣ, по которому вслѣдствіе тождества сущности Онъ возвѣщаетъ намъ не иное, а тождественное съ знаніемъ, истинною и волею Сына. Этотъ смыслъ равнымъ образомъ вездѣ предлагаютъ Отцы.

Аванасій въ діалогѣ „о Тройцѣ“ (т. II, стр. 179): „всякая тварь, если она разумна, — и хочетъ, и говоритъ отъ себя самой, такъ какъ имѣетъ собственную волю, которую заставляетъ молчать, что бы сказать волю Божию. Духъ же не — такъ, — но какъ Духъ Божій, имѣетъ одну и ту же волю съ Богомъ. Это и есть — не отъ Себя будетъ говорить.“ И на стр. 108: „всѣ разумныя твари иногда говорятъ свое собственное, иногда Божіе. Духъ же — не такъ: не говоритъ иногда Божіе, а иногда Свое. Ибо — не иная въ Немъ воля, такъ какъ не иная и въ Сынѣ, но одна воля Отца и Сына и Св. Духа, — и потому и говорится о Духѣ: Онъ будетъ говорить не отъ Себя Самаго, — а о Сынѣ: Я ничего не дѣлаю отъ Себя, но какъ научилъ Меня Отецъ, такъ говорю, — не потому, что бы Онъ не зналъ, что говорить, а потому, что не иного хочетъ Отецъ, не иного хочетъ Сынъ, не иного хочетъ Духъ Св.“ *Дидимъ Александрійскій* во II кн. „о Духѣ Св.“ (т. VI твореній Иеронима): „о Духѣ Св., Который посылается отъ Отца и есть Утѣшитель, — Спаситель, Который есть истина, говоритъ: Онъ не отъ Себя станетъ говорить, т. е. не безъ Меня и не безъ Моего и Отца соизволенія, ибо Онъ не отдѣлимъ отъ Моей воли и воли Отца.“ И далѣе, послѣ нѣсколькихъ словъ, вставленныхъ Латинянами¹⁾: „дабы кто-нибудь не отдѣлилъ Духа Св. отъ воли и общенія Отца и Сына, написано: не отъ Себя будетъ говорить, но будетъ говорить такъ, какъ услышитъ.“ И опять: „Духъ Св., отнюдь не

¹⁾ См. въ главѣ о поврежденіяхъ восточныхъ Отцовъ, поврежд. IX.

отдѣлимый отъ Сына вслѣдствіе общности воли и природы, не считается говорящимъ отъ Себя, но говорить все сообразно съ словомъ и истиною Бога.“ *Амвросій* во II кн., XII гл. „о Духѣ Св.“ „и потому, чтó говоритъ Сынъ, говоритъ и Отецъ, чтó говоритъ Отецъ, говоритъ и Сынъ, и чтó говоритъ Отецъ и Сынъ, гóворитъ и Духъ Св. Отсюда и сказалъ Сынъ Божій о Духѣ: не отъ Себя станетъ говорить, т. е. не безъ Моего и Отца общенія. Ибо не раздѣленъ и не разлученъ Духъ Св., но говоритъ, чтó слышитъ; слышитъ, разумѣется, вслѣдствіе единства сущности и собственности знанія.“ И въ V кн., гл. V „о вѣрѣ.“ „и не доведемъ мы Сына до такого уничтоженія, что будто Онъ не знаетъ, чтó говоритъ или дѣлать иначе, какъ то, чтó услышитъ, и не станемъ думать, что Ему предписана мѣра дѣйствования и говоренія потому, что написано: не отъ Себя Я говорилъ, и дальше: какъ сказалъ Мнѣ Отецъ, такъ Я говорю,—но это должно относить къ повиновенію плоти, или къ вѣрѣ въ единство. Ибо многіе изъ ученѣйшихъ—выраженіе: Сынъ слышитъ и Отецъ говоритъ что—либо Сыну—понимаютъ въ смыслѣ единства природы. То, чтó Сынъ по единству воли знаетъ, какъ хотѣніе Отца, то кажется, будто Онъ услышалъ. Отсюда выясняется не тѣлесное дѣяніе, но неразрывное соизволеніе совмѣстнаго дѣйствования. И здѣсь является не обозначеніе какого нибудь слышанія словъ, но единство воли и силы, которое находится въ Отцѣ и Сынѣ. Присутствіе этого единства припомнилъ (Спаситель) и въ Духѣ Св., говоря въ другомъ мѣстѣ: не отъ Себя Онъ станетъ говорить, но, чтó услышитъ, будетъ говорить, для того что бы мы замѣтили, что все, чтó говоритъ Духъ, говоритъ и Сынъ, и что говоритъ Сынъ, говоритъ и Отецъ.“

Іоаннъ Златоустъ въ LXXVII бесѣдѣ на евангеліе отъ Іоанна (около середины, стр. 395): „когда (Спаситель) говоритъ, что (Духъ Св.) ничего отъ Себя не станетъ говорить, то это значитъ, что Онъ не станетъ говорить ничего противнаго, ничего иного, чѣмъ то, что Самъ (Спаситель) скажетъ. Какъ, говоря о себѣ, (Спаситель) сказалъ: Я не говорю отъ Себя, т. е. ничего, кромѣ того, чтó принадлежитъ Отцу, ничего собственнаго, ничего Ему чуждаго,—такъ же и о Духѣ.“ *Кириллъ Александрійскій* въ X кн. толкованій на евангеліе отъ Іоанна (подъ конецъ, т. IV, стр. 925): „а когда (Духъ) при-

дѣть, говорить (Спаситель), не станетъ говорить что-либо отъ Себя. Почему? Онъ, конечно, вразумитъ васъ и откроетъ тайну истины: ибо отнюдь ничего не станетъ говорить, что бы мнѣ не угодно было, и не новое ученье вамъ передать, не Свои законы вамъ сообщить, но, будучи Духомъ и какъ бы умомъ Моимъ, скажетъ то, что заключается во Мнѣ.“ И въ XXXIV утверженіи „Сокровища“ на возраженіе еретика: Духъ Св. страдаетъ несовершенствомъ оттого, что Спаситель сказалъ: „не отъ Себя Онъ станетъ говорить,“—Кириллъ отвѣчаетъ (т. V твореній, гл. I, стр. 344): „говоря это о Духѣ Св., Спаситель показываетъ не несовершенство Его, а имѣетъ въ виду дать понять слушателямъ, что Духъ, являясь Его собственною сущностью, не станетъ говорить ничего иного, какъ только то, что Онъ Самъ (Спаситель) пожелалъ бы. Ибо Духъ есть умъ Сына, согласно съ Павломъ, который о Духѣ говоритъ: мы же имѣемъ умъ Христа. Слѣдовательно,—Духъ не можетъ говорить иное, чѣмъ Тотъ, Чей Онъ—умъ. Поэтому (Спаситель) утверждалъ, что Онъ ничего отъ Себя не будетъ говорить, какъ бы говоря: Я Самъ снова буду говорить вамъ,—подобно тому, какъ если бы человѣческій умъ говорилъ относительно исходящей изъ него рѣчи: она ничего не скажетъ отъ себя, но будетъ говорить то, что услышитъ.“ И на стр. 350: „не станетъ говорить отъ Себя, но скажетъ, что услышитъ.—Такъ какъ Онъ, совершивши Свое служеніе съ плотью, намѣревался взойти къ Отцу и общалъ послать Своимъ ученикамъ Утѣшителя, то сказалъ это, что бы кто-нибудь не заподозрилъ, что, можетъ быть, ученіе Духа Св. будетъ иное, чѣмъ Его, и что бы показать ясно, что такъ какъ Духъ Св. есть Его Духъ, то Онъ преподаетъ Его слова. Не станетъ говорить отъ Себя, говорить (Спаситель), но скажетъ, что услышитъ, ибо возьметъ изъ Моего.“ *Анонимный авторъ* въ катенѣ Греческихъ Отцовъ, въ толкованіяхъ къ XVI гл. отъ Іоанна (стр. 394): „(Спаситель) говоритъ, что Духъ не старше Сына, такъ какъ Онъ ничего не станетъ говорить отъ Себя, но то, что услышитъ. Что Я, то и Онъ скажетъ. Не по слабости не говорить, —а сказалъ о Немъ такъ (Господь) вслѣдствіе совершеннаго согласія Троицы.“ *Евсевій Эмиссенскій* въ словѣ на IV недѣлю послѣ Пасхи (т. V, ч. I. Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 681):

„что значить:—услышнть? Не слѣдуетъ понимать, будто въ этой невидимой Тройцѣ происходитъ какой-нибудь гласный и громкій разговоръ: въ томъ именно слышатъ Другъ Друга, что знаютъ и хотятъ. И такъ Духъ Св. станетъ говорить то, чего, какъ Онъ знаетъ, хотятъ Отецъ и Сынъ: ибо какъ воля общая, такъ и слышаніе.“ *Вигилій*, епископъ Тридентинскій, въ „спорѣ Аѳанасія съ Савеліемъ, Аріемъ и Фотиномъ“ (среди твореній Григорія Кассандра, стр. 498): „гораздо болѣе изъ этого оказывается, что Духъ Св. не чуждъ сущности Отца и Сына, такъ какъ Онъ не отъ Себя, будто чужой и сторонній, но какъ причастникъ одной и той же природы, общей Отцу и Сыну, дѣйствуетъ и говоритъ. И такъ, ты видишь, что Духъ Св. не отдѣлимъ отъ Отца и Сына, потому что говоритъ то, что признается собственнымъ Отца и Сына.“ *Беда* въ лѣтней бесѣдѣ о времени, въ недѣлю „воспойте“ (т. VII твореній, столб. 20), слѣдуя Амвросію, говоритъ: „не говоритъ Духъ Св. отъ Себя, т. е. безъ участія Отца и Сына,—ибо Духъ не раздѣленъ и не удѣляетъ части Себя, но будетъ говорить, что услышнть,—услышнть, разумѣется, по единству сущности и обладанію знаніемъ.“ *Альбинъ Алкуинъ*, упомянувши въ приведенномъ выше мѣстѣ о первомъ смыслѣ, по которому Духъ Св. понимается слышащимъ отъ Отца черезъ вѣчное Свое исхожденіе, присоединяетъ и этотъ второй смыслъ, т. е. тотъ, по которому Духъ Св. понимается слышащимъ отъ Отца и Сына по единству знанія, такъ какъ Духъ Св., разумѣется, не раздѣленъ отъ Сына и ничего не дѣлаетъ безъ общенія съ Сыномъ, а, напротивъ, дѣло Отца и Сына и Св. Духа—одно. Слова его мы привели въ I отвѣтѣ. Это мѣсто Алкуина цѣликомъ повторяютъ *Рабанъ Мавръ* и *Смарагдъ* въ цитированныхъ мѣстахъ.

И такъ несомнѣнно, что Отцы учили о полученіи Духомъ Св. отъ Сына не въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, который обозначаетъ, что, такъ какъ у Сына и Св. Духа одна сущность, знаніе и воля, то Духъ Св., что-либо возвѣщая, слышнть это отъ Сына, т. е. изъ одного и того же знанія и согласно волѣ Сына это возвѣщаетъ. Слѣдовательно,—какимъ образомъ можно сдѣлать заключеніе: Духъ Св. слышнть отъ Сына,—значить—отъ Него исходитъ?

Такая аргументація равносильна была бы выводу: Духъ Св. потому исходитъ отъ Сына, что у Того и Другого одна мудрость, сила и воля, — что нелѣпо.

Иное толкованіе этихъ словъ даетъ *Іоаннъ Златоустъ* въ бесѣдѣ „о Святомъ и достойномъ поклоненія Духѣ“ (далеко послѣ середины): „растолкуй мнѣ, что это значитъ: Я не отъ Себя говорю,—какъ сказалъ Спаситель? Ибо какое рѣшеніе Македоніанинъ выведетъ отсюда о Сынѣ, такое онъ примѣнитъ къ Духу Святому. Ну, теперь я говорю, почему Спаситель сказалъ: Я не отъ Себя говорю; и о Духѣ: Онъ не будетъ говорить отъ Себя. Прошу вашу любовь, остановимъ здѣсь наше вниманіе. Хотя Христосъ—одинъ, но много явилось ложныхъ Христовъ, какъ и сказалъ Спаситель: многіе придутъ во имя Мое лжехристы и лжепророки. И такъ, въ то время, какъ Христосъ—одинъ и пришествіе Его возвѣщено пророками, пришли эти лжехристы и не стали учить отъ закона и пророковъ, но говорили отъ себя самихъ и отъ собственнаго мнѣнія. Пришедшій Христосъ не отступилъ отъ закона, не отступилъ отъ пророковъ. А такъ какъ приходившіе до Христа не говорили ни во имя Христа, ни отъ закона, ни отъ пророковъ, но отъ собственного мнѣнія говорили ложь, то Спаситель говоритъ: Я отъ Себя не говорю, какъ они,—ибо говорить отъ себя значитъ говорить внѣ закона. Поэтому,—такъ какъ лжепророки проповѣдывали отъ себя самихъ, то Спаситель, очищая себя отъ этого подозрѣнія, говоритъ: Я не отъ Себя говорю. Почему-же? Потому что Христа считали обманщикомъ. Установимъ сначала это. И такъ, принятый за обманщика, Онъ говоритъ: Я не отъ Себя говорю, но отъ закона, отъ пророковъ, говорю, что услыхалъ отъ Отца,—услыхалъ отъ Отца не по божеству, но въ законѣ и пророкахъ. Отъ лица плоти (Спаситель) говоритъ, чтобы разрѣшить подозрѣніе въ обманѣ: Я не отъ Себя говорю, но то, что услыхалъ отъ Отца; а вы говорите то, что слышали отъ Отца вашего діавола. И что бы показать, что діаволъ, когда говоритъ въ комъ-нибудь, производитъ ложь, замѣчаетъ: когда онъ ложь говоритъ, отъ своего говоритъ. Я же не отъ Себя говорю, но отъ пророковъ и закона. Это и есть истина.—Подобно тому какъ Спаситель, очищая Себя отъ подозрѣнія, говоритъ: Я не говорю отъ

Себя, какъ обманщики, — такъ и о Духѣ Св.— Впрочемъ, умоляю, поразмыслимъ надъ этимъ. По слову Спасителя, появится много лжепророковъ и лжехристовъ и скажутъ—одинъ: это—я, другой: это—я,—какъ написано: многіе придуть во имя Мое, говоря: Я—Христось,—и многіхъ прельстятъ,—но не давайтесь въ обманъ. И такъ, подобно тому какъ нѣкоторые подозрѣвали, что есть обманные Христы, такъ придуть многіе, которые притворятся, что имѣють и говорятъ отъ Духа Св., Котораго у нихъ нѣтъ. Но тамъ являлся человекъ и говорилъ: Я—Христось, а здѣсь не осмѣливался кто-нибудь сказать: Я—Духъ Св. Ибо Духъ не сталъ тѣлеснымъ, а пришелъ невидимо. Пришелъ Онъ къ Петру, пришелъ къ Павлу, и было признано, что они одарены Духомъ Господнимъ. Всталъ Симонъ и сказалъ: я имѣю Духа. По лицу никто не видитъ, кто имѣетъ и кто не имѣетъ (Духа), или кто имѣетъ духа нечистаго и кто имѣетъ Духа Святого. Если бы Онъ былъ видимымъ, то не обманулъ бы: Его распознали бы. Пришелъ Монтанъ, говоря: я имѣю Духа Св.; пришелъ Манихей, говоря: я имѣю Духа Св. А не было это очевидно. И вотъ, что бы многіе не были обмануты именемъ, такъ какъ даръ имѣлъ придти не видимо, (Спаситель) говорить: когда придетъ Утѣшитель, Духъ истины, Который исходитъ отъ Отца, Онъ вамъ напомнитъ Мои слова и наведетъ васъ на всякую истину,—ибо Онъ не отъ Себя будетъ говорить. Если увидите, что кто-нибудь говорить: Я имѣю Духа Св.—и не говорить того, что въ евангеліи, а—свое, тотъ отъ себя говорить,—и нѣтъ Духа Св. въ немъ. Какъ о Себѣ (Спаситель) говорить: Я не отъ Себя говорю, что бы уничтожить подозрѣніе въ обманѣ, —мало того —отдѣлать ложь отъ истины; такъ, что бы показать, кто имѣетъ Духа Св. и кто не имѣетъ, но притворяется, что имѣетъ, говорить: отъ Себя не будетъ говорить. Отъ Меня вы слышали, что Я передалъ. Когда придетъ невидимый Духъ, Онъ скажетъ Мое. Если услышите, что кто-нибудь повторяетъ то, что — въ евангеліи, то навѣрное онъ имѣетъ Духа Св. Ибо придетъ Духъ Св., что бы напомнить вамъ то, чему Я училъ. И такъ если кто-нибудь изъ именующихся имѣющими Духа Св. станетъ говорить что-нибудь отъ себя, а не изъ евангелія, не вѣрьте,—слѣдуйте Моему ученію.“

Къ этому толкованію Златоустъ прибавляетъ тамъ же другое, именно: „отъ Себя не будетъ говорить, но что услышитъ, возвѣститъ вамъ, т. е. что Я сказалъ, Онъ подтвердитъ. И вотъ что удивительно. Какъ пришелъ Спаситель и сдѣлался исполненіемъ закона и пророковъ,—такъ исполненіе евангелія есть Духъ Св.—Христосъ пришелъ и исполнилъ то, что сказано Отцомъ въ законѣ и пророкахъ, почему Павелъ говоритъ: исполненіе закона—Христосъ; Духъ же Св. пришелъ и исполнилъ евангеліе. Все, что есть въ законѣ, исполняетъ Христосъ, а что есть въ ученіи Христа, исполняетъ Духъ Св.,—не потому, что бы Отецъ былъ не совершенъ; но какъ Христосъ явился, утверждая то, что есть Отца, такъ явился Духъ Св., утверждая то, что есть Сына. Почему это? Говоритъ Спаситель ученикамъ: многое имѣю вамъ сказать, но вы теперь не можете вмѣстить. Когда же придетъ Духъ Св., Онъ наставитъ васъ на всякую истину, потому что не отъ Себя станетъ говорить, ибо Онъ исполняетъ Мое. Сынъ исполняетъ то, что есть Отца и отъ Себя не говоритъ.“

Перваго пониманія держится и *Вигилій*, епископъ Тридентинскій, въ „спорѣ Аванасія съ Савелліемъ, Фотиномъ и Аріемъ“ (среди сочиненій Григорія Кассандра, стр. 495): „если бы Духъ говорилъ отъ Своего, то несомнѣнно считался бы не только чуждымъ Отцу, но и обманщикомъ и оболъстителемъ,—потому что, какъ говоритъ Сынъ, всякій, кто говоритъ ложь, отъ своего говоритъ. Поэтому-то Духъ говоритъ истину, такъ какъ не изъ Своего, т. е. не отъ Себя, а изъ того, что есть Отца и Сына и что нужно сказать, говорить.“

Тому же толкованію слѣдуетъ *Руппертъ* ¹⁾ Тутіенскій въ въ III кн. толкованій на евангеліе отъ Іоанна,—на слова: „не будетъ говорить отъ Себя“ (т. II твореній, стр. 307). Но и эти толкованія нисколько не помогаютъ Латинянамъ. Ибо какое доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына можетъ представлять утвержденіе, что Духъ Св. предлагаетъ изъ св. Писанія то, что Онъ возвѣщаетъ, или что Духъ Св. подтверждаетъ ученіе Сына?

¹⁾ пользовался извѣстностью въ началѣ XII столѣтія и умеръ въ 1135 г.
Прим. перев.

ОТВѢТЪ Ш.

Если, далѣе, Духъ Св. слышитъ отъ Сына тѣ, чтó говорить. то и Сынъ не менѣе слышитъ отъ Духа Св. то, что Онъ говорить, Слова Самого Спасителя таковы: „ибо Онъ не отъ Себя будетъ говорить, но, чтó услышитъ, будетъ говорить. Отъ Моего возьметъ все то, что возвѣститъ вамъ. Все Отца—Мое,—поэтому Я сказалъ, что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ.“ Въ этихъ словахъ Сынъ изъ того, что все Отца --Его, выводитъ, что Духъ Св. возьметъ или услышитъ изъ Его (Ему принадлежащаго),—ибо отъ кого беретъ Духъ Св., отъ того и слышитъ, какъ было выше показано. Значитъ; если потому Духъ Св. слышитъ отъ Сына, что Сынъ имѣетъ все Отца, то отсюда равнымъ образомъ слѣдуетъ, что Сынъ слышитъ отъ Духа Св., такъ какъ Духъ Св. имѣетъ все—Отца. Если, затѣмъ, Духъ Св. потому слышитъ отъ Сына, что вслѣдствіе одной и той же сущности изъ одной и той же воли и знанія Сына говорить возвѣщаемое, какъ доказано во II отвѣтѣ; то, конечно, равнымъ образомъ слѣдуетъ, что Сынъ услышалъ отъ Духа Св., когда говорилъ возвѣщаемое Имъ вслѣдствіе одной сущности изъ одного и того же знанія и воли Св. Духа. Это ясно вытекаетъ и изъ приведенныхъ выше словъ Отцовъ, въ которыхъ они указывали причину, почему Духъ Св. слышитъ отъ Сына. Такъ *Аванасій* говорилъ, что Духъ Св. слышитъ отъ Сына потому, что имѣетъ съ Нимъ одну и ту же волю, а не потому, что бы Онъ не зналъ, чтó говорить. Но и Сынъ Божій такъ же имѣетъ одну и ту же волю съ Духомъ Св., имѣя всю силу, всю власть отъ вѣчности по вѣчному Своему рожденію отъ Отца. *Дидимъ Александрійскій* говоритъ: „Духъ Св. неотдѣлимъ отъ воли, природы и истины Сына.“ Но и Сынъ равно не отдѣлимъ отъ воли, природы и истины Духа Св. — *Амвросій* утверждаетъ: Духъ Св. слышитъ по единству сущности и воли; то, что по единству воли знаетъ Сынъ, какъ хотѣніе Отца, Онъ, кажется, услыхавшимъ; слѣдовательно тутъ нужно понимать неразрывное совмѣстное дѣйствованіе. Но такое же единство природы, воли и неразрывнаго дѣйствованія, какое существуетъ у Духа Св. съ Сыномъ, существуетъ у Сына съ Духомъ Св. Не менѣе слѣдовательно кажется, что то, чтó знаетъ Сынъ, какъ желаніе Духа Св., Онъ услышалъ.

Такъ же учать и другіе св. Отцы: *Златоустъ*: что то же, что и Сынъ, а не противное Ему, говоритъ Св. Духъ, но и Сынъ въ свою очередь говорилъ не противное, а то же, что — Св. Духъ. — *Кириллъ Александрійскій*: что Духъ Св. говоритъ согласно съ волею Христа, не чужое ученіе передаетъ, не Свой законы вноситъ, но говоритъ то, что есть во Христѣ; что вслѣдствіе тожества сущности Духъ ничего не говоритъ помимо воли Христа; что Онъ по обладанію сущностью говоритъ то, что есть въ Сынѣ. Но равнымъ образомъ и Сынъ говорилъ согласно волѣ Духа; не чужое ученіе передалъ, не Свой законы принесъ, но говорилъ то, что есть въ Духѣ Св.; по тожеству сущности ничего помимо воли Духа Св. не говорилъ, по обладанію сущностью, какое существуетъ совмѣстно между Сыномъ и Духомъ Св., Онъ говорилъ то, что есть въ Духѣ Св. — *Анонимный* авторъ: что вслѣдствіе одной сущности Духъ Св. скажетъ то же, — но одно и то же съ Духомъ Св. сказалъ по единству сущности и Сынъ. — *Евсевій Эмиссенскій*: что Духъ Св. слышитъ отъ Сына по общности воли и знанія. А какая общность воли и знанія у Духа Св. съ Сыномъ, такая же у Сына съ Духомъ Св. — *Вигилій Тридентинскій*: что Духъ Св. говоритъ не отъ Себя, какъ чужой и пришлецъ, но какъ участникъ одной и той же природы, говоритъ то, что есть общее Отца и Сына. Но и Сынъ такъ же не отъ Себя, какъ бы чужой и пришлецъ, но какъ участникъ единой и одной и той же природы, говоритъ то, что принадлежитъ сообща Отцу и Духу Св. — *Беда*: что какъ безъ участія Отца и Сына Духъ Св. не говоритъ, такъ по единству сущности и обладанію знаніемъ Онъ это слышитъ. Но и Сынъ не говоритъ безъ участія Отца и Св. Духа; то же единство сущности существуетъ у Сына съ Духомъ Св. и Онъ пользуется Своимъ обладаніемъ знанія. То же основаніе указывали *Альбинъ Алкуинъ*, *Рабанъ Мавръ* и *Смарагдъ*, прибавляя совмѣстно, что дѣло Отца, Сына и Духа Св. — одно. На этомъ основаніи и Сынъ также слышитъ отъ Духа Св. то, что говоритъ. Это — то и выражаетъ *Евсевій Эмиссенскій* въ словахъ, выше приведенныхъ, именно онъ говоритъ: „что значитъ услышать? Не слѣдуетъ понимать это въ томъ смыслѣ, будто въ этой невидимой Троицѣ происходитъ какой нибудь гласный и громкій разговоръ. Слѣдовательно, въ томъ слышатъ Другъ Друга,

что знают и хотят. И такъ, Духъ Св. будетъ говорить то, чего, какъ Онъ знаетъ, хотятъ Отецъ и Сынъ: ибо какъ хотѣніе — общее, такъ и слышаніе.“

Такимъ образомъ, — если Сынъ такъ же слышитъ отъ Духа Св., то какъ, спрашивается, можно заключать: Духъ Св. слышитъ отъ Сына, слѣдовательно — Онъ отъ Сына исходитъ? Развѣ, наконецъ, и Духъ Св. также — начало Сына, и подобно тому, какъ Духъ Св. исходитъ отъ Сына, такъ и Сынъ рождается отъ Духа Св.?

ОТВѢТЪ IV.

И такъ, Духъ Св. дѣйствительно слышитъ отъ Сына, но не отъ вѣка, а во времени, какъ сказано, вслѣдствіе единства сущности, мудрости, истины и воли. Что только временное слышаніе имѣлъ въ виду Спаситель, явствуетъ изъ самихъ словъ Его, когда Онъ говорить: „не отъ Себя (Духъ Св.) будетъ говорить, но будетъ говорить, что услышитъ.“ Здѣсь глаголь (услышитъ) употребленъ не въ прошедшемъ времени, а въ будущемъ для обозначенія не того, что отъ вѣка уже произошло, а того, что еще должно было произойти. При томъ та благодать, вслѣдствіе которой Духъ Св. имѣлъ говорить ученикамъ, еще не исполнилась, а только должна была исполниться, какъ поставленная Спасителемъ въ зависимость отъ пришествія Духа Св., что опять таки знаменуетъ глаголь въ будущемъ времени: „станетъ говорить,“ — слѣдовательно, говореніе это еще не совершилось и потому оно не было отъ вѣка. Но равнымъ образомъ Спаситель говорить: „все, что ни услышитъ, скажетъ;“ слѣдовательно, — въ какое время скажетъ Духъ Св., въ то и услышитъ. Говорилъ же Онъ во времени, — значитъ, во времени только и слышалъ. По этому *Аванасій* въ I діалогѣ о Троицѣ (т. II, стр. 180) говорить: „вотъ почему сказано о Духѣ: не будетъ говорить отъ Себя, — и о Сынѣ: Я отъ Себя ничего не дѣлаю, но какъ научилъ Меня Отецъ, то говорю, — не потому что Онъ не зналъ, что говорить, но потому что не иного хочетъ Отецъ, не иного хочетъ Сынъ и не иного хочетъ Духъ Св.“ Если же говорится о Сынѣ, или о Духѣ Св., что слышатъ Они не потому, что не знали бы иначе, что говорить, но по одной волѣ, — то, конечно, выходитъ,

что Сынъ, или Духъ Св. знали раньше уже то, что услышать. Слѣдовательно, это не вѣчное слышаніе, а временное. И *Амвросій* въ кн. V, гл. V „о вѣрѣ“ говоритъ: „мы не низведемъ Сына Божія до такого уничиженія, — что Онъ не знаетъ, что дѣлать, или говорить, иначе какъ услышитъ....—Его (т. е. единства хотѣнія и силы, присущаго Отцу и Сыну) присутствіе напомнилъ также и въ Духъ Св., сказавши въ другомъ мѣстѣ: не отъ Себя будетъ говорить, но что ни услышитъ, скажетъ.“ Если же ложно, что Сынъ, или Духъ Св., не услышавши, не знаютъ, что дѣлать, или говорить, то ясно, что Сынъ, или Духъ Св. уже раньше, чѣмъ когда слышали, имѣли совершенную божественную сущность. Слѣдовательно, не отъ вѣка это слышаніе, но во времени. Подобно тому и *Кириллъ* Александрійскій въ XXXIV утверженіи „Сокровища“ (т. V, ч. I, стр. 344), на возраженіе еретика, что Духъ Св. страдаетъ несовершенствомъ, потому что „не отъ Себя будетъ говорить,“ отвѣчаетъ: „говоря это о Духѣ Св., Спаситель не показываетъ Его несовершеннымъ, но даетъ понять слушателямъ, что Онъ, будучи Его (Спасителя) сущности, ничего не станетъ говорить иного, кромѣ того, что Онъ Самъ хотѣлъ бы (сказать).“ Слѣдовательно, — если Духъ Св. вполнѣ совершенъ раньше, чѣмъ слышитъ отъ Сына, то, конечно, слышаніе это не вѣчное, а временное. А если не отъ вѣка, а во времени только Духъ Св. слышитъ отъ Сына, то какимъ, спрашивается, образомъ слышаніе Духомъ Св. отъ Сына можетъ быть доказательствомъ исхожденія Духа Св. отъ Сына? Исхожденіе Духа Св. конечно, вѣчно, а не временно.—Слышаніе Духомъ Св. отъ Сына—только временно, а не вѣчно. Какъ же это слышаніе можетъ быть тождественно съ исхожденіемъ? И что за выводъ: Духъ Св. слышитъ временно отъ Сына,—слѣдовательно,—Онъ также отъ вѣка отъ Него черезъ Свое ипостасное исхожденіе слышитъ! Одинаково, конечно, какъ доказано въ III отвѣтѣ, Сынъ слышитъ отъ Духа Св.,—однако изъ—за этого Онъ не рожденъ отъ вѣка Духомъ Св.—То же, что можно было возразить противъ этого временнаго слышанія, мы уже опровергали въ предъидущей главѣ, въ которой доказали (въ отвѣтѣ IV), что полученіе Духомъ Св. отъ Сына не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына: одно и то же тутъ во всемъ основаніе.

ОТВѢТЪ V.

Отцы отнюдь не установили, что слова: „не отъ себя будетъ говорить, но, что услышитъ, скажетъ“ нужно толковать въ отношеніи Сына, если ихъ понимать въ смыслѣ начала Духа Св. Свидѣтелемъ этого за всѣхъ Отцовъ можетъ служить одинъ *Августинъ*. Когда Аріанинъ изъ означенныхъ словъ Спасителя выводилъ, что Духъ Св. не отъ Себя говоритъ, а во всемъ ждетъ приказанія Христа, и отсюда заключалъ, что Сынъ есть начало Духа Св., то на это Августинъ отвѣчаетъ (II кн. „противъ рѣчи Аріанъ“, гл. XXIII): „что касается того, будто Духъ Св. во всемъ ждетъ приказанія Христа, то пусть читаютъ, если могутъ. Сказано: не отъ Себя будетъ говорить, но не сказано: все, что ни услышитъ отъ Меня, а—что ни услышитъ, скажетъ.“ И далѣе доказываетъ, что слова Христа должно толковать, относя ихъ къ Отцу, какъ мы выше это видѣли. Конечно, если бы Августинъ вѣрилъ, что изъ указанныхъ словъ Христа какимъ-нибудь образомъ вытекаетъ заключеніе, что Сынъ есть начало и причина Духа Св., то онъ уступилъ бы въ этомъ еретику и доказалъ бы однако, что Духъ Св. произошелъ отъ Сына не по способу творенія (*creative*), а черезъ исхожденіе (*processive*).—А между тѣмъ онъ рѣшительно не допускаетъ, что бы изъ этихъ словъ Христа выходило, что Духъ Св. во всемъ ждетъ приказанія Христа, т. е. во всемъ отъ Него зависитъ, — что, конечно, справедливо, если Духъ Св. вѣчно исходитъ отъ Сына. Отсюда вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что Августинъ приведенныя слова Спасителя никоимъ образомъ не принималъ за доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына.

Но Латиняне настаивали на своемъ, согласно съ возраженіемъ, выставленнымъ въ началѣ настоящей главы,—гдѣ о Сынѣ сказано, что онъ слушаетъ Отца, что не творитъ ничего иначе, какъ только видя Отца творящимъ,—и это понимается относительно вѣчнаго произведенія Сына; слѣдовательно такъ же точно имѣется въ виду вѣчное исхожденіе отъ Сына, когда о Духѣ Св. говорится, что Онъ ничего не говоритъ отъ Себя, но станетъ говорить то, что услышитъ. Однако въ двоякомъ смыслѣ говорится, что Сынъ слышитъ отъ Отца и не отъ Себя говоритъ: либо это понимается въ

отношеніи Его вѣчнаго произведенія, либо только въ отношеніи временнаго слышанія. Ибо, хотя часто Отцы это слышаніе Сына толкуютъ въ смыслѣ Его вѣчнаго рожденія, однако въ иныхъ мѣстахъ все — таки объясняютъ только, какъ временное слышаніе. Такъ *Аванасій* въ приведенномъ уже мѣстѣ изъ I-го діалога „о Троицѣ“ говоритъ: „говорится о Духѣ: не будетъ говорить отъ Себя,—и о Сынѣ: отъ Себя Я ничего не дѣлаю, но какъ научилъ Меня Отецъ, говорю это,—не потому, чтобы Онъ не зналъ, чтó говорить, а потому, что не иного хочетъ Отецъ, не иного хочетъ Сынъ, не иного хочетъ Духъ Св.“ О временномъ только слышаніи здѣсь идетъ рѣчь, какъ только что доказано въ IV отвѣтѣ. Тамъ же доказано также, что слова Амвросія изъ V кн., гл. V „о вѣрѣ“ имѣютъ въ виду только временное полученіе Сыномъ отъ Отца: „мы не будемъ низводить Сына до такого униженія, будто Онъ не можетъ творить, или говорить, если не услышитъ, и не станемъ думать, что Ему предписана мѣра дѣланія и говоренія, потому что написано: Я не отъ Себя говорилъ,—и далѣе: какъ сказалъ Мнѣ Отецъ, такъ говорю.“ Одинаково, значитъ, въ двоякомъ отношеніи понимается слышаніе Духомъ Св. отъ Отца: слышитъ Онъ временно по тожеству сущности,—слышитъ и отъ вѣчности по вѣчному исхожденію Его отъ Отца. Но нѣтъ никакого основанія утверждать, будто потому, что какъ Сынъ, такъ и Духъ Св. въ двоякомъ отношеніи слышатъ отъ Отца, необходимо слѣдуетъ заключить, что равнымъ образомъ Духъ Св. не въ одномъ только, но также въ двойномъ такомъ отношеніи слышитъ отъ Сына. Ибо и Сынъ, какъ выше было доказано, слышитъ отъ Духа Св.,—и однако, хотя Сынъ въ двойномъ указанномъ отношеніи слышитъ отъ Отца, Онъ изъ-за этого не слышитъ отъ Духа Св. какъ отъ вѣчности, т. е. въ отношеніи начала, такъ и во времени.

Выставляетъ, далѣе, нѣкто ¹⁾ слѣдующія слова *Игнатія* изъ его посланія къ Ефесянамъ: „Духъ Св. говоритъ не Свое собственное, но Христово, и не отъ Себя, а отъ Господа, какъ и Господь возвѣстилъ намъ то, что взялъ отъ Отца. Слово, сказалъ (Спаситель), которое вы слышали,—не Мое, но Отца, пославшаго

¹⁾ Циховій въ вопр. I. стр. 9.

Меня. И о Духѣ Св. говоритъ: не будетъ говорить отъ Себя, но то, что услышитъ отъ Меня. О Себѣ же (говоритъ Спаситель) Отцу: Я прославилъ Тебя на землѣ и пр.—и о Духѣ Св.: Онъ Меня прославить, потому что возьметъ отъ Моего.“ Вотъ изъ этого-то мѣста, настаиваетъ іезуитъ, можно вывести рѣшеніе вопроса, которое мы ищемъ. Ибо—отъ кого Духъ Св. беретъ то, что Онъ говорить, такъ, какъ беретъ отъ Отца Сынъ то, что Онъ возвѣщаетъ, отъ того такъ исходитъ Духъ Св., какъ Сынъ Божій раждается отъ Отца. Но Духъ Св. беретъ отъ Сына все, что ни говорить,—слѣдовательно,—Онъ такъ исходитъ отъ Сына, какъ Сынъ раждается отъ Отца.

Но въ виду того, что какъ Сынъ, такъ и Духъ Св. слышать отъ Отца въ двоякомъ отношеніи, т. е. временно, и по вѣчному произведенію, то, если большая посылка этого силлогизма понимается въ смыслѣ временнаго слышанія, она, конечно, совсѣмъ ложна,—какъ мы доказали во всей этой главѣ; если же эта большая посылка понимается въ смыслѣ вѣчнаго произведенія Сына, то справедливо сказанное, именно: отъ кого Духъ Св. такъ беретъ, или слышитъ то, что говорить, какъ Сынъ беретъ отъ Отца черезъ вѣчное Свое рожденіе отъ Него,—отъ того такъ исходитъ Духъ Св., какъ Сынъ раждается отъ Отца. Но въ такомъ случаѣ меньшая посылка совсѣмъ будетъ ложна, т. е. что Духъ Св. такъ беретъ отъ Сына то, что говорить, какъ Сынъ беретъ отъ Отца все, что ни возвѣщаетъ. Самымъ недобросовѣстнымъ образомъ іезуитъ подставилъ меньшую посылку подъ указанную большую: но Духъ Св. беретъ отъ Сына все, что ни говорить, тогда какъ подлежащее большей было бы: отъ кого Духъ Св. такъ беретъ все, что ни говорить, какъ беретъ Сынъ отъ Отца все, что ни возвѣщаетъ. Если же этотъ силлогизмъ разложить на слѣдующіе простые термины: Сынъ называется слышащимъ отъ Отца потому, что Онъ Отцомъ рожденъ; такъ какъ Духъ Св. называется слышащимъ отъ Сына такъ, какъ Сынъ отъ Отца; то равно, конечно, Духа Св. нужно признавать слышащимъ по вѣчному происхожденію, т. е. по исхожденію отъ Сына. Но такимъ образомъ изложенное доказательство это разрѣшалось нами только что послѣ V отвѣта. Ибо Сынъ не потому только называется слышащимъ отъ Отца, что

отъ вѣчности Имъ рожденъ, но также и потому, что то, что Онъ говоритъ во времени, Онъ говоритъ согласно съ мудростью, истинною и волею Отца. И такъ, если имѣть въ виду этотъ послѣдній смыслъ, то, конечно, какъ Сынъ отъ Отца, такъ Духъ Св. отъ Сына слышится; но отсюда никоимъ образомъ нельзя сдѣлать вывода, какъ всякому ясно, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына. Если же имѣть въ виду первый смыслъ, то, конечно, Сынъ слышится отъ Отца по вѣчному онъ Него роженію; но ложно, будто въ этомъ смыслѣ какъ Сынъ отъ Отца, такъ Духъ Св. отъ Сына слышится.

Приводить затѣмъ, тотъ же авторъ ¹⁾ слово *Кирилла* Александрійскаго изъ VII діалога „о Троицѣ“ (листъ 658). (То, что онъ прибавляетъ изъ Дидима, Августина и Фульгенція—испорчено, какъ мы въ другомъ мѣстѣ доказали) ²⁾ Кириллъ говоритъ: „какъ Сынъ, будучи единосущенъ съ Богомъ Отцомъ и будучи Его Словомъ, говоритъ то, что есть Его (Отца), такъ и Духъ говоритъ слова Христа, будучи Его Духомъ.“ Но тутъ Кириллъ учитъ, что Духъ Св. говоритъ слова Христа только по единству сущности и связи, какая существуетъ между Духомъ Св. и Сыномъ, такъ какъ именно Духъ Св. есть собственный Духъ Сына, а не потому, что Онъ отъ Сына также исходитъ. Кириллъ въ этихъ словахъ устанавливаетъ сравненіе между Сыномъ и Духомъ Св. въ томъ, что Сынъ говоритъ слова Отца, а Духъ Св. слова Сына; но Онъ нисколько не полагаетъ общности Того и Другого въ одномъ и томъ же отношеніи, т. е. будто по одинаковому отношенію Онъ говоритъ то, что есть Отца, а Духъ Св.—то, что есть Сына. И поэтому въ такомъ смыслѣ Кириллъ говоритъ: какъ Сынъ, потому что Онъ единосущенъ съ Отцомъ и Имъ рожденъ, говоритъ то, что Отца,—такъ равно и Духъ Св. говоритъ то, что есть Сына, потому что Онъ собственный Духъ Сына и съ Нимъ единосущенъ.

Приводить, наконецъ, тотъ же писатель тамъ же слова *Кирилла* изъ XXXIII кн. егѣ „Сокровища“ (листъ 344): „говоря это о Духѣ Св., Спаситель не показываетъ, что Онъ—несовершенно,

¹⁾ Тамъ же, стр. 7.

²⁾ См. II гл. поврежденіе IX и X. III гл. поврежденія XVII, XVIII и XXII и гл. IV—VI вѣкъ.

но говорить, что бы еще болѣе убѣдить слушателей, что Онъ, будучи изъ Его (Сына) сущности, ничего иного не скажетъ, какъ то, что Онъ Самъ хочетъ.“ Опять изъ того же мѣста: „будучи умомъ Христа, (Духъ) выражаетъ то, что есть въ Немъ. Ибо Онъ не говоритъ чуждаго Тому, изъ Котораго и въ Которомъ Онъ, но какъ естественно исходящій изъ Его сущности.“ Но, какъ мы доказываемъ въ главѣ, въ которой опровергаемъ свидѣтельства, предложенныя изъ писаній восточныхъ Отцовъ, Кириллъ учитъ, что Духъ происходитъ (есть) изъ сущности Сына не въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, что Онъ есть одной и той же сущности съ Сыномъ; и не въ иномъ смыслѣ выражаетъ, что Духъ Св. есть отъ Сына, какъ въ томъ, что Духъ Св. подается намъ отъ Сына. Изъ сущности Сына, говоритъ Кириллъ, Духъ Св. естественно *выходитъ* (въ греческомъ употреблено слово *προῆναι*, а не *ἐκπορεύεσθαι*), такъ какъ подается Сыномъ не въ родѣ служителя, или какъ чужой, но какъ собственный. Не чуждое Сыну, или волѣ Его говорить Духъ Св., по словамъ Кирилла, потому что Духъ Св. одной и той же сущности съ Сыномъ, потому что Сыномъ дается, потому что, наконецъ, изъ Сына, какъ собственный и непосторонній, подается вѣрующимъ. Гдѣ же тутъ Кириллъ по поводу словъ Христа: „Духъ Св., что ни услышитъ, скажетъ“ учитъ, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына?

Вотъ сколько можно сказать противъ тѣхъ, кто изъ словъ Христа: „не отъ Себя Духъ будетъ говорить, но что услышитъ, будетъ говорить“ выводитъ исхожденіе Духа Св. отъ Сына.

ГЛАВА ЧЕТЫРЕНАДЦАТАЯ,

въ которой опровергаются остальные доказательства Латинянъ въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына, взятыя изъ священнаго Писанія.

 риводятъ Латиняне въ доказательство своего мнѣнія слова Іоанна Богослова изъ XXII гл. апокалипсиса: „и показаль мнѣ рѣку воды жизни, блистающую, какъ кристалль, исходящую отъ сѣдалища Бога и Агнца.“ Подъ Богомъ и Агнцемъ обозначаются Отець и Сынъ, а подъ рѣкою воды жизни разумѣется Духъ Св., ибо подъ этимъ именемъ Онъ является у Спасителя въ другомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, говорятъ Латиняне, Богословъ ясно учитъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына, показывая это подъ видомъ рѣки воды жизни, исходящей отъ сѣдалища Бога и Агнца.

Но, прежде всего, это мѣсто *Августинъ* толкуетъ относительно крещенія въ XVII бесѣдѣ на апокалипсисъ (т. IX твореній): „источникъ, говоритъ онъ, крещенія показываетъ, протекающій посреди Церкви отъ Бога и Христа: ибо, что за украшеніе было бы для города, если бы черезъ середину его улицы проходила рѣка для помѣхи жителей?“ И *Ареа* ¹⁾ епископъ Кесаріи Каппадокійской, въ комментаріи къ апокалипсису при указанныхъ словахъ (въ концѣ II т. твореній Икуменія, стр. 831) пишетъ: „мы знаемъ двойную

¹⁾ Этого Арею, архіепископа Кесарійскаго, одни относятъ къ VI, другіе къ VII вѣку, а нѣкоторые ученые полагаютъ, что онъ умеръ въ 920 г.—Оставилъ толкованія на апокалипсисъ.

пользу рѣки, именно—утомленіе жажды и очищеніе нечистотъ, и воспріятіе того и другого есть жизнь, согласно съ евангельскою проповѣдью Христа. Она утоляла жажду пророковъ, бывшихъ до пришествія Христа и говорившихъ: Тебя жаждала душа моя, и тѣхъ, кто омывается исполненнымъ божественной дѣйственности крещеніемъ, искупая, очищала. И что цѣль евангелиста была отнести рѣку къ крещенію, доказательствомъ этого служить то, что онъ предполагаетъ, что рѣка истекаетъ изъ сѣдалища Бога и Агнца и орошаетъ середину улицы, т. е. евангельской проповѣди. Ибо никоимъ образомъ не можетъ быть, по слову Господа, что бы кто-нибудь вошелъ въ горній Иерусалимъ иначе, какъ возродившись черезъ воду и Духа Св.“

Примасій ¹⁾ же относитъ эти слова апокалипсиса не къ крещенію, а къ плоду крещенія. Такъ въ своемъ комментарий (т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ, ч. II, стр. 195) онъ пишетъ: „и показалъ мнѣ рѣку воды жизни, чистую, какъ кристаллъ, вытекающую изъ сѣдалища Бога и Агнца по срединѣ улицы его. Въ рѣкѣ жизни, проходящей по срединѣ города, указывается не совершеніе еще крещенія, но открывается уже плодъ самого таинства: теперь въ слезахъ сѣется то, что пожнется въ радости. И потому теперь Церковь сѣетъ въ Духъ, что бы отъ Духа пожать жизнь вѣчную. И такъ, когда мы на опытѣ испытали, какъ взыскалъ насъ плодъ пользы, благодаря воспріятому таинству, тогда, по Іоанну, начинаетъ обнаруживаться въ Церкви рѣка воды жизни, чистая, какъ кристаллъ, т. е. устоячивость жизни. Ибо кто устоитъ до конца, тотъ будетъ спасенъ.“ То же повторяетъ *Беда* въ комментарий на апокалипсисъ (т. V твореній, столб. 815) „въ рѣкѣ жизни, говоритъ онъ, проходящей по срединѣ города, указывается не совершеніе крещенія, но уже открывается плодъ этого таинства. Ибо теперь Церковь сѣетъ въ Духъ, что бы тогда изъ Духа пожать жизнь вѣчную.“

Анзельмъ Кентерберійскій, хотя защитникъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, принимаетъ эти слова по отношенію къ Христу. Такъ въ комментарий (т. II твореній, стр. 507) онъ говоритъ: „по-

¹⁾ Примасій, одинъ изъ Африканскихъ епископовъ, пріѣзжавшихъ въ Константинополь при Юстиніанѣ по дѣламъ своихъ церквей ок. 550 г.

казалъ мнѣ рѣку, обиліе воды возстановленія жизни, которая оживляетъ всѣхъ обитателей, — чистую, какъ Христось, Который есть всесовершенное возстановленіе и успокоеніе; — какъ кристалль, — потому что тамъ одна чистота и нѣтъ ничего грязнаго, — исходящую отъ сѣдалища Бога и Агнца, — отъ предковъ, въ которыхъ возсѣдаетъ Богъ. Ибо подъ ихъ водительствомъ потомки получаютъ это блаженство.“

И *Гаймонъ* также объясняетъ это мѣсто относительно ученія ветхаго и новаго завѣта. Въ своемъ комментарий на апокалипсисъ, изданномъ въ Кельнѣ 1531 г., онъ говоритъ: „подъ рѣкою воды жизни подразумѣвается ученіе ветхаго и новаго завѣта.“ Кромѣ *Андрея Кесарійскаго*, въ его комментарий, слова котораго мы увидимъ потомъ, о Духѣ Св. понимаетъ это мѣсто *Амвросій*. Въ III кн. гл. XXI „о Духѣ Св.“ онъ пишетъ: „немаловажно это, что, какъ мы читаемъ, рѣка исходитъ изъ трона Бога. Ибо вотъ какъ говоритъ Іоаннъ евангелистъ: и показалъ мнѣ рѣку воды жизни, чистую, какъ кристалль, исходящую изъ сѣдалища Бога и Агнца, по срединѣ улицы ея, и съ каждой стороны ея дерево жизни, производящее двѣнадцать плодовъ, каждый мѣсяць дающее плодъ свой, и листья дерева для врачеванія всѣхъ народовъ. Конечно, эта рѣка, выходящая изъ сѣдалища Бога, есть Духъ Св., Котораго пьетъ вѣрующій во Христа, какъ Самъ Онъ говоритъ: кто жаждаетъ, пусть идетъ ко Мнѣ и пьетъ. Кто вѣруетъ въ Меня, изъ чрева того, какъ говоритъ Писаніе, потекутъ рѣки воды живою. А говорилъ Онъ это о Духѣ. Слѣдовательно, рѣка есть Духъ. Онъ, значить, въ сѣдалищѣ Бога, — ибо вода не омываетъ сѣдалища Бога.“

Но если бы мы даже приняли этотъ послѣдній смыслъ, ничего отсюда не вытекаетъ въ пользу Латинянъ. *Во первыхъ*, эти слова Богослова должны быть понимаемы только относительно изліянія, т. е. временнаго исхожденія Духа Св. — Онъ говоритъ, что видѣлъ рѣку, выходящую изъ трона Бога и Агнца, для орошенія, разумѣется, святаго города, новаго Іерусалима. Поэтому и прибавляетъ: „видѣлъ я рѣку, выходящую изъ трона Бога и Агнца по срединѣ улицы его.“ Вышла, значить, эта рѣка изъ трона Бога и Агнца къ святому городу и потекла черезъ средину улицы его. Такъ и *Августинъ* въ XVII бесѣдѣ на апокалипсисъ въ приведен-

ныхъ уже нами словахъ выражался: „если бы рѣка сходила черезъ середину улицы его,“ давая понять, что рѣка шла по срединѣ улицы. — И *Андрей* Кесарійскій, котораго слова мы вскорѣ должны будемъ привести, говоритъ: „рѣкою обозначаются дары Духа, которые черезъ тронъ Отца и Сына исходятъ на улицы города.“ И такъ, если это исхожденіе еще произойдетъ въ будущемъ, если эта рѣка должна орошать Святой городъ и новый Іерусалимъ, то, значить, это исхожденіе должно быть понимаемо, какъ внѣшнее, а не какъ внутреннее. Поэтому-то и *Андрей* Кесарійскій объясняетъ эту рѣку въ смыслѣ даровъ Св. Духа, изливаемыхъ на множество святыхъ. Такъ онъ въ словахъ, которыя мы сейчасъ должны процитировать, выражается: „рѣкою, какъ сказано, обозначаются дары животворящаго Духа, которые черезъ тронъ Отца и Сына исходятъ на эту многочисленную толпу святыхъ.“ И прибавляя: „какъ сказано,“ онъ показываетъ, что одинаковый смыслъ имѣли и предъидущія его слова, которыя мы увидимъ ниже. А что изъ временнаго посланія Духа Св. Сыномъ отнюдь нельзя выводить Его ипостаснаго исхожденія отъ Сына, доказано въ другомъ мѣстѣ.

Во вторыхъ: здѣсь говорится, что Духъ исходитъ изъ трона Бога и Агнца. Что же это за тронъ? Тронъ Бога, конечно, не есть Богъ. Какимъ, слѣдовательно, образомъ, если бы слова Бого-слова понимать относительно вѣчнаго исхожденія, Духъ Св. могъ бы называться исходящимъ изъ трона Бога? Развѣ, наконецъ, начало Духа Св. есть тварь? *Андрей* подъ трономъ Бога и Агнца понималъ херувимскіе чины духовъ: посредствомъ ихъ отъ Отца черезъ Сына, по его мнѣнію, изливается Духъ Св., т. е. дары Его, на прочихъ вѣрныхъ. Такъ именно *Андрей* Кесарійскій въ комментаріи къ апокалипсису, изданномъ въ Гейдельбергѣ, въ 1596 г. (стр. 106) говоритъ: „рѣка Бога, обильно орошающая водами горній Іерусалимъ, есть Духъ Св., Который исходитъ отъ Бога Отца и спуская черезъ Агнца среди внѣшнихъ силъ, именуемыхъ сѣдалищами божества, обильно оживляетъ улицы святого города, т. е. множество его населенія, которое, по Псалмопѣвцу, превосходитъ число песка.“ И потомъ, на стр. 107: „подъ рѣкою изображаются, какъ сказано, дары животворящаго Духа, которые черезъ

тронъ Отца и Сына, или черезъ ряды херувимскихъ духовъ, на которыхъ возсѣдаетъ Богъ, исходятъ на улицы города, т. е. на эту многочисленную толпу святыхъ.“ И такъ, какой же выводъ: Духъ Св. изливается черезъ ряды херувимскіе на вѣрующихъ,— слѣдовательно: Духъ Св. исходитъ отъ Сына?! Наконецъ, когда Андрей Кесарійскій говорилъ по поводу означенныхъ словъ объ исхожденіи Духа Св., то онъ отнюдь не утверждалъ, какъ полагали Латиняне, что Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, но что Духъ исходитъ отъ Отца, а черезъ Сына обильно оживляетъ вѣрующихъ.

На Флорентинскомъ Соборѣ, въ XXI засѣданіи (т. III Соборовъ столб. 1105) *Іоаннъ* Провинціаль привелъ изъ священнаго Писанія тѣ мѣста, гдѣ говорится, что Христосъ дѣйствуетъ черезъ Духа Св. Такъ-онъ тутъ говорилъ: „пятое основаніе, извлекаемое изъ Писанія, такое: мы нашли, что Сынъ дѣйствуетъ черезъ Духа, по слову посланія къ Евреямъ: черезъ Духа предложилъ Себя (Христосъ). Такимъ образомъ вы найдете въ приведенныхъ изреченіяхъ, что Сынъ дѣйствуетъ черезъ Духа. Теперь возникаетъ такое авторитетное соображеніе: когда говорится, что кто-нибудь дѣйствуетъ черезъ кого-нибудь, то нужно, чтобы дѣйствующій далъ дѣятельную силу тому, черезъ кого дѣйствуетъ, напр.: когда царь дѣйствуетъ черезъ областнаго правителя, то ясно, что царь даетъ дѣятельную силу правителю. Или, наоборотъ, когда говорится: областный правитель дѣйствуетъ черезъ царя,—то показывается этимъ, что то, посредствомъ чего правитель дѣйствуетъ, даетъ силу самому дѣйствователю, т. е. правителю. Таково правило въ естественной философіи. Теперь,—разъ Писаніе говоритъ, что Сынъ дѣйствуетъ черезъ Духа, такъ какъ много чудесъ творилъ Сынъ силою Духа, то слѣдуетъ сказать, что либо Духъ даетъ Сыну силу для дѣйствія, либо наоборотъ; и такъ какъ дѣятельная сила, по мнѣнію всѣхъ ученыхъ, есть ничто иное, какъ божественная сущность, то это соображеніе необходимо приводитъ къ заключенію, что одно и то же сказать—дать дѣятельную силу, или дать сущность (бытіе). Но ни одинъ изъ учителей не говорятъ, что Сынъ получаетъ сущность (бытіе) отъ Духа,—но наоборотъ. И такъ на основаніи того, что Христосъ есть божественное лицо, необходимо сказать,

что, если Онъ дѣйствуетъ черезъ Духа, то Онъ дастъ дѣятельную силу или божественную сущность (бытіе) Духу Св. А получать сущность (бытіе) и силу—то же, что исходить.“

Дѣйствительно, справедливо, что Писаніе очень часто учитъ, что Спаситель творилъ чудеса въ Духѣ и т. д., но подразумѣвается несомнѣнно, что Духъ Св. дѣйствовалъ черезъ Христа и творилъ эти чудеса. Ибо эти слова нужно понимать по человѣческой природѣ Христа, которой, конечно, Духъ Св. удѣлилъ всю полноту Своихъ даровъ, что бы Спаситель творилъ чудеса силою поселившагося въ Немъ Св. Духа. Хотя Спаситель былъ одно лицо, такъ какъ божеская человѣческая природа соединилась въ одну ипостась, но плоть Его имѣла нужду въ дарахъ Духа Св., богатая, конечно, силою, но еще болѣе могущественная влѣдствіе соединенія своего съ божествомъ. Поэтому—то Христосъ благоволилъ, что бы плоть Его была освящена Духомъ Св. въ крещеніи, и такимъ образомъ тогда получилъ всѣ дары и полноту Духа Св., Который и сталъ съ тѣхъ поръ творить чудеса черезъ Его плоть. Слѣдовательно, ложно утвержденіе Іоанна Провинціала, что не Духъ Св. далъ Христу дѣйственную силу чудесъ, а Христосъ—Духу Св. Извѣстно также изъ Писанія, напр., что Спаситель веденъ былъ Духомъ въ пустыню, Духомъ Св. именно. Здѣсь дѣйствующимъ былъ Духъ и дѣйствовалъ черезъ Христа,—ибо Духъ велъ Христа въ пустыню, а не Христосъ—Духа. Но равно въ томъ же смыслѣ говорится далѣе въ Писаніи, что Христосъ совершалъ чудеса, изгонялъ бѣсовъ въ Духѣ Св., т. е. получая отъ Духа Св. дѣйственную силу чудесъ, а не давая Ему ее Самъ. Поэтому *Аванасій* во II словѣ противъ Аріанъ (т. I, стр. 357) говоритъ: „какъ здѣсь Самъ Господь, будучи подателемъ Духа, не стѣняется сказать, что Онъ, какъ человѣкъ, изгоняетъ бѣсовъ въ Духѣ,—такъ же точно Онъ, податель Духа, не стѣняется о Себѣ проповѣдывать: Духъ Господа на Мнѣ, ради чего помазалъ Меня...“ *Іоаннъ Златоустъ* въ бесѣдѣ „о Святомъ и достойномъ поклоненія Духѣ:“ „получила плоть Господа Духа Св., и потому благоволилъ Спаситель воспринятую имъ плоть отдать въ собственность Св. Духу, что бы то, что совершалъ Христосъ по плоти, приписывалось Духу Св., обитавшему на Немъ, какъ въ святомъ человѣческомъ храмѣ. Ибо

Онъ—человѣкъ ради насъ, Богъ же ради Себя; Богъ—ради Самого Себя, человѣкъ же изъ состраданія. Онъ изгналъ демоновъ — и благоволилъ прогнаніе демоновъ приписать Духу Св.; и говорить: если я извергаю демоновъ въ Духѣ Св.—И не сказалъ: въ Богѣ Словѣ, но приписываетъ Духу, какъ святой мужъ, сподобившійся Духа Св.“

Августинъ въ I кн. „о Троицѣ“, гл. XI: „по образу раба Сынъ—ниже (меньше) Св. Духа, такъ какъ Самъ говоритъ: кто скажетъ хулу на Сына человѣческаго, тому отпустится, а кто скажетъ на Духа Св., тому не отпустится; и въ Немъ (Духѣ Св.) совершалъ Онъ силы, говоря: если Я въ Духѣ Божіемъ извергаю бѣсовъ, то, конечно, достигло васъ царство Божіе.“ — Полны подобныхъ заявленій объ этомъ предметѣ писанія *Кирилла*, въ особенности комментаріи къ евангелію отъ *Іоанна*.

Тоже говорятъ и другіе Отцы.

Равнымъ образомъ однако, такъ какъ дѣла Троицы во вѣкъ суть общи всѣмъ лицамъ, то и божество Сына Божія творило чудеса черезъ соединенную съ нимъ плоть, сообщая ей вмѣстѣ съ Духомъ Св. дѣйственную силу этихъ чудесъ. По этому *Іоаннъ Дамаскинъ* въ III кн. „православной вѣры“, въ XV гл., говоритъ: „такъ и въ Господѣ Нашемъ Іисусѣ Христѣ сила чудесъ была дѣйствіемъ Его божества.“ И въ книгѣ „о двухъ въ Христѣ воляхъ и дѣйствованіяхъ“ (предъ концомъ): „какъ черезъ тѣлесное Его дѣйствованіе творило Его божественное дѣйствованіе (ибо Онъ держалъ руку дѣвицы и сказалъ: дѣвица, встань! и черезъ прикосновеніе и слово божественное дѣйствіе оживило дѣвицу); такъ и черезъ человѣческую Его волю творила и божественная Его воля: ибо желая по божеству, Онъ совершилъ чудесное дѣло, и желая по—человѣчески, протянулъ руку и сказалъ: встань.“ И такъ, Христосъ творилъ чудеса какъ черезъ Духа Св., такъ и черезъ Свое божество; но, какъ сказано, не божество Христа Духу Святому, а и Слово Божіе и Духъ Св. сообщили плоти Христа власть творить чудеса.

Но допустимъ, что и божество Христа дѣйствуетъ черезъ Духа Св.; ложно, конечно, что, такъ какъ Слово Божіе дѣйствуетъ черезъ Духа Св., то либо Сынъ Духу Св., либо Духъ Св. Сыну дол-

женъ сообщать способность дѣйствованія. Ибо слѣдуетъ говорить въ этомъ случаѣ: потому Сынъ дѣйствуетъ черезъ Духа Св., что у Того и Другого одна сила и воля,—и Сынъ не можетъ дѣйствовать безъ общества и содѣйствія Духа Св.—Въ этомъ смыслѣ одинаково говорится, что и Духъ Св. дѣйствуетъ черезъ Сына. Такъ Апостоль въ посланіи къ Римлянамъ (гл. VIII ст. 2)—говоритъ: „законъ Духа жизни въ Христѣ Иисусѣ освободилъ меня отъ закона грѣха и смерти.“ Здѣсь выраженіе—„въ Иисусѣ“ то же, что и черезъ Иисуса, какъ всякому ясно. Это можно также заключать изъ подобныхъ выраженій Писанія, гдѣ говорится, что Христосъ извергнулъ бѣсовъ въ Духѣ. И тамъ „въ Духѣ“ равносильно „черезъ Духа.“ И такъ,—хотя Сынъ дѣйствуетъ черезъ Духа Св., однако отсюда не слѣдуетъ, что Сынъ даетъ Духу Св. силу дѣйствованія; да и Духъ Св. не сообщилъ ее Сыну, хотя и дѣйствуетъ черезъ Него.

Впрочемъ не дурно разсуждалъ на основаніи естественныхъ началъ и философскихъ ученій Іоаннъ о неизяснимыхъ дѣйствованіяхъ Троицы, у Которой одна сила, одна воля, одна власть, чего въ природѣ нигдѣ не встрѣчается. Въдѣ потому черезъ намѣстника (употребимъ примѣръ, приведенный Іоанномъ) царь дѣйствуетъ, что по его приказанію и данному наставленію намѣстникъ дѣйствуетъ, а не потому, что царь вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ дѣломъ самому дѣйствию, прилагая руку и голосъ въ изданіи указа, въ объявленіи рѣшенія. А между тѣмъ въ Троицѣ, хотя говорится, что одно лицо дѣйствуетъ черезъ другое, не издается никакихъ приказаній, никакихъ порученій, и во время дѣйствованія одного, другое не обнаруживаетъ себя тѣмъ, что либо сообщаетъ ему дѣятельную силу, либо имъ дѣйствуетъ,—но то и другое одинаково сходится въ дѣствіи, такъ какъ одно безъ участія и содѣйствія другого не можетъ что бы то ни было дѣлать. Потому—то вслѣдствіе указаннаго тожества воли и содѣйствія говорится, что лицо дѣйствуетъ черезъ лицо, хотя нисколько не доставляетъ другому способности дѣйствовать. Слѣдовательно, весьма нелѣпо Іоаннъ на основаніи примѣровъ природы составлялъ сужденіе о божественныхъ дѣйствованіяхъ.

Но, затѣмъ, Іоаннъ Провинціалъ на Флорентинскомъ Соборѣ (въ томъ же указанномъ засѣданіи) разсуждаетъ такъ: „третье основаніе изъ Писанія слѣдующее: мы нашли, что черезъ Духа мы уподобляемся (сообразуемся) Самому Сыну Божію. Это уподобленіе находится въ словахъ апостола, въ II посл. къ Коринѳянамъ: помазалъ насъ и обозначилъ насъ и далъ залогъ Духа въ сердцахъ нашихъ, т. е. поскольку Духъ дѣлаетъ насъ Сынами по усыновленію. Изъ этого текста выводится такое основаніе: то, черезъ что-нибудь сообразуется съ другимъ, должно имѣть бытіе изъ того, чему оно сообразуется другое. Возьмемъ примѣръ этого изъ явленій природы, что бы вы лучше могли понять. Мы говоримъ: животное сѣмя есть то, черезъ что рожденное сообразуется и становится подобнымъ самому рождающему. Но необходимо, что бы это сѣмя было нѣкоторымъ отрѣзкомъ того, чему уподобляется произведенная вещь: по этому сѣмя человѣка не производитъ льва, но только человѣка, отъ котораго оно выдѣлено. Это—примѣры, однако не совсѣмъ точные, а приведенные только для того, что бы намъ понять, что то, черезъ что-нибудь становится подобнымъ, отрѣзано, выдѣлено изъ того, чему уподобляется. Такъ какъ Духъ имѣетъ то, что мы черезъ Него уподобляемся Сыну, то необходимо сказать, что Духъ имѣетъ бытіе отъ Сына. На этомъ основаніи опираются сильно: Василій и Аванасій, говоря,—что, какъ Сынъ есть образъ Отца, являясь по природѣ изъ Его образца, такъ и Духъ называется образомъ Сына. Это становится яснымъ изъ „ἀντιρρότητα“ Василія и изъ I посланія Аванасія къ Серапіону.“

Но ничто не можетъ быть страннѣе этой аргументаціи Іоанна. *Во первыхъ*: когда Духъ Св. дѣлаетъ насъ сообразными (подобными) Сыну Божію,—то это, конечно; обще всей Тройцѣ: это относится къ дѣйствіямъ Бога во внѣ. Не только, значить Духъ Св., но и Отецъ, и Сынъ дѣлаютъ насъ сообразными Сыну Божію. Какъ же можно заключать: Духъ Св. сообразуетъ (уподобляетъ) насъ Сыну Божію,—слѣдовательно отъ Него исходить? Да и какъ могло бы быть вѣрнымъ положеніе: „то, черезъ что что-нибудь сообразуется другому, должно имѣть бытіе отъ того, чему оно сообразуетъ другое?“ Въ такомъ случаѣ выходило бы, что Отецъ также произведенъ Сыномъ, такъ какъ одинаково и Отецъ уподобляетъ Сыну,—

выходило бы, что и Сынъ Самъ Себя произвелъ, такъ какъ равно и Сынъ дѣлаеть сообразными Себѣ вѣрныхъ. „Потомъ же,“ говорить апостоль, „кого узналъ напередъ. тѣхъ и предназначилъ сообразными образу Сына Его.“ Но и о Духѣ Св., *Который есть образъ Сына*, то же самое сказалъ апостоль. И *Аванасій* въ посланіи къ Серапіону „противъ утверждающихъ, что Духъ Св. есть тварь“ (т. стр. 199) говоритъ: „Духъ и есть, и называется образомъ Сына: ибо кого предъзналъ, тѣхъ и предопредѣлилъ сообразными обарзу Сына Его.“ *Василій* также въ V кн. противъ Евномія пишетъ: „Христось есть образъ Бога: Который есть, сказано, образъ невидимаго Бога. Образъ же Сына—Духъ, и кто Его причастень, тотъ становится сообразнымъ Сыну, согласно написанному: кого предъзналъ и предопредѣлилъ, тѣхъ дѣлаеть сообразными (подобными) образу Сына Его, что бы Тотъ былъ перворожденнымъ между многими братьями.“—*Кириллъ* Александрійскій въ X кн. толкованій на Іоанна (т. IV, стр. 998): „самый настоящій образъ Сына—Духъ Св., какъ говоритъ Павелъ: кого предъзналъ, тѣхъ и предопредѣлилъ сообразными образу Сына Его.“ И такъ, сообразными насъ дѣлаеть, или сообразуетъ Духу Св. вмѣстѣ съ Сыномъ Богъ Отець. Какъ же можно заключать: Духъ Св. насъ сообразуетъ Сыну,—слѣдовательно отъ Него исходитъ? Развѣ Отець, или Сынъ также произведены Духомъ Св.? Нелѣпость! Кромѣ того, дѣйствія божества во вѣкъ—обща всей Тройцѣ; слѣдовательно, если Отець и Сынъ употребляютъ насъ Духу Св., то, конечно, и Духъ Св. употребляетъ насъ Самому Себѣ. Какъ же можно дѣлать выводъ: Духъ Св. употребляетъ насъ Сыну,—слѣдовательно—отъ Него исходитъ?—Или—какимъ образомъ можетъ быть вѣрнымъ сужденіе: „то, черезъ что что-нибудь уподобляетъ другому, должно имѣть бытіе отъ того, чему оно уподобляетъ другое?“ Развѣ, наконецъ, и Духъ Св. сталъ бы причиною Самого Себя, и Латинянамъ оказывается недостаточно Отца и Сына? Какимъ же образомъ Духъ Св., что бы сдѣлать насъ сынами Божіими, или уподобить Сыну Божію, долженъ бы былъ и исходить отъ Сына? Или все то, что могъ имѣть Духъ Св. черезъ происхожденіе отъ Сына для того, чтобы насъ уподобить Самому Сыну, этого самаго Духа Св. не имѣлъ въ достаточной степени

черезъ Свое исхожденіе отъ Отца? Ибо, *во первыхъ*, исходя отъ Отцу, Духъ Св. обладаетъ, конечно, отсюда возможностью уподобить насъ Отцу, а потому сообразовать насъ Сыну Божию: кто сообразуетъ Отцу, сообразуетъ и Сыну, и на оборотъ. Поэтому мы сообразуемся не только Сыну Божию, но и образу Сына Божія, т. е. Духу Св., какъ говорить апостоль, о чемъ только-что шла рѣчь. *Во вторыхъ*, исходя отъ Отца, Духъ Св., когда возраждаетъ кого-нибудь, не менѣе, разумѣется, можетъ дѣлать его сообразнымъ Сыну, какъ если бы Онъ исходилъ отъ Сына. Ибо Духъ Св. произошелъ отъ того же, отъ кого Сынъ,—одной сущности, одной силы, одной воли съ Сыномъ. Да большаго сродства и единства Духъ Св. не имѣлъ бы съ Сыномъ, если бы даже и былъ произведенъ Сыномъ. А если требовать отъ Духа Св. еще больше этого, что бы насъ сообразовать Сыну Божию, то Онъ, конечно, долженъ былъ бы быть сыномъ Сына, или долженъ былъ бы быть рожденнымъ Имъ,—что—нелѣзно. Ибо иначе—одно и то же: происходитъ отъ Отца, или происходитъ отъ Сына, — для того, т. е., что бы Духъ Св. могъ сдѣлать вѣрующихъ сообразными Сыну. И такъ, какая же необходимость Духу Св. для уподобленія насъ Сыну исходить отъ Сына, когда уже вслѣдствіе Своего происхожденія отъ Отца Онъ имѣетъ для этого полную возможность?

Что же касается того, что въ природѣ имѣетъ мѣсто явленіе, по которому то, черезъ что кто-нибудь уподобляется, должно имѣть бытіе отъ того, кому оно уподобляетъ другое, то никоимъ образомъ отсюда нельзя было дѣлать выводъ относительно тайнъ божественныхъ дѣйствій, въ которыхъ дѣло идетъ не о произведеніи, но о таинственномъ и духовномъ усыповленіи. „Сѣмя, говорилъ Іоаннъ Провинціалъ, которое должно произвести человѣка, испрѣлѣнно должно быть выдѣлено (отрѣзано) отъ человѣка.“ Но развѣ, возражаясь Духомъ Св., мы изъ Него, какъ изъ сѣмени, образуемся сынами Божиими? Или развѣ, возражая насъ, Духъ Св. дѣлаетъ насъ природными сынами Бога, а не усыновленными только? Въ природѣ, по мысли Іоанна, если одно должно уподоблять что-нибудь другому, то первое можетъ произойти только отъ того, чему должно уподоблять. Духъ однако, хотя не есть Сынъ, исходитъ отъ Отца,—а между тѣмъ уподобляетъ вѣрующихъ Сы-

ну. Въ природѣ то, черезъ что другое уподобляется производящему, никогда не можетъ быть братомъ производящаго, а только плодомъ или сыномъ производящаго. Но здѣсь Духъ Св., черезъ Котораго мы уподобляемся Сыну, дѣлаетъ насъ не сынами Сына, но братьями Сына, такъ какъ уподобляетъ насъ Сыну. Такъ и говоритъ апостолъ: „которыхъ предъзналъ и предопредѣлилъ, тѣхъ дѣлаетъ сообразными образу Сына Его, что бы Онъ Самъ былъ первожденнымъ среди многихъ братьевъ.“ И такъ, нелѣпо отъ произведеній природы дѣлать заключенія о таинственныхъ божественныхъ дѣйствіяхъ.

А что, сверхъ того, и въ божественныхъ произведеніяхъ не имѣеть мѣста положеніе, что то, черезъ что другое уподобляется третьему, должно имѣть бытіе отъ того, чему уподобляетъ, ясно изъ того, что Отецъ произвелъ Духа Св. во всемъ подобнаго (сообразнаго) Сыну Божиюму, а также Сына во всемъ одинаковаго съ Духомъ Св.,—и однако -- вслѣдствіе этого не произведенъ Отецъ ни Сыномъ, ни Духомъ Св.—Наконецъ, совершенно ложно, будто Василій, или Аѳанасій утверждали, что какъ Сынъ называется образомъ Отца, получая существованіе по природѣ отъ Своего первообраза, такъ и Духъ Св. называется образомъ Сына, потому что получаетъ существованіе по природѣ отъ Сына, какъ Своего первообраза. Слова этихъ Отцовъ мы только что видѣли, и въ нихъ этого вовсе нѣтъ. Но о нихъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей главѣ, гдѣ станемъ разбирать свидѣтельства, приводимыя Латинянами изъ писаній восточныхъ Отцовъ. Въ той же главѣ мы постараемся опровергнуть и то, чтó, кромѣ указаннаго, можетъ быть приведено по этому вопросу изъ помянутыхъ Отцовъ. Вотъ и все относительно доказательствъ, какія Латиняне сплетали изъ Св. Писанія въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына.

И такъ, для всякаго очевидно, чтó нужно думать о какихъ бы то ни было доказательствахъ Латинянь, отыскиваемыхъ ими въ Св. Писаніи. Св. Писаніе у нихъ извращается вопреки разуму Св. Духа, изъ него извлекается то, чего никогда не слыхали въ католической Церкви,—но это бредъ Латинянь, которые руководятся скорѣе жалкими измышленіями, чѣмъ желаніемъ слѣдовать простому и ясному ученію Св. Писанія и Св. Отцовъ католической

Церкви. Они несчастны единственно отъ того, что забрали себѣ въ голову, будто они не могутъ заблуждаться, и поэтому какихъ только не измышляютъ аргументовъ, силясь выдавать ихъ за несомнѣнную истину. Но какъ бы было полезно имъ послѣдовать совѣту *Кирилла Иерусалимскаго* изъ его XVI оглашенія (стр. 176): „мы должны сказать о Духѣ Св. то, что написано; а если что не написано, не станемъ изъ любопытства добиваться узнать. Самъ Духъ Св. изрекъ Писаніе, Самъ сказалъ о Себѣ, что изволилъ, или насколько мы были способны понять. Станемъ говорить (о Немъ) то, что Онъ сказалъ, а чего не сказалъ, не осмѣлимся (и мы говорить).“ И опять, — изъ XVII оглашенія (стр. 192): „чистосердечно теперь исповѣдуемъ, что пользовались не человѣческими мудрствованіями, — ибо это бесполезно, — а вспомнили только то, что написано въ божественныхъ писаніяхъ. Это самое безопасное, какъ говоритъ блаженный Павелъ: говоримъ это, доказывая духовнымъ духовное не убѣдительными словами человѣческой мудрости, но убѣжденіями Духа.“ И затѣмъ (стр. 196) Кириллъ прибавляетъ: „впрочемъ мы должны болѣе слушать то, что говоритъ о Духѣ Св. Спаситель.“ И приведа много изреченій Спасителя о Духѣ Св., заключаетъ (стр. 197): „я прочиталъ тебѣ теперь слова Самого Единороднаго, что бы ты не внималъ человѣческимъ рѣчамъ.“ А такъ какъ Латиняне совсѣмъ пренебрегаютъ этимъ завѣтомъ св. Отца, не находя достаточными словъ Христа, но выискивая съ мелочнымъ любопытствомъ то, чего въ нихъ нѣтъ, — то не удивительно, что они сплетаютъ множество нелѣпныхъ выводовъ и насилюютъ католическую вѣру, — что нами теперь доказано.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

въ которой опровергаются свидѣтельства, извлеченныя изъ писаній восточныхъ Отцовъ въ пользу исхожденія Св. Духа и отъ Сына.

1.

О свидѣтельствахъ Отцовъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына.

Всего болѣе въ обычаѣ у Латинянъ приводить для доказательства исхожденія Духа Св. отъ Сына тѣ свидѣтельства Отцовъ, въ которыхъ говорится, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына. По ихъ мнѣнiю, все равно сказать *черезъ Сына* и *отъ Сына*. Когда говорится:—все сотворено черезъ Сына, то разумѣется, что все сотворено Сыномъ. Когда говорится, что Сынъ рожденъ черезъ Пресвятую Дѣву, то разумѣется, что Онъ рожденъ Пресвятою Дѣвою и т. д.

Но изъ множества изреченiй Отцовъ явствуетъ, что они ведутъ рѣчь не о самомъ только вѣчномъ исхожденiи Духа Св., когда говорятъ, что Онъ исходитъ отъ Отца черезъ Сына. Очень часто св. Отцы, уча, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, прибавляютъ, что черезъ Сына Онъ только посылается во вѣкъ,—это *черезъ Сына* толкуя такимъ образомъ относительно временнаго посланiя. Такъ Кириллъ Александрiйскiй много разъ ясно говоритъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, а черезъ Сына дается тварямъ, изливается на тварей,—каковыя мѣста мы привели въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ, говоря объ изреченiяхъ Кирилла Александрiй-

скаго. Такъ же выражаются: *Евлогій*, архіепископъ Александрійскій, въ V словѣ у Фотія; *Косма* во II гимнѣ; *Авторъ* книги „о Троицѣ,“ приписываемой Кириллу, въ гл. IX и X; *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. „православной вѣры,“ гл. X и XI; *Германъ* въ „таинственномъ умозрѣніи.“ Слова ихъ приведены въ означенной главѣ. Наконецъ то же говоритъ *Иларій* Пиктавіенскій, слова котораго приведены въ главѣ о свидѣтельствахъ западныхъ Отцовъ. Поэтому и Св. *Григорій* Чудотворецъ, уча въ изложеніи вѣры, воспринятомъ имъ, говорятъ, отъ Іоанна Богослова, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и черезъ Сына объявляется, объявленіе, или обнаруженіе это, совершенное черезъ Сына, ограничиваетъ, какъ временное, прибавляя: „т. е. (объявляется) людямъ.“

Но мы охотно уступаемъ, что помимо этого, въ иныхъ мѣстахъ Св. Отцы, разумѣя самое происхожденіе Св. Духа, учатъ, что Онъ исходитъ отъ Отца черезъ Сына. Тотъ же *Григорій* Чудотворецъ въ „изложеніи вѣры противъ Эліана“ говоритъ, что Духъ Св. вѣчно высылается, или исходитъ изъ сущности Отца черезъ Сына. *Епифаній* въ LXXIII ереси (полу—Аріанъ) заявляетъ, что восточные вѣрили, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына. *Максимъ* Исповѣдникъ въ комментаріи къ IV гл. Захарія выражается, что Духъ исходитъ существенно отъ Отца черезъ Сына, неизяснимо рожденнаго; *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн., гл. XIII „православной вѣры“ учитъ, что Отецъ есть производитель Духа Св. черезъ Сына; также,—что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, однако не способомъ рожденія. То же встрѣчается и въ его „посланіи о Трисвятѣ.“

Но что, уча о произведеніи Отцомъ Духа Св. черезъ Сына, св. Отцы отнюдь не разумѣли, что Сынъ есть также причина или начало Духа Св., ясно видно, во 1-хъ, изъ словъ самого *Іоанна* Дамаскина въ I кн. XIII гл. „православной вѣры,“ въ которыхъ онъ прямо говоритъ: „и Сына Духъ Св. —не какъ изъ Него, но какъ черезъ Него отъ Отца исходящій: ибо единственная причина—Отецъ.“ Если же потому не отъ Сына исходитъ Духъ Св., что Одинъ только Отецъ—причина или производитель Духа Св., то, конечно, ясно, что никоимъ образомъ не подразумѣвается, будто Сынъ причина или производитель Духа Св., и потому-то говорится,

что Духъ Св. исходитъ не отъ Сына, но отъ Отца черезъ Сына.— *Затѣмъ Григорій Нисскій* въ I кн. протѣвъ Евномія ясно говоритъ: „Духъ Св. имѣетъ свое бытіе отъ Бога, причины всего, какъ и единородный свѣтъ,—возсіявши же черезъ этотъ истинный свѣтъ, Онъ не отдѣляется отъ Отца и Сына никоимъ промежуткомъ и разностью природы.“ Тутъ ясно Св. Отецъ различаетъ, что Духъ Св. имѣетъ причину Свою отъ Бога, а возсіяваетъ черезъ Сына. Послѣднее, значить, не тѣ же, что первое. Ту же мысль выражаетъ Нисскій, когда говоритъ: „Духъ Св. возсіяваетъ черезъ Сына, но начало Своей ипостаси получаетъ отъ первовѣчнаго свѣта (Отца).“ Здѣсь онъ, хотя опять учитъ, что Духъ Св. возсіяваетъ черезъ Сына, но причину Его относитъ къ Отцу. Такимъ образомъ—Григорій Нисскій не учитъ, что начало Своей ипостаси Духъ Св. получаетъ отъ Сына, разъ онъ заявлялъ, что Онъ возсіяваетъ черезъ Сына.

И не въ иномъ смыслѣ учили св. Отцы, что Духъ Св. произошелъ отъ Отца черезъ Сына, какъ въ томъ, что Онъ произошелъ отъ Отца послѣ рожденія Сына. Такъ учитъ ясно вмѣстѣ съ Григоріемъ Нисскимъ и *Ефремъ* Сиринъ. Въ своемъ словѣ объ „исповѣди и самоосужденіи“ онъ говоритъ: „не по волненію какому-нибудь, или по времени, или измѣненію, либо по какой-нибудь иной причинѣ Отецъ родилъ Сына, но по природѣ, изъятой отъ всякой необходимости и свободной, которую установилъ черезъ Свою ипостась. И иного сообщника пожелалъ Отецъ, не такого, какого родилъ, но произвелъ Духа Св. изъ Своей сущности, не прежде Сына, что бы мы не сказали, что воля Его подчинена необходимости. А что мы называемъ Духа Св. послѣ Сына—это есть обозначеніе не времени, но лица, такъ какъ у Духа и Слова одна и таже безначальная сущность и бытіе. Ибо и мы, произнося слово, приводимъ въ движеніе нашъ духъ и вмѣстѣ съ словомъ производимъ духъ. И такъ, Отецъ въ рожденіи Сына не нуждался ни въ какомъ времени, и безъ всякаго промежутка времени послѣ Слова произвелъ Духа Св. --Поэтому-то и совѣчно божество Пресвятой Троицы.“ Здѣсь, конечно, Ефремъ учитъ, что Отецъ сперва изъ Своей сущности произвелъ Сына; послѣ Сына же—и Духа;—отнюдь же не прежде Сына произведенъ Духъ, какъ Сынъ—прежде Духа,—не потому, что явилось посредство времени такъ, что бы Сынъ былъ произведенъ

Отцомъ скорѣе, а по прошествіи нѣкотораго промежутка времени произошелъ Духъ Св.,—но Тотъ и Другой вмѣстѣ въ одно время, т. е. прежде всѣхъ вѣковъ произведены Отцомъ: Сынъ однако, когда никто не былъ произведенъ, а Духъ Св.—по рожденіи Сына. Такъ и *Григорій Нисскій* въ кн. „о томъ, что — не три Бога“ учитъ, что Сынъ исходитъ отъ Отца безъ чьго бы то ни было посредства, т. е. когда еще никто не былъ произведенъ,—а Духъ Св. исходитъ отъ Отца, когда былъ уже произведенъ, т. е. рожденъ Сынъ, и поэтому выраженіе: „исходитъ отъ Отца черезъ Сына“ Григорій объясняетъ въ томъ смыслѣ, что Духъ Св. производится, когда Сынъ Отцомъ уже рожденъ. Вотъ его слова: „того, что изъ причины, усматриваемъ иную разницу. Одно—непосредственно изъ перваго, а другое—черезъ то, что непосредственно изъ перваго,—такъ что и свойство Единороднаго остается въ Сынѣ несомнительнымъ, и бытіе Духа отъ Отца не подвергается сомнѣнію,—при чемъ Сынъ, становясь посредствующимъ, и сохраняетъ для Себя свойство Единороднаго, и не заграждаетъ Духу природнаго отношенія къ Отцу.“ Такъ и въ I кн. противъ Евномія Григорій говоритъ: „какъ присоединяется къ Отцу Сынъ, и полученіе Имъ бытія отъ Отца не дѣлаетъ Его вторымъ по ипостаси,—такъ опять соединяется съ Единороднымъ и Духъ Св., при чемъ только въ понятіи ума по отношенію причины Сынъ мыслится прежде ипостаси Духа“ (такъ какъ понятно, мыслится происшедшимъ отъ Отца прежде Св. Духа). „Ибо временныя промежутки въ предвѣчной жизни не имѣютъ мѣста, такъ что, за исключеніемъ отношенія начала, Св. Троица ничѣмъ отъ Себя Самой не разнится.“

Въ такомъ же точно смыслѣ и *Иоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. XVIII гл. „православной вѣры“ учитъ, что Духъ Св. присоединяется къ Отцу черезъ Сына, такъ какъ именно Духъ Св. произошелъ отъ Отца не непосредственно, но посредственно, т. е. послѣ того, какъ произведенъ былъ Сынъ. „Духъ Св.“ говоритъ онъ „въ серединѣ между нерожденнымъ и рожденнымъ и соединяется съ Отцомъ черезъ Сына.“ Такимъ образомъ ясно, что, уча: Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, Отцы словами: „черезъ Сына“ обозначаютъ только порядокъ произведенія, а не начало.

Но „*черезъ*“ (рег, διά), говорили, то же, что *изъ* (ex, ἐκ); однако, хотя бы въ приведенныхъ выше примѣрахъ это было одно и то же, отъ этого ничего нельзя вывести противъ приведеннаго смысла. Ибо, такъ какъ произведеніе отъ Отца не одной, а двухъ ипостасей— Сына и Св. Духа превосходить всякое разумѣніе, и равное этому произведеніе никогда не могло имѣть мѣста иначе, какъ только если бы установлена была другая Троица единаго Бога: то, дѣйствительно, двѣ совершенныя ипостаси, происшедшія отъ Отца въ одно и то же время прежде всѣхъ вѣковъ, одна раньше другой родится,— а Духъ Св. по рожденіи Сына исходитъ, а не родится,—такъ однако, что Отецъ съ Сыномъ и Духомъ Св. есть только Одинъ Богъ. Такимъ образомъ для выраженія этого особеннаго отношенія происхожденія двухъ ипостасей у св. Отцовъ составилъ особый способъ рѣчи, что бы именно выразить, что Сынъ, когда никто не произошелъ, а Духъ Св., послѣ того какъ родился Сынъ, произошли отъ одного и того же Отца. Въ самомъ дѣлѣ, только что доказано, что смыслъ ученія Отцовъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца черезъ Сына таковъ: Духъ Св. исходитъ отъ Отца, когда Сынъ уже родился. Но конечно, если въ такомъ смыслѣ понимается это положеніе, то *черезъ Сына* и *отъ Сына*—отнодъ не одно и то же. И св. *Іоаннъ Дамаскинъ* въ приведенномъ мѣстѣ допускалъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, но что Онъ исходитъ изъ Сына,—отрицалъ. Какимъ же образомъ *изъ* и *черезъ* могли бы быть одно и то же? Поэтому св. Отцы, хотя учатъ столько разъ въ иныхъ мѣстахъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, никогда однако не утверждали, что Духъ Св. исходитъ также и изъ Сына, а напротивъ очень часто ясно отрицаютъ, что Духъ Св. имѣетъ причину ипостаси изъ Сына, и учатъ, что одинъ производитель или причина Духа Св.—Отецъ.

Но тутъ дѣлаетъ преимущественно передъ прочими разныя возраженія столько разъ уже упомянутый нами іезуитъ ¹⁾, возраженія, которыя, пожалуй, стоить труда опровергнуть: „св. Отцы,“ настаиваетъ онъ, „уча, что Духъ Св. исходитъ или произошелъ отъ Отца черезъ Сына, разумѣютъ, что Духъ Св. исходитъ черезъ Сына, либо какъ черезъ слугу, или вторую причину (что нелѣпо),

¹⁾ Циховій, вопр. IV, стр. 37.

либо через Сына, какъ единосущнаго, что одинаково — ложно. Ибо, во-первыхъ, въ такомъ случаѣ выходило бы, что и Сынъ рожденъ черезъ Духа Св., потому что и Духъ Св. единосущенъ съ Сыномъ. Во вторыхъ, дѣятельное (активное) вліяніе, какое необходимо предполагаетъ исхожденіе черезъ Сына, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ единосущію потому, что это дѣйствія ипостасей, — следовательно оно относится къ дѣйствию, общему для Отца и Сына. Въ третьихъ, — если это *черезъ Сына* — обозначаетъ единосущіе, то остается вопросъ: что значить исходить или быть произведеннымъ черезъ Сына, какъ черезъ единосущнаго? Ибо — исходить — либо обозначаетъ быть произведеннымъ черезъ того, кто имѣетъ одну и ту же сущность съ Отцомъ и Св. Духомъ, либо нѣчто иное. Если — первое, — то, конечно, Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Если же (исходить) не значить быть произведеннымъ черезъ Сына, то, спрашивается, какая разница между исходить и быть произведеннымъ? Или, наконецъ, Св. Дамаскинъ и иные разумѣли, что Духъ Св. исходитъ черезъ Сына, какъ черезъ начало, обозначая словами: *черезъ Сына*, — что Сынъ имѣетъ отъ Отца способность быть вмѣстѣ началомъ Духа Св.“ Такъ рассуждаетъ іезуитъ.

Мы уже видѣли, какъ нужно понимать выраженіе: Духъ Св. исходить отъ Отца черезъ Сына, именно: Онъ исходитъ отъ Отца по рожденіи Сына, а не раньше Сына. Таково ученіе приведенныхъ Отцовъ. Въ этомъ смыслѣ не будетъ нелѣпостію — сказать, что Духъ Св. называется исходящимъ отъ Отца черезъ Сына на томъ основаніи, что Духъ Св. исходитъ черезъ Сына, какъ черезъ единосущнаго, рожденнаго Отцомъ. Что касается приведенныхъ іезуитомъ основаній, то, спрашивается, *во первыхъ*, почему можно было бы дѣлать заключеніе, что на томъ же основаніи должно было сказать, что Сынъ также рожденъ черезъ Духа Св.? Духъ Св. вѣдь исходитъ по рожденіи Сына, и въ этомъ именно смыслѣ Духъ Св. называется исходящимъ отъ Отца черезъ Сына, какъ черезъ единосущнаго, Отцомъ рожденнаго. Духъ же Св. отнюдь не исходитъ одинаково раньше Сына, что бы отсюда на подобномъ же основаніи можно было сказать, что Сынъ рожденъ Отцомъ черезъ Духа Св. — Ложно, *затѣмъ*, что въ отношеніи Сына исхожденіе Духа Св. черезъ Сына предполагаетъ активное вліяніе, или что этимъ подразумѣва-

ется, что Сынъ Божій активно вліяетъ на исхожденіе Духа Св. Исхожденіе дѣйствительно обозначаетъ произведеніе, или дѣйствіе, но отнюдь оно не относится къ Сыну, когда говорятъ, что Духъ Св. производится черезъ Сына, такъ какъ этимъ самымъ только обозначается, что Духъ Св. производится, когда Сынъ былъ рожденъ. *Наконецъ*—исходить черезъ Сына вполнѣ обозначаетъ быть произведеннымъ черезъ Сына, имѣющаго одну и ту же сущность съ Отцомъ и Св. Духомъ. Но не вѣрно, будто отсюда слѣдуетъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, такъ какъ это положеніе имѣетъ только тотъ смыслъ, что Онъ исходитъ черезъ Сына, т. е. по рожденіи Сына. Этимъ только обозначается порядокъ произведенія, такъ что отсюда безъ всякаго основанія дѣлается выводъ, что Отцы словами *черезъ Сына* хотѣли обозначить, что Сынъ отъ Отца имѣетъ способность производить Духа Св.

Но іезуитъ прибавляетъ: „Дамаскинъ чрезвычайно противится тѣмъ, которые выраженіе—*черезъ Сына* толкуютъ въ смыслѣ временнаго раздаванія даровъ; противится онъ очень и тѣмъ, которые это *черезъ Сына* объясняютъ въ смыслѣ—*съ Сыномъ*. Что касается перваго, то встрѣчаются весьма ясныя мѣста, въ которыхъ Дамаскинъ, говоря, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, слово — исхожденіе понимаетъ въ смыслѣ произведенія. Что касается втораго, то Дамаскинъ говоритъ: Родитель Слова есть черезъ Слово производитель Духа Св.—Если здѣсь *черезъ* значитъ то же, что *съ*, то смыслъ словъ Дамаскина былъ бы: Отецъ есть вмѣстѣ съ Словомъ производитель Духа Св., что, конечно, наповаль убиваетъ восточныхъ.“

Но и мы не отрицаемъ, что въ приведенныхъ тутъ же іезуитомъ мѣстахъ Дамаскинъ подъ словомъ исхожденіе ясно разумѣетъ произведеніе, а не временную раздачу даровъ Св. Духа; но развѣ поэтому въ иныхъ мѣстахъ Св. Дамаскинъ не могъ опять объяснять выраженіе *черезъ Сына* въ смыслѣ только временной раздачи даровъ Духа Св.? Выше мы читали слова самаго Дамаскина, въ которыхъ это говорится. Или развѣ потому, что не вездѣ Отцы, уча объ исхожденіи Духа Св. отъ Отца черезъ Сына, слово исхожденіе употребляютъ относительно временнаго подаванія даровъ, можетъ слѣдовать, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына? Нелѣпость!

Вслѣдъ затѣмъ іезуитъ только играетъ въ думысленность. Ибо когда Отцы слово *черезъ* объясняютъ посредствомъ *съ*, то они разумѣютъ, что Сынъ присоединяется къ Отцу не въ отношеніи причины Духа Св., но въ отношеніи только происшедшаго отъ причины сходится съ Духомъ Св., — при чемъ соединительную связку *съ* относятъ не къ Отцу, а къ Духу Св., такъ что выходитъ вотъ какой смыслъ: Духъ Св. (вмѣстѣ) съ Сыномъ производится Отцомъ, или: Отецъ есть производитель Духа Св. съ Сыномъ (т. е. Духа Св. и Сына). Въ такомъ только смыслѣ Дамаскинъ могъ сказать, что Отецъ есть производитель Духа Св. съ Сыномъ. Какимъ же образомъ восточные могутъ быть убиты наповаль однимъ ударомъ, если они легко могутъ отклонить этотъ даръ?

Еще прибавляетъ указанный писатель, — будто восточные никогда не могутъ указать мѣстѣ, гдѣ Отцы толковали бы *черезъ* посредствомъ *съ*, а Латиняне между тѣмъ очень часто доказали изъ Василя, Аванасія и Кирилла, что *черезъ* въ Св. Писаніи значить тѣже, что *изъ*. Но мы уже выше видѣли, какъ Григорій Нисскій *черезъ Сына* толкуетъ такъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца не непосредственно, но послѣ произведенія Сына. Въ этомъ смыслѣ, конечно, правильно сказать, что *черезъ Сына* значить *съ Сыномъ*, рожденнымъ Отцомъ. Мало того, тотъ же Григорій Нисскій въ I кн. противъ Евномія говоритъ: „Отецъ не имѣетъ начала, нерожденъ и всегда понимается Отцомъ. Изъ Него въ одной и той же непрерывной связи нераздѣльно Единородный Сынъ сопонимается вмѣстѣ съ Отцомъ. Черезъ Сына же и съ Нимъ, прежде чѣмъ мысль о посредствующей пустотѣ или о промежуткѣ, оставленномъ лицомъ, придетъ на умъ, воспринимается соединенный съ Обоиими Св. Духъ, по существу не ниже и не послѣ Сына, такъ чтобы можно было когда-нибудь представить себѣ Единороднаго безъ Духа Св.; но и Самъ Духъ Св. имѣетъ причину Своего существованія отъ Бога всего міра, какъ и единородный свѣтъ. Черезъ этотъ-то истинный свѣтъ возсіявая, Онъ (Духъ Св.) не отдѣляется отъ Отца и Сына никоимъ промежуткомъ и никакою разностью природы.“ Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь Нисскій то, что онъ только — что сказалъ: „черезъ Сына и съ Сыномъ воспринимается соединеннымъ и Духъ Св., прежде чѣмъ мысль о посредствующей пустотѣ или о

промежуткѣ, оставленномъ лицомъ, представутся уму,“ поясняетъ словами: „черезъ истинный же свѣтъ возсіявая, Духъ Св. не отдѣляется отъ Отца и Сына никакимъ промежуткомъ и разностью природы.“ Здѣсь сказанное *черезъ Сына* и *съ Сыномъ* св. Отець вслѣдъ затѣмъ отождествляетъ съ тѣмъ, что Духъ Св. *черезъ Сына возсіяваетъ*. И такъ,—какъ же это, по словамъ іезуита, ни одинъ изъ Отцовъ не училъ, что, когда говорятъ: Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына,—то это значить, что Онъ исходитъ отъ Отца вмѣстѣ съ Сыномъ? Затѣмъ, въ священномъ Писаніи *черезъ* иногда равносильно *изъ*; но въ такихъ мѣстахъ дѣло идетъ только о нераздѣльномъ дѣйствованіи Троицы, а не о самомъ произведеніи Духа Св. отъ Отца черезъ Сына.

Но іезуитъ возражаетъ,—что, дѣйствительно, приведенныя изъ Писанія Отцами мѣста касаются только внѣшнихъ дѣйствій, но это случилось потому, что Писаніе только два или три раза говоритъ о внутреннихъ дѣйствіяхъ, употребляя частицу *черезъ*,—и это по высшему Божию промыслу. „Ибо, говоритъ онъ, если изъ того, что Писаніе по отношеніи къ дѣйствіямъ внѣшнимъ придаетъ Отцу частицу *изъ*, а Сыну частицу *черезъ*, Аріане дѣлали выводъ, что Сынъ разносущенъ съ Отцомъ; то насколько болѣе они осмѣливались бы на это, если бы въ объясненіи дѣйствій внутреннихъ (*ad intra*) употребляли частицу *черезъ*, хотя слова, которыми начинается нѣкоторыя свои посланія апостолъ: Павелъ, апостолъ Иисуса Христа черезъ волю Бога (здѣсь частица *διὰ*—черезъ, учить Св. Василій въ кн. „о Духѣ Св.“ гл. V, — означаетъ тоже, что *ἐξ*—изъ) обозначаютъ внутреннее дѣйствіе Божіе. И поэтому, когда св. Василій въ только что упомянутой книгѣ, въ гл. XXV и XXVI объяснилъ частицу *съ* и доказалъ основательно, въ чемъ она отличается отъ частицы *въ*, однако нигдѣ не указалъ, что *черезъ* (*διὰ*) равносильно *съ* (*σὺν*), то ясно, что это позднѣйшая выдумка Фотіанъ, измышленная, что бы уклониться отъ свидѣтельствъ восточныхъ Отцовъ, и что она не имѣетъ никакого основанія въ св. Отцахъ.“ Но, *во первыхъ*, совсѣмъ неосновательно іезуитъ называетъ внутренними дѣйствіями Божіими тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ тварямъ и совершаются во времени;—не менѣе также заблуждается относительно призванія апостола. Такъ какъ боже-

ственная воля касается Павла, и Павелъ призванъ былъ къ апостольству во времени, то какъ же презваніе его можетъ быть не внѣшнимъ дѣйствиємъ? Слѣдовательно, только говоря о внѣшнихъ дѣствіяхъ, Писаніе употребляетъ слово *черезъ* вмѣсто *изъ*, такъ что отсюда нельзя Латинянамъ извлечь никакой помощи для подтвержденія сказаннаго. „Но, говоритъ іезуитъ, относительно дѣствій внутреннихъ Богъ не употреблялъ выраженія: *черезъ Сына* по высочайшему промыслу: ибо иначе Аріане изъ этого еще болѣе, чѣмъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Св. Писаніе употребляетъ *черезъ Сына* въ приложеніи къ дѣствіямъ внѣшнимъ, вывели бы, что Сынъ разносущенъ съ Отцомъ.“ Но это пустѣйшіе домыслы іезуита. Прежде всего, какимъ образомъ—рѣдко, только относительно дѣствій внутреннихъ Богъ употреблялъ выраженіе *чрезъ Сына*, когда, какъ мы доказали, нигдѣ этого нѣтъ? Или какъ это рѣдко встрѣчается въ Св. Писаніи то, что, по признанію самого іезуита, кромѣ иныхъ мѣстъ, столько разъ сказано апостоломъ? Развѣ этого многократнаго повторенія въ Св. Писаніи недостаточно было для Аріанъ, что бы они на этомъ основывали свои богохульства? Какъ же это для того, что бы они не злоупотребляли подобными выраженіями, Богъ воздержался отъ выраженія *черезъ Сына* по отношенію къ внутреннимъ дѣствіямъ? Далѣе,—разные еретики злоупотребляютъ разными мѣстами Св. Писанія,—и однако всевѣдущій Богъ не удержалъ ихъ отъ этого. Откуда мы можемъ знать, что Богъ того или другого не сказалъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ ради нѣкоторыхъ ересей? И какимъ это образомъ, спрашивается, изъ-за Аріанъ Богъ воздержался отъ выраженія: *черезъ Сына* въ отношеніи внѣшнихъ дѣствій? Вѣдь Аріане именно не признавали никакого дѣствія внутренняго, но богохульствовали, что Сынъ есть всецѣло тварь Отца, а Духъ Св.—тварь Сына. Всякое же дѣствіе, гдѣ тварь входитъ въ соприкосновеніе съ Богомъ, уже не есть дѣствіе внутреннее, и поэтому тотъ, кто допускаетъ внутреннія дѣствія между Богомъ и Сыномъ, этимъ самымъ, конечно, признаетъ, что у Отца и Сына—одна сущность, одно божество и сила. Спрашивается, какимъ образомъ Аріане, если бы говорилось *черезъ Сына* относительно внутреннихъ дѣствій, могли бы сдѣлать отсюда скорѣе выводъ: Отецъ и Сынъ не одинаковой природы, чѣмъ когда

через Сына примѣняется къ дѣйствіямъ внѣшнимъ? Но и Аріане, разсуждая на основаніи исповѣдуемыхъ каѳоликами началъ, не могли бы извлечь отсюда противъ нихъ ничего въ защиту своей ереси. Ибо, когда *через Сына* понимается по отношенію къ внутреннимъ дѣйствіямъ,—то признается вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сказано было, что Сынъ—одинаковой природы съ Отцомъ. Слѣдовательно,—какимъ образомъ Аріане изъ этого вывели бы что—нибудь противъ каѳоликовъ больше, чѣмъ изъ того, что Богъ употреблялъ выраженіе *через Сына* въ дѣйствіяхъ внѣшнихъ? И такъ, это сущія измышленія іезуитовъ, въ которыхъ они хотятъ слѣдовать скорѣе игрѣ своего мозга, чѣмъ руководиться самой каѳолической вѣрой. Да, наконецъ, что за выводъ: Василій кой-гдѣ объясняетъ слово *съ* и показываетъ его разницу отъ *изъ*, но нигдѣ не говоритъ, что слово *черезъ* обозначаетъ *съ*, слѣдовательно *съ* отнюдь не можетъ въ извѣстномъ смыслѣ означать *черезъ*?! Конечно, задача Василія въ приведенныхъ мѣстахъ касалась только недѣлимости дѣйствія Божія, а не дѣйствія внутренняго. Какъ же онъ могъ бы сдѣлать переходъ отъ одного рода къ другому?

Но іезуитъ продолжаетъ: „Кириллъ и Епифаній говорятъ, что Духъ Св. исходитъ черезъ Обоихъ, гдѣ, конечно, нельзя объяснять, что Духъ Св. исходитъ съ Отцомъ и Сыномъ.“ Но нигдѣ Кириллъ не говоритъ, что Духъ Св. исходитъ, исходитъ именно, черезъ Обоихъ, а только выходитъ ¹⁾. Такъ въ книгѣ „о правой вѣрѣ—къ царевнамъ“ онъ выражается: „*πρόβεια*—выходитъ черезъ Обоихъ Духъ животворящій.“ Но тамъ Кириллъ отнюдь не говоритъ объ исхожденіи Духа Св., а только объ Его временномъ посланіи, —въ какомъ смыслѣ *черезъ* совершенно однозначуще съ *изъ*. Между тѣмъ у насъ теперь рѣчь объ исхожденіи Св. Духа ипостасномъ и вѣчномъ.—У Епифанія же не сказано *черезъ Обоихъ*, но отъ Обоихъ (*παρ ἀμφότερων*), и въ какомъ смыслѣ онъ такъ говоритъ, увидимъ ниже, остановившись на его словахъ.

Наконецъ, тамъ же разсматриваемый писатель возражаетъ: „Отцы никогда не учили, что и Сынъ также рожденъ черезъ Духа Св.; что, конечно, было бы справедливо, если бы *черезъ обо-*

¹⁾ По греч.—ἐκπορεύεσθαι, по лат. *procedere* исходитъ въ смыслѣ получать бытіе, начало, происходить, а *προίεναι*—*exire* въ смыслѣ выходить, являться.

значало *сз*, въ особенности потому, что, по мнѣнію восточныхъ, Духъ Св. такъ отъ Одинаго только Отца получаетъ начало, какъ и Сынъ.“ Но это возраженіе мы уже выше разрѣшили: потому нельзя одинаково сказать, что Сынъ родится черезъ Духа, какъ Духъ исходитъ черезъ Сына, что Сынъ не родится по произведеніи Духа Св. такъ, какъ Духъ Св. исходитъ по рожденіи Сына. Вотъ почему говорится, что *черезз* здѣсь значить *сз*. Ибо Духъ Св. исходитъ отъ Отца вмѣстѣ съ рожденнымъ отъ Отца Сыномъ,—при чемъ такъ же непосредственно Сынъ, какъ и Духъ Св., производится отъ Отца, потому что и Тотъ, и Другой происходятъ отъ Одинаго только Отца. Но вмѣстѣ съ Григоріемъ Нисскимъ мы въ отношеніи порядка признаемъ посредство, которымъ Сынъ вступаетъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Отца, такъ какъ именно Духъ Св. исходитъ послѣ рожденія Сына; Сынъ же непосредственно, т. е. тогда, когда никто не былъ произведенъ, родился отъ Отца. Поэтому, какъ замѣчено, порядокъ мѣшаетъ сказать, что какъ Духъ Св. произошелъ черезъ Сына, такъ и Сынъ произошелъ черезъ Духа Св. — То, что еще возражаетъ тотъ же іезуитъ по этому поводу, рассуждая о словахъ Св. Максима, увидимъ ниже.

Относительно же того, на чемъ мы выше настаивали, что Отцы не учатъ, что Духъ Св. исходитъ *отз* Сына, подобно тому, какъ учатъ, что Онъ исходитъ *черезз* Сына, и что, слѣдовательно, частица *черезз* не есть тоже, что частица *отз*, тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ отвѣчаетъ: „въ то время Греція кишѣла еретиками, которые защищали разныя ереси относительно Св. Троицы. Поэтому Отцы должны были выражаться очень осторожно, что бы не подать еретикамъ повода къ соблазну. Даже среди самихъ православныхъ были люди, придиравшіеся къ словамъ. По этой причинѣ Отцы воздерживались отъ самыхъ употребительныхъ словъ. Нѣкоторые изъ-за этого, хотя вѣровали, что Духъ Св.—Богъ, однако отнюдь не употребляли этого имени. Изъ этого источника вытекало, что Отцы, слѣдуя различнымъ способамъ защиты вѣры, прилагали различныя способы выраженій. Григорій Богословъ употреблялъ слово *нерожденный*, другіе же его совсѣмъ избѣгали. И такъ не удивительно, если въ Греціи, гдѣ было очень много за-

¹⁾ Циховій, *вопр.* VI, стр. 71.

блужденій относительно Духа Св., не всё выражались одинаково. Именно,—что бы зажать ротъ тѣмъ, которые полагали въ божествѣ три начала,—(Отцы) учили, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, давая понять этимъ, что не только Духа Св., но и Сына, черезъ Котораго Духъ Св. исходитъ, должно относить къ Отцу, какъ къ безначальной причинѣ. Такъ, что бы опровергнуть Евноміанъ и обозначить, что не отъ Одного только Сына, но также и отъ Отца (какъ ясно говоритъ св. Василій въ концѣ книги II противъ Евномія) исходитъ Духъ Св., утверждали, что Онъ есть, или исходитъ отъ Отца черезъ Сына. Такой же точно способъ выраженія употребляли противъ Савелліанъ для обозначенія различія между дышащими лицами, хотя и съ одной дыхательной силой и дѣйствиємъ. Ибо думали, что частица *отъ* (*изъ*, ἐξ), по обычаю выражаться, обозначаетъ причину безначальную и первоначальную, т. е. такую, которая не получаетъ отъ другой производительной силы. Замѣчали, что это слово *изъ* (*отъ*) устанавливаетъ мысль и не заставляеть ее идти дальше и искать первой причины. Напротивъ, видѣли, что частица *черезъ* вводитъ какое-то другое лицо и побуждаетъ мысль къ разсужденію о немъ. Такимъ образомъ она, какъ говоритъ Василій въ VIII гл. книги „о Духѣ Св.“ и Златоустъ въ LIII бесѣдѣ на евангеліе отъ Матѳея, есть исповѣданіе порядка, порядка къ предначальной или первой причинѣ (*προκαταρκτηκή* или *πρώτη αἰτία*). Поэтому-то предпочитали употреблять слово *черезъ* слову отъ (*изъ*—ἐξ) и это послѣднее, т. е. ἐξ (какъ говоритъ Василій въ кн. „о Духѣ Св.“ листъ 226) приносивать къ верховной причинѣ.“ И прибавляетъ: „между тѣмъ однако Отцы вездѣ учатъ, что *черезъ* есть то же, что *отъ*, *изъ*.“

Но прежде всего этимъ общимъ извиненіемъ, которое онъ предпосылаетъ, рѣшительно ничего не достигаетъ іезуитъ, а напротивъ открываетъ имъ дверь всѣмъ еретикамъ извинять такимъ образомъ свои заблужденія, если ктонибудь станетъ имъ возражать. Они могутъ всегда на это сказать: Отцы отъ такихъ-то и такихъ-то словъ нарочно воздержались. Поэтому іезуитъ долженъ былъ доказать,—что дѣйствительно у Отцовъ была такая мысль, какую онъ имъ тутъ приписываетъ, т. е. что ради еретиковъ; что

бы не подать имъ соблазна, Отцы воздержались отъ выраженія *отъ Сына* относительно исхожденія Св. Духа. Но это нелѣпость. На самомъ дѣлѣ, Григорій Нисскій, Кириллъ, архіепископъ Александрійскій, наконецъ Іоаннъ Дамаскинъ потому именно отрицають исхожденіе Духа Св. отъ Сына, что иначе Сынъ явился бы причиною Св. Духа. И такъ, не для того, что бы не послужить соблазномъ для еретиковъ, а что бы на самомъ дѣлѣ осудить это ученіе, какъ вводившее два начала, они отвергли, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына. „Но Отцы, говоритъ іезуитъ, ради тѣхъ изъ каѳоликовъ, которые ловили другихъ на словахъ,— воздержались даже отъ самыхъ употребительныхъ словъ.“ Но что отсюда можно заключить для настоящаго вопроса? Какъ оказывается изъ приведенныхъ іезуитомъ примѣровъ, одни Отцы удерживались отъ того, что другіе открыто утверждали. А тутъ Отцы нигдѣ не учатъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Далѣе: если бы Отцы захотѣли употребить относительно исхожденія Св. Духа выраженіе *отъ Сына*, то какимъ, спрашивается, образомъ, они подали бы поводъ еретикамъ, или каѳоликамъ къ соблазну, когда, что бы отсюда ни явилось соблазнительнаго для иныхъ, изъ этого также могло выходить, что они вѣровали, учили и вездѣ проповѣдывали, что міръ сотворенъ Отцомъ и Сыномъ, или что все имѣетъ бытіе отъ Отца и Сына? Какъ здѣсь, такъ и тамъ, утверждается происхожденіе отъ двухъ лицъ. Если, затѣмъ, *отъ* (изъ) и *черезъ*—означаютъ одно и то же, какъ желательно Латинянамъ и какъ вслѣдъ затѣмъ утверждаетъ и іезуитъ, то почему, спрашивается Отцы предпочли воздержаться отъ словъ *отъ*, когда они словомъ *черезъ* обозначали *отъ*? Опять таки, если Отцы, что бы не ввести въ соблазнъ ни еретиковъ, ни каѳоликовъ, предпочли говорить, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, а не захотѣли выражаться, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына,—то затѣмъ Латиняне презираютъ это рѣшеніе Отцовъ, не только уча, но и всѣми силами защищая свое ученіе, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына? Само дѣло говорить, сколько они этимъ принесли и приносятъ соблазна для восточныхъ.

Кромѣ сказаннаго, что бы однимъ взоромъ изобличить пустоту и несостоятельность этого возраженія, спросимъ, почему Латиняне не соберутъ тѣ мѣста Отцовъ, въ которыхъ говорится, что

Духъ Св. выходитъ изъ сущности Сына Божія, изъ Сына есть, выраженія, по смыслу словъ, какъ они стоятъ, равнозначущія тому,—что Онъ исходитъ отъ Сына? Конечно, ихъ столько, что они далеко превышаютъ число тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, какъ это окажется сейчасъ изъ настоящей главы. Въ свою очередь почти въ безчисленныхъ мѣстахъ Отцы утверждаютъ, что Духъ Св. отъ Сына, или изъ Сына беретъ, но и этимъ снова, по мнѣнію Латинянъ, обозначается по самому смыслу словъ, будто Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Слѣдовательно,—какъ можно было сказать, что Отцы ради еретиковъ предпочитали говорить *черезъ Сына*, а не *отъ Сына* исходитъ, когда, по мнѣнію всѣхъ Латинянъ, какъ доказано, тѣ же Отцы въ гораздо большемъ числѣ мѣстъ учатъ, что Духъ Св. исходитъ *отъ Сына*, чѣмъ *черезъ Сына*?

Къ этому указанный іезуитъ присоединяетъ свои гаданія: почему именно противъ еретиковъ Отцы предпочитали учить, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына. Но чѣмъ онъ доказываетъ, что у Отцовъ былъ одинъ и тотъ же смыслъ?

Можетъ ли быть достаточнымъ утверждать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что другіе думаютъ? Противъ анархиковъ, говоритъ іезуитъ, Отцы учили, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына. Скорѣе, напротивъ, что бы не сойтись съ этими еретиками, какъ оказывается изъ примѣра выше поименованныхъ Отцовъ, они отрицали исхожденіе Св. Духа отъ Сына, вѣруя, конечно, что одна только причина Св. Духа. Опять,—что бы опровергнуть Евноміанъ и показать, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Отца, а не отъ одного только Сына, Отцы будто бы предпочитали учить, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына. Между тѣмъ въ этомъ случаѣ опять-таки приличнѣе было прямо утверждать, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына,—и Отцы это и утверждали бы, если бы такъ вѣровали, что, по увѣренію того же іезуита, будто бы и дѣлалъ Василій противъ тѣхъ же еретиковъ. Тѣмъ самымъ они прямо противорѣчили бы еретикамъ. Точно такъ же противъ Савелліанъ для установленія различія между лицами Отца скорѣе бы сказали, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына, чѣмъ—отъ Отца черезъ Сына, если бы они дѣйствительно въ это вѣрили,—ибо,

конечно, это ясно доказываетъ существованіе двухъ лицъ — Отца и Сына. Напрасно вмѣстѣ съ прочими Латинянами касательно Евноміанъ ссылался іезуитъ на Василія Великаго: нужно быть черезчуръ слѣпымъ, что бы не разобрать относящееся сюда мѣсто изъ писанія этого Отца, какъ увидимъ ниже. Далѣе — что предлогъ *отъ* (*изъ*) отнюдь не означаетъ главной причины, пространно было доказано въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ относительно словъ Св. Іоанна Дамаскина.

Сверхъ того, множество разъ Латиняне увѣряютъ, будто Отцы учили, что Сынъ есть причина Духа Св. — Ссылаются они, напр., на Григорія Нисскаго, Василія, Аѳанасія, Дамаскина, какъ мы видѣли въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ и больше еще увидимъ ниже. — Однако они утверждаютъ при этомъ, что причина тутъ имѣетъ значеніе причины главной. И такъ, если Отцы во многихъ мѣстахъ утверждали, что Сынъ есть причина Духа Св., хотя словомъ причина обозначалась причина главная, то какъ, спрашивается, допустивши, что *отъ* (*изъ*) означаетъ причину безначальную, Отцы могли бы удержаться отъ выраженія: *отъ Сына* въ дѣлѣ исхожденія Св. Духа? Опять: если *отъ* (*изъ*) обозначаетъ причину главную и потому Отцы предпочли говорить: Духъ Св. исходитъ *черезъ Сына*, а не *отъ* (*изъ*) *Сына*, то откуда они въ безчисленныхъ мѣстахъ учатъ, что Духъ Св. *есть отъ* (*изъ*) *Сына*, *получаетъ*, *выходитъ*, что Латиняне считаютъ равносильнымъ выраженію: *отъ Сына исходитъ*? Къому же, если такова причина, по которой Отцы въ дѣлѣ исхожденія Св. Духа воздержались отъ выраженія: *отъ Сына*, то почему раньше іезуитъ утверждалъ, что Отцы это сдѣлали, что бы не послужить соблазномъ для еретиковъ, или для каѳоликовъ? — Затѣмъ, частица *черезъ* и въ исхожденіи Св. Духа несомнѣнно служитъ выразительницею порядка, какъ мы видѣли выше. Но ложно, будто Отцы потому именно скорѣе говорили, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца *черезъ Сына*, чѣмъ отъ Отца и отъ Сына, какъ и то, что Василій въ этомъ хотѣлъ слово *отъ* (*изъ*) приноровить къ верховной причинѣ. Василій въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ о дѣйствіяхъ во внѣ, а не о дѣйствіяхъ внутреннихъ: поѣтому какъ можно было тутъ опираться на его авторитетъ? Ко всему этому іезуитъ

прибавляетъ: Отцы однако учили, что *отъ* (*изъ*) и *черезъ*—одно и то же. Но тамъ у Отцовъ дѣло идетъ только о нераздѣльности Божіихъ дѣйствій, какъ мы и разрѣшили это возраженіе. Если же предлогъ *отъ* (*изъ*) равнозначащъ съ предлогомъ *черезъ*, то какимъ образомъ первый могъ обозначать причину безначальную, а второй этого обозначать не могъ?

Не останавливаемся на остальныхъ толкованіяхъ латинствующихъ Грековъ, приводимыхъ тутъ же іезуитомъ и касающихся вопроса, почему говорится, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына. Они грѣшатъ неосновательностію и не приводятъ никакого доказательства своего толкованія изъ Св. Отцовъ.

Вотъ еще что говоритъ тотъ же іезуитъ ¹⁾ въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ: „то, что означенный Молдаванинъ ²⁾ въ своихъ опроверженіяхъ пишетъ: не всегда предлогъ *черезъ* въ Писаніи означаетъ причину,—вѣрно; отсюда однако не слѣдуетъ, что бы эта частица *черезъ* никоимъ образомъ не обозначала дѣйствія внутренняго (*ad intra*). Пусть онъ покажетъ хоть одинъ примѣръ, гдѣ въ рѣчи объ исхожденіи, какъ внутреннемъ дѣйствіи (*ad intra*), частица *черезъ* обозначаетъ что-нибудь иное, чѣмъ начало совпадающее въ дѣйствіи (*comprincipiū activum*). Среди столькихъ способовъ выраженія, какими Писаніе обозначаетъ единосущіе лицъ, Греки до сихъ поръ не могли найти ни одного мѣста, гдѣ бы слово *черезъ* обозначало единосущіе.“ Но хотя изъ того, что предлогъ *черезъ* не всегда означаетъ причину,—не слѣдуетъ,—что предлогъ *черезъ* не обозначаетъ дѣйствія внутренняго, однако отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ никакой необходимости, когда говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца черезъ Сына, это *черезъ* толковать въ смыслѣ сопричиннаго начала (*comprincipiū*), какъ кажется Латинянамъ. Въ этомъ положеніи, дѣйствительно, *черезъ Сына* означаетъ внутреннее дѣйствіе, но въ отношеніи Отца, Который по рожденіи Сына произвелъ Св. Духа Далѣе,—дѣйствительно, нельзя указать въ Св. Писаніи ни одного мѣста, гдѣ бы предлогъ *черезъ* въ исхожденіи Духа Св. обозна-

¹⁾ тамъ-же стр. 89.

²⁾ нѣкоторый профессоръ въ Яссахъ, противъ котораго писалъ свой трибуналъ польскій іезуитъ Циховій.

чалъ не совмѣстное начало, а единосущіе; но нигдѣ также Св. Писаніе не учитъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, и это положеніе (что касается самихъ словъ) мы взяли только у Св. Отцовъ. Какъ же, спрашивается, можно найти смыслъ этого положенія въ Св. Писаніи? Если же мы спросимъ Отцовъ, то для насъ ясно станетъ, какъ выше было доказано, что выраженіемъ — *черезъ Сына* они отнюдь не обозначали совмѣстнаго начала въ дѣйствіи, а только порядокъ единосущнаго происхожденія.

И Василиій, котораго тутъ дальше ¹⁾ приводитъ іезуитъ, несколько, какъ мы видѣли, не помогаетъ Латинянамъ: какъ и выше мы уже опровергли то, что онъ изъ него прибавляетъ, — ни какимъ свидѣтельствомъ нельзя подтвердить, что *чрезъ* и *съ* — одно и то же.

Но іезуитъ прибавляетъ: если можно будетъ сказать, что *чрезъ* тѣ же, что *съ*, тогда Аріане слова: „все черезъ Него стало,“ подражая Грекамъ, станутъ объяснять; все съ Нимъ стало.“ Но мы говоримъ, что *чрезъ* обозначаетъ *съ*, согласно сказанному выше, въ исхожденіи Св. Духа отъ Отца черезъ Сына; какъ же отсюда можно было вывести: слѣдовательно, когда говорится — все стало черезъ Сына, то точно такъ же понимается: все стало съ Сыномъ? Развѣ потому, что въ исхожденіи Св. Духа *чрезъ* не означаетъ причины, а равносильно *съ*, слѣдуетъ, что и вездѣ предлогъ — *чрезъ* имѣетъ тѣ же значеніе? Нелогично. Что не вездѣ *чрезъ* обозначаетъ причину въ Писаніи, признавалъ только что и самъ іезуитъ. Затѣмъ — и основаніе разницы само собою становится яснымъ: тамъ дѣло идетъ о дѣйствіяхъ внутреннихъ, а здѣсь — о дѣйствіяхъ внѣшнихъ. Но первыя — совершенно раздѣльны, а послѣднія недѣлимы и общи одинаково всей Троицѣ.

„Но, продолжаетъ нашъ писатель, Василиій учитъ, что *отъ* (изъ) въ Писаніи удѣляется Отцу, а *чрезъ* — Сыну, что бы сохранить несліяннымъ понятіе Отца и Сына и обозначить признаніе предначальной причины. А такъ какъ въ дѣйствіяхъ внутреннихъ и въ дѣйствіяхъ внѣшнихъ должно сохранить понятіе Отца и Сына несліяннымъ и выразить признаніе предначальной причины, то нѣтъ ничего удивительнаго, если греческіе Отцы, писавшіе противъ Евно-

¹⁾ Тамъ же, стр. 90.

міанъ и Духоборцевъ, утверждавшихъ, что Духъ Св. происходитъ отъ одного только Сына, пошли лучшимъ удѣлить Сыну частицу *чрезъ* не только въ дѣйствіяхъ внутреннихъ, но и въ дѣйствіяхъ внѣшнихъ для того, что бы, если бы они удѣлили Сыну частицу *отъ* (*изъ*), еретики не вывели заключенія, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, какъ отъ причины первоначальной и поэтому не исходитъ отъ Отца. Впослѣдствіи же, съ исчезновеніемъ Евноміанъ, греческіе Отцы въ объясненіи божественныхъ исхожденій смѣшанно и безразлично придавали Сыну какъ частицу *отъ* (*изъ*), такъ и *чрезъ*, мало того—даже Отцу придавали частицу *чрезъ*.“

Но какая необходимость дѣлать такое заключеніе: св. Писаніе въ дѣйствіяхъ внѣшнихъ придаетъ Отцу *отъ* (*изъ*), а Сыну — *чрезъ* для сохраненія только несліяннаго понятія Отца и Сына и выясненія признанія первоначальной причины; а такъ какъ въ дѣйствіяхъ внутреннихъ понятіе Отца и Сына должно сохраниться несліяннымъ и должно быть соблюдено признаніе первоначальной причины, то Отцы по этой только причинѣ придали Отцу *отъ*, а Сыну *чрезъ* въ исхожденіи Св. Духа, — такъ какъ, разумѣется, они вѣрили, что иначе какъ въ дѣйствіяхъ внѣшнихъ, такъ и въ дѣйствіяхъ внутреннихъ Сыну подходитъ частица *отъ*? Но мы выше видѣли, что мысль Отцовъ иная, когда они учатъ объ исхожденіи Духа Св. черезъ Сына. Оттуда, конечно, ясно, что Они потому утверждали, что Духъ Св. исходитъ не отъ Сына, но отъ Отца черезъ Сына, что Сынъ не есть причина или производитель Духа Св., а не вслѣдствіе необходимости сохраненія несліяннаго понятія Отца и Сына, или выясненія признанія первоначальной причины, такъ какъ иначе они учили бы, что и Сыну подходитъ *отъ* въ исхожденіи Св. Духа. И отсюда еще различіе этихъ частуждъ явно обнаруживается: хотя бы вслѣдствіе указанной причины Отцы учили, что въ дѣйствіяхъ во внѣ Отцу придается *отъ*, а *чрезъ* — Сыну, однако въ другихъ мѣстахъ они ясно признаютъ, что все произошло какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына. А между тѣмъ нигдѣ Отцы не учатъ, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына; — напротивъ того, прямо отрицаютъ, что Онъ исходитъ отъ Сына, прибавляя, что они вѣруютъ въ Его исхожденіе только черезъ Сына, какъ мы доказали это въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ примѣрами Кирилла Александрійскаго, Автора книги о Троицѣ, Іоанна

Дамаскина и др.—Далѣе: какимъ образомъ, если бы Св. Отцы говорили, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, еретики, богохульствовавшіе, что Духъ Св. произошелъ отъ Одного только Сына, могли бы вывести изъ этого заключеніе, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, какъ отъ причины производной, или отъ Одного только Сына? Въдѣ Евноміане утверждали, что Сынъ есть твореніе Отца: слѣдовательно, какъ, слыша объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, могли бы они отсюда дѣлать выводъ, что Сынъ есть производная, первоначальная причина Св. Духа? Не болѣе, конечно, они это отсюда вывели бы, какъ изъ сказаннаго о Сынѣ, что отъ Него—все, они вывели заключеніе, что Сынъ есть причина безначальная или производная всего. Мало того, іезуитъ выше заявлялъ, будто Василій въ концѣ II кн. противъ Евномія утверждалъ, что не отъ Одного только Сына, но также и отъ Отца Духъ Св. исходитъ. Какъ же не побоялся Василій, сказавши это противъ Евноміанъ, что они отсюда выведутъ, что Сынъ—производная причина Св. Духа? А остальные еретики, допускавшіе, что Сынъ есть истинный Богъ, рожденный Отцомъ, какимъ образомъ и они изъ того, что Духъ Св. называется исходящимъ отъ Сына могли сдѣлать выводъ: значить, Сынъ есть безначальная причина Св. Духа, что бы отсюда подтвердить, что Духъ Св. происходитъ отъ Одного только Сына? Въдѣ невозможно допустить, что Сынъ рожденъ и въ тоже время Онъ—безначальная причина.

Но іезуитъ продолжалъ: съ исчезновеніемъ Евноміанъ, греческіе Отцы въ объясненіи божественныхъ исхожденій и Сыну также безъ разбора придавали частицы *отъ* и *чрезъ*. Но почему цѣлый рядъ Отцовъ единогласно отрицаютъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына? А Отцы эти слѣдующіе: Кириллъ Александрійскій, Θεодоритъ, восточные епископы, авторъ книги „о Тройцѣ,“ Дамаскинъ и др., какъ доказано въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ. II если, съ исчезновеніемъ Евноміанъ, Отцы безразлично употребляли въ отношеніи Сына *отъ* и *чрезъ*, не боясь болѣе, что еретики станутъ говорить, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына и выводить отсюда, что Сынъ есть безначальная причина Св. Духа,—то почему Латиняне заявляютъ, будто Дамаскинъ потому отвергалъ выраженіе: *отъ Сына*, что частица *отъ* означаетъ причину безначальную? Что же,

наконецъ, послѣ исчезновенія Евноміанъ, объ этомъ передали Отцы? Они говорятъ, что Духъ Св. получаетъ отъ Сына, есть отъ Сына, есть изъ сущности Сына, является (выходитъ) отъ Сына, но никогда не говорятъ, что Онъ исходитъ отъ Сына. Но то же вездѣ и раньше и во время Евноміанъ передавали Отцы. Какъ же іезуитъ не постѣснялся утверждать, что по исчезновеніи Евноміанъ Отцы передали что нибудь болѣе этого? И отсюда оказывается, что это только іезуитскія измышленія, не опирающіяся на какое бы то ни было вѣское основаніе.

Хорошъ, наконецъ, тотъ же іезуитъ, когда на предьявленное ¹⁾ ему возраженіе: Василій дѣйствительно учитъ, что *отъ* и *черезъ* — одно и то же, но въ такихъ мѣстахъ у него рѣчь идетъ о нераздѣльныхъ дѣйствіяхъ Божіихъ, — онъ отвѣтилъ въ другомъ мѣстѣ: Св. Василій говорилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ (*universalissime*) противъ Аріанъ; слѣдовательно всецѣло отрицалъ различіе между *черезъ* и *отъ*. Но, если Василій отвергалъ рѣшительно различіе между *черезъ* и *отъ*, — то, конечно, онъ отвергалъ это въ отношеніи внѣшнихъ дѣйствій Божіихъ. Какъ же не поразилъ онъ этимъ въ конецъ Аріанъ, которые для уничтоженія Сына Божія различали *черезъ* и *отъ* (*изъ*) въ томъ случаѣ, когда говорится, что все сотворено черезъ Сына?

Сказаннаго достаточно по поводу заявленія Латинянъ, будто Отцы учили, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына.

II.

О свидѣтельствахъ Отцовъ, что Духъ Св. въ Сынѣ пребываетъ и почиваетъ.

Предъявляетъ, далѣе, упомянутый іезуитъ ²⁾ слѣдующее возраженіе: Отцы учатъ, что Духъ Св. отъ Отца исходитъ и въ Сынѣ пребываетъ и почиваетъ. Отсюда онъ, *во первыхъ*, рассуждаетъ: если бы Духъ Св. не исходилъ отъ Сына, а только отъ Одного Отца, то было бы невозможнымъ для Него пребывать въ Сынѣ;

¹⁾ На диспутѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Кіевѣ, — на слѣдующій послѣ составивъ день, стр. 352 „трибунала“.

²⁾ вопр. VI стр. 61.

между тѣмъ Онъ пребываетъ,—значить, и исходитъ. Слѣдствіе большей послыжки, говоритъ онъ, я доказываю такъ: если бы Духъ Св. исходилъ отъ Одного только Отца, Онъ не могъ бы пребывать въ Сынѣ иначе, какъ перейдя отъ Отца въ Сына; но Духъ Св. не можетъ перейти отъ Отца въ Сына; слѣдовательно,—если бы Духъ Св. исходилъ отъ Одного только Отца, то не могъ бы пребывать въ Сынѣ. Большая послыжка, кажется, ясна,—иначе не постижимо, какимъ образомъ Духъ Св., исходя отъ Одного только Отца, могъ бы быть въ Сынѣ, если бы не перешелъ въ Него отъ Отца. Однако для большей ясности, говоритъ онъ, прибавлю еще доказательство. Либо Сыну сообщается черезъ рожденіе вмѣстѣ съ сущностью и бытіе Св. Духа, либо нѣтъ. Если сообщается, значитъ, слѣдуетъ предположить дуновеніе Духа Св. раньше, чѣмъ рожденіе Сына,—что невозможно; если же не сообщается, то, значитъ, иначе нельзя понять присутствіе въ Сынѣ Духа Св., какъ только переходомъ Его отъ дышащаго Отца въ Сына. Подтвердимъ еще: что переходитъ отъ термина *отъ кого* къ термину *къ кому*, не можетъ быть въ терминѣ *къ кому*, если не перейдетъ къ нему отъ термина—*отъ кого*. Духъ Св., выдохнутый (по утверженію Фотіанъ) однимъ только Отцомъ, относится, какъ то, что переходитъ *отъ кого*, т. е. отъ начала или причины, которая есть Отецъ, къ термину *къ кому*, который есть Сынъ. Слѣдовательно Духъ Св. не можетъ быть въ Сынѣ, если не перейдетъ въ Него отъ Отца. Теперь же, что Духъ Св. не можетъ перейти отъ Отца въ Сына, доказываю: не можетъ Духъ Св. перейти отъ Отца въ Сына иначе, какъ оставивъ Отца (ибо не возможно, что бы что-нибудь перешло отъ термина *отъ кого* къ термину *къ кому*, если не оставить термина *отъ кого*). Но не возможно, что бы Духъ Св. оставилъ Отца,—слѣдовательно, не возможно, что бы Духъ Св. перешелъ отъ Отца въ Сына.—Такова аргументація іезуита.

Но прилично ли такимъ образомъ съ помощью человѣческихъ разсужденій выслѣживать высочайшія тайны Троицы и повергать ихъ на разсмотрѣніе мірской философіи? Какъ въ правѣ мы противопоставить іезуиту слова *Августина* изъ его I кн. „о Тройцѣ,“ I гл.: „собирающійся читать, говоритъ блаженный, наши разсужденія о Тройцѣ, прежде всего долженъ знать, что наше перо бодр-

ствуеть противъ клеветъ тѣхъ, которые, презирая начало вѣры, обманываются незрѣлою и превратною любовью къ разуму. Нѣкоторые изъ нихъ то, что они узнали о тѣлесныхъ вещахъ опытомъ тѣлесныхъ чувствъ, либо то, чему они научились, благодаря природѣ человѣческаго ума и живому старанію, или съ помощію искусства, стараются перенести на предметы безтѣлесные и духовные, желая послѣдніе измѣрять и составлять о нихъ мнѣніе на основаніи первыхъ.“ И, спрашивается, что за доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына пребываніе Духа въ Сынѣ?

Грегентій, архіепископъ Тафрійскій, въ „спорѣ съ Іудеемъ Гербаномъ“ (т. I библіотеки Греческихъ Отцовъ, стр. 196 г.) говоритъ: „Духомъ Св. мы называемъ Духа, какъ исходящаго изъ Ума, въ Словѣ же почивающаго и раздающаго всему жизнь.“ Тутъ, употребивъ раздѣлительную частицу, онъ различаетъ: отъ Отца исходитъ, а въ Сынѣ почиваетъ; значитъ, послѣдующими словами не указываетъ, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына. Да и какъ этими словами могъ бы Грегентій доставить свидѣтельство въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына, если подлѣ этихъ словъ издатели библіотеки Греческихъ Отцовъ и Кельнской библіотеки Отцовъ (т. V ч. I) на полѣ отмѣчаютъ: „берегись заблужденія Грековъ относительно исхожденія Св. Духа!“ Вмѣстѣ съ авторомъ книги о Троицѣ, извѣстной подъ пменемъ Кирилла Александрійскаго, и *Іоаннъ Дамаскинъ* учитъ, что Духъ Св. почиваетъ въ Сынѣ. Но развѣ они считали пребываніе Духа Св. въ Сынѣ за доказательство Его исхожденія отъ Сына? Напротивъ,—и тотъ, и другой ясно отрицаютъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, какъ это мы видѣли въ главѣ о свидѣтельствахъ Св. Отцовъ. Далѣе: пребываетъ Отецъ въ Сынѣ и Духъ, Сынъ—въ Духѣ.

Фульгенцій въ кн. „о вѣрѣ къ Петру“ въ I гл. пишетъ: „Отецъ всецѣло есть въ Сынѣ и Духъ Св., Сынъ всецѣло—въ Отцѣ и Духъ Св., Духъ Св. также всецѣло въ Отцѣ и Сынѣ.“ А если бы Духъ Св. не иначе могъ пребывать въ Сынѣ, какъ только потому, что отъ Него исходитъ, то выходило бы, что и Сынъ въ Духѣ Св. пребывать или почивать не могъ бы иначе, какъ только будучи Имъ одинаково произведенъ,—что—нелѣпо.

бы было ясно, какимъ образомъ Духъ Св., исходя отъ Одного

только Отца, пребываетъ въ Сынѣ, нѣтъ необходимости прибѣгать къ измышленію какихъ-то переходовъ, какъ доказывалъ іезуитъ. Духъ Св. пребываетъ, есть и почиваетъ въ Сынѣ потому, что Отецъ изъ и въ собственной и единственной сущности Сына, какъ въ субъектѣ (*въ челъзъ, а не что*), произвелъ Бога Духа единосущнаго съ Собою. Поэтому Духъ Св. не могъ иначе, какъ въ Сынѣ, поселиться, пребывать и быть, какъ произведенный изъ сущности и въ сущности, которая есть собственная Сына, будучи Одинъ съ Отцомъ и Сыномъ въ отношеніи сущности, отличаясь же лицомъ. Слѣдовательно, Сынъ имѣетъ отъ Отца то, что Духъ Св. есть въ Немъ, въ Немъ пребываетъ, будучи, какъ сказано, произведенъ изъ сущности и въ сущности Его Отцомъ, какъ Духъ Св., съ Нимъ единосущный. Іезуитъ, это отрицавшій, проповѣдуетъ тяжкую ересь, говоря, что у Сына есть что-нибудь, что Онъ имѣетъ отъ Себя, а не отъ Отца. Ибо если Сыну не черезъ рожденіе вмѣстѣ съ сущностью сообщается бытіе Духа Св., то, конечно, Сынъ имѣетъ нѣчто отъ Себя, а не отъ Отца, Которымъ Онъ рожденъ. Насколько это нелѣпо, всѣмъ ясно. Христіане всегда вѣровали и мы вѣруемъ, что все, что ни имѣетъ Сынъ, Онъ имѣетъ отъ Отца черезъ Свое вѣчное отъ Него рожденіе, и кто это отрицаетъ, недостойнъ носить имя христіанина, такъ какъ вводитъ два начала, двухъ Боговъ и иныя чудовищности. Ибо, если Сынъ имѣетъ что—нибудь не отъ Отца, по этому самому Онъ не Отцомъ произведенъ. Въ божествѣ имѣть что-нибудь отъ Отца, или въ чемъ-нибудь сообщаться съ Отцомъ—значить отъ Отца произойти. Такимъ образомъ, если бы Сынъ имѣлъ что бы то ни было отъ Отца, а что-нибудь не отъ Отца, то Онъ частью произошелъ бы, а частью не произошелъ,—что, конечно, не возможно и богохульно. Если, затѣмъ, Сынъ имѣетъ что-нибудь отъ Себя, а не отъ Отца, то въ отношеніи этого Онъ есть причина главная, безначальная или непронзводная. Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ будетъ два начала, двѣ причины и, наконецъ, два бога. Но католическая Церковь всегда предавала анаѳемѣ вводящихъ два начала.

Должно также и то, будто, если утверждать, что Сынъ имѣетъ бытіе Духа Св. отъ Отца черезъ рожденіе, то отсюда слѣдуетъ, что Духъ Св. выдохнуть прежде Сына, ибо, конечно, Сынъ отъ

рожденія Своего имѣть то, что Онъ—единосущенъ съ Духомъ Св., что Духъ Св. есть Его собственный Духъ. Развѣ же поэтому можно заключать, что Духъ Св.—прежде Сына? Вѣдь сами Латиняне заявляютъ, что Сынъ черезъ Свое рожденіе имѣть способность быть производителемъ Св. Духа. Развѣ отсюда слѣдуетъ, что Духъ Св. произошелъ раньше Сына? Точно такъ же не слѣдуетъ заключать: Сынъ черезъ рожденіе Свое имѣть бытіе Духа Св., слѣдовательно, Духъ Св. произведенъ прежде Сына: ибо одинаковое основаніе въ томъ и другомъ случаѣ. И такъ, для того, что бы можно было назвать бытіе Духа Св. собственнымъ Сына, достаточно было, что бы Духъ Св. исходилъ отъ Отца вмѣстѣ съ Сыномъ прежде всѣхъ вѣковъ, хотя Сынъ, какъ говоритъ *Григорій Нисскій*, только мысленно предусматривается раньше ипостаси Духа Св. въ отношеніи причины, но не въ отношеніи какого-нибудь временнаго разстоянія.—Въ утверженіи своего слѣдствія изъ большей посылки іезуитъ грубо основывается на требующемъ доказательствъ положеніи. Ему слѣдовало еще доказать, что Духъ Св. не есть въ Сынѣ, если не перейдетъ отъ Отца въ Сына; а онъ въ меньшей послылкѣ подставляетъ положеніе: Духъ Св., выдохнутый Однимъ только Отцомъ, относится, какъ то, что переходитъ отъ термина *отъ кого*, т. е. отъ Отца, къ термину *къ кому*, т. е. къ Сыну,—между тѣмъ какъ требовалось еще доказать, дѣйстви-тельно ли Духъ Св., исходя отъ Одного Отца, относится такъ, какъ то, что переходитъ отъ Отца въ Сына, или отъ термина *отъ кого* къ термину *къ кому*. Что же касается утверженія главной меньшей посылки, то, если мы даже отвергнемъ возможность перехода въ божествѣ, изъ этого просиллогизма іезуита все-таки ничего нельзя вывести для опроверженія того, кто сталъ бы утверждать, что Сынъ переходитъ отъ Отца въ Сына. Ибо, хотя въ природѣ имѣть силу положеніе, что ничто не можетъ перейти отъ термина *отъ кого* къ термину *къ кому* иначе, какъ только оставивши терминъ *отъ кого*: но развѣ можно было прилагать естественныя начала къ неизъяснимому происхожденію Троицы? Если у Отца, Сына и Св. Духа одна сущность, то какимъ образомъ Духъ Св. переходя въ этой одной сущности отъ Отца въ Сына, тѣмъ самымъ оставить совершенно Отца?

Затѣмъ аргументируетъ іезуитъ, *во вторыхъ* ¹⁾: „не возможно, что бы терминъ дѣйствія пребывающаго (имманентнаго) получался въ комъ-нибудь иномъ, кромѣ того, кѣмъ оно производится (таково именно опредѣленіе дѣйствія имманентнаго и отличие его отъ дѣйствія переходящаго); дыханіе есть дѣйствіе имманентное; слѣдовательно,—невозможно, что бы его терминъ, т. е. Духъ Св., былъ въ комъ-нибудь иномъ, кѣмъ Онъ не производится.“ Отсюда и въ другомъ мѣстѣ ²⁾ своего труда тотъ же іезуитъ разсуждаетъ: „какъ въ Отцѣ Духъ Св. почивать и пребывать не могъ бы, если бы отъ Него не исходилъ (такъ какъ невозможно, что бы терминъ жизненнаго имманентнаго дѣйствія получался жизненно въ другомъ субъектѣ, кромѣ того, отъ котораго выходитъ, что ясно изъ наведенія человѣческихъ мыслей и хотѣній,)—такъ и въ Сынѣ (Духъ Св.) не могъ бы почивать, если бы отъ Него не исходилъ.“ Но совсѣмъ не логично іезуитъ переходитъ отъ одного рода въ другой и нелѣпо сравниваетъ внутреннія дѣйствія Божія, превосходящія всякое пониманіе человѣческое и всеобщность философскихъ аксіомъ, съ дѣйствіями, наблюдаемыми, напр., въ природѣ. Мало того, само собою очевидно, какъ неосновательно выводитъ такіа заключенія іезуитъ. Если бы они были допустимы, то одинаково съ необходимостью пришлось бы дѣлать и такіе выводы: невозможно терминъ имманентнаго дѣйствія понимать въ комъ-нибудь другомъ, кромѣ того, кѣмъ онъ производится: рожденіе есть дѣйствіе имманентное,—слѣдовательно—терминъ его—Сынъ—не есть въ иномъ, отъ кого не производится; слѣдовательно Сынъ не есть въ Духѣ, или, если есть, то Онъ Духомъ производится,—что невозможно. И такъ, хотя и дыханіе, и рожденіе есть дѣйствіе имманентное, однако, такъ какъ это дѣйствіе совершается въ божественной сущности, какъ въ субъектѣ (*въ комъ*), каковая сущность есть собственная Сына, то не могъ, конечно, терминъ дыханія, т. е. Духъ Св., быть только въ Сынѣ, такъ что отсюда отнюдь нѣтъ необходимости для того, что бы терминъ дыханія былъ въ Сынѣ, придавать Ему произведеніе Св. Духа.

¹⁾ Тамъ же, стр. 62.

²⁾ Въ приложеніи къ „Трибуналу,“ озаглавленному „Изобличеніе лиеолога.“ Такъ іезуитъ называетъ писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Евсевія Пимена и написавшаго книгу противъ Лативьянъ, подъ заглавіемъ: лиеоосъ (камень).
Прим. перев.

Доказываетъ іезуитъ ¹⁾, въ *третьихъ*: „потому говорится: Духъ Св. пребываетъ въ Сынѣ (согласно словамъ учениковъ апостола Андрея ²⁾, что бы ясно было, что Одинъ и Тотъ же Духъ въ Отцѣ и Сынѣ и что то же самое есть едиnorodный Сынъ, чтó и родитель Отецъ; между тѣмъ не оказывалось бы ни то, ни другое, если бы Духъ Св. не пребывалъ такъ въ Сынѣ, какъ пребываетъ въ Отцѣ, т. е. такъ, что бы исходилъ отъ Того и Другого и пребывалъ въ Томъ и Другомъ, какъ терминъ одного имманентнаго дѣйствія. И такъ, что бы ясно было сказанное, должно предположить: Духъ Св. исходитъ отъ Того и Другого и въ Томъ и Другомъ пребываетъ. Ибо такимъ образомъ Духъ есть истинно Того и Другого, если выдыхается Тѣмъ и Другимъ, и только такъ то самое есть Единородный, чтó и Родитель,—потому что какъ Родитель есть дынушій, такъ и Единородный.“ Но ложно, будто не Одинъ и Тотъ же Того и Другого будетъ Духъ въ Отцѣ и Сынѣ, или будто Сынъ не будетъ то, чтó Отецъ, если бы Духъ Св. не исходилъ отъ Того и Другого. Относительно перваго мы подробно разсуждали въ главѣ ³⁾, въ которой доказано, что положеніе: Духъ Св. есть Духъ Сына—не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына. Что касается втораго, то, спрашивается, какимъ это образомъ Сынъ не былъ бы то же, чтó Отецъ, если бы Сынъ не былъ, подобно Отцу, производителемъ Св. Духа? Вѣдь уже на основаніи одной и той же сущности Онъ былъ бы то же, чтó Отецъ, хотя бы даже Духъ Св. и не исходилъ отъ Сына. Въ отношеніи же личныхъ (ипостасныхъ) свойствъ кто скажетъ, что Сынъ долженъ быть одно и то же, чтó Отецъ? Между тѣмъ Духъ Св. исходитъ изъ лица Отца, какъ лицо. „Но въ такомъ случаѣ, говоритъ іезуитъ, Духъ Св. не пребывалъ бы въ Сынѣ такъ, какъ въ Отцѣ;—именно—въ Отцѣ Онъ пребывалъ бы, какъ въ виновникѣ, а въ Сынѣ не въ одинаковомъ отношеніи.“ Между тѣмъ совершенно достаточно было Духу Св. быть произведеннымъ Отцомъ для того, что бы Онъ пребывалъ въ Томъ и Другомъ,—ибо такимъ образомъ Онъ уже пребываетъ въ Томъ и Другомъ вслѣдствіе одной и той же причины, т. е. вслѣдствіе Своего исхожденія отъ Отца. При

¹⁾ Тамъ же, вопр. VI стр. 62, 63.

²⁾ Смотр. I гл.

³⁾ Гл. XI.

этомъ нѣтъ никакой необходимости, что бы Онъ пребывалъ какъ въ Отцѣ, такъ и въ Сынѣ, какъ виновникѣ, если Онъ долженъ былъ равно пребывать и въ Сынѣ, какъ въ Отцѣ. Ибо и Сынъ пребываетъ въ Отцѣ, какъ производителѣ, однако не въ такомъ отношеніи пребываетъ Онъ въ Духѣ Св.,—и все — таки Онъ такъ же истинно пребываетъ въ Духѣ Св., какъ въ Отцѣ. Духъ также пребываетъ въ Отцѣ, какъ въ началѣ безначальномъ,—пребываетъ и въ Сынѣ, какъ въ началѣ всего отъ начала. Но развѣ отсюда станемъ выводить, что Духъ Св. не истинно пребываетъ въ Сынѣ, какъ пребываетъ въ Отцѣ? И такъ, отнюдь не слѣдуетъ: Духъ Св. пребываетъ въ Отцѣ, какъ въ виновникѣ; въ Сынѣ Духъ Св. не какъ въ виновникѣ пребываетъ,—слѣдовательно, въ Сынѣ Онъ не пребываетъ, какъ въ Отцѣ,—если, какъ я сказалъ, не подведешь это подъ указанное отношеніе. Затѣмъ, дѣйствительно, Духъ, двумя дышимый, есть истинно Духъ двоихъ. Но ложно, будто Духъ Св. не будетъ Духомъ Отца и Сына, если Онъ дышется Однимъ только Отцомъ. Это — то и слѣдовало доказать, а не утверждать то, что было внѣ предмета. Точно такъ же Сынъ былъ бы то же что Отецъ при условіи, если бы Онъ былъ дышащимъ Духа Св.; но опять — таки ложно, будто безъ этого Сынъ не будетъ то же, что Отецъ.

Но что бы это не показалось измысленіемъ самого іезуита, онъ взываетъ къ тѣмъ, которые за много лѣтъ до него учили такъ же. Что же это за учителя? *Пасхазій Радбертъ*, *Перегринъ*, епископъ Лавреакійскій, и наконецъ *Гуитмундъ*, епископъ Аверсанскій. Но что это за авторитеты? Когда они прославились? *Пасхазій* жилъ предъ 906 по Р. Х.; *Перегринъ* около 910, а *Гуитмундъ* около середины XI-го вѣка. Какого же, спрашивается, здраваго сужденія можно было ожидать отъ людей, уже напитавшихся ученіемъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына? Поэтому какое значеніе можетъ имѣть ихъ свидѣтельство? Іезуитъ долженъ былъ намъ привести *Василія*, *Аѳанасія*, *Григорія Богослова* и другихъ Отцовъ, признанныхъ всею католическою Церковью, а не нѣкоторыхъ Латинянъ, жившихъ въ то время, когда Латиняне, слѣдуя повому пути, отступили отъ древняго преданія вѣры и ея смысла. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему привелъ бы насъ споръ, если бы мы старались основываться въ своихъ сужденіяхъ на словахъ *Фотія*,

Сизинія, Михаила, Германа и др., а Латиняне въ свою очередь стали опираться на ученія Сергія, Николая, Льва IX и иныхъ папъ стараго Рима?

Иезуитъ же продолжаетъ: „если Фотіане не стануть держаться такого именно смысла изреченія:—Духъ Св. пребываетъ или почи- ваетъ въ Сынѣ, то они никогда не смогутъ пребываніе Духа Св. въ Сынѣ согласить съ Его нераздѣльностью и непереносимостью отъ Отца.“ Но мы это сейчасъ опровергали, вполне соглашая. Затѣмъ онъ прибавляетъ: „никогда также не смогутъ они объяс- нить: въ какомъ отношеніи Духъ Св. не приходитъ къ Сыну извнѣ (ἐξωθεν) и не есть для Него посторонній (ξένος), по частому вы- раженію Св. Кирилла Александрійскаго, если Онъ не есть отъ Сына ab intra, а приходитъ къ Нему выдохнутый Отцомъ?“ Но какимъ образомъ, если Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца, Онъ придетъ извнѣ, или будетъ постороннимъ для Сына? Отецъ, конечно, производитъ Духа Св. изъ и въ Своей сущности, каковая сущность есть одинаково и собственная Сына: какъ же Духъ Св., произве- денный Однимъ только Отцомъ, станетъ приходитъ къ Сыну извнѣ? Иезуитъ снова прибавляетъ: „никогда также не докажутъ они, что Духъ Св. есть совершенно такъ же (Духъ) Сына, какъ Отца, если Онъ по одному и тому же образу не будетъ Того и Другого; или если Онъ будетъ въ Отцѣ, какъ Имъ выдыхаемый, то въ Сынѣ будетъ, какъ извнѣ отъ иного приходящій.“ О первомъ мы подробно говорили въ главѣ, въ которой доказали, что положеніе: Духъ Св. есть Духъ Сына—не служить доказательствомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. „Но, говоритъ иезуитъ, въ такомъ случаѣ Сынъ имѣетъ Духа Св. отъ иного.“ Отъ иного, конечно, имѣетъ *въ отношеніи лица*,—ибо иное—Отецъ, иное—Сынъ,—но не отъ иного *въ отношеніи сущности*,—ибо въ отношеніи послѣдней Сынъ—то же, что Отецъ. Когда Отцы отрицаютъ, что Сынъ имѣ- етъ Св. Духа отъ инуду либо со стороны,—или,—что Духъ Св. есть Духъ чуждый Сыну, то они разумѣютъ не первое, а послѣд- нее, т. е., что въ отношеніи сущности Духъ Св. не приходитъ къ Сыну извнѣ, или что Онъ Ему не чужой и посторонній, въ томъ, конечно, смыслѣ, какъ мы сейчасъ сказали.

„Но мы, настаиваетъ далѣе іезуитъ, въ смыслѣ, приведенномъ нами отъ помянутыхъ Отцовъ“ (онъ разумѣетъ Пасхазія, Перегрина и Гуитмунда) „легко объясняемъ, на какомъ основаніи Духъ Св. пребываетъ въ Сынѣ, не переходя отъ Отца въ Сына. Когда мы говоримъ, что Духъ выдыхается Тѣмъ и Другимъ дыхателями, какъ Однимъ, тогда легко понять, что Духъ Св. пребываетъ въ Отцѣ и Сынѣ, какъ понятно, что какая нибудь мысль пребываетъ въ умѣ, отъ котораго произошла, и какое-нибудь желаніе пребываетъ въ той волѣ, или скорѣе душѣ, въ которой зародилось. Легко также мы объясняемъ, какимъ образомъ одинъ Духъ Св. является Духомъ Того и Другого, когда говоримъ, что одинъ и тотъ же выдыхается Обоиими, какъ однимъ, и - что Сынъ есть то же, что Отецъ,—когда признаемъ Сына однимъ и тѣмъ же дышателемъ съ Отцомъ, или по той причинѣ, что все, что имѣетъ Отецъ, есть Сына, или потому, что Сынъ есть одно съ Отцомъ.“ Но прежде всего, если іезуитъ не могъ сослаться на другихъ, кромѣ тѣхъ трехъ изъ своихъ предшественниковъ, которые пребываніе Духа Св. въ Сынѣ такимъ образомъ объяснили, то ясно, что это объясненіе есть ничто иное, какъ измышленіе борцовъ за исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Выводъ этого объясненія, который приплетаетъ іезуитъ, какъ сдѣланный изъ ложныхъ посылокъ, такъ и какъ нелѣпый и исполненный лживости, по праву отвергаемъ. А какимъ образомъ Духъ Св. истинно называется Духомъ Отца и Сына, какимъ образомъ также Сынъ имѣетъ все Отца такъ, что отсюда нисколько не слѣдуетъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, доказано въ двухъ предшествующихъ главахъ. Въ другомъ мѣстѣ увидимъ, какъ нелѣпо изъ того, что Сынъ есть одно съ Отцомъ, выводить исхожденіе Духа Св. отъ Сына.

„Наконецъ,“ продолжаетъ нашъ писатель тамъ же, „изъясненныя въ такомъ смыслѣ слова эти утверждаютъ ученіе кафолической Церкви. Поэтому ими пользующіеся (каковы между многими Св. Германъ, изъ епископовъ Кизическихъ ставшій патріархомъ Константинопольскимъ, въ своемъ обзорѣніи (*θεωρία Μοστικῆ*) церковныхъ дѣлъ—и Андроникъ Комненъ изъ фамиліи восточныхъ императоровъ, въ кн. противъ Іудеевъ, помѣщенной въ XIV т. Библіотеки, гл. X) должны быть причислены къ свидѣтелямъ кафо-

лической истины.“ Но, какъ доказано, Латинянамъ нисколько не помогаетъ то, что Духъ Св. называется почивающимъ въ Сынѣ; точно такъ же напрасно такъ взываетъ іезуитъ для подтвержденія своего мнѣнія (которое онъ нелѣпо величаетъ именемъ католической истины) къ католическимъ Отцамъ, учащимъ, что Духъ Св. пребываетъ или почиваетъ въ Сынѣ. Что касается Андроника Комнена, жившаго за нѣсколько столѣтій до насъ, то удивительно, что и его іезуитъ привелъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, потому только, что онъ сказалъ, что Духъ Св. почиваетъ въ Сынѣ. Но почему онъ не обратился за поддержкою къ другимъ, болѣе многочисленнымъ и болѣе древнимъ Отцамъ, которые, конечно, учили о томъ же предметѣ, но между прочимъ осудили исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Такъ *Михаилъ Пселлъ*, жившій въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, въ I гл. „богословскихъ главъ“ (издано въ Аугсбургѣ въ 1611 г.) пишетъ: „и въ Духа Св., не рожденнаго отъ Отца, но исходящаго изъ сущности Его и въ Сынѣ почивающаго.“ А въ гл. X: „святая и католическая Церковь учитъ: Отецъ -- не рожденъ, Сынъ рожденъ отъ Отца и Духъ исходитъ отъ Одного только Отца, а не также и отъ Сына.“ Опять: „хотя Духъ Св. исходитъ и отъ Одного только Отца Его, — однако не черезъ рожденіе, а черезъ исхожденіе.“ Снова: „Духъ Св. - и Онъ отъ Одного только Отца, но не черезъ рожденіе, а черезъ исхожденіе; вмѣстѣ — и рожденіе Сына отъ Отца, и исхожденіе Св. Духа.“ Наконецъ: „мы говоримъ, что Духъ исходитъ отъ Отца, отъ Сына же дается.“ Такимъ образомъ и отсюда очевидно, какъ неосновательно іезуитъ взываетъ къ тѣмъ, которые учили, что Духъ Св. почиваетъ въ Сынѣ, въ особенности если они жили въ то время, когда Латиняне уже были отдѣлены схизмою отъ восточной Церкви.

Не менѣе неудачно тотъ же іезуитъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ по поводу одинаковыхъ словъ взываетъ къ *Иліи Критскому*, какъ свидѣтелю исхожденія Духа Св. отъ Сына. Вотъ что онъ говоритъ: „такой же вѣры въ исхожденіе Св. Духа, я думаю, были два славнѣйшихъ толкователя Св. Григорія Богослова — Никита, митрополитъ Гераклеяскій, и Илія, митрополитъ Критскій. Думаю это объ Иліи

¹⁾ стр. 65.

какъ вслѣдствіе того, чему онъ учитъ, приводя мѣста изъ твореній Григорія Назіанзина, такъ въ особенности за то, что онъ говоритъ по поводу XXIII слова къ Іерону, № 28, а именно: Духъ Св., пребывая въ собственной ипостаси, никогда не отдѣляется отъ того, отъ кого исходитъ. Тутъ представляется для моихъ противниковъ настоящій Гордіевъ узелъ (который я часто завязываю). Именно: — либо Духъ Св. есть въ Сынѣ отъ вѣка, либо нѣтъ: сказать второе безъ заблужденія нельзя; если же они скажутъ первое, то у нихъ спросятъ: какимъ образомъ Духъ Св. есть въ Сынѣ? Есть ли Онъ тамъ по переходу отъ Отца въ Сына? Нѣтъ,—потому что Духъ Св. не отдѣлимъ отъ Того, отъ Кого исходитъ. Какъ же Онъ перешелъ бы къ тому, отъ кого не исходилъ бы? Либо могъ Онъ быть въ Сынѣ черезъ рожденіе, и въ такомъ случаѣ Онъ исходилъ бы отъ Отца и рождался бы въ Сынѣ,—что богохульно; либо Онъ былъ бы въ Сынѣ, какъ и въ Отцѣ, единственно черезъ дыханіе отъ Того или Другого.“ Опять-таки и изъ того видна бѣдность аргументовъ іезуита, что онъ ссылается на Ілію Критскаго. Ибо, между прочимъ, въ схоліяхъ послѣдняго къ слову Григорія Богослова о Св. Духѣ мы читаемъ, что онъ прямо разбивалъ Латинянь относительно ихъ утвержденія, что Духъ Св. не только посылается Сыномъ, но отъ Сына и исходитъ, какъ показано въ гл. о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ, вѣкъ X. Слова же Никиты, какъ сюда не относящіяся, разберемъ ниже. Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда ясно, что нужно думать о Гордіевомъ узлѣ, сплетаемомъ іезуитомъ изъ согласнаго, будто бы, мнѣнія Іліи. Я думаю, что весьма легко развязать этотъ узелъ, который выставляется затянутымъ въ пользу Латинянь противникомъ Латинянь. На самомъ дѣлѣ Духъ Св., конечно, есть въ Сынѣ вслѣдствіе исхожденія отъ Отца: Онъ могъ только быть въ Сынѣ, такъ какъ Духъ Св. произведенъ изъ сущности и въ сущности Отца, какъ въ субъектѣ, а сущность Отца есть вмѣстѣ и сущность Сына. Кто не видитъ, что, опустивъ это основаніе, іезуитъ спотыкается вслѣдствіе недостаточнаго исчисленія частей (силлогизма), или основаній?

Этимъ мы закончимъ рѣчь о пребываніи Духа Св. въ Сынѣ.

III.

О свидѣтельствахъ Отцовъ, что Духъ Св. исходитъ изъ устъ Божіихъ, а Сынъ Божій есть Божіи уста.

Латиняне, далѣе, заявляютъ: Св. Отцы учать, что Духъ Св. исходитъ изъ устъ Бога. Такъ какъ Отцы равнымъ образомъ учать, что Сынъ есть уста Бога, то какъ могли восточные отрицать, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына?

Дѣйствительно, вездѣ Отцы учать, что Духъ Св. исходитъ изъ устъ Божіихъ, напр.: Св. Діонисій Ареопагитъ, Василій, Афанасій, Филофей, которыхъ слова увидимъ впослѣдствіи. И *Иларій Пиктавіенскій* въ комментаріи къ пс. СХVІІІ: „уста Бога—тотъ, кто есть сила и премудрость, мышица Божія и образъ Божій,—т. е. Богъ и Господь Нашъ Іисусъ Христосъ.“ *Филонъ Карнавійскій* ¹⁾ въ толкованіи на пѣснь пѣсней—въ началѣ: „уста Бода Отца есть Сынъ.“ *Кириллъ Александрійскій* въ IV кн. „противъ Несторія“ (т. VI, стр. 100) называетъ „устаи Бога и Отца Самое изъ Него Слово, Духомъ Котораго содержится и поддерживается то, что черезъ Него стало.“ И *Анастасій* ²⁾ *Никейскій* въ I кн. „о догматахъ вѣры:“ „Духомъ устъ Его, т. е. Бога, называется Духъ Св., а уста есть Единородный.“ Вотъ что говорятъ эти Отцы.

Но что Отцы никогда не считали бытіе Духа Св. Духомъ устъ Божіихъ за доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына, ясно видно изъ слѣдующихъ словъ Дамаскина въ его посланіи „о Трисвятномъ“ (подъ конецъ): „ипостасный Духъ есть исхожденіе и произведеніе—отъ Отца,—конечно, и (Духъ) Сына,—но не отъ Сына,—какъ провозглашенный Духомъ устъ Бога.“ Какъ бы ни объяснять здѣсь послѣднія слова:—или въ томъ смыслѣ, что Духъ Св. не отъ Сына, какъ объявленный Духомъ устъ Его, или что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и есть (Духъ) Сына, объявленный какъ Духъ устъ Его,—вполнѣ ясно, что изъ того, что либо Сынъ—уста Отца, либо изъ устъ Отца исходитъ Духъ Св., нисколько

¹⁾ Св. Епифаній поставилъ его изъ іеродіаконовъ Епископомъ,—одни думаютъ, острова Карпава, а другіе—города Карнасіи на Кипрѣ 401 г.

Прим. перев.

²⁾ Жилъ, вѣроятно, между 520—536 г.

еще не слѣдуетъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Конечно, тѣ изъ Отцовъ, которые учили, что Духъ Св. исходитъ изъ устъ Бога, этимъ самымъ разумѣютъ самое лицо Отца, такъ что смыслъ выходитъ такой: „Духъ Св. исходитъ изъ лица Отца.“ Такъ *Василій* въ комментаріи на пс. XXXII (т. II, стр. 203) пишетъ: „какъ Создатель Слово утвердилъ небо,—такъ и Духъ Св. отъ Бога, Который отъ Отца исходитъ, т. е. то, что изъ устъ Его,—что бы ты не счелъ Его чѣмъ-то внѣшнимъ и изъ тварей, но прославляя, какъ имѣющаго ипостась отъ Бога, всѣ въ Немъ объялъ силы.“ И далѣе: „здѣсь Онъ пишется Духомъ устъ Его; мы находимъ въ другомъ мѣстѣ, что Онъ названъ Словомъ устъ Его, что бы разумѣлся Спаситель Нашъ и Духъ Св. — отъ Отца.“ Аванасій также въ діалогѣ I о Троицѣ (т. II, стр. 176): Аномей: „ты говоришь, что и Духъ также изъ ипостаси“ (т. е. Отца)? Православный: „откуда же иначе?“ И далѣе: „и мы отъ Бога рождены, не изъ чрева Его ипостаси“ (какъ рожденъ, подразумѣвается, Сынъ) „рождены; такъ и духи, исходящіе отъ Бога, не изъ устъ Его ипостаси. Духъ же Святой есть Духъ изъ устъ ипостаси.“ Аном. „если и Сынъ изъ ипостаси, и Духъ — изъ ипостаси,—то Они—братья?“ Правосл. „вслѣдствіе того о Сынѣ говорится, что Онъ не только изъ ипостаси, но и изъ чрева; а о Духѣ Св., — что Онъ не только изъ ипостаси, но — что Онъ—Духъ устъ, чтобы разница между Ними была не по отношенію—изъ ипостаси, а по отношенію—изъ чрева и изъ устъ.“ Конечно, тутъ Аванасій, говоря, что Сынъ рожденъ изъ чрева ипостаси Отца, разумѣетъ лицо Отца; по равнымъ образомъ говорить, что Сынъ—изъ чрева, а Духъ изъ устъ ипостаси Бога Отца. Разница также, училъ онъ, не въ отношеніи *изъ ипостаси*, но въ отношеніи—*изъ чрева и устъ*. Слѣдовательно, говоря, что Сынъ *изъ чрева*, а Духъ Св.—*изъ устъ*, Аванасій учитъ, что и Сынъ, и Духъ Св. изъ самой ипостаси Отца. Въ такомъ же точно смыслѣ говоритъ *Діонисій Ареопагитъ* въ посланіи къ Титу: „въ рожденіи Бога, превосходящемъ всякую сущность, мы воображаемъ себѣ какъ бы подобіе чрева, раждающаго Бога, — и Слово, раздавшееся въ воздухъ изъ мужеской груди, которую Оно прорвало; представляемъ себѣ и выходящаго изъ устъ Духа.“ Въ этихъ словахъ онъ призналъ уста, изъ кото-

рых вышелъ Духъ, въ томъ, чье было чрево, изъ котораго родился Сынъ. Безъ сомнѣнія же, подъ чревомъ Отца онъ разумѣтъ самое лицо Отца; его же разумѣтъ онъ и подъ устами Бога Отца. Называется, затѣмъ, Духъ Св. Духомъ устъ Христа. Но если, когда говорится, что Духъ Св. исходитъ изъ устъ Бога, подъ устами Божіими непременно разумѣтъ иное лицо; то окажется, конечно, что нужно установить иное четвертое лицо, которое и будетъ — уста Христа: выходитъ абсурдъ. И такъ, если у насъ есть два указанные положенія: *Сынъ есть уста Бога; Духъ Св. изъ устъ Отца исходитъ*, переданныя намъ Отцами, которые въ ихъ толкованіи не сходятся, разумѣя подъ устами Бога—одни самое лицо Отца, а другіе—Сына, то вполне понятно, что Латиняне не могутъ сдѣлать отсюда никакихъ прочныхъ выводовъ. Ибо если станемъ разсуждать: Духъ Св. исходитъ изъ устъ Бога; Сынъ есть уста Бога,—то здѣсь, если бы въ большей послылкѣ подъ устами Бога разумѣлось лицо Отца, какъ разумѣютъ ее Св. Діонисій, Аѳанасій и Василій, то, конечно, меньшая—ложна: —ибо Сынъ не есть лицо Отца: Если же разумѣтъ въ большей послылкѣ подъ устами Божіими—Сына, а меньшую допустить въ смыслѣ Иларія, Филона, Кирилла и Аѳанасія, то окажется ложною ббльшая послылка. Поэтому-то Отцы, утверждавшіе, что уста Бога — Сынъ, никогда въ этомъ смыслѣ не говорятъ, что Духъ Св. исходитъ изъ устъ Божіихъ,—а утверждавшіе, что Духъ Св. исходитъ изъ устъ Божьихъ, т. е. изъ самой ипостаси Отца, никогда въ этомъ смыслѣ не говорили, что Сынъ есть уста Бога.

Но столько разъ помянутый нами іезуитъ ¹⁾ заявляетъ, что св. Филовей ²⁾ патріархъ Константинопольскій, въ молитвахъ на вечерни въ праздникъ пятидесятницы въ славянскихъ книгахъ говорить такъ: „Духъ истины, Духъ — предводительный, потому что отъ ипостаси Отца и отъ божественныхъ устъ Его солично (соипостасно) ³⁾ дынешь. Ясно, что здѣсь подъ устами Бога такъ же точно, какъ у св. Аѳанасія и другихъ вышеприведенныхъ От-

¹⁾ Цвховій, вопр. VI, стр. 61.

²⁾ Филовей по прозванію кокинь (алый) ум. ок. 1371 г.

Прим. пер.

³⁾ Термянъ, ни у кого не встрѣчающійся, — сомнительный и у Филовея.

Прим. пер.

цовъ, разумѣется Сынъ.“ Но допустимъ, что подъ устами Бога нѣкоторые Отцы разумѣли Сына, другіе опять-таки подъ этимъ разумѣли самое лицо Отца, какъ мы только что видѣли это относительно Діонисія, Аванасія, Василия. Нѣтъ у іезуита никакой необходимости заключать, что Филооей сказалъ въ первомъ смыслѣ: „изъ усть Отца дышетъ Духъ Св.“—Напротивъ, —такъ какъ изъ Отцовъ утверждающіе, что уста Бога есть Сынъ, нигдѣ, какъ сказано, не передали, что Духъ Св. исходитъ изъ усть Бога; а тѣ изъ нихъ, которые учили, что Духъ Св. исходитъ изъ усть Бога, подъ устами Бога разумѣютъ лицо Отца, — а здѣсь Филооей вмѣстѣ съ послѣдними заявляетъ, что Духъ Св. исходитъ изъ усть Отца, то ясно, что эти слова Филооея должны быть истолкованы скорѣе въ смыслѣ послѣднихъ Отцовъ, т. е. относительно самого лица Отца.—Но пойдѣмъ далѣе.

IV.

О свидѣтельствахъ Отцовъ, что Духъ Св. ἑκαστοῦ (единосущенъ) съ Сыномъ.

Какъ стало обычнымъ у Латинянъ приводить въ доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына все, что можно какимъ бы то ни было образомъ сюда притянуть, такъ, конечно, очень неосновательно выставляютъ они противъ восточныхъ, какъ аргументъ въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына, то, что Духъ Св.—ἑκαστοῦ съ Сыномъ. Но, спрашивается, какимъ образомъ, если Отцы учатъ, что Духъ Св. единосущенъ съ Сыномъ, могли бы они думать объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, когда они вездѣ, только что сказавши объ единосущіи Духа Св. съ Сыномъ, сейчасъ относятъ исхожденіе Св. Духа не къ Сыну, а къ Отцу? Такъ Кириллъ въ комментаріи на Луку: „какъ палець свѣшивается съ руки, не будучи чуждъ ей и находясь единственно въ ней; такъ и Духъ Св. въ отношеніи единосущія связанъ и соединенъ съ Сыномъ, хотя исходитъ отъ Бога Отца.“ И въ изложеніи Никейскаго символа (предъ концомъ): „Духъ—единосущенъ съ Отцомъ и Сыномъ и изливается, т. е. исходитъ, какъ изъ источника, отъ Бога Отца, подается же твари черезъ Сына.“ Также въ книгѣ „о пра-

вой вѣрѣ къ царевнамъ:“ „вѣруемъ и въ Духа Св., не считая Его инымъ отъ божественной природы: ибо Онъ отъ Отца по природѣ, истекая на тварей черезъ Сына. Такъ понимается одна, единосущная, въ тождествѣ ученія святая и поклоняемая Троица.“ Также самъ вселенскій I Никейскій Соборъ (II кн. дѣяній Никейскаго Собора, Геласія Кизическаго, гл. XXII): „Духа Св. получили мы всѣ вѣрные, Который—той же сущности, какой Отецъ и Сынъ, исходитъ отъ Отца, по собственный Сына, какъ мы выше показали.“ Разумѣется, быть *ὁμοούσιον* обозначаетъ не что иное, какъ быть той же сущности, или имѣть одну и ту же сущность. Изъ безчисленныхъ свидѣтельствъ Отцовъ приведемъ только свидѣтельства нѣкоторыхъ.

Иларій Пиктавскій въ книгѣ „о Соборахъ“ противъ Арианъ слово Никейскаго Собора—*ὁμοούσιος τῷ Πατρὶ* переводить: „одной сущности съ Отцомъ.“ Такъ и *Аванасій* потому называетъ Сына единосущнымъ съ Отцомъ, что Онъ имѣетъ все—Отца, т. е. все, свойственное божественной сущности, какъ онъ прибавляетъ; и въ этомъ смыслѣ также Никейскіе Отцы исповѣдали, что Сынъ—*ὁμοούσιος* съ Отцомъ. Такъ въ „посланіи къ Серапіону противъ утверждающихъ, что Сынъ—тварь“ (т. I, стр. 169) *Аванасій* говоритъ: „все—Отца касается Сына, потому что Онъ—единосущенъ съ Отцомъ. Какъ, если бы Онъ имѣлъ какое-нибудь средство съ сотворенными вещами, то былъ бы единосущенъ съ ними; такъ, оставаясь чуждымъ по сущности сотвореннымъ, Онъ будетъ собственное Слово Отца и иной и отличный отъ нихъ; и такъ какъ все Отца Ему собственно, то Онъ по праву будетъ считаться единосущнымъ съ Отцомъ. Такъ Отцы, постигнувъ вопросъ, исповѣдали на Никейскомъ Соборѣ, что Сынъ единосущенъ и изъ сущности Отца. Ибо они хорошо сознавали, что сотворенная сущность никогда не можетъ сказать: все, что имѣетъ Отецъ,—Мое. Какимъ образомъ то, что получило начало бытія, могло бы имѣть въ себѣ Того, Кто есть и былъ вѣчно? Поэтому-то, такъ какъ Сынъ имѣетъ все это и то, что принадлежитъ Отцу, то необходимо, что бы природа Сына являлась не сотворенной, но единосущной съ Отцомъ. А иначе эта сотворенная природа не могла бы обнять того, что свойственно Богу. Свойства же Божія тѣ, по которымъ

познается Богъ, каковы: всемогущество, самосущность, низмѣнность и иныя, вышеуказанныя.“ *Дидимъ Александрійскій*—въ I книгѣ о Духѣ Св.: „во всемъ обнаруживается одно и тоже дѣйствование Отца и Сына и Св. Духа. Такъ какъ у Нихъ одно дѣйствование, то и одна сущность, ибо то, что *ἑμοούσιον*, имѣетъ одни и тѣ же дѣйствования.“—*ἑμοούσιον*, слѣдовательно,—обозначаетъ имѣть одну сущность.

Августинъ въ кн. „о вѣрѣ и символѣ,“ гл. IX: „Духъ Св.—не меньшей (низшей) природы, чѣмъ Отецъ и Сынъ, но, такъ сказать, *consubstantialis et coaeternus* (сосущный и совѣчный), потому что эта Троица—Одинъ Богъ.“ Въ *CLXXVШ* посланіи (около середины): „зачѣмъ слово *ἑμοούσιον* показалось вамъ возбуждающимъ раздѣленіе въ католической Церкви; которая, вѣря просто въ одну сущность Божію, приняла это слово отъ Греческихъ Отцовъ для защиты исповѣданія правой вѣры?“ И далѣе: „вотъ, что такое *ἑμοούσιον* (единосущное), которое несправедливо порицается. Не слово только, но дѣло въ словѣ, не звукъ только, входящій въ уши, но одна сущность Божія должна быть утверждена въ ушахъ. И такъ—единосущный—такъ объяснить слѣдуетъ: одной сущности Отецъ и Сынъ и Духъ Св. И пусть теперь никто не клеветаетъ на это слово, потому что, хотя это не написано, но то, что оно ниже обозначаетъ, или выражаетъ звукомъ, оно показываетъ не черезъ иного кого-нибудь, но черезъ одну божественную сущность, въ которой Сынъ обращается съ рѣчью къ Отцу, говоря: все Твое—Мое, и Мое—Твое. Эту одинаковость сущности и показываетъ Греческое слово *ἑμοούσιον*. Оно обозначаетъ погречески имѣющаго одну и ту же сущность и не кого-нибудь немощнаго, но Отца и Сына и Св. Духа.“—*Евлогій Александрійскій* въ сборникѣ анонимаго автора „противъ Северіанъ“ (т. IV древнихъ чтеній Канизія ч. I, стр. 240): „мы говоримъ, что каждая характеристическая ипостась имѣетъ все безъ исключенія признаки божества, какъ то: благо, силу творить и все, что касается несотворенной природы. Такъ мы называемъ Троицу *ἑμοούσιον*, т. е. единосущною, потому что одна и та же сущность цѣликомъ признается въ трехъ лицахъ. Такимъ образомъ, Отецъ имѣетъ совершенную сущность божества, подобно тому Сынъ, подобно тому

и Духъ Св.“ *Сулпицій Северъ* ¹⁾ во II кн. священной исторіи: „гдѣ было написано: *ἑμοούσιον* (т. е. единосущнаго), они утверждали, что было написано *ὁμοούσιον* (т. е. подобносущнаго). *Геннадій Массилійскій* ²⁾ въ кн. „о церковныхъ догматахъ,“ въ гл. V: „*ἑμοούσιον*,—т. е. одной и той же сущности въ божествѣ Сынъ съ Отцомъ.“ *Евгеній*, ³⁾ епископъ Карфагенскій, въ исповѣданіи вѣры у Виктора Утическаго во II кн. Вандальскаго преслѣдованія: „мы признали, что намъ слѣдуетъ прежде всего излагать объ единствѣ сущности Отца и Сына, что Греки называютъ *ἑμοούσιον*.“ И далѣе: „для опроверженія и совершеннаго уничтоженія этого нечестиваго исповѣданія, разсѣиваемаго противъ вѣры, греческій языкъ установилъ слово *ἑμοούσιον*, которое переводится —одной сущности или бытія.“ Опять: „но если Онь—не изъ ничего, то, безъ сомнѣнія,—отъ Отца и правильно *ἑμοούσιον*, т. е. Сынъ одной съ Отцомъ сущности.“ Наконецъ, *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. „православной вѣры,“ гл. X: „мы познаемъ Бога черезъ три ипостаси несложеннаго и неслияннаго, чрезъ единосущіе и взаимное между собою пребываніе ипостасей, и чрезъ нераздѣльность тожества, и воли, и дѣйствованія, и силы, и власти, и, такъ сказать, движенія единнаго Бога.“

И такъ если *ἑμοούσιον* обозначаетъ—быть одной сущности (субстанціи) и природы, или имѣть одну сущность, то какимъ образомъ можетъ слѣдовать выводъ: Духъ Св.—единосущенъ съ Сыномъ, слѣдовательно—Духъ Св. отъ Сына исходитъ? Можетъ ли имѣть силу аргументація: Духъ Св. имѣетъ одну сущность съ Сыномъ, значитъ,—отъ Сына исходитъ? Развѣ между сосущными одно по необходимости произвело другое? Люди и ангелы—одной сущности, но развѣ ангелъ произвелъ ангела, или Петръ, напр., Павла? Ясны также слова Іоанна Дамаскина въ III кн. „о православной вѣрѣ,“ гл. III: „Христось по божеству единосущенъ съ Отцомъ и Св. Духомъ, а по человѣчеству—съ Матерью и всеми людьми.“ Христось по человѣчеству отнюдь не произвелъ всѣхъ

¹⁾ родомъ Аквитанецъ, писалъ ок. 400 г.

Прим. пер.

²⁾ Массилійскій пресвитеръ,—писалъ ок. 495 г.

Прим. пер.

³⁾ см. о немъ III гл., поврежд. XXVI.

людей, будучи, однако по человечеству единосущнымъ со всѣми людьми, какъ по божеству съ Отцомъ и Св. Духомъ. Въ томъ же смыслѣ Христосъ называется единосущнымъ съ Духомъ Св. по божеству, въ какомъ по человечеству со всѣми людьми. Спрашивается, какимъ образомъ, когда Духъ Св. называется единосущнымъ съ Сыномъ, понимается, что между Тѣмъ и Другимъ посредствуетъ основаніе причины и причиннаго? Въдъ между человечествомъ Христа и всѣми людьми такого отношенія нѣтъ, — такъ что рѣшительно даже изъ этого одного мѣста Дамаскина утверженіе Латинянь явно изобличается въ заблужденіи.

Но Отцы учатъ, что божество единосущно и съ самимъ собою. *Августинъ* въ кн. I „о Тройцѣ“, гл. УШ: „божество не есть тварь, но единство Тройцы безтѣлесное и неизмѣнное и природа сама съ собою единосущная и совѣчная.“ *Иосафатъ* въ молитвѣ къ Богу послѣ удаленія Варлаама—у *Іоанна Дамаскина* въ исторіи Варлаама и *Иосафата*: „Отецъ, Сынъ и Духъ Св. единосущное и нераздѣльное божество! Тебя призываю и Тебя славлю!“ Также самъ *Іоаннъ Дамаскинъ* въ Ш кн., гл. VI „православной вѣры:“ „нельзя находить частичную и обособленную природу или сущность: ибо было бы необходимо одни и тѣ же ипостаси называть и единосущными, и разносущными,—и святую Тройцу называть и единосущною, и разносущною по божеству.“ Но какъ, скажите, можно назвать божество съ самимъ собою единосущнымъ, если то только единосущно, между чѣмъ имѣетъ мѣсто основаніе причины и причиннаго? Ибо божество какъ не раждается и не раждается, такъ и не производитъ или выдыхаетъ и не исходитъ.

Но нѣкій іезуитъ возражаетъ ¹⁾: во 1-хъ, что св. Отцы сообща (въ особенности *Аѳанасій*, *Кириллъ* и *Августинъ*) доказываютъ единосущіе Сына съ Отцомъ тѣмъ, что Онъ отъ Отца по природѣ происходитъ, и предполагаютъ, что въ божествѣ только то единосущно, что имѣетъ одну и ту же сущность съ лицомъ, его производящимъ, или имъ произведеннымъ. — Во 2-хъ, кажется, — это прямое ученіе св. *Василія Великаго* — въ посланіи ССС *πρὸς τὰς κατοικίας*, листъ 292: „τὰ ἀδελφὰ ἀλλήλοις ἑμοῦσια ἀλλήλοις οὐ λέγεται, — т. е. то, что состоитъ въ братскомъ сродствѣ, не

¹⁾ Циховій, вопр. VIII, стр. 82.

считается между собою единосущнымъ, какъ нѣкоторые думали, но когда τὸ αἴτιον καὶ τὸ ἐκ τοῦ αἰτίου (причина и (произшедшее) отъ причины) имѣють во всемъ существованіе одной и той же природы тогда они называются единосущными.“ И въ бесѣдѣ противъ Савелліанъ, Аріанъ, Евноміанъ (т. I, листъ 521): „когда я скажу: одна сущность, — не понимай: два раздѣленные изъ одного; но изъ Отца, какъ начала, явившагося въ ипостаси Сына; — не Отца и Сына — изъ одной высшей сущности нисходящихъ: ибо мы не называемъ Ихъ братьями, но признаемъ Отцомъ и Сыномъ.“

Что касается перваго, то, конечно, Отцы заключаютъ съ самой правильной послѣдовательностью: Сынъ производится Отцомъ, — слѣдовательно, съ Отцомъ единосущенъ. Но этимъ они предполагають только, что все, что производится чѣмъ-нибудь, — единосущно съ производящимъ, а нисколько не устанавливають, что только то единосущно, что имѣеть одну и ту же сущность съ производящимъ, или съ лицомъ, имъ произведеннымъ. Иначе подъ эту посылку Отцы должны бы были подвести: а Сынъ — единосущенъ съ Отцомъ; между тѣмъ однако это было заключеніе Отцовъ, которое они хотѣли доказать, а не меньшая посылка, что не можетъ не признать и самъ іезуитъ. Но пусть Отцы предполагають, что въ божествѣ только то единосущно, что имѣеть одну и ту же сущность съ лицомъ производящимъ, или съ лицомъ имъ произведеннымъ. Смыслъ этого будетъ такой: то, что должно быть единосущнымъ съ другимъ, должно имѣть одну и ту же сущность съ производящимъ, или съ лицомъ, имъ произведеннымъ, какъ, напр., Духъ Св. единосущенъ съ Сыномъ, такъ какъ имѣеть одну сущность съ производящимъ, т. е. Отцомъ. Отнюдь это не имѣло подпосылки: только это въ божествѣ единосущно съ другимъ, что съ нимъ самимъ, или какъ производящимъ, или какъ съ лицомъ, имъ произведеннымъ, имѣеть одну и ту же сущность, — а только: то въ божествѣ единосущно, что съ производящимъ, или съ произведеннымъ имъ лицомъ имѣеть одну и ту же сущность. А это вещи, конечно, совершенно различныя. Поэтому не первое подводятъ Отцы, когда аргументируютъ: Сынъ отъ Отца рождается, слѣдовательно, съ Нимъ единосущенъ, — тутъ они подставляютъ только вотъ что, какъ было сказано: Все, что имѣеть одну и ту же сущность съ своимъ производя-

щимъ, съ нимъ единосущно; а не: все, что единосущно съ другимъ, съ нимъ или какъ производящимъ, или какъ имъ произведеннымъ лицомъ имѣеть одну и ту же сущность. Такъ равно и Василій въ ССС посланія говоритъ: „когда причина и причинное (происшедшее отъ причины) имѣють во всемъ явленіе одной и той же природы, то называются единосущными.“ То есть: всякій разъ, какъ причина и причинное имѣють одну и ту же природу, — они между собою единосущны; а не: все, что между собою единосущно, изъ того одно служитъ причиною, а другое — причиннымъ и имѣють во всемъ явленіе одной и той же природы. Если бы разумѣлось просто такое положеніе: ничто въ божествѣ не можетъ быть единосущно, если причина и причинное не имѣють во всемъ явленія одной и той же природы, то изъ этого опять таки будетъ только слѣдовать: если Духъ Св. — единосущенъ съ Сыномъ, то Духъ Св. долженъ имѣть съ Своею причиною — Отцомъ одну и ту же природу. Наконецъ Василій говоритъ: „Отецъ и Сынъ, если бы Они нисходили изъ одной высшей сущности, были бы братьями.“ Но мысль у него была такая: если бы нисходили изъ одной высшей сущности на одномъ основаніи происхожденія, т. е. на основаніи рожденія, то были бы братьями. Всегда каѳолическая Церковь признавала, какъ увидимъ въ послѣдствіи, что Сынъ и Духъ Св. произошли изъ Отца, но однако Они изъ-за этого не братья, потому что не произошли на одномъ основаніи, — ибо Сынъ родился, и Духъ Св. исходитъ. Изъ этого ясно, что мысль Отцовъ — такова: тѣ только братья, которые нисходятъ отъ одного на одинаковомъ основаніи происхожденія.

И такъ, отсюда сами собою рушатся доказательства, которыя тотъ же іезуитъ сплетаетъ изъ словъ указанныхъ Отцовъ. „Отсюда, говоритъ онъ, я умозаключаю: во первыхъ, тогда только въ божествѣ, по св. Василю, нѣкоторыя лица единосущны, когда одно изъ нихъ причина, а другое — происшедшее отъ этой причины. Но если Духъ Св. не исходитъ отъ Сына, то Онъ не будетъ въ отношеніи Сына ни причина, ни — отъ причины. Следовательно, по Василю, если Духъ Св. не исходитъ отъ Сына, то Онъ не будетъ единосущенъ съ Сыномъ. Во вторыхъ: лица — одной и той же природы, если не находятся взаимно другъ къ другу въ отношеніи

причины и происшедшаго отъ этой причины, суть, по Василю, братья;—Сынъ и Духъ Св.—одной и той же природы и между ними (если не допустить исхожденія Св. Духа отъ Сына) нѣтъ отношенія причины и происшедшаго отъ причины; слѣдовательно, согласно съ тѣмъ же Отцомъ, либо Ихъ должно было назвать братьями, либо между Ними должно быть допущено отношеніе τῷ αἰτίῳ καὶ αἰτιατῷ. Въ третьихъ, наконецъ: тѣ, кто мыслить двухъ божественныхъ лицъ, нисходящихъ отъ одной высшей сущности, принуждены допустить въ Троицѣ двухъ братьевъ и двоихъ, выдѣленныхъ изъ одного, чтó не одобряетъ Св. Василій. Тѣ, кто мыслить, что Сынъ и Духъ Св. нисходятъ непосредственно изъ сущности Одного только Отца, мыслить двухъ лицъ раздѣльныхъ, нисходящихъ отъ одной высшей сущности. Слѣдовательно, они вынуждены допустить въ Троицѣ двухъ братьевъ и двоихъ, выдѣленныхъ изъ одного, и, слѣдственно, уничтожить единосуціе Сына съ Духомъ Св.“

Что касается *перваго* аргумента, то, конечно, ложь, будто Василій учить, что тогда только въ божествѣ нѣкоторыя лица единосущны, когда одно изъ нихъ—причина, а другое—причинное (происшедшее отъ одной причины),—такъ какъ слова его только таковы: когда причина и причинное имѣютъ во всемъ существованіе одной и той же природы, то они единосущны, какъ мы только что выяснили. Во *второмъ* аргументѣ точно также іезуитъ ложно утверждаетъ, будто Василій учить,—что лица—одной и той же природы, если не имѣютъ между собою отношенія причины и причиннаго, суть братья:—это не вытекаетъ ни изъ перваго, ни изъ послѣдняго изъ приведенныхъ мѣстъ Василя. Ибо въ первомъ онъ только утверждалъ: всякій разъ, какъ причина и причинное имѣютъ одну и ту же природу, они—единосущны; а во второмъ: что нисходитъ отъ одной высшей сущности, однимъ разумѣется способомъ,—тѣ—братья. Но нигдѣ онъ не говорилъ, что братья тѣ, которые, хотя и одной природы, не имѣютъ однако взаимнаго между собою отношенія причины и причиннаго. Что касается *третьяго* аргумента, то его уже встарину выставляли еретики противъ католиковъ, такъ что даже и изъ этого видно, что, если теперь намъ возражаютъ такимъ же образомъ Латиняне, то Восточные держатъ сторону католиковъ противъ Латинянъ. Такъ между другими еретиками *Макси-*

минъ, аріанскій епископъ, (у Августина въ I кн. противъ Максимиана, т. VI) говорилъ: „удивляюсь, любезнѣйшій: такъ какъ вы говорите, что Духъ Св.—изъ сущности Отца, то, если Сынъ изъ сущности Отца и Духъ Св. изъ сущности Отца, почему одинъ есть Сынъ, а другой не Сынъ? Чего вамъ у него не хватаетъ: если Онъ изъ одной и той же сущности, если Онъ—равенъ, какъ говоришь, Сыну, то почему же и Онъ не утверждень наслѣдникомъ всего? Почему и Онъ не - Сынъ?“ И немного дальше: „можетъ быть, ты Ему (Сыну Божиему) пристраиваешь брата, такъ какъ утверждаешь, что Духъ Св. одинаковъ и равенъ съ Нимъ, и признаешь, что Онъ точно такъ же происходитъ изъ сущности Отца. Если это такъ, то уже нѣтъ Сына едиnorodнаго, потому что и другой—изъ той же сущности.“ Здѣсь, ясно, разсужденіе аріанина, подведенное подъ схему, таково: происшедшіе отъ одной и той же сущности—суть братья; Сынъ и Духъ Св. произошли изъ одной сущности Отца,—слѣдовательно, Сынъ и Духъ Св.—братья. Таково точное разсужденіе іезуита, какъ для всякаго очевидно.

Такъ разсуждаютъ и Аріане у *Анастасія Синаита* въ „Путеводитель“, гл. XXII: „если Сынъ и Духъ Св.—отъ Отца, то очевидно, что у того и другого Одинъ и Тотъ же Отецъ, и поэтому Самъ Духъ Св. рождень. А если вы этого не допускаете, то скажите намъ, кто произошелъ отъ Отца первымъ, кто вторымъ:—Сынъ, или Духъ Св.? Если же они произошли вмѣстѣ, то уже отсюда ясно, что Отецъ родилъ близнецовъ и что Сынъ и Духъ Св. въ божествѣ какъ бы близнецы.“ Этотъ аргументъ еретиковъ Отцы опровергаютъ не иначе, какъ доказавъ, что Духъ Св. и Сынъ произведены Отцомъ не на одномъ основаніи, т. е. Сынъ рождень, а Духъ Св. исходитъ.

Аванасій въ діалогъ противъ Македонія (т. II твореній, стр. 213): *Макед.* „Духъ—не изъ сущности Бога Отца?“ *Правосл.* „Конечно“ *Макед.* „Слѣдовательно онъ будетъ Тотъ же Сынъ?“ *Правосл.* „Но вѣдь Сынъ рождень изъ сущности и поэтому едиnorodный Сынъ, а Духъ изъ сущности исходитъ.“ Въ такомъ же смыслѣ разрѣшаетъ *Аванасій* этотъ аргументъ въ I діалогъ о Троицѣ (т. II твореній, стр. 175): *Аномей:* „и такъ, если и Сынъ изъ ипостаси (Отца) и Духъ изъ ипостаси,—то Они—братья?“ *Правосл.*

„потому-то говорится, что Сынъ не только изъ ипостаси, но и изъ чрева, а Духъ не только изъ ипостаси, но и изъ усть, чтобы различіе между Ними было не по отношенію —изъ ипостаси, но по отношенію изъ чрева и изъ усть.“

Равно и *Августинъ* въ III кн. противъ *Максимиана*, гл. XIV: „и отъ Отца—Сынъ, отъ Отца—Духъ Св., но Тотъ рождень, а Этотъ исходитъ.“ И въ гл. XV: „о Духѣ же Св.,—о томъ, какъ и Онъ —отъ Бога, и однако Онъ—не Сынъ, потому что о Немъ читаемъ, что Онъ—отъ Бога черезъ исхожденіе, а не черезъ рожденіе, кажется, я достаточно рассуждалъ.“ Въ томъ же смыслѣ и въ кн. IV о Тройцѣ, гл. XIV: „если по отношенію другъ къ другу въ Тройцѣ раждающій къ тому, что раждается, есть начало, то Отецъ для Сына—начало, потому что рождаетъ Его. Начало ли Отецъ и для Духа Св., ибо сказано: отъ Отца исходитъ, вопросъ не малый. Ибо если это такъ, то уже (Отецъ) не начало Ему, какъ тому, что рождаетъ, или дѣлаетъ, но тому, что даетъ. Когда возсіяло и то, что обыкновенно многихъ двигаетъ, почему не оказывается Сыномъ и Духъ Св., когда и Онъ отъ Отца происходитъ, какъ читаемъ въ евангеліи? Ибо Онъ выходитъ не какъ рожденный, но какъ данный, и потому не называется Сыномъ, что не рождень, какъ Единородный, и не созданъ, чтобы, подобно намъ, родиться по благодати Божіей черезъ усыновленіе.“ Наконецъ въ кн. XV о Тройцѣ, гл. XXVІІ: „подними глаза на самый свѣтъ и установи ихъ на немъ, если можешь. Такимъ образомъ увидишь, насколько отстоитъ рожденіе Слова Божія отъ исхожденія дара Божія. И потому Единородный Сынъ сказалъ, что Духъ Св. не рождень отъ Отца, а исходитъ; иначе Онъ былъ бы Ему братъ, и чтобы ты не считалъ братьями Духа Св. и Сына, истекающихъ изъ одного источника.“ *Паулинъ Ноланскій* ¹⁾ въ посланіи V къ Аманду: „Духъ Божій, какъ и Слово Божіе, Тотъ и Другой—Богъ, пребывающіе въ одной главѣ и истекающіе изъ одного источника Отца, но Сынъ—рожденіемъ, Духъ —исхожденіемъ.“ *Арновій* ²⁾ также въ кн. I „о Богѣ тріединомъ“ противъ Серапіона (т. V Кельнской бібліотеки Отцовъ, ч. III, стр. 202): Арновій: „такъ какъ Слово—изъ усть Отца,

¹⁾ См. о немъ гл. IV, V вѣкъ.

²⁾ См. о немъ тамъ же.

создавашаго ихъ силою все видимое и не видимое, то никогда Слово не могло произойти безъ дуновенія Духа Св.“ Серапіонъ: „слѣдовательно два сына произошли изъ устъ Отца: Слово и Духъ.“ Арновій: „развѣ, когда рождалось Слово, выпеднее изъ устъ Отца повелѣвающаго, Оно творило то, чего не было? Развѣ и дуновеніе, исходившее изъ Того, Кто выслалъ Слово, дуновеніе, скорѣе родившееся, чѣмъ исходящее, могло бы на какомъ-нибудь основаніи обнаружиться? А если это не можетъ сдѣлаться въ человѣкѣ приказывающемъ, то насколько болѣе въ Богѣ не можетъ упасть Слово изъ рождающихъ устъ такъ, чтобы само дуновеніе, исполненное Духа Св. не назвалось Сыномъ. Но есть Отецъ, извергнувшій (изрыгнувшій) Слово, и Духъ Св., не перестающій исходить отъ Отца.“—Наконецъ, *Пасхазій*, діаконъ Римскій, въ I кн. о Духѣ Св., гл. VШ (т. V Кельнской библіотеки Отцовъ, стр. 736): „не сказалъ (Господь): рождень, чтобы ты не считалъ Его Сыномъ,—не сказалъ: не рождень,—что бы ты не подумалъ, что это—Отецъ; но для различенія сущности засвидѣтельствовалъ, что Онъ исходитъ.“

И такъ, Отцы яено свидѣлствуютъ, что, хотя Сынъ и Духъ Св. отъ одного и Того же Отца, однако изъ за этого Они не—братья, потому что не однимъ и тѣмъ же способомъ производятся: Сынъ раждается, а Духъ Св. исходитъ. Они доказываютъ, что божественныя ипостаси тогда были бы братьями, если бы исходили отъ одного и на одномъ основаніи, а не производились однимъ на различномъ основаніи. Таковъ смыслъ у Отцовъ, таковъ смыслъ и у Василія, къ которому взывалъ іезуитъ. Такъ какъ, тѣ же Отцы прибавляютъ, Сынъ и Духъ Св. дѣйствительно исходятъ изъ сущности одного только Отца, однако отнюдь не на одномъ основаніи, но одинъ—способомъ рожденія, другой—исходженія, то ничего поэтому іезуитъ не доказалъ, какъ всякому ясно. И посмотрите, какъ разнятся Латиняне отъ этихъ Отцовъ! Они говорятъ: потому Духъ Св. и Сынъ—не братья, хотя и тотъ, и другой отъ Отца, что Сынъ—отъ одного Отца, а Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына (такова мысль и нашего іезуита); Отцы же съ цѣлью опровергнуть этотъ аргументъ, отвѣчаютъ: Духъ Св. и Сынъ потому не—братья, хотя Тотъ и Другой произведены Отцомъ, что Сынъ отъ Отца раждается, а Духъ отъ Него же исходитъ.

Вторая часть того же доказательства иезуита была такова: тѣ, кто мыслить двухъ лицъ, нисходящихъ изъ одной высшей сущности, принуждены допустить двухъ раздѣленныхъ изъ одного, что неодобряетъ св. Василій; но кто мыслить, что Сынъ и Духъ Св. отъ одного только Отца исходить — и пр.—Слѣдовательно—и т. д. Но Василій не просто неодобрялъ, если кто устанавливалъ двѣ части изъ одного, или два различныхъ лица, происшедшія изъ одного, но только въ отношеніи Отца и Сына говорилъ: „когда назову одну сущность (т. е. Отца и Сына), не подумай, что двое выдѣлено изъ одного“ (т. е. какъ будто Отецъ и Сынъ изъ одного произошли). Ибо Онъ прибавляетъ: „но Сынъ - отъ Отца.“ Слѣдовательно, Василій это передавалъ, говоря объ Отцѣ и Сынѣ, а не просто этимъ отрицалъ: не возможно, чтобы два произошли изъ одного. Отрицая, что Отецъ и Сынъ подѣлены изъ одного, онъ имѣлъ въ умѣ не то, что Отецъ и Сынъ изъ одного не раздѣлены природою; но только, что Они не изъ одного имѣютъ существованіе, различаясь лицами. Только что сказавши: Отецъ и Сынъ не суть раздѣленное изъ одного, Онъ, повторяя то же прибавляетъ: Отецъ и Сынъ не нисходятъ отъ одной высшей сущности. Значить, Василій отнюдь не считаетъ просто абсурдомъ утверждать, что двое изъ одного происходятъ различными одинъ отъ другого, какъ то устанавливаетъ иезуитъ. Но, затѣмъ, если бы Василій даже считалъ это просто абсурдомъ, нужно было бы понимать это, конечно, въ указанномъ отношеніи, именно: въ божествѣ нѣтъ двоихъ, произведенныхъ изъ одного на одномъ и томъ же основаніи. Между тѣмъ такъ бѣлая посылка оказалась бы самую фальшивою,—т. е., что кто допускаетъ два лица, нисходящія изъ одной сущности, полагаетъ также, что двое произведено отъ одного на одномъ и томъ же основаніи. Наконецъ, въ отношеніи Отца и Сына Василій понимаетъ, что не такъ нужно разумѣть одну Ихъ сущность, какъ если бы Они были одинаково произведены отъ одного. Отнюдь онъ этимъ самымъ не отрицаетъ, что, когда двое изъ одного произведены, они между собою единосущны,—такъ что опять-таки безъ всякаго основанія иезуитъ прибавляетъ къ своему заключенію: принуждены допустить два раздѣленные изъ одного и, слѣдственно уничтожить также единосущіе Сына и Св. Духа. Ибо, какъ оказывается вовсе не невозможнымъ то, что будто бы считаетъ

невозможнымъ Василій, какъ насъ хочеть убѣдить іезуитъ и какъ только что доказано, и потому приведенный имъ аргументъ въ этой части всецѣло падаетъ, т. е., что признающее бытіе Сына и Духа Св. отъ Одного только Отца должны допустить двоихъ, раздѣленныхъ изъ одного, или два различныя между собою лица изъ одного; такъ, затѣмъ, ложно, что допускающіе два раздѣленные изъ одного, по необходимости уничтожаетъ также единосуціе Сына и Духа Св. Ибо мы только что видѣли, какова мысль Василія, когда онъ отрицаетъ, что не такъ одна и та же сущность Отца и Сына, какъ если бы Они раздѣлены изъ одного. Вообще, наконецъ, іезуитъ не допускаетъ, что Духъ Св. и Сынъ нисходятъ изъ одной сущности,—между тѣмъ какъ этимъ полны писанія Отцовъ, какъ это доказано въ главахъ о свидѣтельствахъ Отцовъ восточныхъ и западныхъ.

V.

Отцы учатъ, что Одинъ только Сынъ отъ Одного только Отца.

Въ защиту своего мнѣнія Латиняне выставляютъ и то, что Отцы учатъ: „Одинъ только Сынъ отъ Одного только Отца.“ Если, говорятъ они, только Одинъ Сынъ отъ Одного только Отца, то Духъ Святой не могъ быть отъ Одного только Отца; иначе Сынъ не могъ бы быть Одинъ только отъ Одного только Отца. Такъ помнящій іезуитъ ¹⁾, приведя извѣстныя слова *Григорія Чудотворца* изъ его исповѣданія: „Одинъ есть Богъ Отецъ Слова живого, Отецъ Сына едиnorodнаго; Одинъ Господь, Одинъ только изъ Одного только, Богъ отъ Бога,“ прибавляетъ: „отъ него (Григорія) научились Отцы, что одно только Слово изъ Одного только, какое выраженіе употребляли, какъ видимъ, многіе, къ которымъ я причисляю св. Василія—кн. IV противъ Евномія, листъ 776: Сынъ едиnorodенъ,—потому что Одинъ только отъ Одного только рождается. И Епифаній въ XXXVI ереси, листъ 228—говоритъ: Отецъ, рождая, не лишился сущности ни Своей, ни Того, Кто родился Одинъ только отъ Одного только, ни (сущности) Его Духа. Не говорится здѣсь Одинъ только Духъ отъ Одного только. Мало того,—въ ереси LXIX,

¹⁾ Циховій вопр. IV стр. 56.

листъ 380 сказано: Одинъ только есть Духъ, который отъ Отца исходитъ и отъ Сына получаетъ. Причисляю сюда и Св. Максима въ діалогъ съ Аномеемъ, приведенномъ патріархомъ Геннадіемъ въ отвѣтъ, данномъ на Окружное посланіе (Марка) Ефесскаго: такъ какъ, говоритъ онъ, Одинъ только Сынъ отъ Одного только и пр. “

Но Отцы проповѣдуютъ, что Сынъ Одинъ только изъ Одного только Отца, не въ иномъ смыслѣ, какъ только въ томъ, что Онъ Одинъ только изъ одного только Отца рождается; Отцы это говорятъ для отличія рожденія Сына отъ всѣхъ иныхъ естественныхъ роженій, что бы было извѣстно, что рожденіе Сына превосходить всякое иное основаніе роженія. Ибо между людьми никогда никто не рождается отъ Одного только Отца, а это преимущество принадлежитъ Одному только Сыну Божию. Объясняя это, *Іоаннъ Дамаскинъ* въ кн. „о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ,“ въ XII гл. (около середины) говоритъ: „Одинъ едиnorodный Сыкъ — Одинъ только отъ Одного только Отца и Одинъ только отъ Одной только Матери, Сынъ Бога и Сынъ человѣка, Богъ и человѣкъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій.“ Одинъ только Христосъ называется — отъ одной только матери въ противоположность прочимъ людямъ, изъ которыхъ никто — отъ одной только матери. Въ одинаковомъ смыслѣ *Іоаннъ* утверждаетъ, что Отцы, уча, что Одинъ только Сынъ отъ Одного только Отца, разумѣли, что Онъ Одинъ только родился отъ Одного только Отца; это доказываютъ даже приведенныя выше слова *Василія*: „потому что Онъ Одинъ только отъ Одного только рождается.“ То же выражаютъ и слова *Епифанія*: „Который Одинъ только рожденъ отъ Одного только.“ Если же изъ того, что *Епифаній* не прибавляетъ: Одинъ только Духъ отъ Одного только“ слѣдовало бы, что Онъ въ это не вѣровалъ, то, конечно, однаково слѣдовало бы, что *Епифаній* также не вѣровалъ и въ то, что Духъ Святой произведенъ или исходитъ. Ибо о Сынѣ онъ предпосылаетъ замѣчаніе, что Онъ рожденъ, а о Духѣ Святомъ не прибавляетъ, что Онъ исходитъ: „Который рожденъ, говоритъ онъ, Одинъ только отъ Одного только и Святой Его Духъ.“ Затѣмъ, *Епифаній* не только въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Одинъ только Духъ отъ Одного Отца исходитъ и отъ Сына получаетъ, но просто такъ же учитъ, что Одинъ только Отецъ произвелъ Духа Св., какъ

и Сына, что Духъ Св. также отъ одного только Отца, что одно только начало и производитель Духа Св. — Отецъ, и мы видѣли ясныя слова его объ этомъ въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ. Да и какой, при томъ, выводъ: Одинъ только Сынъ отъ одного только Отца *раждается*, слѣдовательно, Духъ Святой отъ одного только не *исходитъ*?

Но іезуитъ прибавляетъ: „я распространился подробнѣе объ этомъ для опроверженія словъ Ефесскаго (Марка), который, желая изъ словъ: *Который отъ Отца исходитъ*,—вывести заключеніе, что Духъ Св. исходитъ только отъ одного Отца, употребляя такой аргументъ: когда говорится, что Сынъ рожденъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ, развѣ кто-нибудь прибавляетъ — отъ одного только, и однако мы это понимаемъ и, когда нужно, выражаемъ. О если бы онъ пожелалъ лучше изучать догматы у приведенныхъ нами св. Отцовъ, чѣмъ у Паламы, или у Кавасилы, то онъ легко нашелъ бы ниже больше, чѣмъ я привелъ, свидѣтельствъ, въ которыхъ св. Отцы говорятъ:—Одинъ только отъ одного только, тогда какъ о Духѣ Св. никогда не читаемъ, что Онъ—отъ одного только.“ И на какомъ основаніи не боится іезуитъ опорачивать аргументъ Ефесскаго? Развѣ не вѣрно, что когда въ св. символѣ, или Св. Писаніи говорится только, что Сынъ рожденъ отъ Отца, то тоже не прибавляется—*отъ одного только*, однако этимъ самымъ обозначается, что Сынъ рожденъ отъ одного только Отца? Развѣ не вѣрно, что хотя *отъ одного только* въ отношеніи рожденія Сына отъ Отца ни въ Св. Писаніи, ни въ св. символѣ не прибавляется, никто не смѣетъ этихъ словъ (*отъ одного только*) внести въ символъ, или Св. Писаніе? Таковъ смыслъ доказательства Ефесскаго, который притомъ вовсе не отрицалъ, что въ иныхъ мѣстахъ Отцы ясно учили о рожденіи Сына отъ одного только Отца; напротивъ, онъ прибавлялъ: „и однако мы это понимаемъ, и когда нужно, выражаемъ.“ Ктому же, восточная Церковь черпаетъ вѣру или только доказательства ея не изъ Паламы, Кавасилы и иныхъ учителей позднѣйшаго времени, а напротивъ ищетъ ее въ Св. Писаніи по смыслу, переданному самими св. Отцами первыхъ вѣковъ, какъ доказано пространно въ другихъ мѣстахъ. Ложно, наконецъ, будто Отцы нигдѣ не учили, что Духъ Св. исходитъ отъ одного только Отца. Не говоря о восточныхъ учителяхъ,

прославившихся IX и X в. и приведенных нами въ большомъ числѣ въ гл. о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ, учить такъ *Василій Великій*, когда въ V кн. противъ Евномія передаетъ, что Духъ Св. не отъ инуду, какъ отъ Отца, т. е. не отъ кого-нибудь иного, а только отъ Отца произошелъ. Учить такъ *Епифаній*, когда въ ереси LXXVI противъ XI гл. Аэція доказываетъ, что Одинъ только Отецъ произвелъ Духа Св.; когда въ началѣ якорнаго слова провозглашаетъ, что какъ Сынъ, такъ Духъ Св.—отъ Одного только Отца; учить *Григорій Нисскій* въ кн. „объ общихъ понятіяхъ“ говоря, что изъ Одного и Того же лица—Отца исходитъ Духъ и родится Сынъ;—*Анастасій Синаитъ* въ кн. I „о догматахъ вѣры“ учить, что изъ Одного и Того же—и Сынъ, и Духъ Св.;—папа Римскій *Дамасъ* въ своихъ символахъ исповѣдуетъ, что отъ Одного Отца—Троица; учить *Амвросій*, проповѣдуя въ кн. „о достоинствѣ чловѣческаго состоянія,“ что Сынъ и Духъ—изъ Одного; учить *Авторъ* книги „о соединенномъ божествѣ“ у Аванасія, заявляя въ I кн., что Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца; учить *Просперъ Аквитанскій*, когда воспѣваетъ въ своей послѣдней эпиграммѣ, что Троица—отъ Одного; учать *Еверій*, епископъ Уксаменскій, и *Беатъ* пресвитеръ утверждая въ кн. противъ Елипанда, что Сынъ и Духъ Св.—отъ Одного. Такъ учать и всѣ тѣ, кто отрицаетъ, что Духъ Св. отъ Сына либо исходитъ, либо Сыномъ произведенъ, каковы: *Кириллъ Александрійскій* въ „исповѣданіи о Троицѣ,“ *Феодоритъ* въ опроверженіи IX анаематизмы Кирилла; *епископы восточные* въ посланіи къ Іоанну Антиохійскому; *Анастасій Синаитъ* въ „путеводителѣ“ гл. XVШ; *Авторъ* книги „о Троицѣ“ въ XI гл.; *Іоаннъ Дамаскинъ* въ „посланіи о Тривсвятѣ,“ въ словѣ въ Великую Субботу, въ I кн. „Православной вѣры“ гл. XI и XIII; *Клиръ Константинопольскій* и *Максимъ* въ своемъ посланіи къ Марину; *Августинъ* въ кн. „противъ рѣчи Аріанъ“ гл. XXIII; многіе изъ древнѣйшихъ писателей у *Рустика*, Бардинала діакона Римской Церкви, въ спорѣ противъ Акефаловъ.—Всѣ эти свидѣтельства приведены нами въ главахъ о свидѣтельствахъ Отцовъ восточныхъ и западныхъ.

Не хватило бы дня, если бы мы стали изъ этихъ главъ вновь проводить Отцовъ, признавшихъ одну причину въ божествѣ, одно начало Духа Св.—Отца, что равносильно тому, какъ если

бы они сказали, что Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца. Прибавимъ только, что сами латинскіе епископы въ большемъ числѣ защищали на Ахенскомъ соборѣ 809 года противъ прочихъ новаторовъ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца; защищали его и тѣ Латиняне, противъ которыхъ писалъ *Теодульфъ Аврелианскій* въ защиту исхожденія Св. Духа Отъ Одного только Отца, и *Анастасій Библиотекаръ*, въ посланіи къ Іоанну Диакону ясно отрицающій, что Духъ Св. отъ Сына исходитъ, если это понимать въ смыслѣ начала; стоялъ за него, наконецъ, папа Римскій Іоаннъ VIII, осуждающій въ посланіи къ Фотію исхожденіе Св. Духа отъ Сына, какъ богохульство, какъ ученіе, противное христіанскому богословію. Какъ же могъ іезуитъ заявлять, будто нигдѣ Отцы не передавали, что Духъ Св. отъ Одного только Отца есть или исходитъ?

Но онъ продолжаетъ тамъ же: „во вторыхъ,—чтобы умы, приверженные къ истинѣ, обратили вниманіе и изслѣдовали, почему нигдѣ о Духѣ Св. не сказано, что Онъ—отъ Одного только, тогда какъ представлялось не мало и важныхъ случаевъ выразить гдѣ-нибудь это положеніе. Ибо о Сынѣ никто никогда не сомнѣвался, что Онъ отъ Одного только Отца. А между тѣмъ Евноміане и Аріоманиты говорили, что Духъ Св.—отъ Одного Сына. Слѣдовательно, если вѣрно, что Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца, какъ вѣрно, что Сынъ отъ Него Одного только происходитъ, что Отцы не преминули бы гдѣ-нибудь сказать, что не только Сынъ, но и Духъ Св.—отъ Одного. А такъ какъ они этого не сдѣлали, а еще открыто учили: Одинъ только Сынъ отъ Одного только Отца; то только съ крайнимъ упорствомъ и ослѣпленіемъ можно защищать, что Духъ Св.—отъ Одного только Отца.“

Свидѣтельства Отцовъ, учившихъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца, а также и то, какъ тѣ же Отцы учатъ, что Одинъ только Сынъ отъ Одного только Отца, мы только что видѣли; такъ что имѣемъ полное право обратить аргументъ іезуита противъ Латинянъ: если Отцы вѣровали, что Духъ Св. исходитъ однимъ дуновеніемъ отъ Отца и Сына, почему они, безчисленное число разъ заявляя объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, нигдѣ не говорятъ что Духъ Св. исходитъ отъ Сына? Опять-таки: еретики, утверждавшіе, что Духъ Св.—отъ Одного только Сына, учили,

что Онъ сотворенъ Сыномъ, а не исходитъ. Почему бы Отцамъ не утверждать противъ нихъ исхождение Св. Духа отъ Сына, если они въ это вѣрили? Почему противъ Македоніанъ, также отрицавшихъ исхождение Св. Духа отъ Сына, Константинопольскіе Отцы постановили въ символѣ только, что Онъ исходитъ отъ Отца, а не также и отъ Сына, когда, конечно, еретики эти отвергали не менѣе исхождение отъ Отца, чѣмъ отъ Сына? Такимъ образомъ и изъ этого вытекаетъ, что Отцы отнюдь не вѣровали въ исхождение Св. Духа отъ Сына.

Латиняне однако возражаютъ: не въ иномъ смыслѣ учатъ Отцы, что Сынъ отъ Отца *μονογενῶς* (единородно), какъ въ томъ, что Сынъ Одинъ только отъ Одного только произошелъ. Учитъ такъ, по ихъ мнѣнію, *Григорій Нисскій* въ I кн. противъ Евномія, когда говоритъ, что Духъ Св. отъ Сына тѣмъ отличается, что существуетъ не *μονογενῶς*, т. е. не *μόνος ἐκ μόνου*, и что черезъ Сына обнаруживается.

Но, если бы Отцы, уча, что Сынъ отъ Отца *μονογενῶς*, тѣмъ самымъ отрицали, что Духъ Св. равнымъ образомъ—отъ одного Отца, то какимъ, спрашивается, образомъ Епифаній назвалъ бы Сына Божія единороднымъ и однако вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ бы, что Одинъ только Отецъ произвелъ Духа Св.? Такъ въ ереси LXXVI Аномеевъ противъ XI гл. Аэція онъ пишетъ: „нерожденъ Отецъ и родилъ отъ вѣка Единороднаго, будучи природы Ему Самому приличествующей; потому, что родилъ Одного только Единороднаго, и извелъ Духа,—Одинъ только Родитель по Одному только Единородному, существующій вмѣстѣ съ Сыномъ, рожденнымъ безначально.“ И въ началѣ якорнаго слова, номеръ II: „и такъ, Одинъ Богъ Отецъ, и Одинъ только истинный Богъ и не по выдуманнѣмъ богамъ, которыхъ считали богами нѣкоторые греки, тогда какъ они — не боги; но Одинъ только истинный Богъ (Отецъ т. е.), такъ какъ Одинъ только изъ Одного только Единородный и Одинъ только Духъ Св.“ Такимъ образомъ — ложь, что слово *μονογενῶς* обозначаетъ быть однимъ только изъ одного только, ибо оно означаетъ быть однимъ только рожденнымъ; *μονογενῶς* греческое по—латыни *unigenite*—единородно, каковое слово учитъ, что не одинъ только отъ одного только есть, а единственный, одинъ только рожденъ, единородный.

Поэтому *Аванасій* въ діалогѣ Ш противъ Македонія (кн. II стр. 213) говорить: Сынъ—рожденъ изъ сущности и потому—единородный Сынъ.“ *Василій* въ IV кн. противъ Евномія: „Сынъ—единороденъ, такъ какъ Одинъ только отъ Одного только рождается. *Епифаній* въ ереси LXXVI Аномеевъ: „такъ и о Духѣ Св.—потому что Онъ изъ Отца вышелъ, хотя и не рожденъ—но той причинѣ, что Сынъ—единороденъ.“ И противъ XXII гл. Аэція: „ибо родившій рожденнаго изъ Себя Самого и выславшій изъ Себя Духа Своего Св., Духа причастнаго тому, что есть Сына, родилъ не всѣхъ, но Одного. Поэтому Онъ и есть единородный. И Одного изъ Себя выславъ Духа.“ И въ ереси LXVII: „хотя мы не называемъ Духа рожденнымъ, потому что Сынъ—единороденъ; однако Христосъ называетъ Духа отъ Отца исходящимъ и отъ Моего получающимъ.“ *Геннадій Массилійскій* въ I кн. „о церковныхъ установленіяхъ,“ глава II: „и такъ, мы признаемъ не двухъ Сыновъ и не двухъ Христовъ, но Одного Сына, Бога и человѣка, котораго по этому и называемъ единороднымъ.“ *Фульгенцій* въ кн. „о вѣрѣ къ Петру,“ гл. X: „Сынъ Божій, указывая, что Онъ Одинъ только отъ Отца рожденъ, говорить: такъ Богъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына единороднаго. И немного послѣ: а кто не вѣритъ, тотъ уже осужденъ, потому что не вѣритъ во имя единороднаго Сына Божія.“

Іоаннъ Дамаскинъ въ I кн. „православной вѣры,“ гл. IX: „Сынъ Божій называется также Единороднымъ потому, что Одинъ только отъ Одного только Отца родился: и иное рожденное не уподобляется рожденію Сына Божія,—и нѣтъ иного Сына Божія.“ И въ кн. IV гл. VIII: „Онъ изъ сущности Бога Отца,—Одинъ только безвременно рожденный, и потому дѣйствительно единородный; перво-рожденный, но не первосозданный.“—Такъ выражаются и другіе Отцы.

Здѣсь опять дѣло такъ очевидно, слова Отцовъ такъ ясны, что кто въ этомъ усомнится, того слѣдуетъ считать человѣкомъ (не скажу христіаниномъ) преступно упрямымъ. Что за выводъ: Духъ Св. исходитъ не отъ Одного только Отца, такъ какъ Сынъ рождается отъ Одного только Отца? И этому не противорѣчатъ, наконецъ, приведенныя слова *Григорія Нисскаго*: „отличается Духъ Св. отъ Сына тѣмъ свойствомъ Своимъ, что не *μωσουγενός* отъ Отца произошелъ и что черезъ Него Сынъ обнаруживается.“—Ложно рав-

нымъ образомъ, будто *μονογενῶς* значить: одинъ только отъ одного только произведенъ,—такъ какъ смыслъ слова тотъ, что Духъ Св. произошелъ отъ Отца не едиnorodнымъ образомъ, т. е. не рождается единственно отъ Отца, какъ Сынъ. Если Одинъ только Сынъ отъ Отца родился, а Духъ Св. Одинъ только отнюдь отъ Отца не раждался, то этимъ именно и нужно отличать Сына отъ Духа Св.

Наконецъ, столько разъ понимаемый іезуитъ и на это возражаетъ: ¹⁾ „всякое лицо, происходящее отъ Отца непосредственно, есть Сынъ. Духъ Св., по мнѣнію Фотіанъ, есть непосредственно отъ одного только Отца, слѣдовательно Духъ Св., по ихъ мнѣнію, есть Сынъ. И потому-то св. Отцы: св. Василій, св. Нисскій и св. Епифаній указываютъ ту причину того, что Духъ Св. не есть Сынъ, что Онъ не происходитъ *μονογενῶς*, т. е. изъ одного только Отца и не непосредственно изъ Перваго, но черезъ Того, Кто изъ Перваго, или какъ говоритъ Епифаній, изъ Того и Другого.“

Что касается этого аргумента, то въ выраженіи—быть непосредственно отъ одного только Отца—либо понимается—быть произведеннымъ просто однимъ только Отцомъ, а не другимъ лицомъ, либо понимается—быть отъ одного только Отца безъ того, что бы было произведено другое лицо. Если понимать въ первомъ смыслѣ, то, конечно, бѣлая посылка ложна, а если во второмъ, то ложна меньшая посылка. Ибо Духъ Св. исходитъ отъ Отца по рожденіи Сына. Когда же Отцы учатъ: Духъ Св. отличается отъ Сына тѣмъ, что Онъ не *μονογενῶς* отъ Отца, то этимъ самымъ они отрицаютъ, что Духъ Св. произведенъ Отцомъ едиnorodнымъ способомъ подобно тому, какъ рожденъ Отцомъ одинъ только Сынъ,—а не обозначаютъ этимъ просто, что Духъ Св. не произведенъ однимъ только Отцомъ. И Григорій Нисскій дѣйствительно учитъ, что Духъ Св. — отъ Отца посредственно черезъ Сына, но не въ иномъ смыслѣ это передаетъ, какъ въ томъ, по которому мы не давно отвергли, что Духъ Св. непосредственно отъ Отца, т. е.: въ томъ смыслѣ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца по рожденіи Сына. Но объ этомъ мы пространно говорили въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ; о словахъ же Епифанія поговоримъ ниже.

¹⁾ Циховій вопр. VIII стр. 91.

VI

Отцы учатъ, что Духъ Св. есть образъ Сына.

Латиняне возражаютъ: въ постоянномъ согласіи Отцы учатъ, что Духъ Св. есть образъ Сына. Не иначе, говорятъ Латиняне, Духъ Св. будетъ образомъ Сына, какъ только исходя отъ Него,--ибо потому Самъ Сынъ есть образъ Отца, что отъ Него рождается.

Дѣйствительно, Отцы вездѣ учатъ, что Духъ Св. есть образъ Сына. *Григорій Чудотворецъ* въ исповѣданіи у Григорія Нисскаго въ жизнеописаніи его (т. II. стр. 978): „совершеннаго Сына—совершенный образъ“ т. е. Духъ Св.—*Аванасій* въ посланіи къ Серапіону противъ утверждающихъ, что Духъ Св.—тварь (т. I стр. 199): „Духъ и есть, и называется образомъ Сына: ибо кого предузналъ, тѣхъ и предустановилъ подобными бразу Сына Его.“ *Василій Великій* такъ же учитъ вездѣ въ кн. V противъ Евномія, между прочимъ послѣ начала (т. II стр. 110): „Христосъ—образъ Бога: Который, сказано, есть образъ невидимаго Бога; образъ же Сына—Духъ, и причастники Его подобны Сыну, согласно написанному: которыхъ предузналъ и предопредѣлилъ, дѣлаеть подобными образу Сына Его, что бы Онъ былъ первороднымъ между многими братьями.“ *Кириллъ Александрійскій* въ кн. XI на Іоанна (т. IV стр. 988): „Духъ есть совершеннѣйшій образъ Единороднаго, какъ говоритъ Павелъ: кого предузналъ, тѣхъ и предопредѣлилъ подобными образу Сына Его.“ То же находилъ въ XXXIII утвержденій „сокровища“ (т. VI стр. 336). Точно такъ же и въ IX кн. на Іоанна онъ учитъ, что Духъ Св. есть лицо Сына (т. IV стр. 787): „если Онъ лицо Сына,—а Духъ именно лицо Сына, то Онъ наполняетъ все.“ *Іоаннъ Дамаскинъ*, наконецъ, въ III главѣ объ иконахъ (стр. 770): „Духъ Св.—образъ Сына;“ также въ I кн. „православной вѣры“ гл. XVIII.

И опять-таки и это было аргументомъ еретиковъ, приводимымъ ими противъ католиковъ, что бы доказать, что Духъ Св. есть сынъ Сына. Такъ *Василій* въ V кн. противъ Евномія гл. XII

(т. II. стр. 110): „но ты говоришь: если Сынъ—образъ Бога, а Духъ—образъ Сына, то почему Духъ не называется сыномъ Сына?“ И отсюда явствуетъ, что изъ-за того, что Духъ Св.—образъ Сына, Василій отнюдь не выводилъ заключенія, что Онъ отъ Сына исходитъ. Ибо Онъ этого доказательства не разрѣшаетъ, а отвергаетъ, какъ нелѣпость; между тѣмъ какъ если бы онъ въ самомъ дѣлѣ находилъ, что этотъ аргументъ имѣетъ силу въ смыслѣ доказательства, что Духъ Св. произведенъ Сыномъ, то онъ могъ бы двумя словами и безъ всякаго затрудненія отвѣтить на это возраженіе, указавъ, что въ Троицѣ есть два способа происхожденія: произведеніе посредствомъ рожденія (генеративное) и посредствомъ исхожденія (процессивное) и что, слѣдовательно, ббольшая посылка (кто—образъ другого тотъ ему Сынъ) построена—неправильно. Конечно, когда Отцы говорятъ, что Духъ Св.—образъ Сына, то понимаютъ это не въ иномъ смыслѣ, какъ только въ томъ, что, когда признанъ Духъ Св., или признана Его сущность, признается также и Сынъ, или Его сущность, такъ какъ Духъ Св. ни чѣмъ не отличается отъ Сына, кромѣ того, что Сынъ рождается, а Духъ Св. исходитъ. Что таковъ смыслъ Отцовъ, ясно видно изъ словъ *Іоанна Дамаскина* въ помянутомъ III словѣ объ иконахъ: „Духъ Св.—образъ Сына. Ибо никто не можетъ назвать Господа Іисуса, какъ только въ Духѣ Св. И такъ, черезъ Духа познаемъ Христа, Сына Божія и Бога. И въ Сынѣ созерцаемъ Отца. Ибо вѣстникъ мысли—слово, показатель же слова—духъ. Подобное же и вѣрнѣйшее изображеніе Сына—Духъ Св., тѣмъ только различающійся, что исходитъ: ибо Сынъ рожденъ, а не исходитъ.“ Здѣсь *Іоаннъ* прямо учитъ, что Духъ Св.—совершеннѣйшій образъ Сына, за исключеніемъ того, что Сынъ рожденъ, а Духъ Св. исходитъ, конечно, отъ Отца. Сказавши, что Духъ Св. потому образъ Сына, что во всемъ одинаковъ съ Сыномъ, онъ исключаетъ разницу исхожденія; желая же показать, какимъ образомъ Духъ Св. отличается отъ Сына въ отношеніи исхожденія, тогда какъ въ прочемъ Онъ точнѣйшій образъ Сына, прибавляетъ: „потому что Сынъ рожденъ, а не исходитъ.“ Конечно, здѣсь разумѣется, что Сынъ рожденъ отъ Отца, а не исходитъ отъ Отца; равнымъ образомъ *Іоаннъ* разумѣлъ Отца, когда говоритъ, что Духъ Св. отличается отъ Сына исхожденіемъ. Ибо здѣсь онъ

отрицаетъ о Сынѣ то, что раньше утверждалъ о Духѣ Св. Но о Сынѣ онъ отрицаетъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, значить, о Духѣ Св. утверждаетъ, что Онъ исходитъ отъ Отца.

Затѣмъ, если бы Дамаскинъ разумѣлъ исхожденіе отъ Сына, говоря, что Духъ Св исходитъ, или если бы онъ только вѣровалъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына; то ему слѣдовало бы привести въ качествѣ основанія, по которому Духъ Св. отличается отъ Сына исхожденіемъ, тѣ, что Сынъ есть производитель Духа Св.— слѣдовало бы ему, повторяю, указать различіе въ отношеніи причины, а не въ отношеніи только причиннаго, какъ это онъ сейчасъ сдѣлалъ. Этого-то особенно хотятъ и на этомъ настаиваютъ Латиняне. А такъ какъ Дамаскинъ, что бы показать отличіе Духа Св. отъ Сына исхожденіемъ, приводитъ не происхожденіе Его отъ Сына, а рожденіе Сына отъ Отца, т. е. указываетъ, какъ они отличаются между Собою въ отношеніи только причиннаго, а не въ отношеніи причины, то, конечно, отсюда ясно вытекаетъ, что Дамаскинъ отнюдь не думалъ, что наименованіе Духа Св. образомъ Сына служить доказательствомъ исхожденія Его отъ Сына.

Но, далѣе, если бы Духъ Св. былъ образомъ Сына также и потому, что отъ Сына исходитъ, то изъ этого, конечно, вытекало бы, что Сынъ во всемъ отражаетъ Отца, даже и въ отношеніи причины, т. е. въ произведеніи Духа Св., за исключеніемъ только того, что Отецъ раждаетъ, а Сынъ рождается. Но въ этомъ случаѣ, т. е. допустивши, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына Онъ отнюдь не былъ бы столь совершеннымъ образомъ Сына, какъ Сынъ являлся бы совершеннымъ образомъ Отца; ибо исключалось бы не только страдательное (пассивное) рожденіе Сына, но и дѣйствительное (активное) произведеніе Св. Духа. Слѣдовательно, Сынъ былъ бы болѣе совершенный и точный образъ Отца, чѣмъ Духъ Св.—Сына,—по это абсурдъ: ибо какъ Сынъ—совершенный образъ Отца, такъ Духъ Св.—совершенный образъ Сына. Между тѣмъ, если мы будемъ слѣдовать *Іоанну Дамаскину*, какъ отъ Сына исключается только причина, что бы Онъ былъ совершеннымъ образомъ Отца, такъ равно одно только основаніе различія, т. е. причинность (происшедшее отъ причинны), исключается отъ Духа Св., что бы Онъ былъ совершеннымъ образомъ

Сына. Поэтому-то, если имѣть въ виду причину (т. е. если полагать, что Духъ Св. потому есть образъ Сына, что Имъ произведенъ), то Августинъ въ XV кн. „о Троицѣ“ гл. XXXIII прямо отрицаетъ, что Духъ Св. есть образъ Сына. Тамъ именно, объясняя Троицу нѣкоторымъ примѣромъ, словомъ—знаніе — обозначая Отца, словомъ—мысль—Сына и словомъ—воля—Духа Св., онъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „эта воля исходитъ изъ знанія, ибо никто не хочетъ того, относительно чего совершенно не знаетъ, чтó оно, или каково; однако она не есть образъ мысли.“ Но въ гл. XIV „буквальнаго толкованія кн. Бытія“ онъ говоритъ: „всякій образъ—подобенъ тому, чей онъ образъ; однако не все, что чему-нибудь подобно, есть уже и его образъ: какъ въ зеркалѣ, или въ картинѣ,—потому, что образы, то и подобны; однако если одинъ изъ другого не родился, то не можетъ быть названъ ни одинъ изъ нихъ образомъ другого. Ибо образъ тогда будетъ, когда отъ кого-нибудь оттискивается.“ Въ первомъ мѣстѣ Августинъ отрицаетъ, что Духъ Св. есть образъ Сына, потому что, какъ онъ говоритъ во второмъ мѣстѣ, образъ тогда бываетъ, когда отъ кого-нибудь оттискивается. Слѣдовательно, не Сыномъ производится Духъ Св., по Августину, такъ какъ Духъ Св. не есть образъ Сына: ибо когда только что-нибудь оттискивается, снимается съ другого, оно есть образъ этого другого. И такъ, Августинъ не признаетъ Духа Св. образомъ Сына, если разумѣть причину, вслѣдствіе которой Духъ Св. имѣлъ бы отъ Сына право быть его образомъ. Поэтому и Аѳанасій въ приведенномъ мѣстѣ не съ иною цѣлью упоминаетъ о Духѣ Св., какъ образѣ Сына, какъ только что бы показать, что у Того и Другого одна сущность, и прибавляетъ основаніе: каковъ образъ, таковъ долженъ быть и тотъ, чей—образъ. Такъ онъ продолжаетъ: „поэтому такъ какъ, по ихъ исповѣданію, Сынъ не есть тварь, то и образъ Его не будетъ тварью. Ибо каковъ образъ, таковъ долженъ быть тотъ, чей—образъ. Поэтому-то заслуженно и правильно исповѣдуютъ, что Сынъ не есть тварь, будучи образомъ Отца. И такъ, тотъ, кто причисляетъ Духа Св. къ тварямъ, совершенно въ томъ же классѣ помѣщаетъ Сына; тѣмъ онъ безславитъ Отца, чѣмъ наноситъ хулу на его образъ.“

Но Латиняне возражаютъ: Сынъ потому—образъ Отца, что Отцомъ произведенъ, слѣдовательно на одинаковомъ основаніи и Духъ Св.—образъ Сына, т. е. потому, что отъ Сына исходитъ. Именно о Сынѣ,—что Онъ потому образъ Отца, что Отцомъ произведенъ, такъ говоритъ Григорій Богословъ въ словѣ XXXIV (II-мъ о Сынѣ), не далеко передъ концомъ: „образъ,—какъ той же сущности съ Отцомъ и потому что отъ Отца, но не Отецъ изъ Него. Ибо природа образа въ томъ заключается, что онъ есть подражаніе перваго типа (экземпляра) и называется образомъ того, чей онъ.“

Но, спрашивается, что за послѣдовательность: Сынъ черезъ свое рожденіе становится образомъ Отца, или—Сынъ есть образъ Отца, такъ какъ внѣ Онъ Отца, а не Отецъ изъ Него;—слѣдовательно,—Духъ Св. есть точно также образъ Сына, такъ какъ отъ Сына исходитъ—или Духъ Св. черезъ свое исхожденіе становится образомъ Сына? Развѣ, если Сынъ есть образъ Отца, потому что Онъ отъ Отца, отсюда слѣдуетъ всеобщимъ образомъ, что въ божествѣ нельзя быть образомъ, другого иначе, какъ только будучи имъ произведеннымъ? Нельзя. Конечно, еще и потому Духъ Св. будетъ образомъ Сына, что Отецъ, произведя Сына и желая имѣть другого сообщника, произвелъ Духа Св. изъ одной и въ одной и той же божественной сущности, во всемъ одинаковаго и равнаго съ Сыномъ, чтобы какъ Сынъ не отличается отъ Отца ничѣмъ, кромѣ отношенія причины, такъ и Духъ Св. не отличался отъ Сына ничѣмъ, кромѣ отношенія происшедшаго отъ причины. При томъ, какъ мы видѣли, это было и ученіе Іоанна Дамаскина. И *Ефремъ Сиринъ* въ словѣ „объ исповѣди и самоукаризиѣ“ говоритъ слѣдующее: „Отецъ восхотѣлъ иного сообщника, не Того, Котораго родилъ, но произвелъ Св. Духа изъ сущности Своей, не прежде Сына, что бы не сказали, что воля Его подчинена была необходимости.—А что мы называемъ Духа Св. послѣ Сына,—это обозначенное не времени, а лица.“ Такъ и Адамъ называется образомъ Бога, Ева—образомъ Адама: ибо Адамъ произведенъ по образу Бога, а Ева—по образу Адама; хотя Адамъ сотворенъ былъ Богомъ, не Адамъ однако произвелъ Еву, но и ее также создалъ Богъ.

Но иезуитъ ¹⁾ настаиваетъ: *Св. Григорій Богословъ* учить, что въ божествѣ одно лицо называется образомъ другого потому, что оно изъ того лица, чей оно образъ. Но Св. Григорій въ отношеніи Сына дѣйствительно утверждаетъ, что Сынъ есть образъ Отца, потому что Онъ изъ Отца, но онъ нисколько не учить прямо: лицо, которое въ божествѣ есть образъ другого, Спроизведено тѣмъ, чей оно—образъ. Онъ просто прибавляетъ только, что природа образа такова, что онъ есть подражаніе своего прототипа, и привноситъ это замѣчаніе не для того, чтобы показать, что нельзя быть образомъ другого иначе, какъ только будучи имъ произведеннымъ, но что бы показать, что не можетъ быть Отецъ —изъ Сына, а что Сынъ —изъ Отца, когда, разумѣется, извѣстно, что Одинъ изъ Нихъ—изъ Другого. Ибо, если образъ подражаніе прототипу (первообразу), то первообразъ понимается раньше образа. Значитъ не отъ образа произошелъ первообразъ, но, если дѣло такъ стоитъ, что одинъ производитъ другого, то слѣдуетъ, что бы образъ происходилъ отъ первообраза. Такимъ образомъ, если Сынъ равно есть прототипъ Духа Св., то Сынъ мыслится раньше Св. Духа, разумѣется, въ отношеніи причины отъ Отца, а не въ отношеніи времени. И Августинъ, дѣйствительно, отрицалъ въ приведенныхъ выше словахъ возможность образа, если одно не отражается отъ другого; но поэтому онъ отрицалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Духъ Св. есть образъ Сына.

Іоаннъ Провинціалъ также на Флорентинскомъ Соборѣ, въ ХХІІ засѣданіи возражалъ: „изъ этого слѣдуетъ, что какъ Сынъ называется образомъ Отца, такъ Духъ Св. — образомъ Сына. Образъ же, по ученію всѣхъ св. Отцовъ, приводитъ къ происхожденію по подобію другого. И это ясно изъ текста божественнаго Писанія, гдѣ премудрость, или Писаніе, говорящее о божественной премудрости, такъ говоритъ: есть нѣкоторое истеченіе славы всемогущаго Бога и образъ Его благодати. Истеченіе приводитъ къ происхожденію,—слѣдовательно, невозможно, что бы что-нибудь было по образу, не происходя по его подобію. То, отъ чего происходитъ образъ, называется первообразъ (exemplar, ἀρχέτυπον). Иной не можетъ быть въ божествѣ образъ Сына, какъ только

¹⁾ Циховій IV вопр. стр. 40.

природный. Поэтому, значить, Сынъ получаетъ природу отъ Отца. А такъ какъ получаетъ природу, то называется образомъ Его, слѣдовательно,—такъ какъ Духъ Св. исходитъ по природѣ, потому что Ему сообщается и дается природа божественная, то и называется образомъ Сына. Отсюда слѣдуетъ, что Онъ получаетъ природу и бытіе отъ Сына.“

Но, *во первыхъ*, совершенно ложно, что образъ приводитъ къ происхожденію въ подобіе другого въ томъ именно смыслѣ, въ которомъ Іоаннъ это понимаетъ, т. е. что образъ необходимо производится первообразомъ. Кто же изъ Отцовъ это передалъ и какъ это хвастаетъ Іоаннъ, что всѣ Отцы такъ учили? Приведенныя слова Писанія (Премудрость Соломона, гл. VП) таковы: „это — паръ силы Божіей и нѣкоторое горячее истеченіе любви всемогущаго Бога. Поэтому ничто зацятнанное въ нее не войдетъ. Ибо это блистаніе вѣчнаго свѣта и зеркало безъ пятна величія Божія и образъ благодати Его.“ Но, спрашивается, гдѣ же здѣсь рядомъ съ заявленіемъ, что премудрость есть исхожденіе славы Божіей и образъ Его благодати, гдѣ ученіе, что истеченіе ведетъ за собою исхожденіе (Духа)? Развѣ потому, что премудрость есть истеченіе и образъ Бога, ничто уже не будетъ образомъ другого, кромѣ того, что есть истеченіе другого? При этомъ нужно замѣтить, что Св. Писаніе приводитъ слова: „потому что и образъ благодати Его“ не для того, что бы показать, что премудрость есть истеченіе славы Божіей, но что бы показать, что нечистое не войдетъ въ премудрость. Такъ въ Св. Писаніи сказано: „потому ничего нечистаго въ нее не входитъ. Ибо она есть блескъ вѣчнаго свѣта и зеркало безъ пятна величія Бога и образъ благодати Его.“ Что эти послѣднія слова необходимо относятся къ словамъ: „ничто нечистое не входитъ въ премудрость“ доказываетъ прибавленіе: „потому что она есть зеркало безъ пятна величія Божія.“ — То, чего касаются остальные слова Іоанна Провинціала, разберемъ сейчасъ, занявшись подобнымъ же возраженіемъ Беллярмина.

Такъ *Беллярминъ* во II кн. „о Христѣ“ гл. XXV говоритъ: „слѣдуетъ отмѣтить выраженіе: образъ Сына. Ибо хотя Духъ Св. не есть въ столь собственномъ смыслѣ образъ Сына, какъ Сынъ есть образъ Отца, потому что не исходитъ изъ силы сходства,

однако никакой образъ нельзя было бы назвать образомъ Сына, если бы Онъ не исходилъ отъ Него и не былъ подобенъ Ему въ сущности. Образъ указываетъ на отношеніе произведеннаго къ производящему и безъ этого отношенія недостаточно никакого сходства. Поэтому братъ не называется образомъ брата, хотя и весьма похожъ на него, и яйцо одно не есть образъ другого яйца, хотя по сходству едва отличается одно отъ другого. Ибо не достаточно сходства, но требуется, что бы одно происходило отъ другого, чего между яйцами и братьями нѣтъ. Слѣдовательно, когда Св. Григорій называлъ Духа Св. образомъ Сына, то Онъ несомнѣнно полагалъ, что Онъ по истинѣ отъ Сына происходитъ. Скажешь: не требуется, что бы первообразъ былъ дѣйствительною причинною образа, достаточно, чтобы послѣдній былъ примѣрнымъ, какъ въ статуяхъ. Отвѣчаю: въ произведеніяхъ искусства первообразъ не есть дѣятельная причина, но въ естественномъ произведеніи—есть. Такимъ образомъ, онъ совпадаетъ необходимо съ дѣятельнымъ началомъ, что ясно во всѣхъ вещахъ. Все, что дѣйствуетъ по природѣ, производитъ свои дѣйствія по подобію своей формы. Поэтому, такъ какъ Духъ Св. производится не свободно, а по природѣ, то въ отношеніи Его дѣятельное начало и первообразъ—одно и тоже.“

Но, прежде всего,—ложь, будто образъ по необходимости имѣетъ отношеніе произведеннаго къ производящему. Основанія іезуита совсѣмъ сюда не идутъ; заключеніе отъ явленій природы къ божественнымъ совершенно не имѣетъ силы: первыя отнюдь не могутъ быть сопоставляемы съ послѣдними, какъ превосходящими всякій разумъ и всякое теченіе природы. Лучше было въ этомъ случаѣ слѣдовать объясненію св. Отцовъ, чѣмъ руководствоваться естественными основаніями. Между тѣмъ *Св. Іоаннъ Дамаскинъ* ясно училъ, что Духъ Св. потому есть образъ Сына, что онъ во всемъ одно и то же съ Сыномъ, такъ какъ Тотъ и Другой—отъ Отца,—а не потому, что Сынъ—производитель Св. Духа. Но іезуитъ говорить: „первообразъ есть дѣятельная причина въ естественномъ произведеніи,“ слѣдовательно, такъ какъ Духъ Св. производится естественно, то первообразъ Его будетъ Его активной причиной. Справедливо, конечно, что животная причина въ естественномъ произведеніи—образецъ, но ложно, будто тамъ, гдѣ что—

нибудь производится по природѣ, образецъ непременно также есть активная причина. Ибо естественная причина могла произвести свой собственный образъ и по иному образцу, подобно тому, какъ Богъ и создалъ Еву по образу Своему, т. е. по Адаму. Доказательство, которое приводитъ іезуитъ, -- не имѣеть никакой силы: „все, говоритъ онъ, что дѣйствуетъ по природѣ, производитъ свои дѣянія по подобію своего вида.“ Отсюда ничего иного не слѣдуетъ, какъ только то, что производитель есть первообразъ (образецъ) произведеннаго, тогда какъ онъ долженъ былъ доказать, что первообразъ есть необходимо производитель, когда что-нибудь производится, что бы отсюда можно было сдѣлать выводъ, что въ произведеніи Св. Духа первообразъ Его совпадаетъ съ Его дѣятельнымъ началомъ. Изъ этого основанія только слѣдуетъ, что Отецъ, какъ активное начало Духа Св., есть Его первообразъ, а нисколько не то, что такъ какъ Сынъ первообразъ Духа Св., то Онъ есть и активная Его причина.

Нѣкто ¹⁾ прибавляетъ: *св. Василій* во II кн. противъ Евномія ясно доказываетъ, -- что истинный и природный образъ въ твари не можетъ быть данъ, если она не произведена тѣмъ, чей она представляетъ образъ. Но что же отсюда слѣдуетъ? Въ произведеніяхъ природы не дается образъ, если они не производятся тѣмъ, чей они образъ, -- значить, отсюда слѣдуетъ, что тоже имѣеть мѣсто и въ божествѣ? Нелѣпость. И въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы привести намъ слова *Василія*, которыми тотъ прямо отрицаетъ, что въ божествѣ не дается образъ, если не производится тѣмъ, чей образъ. Тотъ же авторъ, ²⁾ наконецъ заявляетъ, что *Никита* въ комментаріи къ XIII слову *Григорія Богослова* признаетъ, что образъ въ божествѣ предполагаетъ происхождение отъ первообраза, когда именно говоритъ: „Сынъ называется образомъ Отца, потому что Онъ -- изъ Отца, а не наоборотъ Отецъ изъ Него.“ Но уже выше мы доказали, по поводу этого мѣста *Григорія Богослова*, что этими словами нисколько не обозначается, что въ божествѣ образъ необходимо предполагаетъ происхождение отъ первообраза. *Никита* только повторяетъ изреченіе *Григорія Богослова*.

¹⁾ Циховій вопр. VI, стр. 46.

²⁾ Тамъ же, стр. 65.

До сихъ поръ мы разбирали тѣ возраженія, которыя Латиняне приводятъ обыкновенно изъ многихъ Отцовъ совмѣстно; теперь перейдемъ къ тѣмъ, которыя приводятся ими изъ Отцовъ отдѣльно изъ каждаго.

VII.

О свидѣтельствахъ-евангелиста Марка, Авинагора и др.

Прежде всего, заявляютъ Латиняне, что самъ евангелистъ Маркъ въ своей литургіи во многихъ выраженіяхъ установилъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына. Но въ главѣ о поврежденіяхъ Латинянами восточныхъ Отцовъ доказано, что слова св. Евангелиста злонамѣренно повреждены. Тоже нами доказано относительно словъ философа *Авинагора* изъ его апологіи христіанъ. Приводитъ нѣкто ¹⁾ слова *Діонисія Александрійскаго*, встрѣчающіяся у *Аванасія* въ его книгѣ „о мнѣніи Діонисія“ (листъ 56), именно слѣдующее: „Духъ Св.—въ Ихъ (т. е. Отца и Сына) рукахъ и не можетъ отдѣляться ни отъ посылающаго, ни отъ несущаго.“ И прибавляетъ: „повидимому, намекаетъ (Діонисій) на то, что Духъ Св. въ Св. Писаніи называется перстомъ Божіимъ, и указывая на него, онъ говоритъ, что онъ не у Одного только Отца, но на рукахъ Обоихъ.“ Но въ главѣ XI, отв. IV^о было доказано, что названіе Духа Св. перстомъ Божіимъ не служитъ несколько доказательствомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Равнымъ образомъ въ главѣ I (вѣкъ I) были опровергнуты тѣ возраженія, которыя Латиняне приводятъ изъ *Григорія Чудотворца*, основываясь на томъ, что въ своемъ изложеніи вѣры онъ учитъ: „Духъ Св. черезъ Сына обнаруживается.“

Но нѣкто ²⁾ выставляетъ изъ одной бесѣды *Григорія Чудотворца* (т. V^{II} твореній св. Златоуста Савилліанское изданіе, въ приложеніи) слѣдующія слова: „Онъ (Сынъ) есть Тотъ, Который послалъ вмѣстѣ со Мною Духа Св., принимая Его же на Себя Самого.“ Но здѣсь Св. Григорій никоимъ образомъ не ведетъ рѣчь о произведеніи Св. Духа, гда говоритъ „Который вмѣстѣ

¹⁾ Циховій вопр. I стр. 29.

²⁾ Циховій вопр. I. стр. 15.

со Мною послалъ Св. Духа,“ а только о ниспосланіи Св. Духа на Христа во время Его крещенія. Поэтому онъ вводитъ лицо Отца, говорящаго: „это—Сынъ Мой возлюбленный, вмѣстѣ со Мною пославшій Духа Св. и принявшій Его на Себя Самого.“ Ибо, хотя Сынъ, крестившійся по плоти, принялъ на Себя Духа Св., однако по божеству Онъ вмѣстѣ съ Отцомъ послалъ Его для освященія Своей плоти. Между тѣмъ при крещеніи Сына голосъ Отца былъ слѣдующій: „это Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе.“ Если таковъ смыслъ словъ Григорія, то рѣшительно никакой пользы для себя Латиняне отсюда извлечь не могутъ.

Беккз въ „сводѣ свидѣтельствъ объ исхожденіи Св. Духа“ и *Мануилъ Калека* во II кн. выставляютъ слѣдующее изъ опредѣленій Никейскаго Собора: „находится Духъ, исходящій отъ Отца, собственный же Сына и изъ Него истекающій.“ Но эти слова приведены Беккомъ въ испорченномъ видѣ и нѣсколько Латинянамъ не помогаютъ, чтб и было доказано въ главѣ о поврежденіяхъ, произведенныхъ въ писаніяхъ восточныхъ Отцовъ.

VIII.

Изъ твореній Аванасія.

То, что приводятъ Латиняне въ защиту своего мнѣнія изъ IV кн. *Аванасія* противъ Арія: „мы говоримъ, что одно солнце, и его блескъ, и единственный лучъ изъ Обоихъ,“ а также изъ статьи „о страданіи образа Господа Нашега Иисуса Христа“ и изъ его символа вѣры,—повреждено самымъ недобросовѣстнымъ образомъ, чтб было указано въ главѣ о поврежденіяхъ въ писаніяхъ восточныхъ Отцовъ ¹⁾.

Ома Аквинатъ въ небольшой статьѣ „противъ Грековъ“ и изъ него *Беллярминъ* во II кн. „о Христѣ“ гл. XXVШ приводятъ слѣдующее мѣсто изъ посланія Аванасія къ Серапіону: „если не признаютъ Духа Св. Богомъ существенно изъ Бога Сына существующимъ, какъ и Сына по существу Богомъ рожденнымъ, суще-

¹⁾ См. II гл. повр. IV.

ственно изъ Бога Отца существующимъ, какъ мы это признаемъ, — такихъ не принимай.“ Но въ посланіяхъ Аѳанасія къ Серапіону нѣтъ ни слѣда, ни намекъ на такія выраженія.

Выставляютъ, далѣе, изъ IV слова противъ Аріанъ (т. I твореній, стр. 477): „такъ какъ Слово—въ Отцѣ, а Духъ дается изъ Слова, поэтому хочетъ, чтобы мы получили Духа.“ И изъ посланія къ Серапіону о Св. Духѣ (т. II стр. 11): „изъ Него (Христа) дается всеѣмъ“. Но тутъ Аѳанасій говоритъ только о временномъ посланіи Св. Духа, — именно: Сынъ даетъ намъ отъ Духа Своего Св., — изъ Себя, конечно, и изъ сущности Своей уступаетъ Его намъ, какъ заключавшій въ Себѣ и въ Своей сущности Духа Св.

Выставляютъ еще изъ діалога, веденнаго на Никейскомъ Соборѣ противъ Арія (т. I, стр. 141): „если Онъ не изъ сущности Отца и Сына, то чего ради Сынъ сопричисляетъ Его въ символѣ освященія? Ибо Господь говоритъ ученикамъ: ступайте научите все народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа.“ По-гречески однако это мѣсто не читается: *ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ* — изъ сущности Отца и Сына, но только *ἐὶ οὐ ἐστὶ τῆς τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ οὐσίας* — если Онъ не—сущности Отца и Сына.“ Но мы охотно уступаемъ, по смыслу послѣднихъ словъ, что Духъ Св. — изъ сущности Отца и Сына. Что же изъ этого? Св. Аѳанасій тутъ вовсе не хочетъ сказать, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына, а только, — что Духъ Св. имѣетъ одну и ту же сущность съ Отцомъ и Сыномъ, т. е. что Духъ Св. — единосущенъ съ Отцомъ и Сыномъ. Ибо онъ спорилъ съ Аріемъ, отвергавшимъ единосущіе Духа Св. съ Отцомъ и Сыномъ, богохульно называя Его тварью. Онъ и выводитъ Арія съ такою рѣчью: „остается намъ изслѣдовать вопросъ о Духѣ Св., такъ какъ ты въ началѣ опредѣлялъ, что Онъ единосущенъ съ Отцомъ и Сыномъ, а я съ этимъ не согласенъ, такъ какъ имѣю указанія изъ Св. Писанія, что Онъ сотворенъ. . . — Изъ этого ясно, что Онъ сотворенной природы, а отнюдь не несозданной блаженной сущности, называемой сущностью Отца и Сына, все содержащей и вездѣ присутствующей по существу.“ Мнѣніе еретика, тутъ же разбиваемое Аѳанасіемъ, было таково: Духъ — созданной природы, а не несотворенной сущности Отца и Сына. Какъ всякому ясно, смыслъ словъ еретика

въ томъ только заключается, что Духъ Св. не пользуется той же сущностью, что Отецъ и Сынъ. И вотъ Аѳанасій, что бы опровергнуть это мнѣніе и положеніе еретика, отвѣчаетъ: „и такъ, если Духъ Св. не есть сущности Отца и Сына, то почему Сынъ Божій соприсчисляетъ Его въ символъ освященія?“ Значитъ, Аѳанасій, повторяя утвержденіе еретика, говоритъ: „если Духъ Св. не есть сущности Отца и Сына“ и приводитъ эти слова въ томъ смыслѣ, какъ утверждалъ еретикъ. Равнымъ образомъ Аѳанасій то только разумѣетъ, что Духъ Св. пользуется одной и той же сущностью съ Отцомъ и Сыномъ. Онъ и продолжаетъ: „и такъ, если всѣ народы, принимающіе вѣру и святость, освящаются этимъ троичнымъ именованіемъ, — то несомнѣнно, что по этой причинѣ и Духъ Св. есть божества Отца и Сына, потому что Онъ Самъ святъ по сущности и освящаетъ всѣхъ, приближающихся къ Его общенію, какъ говоритъ апостоль: но вы обмыты, но вы освящены во имя Господа Нашего Иисуса Христа и въ Духъ Его, Который— святъ. Если Онъ не есть иностаси божества Отца и Сына, — оиать спрашиваю, зачѣмъ Онъ перечисленъ вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ? Какъ будто не хватило-бы божественности Отца и Сына для освященія вѣрующихъ, взявъ (Господь) Утѣшителя, Духа истины, для дополненія святости, если Онъ и не изъ Его сущности?“ — Изъ этихъ словъ оиать явствуетъ, что у Аѳанасія была цѣль только убѣдить вопреки еретикъ, что Духъ Св. имѣетъ одну сущность съ Отцомъ и Сыномъ. Когда онъ въ послѣднихъ словахъ выражается: „*τοῦ οὐκ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ ὄντα*,—т. е. если Онъ не изъ Его сущности,“ ясно, конечно, какъ мы и соглашались уже, что ни сколько не меньше таковъ же былъ и смыслъ выставленнаго Латинянами выраженія: „если Онъ не изъ сущности Отца и Сына.“ Но мысль Аѳанасія не иная, какъ только, — что Духъ Св. обладаетъ одинаковой сущностью съ Отцомъ и Сыномъ. Въ томъ же смыслѣ и другіе Отцы вездѣ учатъ, что Духъ Св.—изъ сущности, бытія, божества Отца и Сына,—нисколько этимъ не указывая, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына. Но объ этомъ ниже.

Выставляють, далѣе, изъ посланія Аѳанасія къ Антиохинцамъ (г. I твореній, стр. 575) слова: „ничего болѣе отъ нихъ не требуйте, какъ только анаѳематствовать ересь Арианъ, а признать

вѣру св. Отцовъ, изложенную въ Никее, — и также анаематствовать тѣхъ, кто говоритъ, что Духъ Св. — тварь и что Онъ отдѣленъ отъ сущности Христа.“ Но что же изъ этого? Конечно, Духъ Св. не раздѣленъ отъ сущности Сына, такъ развѣ поэтому Онъ и исходитъ отъ Сына? Что за необходимость такого вывода? Единство и тожество божества Сына и Св. Духа будетъ доказательствомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына? Нелѣпость!

Прибавляютъ и слѣдующее мѣсто изъ того же посланія (стр. 577): „и Духъ Св. не тварь, и не чуждый, но собственный и нераздѣльный отъ сущности Отца и Сына.“ Но кто когда-нибудь отрицалъ, что Духъ Св. не чуждъ Сыну? Развѣ же Духъ Св. можетъ быть чуждымъ Сыну, не исходя отъ Него, но будучи произведенъ въ одномъ и томъ же божествѣ, изъ той же сущности, изъ которой и Сынъ? Объ этомъ мы уже говорили выше.

Приводятъ также слова изъ IV кн. противъ Аріанъ (т. I твореній, стр. 477): „Самъ Духъ даетъ, и все, что имѣетъ Духъ, имѣетъ это отъ Слова.“ И слѣдующія изъ посланія къ Серапіону (т. II твореній, стр. 17): „Духъ есть Сына и отъ Сына беретъ все, какъ Самъ говоритъ: и дунувъ, далъ Его ученикамъ.“ И опять изъ слова IV противъ Аріанъ: „если ты допустишь, что Духъ Св. знаетъ (день суда), то насколько болѣе знаетъ его Слово, по скольку Оно Слово, отъ Котораго беретъ и Духъ Св.“ Но все эти мѣста мы разобрали въ главѣ ¹⁾, въ которой доказано, что полученіе Духомъ Св. отъ Сына не есть доказательство Его исхожденія отъ Сына. Теперь прибавимъ, что *Іоаннъ Провинціалъ* неосновательно старался на Флорентинскомъ Соборѣ въ XXII засѣданіи (согласно актамъ этого Собора, изданнымъ Гораціемъ Юстиніаномъ) изъ выше приведенныхъ словъ Аванасія изъ посланія къ Серапіону сдѣлать такую натяжку: „говоритъ сначала: Онъ есть Духъ Сына, и изъ этого отношенія, говоритъ, Онъ беретъ все отъ Сына черезъ вѣчное исхожденіе, потому что инымъ способомъ ничего не можетъ взять. Во вторыхъ, говоритъ, что временно даетъ Его ученикамъ. Слѣдовательно, — всякое временное исхожденіе предполагаетъ исхожденіе вѣчное.“ Но гдѣ изъ того, что Духъ Св. есть Духъ Сына, Аванасій въ приведенныхъ словахъ утверждалъ,

¹⁾ См. гл. XI.

что Духъ Св. беретъ все отъ Сына черезъ вѣчное исхожденіе? „А инымъ способомъ не можетъ Духъ ничего взять,“ заявляетъ Іоаннъ. Но что это совершенно ложно, доказано въ цитированной главѣ, точно такъ же, какъ въ главѣ VІІІ доказано, что ложно, будто всякое временное исхожденіе предполагаетъ вѣчное.

Приводятъ, затѣмъ, мѣсто изъ перваго посланія къ Серапіону о Св. Духѣ (т. II твореній, стр. 10): „какое свойство, какъ мы узнали, имѣетъ Сынъ по отношенію къ Отцу, такое же, какъ мы знаемъ, имѣетъ Духъ Св. по отношенію къ Сыну.“ Но тутъ имѣетъ въ виду Аѳанасій не причину, а только свойство той же сущности. Ибо онъ прибавляетъ: „поэтому какъ Сынъ вслѣдствіе того, что имѣетъ свойство по отношенію къ Отцу и что Онъ собственное рожденіе изъ Его сущности,—не есть тварь, но единосущенъ съ Отцомъ, такъ и Духъ Св. никоимъ образомъ не можетъ быть тварью, —напротивъ, нечестивецъ—тотъ, кто это скажетъ, потому что Онъ (Духъ) имѣетъ свойство съ Сыномъ и изъ Него дается всѣмъ;—наконецъ потому, что то, что Онъ имѣетъ, это—Сына.“ Если бы Аѳанасій здѣсь подъ *свойствомъ* разумѣлъ свойство причины, то говоря: „Сынъ потому имѣетъ свойство въ отношеніи Отца, что Онъ есть Его собственное рожденіе изъ Его существа,“ онъ равнымъ образомъ сказалъ бы также: „такъ и Духъ Св. не есть тварь, потому что имѣетъ свойство по отношенію къ Сыну и потому что Онъ отъ него исходитъ“ и пр. Теперь же такъ какъ св. Отецъ упоминаетъ о причинѣ въ отношеніи Сына, а въ отношеніи Духа Св. не прибавляетъ, что Онъ исходитъ отъ Сына, то ясно отсюда, что Аѳанасій не вѣровалъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Сына и въ этомъ мѣстѣ не подразумѣваетъ свойства причины. Почему же, когда св. Учитель здѣсь раздѣльно говоритъ: „Сынъ имѣетъ свойство съ Отцомъ и есть Его рожденіе“ становится отсюда яснымъ, что подъ словомъ *свойство* онъ не разумѣлъ свойства причины? Потому что иначе онъ не прибавилъ бы, что Сынъ зависить отъ Отца, какъ Его рожденіе.

Ничего, такимъ образомъ, не достигаетъ писатель, ¹⁾ настаивающій на этомъ мѣстѣ въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына: „уже, говоритъ онъ, во II томѣ, въ посланіи къ Серапіону, листъ

¹⁾ Циховій вопр. III стр. 32.

Х, что бы доказать, что Духъ Св. не есть тварь, (Аѳанасій) принимаетъ вездѣ это въ смыслѣ перваго начала, — именно: что Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Такъ, напримѣръ, онъ рассуждаетъ: какое свойство, какъ мы знаемъ, имѣеть по отношенію къ Отцу Сынъ, такое, нашли мы, имѣеть по отношенію къ Сыну Духъ Св. Но Сынъ по отношенію, какое имѣеть къ Отцу, не есть тварь, — слѣдовательно, и Духъ Св. по отношенію, какое имѣеть къ Сыну, не есть тварь. Здѣсь ббольшая посылка, чтобы имѣть силу, предполагаетъ, что такое получаетъ бытіе Духъ Св. отъ Сына черезъ относительное свойство дышущаго и выдунутаго, какое бытіе получаетъ Сынъ отъ Отца черезъ свойство родителя и рожденнаго.“ Но ложно, что ббольшая посылка, что бы имѣть силу, что-нибудь подобное предполагаетъ. Развѣ не будетъ основательною такая аргументація: какое свойство одинаковой природы, мы знаемъ, имѣеть Сынъ по отношенію къ Отцу, такое же имѣеть Духъ Св. по отношенію къ Сыну. Но Сынъ по свойству той же природы, какое Онъ имѣеть по отношенію къ Отцу, не есть тварь; слѣдовательно, и Духъ Св. по свойству той же природы, какое Онъ имѣеть по отношенію къ Сыну, не есть тварь? Какимъ это образомъ, что бы наведеніе было дѣйствительнымъ, нужно было бы предполагать, что Духъ Св. такъ получаетъ бытіе отъ Сына, какъ Сынъ получаетъ Его отъ Отца?

Настаиваетъ, далѣе, *Белларминъ* во II кн. „о Христѣ“, гл. XXV: „четвертое мѣсто находится въ извѣстномъ длиннѣйшемъ посланіи къ Серапіону, гдѣ (Аѳанасій) доказываетъ противъ Македоніанъ, что нельзя никоимъ образомъ защищать положеніе, что Духъ Св. есть тварь, если Сынъ не тварь, — и это составляетъ содержаніе всего посланія. Онъ это доказываетъ слѣдующимъ рассужденіемъ, которое на разные лады предлагаетъ во всемъ почти посланіи: такой порядокъ и связь между Духомъ Св. и Сыномъ, какой — между Отцомъ и Сыномъ. Но Сынъ, такъ какъ Онъ отъ Бога Отца, есть Богъ такъ же, какъ и Отець. Слѣдовательно, подобнымъ образомъ и Духъ Св., такъ какъ Онъ отъ Бога Сына, будетъ Богомъ такъ же, какъ и Сынъ; или же если Онъ — не Богъ, то не будетъ Богомъ — Сынъ, — мало того не будетъ Богомъ и Самъ Отець.“

Дѣйствительно, все посланіе Аѳанасія къ Серапіону въ томъ состоитъ, что изблжчаются въ заблужденіи еретики, которые, признавая Христа Богомъ, отрицали божество Св. Духа. Самое сильное также основаніе, которымъ пользуется Аѳанасій во всемъ посланіи, такое: „если Духъ Св.—не Богъ, то и Сынъ—не Богъ.“ Но ложно, будто Аѳанасій, что бы утвердить это наведеніе, умозаключаетъ такой порядокъ и связь между Духомъ и Сыномъ, какой между Сыномъ и Отцомъ: Сынъ будучи отъ Отца,—Богъ, слѣдовательно, и пр. Между тѣмъ Аѳанасій только вслѣдствіе единства природы, существующаго въ такомъ видѣ между Сыномъ и Отцомъ, въ какомъ оно существуетъ между Сыномъ и Духомъ Св., выводитъ заключеніе, что и Сынъ будетъ тварью, если Духъ Св.—тварь. Такъ онъ говоритъ въ началѣ указаннаго посланія (т. I твореній, стр. 174): „и ты, конечно, сейчасъ же подивился ихъ безумію, потому что, не допуская совершенно правильно, что Сынъ Божій—тварь, они однако могутъ позволять называть Духа Сына—тварью. Ибо они вслѣдствіе единства Слова съ Отцомъ не хотятъ, что бы Сына считали въ числѣ тварей, и сознаютъ (что и вѣрно), что Онъ создатель тварей. Почему же Духа Св., имѣющаго такое же единство съ Сыномъ, какъ Сынъ съ Отцомъ, называютъ они тварью“? А единство это онъ доказываетъ всего болѣе тѣмъ, что Духъ Св.—въ Сынѣ и есть Его Духъ, а не тѣмъ, что Онъ и отъ Сына исходитъ. „Святая, говоритъ онъ (на стр. 189), и блаженная Троица не раздѣльна между Собою, и гдѣ бы ни назывался Отецъ, вмѣстѣ съ Нимъ есть и Его Слово и въ Сынѣ Духъ. Если же называютъ Сына,—въ Сынѣ есть Отецъ, и Духъ Св. не внѣ Слова,—такъ какъ одна благодать изъ Отца черезъ Сына въ Духѣ Св. совершается, и одно—божество, и одинъ Богъ, Который—надъ всѣми, и черезъ всѣхъ, и черезъ все и во всемъ. Ибо такъ Павелъ говоритъ: свидѣтельствуюсь передъ Богомъ и Іисусомъ Христомъ, какъ научившійся не отдѣлять Духа отъ Сына, Который былъ въ Сынѣ такъ, какъ Сынъ въ Отцѣ.“ Это природное единство Сына со Св. Духомъ, которое точно такъ же имѣетъ Отецъ съ Сыномъ, св. Отецъ далѣе такъ доказываетъ (стр. 193): „и такъ, не спрашивай, а только поучайся изъ Св. Писанія. Найдешь въ немъ достаточно примѣровъ. Отецъ называется источникомъ и свѣтомъ.

Называется и Сынъ въ отношеніи этого источника рѣкою: рѣка Божія наполнена водами; а по отношенію къ свѣту—блескомъ, по словамъ Павла: ибо Онъ есть блескъ славы и начертаніе ипостаси Его. Поэтому,—такъ какъ Отецъ—свѣтъ, Сынъ - Его сіяніе (и мы не должны тяготиться часто говорить объ этомъ), то позволительно видѣть, что въ Сынѣ есть Духъ, черезъ Котораго просвѣщаемся; когда же мы просвѣщаемся Духомъ, Христосъ насъ черезъ Него просвѣщаетъ.“ И опять: „когда Отецъ источникъ, а Сынъ называется рѣкой, то мы называемся пьющими Духа. Ибо написано, что мы одного Духа пили; когда же пьемъ Духа,—пьемъ Христа. И обратно: такъ какъ Христосъ истинный Сынъ, то мы, получая Духа Св., дѣлаемся сынами: не приняли, говоритъ апостолъ, Духа рабства въ страхъ, но получили Духа усыновленія. Сдѣлавшись сынами, мы несомнѣнно получаемъ въ Христѣ имя дѣтей Божіихъ: которые Его приняли, далъ имъ власть стать сынами.“ Затѣмъ: „такъ какъ Отецъ (по словамъ Павла) есть Одинъ только премудръ, то Сынъ Его есть премудрость: ибо Христосъ—Божія сила и Божія премудрость. И такъ какъ Сынъ—премудрость, то мы, получая Духа премудрости, имѣемъ Сына и въ Немъ дѣлаемся мудрыми. Такъ въ псалмѣ XLV написано: Господь разрѣшаетъ скованныхъ, Господь умудряетъ слѣпыхъ. И когда дается намъ Духъ: получите, говоритъ Спаситель, Духа Св.,—то Богъ въ насъ, а когда Богъ существуетъ въ насъ, то также есть и Сынъ въ насъ. Далѣе, такъ какъ Сынъ есть жизнь, то мы называемся оживотворенными въ Духѣ,—а такъ какъ мы оживотворены въ Духѣ, то говорится, что Христосъ живетъ въ насъ.“ И опять: „подобно тому, какъ Сынъ про дѣла, которыя Онъ творилъ, говорилъ, что ихъ творитъ Отецъ, такъ и про то, что Павелъ творилъ въ силѣ Духа, онъ сказалъ, что это—дѣла Христа: не дерзну говорить о чемъ-нибудь, чего не совершилъ черезъ меня Христосъ для послушанія народовъ въ словѣ, и въ дѣлѣ, и въ силѣ знаменій, и чудесъ сплюю Св. Духа.—И такъ, если такое сопряженіе и единство въ Троицѣ, то кто станетъ отдѣлять или Сына отъ Отца, или Духа отъ Сына, либо отъ Отца Его? Или кто будетъ такъ безразсуденъ, что скажетъ, что Троица неравна въ Себѣ, или что различной природы Отецъ отъ Сына,

или что Духъ Св. чужой для Сына? А если кто-нибудь опять спроситъ: какимъ образомъ, когда Духъ Св. присутствуетъ въ насъ, говорится, что Сынъ въ насъ? Или, когда Сынъ въ насъ, говорится, что Отецъ — въ насъ; или, какъ Троица обозначается въ одномъ, будучи Троицею, или какимъ образомъ, когда Одинъ въ насъ, считается, что вся Троица — въ насъ?—то пусть мнѣ сначала отдѣлять свѣтъ отъ блеска, или мудрость отъ мудраго, либо скажутъ, какъ это бываетъ. Если же они этого не могутъ, то тѣмъ болѣе бѣшеное безуміе спрашивать такого рода вещи о Богѣ“. Такимъ образомъ, Аѳанасій здѣсь и затѣмъ въ послѣдующихъ словахъ выводитъ всѣ свои доказательства противъ отрицавшихъ, что Духъ Св. — Богъ, не отъ основанія причины, а только выясняетъ и настаиваетъ на единствѣ природы Духа съ Сыномъ.

Но *Беллярминъ* прибавляетъ: „такъ какъ послѣ середины посланія (Аѳанасія) Духъ Св. имѣетъ по отношенію къ Сыну такого рода порядокъ и природу, какую Сынъ имѣетъ по отношенію къ Отцу,—какъ можетъ быть, что бы тотъ, кто называетъ Духа тварью, не думалъ по необходимости того и о Сынѣ?“ Между тѣмъ, если мы продолжимъ разборъ посланія Аѳанасія, то окажется, что онъ и эти слова произнесъ не въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, что между Духомъ Св. и Сыномъ существуетъ такое же единство природы и дѣйствія, какъ между Сыномъ и Отцомъ. Вотъ это мѣсто въ полномъ видѣ (стр. 195): „вслѣдствіе невѣрія безразсудныхъ людей всего проще будетъ такъ сказать, и если ты такъ говоришь или думаешь, то это будетъ вполне позволительно, т. е. что освященіе — одно и что оно совершается черезъ Отца и Сына въ Св. Духѣ. Ибо какъ Сынъ есть единокровное рожденіе, такъ и Духъ, Который Сыномъ дается и посылается, и Онъ — одинъ а не многіе, и не одинъ изъ многихъ, но Онъ одинъ только Духъ. Такъ какъ Сынъ, живое Слово,—одинъ, то одна должна быть совершенная и полная освящающая и просвѣщая жизнь, т. е. дѣятельная сила Его и даръ, которая называется исходящею отъ Бога: ибо она отъ Слова, Которое мы признаемъ отъ Отца возсіяваетъ, Имъ посылается и дается въ даръ, въ особенности потому, что Сынъ посылается Отцомъ,—какъ Онъ сказалъ: такъ Богъ возлюбилъ міръ, что далъ Сына Своего Единороднаго. Сынъ же

посылаетъ Духа, такъ какъ Онъ говоритъ: если Я уйду,— пошлю вамъ Утѣшителя. И Сынъ прославляетъ Отца: Отецъ, говоритъ Онъ, Я Тебя прославилъ; и Духъ прославляетъ Сына: Онъ Меня, говоритъ (Сынъ), прославить. И Сынъ говоритъ: что я услышалъ отъ Отца, то и говорю міру. А Духъ беретъ отъ Сына: отъ Моего, говоритъ, возьметъ и вамъ возвѣститъ. И Сынъ пришелъ во имя Отца: Духъ Св., говоритъ (Господь), Котораго Отецъ пошлетъ во имя Мое. И такъ, если по отношенію къ Сыну: Духъ имѣетъ такой порядокъ и природу, какъ Сынъ имѣетъ по отношенію къ Отцу, то какъ можетъ утверждающій, что Духъ — тварь, не думать по необходимости того же и о Сынѣ? Ибо если Духъ есть тварь Сына, то послѣдовательность требуетъ сказать, что Слово есть тварь Отца. Какъ Сынъ, Который—въ Отцѣ и въ Которомъ— Отецъ, не есть тварь, но есть собственный сущности Отца (ибо и вы (еретики) дѣлаете видъ, что это говорите); такъ и Духа, Который—въ Сынѣ и Сынъ—въ Немъ, нельзя присоединять къ тварямъ, или отдѣлять отъ Слова и дѣлать Троицу несовершенною.“

Такимъ образомъ само собою ясно, въ какомъ смыслѣ Аѳанасій говоритъ: „такой порядокъ и природу имѣетъ Духъ по отношенію къ Сыну, какую Сынъ имѣетъ по отношенію къ Отцу.“ Именно: одинъ есть Сынъ Отца, одна также сила и способность Сына— Духъ Св.—Сынъ—единородное рожденіе Отца; Духъ Св. также посылается Сыномъ; Сынъ прославляетъ Отца, Духъ также прославляетъ Сына; Сынъ то, что говоритъ, слышитъ отъ Отца,—Духъ Св. также беретъ у Сына. Слѣдовательно, вотъ въ какомъ смыслѣ Аѳанасій прибавляетъ: „такъ какъ такой порядокъ и природу имѣетъ Духъ Св. по отношенію къ Сыну, какую—Сынъ имѣетъ по отношенію къ Отцу,—то какимъ образомъ Духъ Св. будетъ тварью, а Христосъ—Богомъ?“ При этомъ Аѳанасій здѣсь отнюдь не упоминаетъ о началѣ,—т. е. что—какъ Сынъ рожденъ Отцомъ, такъ и Духъ Св. исходитъ отъ Сына; а между тѣмъ, конечно, онъ выставилъ бы это раньше прочихъ оснований и долженъ былъ бы выставить, если бы говорилъ именно въ отношеніи начала, что Духъ Св. имѣетъ такой порядокъ и природу по отношенію къ Сыну, какъ Сынъ по отношенію къ Отцу. Поэтому онъ и прибавляетъ: „ибо какъ Сынъ, Который—въ Отцѣ и въ Которомъ— Отецъ, не

есть тварь, но собственный сущности Отца, такъ и Духа, Который въ Сынѣ и въ Которомъ Сынъ, нельзя причислять къ тварямъ.“ Изъ этихъ словъ опять-таки вытекаетъ, что Аѳанасій только изъ единства природы заимствуетъ тутъ доказательства того, что какъ Сынъ въ Отцѣ, такъ Духъ Св. въ Сынѣ. Отсюда-то онъ и говоритъ подъ конецъ посланія (стр. 208): „истинные почитатели пусть поклоняются Отцу, но въ духѣ и истинѣ, признавая Сына и въ Сынѣ Духа, такъ какъ Духъ неотдѣлимъ отъ Сына, какъ Сынъ неотдѣлимъ отъ Отца. Это Своимъ свидѣтельствомъ утверждаетъ Сама Истина, говоря: пошлю вамъ Утѣшителя, Духа истины, Который отъ Отца исходитъ, Котораго міръ не можетъ объять, т. е. тѣ, кто отрицаетъ, что Онъ изъ Отца въ Христѣ.“—И такъ, болѣе, чѣмъ легкомысленнымъ оказывается *Белларминъ*, когда прибавляетъ: „здѣсь Аѳанасій обнаружилъ такую увѣренность, что Духъ Св. производится Сыномъ, что отсюда, какъ изъ начала самаго твердаго и извѣстнаго, выводитъ заключеніе о томъ въ чемъ было сомнѣніе,“ т. е. что Духъ Св.—Богъ.

Возражаетъ еще *Белларминъ* на данный отвѣтъ: „могутъ отвѣтить, что порядокъ Духа въ отношеніи Сына и Сына въ отношеніи Отца состоитъ только въ томъ, что какъ Отецъ посылаетъ Сына къ тварямъ, такъ Сынъ посылаетъ Духа. Но этого нельзя сказать, если вмѣстѣ съ посланіемъ къ тварямъ мы не понимаемъ истиннаго исхожденія въ смыслѣ бытія. Ибо иначе аргументъ Аѳанасія не имѣлъ бы никакой силы, какъ неимѣетъ силы аргументъ: Богъ посылаетъ ангеловъ, слѣдовательно, ангелы не суть твари, или Богъ—тварь. Потому это никакой силы не имѣетъ, что ангелы такъ посылаются къ тварямъ, что это посланіе не включаетъ вѣчнаго посланія ангеловъ отъ самого существа Бога. Слѣдовательно, если Духъ Св. посылается Сыномъ къ тварямъ и отъ Самого Сына существеннымъ образомъ не исходитъ, какъ отъ Отца, то конечно, Онъ посылается не иначе, какъ посылаются ангелы, и поэтому отсюда нельзя заключать, что Онъ — Богъ, или что Сынъ — не Богъ, что однако заключаетъ Аѳанасій. Если бы Аѳанасій говорилъ о посланіи къ тварямъ, онъ не сказалъ бы: ибо если Духъ Св.—тварь Сына и пр... Такимъ образомъ приведенныя слова обозначаютъ происхожденіе, а не посланіе, и Аѳанасій старается доказать, что Духъ Св. Сыномъ производится. а не творится.“

Но, во *первыхъ*, развѣ не о посланіи упоминаетъ самъ Аѳанасій, чтобы отсюда вывести, что Духъ Св. по отношенію къ Сыну имѣетъ такой порядокъ, какой Сынъ имѣетъ по отношенію къ Отцу? Слова его мы видѣли выше. Во *вторыхъ*, отнюдь не въ одномъ только посланіи полагалъ Аѳанасій этотъ порядокъ, однако между прочими основаніями онъ никогда не приводилъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, что мы также видѣли.

Въ *третьихъ*,—изъ посланія не просто Аѳанасій доказываетъ: если Духъ Св. посылается Сыномъ, то Духъ Св.—не тварь, или—если Онъ - тварь, то и Сынъ точно такъ же будетъ тварь; но между другими примѣрами приводитъ и посланіе Духа Св. Сыномъ, что бы отсюда доказать, что Духъ Св. имѣетъ такой порядокъ по отношенію къ Сыну, какъ Сынъ по отношенію къ Отцу. И, наконецъ, въ *четвертыхъ*, отсюда, изъ этого, повторяю, единства природы и дѣйствованія выводитъ заключеніе: „если Духъ Св. есть тварь, то и Сынъ тоже будетъ тварью,“ и поэтому настаиваетъ не только на одномъ и томъ же порядкѣ между Сыномъ и Духомъ Св., но и на природѣ: какой порядокъ и природу имѣетъ Сынъ къ Отцу, говоритъ онъ, такой же имѣетъ Духъ Св. къ Сыну,—что бы такимъ образомъ изъ единства порядка и природы необходимо заключить, что если тварь—Духъ Св., то и Сынъ будетъ тварью. И такъ, правильно и основательно приводитъ Аѳанасій еще и посланіе Духа Св. Сыномъ, хотя отнюдь не включаетъ вѣчнаго исхожденія.

Ложно затѣмъ, въ *пятыхъ*, будто Аѳанасій не могъ также выводить доказательства отъ одного посланія, не включивъ вѣчнаго исхожденія. Вѣдь посылается Духъ Св. Сыномъ, не какъ какой-нибудь посторонній Ему Духъ и отдѣльный отъ Его сущности, но какъ собственный Его Духъ, существующій въ Немъ нераздѣльно, и поэтому подается вѣрующимъ изъ одной и собственной сущности Сына. Если же это такъ,—то почему нельзя дѣлать такого вывода: Духъ Св. посылается Сыномъ изъ Его сущности, значитъ, если Духъ Св.—тварь, то и Сынъ будетъ тварью? Гдѣ здѣсь, спрашивается, что бы аргументъ этотъ имѣлъ силу, нужно еще предполагать вѣчное исхожденіе Духа Св. отъ Сына? Ангелы, дѣйствительно, посылаются также Богомъ, но какъ посторонніе и отдѣльные отъ

сущности Божіей,— и не изъ сущности Божіей. Поэтому, такъ какъ существуетъ громадная разница между посланіемъ Духа Св. и посланіемъ ангеловъ, то, конечно, очень нелѣпо прибавлялъ іезуитъ: „если Духъ Св. посылается Сыномъ къ тварямъ и отъ Самого Сына не исходитъ существенно, какъ отъ Отца, то, конечно, Онъ посылается не иначе, какъ ангелы.“ Гдѣ, наконецъ, хоть однимъ словомъ упоминаетъ Аѳанасій, что Духъ Св. производится Сыномъ, но не творится, что однако онъ необходимо долженъ бы былъ сдѣлать, если бы стремился это утвердить,—если бы стремился, говорю, какъ это попусту съ большой самоувѣренностью заявляетъ Белларминъ? „Но Аѳанасій, замѣчаетъ Белларминъ, говоря: если Духъ Св.—тварь Сына,—обозначаетъ произведеніе,—слѣдовательно, упоминая о посланіи, онъ предполагаетъ вѣчное произведеніе“ Но какая, спрашивается, послѣдовательность: Духъ Св. не есть тварь Сына, по Аѳанасію; значить, Духъ Св. инымъ способомъ производится Сыномъ? Нисколько не меньше можно дѣлать, конечно, такое заключеніе: Сынъ не есть тварь Духа Св., значить, Онъ производится Духомъ Св. инымъ образомъ. Или что за выводъ: твореніе обозначаетъ произведеніе; Аѳанасій упоминаетъ о посланіи, что бы доказать, что Сынъ не сотворенъ; значить, подъ посланіемъ онъ предполагаетъ вѣчное исхожденіе?! Твореніе, конечно, предполагаетъ вполне произведеніе, разумѣется, изъ ничего. Но Аѳанасій отрицаетъ противъ еретиковъ, что Духъ Св. сотворенъ Сыномъ,—слѣдовательно, отрицаетъ, что Духъ Св. такимъ именно образомъ произведенъ Сыномъ. Неужели же, что бы это доказать посредствомъ посланія, онъ долженъ былъ бы подъ посланіемъ предположить вѣчное исхожденіе? Но объ этомъ довольно. А *Белларминъ* продолжаетъ: „черезъ одинъ листъ Аѳанасій говоритъ: Духъ есть и называется также образомъ Сына.“ Но объ этомъ говорилось выше.

Опять настаиваетъ тотъ же іезуитъ и дальше: „а если Сынъ, потому что Онъ—отъ Бога Отца, есть собственный Его сущности, то необходимо, что бы и Духъ, потому что о Немъ говорится,— что Онъ отъ Бога, былъ собственнымъ Сына по сущности. Въ самомъ дѣлѣ, Аѳанасій, говоря, что Духъ—отъ Бога, разумѣетъ отъ Бога Сына, иначе онъ заключилъ бы неправильно, что Онъ потому

собственный Сына, какъ Сынъ потому собственный Отца, что — отъ Отца. Существуетъ еще два болѣе краткихъ посланія къ тому же Серапіону, гдѣ онъ говоритъ то же иными словами. “ Но, спрашивается, почему это не основательное разсужденіе: Духъ Св.—отъ Бога Отца,— слѣдовательно, Онъ собственный Сына? Вѣдь если Онъ отъ Отца исходитъ, то, конечно, нераздѣльно производится въ сущности и изъ сущности, которая есть собственная Сына: значить, Духъ долженъ быть собственнымъ Сына; но при этомъ, говоритъ Белларминъ, не одинаково Духъ Св. былъ бы собственнымъ Сына, не будучи отъ Сына, какъ Сынъ — собственный Отца, будучи — отъ Отца,— что здѣсь однако и хочеть обозначить Аѳанасій. Но, скажите, гдѣ Аѳанасій это самое обозначаетъ? У него было намѣреніе доказать, что Духъ Св. есть собственный Сына: поэтому, говоритъ онъ, необходимо, что бы Духъ, такъ какъ о немъ говорится, что Онъ отъ Бога, былъ собственнымъ Сына по сущности. Но нигдѣ Онъ не говоритъ, что, какъ Сынъ есть собственный Отца, потому что Онъ — отъ Отца, такъ Духъ Св. не можетъ быть собственнымъ Сына, если Онъ равнымъ образомъ не будетъ отъ Сына. Что Духъ Св.—такъ же собственный Духъ Сына, какъ Сынъ — собственный Отца, такое заключеніе, конечно, съ необходимостью могло быть выведено, какъ доказано, изъ того, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца. — Что касается двухъ остальныхъ посланій къ Серапіону, то тѣ возраженія, которыя оттуда могутъ быть выставлены, мы частію уже опровергли, а частью сейчасъ разрѣшимъ.

Такъ какъ во второмъ своемъ посланіи къ Серапіону св. Аѳанасій разными доводами доказывалъ, что Духъ Св. не — тварь, то другой іезуитъ ¹⁾ на основаніи этого заявляетъ слѣдующее: „опять тоже самое такъ доказываетъ (Аѳанасій): дыханіе Сына — не тварь; Духъ Св. есть дыханіе Сына; — слѣдовательно, Онъ — не тварь. Здѣсь меньшая посылка предполагаетъ, что Духъ Св. такъ исходитъ отъ Сына, какъ исходитъ дыханіе изъ усть. Дальше онъ такъ разсуждаетъ: форма (*μορφή*) Сына не есть тварь (потому что Сынъ, будучи въ формѣ Отца не есть тварь); Духъ Св. есть форма Сына (въ томъ, конечно, смыслѣ, въ какомъ Сынъ есть форма Отца), — слѣдовательно, Онъ не есть тварь.“ Называется Духъ Св. дыха-

¹⁾ Циховій вопр. III, стр. 33.

ніемъ Сына, потому что Онъ былъ вдунуть Сыномъ въ уста апостоловъ. Что это дуновение не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына, доказано выше въ особой главѣ. ¹⁾ Дуновение дѣйствительно исходитъ изъ устъ, и поэтому Духъ Св., Котораго Спаситель далъ апостоламъ черезъ дуновение, исходитъ отъ Господа, но на апостоловъ. Отсюда можно вывести только слѣдующее: Духъ Св. во внѣ посылается Господомъ, вдувается, выходитъ, о чемъ и сказано въ другомъ мѣстѣ. Называется дальше Духъ Св. формою Сына, потому что Онъ точно представляетъ Сына, исключая только различное основаніе причинности. Равно и Сынъ въ томъ смыслѣ—форма Отца, что точно выражаетъ Отца, исключая основаніе причины. И такъ, какимъ образомъ можетъ отсюда слѣдовать: Духъ—форма Сына, слѣдовательно, исходитъ отъ Сына? Но объ этомъ подробно мы разсуждали выше, ²⁾ когда шла рѣчь, почему Духъ Св. есть образъ Сына: вопросъ сводится къ тому же.

Продолжаетъ тотъ же іезуитъ: „онъ (Аѳанасій) тамъ же, листъ 14, говоритъ, что Духъ Св.—не внѣ слова, но, существуя въ Словѣ, черезъ Него—въ Богѣ. Какъ же Духъ Св. могъ бы быть въ Богѣ черезъ Слово, если не черезъ активное дыханіе, общее Ему съ Отцомъ? Онъ (Аѳанасій), тутъ же намѣреваясь отвѣчать еретикамъ, изъ словъ: отъ Моего возьметъ выведившимъ заключеніе, что Духъ Св. есть сынъ Сына и внукъ Отца, ограничивается только однимъ отстраненіемъ, говоря: отвѣчать имъ прямо не безопасно. Между тѣмъ было бы совершенно безопасно сказать, что Духъ Св. не сынъ Сына, если бы Онъ отъ Него (Сына) не исходилъ.“ Какъ говорится, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, или что Онъ—въ Богѣ, показано въ началѣ этой главы ³⁾, именно исходя отъ Отца послѣ рожденія Сына. Какъ же поэтому не могъ бы Духъ Св. черезъ Слово быть въ Богѣ иначе, какъ черезъ активное дыханіе, общее Сыну съ Отцомъ.—Что касается второго замѣчанія, то почему съ равнымъ основаніемъ, если бы Аѳанасій вѣровалъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, онъ не отвѣтилъ бы, что Духъ Св.—не сынъ Сына, потому что Онъ исходитъ отъ Него,

¹⁾ См. гл. IX, отв. III.

²⁾ См. настоящую гл. § 6.

³⁾ См. §§ I и II.

а не рождается? Развѣ и это сказать не было бы очень безопаснымъ, если Духъ Св. исходитъ отъ Сына? Такимъ образомъ, и изъ этого даже ясно, что іезуитъ выставляетъ противъ насъ приведенное мѣсто безъ всякаго основанія, и что Аѳанасій не считалъ безопаснымъ отвѣчать еретику не потому, что бы когда-нибудь сомнѣвался, сынъ ли Сына—Духъ Св., ибо вся католическая церковь всегда отрицала, что Духъ Св.—сынъ Сына,—а скорѣе потому, что софистическій аргументъ еретиковъ: Духъ Св. беретъ отъ Сына, значить,—Онъ—сынъ Сына не находилъ возможнымъ легко отвергнуть.—Но объ этомъ подробно говорилось по поводу подобныхъ словъ Василия Великаго въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ. ¹⁾

Приводитъ тотъ же авторъ ²⁾ слѣдующія слова Аѳанасія изъ того же посланія (листъ 10): „какъ Отецъ показываетъ Сына, говоря: это—Мой Сынъ возлюбленный,—такъ и Духъ есть Сына. Послалъ, говоритъ апостоль къ Римлянамъ, Духа Сына Своего въ сердцахъ нашихъ. И какъ о Сынѣ говоритъ: что—Мое, то—Отца, такъ Духъ Св. есть (Духъ) Отца, какъ Онъ названъ (Духомъ) Сына,—ибо Самъ Сынъ говоритъ: когда придетъ Утѣшитель, Котораго я пошлю и пр.“ И прибавляетъ іезуитъ: „здѣсь ясно, что Духъ Св. потому называется (Духомъ) Сына, что Сыномъ посылается, и потому называется (Духомъ) Сына, что есть (Духъ) Отца, и слѣдовательно, не вслѣдствіе временнаго посланія, а вѣчнаго.“ Не правда, будто Аѳанасій въ этихъ словахъ доказываетъ, что Духъ Св. есть Духъ Сына, тѣмъ, что Онъ посылается Сыномъ. Дѣйствительно, что бы доказать, что Духъ Св. есть Духъ Сына, онъ приводитъ слова Св. Писанія: „послалъ Духа Сына Своего;—и:—когда придетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины;“ но развѣ изъ этихъ словъ Писанія св. Аѳанасій хотѣлъ остановить вниманіе на тѣхъ, въ которыхъ говорится, что Духъ Св. посылается Сыномъ, что бы отсюда доказать, что Духъ Св. есть Духъ Сына, а не скорѣе на тѣхъ остальныхъ прямыхъ словахъ, въ которыхъ ясно говорится, что Духъ Св. есть Духъ Сына? Допустимъ, что Аѳанасій изъ самаго посланія выводилъ, что Духъ Св.

¹⁾ См. гл. I, вѣкъ IV.

²⁾ Циховій вопр. I, стр. 16.

есть (Духъ) Сына, какъ и Духъ Отца; развѣ же и изъ временнаго посланія не вытекаетъ заключеніе, что Духъ Св. есть Духъ Сына? Но объ этомъ говорилось выше по поводу такого же возраженія Беллармина.

Тотъ же іезуитъ ¹⁾ приводитъ изъ посланія къ Серапіону (т. I твореній, листъ 189) слѣдующее мѣсто: „Троица нераздѣльна, и гдѣ бы ни говорилось объ Отцѣ, (говорится) вмѣстѣ съ Нимъ и о Его Сынѣ, и въ Сынѣ о Духѣ. Если же именуется Сынъ, то—въ Сынѣ Отецъ, и Духъ—не внѣ Слова. Ибо одна благодать совершается изъ Отца черезъ Сына въ Духъ Св.“ Приведа эти слова, онъ прибавляетъ: „здѣсь можно видѣть, что Духу Св. приписывается такая связь съ Сыномъ, какая у Отца съ Сыномъ. Слѣдовательно, какъ связь Сына съ Отцомъ, кромѣ тожества сущности, включаетъ и начало,—такъ и связь Духа Св. съ Сыномъ.“

Конечно, цѣль Аѳанасія показать, что такая же связь существуетъ между Духомъ Св. и Сыномъ, какая между Сыномъ и Отцомъ, но онъ понимаетъ, что эта связь установлена только въ отношеніи природы, а не также и въ отношеніи начала. Намѣреніе у него было доказать, что Троица нераздѣльна и едина въ Себѣ (эти послѣднія слова іезуитъ нарочно пропустилъ,) такъ что, разумѣется, какъ въ Отцѣ—Сынѣ и въ Сынѣ Духъ Св., такъ обратно, въ Сынѣ—Отецъ, въ Духѣ Св.—Сынъ. Это единеніе и нераздѣльность, конечно, указываютъ только связь въ отношеніи тожества сущности, какъ равно и прибавляетъ тотчасъ Аѳанасій къ приведеннымъ словамъ слѣдующія, одинаково съ умысломъ опущенныя іезуитомъ: „и одно—божество, и одинъ—Богъ, Который надъ всѣми, черезъ всѣхъ, черезъ все и во всемъ.“ Это вытекаетъ также изъ того, что дальше присоединяетъ Аѳанасій: „такъ и Павелъ говоритъ: свидѣтельствуюсь передъ Богомъ и Иисусомъ Христомъ, какъ не научившійся отдѣлять отъ Сына Духа, который былъ такъ въ Христѣ, какъ Сынъ въ Отцѣ.“ И такъ, Аѳанасій никоимъ образомъ не относитъ ту связь лицъ, о которой онъ теперь говоритъ, также и къ отношенію начала.

¹⁾ Циховій вопр. III стр. 29.

Приводить снова означенный авторъ изъ того же посланія (листъ 193): „такъ какъ Отецъ есть источникъ, а Сынъ поэтому называется рѣкою, то мы, которые оттуда пьемъ, оказываемся поющими Духа Св., а испивая Духа, пьемъ Христа.“ И присовокупляетъ: „вотъ Сынъ называется рѣкою въ отношеніи того Самаго Духа, въ отношеніи Котораго Отецъ называется источникомъ. И такъ,—какъ Отецъ называется источникомъ по началу, такъ по тому же началу Сынъ, истекающій изъ источника, называется рѣкою Духа Св.:—ибо водѣ такъ же необходимо вытекать изъ рѣки, какъ вытекаетъ рѣка изъ источника.“ Но въ приведенномъ мѣстѣ, какъ мы видѣли выше въ цѣломъ его видѣ, Аѳанасій имѣлъ въ виду доказать единство сущности Сына и Св. Духа. Поэтому онъ доказываетъ, что все, что ни приписывается Сыну, приписывается и Св. Духу. И между приписываемыми свойствами ставить также и свойство быть рѣкою: какъ Сынъ—рѣка, такъ точно и Духъ Св.—рѣка. Если мы, когда пьемъ Духа Св., пьемъ Христа, а Христосъ—рѣка, то слѣдуетъ, чтобы рѣкою, которая есть Христосъ, былъ и Духъ Св. Слѣдовательно, Аѳанасій называетъ здѣсь Сына рѣкою отнюдь не по отношенію къ Духу Св., и поэтому все, что отсюда иезуитъ ни заключалъ, не имѣетъ значенія.

Наконецъ, приводитъ все тотъ же иезуитъ изъ того же посланія слѣдующее мѣсто (стр. 199): „при существованіи въ Троицѣ такого единства, кто станетъ отдѣлять либо Сына отъ Отца, либо Духа Св. отъ Сына, или Его Отца? Или кто скажетъ, что Отецъ другой сущности съ Сыномъ, или что Духъ Св. инородный съ Сыномъ?“ И прибавляетъ отъ себя: „пусть опять замѣтятъ, что Сынъ называется неотдѣлимымъ отъ Отца, а Духъ Св.—отъ Отца и Сына, хотя одинаково и Сынъ—неотдѣлимъ отъ Духа Св., какъ отъ Отца. Почему же такъ говорится? Не иная мнѣ представляется причина, какъ та, что здѣсь рѣчь идетъ о неотдѣлимости, вытекающей изъ начала. Такъ какъ Сынъ ведетъ начало отъ одного только Отца, поэтому и называется неотдѣлимымъ отъ Отца, безъ всякаго упоминанія о Духѣ Св., а такъ какъ Духъ Св. ведетъ начало отъ Отца и Сына, или черезъ Сына, поэтому и называется неотдѣлимымъ отъ Сына и Его Отца. Да и какимъ

образомъ Духъ Св.—не инородный отъ Сына, или не гость Сына (что собственно и значить греческое *ξένος*), если онъ приходитъ къ Сыну со стороны (отъиному) и если Онъ не дышется Самимъ Сыномъ?“

Но ничего опять-таки этимъ іезуитъ не добаживаетъ. Могъ, конечно, Аѳанасій сказать, что Сынъ отъ Отца, а Духъ отъ Отца и Сына не отдѣляется въ отношеніи порядка: ибо Сынъ считается вторымъ отъ Отца, а Духъ Св. послѣ Отца и Сына. По этому самому не начало хотѣлъ обозначить Аѳанасій, но только въ порядкѣ ипостасей показать, что одна сущность Отца и Сына и Духа Св. Это вытекаетъ хотя бы изъ того, что онъ говоритъ: „или кто скажетъ, что Отецъ—другой сущности отъ Сына, или Духъ Св.—инородный Сыну?“ Вѣдь здѣсь онъ не прибавляетъ снова, что Духъ Св.—инороденъ Отцу и Сыну. Между тѣмъ, если бы Аѳанасій хотѣлъ этимъ самымъ указать начало, то, слѣдуя Латинянамъ, онъ упомянулъ бы объ Одномъ только Отцѣ, или объ Отцѣ и Сынѣ. Наконецъ, какимъ это образомъ, если Духъ Св. не исходитъ отъ Сына, Онъ будетъ инородный, или *ξένος* Сына? Но объ этомъ говорилось выше.

И не въ иномъ смыслѣ тамъ же употребилъ слово *ξένος* Аѳанасій, какъ въ значеніи—кого—нибудь различной и другой сущности. Вѣдь это его подлинныя слова: „или кто скажетъ, что Отецъ—другой сущности отъ Сына, или что Духъ Св. инороденъ (чужой) Сыну?“ Конечно, онъ хотѣлъ доказать одну и ту же сущность Отца, Сына и Св. Духа, или одну Ихъ природу. Слѣдовательно, говоря, объ Отцѣ и Сынѣ, что Они одной, а не другой сущности,—Аѳанасій въ томъ же смыслѣ прибавляетъ уже также о Сынѣ и Духѣ Св., что и Духъ Св. не инородный Сыну, т. е. не другой сущности. Поэтому онъ и предпосылаетъ: „или—кто столь безразсуденъ, что скажетъ что Троица не равна въ Себѣ, или различной природы?“ И вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: „или что Отецъ—другой сущности отъ Сына, или что Духъ Св.—инороденъ Сыну?“ Изъ этого опять-таки вытекаетъ, что слово инородный (*ξένος*) Аѳанасій беретъ здѣсь не для иной цѣли, какъ что бы имъ обозначить различную и не одну и ту же природу.

Настаиваютъ еще Латиняне: Аѳанасій называетъ Духа Св. дѣйствованіемъ (ἐνεργεία) Сына. Такъ въ посланіи къ Серапіону противъ утверждающихъ, что — Духъ Св.—тварь (т. I, стр. 195), онъ говоритъ: „такъ какъ одинъ Сынъ есть живое Слово, то должна быть одна та совершенная и полная, освящающая и просвѣщающая жизнь, т. е. дѣйствованіе и даръ Его, которая (т. е. жизнь) называется исходящею отъ Отца.“ Такъ же, кромѣ Аѳанасія, учитъ и *Кириллъ Александрійскій* въ XXXIV утверженіи своего „сокровища“ (т. V ч. I стр. 343): „если же, хотя Духъ Св. призвалъ его къ апостольству, онъ утверждаетъ, что призванъ Христомъ Иисусомъ, то этимъ Онъ показываетъ ясно, что Духъ Св. не чуждъ сущности Сына, но въ Самомъ Сынѣ и изъ Него, какъ нѣкоторое природное дѣйствованіе, могущее исполнить все, что Онъ хочетъ.“ Опять тамъ же (стр. 315): „Духъ Св. есть нѣкоторое природное дѣйствованіе и живое, такъ сказать, качество божества Сына.“

Отсюда и настаиваетъ іезуитъ *Петавій*, въ VII кн. „о Троицѣ“, гл. V ном. 12: „а дѣйствованіе должно быть мыслимо такое, которое не въ видѣ случайнаго переходитъ, но прочное и устойчивое. Отсюда ясно, что такимъ образомъ обозначается начало и произведеніе. Это познается изъ того, что Сынъ называется силою и энергіей вѣчнаго Отца, что, безъ сомнѣнія, выражаетъ и природное Его начало. Это свидѣтельствуетъ Кириллъ въ VI изъ діалоговъ о Троицѣ. Притомъ божественный Давидъ, признавая Сына живою и ипостасною силою и дѣйствованіемъ Отца, молился, говоря: прикажи, Боже, силѣ Твоей, утверди, Боже, то, что совершилъ въ насъ. А премудрый Павелъ прямо проповѣдовалъ Христа, Божью силу и Божью премудрость. И въ первой книгѣ „Сокровища“ сказано: Сынъ есть живое и существенное (субстанціальное) дѣйствованіе, и сила, и мудрость Отца. И такъ, если Сынъ называется энергіей Отца не по иной причинѣ, какъ потому, что происходитъ отъ Отца,—такъ и Духъ Св., потому что такъ же называется энергіей Сына, отъ Него ведетъ начало, что прямо выясняетъ Кириллъ, толкуя, что ἐξ ὁυτοῦ, т. е. отъ Сына быть, значить то же, что быть Его ἐνεργεία.“ Вотъ что говорятъ Латиняне.

Но, во *первыхъ*, неправда, будто потому Кириллъ назвалъ Сына дѣйствованіемъ (*ἐνέργεια*) Отца, что Онъ происходитъ отъ Отца;—онъ обозначаетъ этимъ словомъ только то, что Отецъ все совершаетъ черезъ посредство Сына, такъ что Сынъ поэтому есть субстанціальное дѣйствованіе Отца въ отношеніи того, что Богомъ создается, а не въ отношеніи своего происхожденія отъ Отца. Это становится очевиднымъ, если мы рассмотримъ хотя бы другое мѣсто Кирилла изъ VI діалога о Тройцѣ. Такъ тамъ (т. V, стр. 615) онъ говоритъ: „какъ Онъ (Сынъ) есть образъ Отца, и мудрость, и слава, и блескъ, и начертаніе, такъ будетъ считаться Онъ силою, черезъ которую Онъ былъ, есть и будетъ творцомъ всѣхъ тварей. Ибо все черезъ Него стало, и безъ Него не стало ничего. Подобно тому, какъ нѣкоторые механическіе художники, напр. литейщики, или опытные рѣсчики изъ камня не иначе совершаютъ произведенія своего искусства, какъ собственною рукою, прилагая при производствѣ собственное стараніе и знаніе,—на такомъ же основаніи, полагаю, и Богъ Отецъ совершитъ то, что Онъ предположитъ совершить созидательною силою, черезъ силу Сына, какъ черезъ Свою собственную. Поэтому божественный Давидъ, признавая Сына живымъ ипостаснымъ дѣйствованіемъ, молился, говоря“ и пр. На такомъ же точно основаніи Отцы называютъ также и Духа Св. дѣйствованіемъ Сына; очевидно, потому, что Сынъ дѣйствуетъ во всемъ въ Духѣ или черезъ Духа, а не потому, что Тотъ отъ Него исходитъ. Что такова именно мысль Кирилла, станетъ очень яснымъ, если мы взвѣсимъ приведенное мѣсто изъ XXXIV утвержденія его „Сокровища.“ Здѣсь онъ аргументируетъ противъ утверждающихъ, что Духъ Св. — тварь слѣдующимъ образомъ: „Павель, хвалясь тѣмъ, что совершенно черезъ Него Спасителемъ на пользу народовъ, такъ говоритъ: имѣю хвалиться въ Иисусѣ Христѣ предъ Богомъ и не смѣю что-нибудь сказать о томъ, чего не совершаетъ черезъ меня Христосъ для послушанія народовъ словомъ и дѣлами, въ силѣ знаменій и чудесъ, въ силѣ Духа Св. И такъ, если Христосъ совершаетъ черезъ Павла знаменія въ силѣ Духа Св., то, слѣдовательно, Духъ Св. есть нѣкоторая природная и живая сила и, такъ сказать, качество божества Сына. А если это такъ, то какъ можетъ быть тварью то, что въ Богѣ

и отъ Бога по природѣ? Или какъ можетъ быть помѣщена въ твари вся сила Сына? Впрочемъ объ этомъ и подумать—чрезвычайное нечестіе.“ Равнымъ образомъ, значить, и Кириллъ называетъ Духа Св. дѣйствованіемъ Сына въ виду того, что Сынъ совершаетъ все въ Духъ Св. Это же вытекаетъ и изъ другого выше приведеннаго мѣста Кирилла: „если Сынъ, говоритъ онъ, призвалъ къ апостольству Павла,—если опять Духъ Св. призвалъ апостола,—то это ясно показываетъ, что Духъ Св. не чуждъ сущности Сына, но—въ Немъ и изъ Него, и какъ бы нѣкоторое природное дѣйствование (ἐνέργεια), могущее исполнить все, что Онъ желаетъ.“ Петавій же настаивалъ, что Кириллъ толкуетъ энергію въ его смыслѣ: „Кириллъ, говоритъ онъ, такъ какъ то, что совершаетъ Сынъ, совершаетъ Духъ Св., ясно показываетъ, что Духъ Св. не чуждъ Сыну, но—въ Немъ изъ Него, какъ бы нѣкоторое природное дѣйствование (энергія).“ Но эти слова отнюдь не допускаютъ только тотъ непремѣнно смыслъ, который придаетъ имъ Петавій; на самомъ дѣлѣ, какъ мы ниже докажемъ по поводу словъ Кирилла, смыслъ его въ данномъ случаѣ такой: такъ какъ то, что совершаетъ Сынъ, совершаетъ и Духъ Св., то это ясно показываетъ, что Духъ Св. не чуждъ Сына, но есть въ сущности Сына, изъ Сына намъ дается и что потому-то, когда дѣйствуетъ Сынъ, дѣйствуетъ также и Духъ Св., какъ природное дѣйствование Сына.

Возражаютъ еще: Аванасій учить, что Сынъ есть источникъ Св. Духа. Такъ въ книгѣ „о явленіи Бога Слова во плоти (т. I твореній стр. 600) онъ говоритъ: „Давидъ, воспѣвая Бога, говоритъ: потому что у Тебя есть источникъ жизни, въ свѣтѣ Твоемъ увидимъ свѣтъ. Ибо онъ зналъ, что у Отца Сынъ есть источникъ Духа Св.“ Подобно тому и Епифаній въ ереси LXIX (Аріанъ), ном. LIV, говоря о посланіи иностасей, замѣчаетъ: „Онъ—пославшій и посылаемый, что бы показать, что одинъ источникъ всѣхъ благъ, т. е. Отецъ. Затѣмъ—отъ источника не въ иномъ смыслѣ, но въ смыслѣ Сына и Слова, такъ какъ одинъ источникъ Слова, изъ источника происшедшій Сынъ, всегда существующій, у Отца рожденный: Ибо у Тебя источникъ жизни.“ *Амеросій* также въ I кн. о Духѣ Св., гл. XIX: „теперь пойми,

что какъ Отецъ—источникъ жизни, такъ и Сына многіе называютъ источникомъ жизни, обозначеннымъ тѣмъ, что у Тебя, говоритъ, Боже всемогущій, Твой Сынъ есть источникъ жизни, т. е. источникъ Духа Св., ибо Духъ Св. есть жизнь, какъ говоритъ Господь: слова, которыя Я сказалъ, суть Духъ и жизнь, ибо гдѣ жизнь, тамъ и Духъ Св. Однако многіе полагаютъ, что здѣсь источникомъ обозначенъ только Отецъ, хотя видятъ, что поминало Писаніе, которое говоритъ: у Тебя источникъ жизни, т. е. у Отца Сынъ, потому что у Бога — Слово, Которое было въ началѣ и было у Бога. Но разумѣетъ ли кто въ этомъ мѣстѣ подъ источникомъ Отца, или Сына, мы, конечно, разумѣемъ источникъ не той воды, которая—тварь, но божественной благодати, т. е. Духа Св. Онъ именно — вода живая;—поэтому Господь говоритъ: если бы ты знала даръ Божій и кто тебѣ говоритъ: дай мнѣ пить,— ты просила бы у Него, и Онъ далъ бы тебѣ воду живую. Этой воды жаждала душа Давида.“ Наконецъ, *Иоаннъ Златоустъ* въ словѣ о таинствѣ крещенія ¹⁾ (томъ V твореній, Англійскаго изданія, стр. 684): „вслѣдствіе этого и Спаситель показываетъ, что Онъ — источникъ жизни и живая вода.“

Дѣйствительно, когда рѣчь идетъ о произведеніи ипостасей, слово источникъ обозначаетъ только начало и произведеніе; въ этомъ смыслѣ столько разъ Отцы учатъ, что одинъ только Отецъ — источникъ Сына и Св. Духа. Однако часто по аналогіи, когда Духъ Св. раздается или изливается въ сердца вѣрующихъ, въ этомъ смыслѣ называется также и Сынъ источникомъ Св. Духа. Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ поименованные Отцы называютъ Сына источникомъ Св. Духа, а не въ первомъ смыслѣ, по которому источникъ обозначаетъ производителя.—*Василій* въ посланіи ²⁾ къ Амфилохію, въ гл. VIII, прямо указалъ, что Сынъ называется источникомъ только во виѣ (*ab extra*): „вслѣдствіе многообразной, говоритъ онъ, щедрости по отношенію къ намъ, которую Онъ по богатству благодати въ разнообразной своей муд-

¹⁾ см. I гл., IV вѣкъ въ концѣ.

²⁾ Это не посланіе, а цѣлая книга въ XXX гл.; въ изданіи Гарнье оно названо твореніе (*επιγραμματα*) и помѣщено передъ посланіями.

рости доставляет нуждающимся, Писаніе обозначаетъ Его безчисленными наименованіями,—иногда называя его пастыремъ, царемъ, иногда --врачемъ, наконецъ,—женихомъ, путемъ, дверью, источникомъ, хлѣбомъ, сѣкирою, скалою. Но эти названія не являютъ природу, но, какъ я только что говорилъ, истину благодати, дѣйствующей въ насъ всеми способами, которую по любви къ Своему созданію Онъ удѣляетъ, сколько каждому нужно.“ Отсюда и *Амвросій* также въ слѣдующей ХХ гл. ясно называетъ Духа Св. источникомъ не менѣе, чѣмъ называлъ имъ раньше Сына: „даже и въ этомъ, говоритъ онъ, Писаніе предупредило насъ.-- Ибо Сынъ Божій говоритъ: кто пьетъ отъ воды, которую Я дамъ ему, въ томъ будетъ источникъ воды, текущей въ жизнь вѣчную. Этотъ источникъ, конечно, есть духовная благодать:—рѣка, выходящая изъ живого источника. Источникъ жизни также Духъ Св. Ты видишь въ этихъ словахъ обозначеніе божественнаго величія, и невѣрующіе не могутъ не признать, что и Христосъ--источникъ, хотя источникомъ называется и Духъ.“—Обозначается, говоритъ *Амвросій*, единство божественнаго величія, когда источникомъ называется и Сынъ, и Духъ Св. Слѣдовательно, въ какомъ отношеніи называется источникомъ Сынъ, въ такомъ же и Духъ Св. Но въ отношеніи произведенія Духъ Св. уже никакъ не можетъ быть названъ источникомъ Себя Самого: поэтому равнымъ образомъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ только изліянія, когда Сынъ называется источникомъ Духа Св. Тоже, затѣмъ, вытекаетъ изъ словъ, которыя въ указанной рѣчи *св. Златоустъ* непосредственно прибавляетъ къ прочимъ: „видишь, какъ Онъ свидѣтельствуетъ о нераздѣльности сущности? Спаситель говоритъ: если кто жаждетъ, пусть идетъ ко Мнѣ и пьетъ; вѣрующій въ Меня, какъ говоритъ Писаніе, рѣки изъ чрева его потекутъ воды, идущей въ жизнь вѣчную. И вслѣдъ затѣмъ заключаетъ евангелистъ *Іоаннъ*, говоря, что такое живая вода: а это сказалъ Онъ о Духѣ Св., Котораго имѣли получить вѣрующіе. Внимайте тщательно: если живая вода—Духъ Св., и Его получаютъ вѣрующіе, то почему Ты сказалъ: если кто жаждетъ пусть идетъ ко Мнѣ, а не сказалъ: если кто жаждетъ, пусть идетъ къ Духу Св.? Но хотя Онъ сказалъ: ко Мнѣ, истину сказалъ. Ибо одинъ источникъ Обоихъ: ибо у Тебя—

источникъ жизни, въ Твоемъ свѣтѣ увидимъ свѣтъ.“ Св. Златоустъ спрашиваетъ: почему, если Духъ Св. — живая вода, Христось не сказалъ: приходите къ Духу Св., но приходите ко Мнѣ? И отвѣчаетъ: ибо — одинъ источникъ Обоихъ, т. е. какъ Сынъ — источникъ, такъ и Духъ Св. Поэтому въ предъидущихъ словахъ Онъ утверждалъ: отсюда является *недѣлимость сущности*. Значить, Златоустъ называетъ Сына источникомъ Св. Духа только по столько, по сколько Духъ Св. изливается въ насъ Сыномъ, и потому, когда онъ вслѣдъ затѣмъ хочетъ показать, кто — источникъ Св. Духа въ отношеніи вѣчнаго произведенія, то именуетъ только Отца, какъ мы и видѣли слова его въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ. ¹⁾ Точно также и *Епифаній*, назвавъ Сына источникомъ, прибавилъ что и Духъ Св. — источникъ. Онъ продолжаетъ: „и что бы показать также и о Духѣ Св.: во свѣтѣ Твоемъ увидимъ свѣтъ; что бы этимъ показать, что свѣтъ — Отецъ и свѣтъ Отца — Сынъ и свѣтъ Духъ Св., и источникъ — изъ источника, изъ Отца и Единороднаго — Духъ Св. Рѣки изъ чрева его потекутъ воды живой, идущей въ жизнь вѣчную. А сказалъ это о Духѣ Св., говоритъ евангеліе.“ — Сказавши, что Сынъ есть источникъ, Епифаній прибавляетъ, что то же оказывается относительно Духа Св., т. е. что и Духъ Св. — источникъ живой воды, какъ и Сынъ, — замѣчая ясно, что Духъ Св. источникъ изъ источника. Слѣдовательно, онъ называлъ Сына источникомъ Св. Духа не на иномъ основаніи, какъ потому, что Онъ изливаетъ Духа Св. въ сердца вѣрующихъ. Поэтому — то въ одномъ и томъ же смыслѣ говорить, что Духъ Св. источникъ изъ источника, — изъ Отца и Единороднаго, ибо одинаково съ Отцомъ и Сынъ изливаетъ Духа Св. на вѣрующихъ. Такимъ образомъ, во всемъ этомъ мѣстѣ Епифаній говорить только о посланіи ипостасей.

Отсюда также Отцы вездѣ называютъ Св. Духа источникомъ Своихъ собственныхъ даровъ. *Василій Великій* въ V кн. противъ Евномія (въ концѣ, т. II твореній, стр. 141): „источникъ также и Самъ (Духъ Св.) указанныхъ благъ.“ И въ посланіи СССІ: „Духа Св., имѣющаго существованіе отъ Бога, источникъ святости.“ *Иоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. „Православной вѣры,“ гл. X: „Этотъ

¹⁾ см. гл. I, вѣкъ IV въ концѣ.

Духъ отъ Бога—прямой и главный источникъ мудрости, жизни и святости.“ Конечно, изліяніе Духа Св. есть дѣло виѣшнее; слѣдовательно, Самого Себя изливаетъ Духъ Св. въ сердца вѣрующихъ, какъ подробно было выяснено въ гл. VШ, гдѣ доказывалось, что посланіе Духа Св. Сыномъ не служитъ аргументомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Такимъ образомъ, совершенно основательно Духъ Св. можетъ быть названъ источникомъ Самого Себя. Наконецъ, и Аѳанасій въ выставленныхъ Латинянами словахъ не иначе называлъ Сына источникомъ Духа Св. — Онъ училъ передъ тѣмъ, какъ Христосъ обѣщаль дать приходящимъ къ Нему воду для утоленія ихъ жажды, говоря Самарянкѣ: „если бы ты знала даръ Божій и кто тебѣ говоритъ: дай мнѣ воды напиться, ты у Него попросила бы, и Онъ далъ бы тебѣ воды живой,“ т. е. Св. Духа. По этой причинѣ, замѣчаетъ Аѳанасій, Давидъ называетъ Сына источникомъ Св. Духа. Вотъ подлинныя слова Аѳанасія: „въ евангеліи приходящимъ въ жаждѣ Сынъ обѣщаетъ, что дастъ имъ воду, говоря такъ Самарянкѣ: если бы ты знала даръ Божій и кто тебѣ говоритъ: дай мнѣ напиться воды, ты бы у Него просила, и Онъ далъ бы тебѣ живой воды. И не много послѣ говоритъ ей: всякій, кто пьетъ эту воду, снова почувствуетъ жажду,—а кто станетъ пить отъ воды, которой я дамъ ему, не захочетъ пить вѣчно, но вода, которую Я ему дамъ, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизни вѣчную,—и по этой причинѣ Давидъ говоритъ: потому что“ и пр. А передъ тѣмъ Аѳанасій училъ, что Духъ Св. не сходитъ на Христа при крещеніи, потому что въ такомъ случаѣ раньше, чѣмъ крестился, Онъ Его не имѣлъ бы, и доказываетъ затѣмъ это тѣмъ, что Самъ Христосъ даетъ намъ Духа Св. и потому называется источникомъ Св. Духа. Такимъ образомъ, Аѳанасій называетъ Сына источникомъ Св. Духа только въ отношеніи изліянія во внѣ.

Но нѣкій изъ іезуитовъ ¹⁾ настаиваетъ: „что бы кто-нибудь не сказалъ, что Сынъ называется здѣсь источникомъ Св. Духа во внѣ, а не во внутреннемъ отношеніи, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, Какого Духа Св. источникомъ называетъ Св. Аѳанасій Сына? Того, разумѣется, какъ явствуетъ изъ послѣдующихъ словъ,

¹⁾ Циховій вопр. VI стр. I.

Котораго величаютъ Серафимы и Херувимы возгласами: святъ, святъ, святъ;—Того, во имя Котораго, равно какъ во имя Отца и Сына, мы крестимся и дѣлаемся сынами Божиими, — Который вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ есть Господь Саваоѣъ. Очевидно, что это — третье лицо Пресвятой Троицы (источникомъ Котораго нѣкоторые Св. Отцы называютъ Отца).“ Какъ будто бы не Тотъ Самый Духъ и въ насъ изливается, тогда какъ это столько разъ ясно подтверждаетъ св. Писаніе, когда, напр., учитъ, что Тотъ же Духъ, Который отъ Отца исходитъ, къ намъ посылается, или на насъ изливается! Какимъ же образомъ, когда Аванасій здѣсь учитъ, что Тотъ Духъ, Которому поклоняются ангелы, Который вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ есть Господь Саваоѣъ, Сыномъ изливается, или что Сынъ — Его источникъ, — необходимо было-бы изъ-за этого понимать это внутреннимъ образомъ, а не во внѣ (ad intra, а не ad extra)? И Сынъ Божій, конечно, посланъ былъ въ міръ, — Сынъ Божій, Котораго прославляютъ Херувимы и Серафимы пѣснью: святъ, святъ, святъ, — во имя Котораго, равно какъ и во имя Отца и Духа Св., мы крестимся и дѣлаемся сынами Божиими, — Который вмѣстѣ съ Отцомъ и Св. Духомъ есть Господь Саваоѣъ. Очевидно, что это — второе лицо Св. Троицы. Но развѣ изъ-за этого посланіе Сына Божія въ міръ должно понимать, какъ дѣло внутреннее, а не внѣшнее? Нелѣпость! Не иначе, какъ во времени совершилось это посланіе, когда Сынъ Божій родился отъ Пресвятой Дѣвы, или Слово стало плотью. Объ этомъ говорилось выше, въ VШ главѣ.

Отцы, наконецъ, называютъ Отца источникомъ Духа Св., но употребляютъ слово *источникъ* въ двоякомъ смыслѣ: смотря по ходу мысли, они принимаютъ его въ отношеніи Отца то въ смыслѣ временнаго изліянія, то въ смыслѣ вѣчнаго произведенія, какъ это было показано. Между тѣмъ Сына Отцы называютъ источникомъ Св. Духа только въ смыслѣ временнаго изліянія.

Настаиваетъ еще тотъ же ¹⁾ авторъ: „слѣдуетъ спросить у противниковъ: почему, когда Отецъ называется источникомъ Духа Св., то это понимается ad intra и ad extra (какъ внутреннее и какъ

¹⁾ Циховій, вопр. VI стр. 68.

внѣшнее дѣло),—а когда Сынъ назывался источникомъ Того же Духа, то это понимается только, какъ дѣло внѣшнее (*ad extra*)? Почему также объ Отцѣ для того, что бы Онъ былъ раздавателемъ Духа Св., должно предположить, что—Онъ—источникъ Его внутреннимъ образомъ (*ad intra*), а о Сынѣ этого предположить не слѣдуетъ? Почему, наконецъ, когда говорится, что Духъ Св. изливается Отцомъ, когда говорится, что Отецъ изливаетъ или даетъ Духа Св. изъ Себя, понимается это внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ (*ad intra* и *ad extra*); а когда тѣ же говорится о Сынѣ,—почему это не обозначаетъ того же? Какимъ образомъ Сынъ можетъ дать Св. Духа изъ Себя, какъ нѣсколько разъ говорить Аванасій, если не потому, что Онъ служитъ Его началомъ существеннымъ (субстанціальнымъ) и природнымъ?“

Но что касается *перваго*, то мы не говоримъ, что вездѣ, гдѣ Отцы учатъ объ Отцѣ, какъ источникѣ Св. Духа, понимается это вмѣстѣ дѣломъ внутреннимъ и внѣшнимъ, но сообразно со смысломъ рѣчи объяснять это нужно или объ источникѣ *ad intra*, или *ab extra*. Въ отношеніи же Сына слово источникъ принимается только *ab extra* потому, что сами слова св. Отцовъ показываютъ, что они говорятъ объ изліяніи Духа Св. внѣшнемъ. Что касается *второго*, то для того, что бы Отецъ былъ раздавателемъ Св. Духа, предполагается, что Онъ есть Его источникъ *ad intra*; но отсюда нѣтъ никакой необходимости заключать, что для того, что бы и Сынъ былъ раздавателемъ Св. Духа, должно предположить, что и Сынъ также есть источникъ Св. Духа *ad intra*. Ибо и для того, чтобы Отецъ послалъ Сына въ міръ, должно предполагать, что Отецъ есть источникъ Сына *ad intra*; однако для того, что бы Духъ Св. послалъ Сына, нисколько не должно предполагать, что Духъ Св. также есть источникъ Сына *ad intra*. Но объ этомъ подробно говорено въ главѣ, гдѣ выяснено, что посланіе Духа Св. Сыномъ не есть доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына¹⁾.

Что касается *третьяго*, то не вездѣ, гдѣ говорится, что Духъ Св. изливается Отцомъ, полагается это *ad intra* и *ad extra* но сообразно съ мыслию Отцовъ, понимается это или въ томъ, или

¹⁾ см. гл. VIII, отв. VIII.

въ другомъ отношеніи. На томъ же основаніи, когда говорятъ, что Духъ Св. изливается Отцомъ, то понимается, что Духъ Св. Отцомъ изливается и *ad intra*, и *ad extra*; но когда говорятъ, что Духъ Св. изливается Сыномъ,—то только *ad extra*,—на какомъ, когда говорятъ,—Сынъ посылается Отцомъ, понимается, что Сынъ посылается Отцомъ и внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ, а когда Сынъ посылается Духомъ Св., понимается что Онъ посылается только *ad extra*. Далѣе, когда говорятъ, что Отецъ даетъ Духа Св. изъ Себя, то неправильно іезуитъ утверждаетъ, будто восточные понимаютъ смыслъ этого положенія такъ, что Духъ Св. дается Отцомъ вмѣстѣ и *ad intra*, и *ad extra*. Само дѣло говорить, что это можно толковать только относительно дарованія во времени. А какимъ образомъ Сынъ можетъ подавать Св. Духа изъ Себя, хотя не въ отношеніи начала, доказано выше.

Наконецъ, выставляютъ Латиняне слѣдующее мѣсто изъ П слова Аѳанасія противъ Арія (т. I, стр. 357): „это говорилъ Іудеямъ Господь, какъ человекъ; но показывая Свое божество и величіе ученикамъ, Онъ, заявляя, что Онъ не меньше Св. Духа, а старше и равенъ, давалъ Духа и говорилъ: получите Духа Св.; и: Я Его посылаю; и: Онъ меня прославитъ“. Видите ли, говорятъ Латиняне, Аѳанасій сказалъ, что Сынъ—старше Св. Духа? Но Отецъ -- старше Сына, потому что Онъ—причина Сына, слѣдовательно, въ томъ же смыслѣ и Сынъ старше Духа Св., т. е. что Онъ—производитель Духа Св.

Дѣйствительно, Отцы часто учатъ, что Отецъ потому называется старше Сына, что Онъ причина Сына. Это говорятъ: *Василій Великій* въ I кн. противъ Евномія (т. III, стр. 35). (не приводимъ самихъ словъ вслѣдствіе длинноты изрѣченій); *Григорій Богословъ*, слово XXXVI и XL; *епископы Сардійскаго собора* въ синодскомъ посланіи къ епископамъ всего міра (у *Феодорита*, II кн. Церковной исторіи гл. VI); *Анастасій Синаитъ* въ кн. I о догматахъ вѣры (стр. 697, т. VI Кельнской библіотеки Отцовъ); *Авторъ* книги о Тройцѣ, обыкновенно приписываемой Св. Кириллу Александрійскому, гл. VШ и XVШ; *Іоаннъ Дамаскинъ*, кн. I, гл. IX—, „православной вѣры;“ кн. IV гл. XIX кн. „о двухъ въ

Христѣ воляхъ и дѣйствованіяхъ“ гл. VП; *Теофилактъ* въ комментаріи на евангеліе отъ Іоанна, гл. XIV; наконецъ, *Никита* въ „сокровищѣ православной вѣры“, кн. II, гл. XXXIV (т. XII Кельнской бібліотеки Отцовъ, ч. I, стр. 519) и кн. V, гл. XLVП (тамъ же, стр. 600).

Между тѣмъ *Августинъ* никоимъ образомъ не допускаетъ, что Отецъ называется старше Сына въ отношеніи причины. Такъ въ кн. II о Тройцѣ, въ гл. I онъ говоритъ: „есть нѣкоторыя выраженія въ Писаніи объ Отцѣ и Сынѣ, изложенныя такъ, что показываютъ, что Сынъ ниже (меньше) по формѣ раба, т. е. по воспріятому творенію измѣняемой человѣческой сущности,— почему Онъ и говоритъ: ибо Отецъ Мой больше Меня. Есть затѣмъ такія выраженія, которыя показываютъ, что Онъ и не меньше и не равенъ, но выставляютъ только, что Онъ отъ Отца, какъ напр., слѣдующее: какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Себѣ, такъ далъ и Сыну имѣть жизнь въ Себѣ“. И черезъ нѣсколько строкъ: „изъ этого правила, по которому Писаніе такъ выражается, что хочетъ показать не то, что Одинъ меньше Другого, а только — Кто отъ Кого, нѣкоторые пришли къ такой мысли, будто Сынъ называется меньшимъ“. Поэтому *Августинъ* порицалъ и у *Донатистовъ*, какъ нелѣпое, такое убѣжденіе, потому что въ то время, какъ они вѣрили, что Сынъ единосущенъ съ Отцомъ, нѣкоторые изъ нихъ однако говорили, что Отецъ больше Сына.— Такъ въ посланіи L онъ пишетъ: „Донатисты этого не говорятъ, но признаютъ одну сущность Тройцы, и хотя нѣкоторые изъ нихъ сказали, что Сынъ меньше Отца, однако не отрицали, что Онъ — той же сущности“. Какого бы мнѣнія въ настоящемъ случаѣ ни держались (вопросъ этотъ сюда не относится, хотя мы основательно слѣдуемъ въ немъ нашимъ восточнымъ Отцамъ), несомнѣнно, что нигдѣ никогда никто не училъ, что Сынъ больше Св. Духа въ отношеніи причины. Напротивъ, когда *Новаціанъ* сталъ учить, что Сынъ старше Св. Духа, то *Іеронимъ* за это обвинялъ его въ ереси, какъ объяснено въ главѣ о свидѣтельствахъ западныхъ Отцовъ по поводу словъ *Іеронима* ¹⁾.

¹⁾ См. гл. IV, вѣкъ IV.

Отсюда никакимъ доводомъ нельзя доказать, что въ приведенномъ мѣстѣ Аѳанасій хотѣлъ сказать, что Сынъ больше Духа Св. въ отношеніи причины. Ибо развѣ изъ того, что Сынъ въ отношеніи причины меньше Отца, можетъ слѣдовать, что въ божествѣ одно лицо можетъ быть больше другого не иначе, какъ только въ отношеніи причины? Конечно, и Сынъ меньше Отца въ отношеніи человѣчества, а не только въ отношеніи вѣчнаго рожденія. Какъ называетъ Аѳанасій Сына большимъ Духа Св., видно изъ самихъ его словъ. Именно—онъ учитъ, что Духъ Св. больше Сына Божія, когда Тотъ по человѣчеству Своему получилъ силу Св. Духа; въ свою очередь Сынъ—больше Духа Св., когда раздаетъ Его апостоламъ и другимъ вѣрующимъ. Такимъ образомъ, Аѳанасій доказываетъ, что и Сынъ больше Св. Духа, и въ свою очередь и Духъ Св. больше Сына. Слѣдовательно, какъ не думаетъ Аѳанасій, что Духъ Св. просто больше, Сына, а только,—что Онъ больше Сына Божія по человѣчеству, такъ равно не думаетъ Онъ, что Сынъ просто больше Св. Духа, а только по стольку, по скольку Духъ Св. посылается Сыномъ, т. е., очевидно, по дарамъ Духа Св., о чемъ много говорилось въ главѣ о посланіи Духа Св. Сыномъ. ¹⁾ И отсюда, какъ сказано, Аѳанасій только въ отношеніи временнаго посланія Св. Духа, а не вѣчнаго Его произведенія (что однако слѣдовало бы отмѣтить, если бы у Св. Отца была мысль, что Сынъ больше Св. Духа въ отношеніи причины) ясно прибавляетъ, что Духъ Св. меньше Сына: „показывая, говоритъ онъ, Свое божество и величіе ученикамъ, Онъ, выражая, что Онъ уже не меньше Духа, но больше и равенъ Ему, давалъ Духа и говорилъ: получите Духа Св.; и: Я Его посылаю; и: Онъ Меня прославить“. И продолжаетъ: „и такъ, какъ здѣсь Самъ Господь, податель Духа Св., не стѣсняется говорить, что Онъ, какъ человѣкъ, изгоняетъ бѣсовъ въ Духѣ Св.; такъ же точно не стѣсняется Тотъ же податель Св. Духа о Себѣ объявлять: Духъ Господа на Миѣ, ради чего помазалъ Меня.“ Слѣдуетъ отмѣтить выраженія: „здѣсь Самъ Господь, податель Духа, не стѣсняется говорить“ и пр.; и: „такъ не стѣсняется Тотъ же податель Духа Св.“ и пр. Конечно, этими словами Аѳанасій даетъ понять, что потому, что Господь

¹⁾ См. гл. VIII отв. VII.

есть раздаватель Духа Св., онъ понималъ въ предъидущемъ выраженіи, что Сынъ больше Св. Духа; а отсюда, такъ какъ Онъ раздаватель Духа, ясно, что когда Спаситель говоритъ, что Онъ помазанъ Духомъ Св., то это нужно понимать только по человѣчеству.

Но на это нѣкто ¹⁾ возражаетъ: „оказывается запертымъ обычное убѣжище во внѣ (ad extra), такъ какъ безъ очевиднаго аріанства нельзя сказать, что въ дѣйствіяхъ во внѣ одно божественное лицо больше другого“. Но хотя въ отношеніи самаго дѣйствія во внѣ одно лицо не больше другого лица: ибо одно и одинаковое дѣйствіе трехъ ипостасей; однако въ посланіяхъ во внѣ правильно одно лицо называется большимъ другого сообразно съ тѣмъ, въ отношеніи чего посылается одно лицо другимъ. Такъ Отецъ называется большимъ Сына, потому что послалъ Его по человѣчеству; Духъ Св.—больше Сына, потому что Онъ помазалъ Его по человѣчеству, какъ полагалъ Аѳанасій. Но посланіе Сына Божія и помазаніе Его,—конечно дѣла внѣшнія. Равнымъ образомъ, хотя ни по какому дѣлу во внѣ Сынъ не больше Духа Св. по божеству, однако Онъ больше Его потому, въ отношеніи чего Духъ Св. посылается Сыномъ. Ибо кто когда бы то ни было отрицалъ, что Сынъ Божій больше даровъ Духа Св.? Поэтому ясны, конечно, слова Аѳанасія, которыми онъ учитъ, что въ отношеніи временнаго посланія Сынъ больше Духа Св., какъ уже доказано. Наконецъ, явнымъ оказывается аріанствомъ, если изъ за того, что Духъ Св. посылается Сыномъ, дѣлаютъ выводъ, что Сынъ по божеству больше Духа Св.—Это для всякаго ясно.

Вотъ все, что Латиняне обыкновенно приводятъ изъ Аѳанасія для доказательства своего мнѣнія.

IX.

Изъ Дидима Александрійскаго.

Изъ *Дидима Александрійскаго*, приводятъ Латиняне, во первыхъ, изъ II кн. о Духѣ Св. слѣдующія слова: „такъ какъ Онъ — не отъ Себя, но отъ Отца и отъ Меня: то самое, чѣмъ Онъ является и чтó говоритъ, у Него отъ Отца и отъ Меня.“ Опять

¹⁾ Циховій, вопр. III, стр. 13.

эти слова: „т. е. выходящее отъ истины, Утѣшитель, вытекающій отъ Утѣшителя, Богъ отъ Бога, Духъ истины исходящій.“ Но въ главѣ о поврежденіяхъ, произведенныхъ въ писаніяхъ восточныхъ Отцовъ, было доказано, что эти слова злонамѣренно Латинянами внесены въ текстъ Дидима. ¹⁾

Далѣе ссылаются на слѣдующее мѣсто изъ II кн. о Духѣ Св.: „Духъ Св., будучи Духомъ и Духомъ мудрости, не можетъ, когда говорить Сынъ, слышать то, чего не знаетъ, потому что Онъ есть то самое, что произносится Сыномъ“.—Слѣдовательно,—если Духъ Св. произносится Сыномъ, значитъ отъ Него и исходить. Но Дидимъ говоритъ: „такъ какъ Онъ есть то самое, что произносится Сыномъ“ не въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, въ какомъ онъ только что сказалъ: „то, что является и говорить, это Я—истина говорю.“ Разумѣется, такъ какъ Духъ Св. Самъ истина, а истину говоритъ Сынъ, то, несомнѣнно, тѣ, что Сынъ говорилъ и, говоря, произносилъ (выражалъ), было Духъ Св. Поэтому, что таковъ смыслъ словъ Дидима, признаетъ и *Рахраманъ*, монахъ Корбетскій, во II кн. „объ исхожденіи Духа Св. противъ восточныхъ,“ гл. V (т. XII колосницы (Spicilegium) древнихъ писателей, стр. 48), гдѣ онъ говоритъ: „говоря: такъ какъ Онъ есть то самое—подразумѣваетъ (Дидимъ):—Духъ; что произносится Сыномъ, то есть,—что говорить Сынъ.“ Но отсюда тотъ же *Рахраманъ* выводитъ: „если то, что говорить Сынъ, есть Духъ Св., какъ свидѣтельствуешь этотъ учитель, то нельзя отрицать, что Духъ исходить отъ Сына: ибо рѣчь Сына исходить отъ Сына.“ Нелѣпо! конечно и то, что говорить Духъ Св., истина. Но Сынъ Божій—истина,—слѣдовательно, Сынъ есть то, что произносится Духомъ. Опять-таки рѣчь Духа Св. исходить отъ Духа, развѣ поэтому Сынъ Божій исходить отъ Духа Св.? И то, что Христосъ говорилъ, какъ человѣкъ, было истина; поэтому-то Духъ, также рѣчь Его, изъ человѣческихъ устъ исходилъ; такъ развѣ Духъ Св., имѣетъ причину Своего существованія отъ человѣческихъ устъ Христа? Конечно, не звукъ словъ Христа былъ Духомъ Св., а сила, значеніе этихъ словъ. Но не станемъ останавливаться на очевидныхъ вещахъ.

¹⁾ См. гл. II, поврежд. IX, X, XI.

Выставляют, наконецъ, изъ II кн. Дидима слѣдующее мѣсто: „и не иное что есть Сынъ, за исключеніемъ того, что Ему дается Отцомъ, и не иная сущность Духа Св., за исключеніемъ того, что дается Ему Сыномъ“. Но почему такъ учить Дидимъ, показано въ главѣ о томъ, что полученіе Духа Св. Сыномъ не есть доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына. ¹⁾

Х

Изъ Кирилла Иерусалимскаго.

Изъ XVII оглашенія *Кирилла Иерусалимскаго* приводятъ Латиняне слѣдующія слова: „Одинъ только есть и Тотъ же Духъ, освящающій и существующій лично, вездѣ соприсущій Отцу и Сыну; не образующійся черезъ говореніе или выдыханіе изъ устъ и губъ Отца и Сына, не разливаемый въ воздухъ, но ипостасный.“ Притомъ въ греческомъ текстѣ читается не: „не образующійся изъ устъ и губъ Отца и Сына черезъ говореніе,“ а: „образующійся изъ устъ и губъ Отца, или Сына черезъ говореніе.“ Гдѣ же тутъ Кириллъ учить, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына? Отрицаетъ, конечно, онъ, что Духъ Св. выдувается въ воздухъ изъ устъ Отца, или Сына;—но онъ не прибавляетъ, или отсюда нельзя вывести, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына. Развѣ, отрицая, что Духъ Св. сотворенъ Отцомъ, или Сыномъ я этимъ даю понять, что Онъ исходитъ вмѣстѣ отъ Отца и Сына? Хорошо поэтому оказывается *Белларминъ*, настаивая во II кн., гл. XXV, „о Христѣ.“ „здѣсь Кириллъ не сказалъ бы, что (Духъ Св.) не образуется тѣлеснымъ образомъ изъ устъ Отца и Сына, если бы не вѣровалъ, что Онъ какимъ-нибудь образомъ выдыхается Отцомъ и Сыномъ. Вѣдь достаточно было сказать: не образуется изъ устъ Отца. Слѣдовательно, Кириллъ хочетъ сказать, что Духъ Св. есть Духъ Отца и Сына и исходитъ отъ Обоихъ,—но способомъ духовнымъ и невыразимымъ.“ Но могъ, конечно, Кириллъ для того сказать: Духъ Св. не разливается въ воздухъ и изъ устъ Сына, что бы кто-нибудь не подумалъ,—что Духъ Св.—тварь Сына, или что Онъ—Духъ Сына, не существующій ипостасно Самъ по Себѣ. Уже было доказано, что изъ отрицанія, что Духъ Св. разливается Сыномъ въ воздухъ, нельзя выводить заключеніе, что Онъ отъ Сына исходитъ.

¹⁾ См. гл. XII, отв. II.

XI

Изъ Василия Великаго.

Изъ твореній *Василія Великаго* выставляють Латиняне въ защиту своего мнѣнія, прежде всего, изъ V кн. противъ Евномія тѣ слова, въ которыхъ объ Отцѣ говорится, что Онъ произвелъ Духа черезъ свои уста. Далѣе,—то мѣсто, гдѣ онъ учитъ, что Духъ Св. не есть сынъ Сына не потому, что—Онъ не отъ Отца черезъ Сына. Затѣмъ, изъ слова противъ Савеллианъ—мѣсто, гдѣ говорится, что Сынъ—отъ Отца, Духъ Св.—отъ Бога. Но эти заявленія мы уже опровергали въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ по поводу словъ Василия. ¹⁾

Приводятъ еще изъ III кн. противъ Евномія (въ началѣ) тѣ слова, въ которыхъ говорится, будто Духъ Св. отъ Сына имѣетъ бытіе, отъ Него беретъ и совершенно зависитъ отъ Него, какъ отъ причины. Но въ главѣ о поврежденіяхъ, въ писаніяхъ восточныхъ Отцовъ, произведенныхъ Латинянами, было доказано, что это мѣсто самымъ беззастѣнчивымъ образомъ было внесено въ творенія Василия. ²⁾

Но помимо этого приводятъ еще изъ II кн. противъ Евномія (подъ конецъ) мѣсто, которое, какъ самое главное свидѣтельство въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына, Беккъ въ своемъ „сводѣ мнѣній Отцовъ объ исхожденіи Св. Духа“ помѣстилъ въ самомъ началѣ, что бы имъ, какъ бы ударомъ молніи, поразить ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца. Вотъ это мѣсто Василия (т. II твореній, стр. 77): „кому же изъ всѣхъ не извѣстно, что никакое дѣйствіе Сына не отдѣляется отъ Отца и что нѣтъ въ вещахъ ничего, что бы было въ Сынѣ и было бы чуждо Отцу. Все, говоритъ (Господь), Мое—Твое и Твое—Мое. И такъ, какимъ образомъ причину Духа онъ (Евномій) приписываетъ Одному только Единородному и для установленія природы Перваго беретъ Его же твореніе? Если такимъ образомъ онъ говоритъ это, вводя два противныхъ одно другому начала, то онъ будетъ сокрушенъ съ Манихемъ и Маркіономъ. Если же онъ относитъ то, что есть, къ одной

¹⁾ См. гл. I, вѣкъ IV.

²⁾ См. гл. I, поврежденіе XII.

причинѣ, то тó, что называется созданиемъ Сына, относится къ первой причинѣ; какъ и мы вѣруемъ, что все приведено къ бытію Богомъ Словомъ, однако мы не отрицаемъ, что Богъ вселенной есть причина всего.“

На основаніи этого мѣста Латиняне настаиваютъ: слова Василія здѣсь ясно показываютъ, какъ онъ приписываетъ причину Духа одному только Единородному.—Выходить, не Одинъ только Сынъ, но и Отецъ, и поэтому равнымъ образомъ не Одинъ только Отецъ, но и Сынъ произвелъ Св. Духа.

Къ приведенному мѣсту *Белларминъ* прибавляетъ: „конечно, Василій, доказывая, что не только Сынъ есть причина Св. Духа, но также и Отецъ, такъ какъ все, что имѣетъ Сынъ, имѣетъ Отецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ учитъ, мало того, принимаетъ за извѣстное, что причина, какъ говорятъ Греки, Духа — Сынъ.“

Но слѣдуетъ признать, что черезчуръ ужъ слѣпотствуютъ Беккъ, Григорій Протосинкель, Белларминъ и цѣлый полкъ Латинянь и латинствующихъ Грековъ, задумавши выставять эти слова Василія въ опроверженіе того, что мы говоримъ. Допустимъ сначала, что смыслъ словъ: „какимъ образомъ онъ приписываетъ причину Св. Духа одному только Сыну,“ такой, какой они имъ хотятъ придать, именно: „какимъ образомъ Одному только Сыну Божію онъ приписываетъ причину Духа Св., конечно, Бога?“ И такъ, Василій, желая опровергнуть Евномія, который утверждалъ, что Духъ Св. произведенъ однимъ только Сыномъ, доказываетъ, во первыхъ, что то, что совершаетъ Сынъ, совершаетъ и Отецъ; поэтому, если Сынъ произвелъ Духа Св., то произвелъ Его также и Отецъ. Указывая на это, Василій говоритъ: „какъ же онъ (Евномій) приписываетъ причину Св. Духа одному только Сыну?,“ когда, конечно, по ученію Евномія, выходитъ, что и Отецъ такъ же, а не только Сынъ произвелъ Духа Св.—Но, затѣмъ, Василій продолжаетъ: „и такъ, если Евномій говоритъ это, вводя два противныя между собою начала, то онъ будетъ сокрушенъ съ Манихеемъ и Маркіономъ.“ Между тѣмъ Василій доказывалъ, что изъ мнѣнія Евномія слѣдуетъ, что Духъ Св. произведенъ Отцомъ и Сыномъ. Слѣдовательно, тутъ онъ ясно заявляетъ, что тотъ, кто учитъ, что Духъ Св. произведенъ Отцомъ и Сыномъ, вводитъ два начала Св.

Духа и поэтому осужденъ вмѣстѣ съ Маркіономъ и Манихеями. Дѣйствительно,—Василій говорилъ: „какимъ образомъ одному только Сыну приписываешь причину Св. Духа?“ Но такимъ способомъ онъ приводитъ еретика къ невозможному, доказывая, что изъ его мнѣнія слѣдуетъ заключеніе, что не только Сынъ, но и Отецъ—причина Св. Духа. „Если это, прибавляетъ Василій, Евномій говорить,“ т. е. если говорить, что вмѣстѣ съ Сыномъ и Отецъ—причина Св. Духа, то такимъ образомъ онъ вводитъ два начала и подлежитъ осужденію вмѣстѣ съ Маркіономъ. И такъ, какъ же смѣютъ Латиняне выставять противъ восточныхъ эти слова, которыя, если имѣютъ такой смыслъ, какой сами Латиняне имъ самодовольно придаютъ, то все ихъ ученіе осуждено, такъ какъ Василій ясно здѣсь учитъ, что если и Отецъ, и Сынъ произвелъ Духа Св., то вводятся два начала, двѣ причины Св. Духа, и тотъ, кто это утверждаетъ, подлежитъ осужденію вмѣстѣ съ Маркіономъ и Манихеями... Но мы охотно сознаемся, что этотъ смыслъ Латинянь здѣсь никоимъ образомъ не имѣетъ мѣста, хотя, если бы онъ дѣйствительно здѣсь содержался, то это, какъ сказано, не только не повредило бы нашему ученію, но скорѣе разрушило бы все ученіе Латинянь.

Конечно, Василій раньше приведенныхъ Латинянами словъ приводилъ слѣдующее выраженіе Евномія: „онъ пойметъ, что, дѣйствительно, Сынъ есть тварь Нерожденнаго, а Утѣшитель—Единороднаго.“ Поэтому съ цѣлью опровергнуть эту мысль еретика, богохульствовавшаго, что Сынъ сотворенъ Отцомъ, а Духъ Св. въ свою очередь, какъ тварь, сотворенъ тварью Сыномъ, Василій сталъ аргументировать такъ: такъ какъ никакое дѣйствіе не отдѣляется отъ Отца, то по необходимости все что сотворилъ Сынъ, сотворилъ и Отецъ; если, слѣдовательно, Сынъ сотворилъ Духа Св., то Духъ Св., конечно, есть также и тварь Отца, и поэтому изъ ученія Евномія съ необходимостью слѣдуетъ, что не только тварь—Сынъ произвелъ Духа Св. но и Богъ—Отецъ. „Какимъ же образомъ, замѣчаетъ тутъ Василій, ты приписываешь одному только Единородному причину Св. Духа?“ т. е. когда изъ ученія твоего необходимо вытекаетъ, что Духа Св., кромѣ твари—Сына, произвелъ также и Отецъ? Отсюда Василій продолжаетъ: а если Евномій это утверждаетъ, если,

повторяю, онъ говоритъ, что Духъ Св. произведенъ не только тварью—Едироднымъ, но и Богомъ Отцомъ, какъ это вытекаетъ изъ его ученія,—то онъ уже полагаетъ два противныя между собою начала Духа Св., именно: Бога и тварь—Сына, и потому будетъ сокрушень съ Маркіономъ и Манихемъ.—Вотъ истинный смыслъ приведенныхъ словъ Василія. Далѣе, онъ продолжаетъ: а если Евномій думаетъ, что все происходитъ отъ одной причины, въ такомъ случаѣ, конечно, тѣ, что онъ называетъ созданіемъ твари—Сына, т. е. Духа Св., онъ относитъ къ этой первой причинѣ, поэтому Онъ не будетъ сотворенъ Сыномъ, Божіею тварью, а произведенъ Самимъ Богомъ. Отсюда, хотя и мы—каѳолики вѣримъ, что все сотворено Сыномъ Божіимъ, однако вмѣстѣ съ тѣмъ вѣримъ, что все сотворено также и Богомъ и потому, говоря, что все сотворено Однимъ Богомъ, Отцомъ и Сыномъ, полагаемъ не два начала, разные между собою, но оно только, Вотъ что въ данномъ мѣстѣ хочеть сказать Василій. Какъ же Латиняне выставляютъ противъ насъ выраженіе Василія: „какимъ образомъ онъ (Евномій) одному только Единородному приписываетъ причину Духа Св.,“ когда тотъ этимъ только доводитъ еретика до невозможнаго и когда смыслъ этихъ словъ такой: „какъ ты приписываешь одному только Сыну—твари причину Св. Духа?“

Какимъ образомъ, далѣе Беллярминъ допуская, будто Василій доказывалъ, что Отецъ и Сынъ—причина Духа Св. тѣмъ, что Отецъ имѣетъ все то, чтѣ—и Сынъ,—между тѣмъ какъ тотъ только аргументировалъ такъ противъ еретика, богохульствовавшего, что Духъ Св. сотворенъ Однимъ только Сыномъ?! Пусть это будетъ судомъ надъ тѣмъ, чтѣ отсюда выводитъ столько разъ нами упомянутый іезуитъ ¹⁾, принимая за доказанный смыслъ, придаваемый обыкновенно Латинянами выше приведеннымъ словамъ Василія. Но, кромѣ того, онъ замѣчаетъ: „наконецъ, если бы этотъ св. архіерей думалъ, что Духъ Св. производится Однимъ только Отцомъ, то несомнѣнно онъ тутъ открылъ бы свою мысль. Въ самомъ дѣлѣ, этого въ высокой степени требовалъ споръ: онъ однимъ словомъ заградилъ бы уста еретикю, если бы изъ словъ: отъ Отца исходить—заключилъ, что очень далеко до того,

¹⁾ Циховій вопр. VI стр. 46.

что бы Духъ Св. произведенъ былъ однимъ только Сыномъ (какъ утверждалъ Евномій),—что скорѣе нужно сказать, что Духъ Св. производится не Сыномъ и не черезъ Сына, а непосредственно Однимъ только Отцомъ. А такъ какъ св. Отецъ этого не сдѣлалъ ни здѣсь, ни гдѣ бы то ни было, то очевидно, что онъ настолько различался отъ Фотіанъ, насколько различаются положенія: исходить отъ Одного только Отца и исходить также и отъ Отца.“ Но развѣ между Василиемъ и Евноміемъ шелъ споръ о томъ, исходитъ ли Духъ Св. отъ Сына или, произведенъ ли Богъ—Духъ—Богомъ Сыномъ, что бы Василій долженъ былъ доказывать, что Духъ Св. исходитъ не отъ Одного только Сына, но—отъ Отца? Вѣдь Евноміи училъ, что Духъ Св. сотворенъ тварью—Сыномъ. Противъ этого, очевидно для всякаго, Василій доказывалъ весьма ясно и основательно: если Богомъ Отцомъ и тварью—Сыномъ сотворенъ Духъ Св., то окажутся два противныя начала Духа Св. Слѣдовательно, какое же основаніе такъ разсуждать: могъ бы Василій это мнѣніе Евномія опровергнуть, если бы сталъ учить, что Духъ Св. не сотворенъ Сыномъ, а исходитъ отъ Одного только Отца, и потому, такъ какъ онъ этого не отрицалъ, то значить и не вѣровалъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца? Отсюда мы имѣемъ полное право обратить тотъ же аргументъ противъ іезуита: почему, спрашивается, Василій, что бы опровергнуть еретика, богохульно учившаго, что Духъ Св. сотворенъ Сыномъ, не отвѣтилъ, если самъ онъ вѣрилъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, заявленіемъ, что Духъ Св. не сотворенъ Сыномъ, а исходитъ отъ Него. Несомнѣнно, отвѣтивъ такъ, Онъ двумя словами восторжествовалъ бы надъ ученіемъ еретика. И такъ, кто не видитъ всеї тщеты возраженія іезуита?

Выставляютъ, затѣмъ, изъ V кн. противъ Евномія—гл. XI (т. II твореній Василія, стр. 120) слѣдующія слова: „рѣчь Бога—Сынъ, слово же Сына—Духъ Св.“ Но, говорятъ, Сынъ есть *Λόγος* Отца потому, что Имъ рожденъ; слѣдовательно, по той же причинѣ также и Духъ будетъ словомъ Сына, т. е. потому, что отъ Сына исходитъ.

Дѣйствительно Сынъ Божій называется *Λόγος*, потому что родился отъ Отца; такъ учить самъ *Василій* въ бесѣдѣ на слова евангелія отъ Іоанна: „въ началѣ было Слово“ (т. I твореній, стр. 506): „почему, говоритъ онъ, Сынъ называется *Λόγος*? что бы видно

было, что Онъ проиходитъ изъ ума.“— *Августинъ* также въ словѣ СХС о времени (т. X твореній) говоритъ: „Сынъ Божій называется Словомъ: ибо Онъ всегда въ Отцѣ и отъ Отца, и ничего Отецъ безъ Него ни приказалъ, ни сдѣлалъ.“ И *Кириллъ Александрійскій* въ I кн. толкованій на евангеліе отъ Іоанна, гл. V (т. IV твореній, стр. 46): „Λόγος и мудрость (называется Сынъ), потому что изъ ума и въ умѣ ближайшимъ образомъ и не раздѣльно.“

Разумѣется, Сынъ есть слово не устъ, но ума, подобно тому какъ и мы, размышляя или понимая, образуемъ себѣ воспріятіе мыслимой или понятой вещи, которое называется умственнымъ словомъ. Такъ и вѣчный Отецъ, понимая и обнимая свою сущность, произвелъ вѣчное слово. Но *Василій* назвалъ Духа Св. не Λόγος — слово, мысль Сына (латинское sermo), а ρῆμα — слово, звукъ) (латинское verbum), чтó, конечно, не одно и то же. Латинскіе Отцы не положили различія между Λόγος и ρῆμα, но желая выразить Сынъ—Λόγος употребляютъ только слово verbum. Поэтому-то они никогда не называли Духа Св. словомъ (verbum) Сына, такъ что въ этомъ пунктѣ авторитетъ латинскихъ Отцовъ ни сколько намъ не мѣшаетъ. Ибо довольно часто случалось, что Латиняне не совсѣмъ правильно переводили, или понимали Греческія слова, какъ это видно изъ слова ὑποστάσις: полагая, что оно значитъ—сущность (substantia), ужасались, что допускаютъ три сущности—οὐσίαις въ Богѣ,—не хотѣли также уступить, что въ Богѣ три иностаси, или subsistentiae. Словомъ же (ρῆμα, verbum Filii) Сына Духъ Св. называется на томъ основаніи, на какомъ Христосъ говоритъ: „слова, которыя Я говорю, суть духъ и жизнь,“—когда, конечно, понимается, что Сынъ Божій говоритъ во внѣ (ad extra), т. е. людямъ. Равнымъ образомъ, значитъ, только въ отношеніи того, что намъ говоритъ Сынъ, а не въ отношеніи вѣчнаго произведенія, и называется Духъ Св. словомъ Сына.

Приводитъ нѣкто ¹⁾ изъ кн. „о Духѣ Св. противъ Амфилохія,“ гл. XVШ, листъ 331 — слѣдующее: „какъ Сынъ относится къ Отцу, такъ къ Сыну—Духъ, согласно съ порядкомъ, переданнымъ въ крещеніи Богомъ Словомъ.“—Но даже сами эти эти слова показываютъ,

¹⁾ Циховій въ указанномъ мѣстѣ.

что мысль у Василія такая: какъ Сынъ соединяется съ Отцомъ въ въ одной и той же божественной сущности, съ Отцомъ во всемъ одинаковый и единосущный, такъ равно и Духъ Св. соединяется съ Сыномъ въ одной и той же божественной сущности, будучи съ Сыномъ во всемъ одинаковый и единосущный. И это, конечно, видно изъ того, что для доказательства своихъ словъ: „какъ Сынъ находится по отношенію къ Отцу, такъ Духъ къ Сыну,“ Василій напоминаетъ порядокъ, переданный въ крещеніи,—именно, Сынъ заповѣдалъ крестить: „во имя Отца, Сына и Св. Духа,“—и этими словами выражается, конечно, одно и то же нераздѣльное Ихъ божество, а не то, что какъ отъ Отца родился Сынъ, такъ, какъ бы черезъ нѣкоторыя ступени отъ Сына исходитъ Духъ Св.

Присоединяетъ тотъ же авторъ ¹⁾ и слѣдующее выраженіе Василія изъ XVII бесѣды противъ Савеллія (т. I листъ 523): „Отецъ прославляетъ Сына, такъ и Сынъ принимаетъ Духа Св. въ общеніе съ Самимъ Собою и съ Отцомъ.“ И замѣчаетъ: „эти слова очевиднѣйшимъ образомъ приписываютъ Сыну производительную силу относительно Св. Духа, ибо какъ иначе могъ бы быть принять Духъ Св. Сыномъ въ общеніе Отца и Сына, какъ не черезъ начало (произведеніе)?“—Василій здѣсь никоимъ образомъ не хочетъ сказать, что Сынъ далъ Духу Св. возможность быть въ общеніи съ Отцомъ и Сыномъ,—ибо скорѣе Сынъ имѣетъ отъ Отца возможность быть въ общеніи съ Отцомъ и Духомъ Св., чѣмъ Отецъ получаетъ отъ Сына возможность имѣть въ своемъ общеніи Духа Св. Между тѣмъ смыслъ словъ Василія тотъ, что какъ Отецъ прославляетъ Сына, такъ и Сынъ прославляетъ Духа Св., уча, что Духъ Св. находится въ общеніи съ Отцомъ и съ Нимъ Самимъ; у Василія принятіе Сыномъ Духа Св. въ общеніе съ Отцомъ и съ Собою представляетъ ученіе Сына, что Духъ Св. состоитъ въ общеніи съ Тѣмъ и Другимъ, что Сынъ выражаетъ, присоединяя Его въ заповѣди о крещеніи: „во имя Отца, Сына и Св. Духа.“ И такъ, приведенныя слова Василія должно понимать здѣсь не въ отношеніи начала, а въ отношеніи только ученія о Духѣ.

¹⁾ Циховій вопр. VI, стр. 45.

Выставляютъ изъ кн. I о Духѣ Св., гл. XVII (т. II стр. 190): „Духъ Св., какъ утѣшитель, выражаетъ въ Себѣ Самомъ благодѣтельность Утѣшителя, Которымъ посланъ, и въ Своемъ собственномъ достоинствѣ — достоинство Того, изъ Кого вышелъ.“ Но гдѣ же здѣсь говорится, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына? Развѣ необходимо подразумѣвать Сына, когда св. Отецъ говоритъ: „отъ Котораго выходитъ Духъ Св.“ Удобно послѣднія слова объяснять въ отношеніи Отца, такъ что бы смыслъ словъ Василія былъ: Духъ Св. выражаетъ благодѣтельность Сына, Которымъ посланъ, и достоинство Отца, отъ Котораго Самъ вышелъ; тѣмъ болѣе, что по гречески стоитъ: отъ Котораго Духъ Св. *вышелъ* (*προῦλθε*), — слова, которыя опять-таки нѣтъ никакой необходимости понимать въ смыслѣ вѣчнаго исхожденія.

Нѣкто ¹⁾ присовокупляетъ слова изъ кн. о Св. Духѣ, гл. XVIII, листъ 334: „естественная благодѣтельность и сообразно природѣ святость и царственное достоинство отъ Отца черезъ Единороднаго истекаетъ на Духа Св.“ И замѣчаетъ: „вотъ какъ ясно признаетъ (Василій), что и Сынъ есть источникъ Духа Св. внутреннимъ образомъ *ad intra*), когда говоритъ: естественная благодѣтельность и природная святость истекаетъ на Духа Св. отъ Отца черезъ Единороднаго.“ Но этимъ Василій сказалъ то же, что — Духъ исходитъ отъ Отца черезъ Сына; а въ какомъ отношеніи это говорится, такъ что отсюда вовсе не слѣдуетъ, что Сынъ есть источникъ Духа Св. внутреннимъ образомъ (*ad intra*), мы видѣли въ самомъ началѣ настоящей главы, — именно: Духъ Св. исходитъ отъ Отца послѣ рожденія Сына. Точно такъ же и здѣсь Василій, указывая основаніе порядка произведенія Духа Св., говоритъ, что отъ Отца черезъ Сына истекаетъ на Духа Св. благодѣтельность, святость и природное достоинство.

Наконецъ, выставляютъ Латиняне въ защиту своего мнѣнія мѣсто изъ XVII бесѣды Василія „о св. крещеніи“ (т. I твореній, стр. 511): по божественному преданію слѣдуетъ признать „одного Отца, одного же Сына и одного также Духа Св.— И не должно говорить, что—два Отца, ни два Сына, потому что Духъ не есть, и не называется Сыномъ; ибо отъ Духа мы не получаемъ что-либо такъ, какъ получаетъ отъ Сына Духъ, но когда

¹⁾ Циховій вопр. I. стр. 2.

Онъ къ намъ приходитъ и освящаетъ, мы воспринимаемъ и общеніе божества, и сообщенное обладаніе усыновленія и залогъ вѣчнаго наслѣдства, и начатки вѣчныхъ благъ.“ Настаиваютъ вотъ на чемъ: Василій здѣсь отрицаетъ, что Духъ Св. получаетъ отъ Сына такъ, какъ мы получаемъ отъ Духа. Но отъ Духа Св. мы получаемъ сотворенное, слѣдовательно, — не сотворенное, а нѣчто божественное получаетъ Духъ Св. отъ Сына: ибо все, что ни есть, либо сотворено, либо божественно. Если же Духъ Св. получаетъ отъ Сына божественное, то получаетъ и бытіе (сущность), и потому Онъ исходитъ и отъ Сына. И это мѣсто, какъ главное свидѣтельство въ пользу утвержденія мнѣнія Латинянъ приво- дилъ во Флоренціи *Іоаннъ Провинціалъ* въ XXI засѣданіи Флорентинскаго Собора; и затѣмъ многіе спорили по поводу этихъ словъ Василія.

Но, *во первыхъ*, если даже и уступить, что смыслъ словъ Василія такой: мы не получаемъ отъ Духа что-либо такимъ образомъ, какимъ Духъ получаетъ отъ Сына, — отсюда еще не вытекаетъ ничего противъ каѳолической истины. Ибо въ какомъ смыслѣ говорится о Духѣ Св., что Онъ получаетъ отъ Сына, выяснено въ особой главѣ ¹⁾, — именно говорится о Духѣ Св., что Онъ получаетъ отъ Сына то, что намъ открываетъ, или даритъ, по единству сущности; слѣдовательно, не существенно (субстанціально) божественное, или бытіе получаетъ Духъ Св. отъ Сына, а дары знанія, благодати, мудрости и иные, которые, конечно, сотворены, а не несотворены. Скажутъ: мы именно сотворенное получаемъ отъ Духа Св.—Но здѣсь св. Василій Великій отрицаетъ, что мы что-либо получаемъ такъ, какъ получаетъ Духъ Св. отъ Сына; такимъ образомъ нужно сказать, что Василій тутъ сосредоточиваетъ неравенство не въ томъ, что или каковое мы получаемъ, а въ томъ, какъ мы его получаемъ, т. е. въ способѣ, которымъ мы получаемъ отъ Духа то же, что Онъ получаетъ отъ Сына. О Духѣ говорится, что Онъ получаетъ по единству сущности и ученія, какъ было доказано въ упомянутой главѣ; а мы, конечно, отнюдь не получаемъ отъ Духа Св. того же по единству сущности и ученія, какъ всякому понятно.

Но, *во вторыхъ* совершенно ложно, будто слова Василія нужно переводить такъ: мы не получаемъ что-либо отъ Духа, какъ Духъ отъ Сына, такъ какъ по гречески стоитъ: *ὡσπερ ἀπὸ τοῦ*

¹⁾ Гл. XII, отв. I.

Ἰσοῦ τὸ Πνεῦμα, причѣмъ τὸ Πνεῦμα нужно принимать не въ именительномъ, а въ винительномъ падежѣ. Такимъ образомъ смыслъ словъ Василія оказывается вотъ какой: „ибо мы не получаемъ что-нибудь отъ Духа, какъ отъ Сына (получаемъ) Духа,“— что весьма основательно возразилъ Маркъ, архіепископъ Ефесскій, на XXII засѣданіи Флорентинскаго Собора. Дѣло это такъ ясно, если хорошенько вникнуть въ слова Василія, что самъ латинскій переводчикъ твореній Василія (т. I, стр. 511) читаетъ это мѣсто такъ: должно признавать не двухъ Сыновъ, потому что Духъ не есть Сынъ и Сыномъ не называется. Ибо отъ Духа мы не получаемъ кого-нибудь, какъ отъ Сына—Духа, но воспринимаемъ Его Самого, къ намъ приходящаго и освящающаго, и вмѣстѣ съ Нимъ общеніе божества, участіе въ усыновленіи сынами Божиими, залогъ вѣчнаго наслѣдія и начатки будущихъ благъ.“ Притомъ по-гречески здѣсь стоитъ: „ἀλλὰ τὸ προσίόν ἡμῖν καὶ ἀγιάζον ὁποδεχόμεθα“, т. е. „но Самого къ намъ приходящаго и освящающаго принимаемъ;“ а не: „но, когда Онъ къ намъ приходитъ и освящаетъ, принимаемъ“ и пр. И такъ, когда Василій говоритъ: не получаемъ отъ Духа кого-нибудь, какъ ἀπὸ τοῦ Ἰσοῦ το Πνεῦμα (какъ отъ Сына—Духа) и прибавляетъ: но Самого къ намъ приходящаго и освящающаго принимаемъ, то послѣднія слова онъ противопоставляетъ тѣмъ, которыя онъ предпослалъ, т. е. слѣдующимъ: не получаемъ кого-нибудь отъ Сына такъ, какъ отъ Сына τὸ Πνεῦμα (Духа). Слѣдуетъ поэтому, когда онъ говоритъ: но Самого къ намъ приходящаго Духа принимаемъ, что бы этимъ самымъ онъ выразилъ противное и противоположное предъидущимъ словамъ. Но если бы смыслъ предъидущихъ словъ Василія былъ такой: „не получаемъ отъ Сына что-нибудь такъ, какъ отъ Сына—Духъ,“ то какимъ образомъ прибавляя: „но Самого получаемъ къ намъ приходящаго,“ онъ выразилъ бы противное тому, что только что сказалъ? Ибо онъ сказалъ бы: не божественное что-нибудь мы получаемъ отъ Духа, какъ Духъ отъ Сына, такъ какъ получаемъ только сотворенное, а только получаемъ приходящаго Духа. Но это вовсе не вяжется одно съ другимъ, какъ всякому видно.

Затѣмъ, Василій имѣетъ намѣреніе доказать, что Духъ Св. не есть и не называется Сыномъ. Такъ онъ предпосылаетъ: „такъ какъ Духъ не есть и не называется Сыномъ.“ Съ цѣлью это до-

казать, онъ говоритъ: ибо отъ Духа мы и не получаемъ и пр.—И послѣ выписанныхъ выше словъ онъ тотчасъ прибавляетъ: „и такъ, пусть никто внѣ святыни не вводитъ изъ нѣкотораго любопытства эти имена и пусть названія Сына не отвлекаетъ на Духа, но пусть успокоится, удовольствовавшись названіемъ и подобіемъ Духа.“ Слѣдовательно, что бы доказать, что Духъ Св. не есть Сынъ, Василій даетъ то основаніе, что мы не получаемъ отъ Духа кого-нибудь такъ, какъ отъ Сына получаемъ тѣ Пнеѳма (Духа), но получаемъ Самого приходящаго Духа. Какимъ же образомъ, если бы смыслъ словъ Василія былъ такой, какой хотятъ видѣть въ нихъ Латиняне, именно: отъ Духа Св. мы не получаемъ что-нибудь божественное, какъ получаетъ Духъ Св. отъ Сына;—какимъ образомъ, спрашивается, онъ вывелъ бы изъ нихъ, или могъ бы вывести заключеніе, что Духъ Св. не есть Сынъ? Сущая нелѣпость! все равно, какъ если бы заключать: въ углу стоитъ палка, слѣдовательно,—завтра пойдетъ дождь. Поэтому самъ Іоаннъ настаивалъ, что Василій такъ рассуждалъ не для указаннаго вывода, а будто бы онъ хотѣлъ этимъ аргументомъ доказать, что Духъ Св. не получаетъ отъ Сына по образу тварей. Такъ къ приведеннымъ выше словамъ своимъ на XXI засѣданіи Флорентинскаго Собора онъ присовокупляетъ: „такимъ образомъ, сдѣлавши это сравненіе, (Василій) исключаетъ это и опровергаетъ мнѣніе зломысленныхъ, что получать—значитъ быть по образу тварей.“ Великолѣпно! когда, какъ доказано, Василій употребляетъ приведенныя слова только затѣмъ, что бы доказать, что Духъ Св. не есть и не называется Сыномъ!.. И такъ, вотъ въ какомъ видѣ представляется рассужденіе Василія: Духъ Св. не есть и не называется Сыномъ,—ибо если бы Онъ былъ Сыномъ, то необходимо мы должны были бы получить отъ Духа Св. кого-нибудь иного, чѣмъ Онъ; вѣдь св. Писаніе часто учитъ, что отъ Сына мы получаемъ кого-нибудь другого, т. е. отъ Самого Сына получаемъ Духа Св. Но мы знаемъ, что Духъ Св.—одинъ. Слѣдовательно, Духъ Св. не есть и не называется Сыномъ. Поэтому сказавши: „отъ Духа Св. мы не получаемъ кого-нибудь другого, какъ отъ Сына—Духа,“ Василій прибавляетъ: „по воспринимаемъ Его Самого, къ намъ пришедшаго.“

Но такъ какъ греческіе акты Флорентинскаго Собора утверждаютъ, будто Маркъ, архіепископъ Ефесскій, относительно даннаго мѣста Василя обнаружилъ колебаніе, и поэтому Латиняне непрерывъ кричатъ, что Маркъ Ефесскій и вмѣстѣ съ нимъ истина католической восточной Церкви на этомъ Соборѣ потерпѣли поражение, то постараемся разобрать остальные доводы *Іоанна Провинціала* и посмотримъ, дѣйствительно ли тамъ восторжествовали надъ католической истиной, или былъ ли даже Маркъ Ефесскій на счетъ приведенныхъ словъ Василя приведенъ къ молчанію. Дѣйствительно, подъ конецъ Флорентинскаго Собора, когда Маркъ отказался подписать его опредѣленія, самъ папа Евгенийъ заявилъ, что Маркъ колебался, т. е. призналъ свою ошибку. Такъ папа писалъ: „во вторыхъ, объ Ефесскомъ: необходимо, чтобы онъ далъ отчетъ, почему онъ отдѣляется отъ нашего Собора, — вѣдь онъ не умнѣ насъ всѣхъ, такъ какъ мы знаемъ, что онъ самъ путался въ разсужденіяхъ и не въ силахъ былъ отвѣчать на то, о чемъ спрашивалъ его братъ Іоаннъ.“

И такъ, въ XXII засѣданіи по поводу указаннаго выше мѣста Василя Маркъ возражаетъ, доказывая, что τὸ Πνεῦμα нужно принимать не въ прямомъ, а въ косвенномъ падежѣ, на ясныхъ основаніяхъ, которыя мы излагали, сколько могли.

Іоаннъ на это въ первомъ своемъ отвѣтѣ ничего не доказываетъ, а только твердитъ, что τὸ Πνεῦμα нужно понимать въ прямомъ (именительномъ) падежѣ, не приводя никакого основанія своего утвержденія. — Между тѣмъ ему слѣдовало дать удовлетворительное объясненіе на аргументацію Марка, которою тотъ разбивалъ его толкованія текста, такъ что Маркъ Ефесскій снова опровергъ прямое утвержденіе своего объясненія Іоанномъ словъ Василя такъ же легко, какъ легко Іоаннъ его утверждалъ. И продолжаетъ Іоаннъ: „возьмемъ примѣръ такой: не получаетъ кто-нибудь низшаго чина отъ Его Величества Императора такъ, какъ кто-нибудь изъ вельможъ получаетъ отъ Первосвященника (папы), и является, сообразно съ этимъ способомъ сравненія, невозможнымъ что бы это — изъ вельможъ нѣкто — былъ падежъ винительный; слѣдовательно, — необходимо должно быть именительный падежъ слово Духъ

въ выраженіи: какъ отъ Сына Духъ.“ Но и на это отвѣчаетъ довольно основательно Маркъ, доказывая, что слова Василія имѣютъ не такой видъ: „мы не получаемъ отъ Духа Св., какъ отъ Сына *получаетъ* Духъ Св.“ а только: „не получаемъ отъ Духа что-нибудь, какъ отъ Сына *тѣ* Пвѣѡра.“ Значить, примѣръ Іоанна сюда не подходитъ. Затѣмъ, Іоаннъ обращается къ другому. Когда Маркъ прекрасно доказалъ, что смыслъ, указанный Іоанномъ не согласуется съ тѣмъ, что Василій хотѣлъ вывести изъ извѣстныхъ словъ, то Іоаннъ, не останавливаясь на этомъ указаніи, переходитъ къ другимъ соображеніямъ, силясь доказать измышленный имъ смыслъ. Онъ спрашиваетъ: „ты утверждаешь, что мы получаемъ нѣчто, что есть нѣчто иное, чѣмъ Самъ Духъ?“—Но мы получаемъ и не иное отъ Духа Св., и опять-иное. Именно:— когда получаемъ Самого Духа Св., то не получаемъ иного кого-нибудь отъ Духа Св.; когда же Духъ Св., намъ данный, совершаетъ въ насъ свои дары, мы, напротивъ, получаемъ иное отъ Духа Св. И такова была мысль Марка Ефесскаго, когда онъ говорилъ: „мы не иное—что получаемъ Духа Св.“ Поэтому онъ самъ при этомъ замѣчаетъ: „иное, говорю, какъ Духъ иной отъ Сына.“ Ибо это самъ Василій заявлялъ говоря: „но Самого (т. е. не иного кого-нибудь отъ Него) Духа Св., къ намъ приходящаго, получаемъ.“—Слѣдовательно, Іоаннъ говорилъ абсурдъ, замѣтивъ на это: „противъ этого я хочу говорить. Ибо это и невѣрно и противно всему св. Писанію.“ Но пусть судить всякій, кто это читаетъ: представляется ли не возможнымъ, что мы получаемъ отъ Духа Св. не иного, въ себѣ существующаго, но Самого Духа Св., подобно тому, какъ отъ Сына получаемъ не Того же Сына, но нѣкоего иного отъ Сына,—нѣкоего, въ самомъ себѣ существующаго, т. е. Св. Духа? И такъ, Ефесскій архієпископъ правильно отвѣчаетъ Іоанну: „какъ же это невозможно, когда Самъ Іисусъ это утверждаетъ?“ Какъ мы видѣли, Василій это именно и утверждалъ.

И такъ, Іоаннъ настаиваетъ: „спрашиваю тебя: дары Духа Св.—отличны отъ того, что даетъ намъ Духъ Св.“ Отвѣчаю: поскольку мы получаемъ Духа Св., мы получаемъ не иного кого-нибудь отъ Духа Св., но Самого Духа Св., а по скольку вмѣстѣ съ

Духомъ Св. намъ удѣляются дары Его, то эти дары—нѣчто иное отъ Духа Св., и настолько отъ Него отличаются, насколько сотворенное отъ творца,—существующее не само по себѣ—отъ существующаго само по себѣ. Дары Духа Св. существуютъ не сами по себѣ, принадлежа Духу Св. и будучи только Его дѣйствіями. Поэтому точно такъ же отвѣчаетъ Маркъ: „не иные (дары), какъ Сынъ и Духъ,—сами по себѣ существующіе,—какъ существуетъ въ собственной ипостаси Духъ Св.“ Въ латинскихъ актахъ Флорентинскаго Собора, изданныхъ Гораціемъ Юстиніанымъ, вмѣсто этихъ словъ стоитъ: „они (дары) не иные такъ, какъ Духъ иной отъ Сына,“ т. е. не иные дары, существующіе сами по себѣ. На это Іоаннъ говоритъ: „я не спрашиваю, такимъ ли способомъ иные дары Духа Св.“ Въ латинскихъ актахъ: „я этого не спрашиваю, а говорю: дары Духа Св., которые намъ даются, суть тѣ же, что и Духъ Св? Отвѣтъ мнѣ по формѣ на это, не болѣе.“—Но, какъ мы уже сказали, дары Св. Духа—не одно и тоже со Св. Духомъ, но совершенно иное, согласно съ указаннымъ основаніемъ. Поэтому Маркъ возражаетъ: „иное (дары), но не само по себѣ существующее.“ Въ латинскихъ актахъ: „говорю, что дары иное, чѣмъ Духъ Св., однако не говорю, что они сами по себѣ существуютъ.“ Но Іоаннъ настаиваетъ: „иное, чѣмъ Духъ Св., а прежде вы говорили противное, утверждая, что отъ Духа ничего не получается, кромѣ Самого Духа.“—Но не противное мы утверждаемъ вмѣстѣ съ Маркомъ, говоря, что дары иное отъ Духа Св. и въ свою очередь—не иное, т. е. утверждая, что не иного кого-нибудь получаемъ отъ Духа Св.—Ибо, когда говоримъ, что получаемъ иное отъ Духа Св., то смыслъ, конечно, тотъ, что мы получаемъ отъ Духа Св. дары, которые представляютъ собою нѣчто иное отъ Духа Св.; когда же опять утверждаемъ, что мы получаемъ не иное отъ Духа Св., то разумѣемъ, что получаемъ не иного отъ Духа, существующаго самого по себѣ,—именно получаемъ также Самого Св. Духа,—а дары не существуютъ сами по себѣ.—И такъ, отвѣчаетъ Маркъ Ефесскій: „мы можемъ доказать это изъ другого мѣста Василія.“ Въ Латинскихъ актахъ: „такъ, мы получаемъ отъ Духа означеннымъ способомъ; хотя получаемъ дары, но они не суть нѣчто само по себѣ существующее, а иное, чѣмъ

Духъ.“ При этомъ Иоаннъ встаетъ: „спрашиваю у тебя, преподобнѣйшій Отецъ, Тотъ Духъ, Который дается Сыномъ, есть Творецъ, или тварь? Ибо во вселенной есть двое: Творецъ и твари. Духъ Св.—Творецъ, а Его дѣйствования—твари. Развѣ Тотъ Духъ, Котораго Богъ обильно изливаетъ на насъ черезъ Иисуса Христа,—тварь?“ Въместо этого въ латинскихъ актахъ стоитъ: „спрашиваю: даются ли Духомъ Св. дары вмѣстѣ съ Духомъ? Теперь дѣлаю заключеніе. Мы получаемъ и Духа Св., и дары Его. Самъ Духъ Св., Который намъ дается, есть Творецъ, а не тварь,—дары же суть твари. Далѣе,—отъ Духа Св. мы получаемъ и Самого Духа, и дары Его.“ По греческимъ актамъ, на эти вопросы Маркъ будто бы замолчалъ: „Ефесскій же, говорятъ они, молчалъ.“

Но что бы объ этомъ ни думать,—акты латинскіе этого обстоятельства нисколько не отмѣчаютъ. Если бы даже было вѣрно, что Маркъ на это замолчалъ,—отсюда, конечно, ничего иного нельзя заключить, какъ то, что либо Маркъ отказался отвѣчать на вопросы, которые считалъ неумѣстными, либо не имѣлъ готовыхъ отвѣтовъ на эти запросы. Но развѣ изъ за этого можно сказать, что одержана побѣда надъ самою истинною исхожденія Св. Духа отъ Одинаго только Отца, или этимъ былъ доказанъ смыслъ, который стремился Иоаннъ придать извѣстнымъ словамъ Василя. Мы видѣли, что заключаютъ предолженные вопросы, увидимъ затѣмъ, что изъ нихъ выводитъ Иоаннъ, что бы составить отсюда цѣльное сужденіе.—И такъ, по греческимъ актамъ, Иоаннъ продолжаетъ задавать вопросы: „спрашиваю у тебя, во вторыхъ: даются дары Св. Духа съ Самимъ Духомъ, и съ лицомъ и иностаею Того же Духа, или нѣтъ? Въ третьихъ: одни ли и тѣ же дары, которые получаютъ отъ Духа Св.“

Здѣсь Иоаннъ снова нагромождаетъ разные вопросы, которые однако не такъ-то идутъ къ дѣлу: ибо послѣ этихъ вопросовъ онъ дѣлаетъ только выводъ, что дары даются намъ вмѣстѣ съ Духомъ Св.—Что бы отвѣтить на каждый изъ нихъ, скажемъ: несомнѣнно, дары Св. Духа даются вмѣстѣ съ Св. Духомъ, съ Его лицомъ и иностаею, о чемъ подробно говорено въ главѣ, ¹⁾

¹⁾ гл. VIII, отв. VIII.

гдѣ выяснено, что посланіе Духа Св. Сыномъ не есть доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына. Въ свою очередь дары, которые въ насъ совершаетъ Духъ Св., не одни и тѣ же и не одно и то же съ Духомъ Св., о чемъ уже сказано было выше.— На эти вопросы Маркъ, по греческимъ актамъ, снова ничего не сказалъ: „Ефесскій же, не имѣя что отвѣтить, долго молчалъ.“ Но латинскіе акты не упоминаютъ объ этомъ повторенномъ и продолжительномъ молчаніи. Впрочемъ, хотя бы и вѣрно сообщили греческіе акты, объ этомъ молчаніи слѣдуетъ судить согласно сказанному выше.

Греческій императоръ, видя, что вопросы Іоанна не идутъ прямо къ дѣлу, пожелалъ, по сообщенію актовъ греческихъ и латинскихъ, чтобы эти пренія были прекращены. Такъ греческіе акты говорятъ: „и императоръ, опасаясь, что бы рѣчь не зашла о другомъ догматѣ (а мы также не хотѣли, что бы преніе перешло на вопросъ о сотворенномъ и не сотворенномъ), приказалъ это преніе оставить.“ Между тѣмъ Латиняне настаивали на отвѣтѣ. „Но Латиняне стояли на своемъ, требуя отвѣта,“ говорятъ греческіе акты.—Вмѣсто этихъ словъ, Латинскіе акты заключаютъ больше.—Провинціалъ (Іоаннъ): „напротивъ, (вопросы эти) идутъ къ дѣлу, какъ я сейчасъ докажу.“ Императоръ: „мы говоримъ, что они виѣ предложеннаго значенія.“ Провинціалъ: „мы должны дать смыслъ этому въ значеніи“... Кардиналъ: „сказаннымъ Провинціалъ хочетъ доказать, что Πνεῦμα — именительный падежъ;—такимъ образомъ то, что онъ говоритъ, необходимо для дѣла.“ Провинціалъ: „тѣ дары, которые мы получаемъ отъ Духа, не суть Духъ, а они сотворены въ насъ.“ Дѣйствительно, нѣкоторые изъ вопросовъ Іоанна шли къ дѣлу,—онъ хотѣлъ ими опровергнуть смыслъ словъ Василія, установленный Маркомъ; но не было необходимости предлагать столько вопросовъ, да и ничего основательнаго отсюда Іоаннъ не выводилъ. Такъ какъ, затѣмъ, Латиняне настаивали, о чемъ говорятъ акты греческіе и латинскіе, то Ефесскій отвѣтилъ: „извѣстное мѣсто Василія, какъ сомнительно переведенное, не можетъ быть никоимъ образомъ приводимо въ защиту мнѣнія Латинянъ, такъ какъ, кромѣ того, смыслъ его, установленный Іоанномъ, совсѣмъ не согласуется съ текстомъ. Поэтому слѣдуетъ перейти

къ другимъ предметамъ.“ Ефесскій былъ въ данномъ случаѣ правъ, какъ выше доказано. На это Іоаннъ, вмѣсто того, что бы опровергнуть доводы Марка, которыми тотъ доказывалъ, что смыслъ, придаваемый Іоанномъ словамъ Василия, не можетъ быть допущенъ, выводилъ только разныя заключенія изъ своихъ вѣдѣній.

Посмотримъ теперь, что выводилъ оттуда Іоаннъ: „совершенно такимъ способомъ, говоритъ онъ, какимъ мы получаемъ что-нибудь отъ Духа, получаемъ также и отъ Сына: ибо, получая отъ Сына Духа, получаемъ также и дары Духа, и получая (т. е. отъ Духа) дары, мы вмѣстѣ съ дарами получаемъ Духа. И такъ, если мы получаемъ одно и то же и не иное отъ Сына и отъ Духа Св., то какъ Василій могъ бы учить, что мы не иное отъ Духа получаемъ тѣмъ способомъ, какимъ мы получаемъ отъ Сына иное, т. е. Духа.“ Вотъ разсужденіе Іоанна. Но, очевидно, что Іоаннъ ничего не доказываетъ. Мы вмѣстѣ съ Маркомъ говоримъ, что смыслъ словъ Василия такой: мы не получаемъ отъ Духа Св. кого-нибудь иного отъ Духа, существующаго самого по себѣ, подобно тому, какъ отъ Сына получаемъ нѣкоего иного отъ Сына, существующаго самого по себѣ, т. е. Духа Св. Какимъ образомъ, спрашивается, тутъ является противорѣчіе тому, что мы получаемъ одно и то же одинаково отъ Духа Св. и отъ Сына? Одно и то же, конечно, мы получаемъ отъ Сына и отъ Духа Св.; однако отъ Сына получаемъ Духа Св., какъ иного отъ Сына, существующаго самого по себѣ; отъ Духа Св. получаемъ Самого Духа Св. не какъ иного отъ Духа Св., иного самаго по себѣ существующаго, но Того же Самого Духа Св., какъ всякому ясно. Такимъ образомъ, разница заключается не въ томъ, что мы получаемъ отъ Сына и Св. Духа, а въ томъ какимъ способомъ Сынъ и Духъ Св. даютъ намъ одно и то же. Ибо Сынъ даетъ Духа Св., какъ иного отъ Себя, существующаго самого по себѣ;—Духъ же Св. даетъ Самого Себя, не какъ кого-то иного отъ Себя, кто бы существовалъ самъ по себѣ. Такъ какъ тому же самому учить Василію, согласно со смысломъ его словъ, нами защищаемымъ, то какимъ образомъ, спрашивается, можетъ слѣдовать, что такой смыслъ не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ мы получаемъ одно и

то же отъ Сына и отъ Духа Св.? И если бы разсужденіе Іоанна имѣло какую либо силу, то можно было бы также вывести заключеніе, что просто ложно положеніе: Сынъ даетъ Духа Св., какъ кого-то иного существующаго самого по себѣ, а Духъ даетъ Самого Себя, не какъ кого-то иного, существующаго самого по себѣ; — а это — нелѣпность. Ибо кто изъ христіанъ подвергалъ это сомнѣнію? Слѣдовательно, — рѣшительно ничего противъ установленнаго нами смысла словъ Василія Іоаннъ своимъ разсужденіемъ не доказалъ, — это ясно. — Ефесскій на это отвѣчаетъ: извѣстное мѣсто двусмысленно и можетъ быть объясняемо и такъ, и сякъ, и снова опирается на послѣдующія слова, которыя несомнѣнно доказываютъ, что слѣдуетъ принять второй, т. е. имъ указанный смыслъ, — какъ и мы это доказывали выше. Затѣмъ, Маркъ прибавляетъ: а что Духъ Св. получаетъ свое бытіе отъ Сына, мы же получаемъ отъ Духа — тварей, этого нѣтъ никакого основанія выводить изъ означеннаго мѣста. Іоанну поѣтому слѣдовало бы постараться доказать это. — И опять Ефесскій правъ. Ибо и мы выше доказали, что если бы даже слова Василія были: мы не получаемъ что-нибудь отъ Духа такъ, какъ отъ Сына — Духъ, то все-таки отсюда отнюдь не слѣдовало бы, что Духъ Св. получаетъ существованіе отъ Сына. Въ свою очередь доказано, что если разсмотримъ самый текстъ и взвѣситъ послѣдующія слова, то нашъ переводъ имѣетъ совершенное основаніе. И такъ, оставалось, что бы Іоаннъ опровергъ доказательства Ефесскаго въ пользу принятаго имъ смысла словъ Василія и что бы въ свою очередь доказалъ на основаніи словъ Василія, что Духъ Св. получаетъ бытіе отъ Сына. Ни того, ни другого онъ не сдѣлалъ, а только снова повторяетъ и объясняетъ свое доказательство, нами выше приведенное. Но это является совсѣмъ смѣшнымъ приѣмомъ, какъ уже замѣчено. Греческіе акты вслѣдъ затѣмъ прибавляютъ, что Маркъ на это опять хранилъ молчаніе. „Но Ефесскій, говорятъ они, молчалъ и на это не отвѣчалъ.“ Объ этомъ молчаніи латинскіе акты опять не упоминаютъ; но, допустивши молчаніе, мы снова должны объяснить его вышеуказанными основаніями. Латинскіе акты также вслѣдъ затѣмъ замѣчаютъ, что императоръ остановилъ этотъ споръ. И тогда Іоаннъ ничего больше не выставилъ въ пользу своего толкова-

нія, но, какъ будто его разсужденіе доказало дѣло очевиднѣйшимъ образомъ, заявляеть, что это мѣсто Василія говоритъ только въ пользу Латинянъ.

И такъ, вотъ то Флорентинское состязаніе, въ которомъ, по заявленію Латинянъ, Маркъ и съ нимъ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца были изболнчены въ заблужденіи. Мы прослѣдили весь этотъ споръ, видѣли аргументы Іоанна; но при этомъ стало до очевидности яснымъ, что никакой поддержки для себя не находятъ Латиняне въ выставленныхъ ими словахъ Василія. Какимъ же образомъ на основаніи этого мѣста католическая истина могла бы быть изболнчена во лжи? Но, говорятъ, Маркъ Ефесскій пугался, молчалъ, или по меньшей мѣрѣ Греки отказались отвѣчать на доводы и вопросы Іоанна. О молчаніи Ефесскаго уже говорено; отказались же восточные отвѣчать не потому, что не намѣрены были никогда отвѣчать, но потому, что сейчасъ не могли взвѣсить софизмовъ и тонкостей Іоанна. Поэтому послѣ приведенныхъ словъ акты продолжаютъ: „вдругъ императоръ сказалъ: о предложенномъ вопросѣ необходимо сомнѣваться; а это, можетъ быть, разберемъ въ благоприятное время.“ А въ латинскихъ актахъ сказано: „задача наша (сказалъ императоръ) и нашихъ не въ томъ, что бы вести споры, но что бы тщательнымъ изслѣдова-ніемъ обнаружить истину, — и поэтому они не желаютъ въ настоящее время допустить отвѣты. Но такъ какъ это мѣсто (Василія) кажется двусмысленнымъ, то не слѣдуетъ на немъ настаивать.“ Если, дажѣ, восточные отказались вступать въ этотъ споръ съ Іоанномъ, то тѣмъ хуже поступилъ въ этомъ вопросѣ Іоаннъ. Ибо восточнымъ ставится въ вину, что они отложили рѣшеніе аргумента Іоанна до другого времени; а между тѣмъ Іоаннъ ни единымъ словомъ не возразилъ на аргументы Ефесскаго въ пользу указаннаго имъ смысла словъ Василія; напротивъ, не обнаружилъ даже намѣренія когда-нибудь отвѣчать. И каково коварство Латинянъ! Они желали и настаивали, что бы восточные разрѣшали ихъ вопросы, — а доводы Ефесскаго оболнчили, хотя онъ первый предложилъ ихъ, оставляя такимъ образомъ всю трудность отвѣчать восточнымъ. Поэтому, если разсмотримъ сущность дѣла, ничего Латиняне изъ такого отношенія къ спорящимъ не могли достигнуть,

ибо, если, наконецъ, разобрать, какъ должно, доказательство Иоанна, то, конечно, они не имѣютъ никакой силы, какъ выше доказано.

Этимъ мы заканчивамъ рѣчь о данномъ мѣстѣ и другихъ приводимыхъ Латинянами изъ Василія Великаго.

Х II.

Изъ Григорія Богослова.

Изъ св. *Григорія Богослова* Латиняне прежде всего выставляютъ слѣдующее мѣсто изъ XXXVII слова (стр. 597): „и такъ, чего недостаетъ Духу для того, что бы быть Сыномъ? Если бы чего нибудь Ему не доставало, ¹⁾ Онъ былъ бы Сыномъ. Говоримъ, что ничего не недостаетъ, ибо нѣтъ ничего, чего бы не было у Бога; но различіе, такъ сказать, обнаруженія и взаимнаго положенія ²⁾ создало Имъ различныя имена.“ Отсюда среди другихъ *Белларминъ* во II кн. „о Христѣ“, гл. XXV дѣлаетъ такія заключенія: „въ этомъ мѣстѣ Григорій устанавливаетъ ту причину, почему Духъ не называется Сыномъ, что Они имѣютъ различныя, даже противоположныя взаимно отношенія. И, несомнѣнно, не можетъ быть взаимныхъ отношеній между Сыномъ и Духомъ Св., какъ только потому, что Одинъ дышетъ, а Другой выдыхается: ибо Сынъ, какъ Сынъ, не есть (понятіе) относительное къ Духу Св.; но Сынъ относится къ Духу Св., какъ дышатель (spirator). И нельзя (въ данномъ случаѣ) отвѣчать: Сынъ и Св. Духъ отличаются по различнымъ отношеніямъ касательно Отца, а не касательно Другъ Друга, ибо Григорій ясно сказалъ: Духъ Св. не есть Сынъ, т. е. отличенъ отъ Сына по взаимному положенію, которое Они имѣютъ между Собою, т. е. по взаимному отношенію. Кромѣ того, дальше онъ пишетъ, что такимъ же образомъ Сыну ничего не недостаетъ, почему бы Ему не быть Отцомъ, и однако Онъ не есть Отецъ,—именно потому, что Они имѣютъ противоположныя отношенія.“

¹⁾ т. е. если бы у Него было все.

²⁾ habitudinis ad invicem—τῆς πρὸς ἀλλήλα σχέσεως.

Но большое недомысліе обнаруживаетъ іезуитъ. Григорій Богословъ тѣмъ доказываетъ, что Сынъ не—Духъ и Духъ не—Сынъ, что различно Ихъ взаимное положеніе, т. е. потому, что Сынъ рожденъ, а Духъ Св. исходитъ, а не потому, что бы между Ними были отношенія причины и происшедшаго отъ причины. И что такова именно мысль Григорія Богослова, очевидно изъ самаго приведеннаго мѣста. Онъ говорилъ: „различное взаимное положеніе создало Имъ (т. е. Сыну и Св. Духу) и имена,“ именно Одинъ называется Сыномъ, а Другой—Духомъ Св. Этому замѣчанію онъ предпосылалъ: „и такъ, чего недостаетъ Духу для того, что бы быть Сыномъ. Ибо, если бы чего-нибудь Ему не доставало, Онъ былъ бы Сыномъ.“ Равно какъ, далѣе, желая показать, изъ какихъ взаимныхъ положеній получили свои имена Духъ Св. и Сынъ, онъ прибавляетъ: „изъ словъ: не рожденъ, рожденъ и исходитъ—Одинъ называется Отцомъ, Другой—Сыномъ, Третій—Духомъ Св.“—И такъ, вотъ какія положенія Сына и Св. Духа въ этомъ мѣстѣ признаетъ Св. Григорій, по которымъ Сынъ имѣетъ основаніе называться Сыномъ, а Духъ Св.—Духомъ. То же видно и изъ словъ, которыя здѣсь присовокупляетъ св. Григорій Богословъ: „ибо и Сыну ничего не недостаетъ для того, что бы быть Отцомъ (ибо сыновство не есть недостатокъ), и однако вслѣдствіе этого Онъ не—Отець. Иначе на томъ же основаніи и Отцу ничего не будетъ доставать, что бы быть Сыномъ: ибо и Отець—не Сынъ. Но, безъ сомнѣнія, это не доказываетъ недостатка, ни подчиненія сущности; напротивъ, изъ словъ: не рожденъ, рожденъ и исходитъ—является то слѣдствіе, что Одинъ называется Отцомъ, Другой—Сыномъ, Третій Духомъ Св.—И, такимъ образомъ, сохраняется несліянное различіе трехъ лицъ въ одной природѣ и достоинствѣ божества.“ Въ этихъ словахъ Св. Григорій прямо объясняетъ положенія, которыя въ божествѣ занимаютъ Сынъ и Духъ и по которымъ Сынъ имѣетъ свойство быть Сыномъ, а Духъ Св.—свойство быть Духомъ тѣмъ, что Сыну свойственно быть рожденнымъ, а Духу Св. исходить, конечно, отъ Отца, ибо отъ Него родился Сынъ, какъ раньше Григорій этому училъ. Слѣдовательно, подъ положеніями Сына и Духа Св. онъ отнюдь неразумѣлъ произведенія и исхожденія Духа Св. Говоритъ

Григорій Богословъ: „различіе взаимнаго положенія создаетъ также различіе именъ,“ принимая выраженіе *различіе взаимнаго положенія* не въ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ положеніе противоплагается положенію относительно, какъ дыханіе активное дыханію пассивному, но очень широко, въ томъ смыслѣ, въ какомъ сами различныя способы существованія, хотя не противоплагаются относительно, какъ противоплагается одно другому дыханіе активное дыханію пассивному, считаются обозначающими нѣкоторое положеніе или отношеніе между иностаями. Ибо, желая объяснить въ дальнѣйшихъ словахъ положеніе, которымъ относится Отецъ къ Сыну и Св. Духу и по которому Онъ является Отцомъ, Григорій называетъ свойство нерожденности,— каковому свойству точно ничего не противоплагается относительно (*relative*) въ отношеніи Сына и Св. Духа, ибо рожденный имѣетъ соотвѣтственную противоположность въ раждающемъ, а не въ нерожденномъ.

Однако іезуитъ возражалъ: „дальше пишетъ (Григорій), что такимъ же образомъ Сыну ничего не недостаетъ, почему Ему не быть Отцомъ, и однако Онъ—не Отецъ,—потому что Они, конечно, имѣютъ противоположныя отношенія.“ Но и по отношенію къ Отцу и Сыну Григорій Богословъ не указываетъ на противоположныя отношенія: онъ упоминаетъ только о нерожденномъ и рожденномъ, какъ мы видѣли; и если бы онъ и разумѣлъ противоположность въ отношеніяхъ Отца и Сына, то отсюда никакой пользы и поддержки Белларминъ для себя не могъ бы получить. Ибо Григорій говоритъ о тѣхъ свойствахъ, по которымъ Отецъ называется Отцомъ, Сынъ Сыномъ, Духъ Св.—Духомъ Св.—И Отецъ зовется Отцомъ по причинѣ рожденія Сына; Сынъ же никонимъ образомъ не называется Сыномъ на основаніи произведенія Духа Св., какъ мы уже указывали. И такъ, причина различія—очень ясна.

Но Белларминъ продолжаетъ: „и не много дальше (Григорій) приводитъ примѣръ Адама, Евы и Сноа, изъ которыхъ Адамъ не происходитъ ни отъ какого человѣка, Ева—отъ одного мужа, Сноа отъ обоихъ. Чѣмъ говоритъ онъ, былъ Адамъ? слѣшкомъ божественнымъ. Чѣмъ была Ева? отрѣзкомъ слѣпка. Что такое Сноа? ростокъ, отпрыскъ ихъ обоихъ.—Слѣдовательно, такъ какъ Григорій сравнилъ съ этими тремя людьми три божественныя лица, то кто

не видить, что, по мысли Григорія, Сынъ—отъ Отца, а Духъ Св. отъ Отца и Сына?“ Опять—таки іезуитъ говорить иелѣдность. Древніе Отцы, сравнивая Адама, Еву и Снѣа съ Троицею, берутъ для Сына Божія въ примѣръ Снѣа, а Духъ Св. сравнивается съ Евою,—ибо Сынъ родился отъ Адама, а Ева—нѣтъ, и однако и Снѣъ и Ева отъ одного и того же Адама. Такъ въ указанномъ мѣстѣ предлагаетъ этотъ примѣръ *Назіанзинъ* съ цѣлью показать, что отъ одного и того же могутъ происходить нѣкоторые лица различнымъ образомъ, разумѣется, такъ что бы одно рождалось, а другое -- нѣтъ,—но отнюдь не прибавляетъ, что Духа Св. слѣдуетъ сравнивать съ Снѣомъ. Напротивъ, тутъ же онъ говоритъ: „Ева и Снѣъ—не отъ одного ли Адама? Но развѣ они оба родились отъ Него? Нѣтъ,—одинъ отрѣзокъ, а другой—Сынъ.“ Отсюда само собою ясно, что Григорій сравниваетъ Снѣа съ Сыномъ Божіимъ, а а отнюдь не съ Духомъ Св. Что таково было мнѣніе Отцовъ, видно изъ словъ *Августина* въ кн. XIII гл. I „о Троицѣ:“ „какъ мужъ, Онъ наводитъ на мысль о лицѣ Отца, на лицо же Сына намекаетъ тѣмъ, что происходитъ отъ Него черезъ рожденіе; такимъ образомъ, говорятъ, третье лицо, какъ-то лицо Духа, есть жена, происшедшая отъ мужа такъ, что она и не сынъ и не дочь, хотя, когда она зачала, пошло потомство. Ибо Господь сказалъ о Духѣ, что Онъ неходитъ отъ Отца, но однако не есть Сынъ.“ И въ гл. VI: „не потому гнушаемся мы этого мнѣнія, что боимся думать, что святая, ненарушимая и не измѣняемая любовь (Духъ Св.) есть какъ бы супруга Бога Отца, изъ Него существующая, а не какъ потомокъ для рожденія Слова, черезъ Которое стало все...“ И авторъ кн. „о Троицѣ,“ приписываемой Кириллу Александрійскому, уча въ VIII гл., что Сынъ и Духъ Св. произведены Отцомъ, прибавляетъ: „подобно тому Адамъ—нерожденъ: ибо онъ слѣпокъ Бога, а Снѣъ—рожденъ: онъ сынъ Адама; Ева же происходитъ изъ ребра Адама: она не рождена, и между собою они разнятся не природою (ибо они люди), а способомъ появленія.“ Конечно, всякому ясно, что здѣсь съ Отцомъ сравнивается Адамъ на основаніи нерожденности,—съ Сыномъ—Снѣъ, потому что Снѣъ рожденъ, а съ Духомъ Св.—Ева, потому что она произошла изъ ребра Адама, а не рождена. Тѣ же, что у этого Автора, находимъ у *Іоанна Даласкина* въ I кн. гл. IX—„православной вѣры.“

Выставляють далѣе изъ слова XLIX о вѣрѣ слѣдующее: „Спаситель послалъ намъ Духа Св. изъ собственной своей и единой сущности, въ качествѣ покровителя, знаменателя и водителя въ жизнь вѣчную, какъ написано по внушенію Божиюму: изолью отъ Духа Моего на рабовъ Моихъ и на рабыни Моихъ. И опять: Духъ изъ Меня выйдетъ. И Самъ Господь Спаситель Нашъ сказалъ: отъ Моего возьметъ, —изъ того, конечно, что есть Сынъ,—потому что и Сынъ изъ того, что есть Отецъ.“ Но это выраженіе мы уже разрѣшали въ главѣ о томъ, что полученіе Духомъ Св. отъ Сына не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына. ¹⁾

Но нѣкто ²⁾ настаиваетъ: „св. Григорій Назіанзинъ въ словѣ XXXVII, пятюмъ—о богословіи, (въ изданіи Биллія, въ Антверпенѣ, листъ 230, въ концѣ)—обсуждая слова: Я пошлю Его—и: когда придетъ и пр. говоритъ, что въ первыхъ словахъ показывается *οἰκείου ἀξίωμα*, т. е. собственная власть Сына,—въ послѣднихъ же—свобода Духа. И въ словѣ XXIII къ Герону (не далеко отъ конца): высыланіе (*ἐκπέμπειν*) есть свойство Духа Св., —такъ что изъ сравненія того и другого мѣста становится яснымъ что подъ *οἰκείου ἀξίωμα* онъ (Григорій) разумѣлъ то самое, почему и Сынъ есть второй отъ Отца, по ученію Св. Василія въ III кн. противъ Евномія (указанное изданіе, листъ 751), именно—что Онъ (Сынъ) для Него (Духа Св.)—начало и причина бытія. Подтверждается это словами того же св. Богослова изъ XLIX слова о вѣрѣ: Сынъ послалъ намъ Духа Св. изъ собственной своей и одной и той же сущности. Какъ же Сынъ могъ бы послать что-нибудь изъ собственной и нераздѣльной сущности иначе, какъ не черезъ производительное сообщеніе и передачу?“ —Такъ говорить іезуитъ.

Что касается перваго мѣста, то дѣйствительно св. Григорій признаетъ собственную власть Сына въ томъ, что Онъ посылаетъ Духа Св. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что Духъ Св. отъ Сына исходитъ? Конечно, когда Сынъ посылаетъ Духа Св.,—въ этомъ также обнаруживается собственное достоинство Сына: ибо изъ этого необходимо вытекаетъ, что Сынъ есть истинный Богъ и единосущенъ

¹⁾ См. гл. XII, отв. V.

²⁾ Циховій вопр. I, стр. 15.

съ Отцомъ, такъ какъ посылаетъ собственнаго Духа Отца, какъ Своего. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ Назіанзинъ признаетъ обнаруженіе собственнаго достоинства Сына, въ томъ онъ равнымъ образомъ признаетъ свободу Духа Св., какъ выражался самъ іезуитъ. Но свобода Духа Св. въ Его посланіи должна быть понимаема не иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что, хотя онъ посылается другимъ, однако приходитъ добровольно, либо добровольно также изливаетъ Самого Себя, либо даетъ Себя вѣрующимъ,—что и признавали Отцы въ главѣ ¹⁾ о томъ, что посланіе Духа Св. Сыномъ не есть доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына, въ отвѣтѣ V. Между тѣмъ въ отношеніи Своего вѣчнаго происхожденія Духъ Св. отнюдь не исходитъ по Своему желанію, и не посылаетъ Себя Самого, и не производитъ. Слѣдовательно, признавая вслѣдствіе посланія Духа Св. Сыномъ собственное достоинство Сына, Григорій Богословъ ведетъ рѣчь только о временномъ посланіи Духа Св., а не о вѣчномъ также Его исхожденіи. Затѣмъ,—въ XXIII словѣ къ Герону онъ называетъ свойствомъ Духа Св. „высыланіе“ (Emissio, ἐκπέμπειν), но въ прежде помянутомъ словѣ XXXV^П онъ училъ, что Духъ Св. не высылается, а только посылается Сыномъ, обозначая словомъ *посланіе* только временное посланіе Духа Св., какъ мы видѣли. Значитъ, гораздо болѣе въ иномъ смыслѣ приписываетъ вслѣдствіе посланія Духа Св. собственное достоинство Сыну Назіанзинъ, чѣмъ въ какомъ приписываетъ достоинство Отцу въ отношеніи Сына Василій въ III кн. противъ Евномія. Кромѣ того, это также вытекаетъ изъ того, что Василій учитъ, что Сынъ по достоинству—второй отъ Отца, чего Григорій Богословъ никоимъ образомъ не утверждаетъ здѣсь о Духѣ Св. по отношенію къ Сыну, т. е. не говоритъ, что Духъ Св.—второй по достоинству отъ Сына, заявляя только, что собственное достоинство Сына познается въ томъ, что Онъ посылаетъ Духа Св. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ такое заключеніе: изъ посланія Духа Св. Сыномъ обнаруживается собственное достоинство Сына,—слѣдовательно,—Духъ Св.—второй отъ Сына достоинствомъ. Ибо, помимо всего, въ томъ обнаруживается вслѣдствіе посланія Духа Св. собственное достоинство Сына, что въ этомъ случаѣ природа Сына является единосущною съ Отцомъ, какъ было

¹⁾ Гл. VШ.

доказано. Наконецъ, о словахъ Назіанзина изъ Его ХЛХ слова мы говорили въ главѣ о томъ, что полученіе Духомъ Св. отъ Сына не есть доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына. ¹⁾ Притомъ въ означенномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Сынъ „послалъ“ (πέμφαι), а не „выслалъ“ (ἐκπέμφαι) Духа Св., т. е. ведетъ рѣчь о временномъ посланіи Св. Духа; а не о вѣчномъ Его исхожденіи;—а о томъ, въ какомъ смыслѣ говорится о Сынѣ, что Онъ посылаетъ Духа Св. изъ Своей сущности, хотя и не черезъ вѣчное произведеніе, мы высказались въ другомъ мѣстѣ.

Выставляетъ, далѣе, тотъ же авторъ ²⁾ слѣдующее: намекаетъ на это, во вторыхъ, Григорій въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ называетъ Сына началомъ отъ начала, что онъ дѣлаетъ въ словѣ ХХХVШ о рождествѣ Христа, листъ 334. Здѣсь онъ называетъ Его опредѣленіемъ и разумомъ (λόγος ratio) Отца, и это двойное названіе дается Сыну также въ словѣ ХЛП, листъ 257. Объясняя эти слова Никита Ираклейскій (листъ 549) говоритъ: начало всего сущаго есть Отецъ, какъ причина. Начало также—и Сынъ, какъ соучастникъ причины: ибо Давидъ обращаясь къ Отцу, говоритъ: съ Тобою начало и пр. Значить, Сынъ—начало изъ начала, т. е.—изъ Отца.“ Что, дѣйствительно, Сынъ называется Отцами началомъ изъ начала въ отношеніи тварей, уже указано было въ концѣ главы о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ. Сказано тамъ же, какъ нужно понимать слова Никиты, именно: какъ Отецъ—причина всего, такъ равно, по ученію Писанія, черезъ Сына все стало. Но, конечно, никто изъ христіанъ не станетъ этихъ словъ Писанія понимать относительно Духа Св.

Опять выставляетъ онъ слѣдующее мѣсто изъ ХХХП слова (листъ 196): „имя безначальному—Отецъ, началу—Сынъ, тому, что—съ началомъ, — Духъ; но одна природа у этихъ трехъ.“ И прибавляетъ: „здѣсь, повидимому, Сынъ называется началомъ относительно Того, Кто имѣетъ одну природу съ Нимъ и съ Отцомъ. Называетъ же св. Богословъ Духа Св. *πρωαρχον* ³⁾ т. е. сначала-

¹⁾ См. гл. ХП. отв. V.

²⁾ Циховій вопр. VI стр. 55.

³⁾ Греческія слова:—*πρῶτῳ ἀρχῆς*—съ началомъ, помякъ-іезуитъ нѣсколько неправильно передѣлываетъ въ *πρωαρχος*, что значить товарищъ по начальству, соправитель.

нымъ, для того, что бы, если бы онъ сказалъ, что Онъ отъ начала, какъ онъ сказалъ это о Сынѣ, не показалось, что онъ учитъ вмѣстѣ съ Евноміанами, что Духъ Св.—отъ одного только Сына, или, вѣроятнѣе, (какъ толкуетъ Никита—листъ 415) о Духѣ Св. говорится, что Онъ съ началомъ, потому, что никогда и Сынъ не былъ безъ Отца, и Духъ Св.—безъ Сына.“ Но чѣмъ іезуитъ доказываетъ намъ, что Сынъ здѣсь называется началомъ по отношенію къ тому, кто имѣетъ одну природу съ Нимъ и съ Отцомъ? Достаточно ли что-нибудь утверждать, или что угодно толковать по своему желанію? Но что Сынъ называется началомъ въ отношеніи тварей, доказано, какъ мы говорили, въ указанномъ мѣстѣ.— Затѣмъ, на первомъ толкованіи іезуита, почему Духъ Св. называется тѣмъ, что — съ началомъ или съ Сыномъ, какъ на измышленіи и гаданіи, не останавливаемся. Ибо почему бы нельзя было одинакого разсуждать такъ: потому св. Богословъ не захотѣлъ называть Духа Св. (происходящимъ) отъ начала, а только назвалъ сопачальнымъ (съ началомъ), что бы кто-нибудь не подумалъ, что Духъ Св. произведенъ Сыномъ, Котораго онъ назвалъ началомъ, или потому, что св. Богословъ никогда не думалъ, что Сынъ есть начало Духа Св.? Что касается второго толкованія, т. е. Никиты, то нельзя, конечно, было бы заключать: Духъ Св. никогда не былъ безъ Сына,—слѣдовательно, —Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Если Сынъ вмѣстѣ съ Духомъ Св. произведенъ прежде всѣхъ вѣковъ Отцомъ, то какимъ образомъ, спрашивается, Духъ Св. могъ бытъ безъ Сына?

Наконецъ, тотъ же авторъ пишетъ: „тому же (Григорій Богословъ), кажется, учитъ въ словѣ XLIV* на пятидесятницу (листъ 269), говоря, что Духъ Св. явился въ огненныхъ языкахъ вслѣдствіе родства, которое Онъ имѣетъ со Словомъ. На это же замѣчаетъ Онъ въ словѣ L „о Никейскомъ изложеніи вѣры:“ вѣруемъ, говорить онъ, въ Духа Св.,—не нерожденного и не рожденного ¹⁾ не сотвореннаго и не созданнаго, но (Духа) Отца и Сына всегда съ совѣщнымъ Отцомъ почитаемъ. Въ выраженіи же святыхъ Духъ Св. называется Однимъ и тѣмъ же Духомъ Отца и Сына, такъ какъ Онъ отъ Отца и Сына, что ясно изъ свидѣтельствъ св. Кирилла Александрійскаго

¹⁾ non ingenitum, neque genitum ἀγέννητον, ὅτε γεννητόν.

и еще будетъ доказано ниже.“—Что касается перваго, то каковъ, спрашивается, выводъ: Богословъ признаетъ родство между Сыномъ и Духомъ Св.,—слѣдовательно, онъ подразумѣваетъ исхожденіе Духа Св. отъ Сына? Развѣ нельзя было сказать, что Духъ Св. имѣетъ сродство съ Сыномъ, будучи единосущенъ съ Нимъ? Что касается втораго, то въ особой главѣ ¹⁾ мы доказали, что Духъ Св. называется однимъ и тѣмъ же Духомъ Отца и Сына отнюдь не потому, что Онъ произведенъ Отцомъ и Сыномъ; тамъ выяснено, что бытіе Духа Св. Духомъ Сына не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына.

Вотъ сколько нашли Латиняне для себя опоры въ словахъ Григорія Назіанзина.

ХІІІ.

Изъ твореній Епифанія.

Изъ *Епифанія* прежде всего выставляють Латиняне, что онъ часто учитъ, что Духъ Св. изъ сущности и одного и того же божества Отца и Сына. А если Духъ Св.—изъ сущности и божества Сына, значитъ, Онъ отъ Него исходитъ.

Дѣйствительно, Епифаній вездѣ учитъ, что Духъ Св.—изъ сущности и божества Отца и Сына, какъ, напр., въ ереси LXXII—Савелліанъ (т. I, стр. 515): „Духъ Св.—не чуждъ Отца и Сына, но изъ той же сущности, изъ того же божества.“ И въ серединѣ, на стр. 518: „Отецъ истинно родилъ Сына, и Сынъ истинно родился отъ Отца въ ипостаси внѣ времени, и Духъ Св. истинно отъ Отца и Сына, изъ того же божества, отъ Отца исходящій, отъ Сына получающій.“ Въ ереси LXXIV—Духоборцевъ—(стр. 902): „Духъ Св. всегда не рожденный, не сотворенный, не собратъ, не прадѣдъ, не внукъ,—но изъ одной и той же сущности Отца и Сына.“ Въ ереси LXXVI—Аномеевъ, противъ XIX гл. Аэція (стр. 961): „если же ты считаешь Его (Бога Отца) вмѣстѣ со всѣми, которые не изъ сущности Его (произошли), а сотворены Имъ изъ ничего посредствомъ Того, Который—изъ Него по сущности, за исключеніемъ

¹⁾ См. гл. XI.

одного только Духа Св., изъ сущности несравнимаго Отца и Самого едиnorodнаго Сына, то твое исповѣданіе весьма нелѣпо.“ Дѣйствительно, въ своемъ переводѣ этого мѣста Петавій передаетъ: „съ Духомъ Св., Который изъ сущности несравнимаго Отца и едиnorodнаго Его Сына исшолъ.“ Но объ исхожденіи въ греческомъ текстѣ Епифаній вовсе не утверждалъ, а выразился только *ἐκ τούτου* т. е. „Который есть изъ сущности“ Отца и Сына. Въ словѣ якорномъ (на значительномъ разстояніи отъ начала, стр. 12) Епифаній повторяетъ только что приведенныя нами слова изъ LXXIV ереси. Но нѣтъ никакой необходимости принимать ихъ относительно исхожденія Духа Св., такъ какъ смыслъ тутъ только тотъ, что Духъ Св. имѣетъ одну и ту же сущность Отца и Сына, подобно тому, какъ выше было доказано, что *Аванасій*, говоря: Духъ Св. есть изъ сущности Отца и Сына, понимаетъ только, что сущность Отца, Сына и Св. Духа—одна. У Греческихъ Отцовъ обычное явленіе—употреблять такія слова для выраженія единаго божества лицъ. Конечно, были еретики, богохульствовавшіе, что Духъ Св. чуждъ сущности и божества Отца и Сына; противъ нихъ-то Отцы часто говорятъ, что Духъ Св.—не чуждъ сущности Отца и Сына, но изъ одной и той же сущности Отца и Сына,—т. е. Духъ Св. имѣетъ удѣломъ одну и ту же сущность, какая принадлежитъ Отцу и Сыну. Такова была, какъ выше мы видѣли, ¹⁾ мысль *Аванасія*, таже мысль и у *Епифанія*. Поэтому-то онъ и говорилъ въ LXX ереси: „Духъ Св. не чуждъ Отцу и Сыну, но—изъ той же сущности, изъ того же божества.“

Но іезуитъ *Петавій* возражаетъ въ VII кн. своего сочиненія „о Троицѣ:“ „когда я говорю: Сынъ—изъ сущности Отца, то этимъ обозначается, что Отець—причина Сына; говоря: Духъ Св.—изъ сущности Отца, показываю, что Отець—причина Духа. Слѣдовательно, точно такъ же, говоря: Духъ Св.—изъ сущности Сына, я обозначаю, что Сынъ—причина Духа Св.“ Но совершенно ложно, будто, когда греческіе Отцы говорятъ (а дѣло идетъ здѣсь о греческой формѣ выраженія): „Сынъ или Духъ Св.—изъ сущности Отца“, то этимъ обозначается только, что Отець—причина Сына, или Духа Св., такъ какъ, помимо этого, они также учатъ, что

¹⁾ См. настоящую главу—X.

Сынъ, или Духъ Св. потому—изъ сущности Отца, что имѣють одну и ту же сущность съ Отцомъ. Это ясно было видно выше изъ такихъ же словъ Аѳанасія.

Но и́кто ¹⁾ настаиваетъ: „такъ какъ св. Никейскій Соборъ опредѣлилъ, что имѣеть одно и то же значеніе выраженіе—быть изъ сущности Отца или происходить отъ Отца,—то выраженіе—быть изъ сущности Отца и Сына—должно будетъ также обозначать тѣ же, что быть или происходить (быть произведеннымъ) отъ Отца и Сына“. Дѣйствительно, Никейскій Соборъ сказалъ: Сынъ—изъ сущности Отца въ томъ смыслѣ, по которому это значить, что Сынъ произведенъ Отцомъ; но ложно, будто Никейскій Соборъ этимъ самымъ опредѣлилъ, что быть изъ сущности Отца и происходить отъ Отца—одно и тѣ же. Обыкновенно разныя бываютъ пониманія какого нибудь положенія: но развѣ, если Св. Писаніе, или какой—бы то ни было вселенскій Соборъ принимаетъ извѣстное положеніе въ одномъ какомъ-нибудь изъ остальныхъ смысловъ, можно утверждать отсюда, что св. Писаніе или этотъ Соборъ опредѣлили, что только такой смыслъ имѣеть это положеніе и не допускаетъ никакого иного? Здѣсь именно идетъ вопросъ не о томъ, обозначали-ли въ символѣ Отца, что быть изъ сущности Отца и происходить отъ Отца—одно и то же, а о томъ, быть изъ сущности Отца не значить ли также еще, кромѣ того, —пользоваться сущностью Отца? Поэтому приведенное утвержденіе іезуита ясно изобличается въ ошибочности однимъ только свидѣтельствомъ Аѳанасія, который, уча, что Духъ Св. изъ сущности Отца и Сына, понимаетъ въ этомъ мѣстѣ только то, что Духъ Св. имѣеть одну и ту же сущность съ Отцомъ и Сыномъ.

Скажутъ: если о Духѣ Св. потому говорится: Онъ—изъ сущности Отца и Сына, что Онъ имѣеть сущность Того и Другого, то точно такъ же объ Отцѣ или о Сынѣ должно говорить, что Онъ—изъ сущности Духа Св.—Однако Отцы никогда этого не говорили, и это произошло влѣдствіе порядка словъ. Объ Отцѣ никогда ни одинъ еретикъ не сомнѣвался, что Онъ Богъ—о Сынѣ нѣкоторые сомнѣвались, нѣкоторые также отрицали и божество

¹⁾ Циховій вопр. V, стр. 42.

Духа Св. Поэтому, такъ какъ было внѣ всякаго сомнѣнія, что Отець—Богъ, а послѣ Отца ставится вторая божественная ипостась—Сынъ, то Отцы, чтобы установить одну и ту же сущность Духа Св. съ Отцомъ и Сыномъ, стали говорить, что Духъ Св.—изъ сущности Отца и Сына, а не наоборотъ,—Отець и Сынъ изъ сущности Духа Св.—Ибо Отець и Сынъ исчисляются не послѣ Духа Св., а всегда впереди Его, согласно словамъ Спасителя: „крестите ихъ во имя Отца, Сына и Св. Духа.“

Выставляютъ, затѣмъ, то мѣсто Епифанія, гдѣ онъ говоритъ, что Духъ Св.—изъ Отца и Сына. Если, говорятъ, Духъ Св.—изъ Отца и Сына, то, конечно, Онъ отъ Отца и Сына исходитъ. Слова эти находятся въ ереси LXII—Савеллианъ (т. I, стр. 515): „Духъ Св.—не чуждъ Отцу и Сыну, но изъ той же сущности, изъ того же божества, — изъ Отца и Сына, съ Отцомъ и Сыномъ, ипостасный Духъ Св., Духъ Божій, Духъ славы, Духъ Христа, Духъ Отца.“ И далѣе (послѣ середины, стр. 518): „Отець истинно родилъ Сына, и Сынъ истинно родился отъ Отца въ ипостаси, безъ начала и безъ времени, и Духъ Св. истинно изъ Отца и Сына, того же божества, отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій.“ Въ словѣ Якорномъ (недалеко отъ начала, стр. 13): „Духъ Св. въ серединѣ Отца и Сына, изъ Отца и Сына, третій по наименованію.“ Последнее мѣсто *Петавій* переводитъ „средній между Отцомъ и Сыномъ, исходящій изъ Отца и Сына и названіемъ третій.“ Но въ греческомъ текстѣ читается только—„изъ Отца и Сына“ и не прибавлено слова: *ἐκπορεύμενον* —исходящій. Тамъ же на стр. 14: „Духъ Св.—изъ Отца и Сына Богъ, Которому солгалъ утаившій кое-что изъ цѣны проданнаго.“ И здѣсь *Петавій* переводитъ: „и такъ, Онъ Богъ отъ Отца и Сына исходящій,“ тогда какъ — по гречески слово *исходящій* не прибавлено. Опять въ словѣ Якорномъ (стр. 77) находятся слова, встрѣчающіяся также въ ереси LXXIV, номеръ 9: „однѣ только называется отъ Отца и Сына, Духъ истины, и Духъ Божій, и Духъ Христа.“ И около середины слова Якорнаго, что равно и въ ереси LXXIV находится въ номерѣ 7: „Духъ отъ Того и Другого, Духъ изъ Духа.“ *Петавій* опять переводитъ: „отъ Обоихъ *является* (*oritur*) Духъ изъ Духа,“ и опять по—гречески нѣтъ слова—*является*, или ему соотвѣт-

ствующаго.—Въ ереси LXXIV по греческому Базельскому изданію 1544 г. (стр. 379): „но думаю, что въ человѣкѣ справедливомъ обитають Оба—Христось и Духъ Его. Если же Христось изъ Духа почитается Богомъ отъ Бога, и Духъ Его изъ Христа, или отъ Того и Другого, какъ говоритъ Христось: Который отъ Отца исходитъ и: Онъ отъ Моего возьметъ; Христось же изъ Духа Св.: ибо это въ ней, говоритъ голосъ ангела, отъ Духа Св., — то считай это тайной, меня освободившей.“ То же находимъ въ словѣ Якорномъ, изданномъ по—гречески и по—латыни Петавіемъ, только вмѣсто словъ: „если же Христось почитается изъ Духа“ тутъ стоитъ: „если же Христось считается отъ Отца.“ Петавій же въ своемъ переводѣ вмѣсто: „если Духъ—изъ Христа, или отъ Обоихъ“ помѣщаетъ: „и Духъ Божій отъ Христа, какъ исходящій отъ Того и Другого,“ между тѣмъ какъ греческій текстъ представляетъ большую разницу: „или отъ Обоихъ,“ а не: „какъ исходящій отъ Того и Другого.“ Въ словѣ Якорномъ, номеръ 73, стр. 78, — что находится также и въ ереси LXXIV (задолго до конца, т. I, стр. 828): „и Духа не зналъ никто, кромѣ Отца и Сына, отъ Котораго Онъ исходитъ, отъ Котораго получаетъ,—ни Сына и Отца,—кромѣ Духа Св., истинно прославляющаго, учащаго, все свидѣтельствующаго о Сынѣ, Духа—Который отъ Отца и изъ Сына, Одинъ только вождь истины.“ Только въ указанной ереси, вмѣсто первыхъ словъ, читается съ такимъ различіемъ: „ни Духа никто не знаетъ, кромѣ Сына, отъ Котораго Онъ получаетъ, и Отца, отъ Котораго исходитъ.“ А Петавій опять переводитъ: „Который свидѣтельствуетъ о Сынѣ, Который отъ Отца, Который изъ Сына исходитъ,“ тогда какъ по—гречески слова *исходитъ* нѣтъ. Въ словѣ Якорномъ, номеръ 71 (т. II, стр. 75) и въ ереси LXXIV, номеръ 8 (т. I, стр. 896): „если ты называешь Сыномъ Того, Кто изъ Него, а Духомъ,—Кто отъ Того и Другого,—что только вѣрою понимается святыми, давая ясный свѣтъ, что имѣетъ ясное дѣйствіе и черезъ вѣру свѣта становится согласнымъ у Самого Отца.“ И черезъ нѣсколько строкъ: „Духъ Св. есть свѣтъ истины, третій отъ Отца и Сына.“ Къ этому нѣкто ¹⁾ прибавляетъ еще изъ слова Якорнаго номеръ 71 (латинское изд. стр. 280): „жизнь — весь Богъ,—поэтому Сынъ есть жизнь изъ жизни, а Духъ Св. отъ Обоихъ.“

¹⁾ Циховій, вопр. V, стр. 42.

Но, когда Епифаній столько разъ говоритъ: Духъ Св. изъ Отца и Сына,—смысль этихъ словъ отнюдь не тотъ, что Духъ Св. изъ Отца и Сына есть или исходитъ, а только тотъ, что отъ Отца Онъ исходитъ, а отъ Сына беретъ,—именно онъ выражается только просто: Духъ Св. отъ Отца и Сына, и никогда не прибавляетъ: Духъ Св. отъ Отца есть, или является, или исходитъ. Что таковъ смыслъ выраженія Епифанія, ясно видно, во *первыхъ*, изъ словъ его, приведенныхъ въ ереси LXXIV: „Духъ Св., говоритъ онъ, отъ Обоихъ, какъ сказалъ Христосъ: Который отъ Отца исходитъ и: Онъ отъ Моего возьметъ.“ Здѣсь—быть отъ Отца и Сына объясняется, согласно словамъ Писанія,—отъ Отца исходитъ и отъ Сына беретъ. Вотъ что разумѣлъ Епифаній, говоря: „Духъ Св. отъ Отца и Сына, или отъ Обоихъ.“ Точно такъ же, *далее*, сказавши въ той же ереси согласно съ словами, приведенными задолго до конца: „и Духа никто не знаетъ, только Сынъ, отъ Котораго Онъ беретъ и Отецъ, отъ Котораго исходитъ,“ онъ присовокупляетъ: „и Сына и Отца (никто не знаетъ), только Духъ Св., Который отъ Отца, Который отъ Сына,“ гдѣ, конечно, послѣднія слова: „Который отъ Отца, Который отъ Сына“ относятъ къ предъидущимъ: „только Сынъ, отъ Котораго Духъ Св. беретъ, и Отецъ, отъ Котораго Духъ Св. исходитъ.“ Какъ раньше онъ говорилъ, что Духъ Св. отъ Отца исходитъ, отъ Сына беретъ, такъ теперь говоритъ: „Который отъ Отца, Который отъ Сына,“ и здѣсь точно такъ же подразумѣвая: „Который отъ Отца,“ т. е. исходитъ,—„Который отъ Сына,“ т. е. получаетъ. И поэтому не выражается по обыкновенію: „Который отъ Отца и Сына,“ но „Который отъ Отца, Который отъ Сына,“ сообразно съ тѣмъ, какъ раньше сказалъ, что Духъ Св. отъ Отца исходитъ и отъ Сына получаетъ. Такъ въ ереси LXII, сказавши въ приведенномъ мѣстѣ: „Духъ Св. отъ Отца и Сына,“ Епифаній прибавляетъ: „отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій,“ объясняя такимъ образомъ сказанное раньше: „отъ Отца и Сына“ этими словами: „отъ Отца исходящій, отъ Сына получающій.“ И отсюда, наконецъ, говоря столько разъ: „Духъ Св. отъ Отца и Сына,“ въ ереси LXXVI (Аномеевъ) противъ I главы Аэція, онъ ясно такъ выражается: „отъ Отца и изъ того, что есть Сына,“ изъ чего до очевидности

ясно, что Епифаній только намекаетъ на слова Писанія: „Духъ отъ Отца исходитъ, — Духъ изъ Моего, т. е. изъ того, что есть Сына, возьметъ.“ Слѣдовательно, таковъ же смыслъ у него, когда въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Духъ Св. отъ Отца и Сына.“

Эти слова Епифанія находятся въ I томѣ его твореній, на стр. 939 въ такомъ выраженіи: „вполнѣ несомнѣнно для насъ, что Слово Отца въ ипостаси безъ начала и безъ времени, и что Духъ Св. въ ипостаси—отъ Отца и изъ того, что есть Сына (принадлежитъ Сыну).“ Поэтому-то Епифаній такъ часто учитъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, а отъ Сына беретъ, каковыя свидѣтельства мы перечислили въ главѣ о восточныхъ Отцахъ; ¹⁾ но никогда не учитъ онъ, что Духъ Св. также и отъ Сына исходитъ, или получаетъ начало. Мало того, когда онъ ведетъ нарочито рѣчь о произведеніи или началѣ Духа Св., то ясно учитъ, что Одинъ только Отець—начало Духа Св., какъ мы видѣли это въ упомянутой главѣ.

Вопросъ же о томъ, въ какомъ смыслѣ Отцы учили, что Духъ Св. беретъ (получаетъ) отъ Сына, мы выяснили въ особой главѣ ²⁾, — именно — разумѣли они это не относительно начала, или причины, а только относительно одной и той же сущности, воли и знанія Сына и Духа Св. — Любилъ же Епифаній такъ часто выражаться, что Духъ Св. отъ Отца исходитъ и отъ Сына беретъ или, что то же, что Духъ Св. отъ Отца и Сына, — что бы отсюда утверждать единство божества Отца и Сына съ Духомъ Св. и никоимъ образомъ не допустить мысли, что Духъ Св. чуждъ общенія и сущности Отца и Сына. Поэтому въ ереси LXXII онъ говоритъ: „Духъ Св. истинно отъ Отца и Сына, того же божества, отъ Отца исходящій и отъ Сына получающій.“ Ибо были еретики, отрицавшіе единство божества Отца и Сына и Св. Духа; между тѣмъ уже въ другомъ мѣстѣ доказано, что Духъ Св. единосущенъ съ Сыномъ, потому что исходитъ отъ Отца.

Но нѣкто ³⁾ настаиваетъ: „Маркъ Ефесскій уклонился признать мѣста, въ которыхъ говорится, что Духъ Св. отъ Отца и Сына, вслѣдствіе отсутствія въ греческомъ текстѣ слова—есть, и

¹⁾ См. I гл., вѣкъ IV.

²⁾ гл. XII.

³⁾ Циховій, вопр. VI стр. 66.

этимъ обнаружилъ свою недобросовѣстность, или крайнее невѣжество: первую, — если, зная логику, стремился скрыть ее и обмануть посредствомъ такого рода ухищренія въ доказательствѣ;—второе, — если въ самомъ дѣлѣ не зналъ, что это особенность, изящество греческой рѣчи — подразумѣвать слово: — есть. Многочисленные примѣры этого встрѣчаются въ Писаніи и у Св. Отцовъ. Въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, во II гл, гдѣ сказано: мы не получили Духа этого міра, но Духа, Который отъ Бога. Въ греческомъ текстѣ стоитъ: ἀλλὰ τὸ Πνεῦμα τὸ ἐκ τοῦ Θεοῦ — безъ прибавленія ἐστὶ.“

Но оставляя въ сторонѣ клеветы склоннаго къ клеветническимъ приемамъ іезуита, скажемъ, что Маркъ Ефесскій не только по поводу приведенныхъ мѣстъ Епифанія отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ слова — *есть*, или что Епифаній ничего не имѣлъ въ виду подразумѣвать, говоря: „отъ Отца и Сына,“ но кромѣ того доказалъ несомнѣнно, что мысль Епифанія въ выраженіи *отъ Сына* была подразумѣвать: бралъ — что бы глаголь брать такимъ образомъ подразумѣвался тамъ, гдѣ о Духѣ Св. просто говорится, что Онъ отъ Сына. Поэтому-то архіепископъ Ефесскій и говорилъ, что такъ какъ Епифаній подразумѣваетъ этотъ глаголь, то и не прибавляетъ самъ: отъ Сына *есть*, или отъ Отца *есть*, а только выражается: *Духъ отъ Сына*. Свойство греческой изящной рѣчи, говоритъ іезуитъ, подразумѣвать слово *есть*, какъ, напр., подразумѣвается оно въ приведенномъ мѣстѣ апостола, но развѣ отсюда слѣдуетъ, что слово *есть* вездѣ нужно подразумѣвать? Нелѣпость! И мы ясно доказали, что какъ въ отношеніи Отца Епифаній подразумѣваетъ слово — *исходитъ*, такъ въ отношеніи Сына — слово — *беретъ*, когда говоритъ: „Духъ Св. отъ Отца и Сына,“ такъ что прибавлять къ этому еще что —нибудь нѣтъ нужды.

Что же касается возраженій того же автора, настаивающаго на приведенномъ мѣстѣ Епифанія изъ LXXIV ереси: „одинъ только Духъ Св. называется отъ Отца и Сына, Духъ истины и Духъ Божій, Духъ Христа,“ то мы ихъ уже разрѣшили въ главѣ, въ которой доказывалось, что бытіе Духа Св. Духомъ Сына не есть доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына ¹⁾).

¹⁾ см. гл. XI, отв. VI, въ концѣ.

Настаиваетъ, затѣмъ, на извѣстныхъ словахъ изъ той же ереси: „Духъ Св. отъ Обоихъ, Духъ отъ Духа“—іезуитъ *Петавій* въ VII кн. „о Тройцѣ“, гл. III, номеръ 2, говоря: „что выраженіе $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}$ ἀμφοτέρων значить тó же, что ἐξ ἀμφοτέρων и выражаетъ οὐσιώδη, т. е. существенное произведеніе, (Епифаній) достаточно показываеъ тѣмъ, что для объясненія прибавляетъ: Πνεῦμα ἐκ Πνεύματος (Духъ отъ Духа). Ибо онъ потому называетъ Духа являющимся отъ Духа, что Богъ есть Духъ, какъ говоритъ Христосъ. Духъ же Св.—отъ Бога, потому что Онъ—отъ Отца и Сына. Поэтому предлоги: $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}$ и ἐκ явно обозначаютъ исхожденіе и начало.“ Эти слова Епифанія находятся въ словѣ Якорномъ, но по гречески не сказано: „Духъ Св. отъ Обоихъ, Духъ отъ Духа, а: Духъ Св. отъ Обоихъ, Духъ отъ Отца“ (т. II твореній, стр. 75), и Петавій, приведя въ своемъ изданіи это мѣсто въ такомъ видѣ по—гречески, въ переводѣ однако пишетъ не: „Духъ отъ Отца,“ но: „Духъ отъ Духа.“ Но оставимъ это;—ложно то, что здѣсь частица $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}$ или ἐκ означаетъ произведеніе по существу. Изъ словъ, прибавленныхъ Епифаніемъ: „Духъ отъ Духа“ никакой пользы для іезуита не выходитъ, ибо слова эти не: „Духъ отъ Духа происходитъ,“ какъ хочетъ іезуитъ, а только просто: „Духъ отъ Духа.“ И здѣсь точно такъ же Епифаній подразумѣваетъ тó же, что разумѣлъ раньше, говоря: „Духъ отъ Обоихъ,“ т. е. что Духъ Св. отъ Отца исходитъ, какъ Духъ отъ Духа, а отъ Сына беретъ, какъ Духъ отъ Духа. Нисколько это іезуиту не помогаетъ.

Въ свою очередь по поводу приведеннаго мѣста изъ LXXIV ереси: „и Духа никто не знаетъ, только Сынъ, отъ Котораго беретъ, и Отецъ, отъ Котораго исходитъ,—ни Отца и Сына (никто не знаетъ), только Духъ Св., Который отъ Отца, Который отъ Сына“—такъ возражаетъ іезуитъ Петавій въ указанномъ мѣстѣ: „здѣсь $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}$, ¹⁾ по признанію самихъ Грековъ, обнаруживаетъ произведеніе по существу,—ибо Духъ Св. является отъ Отца не иначе. И въ другихъ мѣстахъ, гдѣ (Епифаній) поставилъ: $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}$ τοῦ Υἱοῦ, или $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}$ ἀμφοτέρων, показывается происхожденіе по существу

¹⁾ въ греческомъ текстѣ это мѣсто читается такъ: ...ὁδὲ τὸν Υἱὸν καὶ τὸν Πατέρα (τις ἔγνω), εἰ μὴ τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον, ὃ παρὰ τοῦ Πατρὸς, ὃ ἐκ τοῦ Υἱοῦ.
Прим. перев.

(substantiva origo) которое обозначаетъ и другое слово ἐξ, представляемое къ Сыну.“ Но тутъ нѣтъ никакой послѣдовательности. Основаніе различія явствуетъ изъ того, что, когда здѣсь Епифаній говоритъ: „отъ Отца,“ то смыслъ Его тотъ, что Духъ Св. отъ Отца исходитъ, а когда въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „отъ Сына,“ то подразумѣваетъ, полученіе Духомъ Св. отъ Сына, — равно также, когда говоритъ: „отъ Обоихъ,“ то имѣетъ въ виду сказать: отъ Отца исходитъ, отъ Сына получаетъ, какъ выше было доказано. Наконецъ, ложно, будто говоря: „Который отъ Сына,“ Епифаній обозначаетъ также происхожденіе, тогда какъ онъ въ этомъ случаѣ разумѣетъ только полученіе Духомъ Св. отъ Сына.

Наконецъ, по поводу словъ изъ LXXIV ереси: „если называешь Сыномъ Того, Который изъ Него, а Духомъ Св., Который изъ Обоихъ,“ иезуитъ Петавій въ томъ же своемъ сочиненіи говоритъ слѣдующее: „здѣсь идетъ рѣчь о произведеніи по существу лица Св. Духа, а не объ изліяніи благодатныхъ даровъ, которые иногда обозначатся именемъ Духа, такъ что не можетъ быть мѣста вліянію Грековъ, о которомъ скажемъ послѣ. Именно — когда (Епифаній) говоритъ, что Сынъ изъ Него, онъ разумѣетъ начало и происхожденіе не иное какое, а по существу. Поэтому, когда онъ говоритъ о Духѣ Св. и заявляетъ, что Онъ — отъ Обоихъ, нельзя этого толковать о другомъ происхожденіи.“ Но этотъ выводъ мы уже опровергли. Ибо почему смыслъ этихъ словъ не могъ быть такой: если ты говоришь, что Сынъ отъ Отца рождается, Духъ Св. отъ Отца исходитъ и отъ Сына получаетъ? Отсюда, конечно, съ необходимостью дѣлается выводъ объ одной и той же сущности трехъ ипостасей, какъ доказано въ другомъ мѣстѣ. Точно такъ же ничего не доказываетъ другой иезуитъ ¹⁾, когда, приводя извѣстное уже намъ мѣсто изъ слова Якорнаго: „весь Богъ есть жизнь; поэтому Сынъ — жизнь отъ жизни, а Духъ Св. отъ Обоихъ,“ замѣчаетъ: „здѣсь (Епифаній) прямо учитъ, что Духъ Св. такъ отъ Обоихъ, какъ Сынъ — жизнь отъ Бога.“ И здѣсь такое заключеніе точно такъ же не основательно; ясно, что Епифаній правильно разсуждаетъ такимъ образомъ: если весь Богъ есть жизнь, то необходимо, что бы Сынъ, раждаясь отъ

¹⁾ Циховій вопр. V, стр. 42.

Отца и потому будучи Богомъ, былъ жизнь; необходимо, что бы Духъ Св., исходя отъ Отца и получая отъ Сына и потому будучи Богомъ, былъ жизнью; ибо изъ того, что Духъ Св. получаетъ отъ Сына, съ необходимостью слѣдуетъ, что Духъ Св. единосущенъ съ Сыномъ, а потому Онъ и есть жизнь,—какъ доказано въ другомъ мѣстѣ ¹⁾).

Выставляютъ еще мѣсто изъ Епифанія, изъ его LXIX ереси (Арианъ), номеръ 54 (т. I твореній, стр. 776): „здесь есть посланный и посланный, чтобы доказать, что источникъ всѣхъ благъ — одинъ, т. е. Отецъ. А затѣмъ — отъ источника — не въ иномъ смыслѣ, но въ смыслѣ Сына и Слова, такъ какъ Сынъ является одинъ источникомъ, происшедшимъ отъ источника, всегда является у Отца рожденнымъ: ибо у тебя источникъ жизни (говоритъ пророкъ). И чтобы показать о Духѣ Св.: въ свѣтъ Твоемъ увидимъ свѣтъ, — что бы этимъ показать, что Сынъ есть свѣтъ Отца и что свѣтъ — Духъ Св. и что Духъ Св. источникъ отъ источника, отъ Отца и Единороднаго: ибо изъ чрева Его потекутъ рѣки воды, идущей въ жизнь вѣчную. Ибо сказалъ это (Господь) о Духѣ Св. говоритъ евангеліе “—Но что Сынъ здесь называется источникомъ Духа Св. во вѣкъ, такъ какъ здесь же и Епифаній показываетъ, что и Духъ Св. — источникъ, подобно Сыну, это мы видѣли выше относительно подобныхъ словъ Аванасія ²⁾). Слѣдовательно, — говоря: „источникъ отъ источника, отъ Отца и Единороднаго Духъ Св.“ Епифаній называетъ тутъ Отца и Сына источникомъ Духа Св. только въ отношеніи изліянія Духа Св. во вѣкъ.

Выставляютъ слѣдующія слова изъ слова Якорнаго (номеръ 75, стр. 80): „Отецъ былъ всегда, и Духъ отъ Отца и Сына дышетъ, и ни Сынъ не сотворенъ, ни Духъ.“ Но какъ естественно и удобно принять эти слова относительно временнаго изліянія Духа Св.! Ибо, если Духъ Св. — отъ Отца и Сына, или изливается изъ сущности Отца и Сына, то, конечно, отсюда слѣдуетъ, что Духъ Св. — не сотворенъ, но одной сущности съ Отцомъ, о чемъ была рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Св. Писаніе говоритъ: „Духъ, гдѣ хочетъ

¹⁾ См. гл. XII, отв. II.

²⁾ См. настоящую главу X.

дышетъ,“ что Отцы толкуютъ о Духѣ Св., раздающемъ намъ свои дары, какъ мы видѣли это въ гл. о томъ, что посланіе Духа Св. Сыномъ не есть доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына ¹⁾). Далѣе,—если бы тутъ шла рѣчь о началѣ, то не было бы сказано о Духѣ Св., что Онъ дышетъ отъ Отца и Сына, а —дышится,—ибо слово дышать показываетъ дѣйствіе, такъ что, если бы эти слова Епифанія нужно было понимать относительно вѣчнаго дыханія Духа Св., то отсюда слѣдовало бы, что и Духъ Св. дышетъ (spirat) иного, что невозможно.

Наконецъ иъето ²⁾ разсуждаетъ такъ: „преслѣдуя столь тщательно всѣ ереси противъ Духа Св. и возставая противъ множественности началъ, Епифаній нигдѣ не заявилъ, что говорить Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына — ересь или заблужденіе.“ Но что же отсюда слѣдуетъ? Развѣ изъ этого можно выводить, что Епифаній одобрялъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына? На самомъ дѣлѣ, конечно, онъ не вспомнилъ о немъ потому, что никому изъ Отцовъ и Епифанію также и во снѣ не приходило на мысль исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, какъ это видно изъ примѣра Феодорита, о чемъ говорилось въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ ³⁾). И если Епифаній нигдѣ не училъ, что утвержденіе, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына — ересь или заблужденіе, то равнымъ образомъ нигдѣ онъ не училъ, что исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца — ересь или заблужденіе, а между тѣмъ онъ много разъ тщательно обсуждалъ вопросъ объ исхожденіи Св. Духа. Напротивъ, множество разъ Епифаній учитъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца, говоря, что либо Одинъ только Отецъ произвелъ Духа Св., либо что Духъ Св. отъ Одного только Отца, либо что Одинъ только Отецъ — начало Сына и Духа Св., какъ это было указано въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ.

На этомъ покончимъ объ Епифаніи.

¹⁾ См. гл. VIII.

²⁾ Циховій вопр. V, стр. 44.

³⁾ См. гл. I, вѣкъ V.

XIV.

Изъ Филона Карнавійскаго.

Филонъ Карнавійскій ¹⁾ въ пѣсни пѣсней; въ началѣ (т. IV Кельнской бібліотеки Отцовъ, стр. 560) говоритъ: „Сынъ— уста Бога Отца. Поэтому, будучи Самъ Богомъ и равнымъ по природѣ Отцу, называется Словомъ: ибо все, что хочетъ Отецъ, Онъ говоритъ черезъ Сына, творитъ, созидаетъ и сохраняетъ вмѣстѣ съ божественнымъ Духомъ, который исходитъ отъ Отца и Сына.“ Но такъ какъ это сочиненіе Филона существуетъ только по латыни, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если оно подверглось судьбѣ, которую испытали въ этомъ отношеніи творенія латинскихъ Отцовъ, о чемъ говорилось въ главѣ ²⁾ о поврежденіяхъ, произведенныхъ въ твореніяхъ латинскихъ Отцовъ,—если только, можетъ быть, въ греческомъ текстѣ вмѣсто слова „исходитъ“ (procedit, ἐκπορεύεται) не стоялъ другой какой нибудь глаголь. Даже самъ Беллярминъ въ своей книгѣ „о церковныхъ писателяхъ“ говоритъ объ этомъ комментаріи Филона: „кажется, у него многое включено изъ комментарія Григорія на пѣснь пѣсней, что съ остальнымъ изъясненіемъ не совсѣмъ вяжется.“ Никакого значенія для насъ не можетъ имѣть эта ссылка, такъ какъ въ текстѣ Филона могла быть сдѣлана вставка, какъ и въ другихъ случаяхъ.

XV.

Изъ Григорія Нисскаго.

Изъ книги *Григорія Нисскаго* о томъ, „что не три Бога,“ выставляють Латиняне, во первыхъ, слѣдующее мѣсто: „вѣруемъ, что иное—причина, а иное—отъ причины и изъ того, что—отъ причины.“ Затѣмъ, приводятъ мѣсто изъ III бесѣды на молитву Господню: „о Духъ Св. говорится, что Онъ отъ Отца и есть свидѣтельство, что Онъ—отъ Сына“ Но въ главѣ о поврежденіяхъ, произведенныхъ въ писаніяхъ восточныхъ Отцовъ, доказано, что эти мѣста злонамѣренно повреждены. ¹⁾

¹⁾ См. о немъ настоящую главу,—III, примѣчаніе.

²⁾ гл. III.

³⁾ См. гл. II, поврежденіе XIII и XIV.

Выставляють, далѣе, мѣсто изъ I кн. противъ Евномія: „тоже слѣдуетъ намъ сказать о Духѣ Св., Котораго отличіе установлено въ одномъ только порядкѣ: ибо какъ Сынъ соединяется съ Отцомъ и, получая отъ Него бытіе, не дѣлается ниже по существованію, такъ въ свою очередь соединяется съ Единороднымъ,“ и пр. Но и это мѣсто мы оградили отъ невѣрнаго толкованія въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ, говоря о Григоріи Нисскомъ ¹⁾).

XVI.

Изъ Іоанна Златоустаго.

Изъ *Іоанна Златоустаго* выставляють, прежде всего, мѣсто изъ I бесѣды его „объ изложеніи символа“ (т. V латинскаго Парижскаго изданія 1588 г. столб. 615 и т. II латинскаго Парижскаго изданія 1530 г. стр. 543): „это есть Духъ, исходящій отъ Отца и Сына, Который раздѣляетъ Свои дары каждому, какъ хочетъ.“ Эти слова приводитъ и *Ломбардъ* въ I кн. отдѣлъ XI „миѣній.“ И изъ II бесѣды „о символѣ апостольскомъ“ (т. V латинскаго Парижскаго изданія 1588 г. стр. 618 и изд. 1530 г. т. II, стр. 545): „вотъ мы вѣруемъ и въ Духа Св., каковой Духъ Св., исходя отъ Отца и Сына, соединяется любовью.“ И раньше этого (въ изд. 1588 г. стр. 617, а въ изд. 1530 г. стр. 541): „этого Духа Св. называемъ соравнымъ Отцу и Сыну а исходящимъ отъ Отца и Сына. Вѣруй въ это, что бы дурныя рѣчи не развратили добрыхъ нравовъ.“ Но обѣ эти бесѣды, чьи бы они ни были, сохранились только по-латыни; а въ такихъ писаніяхъ нельзя давать Латинянамъ никакой вѣры, что мы доказали въ главѣ о поврежденіяхъ латинскихъ Отцовъ ²⁾).

Выставляють далѣе мѣсто изъ бесѣды на Рождество Христово (т. V англійскаго греческаго изданія стр. 134): „пришелъ къ намъ Христосъ, далъ намъ τὸ ἐξ αὐτοῦ Πνεῦμα (Духа, Который изъ Него) и воспринялъ наше тѣло.“ Патриархъ Константинопольскій *Фотій* въ своей „библіотекѣ“ (кодексъ ССLXXVII, столб. 1549) читаетъ это мѣсто такъ: „пришелъ къ намъ Христосъ, далъ намъ Своего Духа (τὸ αὐτοῦ Πνεῦμα) и принялъ наше тѣло.“

¹⁾ См. тл. I, вѣкъ V.

²⁾ См. гл. III.

Точно такъ же Иоаннъ Златоустъ въ другой бесѣдѣ на Рождество Христово (т. VI греко-латинскаго изданія) говоритъ: „воспринявши мою плоть, даетъ мнѣ Своего Духа (τὸ ἐαυτοῦ Πνεῦμα), что бы, давая и принимая, составить мнѣ сокровище жизни; плоть воспринимаетъ, что бы меня освятить; Духа Своего (τὸ Πνεῦμα αὐτοῦ) мнѣ даетъ, что бы меня спасти.“ Но хотя бы слова Златоустаго даже были: „далъ намъ Духа, Который изъ Него,“ ихъ, конечно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ, какъ мы покажемъ, употребляетъ ихъ вездѣ *Кириллъ Александрійскій*.

Беккъ выставляетъ изъ II предохранительнаго слова (Λόγος προφολακτικὸς), начинающагося словами: „такъ какъ мы приступаемъ къ благу“ слѣдующее мѣсто: „такъ да сохранить насъ Духъ, Который отъ Христа, въ день грядущаго искупленія.“ Подобныя этимъ слова приводитъ нѣкто ¹⁾ изъ комментарія на III гл. посланія къ Ефесянамъ: „Богъ далъ намъ Сына Своего въ залогъ мира и договора и Духа Св., Который изъ Него.“ Но въ какомъ смыслѣ Отцы часто говорятъ: „Духъ -- изъ Сына,“ скоро увидимъ по поводу такихъ же словъ *Кирилла*, хотя во второмъ свидѣтельствѣ нѣтъ никакой необходимости выраженіе: „Который отъ Него“ относить къ Сыну, а не къ Отцу, такъ какъ Златоустъ только что говорилъ какъ о Сынѣ, такъ и объ Отцѣ.

Беккъ опять выставляетъ мѣсто изъ слова о двухъ завѣтахъ, начинающагося словами: „Одного и Того же Бога изначала объявилъ“ и пр.: „потому, что богоносное тѣло Господа сдѣлалось храмомъ божественной силы, и мы становимся храмомъ по подобію Его: ибо ты принимаешь посылаемаго Имъ Духа. Поэтому какъ, признавая Христа, ты призналъ Бога, такъ, принимая Духа Христа, ты принялъ Бога.“ Безъ всякой однако необходимости принимаются эти слова въ смыслѣ исхожденія Св. Духа, когда ихъ можно съ не меньшимъ основаніемъ относить къ временному посланію Св. Духа, ибо хотя слово ἐκπέμφεις иногда обозначаетъ вѣчное исхожденіе Св. Духа, изъ этого однако не слѣдуетъ, что бы оно вездѣ удерживало только это одно значеніе.

¹⁾ Циховій, вопр. IV стр. 59.

Приводятъ также изъ слова о таинствѣ крещенія (т. V греческаго изданія, стр. 684) выраженіе: „этимъ и Спасительъ показываетъ, что Онъ — источникъ жизни и что Духъ Св. — живая вода.“ Но это мы разбирали выше по поводу такихъ же словъ Аѳанасія. ¹⁾

Приводятъ еще изъ I.XXVI бесѣды на евангеліе отъ Іоанна (стр. 390) выраженіе: „и ведя рѣчь объ истинѣ, говоритъ: пошлю вамъ Его. Вотъ—не Отецъ только, но и Сынъ посылаетъ Духа.“ Но кто же когда-нибудь отрицалъ, что Духъ посылается Сыномъ? И развѣ потому, что Сынъ посылаетъ Св. Духа, то и производитъ Его черезъ исхожденіе?

Но *Белларминъ* во II кн. „о Христвѣ“, гл. XXV возражаетъ: „въ LXXVI бесѣдѣ на Іоанна (Златоустъ) говоритъ: вотъ—не Одинъ только Отецъ посылаетъ Духа, но также и Сынъ. И что бы Греки не сказали, что Златоустъ говоритъ о временномъ посланіи даровъ Св. Духа, тотъ же Златоустъ въ LXXVII бесѣдѣ на Іоанна, объясняя, почему говорится, что Духъ посылается Сыномъ, замѣчаетъ: кромѣ того, указываетъ и различіе лицъ, полагая два и пр. Слѣдовательно,—если посланіемъ выражается обозначеніе различія лицъ, то посылается на самомъ дѣлѣ лицо, а не одни только дары, и такъ какъ различіе лицъ—вѣчно, то это посланіе съ необходимостью включаетъ вѣчное истеченіе.“—Дѣйствительно, и мы допускаемъ, что посылается само лицо Св. Духа, а не только дары Его, что доказано въ особой главѣ; ²⁾ однако отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что либо Духъ Св. посылается по божеству, либо Златоустъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ не о временномъ посланіи Св. Духа. Ибо, если раскроемъ указанную LXXVII бесѣду, то окажется, что Златоустъ здѣсь же и ясно отрицаетъ, что Духъ Св. посылается по божеству, а говоритъ только о временномъ посланіи. Вотъ его слова: „но почему (Господь) говоритъ: пошлю Его? Это значитъ, — приготавлю васъ для Его принятія. Ибо какъ послать Того, Кто есть вездѣ? Кромѣ того, показываетъ и различіе лицъ, полагая два (лица).“ Слѣдовательно, такъ какъ Златоустъ объясняетъ посланіе Духа Св. въ смыслѣ только при-

¹⁾ См. настоящую главу X.

²⁾ См. гл. VIII, отв. VIII.

готовленія нашего къ принятію Духа Св. и отрицаетъ возможность просто сказать: — Духъ Св. кѣмъ-нибудь посылается (ибо для доказательства предпосланнаго положенія замѣчаетъ: „какимъ образомъ посылается Тотъ, Кто вездѣсущъ?“), то совершенно ясно, что точно такъ же Онъ говоритъ о временномъ только посланіи, а не о вѣчномъ исхожденіи Св. Духа, когда вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: „кромѣ того, показываетъ и различіе лицъ.“ — Въ отношеніи Его вѣчнаго посланія весьма справедливо, конечно, говорится о Духѣ Св., что Онъ посылается или высылается. Что же касается словъ Златоустаго: „кромѣ того, указываетъ различіе лицъ, полагая два лица, когда говоритъ: пошло вамъ Его,“ — то смыслъ ихъ, конечно, такой: такъ какъ Господь въ этихъ словахъ упоминаетъ о посылающемъ и посылаемомъ, то изъ этого ясно вытекаетъ, что Сынъ и Духъ Св. суть два лица, ибо если одно посылается другимъ, то необходимо отличать посылающаго отъ посылаемаго.

Но Белларминъ возражаетъ: „и такъ какъ различіе лицъ—вѣчно, то это посланіе съ необходимостью включаетъ вѣчное истечение.“ Между тѣмъ иное дѣло—изъяснить самое свойство различія лицъ, иное—изъ какихъ—нибудь словъ Писанія доказывать, что Сынъ и Духъ Св.—два лица. Такъ, когда говорится, что Отецъ послалъ Сына въ міръ, то этимъ самымъ указываются два лица и отсюда поэтому выводится различіе лицъ,—но развѣ изъ-за того, что различіе лицъ — вѣчно, это посланіе Сына или воплощеніе включаетъ вмѣстѣ и вѣчное истечение? Вѣдь, наконецъ, иначе слѣдовало бы, что и Духъ Св.—начало Сына, когда въ Писаніи говорится, что Духъ Св. послалъ Сына: точно такъ же этимъ устанавливаются два лица и отсюда поэтому обнаруживается различіе лицъ. Между тѣмъ Златоустъ рассуждаетъ такъ: когда говорится, что Сынъ посылаетъ Духа Св., то этимъ самымъ устанавливается два лица и поэтому отсюда вытекаетъ различіе лицъ. Самое же свойство различія лицъ—вѣчно, какъ вѣчно и различіе лицъ, поэтому все, что сюда относится, также вѣчно. Но, какъ доказано, здѣсь Златоустъ отнюдь не имѣлъ въ виду выяснить самое свойство различія ипостасей.

XVII.

Изъ Синезіа.

Латиняне заявляютъ, что *Синезій*, епископъ Птолемаидскій, называетъ Духа Св. центромъ Отца и Сына. Такъ въ гимнѣ IV (послѣ начала, стр. 334) онъ взываетъ къ Сыну: „воспѣваю Тебя, всеблаженный, вмѣстѣ съ Отцомъ, воспѣваю роды, которые изъ-за Тебя перенесъ Отецъ, плодovitое рѣшеніе,—посредническое начало, воспѣваю Св. Духа—центръ Отца, центръ Сына.“ И въ гимнѣ V (стр. 342): „радуйся, чистое дуновеніе, центръ Рожденнаго, центръ Отца.“

Нѣкто ¹⁾ прибавляетъ, что тѣмъ же Синезіемъ въ гимнѣ III, номеръ 228, Духъ Св. названъ предѣломъ природъ рождающей и рожденной. Отсюда тотъ же авторъ настаиваетъ: „центромъ Отца и Сына Духъ Св. не иначе можетъ быть понимаемъ, какъ только потому, что присущая Тому и Другому дыхательная сила для Его произведенія направляется къ одному и тому же предѣлу. Когда же Духъ Св. называется предѣломъ природъ рождающей и рожденной, то этимъ дается понять, что Духъ Св. такъ покоится въ Сынѣ, что дыхательная сила, присущая въ природѣ рождающей и рожденной, уже не простирается на какой-нибудь иной предѣлъ.“ Но если Синезій въ приведенныхъ мѣстахъ называетъ Духа Св. центромъ Отца и Сына, то опять-таки въ другихъ мѣстахъ онъ называетъ Отца центромъ Сына и Духа Св.,—мало того—центромъ всего сущаго. Такъ въ гимнѣ I (стр. 314) онъ говоритъ: „появляющаяся отсюда въ первичномъ видѣ единица, разлитая неизрѣченнымъ образомъ, получила тройную силу. Сверхъестественный же источникъ вѣнчается красотою дѣтей, которыя вытекли изъ центра и вокругъ центра вращаются.“ И въ гимнѣ III (стр. 321) онъ говоритъ Отцу: „сѣмя сущаго,—центръ всего.“ Наконецъ, въ гимнѣ II (стр. 317) онъ говоритъ Богу: „радуйся долго, корень міра, долго радуйся, центръ сущаго.“ И такъ, если-бы, по Синезію, Духъ Св. потому происходилъ и отъ Сына, что онъ называетъ Духа Св. центромъ Отца и Сына, то, конечно, слѣдовало бы, что и Отецъ произведенъ Сыномъ и Духомъ,—мало того—тварями, а это—нелѣпность. Меж-

¹⁾ Циховій вопр. VI стр. 64.

ду тѣмъ онъ называлъ точно такъ же Отца центромъ Сына и Духа, даже всего сущаго. Отсюда явствуетъ, что Синазіій называлъ Духа Св. центромъ Отца и Сына совершенно не въ томъ смыслѣ, какой навязывалъ ему іезуитъ. Ибо, если бы Синазіій понималъ это въ отношеніи пачала, то онъ сказалъ бы, что Отець и Сынъ — центръ Духа Св. точно такъ же, какъ онъ въ отношеніи начала называлъ Отца центромъ Сына и Духа Св., мало того — центромъ всего: подобно тому какъ изъ центра вытекають всѣ линіи, проводимыя отъ центра къ окружности, такъ все изъ Отца вытекаетъ и вокругъ Него вращается, что ясно и говоритъ Синазіій въ I гимнѣ относительно Сына и Духа Св. въ выраженіяхъ, нами только что приведенныхъ. Затѣмъ, не вѣрно, будто нельзя иначе объяснить, какимъ образомъ Духъ Св. — центръ Отца и Сына, какъ только въ смыслѣ, предполагаемомъ іезуитомъ. По разнымъ причинамъ боговдохновенный поэтъ могъ назвать Духа Св. центромъ Отца и Сына, какъ равно въ послѣдующихъ словахъ по нѣкоторой поэтической вольности онъ называетъ природу рождающей и рожденной, чего иначе богословіе не допускаетъ. Могъ, напримѣръ, Духъ Св. быть названъ центромъ Отца и Сына потому, что какъ многія окружности, изъ одной точки выведенныя, имѣють одинъ только центръ, такъ и Отець и Сынъ въ и съ Духомъ Св. находятся, какъ въ одномъ и только въ одномъ общникѣ, а не такъ, что бы эта общность и тожество простиралось на многихъ. Въ этомъ-то смыслѣ по справедливости далѣе Духъ Св. могъ быть названъ предѣломъ Отца и Сына, или природы рождающей и рожденной, какъ выражается Синазіій: ибо, понятно, природа Отца и Сына заканчивается въ Духѣ Св. и не простирается также и на другихъ. Такимъ образомъ, безъ всякаго основанія настаиваетъ здѣсь іезуитъ на принятіи его толкованія приведеннаго мѣста.

XVIII.

Изъ Кирилла Александрійскаго.

Изъ Кирилла Александрійскаго Латиняне выставляютъ разныя выраженія, напр.: Духъ Св. изъ Сына изливается; Онъ — изъ сущности Сына, Онъ — Сына. Но что эти выраженія, каковы бы они, наконецъ, ни были, не противорѣчатъ исхожденію Св. Духа

отъ Одного только Отца, явствуетъ хотя бы изъ посланія *Максима* къ Марину. Ибо онъ доказываетъ (притомъ согласно и съ мнѣніемъ апокрисіаріевъ Римскаго папы), что изъ такихъ словъ Кирилла отнюдь не слѣдуетъ, что Сынъ причина Духа Св., а только что Онъ Сыномъ посылается, — чтобы такимъ образомъ показать одну сущность Отца съ Сыномъ и Св. Духомъ. И нельзя было представить болѣе яснаго свидѣтельства. Вотъ слова этого посланія, которыя приводилъ и *Маркъ*, Архіепископъ Ефесскій, въ XXIII засѣданіи Флорентинскаго Собора (т. XIII Соборовъ, столб. 376): „обитатели царствующаго города обозначили не столько, сколько вы написали, главъ соборнаго посланія нынѣшняго святѣйшаго папы, а только двѣ, изъ которыхъ одна касается божества, такъ какъ онъ, говорятъ, сказалъ, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына, — а другая — относится къ воплощенію, такъ какъ онъ будто бы написалъ, что Господь, какъ человѣкъ, былъ безъ природнаго грѣха. И относительно перваго они привели согласныя мнѣнія Римскихъ Отцовъ, а также Кирилла Александрійскаго, — изъ его комментаріевъ на Іоанна, — каковыми доказали, что они отнюдь не утверждаютъ, будто Сынъ — причина Духа: ибо они знаютъ одну причину Сына и Духа — Отца, — именно Перваго — по рожденію, а Второго — по исхожденію, но обозначаютъ, что Онъ (Духъ) чрезъ Него (Сына) является (*prodiere, προτέυα*) и этимъ основаніемъ доказываютъ — общность той же сущности безъ всякаго различія.“

Объ этомъ посланіи пространно говорилось въ главѣ ¹⁾ о спорахъ между самими Латинянами, возникшихъ по поводу утвержденія нѣкоторыми изъ нихъ исхожденія Св. Духа отъ Сына; но не довольствуясь этимъ общимъ отвѣтомъ, рассмотримъ самыя Слова Кирилла. — И такъ, *во первыхъ*, заявляютъ: Кириллъ часто училъ, что Духъ Св. изливается Сыномъ. Такъ, дѣйствительно, Кириллъ во II кн. на Іоанна, гл. I (т. IV твореній, стр. 127) тотчасъ прибавилъ: „если въ васъ — Христось, устанавливающій во всемъ неизмѣнное сходство Сына съ Духомъ, Который — Его собственный и Имъ по природѣ изливается.“ И въ посланіи X (т. V, ст. II, стр. 74), которое утвердилъ и вселенскій Ефесскій Соборъ: хотя

¹⁾ См. гл. V и VIII.

Духъ—въ собственной ипостаси и разумѣется Самъ по Себѣ, по-скольку Онъ — Духъ, а не Сынъ; однако Онъ не чуждъ Его (Сына), ибо названъ Духомъ истины, а Христосъ—истина,—и изливается Имъ, подобно какъ и Богомъ Отцомъ.“ Изливается Духъ Св., говоритъ Кириллъ, и Сыномъ, и Отцомъ, а не исходитъ (*ἐκπορεύεται*), какъ переводятъ обычно Латиняне его слова. Опять въ книгѣ „о правой вѣрѣ къ Θεодосію“ (за долго до конца, т. VI, стр. 34): „божественный Петръ, обращаясь къ іудеямъ, сказалъ: покайтесь и креститесь каждый во имя Іисуса Христа для отпущенія вашихъ грѣховъ, и получите даръ Св. Духа. Ибо разрешая отъ грѣховъ представленнаго Ему, Онъ вслѣдъ затѣмъ помазываетъ Своимъ Духомъ, Котораго высылаетъ Само Слово и отъ Бога Отца, и изливаетъ намъ изъ Своей природы. Полагая же нѣкоторымъ образомъ общее достояніе въ раздѣленіи плоти вслѣдствіе единенія, Онъ дышалъ также тѣлесно, какъ человѣкъ: ибо Онъ дунулъ на св. апостоловъ со словами: получите Духа Св. И не по мѣрѣ даетъ Онъ Духа, по слову Іоанна, но Самъ изъ Себя посылаетъ подобно тому, какъ и Отецъ.“ И въ книгѣ „о правой вѣрѣ къ царевнамъ“ (въ указанномъ мѣстѣ, стр. 156): „и такъ, Онъ получаетъ, какъ человѣкъ, достигая этого не столько для Себя, сколько для всего рода человѣческаго черезъ Себя Самого и въ Самомъ Себѣ; даетъ же божественно изъ своей собственной природы достойнымъ получить.“ Въ діалогѣ III о Тройцѣ (т. V, ч. I, стр. 482): „кто насъ какъ бы золотитъ на землѣ славою сыновъ,—это Духъ; хотя Онъ—Сына, но совершаетъ на другихъ усыновленіе; не совершитъ же Онъ ничего надъ тѣмъ, чей Онъ не по присужденію и не по приходенію извнѣ, а по существу является Его и черезъ Него излить съ соизволенія Отца на достойныхъ Его получить.“—И такъ, Латиняне выводятъ заключеніе: вотъ сколько разъ учитъ Кириллъ, что Духъ Св. изливается Сыномъ такъ, какъ Отцомъ. Между тѣмъ въ изложеніи Никейскаго символа онъ ясно говоритъ: „изливается,“ т. е. выходитъ Духъ Св. изъ источника-Бога Отца; и во II кн. на Іоанна онъ также утверждалъ, что Духъ Св. по природѣ изливается изъ Сына, — что указываетъ на вѣчное только и ипостасное исхожденіе.

Но что слова Кирилла, въ которыхъ Онъ учитъ объ изліяніи Духа Св. изъ Сына, должны быть понимаемы только относительно временнаго изліяніи Духа Св., ясно, конечно, изъ приведенныхъ выражений Ш-го діалога. Ибо онъ говорилъ: „Онъ (Духъ) черезъ Сына излился на достойныхъ Его полученія,“ что, разумѣется, понимается только о временномъ и на насъ совершенномъ изліяніи Духа Св. — Такъ и въ приведенномъ мѣстѣ изъ книги „о правой вѣрѣ къ царевнамъ“ Кириллъ говорилъ: „дастъ (Сынъ) Духа Св. изъ своей природы достойнымъ получить,“ что опять-таки разумѣется о временномъ только и для насъ совершенномъ дарованіи Духа Св. И въ свою очередь въ „посланіи о правой вѣрѣ къ Θεодосію“ онъ заявлялъ: „не мѣроу даетъ Духа Св. (разумѣется, вѣрнымъ), но одинаково,—такъ, какъ и Отецъ, посылаетъ изъ Себя Самого Св. Духа,“ т. е. на вѣрныхъ. Совершенно то же заключается въ посланіи X. Въ первомъ мѣстѣ Кириллъ говоритъ: но Самъ изъ Себя Самого посылаетъ Духа Св., подобно тому, какъ Отецъ,“—а во второмъ: „и изливается изъ него (Духъ), подобно какъ и изъ Бога Отца.“ Значитъ, и въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ онъ ведетъ рѣчь только о временномъ изліяніи Св. Духа. Дѣйствительно, въ другомъ мѣстѣ Кириллъ выразился: „изливается,“ и въ смыслѣ—исходитъ Духъ Св. отъ Отца, но развѣ изъ-за этого такой смыслъ это слово удерживаетъ вездѣ? Конечно, когда говорится, что Духъ Св. изливается Отцомъ, то имѣется въ виду либо временное, либо вѣчное и иностасное изліяніе Духа Св., и потому, когда Кириллъ въ изложеніи Никейскаго символа говоритъ: „Который изливается отъ Отца,“ то чтобы не оставалось сомнѣнія, въ какомъ смыслѣ онъ говоритъ, — о временномъ ли, или о вѣчномъ изліяніи Духа Св., онъ прибавилъ: „т. е. исходитъ.“ И такъ ничего ровно отсюда съ несомнѣнностью Латиняне въ защиту своего мнѣнія вывести не могли. Наконецъ, о томъ, что во II кн. комментаріевъ на Іоанна Кириллъ училъ, что Духъ Св. изливается изъ Сына по природѣ, скажемъ ниже, когда станемъ выяснять, въ какомъ смыслѣ онъ говорилъ, что Духъ Св. выходитъ изъ Сына по природѣ. Ибо это—одно и то же.

Выставляють далѣе, что Кириллъ учитъ, что Духъ Св.—изъ сущности Сына. Такъ въ X кн. на Іоанна (т. IV твореній, стр. 926) онъ говоритъ: „пусть это будетъ вамъ знаменіемъ, что Духъ

изъ Моей сущности и какъ бы мысль Моя, потому что Онъ возвѣщаетъ вамъ будущее, какъ Я.“ Въ „Сокровищѣ“, въ утверженіи XXXIII (т. V, гл. I стр. 334): „отсюда ты можешь почерпнуть правильныя мысли о Духѣ Св. и узнать, что Онъ—изъ сущности Спасителя и не чуждъ одного (съ Нимъ) божества.“ Опять на стр. 336: „такъ какъ (Духъ Св.)—сущности Христа, раздающаго Его людямъ.“ И въ утверженіи XXXIV (стр. 344): „и говоря это о Духѣ Св., Спаситель не показываетъ, что Онъ—несовершенъ; но еще болѣе убѣждаетъ слушателей въ Его совершенствѣ, заявляя, что, какъ происходящій изъ сущности Его, Онъ ничего иного не станетъ говорить, кромѣ того, что Онъ Самъ (Спаситель) пожелаетъ.“ Опять заглавіе XXXIV утверженія Кириллъ выражаетъ такъ: „о томъ, что Духъ Св.—изъ сущности Отца и Сына.“ Снова тутъ же на стр. 344: „Духъ—изъ существа Сына, являясь, такъ сказать, какъ бы качествомъ господствующаго надъ всеѣмъ Бога.“ И на стр. 347: „блаженный Іоаннъ, доказывая, что Духъ Св.—изъ сущности Отца и Сына, въ евангеліи говоритъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ; а въ посланіи:—Духъ—истина.“ Это Кириллъ повторяетъ и въ книгѣ доказательствъ, что Духъ Св. Богъ (т. V твореній, ч. I стр. 672). Въ „Сокровищѣ“ въ утверженіи XXXIV (т. V, ч. I стр. 338): „такъ какъ Сынъ по природѣ—жизнь, и Духъ Св., Имъ подаваемый, оживотворяетъ, то является необходимымъ для насъ признавать, что Духъ—изъ сущности Бога Сына и имѣетъ всю Его власть и дѣйствование.“ И въ утверженіи XXXIV (стр. 347): „такъ какъ Слово—истинный свѣтъ, освѣщаетъ же Духъ Св., то необходимо, что бы Духъ былъ сущности (или изъ сущности) Слова, Духъ,—черезъ Котораго Оно просвѣщаетъ всякаго человѣка, посылая озареніе Духа, какъ бы нѣкоторый лучъ собственной природы.“ Наконецъ, вслѣдъ за приведенными выше словами изъ X кн. на Іоанна Кириллъ прибавляетъ: „Онъ (Духъ) не предсказывалъ бы будущаго, какъ Я, если бы не существовалъ совершенно во Мнѣ и не исходилъ бы черезъ Меня и не былъ бы одной сущности (или изъ одной сущности) со Мною.“

Но во всеѣхъ этихъ мѣстахъ Кириллъ говоритъ, что Духъ Св.—изъ сущности Сына, не въ иномъ смыслѣ, какъ въ

томъ, въ какомъ училъ, какъ мы видѣли выше ¹⁾), св. Аонасій, — именно, что Онъ — одной и той же сущности съ Отцомъ и Сыномъ. Потому — то онъ и прибавлялъ въ XXXIII утверженіи „Сокровища:“ „(Духъ) изъ сущности Сына и не чуждъ одного (съ Нимъ) божества.“ Ибо въ обычаѣ у греческихъ Отцовъ тамъ, гдѣ они хотятъ передать то, что Латиняне обозначаютъ словами: что-нибудь — одной сущности съ другимъ, выражаться: — „одно — изъ сущности другого.“ Поэтому и сами Греки, желая это обозначить, частью говорятъ, что Духъ Св. — изъ сущности Сына, частью, — что Онъ — сущности Сына, какъ выразился и Кириллъ въ XXXIV утверженіи и въ X кн. толкованій на Іоанна. И этому не противорѣчатъ слова XXXIV утверженія: „Іоаннъ показывая, что Духъ изъ сущности Отца и Сына, говоритъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ.“ Конечно, по тому именно, что Духъ исходитъ отъ Отца, — выходитъ, что Духъ Св. одного и того же божества съ Отцомъ и Сыномъ, — и въ этомъ смыслѣ Кириллъ прибавляетъ, „а въ посланіи: Духъ есть истина.“ Изъ такого выраженія слѣдуетъ только то, что такъ какъ Сынъ Божій есть точно такъ же истина, а Духъ Св. — Духъ истины, то Духъ Св. — единосущенъ съ Сыномъ, но не слѣдуетъ, какъ всякому ясно, что Духъ Св. также и исходитъ отъ Сына.

Возражаютъ опять, что Кириллъ Александрійскій во многихъ мѣстахъ учитъ: Духъ Св. — изъ Сына. — Это онъ говоритъ: въ IX кн. толкованій на Іоанна (т. IV, стр. 810): „потому-то Христось дунуль тѣлесно, показывая, что какъ изъ человѣческихъ устъ Духъ выходитъ тѣлесно, такъ и изъ божественной сущности изливается способомъ приличнымъ Богу Духъ, Который изъ Него.“ Въ X кн. на Іоанна (т. IV, стр. 837): „и такъ, Онъ возвѣщаетъ намъ все, какъ знающій, что въ желаніи Единороднаго, — имѣя это знаніе и не по ученію, что бы не казалось, что Онъ исполняетъ роль слуги и передаетъ слова другого, но какъ Духъ Его, что мы только что говорили. И открываетъ Онъ божественныя тайны святымъ, безъ всякаго наученія, зная все, что — Его, будучи въ Немъ и изъ Него, подобно тому, конечно, какъ человѣскій

¹⁾ см. настоящую гл., X.

умъ, зная все, что—въ человѣкѣ, оказываетъ службу душѣ его, выражая словомъ во внѣ волю того, чей онъ умъ, и хотя въ понятіяхъ кажется и называется чѣмъ—то другимъ, однако онъ не другая природа, а какъ-бы часть, дополняющая цѣлое, существующая въ душѣ и, повидимому, изъ нея происходящая.“ Въ комментаріи къ Іоилу (т. III твореній, стр. 228): поскольку Сынъ по природѣ Богъ отъ Бога (ибо Онъ рожденъ отъ Бога Отца), постольку—Его собственный, въ Немъ и изъ Него Духъ, подобно тому какъ Тотъ же Духъ повимается и въ Самомъ Богѣ Отцѣ. Поскольку же Онъ сталъ намъ подобнымъ человѣкомъ, Его называютъ получившимъ Духа Св.“—Въ „діалогъ VII къ Ермію“ (т. V, ч. I стр. 641): „и такъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, думается, о всякомъ вѣрующемъ говоритъ: придемъ—Я и Отець—и сдѣлаемъ пребываніе у Него. И то, что Онъ—у насъ, мы узнаемъ отъ Духа, Котораго Онъ намъ далъ. Ибо всякій сподобляется пришествія и обитанія въ Немъ истиннаго Бога постольку, поскольку получаетъ Духа Его, и не какъ нѣчто чуждое и по существу отдѣльное, но какъ нѣчто такое, что изъ Него и въ Немъ и представляетъ Его собственное и одинаковое съ Нимъ господство.“ И опять предъ концомъ, стр. 657: „однако говорятъ, что Христосъ о Немъ сказалъ: отъ Моего возьмемъ и вамъ возвѣстити; поэтому, говорятъ, Духъ участникъ Христа.—Нисколько, да не будетъ! Ибо какимъ образомъ—то, что изъ Него и въ Немъ и Его собственное, могло бы быть его участникомъ, могло бы освящаться наравнѣ съ посторонними, могло бы быть по природѣ чуждымъ тому, чьей собственностью оно называется?“ Въ кн. „о правой вѣрѣ къ Θεодосію“ (задолго до конца, т. VI, стр. 33): „посылаетъ (Сынъ) крестящимся Духа Св. не рабски и не какъ слуга, но какъ Богъ—по природѣ;—съ великою властью посылаетъ Того, Кто изъ Него, Его собственный, черезъ Кого намъ напечатлѣвается божественный характеръ.“ Въ XXXIV утверженіи „Сокровища:“ „такъ какъ Іисусъ Христосъ—одинъ Господь, по слову Павла,—называетъ же онъ Господомъ Духа; то онъ не признаетъ никакой разницы въ природѣ Сына и Духа Св., но называетъ Его (Духа) Господомъ, какъ существующаго естественно въ Немъ (Сынѣ) и изъ Него.“ Снова на стр. 343: „если, хотя Духъ призвалъ его къ апостольству, онъ счита-

еть себя призваннымъ Иисусомъ Христомъ, то этимъ онъ ясно показываетъ, что Духъ Св.—не чуждъ сущности Сына, но въ немъ и изъ Него, и какъ-бы нѣкоторое естественное дѣйствованіе Его, которое можетъ все исполнить, что Онъ хочетъ.“ Опять на стр. 344: „такъ какъ Онъ—умъ Христа, то все, что—въ Немъ, говоритъ ученикамъ, вступая съ ними въ сношенія не по собственной волѣ и не по волѣ, чуждой Тому, въ Комъ и изъ Кого Онъ, но какъ выходящій естественно изъ сущности Его и имѣющій Его полную волю и дѣйствованіе.“ И на стр. 350: „Сынъ, показывая явно, что Духъ, существующій изъ Него, представить также и слова Его, говорить: Онъ будетъ говорить не отъ Себя, но скажетъ, что услышитъ, потому что возьметъ отъ Моего. Это похоже на то, какъ если бы медь сказалъ о естественномъ качествѣ, ему прирожденномъ: оно ничего не сообщаетъ вкусу отвѣдывающихъ отъ себя, но возьметъ отъ моего, такъ какъ, разумѣтся, качество сущностей по природѣ переходитъ на то, что нераздѣльно отъ нихъ происходитъ.“ И на стр. 354: „такъ какъ Христосъ даетъ и устанавливаетъ законы, то и Духъ Св., Который—изъ Него и въ Немъ по природѣ, тѣ же законы освящаетъ.“ Опять на стр. 358: „необходимо признать, что Духъ—сущности Сына, какъ (происходящій) изъ Него по природѣ и посланный Имъ къ тварямъ творить обновленіе.“ И въ I кн. „о поклоненіи“ (стр. 9): „Духъ не мѣняется, или если Онъ страдаетъ измѣнчивостью, то упрекъ за это падеть на саму божественную природу: ибо если Онъ—Духъ Бога Отца, то такъ же и Сына, по существу изъ Обоихъ, т. е. изливается изъ Отца черезъ Сына.“ Въ книгѣ „разрѣшеній XII главъ“, въ разрѣшеніи IX анаематизмы (т. VI, стр. 154): „хотя единое Слово Отца стало человѣкомъ, однако Оно осталось и Богомъ, будучи всѣмъ тѣмъ, что и Отецъ, за исключеніемъ одного только, — что Тотъ—Отецъ, и, имѣя собственнымъ Духа Св., Который изъ Него и существенно съ Нимъ связанъ, Оно производило знаменія божественной силы.“ Наконецъ, въ IV кн. противъ Несторія (стр. 98): „и такъ, неразрывно съ Сыномъ и отъ Него—Его Духъ, и это служитъ яснымъ доказательствомъ, что Онъ можетъ давать Его и другимъ.“ И на стр. 106: „тѣ, кто дѣлаютъ

Духа Св. рабомъ Христа,—нечестивы; они унижаютъ Само единосущное съ Богомъ Слово, измѣряя рабскою мѣркою Того, Кто—отъ Него и въ Немъ по природѣ, и Его собственный.“

Но когда Кириллъ говоритъ, что Духъ Св.—изъ Сына, онъ отнюдь не имѣетъ въ виду сказать, что Духъ Св. отъ Сына исходитъ. Это ясно видно изъ того, что, когда онъ сказалъ въ разрѣшеніи IX анаѳематизмы: „Духъ Св.—изъ Сына,“ и на это *Θεοδο- ритъ* въ опроверженіи IX анаѳематизмы возразилъ: „если (Кириллъ) называетъ Духа Св. собственнымъ Сына, какъ исходящаго отъ Отца и елиносущнаго съ Сыномъ, то Онъ хорошо говоритъ; если же (такъ называетъ) потому, что Онъ отъ Сына, или черезъ Сына имѣетъ бытіе, то онъ мыслить нечестиво;“—то Кириллъ отвѣчаетъ: „конечно, Духъ Св. исходитъ отъ Отца, по слову Господа, но Онъ—не чуждъ Сыну, ибо Послѣдній все имѣетъ вмѣстѣ съ Отцомъ.“ Такъ какъ *Θεодоритъ* здѣсь получилъ случай сомнѣваться въ Кириллѣ, выразившемся, что Духъ Св.—изъ Сына, и отсюда заподозрилъ двойной смыслъ, въ какомъ Духъ Св. могъ быть названъ собственнымъ Сына, то, если бы Кириллъ думалъ, что Духъ Св.—отъ Сына потому, что отъ Него исходитъ, безъ сомнѣнія, въ своемъ отвѣтѣ на возраженіе *Θеодорита* подтвердилъ-бы это мнѣніе. Теперь же, когда онъ заявилъ, что принимаетъ только первый изъ приведенныхъ *Θеодоритомъ* смысловъ, т. е. тотъ, по которому Духъ Св. называется собственнымъ Сына, или—изъ Сына потому, что исходитъ отъ Отца, но не чуждъ по природѣ Сыну, то отсюда, конечно, очевидно, что, когда Кириллъ говорилъ: „Духъ Св.—изъ Сына,“ онъ отнюдь не думалъ, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына. И не въ иномъ смыслѣ учитъ Кириллъ, что Духъ Св.—изъ Сына, какъ въ томъ, что Онъ намъ дается Сыномъ. Это явствуетъ изъ словъ его въ V кн. толкованій на *Іоанна*, гл. II. Когда онъ, говоря (на стр. 472) о принятіи Христомъ Духа въ крещеніи, выразился: „принялъ какимъ образомъ? Ибо необходимо выяснить то, что мы сказали. Развѣ Онъ получилъ, какъ не имѣющій Его? Да не будетъ! Ибо Духъ—собственный Сына и не привходитъ въ въ Него извнѣ, какъ въ насъ, подаваемый Богомъ, но присущъ Ему по природѣ, какъ и Отцу, и черезъ Него является святымъ, раздаваемый Отцомъ сколько кому слѣдуетъ,“—то вслѣдъ затѣмъ

прибавляетъ: „и такъ Единородный получаетъ Духа Св. не для Себя, — ибо Онъ — Духъ Его и въ Немъ и черезъ Него, какъ мы уже раньше сказали; но потому, что ставши человѣкомъ, Онъ имѣлъ въ Себѣ всю природу человѣка, — что бы ее всю исправить и снова возстановить въ первоначальномъ видѣ.“ Здѣсь сказанное въ первомъ мѣстѣ: „Духъ Св. — въ Сынѣ и черезъ Него дается святымъ,“ дальше Кириллъ выражаетъ такъ: „Духъ Св. — въ Сынѣ и черезъ Сына, какъ мы только что сказали,“ и поэтому, говоря въ послѣднемъ мѣстѣ: „Духъ Св. — черезъ Сына,“ онъ обозначаетъ не что иное, какъ то, что Духъ Св. дается черезъ Сына. Но сказать — Духъ Св. дается черезъ Сына и Сыномъ, или дается изъ Сына — одно и то же. Слѣдовательно, — правильно, согласно съ Кирилломъ, сказать: — Духъ Св. — есть изъ Сына, — имѣя въ виду показать, что Духъ Св. дается намъ изъ Сына.

Въ какомъ именно смыслѣ этотъ св. Отецъ столько разъ говоритъ, что Духъ Св. — изъ Сына, ясно, затѣмъ, также изъ приведенныхъ словъ его I книги „о поклоненіи Св. Духу:“ „по природѣ, говоритъ онъ, Духъ Св. — изъ Обоихъ, т. е. изливается черезъ Сына изъ Отца,“ разумѣется, на тварей. Значитъ, изъ Сына, говоритъ онъ, Духъ Св. потому, что изъ Него изливается на тварей. И что въ этомъ смыслѣ вполне умѣстно сказать что Духъ Св. — изъ Сына, видно изъ словъ евангелиста Іоанна: „Духа Св. тогда еще не было, потому что Христосъ еще не былъ прославленъ.“ Здѣсь, какъ для всякаго очевидно, отнюдь нельзя понимать, что Духа Св. еще не было въ существѣ своемъ, а только — что Онъ еще не былъ данъ до тѣхъ поръ, пока Христосъ не прославился. На такомъ же точно основаніи умѣстно замѣтить, — что Духъ Св. есть изъ Христа, ибо по истинѣ Духъ Св. дается изъ Христа. Здѣсь *быть* означаетъ *даваться*. Поэтому — то и Анастасій Синаитъ въ I кн. „о догматахъ вѣры“ также говоритъ: „и Господь, показывая, что Духъ Св. является изъ Него, дунувши, далъ Св. Духа ученикамъ.“ Здѣсь точно такъ же не въ иномъ смыслѣ Анастасій говоритъ, что Духъ является изъ Сына, какъ въ томъ, что Онъ изъ Сына дается намъ. Ибо онъ прибавляетъ: „Спаситель Нашъ изъ Себя, какъ — изъ нѣкоторой сокровищницы, давалъ Духа тѣмъ, кто былъ этого достоинъ.“ Впрочемъ объ этомъ послѣ.

Но по поводу приведеннаго мѣста Кирилла изъ его VII кн. къ Ермію іезуитъ *Петавій* въ кн. VII гл. III своего сочиненія „о Троицѣ“ говоритъ: „необходимо понимать это исшествіе *ὁμοούσιος* (по сущности), т. е. такимъ, которое устанавливаетъ Духа соединеннымъ съ Сыномъ и съ Нимъ *ὁμοούσιον* (единосущнымъ), чѣмъ временное посланіе Его не дѣлаетъ.“ Конечно, ложно утверженіе, будто временное посланіе Духа Св. изъ Сына не доказываетъ, что Духъ Св. соединенъ съ сущностью Сына и съ Нимъ *ὁμοούσιον*. Ибо если Духъ Св. дается изъ Сына, или изъ сущности Сына, то Онъ долженъ по необходимости быть въ сущности Сына и одной и той же сущности съ Сыномъ:

Въ свою очередь по поводу словъ Кирилла изъ книги „о правой вѣрѣ къ Θεодосію“ вотъ что утверждаетъ *Петавій*: „мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что нельзя понимать въ смыслѣ временнаго посланія и изліянія даровъ здѣсь сказанное, что Духъ Св. — изъ Него и черезъ Него, но необходимо принимать въ смыслѣ вѣчнаго и ипостаснаго Его исхожденія. Ибо если толковать эти слова не такъ, то они будутъ бессмысленной тавтологіей и смѣшной аргументаціей, совсѣмъ не имѣющей смысла. Такъ Кириллъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ въ виду доказать, что Христосъ, и принявши плоть, есть единственный и природный Сынъ Божій, — доказать тѣмъ, что Онъ имѣетъ то, что свойственно Богу, такъ что Онъ даетъ Духа Св., не какъ слуга или рабъ, Ему чуждаго, но какъ Богъ — собственнаго Ему, такого, Который изъ Него и черезъ Него. Здѣсь, — если предлогъ *изъ* обозначаетъ временное сообщеніе Духа Св. и Его даровъ, то Кириллъ ничего не успѣваетъ доказать, — мало того, — какъ на смѣхъ, приводитъ для доказательства этого даже нѣчто противорѣчащее. Именно — въ этомъ случаѣ онъ станетъ выводить, что временное посланіе Духа, проявившееся въ крещенія, устрояется Христомъ съ полною властью, а не въ рабскомъ состояніи, изъ того, что Духъ отъ Него и черезъ Него точно такъ же во временномъ посланіи выходитъ, — что является страннымъ и нелѣпымъ пустословіемъ. Поэтому необходимо допустить, что Кириллъ здѣсь имѣетъ въ виду субстанціальное произведеніе, изъ котораго только одного вытекаетъ, что Христосъ раздаетъ Духа Св. не какъ нѣчто чуждое, но какъ нѣчто собствен-

ное, такое, что произошло из Него и через Него. Ибо изъ того, что Духъ Св. происходитъ отъ Христа по природѣ и по сущности, такъ что говорится, что Онъ — изъ Него, слѣдуетъ, что Онъ Имъ посылается, какъ собственный и по Своему праву и власти; а не то слѣдуетъ изъ этого, что Онъ дается во временномъ посланіи.“

Но, во — *первыхъ*, въ указанномъ мѣстѣ вовсе не стояло: „изъ Сына и черезъ Сына,“ а только: „изъ Сына и Его собственный,“ какъ мы это видѣли. Но это мимоходомъ. *Далѣе*, не правда, будто это Слова Кирилла, либо онъ такъ рассуждалъ: Духъ Св. посылается Сыномъ, — слѣдовательно, — рабскимъ образомъ Онъ не посылается Сыномъ, — такъ какъ выраженіе его было такое: „Который изъ Него и Его собственный.“ Поэтому по смыслу, заключающемуся въ словахъ Кирилла, его рассужденіе представляется въ такомъ видѣ: Духъ Св. изъ Сына, т. е. изъ сущности Сына намъ дается, — слѣдовательно, — Духъ Св. намъ дается не рабскимъ образомъ и не какъ чуждый Сыну Божію. Развѣ такъ рассуждать — странно, нелѣпо, смѣшно? Пожалуй, лишь потому только, что бы иезуитъ настаивалъ, что его смыслъ долженъ быть принять.

По поводу словъ Кирилла изъ X кн. толкованій на Іоанна тотъ же Іезуитъ еще настаиваетъ: „ἐκ τοῦ Υἱοῦ ἐστὶ — является изъ Сына. Что это нужно толковать οὐσιωδῶς (по сущности), — въ этомъ убѣждаетъ все это рассужденіе.“ И далѣе: „и то, что ἐν φ̄ (Кирилл) соединилъ съ ἐξ οὐ. Именно ἐν φ̄ (въ Которомъ) указываетъ на явленіе по сущности Духа въ Сынѣ, — слѣдовательно и ἐξ οὐ (изъ Котораго) будетъ выражать существенное (субстанціальное) изъ Него же исхожденіе.“

Но почему, когда Кириллъ говоритъ, что Духъ Св. — изъ Сына, это нужно понимать не иначе, какъ въ отношеніи начала? Цѣль всего этого рассужденія показать, что Духъ Св. — не чуждъ Сыну, но съ Нимъ единосущенъ; какъ же это можетъ не слѣдовать изъ того, что Духъ Св. изъ Сына, изъ Сына именно, т. е. изъ сущности Сына намъ дается? Далѣе, — какъ ἐν φ̄ обозначаетъ субстанціальное существованіе Духа Св. въ Сынѣ, т. е. что Духъ Св. есть въ сущности Сына, такъ равно, конечно, ἐξ οὐ обозначаетъ, что Духъ Св. по существу и по природѣ посылается. т. е. изъ

существа Сына дается намъ. И неправда, будто отсюда ἐξ οὐ, какъ то дѣлаетъ иезуитъ, обозначаетъ вѣчное субстанціальное исхожденіе. Для такого вывода нѣтъ рѣшительно никакого основанія. И что иезуитъ безъ всякой необходимости соединяетъ это въ одно, видно изъ вышеприведенныхъ словъ Кирилла, изъ кн. V, гл. II толкованій на Іоанна. Изъ того, что онъ раньше говорилъ, что Духъ — въ Сынѣ и черезъ Сына дается твари, онъ затѣмъ выводилъ, что Духъ — въ Сынѣ и черезъ Сына. Развѣ же здѣсь—*быть черезъ Сына* потому также обозначаетъ субстанціальное исхожденіе, что *быть въ Сынѣ* обозначаетъ субстанціальное существованіе Духа Св. въ Сынѣ? Но самъ Кириллъ признавалъ въ этихъ словахъ такой смыслъ: „Который въ Немъ и черезъ Сына дается.“

Нѣкто ¹⁾, приводя отмѣченныя выше мѣста изъ IV кн. противъ Несторія вмѣстѣ съ слѣдующими словами, взятыми также оттуда: „Господь Иисусъ Христосъ, какъ и Отецъ, изливаетъ Духа Св. изъ Своей полноты,“ прибавляетъ: „слѣдуетъ замѣтить, что въ мѣстахъ, раньше отмѣченныхъ, достаточно намекается на то, что Духъ Св. не могъ бы быть намъ данъ Сыномъ, если бы Онъ не исходилъ отъ Него, или если бы Онъ не былъ такъ же Его собственнымъ, какъ и Отца.“ Но какимъ же это образомъ Сынъ не такъ же одинаково, какъ и Отецъ, давалъ бы намъ Духа Св., хотя и имѣетъ Его собственнымъ въ Своей сущности, если бы даже Духъ Св. и не исходилъ отъ Сына? Затѣмъ, — Духъ Св.—столько же собственный Сына, сколько и Отца, однако отсюда вовсе не слѣдуетъ, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына,—что доказано въ особой главѣ. ²⁾

Тотъ же авторъ, приведя выше указанныя слова изъ XXXIV утвержденія „Сокровища“ (стр. 350), замѣчаетъ: „изъ этого вытекаетъ такое очевидное разсужденіе: въ такомъ смыслѣ Сынъ сказалъ о Духѣ Св.: отъ Моего возьметъ, въ какомъ эти самыя слова сказалъ медъ о сладости, какъ исходящей изъ него по природѣ и по существу (то и другое положеніе принадлежитъ Кириллу, какъ ясно для читающаго). Слѣдовательно, по Кириллу, такъ вѣрно, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, какъ вѣрно, что сладость исходитъ

¹⁾ Циховій, вопр. II, стр. 21.

²⁾ гл. XI.

изъ меда.“ Но, *во первыхъ*, дѣйствительно, Кирилль выражается, что Христось такъ говоритъ о Духѣ Св.: „отъ Моего возьметъ,“ какъ сказалъ бы то же медъ о своемъ естественномъ качествѣ. Однако отсюда нельзя сказать, что Кирилль думалъ, будто во всемъ совершенно между собою сходятся Сынъ и Духъ съ медомъ и его естественнымъ качествомъ, а только въ нѣкоторомъ третьемъ. Иначе, если это понимать всеобщимъ образомъ, то отсюда могло бы вытекать много нелѣпостей. *Далѣе*, Кирилль не выразился: „подобно тому какъ медъ сказалъ бы о природномъ свойствѣ, или сладости, изъ него исходящей,“ а только: „какъ будто бы медъ сказалъ о прирожденномъ ему естественномъ качествѣ.“ И такимъ образомъ: какъ сладость прирождена меду, такъ равно отсюда только слѣдовало бы, что Духъ Св. находится въ сущности Сына, а не что Онъ также — изъ Сына и исходитъ. *Затѣмъ*, ни на какомъ основаніи нельзя сказать, что природное качество производится своимъ субъектомъ, что, напр., сладость, присущая тому или иному меду, произведена тѣмъ же медомъ; но, конечно, кѣмъ производится извѣстный субъектъ, тѣмъ также производится и природное качество этого субъекта. Такъ, напр., человѣку естественно присуща способность видѣть, но однако не Петръ, или Павелъ произвелъ эту способность, а тотъ, кѣмъ и они произведены. И, дѣйствительно, Кирилль прибавляетъ: „такъ какъ качество сущностей переходитъ на то, что нераздѣльно изъ нихъ происходитъ (именно — происходитъ — *πρὸς ἐρχόμενα* — стоитъ по - гречески, а не — исходитъ — *ἐκπορεύόμενα*), какъ сладость изъ меда, тепло — изъ огня, свѣжесть изъ воды,“ т. е. качество, напр., меда переходитъ на сладость, которая нераздѣльно изъ него происходитъ; но словомъ *происходитъ* онъ не обозначаетъ *производится*, какъ будто бы смыслъ его былъ, что сладость производится медомъ, а только этимъ самымъ онъ обозначаетъ, что изъ меда обнаруживается сладость, какъ изъ огня также обнаруживается тепло, изъ воды — свѣжесть.

Выставляють, что Кирилль учитъ: Духъ Св. естественно и способомъ, Богу приличествующимъ, выходитъ (*πρὸς ἐξίσι*) изъ Сына. Такъ въ кн. X толкованій на Іоанна (подъ конецъ, т. IV, стр. 925) онъ говоритъ: „Духъ понимается не чуждымъ сущности Единород-

наго, но естественно из нея выходить, ничѣмъ инымъ не являясь, какъ Самимъ Собою, насколько это касается тожества природы, хотя и разумѣется существующимъ въ собственной ипостаси.“ Въ кн. XI, гл. I (стр. 929): „такъ какъ Духъ—единосущенъ съ Сыномъ и выходить черезъ Него способомъ, приличествующимъ Богу, имѣя всю Его совершеннѣйшую во всемъ силу и дѣйствованіе, потому (Сынъ) и говорить: ибо Онъ отъ Моего возьметъ.“ Въ „Сокровищѣ“, въ XXXIV утверженіи (стр. 345 т. V ч. I): „и такъ, когда находящійся въ насъ Духъ Св. дѣлаетъ насъ подобными Богу, а выходитъ изъ Отца и Сына,—то очевидно, что Онъ—божественной природы, выходя въ ней и изъ нея по существу. Подобно тому, конечно, выходитъ и дыханіе изъ человѣческихъ устъ, хотя это примѣръ малый и довольно неподходящій.“ И на стр. 344: „Духъ Св. говорить не по собственной волѣ и не по чуждой волѣ Того, изъ Котораго Онъ и въ Которомъ; но какъ выходящій по природѣ изъ Его сущности, Онъ имѣетъ всю Его волю и дѣйствованіе.“

Но были еретики, которые богохульствовали, что Духъ Св. сообщается намъ Спасителемъ, какъ слугою или какимъ-то орудіемъ. Поэтому, опровергая ихъ, Кириллъ часто говорить: „Духъ Св. выходитъ отъ Сына существенно, по природѣ, способомъ, Богу приличествующимъ.“ Вспоминаетъ онъ о нихъ, между прочимъ, и въ IX кн. толкованій на Іоанна (т. IV стр. 810), говоря: „однако полагающимъ, что Сынъ чуждъ сущности Бога Отца, кто-нибудь въ правѣ сказать: какимъ образомъ, спрашивается, Духа истины, т. е. Духа Сына даетъ Отецъ не какъ посторонняго, или чуждаго, когда, по вашему, Онъ имѣетъ Слово отдѣльнымъ отъ Своей сущности, а между тѣмъ никто не сомнѣвается, что Духъ есть Духъ Сына? Опять же: какимъ образомъ, если Сынъ другой сущности, Онъ передаетъ Духа Отца, какъ Своего? Вѣдь написано, что Онъ дунулъ на учениковъ Своихъ, говоря: получите Духа Св. — И такъ, развѣ не въ правѣ кто-нибудь думать, мало того—твердо увѣрывать, что, такъ какъ Сынъ—участникъ по сущности природныхъ благъ Бога Отца, то Онъ имѣетъ Духа Св. такимъ же образомъ, какимъ, мы мыслимъ, имѣетъ Его Отецъ—не приходящимъ со стороны, не внѣшнимъ образомъ (страшно это и подумать!), а такъ,

какъ каждый изъ насъ, содержитъ въ Себѣ Своего собственнаго Духа и изливаетъ во внѣ изъ глубины Своего внутренняго существа? Потому-то и дунулъ Христосъ тѣлесно, показывая этимъ, что подобно тому какъ изъ человѣческихъ устъ выходитъ Духъ тѣлесно, такъ и изъ божественной сущности Духъ, Который изъ Него, изливается приличествующимъ божеству образомъ.“ Потомъ и въ другомъ мѣстѣ Кириллъ изобличаетъ этихъ еретиковъ. Такъ— въ книгѣ „о правой вѣрѣ къ Θεодосію“ въ приведенномъ уже выше мѣстѣ онъ говоритъ: „крещающимся (Сынъ) посылаетъ Духа Св. не чуждаго Себѣ и не рабски, какъ слуга, но какъ Богъ— по природѣ и съ верховною властью, потому что (Духъ) изъ Него и собственный Его, черезъ Котораго напечатлѣвается намъ божественный отпечатокъ.“

Такъ выражается онъ не разъ и въ другихъ мѣстахъ.

И такъ, съ цѣлью утвердить католическую истину противъ еретиковъ Кириллъ такъ часто говоритъ: Духъ Св. выходитъ изъ Сына *по природѣ, по сущности, не въ образѣ служителя*,— Духъ Св. дается Сыномъ не какъ чуждый Ему, т. е. дается намъ Сыномъ изъ природы и сущности Его. Такимъ образомъ, иезуитъ *Петавій* ничего не достигаетъ, когда въ VII кн. своего сочиненія „о Троицѣ“, въ гл. III, номеръ 9, по поводу словъ выше приведенныхъ изъ XXXIV утверженія „Сокровища“ настаиваетъ: „это исхожденіе Св. Духа нельзя вообразить инымъ, какъ только субстанціальнымъ, какимъ, говорится, Онъ выходитъ (*progredi, προῖέναι*) изъ Отца и Сына,—такъ какъ, часто толкуя слова ἐκ Πατρὸς καὶ Υἱοῦ (Кириллъ) говоритъ: οὐσιωδῶς ἐξ αὐτῶν πρόβεισι, такъ что исходить изъ Отца и Сына—одно и то же, что исходить изъ сущности Отца и Сына. Поэтому, такъ какъ Онъ исходить изъ сущности Того и Другого οὐσιωδῶς, т. е. по существу (*substantialiter*), то выводъ отсюда будетъ, что Онъ существенно исходитъ отъ Отца и Сына.“ Именно, какъ доказано, когда Кириллъ говоритъ: выходящій по существу изъ нея (сущности), то у него идетъ рѣчь только о временномъ посланіи Духа Св., по которому Онъ изливается на насъ изъ самой божественной сущности.

Изъ этихъ словъ Кирилла другой латинскій писатель ¹⁾ дѣлаетъ такую натяжку: „пусть, пожалуйста, замѣтятъ Греко-Россы, что здѣсь не только ясно говорится, что Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, но даже и доказывается. Именно — доказывается, что Духъ Св. (есть) изъ сущности Отца и Сына тѣмъ, что Онъ исходитъ изъ Отца и Сына по сущности (substantialiter), слѣдовательно, предполагается, какъ начало болѣе точное и ясное, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына; ибо иначе Кириллъ доказывалъ бы неизвѣстное неизвѣстнымъ и то, что (даже среди Фотіанъ) вѣрно, невѣрнымъ (у нихъ); — мало того (какъ они скажутъ) ложнымъ и еретическимъ.“

Но, во — первыхъ, нигдѣ въ этомъ мѣстѣ Кириллъ не говоритъ: Духъ Св. исходитъ (*ἐκπορεύεται*) отъ Отца и Сына; онъ выражается только: выходитъ *πρὸς* изъ Отца и Сына, говоря только о временномъ посланіи Духа Св. Далѣе, онъ доказываетъ, что Духъ Св. — изъ божественной сущности, или пользуется божественной сущностью (выраженіе Кирилла: *τῆς θείας οὐσίας κοινῶν* — участвуетъ въ божественной сущности) тѣмъ, что Онъ субстанціально выходитъ (*provenit*, *πρὸς*) изъ божественной сущности, — а не тѣмъ, что Онъ субстанціально исходитъ отъ Отца и Сына (*procedit ἐκπορεύεται*). И такъ, — какимъ образомъ Кириллъ здѣсь могъ предположить, какъ начало болѣе ясное и вѣрное, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына? А что такимъ образомъ Кириллъ доказываетъ неизвѣстное неизвѣстнымъ и вѣрное — невѣрнымъ, — это неправда. Ибо, если Духъ Св., когда къ намъ посылается, выходитъ изъ божественной сущности по природѣ или по существу (*φυσικῶς ἢ τὰ ὁμοιωδῶς*, sive substantialiter), то по всей необходимости Онъ божественной сущности. Гдѣ же спрашивается, здѣсь доказывается вѣрное невѣрнымъ и неизвѣстное — неизвѣснымъ?

Между тѣмъ тотъ же авторъ продолжаетъ: „пусть также замѣтятъ, что этотъ аргументъ окажется бессильнымъ, если онъ не разрѣшится въ такое начало: отъ кого Духъ Св. исходитъ, съ тѣмъ Онъ — единосущенъ, — ибо потому — то и говорится, что Онъ — изъ сущности Отца и Сына, что Онъ исходитъ отъ Отца и Сына. Слѣдовательно, если Онъ не исходитъ, Онъ — не изъ сущности Сына

¹⁾ Циховій вопр. I, стр. 34.

и, слѣдственно, Онъ—не единосущенъ съ Сыномъ.“—Выше доказано, что ложно положеніе, будто иначе аргументъ Кирилла окажется безсильнымъ, если не разрѣшится въ такое начало, какъ равно ложно и то утверженіе, будто потому говорится, что Духъ Св.—изъ сущности Отца и Сына, или—одной и той же сущности съ Отцомъ и Сыномъ, что исходитъ отъ Отца и Сына, такъ какъ это Кириллъ доказываетъ въ приведенномъ мѣстѣ тѣмъ, что Духъ выходитъ (является) изъ Отца и Сына: ибо Онъ не могъ бы изъ божественной сущности выдти или быть посланнымъ, если бы не пользовался той-же божественною сущностью, что и Отецъ и Сынъ. Притомъ относительно только посланія къ намъ Кириллъ много разъ учитъ, что Духъ Св. черезъ Сына выходитъ, а именно: во II кн. толкованій на Іоанна, гл. I (стр. 125): „и такъ, —какимъ образомъ мы отдѣлимъ отъ Сына Духа, Который Ему такъ прирожденъ и такъ съ Нимъ по сущности соединенъ, и черезъ Него выходитъ и въ Немъ есть такъ естественно, что по тождеству природы ни чѣмъ инымъ помимо Него не можетъ быть понимаемъ?“ Въ кн. X (стр. 910): „называя Духа истины, т. е. Своего, утѣшителемъ, говоритъ (Спаситель), что Онъ отъ Отца исходитъ: ибо подобно тому, какъ Онъ—Духъ Его собственный по природѣ, и въ немъ существуетъ и черезъ Него выходитъ, такъ —и Отца.“ И на стр. 926: „не сталъ бы Онъ предсказывать будущее, какъ Я, если бы не былъ совершенно во Мнѣ, не выходилъ отъ Меня и не былъ бы одной сущности со Мною.“ Въ кн. XI, стр. 987: „и въ Словѣ Твоемъ, въ Которомъ и изъ Котораго освящаетъ —и выходитъ Духъ.“ И на стр. 993: „не иное нѣчто отъ Сына въ отношеніи сущности—Духъ, Который и въ Немъ, и черезъ Него выходитъ.“ Заглавіе такое I гл. XI книги (стр. 928) таково: „о томъ, что Духъ Св. по природѣ—отъ Бога и въ Сынѣ, и черезъ Него, и въ Его сущности.“ Сходныя съ приведенными выраженія заключаются въ кн. V толкованій на Іоанна, гл. II; кн. XI,—гл. I и II и въ XII (стр. 1095). Наконецъ, и въ книгѣ „о правой вѣрѣ къ царевнамъ“ (ч. I дѣяній Ефесскаго Собора, гл. III Соборовъ, столб. 302): „конечно, животвореніе слѣдуетъ приписать, и совершенно правильно, не самой природѣ тѣла, хотя оно будетъ собственнымъ тѣломъ Слова, рожденнаго Богомъ, а скорѣе высочайшей силѣ и природѣ, превосходящей всякую тварь, какъ въ

лицъ Бога Отца, изъ Котораго возсіялъ Сынъ, равный и подобный Ему во всемъ. Духъ же животворящій выходитъ изъ обоихъ.“

Но относительно этихъ послѣднихъ словъ іезуитъ *Петавій* настаиваетъ въ указанномъ мѣстѣ: „и вотъ,—какъ подь исхожденіемъ Сына, о которомъ говоритъ Кириллъ, разумѣется совершенно естественное произведеніе Его Отцомъ, такъ и исхожденіе Духа Св. отъ Обоихъ, которое онъ прибавляетъ, должно быть разсматриваемо, какъ естественное.“ Но какимъ основаніемъ доказываетъ іезуитъ этотъ свой выводъ? Никакимъ, конечно. Не объясняются ли однако правильно и легко слова Кирилла такъ: Спаситель оживотворилъ Свою плоть, по скольку Онъ—Богъ, такъ что этимъ путемъ оживотвореніе принадлежитъ и Отцу, отъ Котораго родился Сынъ; оживотворяетъ также и Духъ Св., такъ какъ Онъ черезъ Того и Другого, т. е. Отца и Сына, или изъ сущности Обоихъ посылается къ Намъ?

Выставляетъ далѣе іезуитъ *Петавій* изъ VI кн. діалоговъ Кирилла „о Тройцѣ“ слѣдующее мѣсто: „затѣмъ,—какимъ образомъ Сынъ обитаетъ въ насъ черезъ Духа Св.? Какъ то, что по природѣ лучше, совершитъ черезъ себя самое участіе худшаго? И если мы дѣлаемся участниками божественной природы, принимая Духа, то какимъ образомъ Духъ Св. имѣетъ второе мѣсто отъ Сына?¹⁾ Или какимъ образомъ Первый лучше Второго, и не больше, какъ Онъ, отъ Него имѣя всю Его дѣйственность и порождая Его участіе?“ И затѣмъ *Петавій* прибавляетъ: „здѣсь (Кириллъ) говоритъ Духъ Св. *παρ' αὐτοῦ*, т. е. отъ Сына является и отъ Него имѣетъ Его дѣйственность, что не иначе можетъ быть, какъ только по естественному произведенію.“—Но сами слова Кирилла въ греческомъ текстѣ (т. V, ч. I, 598) читаются не: „отъ Него имѣя всю Его дѣйственность, а: „отъ Него Духъ Его, имѣя всю Его дѣйственность.“ Слѣдовательно, іезуитъ никоимъ образомъ не могъ заключить, будто Кириллъ учитъ: все, что Духъ Св. имѣетъ, или всю Свою энергію Духъ Св. имѣетъ отъ Сына. Ибо слова: „Духъ отъ Сына“ Кириллъ отдѣляетъ отъ слѣдующихъ: „всю дѣйственность Сына имѣетъ.“ Далѣе, когда Кириллъ говоритъ: Духъ—отъ

¹⁾ *Петавій* здѣсь неправильно привелъ мѣсто изъ Кирилла, а за нимъ повторилъ ошибку и *Зерникавъ*; у Кирилла стоитъ: *πὸς τοῦ Πνεύματος ὑποδεέστερος ἔσται ὁ Υἱός*? т. е. какъ Сынъ будетъ ниже Духа? Прим. перев.

Сына,—то мысль его, согласно съ тѣмъ, что мы выше сказали, та, что Духъ Св.—не лучше Сына, но отъ Него дается и имѣеть всю Его дѣйственность.

Беккъ, далѣе, приводитъ изъ II кн. „Сокровища“ слова: „Духъ есть совершенно собственный сущности Сына и не отъ извнѣ существуетъ.“ Но развѣ потому и исходить отъ Сына Духъ Св., что Онъ—собственный сущности Сына и не существуетъ отъ внѣ? Конечно, когда Духъ Св. обитаетъ, или почиваетъ и пребываетъ въ сущности Сына, будучи однимъ Богомъ съ Отцомъ и Сыномъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что Духъ Св. существуетъ не внѣ Сына. Но объ этомъ уже говорилось въ другомъ мѣстѣ.

Выставляютъ, наконецъ, изъ кн. XI толкованій на Иоанна слѣдующее мѣсто: „Духъ Св., исходящій изъ самой сущности Бога Отца, изливаемый же на тѣхъ, кто достоинъ принять Его, черезъ единосущное Слово и изъ Него явившійся, конечно, въ отношеніи обнаруженія, по которому Онъ существуетъ Самъ по Себѣ,—и въ Немъ пребывающій и всегда находящійся слитно и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, раздѣльно.“ Отсюда *Белларминъ* во II кн. гл. XXV своего сочиненія „о Христѣ“ говоритъ: „могъ ли св. Кириллъ яснѣе сказать, что Духъ Св. исходить отъ Сына? Мы именно понимаемъ подъ исхожденіемъ отъ Сына то, что Духъ Св. имѣеть бытіе и личное существованіе (subsistere—*ὑφίστασθαι*) отъ Сына, что Кириллъ утверждаетъ въ ясныхъ выраженіяхъ.“—Но если мы рассмотримъ греческій текстъ, то слова Кирилла получаютъ вотъ какой видъ: „Духъ Св. выходитъ—то изъ самой сущности Бога Отца; изливается же на достойныхъ Его принять черезъ Слово единосущное, возсіявающее изъ Него въ отношеніи, разумѣется, обнаруженія, что бы быть Самимъ по Себѣ, и въ Немъ пребывающее, и существующее всегда и слитно вмѣстѣ, и такъ сказать, раздѣльно.“ Въ такомъ смыслѣ и сдѣланъ латинскій переводъ этого мѣста въ IV т. твореній греко-латинскаго изданія стр. 987. Ибо когда Кириллъ въ греческомъ текстѣ говоритъ: „καὶ ἐξ αὐτοῦ πεφηνότος, καὶ μένοντος, καὶ ὄντος ἐν αὐτῷ,“ то онъ разумѣетъ это не о Духѣ Св., а о Сынѣ. Онъ говоритъ въ родительномъ падежѣ: „καὶ πεφηνότος, καὶ μένοντος, καὶ ὄντος,“ а между тѣмъ раньше онъ выразился: „Πνεῦμα προχόπτου ἐκ Πατρὸς, χεόμενον δι' Ἰσοῦ ἑμο-

σοῦτο“ и прибавилъ: „καὶ περὶ τούτου ἐξ αὐτοῦ“ и пр. Слѣдовательно, какъ же можно было послѣднія слова, стоящія въ родительномъ падежѣ, согласовать и содержать съ словами *προκοπτον καὶ χεόμενον*, стоящими въ именительномъ, или винительномъ падежѣ? Конечно, Кириллъ сказалъ: Духъ Св. выходитъ отъ Отца, изливается же Сыномъ, единосущнымъ Отцу и возсіявающимъ изъ Него и пребывающимъ и существующимъ въ Немъ. Какимъ же образомъ эти послѣднія слова могли относиться къ Духу Св., а не скорѣе къ Сыну?

Что такова именно мысль Кирилла, явствуетъ изъ предъидущихъ и послѣдующихъ словъ его. Цѣль Кирилла въ этомъ мѣстѣ — доказать, что Духъ Св. дается Сыномъ не въ качествѣ слуги, но какъ собственный Духъ Сына, такъ какъ, если Духъ Св. есть собственный Духъ Отца, а отъ Отца рожденъ Сынъ и всегда существуетъ въ Отцѣ, то необходимо, чтобы тотъ же Духъ Отца былъ собственнымъ Духомъ Сына. Поэтому онъ и говоритъ: значить, этотъ Духъ исходитъ то отъ Отца, но изливается на людей черезъ Сына, Отцу единосущнаго, изъ Самого Отца возсіяющаго и въ Немъ всегда существующаго, — повторяя такимъ образомъ причину, по которой Сынъ посылаетъ Духа, какъ собственного, а не какъ слуга и подчиненный. Вотъ его слова въ ихъ цѣломъ видѣ: „Духъ есть собственный Бога Отца; однако Онъ также нисколько не менѣе собственный и Сына, не какъ если бы Онъ былъ различенъ и иной отъ иного, или понимался и пребывалъ отдѣльно въ Томъ и Другомъ; но такъ какъ Сынъ по природѣ — отъ Отца и въ Отцѣ, будучи истиннымъ плодомъ Его сущности, то Онъ считаетъ Духа Своимъ собственнымъ по природѣ, — исходящимъ дѣйствительно отъ Отца, но черезъ Самого Сына передаваемымъ твари, не какъ черезъ министра или черезъ слугу, но, какъ я только что сказалъ, исходящимъ изъ самой сущности Бога Отца, изливаемымъ же на достойныхъ Его принять черезъ Слово единосущное (т. е. Отцу) и изъ Него возсіяющее, конечно, по обнаруженію, по которому Оно существуетъ ипостасно Само по Себѣ (*καθ' ἑαυτόν*, т. е. *λόγον*¹⁾), въ Немъ пребывающее и всегда существующее слитно вмѣстѣ и, такъ сказать, раздѣльно.“ И вслѣдъ затѣмъ онъ при-

¹⁾ Удивительно, какъ Белларминъ могъ отнести это *καθ' ἑαυτόν* къ Духу Св. (по греч. *πνεῦμα* — сред. рода, слѣд. было бы *κατ' ἑαυτὸ*).

бавляетъ: „ибо мы говоримъ, что Сынъ существуетъ ипостасно,— и съ другой стороны Онъ существуетъ въ Родителѣ и имѣетъ въ Себѣ Самомъ родившаго Его. Ибо Духъ Отца есть Духъ Сына и Отца, посылающаго или обѣщающаго дать Его святымъ. И въ свою очередь и Сынъ подаетъ, какъ собственнаго, вслѣдствіе тожества сущности, которую Онъ имѣетъ съ Отцомъ; да и Самъ Онъ весьма ясно заявилъ, что Отецъ во всемъ дѣйствуетъ черезъ Него.“ И такъ, выражаясь: „мы говоримъ, что Сынъ существуетъ ипостасно и въ то же время присущъ въ Своемъ Родителѣ и имѣетъ Родителя въ Себѣ,“ Кириллъ выясняетъ то, что раньше сказалъ, т. е., что —Сынъ— въ Отцѣ и существуетъ Самъ по Себѣ, и доказываетъ этимъ основаніемъ, что онъ то же раньше утверждалъ о Сынѣ. Слѣдовательно, не иначе, какъ о Сынѣ нужно принимать послѣднія изъ приведенныхъ словъ. Отсюда и далѣе Кириллъ развиваетъ доказательство, которымъ раньше устанавливалъ, что Сынъ даетъ Духа Св., какъ Своего собственнаго, именно потому, что Духъ Св.—собственный Духъ Отца и потому, что сущность Отца и Сына —одна. Такимъ образомъ, весьма заблуждаются вмѣстѣ съ Беллярминомъ латинскіе переводчики въ Парижскомъ латинскомъ изданіи 1575 г., относя то, что сказано у Кирилла о Сынѣ въ отношеніи къ Отцу, къ Духу Св. въ отношеніи Его къ Сыну.— Вотъ сколько пришлось говорить о Кириллѣ.

XIX.

Изъ Анастасія Синаита.

Изъ *Анастасія Синаита* выставляють Латиняне, во-первыхъ, слова изъ I кн. „о догматахъ вѣры:“ „ибо и Христось, показывая, что Духъ Св. является изъ Него, дунувши, сказалъ ученикамъ: получите Св. Духа.“ Но какова мысль Анастасія, станетъ ясно, если прочитатъ все это мѣсто. Такъ въ томъ VI Кельнской бібліотеки Отцовъ, ч. I, стр. 697 написано: „и Сынъ не разумѣется безъ Отца, и Отецъ вводитъ съ Собой Сына; а Духъ Св. является вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ, какъ съ умомъ и словомъ. Ибо Господь, показывая, что Онъ является изъ Него Самого, дунувши, сказалъ ученикамъ: получите Духа Св., Котораго и сами ученики,

употребивши молитву, раздавали вѣрующимъ черезъ наложеніе рукъ. Изъ этого можно понять различіе служенія и равенства, — именно: — апостолы съ молитвою и упрасивая Господа какъ бы удѣляли Духа Св. достойнымъ Его пришествія; Спаситель же Нашъ изъ Себя Самого, какъ изъ нѣкоторой сокровищницы, давалъ Его тѣмъ, кто сдѣлался черезъ чистоту жизни способнымъ къ принятію Его дѣйствія.“ Такимъ образомъ, Анастасій, сказавши, что Спаситель съ цѣлью показать, что Духъ Св. является изъ Него Самого, дунулъ на учениковъ, а ученики раздавали Духа, сначала помолившись, прибавляетъ: изъ этого, т. е. очевидно, изъ того, что онъ только что сказалъ, я показалъ разницу равенства и служенія, такъ какъ апостолы, помолившись, раздаютъ Духа Св., Сынъ же далъ Его изъ Себя Самого, какъ изъ сокровищницы. Слѣдовательно, если согласно съ прежде сказаннымъ Анастасій выводитъ эту разницу, то, конечно, онъ раньше это устанавливалъ; поэтому, когда онъ говорилъ, что Духъ Св. является изъ Христа, то смыслъ его словъ тотъ, какъ онъ и замѣчаетъ, что Духъ Св. дается изъ Самого Христа, или что Сынъ изъ Себя Самого, какъ изъ нѣкоторой сокровищницы, подаетъ Духа Св. достойнымъ.

Далѣе — *Беккѣ* приводитъ изъ той же I кн. „о догматахъ вѣры“ Анастасія слова: „здѣсь Духъ Св. называется и Духомъ устъ Его, причемъ уста—Единородный; и опять Духъ Св., изъ Него исходящій и посланный не только Отцомъ, но и Сыномъ.“ Такъ приводитъ эти слова и *Беллярминъ*: „опять Духъ исходитъ и отъ Него (Сына) и посылается не только Отцомъ, но и Сыномъ,“ чтобы выходилъ смыслъ: Духъ Св. исходитъ и посылается не отъ Отца только, но и отъ Сына. Но въ VI т. Кельнской бібліотеки Отцовъ, на стр. 696 эти слова читаются такъ: „Духъ Св. называется Духомъ устъ Его, т. е. Бога,—а уста—Единородный. И опять Духъ изъ Него исходящій и посланный не только Отцомъ, но и Сыномъ.“ Здѣсь, конечно, Сынъ присоединяется къ Отцу въ посланіи Св. Духа, а нисколько не къ словамъ: „отъ Него исходящій.“ Поэтому ошибается тотъ, кто ¹⁾ слова: „отъ Него исходящій“ относитъ къ Сыну, тогда какъ это нужно отнести къ Богу

¹⁾ Циховіѣ, вопр. I. стр. 16.

Отцу, сообразно предъидущимъ словамъ: „Духъ усть Его, т. е. Бога, или—Духъ Св. называется Духомъ усть Божіихъ,—„уста же Божіи (есть) Единородный.“

Затѣмъ, томъ же писатель стремится доказать, что словомъ *посланіе* здѣсь обозначается вѣчное исхожденіе, тогда какъ самъ Анастасій, что бы доказать, что Духъ Св. посылается Отцомъ и Сыномъ, замѣчаетъ: „какъ говорить Господь: Утѣшитель, Котораго пошлетъ вамъ Отець.“ И опять: „если я уйду, то пошлю Его вамъ.“ Разумѣется, тутъ рѣчь идетъ о временномъ посланіи. Равнымъ образомъ къ нему же нужно относить тѣ слова, гдѣ Анастасій говорилъ, что Духъ Св. посылается не только Отцомъ, но и Сыномъ.

Возраженіе Беллармина по поводу словъ Анастасія, что Духъ Св. есть Духъ усть Божіихъ, а Сынъ—уста, легко опровергнуть. Белларминъ говоритъ: „этими словами Анастасій довольно ясно доказываетъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, Который называется устами Божіими,—подобно тому, какъ и Духъ нашихъ усть выдыхается нашими устами.“ Это значитъ: если уста Божіи—Сынъ, а изъ нашихъ усть выдыхается духъ, то изъ Сына, конечно, выдыхается Духъ Св.—Но для всякаго очевидно, что дѣйствительно изъ нашихъ усть выходитъ духъ, но не производится ими. Можно сказать: если уста Божіи—Сынъ, а Духъ Св. исходитъ изъ усть Божіихъ, то, конечно, Духъ Св. исходитъ изъ Сына. Но этотъ аргументъ мы опровергали уже въ началѣ настоящей главы ¹⁾.

Наконецъ, Белларминъ выставляетъ слѣдующія слова Анастасія: „чтобы учить, что одна сущность какъ того, кто получаетъ, такъ и того, отъ кого получаетъ, а также того, отъ кого исходитъ,“ и прибавляетъ: „здѣсь подъ Тѣмъ, Кто получаетъ сущность, (Анастасій) разумѣетъ Духа,— подъ Тѣмъ, отъ Кого получаетъ,—Сына; подъ тѣмъ, отъ Кого исходитъ—Отца. Если же Духъ получаетъ сущность отъ Сына, то чего же намъ другого искать? и о словѣ: *исходитъ*—не должно быть вопроса, такъ какъ изъ самого дѣла это видно.“ Но Анастасій, дѣйствительно, говорилъ, что Духъ Св. получаетъ отъ Сына,—однако онъ нигдѣ не говорилъ, что Духъ

¹⁾ См. настоящую гл.—III.

Св. получаетъ отъ Сына Своего сущность или бытіе. А въ какомъ смыслѣ Духъ Св. называется получающимъ отъ Сына выяснено нами въ особой главѣ ¹⁾).

Ссылаются Латиняне на Сирскій требникъ *Севера Александрийскаго*, въ которомъ символъ читается съ прибавкою исхожденія и отъ Сына, а также и на то, будто на VII вселенскомъ соборѣ символъ читался съ этой прибавкой. Но въ главѣ о поврежденіяхъ доказано, что эти документы испорчены ²⁾).

XX.

Изъ Иоанна Дамаскина.

Изъ исторіи Варлаама и Иосафата *Иоанна Дамаскина* выставляютъ выраженіе: „знай одного Духа Св. отъ Отца и Сына исходящаго.“ Но испорченность этого выраженія опять-таки доказала въ приведенной выше главѣ ³⁾). Выставляютъ, далѣе, изъ I кн., гл. XVШ „изложенія православной вѣры“ слова: „Духъ Св.—средній между нерожденнымъ и рожденнымъ и соединяется съ Отцомъ черезъ Сына.“ Но выше было подробно выяснено ⁴⁾), что на какомъ основаніи говорится, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, на такомъ же говорится, что Онъ соединяется съ Отцомъ черезъ Сына,—именно: такъ какъ Духъ Св. исходитъ отъ Отца не раньше Сына, но уже послѣ рожденія Сына. Ибо и по ученію Св. Иоанна Дамаскина Духъ Св. сопослѣдуетъ (*συνεφέπεται*, *coassequitur*) за Сыномъ. Такъ въ I кн. „православной вѣры“ онъ говоритъ: „не возможно, чтобы Духъ Св. отдѣлялся ни отъ Бога, въ Которомъ Онъ, ни отъ Слова, Которому сопутствуетъ.“ Такимъ образомъ, изъ-за того порядка, въ которомъ Духъ Св. слѣдуетъ за Сыномъ, а не предшествуетъ Ему, можно было сказать, что Духъ Св. соединяется съ Отцомъ черезъ Сына, такъ что не было никакой необходимости принимать это въ смыслѣ исхожденія Св. Духа отъ Сына.

¹⁾ См. гл. XII, отвѣты: I, II, III, IV п V ч.

²⁾ См. гл. II, повр. I и XV.

³⁾ См. гл. II, повр. XVII.

⁴⁾ Гл. XV, I.

Нѣкто ¹⁾ возражаетъ: „то же самое даетъ понять Дамаскинъ, когда въ I кн. „о вѣрѣ“, гл. XI учитъ, что божественныя лица различаются согласно основанію τῆς αἰτίας καὶ τοῦ αἰτιατοῦ (причины и причинности), и когда въ словѣ противъ Манихеевъ и въ III словѣ объ иконахъ (лист. 770) онъ уподобляетъ божественныя розы и растенію розѣ, и цвѣтку, и пріятности запаха того и другого; и когда въ кн. I „о вѣрѣ“, гл. VП онъ утверждаетъ, что что противно благочестію говорить, что Духъ Св. приходитъ Слову извнѣ (а Онъ приходилъ бы такъ, если бы отъ Него не исходилъ), и когда тамъ же онъ говоритъ, что никогда не недоставало ни Слова Отцу, ни Духа Слову; и когда въ XVIII гл. той же книги онъ замѣчаетъ, что Духъ Св. черезъ Сына связывается съ Отцомъ; и когда въ гл. IX кн. I „о вѣрѣ“, и въ словѣ на Рождество Пресвятой Богородицы, и въ гимнѣ на пятидесятницу онъ называетъ Сына Однимъ только изъ одного. Въ гимнѣ онъ такъ воспѣваетъ: ἄναξ ἀνάκτων, ὁὸς ἐξ ὁὸυ, μόνος λόγος πραελθὼν Πατρός ἐξ ἀνακίω, т. е. царь царей, Одинъ изъ одного, единственное Слово происходящее отъ Отца безпричиннаго. Здѣсь Сынъ называется царемъ царей, однимъ только изъ одного, что было бы не вѣрно, если бы также и Духъ Св. исходилъ бы отъ одного только Отца. Ибо нельзя о Сынѣ сказать:—одинъ только царь царей, если также и Духъ Св.—царь царей, будучи Одинъ только произведенъ Однимъ только Отцомъ.“

Но что касается, *во-первыхъ*, словъ изъ I кн., XI гл. „о вѣрѣ“, въ которыхъ Іоаннъ учитъ, что лица различаются на основаніи причины и происшедшаго отъ причины (причинности), то объ этомъ мы уже вели рѣчь въ гл. о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ по поводу словъ Григорія Нисскаго ²⁾, гдѣ изъ словъ Дамаскина доказано, что смыслъ этого положенія тотъ, что Отецъ — причина, Сынъ, происшедшій отъ причины, будучи рожденъ, а Духъ Св.—происшедшій отъ причины, исходя. *Далѣе*, когда Дамаскинъ уподобляетъ божественныя розы розовому кусту и цвѣтку и сладости запаха того и другого, то отсюда ничего иного нельзя заключать, какъ то, что Духъ Св.—Духъ Того и Другого, т. е.

¹⁾ Циховій, вопр. IV, стр. 40.

²⁾ См. гл. I, вѣн. IV

Отца и Сына, а не то, что Онъ исходитъ отъ Сына, или отъ Обоихъ. Ложно, *затѣмъ*, будто Духъ Св. приходитъ къ Сыну извнѣ, если только отъ Него не исходитъ, какъ было доказано по поводу такихъ же словъ Аванасія и Кирилла ¹⁾). Опять же — ка-кимъ образомъ то, что Духъ Св. никогда не доставалъ Сыну, можетъ служить доказательствомъ исхожденія Духа Св. отъ Сына? Конечно, такъ какъ Богъ Отецъ произвелъ прежде всѣхъ вѣковъ Сына и Духа Св. вмѣстѣ, то какъ же Духъ Св. не могъ бы не доставать Сыну иначе, какъ только если бы отъ Него исходилъ? Притомъ, въ приведенномъ мѣстѣ Дамаскинъ не ради причины, а для того, что бы показать, что Духъ не имѣеть начала бытія, сказалъ, что Духъ Св. никогда не недостааетъ Сыну, какъ и Слово—Отцу. Такъ онъ раньше замѣчаетъ: „Духъ Св. есть сила существенная, разсматриваемая въ собственной ипостаси, не имѣющая ни начала, ни конца: ибо не доставало когда-нибудь *“Отцу Слово“* и пр.

О словахъ Дамаскина, въ которыхъ онъ говоритъ, что Духъ Св. соединяется съ Отцомъ черезъ Сына, только что сказано. *Затѣмъ*, въ гл. IX кн. I „православной вѣры“ онъ не просто говоритъ: Сынъ—Одинъ только отъ Одного только, но: „одинъ только отъ Одного только Отца особеннымъ образомъ рожденъ Сынъ, и потому называется едиnorodнымъ.“ Слѣдовательно не нелѣпо ли со стороны іезуита возражать намъ: Сынъ Одинъ только отъ Одного только Отца особеннымъ образомъ рожденъ, — значитъ — Духъ Св. отъ Одного только Отца не исходитъ? Въ такомъ же точно смыслѣ и въ словѣ на рождество Всеблаженной Дѣвы и въ пѣснѣ на пятидесятницу Дамаскинъ называетъ Сына Однимъ только изъ Одного только, — разумѣется, потому, что Онъ одинъ только рожденъ отъ Одного только Отца, тогда какъ всѣ прочіе, именуемые сынами, никогда не рождаются отъ одного только отца. И такъ, какъ же могло быть ложнымъ сказать въ этомъ смыслѣ, что Сынъ—Одинъ только отъ Одного только, если даже и Духъ Св. отъ Одного только Отца? Вѣдь Духъ Св. не рожденъ отъ Одного только Отца, а исходитъ.

¹⁾ См. настоящую гл.—IV и V.

Но іезуитъ настаиваетъ: „Сынъ, говорить онъ, не можетъ быть названъ Одинъ только царемъ царей, когда и Духъ Св. — царь царей?“ Справедливо, но что же отсюда слѣдуетъ? „Нельзя, слѣдовательно, прибавляеть іезуитъ, придавать иного смысла, какъ только, — что Онъ царь царей, Одинъ только произведенный Однимъ только Отцомъ.“ Но какой же изъ этого выводъ? Развѣ не правильно и тогда, когда также Духъ Св. будетъ царемъ царей, назвать Сына царемъ царей, Однимъ только изъ Одного только, въ томъ смыслѣ, что Сынъ Божій, а не иной, есть царь царей, рожденный отъ Одного только Отца? И такъ, ложно, будто нельзя придать приведенному выраженію другого смысла, кромѣ того, какой ему навязалъ іезуитъ.

Тотъ же писатель ¹⁾ еще возражаетъ: „подобно тому и на VIII соборѣ, которымъ Св. Игнатій былъ возстановленъ на Константинопольскомъ престолѣ, читанъ былъ символъ съ такими словами: вѣрую въ Духа Св., отъ Отца и Сына исходящаго; чего однако не остановилъ и не возразилъ и Фотій, врагъ Римской Церкви, какъ доказано было на Флорентинскомъ Соборѣ.“ Все это чистѣйшая ложь! Если раскрыть дѣянія означеннаго VIII-го Собора, то окажется, что тамъ вовсе и не читали Константинопольскаго Символа, а не то, что Онъ былъ читанъ съ пресловутой прибавкой: *и отъ Сына*. Равнымъ образомъ если развернуть акты Флорентинскаго Собора, изданные какъ по—гречески, такъ и по—латыни, то точно такъ же не встрѣчается и намекъ на то, будто на этомъ Соборѣ было доказано, что на VIII Соборѣ, низложившемъ Фотія, Символъ былъ читанъ съ прибавкою.

XXI.

Изъ Симеона Метафраста.

Наконецъ, послѣ всѣхъ выставляють Латиняне *Симеона Метафраста* изъ X вѣка, приводя слѣдующія его слова: „восходитъ Мой Христосъ на небеса и возвращается къ Отеческому престолу и посылаетъ исходящаго изъ Него Духа ученикамъ, чтобы они были вождами народовъ.“ Эти слова взяты изъ Метафрастовой „жизни *Діонисія Ареопагита*“, находящейся среди твореній того

¹⁾ Циховій, вопр. II, стр. 24.

же Діонисія, стр. 323. Но въ греческомъ текстѣ не сказано: „τὸ ἐκπορευόμενον ἐξ Αὐτοῦ Πνεῦμα—исходящаго изъ Него Духа,“ а только: „τὸ ἐκπορευόμενον Αὐτοῦ Πνεῦμα—исходящаго Его Духа.“ Здѣсь, конечно, нѣтъ никакой необходимости согласовать слово αὐτοῦ съ словомъ ἐκπορευόμενον, но оно могло быть согласовано одинаково и съ словомъ Πνεῦμα, такъ что выходитъ смыслъ: „исходящаго Духа Его.“ Поэтому ничего не выигрываютъ Латиняне, когда заявляютъ, что у Грековъ —ἐκπορευόμενον Αὐτοῦ—равно-сильно ἐκπορευόμενον ἐξ αὐτοῦ. Но допустимъ, что слово αὐτοῦ согласовано съ словомъ ἐκπορευόμενον; и тогда еще нѣтъ никакой необходимости это αὐτοῦ относить къ Сыну, а можно совершенно основательно отнести къ Отеческому престолу, о Которомъ только что упоминалъ Метафрастъ, такъ что смыслъ приведенныхъ словъ получается такой: „къ Отеческому престолу возвращается Сынъ и исходящаго изъ Него, т. е. престола отеческаго, Духа посылаетъ ученикамъ.“ Къ тому же нужно имѣть въ виду и то, что съ конца IX вѣка и дальше ¹⁾ восточные всегда вѣровали, что Духъ Св. исходитъ отъ одного только Отца; мало того, они упрекали Латинянь за противное мнѣніе, какъ показано это было относительно свидѣтельствъ восточныхъ Отцовъ въ IX и X вѣкахъ; такъ что нѣтъ никакого сомнѣнія, что во время Метафраста сама восточная Церковь вѣровала въ исхожденіе Св. Духа отъ одного только Отца.

Въ заключеніе, что бы исполнить данное выше обѣщаніе, замѣтимъ, что относительно словъ *Максима Исповѣдника* на IV гл. Захаріи: „какъ Духъ Св. по сущности есть (Духъ) Бога Отца, тамъ по сущности Онъ есть (Духъ) Сына, какъ исходящій отъ Отца существенно, черезъ Сына неизглаголанно“ нѣкто ²⁾ разсуждаетъ такъ: „слѣдуетъ здѣсь обратить вниманіе, что, кромѣ словъ св. Исповѣдника, въ которыхъ онъ открыто заявляетъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, самое его разсужденіе во многомъ подтверждаетъ наше положеніе. Ибо здѣсь св. Отецъ указываетъ основаніе, почему Духъ Св. по сущности есть (Духъ) Сына такъ, какъ и Отца: именно потому, что Онъ отъ Отца черезъ

¹⁾ Симеонъ Метафрастъ, всего вѣроятноѣ, жилъ около 1150 г.

Прим. перев.

²⁾ Циховій, вопр. VI, стр. 60.

Сына ἐκπορεύεται — исходить. Слѣдуетъ замѣтить, во — вторыхъ, что здѣсь исключаются увертки Фотіанъ. Когда говорится: исходить существенно черезъ Сына и такъ по природѣ (не по дару, не по благодѣянію, не по благоволенію) Онъ по сущности — Сына, какъ Отца, — то нельзя объяснять этого дѣйствіемъ во внѣ безъ явнаго заблужденія. Когда же говорится: ἐκπορεύεται, то нельзя сказать, что слово *черезъ* — διὰ обозначаетъ сѣ: ибо смыслъ былъ бы такой, что Духъ Св. дышется или производится Сыномъ ἐκπορευτός: что ложно, такъ какъ Духу Св. присвоается ἐκπόρευσι: такъ, какъ Сыну рожденіе.“ Но, во первыхъ, какъ Латинянамъ нисколько не помогаетъ ученіе Отцовъ, что Духъ Св. исходить отъ Отца черезъ Сына, мы видѣли уже въ началѣ ¹⁾ настоящей главы. Затѣмъ, изъ того, что Духъ Св. исходить отъ Того же Отца уже послѣ того, какъ рожденъ былъ Сынъ, конечно, по необходимости слѣдуетъ, что Духъ Св. есть равно Духъ и Отца, и Сына, — такъ что опять-таки отсюда рѣшительно нисколько не слѣдуетъ, что Духъ Св. исходить также и отъ Сына, если Онъ есть собственный Духъ Отца и Сына. Но это разобрано въ особой главѣ. ²⁾ Когда, — далѣе, св. Максимъ говоритъ, что Духъ Св. по природѣ исходить отъ Отца черезъ Сына, неизглаголанно рожденного, — онъ, конечно, разумѣетъ дѣйствіе извнутри (ad intra), но, какъ сказано, выше уже доказано, какимъ образомъ говорится, что въ этомъ смыслѣ Духъ Св. исходить отъ Отца черезъ Сына. Тамъ, наконецъ, гдѣ говорится, что Духъ Св. исходить отъ Отца черезъ Сына, смыслъ этимъ словамъ дается такой: Духъ Св. исходить отъ Отца съ Сыномъ, и при этомъ, разумѣется, конечно, что Духъ Св. исходить отъ Отца съ рожденнымъ Сыномъ. Какимъ же образомъ отсюда могло бы слѣдовать, что и Сынъ не рождается, а что и Онъ исходить? — Но довольно о томъ, что Латиняне выставляютъ въ пользу своего мнѣнія изъ восточныхъ Отцовъ.

¹⁾ гл. XV, 1.

²⁾ гл. VI.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывається, что и остальные доказательства Латинянь не приводятъ къ утверженію исхожденія Св. Духа отъ Сына.

ромъ свидѣтельствъ Св. Писанія и Отцовъ, Латиняне выставляютъ еще разныя доказательства въ пользу своего мнѣнія, которыя намъ остается опровергнуть. Что о нихъ нужно вообще думать, видно прежде всего хотя бы изъ того, что Петръ Алліакъ, ¹⁾ самъ латинянинъ, прямо сознается, что разсужденія этого рода, предложенныя его единомышленниками, не приводятъ ни къ какому выводу. Такъ въ I кн. своихъ „мнѣній“, раздѣлъ XI, вопр. VШ онъ говоритъ: „Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына по природѣ (naturaliter). Нѣкоторые усиливается это заключеніе доказать на основаніи разума, но я просто скажу, что чрезъ разсужденіе этого вывести нельзя, и всѣ доводы разума, какіе бы ни приводились при этомъ, могутъ быть легко опровергнуты.“ И такъ,—какой устойчивости нужно ждать отъ доказательствъ, которыя отвергаютъ даже сами Латиняне? Но разсмотримъ каждое изъ нихъ отдѣльно.

1 доказательство Латинянь.

Самымъ сильнымъ доказательствомъ считаютъ Латиняне слѣдующее, представленное Ѳомою Аквинатомъ: „лица божества различаются другъ отъ друга только противоположными отношеніями,—

¹⁾ Латинскій богословъ XIV-го вѣка.

Прим. перев.

между тѣмъ Сынъ и Духъ не различались бы противоположными отношеніями, если бы Сынъ не былъ началомъ Св. Духа.“ Но и это доказательство Ѳомы Аквината отвергается опять-таки другими Латинянами. Опровергается оно писателемъ *Скотомъ* въ I кн. „миѣній“, раздѣлъ XI. Объ остальныхъ *Іоаннъ de Rada* въ I части „споровъ между Ѳомою и Скотомъ“, споръ XV, членъ 2—говоритъ такъ: „этого миѣнія (то-есть миѣнія Скота, противоположнаго миѣнію Ѳомы) держится Генрихъ въ V кводлибетъ и Авреоль, какъ заявляетъ Капреоль объ указанномъ выше мѣстѣ; Діонисій Картузіанецъ въ первомъ отдѣлѣ XI вопроса; Обкамъ Гавриилъ въ томъ же отдѣлѣ; Григорій и всѣ ученики Скота.“—Конечно, ложно, что, если Сынъ и Духъ Св. должны различаться ипостасями, то между Ними должно имѣть мѣсто различіе причины и причинности (происшедшаго отъ причины), какъ мы сейчасъ это докажемъ. Но сперва послушаемъ, какъ самъ Ѳома это доказываетъ. Вотъ что онъ говоритъ въ I кн., вопр. XXXVI, членъ 2: „изъ этого явствуетъ, что Отецъ имѣетъ два отношенія, изъ которыхъ одно примѣняется къ Сыну, а другое — къ Духу Св.—Но такъ какъ они не противоположны, то не устанавливаютъ двухъ лицъ, а относятся къ одному только лицу Отца. Слѣдовательно,—если бы въ Сынѣ и Духѣ Св. можно было находить только два отношенія, которыми Тотъ и Другой относится къ Отцу, то эти отношенія не были бы взаимно противоположными, подобно тому какъ не противоположны два отношенія, которыми относится къ Нимъ Отецъ. Отсюда какъ лицо Отца—одно, такъ выходило бы, что и лицо Сына и Духа Св.—Обоихъ одно только, имѣя два отношенія противоположныя двумъ отношеніямъ.“

ОТВѢТЪ I.

Вѣрно, конечно, что отношенія Отца, которыми Онъ относится къ Сыну и Св. Духу, устанавливаютъ одно, а не два лица; но это не происходитъ только потому, что отношенія Отца — не противоположны, но потому, что они не противоположны такимъ образомъ, что себя взаимно не уничтожаютъ, а имѣютъ возможность совмѣщаться въ одномъ субъектѣ. Ибо если какія нибудь отношенія непротивоположныя взаимно себя уничтожаютъ, то они отнюдь не

могутъ сходиться въ одномъ лицѣ. Именно—утвержденіе, или отрицаніе одного и того же на одномъ и томъ же основаніи не можетъ быть допущено. Слѣдовательно, *Θома* не могъ безъ всякаго основанія заключать отъ отношеній Отца къ отношеніямъ Сына и Духа Св. — Ибо первыя отношенія — непротивоположныя, себя взаимно не уничтожающія,—а послѣднія отношенія непротивоположныя, себя взаимно исключаютъ, какъ ясно будетъ изъ послѣдующаго. А если *Θома*, говоря просто: „потому отношенія Отца устанавливаютъ одно лицо, что они — непротивоположны,“ хотѣлъ отсюда сдѣлать такой выводъ: „отношенія Отца — непротивоположны; отношенія Отца устанавливаютъ одно лицо,— слѣдовательно,— не противоположныя отношенія устанавливаютъ одно лицо,“ то кто не видитъ, что *Θома* такимъ образомъ играетъ въ софизмы относительно вывода? Ибо въ третьей фигурѣ можно было сдѣлать только частное заключеніе, такимъ именно образомъ: „слѣдовательно, *нѣкоторыя* отношенія, не будучи противоположными, устанавливаютъ одно лицо.“ И такъ, совершенно ясно, что отъ одного при-
мѣра Отца отнюдь нельзя сдѣлать всеобщій выводъ: „отношенія непротивоположныя устанавливаютъ одно, а не два лица.“

ОТВѢТЪ II.

Отсюда также ясно, что *Θома* неосновательно аргументируетъ отъ отношеній Отца, которыми Онъ относится къ Сыну и Св. Духу, къ отношеніямъ Сына и Духа Св., которыми Они относятся къ Отцу. Отношеніе Сына, которымъ Онъ относится къ Отцу,—быть рожденнымъ; отношеніе Духа Св., которымъ Онъ равнымъ образомъ относится къ Отцу,—исходить. Но исхожденіе Св. Духа не есть рожденіе, какъ учитъ католическая церковь и признаютъ и сами Латиняне. Ибо если бы и Духъ Св. былъ рожденъ, то Онъ былъ бы Сыномъ, что невозможно: мы вѣримъ, что Сынъ—одинъ, а не два. Поэтому *Иустинъ Исповѣдникъ* въ изложеніи вѣры (стр. 380) говоритъ: „Духъ Св. — свѣтъ отъ свѣта исшелъ не черезъ рожденіе (*γεννητῶς* generative), но черезъ исхожденіе (*ἐκπορευτῶς* processive). *Аванасій* въ III діалогѣ противъ Македонія: „Сынъ рожденъ изъ сущности и потому Онъ — едиnorodный Сынъ; Духъ же изъ сущности исходитъ, ибо написано: Духъ отъ Меня исходитъ, а не

раждается. И Сынъ говоритъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, а не Который раждается.“ *Ефремъ Сириинъ* въ словѣ о своей исповѣди: „вирочемъ Духъ Св. не рожденъ, но исшелъ.“ Опять: „желая произвести другого общника, не рожденнаго, Отець произвелъ Духа Св. изъ Своей сущности.“ *Григорій Богословъ* въ словѣ XXIX: „Духъ Св. есть истинно Духъ, происходящій изъ Отца, однако не способомъ сыновства, а—исхожденія.“ И въ словѣ XXXVII: „Тотъ, Кто исходитъ отъ Отца, не есть тварь: поскольку Онъ не есть рожденное, не есть и Сынъ.“ И въ словѣ XXXI: „хотя (Духъ Св.) отъ Отца (происходитъ) не какъ Сынъ, однако „Онъ изъ Того же Отца.“ *Епифаній* въ LXXVI ереси: „Духъ Св. вышелъ изъ Отца, хотя и не рожденъ, потому что Сынъ—единороденъ.—*Кесарій* въ I діалогѣ: „божественный и всесвятой Духъ не рожденъ, конечно, но исходитъ.“ *Амфилохій* въ отрывкахъ изъ него: „я говорю объ исхожденіи, а не о рожденіи Духа.“ *Златоустъ* въ бесѣдѣ о Духѣ Св.: „почему исходитъ? Не сказалъ: раждается; а что не написано, того не слѣдуетъ думать.“ *Августинъ* въ II кн. „о Троицѣ:“ „а такъ какъ и Сынъ—отъ Отца, и Духъ Св. отъ Отца исходитъ, то почему не Оба Они—сыновья, но Первый—Одинъ единородный, а Послѣдній—Духъ Св. и не сынъ, и не рожденный: ибо если рожденный, то, конечно,—сынъ. Въ другомъ мѣстѣ если Богъ позволить и сколько позволить, разсудимъ объ этомъ.“ Тоже заключается въ книгѣ „о вѣрѣ и символѣ“ и въ III кн. противъ Максимиана, гл. XV.—*Кириллъ*, или кто-бы ни былъ авторъ кн. „о Троицѣ,“ гл. X: „одинъ Духъ Св., именно Духъ, исходящій отъ Отца не способомъ сыновства, но черезъ исхожденіе.“ И въ гл. VIII: „хотя и Духъ Св. отъ Отца исходитъ, однако не способомъ рожденія, а исхожденія.“ Опять: „Одинъ только Духъ Св. изъ сущности Отца не рожденъ, но исходитъ.“ И въ гл. IX: „и Духъ Св. также—изъ Отца, но не по роженію, а по исхожденію.“ *Фульгенцій* въ кн. „о вѣрѣ къ Петру,“ гл. I: „иное дѣло родить, иное—быть рожденнымъ; иное—исходитъ, иное родить, или быть рожденнымъ.“—То, что заключается у Кирилла въ X гл. „о Троицѣ,“ повторяетъ *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. „православной вѣры,“ гл. XI, и то, что мы приводили изъ VIII гл. той же книги „о Троицѣ,“ находимъ у Дамаскина въ гл. IX.

Затѣмъ послѣдній также въ VIII гл. говоритъ: „Духъ Св., изъ Отца черезъ Сына исходящій, какъ Онъ Самъ знаетъ, но не черезъ рожденіе.“ Тоже заключается и въ „посланіи о Трисвятомъ“ и въ I кн. „православной вѣры,“ гл. X. Наконецъ *Никифоръ*, патріархъ Константинопольскій, въ посланіи ко Льву III: „Духъ Св. имѣетъ существованіе отъ Отца не способомъ рожденія, но исхожденія.“ И такъ, исходить не значитъ родиться, поэтому рожденіе Сына не есть исхожденіе.

Конечно, невозможно, чтобы одно лицо отъ одного и того же родилось и не родилось, либо исходило и не исходило, поэтому слѣдуетъ непремѣнно говорить: рождается и не рождается, исходить и не исходить отъ одного и того же о двухъ лицахъ. Слѣдовательно, пассивное рожденіе Сына и исхожденіе Духа Св. отъ одного и того же Отца отнюдь не могутъ совмѣститься въ одно лицо, такъ какъ, разумѣется, они другъ друга взаимно исключаютъ, какъ сказано. Но совсѣмъ различаются отношенія, которыми Отецъ относится къ Сыну и Духу Св. Ибо, несомнѣнно, одинъ и тотъ же могъ родить одного и не родить, а другимъ способомъ произвести другого, и поэтому совершенно дружески могутъ сходиться въ одномъ лицѣ Отца отношенія, которыми Онъ относится къ Сыну и Св. Духу. И такъ, спрашивается, какимъ образомъ можно дѣлать такое заключеніе: отношенія Отца непротивоположныя устанавливаютъ одно лицо; слѣдовательно,—и отношенія Сына и Духа Св. устанавливаютъ одно, а не два лица, если только Сынъ и Духъ Св. не различаются иными противоположными отношеніями? Или—какимъ образомъ Ома, сдѣлавши сравненіе, могъ заключить: какъ отношенія Отца устанавливаютъ одно только лицо, такъ и отношенія Сына и Духа Св., которыми Они относятся къ Отцу, установили бы только одно лицо, если бы Они не различались иными противоположными отношеніями? Вѣдь—быть рожденнымъ и исходить—съ необходимостью доказываютъ, что Сынъ и Духъ Св.—два различныя лица, если бы Они даже и не различались другими противоположными отношеніями, такъ какъ невозможно, чтобы одинъ и тотъ же и родился, и не родился (что, конечно, указываетъ на исхожденіе).

ОТВѢТЪ III.

Затѣмъ,—образъ явленія Духа Св., или его ипостасный признакъ (constitutivum *συστατικόν*) есть исхождение, въ этомъ никто не сомнѣвается. Между тѣмъ образъ существованія Сына, или основной признакъ Его лица, не есть дуновение (spiratio, *πνεύσις*), т. е. производственное изведение Духа Св., ибо иначе оно принадлежало бы одному только Сыну, а не вмѣстѣ и Отцу. Вѣдь одинъ только образъ ипостаснаго существованія, или ипостасный признакъ лица устанавливаетъ самое лицо; поэтому какъ лицо свойственно одному только, такъ и ипостасный признакъ, или способъ (модусъ) ипостаснаго существованія можетъ быть свойственъ только одному лицу. Если же изведение Духа Св. не есть ипостасный признакъ, или способъ существованія Сына, то остается, конечно, допустить, что способъ существованія Послѣдняго, или установительный признакъ Его лица есть одно только сыновство. И такъ, образъ, ипостаснаго существованія Духа Св. есть *исхождение*, а Сына—*сыновство* (рожденіе),—при чемъ это, конечно,—разные образы ипостаснаго бытія. Поэтому и *Густинъ Исповѣдникъ* въ „изложеніи вѣры“ (стр. 380) говоритъ: „какъ Сынъ—отъ Отца, такъ и Духъ Св., за исключеніемъ того, что оказывается нѣкоторое различіе въ образѣ явленія: Первый—свѣтъ отъ свѣта, возсіявшій черезъ рожденіе, а Второй—свѣтъ отъ свѣта, исшедшій не черезъ рожденіе, а черезъ исхождение.“ *Кириллъ Александрійскій* въ VII діалогѣ „о Троицѣ“ (гл. V, ч. I, стр. 640): „тщательно нужно изслѣдовать, какова природа Духа, оставивши въ сторонѣ свойство именъ, которыя не указываютъ божества, но обозначаютъ, конечно, какъ намъ слѣдуетъ понимать образъ явленія каждаго (лица). Слово Отецъ обозначаетъ, что Онъ родилъ; слово—Сынъ выясняетъ, что Онъ рожденъ; а то, что Духъ—отъ Бога Отца, по собственный Самого Сына на подобіе нашего человѣческаго духа, хотя понимается существующимъ истинно и ипостасно, показываетъ названіе (т. е. Духъ).“

Максимъ Исповѣдникъ въ схоліяхъ ко II гл. книги *Діонисія Ареопагита* „о божественныхъ именахъ:“ „различіями (Діонисій) называетъ существующія сами по себѣ ипостасно божественныя явленія, т. е. неизъяснимый блескъ Сына отъ Отца, или рожденіе,

и непостижимое исхождение отъ Отца Духа Св.“ *Анастасій Синаитъ* въ I кн. „о догматахъ вѣры:“ „разница рожденія и исхожденія не показываетъ различія сущности. Ибо различіе явленія не обозначаетъ бытія, но объясняетъ, каково бытіе, при чемъ остается тою же сущностью того, изъ котораго, и тѣхъ, которые—изъ него, сообразно съ различнымъ способомъ, то-есть пониманіемъ. И такъ, образъ (модусъ) явленія, сказано,—различенъ, основаніе же сущности одно и то же.“ Авторъ книги „о Троицѣ“ въ главѣ VIII: „нѣтъ иного рожденія, которое можно бы сравнить съ рожденіемъ Сына Божія,—ибо нѣтъ другого Сына Божія. Ибо хотя и Духъ Св. также происходитъ отъ Отца, однако не способомъ рожденія, а способомъ исхожденія,—и это иной способъ явленія, не менѣе превосходящій пониманіе и вѣдѣніе, какъ и рожденіе Сына.“ То же повторяетъ и *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. „православной вѣры,“ гл. IX. А въ гл. XIII онъ говоритъ: „все это должно быть понимаемо общимъ въ цѣломъ божествѣ и, такъ сказать, тожественно, просто, недѣлимо и всеобще. Различно же: Отецъ, Сынъ и Духъ Св.,—причина, происшедшее отъ причины (причинное), нерожденное, рожденное и исходящее,—что оказывается показателемъ не сущности, но взаимнаго отношенія и образа явленія.“

Наконецъ, *Оеофанъ Керамевсъ*, архіепископъ Тавроменійскій, въ бесѣдѣ LVI: „чтобы кто-нибудь не заподозрилъ, что это посланіе Духа Св.—рабское, (Спаситель) переводитъ рѣчь на объясненіе способа явленія и говоритъ: Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ.“

И такъ, опять до очевидности ясно, что отношенія Сына и Духа Св., которыми Они относятся къ Отцу, такъ какъ способы Ихъ явленія—различны, устанавливають отнюдь не одно только, а необходимо—два совершенно различныхъ лица, хотя бы другими противоположными отношеніями Сынъ и Духъ Св. не различались. Ибо единственно отъ способа явленія зависитъ то, что лицо становится совершеннымъ лицомъ, совершенно отличнымъ отъ другихъ. Слѣдовательно, если установлены два разные модуса явленія, то съ необходимостію устанавливаются и два совершенныхъ совершенно отъ другихъ отличныхъ лица. А такъ какъ отношенія Отца, которыми Онъ относится къ Сыну и Духу Св., не представляютъ от-

нюдь двухъ различныхъ модусовъ явленія, а только одинъ и поэтому устанавливають одно только лицо Отца, — то отсюда ясно, что Оома не имѣлъ никакого основанія заключать отъ отношеній Отца къ Сыну и Духу Св. къ отношеніямъ Сына и Духа Св. къ Отцу,—какъ будто—какъ отношенія Отца, такъ и отношенія Сына и Духа Св. должны устанавливать одно лицо, если инымъ образомъ Сынъ и Духъ Св. не будутъ различаться противоположными отношеніями. Между тѣмъ, такъ какъ способъ явленія Сына есть сыновство, то, конечно, по одному только сыновству Сынъ есть совершенное лицо и различается совершенно отъ другихъ лицъ, а, значитъ, и отъ Духа Св.

ОТВѢТЪ ІV.

Наконецъ, сами св. Отцы, стремясь опредѣлить, какая именно разница существуетъ между Сыномъ и Духомъ Св., называютъ только рожденіе и исхожденіе и поэтому учатъ, что только на основаніи отношеній, въ которыхъ стоятъ Сынъ и Духъ Св. къ Отцу, устанавливаются два лица Сына и Духа Св. и что взаимно Другъ отъ Друга Они различаются. Такъ *Иустинъ Исповѣдникъ* въ изложеніи вѣры въ приведенномъ уже мѣстѣ говорить: „какъ Сынъ изъ Отца, такъ и Духъ Св., за исключеніемъ того, что оказывается нѣкоторое различіе въ способѣ явленія, именно: Первый—свѣтъ отъ свѣта, возсіявшій черезъ рожденіе, а Второй—свѣтъ отъ свѣта, исшедшій не черезъ рожденіе, но черезъ исхожденіе. Такимъ образомъ мы познаемъ единство въ Троицѣ и Троицу въ единствѣ.“ Чтобы познать Троицу въ единствѣ, *Иустинъ* въ отношеніи Сына и Св. Духа не полагаетъ иной разницы, какъ только то, что Сынъ—рожденъ, а Духъ Св. исходитъ отъ Отца. Слѣдовательно,—одни только отношенія Сына и Духа Св. къ Отцу устанавливаютъ два совершенныя лица Сына и Св. Духа. Поэтому онъ и прибавляетъ: „отношенія эти суть два различные способа явленія.“ Но два различные способа явленія устанавливаютъ непремѣнно и два совершенно различныхъ лица.—*Аванасій* въ I діалогѣ о Троицѣ: „различіе Отца и Сына и Св. Духа заключается не въ природѣ, не въ волѣ, но въ свойствахъ — родить, родиться, производить и

исходить. Что значитъ — родить, родиться, производить и исходить? То, что Отець родить, т. е. родилъ Сына; а Сынъ раждается, т. е. Онъ рожденъ; и Самъ Отець высылаетъ, т. е. выслалъ Духа Св.; Духъ же исходить, т. е. испелъ. Въ этомъ различіе? Да! Въ этихъ словахъ Аванасій не признаетъ иного различія между Сыномъ и Духомъ Св., кромѣ того, что Сынъ рожденъ, а Духъ Св. исходить, уча такимъ образомъ рѣшительно, что одни только отношенія Сына и Духа Св. къ Отцу устанавливаютъ два лица — Сына и Св. Духа. — *Василій Великій* въ посланіи къ брату Григорію: „Духъ Св. имѣетъ тотъ познаваемый признакъ свойства, что познается по ипостаси вмѣстѣ съ Сыномъ и является изъ Отца. Сынъ же, Который познаетъ черезъ Себя и съ Собою исходящаго отъ Отца Духа, Одинъ только возсіявшій едиnorodно изъ нерожденного свѣта, не имѣетъ никакого общенія по свойству понятій съ Отцомъ, или съ Св. Духомъ.“ Никакого иного различія Духа Св., которымъ Онъ отличается отъ Сына, *Василій* не полагаетъ, кромѣ того, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, а Сыномъ познается, — Сынъ же отъ Отца рождается, — а не то, что Духъ Св. также и отъ Сына исходитъ. Слѣдовательно, одни только отношенія Сына и Духа Св., въ которыхъ Они состоятъ къ Отцу, устанавливаютъ два лица: — Сына и Духа Св. *Григорій Богословъ* въ словѣ XXXVI: „изъ этихъ словъ: не рожденъ, рожденъ, исходить — вытекаетъ то слѣдствіе, что Одинъ называется Отцомъ, Другой — Сыномъ, Третій Духомъ Св. и что такимъ образомъ сохраняется несліяннымъ различіе трехъ лицъ въ одной природѣ и достоинствѣ божества.“ Ясно тутъ говоритъ *Григорій*, что по роженію и исхоженію одинъ называется Сыномъ, другой — Духомъ Св., и такимъ образомъ сохраняется несліянное различіе лицъ въ единой природѣ божества. Слѣдовательно, одни только отношенія Сына и Духа Св. къ Отцу устанавливаютъ два лица — Сына и Духа Св. *Руфинъ*, пресвитеръ Аквилейскій, въ изложеніи апостольскаго символа: „и такъ, чтобы было различіе лицъ, различаются слова отношенія другъ къ другу, которыми Тотъ, изъ Котораго все, понимается Отцомъ и Самъ не имѣетъ Отца; Сынъ же такъ называется, какъ рожденный отъ Отца, и Духъ Св., — какъ исходящій изъ устъ Бога и все освящающій.“ Желая выяснитъ различія лицъ, которыми они взаимно отличаются, какъ раз-

ныя ипостаси, Руфинъ говорить, что Сынъ родился отъ Отца, Духъ Св. исходитъ изъ устъ Бога; слѣдовательно, рожденіе и исхожденіе устанавливають два разныхъ лица, а не одно. Такъ училъ и *Кириллъ Александрійскій* въ VII діалогѣ въ приведенномъ выше мѣстѣ, называя способъ ипостаснаго явленія Сына: „рожденъ“, а Духа Св.:—„исходитъ.“ Значить, два различные способы явленія непременно устанавливають — два отличныхъ другъ отъ друга лица. Тотъ же Кириллъ, или другой неизвѣстный авторъ книги „о Троицѣ“ въ гл. IX: „черезъ Отца Сынъ и Духъ Св. имѣеть все, что у Нихъ ни есть, т. е. черезъ Отца это имѣютъ Они, кромѣ нерождаемости, рожденія и исхожденія. Ибо въ этихъ только ипостасныхъ свойствахъ различаются между собою три святаыя ипостаси,—не сущностью, но характеромъ собственной ипостаси нераздѣльно различаемыя.“ Если же Сынъ и Духъ Св. различаются только рожденіемъ и исхожденіемъ, то, очевидно, конечно, что только рожденіе и исхожденіе непременно устанавливають совершенныя и совершенно другъ отъ друга отличныя лица.—*Леонтій* въ кн. „объ ересяхъ“, въ дѣяніи I: „въ томъ только различаются, что Сынъ рождается отъ Отца, а Духъ Св. исходитъ отъ Него.“ Если же Сынъ и Духъ Св. различаются между Собою только по рожденію и исхожденію отъ Отца, то опять-таки ясно, что только рожденіе и исхожденіе съ необходимостью устанавливають два лица, совершенно отличныя отъ другихъ.—*Анастасій Синаитъ* въ „кн. вопросовъ“, вопр. XXIV: „въ самой Троицѣ мы разумѣемъ три ипостаси, неслитно соединенныя и Сами по себѣ существующія: родилось прежде вѣковъ отъ Отца божественное Слово, и Оно неотдѣлимо отъ Того, Кто родилъ; также и Духъ Св. исходитъ отъ Отца.“ Анастасій учить, что вслѣдствіе рожденія и исхожденія отъ Отца разумѣются три неслитныя и сами по себѣ существующія лица. Значить, рожденіе и исхожденіе устанавливають два совершенно другъ отъ друга отличныя лица Сына и Св. Духа, а не одно только; потому-то онъ такъ и училъ въ приведенныхъ выше словахъ, говоря, что рожденіе Сына и исхожденіе Св. Духа суть два различныхъ способа ипостаснаго существованія. Такой же точно смыслъ имѣли и приведенныя уже слова *Максима Исповѣдника*, когда онъ называлъ рожденіе Сына и исхожденіе Св. Духа двумя сами по себѣ суще-

ствующими достойными поклоненія явленіями,—ибо два сами по себѣ существующія явленія устанавливаютъ непремѣнно не одно, а два лица.—Слова автора книги „о Троицѣ“ повторяетъ *Іоаннъ Дамаскинъ* въ I кн. „православной вѣры“, въ гл. X; а въ III кн., гл. V онъ говоритъ: „различіе же ипостасей мы познаемъ въ трехъ только свойствахъ: въ безпричинности и отцовствѣ, въ причинности ¹⁾ и сыновствѣ, въ причинности и исходимости.“ И въ исторіи Варлаама и Іосафата, гл. XIX: „свойство Отца—быть нерожденнымъ, свойство Сына—рожденность, а—Духа Св.—исхожденіе. Слѣдовательно и Сынъ, и Духъ Св. во всемъ—одно, за исключеніемъ свойствъ, немного раньше помянутыхъ.“ То же заключается въ кн. I, гл. II „православной вѣры.“ Точно такъ же, гораздо раньше Дамаскина, *Кесарій*, братъ Григорія Назіанзина, говоритъ въ I діалогѣ: „въ Троицѣ—всякое единство, одинаковость и тожество, за исключеніемъ нерождаемости, рожденія и исхожденія.“ А если Сынъ и Духъ Св. различаются только рожденіемъ и исхожденіемъ, то ясно, конечно, что рожденіе и исхожденіе устанавливаютъ непремѣнно два совершенныя и совершенно различныя лица. Императоръ *Левъ Мудрый* въ словѣ на пятидесятницу: „(божественныя лица) различаются только въ отношеніи начала, рожденія и исхожденія,—такъ что Отецъ—начало Сына и Духа Св.—Сынъ родится, а Духъ Св. исходитъ.“ Опять-таки, если Сынъ и Духъ Св. различаются только рожденіемъ и исхожденіемъ, то отсюда съ необходимостью слѣдуетъ, что только рожденіе и исхожденіе устанавливаютъ два совершенныя и совершенно различныя лица—Сына и Духа Св., и притомъ для этого нѣтъ необходимости отыскивать другихъ противоположныхъ отношеній. Точно такъ же между другими Латинянами *Альбертъ Великій* въ своемъ „сокращеніи богословской истины“, кн. I, гл. XXII учитъ: „понятій о Богѣ—пять,—именно: отцовство, сыновство, исхожденіе, нерождаемость и общее дыханіе (*spiratio communis*). Первое—понятіе Отца, второе—Сына, третье—Духа Св., четвертое—Отца, пятое—Отца и Сына. Три первыхъ понятія называются личными, потому что устанавливаютъ лица и ихъ собственно отличаютъ, и они одни только представляютъ три единицы трехъ лицъ, по которымъ (единицамъ)

¹⁾ αἰτιατῆ, *causata*—происшедшемъ отъ причины.

лица называются тремя.“ И затѣмъ: „и такъ, слѣдуетъ замѣтить, что, собственно говоря, есть три личныхъ свойства, именно: отцовство, сыновство и исхожденіе. Ибо личное свойство—это то, что принадлежитъ одному только лицу и отличаетъ его отъ всякой другой вещи.“

И такъ, доказано католическое ученіе, что рожденіе и исхожденіе устанавливаютъ не одно, а непременно два совершенно отличныя лица и что между Сыномъ и Духомъ Св. нѣтъ иного различія, кромѣ того, которое возникаетъ вслѣдствіе рожденія и исхожденія. На какомъ же основаніи Тома Аквинатъ, затѣявши подорвать это ученіе, всегда передаваемое въ Церкви, сталъ отрицать, что Сынъ и Духъ Св. совершенно различаются одними только свойствами рожденія и исхожденія? Развѣ этимъ онъ не навязываетъ св. Отцамъ и всей Церкви савелліанства? Вѣдь, если пассивное рожденіе и исхожденіе сами по себѣ могутъ устанавливать только одно лицо,—то отсюда по необходимости, конечно, слѣдуетъ, что св. Отцы, вѣрившіе, какъ мы только что видѣли, что Сынъ и Духъ Св. различаются только рожденіемъ и исхожденіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно савелліанамъ, сливали бы два лица Сына и Духа Св. въ одно (лицо) и устанавливали бы, что Сынъ и Духъ Св. одно только лицо. Но кто не скажетъ, что скорѣе Тома дѣйствительно защищаетъ савелліанство, отрицая, что исхожденіе и рожденіе, или два способа явленія, непременно устанавливаютъ два лица? Вѣдь этимъ онъ два различныхъ способа ипостаснаго явленія, а поэтому и два лица сокращаетъ и сливаетъ въ одно,—такъ что рѣшительно удивляешься, что очень многіе Латиняне, слѣдуя Томъ, выставяли затѣмъ и выставяютъ вездѣ то же въ доказательство исхожденія Духа Св. отъ Сына.

Но нѣкто ¹⁾ возражаетъ: „такъ относится рожденное къ дунутому (spiratum, πνευμάτι), какъ рождающій къ дышущему. Но рождающій отъ дышущаго различается однимъ только основаніемъ; слѣдовательно, и рожденное и дунутое, исключивши отношеніе начала, различаются однимъ только основаніемъ (въ одномъ смыслѣ).“ Конечно, если имѣть въ виду одни только термины, то рожденное

¹⁾ Циховій, вопр. VШ, стр. 87. То же говоритъ онъ въ опроверженіи Евсевія Пимена, стр. 149.

такъ относится къ дунутому, какъ раждающее къ дышущему: ибо какъ раждаться не значитъ быть дунутымъ и быть выдохнутымъ не значитъ рождаться, такъ раждать не значитъ дышать и дышать не значитъ раждать. Однако въ божествѣ различное основаніе этого возникаетъ изъ того, что одинъ и тотъ же дыханіемъ и рожденіемъ производитъ не одно, а два лица, каковыя дѣйствія могутъ сойтись въ одномъ лицѣ, не уничтожая себя взаимно. Ибо одинъ и тотъ же могъ одного родить, а другого не родить, а выдохнуть. Между тѣмъ невозможно, что бы одинъ и тотъ же родился и не родился, былъ и не былъ выдохнуть, и тѣмъ болѣе однимъ и тѣмъ же прежде всѣхъ вѣковъ. Ибо тотъ, кто производится способомъ рожденія, не можетъ въ свою очередь быть произведеннымъ способомъ нерожденія—и такъ далѣе. Слѣдовательно, въ божествѣ между рожденнымъ и выдунутымъ заключается большее неравенство, чѣмъ между родить и выдыхать. Далѣе, какъ выше доказано, способъ ипостаснаго явленія Сына есть сыновство, а—Духа Св.—исхожденіе. Значитъ,—родиться и исходить—два различные способа ипостаснаго явленія,—между тѣмъ рождать и выдыхать—отнюдь не два различныхъ способа ипостаснаго явленія. И такъ, какимъ образомъ разница между быть выдунутымъ и быть рожденнымъ будетъ не больше, чѣмъ между выдыхать и рождать, такъ чтобы, потому что раждать и выдыхать различаются однимъ только основаніемъ, также и быть рожденнымъ и быть выдунутымъ различались однимъ только основаніемъ? Два различные способа ипостаснаго явленія различаются, конечно, не логическимъ основаніемъ, не въ мысли, но совершенно и на дѣлѣ; а рожденіе и исхожденіе и суть два различныхъ модуса ипостаснаго явленія.

Отсюда рушится само собою то, что далѣе тотъ же авторъ ¹⁾ возражаетъ по данному же вопросу: „несомнѣнно, говоритъ онъ, между отношеніями родителя и дунувшаго (spiratoris) такая разница, какая между рожденнымъ и выдунутымъ; почему же изъ первыхъ не могутъ вытекать противоположенія реально различительныя, если они вытекаютъ изъ отношеній рожденнаго и выдунутаго? Не потому ли, что тѣ заключаются въ одномъ предполагаемомъ, а эти во многихъ, реально различныхъ? Между тѣмъ и

¹⁾ Циховій, стр. 88 въ спорѣ съ Яскимъ профессоромъ.

сами эти предполагаемые не были бы реально различны, если бы въ нихъ не было ничего, чѣмъ бы они различались на дѣлѣ. Что въ нихъ ничего не будетъ, чѣмъ они реально различались бы, если между нихъ не выйдетъ основаніе *αἰτίου καὶ αἰτιατοῦ*, учать такъ св. Отцы. И въ самомъ дѣлѣ, у св. Отцовъ противъ савелліанъ было единственное начало раздѣленія лицъ: ничто не производитъ само себя, и нигдѣ не найти у нихъ этого различія, доказаннаго въ порядкѣ несходства. Напрасно онъ (т. е. тотъ, съ кѣмъ онъ спорить) утверждаетъ, что одно божественное лицо должно отличаться отъ другого черезъ противоположеніе, вытекающее изъ отношеній несходства. Ибо откуда мы знаемъ объ этомъ? Кто изъ св. Отцовъ такъ училъ? Какое разсужденіе могло бы это доказать? Можетъ быть, это доказывать было необходимо тѣмъ, которые иначе не могутъ избѣжать савелліанизма, въ которомъ ихъ упрекаютъ; однако они его не избѣгаютъ и въ такомъ случаѣ, такъ какъ несходныя отношенія рожденнаго и выдунутаго не болѣе отличительны, чѣмъ отношенія родителя и выдыхателя.“

Откуда является въ божествѣ большее несходство между рожденнымъ и выдунутымъ, чѣмъ между рождающимъ и дышущимъ, только что было съ очевидностью доказано: — оттого именно, что невозможно, чтобы одинъ и тотъ же родился и не родился, выдыхался и не выдыхался, — между тѣмъ одинъ и тотъ же родитъ одного и выдохнуть, или другимъ какимъ-либо способомъ произвести, помимо рожденія, другого — могъ. Съ другой стороны, между тѣмъ какъ пассивное рожденіе и исхожденіе суть два различныхъ способа ипостаснаго явленія, — активное рожденіе и произведеніе Св. Духа — нисколько, — и вотъ другая причина, почему изъ активнаго дыханія и рожденія не вытекаютъ отношенія реально различныя подобно тому, какъ они дѣйствительно вытекаютъ изъ отношеній рожденнаго и выдунутаго. Не та только причина даннаго различія, что, какъ намъ возражалъ іезуитъ, родиться и быть выдунутымъ заключаются въ нѣсколькихъ предполагаемыхъ субъектахъ, реально различныхъ, а дышать и раждать — въ единственномъ только лицѣ: ибо, какъ сказано, исхожденіе и сыновство присущи Сыну и Духу Св., и этими свойствами (состояніями) Они реально по необходимости отличаются, что доказано.

Затѣмъ, то, какъ учать Отцы относительно различія лицъ на основаніи причины и причинности (происшедшаго отъ причины), выяснено уже въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ относительно сужденій Григорія Нисскаго ¹⁾ именно:—они не учать, что Сынъ и Духъ Св. реально не различались бы, если бы Одинъ изъ Нихъ не былъ причиною, а Другой—происшедшимъ отъ этой причины,—а учать, что—либо Отець есть причина и Отець,—Сынъ—происшедшій отъ причины и рожденный, Духъ Св.—происшедшій отъ причины и исходящій,—какъ тамъ же ясно говоритъ *Іоаннъ Дамаскинъ*, либо, согласно съ Григоріемъ Нисскимъ,—что Отець есть причина, Сынъ—отъ Отца родился раньше, чѣмъ кто-либо произошелъ, а Духъ Св.—изъ Того же Отца, но уже по рожденіи Сына, чтó, конечно, совпадаетъ съ указаннымъ мнѣніемъ Дамаскина.

И такъ, въ одномъ только различномъ основаніи причинности (происшедшаго отъ причины) Отцы полагаютъ различіе Сына и Духа Св., что весьма ясно доказываютъ выше приведенныя слова Отцовъ, въ которыхъ они столько разъ учили, что Сынъ и Духъ Св. различаются только рожденіемъ и исхожденіемъ. Слѣдовательно, какимъ образомъ св. Отцы окажутся несогласными съ нами, уча, что божественныя лица различаются на основаніи только причины и происшедшаго отъ причины (причинности), когда они, конечно, разумѣютъ это и въ отношеніи Сына и Духа Св. по разнымъ только основаніямъ причинности (происшедшаго отъ причины)? На самомъ дѣлѣ говоря, что Сынъ и Духъ Св. различаются только рожденіемъ и исхожденіемъ, мы подразумѣваемъ тѣ же различныя основанія причинности, по которымъ только различаются Сынъ и Духъ Св. и по утверженію Отцовъ.

Далѣе,—совершенно правильно для доказательства, что лица Троицы различны, св. Отцы употребили противъ савелліанъ такое начало: ничто не производитъ само себя, ибо если Отець раждаетъ Сына и производитъ Духа Св., то Отець, разумѣется, иное лицо отъ Сына, иное лицо и отъ Духа Св., а потому не одно лицо въ божествѣ, а больше. Между тѣмъ іезуитъ долженъ былъ привести намъ слова Отцовъ, гдѣ бы они, установивши начало, что ничто не производитъ само

¹⁾ См. I гл., вѣкъ IV.

себя, сдѣлали выводъ, что Сынъ произвелъ Св. Духа, либо заключили, что Сынъ и Духъ Св. просто ¹⁾—два лица изъ одного и того же начала. Одно только это тутъ можетъ имѣть значеніе:

Ложно также и то, что тутъ замѣчаетъ іезуитъ: „нигдѣ у Отцовъ нельзя найти этого различія, доказаннаго на основаніи неодинаковости, или же того, что Сынъ и Духъ Св. различаются черезъ противоположеніе, возникшее изъ неодинаковыхъ отношеній.“ Въдѣ подѣ этими неодинаковыми отношеніями и разумѣется рожденіе и исхожденіе. Между тѣмъ столько разъ въ выше приведенныхъ мѣстахъ св. Отцы утверждали, что Сынъ и Духъ Св. различаются только рожденіемъ и исхожденіемъ. Но, кромѣ свидѣтельствъ Отцовъ, іезуитъ желаетъ еще и логическихъ основаній, поэтому мы ихъ привели выше во II и III отвѣтахъ на аргументъ *Θομυ*.

Насколько, наконецъ, въ правѣ означенный авторъ упрекать нашихъ въ савелліанствѣ, ясно изъ того, что выше сказано. Слѣдуя ученію Св. католической церкви (слова Св. Отцовъ мы видѣли выше), мы учимъ: *сыновствомъ и исхожденіемъ Сынъ и Духъ Св. совершенно различаются*. Такимъ образомъ не столько нашихъ, сколько всю древнюю католическую церковь іезуитъ обвиняетъ въ савелліанствѣ. Но уже раньше видно было, насколько скорѣе Латиняне вмѣстѣ съ своимъ вождемъ *Θομοю*, думая иначе, впадали въ савелліанство.

Авторъ ²⁾, противъ котораго возражаетъ тотъ же іезуитъ, сказалъ: „изъ внутренняго, въ самомомъ существѣ лежащаго основанія сыновства и пассивнаго дыханія вытекаетъ, что эти лица между собою совершенно различны, или раздѣльны.“ На это іезуитъ отвѣчаетъ ³⁾, доказывая противное: „внутреннее основаніе активнаго рожденія и внутреннее основаніе активнаго дыханія не можетъ установить лицо совершенно различное, еще менѣе отдѣльное; слѣдовательно, и внутреннее основаніе пассивнаго рожденія или сыновства и пассивнаго дыханія или исхожденія не можетъ установить лица совершенно, т. е. реально различныя, потому что какъ

¹⁾ т. е. безъ обозначенія, что одно лицо произошло черезъ рожденіе, а другое—черезъ исхожденіе. Прим. перев.

²⁾ Евсевій Пимень въ *Αἰδφ*, стр. 153.

³⁾ въ опроверженіи Евсевія Пимена стр. 149.

тѣ, такъ и другія не имѣютъ между собою никакого противоположенія, которое одно только въ божествѣ есть начало реального различія.“ Но опроверженіе этого вытекаетъ изъ прежде сказаннаго, именно: заключеніе отъ рожденія активнаго и произведенія къ рожденію пассивному и исхожденію вовсе не имѣетъ силы, такъ какъ послѣднія суть два различныхъ модуса явленія, а первыя—нѣтъ. А два различныхъ способа личнаго существованія непремѣнно устаналиваютъ лица совершенно, т. е. реально различныя. Затѣмъ—невозможно, что бы одинъ и тотъ же изъ одного и того же родился и не родился,—слѣдовательно, не могъ быть однимъ лицомъ рожденный и не рожденный, но непремѣнно—двумя. А между тѣмъ одно и то же лицо одного родить, а другого произвести другимъ способомъ, кромѣ рожденія,—могло. Основаніе, которое приводитъ иезуитъ, само требуетъ доказательства ¹⁾, ибо ложно, будто одно только противоположное есть начало реального различія лицъ въ божествѣ.—Вотъ что можно возразить на первое доказательство *Томы Аквината*.

II доказательство Латинянъ.

Во вторыхъ, настаиваетъ въ указанномъ мѣстѣ *Томасъ*: „нигдѣ мы не нашли, чтобы отъ одного выходили многіе безъ порядка, кромѣ только того, что разнятся матеріально. Такъ одинъ кузнецъ производитъ много ножей, матеріально одинъ отъ другого различныхъ, не имѣющихъ между собою никакого порядка. Но въ вещахъ, въ которыхъ заключается не одно только вещественное различіе, всегда находится во множествѣ произведеннаго нѣкоторый порядокъ. Отсюда-то въ порядкѣ производимыхъ тварей обнаруживается красота божественной премудрости. И такъ, если отъ одного лица Отца происходятъ два лица, т. е. Сынъ и Духъ Св., то долженъ быть нѣкоторый между Ними порядокъ въ отношеніи Другъ къ Другу. И нельзя указать иного какого-нибудь порядка, кромѣ порядка природы, по которому изъ Одного является Другой. Поэтому невозможно сказать, что Сынъ и Духъ Св. такъ происходятъ отъ Отца, что ни Одинъ изъ Нихъ не происходитъ отъ Другого. Развѣ только кто-нибудь допуститъ между Ними какое-ни-

¹⁾ ratio, quam subdit iesuita, sumit tò ἐν ἀρχῇ

будь вещественное различіе.“ Но опять и этотъ аргументъ *Θома* опровергаетъ вмѣстѣ съ другими *Оккамъ*, въ вопр. I, раздѣль XI, кн. I „мнѣній.“

Прежде всего,—какое основаніе заключать отъ тварей къ простѣйшей и безмѣрной природѣ Божіей? Допустимъ, что изъ твореній не знаютъ никакого порядка только тѣ, которые разнятся веществомъ; развѣ потому было бы невозможнымъ, чтобы это имѣло мѣсто въ божествѣ;—или, такъ какъ между твореніями только то, что имѣетъ вещество, не знаетъ порядка, то поэтому, если въ божествѣ нѣтъ никакого порядка, въ Немъ будетъ имѣть мѣсто нѣкоторое вещественное различіе? Такъ животные живутъ, а люди одарены мыслительной силою, развѣ же потому, что божество такъ же живетъ и мыслить, оно приближается къ природѣ животныхъ и людей и точно такъ же въ немъ встрѣчается нѣчто вещественное? Слѣдовательно, доходить до абсурда *Θома*, заключая отъ кузнеца и ножей къ тайнамъ божества и происхожденія лицъ его. Извѣстно, затѣмъ, что между рожденіемъ Сына и исхожденіемъ Духа Св. имѣетъ мѣсто нѣкоторый порядокъ. Но ложно, будто при этомъ нельзя указать иного порядка, кромѣ порядка природы, по которому Одинъ происходитъ изъ Другого, какъ предложилъ намъ здѣсь *Θома*. Конечно, порядокъ между произведеніемъ Сына и Духа Св., по ученію св. Отцовъ, которыхъ слова мы видѣли въ началѣ той главы, гдѣ мы выяснили свидѣтельства Отцовъ, выставленныя Латинянами, ¹⁾ такой: Богъ Отецъ прежде всѣхъ вѣковъ, не родивши раньше или не произведя никого, родилъ Сына, а вмѣстѣ съ тѣмъ однако по роженіи Сына произвелъ Духа Св., такъ, что Сынъ мыслится прежде всѣхъ вѣковъ раньше ипостаси Духа Св. въ отношеніи причины, по которой Тотъ и Другой—отъ Отца. Въ виду того, что такой порядокъ установленъ между произведеніемъ Сына и Духа Св., какимъ образомъ нельзя указать никакого порядка, кромѣ того, по которому Одинъ является изъ Другого?

Отсюда точно такъ же само собою рушится пространное разсужденіе столько разъ нами поминаемаго іезуита, ²⁾ построенное на этомъ аргументѣ. Такъ онъ пишетъ: „если бы Духъ Св. не исходилъ отъ Сына,

¹⁾ XV глава.

²⁾ Циховій вопр. VIII стр. 84.

то Онъ не былъ бы третьимъ божественнымъ лицомъ, а вторымъ. Такой выводъ не долженъ быть допускаемъ, какъ ведущій, по мнѣнію св. Василія, къ отрицанію вѣры вслѣдствіе испроверженія тайны Троицы. Поэтому не должно быть допущено то положеніе, изъ котораго слѣдуетъ столь великая несообразность. Правильный же выводъ указывается изъ такого начала: число и порядокъ въ лицахъ божества выводится не изъ чего-нибудь иного, какъ изъ отношенія причинъ къ тому, что изъ нихъ происходитъ, какъ учитъ св. Василій въ помянутыхъ мѣстахъ, въ особенности въ I кн. противъ Евномія. А мы, согласно отношенію причинъ къ происшедшимъ отъ нихъ, говоримъ, что Отецъ стоитъ по порядку впереди Сына.“ Но выводъ изъ большей посылки совсѣмъ неоснователенъ: что касается утвержденія слѣдствія, то и мы говоримъ, что порядокъ въ божествѣ устанавливается только изъ отношенія причины къ происшедшему отъ причины, такъ какъ именно Отецъ по рожденіи Сына произвелъ Духа Св., тогда какъ Сына родилъ, не произведя еще никого. Но ложно, будто, когда говорятъ, что порядокъ въ божествѣ берется отъ отношенія причинъ къ происшедшимъ отъ причинъ, то смыслъ этого положенія сводится также къ тому, что, если между Сыномъ и Духомъ Св. долженъ быть порядокъ, то Сынъ непременно долженъ быть причиною Духа Св. Дѣйствительно, этимъ способомъ Отецъ стоитъ впереди Сына, но отсюда не слѣдуетъ вообще, что, когда одно лицо стоитъ впереди другого, то одно должно быть причиною другого. Притомъ, когда порядокъ между Сыномъ и Духомъ Св. устанавливается изъ отношенія причины къ происшедшему отъ причины, то это потому, что въ порядкѣ, въ которомъ Сынъ рожденъ изъ причины Отца, Сынъ разумѣется раньше ипостаси Духа Св., какъ говоритъ *Григорій Нисскій*.

Но іезуитъ продолжаетъ: „и такъ, изъ этого начала вытекаетъ заключеніе: лицо, которому не предшествуетъ въ порядкѣ второе лицо, не можетъ быть названо третьимъ лицомъ, а только первымъ, или вторымъ; Духу Св., если Онъ исходитъ отъ Одного только Отца, не предшествуетъ второе лицо; слѣдовательно, если Духъ Св. исходитъ только отъ Отца, то Его нельзя назвать третьимъ лицомъ. Бѣлая посылка доказывается тѣмъ, что отъ перваго лица невозможенъ переходъ къ третьему иначе, какъ при

посредствѣ второго, и число три невозможно, когда между первымъ и третьимъ не посредствуеѣтъ второе, какъ ясно всякому, кто умѣеть считать.“ Однако ложно, будто Духъ Св. предполагаетъ одно только первое лицо, или будто Духу Св., если Онъ исходитъ только отъ Отца, не предшествуетъ второе лицо. Ибо мы сейчасъ видѣли, какимъ образомъ Духу Св., исходящему только отъ Отца, предпониается или предшествуетъ въ порядкѣ Сынъ,—именно,— что Онъ исходитъ отъ Отца не раньше Сына, но уже при рожденномъ Сынѣ. Но іезуитъ доказываетъ свою меньшую посылку: „то только божественное лицо предшествуетъ въ порядкѣ другому, которое въ отношеніи того, кому оно предшествуетъ, имѣетъ отношеніе причины (служить его причиною). Второе лицо, по мнѣнію Фотіанъ, не имѣетъ отношенія причины къ Духу Св., исходящему отъ Одного только Отца; слѣдовательно, второе лицо не предшествуетъ въ порядкѣ (*non est praeordinabilis*) Духу Св., исходящему отъ Одного только Отца. И такъ, установлено: то лицо, которое предполагаетъ предъ собою только первое лицо, есть лицо—второе; Духъ Св., исходя отъ Одного Отца, предполагаетъ предъ Собою только первое лицо; слѣдовательно, исходя только отъ Отца, Духъ Св. есть второе лицо.“ Но, *во-первыхъ*, ложно, будто то только лицо—по ряду предшествуетъ другому, которое къ предшествуемому имѣетъ начало причины. На самомъ дѣлѣ, слова Василія, изъ которыхъ іезуитъ стремится это вывести, совсѣмъ не даютъ для этого основанія, какъ было доказано. Конечно, когда *Св. Ефремъ Сиринъ* учитъ, что Отецъ произвелъ сначала Сына, а послѣ Сына Духа Св., то онъ показываетъ, что Сынъ предшествуетъ въ порядкѣ Духу Св., и однако онъ отнюдь не прибавляетъ, что Сынъ имѣетъ свойство начала по отношенію къ Духу Св. Опять-таки, когда *Григорій Нисскій* учитъ, что Отецъ, прежде чѣмъ кто бы то ни было явился или былъ произведенъ, родилъ Сына, а при рожденномъ Сынѣ произвелъ Духа Св., то этимъ, конечно, онъ показалъ, что Сынъ предшествуетъ въ порядкѣ Духу Св., и однако онъ не прибавилъ, что Сынъ имѣетъ къ Духу Св. отношеніе причины. Что же касается *утвердительнаго вывода* іезуита, то, разумѣется, ложно, будто, если Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца, Онъ предполагаетъ предъ Собою только первое лицо.

Затѣмъ, іезуитъ продолжаетъ: „во-вторыхъ: гдѣ есть истинно и неизмѣнно три лица, тамъ есть истинно и неизмѣнно первое такъ, что оно не можетъ не быть первымъ,—и второе такъ, что оно не можетъ не быть вторымъ,—и третье такъ, что оно не можетъ не быть третьимъ. Въ таинствѣ Св. Троицы суть истинно и неизмѣнно три лица. Слѣдовательно, въ ней есть истинно и неизмѣнно нѣкоторое лицо первое, нѣкоторое—второе, нѣкоторое—третье такъ, что не можетъ быть по произволу человѣка первымъ, или вторымъ. Между тѣмъ между божественными лицами не можетъ быть перваго или послѣдняго иначе, какъ въ отношеніи начала, или какъ говорятъ Греки, въ отношеніи τῶ ἀρχῆς καὶ τῶ ἀκτῆς. Слѣдовательно, съ какой необходимостью второе лицо предполагаетъ себя происшедшимъ отъ причины (causatum, ἀκτῆς, употребляя выраженіе Грековъ), съ такою же—третье лицо предполагаетъ себя causatum отъ перваго и второго.“ Допустивши этотъ полисиллогизмъ, какое, спрашивается, основаніе для такого вывода: порядокъ въ божествѣ получается отъ отношенія причины и происшедшаго отъ причины (a ratione causae et causati,)—слѣдовательно, какъ второе лицо предполагается происшедшимъ отъ перваго, такъ третье лицо предполагается происшедшимъ отъ перваго и второго? Ибо если полученіе порядка въ божествѣ отъ основанія причины и происшедшаго отъ причины такъ понимать, чтобы непременно одно лицо было причиною другого тамъ, гдѣ между этими лицами долженъ быть порядокъ, то ложно, конечно, что такимъ образомъ получается въ божествѣ порядокъ отъ причины и происшедшаго отъ причины, и не въ такомъ смыслѣ передали это положеніе Св. Отцы, а, напротивъ, смыслъ ихъ былъ только такой, что Сынъ—отъ Отца до произведенія кого-бы то ни было, а Духъ Св. произведенъ, когда Сынъ былъ рожденъ, или послѣ Сына, что уже было доказано въ другомъ мѣстѣ. И такъ, какое основаніе для заключенія: въ божествѣ первое и послѣдующее получается по порядку происхожденія причинныхъ отъ причины—Отца,—слѣдовательно,—какъ второе лицо предполагается причиннымъ отъ перваго, такъ третье лицо предполагается причиннымъ отъ перваго и второго?!

Ничего равнымъ образомъ не доказываетъ іезуитъ, когда въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ изъ того, что Духъ Св., исходя отъ Одинаго Отца, предполагаетъ только первое лицо, дѣлаетъ выводъ, что Духъ Св. есть Сынъ. Но велѣдъ затѣмъ онъ намъ возражаетъ: „что бы противостоятъ этимъ аргументамъ, Фотіане указываютъ иное основаніе этого порядка божественныхъ лицъ, именно то, что, хотя происхожденіе того и другаго лица—отъ Одинаго только Отца, однако рожденіе Сына произошло прежде, чѣмъ дуновеніе Духа Св., потому что въ Отцѣ сила родительная упреждаетъ силу дыхательную, и потому Сынъ—второе лицо, а Духъ Св.—третье.“ Мы утверждаемъ, что слѣдуемъ самимъ Отцамъ, говоря, что Отецъ родилъ Сына, не производя никого, и что Онъ произвелъ Духа Св., родивши Сына, т. е. послѣ ²⁾ Сына,—и поэтому рожденіе Сына стоитъ впереди дыханія или исхожденія Св. Духа. Такъ говоритъ *Ефремъ Сиринъ* и *Григорій Нисскій*, и слова ихъ мы привели въ началѣ той главы, въ которой мы опровергали выставленныя Латинянами свидѣтельства восточныхъ Отцовъ. ³⁾ Если въ иномъ смыслѣ понимается, что сила рожденія въ Отцѣ предшествуетъ силѣ дыханія, то мы нисколько не выдаемъ этого отвѣта за нашъ. Но нельзя отрицать здѣсь іезуитъ, что рожденіе Сына предшествуетъ произведенію Духа Св., когда въ другомъ мѣстѣ онъ самъ это утверждаетъ. Вотъ его слова: ⁴⁾ „въ божественныхъ исхожденіяхъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признать активное рожденіе, которымъ устанавливается Отецъ, и пассивное, которымъ устанавливается Сынъ, и активное дуновеніе, которымъ дышется Духъ Св.; изъ нихъ ничто (по свидѣтельству св. Аѳанасія въ символѣ) не прежде, ни послѣ; однако порядокъ между этими исхожденіями естественный и совершенно неизмѣнный—тотъ, что пассивному рожденію предшествуетъ мысль о рожденіи активномъ и отцовствѣ, которое устанавливаетъ Отца, и, слѣдовательно,—что активному дыханію предшествуетъ мысль о пассивномъ рожденіи и сыновствѣ, какъ соотносительное рожденія активнаго и отцовства, черезъ

¹⁾ въ вопр. VIII стр. 91.

²⁾ слово *посль* не обозначаетъ въ данномъ случаѣ никакого позднѣйшаго момента, а только устанавливаемый нашимъ мышленіемъ порядокъ исхожденія Св. Духа.

³⁾ См XV гл.

Прим. перев.

⁴⁾ вопр. VIII. стр. 93.

которое ипостасно устанавливается Отецъ.“ Такимъ образомъ, іезуитъ въ другомъ мѣстѣ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ учить, что дыханію активному предшествуетъ мысль (*praeintelligitur*) объ активномъ и пассивномъ рожденіи; какъ же у него хватаетъ смѣлости обвинять здѣсь восточныхъ, излагающихъ то же ученіе, въ отступленія отъ догматовъ католической церкви? Такъ онъ тамъ же продолжаетъ: „однако противъ этого нужно сказать, во первыхъ: они черезъ это оставили ясныя ученія св. восточныхъ Отцовъ, отрицающихъ, что порядокъ перваго или послѣдующаго между божественными лицами получается какимъ-нибудь инымъ способомъ, чѣмъ изъ отношенія τοῦ αἰτίου καὶ τοῦ αἰτιατοῦ.“

Но какъ іезуитъ повторяетъ это столько разъ, такъ и мы столько же разъ доказываемъ, что смыслъ св. Отцовъ, когда они объ этомъ учатъ, таковъ: лица между собою разнятся тѣмъ, что Сынъ рожденъ отъ причины Отца въ то время, когда никто не былъ произведенъ, а Духъ Св. исходитъ отъ причины Отца, когда рожденъ Сынъ. Такъ понималъ это *Григорій Нисскій*, отличный толкователь своихъ словъ. И мы говоримъ, что по такому порядку Сынъ имѣетъ то свойство, что мыслится прежде Св. Духа.— На словахъ Толедскаго Собора, который тутъ же приводитъ іезуитъ, мы не останавливаемся: о нихъ, какъ о поврежденныхъ, слѣдуетъ судить изъ главы о поврежденіяхъ, произведенныхъ Латинянами въ писаніяхъ западныхъ Отцовъ. ¹⁾

Іезуитъ продолжаетъ далѣе: „во вторыхъ: напрасно говорятъ, что сила рожденія (*vis generativa*) въ божествѣ стоитъ впереди силы дыханія (*est prior vi spirativa*). Чѣмъ же именно она первенствуетъ? не стойкостью, какъ это видно изъ вѣры; не природою, потому что въ божествѣ нѣтъ дѣйственной зависимости одного отъ другого; не началомъ, что явствуетъ изъ опредѣленій. И такъ, между этими силами нѣтъ никакого естественнаго первенства, но оно является только въ нашемъ несовершенномъ способѣ пониманія, по которому слѣдуетъ, что Духъ Св. есть третье лицо не по природѣ, не въ силу происхожденія и начала (какъ утверждаютъ св. Отцы), а произвольно и только по способу воспріятія нашего мышленія, не способнаго понять Бога, дѣйствующаго внутренне

¹⁾ См. гл. III, въ концѣ поврежд. XLIII.

(ad intra) по хотѣнію, а понимается раньше дѣйствующимъ по разумѣнію. Изъ этого дальше слѣдуетъ, что Духъ Св. не есть третье лицо въ знаніи божественномъ, а только въ нашемъ абстрагирующемъ мышленіи.“

Мы говоримъ, что Отецъ родилъ Сына прежде, а Духа Св. произвелъ послѣ Сына, и поэтому признаетъ, что активное рожденіе стоитъ впереди прозвѣденія Св. Духа; конечно, оно первенствуетъ не временемъ, напримѣръ, а происхожденіемъ. Въ *Св. Ефрема Сирина* ясно училъ: „Духъ Св. послѣ Сына произведенъ Отцомъ.“ И *Григорій Нисскій* говоритъ: „Духъ Св. происходитъ отъ причины по рожденіи Сына, а Сынъ родится отъ причины непосредственно.“ Значитъ, это первенство истинно естественное и имѣетъ мѣсто въ Богѣ, хотя по нашему несовершенному разумѣнію мы не можемъ понять, каково это первенство. Почему же самъ іезуитъ утверждалъ въ раньше приведенныхъ словахъ: „однако порядокъ между этими исхожденіями естественный и совершенно неизмѣняемый таковъ, что пассивному рожденію предшествуетъ въ пониманіи (praeintelligitur) рожденіе активное и что активному дыханію предшествуетъ въ пониманіи пассивное рожденіе? Тутъ онъ вполне ясно признаетъ первенство и естественный порядокъ между активнымъ рожденіемъ и дыханіемъ, такъ какъ активному дыханію предшествуетъ въ пониманіи рожденіе; почему же здѣсь іезуитъ опять это отрицаетъ? Слѣдовательно, — не только въ способѣ воспріятія нашего разумѣнія рожденіе является истинно раньше дыханія, но по самой силѣ происхожденія и начала Духъ Св. есть третье лицо, такъ какъ, конечно, невозможно, что бы тотъ, кто производится послѣ Сына, производился вмѣстѣ съ тѣмъ и раньше Сына. — Что же касается замѣчанія іезуита, что рожденіе кажется первѣе произведенія потому, что мы не можемъ понять, какъ Богъ дѣйствуетъ внутренне (ad intra) черезъ волю, а понимается раньше дѣйствующимъ черезъ умъ, такъ какъ, конечно, Сынъ производится черезъ умъ, а Духъ Св. черезъ волю,—то это только измышленія схоластиковъ, неимѣющія никакой опоры, какъ мы впоследствии увидимъ. Дѣйствительно, *Григорій Нисскій* въ I кн. противъ Евномія (стр. 164) говоритъ: „какъ присоединятся къ Отцу Сынъ, и заимствованіе отъ Него бытія не дѣлаетъ Его (Сына) позднѣй-

шимъ по существованію; такъ въ свою очередь Духъ Св. соединяется съ Единороднымъ, при чемъ однимъ только понятіемъ ума по основанію причины Сынъ мыслится раньше ипостаси Духа.“ Но словами: „при чемъ только въ понятіи ума Сынъ мыслится раньше,“ Григорій хотѣлъ исключить только время, такъ что смыслъ этого выраженія такой: нельзя помыслить никакого времени, когда бы Сынъ былъ первѣе Духа Св., но это можно допустить только въ умѣ. Ибо когда онъ называетъ это первенство по основанію причины („только въ воспріятіи ума по основанію причины мыслится раньше Сынъ,“ говоритъ онъ), то ясно, конечно, что Григорій Нисскій понималъ тутъ совсѣмъ естественное первенство. Ибо первенство по основанію причины — естественное и имѣетъ мѣсто въ божествѣ прежде даже, чѣмъ человѣкъ восприметъ его умомъ. Но и Латиняне эти слова Нисскаго такъ объясняютъ, какъ если бы мысль его была та, что причина Св. Духа—Сынъ, и такимъ образомъ и въ отношеніи причины Сынъ разумѣется раньше Св. Духа. И уже, конечно, ясно, что, когда одно служить причиною другого, то тутъ вполне имѣетъ мѣсто первенство естественное, а не умственное только. И такъ, какимъ же образомъ Григорій Нисскій, если бы даже такой былъ смыслъ его, могъ замѣтить, что „Сынъ понимается раньше Духа Св. въ одномъ только воспріятіи ума,“ иначе, какъ не въ указанномъ отношеніи, въ которомъ объяснили эти слова и Латиняне?

Наконецъ, возражаетъ тотъ же авторъ слѣдующее: „въ третьихъ: допустивши, что какой-нибудь порядокъ божественныхъ лицъ могъ бы быть взятъ отъ представляемаго въ нашемъ умѣ первенства, или позднѣйшества производительныхъ силъ, то и отсюда еще не оказывалось бы, что Духъ Св.—второй отъ Сына; ибо какъ Духъ Св., такъ и Сынъ относились бы одинаково къ Одному только Отцу, и то и другое лицо было бы позднѣе по происхожденію только въ отношеніи одного перваго лица. Слѣдовательно, не было бы никакого основанія для того, что бы назвать скорѣе Духа Св. вторымъ отъ Сына, чѣмъ Сына—вторымъ отъ Духа Св., такъ какъ св. Отцы не признаютъ никакого другого начала для исчисленія божественныхъ лицъ и ихъ порядка, какъ только по основанію причины, или происхожденія. И пусть будетъ необходимымъ, чтобы въ какомъ

родѣ третье лицо предполагаетъ первое, въ томъ самомъ предполагало второе; или, что то же, чтобы—вслѣдствіе чего Духъ Св. называется третьимъ отъ Отца, вслѣдствіе того же Онъ былъ—вторымъ отъ Сына и такимъ образомъ Онъ—третье лицо пресвятой Троицы не произвольно, а естественно. И такъ, очевидно, что по силѣ источнаго и естественнаго порядка третье лицо такъ требуетъ быть произведеннымъ отъ перваго и второго, какъ второе требуетъ быть произведеннымъ отъ одного только перваго.“

Но, *во первыхъ*, какъ только что доказано, порядокъ и первенство, существующія между произведеніемъ Сына и Духа Св., не воображаемы только и мыслимы, а совершенно естественны. И если даже противъ сказаннаго выставить приведенныя іезуитомъ разсужденія, то ихъ легко опровергнуть. Конечно, когда Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца, то какъ Сынъ, такъ и Духъ Св. въ разсужденіи причины, т. е. какъ къ производителю, относятся къ Одному только Отцу; но отсюда однако не слѣдуетъ, что нѣтъ никакого порядка между Сыномъ и Духомъ Св. и поэтому ни Сынъ не является по необходимости вторымъ, ни Духъ Св.—третьимъ лицомъ. Ибо ложно, будто вслѣдствіе этого какъ Сынъ, такъ и Духъ Св.—позднѣе по происхожденію Одного только Отца: вѣдь, хотя такимъ образомъ Духъ происходитъ только отъ Отца, однако вмѣстѣ съ тѣмъ Духъ Св. также въ разсужденіи происхожденія является позднѣе Сына, такъ какъ Онъ производится Отцомъ по рожденіи Сына, т. е. послѣ Сына. Значить, вовсе отсюда не слѣдуетъ, будто въ этомъ случаѣ не будетъ никакого основанія, почему бы слѣдовало назвать скорѣе Духа Св. вторымъ отъ Сына, чѣмъ Сына—вторымъ отъ Духа Св.—Ибо если Духъ Св. произведенъ послѣ Сына, а не прежде Его, то какимъ образомъ можно было бы когда-нибудь назвать Сына вторымъ отъ Духа Св.?—*Далѣе*: Отцы дѣйствительно признаютъ, что въ Троицѣ не иной порядокъ, какъ на основаніи причины и происшедшаго отъ причины, но, какъ мы многократно доказывали, они не понимаютъ тѣмъ самымъ, что какъ первое лицо есть причина второго, такъ и второе—причина третьяго, какъ это толковалъ іезуитъ; а въ томъ только смыслѣ это понимаютъ, въ какомъ и мы до сихъ поръ объясняли порядокъ происхожденія лицъ, какъ выше доказано. *Затѣмъ*, и мы, конечно, согласны,

что въ какомъ родѣ третье лицо, какъ третье, предполагаетъ— первое, въ такомъ же оно предполагаетъ и второе, т. е. что потому, почему Духъ Св. называется третьимъ отъ Отца, потому самому Онъ называется вторымъ отъ Сына. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ непременно, что значить, третье лицо требуетъ быть произведеннымъ отъ второго такъ, какъ второе требуетъ произведенія отъ перваго: ибо по порядку Своего произведенія Отцомъ Духъ Св. называется третьимъ отъ Отца, такъ какъ, понятно, исходитъ отъ Отца послѣ Сына,— по какому основанію Духъ Св. равнымъ образомъ является вторымъ отъ Сына: вѣдь послѣ Сына производится Духъ Св. и между рожденіемъ Сына и произведеніемъ Духа Св. не вступается иной посредствующій подобно тому, какъ между исхожденіемъ Духа Св. отъ Отца является посредствующимъ Сынъ.— Вотъ что можно сказать противъ второго аргумента Ѳомы Аквината.

III доказательство Латинянъ.

Разсуждаетъ еще Ѳома (въ I ч., вопр. XXXVI, членъ 2)— такъ: „Сынъ выходитъ черезъ дѣйствіе ума, какъ Слово, а Духъ Св. черезъ дѣйствіе воли, какъ Любовь. Необходимо же, чтобы Любовь исходила изъ Слова: ибо мы любимъ что-нибудь не иначе, какъ потому, что охватываетъ его воспріятіемъ ума; отсюда—то и ясно, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына.“ Но и этотъ аргументъ Ѳомы опять—таки отвергають сами Латиняне: *Оккамъ* въ I кн. „мнѣній“, разд. XI, вопр. I; *Ариминъ* въ кн. I, разд. VIII, вопр. I, членъ 2; разд. X, вопр. I и разд. XIII, вопр. I. Такъ и *Дурандъ а S. Portiano* въ кн. I разд. VI вопр. II точно такъ же отрицаетъ, что Духъ Св. исходитъ дѣйствіемъ воли, какъ Любовь.

ОТВѢТЪ I.

Прежде всего,—мы не знаемъ, какимъ образомъ происходитъ исхожденіе Св. Духа и какимъ—рожденіе Сына: Отцы и учителя христіанской церкви всегда заявляли, что они не знаютъ основанія того и другого. Такъ *Діонисій Ареопагитъ* въ книгѣ „о божественныхъ именахъ“, гл. II, стр. 174, говоря о рожденіи Сына и исхожденіи Духа Св. замѣчаетъ: „какъ это происходитъ, ни выразить, ни понять мы не можемъ.“ *Аванасій* въ діалогѣ I „о Троицѣ“:

„какъ Богъ раждаетъ Сына, я не любопытствую допытываться, и какъ Онъ высылаетъ Духа, я также не любопытствую; но вѣрую, что Сынъ рожденъ неизглаголанно и безстрастно и точно такъ же Духъ Св. исходитъ неизглаголанно и безстрастно.“ *Григорій Богословъ*, между прочимъ, въ словѣ XXXVII о Духѣ Св., стр. 597: „каково же это исхожденіе? Скажи ты намъ, что такое нерожденность Отца, и я тебѣ стану выяснять рожденіе Сына и исхожденіе Духа Св. и будемъ безумствовать оба, роясь въ тайнахъ Божіяхъ.“ *Григорій Нисскій* въ книгѣ о томъ, „что по образу и по подобію,“ изданной между другими небольшими сочиненіями Григорія *Фронтонма Дукеема* въ Ингольштадтѣ въ 1596 г., стр. 35: „какъ среди безтѣлесности, неподвижности и неизмѣнности мы разберемъ различіе рожденія и исхожденія?“ *Златоустъ* въ I бесѣдѣ „о постижимой природѣ Бога“ (т. I греко-латинск. изд., стр. 332): „знаю, что Богъ родилъ Сына, а какъ, не вѣдаю. Знаю, что Духъ изъ Него, а какъ изъ Него, не знаю.“ *Августинъ* въ кн. III противъ Максимиана, гл. XIV: „различить между тѣмъ рожденіемъ и этимъ исхожденіемъ не знаю, не въ силахъ, не способенъ.“ *Авторъ* книгъ „о единствѣ божества Троицы“ у Аѳанасія (въ IX кн. т. II твореній Аѳанасія, стр. 583): „достаточно было бы вѣрнымъ вѣровать въ то, что Сынъ рожденъ, а Духъ Св. исходитъ отъ Отца,—и исхожденіе Его каково, или какихъ размѣровъ, никому не дано знать. Точно такъ же и о Сынѣ сказано: рожденіе Его кто разкажетъ?“ *Леонтій* въ книгѣ объ ересяхъ (дѣяніе I, т. I греческихъ Отцовъ, стр. 493): „какимъ образомъ—Сынъ ли рождается отъ Отца, или Духъ Св. исходитъ, не слѣдуетъ стараться узнать.“ *Анастасій Синаитъ* въ I кн. о догматахъ вѣры (ст. 697, т. VI библиотеки Кельнскихъ Отцовъ): „какимъ образомъ рождается Слово, или исходитъ Духъ, не станемъ изъ любопытства изслѣдовать: это дѣло ненадежное и небезопасное. Это извѣстно только началу. Не вѣрное это дѣло,—ибо оно извѣстно Одному только Богу.“ *Авторъ* книги „о Троицѣ“ у Кирилла, въ гл. VIII: „исхожденіе есть другой способъ явленія, не менѣе превосходящій воспріятіе и пониманіе, какъ и рожденіе Сына.“ И оныя: „способъ рожденія и исхожденія остается непостижимымъ.“ *Іоаннъ Дамаскинъ* въ кн. I „православной вѣры,“ гл. X, стр. 36: „различіе рожденія и ис-

хожденія мы знаемъ, но каковъ способъ различія отнюдь не знаемъ.“ И въ гл. II: „какимъ образомъ Богъ родился отъ Бога, или исшелъ, — и не знаемъ, и не въ силахъ сказать.“ Въ гл. IX заключается то же, что мы только что привели изъ кн. „о Троицѣ.“ И опять въ исторіи Варлаама и Иосафата: „понять способъ рожденія и исхожденія не пытайся.“ Наконецъ англосаксъ *Беда* (въ т. V твореній, столб. 571) въ комментарий къ XVI гл. евангелія отъ Іоанна: „какое различіе между исходить и рождаться,—и долго, изслѣдуя, разсуждать, и безумно, когда разсудишь, опредѣлить: ибо и для ума обнять какъ-нибудь чрезвычайнаго трудно, и то, что, можетъ быть, умъ пойметъ, для языка выяснить такъ же трудно, какъ бы ни былъ ученъ объясняющій и кто бы ни былъ слушатель.“

То же въ другихъ мѣстахъ предлагаютъ Отцы и Соборы о рожденіи Сына: *Діонисій* Александрійскій въ отвѣтѣ на V вопросъ Павла Самосатскаго (т. I, Соборовъ, столб. 872); *Осія Кордубскій* на Никейскомъ Соборѣ у *Геласія Кизическаго*, кн. II, гл. XVI (т. II Соборовъ, столб. 180) и пространно отъ имени того же вселенскаго Собора *Евсевій*, сынъ Памфила, у того же Геласія, кн. II, гл. XIX, столб. 197, 200 и 201;—Соборъ католическій въ Арминѣ въ осужденіи ереси Аріанской у Иларія (отрыв. во II кн. объ Арминскомъ Соборѣ, стр. 47, т. II Соборовъ, столб. 796); *Василій Великій* въ словѣ о рожденіи Христа, по свидѣтельству Акакія, епископа Верройскаго, въ посланіи къ Кириллу (ч. I вселенскаго Ефесскаго Собора, гл. XXIII, т. III Соборовъ столб. 384). *Августинъ* въ словѣ на Рождество, по свидѣтельству епископовъ Галльскихъ и Германскихъ на Франкфуртскомъ соборѣ (т. VII Соборовъ, столб. 1033); *Кириллъ* въ кн. о воплощеніи Единороднаго (ном. IV, ч. III Ефесскаго I собора, гл. XXXI въ началѣ, т. III Соборовъ, столб. 1095); *Юстиніанъ Императоръ* въ кн. „противъ трехъ главъ“ (т. V соборовъ, столб. 688); *Мансветъ* въ соборномъ посланіи къ Императору Константину (т. VI Соборовъ столб. 606); *Софроній*. патріархъ Іерусалимскій, въ соборномъ посланіи, читанномъ на XI засѣданіи VI вселенскаго Собора (т. VI Соборовъ, столб. 866); *Никифоръ*, патріархъ Константинопольскій, въ посланіи ко Льву III (т. VII Соборовъ, столб. 1216); *Іоаннъ Дамаскинъ*

въ I кн. „православной вѣры,“ гл. II и въ исторіи Варлаама и Иосафата, гл. XIX; наконецъ Галльскіе и Германскіе епископы въ соборномъ посланіи къ Испанскимъ на Франкфурскомъ Соборѣ (т. VП, столб. 1033). Не хватило бы дня, если бы мы захотѣли подтвердить то же изъ писаній остальныхъ Отцовъ; достаточно перечислить тѣхъ, которые изреченіе пророка: „а рожденіе Его кто расскажетъ?“ относятъ къ вѣчному рожденію Бога Сына отъ Отца. Таковы: *Иустинъ* въ разговорѣ съ Трифономъ Іудеемъ (стр. 261) и въ „вопросахъ къ православнымъ“ (вопр. LXVП, стр. 431); *Ириней* во II кн., гл. XLVШ; *Александръ*, епископъ Александрійскій, въ посланіи къ Александру, епископу Константинопольскому, у Теодорита, кн. I церковной исторіи, гл. III, т. III твореній, стр. 525; *Аванасій* въ діалогѣ III о Троицѣ, т. II, стр. 213 — и въ кн. объ изложеніи вѣры, т. I, стр. 240; *Кириллъ Іерусалимскій* въ оглашеніи XI, стр. 94; *Василій Великій* въ I кн. противъ Евномія, т. II твореній, стр. 21; *Амвросій* въ книгѣ о вѣрѣ къ Граціану,“ гл. VI, т. IV, столб. 123; *Іеронимъ* въ комментаріи къ I кн. Іезекіиля, т. IV, столб. 733; *Августинъ* въ посланіяхъ LIV, CI и CLXXIV; *Кириллъ Александрійскій* кн. I комментарія къ I гл. евангелія отъ Іоанна, т. IV твореній, стр. II и въ „Сокровищѣ“ — утвержденіе IV, т. V, ч. I, стр. 24; *Авторъ* книгъ „объ единствѣ божества въ Троицѣ“ — кн. VШ, т. II твореній Аванасія, стр. 583; *Евгеній*, Карфагенскій епископъ, въ исповѣданіи вѣры у Виктора Утическаго во II кн. „о Вандальскомъ преслѣдованіи.“ Такъ учать и другіе. Если, такимъ образомъ, по единодушному признанію каѳолическихъ учителей, не вѣдомъ способъ рожденія Сына и исхожденія Св. Духа, — откуда, спрашивается, могъ проникнуть его Ѳома? Ужъ не выше ли одинъ отъ всѣхъ Отцовъ и св. Соборовъ? Нелѣпость! И такъ при неизвѣстности способа того и другого, какимъ образомъ могли Латиняне дѣлать какое-нибудь категорическое заключеніе изъ неизвѣстнаго и скрытаго? Въ сущности это *petitio ejus, quod in principio est*, а отнюдь не діалектическое доказательство и не утвержденіе, котораго нельзя выводить изъ неизвѣстнаго, какъ учить Аристотель во II кн. первыхъ аналитикъ, гл. XVI и въ VШ кн. топиковъ, гл. VШ.

ОТВѢТЪ II.

Но посмотримъ, что новаго выразилъ Ѳома, сказавши: „Сынъ выходитъ черезъ дѣйствіе (способъ) ума, какъ Слово, Духъ черезъ дѣйствіе (способъ) воли, какъ Любовь.“ Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что Сынъ происходитъ отъ Отца, какъ *λέγος*,— но откуда Ѳома доказываетъ, что Сынъ происходитъ отъ Отца способомъ дѣйствія ума? Ложно далѣе, будто Духъ Св. исходитъ по способу дѣйствія воли, какъ Любовь. Духъ Св., дѣйствительно, есть любовь, по ученію апостола (Римл. V, 7). Но не одинъ только Духъ есть любовь, а и Отецъ и Сынъ, такъ что отсюда никоимъ образомъ нельзя сказать, что изъ Отца Духъ Св. исходитъ, какъ любовь. Кромѣ Діонисія Ареопагита въ кн. „о божественныхъ именахъ“ и его схолиаста Максима, то же изъ св. Писанія такъ доказываетъ *Августинъ* въ XV кн. о Троицѣ, гл. XIX: „болѣе основательно вѣрить или понимать, что не одинъ только Духъ Св. есть любовь въ этой Троицѣ; но не напрасно собственно Онъ именуется любовью по причинѣ того, что сказано. Какъ не одинъ только Онъ въ этой Троицѣ является Духомъ и святымъ, потому что и Отецъ— Духъ и Сынъ— Духъ и Отецъ— святой, и Сынъ святой,— въ чемъ сомнѣваться— не благочестиво,— и однако не напрасно Онъ собственно называется Духомъ Святымъ,— потому что Онъ— общъ Обоимъ. Онъ и называется тѣмъ, чѣмъ Они Оба сообща. Иначе, если въ этой Троицѣ одинъ только Духъ Св. есть любовь, то, конечно, и Сынъ окажется Сыномъ и Одного только Отца, но также и Сыномъ Духа Св. Ибо такъ въ безчисленныхъ мѣстахъ и говорится, и читается: едиnorodный Сынъ Бога Отца, и однако вѣрно и то, что апостоль говоритъ о Богѣ Отцѣ: Онъ вырвалъ насъ изъ власти тьмы и перенесъ въ царство Сына любви Своей. Не сказалъ: Сына Своего,— что если бы сказалъ, то сказалъ бы вѣрнѣйшимъ образомъ; но сказалъ: Сынъ Его любви. Значитъ, Сынъ также и Духа Св.. если въ Троицѣ нѣтъ любви, кромѣ Духа Св. А такъ какъ это сущая нелѣпность, то остается признать, что тамъ не одинъ только Духъ Св.— любовь, но по причинѣ того, о чемъ я достаточно разсуждалъ, Онъ собственно такъ называется.“ И такъ, по ученію самого апостола, сказавшаго: „перенесъ насъ въ царство Сына любви Своей,“ Отецъ также есть любовь. Ибо если

бы здѣсь подѣ словомъ любви разумѣть Духа Св., то вытекало бы изъ этого, что Сынъ Божій есть также Сынъ Св. Духа, — что нельзя. Отсюда-то въ очень многихъ мѣстахъ въ книгахъ своихъ „о Троицѣ,“ а въ особенности въ кн. XV, гл. XVII Августинъ отрицаетъ, что Духъ Св. только есть любовь. То же доказываетъ изъ св. Писанія авторъ „сокращенія противъ Аріанъ,“ изданнаго іезуитомъ Сирмондомъ (стр. 126): „любовь Отець, любовь Сынъ, любовь и Духъ Св. Объ Отцѣ въ посланіи Іоанна сказано: Богъ есть любовь; о Сынѣ апостоль говоритъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: любовь же Христа связываетъ насъ; о Духѣ Св. апостоль выражается въ посланіи къ Римлянамъ: заклинаю васъ, братья, Господомъ Нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовью Духа.“ Слѣдовательно, не иначе Духъ Св. называется любовью, какъ и Христосъ называется истиною, хотя, конечно, истина и Отець, и Сынъ. А такъ какъ любовь—не одинъ только Духъ Св., но также и Отець, и Сынъ, то какъ можно было сказать, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, какъ любовь? Не меньше, конечно, нельзя было этого сказать, какъ нельзя сказать, что Духъ Св. исходитъ отъ Бога, какъ святой, или какъ Духъ, или какъ нельзя сказать, что Сынъ происходитъ отъ Отца, какъ истина. На самомъ же дѣлѣ, такъ какъ Сынъ родился отъ Отца, какъ *Αυτος*,— это имя, какъ собственное Сына, никоимъ образомъ не есть равно общее Отцу, или Св. Духу. А между тѣмъ, хотя по нѣкоторому основанію можно сказать, что здѣсь любовь есть собственное имя Св. Духа, какъ утверждалъ Августинъ, однако въ свою очередь оно равно обще и Отцу, и Сыну. Слѣдовательно, неодинаково какъ Сынъ производится отъ Отца, какъ *Αυτος*, такъ и Духъ Св. происходитъ отъ Отца, какъ любовь.

ОТВѢТЪ III.

Θома, далѣе, утверждалъ: такъ какъ Духъ Св. исходитъ, какъ любовь, то Онъ исходитъ отъ Бога дѣйствиємъ (черезъ способъ) воли. Значитъ, такъ какъ и Сынъ, какъ доказано, равно есть любовь, то и Сынъ также будетъ происходить отъ Бога черезъ дѣйствіе воли; а между тѣмъ Θома заявлялъ, что Онъ происходитъ черезъ дѣйствіе ума, и въ этомъ устанавливалъ различіе происхожденія Духа Св. и Сына.

ОТВѢТЪ ІV.

Въ свою очередь Ѳома доказывалъ: „творческая воля Отца, какъ говорятъ, производитъ Духа Св., какъ любовь; но мы ничего не любимъ, чего не обнимаемъ воспріятіемъ ума.“ И такъ, Духъ Св. черезъ дѣйствіе воли происходитъ отъ Отца. Доказывается, затѣмъ, что и отъ Сына также исходитъ Духъ Св., потому что Духъ Св. есть любовь: а мы ничего не любимъ иначе, какъ сообразно съ тѣмъ, что обнимаемъ понятіемъ ума. Этими словами, конечно, Ѳома ясно предполагаетъ, что любовь исходитъ изъ воспринимающаго понятія ума. Ибо отсюда, какъ сказано, онъ дѣлаетъ выводъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына. И такъ, по мнѣнію Ѳомы, Духъ Св. исходитъ отъ Сына, потому что Онъ произошелъ изъ Его ума, т. е. изъ обнимающаго воспріятія мысли, какъ любовь. Значить, творческой умъ Сына произвелъ Духа Св. такъ, какъ умъ или воспринимающее понятіе ума производитъ любовь. И, такимъ образомъ, выходитъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына черезъ дѣйствіе (способъ) ума, а отъ Отца черезъ дѣйствіе воли, — что нелѣпо. Ибо въ такомъ случаѣ Духъ Св. являлся бы произведеннымъ различными силами и потому не однимъ дыханіемъ; мало того, оказались бы такимъ образомъ два лица Духа Св., изъ которыхъ одно произведено было бы Сыномъ, а другое — Отцомъ. Поэтому-то и Ѳома утверждалъ, что различныя лица, т. е. Сынъ и Духъ Св., происходятъ отъ Отца на различномъ основаніи, что Сынъ происходитъ черезъ способъ ума, а Духъ Св. — черезъ способъ воли. Ибо и невозможно, чтобы одно и то же произошло на разномъ основаніи.

ОТВѢТЪ V.

Если, затѣмъ, Сынъ рождается изъ личнаго творческаго ума Отца, а Духъ Св. исходитъ изъ личной Его воли, то необходимо, конечно, чтобы, какъ лицо разнится совершенно отъ лица, и личная воля Отца разнилась отъ личной воли Сына и потому двѣ различныя воли произвели Духа Св., — что представляетъ абсурдъ. Ибо если Духъ Св. произошелъ изъ двухъ различныхъ волей, то Онъ исходитъ также изъ двухъ различныхъ дыхательныхъ силъ

и потому производится не однимъ дыханіемъ. Если же говорятъ, что Духъ Св. производится общею волею Отца и Сына, то Сынъ съ Отцомъ будутъ имѣть уже тройную волю: первую, которая Имъ принадлежитъ на основаніи общей сущности, вторую—личную и третью—посредствующую между ними, что также—абсурдъ. Ибо, какое, спрашивается, будетъ различное основаніе этихъ трехъ волей? Въ имени они сходятся,—а что сходятся въ имени, то сходятся также въ опредѣленіи, если не скрывается какое-нибудь двусмысліе. И творчество не могло измѣнить природы воли посредствующей и личной: ибо изъ этихъ лицъ одно—творческое, другое—нѣтъ; и однако изъ-за этого не измѣняется опредѣленіе самого слова *лицо*, говорится ли о лицѣ творческомъ, или нетворческомъ. Если же эти воли нисколько не разнятся другъ отъ друга, но совершенно одинаковы, то какимъ образомъ, спрашивается, одна и та же воля могла быть общею на основаніи сущности, и опять однако свойственной одной, или только двумъ ипостасямъ? Ибо невозможно, чтобы одно и то же было свойственно одному только, а не иному лицу, и опять было общимъ всѣмъ тремъ лицамъ. Поэтому точно такъ же изобличаются этимъ доказательствомъ въ заблужденіи тѣ, кто, устранивши эту тройную волю, захочетъ признать только двѣ воли—Отца и Сына, т. е. природную и посредствующую.

ОТВѢТЪ VI.

Далѣе,—аргументъ Θомы заключалъ въ себѣ слѣдующее: „любовь исходитъ изъ *Λέγος*'а, потому что мы не любимъ ничего, кромѣ того, что воспринимаемъ понятіемъ ума.“ Но воспринимающее—то понятіе ума производитъ любовь,—любовь именно, которая направляется на любимое, а не производитъ самый предметъ, который любятъ. И такъ, если самъ предметъ любви есть ипостасная любовь, то понятіе ума производитъ любовь, которая простирается на любовь ипостасную, но отнюдь не производитъ ипостасной любви. Значитъ, Сынъ любитъ и потому изъ Него происходитъ любовь, но любовь, которая простирается на Духа Св., а не происходитъ изъ Него любовь, которую Онъ любитъ, т. е. Духъ Св.,—ибо Онъ есть любовь ипостасная. Конечно, и Сынъ знаетъ Отца,

какъ любимаго; значить, любовь, которую Онъ любить Отца, происходитъ изъ Сына, и однако Онъ не производитъ Самого любимаго, т. е. Отца. Поэтому мы совершенно основательно можемъ противопоставить этимъ объясненіемъ Θомы происхожденія Сына и Духа Св. извѣстные слова *Григорія Богослова* изъ XXVI слова „о порядкѣ въ построеніи разсужденія:“ „мы должны, говорить св. Богословъ, признавать *Однаго Отца, безначальнаго и нерожденнаго; Сына—Единороднаго отъ Отца; Однаго Духа, имѣющаго явленія отъ Отца и уступающаго Отцу свойство нерожденнаго, а Сыну свойство рожденія; въ прочемъ же—участника въ природѣ и могуществѣ, равнаго славою и честью. Это необходимо было знать, это — исповѣдать, тутъ положить предѣль; а бесплодную болтовню и нечестивыя новшества словъ и выраженій предоставить празднымъ людямъ.“ И такъ, пребывая по завѣту св. Богослова въ простотѣ вѣры, мы представляемъ пустословіе и нарушающія святыню новшества словъ Θомы Латинянамъ, празднымъ его защитникамъ.*

Разсуждаетъ 1) еще нѣкто такъ: „дѣйствіе и форма, которою Отецъ устанавливается въ бытіи Отца, есть активное рожденіе; дѣйствіе же, непосредственно сопровождающее формальное установленіе лица Отца, есть активное дыханіе. Это послѣднее, значить, уже не можетъ не быть общимъ Сыну, такъ какъ равенство Бога Сына, которое Онъ имѣетъ съ Отцомъ, требуетъ, чтобы все, что ни слѣдуетъ за установленіемъ лица Отца, было общимъ Сыну вмѣстѣ съ Отцомъ.“ Но разрѣшеніе этого аргумента ясно видно изъ того, что мы разобрали въ главѣ, въ которой нами приведены были разныя доказательства, взятые изъ богословскихъ началъ. 2) Именемъ Отца обозначается или само цѣлостное первое лицо, или только отношеніе къ Сыну. Если въ послѣднемъ смыслѣ берется слово *Отецъ*, то одно только активное рожденіе устанавливаетъ Отца въ бытіи Отцомъ. Если же слово *Отецъ* принимается въ первомъ смыслѣ, то ложно, конечно, утвержденіе, будто одно только рожденіе устанавливаетъ Отца въ бытіи Отцомъ. Ибо одинаково вмѣстѣ съ активнымъ рожденіемъ и произведеніе Св. Духа привходитъ въ установленіе первой божественной ипостаси. И поэтому,

1) Циховій, вопр. VIII, стр. 94.

2) См. гл. VI, доказат. V.

далѣе, ложно, будто произведеніе Св. Духа есть только дѣйствіе, послѣдующее за формальнымъ установленіемъ лица Отца, какъ подробно доказано въ указанной главѣ. Но, затѣмъ, если бы даже произведеніе Духа Св. было только дѣйствіемъ, послѣдующимъ за установленіемъ лица Отца, то и тогда ложно утвержденіе, будто Сынъ будетъ неравенъ Отцу, если Ему не приписывать дѣйствія, послѣдовавшаго за установленіемъ лица Отца. Въдѣ лицо отъ лица совершенно отдѣлено, потому-то. лицо со всеѣмъ, что ему присуще, какъ лицу, непременно различается отъ другого. Между тѣмъ то, что слѣдуетъ непосредственно за формальнымъ установленіемъ лица, присуще, конечно, лицу, какъ лицу: ибо оно присуще не на основаніи природы, но является въ лицѣ такъ, какъ было въ немъ же его формальное установленіе. И такъ то, что слѣдуетъ за формальнымъ установленіемъ одного лица, не могло быть также присуще другому лицу. — Но довольно объ аргументахъ, выставляемыхъ Латинянами въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына.

Такъ какъ столько разъ упоминаемому нами іезуиту недоставало иныхъ доказательствъ, то онъ обратился къ другимъ вещамъ, нисколько не относящимся къ данному предмету. Ибо какое отношеніе къ изслѣдованію объ исхожденіи Св. Духа имѣло, напримѣръ, чудо Станислава, или обладаніе св. гробомъ Францисканцами, наконецъ взятіе Константинополя варварами? Такъ какъ это находилось внѣ нашего предмета и у насъ не было подъ руками книгъ, необходимыхъ для подробнаго и точнаго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ, то мы могли по праву оставить ихъ въ сторонѣ.

Однако не мѣшаетъ коснуться хотя кратко cadaго изъ нихъ. Прежде всего нашъ іезуитъ ¹⁾ выставяетъ перенесеніе Назаретскаго дома въ Италію. ²⁾ Но этотъ домъ существуетъ въ Палестинѣ еще и теперь — и показывается пилигримамъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ *Іоаннъ Дурбанъ*, каноникъ церкви Св. Павла въ

¹⁾ Циховій вопр. IX, стр. 95.

²⁾ На западѣ сложилось сказаніе о перенесеніи ангелами домика Богородицы изъ Назарета сперва въ Далмацію, а потомъ въ Италію въ 1291 г. послѣ изгнанія христіанъ магометами изъ Палестины. Послѣ разныхъ странствій домикъ этотъ окончательно утвердился, по сказанію, въ Лоретто, въ имѣніи благочестивой женщины по имени Лауреты. Но Бароніи и нѣкоторые другіе латинскіе церковные писатели не признають вѣрности этого сказанія.

Прим. перев.

г. Сень-Дени во Франціи. Будучи въ 1652 г. въ Палестинѣ, онъ въ своемъ описаніи путешествія въ св. землю, написанномъ по-французски, говоритъ, чтобы защитить Латинянь, то часть означеннаго дома была перенесена въ Италію, а часть осталась въ Палестинѣ. Изъ этого писателя далѣе явствуетъ, что не фундаментъ только этого дома тамъ виднѣется, но самый домъ, такъ что неправъ іезуитъ, котораго мы теперь оспариваемъ, говоря, что осталось въ Назаретѣ только основаніе дома. Прибавляетъ іезуитъ, что самыя извѣстныя святыя мѣста нашего искупленія въ Палестинѣ уступлены Францисканцамъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ это доказываетъ, что только латинская церковь истинная? Въ такомъ случаѣ позволительно было бы разсуждать такъ: турецкая вѣра—истинная, такъ какъ турокъ, верховный владыка всѣхъ этихъ мѣстъ, уступаетъ одни изъ нихъ Грекамъ, другія—Латинянамъ, кто больше дастъ денегъ. За поднесеніе большихъ подарковъ и вслѣдствіе посредничества пословъ латинскихъ государей, францисканцы обезпечили себѣ обладаніе святыми мѣстами. И такъ, что находимъ въ этомъ обладаніи, уступленномъ Францисканцамъ, больше указаннаго посредничества? Тѣмъ болѣе, что говорятъ всѣ, что самый святой гробъ уступленъ и восточнымъ,— а встарину, до завоеванія Палестины латинянами—крестоносцами, одни восточные всегда владѣли всѣми святыми мѣстами, даже въ то время, когда вѣковой расколъ уже раздѣлилъ церкви. Какимъ же, спрашивается, образомъ занятіе означенныхъ святыхъ мѣстъ Латинянами можетъ доказывать, что ихъ религія истинно католическая?

Замѣчаетъ далѣе ¹⁾ іезуитъ, что Латинянами сохраняются въ большомъ количествѣ мощи, какъ будто и въ настоящее время не хранятся также въ огромномъ количествѣ останки и тѣла множества святыхъ у восточныхъ и не хранились въ тѣ времена, когда латинская церковь еще не отдѣлялась отъ востока. Какое же доказательство истинности своей церкви думаютъ извлечь отсюда Латиняне? Притомъ, много реликвій измышлены Латинянами, и обыкновенно такія реликвіи встрѣчаются часто, какъ, на примѣръ, копье, которымъ пронзено ребро Спасителя, находится и въ Римѣ, и въ

¹⁾ Стр. 96.

Лионѣ въ Галліи, и въ Нюрембергѣ въ Германіи (съ того времени, когда городъ этотъ, послѣдовавъ за Лютеромъ, отложился отъ латинской церкви).

Прибавляетъ іезуитъ, будто св. Николай самъ пожелалъ, чтобы тѣло его было перенесено въ Италію, и что поэтому римляне сохранили католическую вѣру. Но тѣло св. Николая было перевезено въ ту часть Италіи, гдѣ тогда держалась еще православная вѣра, такъ какъ православный Константинопольскій императоръ владѣлъ въ это время ¹⁾ нижнею Италією. А что, затѣмъ, іезуитъ упрекаетъ восточныхъ въ порчѣ славянскихъ книгъ, предоставляемъ опровергать другимъ; прибавимъ только, что очень часто измѣненія въ книгахъ являются вслѣдствіе ошибокъ переписчиковъ и что скорѣе въ этомъ порокѣ поврежденія книгъ повинны писатели латинскіе, какъ мы это доказывали выше въ двухъ главахъ. ²⁾ О томъ же, что изъ словъ апостола: „Котораго Господь Іисусъ убьетъ Духомъ устъ своихъ“ было вычеркнуто слово Іисусъ, мы говорили подробно въ главѣ, въ которой доказывали, что выраженіе: Духъ Св. есть Духъ Сына, не есть аргументъ въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына. ³⁾

Далѣе іезуитъ хвалится чудесами, совершенными латинскими святыми: напр. Станиславъ воскресилъ мертваго;—какъ будто въ восточной церкви и до сихъ поръ не красуются мужи, славные святостью жизни и чудесами, или въ древности преимущественно въ восточныхъ церквахъ не славились чудотворцы и истинно святые Отцы, вѣрѣ которыхъ мы во всемъ слѣдуемъ и въ ней желаемъ спастись. Пусть сами Латиняне подумаютъ, какъ имъ относиться къ тѣмъ святымъ, которыхъ за одобреніе прибавки къ символу обвиняетъ въ хулѣ на Духа Св. и считаетъ достойными вѣчнаго осужденія самъ папа *Іоаннъ VIII*, а папа *Левъ III* опредѣлилъ, что они эту прибавку сохранили и пѣли вопреки постановленію четырехъ вселенскихъ Соборовъ. А между тѣмъ у насъ святыми считаются тѣ, отъ которыхъ мы приняли догматы вѣры: *св. Василій, Григорій Чудотворецъ, Григорій Вогословъ, Григорій Нисскій, Аванасій, Кириллъ и другіе*, одобренные тѣми

¹⁾ Въ XI вѣкѣ.

²⁾ См. гл. II и III.

³⁾ См. гл. XI.

же св. вселенскими Соборами. Если потомки Латинянь отступаютъ отъ этихъ святыхъ, то я и не знаю, какую святостью жизни и какую благодатью совершенія чудесъ они могутъ быть одарены; по справедливости мы можемъ привести противъ нихъ слова апостола: „хотя бы мы, или ангель съ неба благовѣтствовалъ сверхъ того, что мы вамъ благовѣтствовали, да будетъ анаѐма. Если кто будетъ благовѣтствовать кромѣ того, что вы получили, да будетъ анаѐма.“ Развѣ не самъ Спаситель училъ, что нужно остерегаться ложныхъ пророковъ, не приносящихъ добрыхъ плодовъ, хотя бы они представили много чудесъ? А, конечно, ложные пророки возвѣщаютъ худую и вмѣстѣ съ тѣмъ ложную вѣру. Слѣдовательно, одни чудеса не служатъ доказательствомъ истинной вѣры. „Многіе скажутъ Мнѣ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Спаситель, въ тотъ день: Господи, Господи! не въ Твое ли имя мы пророчествовали и не въ Твое ли имя мы совершили много чудесъ? А Я имъ отвѣчу: никогда Я васъ не зналъ; отойдите отъ Меня, дѣлатели неправды!“ Какой же совѣтъ далъ намъ Спаситель, чтобы отличить истинныхъ пророковъ отъ ложныхъ, когда тѣ и другіе совершаютъ чудеса? „Узнаешь ихъ по ихъ плодамъ,“ говоритъ Онъ. Точно такъ же по плодамъ узнаемъ мы, что Латиняне, прославившіеся чудесами, только надѣли овечьи шкуры, такъ какъ они явились защитниками и одобрили прибавку, или искаженный символъ. Но притомъ, что касается совершеннаго Станиславомъ чуда, то Богъ могъ совершить его не ради незапятнанной вѣры Станислава, но чтобы изболчить тирана и обнаружить противъ него справедливость, такъ какъ онъ хотѣлъ вопреки всякому праву, съ величайшимъ вѣроломствомъ, подвергнуть гибели своего собственного настыря. ¹⁾ Подобно тому и между язычниками, читаемъ мы, Богъ совершилъ чудеса по той же причинѣ. Такъ однажды, когда нѣкоторые греки разграбили языческое святилище, то всѣ чудесно погибли. И добродѣтельную душу Пяста, хотя и язычника, ангелы въ силу величайшаго чуда сочли достойною спасенія. Впрочемъ, очень часто Латиняне только измышляютъ чудеса, такъ что не всегда удобно имъ вѣрить. Такое измышленіе они называютъ бла-

¹⁾ Станиславъ, епископъ Краковскій, подвергся гоненіямъ короля Болеслава; на гробъ епископа по смерти его стали совершаться чудеса.

гочестивою ложью (*praefraus*), говоря, что этимъ способомъ народъ возжигается къ большому богопочитанію. Вотъ что можно сказать о чудесахъ, на которыя претендуютъ Латиняне.

Велѣдъ затѣмъ іезуитъ тревожить и самый прахъ мертвыхъ, чтобы найти среди нихъ нѣкоторую подмогу исхожденію Св. Духа отъ Сына. „Каолическая истина, говоритъ онъ, можетъ быть еще доказана тѣмъ, что учителя и вожди утверждающихъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца, были люди весьма дурные и дурно кончили свою жизнь. Какой скверный человѣкъ былъ Фотій, подробно по дѣяніямъ VШ Собора описываетъ Бороній, и какъ жилъ онъ весьма сходно съ Аполлоніемъ Тіанскимъ, такъ и погибъ подобною смертью. Михаилъ Керуларій былъ человѣкъ мятежный, своими кознями лишилъ власти прекраснаго и благочестивѣйшаго императора Михаила Стратоника и съ величайшею наглостью угрожалъ преемнику Стратоника Исааку Комнену низложеніемъ; но, будучи послѣднимъ сосланъ на Херсонесъ, умеръ тамъ жалкою смертью. Наконецъ Маркъ Ефесскій былъ (по свидѣтельству ученѣйшаго и за святость жизни почитаемаго самими Турками патріарха Геннадія — кн. I, гл. V, отд. 13) человѣкъ недостаточно умный, но напыщенный хвастунъ, выставившій на показъ свою ученость, безъ всякой добродѣтели и пр. Какою смертію онъ умеръ, сообщаетъ Іосифъ, епископъ Меѳонскій: ты (Маркъ Ефесскій), клеветавшій безстыдно на Константинопольскаго патріарха и на тѣхъ, кто съ нимъ присоединился на Флорентинскомъ Соборѣ къ римской церкви, испустилъ духъ вмѣстѣ съ каломъ. Свидѣтельствуетъ объ этомъ весь Константинополь. Такъ умѣло божественное правосудіе опѣнить каждаго по его вѣрѣ, и какъ нѣкогда прославившійся бѣшенствомъ Арій изринулъ внутренности низомъ, такъ и ты изригнулъ калъ ртомъ. Такъ онъ кончилъ жизнь, чтобы отсюда ясно было, сколько значенія должно придавать словамъ его устъ, если Богъ наказалъ его такою смертью. Поэтому и мы, католики, будемте слѣдовать за Златоустымъ и не станемъ завидовать схизматикамъ въ томъ, что они имѣютъ калоустаро (*coprostitum*).“

Но, во первыхъ, мы имѣемъ учителями и вождями не только Фотія и другихъ, но учитель нашъ Христосъ, вожди — апостолы,

руководители св. Отцы. Вотъ кому мы слѣдуемъ въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца. *Фотій, Керуларій, Маркъ Ефесскій* не болѣе служатъ намъ учителями и вождями въ этомъ отношеніи, чѣмъ относительно единосущія Сына съ Отцомъ и другихъ догматовъ истинной вѣры. Пусть даже будутъ Фотій и другіе людьми худыми и пусть они дурно кончили свою жизнь,—развѣ потому, что они защищали также противъ Латинянъ исхожденіе Духа Св. отъ Одного только Отца, и самый догматъ этотъ можно называть ложнымъ? Нелѣпность! А сколько панъ, пройдя какъ бы фалангою послѣ все-народнаго объявленія и защиты исхожденія Св. Духа отъ Сына, были людьми самыми недостойными и погибли самымъ жалкимъ образомъ! Изъ нихъ Сергій, побуждавшій Галловъ собирать доказательства противъ восточныхъ и провозглашавшій богохульства противъ догмата исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца, былъ, конечно, позорнѣйшимъ и грязнѣйшимъ чудовищемъ въ образѣ человѣка, по извѣстіямъ самихъ латинскихъ историковъ. Но объ этомъ Сергій была уже у насъ рѣчь въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ подъ X вѣкомъ ¹⁾.

Въ чемъ же упрекаетъ іезуитъ Фотія? Въ его дѣйствіяхъ противъ Игнатія и въ томъ, что неизвѣстно, гдѣ и когда онъ умеръ. Того, что сдѣлалъ Фотій противъ Игнатія, и мы не одобряемъ. Но развѣ изъ-за этого мы станемъ не одобрять и его вѣры, находя ее согласной съ ученіемъ католической церкви? Что, если бы Фотію вмѣсто распри съ Латинянами представился случай вести споръ съ Аріанами, или другими еретиками,—развѣ, спрашивается, потому, что онъ погрѣшилъ въ дѣлѣ Игнатія, слѣдовало бы и тутъ заключить, что его вѣра подозрительна, или еретическая? Точно такъ же, хотя онъ погрѣшилъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Игнатія, однако его слѣдуетъ похвалить за то, что онъ дѣятельно защищалъ противъ Латинянъ исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца. Почему же то, что Фотій сдѣлалъ противъ Игнатія, было устранено вполнѣдствіи признаніемъ патриаршества Фотія Іоанномъ VIII и большимъ соборомъ, собраннымъ

¹⁾ гл. I вѣкъ X.

при Фотіи, такъ что означенный Іоаннъ VIII даже предаль анаѳемъ тѣхъ, которые отказались бы вслѣдъ затѣмъ признать Фотіа истиннымъ, т. е. католическимъ константинопольскимъ патриархомъ, какъ это выяснено было въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ? ¹⁾ Далѣе, гдѣ, когда и какъ умеръ Фотій, исторія не сообщаетъ. ²⁾ Но то же случилось со многими католическими Отцами, подвергшимися ссылкѣ. Развѣ отсюда слѣдуетъ заключить, что Фотій погибъ постыдною смертію, или нечестиво защищалъ исхожденіе Св. Духа отъ одного только Отца? Нелѣпость!

Далѣе, — что касается Михаила Керуларія, то мы вовсе не одобряемъ его честолюбія и мятежнаго духа; но какое отношеніе это имѣетъ къ католической вѣрѣ? Не хочу обличать эти пороки, столь часто встрѣчавшіеся въ римскихъ папахъ. Напомню только то, что относится къ дѣлу. Развѣ не вслѣдствіе мятежныхъ дѣйствій римскихъ первосвященниковъ греческіе императоры лишились власти надъ Италіею? Такъ *Платина* рассказываетъ, что, когда при насъ Іоаннъ VI присланъ былъ Тиверіемъ Апсимаромъ въ качествѣ экзарха Теофилактъ, то италянскіе воины, опасаясь, чтобы его прибытіе не повлекло за собою какихъ-нибудь неприятностей, такъ какъ раньше они болѣе сочувствовали папамъ, чѣмъ императорамъ, порѣшили его убить, когда онъ придетъ въ городъ. Вотъ какъ папы подогрѣвали мятежи противъ императоровъ. Впослѣдствіи Григорій II и Григорій III возбудили открытое возстаніе противъ Льва Исаврянина и были виновниками того, что Италия отказалась платить ему подати. Такъ дѣйствовали папы и далѣе. А что дѣлали они впослѣдствіи, ни для кого не тайна, когда они со Львомъ IX, соперникомъ Михаила Керуларія, занимались войнами, надѣвали доспѣхи, заключали союзы противъ другихъ государей, не стыдились возбуждать мятежи и несогласія между государями, чтобы увеличить свое государство.

Затѣмъ, — клевета — то, что іезуитъ сообщалъ о Маркѣ Ефесскомъ: и это свидѣтельствуеетъ объ Ефесскомъ архіепископѣ не патриархъ Геннадій, а какой-то плутъ и перебѣжчикъ, которому

¹⁾ Гл. I, вѣкъ X.

²⁾ Почему это утверждаютъ Латиняне, нельзя понять. Есть много свидѣтельствъ, что Фотій умеръ въ монастырѣ Арменіакомъ, куда и былъ посланъ Львомъ Мудрымъ (во второй разъ) въ 886 г., и похороненъ тамъ.

можно развѣ вѣрить? ¹⁾ Конечно, такому человѣку дарованія и добродѣтели Марка Ефесскаго могли только колоть глаза. Какое, затѣмъ, доказательство неправой вѣры представляетъ слабость природы? Если бы даже дѣйствительно Маркъ умеръ такъ, какъ рассказываетъ другой перебѣжчикъ, ²⁾ развѣ конецъ Марка можно было бы сравнить со смертію Арія, которая была явною карою Божіею, а не слѣдствіемъ телѣсной немощи? А сколько папъ кончили жизнь постыдною смертію. Развѣ Латиняне согласятся, что это вредитъ ихъ церкви? Насколько съ большимъ правомъ мы можемъ поставить Латинянамъ на видъ жалкую смерть кардинала Юліана, который, будучи на Флорентинскомъ Соборѣ защитникомъ противъ Марка Ефесскаго нарушенія вѣры, самъ потомъ весьма постыдно погибъ черезъ собственное вѣроломство вмѣстѣ съ столькими тысячами людей, которыхъ убѣдилъ нарушить заключенный съ Турками договоръ. Вотъ святость того, кто былъ противникомъ Марка Ефесскаго на Флорентинскомъ Соборѣ! Вотъ по истинѣ жалкая смерть, запечатлѣнная по винѣ самаго Юліана клятвеннымъ преступленіемъ и гибелью столькихъ тысячъ людей!—Ко всему этому іезуитъ еще прибавляетъ: ³⁾ Анастасій учитъ, что только католики (православные) могутъ владѣть святыми мѣстами, въ которыхъ совершилось наше искупленіе; потому и домъ Назаретскій во свидѣтельство истинности латинской вѣры перенесенъ въ Италію. Но о томъ и другомъ шла рѣчь уже раньше. Мало того: тутъ же (говоритъ іезуитъ) Анастасій замѣчаетъ: „безъ насилія ли и безъ обмана ли эти мѣста находятся въ обладаніи,—но если вы утверждаете, что мы удерживаемъ эти мѣста съ помощію тиранническаго насилія, то ничего не стоитъ васъ обличить во лжи. Ибо вотъ, хотя владѣютъ варвары странною, гдѣ находится святые мѣста, не позволилъ Богъ ихъ у насъ отнять.“ Но Латиняне, овладѣвши нѣкогда Палестиною, съ жестокимъ насиліемъ изгнали изъ св. мѣстъ прежнихъ владѣтелей ихъ Грековъ, и затѣмъ, только давши богатые дары и заплативши большія суммы денегъ, получили отъ варваровъ во владѣніе нѣкоторыя святые мѣста и съ тѣхъ

¹⁾ См. II гл., повр. XII.

²⁾ Іосифъ Меѳонскій, который, будучи Грекомъ, перешелъ на сторону Латинянъ и возведенъ былъ ими въ санъ епископа Меѳонскаго. Прим. перев

³⁾ Стр. 94.

поръ обезпечили себя противъ Грековъ. И такъ, это ли то облада-
ніе святыми мѣстами, которое въ означенномъ мѣстѣ выставялъ
Анастасій Синаитъ противъ еретика?

Выставяетъ, вслѣдъ затѣмъ, іезуитъ ¹⁾ то обстоятельство,
что имперія греческихъ императоровъ пала: не за грѣхи, по его
миѣнію, это случилось, ибо другіе народы больше грѣшили, а со-
вершилось это паденіе въ наказаніе за схизму, за утвержденіе
исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца. Такъ говорятъ и
другіе Латиняне. Но, скажите пожалуйста, почему вся африкан-
ская церковь, конечно, латинская, въ которой нѣкогда считалось
нѣсколько сотъ епископовъ, не только подверглась уничтоженію,
что случилось въ Греціи съ уничтоженіемъ царства христіанскихъ
императоровъ, но совершенно искоренена послѣдователями варварской
религіи? Если, затѣмъ, греческая имперія пала вслѣдствіе ереси
греческой церкви, то почему, спрашивается, послѣ этого Провидѣ-
ніе довело до такого могущества, до такой огромной державы ве-
ликихъ князей Московскихъ, такъ что монархъ и самодержецъ
Россійскій гораздо шире простеръ теперь свою власть, чѣмъ когда-
то греческіе императоры въ Греціи и Анатолиі? Вѣдь Русская цер-
ковь та же, что и греческая. И такъ, за грѣхи отнялъ Богъ вла-
дычество у Грековъ, а не за ересь. И нисколько этому не проти-
ворѣчить то, что другіе больше грѣшили. Ибо и во дни необыкно-
веннаго завоевателя антихриста, хотя многіе истинные и право-
славные христіане будутъ имъ угнетаемы, однако отъ рукъ его
ускользнутъ идолопоклонники, убійцы, отравители, блудники, воры.
Такъ въ апокалипсисѣ (гл. IX, 20, 21) сказано: „и прочіе люди,
которые не умерли отъ сихъ язвъ, не раскаялись въ дѣлахъ рукъ
своихъ, такъ чтобы не поклоняться бѣсамъ и золотымъ, серебря-
нымъ, мѣднымъ, каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, которые не
могутъ ни видѣть, ни слышать, ни ходить, и не раскаялись они
въ убійствахъ своихъ, ни въ чародѣйствахъ своихъ, ни въ блудо-
дѣянніи своемъ, ни въ воровствѣ своемъ.“ Точно такъ же у Іезе-
кіиля (гл. XXXIX, 23 и 24) Богъ, желая показать, почему истин-
но благочестивыхъ, т. е. православныхъ христіанъ, Онъ предалъ
ихъ преслѣдователю, а затѣмъ ихъ же вскорѣ избавилъ отъ без-

¹⁾ Стр. 97.

численнаго войска Гога и Могога, пославши огонь съ неба, упоминаетъ только о грѣшникахъ. „И узнаютъ всѣ народы, говоритъ пророкъ, что за неправду свою плѣненъ домъ Израиля, за то, что они оставили Меня; и Я отвратилъ лицо Мое отъ нихъ, и предалъ ихъ въ руки враговъ и пали всѣ отъ меча; по нечистотѣ ихъ и по беззаконіямъ ихъ Я сдѣлалъ имъ и скрылъ лицо Мое отъ Нихъ.“ Кого Богъ больше любитъ, чаще другихъ обыкновенно наказываетъ. Такъ апостоль (къ Евреямъ, гл. XII, 5) говоритъ: „Сынъ мой! не пренебрегай наказанія Господня и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя; ибо Господь кого любитъ, того наказываетъ.“ Съ этимъ совпадаютъ слова апокалиписа (гл. III, 19): „кого Я люблю, тѣхъ обличаю и наказываю: и такъ, будь ревностенъ и покайся.“

Но если на этомъ основаніи (т. е. за ересь) Греки понесли достаточное наказаніе, то не менѣ Богъ наказалъ латинскую церковь, когда столько царствъ, столько народовъ, сколько провинцій отпали отъ Римскаго папы сперва подъ предводительствомъ Лютера; а затѣмъ отсюда возникло столько жесточайшихъ войнъ, столько смуть между Латинянами, что въ нихъ погибло больше людей, чѣмъ когда-либо Турки избивали во всей Греціи. И слѣдуетъ, наконецъ, еще прибавить: такую же судьбу испытало Іерусалимское царство Латинянь, которое они, хотя завоевали съ потерю столько десятковъ тысячъ и съ не меньшимъ числомъ защищали, однако потеряли по прошествіи недолгаго времени съ гибелью безчисленнаго множества людей. И такъ,—какимъ образомъ завоеваніе варварами греческой имперіи можетъ быть доказательствомъ ереси, будто бы допущенной Греками?

Но іезуитъ замѣчаетъ, что за защиту ереси относительно Духа Св. Константинополь взятъ былъ въ самый день Пятидесятницы. „Въ третьихъ,—можетъ быть это доказываемо, говоритъ онъ, паденіемъ города Константинополя и разрушеніемъ восточной имперіи. Ничего я здѣсь не привожу, заимствовавши отъ Латинянь: слушайте грека и притомъ перваго подъ турецкимъ владычествомъ Константинопольскаго патріарха Геннадія, очевидца этого паденія. Послѣ того какъ, говоритъ онъ, Николай V пала въ письмѣ, посланномъ къ императору Константину въ 1451 г., предсказалъ

гибель такими словами: мы будемъ ждать три года, не обратитесь ли вы отъ схизмы и раздѣленія; если же нѣтъ, погибнете, чтобы не отдать землю пустою и бесполезною и пр., — дѣйствительно, на третій годъ отъ этой угрозы, именно въ 1453 г., въ самый праздникъ Пятидесятницы (какъ свидѣлствуютъ многіе историки этого вѣка) взятъ былъ Константинополь.“

О подлинныхъ словахъ *Геннадія Схоларія* будетъ рѣчь впоследствии; а то, что привелъ іезуитъ, сказано неизвѣстнымъ, который не первымъ Константинопольскимъ патриархомъ былъ, а обманщикомъ и перебѣжчикомъ, перешедшимъ на сторону Латинянъ. Но іезуитъ отъ себя прибавляетъ, что Константинополь взятъ былъ въ самый праздникъ Пятидесятницы: это слова не Схоларія. Тѣ же говорятъ и другіе Латиняне. Такъ *Беллярминъ* во II кн. „о Христѣ,“ гл. XXX пишетъ: „чтобы дать имъ понять, что причина ихъ гибели — упорство въ заблужденіи о Духѣ Св., въ самый праздникъ Духа Св. Константинополь взятъ былъ Турками, императоръ убитъ и вся имперія уничтожена. Ибо, какъ доказываетъ Гергардъ Меркаторъ въ своей хронологіи, въ 1452 году, въ 28 день Мая приказалъ Магометъ своему войску сдѣлать послѣдній приступъ и на слѣдующій день взялъ Константинополь. А въ этомъ году Пятидесятница была 28 мая, какъ явствуетъ изъ золотого числа и воскресной буквы, откуда вычисляются подвижные праздники. Было же золотое число 9 и воскресная буква А. Поэтому многіе сравниваютъ греческую церковь съ Самарійскимъ царствомъ, которое отдѣлилось отъ истиннаго храма и наконецъ было отведено въ рабство. И во II части хронологіи: Константинополь взятъ Турками въ 1452 г., въ самый праздникъ Пятидесятницы: такъ Богъ отомстилъ Грекамъ за ихъ вѣроломство относительно исхожденія Св. Духа отъ Сына.“ И іезуитъ *Жорнелій* а *Laride* въ комментаріи на II гл. Дѣяній также пишетъ: „пусть никто не сомнѣвается, что Греки такую карою наказаны за хулу на Духа Св.: взятъ Турками Константинополь, убитъ императоръ греческій Константинъ и уничтожена совершенно восточная имперія въ 3 день Пятидесятницы, въ 1453 г.“ и пр. Тоже замѣчаетъ онъ и въ комментаріи на апокалипсисъ, къ гл. VШ, 8 и 9.—Такъ говорятъ и другіе.

Но, во *первыхъ*, совершенно ложно, будто, какъ полагалъ Корнелій а Lapide и думаютъ обыкновенно другіе Латиняне, Константинополь былъ взятъ на третій день праздника Пятидесятницы. Ибо если даже допустимъ, что городъ взятъ былъ въ 1452 г., 29 Мая, то и тогда это будетъ не третій, а второй день Пятидесятницы. Въ тотъ годъ первый день этого праздника падалъ на 28 Мая, какъ доказывалъ выше Беллярминъ; значитъ, 29 Мая не третій, а второй день Пятидесятницы. И пасха въ этомъ году была 9 Апрѣля,—28 Мая поэтому было первый, а не второй день Пятидесятницы. Но, *далше*, неправда, будто городъ былъ взятъ въ 1452 г., чтобы отсюда Латиняне могли говорить, что онъ былъ взятъ на второй день, или вообще въ праздникъ Пятидесятницы. Константинополь былъ взятъ въ слѣдующемъ 1453 г., 29-го Мая, въ этотъ годъ пятидесятница приходилась не 28 или 27 Мая, но 20. Такимъ образомъ завоеваніе Константинополя случилось спустя восемь дней послѣ третьяго дня Пятидесятницы; Пасха въ томъ году была 1-го Апрѣля, слѣдовательно Пятидесятница пришлась на 20 Мая. Что это былъ годъ взятія Константинополя, свидѣлствуютъ вездѣ современные и ближайшіе къ этому событію писатели, которымъ слѣдуютъ новѣйшіе латинскіе хронологи. Только люди, жившіе во время среднее между тѣми и другими, осмѣливались выдумывать такія вещи, чтобы лучше доказать свое мнѣніе. И такъ, —взоръ говорилъ столько разъ поминаемый нами іезуитъ, когда утверждалъ, что многіе тѣхъ временъ историки свидѣлствуютъ то же,—между тѣмъ какъ они всё полагаютъ, что Константинополь взятъ въ 1453 г.; а праздникъ Пятидесятницы падаетъ на 29 мая не въ 1453, а въ 1452 году. Вотъ свидѣтельство объ этомъ разныхъ писателей. Франза (Phranza), участвовавшій въ осадѣ города, въ III кн., гл. XVII своей исторіи говоритъ: „Турки привели подъ свою власть весь городъ въ третій день недѣли, въ три съ половиною часа отъ начала дня, въ годъ отъ сотворенія міра 6961, отъ Рождества Христова 1453 г. 29 Мая.“ Самъ *Схоларій*, на котораго ссылался іезуитъ, или кто бы ни былъ авторъ апологіи Флорентинскаго Собора, въ V кн., отд. XIV пишетъ: „о великое несчастье! въ 1451 году (папа) написалъ это посланіе, а въ 1543 взятъ Константинополь.“ *Антоній*, епископъ Флорен-

тинскій, писатель того вѣка, въ титулѣ ХХП, гл. ХШ, ч. Ш: „въ годъ отъ Рождества 1453, въ 29 день Мая взятъ городъ Константинополь Турками и ихъ царемъ.“ *Францискъ Фоскари*, Венеціанскій дожъ, въ посланіи къ германскому императору Фридриху, которое находится между посланіями Энея Сильвія подъ номеромъ СLIX, пишетъ, что городъ былъ завоеванъ 29 ближайшаго Мая, т. е. истекшаго; а письмо его помѣчено 1453 годомъ, индиктомъ I, днемъ 29 іюля. Такъ говоритъ и *Ломбардъ Хюскій*, также участникъ осады, и *Лаоникъ Халкондила*. Послѣдній въ VIII кн. обозначаетъ взятіе Константинополя третьимъ годомъ царствованія Магомета. Но у Энея Сильвія въ его книгѣ „объ Европѣ,“ въ гл. VII дѣйствительно читаемъ слѣдующее: „годъ этотъ, замѣчательный завоеваніемъ Константинополя, насколько былъ гибеленъ и печаленъ христіанскимъ народомъ, настолько счастливъ и радостенъ народу турецкому; отъ Рождества Спасителя онъ оказался тысяча четыреста пятьдесятъ вторымъ.“ Но другія посланія того же Энея Сильвія доказываютъ, что тутъ ошибка переписчика. Такъ въ I кн. посланій, въ посланіи СLV сказано: „дошло до насъ несчастное, жестокое и страшное извѣстіе, что Константинополь завоеванъ, Пера сдана Туркамъ, флотъ христіанскій, который шелъ на выручку осажденныхъ, побѣжденъ и захваченъ. Говорятъ прибывающіе къ намъ изъ Расціи, что императоръ турецкій наканунѣ январскихъ календъ подвинулъ къ Константинополю военныя машины, сдѣлалъ три приступа“ и пр. Между тѣмъ письмо это помѣчено XII Календ. Августа 1453 г. И въ I кн. посланій, въ посланіи СXXXVШ читаемъ: „у насъ молва, что Константинополь завоеванъ Турками. И если у васъ извѣстно, какъ произошло это событіе, то пожалуйста мнѣ сообщите. У насъ въ этихъ мѣстахъ нѣтъ другой новости, кромѣ этой, принесенной недавно изъ Греціи, ужасной и печальной для всѣхъ христіанскихъ народовъ. О если бы она была ложна! Какъ я опасуюсь, что она окажется вѣрною!“ Письмо это написано изъ Граца 10 Августа, 1453 г. То же объ извѣстіи только что полученномъ сообщаетъ письмо СXXXIX той книги, написанное того же 10 Августа 1453 и письмо СXL, также изъ Штирійскаго Граца отъ 11 Августа 1453; наконецъ письмо CLXIII отъ 11 Іюля

1453 г.—*Авторъ* исторіи патріарховъ, помѣщенной въ „Турко-Греціи“ *Мартина* Крузія, въ кн. II пишетъ: „въ то время, когда султанъ Мехметъ завоевалъ самый Константинополь, былъ 1453 годъ отъ Рождества Христова, 29 мая, третій день недѣли.“ То же сообщаютъ: обѣ хроники турецкія, изданныя *Леунклавіемъ* въ XV кн. исторіи Турціи; *Спандагинъ* въ Турецкой исторіи; *Миховій* въ IV кн. гл. LXV Польской хроники; *Іоаннъ Функций* въ хронологіи; *Тритемій* въ Спангеймской хроникѣ; *Кранцій* въ XI кн., XXXIV гл. „Саксоніи“ и въ XII кн., XVШ гл. „Ванда-ліи;“ *Авторъ* анонимный описанія турецкой имперіи у *Гонорія*; *Кромеръ* въ XXII кн. хроники Польской; *Великая Бельгійская хроника*; *Барлетій* въ дѣянiяхъ Скандербега; *Бонфиній* въ III, декадѣ VШ; *Боецій* въ XVШ кн. исторіи Шотландіи; *Пальмерій* въ хроникѣ; *Генебрардъ* въ хронологіи; *Боссій* въ Миланской хронологіи; *Сетъ Кальвизій* въ хронологіи; *Іоаннъ Навклеръ* въ хронографіи; *Іаковъ Филиппъ Бергамаскій* въ дополненіи къ хроникѣ; *Генрихъ Панталеонъ* въ церковной хронографіи; *Дрестеръ* въ турецкой хроникѣ; *Кустиніанъ* въ сочиненіи „объ императорахъ,“ на Константинѣ VШ. *Камерарій* въ книгѣ „о дѣлахъ турецкихъ;“ *Францискъ Саксовинъ* въ хроникѣ, приложенной къ Камерарію; *Іаковъ Гордонъ* въ „хронологическомъ трудѣ;“ *Давидъ Хитрей* въ своей хронологіи; *Бзовій* въ продолженіи лѣтописей Баронія; *Спанданъ* подъ 1453 г.; наконецъ *Сагрето*, прокураторъ Св. Марка, венеціанецъ, въ I кн. „исторіи оттоманскихъ монарховъ.“

И такъ, городъ Константинополь взятъ былъ не въ 1452, а въ 1453 году. Но допустимъ, что онъ взятъ былъ въ самый праздникъ Пятидесятницы, — развѣ отсюда можно было бы выводить заключеніе, что восточные погрѣшили въ ученіи о Св. Духѣ? Такое заключеніе не имѣло бы никакого смысла. Весьма обыкновенно при осадахъ городовъ, что для успѣха завоеванія приступъ случайно назначается на тотъ или другой день. И сколько важныхъ городовъ тѣми же варварами были отняты у Латинянъ въ Палестинѣ, въ Греціи (гдѣ ими владѣли Венеціанцы), въ Венгріи и, наконецъ, въ Россіи, подчиненной Польшѣ! Развѣ, если какой-

нибудь праздникъ выпалъ въ день завоеванія какого-нибудь изъ этихъ городовъ, то слѣдуетъ сказать, что это приключилось съ Латинянами за нѣкоторую ересь?

Но Латиняне указываютъ и указывали выше нашъ іезуитъ на то, что самъ папа предсказалъ время завоеванія города, разумѣется, за продолженіе схизмы. Именно — папа Николай V послалъ письмо императору Константину, въ которомъ между прочимъ находятся слѣдующія слова: „мы знаемъ прекрасно все, но терпимъ, взирая на Иисуса, предвѣчнаго священника и Господа, Который приказалъ бесплодную смоковницу сохранять до третьяго года въ то время, какъ земледѣлецъ уже готовъ былъ срубить дерево, не приносящее никакого плода.“ Отсюда *Схоларій* ¹⁾ въ отд. XIV, гл. V апологіи Флорентинскаго Собора пишетъ: „далъ (папа) легатамъ письмо, исполненное страха и ужаса, въ которомъ открыто съ проклятіемъ предсказываетъ паденіе и послѣднюю гибель злосчастныхъ Грековъ.“ И приведя только что выписанныя нами слова Николая, Схоларій продолжаетъ: „о великое несчаствіе! Въ 1451 г. (папа) написалъ это письмо, а въ 1453 г. взялъ Константинополь. Можетъ быть, скажите, что это неправда? Отнюдь нѣтъ! Это очевидно и дѣло само за себя говорить. Три года, говорить, мы будемъ ждать, не обратитесь ли вы отъ схизмы и раздѣленія и не присоединитесь ли истинно къ опредѣленію по заповѣди Спасителя о смоковницѣ. Если же нѣтъ, погибнете, чтобы не оставлять землю пустою и бесплодною. Это величайшее изъ чудесъ, что (какъ пишетъ въ этомъ письмѣ папа Николай) греческій народъ, великій и грозный, мудрый, просвѣщенный, храбрый, господствующій на землѣ, по карѣ Божіей такъ попалъ въ рабство варваровъ.“

И, прежде всего, слѣдуетъ, конечно, удивляться, какъ Латиняне и латинствующіе Греки любятъ искать чуда въ случайномъ дѣлѣ! Ибо такъ какъ до того времени Греки не приняли Флорентинской уніи, то папа, выражая угрозы, приноравливаетъ къ своему дѣлу слова Христа о не приносящей плода смоковницѣ, — какъ будто онъ еще нѣсколько времени готовъ былъ ждать и смотрѣть, не примутъ ли Греки означенную унію, и, если не при-

¹⁾ Сочиненіе это подложное, выпущенное съ именемъ Схоларія, знаменитаго противника Флорентинской уніи. Прим. перев.

муть, то онъ намѣренъ былъ приступить къ ихъ отлученію. Но папа не опредѣлялъ здѣсь третьяго года Грекамъ съ тѣмъ, что, если они не примутъ уніи, то въ этотъ годъ Константинополь непременно будетъ взятъ Турками и падеть вся греческая имперія. Именно,—въ томъ же посланіи Николай дѣлаетъ такое заключеніе: „а если вмѣстѣ съ народомъ ты откажешься принять опредѣленіе уніи, то вынудишь насъ подумать о томъ, какъ позаботиться о вашемъ спасеніи и равно о нашей чести.“ Изъ этихъ словъ ясно, что здѣсь Николай V угрожаетъ Грекамъ не завоеваніемъ ихъ столицы Турками и не уничтоженіемъ ими греческой имперіи, а только церковнымъ отлученіемъ. Поминаетъ онъ, дѣйствительно, въ этомъ посланіи, что уже большая часть Греціи покорена Турками,—но не предрекаетъ тутъ такой же судьбы городу Константинополю и греческому императору, а высказываетъ это только, чтобы показать, что Греки заслужили такое бѣдствіе, какъ наказаніе. Да притомъ и не прошло трехъ лѣтъ отъ написанія этого письма Николаемъ V до завоеванія Константинополя, а только лишь восемнадцать мѣсяцевъ: письмо было написано въ Октябрѣ 1451 г., а Константинополь взятъ въ маѣ 1453 г. И что чудеснаго, спрашивается, найдутъ въ этихъ словахъ посланія Николая V тѣ Латиняне, которые утверждаютъ, что Константинополь былъ взятъ въ 1452 году? Неужели и имъ Николай V покажется пророкомъ? Никогда, конечно,—если только они также не найдутъ, что отъ Октября мѣсяца до Мая слѣдующаго года прошло три года. Но пусть, наконецъ, папа Николай V въ этомъ случаѣ будетъ пророкомъ, пусть онъ предсказалъ то, отъ чего далеко—далеко была душа его, какъ небо отъ земли, или о чемъ онъ не зналъ, что предскажетъ;—неужели отсюда также слѣдовало бы, что Греки потерпѣли такія несчастія по той причинѣ, на которую указывалъ Николай V? Каиафа правильно предсказывалъ о Христѣ: „лучше одному умереть за всѣхъ,“ но развѣ Христосъ дѣйствительно пострадалъ за то, за что Каиафа вмѣстѣ съ другими іудеями считалъ справедливымъ Его наказать? И мы согласны, что Греки справедливо наказаны Богомъ, но не за ересь,—это мы рѣшительно отрицаемъ.

Упоминаетъ, затѣмъ, іезуитъ ¹⁾ о бѣдствіяхъ и карахъ, которыя приключились съ Грѣбами послѣ отлученія, произнесеннаго надъ патріархомъ Михаиломъ; но за недостаткомъ свидѣтельствъ греческихъ историковъ мы не можемъ судить, сколько тутъ правды. Прибавляетъ потомъ три разсужденія *Дмитрія* ²⁾ Фессалоникійскаго, называя ихъ народными. И правильно ихъ назвалъ онъ этимъ именемъ: такъ они жалки, что считаемъ недостойнымъ и говорить здѣсь о нихъ.

Приводитъ іезуитъ и нѣкоторыя догадки изъ *Варлаама*, ³⁾ какъ будто христіанская вѣра доказывается догадками. Первая догадка такова: „изъ рожденія Сына вытекаетъ, что первая ипостась называется Отцомъ; изъ произведенія Духа Св. Онъ не имѣетъ особеннаго имени. Почему, спрашивается, если только не потому, что это дѣйствіе обще Отцу и Сыну?“ Но развѣ не могъ Отецъ не имѣть особеннаго имени отъ произведенія Духа Св. и потому, что, какъ произведенъ Отцомъ Сынъ, намъ открыто, а какъ произведенъ Духъ Св., отнюдь нѣтъ? Сынъ произведенъ черезъ рожденіе, а Духъ Св. неизслѣдимымъ и намъ совершенно не открытымъ образомъ. Вторая догадка такая: „часто говорится, что Отецъ дѣйствуетъ черезъ Сына и Отца и Сынъ черезъ Духа Св., но никогда не говорится, что Духъ Св. дѣйствуетъ черезъ Отца, или черезъ Сына. Почему же это, какъ не потому, что Сыну присуща способность дѣйствованія отъ Отца, а Духу Св.—отъ Отца и Сына?“ Но ясны слова апостола (къ Римл. VIII 2): „законь Духа жизни въ Христвъ Іисусѣ освободилъ меня отъ закона грѣха и смерти.“ Здѣсь, какъ всякому понятно,—въ Іисусѣ значить то же, что *черезъ Іисуса*. Вывести это можно изъ другихъ выраженій Писанія, гдѣ говорится о Христвъ, что Онъ „изгналъ бѣсовъ въ Духѣ Св.“ здѣсь также—въ Духѣ—значить то же, что *черезъ Духа*, какъ и толкуютъ поэтому слова апостола св. *Златоустъ* и мученикъ *Теодоръ Студитъ* въ своихъ гимнахъ. Впрочемъ обыкновенно говорятъ, что Сынъ дѣйствуетъ черезъ Духа Св. также въ отношеніи порядка, такъ какъ Духъ Св. слѣдуетъ за Сыномъ (второй отъ Сына).

¹⁾ Циховій, стр. 98.

²⁾ Дмитрій Кидоній, родомъ изъ Фессалоники, жилъ въ половинѣ XIV вѣка; удалился изъ Греціи въ Италію и перешелъ въ латинство.

³⁾ Варлаамъ Калавриецъ, жилъ также въ XIV вѣкѣ.

Наконецъ приводить іезуитъ слѣдующее доказательство *Гуго-на Эверіанскаго*: „если бы Духъ Св. произведенъ былъ Однимъ только Отцомъ, то произошелъ бы безъ содѣйствія силы и премудрости Божіей (ибо Сынъ есть Божія премудрость и сила);—заключеніе неудобное, потому что въ такомъ случаѣ произведеніе Св. Духа было бы чѣмъ то малымъ или безсильнымъ,—что богохульно. Слѣдовательно, — Духъ Св. не производится Однимъ только Отцомъ.“ Но, конечно, неосновательнѣе трудно было разсуждать іезуиту вмѣстѣ съ Гугономъ. Если бы Духъ Св., говоритъ послѣдній, произведенъ былъ Однимъ только Отцомъ, то Онъ произошелъ бы безъ участія силы и мудрости Божіей, такъ какъ Сынъ — Божія сила и мудрость. Но какъ же Отецъ Одинъ родилъ Сына? Ужели безъ мудрости и силы? Конечно, Сынъ не содѣйствуетъ Отцу въ произведеніи Самого Себя. Развѣ потому рожденіе Сына могло быть дѣломъ ничтожнымъ и безсильнымъ? Кому не покажется смѣшнымъ такое разсужденіе? Сынъ дѣйствительно есть Божія сила и премудрость; но развѣ поэтому Богъ Отецъ лишень силы, лишень премудрости? Напротивъ,—не слѣдуетъ ли отсюда съ необходимостью, что, если Сынъ Божій имѣетъ всю премудрость, всю божественную силу именно отъ Самого Отца, то Самъ Отецъ, конечно, преисполненъ силы и премудрости? Такимъ образомъ, какъ же, если Духъ Св. производится Однимъ только Отцомъ, то Онъ можетъ производиться безъ содѣйствія силы и премудрости Божіей? Конечно, никогда этого не можетъ быть, если только не станемъ отрицать въ Отцѣ силу и премудрость и не станемъ говорить, что и рожденіе Сына Божія было дѣломъ пустымъ и не требовавшимъ силы; но это и подумать — богохульство.

Вотъ, наконецъ, всѣ доказательства Латинянъ, какія они обыкновенно измышляютъ въ защиту исхожденія Св. Духа отъ Сына. Насколько они слабы и неосновательны, для всякаго очевидно; поэтому-то Латиняне принуждены прибѣгать къ другимъ, къ дѣлу прямо не относящимся, какъ мы видѣли на примѣрѣ извѣстнаго іезуита.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывается, что унія съ Римской церковью при папѣ Инокентіи III навязана была восточнымъ насильно и потому при первой возможности была ими отвергнута и уничтожена.

ромѣ разныхъ аргументовъ, которые обыкновенно Латиняне придумываютъ въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына, они выставляютъ противъ восточныхъ и примѣры предковъ. Послѣдніе, говорятъ они, столько разъ принимали унію съ Римской церковью, а слѣдовательно, и ученіе Латинянъ: какъ же ихъ потомки осмѣлились съ явнымъ жеслаіемъ продолжать схизму снова отказаться отъ признаннаго единенія, отъ сознанный истины и, возставая противъ Бога и людей, упорствовать въ той же схизмѣ? И прежде всего приводятъ Латиняне унію, бывшую во время Инокентія III и особенно принятую на Латеранскомъ соборѣ. Объ этой то уніи мы и поведемъ рѣчь въ настоящей главѣ.

Сами Греки своимъ честолюбіемъ и происками подали поводъ къ завоеванію Латинянами Византійской имперіи и къ попыткѣ со стороны послѣднихъ къ заключенію уніи. Послѣ смерти Мануила ¹⁾ на престолъ вступилъ Андроникъ; когда онъ былъ прогнанъ, — императоромъ сдѣлался Исаакъ Ангелъ, а послѣ его низверженія его братъ Алексѣй Комненъ. Возгорѣвши негодованіемъ, сынъ Исаака, также Алексѣй, отправился къ Латинянамъ съ цѣлью просить у нихъ помощи для достиженія престола; при этомъ онъ

¹⁾ Мануиль — Комненъ умеръ въ 1180 г.

клятвенно обѣщаль, что, если при помощи Латинянь воротитъ отцовское наслѣдство, то приведетъ всю восточную церковь къ униі и обряду латинскому. Такъ повѣствуетъ *Никита Хоніатъ* въ своей лѣтописи (кн. III, стр. 348 Парижскаго греко-латинскаго изданія), говоря объ Алексѣѣ Комненѣ. Случилось какъ разъ въ это время, что огромное латинское войско, набранное изъ цвѣта рыцарской молодежи, направлялось подъ именемъ крестоносцевъ въ Палестину, чтобы тамъ подать помощь своимъ противъ невѣрныхъ. Алексѣй легко склонилъ ихъ подать ему помощь, пообѣщавъ очень много сдѣлать для соединенія Восточной церкви съ Римской. Что эта именно причина всего больше склонила Латинянь подать ему помощь, объ этомъ говоритъ самъ Алексѣй въ письмѣ къ папѣ стараго Рима (у Бзовія подъ 1203 г., ном. 1). И такъ, Алексѣй Ангелъ направляется къ Константинополю съ войскомъ крестоносцевъ и послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ приступаетъ къ завоеванію города. Тогда императоръ Алексѣй Комненъ, объятый паническимъ страхомъ, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, а граждане освобождаютъ изъ темницы Исаака, ослѣпленнаго раньше братомъ. Исаакъ немедленно даетъ знать сыну о бѣгствѣ Алексѣя Комнена и своемъ возстановленіи на престолѣ, убѣждая его войти въ городъ. Но Латиняне не соглашаются позволить сыну войти въ городъ, если отецъ раньше также не дастъ такихъ обязательствъ и обѣщаній, какія далъ сынъ за оказанную помощь. (*Никита Хоніатъ* въ извѣстіяхъ объ Исаакѣ Ангелѣ и сынѣ его Алексѣѣ стр. 354). И, говорятъ, дѣйствительно, Алексѣй Комненъ немедленно снова уже изъ взятаго города обѣщаль грамотами, написанными крестоносцамъ и папѣ, привести восточныя церкви къ повиновенію Римскому престолу. Это видно изъ вышеупомянутаго его письма, а также изъ письма крестоносцевъ къ папѣ Инокентію III (Бзовія подъ 1203 г., ном. II). Вторымъ условіемъ подачи крестоносцами помощи была огромная сумма денегъ, которая должна была быть имъ выплачена. Поэтому новые императоры немедленно старались съ большими усиліями ее добыть; но такъ какъ императорской казны и имущества плѣнныхъ было недостаточно для Латинянь, ибо этого было очень мало, то съ неслыханною дерзостью расхищается достояніе церкви и священныя вещи, не падая церков-

ныхъ сосудовъ и украшеній иконъ. Латиняне нисколько не стѣснялись такимъ способомъ добычи для себя золота. Когда, затѣмъ, императорамъ опять нужна была ихъ помощь, то они снова продаютъ свое содѣйствіе только за огромныя деньги, хотя знаютъ, что онѣ собираются самымъ постыднымъ образомъ съ храмовъ. Въ этомъ не меньшая вина падала и на гражданъ, которые, отказавшись возложить эти общественныя издержки на свои частныя имущества, допустили затѣмъ ограбленіе храмовъ и употребленіе ихъ достоянія на мірскія потребности (Никита Хоніатъ тамъ же, стр. 355) Между тѣмъ какъ такимъ образомъ отовсюду собираютъ для нихъ деньги, крестоносцы начинаютъ грабить и предавать огню подгородныя имѣнія, храмы Пропонтиды, дворцы императоровъ,—мало того, затѣвать разныя столкновенія съ Греками. Тогда народъ возстаетъ и требуетъ отъ императоровъ защиты отъ Латинянъ. Алексѣй приходитъ въ ужасъ: какъ поднять оружіе противъ Латинянъ? Они, конечно, сильнѣе и притомъ принли ему помогать. И Исаакъ убѣждалъ сына, что нужно пренебречь пустыми криками разношерстной толпы и что слѣдуетъ почтить почестями тѣхъ, благодаря кому они возстановлены на престолѣ. Одинъ только *Алексѣй Дука*, по прозванію *Мурзуфлъ*, горя желаніемъ захватить власть, рѣшился воевать съ Латинянами, чтобы снискать себѣ расположеніе гражданъ. При этомъ народъ приходитъ въ ярость, начинаетъ бранить императоровъ, поднимая возстаніе, стекаясь въ Великую Церковь (св. Софія) и принуждаетъ вельможъ заняться выборами императора. Но никто не являлся, кто бы желалъ принять отнятую корону. Наконецъ, по прошествіи трехъ дней, провозглашаютъ императоромъ, даже помимо его воли, нѣкоего юношу *Николая Кавана*. Услыхавши объ этомъ, Алексѣй призываетъ предводителя крестоносцевъ Бонифація и, по совѣту съ нимъ, соглашается допустить во дворецъ латинскія когорты, чтобы уничтожить новаго императора и усмирить народъ. *Мурзуфлъ* пользуется этимъ случаемъ, что бы захватить власть, объявляетъ намѣреніе императора солдатамъ, вооруженнымъ сѣкирами (*πελεκυφόροι*), и легко склоняетъ ихъ на свою сторону. Затѣмъ, Марзуфлъ, бросивши Алексѣя въ темницу, самъ принимаетъ знаки императорскаго достоинства, а Николая, оставленнаго его приверженцами, взявши въ плѣнъ,

отдаетъ подѣ стражу. Алексѣй же послѣ того, какъ дважды принятый ядъ не подѣйствовалъ, былъ самымъ Марзуфломъ, принявшимъ роль палача, задушенъ веревкою. (Никита Хоніатъ. Тамъ же стр. 360).

Далеко иначе передаютъ эти событія Латиняне, толкуя все въ самую худую сторону, чтобы показать, что они по праву подняли оружіе и стали свирѣпствовать противъ Грековъ. Существуетъ письмо *Балдуина*, перваго Латинскаго Императора Константинопольскаго, къ Иннокентію III (между актами Иннокентія III, приложенными неизвѣстнымъ авторомъ къ IV кн. реэстра 13. 14. 15. 16. писемъ Иннокентія, изданнаго Французскомъ Боскетомъ, въ Тулузѣ 1635 г., стр. 87). Въ этомъ письмѣ Балдуинъ, съ цѣлью оправдать передъ Иннокентіемъ рѣшительность дѣйствія Латинянь, рассказываетъ много примѣровъ вѣроломства Грековъ. Прежде всего говоритъ онъ, что императоръ вмѣстѣ съ народомъ, какъ только Латиняне вышли за стѣны города, отказавшись отъ всѣхъ своихъ обѣщаній, столько совершилъ клятвопреступленій, сколько раньше далъ имъ клятвъ. Когда нѣкоторые Греки стали защищаться противъ Латинянь, опустошившихъ окрестности города, то и это, по словамъ Балдуина, было внушено императоромъ съ величайшимъ вѣроломствомъ; далѣе онъ говоритъ, что Алексѣй послалъ предложеніе занять дворець, а когда явился съ этою цѣлью маркіонъ (маркизь), то онъ отказался пустить его; что Исаакъ больше всего возбуждалъ сына противъ Латинянь; а между тѣмъ Никита Хоніатъ, очевидецъ событій, не находилъ достаточно словъ для вычисления, насколько Исаакъ съ Алексѣемъ были расположены къ Латинянамъ. Прибавляетъ также Балдуинъ, что городъ былъ укрѣпленъ Мурзуфломъ бастіонами и военными машинами,— что Греки жаждали крови крестноносцевъ,— какъ будто не позволительно всякому ограждать себя и защищать. На самомъ дѣлѣ, Греки и не думали воевать съ Латинянами, желая скорѣе, что бы гости, оставивши городъ, ушли въ другое мѣсто. Съ Балдуиномъ состязался во лжи *Антоній*, Флорентійскій епископъ, выдумывая, будто даже сами императоры вывели войска и сразились съ Латинянами, и много послѣднихъ погибло (титულъ XXII, гл. VIII, ч. XII).

Между тѣмъ похититель престола Мурзуфль посылаетъ пословъ къ крестоносцамъ предложить имъ миръ и выразить пожеланіе вступить съ ними въ переговоры. Латиняне при этомъ настаиваютъ на возстановленіи императора, заявляютъ также, что слѣдуетъ привести въ исполненіе подчиненіе Римской церкви, обѣщанное Алексѣемъ. То и другое Мурзуфль отвергъ. (Балдуинъ въ упомянутомъ письмѣ). Поэтому Латиняне приступаютъ къ завоеванію города и, найдя врага слабымъ, врываются и убиваютъ всякаго встрѣчнаго; наконецъ, войско греческое, не имѣя силы устоять, истомленное борьбою, положивши оружіе, принуждено было просить мира. Между тѣмъ Мурзуфль призываетъ своихъ приверженцевъ къ оружію, но ничего не успѣвши, и самъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Когда не оставалось никакой надежды, жители города выходятъ съ крестами и иконами Спасителя; но нисколько этимъ не тронутые, крестоносцы устремляются грабить, нападаютъ на храмы, захватываютъ священные сосуды; при этомъ уничтожаются иконы, выбрасываются въ грязь мощи Св. мучениковъ, выливается, страшно сказать! кровь Христова, извергается Его тѣло; отъ святотатства и кощунства обращаются къ другимъ преступленіямъ: похищаютъ для блуда, прелюбодѣянія и разврата дѣвицъ, матронъ и монахинь, грабятъ дворцы, выгоняютъ ихъ владѣльцевъ, которымъ, такъ какъ имъ негдѣ дѣваться на улицахъ, Латиняне объявляютъ, что бы они уходили изъ города, куда хотятъ. Поэтому граждане уходили толпами, оплакивая кто потерю жены, кто дочери, кто разграбленіе имущества. Впереди ихъ отправился вселенскій патріархъ верхомъ на жалкомъ ослѣ, не увозя ни суммы, ни золота въ поясѣ, безъ палки, безъ башмаковъ. (Никита Хоніатъ—объ Алексѣѣ Дукѣ Мурзуфлѣ, стр. 366 и слѣд.) Даже Балдуинъ въ указанномъ письмѣ упоминаетъ о произведенномъ кровопролитіи и о томъ, что собрана была огромная добыча; но обходитъ глубокимъ молчаніемъ святотатство, грабежи, насилія надъ женщинами, развратъ, называя повинныхъ въ нихъ воиновъ воинами Божиими, сражающимся для Бога. Но что Никита говоритъ правду, свидѣтельствуетъ самъ Иннокентій III, осуждая злодѣянія этихъ нечестивыхъ людей. Такъ въ письмѣ къ маркграфу Монферратскому, о которомъ мы выше говорили, папа пишетъ: „не заботясь объ отобраніи Іерусалима, а стремясь

владѣть Константинополемъ, предпочитая земныя блага небеснымъ богатствамъ; но что еще ужаснѣе, нѣкоторые не пощадили ни религіи, ни возраста, ни пола, но производя развратъ и прелюбодѣяніе на глазахъ всѣхъ, они отдали въ жертву безстыдству развратниковъ замужнихъ и вдовъ, а также благородныхъ женщинъ и дѣвицъ и даже посвященныхъ Богу. И вы не довольствовались тѣмъ, что исчерпали императорскія богатства и разграбили имущество какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, но простерли руки къ сокровищамъ церквей и, что еще хуже, къ самимъ церковнымъ вещамъ, похищая серебряныя доски съ алтарей и унося кресты, иконы и мощи, такъ что греческая церковь, угнетенная такими преслѣдованіями, пренебрегаетъ возвращеніемъ къ повиновенію апостольскому престолу, потому что она видѣла въ Латинянахъ только примѣры гибели и дѣянія тьмы и потому гнушается ихъ больше собакъ.“ То же рассказываетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ негодуетъ Иннокентій III въ письмѣ къ кардиналу св. Марцелла, о которомъ скажемъ впоследствии.

И такъ, вотъ что дѣлали Латинскіе крестоносцы, т. е. воины, посвятившіе себя Богу. Ставши господами города, Латиняне немедленно выбираютъ изъ своей среды Византійскимъ Императоромъ Балдуина, графа Фландрскаго, который вслѣдъ затѣмъ обо всемъ этомъ извѣщаетъ письмомъ Иннокентія III, распространяясь въ обвиненіяхъ противъ восточныхъ, чтобы оправдать передъ папою смѣлѣя дѣствія крестоносцевъ. Тутъ онъ ихъ обвиняетъ въ томъ, что они помѣшали воротить Палестину, что они любили заключать союзы съ Сарацинами, ненавидѣли чрезвычайно папу, употребляли одну живонись въ церквахъ (а не и статуи), что они погружали Латинянъ, кааъ не крещенныхъ, обзывая ихъ собаками. Поэтому въ отмщеніе за такое преступленіе Богъ и предалъ ихъ столицу и государство крестоносцамъ. Далѣе Балдуинъ проситъ папу вызвать, кого угодно, — благородныхъ и неблагородныхъ и обоего пола людей съ Запада и Востока съ предложеніемъ занять благословеннѣйшую землю; говорить, что тутъ хватитъ для всѣхъ богатствъ, почестей и всего прочаго, въ особенности просить приказать клирикамъ и монахамъ, что бы они побуждали къ переселенію народъ и сами шли толпами на Востокъ насаждать здѣсь

церкви. Прибавляетъ онъ также, что было бы хорошо, если бы папа собралъ соборъ въ Константинополь и самъ на немъ присутствовалъ, чтобы такимъ образомъ привести, наконецъ, всю восточную церковь къ общенію съ Латинянами: ибо теперь возсіяло желанное и во всѣхъ отношеніяхъ удобное время, когда можетъ состояться примиреніе церквей. — (Это письмо Балдуина находится въ указанномъ выше мѣстѣ). — Въ тоже время предводители Латинянъ не перестаютъ каждый для себя захватывать имущества, угоды, города. Одинъ изъ нихъ, маркграфъ Монферратскій, посылаетъ письмо къ Иннокентію Ш съ запросомъ: можетъ ли онъ по праву удержать то, чѣмъ онъ владѣлъ, или нѣтъ? И онъ, чтобы точно такъ же обезпечить себѣ согласіе папы, обрушивается въ письмѣ на восточныхъ; говорить, что Латиняне, возстановившіе на престолѣ Исаака и Алексѣя, готовились уже держать путь въ Сирію, но были вызваны ихъ клятвопреступленіемъ и обманомъ противъ своей воли завоевать Константинополь; а, впрочемъ, они все сдѣлали, что бы восточныя церкви оиять возвратились къ общенію съ Латинянами, и теперь съ нетерпѣніемъ, затаивъ дыханіе, ждутъ согласія папы. Получивши письмо Балдуина и маркграфа Бонифація, папа находился сначала въ нерѣшительности, что предпринять; стали приходить ему разныя мысли. Его угнетало то обстоятельство, что крестоносцы, посланные для освобожденія святой земли, связанные клятвою не трогать христіанскихъ земель, теперь, оставивши въ сторонѣ Палестину, завоевали Константинополь, сопровождая это завоеваніе убійствами, грабежами, святотатствомъ, похищеніемъ и насиліемъ надъ женщинами и всякимъ развратомъ. Но, съ другой стороны, приходило ему на умъ, что у крестоносцевъ не хватило продовольствія, которое обѣщали имъ Алексѣй за оказанную ему услугу; только получивши его, они могли продолжать путь въ Сирію; между тѣмъ Греки не исполнили своихъ обѣщаній, и крестоносцы имѣли право напасть на враждебный городъ. Послѣ того, какъ Иннокентій долго такимъ образомъ переходилъ отъ однихъ мыслей къ другимъ, онъ признаетъ, наконецъ, въ данномъ случаѣ божескій судъ, допустившій завоеваніе Византіи не за то, что Греки не поторопились дать Латинянамъ помощь для похода въ Палестину, а за схизму и для того, что бы отсюда Латиняне удобнѣе могли

вновь овладѣть Палестинной. Поэтому папа отвѣчаетъ маркграфу, что на его вопросъ онъ еще не рѣшилъ, что постановить; что, можетъ быть, Греки несутъ заслуженное наказаніе, но не дѣло крестоносцевъ ихъ наказывать; однако онъ позволяетъ маркграфу владѣть занятыми городами и другими, которые онъ собирается занять. Что таково было рѣшеніе и отвѣтъ папы, явствуетъ изъ отвѣтнаго письма самого Иннокентія. Оно находится между актами Иннокентія, стр. 94.

Послѣ того, какъ такъ несправедливо крестоносцы заняли Константинополь и много другихъ греческихъ земель, папа всецѣло предался заботамъ о соединеніи восточной и западной церквей. Прежде всего пишетъ онъ Балдуину и утверждаетъ его на Византійскомъ престолѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повелѣваетъ всеѣмъ крестоносцамъ помогать Балдуину обезпечить себѣ Константинополь отъ Грековъ; епископовъ же, аббатовъ и прочихъ клириковъ, которые до сихъ поръ сопровождали войско крестоносцевъ, убѣждаетъ содѣйствовать Балдуину и другимъ предводителямъ, чтобы тѣ могли возвратить восточныхъ къ соединенію съ Латинянами и позаботились ввести въ церквахъ Константинополя Латинянскіе обряды. (Бзовій—въ письмахъ Иннокентія, относящихся къ 1204 г. ном. 4). Точно такъ же убѣждаетъ папа письмами прелатовъ Франціи приглашать отовсюду клириковъ и мірянъ отправляться на Востокъ къ Балдуину съ цѣлью пріобрѣсти тамъ и духовныя, и временныя богатства, прибавляя, что, когда такимъ образомъ положеніе Балдуина упрочится въ Греціи, Латиняне легче смогутъ двинуться впередъ для завоеванія Палестины. (Письмо находится у Бзовія подъ 1205 г. и между актами Иннокентія на стр. 96). Кромѣ Французскихъ епископовъ, папа увѣщаетъ также докторовъ Парижской Академіи и студентовъ отправляться въ Константинополь и на остальной Востокъ для возстановленія тамъ научныхъ занятій. Возбужденные увѣщаніями и папы, и епископовъ, латинскіе клирики со всей Европы переправились на Востокъ въ такомъ числѣ, что латинскому патріарху *Омъ* стоило большого труда опредѣлить, кого изъ нихъ можно допустить къ совершенію богослуженія. (Бзовій изъ письма Иннокентія подъ 1205 г. ном. 4). Между тѣмъ крестоносцы, хотя и обязались присягою добыть опять отъ варваровъ Па-

лестину, предпочли наслаждаться жизнью въ прекрасныхъ областяхъ, которыми уже овладѣли, чѣмъ изнурять себя въ пути голодомъ или жаждою и рисковать жизнью въ битвахъ съ варварами. Поэтому они начинаютъ хлопотать у папскаго легата, что бы тотъ разрѣшилъ ихъ отъ присяги и отъ обѣта идти завоевывать Иерусалимъ. Тогда и другіе Латиняне, находившіеся въ Палестинѣ, видя, что крестоносцы не приходятъ имъ на помощь, сочли болѣе благоразумнымъ заключить съ варварами миръ и, оставивши землю, полную опасностей, стали уходить въ болѣе мирныя и прекрасныя мѣста Греціи. Такое множество духовныхъ и мірянъ оттуда отправилось въ Грецію, что въ Палестинѣ осталось только немного Латинянъ. Узнавши объ этомъ, папа воспылалъ не меньшимъ гнѣвомъ противъ своего легата, чѣмъ противъ самихъ крестоносцевъ, которые, отказавшись отъ Палестины, не стыдились думать только объ имѣніяхъ и богатствахъ, совершать убійства, святотатства, грабежи и развратничать. (Акты Иннокентія, стр. 98 и письмо Иннокентія къ кардиналу св. Марцелла, тамъ же, стр. 99).

Такимъ образомъ, оказалось, что совершенно напрасны были предсказанія Иннокентія, утверждавшаго, что Богъ предастъ Грецію крестоносцамъ для того, чтобы Латиняне отсюда легче могли покорить и овладѣть Палестиною. Напротивъ, — завоеваніе Византійской Имперіи было причиною потери Палестины: отправленные для возвращенія св. земли крестоносцы засѣли въ Греціи; каждый предпочиталъ устроиться въ прекрасной странѣ и наслаждаться въ ней мирною жизнью, чѣмъ жить въ странѣ разоренной и небезопасной, такъ что, наконецъ, Латиняне прогнаны были изъ всей Палестины. Между тѣмъ Греція испытывала большія страданія. Крестоносцы поставили въ Константинополь только латинскаго патріарха. По соглашенію между ними, императора слѣдовало избрать изъ Французовъ, а патріарха изъ Венеціанцевъ ¹⁾. (Блондъ кн. VІІ декад. гл. II) Вездѣ Латиняне заняли епископскія кафедръ, иногда также Греки, согласившіеся принять унію съ Римскою церковью. Между принявшими эту унію былъ и клиръ Фессалоникійскій, какъ видно изъ посланія Иннокентія III къ епископамъ Гер-

¹⁾ Венеціанцы вмѣстѣ съ Французами завоевали Константинополь.
Прим. перев.

мопильскому и Сардикійскому (ном. XLJ, регистръ XIII посланій Иннокентія, стр. 33 указаннаго изданія) и изъ посланія того же Иннокентія къ архіепископу Фессалоникійскому (ном. XVШ регистра XV, стр. 317). Кромѣ Фессалоникійской церкви, также и Коринѣская приступила къ уніи, какъ видно изъ посланія Иннокентія къ Гвалтеру, архіепископу Коринѣскому (ном. LVШ, рег. XV, стр. 344). Также нѣкоторый Іоаннь, епископъ Редестскій, приставшій къ общенію съ Латинянами, подчинился Римскому престолу, какъ видно изъ посланій къ нему того же Иннокентія (ном. CLXXXII и CLXXXIII, регистръ XV, стр. 400). На этомъ основаніи, говорятъ, Иннокентій провозгласилъ унію восточной церкви съ римскою состоявшеюся. Такъ онъ въ посланіи ко всѣмъ архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ и инымъ настоятелямъ церквей, поставленнымъ въ Византійской Имперіи (посл. CV, рег. XVI, стр. 629) пишетъ: „конечно, Отцомъ свѣтовъ, отъ Котораго исходитъ всякое благо и всякій совершенный даръ, просвѣщающимъ милосердно Греческую церковь, она спасительно возвращена подъ учительство Петра, т. е. къ единству и послушанію Римской церкви.“ То же заключаетъ въ себѣ посланіе къ латинскому князю Ахайи и прочимъ латинскимъ предводителямъ (посл. CVI, регистръ XVI, стр. 630).

Поэтому въ 1215 году собранъ былъ въ Римѣ Латеранскій Соборъ, на которомъ присутствовало свыше четырехсотъ латинскихъ епископовъ вмѣстѣ съ патріархами Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ. Такъ глава I актовъ этого собора (т. XI Соборовъ, ч. 1, столб. 142) содержитъ слѣдующее: „твердо вѣруемъ и въ простотѣ исповѣдуемъ, что есть Одинъ только истинный Богъ — вѣчный и безпредѣльный, всемогущій, неизмѣнный, непостижимый и неизглаголаный — Отецъ, Сынъ и Духъ Св., — три лица, но одна сущность и природа совершенно простая. Отецъ — ни отъ кого, Сынъ — отъ Одного только Отца, а Духъ Св. отъ Того и Другого, точно такъ же безъ начала и безъ конца. Отецъ раждающій, Сынъ — раждающійся и Духъ Св. — исходящій, единосущные, соравные, совмѣстно всемогущіе и вѣчные, одно начало всего.“

На этомъ-то Соборѣ, говорятъ Латиняне ¹⁾, Греки приняли унію съ римскою церковью, хотя въ скоромъ времени по свой-

¹⁾ Циховій вопр. II стр. 24.

ственной имъ измѣнчивости отъ нея отступились. Точно такъ же *Кромеръ* уже относительно предшествующихъ годовъ пишетъ (кн. VП „о дѣянiяхъ Поляковъ“): „ему наследовалъ Французъ Балдуинъ и, уничтоживши схизму, примирилъ Востокъ съ римскою церковью и подчинилъ ей.“

Пребывало, прибавляютъ Латиняне, это примиренiе церковей долго въ душахъ Грековъ. Ибо, когда въ послѣдствiи, въ 1249 г. папа послалъ къ императору Дукѣ Юанну, царствовавшему въ Анатолiи, и патриарху Мануилу пословъ склонить и ихъ къ вѣрѣ латинской церкви и единенiю съ нею, то это предирiятiе имѣло отличный успѣхъ и можно было навѣрное надѣяться, что желанiя папы приведены будутъ въ исполненiе; но вслѣдствiе преждевременной смерти императора и папы, которая случилась въ одномъ и томъ же году ¹⁾, это дѣло было оставлено. (Антонiй Флорентинскiй, томъ XXIV, гл. IX, ч. V). Что, дѣйствительно, тогда унiя нравилась бывшимъ тамъ Грекамъ, однако на извѣстныхъ условiяхъ, поминаетъ и *Георгiй Пахимеръ*, кн. V Исторiи, гл. XII. О томъ, что вели тогда переговоры объ унiи, свидѣтельствуетъ и *Григора* въ V кн. исторiи; тогда же изъ самыхъ восточныхъ нѣкто *Никифоръ Влеммидъ*, человекъ ученый, защищалъ мнѣнiе Латинянъ объ исхожденiи Св. Духа въ запискахъ, представленныхъ Θεодору Ласкарису и Иакову Болгарскому. Эти произведенiя приложилъ въ греческомъ и латинскомъ текстѣ къ I тому своего продолженiя *Одорикъ Рейнальдъ*, продолжатель лѣтописей Баронiя. О немъ упоминаетъ и Никифоръ Григора въ указанномъ мѣстѣ. Царство Кипрское также оставалось въ общенiи съ Латинянами, какъ это видно изъ посланiя Иннокентiя IV къ Одону, кардиналу Тускуланскому, о спорѣ, возникшемъ между латинскимъ Никосiйскимъ архiепископомъ и Греческими епископами Кипрскаго царства (посл. X Иннокентiя IV, т. XI Соборовъ), и изъ письма помянутаго Одона къ папѣ Иннокентiю IV (т. VП Колосницы (spicilegium) древнихъ писателей, изд. въ Парижѣ въ 1666 г., стр. 223).

Далѣе, во время Иннокентiя III Болгары и Валахи, по приглашенiю папы, охотно приступили къ общенiю съ Латинянами

¹⁾ Нужно разумѣть здѣсь папу Иннокентiя IV, ставшаго папою въ 1243 г. и умершаго въ 1254 г. Въ томъ же году умеръ и Юаннъ Дукъ, оставивъ преемникомъ Θεодора Ласкариса.

вмѣстѣ со своимъ княземъ Іоанникіемъ и архіепископомъ Василюемъ, какъ это видно изъ письма Іоанникія и архіепископа Василя, находящагося между актами Іннокентія Ш, стр. 50—51. Между прочимъ самъ Василій отправился было въ Римъ и, хотя былъ задержанъ Греками въ пути и запуганъ разными угрозами, однако послалъ въ Римъ двухъ спутниковъ своихъ, какъ это видно изъ его письма, написаннаго папѣ по возвращеніи въ отечество. Оно находится между актами Іннокентія на стр. 56. Вслѣдствіе этого папою посланъ былъ въ Валахію кардиналь Іоаннъ, привезъ Василю архіепископскій паллій (омофоръ), митру и кольцо, и тотъ въ его присутствіи принесъ присягу, что будетъ повиноваться римскому престолу. Передъ тѣмъ же кардиналомъ и Іоаннскій далъ обѣщаніе подчиниться вмѣстѣ со своимъ государствомъ папѣ и римской церкви, написавши въ этомъ смыслѣ грамоту и приложивши къ ней печать (Акты Іннокентія Ш, стр. 54). Когда затѣмъ кардиналь Іоаннъ воротился въ Римъ, то и Іоаннскій послалъ опять письмо папѣ, и архіепископъ Василій съ Болгарскими епископами, всѣ изъявляя свою покорность (тамъ же стр. 55, 56, 57).

И князь Сербскій выразилъ Іннокентію Ш желаніе, что бы тотъ прислалъ легата примирить его народъ съ римскимъ престоломъ,—но король Венгерскій помѣшалъ привести это дѣло къ концу, какъ это видно изъ посланія Іннокентія къ королю Венгріи (въ актахъ Іннокентія, стр. 68).

Мало того, сами Русскіе тогда благопріятствовали униі, чему доказательствомъ служить то обстоятельство, что по смерти своего князя Романа они выбрали себѣ въ князья латинскаго принца Коломана, сына Венгерскаго короля Андрея.—Сохранились даже письма Коломана (кн. II Римскихъ привилегій, посл. XXXVI и I т. восточныхъ эспедицій въ концѣ), въ которыхъ тотъ же Андрей просить Іннокентія, что бы, такъ какъ населеніе Галицкаго княжества обѣщало въ будущемъ пребывать въ единеніи и подчиненіи Римской церкви, онъ поручилъ Стригонскому архіепископу въ Венгріи вмѣсто себя помазать Коломана на царство. И поэтоту даже, по просьбѣ Гіацинта, великіе русскіе князья основали монастырь ордена ¹⁾ Проповѣдниковъ, къ которому принадлежалъ этотъ монахъ,

¹⁾ Циховій, IX положеніе о первенствѣ папы, стр. 265.

въ Галиціи (о чемъ свидѣтельствуесть Миховій въ Ш кн., гл. XXXVІІ) и въ Кіевѣ (по свидѣтельству Кромера). А въ 1246 году князь русскій Даниилъ обѣщаль перейти въ подчиненіе и общеніе съ Римскою церковью со всеѣмъ своимъ народомъ (Миховій кн. Ш гл. XLІІІ и Кромеръ кн. ІХ „о дѣяніяхъ Поляковъ.“) Когда, затѣмъ, въ слѣдующемъ 1247 году нѣкоторые латинскіе монахи, возвращаясь изъ восточной Татаріи, направлялись обратно въ Италію черезъ русскія земли и стали склонять русскихъ въ уніи съ Латинянами, то упомянутый Даниилъ отвѣтилъ, что они будутъ считать папу отцомъ и владыкою, а римскую церковь матерью и учительницею, и передалъ папѣ римскому письмо въ такомъ духѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ сами эти монахи изъ ордена Миноритовъ (у Викентія въ „Зерцалѣ исторіи,“ кн. XXXІ, гл. XXXІХ).

И такъ, вотъ та унія восточной церкви, заключенная съ римскою во времена Иннокентія Ш, которую съ тѣхъ поръ выставляютъ противъ насъ Латиняне.

Но, *во-первыхъ*, помимо того, что въ очень многихъ епархіяхъ латинскіе пастыри были поставлены послѣ изгнанія православныхъ, — если гдѣ кто изъ православныхъ принималъ тогда унію съ Латинянами, то дѣлалъ это не добровольно, не убѣжденный доводами и доказательствами, но вынужденный угрозами, наказаніями, лишеніемъ имущества и чести. Вотъ что говорить по этому поводу *анонимный* составитель записки „о разногласіяхъ восточныхъ и западныхъ“ (у Льва Алятія во II кн. „непрерывнаго согласія церквей,“ гл. ХІІІ, ном. II): „отъ царствованія государя Еммануила Порфиригонета до царствованія государя Іоанна Вататцы ¹⁾ (Латиняне) только неистово раззоряли города и острова и изъ тѣхъ, которыми овладѣли, изгоняли православныхъ архіереевъ и вмѣсто нихъ ставили своихъ единномышленниковъ кардиналами, а именно: въ Константинополь, на Кипрѣ, въ великой Антіохіи и въ другихъ городахъ; и не это только дѣлали, но принуждали весь народъ, священниковъ и монаховъ къ своимъ мнѣніямъ и общенію и къ поминанію папы. И кто соглашался съ ихъ ученіемъ, съ тѣми они обходились дружественно; кто же обличалъ ихъ, какъ ерети-

¹⁾ отъ 1180—1255 г.

ковъ, и отвращался отъ общенія съ ними, тѣхъ они открыто преслѣдовали и подвергали православныхъ христіанъ мученіямъ, какъ нѣкогда дѣлали (языческіе) цари и тиранны.“ Когда Кипръ въ 1231 г. попалъ подъ власть Латинянъ, то они предавали монаховъ разнымъ мученіямъ, держа ихъ въ тюрьмѣ три года за то, конечно, что они не хотѣли одобрить общенія съ Латинянами, и, наконецъ, видя что ничѣмъ ихъ нельзя къ тому принудить, казнили разными способами. Между прочимъ когда Авва *Іоаннъ*, поднявшись среди пламени костра, сталъ громко молиться, то одинъ латинянинъ, придя въ ярость, бросилъ въ мученика дубину и повергъ его въ огонь. вмѣстѣ съ святыми останками этихъ мучениковъ были сложены въ одну кучу кости многихъ животныхъ и сожжены. Упомянутый уже анонимный авторъ такъ продолжаетъ описывать эти обстоятельства: „свидѣтелями сказаннаго мною служатъ святыя монахи, вынесшіе борьбу на Кипръ, которыхъ за то, что они не захотѣли съ ними войти въ общеніе, Латиняне держали въ темницѣ три года и мучили всякими пытками. Наконецъ, когда они твердо стояли на своемъ и не соглашались хотя бы только по виду признать православіе Латинянъ, послѣдніе, придя въ ярость, однихъ замучили, привязавши къ хвостамъ лошадей, которыхъ погнали затѣмъ по базарамъ и непроѣзжимъ мѣстамъ, а старшихъ между ними сожгли, бросивши въ пылающій костеръ. А Авву Іоанна, долго стоявшаго среди огня и молившагося, одинъ Латинскій всадникъ, пришедши въ ярость, повалилъ въ пламень, бросивши въ него дубиною. Такъ онъ отдалъ Богу свою блаженную душу. Когда же потухъ костеръ и оказались нетлѣнные останки, то Латиняне навалили на нихъ костей многихъ животныхъ и нечистыхъ звѣрей и, устроивши новый костеръ, жгли ихъ до тѣхъ поръ, пока все не обратилось въ пепелъ.“

О томъ и о другомъ, т. е. объ угнетеніи Грековъ Латинянами и преслѣдованіяхъ на Кипръ, такъ выражается патріархъ Константинопольскій Германъ въ письмѣ къ папѣ Григорію (письмо это находится въ XI т. Соборовъ, ч. I, столб. 318 и слѣд.): „что бы намъ добраться до самой сущности истины, многіе сильные и знатные люди помогли бы вамъ, если бы не страшились несправедливыхъ угнетеній, грубыхъ вымогательствъ и незаконныхъ обраще-

ній въ рабство, которыя вы исторгаете отъ насъ (съ тѣхъ поръ, какъ мы вамъ подчинены: отсюда и жестокия междуусобія, раззореніе городовъ, наложеніе печатей на двери церквей, раздоры между братьями, совершенное прекращеніе священническаго служенія, чтобы на греческомъ языкѣ не прославляли достойно Бога. Однако, думаемъ, свыше предопредѣленнаго Грекамъ уже давно, до сихъ поръ не доставало, именно время мученичества. Но и это намъ уже угрожаетъ: уже готовъ открыться тираннической судъ, устраивается мѣсто истязаній, готова литься кровь, и мы собираемся войти на арену мученичества и начать борьбу въ надеждѣ получить вѣнцы изъ десницы Всемогущаго. Славный островъ Кипръ знаетъ то, о чемъ говорю, взирая на новыхъ мучениковъ и воиновъ Христа, которые, перейдя черезъ потоки слезъ и омывшись по́томъ отъ продолжительныхъ аскетическихъ подвиговъ, прошли наконецъ даже черезъ огонь,—и вывелъ ихъ рѣшитель борьбу—Богъ въ мѣста небесной прохлады. Хорошо-ли это, святѣйшій папа, преемникъ апостола Петра? Это ли внушаетъ кроткій и смиренный ученикъ Христовъ? Тому ли онъ научаетъ пресвитеровъ въ своемъ посланіи, когда пишетъ: пастырей вашихъ умоляю ¹⁾ и пр.“

Не менѣе, чѣмъ на Кипръ излили Латиняне весь ядъ бѣшенства и на Фессалонику. Взявши городъ, они стали свирѣпствовать, избивая гражданъ въ домахъ, на улицахъ, въ пещерахъ, хотя тѣ умоляли о пощадѣ; не помогали попытки укрыться въ храмахъ: вездѣ стояли жестокіе солдаты; кто избѣгалъ меча, тѣ, лишившись всего имущества и выгнанные изъ домовъ, даже раздѣтые до нага, бродили по улицамъ, не имѣя одежды, что бы прикрыть наготу, ни хлѣба, что бы утолить голодь, ни крова, что бы укрыться отъ холода и непогоды: кровомъ для нихъ было небо, земля постелью, а отворотительные отбросы пропитаніемъ. Подвергаются разграбленію и храмы и святыни, въ нихъ находящіяся: иконы разбѣкаются на куски и послѣ снятія съ нихъ украшеній выбрасываются на улицу, или сожигаются вмѣсто дровъ; пляшутъ на престолахъ, распѣвають въ церквахъ варварскія пѣсни, загаживаютъ волю храмовъ, оскверняютъ все святое. Что бы сократить описаніе всѣхъ

¹⁾ Посланіе Петра V, I.

этихъ бѣдствій, постигшихъ гражданъ, слѣдуетъ сказать, что, когда они собирались въ храмъ для прославленія Бога, врывавшіеся солдаты криками и шумомъ нарушали и дѣлали невозможнымъ всякое богослуженіе, иные присоединяли къ этому срамныя пѣсни, звѣриный лай, что бы заглушить голоса священнослужителей. Все это подробно рассказываетъ *Никита Хоніатъ* въ исторіи Андроника Комнена, кн. I, стр. 192.

Въ то же время папа послалъ латинскому патріарху такое предписаніе: „въ тѣ церкви, которыя посѣщаются одними Греками, слѣдуетъ ставить епископовъ изъ Грековъ, принявшихъ унію и изъ-явившихъ покорность римской церкви; а въ церкви, посѣщаемыя Греками вмѣстѣ съ Латинянами, ставить епископовъ только изъ Латинянъ; греческіе монастыри въ случаѣ недостатка монаховъ греческихъ или латинскихъ, можно отдавать бѣлому духовенству“ (изъ письма Иннокентія III къ Ѳомѣ Маврокину — среди актовъ Иннокентія, стр. 109). Послѣ этого вездѣ въ Греціи стали господствовать Латиняне; архіепископы и епископы, не соглашавшіеся признать унію съ римскою церковью, изгонялись и замѣнялись латинскими. Когда явилась только надежда, что и Коринѳъ вскорѣ сдаться Латинянамъ, то папа спѣшилъ послать на Востокъ къ латинскимъ архіепископамъ письмо, убѣждая ихъ, что бы они, какъ только Латиняне овладѣютъ городомъ, позаботились подчинить его церкви римскому престолу; если же архіепископъ Коринѳскій откажется клятвенно признать папу главою, то его слѣдуетъ удалить съ кафедръ и замѣнить латиняниномъ, и въ случаѣ отказа клириковъ повиноваться послѣднему, равнымъ образомъ прогнавши ихъ, замѣнить покорными; кто же станетъ противорѣчить, того передать отлученію (посланіе Иннокентія III къ архіепископу Аѳинскому и епископамъ Ѳермопольскому и Сидонскому, — ном. VI, регистръ XIII, стр. 8). Точно такъ же папа, посылая около этого времени легата Пелагія въ Константинополь, поручилъ ему, какъ онъ выразился, все *искоренять, разрушать, строить и насаждать*, т. е. возложилъ на него заботу — Грековъ, приставшихъ къ Латинянамъ, утвердить въ уніи; тѣхъ же, которые къ нимъ не пристанутъ, къ ней принудить (посланіе Иннокентія къ Константинопольскому императору — ном. CIV, рег. XVI, стр. 28; его же посланіе ко всѣмъ

архієпископамъ, епископамъ, аббатамъ, пріорамъ и инымъ прелатамъ, поставленнымъ въ царствѣ Константинопольскомъ, ном. СV, стр. 628, и посланіе его же къ князю Ахейскому и другимъ князьямъ Латинскимъ ном. СVI, стр. 630). Поэтому Пелагій, прибывши въ Константинополь, предложилъ гражданамъ на выборъ—или смерть, или изъявленія подчиненія римскому престолу; затѣмъ велѣлъ отъкрыть ¹⁾ храмы, монаховъ и клириковъ заключилъ въ оковы. Дѣло имѣло бы плачевный исходъ,—если бы латинскій императоръ Генрихъ къ которому граждане Константинополя обратились съ жалобою, не воспритивился во-время такимъ дѣйствіямъ Пелагія. Рассказываетъ объ этомъ *Георгій Акрополитъ* (ном. XVII, стр. 15 Парижскаго Греко-Латинскаго изданія 1651 г.) „Когда, говоритъ онъ, Константинополемъ правилъ Генрихъ, папа посылаетъ въ Царьградъ архіерея, котораго они (Латиняне) называютъ легатомъ, по имени Пелагія, явившагося со всѣми данными ему папою преимуществами. Онъ носилъ красные башмаки и одѣвался въ разноцвѣтныя одежды; даже чепракъ и уздечка его коня были окрашены въ пурпуръ. Будучи жестокаго нрава, преисполненный спеси и надменности, онъ сталъ свирѣпствовать надъ жителями Константинополя и имѣлъ для этого благовидную цѣль—принудить всѣхъ подчиниться старому Риму. Поэтому монахи заточались въ тюрьму, священники заключались въ оковы, всѣ храмы запирались. Онъ предлагалъ одно изъ двухъ: или признать папу первымъ между всѣми первосвященниками и поминать его на богослуженіяхъ, или, если кто это отвергалъ, того казнилъ смертью. Это стало невыносимымъ для гражданъ Константинополя, въ особенности для знатнѣйшихъ изъ нихъ.“

Что удивительнаго; если при такомъ угнетеніи Латинянами отказывавшихся отъ уніи, тотъ или другой епископъ, или тѣ или другія церкви подчинялись римскому папѣ и соглашались признать общеніе съ Латинянами? Дѣлали это они по принужденію, а не добровольно. И притомъ развѣ эта унія, признанная нѣкоторыми восточными, помогла бы дѣлу Латинянь? Ко-

¹⁾ Очевидно, что раньше онъ велѣлъ церкви запереть, о чемъ говоритъ дальше Георгій Акрополитъ.

нечно, не больше, чѣмъ помогло бы аріанамъ то, что многіе къ нимъ пристали, когда нѣкогда каѳолики были угнетаемы аріанами и еретики ставились на мѣсто изгнанныхъ законныхъ епископовъ.

Дѣйствительно, когда Алексѣй Ангель подходилъ къ Константинополю съ крестоноснымъ войскомъ, то тогдашній императоръ Алексѣй Комненъ не могъ найти лучшаго способа возбудить жителей Константинополя противъ своего соперника, какъ заявивъ, что Латиняне идутъ разрушать святыни, а ихъ подчинять папѣ. Поэтому, когда Латиняне захотѣли вступить въ переговоры съ гражданами, то послѣдніе вмѣсто словъ послали имъ стрѣлы. Такъ говорятъ сами крестоносцы въ письмѣ къ Иннокентію (между актами Иннокентія, стр. 86). *Взвѣи* приводитъ это письмо, какъ написанное Пренестинскимъ кардиналомъ, подъ 1203 годомъ, ном. 2: „сверхъ ожиданія мы нашли умы всѣхъ гражданъ настроенными противъ насъ; они заградили своему государю доступъ въ городъ стѣнами и машинами, какъ будто бы шелъ невѣрный народъ, готовый осквернить святыни и уничтожить безжалостно Христіанскую религію. Такимъ образомъ, жесточайшій похититель власти, обездлившій и предавшій своего государя и брата, обрекшій его на вѣчную тюрьму безъ всякой вины, намѣревавшійся сдѣлать то же съ его сыномъ Алексѣемъ, если бы тотъ, къ своему счастью, не убѣжалъ отъ его рукъ,—составивши противъ народа гнусный заговоръ, такъ напиталъ своими ядовитыми рѣчами вельможъ и простой народъ, что убѣдилъ ихъ, будто Латиняне пришли для уничтоженія ихъ старинной свободы, такъ какъ стремились подчинить римскому первосвященнику страну и народъ и ввергнуть имперію подъ ярмо латинскихъ законовъ. Это такъ возбудило и вооружило всѣхъ противъ насъ, что, казалось, они составили заговоръ противъ насъ и обратившагося къ нашей помощи изгнанника. Поэтому, предлагая гражданамъ часто черезъ нашихъ пословъ, даже черезъ нашего изгнанника и бароновъ выслушать насъ, мы не могли объяснить имъ ни причины нашего прибытія, ни нашихъ требованій; но всякій разъ, какъ мы начинали переговоры съ суши, или съ моря съ стоявшими на стѣнахъ, мы получали стрѣлы вмѣсто словъ.“—Такимъ образомъ, хотя бы изъ этого становится яснымъ, что Греки въ то время никоимъ

образомъ не добровольно обращались къ уніи съ Римлянами, по все, что было достигнуто въ дѣлѣ уніи, получилось, благодаря насильственнымъ мѣрамъ.

Отсюда, во вторыхъ, гдѣ только можно было, даже подъ Латинскимъ владычествомъ, епископы, монахи, народъ избѣгали общенія съ Латинскимъ архіепископомъ и открыто твердо стояли въ вѣрѣ предковъ. Между ними были такіе епископы и клирики, которые подчинялись Ларисскому архіепископу; но они вовсе не хотѣли повиноваться этому латинскому архіепископу, или приступить къ общенію съ Латинянами; при этомъ даже вдова маркграфа Монферратскаго снисходительно относились къ этой свободѣ. Папа на это очень злился и поспѣшилъ въ письмѣ къ восточнымъ латинскимъ архіепископамъ приказать, что бы они отклонили вдову отъ такого отношенія къ Грекамъ, а непокорныхъ епископовъ, если это окажется нужнымъ, подвергли анаѳемѣ. Вотъ что писалъ по этому поводу *Иннокентій* въ посланіи къ архіепископу Неонатріенскому, Назоренскому и Китрійскому (посл. ном. СШ, регистръ XIII, стр. 97): „не только она (маркграфиня) задерживаетъ это, но даже защищаетъ нѣкоторыхъ греческихъ епископовъ, подчиненныхъ Ларисскаго архіепископа, и другихъ настоятелей монастырей и клириковъ, не желающихъ ему воздавать должнаго почтенія, выказывая имъ благосклонность при такомъ ихъ къ нему недостойномъ отношеніи. Поэтому, не желая терпѣть, что бы означенный* архіепископъ, благодаря этой знатной женщицѣ, понесъ ущербъ въ своихъ правахъ, предписываемъ апостольскимъ писаніемъ вашему усмотрѣнію прилежнѣе ее убѣждать, что бы она отдала задержанное и отказалась отъ такого рода посягательства, и къ этому побудили ее дѣйствительными мѣрами, если окажется необходимымъ, наложивши на нее церковное отлученіе, не взирая ни на какое возраженіе, какъ окажется справедливымъ. Въ то же время вы должны побудить и заставить подобною же церковною епитиміей вышеозначенныхъ епископовъ, настоятелей и клириковъ къ оказанію должнаго повиновенія тому же архіепископу.“ Точно такъ же и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ латинскіе владѣтели предоставляли Грекамъ свободу, послѣдніе явно не оказывали никакого повиновенія латинскимъ архіереямъ и отказывались отъ уніи съ Латинянами. Это видно изъ посланія *Инно-*

кентія Ш къ Архієпископу Ларисскому и епископу Кіевонійскому (ном. СLXXII, регистръ XIII, стр. 140), въ которомъ онъ пишетъ: „достопочтенный братъ нашъ, Пастрасскій архієпископъ сдѣлалъ намъ представленіе, что владыки той земли, стремясь сами подчинить себѣ греческихъ священниковъ и монаховъ, позволяютъ имъ не отдавать должнаго подвнновенія и почтенія ему и другимъ латинскимъ архієреямъ (прелатамъ), что дѣлають они со вредомъ и отягощеніемъ для своихъ душъ. Посему, апостольскою грамотою предписываемъ вашему собратству, прибѣгнувъ сперва къ убѣжденію, а потомъ къ наложенію церковной епитиміи безъ всякаго снисхожденія, какъ окажется справедливымъ, побудить означенныхъ владѣтелей, что бы они отъ такой дерзости отказались.“ Когда же римскій легатъ Пелагій предложилъ Константинопольцамъ на выборъ смерть, или унію съ Латинянами, то они отнюдь не приняли уніи а, напротивъ, такъ усиленно хлопотали передъ Латинскимъ императоромъ, что тотъ вопреки легату взялъ на себя защиту ихъ свободы. Такъ *Георгій Акрополитъ* послѣ приведенныхъ выше его словъ продолжаетъ: „этимъ Константинопольскіе гражданае и между ними самыя знатныя были чрезвычайно взволнованы и, отправившись къ царю Генриху, стали говорить: мы, будучи инога происхождения и имѣя инога архієрея, подчинились твоей власти съ тѣмъ, что бы ты властвовала надъ нашимъ тѣломъ, а не надъ душою и духомъ. Когда ты ведешь войну, мы беремъ за оружіе для твоей защиты; но отступиться отъ нашей вѣры и нашихъ обрядовъ для насъ рѣшительно невозможно. Поэтому либо избавь насъ отъ угрожающей бѣды, либо какъ свободныхъ отдай насъ подъ власть туземцевъ. Вслѣдствіе такихъ рѣчей императоръ, не желая лишиться столькихъ хорошихъ и знатныхъ мужей, не взирая на не согласіе и отказъ легата, велѣлъ открыть храмы, освободить отъ узъ и изъ подъ стражи монаховъ и священниковъ и успокоилъ волненіе, обуревавшее тогда Константинополь.

Когда, затѣмъ, въ 1205 г. папою былъ посланъ въ Константинополь легатъ Бенедиктъ, то, говорятъ, онъ вступилъ въ Ѳессалоникахъ, въ Константинополь и Аѳинахъ въ разсужденіе со многими почтенными и мудрыми людьми объ исхожденія Св. Духа. Такъ *Николай Идрунтскій* въ I кн.

„противъ Латинянь“ (мѣсто цитируемое Львомъ Аллятіемъ во II кн., гл. XIII, ном. 4 его „непрерывнаго согласія церквей“) говоритъ: „ну, мы и представляемъ діалогъ изъ силлогизмовъ, составленныхъ божественными и преданными философіи мужами, и въ особенности изъ того, что мы тогда услышали то въ Фессалоникахъ, то въ Царьградѣ, то въ Аѳинахъ отъ мудрѣйшихъ и святыхъ мужей, которые разсуждали съ господиномъ Бенедиктомъ, кординаломъ и замѣстителемъ римскаго предстоятеля Иннокентія III, и записали, содержа въ памяти то, что по его приказанію мы перевели съ греческаго языка на латинскій: ибо тогда мы были переводчикомъ между Греками и Латинянами.“ Когда же *Іоаннъ*, епископъ Редестскій, присталъ къ униі съ Латинянами, то папа убѣждалъ его что бы онъ привелъ своихъ товарищей епископовъ, монаховъ, клириковъ, къ повиновенію Римскому престолу; значить, эти епископы, монахи и клирики не соглашались на унию. Такъ Иннокентій III въ посланіи къ тому же Іоанну (посл. CLXXXIII, регистръ XV, стр. 400) пишетъ: „такъ какъ ты вступилъ въ повиновеніе апостольскому престолу, чтобы сказать другому то, что ты услышалъ, придти и увлечь какъ бы завѣса завѣсу, то мы настоящею грамотою предписываемъ твоему братству: твоихъ товарищей епископовъ, а также монаховъ и клириковъ греческихъ искусными увѣщаніями убѣдить и благоразумно довести до того, что бы и они обратились къ повиновенію апостольскому престолу; такимъ образомъ ревность твоя просіяетъ на дѣлѣ, и ты полнѣе заслужишь нашу благодарность и расположеніе.“

Въ третьихъ: точно такъ же, какъ Латиняне налагали на многихъ папское иго, а еще на большее число тиранническое владычество, такъ и Греки, гдѣ только могли, взявшись за оружіе и всенародно отступившись отъ Латинянь, стали бороться за свободу вѣры и жизни. Уже съ самаго начала, когда Латиняне, занявши Константинополь, бродили вездѣ, пожирая все на подобіе саранчи, и стремились овладѣть землями,—нѣкоторые знатные люди помышляли объ освобожденіи; когда же бѣдствія дошли до крайности, они явно отпали отъ Латинянь, избравши Адрианополь средоточіемъ возстанія. Поэтому Балдуинъ, латинскій императоръ въ Константинополѣ, желая потушить возстаніе въ самомъ началѣ, взявши легкій отрядъ, является осаждать Адрианополь; но

осажденныхъ освободилъ отъ осады призванный ими на помощь Валашскій князь Іоанникій. Придя съ большими силами, онъ взялъ въ плѣнъ неосторожныхъ Латинянь, самаго Балдуина и многихъ другихъ латинскихъ предводителей. Объ этомъ такъ пишетъ къ Иннокентію Генрихъ, братъ Балдуина (посланіе къ папѣ Иннокентію, между актами Иннокентія, стр. 114): „случилось, что Греки, по своей великой злокозненности и обычному вѣроломству всегда противъ насъ употребляющіе предательство послѣ всякаго рода обезпеченія и предосторожностей, тотчасъ по отправленіи къ вамъ пословъ, открыто подняли противъ насъ возстаніе, которое замыслили уже давно. Узнавши объ этомъ, мой братъ и государь императоръ тотчасъ съ небольшимъ отрядомъ (ибо большая часть нашихъ войскъ разсѣяна въ горнизопахъ и, по такъ называемымъ, маршіямъ) выступилъ къ Адрианополю, главному мѣсту возстанія, самому крѣпкому греческому городу, окруженному горами только со стороны Валашскихъ народовъ; двинулся туда онъ изъ Царь — Града, горя желаніемъ отомстить возставшимъ. Между тѣмъ, услышавши, что Латиняне осадили означенный городъ съ такимъ незначительнымъ войскомъ, Валашскій господарь Іоанникій, котораго Греки тайно призвали къ себѣ на помощь для большаго вреда намъ, внезапно ринулся на нашихъ со множествомъ варваровъ — Валаховъ, Команъ и иныхъ. Когда наши вышли противъ нихъ и стали дальше, чѣмъ слѣдовало, то окруженные со всѣхъ сторонъ засадами, увы! государь императоръ, графъ Людевикъ Стефанъ де-Пертико и нѣкоторые другіе бароны и рыцари (чего не могу сказать безъ кровавыхъ слезъ), подавленные такимъ множествомъ, были захвачены врагами, однако не безъ вреда для послѣднихъ.“ Отступился при этомъ отъ Латинянь и Михаликій, могущественный человѣкъ по богатству и множеству кліентовъ, и преслѣдуя латинскихъ воиновъ, сталъ предавать понадавшихъ въ его руки священниковъ латинскихъ разнаго рода смерти и, что удивительно, сами Латиняне воевали въ войскѣ этого Михаликія противъ Латинянь. Поэтому папа, заботясь объ униіи, о которой онъ хлопоталъ, предписываетъ грамотами Константинопольскому (латинскому) патріарху и прочимъ латинскимъ архіепископамъ, установленнымъ на Востоцкѣ, что бы они отозвали латинскихъ воиновъ, сражающихся

подъ знаменами Михаликія, а непослушныхъ предавали даже анаемѣ. Вотъ что писалъ Иннокентій III патриарху Константинопольскому (регистеръ XIII, стр. 149): „изъ письма любезнѣйшаго во Христѣ нашего сына, свѣтлѣйшаго Константинопольскаго императора Г., открылось нашему апостольству, что Михаликій, презрѣвъ вѣрность, которую онъ оказывалъ этому императору, между тѣмъ какъ окружавшіе его ничего не подозрѣвали, нарушивши тѣмъ не менѣе присягу, данную тому же императору и его брату Е. ¹⁾), за котораго М. выдалъ замужъ свою первородную дочь, захвативши императорскаго коннетабля А. съ воинами и другими людьми въ числѣ около ста посредствомъ коварства, однихъ изъ нихъ подвергъ бичеванію, другихъ заключилъ въ темницу, нѣкоторыхъ велѣлъ умертвить, а самага коннетабля съ тремя другими и съ его капелланомъ—страшно сказать! приказалъ распять на крестѣ. Побуждаемый затѣмъ еще къ большимъ злодѣйствамъ и опираясь на силу нѣкоторыхъ Латинянь, которые, ослѣпленные жадностью къ добычѣ, перешли на сторону Михаликія, послѣдній осадилъ лагерь императора, сжегъ города и всѣхъ латинскихъ пресвитеровъ, которыхъ могъ поймать, и нѣкоего избраннаго въ епископы и даже утвержденнаго, велѣлъ обезглавить. Братству твоему апостольскою грамотою повелѣваемъ, дабы ты старательно убѣдилъ Латинянь, внушилъ имъ и подѣ страхомъ отлученія запретилъ, чтобы они Грекамъ, а въ особенности означенному Михаликію, который убіеніемъ пресвитеровъ подвергъ себя узамъ отлученія, противъ императора и даже противъ остающихся вѣрными ему помощи не подавляли“ и пр.

Но уже Греки поднимались со всѣхъ сторонъ, такъ что Гонорій, преемникъ Иннокентія, посылая легата въ Константинополь, приказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ патриарху быть готовомъ помогать Латинскому Константинопольскому императору противъ измѣнниковъ Грековъ, все сверху до низу возмутившихъ схизмою. (Бзовій изъ письма Гонорія подѣ 1217 годомъ, ном. 2). Долго такимъ образомъ боролись Греки противъ Латинянь; въ особенности дѣла ихъ поправилъ впоследствии, пославши помощь, Валахскій король Азанъ (Валахія оиатъ отказалась повиноваться панскому престолу),—

¹⁾ Такъ первыми только буквами обозначены собственныя имена въ этомъ изданіи посланій Иннокентія.

такъ что папа Григорій IX, впавши въ ярость, сталъ возбуждать противъ Болгаръ Венгерскаго короля Белу и позволилъ латинскимъ монахамъ вызывать Крестоносцевъ противъ нихъ. (Письма объ этомъ къ королю и къ другимъ у *Ваддингга* въ его исторіи Миноритовъ, такъ называемыхъ, Меньшихъ братьевъ). И *Матѳей Парижскій* ¹⁾ въ исторіи Англій Генрихъ III (Лондонское изданіе 1571 г., стр. 585) рассказываетъ, что Греки такъ сильно тѣснили Константинопольскаго императора и такъ враждебно относились къ латинской церкви, что у многихъ на Западѣ явилась мысль и желаніе вызвать противъ нихъ крестовый походъ. Самъ императоръ Латинскій отправился на Западъ искать помощи, что бы бороться съ Греками. „Въ это время, говоритъ Матѳей, когда Греки съ обычною дерзостью стали неистовствовать какъ противъ римской церкви, такъ и противъ своего государя императора Константинопольскаго, это привело въ такое негодованіе папу и всю церковь, что у многихъ была мысль и желаніе двинуть на нихъ войско крестоносцевъ. Императоръ даже, что бы отразить ихъ ярость, ушелъ на Западъ съ цѣлью получить помощь и совѣтъ отъ римской церкви.“ Собранны съ помощью родственниковъ и друзей сильное войско, Балдуинъ II-й въ слѣдующемъ 1238 г. воротился на Востокъ, готовый раздавить грековъ, отказавшихся подчиниться ему и римской церкви. Тотъ же Матѳей говоритъ слѣдующее (стр. 644): „въ тѣ времена отправился въ Грецію для подавленія возставшихъ противъ него и противъ римской церкви императоръ Константинопольскій Балдуинъ съ большими средствами и не меньшимъ войскомъ, какія только могли собрать для него всѣ его родственники и друзья.“ Поэтому, когда въ 1237 году писалъ письмо папѣ Григорію Филиппъ, провинціалъ ордена Миноритовъ въ святой землѣ, то отбѣчалъ въ немъ, что Греки вездѣ противорѣчатъ Римлянамъ, осуждаютъ ихъ богослуженіе и всякое мнѣніе, несогласное съ ихъ мнѣніями, называютъ нечестивымъ и еретическимъ. Такъ въ этомъ письмѣ находятся между прочимъ такія строки (у упомянутаго Матѳея Парижскаго, стр. 590): „въ то время, какъ всѣ вышеупомянутыя націи (т. е. Евтихіане и Не-

¹⁾ Такое дано ему прозваніе, хотя онъ былъ англичанинъ. Сталъ извѣстенъ отъ 1240 г., умеръ ок. 1259 г.

сторіане) соглашаются съ нашимъ ученіемъ о св. Тройцѣ (подразумѣвается исхожденіе Св. Духа отъ Сына) и внимають нашей проповѣди, одни Греки упорствуютъ въ своей злобѣ и вездѣ скрытно, или открыто противорѣчатъ римской церкви, всѣ наши святыни хулятъ и всякое мнѣніе, чуждое ихъ ученію, называютъ неправильнымъ и еретичнымъ.“

Среди Грековъ, которые, свергнувъ иго римской церкви и крестоносцевъ, стремились оружіемъ добиться свободы для себя и своихъ единоплеменниковъ, въ особенности выдавался тогда *Ваттакій*, окруженный такими военными силами, что Балдуину недостаточно было для борьбы съ нимъ приведеннаго недавно съ Запада войска, и онъ сталъ искать помощи у императора Германскаго Фридриха (Гогенштауфена). При его посредствѣ было заключено между Балдуиномъ и Греками перемиріе на годъ. Самъ же императоръ Фридрихъ предложилъ Дукѣ Ваттакію свою дочь въ жены, что папѣ очень не понравилось, такъ что изъ-за этого ненависть между папою и Фридрихомъ еще болѣе увеличилась. Объ этомъ опять-таки сообщаетъ *Матвей Парижскій* (стр. 832): „въ то самое время, когда бѣжалъ императоръ Константинопольскій отъ преслѣдованія Грековъ и не имѣлъ денегъ въ казнѣ, что бы далѣе продолжать войну и выдерживать натискъ Грековъ, онъ обратился за совѣтомъ и помощью къ римскому императору Фридриху, который то угрозами, то мирными убѣжденіями достигъ, наконецъ, перемирія на годъ. Между тѣмъ постарался тотъ же императоръ Фридрихъ соединить бракомъ свою дочь съ нѣкимъ знатнымъ Греческимъ княземъ Ваттакіемъ. Это показалось дѣломъ серьезнымъ и неприятнымъ государю папѣ и всей римской куріи; ибо изъ-за этого Ваттакія поднялась схизма между римской церковью и греческой, почему сама римская церковь называетъ его схизметикомъ, и ненависть между государемъ папою и императоромъ Фридрихомъ стала еще упорнѣе.“

Такимъ образомъ, когда Греки столь храбро сражались за свободу своей церкви и государства, ничего уже почти не оставалось у Латинянъ на Востоку, кромѣ Константинополя, внутри котораго и заперли ихъ Греки. вмѣстѣ съ владѣтелями изгонялась и латинская религія, и всякій, кто желалъ свободы отечественной

вѣры, имѣлъ полную возможность добиваться этого. Дѣло дошло до того, что латинскій Константинопольскій патріархъ, который раньше насчитывалъ подъ собою болѣе тридцати суффрагановъ, т. е. архіепископовъ, въ 1245 г. имѣлъ едва трехъ подчиненныхъ ему архіереевъ. На это и жаловался латинскій патріархъ на Лионскомъ Соборѣ, гдѣ въ то время преставитель императора Фридриха общалъ папѣ, если тотъ помирится съ его государемъ, то послѣдній оружіемъ возвратитъ восточныхъ къ повинновенію римской церкви. Но такъ какъ папа ¹⁾ не довѣрялъ императору, то это предложеніе не было принято; только папа снова на этомъ Соборѣ выяснилъ плачевное положеніе на Востокѣ Латинянъ и уніи съ римской церковью. Такъ между прочими актами этого собора находимъ у Матѳея Парижскаго (стр. 896) и изъ него въ XI т. Соборовъ (ч. I, столб. 658) слѣдующее: „изложилъ латинскій Константинопольскій патріархъ состояніе и нужды своей церкви, увѣряя, что нѣкогда онъ имѣлъ подъ собою болѣе тридцати суффрагановъ, изъ которыхъ теперь осталось едва трое, присоединивъ къ этому, что Греки и нѣкоторые другіе недруги римской церкви овладѣли уже всею римскою ²⁾ имперіею почти до воротъ города Константинополя.—что они ни въ чемъ не повинуются римской церкви, ненавидятъ ее и очень враждебно къ ней относятся. Поэтому всѣмъ христіанамъ грозитъ печаль и смута. Присутствоваль также тамъ (на соборѣ) прокураторъ государя императора Фридриха Өаддей изъ Свессы, мужъ разумный и необыкновенно краснорѣчивый, воинъ и докторъ юриспруденціи, а также императорскій придворный судья, готовый отвѣтить за своего государя настолько же твердо, насколько и умѣло. Для его мира и возстановленія прежней дружбы онъ смѣло предложилъ отъ лица своего государя императора, что тотъ возвратитъ къ единенію съ римскою церковью всю романскую, т. е. греческую имперію. На все это папа отвѣтилъ, говоря громкимъ голосомъ: о сколько великихъ обѣщаній, никогда нигдѣ не исполненныхъ и не исполнимыхъ! И это, очевидно, только обѣщаніе, для того, что бы сѣкира, уже лежащая у корня, была отложена на время обманутымъ Со-

¹⁾ Иннокентій IV, собравшій въ Лионѣ Соборъ въ 1245 г.

Прим. перев.

²⁾ т. е. Латинского.

боромъ. Пусть императоръ содержитъ въ душѣ своей миръ, въ которомъ онъ клялся по формѣ данной присяги, и я буду удовлетворенъ. Но какою связью удержу я Протея, мѣняющаго свое лицо? Если я теперь сдамся на его предложеніе, и онъ захочетъ отступиться, кто поручится, что заставитъ его исполнить обѣщаніе?— И когда Ѡаддеѣ предложилъ въ качествѣ поручителей двухъ королей, т. е. Французскаго и Англійскаго. то государь папа отвѣтилъ: не хочу. Ибо если онъ договоръ измѣнитъ, или совершенно уничтожитъ (и иначе я не думаю вслѣдствіе частыхъ опытовъ), то черезъ нѣкоторое время окажется, что мы должны будемъ обратиться на поручителей, и тогда церковь будетъ имѣть трехъ враговъ, сильнѣе которыхъ, а даже и равныхъ имъ нѣтъ въ свѣтскомъ званіи. И такъ какъ полномочій Ѡаддея при этомъ было недостаточно и не было времени, что бы это устроить, какъ слѣдуетъ, то онъ съ печалью замолчалъ. Сдѣлавши призываніе Духа Св. въ послѣдовавшей затѣмъ литаніи и совершивши все другое почину, началъ государь папа проповѣдь, прерывая слова свои рыданіями, на такую тему: о вы, проходящіе по дорогѣ, *подойдите и посмотрите, есть ли гдѣ-нибудь горе, подобное моему! И продолжая довольно красиво свою рѣчь, сталъ сравнивать свои пять великихъ печалей съ пятью ранами Христа. Первая печаль—это безчеловѣчное и звѣрское разореніе христіанства Татарами; вторая—о схизмѣ Романиі, т. е. Греческой церкви, которая въ наши времена и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оторвавшись отъ лона матери своей, какъ бы отъ лона мачихи, дерзко отвернулась отъ нея.“ Объ этой рѣчи папы Ватиканскіе акты того же Собора (т. XI, ч. I Соборовъ, столб. 635) передаютъ, слѣдующее: „совершивши это, началъ папа проповѣдывать, исходя изъ изреченія пророка: по множеству скорбей моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія и пр., потому что многообразна была печаль его, именно пять печалей окружили его. Первая печаль о безчиніи предстоятелей и подчиненныхъ имъ; вторая — о дерзости Сарациновъ; третья—о схизмѣ Грековъ, четвертая—о звѣрствѣ Татаръ; пятая—о преслѣдованіяхъ со стороны императора Фридриха.... Въ третьихъ —о схизмѣ Грековъ,—какъ Вакарій ¹⁾, греческій императоръ, съ

¹⁾ Вѣроятно, папа хотѣлъ сказать—Ваттакій, ибо въ Азіи въ то время императорскимъ скипетромъ владѣлъ Юаншъ Дука Ваттакій, правившій отъ 1221 до 1255 г.

Греками схизматиками овладѣль и почти все разрушилъ до самого Константинополя, и можно было опасаться за самый городъ, если не придетъ быстрая помощь отъ христіанъ.“

И такъ, папа, неспособный подчинить себѣ восточныхъ оружіемъ, задумалъ привести ихъ къ повиновенію римскому престолу при помощи эмиссаровъ (объ этомъ находимъ извѣстіе у *Ваддингавъ* „исторіи Меньшихъ братьевъ“ подъ 1247 г.) Но если оружіе не помогло Латинянамъ покорить Грековъ, то что могли сдѣлать слова эмиссаровъ? Дѣйствительно, *Иннокентій IV* въ посланіи къ *Оттону Тускуланскому* (т. XI Соборовъ, ч. I, столб. 612) такъ разсуждаетъ о соединеніи церквей: „конечно, это освѣжило бы жаръ нашего смущеннаго ума оросительнымъ источникомъ притекающей радости, если бы всѣхъ, которыхъ нѣкогда Господь собралъ во дворъ единого католическаго стада, послѣ того какъ многое изъ него разошлось, мое ученіе соединило въ одно недѣлимое собраніе одного пастыря и моя стража укрѣпила. О если бы Востокъ засвѣтилъ восточнымъ съ высоты и сіяніемъ своего свѣта возвратилъ ихъ католическому единству, что бы, собранные съ остальными православными въ лонѣ одного двора, они могли черпать изъ сосца матери церкви влагу спасительнаго ученія! Тогда настало бы для самой церкви великое и вождѣльное спасеніе; тогда ея чрево срослось бы послѣ рожденія близнецовъ; тогда занялась бы для восточныхъ заря вышняго просвѣщенія; тогда засіяла бы для нихъ денница истины; тогда по всей церкви радость забила бы чрезвычайнымъ торжествомъ; ибо пріятно и радостно, что бы братья обитали вмѣстѣ въ домѣ Господнемъ; тогда одна и та же церковь, возвеличенная веселіемъ, заглѣла бы пѣснь новой радости.“

И когда послѣ того въ 1253 г. папа проживалъ въ Ассизахъ, онъ опять поручилъ Польскому провинціалу ордена Провѣдниковъ отрядить монаховъ къ Грекамъ для того, что бы они возвратили Грековъ къ повиновенію римскому престолу (у *Ваддингавъ* въ „исторіи Миноритовъ“ подъ 1253 г.) Когда также въ 1252 г. нѣкоторые Латиняне писали въ Константинополь противъ восточныхъ объ исхожденіи Св. Духа (это сочиненіе издано въ *Ингольштадтѣ* 1616 г. *Петромъ Стевартіемъ* вмѣстѣ съ другими греческими и латинскими авторами), то они прямо заявляютъ, что тогда и раньше Греки

были враждебны Латинянамъ и не находились съ ними въ общеніи. Такъ они начинаютъ (стр. 535 указанного изданія): „хотя мы знаемъ, что греческая церковь нѣкогда украшалась цвѣтами добродѣтелей и занятіями философіей, а также, слѣдуя быстрымъ бѣгомъ по слѣдамъ св. Отцовъ, пророковъ и апостоловъ, давно доставила изъ себя чрезвычайно много живыхъ и закаленныхъ камней для строенія горняго Іерусалима; однако теперь, напоследокъ время,—чего мы не можемъ произнести безъ тяжелой печали, помраченная бесчисленными и различными вихрями заблужденій, она упорно пребываетъ въ томъ же мракѣ своихъ мнѣній отдѣленною отъ Римской церкви. И хотя за триста восемьдесятъ лѣтъ, т. е. отъ времени Фотія или Фотина, перваго виновника этой схизмы, въ различныхъ ея частяхъ явно возрасли безчисленные сѣмена ересей вслѣдствіе недостатка знанія и горечи ненависти,—однако дознано, что она расходится съ нами главнымъ образомъ вообще въ четырехъ членахъ, изъ которыхъ первый, начиная съ самого Божескаго величія, нечистыми устами утверждаетъ вопреки католическому мнѣнію, мало того—вѣрѣ, что третье лицо въ Троицѣ, т. е. Духъ Св., нисколько не исходитъ отъ Сына, или не дышется Имъ и не имѣетъ отъ Него своего существованія.—Хотя въ борьбѣ противъ этихъ гибельныхъ заблужденій уже многіе вѣрные крѣпко потрудились и выпустили много писаній въ защиту истинной католической вѣры; однако, такъ какъ новѣйшіе Греки, новые и старые схизматики не желаютъ быть убѣжденными ни доводами, ни разсужденіями, ни свидѣтельствами св. Писанія, кромѣ писаній своихъ святыхъ, какъ апокрифическихъ, такъ и истинныхъ, на которыя они всего больше опираются,—то я, склоняясь на братскія просьбы постараюсь, сколько смогу, доказать, насколько изъ ихъ книгъ изобличается ихъ неправота и упрямство.“ И между прочимъ дальше говорится (стр. 591): „и такъ, когда Греки не могутъ оправдаться и въ томъ, откуда произошло, что, отпавши такъ давно отъ матери церкви, они упорно отказываются возвратиться къ повиновенію ей, то я думаю, что продолжительность времени навела на нихъ эту слѣпоту внутренняго челоуѣка. Ибо, по всей вѣроятности, прошло триста восемьдесятъ лѣтъ и больше, какъ стала зарождаться эта схизма и соблазнъ. Но развѣ время въ та-

кихъ вещахъ служить извиненіемъ? Напротивъ, тѣмъ болѣе они повинны въ схизмѣ на судѣ вѣчнаго Судьи, чѣмъ больше времени они, неблагодарные, злоупотребляютъ даннымъ имъ послабленіемъ въ ожиданіи раскаянія.“

Митаѳей Парижскій рассказываетъ даже, что въ 1254 г. нѣкоторые выдающіеся восточные явились къ папѣ въ Римъ и, говоря очень рѣшительно, доказывали, какъ неправильно онъ съ прочими Латинянами утверждаетъ, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына, и спорили затѣмъ съ Латинянами относительно разныхъ вопросовъ. Принявши ихъ хорошо, папа отослалъ ихъ съ дарами домой. Вотъ что говоритъ Матѳей (стр. 1190): „около этого времени, т. е. лѣтомъ, прибыли нѣкоторые знатные и могущественные люди изъ Греческой имперіи, одѣтые великолѣпно, сидя на прекрасныхъ лошадяхъ, окруженные свитою изъ пятидесяти почти челоуѣкъ, а также многочисленною прислугою, отлично одѣтою. И стали они говорить съ государемъ папою очень смѣло, ставя ему на видъ, что онъ чрезвычайно погрѣшилъ въ вѣрѣ, а съ нимъ и черечь него всѣ Латиняне, которые говорятъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына, между тѣмъ какъ, по исповѣданію вѣры Грековъ, Онъ исходитъ только отъ Отца. Это старое заблужденіе Грековъ, которое не одобряютъ и порицаютъ Латиняне, вооруженные сильными основаніями и авторитетами, о чемъ долго пришлось бы говорить. Разбирали также: одно ли и то же—исхожденіе и посланіе, или не одно и то же. Это мы предоставляемъ разрѣшить правильнымъ состязаніямъ. Однако, будучи испытываемы о членахъ вѣры и таинствахъ, они отвѣчали довольно терпимо. И нѣкоторые, когда начинали колебаться, принимали благосклонно разъясненіе. Папа одарилъ ихъ драгоценными одеждами, именно изъ пурпурной ткани съ серебряными и золотыми застежками и дорогими палками, чѣмъ они справедливо могли, наряжаясь, хвастать.“

И такъ, въ то время, какъ Греки вслѣдствіе указанныхъ причинъ борются съ своими угнетателями Латинянами, изгоняютъ ихъ и стремятся въ особенности отвоевать Константинополь, ихъ главное мѣсто пребыванія, наконецъ императоръ Михайль Палеологъ съ помощью Грековъ и заговора гражданъ овладѣваетъ въ 1261 г.

городомъ, избивши жестоко Латинянь, которыхъ Богъ наказывалъ за ту жестокость, съ какою они обошлись съ Греками при завоеваніи Константинополя. Теперь Греки, воспламененные мщеніемъ противъ Латинянь за угнетеніе ихъ свободы и религіи, избиваютъ всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать, въ зажженныхъ домахъ горять женщины, дѣти, больные. Горѣли также латинскіе храмы, откуда среди пламени бѣжали укрывшіеся тамъ Латиняне. Въ особенности свирѣпо обходились съ духовными, ибо жаловались, что они наиболѣе угнетали Грековъ. Папскому легату отрубили голову и привязали ее къ собачьему хвосту. Волокли даже по улицамъ трупы, вырытые изъ могилъ: разрывали ихъ въ отмщеніе за обиды, которыя причиняли Грекамъ живые; не щадили даже госпиталей, рѣзали больныхъ и ослабѣвшихъ. Сами клирики и монахи возбуждали своихъ противъ Латинянь; предлагая деньги, они призывали къ мщению, убѣждая никого не оставлять въ живыхъ. Однако много плѣнныхъ было продано варварамъ.

Разсказываетъ о каждомъ изъ этихъ дѣяній латинянинъ *Вильгельмъ*, Тирскій архіепископъ, въ XXII кн. „священной войны“, гл. XII. Говоря объ обратномъ взятіи Константинополя, онъ сообщаетъ: „случилось, что съ возрастаніемъ заговора схваченъ былъ Протосевасть, ослѣпленъ и лишенъ принадлежностей своего пола. Поэтому наши, чрезвычайно напуганные, опасаясь, что бы граждане не сдѣлали на нихъ нечаяннаго нападенія, предупрежденные нѣкоторыми, знавшими о заговорѣ, кто былъ посильнѣе—одни на галерахъ, которыхъ нашли въ гавани сорокъ четыре, избѣжали злоумышленій противъ нихъ Грековъ; другіе, посадивши весь домъ на корабли, которыхъ было очень много въ гавани, ускользнули отъ опасности. А кто былъ помедлительнѣе, или оказался больнымъ и менѣе способнымъ къ бѣгству, тѣ, оставшись въ домахъ, испытали всю ярость нечестія, которой избѣжали другіе. Ибо, заготовивши тайно судно, часто поминаемый Андроникъ перевезъ въ городъ всѣ свои войска, которыя тотчасъ по прибытіи ворвались вмѣстѣ съ гражданами часть города, обитаемую нашими, избивши яростно мечами оставшійся народъ, не желавшій, или не могшій уйти, когда другіе бѣжали. И хотя среди нихъ было не много такихъ, которые могли взяться за оружіе, они однако долго сопро-

тивлялись, и побѣда надъ ними стоила много крови побѣдителямъ. И такъ, забывъ договоры и услуги, которыхъ много оказали наши имперіи, убивши тѣхъ, кто казался имъ въ состояніи противиться, Греки поджигаютъ ихъ жилища и быстро обращаютъ въ пепель всю ихъ страну, истребивши въ огнѣ женъ, дѣтей, стариковъ и больныхъ. Недостаточно было для ихъ нечестія свирѣпствовать въ мѣстахъ обыкновенныхъ, но поджигая церкви и какія-нибудь священные мѣста, они предавали пламени вмѣстѣ съ святыми зданіями и искавшихъ въ нихъ спасенія. Не дѣлали различія между чернью и клиромъ, развѣ только жесточе поступали съ тѣми, кто имѣлъ видъ служителя религіи и пользовался почестями. Монахамъ и священникамъ причиняли самыя жестокія обиды и подвергали изысканнымъ мученіямъ. Въ числѣ ихъ, схвативши почтеннаго мужа, по имени Іоанна, иподіакона святой Римской церкви, котораго государь папа отправилъ туда (въ Константинополь) по церковнымъ дѣламъ, они его обезглавили и голову его, для поруганія церкви, привязали къ хвосту нечистой собаки. Даже и мертвымъ, которыхъ обыкновенно щадить всякое нечестіе, не было покоя отъ этихъ кощунниковъ, оказавшихся хуже всякихъ убійцъ: извлеки изъ гробовъ, ихъ волочили по улицамъ и площадямъ, какъ будто они могли чувствовать наносимыя имъ оскорбленія. Придя затѣмъ въ госпиталь, называемый госпиталемъ св. Іоанна, перебили всѣхъ найденныхъ здѣсь больныхъ. А тѣ, кто по долгу благочестія долженъ былъ облегчать страданія преслѣдуемыхъ, т. е. ихъ священники и монахи, давши деньги, посылали бродягъ и убійцъ избивать, разыскивая убѣжища и тайники въ домахъ,— что бы кто-нибудь въ нихъ не укрылся, спасаясь отъ смерти; найдя и извлеки такихъ, предавали палачамъ, которымъ, что бы они не трудились даромъ, предлагали деньги за избіеніе несчастныхъ. Кто же, по ихъ мнѣнію, обращался съ ними чловѣколюбивѣе, тѣхъ они, давши убѣжище и надежду на спасеніе продавали Туркамъ и инымъ невѣрнымъ народамъ въ вѣчное рабство. Такихъ всякаго пола, возраста и положенія, говорятъ, продано было болѣе четырехъ тысячъ варварскимъ народамъ. Такъ нечестивые Греки, порожденіе ехиднъ, подобно змѣѣ, отогрѣтой на груди, или мыши въ сумѣ, отблагодарили своихъ гостей, ничего

подобнаго не заслужившихъ и ничего такого не подозрѣвавшихъ; напротивъ, они отдавали своихъ дочерей, внучекъ и сестеръ въ супруги Грекамъ и за продолжительное время совмѣстной жизни сдѣлали ихъ своими домашними и родственниками.“

Что и остальная Греція нисколько не была въ то время подчинена римскому престолу, доказательствомъ служить то, что Латиняне, успѣвшіе бѣжать изъ Константинополя, въ отмщеніе за своихъ, убитыхъ тамъ Греками, нападая на города, села и монастыри, избивая народъ, монаховъ и священниковъ, опустошили все на огромномъ пространствѣ по обоимъ берегамъ моря, начиная отъ Константинополя вплоть до входа въ Средиземное море; а затѣмъ, войдя въ это море, всѣ берега его предали также грабежу и пожару. Объ этомъ говоритъ тотъ же *Вильгельмъ* въ XIII главѣ: „однако, говорятъ, не прошло имъ (Грекамъ) безнаказанно столь великое и отъ вѣка неслыханное злодѣяніе. Ибо тѣ, которые, какъ мы раньше сказали, ушли на галерахъ, и тѣ, кто послѣдовалъ за ними потомъ на другихъ корабляхъ, имѣя съ собою значительную толпу людей, собрались довольно близко отъ города, ожидая исхода событій. Узнавши подробнѣе о мятежѣ, поднятомъ жителями города, и о томъ, что возставшіе сожгли ихъ дома, а женъ, дѣтей и всѣхъ домашнихъ частью погубили въ пожарѣ, частью избили мечемъ, они въ справедливомъ негодованіи воспылали гнѣвомъ и, желая страстно отомстить за кровь своихъ, прошли кругомъ оба берега Геллеспонта, отъ устья Понта, отстоящаго отъ Константинополя на тридцать миль, до устья моря Средиземнаго, находящагося отъ этого города въ разстояніи двухъ сотъ миль, захватывая силою города и всякія укрѣпленія, избивая всѣхъ ихъ обитателей. Нападали они также и на монастыри, расположенные на обоихъ берегахъ моря и на маленькихъ островахъ, разсѣянныхъ по этому морю, избивали мечемъ въ отмщеніе за кровь братьевъ находившихся тамъ лжемонаховъ и клятвопреступниковъ священниковъ и сожигали самые монастыри вмѣстѣ съ тѣми, кто туда убѣжалъ. Пройдя тѣсныны этого моря между Систомъ и Абидосомъ, древнѣйшими приморскими городами, они вошли въ Средиземное море, старательно обшаривая берега Фессаліи и, заходя въ города и поселенія приморскихъ областей, предавая все грабежу и пожару, произвели страшное избіеніе.“

Изъ всего этого ясно вытекаетъ, что Греки, тираннически принужденные воцарившимся у нихъ Латинянами къ уніи съ римскою церковью, когда у нихъ являлась возможность самимъ сбросить иго Латинянъ, или когда они получали свободу съ помощью своихъ земляковъ, тотчасъ, уничтоживши общеніе съ Латинянами, отказывались отъ повиновенія римскому папѣ и снова возвращались къ прежней православной вѣрѣ. Это, конечно, самымъ очевиднымъ образомъ явствуетъ изъ того, что Михаилъ Палеологъ, какъ только отнялъ Константинополь отъ Латинянъ, сейчасъ сталъ вести борьбу съ римскими первосвященниками изъ-за подчиненія церкви всей Греціи Римскому престолу, или дѣлалъ только видъ, что хочетъ бороться. Это признаютъ и сами Латиняне, и никто, кромѣ обиженного умомъ или невѣжды въ исторіи, не можетъ этого отрицать. Было-бы напраснымъ трудомъ приводить доказательства въ столь очевидномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, достаточно выяснено, что тѣ изъ Грековъ, которые признали при Иннокентіи III унію съ Латинянами, были принуждены къ тому силою и только на словахъ, безъ участія сердца, соединились съ ними. Ибо въ противномъ случаѣ зачѣмъ они, какъ только явилась возможность, съ оружіемъ въ рукахъ требовали обезпеченія свободы своей церкви, или освободившись отъ Латинянъ, сразу отказались отъ всякой уніи и стали преслѣдовать со всею ненавистью все святое для Латинянъ? Иначе почему они предпочли, нарушивши присягу въ вѣрности, данную Латинянамъ, скорѣе запятнать себя мятежомъ, чѣмъ осудить себя и своихъ на вѣчное общеніе съ Латинянами?

Далѣе, *въ четвертыхъ*, что Греки тамъ, гдѣ не принуждали ихъ Латиняне, съ ужасомъ отворачивались отъ уніи съ латинскою церковью, ясно видно изъ примѣра тѣхъ, кого Латинскіе крестоносцы не могли подчинить своей власти. Такъ извѣстно, что, когда при наступленіи уже Латинянъ Феодоръ Ласкарисъ, греческій князь, былъ объявленъ клиромъ, опасавшимся крайнихъ бѣдъ отъ крестоносцевъ, Константинопольскимъ императоромъ и убѣждалъ, не принимая впрочемъ знаковъ императорскаго достоинства, собравшійся народъ сопротивляться, то онъ ничего не добился и, видя, что уже подходятъ къ городу латинскія войска, сталъ искать спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. (*Никита Хоніатъ* въ исторіи Дуки

Алексея Мурзуфла.) Бѣжавши изъ Константинополя въ Анатолю, этотъ Ласкарисъ, привлеки на свою сторону многія области, правилъ значительнымъ государствомъ съ именемъ императора, — а когда изгнанъ былъ Константинопольскій православный патріархъ, то и онъ поселился въ Никею у того же царя Θεодора. Впослѣдствіе было много наслѣдниковъ у этого императора, и всѣ они защищали успѣшно свои области противъ тиранніи Латинянъ до того времени, когда Михаилъ Палеологъ, завоевавши Константинополь, присоединилъ это царство снова къ Греческой имперіи. Такимъ образомъ, Греки, жившіе свободно подъ своими императорами въ Анатолиі, никогда не принимали уніи съ Латинянами и не желали принимать, хотя ихъ къ тому склоняли; тогда какъ другихъ той же націи людей въ Греціи латинскіе тиранны къ тому принудили. Самъ помянутый Θεодоръ, захвативши одного латинскаго вельможу, велѣлъ снять съ него кожу, что служить доказательствомъ его ненависти къ Латинянамъ. Объ этомъ писалъ Иннокентій III патріарху Константинопольскому (реестръ XIII, стр. 149): „кромѣ того, Ласкарисъ, выдающій себя за императора, окруженный силами Латинянъ, которые, забывъ страхъ Божій и стыдъ передъ людьми, презрѣвъ также жалованье, какое могъ имъ дать ихъ настоящій императоръ, получили отъ его враговъ больше, чѣмъ онъ въ состояніи имъ платить, — Ласкарисъ захватилъ одного изъ князей императорскихъ и, какъ говорятъ, велѣлъ содрать съ него кожу.“

Затѣмъ въ 1231 году православный патріархъ Германъ, посылая изъ Никеи письмо къ папѣ по поводу жестокостей, учиняемыхъ тогда Латинянами надъ Греками (о чемъ говоритъ помянутый выше анонимный писатель въ сочиненіи „о распрѣ между Греками и Латинянами,“ приводимыхъ у Льва Аллѣтѣя въ указанномъ мѣстѣ), въ этомъ письмѣ сильно убѣждалъ папу тщательно изслѣдовать, не со стороны ли Латинянъ причина схизмы, заявляя, что онъ готовъ перенести труды и предпринять далекій путь, хотя уже старъ и немощенъ, лишь бы, наконецъ, церкви соединились въ истинномъ соединеніи, существовавшемъ при предкахъ. Находится это письмо въ XI т. Соборовъ, ч. I, столб. 318. Вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ Германъ письмо къ кардиналамъ римской церкви съ такими же предложеніями; письмо это приведено у Матѳея Па-

рижскаго въ его исторіи Англии при Генрихѣ III (стр. 615). Въ этомъ послѣднемъ письмѣ достойны примѣчанія слѣдующія слова: „одно только прибавлю и этимъ закончу: много есть великихъ народовъ, которые единомышленны съ нами; во всемъ согласны съ нами всѣ Греки. Во первыхъ, обитающіе въ первой части Востока: Эфіопы, потомъ Сирійцы и иные болѣе опасные и храбрые, какъ-то: Иверы, Лазы, Аланы, Готы, Хазары, безчисленное племя Руссовъ и славные побѣдами Болгары. И всѣ они повинуются нашей церкви, какъ матери, пребывая до сихъ цорь непоколебимо въ древнемъ православіи.“ Изъ этого опять-таки становится очевиднымъ, что въ особенности Греки, жившіе подъ своими законами, тогда не соглашались на унію съ Латинянами. Въ своемъ отвѣтѣ Герману папа Григорій только Грековъ считаетъ повинными въ схизмѣ, пространно убѣждая, что бы онъ возвратился въ непогрѣшимую церковь римскую. Письмо этого папы находится въ XI т. Соборовъ, ч. I, столб. 321.— Папа не удовольствовался письмомъ, а прислалъ и легатовъ заняться уніею церковей. Данныя имъ грамоты находятся въ VI т. Соборовъ, ч. I, столб. 324. Акты этого посольства записали сами легаты. Они существуютъ между рукописями Ватиканской бібліотеки; отрывки ихъ помѣстилъ въ своемъ продолженіи Баронія *Одерикъ Райнальдъ* подъ 1232 г.: „когда легаты папы стали разслѣдовать, какія причины раздѣлили схизмою Востокъ отъ Запада, то, составивши совѣтъ (говорятъ акты), они дали такой отвѣтъ: говоримъ, что двѣ причины. Одна — ученіе объ исхожденіи Св. Духа; другая—о таинствѣ на алтарѣ. На это мы отвѣтили: если эти причины, а не другія, то почему вы уклонились отъ повиновенія римской церкви? Посмотримъ, служить ли это достаточною причиною, или должно служить достаточною причиною такого неповиновенія. Потомъ по прошествіи двухъ дней, спорили въ императорскомъ дворцѣ объ исхожденіи Св. Духа и о томъ, позволительно ли Латинянамъ что нибудь прибавить къ символу. Затѣмъ, легаты заявили, что имъ слѣдуетъ перейти ко второму вопросу—объ опрѣсноксахъ. Но патріархъ Германъ сталъ настаивать, что нужно собрать Соборъ восточныхъ епископовъ, что нельзя безъ согласія другихъ патріарховъ что-нибудь въ такомъ трудномъ дѣлѣ изслѣдовать, или опредѣлять. Когда былъ собранъ Соборъ восточ-

ныхъ епископовъ, легаты стали настаивать, что бы подвергнуть былъ обсужденію вопросъ о таинствѣ евхаристіи, но Соборъ пожелалъ сперва заняться вопросомъ объ исхожденіи Св. Духа. На это послы папы замѣтили: видимъ, что вы тянете, стараетесь замаять нашъ вопросъ и не смѣете исповѣдать вашу вѣру. Съ этихъ поръ наше сердце открыто будетъ для васъ на нашихъ устахъ и мы будемъ заявлять все, что думаемъ о васъ. Мы уже взвѣсили, что вы неправильно мыслите о таинствѣ на опрѣсноксахъ, во первыхъ, изъ писаній вашихъ, которые наполнены ересью; во вторыхъ, потому что вы не смѣете отвѣчать на предложенный вопросъ о таинствѣ, что бы не открылась ересь ваша; въ третьихъ, потому что дѣла ваши это доказываютъ: ибо вы обмываете жертвенники ваши послѣ того, какъ на нихъ служилъ латинянинъ; въ четвертыхъ, потому, что вы принуждаете Латинянъ, приступающихъ къ вашимъ таинствамъ отрекаться (отъ своей вѣры) и отвергать таинства римской церкви; въ пятыхъ, потому, что государя папу вы выбросили изъ вашихъ диптиховъ, а мы знаемъ, что вы не выбрасываете никого, кромѣ отлученныхъ отъ общенія и еретиковъ; въ шестыхъ, потому что разъ въ году вы его отлучаете, какъ намъ сообщили нѣкоторые, это слышавшіе. При этомъ всталъ хартофилаксъ, опровергъ, что восточные отлучаютъ папу и прибавилъ: на счетъ иного, что мы дѣлаемъ, не удивляйтесь, потому что ваши Латиняне, взявши Константинополь, разломали церкви, разрушивши алтари, забравши золото и серебро, побросали въ море останки святыхъ, топтали ногами иконы святыхъ и изъ храмовъ сдѣлали конюшни, такъ что исполнилось пророчество: Боже, прими язычники въ наслѣдіе Твое, осквернили святой храмъ Твой. Когда это было сказано, патріархъ замѣтилъ: если вы удивляетесь, что мы исключили папу изъ диптиховъ, то скажите: зачѣмъ онъ меня исключилъ изъ своихъ диптиховъ? Послы папы на это отвѣтили: государь папа никогда тебя не исключалъ изъ своихъ диптиховъ, потому что тебя тамъ и не было: но если бы вы забрали справки о предшественникахъ вашихъ, то узнали бы, пана ли васъ, или вы раньше его исключили. Относительно другого, въ чемъ вы упрекаете римскую церковь, упреки ваши ничего не значатъ, такъ какъ это сдѣлано было безъ согласія или предписанія римской церкви, а если

это было сдѣлано, то сдѣлали свѣтскіе люди, грѣшники, отлученные, совершившіе подобные поступки по своей волѣ, и не слѣдуетъ ставить въ вину всей церкви того, что совершенно нѣкоторыми нечестивцами. Но то, что мы говоримъ о васъ, — вѣрно, и это мы свидѣтельствуемъ словомъ и дѣломъ. И это дѣлаютъ прежде всего ваши патріархи и архіепископы, а потомъ епископы и другіе предстоятели вашей церкви; вы это дѣлаете и учите, что это такъ быть должно, поэтому вы не имѣете извиненія въ грѣхахъ вашихъ. И такъ какъ мы нашли столько мерзостей у васъ и вы не имѣете никакого желанія исправить то, въ чемъ до сихъ поръ заблуждались, то мы и воротимся къ тому, кто насъ послалъ. — Изъ этихъ словъ, конечно, до очевидности ясно, что эти восточныя церкви ни въ то время, ни раньше не принимали общенія съ Латинянами, а напротивъ, всеми способами отъ него уклонялись.

Акты этого посольства записалъ также и *Центій Камерарій*; находятся они въ Ватиканской библиотекѣ; есть они у Ваддингга въ лѣтописяхъ Миноритовъ и въ т. XI Соборовъ, часть I, столб. 460. Между прочимъ въ нихъ сообщается, что Латиняне и Греки согласились между собою — представить письменное изложеніе — первые своего исповѣданія объ исхожденіи Св. Духа, а вторые — объ опрѣснокахъ. „Наконецъ, говорятъ акты, когда среди споровъ патріархъ съ предстоятелями стали подписывать, а особенно выше-сказанный архіепископъ Самастріи (вѣроятно, Амастріи), — что всякій, кто утверждаетъ, что можно совершать таинство на опрѣснокахъ, — еретикъ и идетъ путемъ погибели, то пришли къ соглашенію, что-бы Греки свои взгляды относительно матеріала для таинства, а легаты свои мнѣнія относительно исхожденія Духа Св. изложили письменно и написанное представили.“ Поэтому Греки составили записку объ опрѣснокахъ, находящуюся въ XI т. Соборовъ, ч. I, столб. 461, — а Латиняне такую же объ исхожденіи Св. Духа, которая по-латыни помѣщена тамъ же, столб. 326, а по гречески въ т. XI Соборовъ, ч. II столб. 2336. Послѣ этого императоръ, позвавши пословъ паны, заявилъ имъ, что унія можетъ состояться, если Латиняне вычеркнутъ прибавку къ символу; тогда и Греки согласятся, что таинство можно совершать на опрѣснокахъ. Но легаты рѣшительно отвергли эти условія; мало того, объявили, что

только тогда можетъ быть заключена унія, если Греки, осудивши догматъ исхожденія Духа Св. отъ Одного только Отца, сожгутъ всѣ книги, написанные объ этомъ догматѣ. Услыхавши это, восточные воспылали гнѣвомъ и стали стараться, какъ бы опять опровергнуть и разубѣдить легатовъ. Такъ (разсказываютъ акты посольства — т. XI Соборовъ, ч. I, столб. 463) отвѣтили легаты императору: „смѣло и открыто заявили послы, что хотя онъ мужъ добрый и хорошій, какъ пишутъ, въ другихъ отношеніяхъ и очень желаетъ единенія, но онъ находится въ заблужденіи; и пусть онъ знаетъ, что римская церковь ни за какую выгоду, или пріобрѣтеніе какой угодно огромной епархіи не измѣнитъ ни одной іоты, ни одной черточки въ своей твердо обоснованной вѣрѣ, и никоимъ инымъ образомъ не соединится съ Греческою, какъ только если послѣдняя, отвергнувши и осудивши свои заблужденія, въ особенности относительно исхожденія Св. Духа, осудитъ и предастъ огню всѣ книги, въ которыхъ это ученіе доказывалось или излагалось. Что же касается служенія на квасномъ хлѣбѣ, то греческая церковь изъ-за этого не отвергается и не осуждается латинскою и послѣдняя не должна быть осуждаема изъ-за опрѣсниковъ, такъ какъ позволительно каждой служить на томъ и другомъ хлѣбѣ.“ Акты прибавляютъ: „слыша это, императоръ упалъ духомъ, теряя всякую надежду на унію, потому что зналъ крайнее упорство своихъ, которыхъ вслѣдствіе чрезвычайнаго предпочтенія своего мнѣнія никоимъ образомъ, ни просьбами нельзя было довести до того, чтобы они уступили намъ, или разстались съ глубоко укоренившимися мнѣніями. Онъ убѣдился въ этомъ на слѣдующій день на самомъ дѣлѣ, передавъ свой разговоръ съ легатами. Греки такъ были взволнованы и возмущены, что, поднявши сильный шумъ, закричали на пословъ и вошли между собою въ тайное противъ нихъ соглашеніе, что бы ихъ избланичить и смутить.“ Когда послѣ того состоялось собраніе, было прочитано исповѣданіе вѣры относительно исхожденія Св. Духа, переданное восточнымъ легатами. Послѣ прочтенія восточные еще болѣе начали оспаривать мнѣніе Латинянъ. Патріарху едва удалось успокоить народъ, возбужденный новизной ученія. Наконецъ, послы папы спросили: „вѣруете ли, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына?“ Устами всѣхъ отвѣчаетъ одинъ патріархъ: „вѣруемъ,

что Онъ отъ Сына не исходитъ.“ Тогда они, „и такъ, вы подлежите анаѳемѣ, ибо Кириллъ осуждаетъ отрицающаго, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына.“ При этомъ восточные, возбужденные негодованіемъ противъ такого безстыднаго отвѣта, закричали, что всѣ, кто учитъ, будто Духъ Св. исходитъ отъ Сына, вмѣстѣ съ самими легатами—еретики и осуждены. Акты такъ излагаютъ это дѣло (у Вадингга и въ приведенномъ томѣ Соборовъ, столб. 464): „объявили въ среду третьей недѣли послѣ Пасхи, что бы на слѣдующій день, въ четвергъ, приходили на Соборъ для его закрытія. И уже казалось не нужнымъ собирать другой Соборъ. Когда они (легаты) явились, то нашли толпу собравшеюся; при открытыхъ дверяхъ сидѣлъ патріархъ въ атриумѣ; здѣсь же собрался Соборъ, какъ въ самой огромной залѣ. Когда они сѣли, патріархъ сказалъ громкимъ голосомъ въ присутствіи всѣхъ: пока была надежда на унию, мы желали вамъ всякаго мира, выражали всякую любовь; теперь же, обманувшись въ надеждѣ, не знаемъ что дѣлать. Вы представили намъ изложеніе вашей вѣры о Духѣ Св., желаете, что бы мы сообщими его племенамъ, народамъ и епархіямъ нашимъ. Мы соглашаемся, если вамъ угодно въ вашемъ присутствіи здѣсь прочитатъ. Когда они отвѣтили, что имъ это угодно и что никто больше ихъ не желаетъ, что бы вездѣ было распространено и прочитано истинное ученіе римской церкви, тотчасъ одинъ изъ старыхъ совѣтниковъ прочелъ цѣликомъ опредѣленіе пословъ. Послѣ этого Греки въ опроверженіе прочитаннаго и въ пользу своего мнѣнія привели нѣкоторыя мѣста изъ св. Отцовъ.— Когда вслѣдъ затѣмъ поднялся ропотъ и большое волненіе въ народѣ, патріархъ рукою и голосомъ приказалъ замолчать, такъ какъ послы выразили страхъ передъ необузданною и мятежною толпою. Однако когда она успокоилась и шумъ прекратился, апокрисиаріи (послы) сказали громко: вѣруете ли, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, или нѣтъ? За всѣхъ отвѣтилъ патріархъ: вѣруемъ, что отъ Сына не исходитъ. Тогда они замѣтили: но если Кириллъ, предсѣдательствовавшій на III Соборѣ, предастъ анаѳемѣ всѣхъ, кто въ это не вѣруетъ,—значитъ вы состоите подъ анаѳемою. Вы также вѣруете и говорите, что тѣло Христа не можетъ совершаться на опрѣсникахъ, но и это—еретическое утвержденіе.—Возбужденные такимъ рѣзкимъ

осужденіемъ ихъ ученія, Греки закричали, что апокрисиаріи, упорные послѣдователи высказанныхъ ими мнѣній,—еретики и подлежатъ отлученію.“

Такъ кончился Соборъ. Легаты, опасаясь насилій со стороны толпы, исходатайствовавши себѣ отпускъ у императора, пустились въ путь. Акты такъ продожаютъ: „когда поднялось большое волненіе и шумъ, апокрисиаріи удалились, опасаясь за себя; и прежде чѣмъ стали обѣдать, настойчиво просили императора дать имъ позволеніе возвратиться, видя, что они ничего не могутъ достигнуть и что не осталось никакой надежды склонить людей жестоковѣрныхъ и упорныхъ въ своихъ заблужденіяхъ. И такъ, получивши позволеніе (при этомъ императоръ жалѣлъ, что дѣло осталось невыполненнымъ и что дошло до споровъ и волненія), рано утромъ слѣдующаго дня—въ субботу отбыли изъ Нимфеи.“

Затѣмъ отправлены были Соборомъ послы, что бы отдать легатамъ представленное ими Собору исповѣданіе вѣры объ исхожденіи Св. Духа и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовать обратно исповѣданіе Собора объ опрѣсникахъ. Легаты заупрямились и отказались возвратитъ послѣднее. Тогда посланные Соборомъ наложили анаѣму на всякаго, кто станетъ показывать имъ дорогу, или вообще какимъ бы то ни было образомъ станетъ имъ помогать. Побуждаемые упорствомъ, они начали путь одни, но, заблудившись и страшась за свою безопасность, воротились, наконецъ, въ городъ. Исторгнувши у легатовъ исповѣданіе объ опрѣсникахъ, передали имъ другое—объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца, одобренное Соборомъ для сообщенія папѣ. Акты такъ описываютъ эти обстоятельства: „патріаршіе вѣстники заявили, что они посланы Соборомъ возвратитъ апокрисиаріямъ исповѣданіе или опредѣленіе вѣры относительно исхожденія Св. Духа, представленное послѣдними, а также потребовать у нихъ то, которое вручили имъ Греки относительно таинства евхаристіи. Апокрисиаріи отвѣтили, что они затѣмъ дали свое опредѣленіе, что бы оно оставалось въ напоминаніе вѣры и ученія римской церкви и что бы всѣ греческія церкви знали, какъ должно вѣровать и учить объ этомъ членѣ вѣры. Ваше же, сказали они, писаніе относительно таинства алтаря мы хотимъ унести съ собою, что бы латинской церкви и святѣйшему

государю папѣ было точнѣе извѣстно, въ какомъ вы находитесь заблужденіи, и что вы не желаете отъ него отстать. Посланные однако настаивали два дня на возвращеніи записки; когда же не могли ее вытребовать, наложили отлученіе на всѣхъ спутниковъ и проводниковъ аднокрисіаріевъ, запретивши подъ страхомъ анаемы служить имъ или помогать. Наконецъ, получивши, что желали, стали говорить съ ними ласково и отпустили ихъ съ миромъ, давши имъ письмо патріарха Никейскаго или Константинопольскаго, а также антїохійскаго, или вѣрнѣе всего Собора, въ которомъ излагаютъ свое ложное ученіе объ исхожденіи Св. Духа, приведя множество—до тошноты изреченій св. Отцовъ.“ Вслѣдъ за тѣмъ приводится въ указанномъ мѣстѣ пространная записка объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца. Его подписалъ хартофилаксъ слѣдующимъ образомъ: „Я, хартофилаксъ великой Божіей церкви Константинопольской Авлинъ, подписалъ настоящую записку нашего исповѣданія и вѣры по приказанію святѣйшихъ патріарховъ, какъ вселенскаго, такъ и города Божія великой Антіохіи и по внушенію святого Собора.“ Существуетъ это исповѣданіе на греческомъ языкѣ въ Вѣнской бібліотекѣ въ LXIV кодексѣ, —въ Греческомъ богословскомъ манускриптѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ Петръ Ламбецій въ III кн. комментаріевъ о Вѣнской бібліотекѣ, стр. 118. Есть оно и въ Ватиканской бібліотекѣ, по свидѣтельству Льва Аллятїа въ II кн. его „согласія церквей“, гл. XIV, ном. III.

Но и впоследствии тотъ же Германъ издалъ сочиненіе противъ ересей Латинянъ, именно противъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. Находится оно въ помянутомъ Вѣнскомъ кодексѣ, по свидѣтельству того же Ламбеція въ указанномъ мѣстѣ стр. 121, и озаглавлено: обзорѣніе (σύνοψις) свидѣтельствъ св. Писанія и св. Отцовъ противъ ересей и заблужденій Латинянъ относительно исхожденія Св. Духа отъ Сына, опрѣсниковъ, крещенія, взятыхъ изъ отвѣта Германа патріарха на посланіе папы Григорія IX. Но кромѣ этого, еще и другое сочиненіе издалъ Германъ объ исхожденіи Св. Духа. Тутъ онъ также собралъ всѣ изреченія какъ восточныхъ, такъ и латинскихъ Отцовъ, переведя послѣднія на Греческій языкъ, въ

защиту исхожденія Св. Духа отъ Одинаго только Отца, присоединивши *ἐπιστασίαι* ¹⁾, о чемъ свидѣтельствуеъ Левъ Алматій въ указанномъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, напрасны были до сихъ поръ всѣ попытки Григорія IX установить унію Латинской церкви съ Греческою, на что онъ и самъ жалуется въ посланіи къ Фридриху (кн. XI посланій, посланіе ССССХШ), и отсюда довольно ясно, насколько восточныя церкви и до того, и въ это время были противны уніи.

Опять таки: когда въ 1249 г. снова зашла рѣчь объ уніи восточной церкви съ римскою, то она принималась восточными только на такихъ условіяхъ: пусть папа поминается на литургіи; Латиняне не должны помогать завоевателямъ Константинополя; изъ символа должна быть исключена прибавка; въ прочихъ же мѣстахъ можетъ быть удержана и читаться.—*Пахимеръ* въ V кн. своей исторіи, гл. XII говоритъ: „приводилъ (императоръ Михаилъ Палеологъ) со словъ окружавшихъ его примѣры изъ исторіи, въ особенности примѣръ императора Дуки Іоанна и бывшихъ тогда архіереевъ вмѣстѣ съ патріархомъ Мануиломъ, что они согласились и обѣщали, пославши даже епископовъ заключить такой договоръ: они будутъ сообщаться съ Латинянами въ святой литургіи и будутъ на ней поминать папу, лишь бы только онъ отказался помогать Латинянамъ, занявшимъ городъ. Для доказательства былъ принесенъ въ засѣданіе церковный свитокъ, въ которомъ это было записано. Императоръ разсуждалъ объ этомъ фактѣ, сравнивая тогдашнее положеніе вещей съ настоящимъ; выставлялъ также написанныя и скрѣпленныя печатью мнѣнія объ этомъ патріарха того времени, которыя заставляли признавать основательными и считалъ какъ бы собственными тѣхъ, кто въ этомъ мѣстѣ теперь находился, и въ нихъ приказывалъ обратить вниманіе на слѣдующее: что означенные Отцы рѣшительно воздерживаются отъ обвиненія Итальянцевъ въ нечестіи или въ ереси изъ — за прибавки, сдѣланной въ символѣ, которую требовали исключить только изъ символа, соглашаясь, что бы въ другихъ писаніяхъ она оставалась и читалась, какъ и прочее.“
Поэтому когда около этого времени умеръ папа Иннокентій ²⁾, то

¹⁾ Распоряженія

²⁾ Имѣется въ виду здѣсь Иннокентій не III, а IV, возшедшій на папскій престолъ въ 1243 г.; преемникомъ его сталъ въ 1244 г. Александръ IV.

его преемникъ Александръ, услыхавши объ этихъ условіяхъ уніи, никоимъ образомъ не захотѣлъ принять ихъ всѣ, заявляя, что нужно собрать вселенскій соборъ, что бы тѣмъ удобнѣе достигнуть соединенія церквей. Онъ сообщилъ это преемнику Іоанна Дуки Θεодору Ласкарису, отправивши къ нему легата (у Вадингга въ лѣтонисяхъ Миноритовъ подъ 1256 г.). Тогда Θεодоръ написалъ двѣ рѣчи объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного только Отца противъ Латинянь, но свидѣтельству Льва Аллатія (II кн. „согласія церквей“, гл. XIV.) Такимъ образомъ и изъ этого видно, что нужно думать объ уніи, которая, по словамъ Латинянь, была будто бы почти заключенной при Іоаннѣ Дукѣ. Ибо если эта унія заключалась только въ поминаніи папы на богослуженіи съ тѣмъ однако, что бы Латиняне уничтожили прибавку къ символу, то, конечно, справедливо, что восточные должны были согласиться на такую унію. Ибо двѣ вещи главнымъ образомъ раздѣляютъ церкви: прибавка къ символу и папская тираннія, и потому-то папа и не захотѣлъ принять указанныя условія уніи. *Влеммидъ*, который тогда писалъ въ защиту Латинянь, ничего противъ этихъ Латинскихъ особенностей не возражаетъ. Но вѣдь и ученые не свободны отъ заблужденій; не разъ самые ученые люди были изобрѣтателями и защитниками ересей. Слѣдовательно, что за доказательство правильности догмата, что такой-то ученый мужъ за него стоялъ? Притомъ же, сами Греки соединились съ Михаиломъ Палеологомъ для изгнанія изъ Константинополя Латинянь и латинскаго богослуженія; между тѣмъ впоследствии Михаилъ Палеологъ хлопоталъ, или дѣлалъ видъ, что хлопочетъ о приведеніи ихъ къ повиновенію римской церкви, о чемъ было сказано выше.

Наконецъ, *въ пятыхъ*, даже въ странахъ Сиріи и Палестины Греки тайно, или открыто боролись съ утвердившимися тамъ свое господство Латинянами, а если выказывали повиновеніе, то дѣлали это на словахъ, а не отъ сердца. Поэтому *Іаковъ Витріакскій*, латинскій епископъ города Аккона ¹⁾ въ Сиріи, въ LXXIV гл. своей исторіи Іерусалима (т. I исторіи Востока, изданной въ Анноніи въ 1611 стр. 1090), говоря о Сирійцахъ, замѣчаетъ: „обы-

¹⁾ Въ древности городъ этотъ назывался Птолеманда, теперь Акра. *Іаковъ* умеръ ок. 1244.

чая и установленія Грековъ въ богослуженіи и другихъ священныхъ дѣйствіяхъ Сирійцы соблюдаютъ вполнѣ и повинуются имъ, какъ своимъ старѣйшинамъ; а латинскимъ прелатамъ, въ епархіяхъ которыхъ живутъ, не сердцемъ, а только на словахъ и по внѣшности притворно повинуются, конечно, изъ страха передъ свѣтскими владыками. Они имѣютъ своихъ Греческихъ епископовъ и нисколько не боятся отлученія и какихъ-нибудь иныхъ приговоровъ со стороны Латинянъ, лишь бы только наши міряне не отказывались отъ общенія съ ними при заключеніи договоровъ и въ другихъ сдѣлкахъ. Между собою они говорятъ, что Латиняне всѣ отлучены отъ церкви, поэтому и не могутъ связать кого бы-то нибыло какимъ-нибудь приговоромъ. Ибо на Никейскомъ соборѣ, однимъ изъ четырехъ главныхъ Соборовъ, признаваемыхъ церковью безъ возраженія, какъ четыре Евангелія, на которомъ было СССХVІІІ епископовъ, между прочимъ было сказано и опредѣлено, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и, наконецъ, всѣ, кто что-нибудь къ этому Собору прибавитъ, или убавитъ, были объявлены подлежащими анаѳемѣ.“ И далѣе: „поэтому какъ Греки, такъ и Сирійцы, обманутые жалкимъ образомъ на счетъ символа, составленнаго св. Отцами на Никейскомъ Соборѣ, не признаютъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына.“ И наконецъ черезъ нѣсколько строкъ: „какъ Греки такъ и Сирійцы, какъ сказано раньше, всѣхъ Латинянъ считаютъ отлученными.“ То же утверждаетъ и венеціанецъ *Маринъ Сануть Торселла* въ Ш кн. своего сочиненія: „тайные вѣрные кресту“ ¹⁾ (ч. VІІІ, т. II восточной церкви, стр. 182). Говоря также о Сирійцахъ, онъ сообщаетъ: „они соблюдаютъ обычаи и уставы Грековъ, какъ своихъ предковъ; латинскимъ же архіереямъ, въ епархіяхъ которыхъ проживаютъ, повинуются притворно, не чистосердечно, изъ страха передъ свѣтскою властью. Поэтому не боятся и ихъ отлученій, или боятся лишь настолько, на сколько эти отлученія удаляютъ отъ сношеній и сдѣлокъ съ вѣрными. Ибо они утверждаютъ, какъ было сказано, что всѣ Латиняне подлежатъ приговору отлученія, а потому и не могутъ налагать отлученія.“ Авторъ „прибавленія къ священнымъ войнамъ“ (т. VІ древнихъ чтеній

¹⁾ Книгу эту посвятилъ Сануть папѣ Іоанну XXII въ 1321 г.

Канизія, стр. 265) также говоритъ: „имѣють Сирійцы собственныхъ епископовъ Грековъ, надъ отлученіями Латинянъ трунить и насмѣхаются, говоря, что они сами находятся подъ вѣчнымъ отлученіемъ. Точно такъ же, подобно Грекамъ, они колеблются относительно Св. Троицы, говоря, что Духъ Св. отъ Сына не исходитъ, а только отъ Отца. И такъ какъ и Греки, и Сирійцы считаютъ Латинянъ отлученными, то жертвенники свои, на которыхъ служили Латиняне, они, прежде чѣмъ самимъ служить на нихъ, обыкновенно обмываютъ; нашимъ тайнствамъ не воздаютъ никакого почтенія. Поэтому при папѣ Иннокентіи III патріархъ Антіохійскій вмѣстѣ съ своими клириками за то, что противился Латинянамъ, былъ папскимъ легатомъ отлученъ. Однако онъ былъ снова возвращенъ на свою кафедру вмѣстѣ съ остальными Греками армянскимъ царемъ, изгнавшимъ также Латинянъ и изъ другихъ мѣстъ и возстановившимъ Грековъ. Иннокентій упрекаетъ этого армянина въ посланіи къ нему (посланіе II, регистръ XVI, стр. 521) слѣдующимъ образомъ: „ты уже и раньше (о чемъ названный патріархъ, желая добромъ побѣдить зло, до сихъ поръ молчалъ) покушался дѣлать то, чѣмъ, ты зналъ, что оскорбляешь немало не только апостольскій престолъ, но и того, кто установилъ мать и учительницу всѣхъ церквей. Ибо когда достопочтенный братъ нашъ патріархъ Иерусалимскій, легатъ апостольскаго престола, счелъ нужнымъ по особенному нашему приказанію и по требованію справедливости низложить нѣкоего, называющаго себя патріархомъ Антіохійскимъ, и наложилъ отлученіе на всѣхъ, кто станетъ относиться къ нему, какъ патріарху,—ты, не взирая на это, не безъ обиды для апостольскаго престола, принялъ его и безразсудно сталъ почитать, какъ патріарха. Притомъ когда выборный отъ Тарса устранился, въ то время какъ часто поминаемый патріархъ надѣялся, какъ ты ему обѣщалъ, что тамъ будетъ установленъ архіепископъ, ты въ святотатственномъ самоуправствѣ раздѣливавши доходы и поля, принадлежавшія этой церкви между своими воинами и изгнавши изъ нея всѣхъ латинскихъ клириковъ, осмѣлился опредѣлить въ нее нѣкоторыхъ Грековъ.“

Патріархъ Германъ относительно Сирійцевъ и другихъ восточныхъ народовъ въ своемъ посланіи къ кардиналамъ заявляетъ, что они связаны общеніемъ съ нимъ и его церковью, а не съ церковью-

римскою. Мы уже приводили отрывокъ изъ этого посланія, гдѣ онъ говорить: „одно только прибавлю и этимъ закончу,—что много великихъ народовъ съ нами единомысленны и во всемъ согласны съ нами Греками. Во первыхъ, тѣ, которые населяютъ первую часть Востока—эфіоны, затѣмъ Сирійцы и иные, болѣе опасные и воинственные, именно: Иверы, Лазы, Аланы, Готы, Хазары, безчисленное племя Руссовъ и царство побѣдоносныхъ Болгаръ. Всѣ они повинуются, какъ матери, нашей церкви и пребываютъ до сихъ поръ непоколебимо въ древнемъ православіи.“ Мы видѣли также, что на Нимфейскомъ Соборѣ въ 1233 году присутствовалъ патріархъ Антиохійскій и вмѣстѣ съ Германомъ боролся противъ Латинянъ. При этомъ, когда въ 1237 г. Филиппъ, провинціалъ ордена Миноритовъ въ святой землѣ, писалъ письмо папѣ, то между прочимъ въ немъ говорилъ (у Матѳея Парижскаго въ исторіи Англии при Генрихѣ Ш, стр. 590): „когда всѣ указанные выше народы принимаютъ наше ученіе о Троицѣ и внимаютъ нашимъ проповѣдямъ, одни Греки въ своемъ лукавствѣ упорствуютъ, вездѣ скрыто, или явно римской церкви противорѣчать, всякую святыню нашу хулятъ и всякое ученіе, чуждое ихъ ученію, называютъ неправильнымъ и еретическимъ.“

Въ 1238 г. патріархъ Антиохійскій съ согласія Германа, патріарха Константинопольскаго, предалъ анаѳемѣ папу со всею римскою церковью. Между прочимъ онъ при этомъ заявилъ, что его церковь стоитъ выше римской, ибо Петръ прежде всего семь лѣтъ правилъ ею, пользуясь тутъ всѣми почестями, чего въ Римѣ ему не было оказано; притомъ римская церковь запятнала себя симоніей и другими пороками. Такъ рассказываетъ объ этомъ тотъ же Матѳей (въ указанномъ мѣстѣ, стр. 644): „около того же года до такой дерзости и безразсудства дошелъ архіепископъ Антиохійскій, съ согласія Константинопольскаго архіепископа Германа, заступника Грековъ, что, объявивши себя антипапою, государя папу со всею его римскою церковью и дворомъ отлучилъ подъ видомъ не существующей власти и, богохульствуя, сталъ торжественно заявлять, что онъ и его церковь по времени и по достоинству стоятъ выше государя папы и римской церкви; что его церковь превосходитъ римскую, потому что блаженный апостоль Петръ сначала правилъ съ великою честью Антиохійскою церковью, былъ окруженъ тамъ

въ теченіи семи лѣтъ приличествующимъ ему почетомъ и также съ почетомъ поставленъ на кафедрѣ. Въ Римѣ же ему пришлось испытать не разъ обиды и оскорбленія; наконецъ, пострадавши вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по апостольству св. Павломъ, преимущественнымъ учителемъ Грековъ, тутъ претерпѣлъ онъ страшную казнь. Поэтому по справедливости нужно считать этотъ городъ (Антиохію) и окружающую его страну вмѣстѣ съ ихъ гражданами и со всѣми обитателями, какъ оказавшіе почетъ и уваженіе, любезнѣе и милѣе блаженному апостолу Петру, чѣмъ тотъ городъ и страна, которые причинили ему безчестіе и муки. И власть свободно вязать и разрѣшать Петръ скорѣе предоставилъ церкви греческой, чѣмъ римской, которая, какъ извѣстно, уже тогда погрязла въ симоніи, ростовщичествѣ, жадности и другихъ порокахъ. Такими и иными поверхностными разсужденіями означенный антипапа закрылъ на погибель себѣ свои раны и оправдывалъ свои грѣхи. Но столпъ церкви, государь папа, истинный преемникъ блаженнаго апостола Петра, хотя и не точный подражатель, не возмутился, оставляя всякое возмездіе до времени воздаянія.“

Наконецъ, и въ 1247 г., говорятъ, римскій папа пытался чрезъ своихъ эмиссаровъ привести къ повинновенію римской церкви Грековъ, находившихся подъ духовнымъ управленіемъ патріарховъ Антиохійскаго и Іерусалимскаго (у Вадингга, въ лѣтописяхъ Миноритовъ, подъ этимъ годомъ.)

И такъ, изъ сказаннаго достаточно выясняется, что восточные, гдѣ только можно было, избѣгали уніи съ Латинянами, или о ней вовсе не думали; тѣ же, которые принуждены были къ ней насиліемъ, получивши свободу, добытую съ оружіемъ въ рукахъ, или полученную отъ другихъ, единодушно отъ этой уніи отказывались, такъ какъ до того времени исповѣдывали ее только устами, а не сердцемъ. Слѣдовательно, какъ же унія, навязанная при Иннокентіи III Греціи, могла помочь Латинянамъ, или повредить Грекамъ? Конечно, изъ того, что часть католической церкви находится въ угнетеніи, подобномъ тому, какое нѣкогда совершено было Аріанами, не слѣдуетъ, что можно обвинять католическую вѣру въ лживости. Съ этимъ всякій согласится.

Что касается выставленнаго выше возраженія, что нѣкоторые цари искали всякой уніи съ римской церковью по своей охотѣ, то это рѣшительно не противорѣчитъ истинности православія. Мы съ нихъ не снимаемъ вины за это, но говоримъ что они сами заблуждались. Притомъ они приведены были къ этой уніи не доказательствами, не убѣжденіями, не побужденіями совѣсти, а человѣческими соображеніями, желаніемъ возстановить свою власть, или получить королевскій титулъ. Кто руководствуется такими побужденіями, развѣ не можетъ очень часто стать на ложный путь и вовлечь другихъ въ ложное положеніе? Конечно, правило нашей вѣры и общенія съ другими заключается не во временной пользѣ, не въ выгодѣ, не въ чести, не въ славѣ, но въ одномъ священномъ Писаніи, понимаемомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ всегда изъясняла его католическая церковь. Поэтому, если кто въ разрѣшеніи разногласій въ вѣрѣ не сдѣдуетъ этому истинному правилу, что удивительнаго, что онъ попадаетъ на ложную дорогу? Въ самомъ дѣлѣ, сынъ Исаака Ангела обѣщаль Латинянамъ вступить съ ними въ общеніе и принять ихъ богослуженіе не по иной какой причинѣ, а только потому, что хотѣлъ съ ихъ помощью возвратить отцовскій престолъ, отнятый дядею. Ибо крестоносцы иначе не подали бы ему надежды на помощь, такъ какъ обязались клятвою отправиться прямо въ Палестину. А Валахскаго князя стремиться къ уніи побуждалъ блескъ королевской короны, которую онъ думалъ легко получить отъ папы, принявъ унію. Поэтому онъ вездѣ въ своихъ письмахъ намекаетъ, проситъ, старается черезъ другихъ дѣйствовать на папу, что бы тотъ послалъ ему королевскую корону. Такъ въ посланіи къ папѣ (между актами Иннокентія стр. 50) онъ говоритъ: „наше государство желаетъ отъ апостольскаго престола, что бы мы были утверждены въ римской церкви, какъ сыновья у матери. Въ особенности мы добиваемся отъ римской церкви, какъ любезный сынъ, короны и чести, сообразно съ тѣмъ, чѣмъ пользовались наши древніе императоры. Одинъ изъ нихъ былъ Петръ, другой Самуилъ, и иные, предшествовавшіе имъ во власти,—о чемъ мы нашли извѣстіе въ нашихъ книгахъ.“ *Василій*, архіепископъ Болгарскій, въ посланіи къ папѣ (акты Иннокентія, стр. 51) также пишетъ: „поэтому всѣ наши—малые

и большіе, какъ добрые сыновья, просимъ васъ, какъ добраго отца, что бы нашъ государь императоръ получилъ отъ васъ просимое: ибо онъ достоинъ это получить, такъ какъ самъ и государство его питаютъ благоговѣніе къ Римской церкви, какъ наслѣдники, происходящіе отъ римской крови. “ Въ другомъ письмѣ Валашскій князь опять пишетъ папѣ (тамъ же стр. 55): „инога прошу твое святѣйшество прислать кардинала въ это государство и что бы онъ пришелъ ко мнѣ, или инога кого отъ апостольскаго престола, и дай ему діадему и скипетръ съ благословеніемъ апостольскаго престола и князя апостоловъ. И пришли также привилегію, припечатанную золотою печатью, чтобы копія съ нея всегда хранилась въ церкви города Триноніи ¹⁾. И пусть все это дадутъ нашему государству, освятятъ и вѣнчаютъ мою державу именемъ твоего святѣйшества. И пусть позаботятся теперешній нунцій епископъ Бландизиберенскій Власій, чтобы могъ донести что-нибудь за собственною подписью. И если все это исполнить твое святѣйшество, то я буду думать по мудрости моей державы и всѣхъ Болгаръ и Валаховъ, что они — возлюбленные сыны святой римской церкви. “ Такимъ образомъ, одна только корона королевская подстрекала Валаха къ уніи, — онъ видѣлъ, что она блистала на головахъ его предковъ. А Василій, Болгарскій архіепископъ, хлопоталъ объ уніи ради полученія отъ папы патріаршескаго престола, или по другой причинѣ. Такъ императоръ Болгарскій въ помянутомъ письмѣ къ папѣ (акты Иннокентія, стр. 55) пишетъ: „прошу и молю твою великую святость исполнить желаніе имперіи и прислать пастырскій жезлъ для собранія овецъ и прочее, что обыкновенно имѣеть патріархъ, и сдѣлать теперешняго примаса патріархомъ въ святой и великой церкви Триноніи, перваго города всей Болгаріи. И пусть въ этой церкви и по смерти того патріарха будетъ во-вѣки патріархъ по изволенію твоего святѣйшества. “ Впрочемъ, отсюда не извѣстно, кромѣ клириковъ, которыхъ влекло къ уніи желаніе пріобрѣсть высокій санъ, пристали-ли къ ней остальные клирики, а также благородные и народъ? Нельзя просто довѣрять обѣщаніямъ или заявленіямъ царя, — такимъ же способомъ пытался обмануть Латинянъ Михаилъ

¹⁾ Не Триновія-ли? Теперь Тырново, нѣкогда столица Болгаріи.
Прим. перев.

Палеологъ, о чемъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ патріархъ Германъ въ посланіи къ кардиналамъ, написанномъ въ 1232 г., прямо заявляетъ, что Валахи и Болгары пребываютъ непоколебимо въ общеніи съ восточной церковью и не состоятъ въ немъ съ латинской; слова его мы вскорѣ опять услышимъ. Притомъ извѣстно, что черезъ нѣсколько лѣтъ Болгары отстали отъ всякаго общенія съ Латинянами и ихъ царь Азанъ помогалъ Грекамъ, которые стремились, сбросивши иго Латинянъ, добыть себѣ свободу, — такъ что раздраженный этимъ Григорій IX вызвалъ противъ Болгаръ Венгерскаго короля Белу и разрѣшилъ монахамъ проповѣдывать противъ нихъ Крестовый походъ. Объ этомъ онъ писалъ къ Венгерскому королю и къ другимъ (у Ваддинга, въ лѣтописяхъ Миноритовъ). И раньше этого времени Германъ, патріархъ Константинопольскій, въ посланіи къ кардиналамъ такъ выразился (слова эти уже приведены были выше): „есть много великихъ народовъ, которые думаютъ одинаково съ нами и во всемъ съ нами, Греками, согласны... Безчисленное племя Руссовъ и царство многопобѣдныхъ Болгаръ... и они все повинуются нашей церкви, какъ матери, оставаясь до сихъ поръ непоколебимыми въ древнемъ православіи.“ Такимъ образомъ, либо въ это время Болгарскій народъ уніи не принялъ, либо если принялъ, то слѣдовалъ въ этомъ случаѣ только волѣ и приказаніямъ своего императора, отъ которыхъ освободившись, снова охотно возвратился къ прежнему православію. Точно такъ же и впоследствии, когда папа въ 1253 г. проживалъ въ Ассизахъ, онъ поручилъ польскому провинціалу ордена Проповѣдниковъ отрядить монаховъ и къ Болгарамъ для приведенія ихъ къ повиновенію римской церкви (у Ваддинга подъ этимъ годомъ).

Равнымъ образомъ и Стефанъ, великій жупанъ ¹⁾ Сербіи, задумалъ исгнать уніи съ римскою церковью съ цѣлью этимъ способомъ получить отъ папы королевскую корону. Но когда, затѣмъ, ему эта корона не была прислана, то и онъ не ввелъ въ своемъ народѣ уніи, хотя, конечно, всякій государь, искренно ее желающій, можетъ вести ее при своемъ дворѣ даже и безъ присутствія римскаго легата. Объ этомъ писалъ Иннокентій Венгерскому королю (посланіе между актами Иннокентія, стр. 68) слѣдующее: „не лиш-

¹⁾ Зерникавъ называетъ его *magnipannus Serviae*.

нимъ считаемъ обратить въ настоящемъ случаѣ вниманіе и на то, что, когда благородный мужъ Стефанъ, великій жупанъ Сербіи, черезъ почтенныхъ пословъ униженно умолялъ насъ отправить въ его страну легата, что бы привести ее къ повиновенію римской церкви и доставить ему королевскую корону, и когда мы рѣшили съ общаго совѣта нашихъ братьевъ согласиться на просьбу и возложили исполненіе посольства къ нему на достопочтеннаго брата нашего епископа Албанскаго, то, узнавши, что это твоей свѣтлости чрезвычайно не нравится, мы ради тебя не безъ нѣкотораго нашего смущенія отказались отъ начатаго дѣла.“— Когда принялъ въ Сербіи правленіе преемникъ Стефана Фулькъ, то король Венгерскій, говоря, захотѣлъ Сербію привести къ повиновенію римской церкви, соглашаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что бы папа послалъ Фулька королевскую корону. Но Фулькъ самъ не пожелалъ уніи. Дѣйствительно, никакой уніи Сербіи съ римскою церковью заключено не было. Такъ Иннокентій въ приведенномъ посланіи дальше говоритъ: „ты же, завоевавъ Сербію, низложивши Стефана и посадивши на его мѣстѣ Фулька далъ знать черезъ своихъ пословъ, что желаешь эту страну привести къ подчиненію римской церкви и, сохранивши для себя право судить въ свѣтскихъ дѣлахъ, станешь поддерживать, что бы означенный Фулькъ получилъ корону отъ апостольскаго престола. Поэтому мы соизволили, по совѣту своихъ пословъ, поручить исполненіе этого дѣла достопочтенному брату нашему архіепископу Колоккенскому, но, хотя прошло уже два года, намъ извѣстно, что ничего не достигнуто.“

Наконецъ, Данилъ, Русскій князь, точно такъ же все, что говорилъ и обѣщалъ относительно уніи съ Латинянами, дѣлалъ только съ тою цѣлью, что бы римская церковь возвела его въ короли. Такъ, хотя онъ и достигъ желаемаго, но открыто дѣйствовалъ противъ латинства. Вотъ что говоритъ Кромеръ („о дѣянїяхъ Поляковъ,“ кн. IX): „приславши посольство къ Описсону, апостольскому легату въ Польшу, обѣщалъ (Данилъ) вмѣстѣ съ народомъ своимъ приступить къ союзу или къ уніи съ римскою католическою церковію и защищать христіанскія земли отъ Татаръ, которые тогда навели ужасъ на всѣхъ христіанскихъ государей; и сталъ онъ также добиваться королевскаго титула и короны для себя и своихъ потом-

ковъ, чего не совѣтовалъ Описсону уступать епископъ Краковскій Прендота и нѣкоторые другіе. Не достигши того, къ чему стремился, онъ нарушилъ данное слово и святость клятвы: впавши въ прежнее заблужденіе не только отказался защищать христіанъ отъ варваровъ, но еще, сойдясь съ Татарами сперва, а потомъ съ литовцами, сталъ нападать на христіанъ.“ *Миховій* въ III кн. гл. XLIII также пишетъ: „выше названный легатъ Описонъ Дрогичинскаго и Кіевскаго князя Даниіла, могущественнѣйшаго среди Русскихъ князей, по его просьбѣ и въ виду обѣщанія его, что онъ со всеѣми Русскими землями, оставивши греческій обрядъ, перейдетъ въ повиновеніе и общеніе съ римской церковью, въ 1246 году короновалъ въ лагерѣ и помазалъ королемъ надъ Россіей. Все польскіе архіереи не совѣтовали этого дѣлать, зная лукавство и непостоянство князя Даниіла, —что послѣ и оказалось.“ И въ III кн., гл. L подъ 1249 годомъ: „въ томъ же году Альбертъ, нѣкогда епископъ Армаканскій, теперь же возведенный Иннокентіемъ IV въ епископы Прусскіе, будучи посланъ къ Русскому князю Даниілу, потребовалъ отъ него представить доказательства повиновенія римской церкви. Но онъ не обратилъ никакого вниманія на апостольское требованіе и отпустилъ апостольскаго легата, не оказавъ ему чести.“ И хотя опять во второй разъ тотъ же Даниілъ былъ коронованъ королемъ и снова клятвенно обѣщался повиноваться римской церкви, однако снова измѣнилъ свое намѣреніе. Такъ *Миховій* въ III кн., гл. XLIII сообщаетъ: „Описонъ Мешанскій (de Meszano), легатъ апостольскаго престола, по приказанію Иннокентія IV въ 1253 г., взявши съ собою епископа Краковскаго Прендоту съ нѣкоторыми другими епископами, поновляя прежнее коронованіе, помазалъ во второй разъ князя Русскаго Даниіла въ короліи Руси въ городѣ Дрогичинѣ. При этомъ онъ взялъ съ него клятву, что, оставивши греческій обрядъ, какъ онъ самъ, такъ и русскій народъ будутъ вѣрно слѣдовать обряду римскому.“ Но затѣмъ *Миховій*, рассказавши въ III кн. гл. XLIII, XLV и XLVIII о войнахъ, которыя послѣ того велъ Даниілъ съ Поляками въ 1260, 1262 и 1265 гг. дѣлаетъ въ гл. LV слѣдующее замѣчаніе: „въ выше сказанномъ 1266 году Даниілъ, король Русскій, схизматикъ и отступникъ отъ римской церкви, окончилъ жизнь, оставивъ двухъ сыновей Романа и Льва.“

Наконецъ, какъ сказано было выше, Латиняне заявили, будто по смерти Романа Руссы выбрали себѣ въ государи латинскаго принца и стремились къ уніи съ Латинянами; но это не правда, ибо изъ страха за свою религію Руссы тотчасъ прогнали латинскаго князя. *Кромеръ* (въ VII кн.—„о дѣявіяхъ Поляковъ“) говоритъ: „это не понравилось Руссамъ, не привыкшимъ къ иноземному владычеству и опасавшимся, что бы вмѣстѣ съ государемъ не пришлось имъ измѣнить и вѣру, которой чрезвычайно держатся, и они охотно вступили въ заговоръ противъ Венгровъ и Поляковъ съ Мстиславомъ, добивавшимся Галиціи по праву наслѣдованія.“ *Миховій* (въ кн. III, гл. XXXI) также сообщаетъ: „когда онъ (латинскій князь) пришелъ въ Галичъ и былъ коронованъ и помазанъ въ короли Галиціи Викентіемъ Краковскимъ и другими Венгерскими епископами, то Русскіе стали его чуждаться и ненавидѣть, опасаясь, что бы черезъ него и ихъ вѣра и народность не пришли къ искорененію. Поэтому Мстиславъ и пр.“—Вотъ почему, когда въ 1231 г. патріархъ Германъ писалъ кардиналамъ, то въ числѣ другихъ народовъ, которые чуждаются общенія съ Латинянами и во всемъ согласны съ Греками, назвалъ племя Руссовъ.

Тотъ, ¹⁾ кто заявлялъ, что Латинянамъ были уступлены въ Кіевѣ монастыри, самъ тутъ же прибавляетъ: „хотя *Кромеръ*, слѣдуя *Длугошу*, замѣчаетъ, что въ 1223 г. Владиміръ Рюриковичъ, опасаясь, что бы благоговѣнные и примѣрные мужи—Проповѣдники (члены *ordo praedicatorum*) не ниспровергли его греческаго обряда, изгналъ ихъ изъ Кіева.“ Притомъ, что за доказательство уніи съ Латинянами уступка Латинянамъ монастыря? Наконецъ, *Кромеръ* также (въ IX кн.—„о дѣлахъ польскихъ“) сообщаетъ: „на этомъ торжествѣ присутствовали архіепископъ и епископы Польскіе, которымъ позволяло состояніе ихъ здоровья, а также Гергардъ, епископъ Русскій, и Витъ, епископъ Литовскій; ибо и литовцы приняли уже тогда христіанскую вѣру, и Руссы присоединились къ союзу съ католической церковью; то и другое мы изложимъ подробнѣе.“ Но то, что они говорятъ объ уніи Руссовъ съ латинскою церковью, подтверждаетъ поступокъ Даниіла, русскаго

¹⁾ Циховій—о главенствѣ папы, положеніе IX, стр. 265.

князя, о которомъ только что сказано; а два помянутые епископы — Русскій и Литовскій были Латиняне, а не русскіе. Такъ и пишутъ о нихъ *Миховій* (кн. III, гл. LI): „изъ духовныхъ присутствовали: Опизонъ, аббатъ Мешанскій, легатъ апостольскаго престола, — Фульконъ, архіепископъ Гнѣзненскій, Прендота Краковскій, Оома Вратиславскій, Владиміръ Владиславскій, Андрей Плоцкій, Гергардъ Русскій, первый изъ ордена Цистерціанцевъ, нѣкогда аббатъ Опатовскій, Витъ Литовскій, первый изъ ордена Провѣдниковъ — епископы.“ Дѣйствительно, когда въ томъ же году папа Иннокентій IV проживалъ въ Ассизахъ, то онъ далъ порученіе польскому провинціалу ордена Провѣдниковъ послать монаховъ обращаться Русскихъ къ повиновенію римскому престолу (у Ваддингга въ анналахъ Миноритовъ подъ тѣмъ же годомъ).

Что же касается Латеранскаго Собора при Иннокентіи III (и на него ссылались выше Латиняне) то на немъ присутствовали одни Латиняне и не было никакихъ Грековъ. Присутствовали, правда, патріархи Константинопольскій и Іерусалимскій, но тоже Латиняне. Іерусалимскій являлся просить помощи для отвоеванія св. земли, ибо Іерусалимъ опять былъ взятъ варварами. Точно такъ же когда былъ взятъ Константинополь, то между Французами и Венеціанцами было условлено, что бы изъ Французовъ выбирался императоръ, а изъ Венеціанцевъ патріархъ, о чемъ говорилъ выше. Но Константинополь былъ взятъ въ самомъ началѣ XIII вѣка, а Латеранскій Соборъ происходилъ въ 1215 г. Поэтому по истинѣ смѣшнымъ является замѣчаніе іезуита, ¹⁾ приведенное выше: „на этомъ Соборѣ Греки приняли унію съ римскою церковью, что бы вскорѣ по обычному своему непостоянству отъ нея отступить.“

Вотъ все, что мы нашли нужнымъ сказать объ уніи, насильно навязанной Грекамъ при Иннокентіи III.

¹⁾ Циховій, вопр. II трибунала, стр. 24.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывается, что унія восточной и западной Церкви, предпринятая императоромъ Михаиломъ Палеологомъ, нисколько не помогаетъ дѣлу Латинянь.

ть унії церквей при Иннокентіи Ш Латиняне переходятъ къ унії, принятой на Ліонскомъ Соборѣ. Именно, прежде всего они утверждаютъ, что императоръ Михаилъ Палеологъ по своему почину призвалъ епископа Кротонскаго, ¹⁾ что бы узнать отъ него, во что вѣрила римская церковь; что, затѣмъ, обращенный его наставленіемъ, императоръ отправилъ письмо къ папѣ Урбану, въ которомъ приглашаетъ его къ унії, заявляя, что онъ готовъ привести восточныя церкви къ повиновенію римскому престолу. (Посланіе это находится у *Бзовія* подѣ 1263 годомъ, ном. XIII). Мало того, по словамъ Латинянь, императоръ во второй и третій разъ въ своихъ письмахъ о томъ же просилъ, настаивалъ, требовалъ, какъ это явствуетъ изъ письма папы Урбана IV къ Михаилу Палеологу (у *Бзовія* же подѣ 1339 годомъ, ном. XXXIII). Когда въ это время умеръ Урбанъ, то императоръ снова по своему личному почину заявилъ Клименту IV, что онъ ничего такъ не желаетъ какъ того, чтобы была заключена унія между церквями. (*Бзовій* подѣ 1266 г., ном. IX). Когда вслѣдъ затѣмъ папскій престолъ сдѣлался вакантнымъ, императоръ черезъ пословъ приглашалъ Лю-

¹⁾ Кротонъ, городъ въ Калабріи, въ южной Италіи.

довика, короля Венгерскаго, быть посредникомъ въ дѣлѣ устроения уніи, что видно изъ письма кардиналовъ къ легатамъ, посланнымъ въ Константинополь (у Ваддингга, т. II лѣтописей Миноритовъ, подь 1270 г.). Послѣ избранія въ папы Григорія, императоръ опять послалъ въ Римъ хлопотать объ уніи, какъ видно изъ *Никифора Григоря*, кн. V исторіи; изъ *Пахимера*, кн. V, гл. XI, изъ письма Григорія X къ Палеологу у *Бзовія* подь 1339 г.—Григорій при этомъ отказался принять его въ единеніе съ римскою церковью иначе, какъ при условіи полнаго слѣдованія во всемъ ея ученію. Отвергъ онъ необходимость созыва по этому поводу Собора: ибо, говорилъ онъ, относительно ученія римскаго не должно быть сомнѣній, не требуется также изслѣдованія какимъ бы то ни было образомъ его истинности; Соборъ можетъ быть созванъ только по принятіи исповѣданія вѣры Латинянъ. Изъ этого письма Григорія X далѣе видно, что императоръ послѣ того призвавши патріарха, епископовъ и клириковъ, всѣми способами склонялъ ихъ къ миру между церквями. (*Пахимеръ*, кн. V, гл. XII). Затѣмъ онъ позаботился объ изданіи книги, въ которой доказано было, что Латинянъ нельзя обвинять въ ереси (*Пахимеръ*, кн. V, гл. XIV). Точно такъ же и *Беккъ*¹⁾, тогда убѣжденный доводами *Влеммида*, хвалилъ латинское богослуженіе и унію съ римскою церковью (*Никифоръ Григора* кн. V исторіи; *Пахимеръ*, кн. V, гл. XV и XVI). „Между тѣмъ свидѣтельства св. Отцовъ, замѣчаетъ нѣкто²⁾, такой мужъ, конечно, гораздо лучше понималъ, чѣмъ *Палама*, сочинитель тяжкихъ ересей и почти талмудическихъ басенъ, или чѣмъ какіе-то *Плевонъ*, или *Кавасила*, которымъ даже близкіе имъ Греки не придавали столько учености и святости жизни, сколько признано было за *Іоанномъ* (Беккомъ) и *Никифоромъ* (Влеммидомъ).“ И затѣмъ, помянувши *Мануила Калеку*, *Варлаама*, *Схоларія*, *Виссаріона*, *Хризолома Миланскаго* и другихъ, изъ той же муки испеченныхъ, онъ прибавляетъ: „сюда призываю васъ, высокопочтенные и благоговѣйные мужи, что бы вы опредѣлили, какъ люди искренніе и правдивые,—хорошо ли на пути вѣчнаго спасенія и въ догматахъ вѣры оставить вождей, которымъ сами Греки воз-

¹⁾ Іоаннъ Беккъ былъ въ то время патріархомъ Константинопольскимъ.

²⁾ Циховій, вопр. VII, стр. 75.

даютъ хвалу за глубокую ученость и отмѣнную святость, и слѣдовать тѣмъ, изъ которыхъ никто у своихъ даже близкихъ не получилъ признанія такой учености, или добродѣтели. Мнѣ именно кажется, что, если бы Латиняне не имѣли никакой науки, если бы у нихъ не было никакихъ писаній, никакихъ Соборовъ, никакихъ св. Отцовъ, если бы они должны были искать пути спасенія и ученія вѣры единственно у Грековъ, то они поступили бы гораздо лучше, если бы стали добиваться этого ученія отъ тѣхъ, кого сами Греки признаютъ ученѣйшими среди своихъ, чѣмъ отъ какихъ-то невѣждъ и недоучекъ, у которыхъ одна забота—разорвать нешвенный хитонъ Господа Христа.“

И такъ, говорятъ Латиняне, когда, съ принятіемъ уніи епископами, императоръ заявилъ папѣ черезъ пословъ, что унія уже совершилась, то Григорій объявилъ Соборъ въ Лионѣ, на которомъ, кромѣ восточныхъ, присутствовало нѣсколько сотенъ латинскихъ епископовъ. И такъ какъ письмо, которое императоръ прислалъ папѣ съ послами, заключало въ себѣ такое выраженіе объ исхожденіи Св. Духа (т. XI Соборовъ, ч. I, столб. 964): „вѣруемъ, что и Духъ Св.—полный и совершенный Богъ, истинный Богъ, исходящій отъ Отца и Сына,“ то и означенный вселенскій Соборъ Лионскій (въ указанномъ мѣстѣ, столб. 974) сдѣлалъ такое опредѣленіе: „съ вѣрою и благоговѣніемъ исповѣдуемъ, что Духъ Св. исходитъ вѣчно отъ Отца и Сына, не какъ изъ двухъ началъ, но какъ изъ одного начала, не двумя дуновеніями, но однимъ и единственнымъ дуновеніемъ. Это исповѣдывала до сихъ поръ, проповѣдывала и учила, этого твердо держится, проповѣдуетъ, исповѣдуетъ и учитъ святѣйшая римская церковь, мать и учительница всѣхъ вѣрующихъ; это содержитъ неизмѣнное и истинное разумѣніе православныхъ Отцовъ и учителей латинскихъ, равно какъ и греческихъ. Но такъ какъ нѣкоторые по незнанію изложенной непреложной истины впали въ различныя заблужденія, то мы, желая преградить дорогу этого рода заблужденіямъ, съ одобренія настоящаго святаго Собора осуждаемъ и извергаемъ всѣхъ, кто осмѣлился бы отрицать, что Духъ Св. исходитъ вѣчно отъ Отца и Сына, или же въ безумномъ дерзновеніи утверждать, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына, какъ изъ двухъ началъ, а не какъ изъ одного.“

На этомъ Соборѣ присутствовалъ будто бы самъ императоръ Михаилъ, по свидѣтельству *Флавія Блонда*, *Роберта Гвагвина*, *Иоанна Науклера* и другихъ (у Северина Бинія въ жизнеописаніи Григорія X); присутствовалъ патріархъ Константинопольскій Германъ, присутствовали послы восточныхъ епископовъ,— которыхъ грамоты помѣщены между актами Собора вмѣстѣ съ клятвою, которую принесли послы папѣ отъ имени своихъ епископовъ, признавая въ ней и вѣроученіе Латинянъ, и единеніе съ ними. И вслѣдъ затѣмъ, когда акты были прочитаны въ Константинополѣ, то папа Григорій X сталъ, по словамъ Латинянъ, поминаться на богослуженіи и провозглашенъ былъ верховнымъ первосвященникомъ апостольской церкви и вселенскимъ папою. (Пахимерь, кн. V, гл. XXII). Впослѣдствіи въ присутствіи легатовъ Иоанна XXI императоръ будто бы снова подтвердилъ присягу, которую отъ его имени далъ его посоль на Ліонскомъ Соборѣ, также въ письмѣ къ папѣ Иоанну онъ опять подписалъ исповѣданіе вѣры, присланное ему Григоріемъ X и повторилъ свою клятву (у *Бзовія* подъ 1276 г., ном. VIII и IX). При этомъ Беккъ, когда появились сочиненія противъ опредѣленія вселенскаго Собора, не одобрявшія уніи восточныхъ, въ разныхъ трактатахъ опровергалъ ихъ смѣлыми нападками (*Пахимерьз*, кн. V, гл. XXVIII и кн. VI, гл. XXIII). Изъ нихъ въ переводѣ Льва Аллятія изданы по—латыни въ Майнцѣ въ 1655 г. „три книги объ исхожденіи Св. Духа къ Сугдійскому епископу Θεодору,“ а въ переводѣ Петра Аркудія по—гречески и по—латыни въ Римѣ 1630 г. „сводъ мнѣній Отцовъ объ исхожденіи Св. Духа съ толкованіями на нихъ.“ Остальные сочиненія Бекка перечисляетъ Левъ Аллятій во II кн. своего „непрерывнаго согласія церквей,“ кн. XV, ном. VIII. Писалъ тогда въ защиту Латинянъ и уніи также и діаконъ *Георгій Метохитз*. Трактаты этого послѣдняго перечисляетъ Левъ Аллятій въ изслѣдованіи о Георгіяхъ, приложенномъ къ исторіи Георгія Акрополита (Парижское изданіе 1611 г. стр. 345 и 346., и во II кн. „согласія церквей,“ гл. XV, ном. IX); равно также перечисляетъ онъ здѣсь сочиненія въ защиту Латинянъ и *Симона* Константинопольскаго (ном. IX). Наконецъ Беккъ, собравши Соборъ многихъ епископовъ, отправилъ посланіе папѣ Иоанну XXI, въ которомъ пространно излагаетъ доводы въ защиту исхожденія

Св. Духа отъ Сына. Заключается это посланіе въ т. XI Соборовъ, ч. I, столб. 1034. Присоединилъ онъ и другую синодскую грамоту, въ которой отлучаются всѣ, не одобвившіе уніи съ Латинянами (тамъ же, столб. 1037).

И такъ, вотъ что могли выставить Латиняне относительно уніи, затѣянной императоромъ Михайломъ Палеологомъ.—Посмотримъ, насколько правдивы и основательны ихъ заявленія.

Возраженіе I.

Прежде всего, что касается Михаила Палеолога, виновника и устроителя попытки уніи церквей, то несомнѣнно, конечно, что онъ задумалъ эту унію не изъ святыхъ побужденій, а изъ чисто человѣческихъ. Ибо онъ не видѣлъ, какъ иначе онъ можетъ обезпечить за собой со стороны папы и Латинянъ обладаніе Византійскою имперією, только что пріобрѣтенною черезъ изгнаніе Латинянъ изъ Константинополя, а также, какъ онъ сможетъ выпроводить изъ остальной Греціи засѣвшихъ тамъ Латинянъ. Дѣйствительно, какъ только взять былъ Константинополь, папа тотчасъ постарался объявить крестовый походъ противъ Михаила, о чемъ сообщаетъ *Ваддингъ* (т. II лѣтописей Миноритовъ, подъ 1261 г., ном. XVII). Поэтому-то Палеологъ сперва только притворно предложилъ Латинянамъ унію въ надеждѣ этимъ отвратить войну съ ними; точно такъ же и впослѣдствіи, когда папы его тѣснятъ, онъ ревностно хлопочетъ объ уніи, понуждаемый необходимостью, а не истинными основаніями. Это ясно даетъ понять *Бзовій* изъ письма Климента IV (подъ 1266 г., ном. IX): „когда это происходило въ Италіи, Михайлъ Палеологъ, чтобы скрыть свои козни, послалъ посольство къ папѣ съ заявленіемъ, что онъ во всемъ готовъ будетъ повиноваться Клименту. Однако папа, зная, что онъ вступалъ въ соглашеніе съ Манфредомъ и ни о чемъ другомъ не заботится, какъ только о томъ, что бы выгнать Балдуина изъ того угла Греціи, куда тотъ удалился, и чтобы отвлечь силы Карла, желавшаго подъ предлогомъ родства ему помогать и поэтому посягавшаго на Константинопольскую имперію, сталъ упрекать его за коварную сдѣлку съ недавно убитымъ Манфредомъ, за дружбу и союзъ съ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждать, что бы онъ прямо объявилъ хотѣть

ли онъ повиноваться велѣніямъ апостольскаго престола, возвратиться съ поданными своими къ единству Церкви и открыто исповѣдать формулу вѣры, которую онъ ему раньше послалъ по старинному обычаю.“ Опять тотъ же Бзовій изъ другихъ посланій Климента IV (подъ 1267 г., ном. IV) сообщаетъ: „до тѣхъ поръ Палеологъ колебался, какъ человѣкъ стремившійся къ вѣрѣ и единенію съ римской церковью не по искреннему влеченію, а подъ давленіемъ необходимости, и дававшей поводъ подозрѣвать его въ обманѣ. Поэтому Климентъ, что бы точнѣе узнать его расположеніе, послалъ ему формулу вѣры, составленную отъ имени апостольскаго престола, для того, чтобы по ней передъ назначенными послами онъ по древнему обычаю публично исповѣдалъ вмѣстѣ съ патріархомъ, епископами, клиромъ и народомъ и открыто заявилъ, что онъ вѣритъ и исповѣдуетъ то, во что вѣритъ и что исповѣдуетъ святая римская церковь, и что бы онъ возвратился къ единенію съ этою церковью вмѣстѣ со всѣмъ клиромъ и народомъ.“

Поэтому, только страшась военныхъ приготовленій Карла Анжуйскаго, Михаилъ Палеологъ обѣщалъ впослѣдствіи также папѣ Григорію ввести унію. Такъ *Никифоръ Григора* въ V кн. своей исторіи (стр. 89) говоритъ: „поэтому императоръ, окруженный столькими затрудненіями и доведенный почти до отчаянія, посылаетъ къ папѣ пословъ для возстановленія согласія между церквами древняго и новаго Рима, лишь бы только онъ отвратилъ походъ Карла.“ И *Пахимеръ* въ V кн., гл. XI пишетъ: „когда Григорій это заявилъ черезъ Фреріевъ ¹⁾, ясно было, что императоръ изъ трусости, вслѣдствіе военныхъ приготовленій Карла ищетъ мира; а если бы ихъ не было, никогда бы онъ его не замыслилъ.“ И дальше въ той же книгѣ и главѣ: „но императоръ упорствовалъ, безповоротно рѣшившись преслѣдовать эту цѣль, не знаю добровольно, или по принужденію; отъ нихъ онъ это скрывалъ, а намъ заявлялъ, обнаруживая въ спутанной рѣчи страхъ предъ угрожающими войнами и большимъ кровополитіемъ; чтобы предотвратить эти бѣдствія, онъ неизмѣнно настаивалъ на ускореніи предпринятаго дѣла, что бы кто противъ этого ни говорилъ.“ Въ гл. XVII: „при такомъ положеніи дѣлъ явилась необходимость

¹⁾ Латинскихъ монаховъ.

послать пословъ къ папѣ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе задержать страшный походъ Латинянъ, отнявши такимъ образомъ у Карла предлогъ воевать съ Греками, какъ схизматиками: ибо было бы въ Италиі отъ нихъ посольство съ признаніемъ римской церкви первою между церквами.“ И въ гл. XVІІІ Пахимерьъ рассказываетъ, какими доводами императоръ убѣждалъ клиръ великой церкви въ необходимости принять унію; именно онъ доказывалъ, какія грозятъ бѣдствія, если не будетъ заключена унія съ Латинянами, какія предстоятъ войны, опустошенія, кровопролитія, которыя можно предотвратить только уніею. Наконецъ, онъ говорилъ въ заключеніе: „насъ принуждаетъ одно: избѣжать опасности,—неотвратимой, если этого не сдѣлаемъ. А какъ велика опасность, пусть каждый разумно сперва взвѣситъ, а потомъ скажетъ, что нужно дѣлать. Конечно, не будь такой опасности, мы этого не предлагали бы.“ Что, спрашивается, можетъ быть яснѣе? Самъ императоръ признается, что онъ отнюдь не предложилъ бы уніи, если бы къ этому не принуждалъ его страхъ передъ войною.—И *Бзовій* также подробно рассказываетъ подь 1276 г. (ном. VІІІ, ІХ и Х), какъ императоръ Михаилъ приведенный въ великое стѣсненіе военными приготовленіями Латинянъ, такъ что снова явилась серьезная необходимость принять угодное римской церкви и унію съ нею, снова подписалъ исповѣданіе вѣры, присланное ему Григоріемъ Х, а также подтвердилъ присягу, данную отъ его имени послами на Ліонскомъ Соборѣ. И когда потомъ папа Мартинъ отлучилъ того же императора Михаила за притворную только унію, то онъ, хотя въ то время питалъ совершенное отвращеніе къ уніи, не захотѣлъ однако разорвать ее изъ—за земныхъ соображеній. Такъ Пахимерьъ въ кн. VI, гл. XXX рассказываетъ: „узнавши объ этомъ отъ Никейца ¹⁾ (ибо Ираклеоть умеръ въ дорогѣ), императоръ пришелъ въ сильное негодованіе, такъ что когда діаконъ на богослуженіи хотѣлъ по обычаю упомянуть папу въ присутствіи императора, то государь запретилъ это дѣлать; а передъ близкими жаловался, говоря: хорошую награду получилъ онъ за свою любовь къ Латинянамъ. Онъ изъ—за нихъ поссорился даже съ своими родными и не поколебался даже ихъ

¹⁾ Т. е. Никейскаго епископа, который былъ посланъ вмѣстѣ епископомъ Ираклейскимъ къ папѣ императоромъ для переговоровъ объ уніи.

подвергнуть суровымъ наказаніямъ, а они въ благодарность за такое постоянство въ вѣрности имъ произносятъ надъ нимъ проклятія и отлученіе. Тогда-то онъ задумалъ разорвать все договоры и соглашенія, и сдѣлалъ бы это, если бы кое-что не удержало его отъ этого намѣренія. Именно--онъ опасался, что если онъ мгновенно порветъ то, чего онъ достигъ такими долгими и усердными усиліями и съ такими огорченіями и обнаружить перемену въ мысляхъ и отказъ отъ своего прежняго столь рѣшительно и явно высказаннаго мнѣнія, то этимъ вызоветъ противъ себя ненависть зложелателей; а между тѣмъ есть вѣроятность, что настанетъ время, когда эти дѣянія, осужденныя его собственнымъ голосомъ, могутъ оказаться ему полезными. И такъ, опасаясь, что бы, ускоривъ эту палинодію и обнаруживъ ее, не сдѣлать того, чего нѣкогда онъ не желалъ допустить, рѣшилъ лучше переждать, видя притомъ дѣла церкви близкими къ значительной переменѣ. Ибо, хотя съ возвращеніемъ на патріаршій престолъ Іосифа, что предстояло въ будущемъ, онъ, зная его краткій и миролюбивый характеръ, не ожидалъ ничего для себя враждебнаго и невыгоднаго отъ него самаго; однако въ виду того, что онъ легко могъ бы слѣдовать наговорамъ со стороны другихъ и что не мало нашлось бы людей, которые стали бы натравлять его противъ виновниковъ ненавистнаго мира (съ папою), императоръ рѣшилъ умѣрить выраженіе своего осужденія.....“

Что касается Бекка, то онъ до тѣхъ поръ, пока не былъ принуждаемъ императоромъ и не претерпѣлъ тюремнаго заключенія, самъ гнушался Латинянъ, такъ что даже, по словамъ Пахимера (кн. V, гл. XII), на вопросъ императора отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „нѣкоторые состоятъ и называются еретиками; нѣкоторые не состоятъ и не называются; иные называются, но не—еретики; иные наконецъ—еретики, но такъ не называются. Къ послѣднимъ нужно причислить италіанцевъ, которые, хотя не называются еретиками, но повинны въ ереси.“ Когда же потомъ онъ по этой причинѣ посаженъ былъ императоромъ въ тюрьму и получилъ тамъ для прочета отъ императора сочиненія *Никифора Влеммида*, то одобрилъ и вѣру Латинянъ, и унию съ ними (*Никифоръ Григора*, кн. V, стр. 93; *Пахимеръ*, кн. V, гл. XV и XVI). Овладело при этомъ имъ честолюбіе, — сталъ онъ

расчитывать, что императоръ дорого заплатитъ ему за перемѣну своего мнѣнія. Дѣйствительно, когда два брата *Мануилъ* и *Исаакъ* за отказъ отъ уніи съ Латинянами приговорены были къ лишенію зрѣнія, они, говорятъ, прямо упрекали въ этомъ Бекка. *Пахимеръ* по этому поводу (кн. VI, гл. XXIV) рассказываетъ: „прежде чѣмъ ихъ ослѣпили, они смѣло порицали патріарха ¹⁾ въ присутствіи самого императора, говоря, что они вѣрятъ и до конца будутъ вѣрить тому, чему онъ ихъ училъ тогда, когда говорилъ по собственному убѣжденію и терпѣлъ за свою вѣру гоненія и оковы, и не желаютъ вѣрить тому, чему онъ сталъ учить, получивши за перемѣну своихъ убѣжденій патріаршество.“ Но по смерти Михаила, Беккъ (и тутъ сказалась достаточно измѣнчивость его характера) выхлопоталъ себѣ у патріарховъ Константинопольскаго и Александрійскаго грамоту возстановленія, по которой снималось съ него осужденіе и низложеніе (наложенныя на него за унію съ Латинянами), — хотя въ послѣдствіи онъ снова воротился къ прежнимъ мнѣніямъ. Объ этомъ рассказываетъ *Спонданъ*, говоря о Соборѣ, созванномъ противъ Бекка при Андроникѣ Палеологѣ (подъ 1283 г., ном. X). И *Пахимеръ* (въ VII кн.) сообщаетъ, что при началѣ этого Собора великій Риторъ выставилъ противъ Бекка обвиненіе за этотъ его поступокъ (у Льва Аллятія во II кн. „согласія церквей“, гл. II, ном. XI). Вотъ что онъ говоритъ: „при этомъ былъ церковный Риторъ, который такъ началъ допросъ: почему ты въ то время, какъ еще не высохла твоя подписка, въ которой ты признавался въ своихъ заблужденіяхъ, просилъ милости и отказывался отъ сана, теперь снова берешь назадъ свое сознаніе и утверждаешь, что тебя обидѣли, такъ что по этому поводу собранъ столь великій Соборъ?“ Беккъ: „потому что, произнося мнѣнія Отцовъ, когда потребовали отъ меня основаній для этихъ мнѣній, я видѣлъ, что иное было время, когда ихъ излагали Отцы, и иное, — когда мнѣ пришлось ихъ излагать, и потому, оставивши все прочее, дѣйствовалъ только изъ желанія мира и покоя; однако не такъ, чтобы тѣ, у кого было такое намѣреніе, меня поймали и навязали обвиненіе въ ереси.“

¹⁾ т. е. Бекка, — возведеннаго Михаиломъ Палеологомъ въ патріархи.
Прим. перев.

Что же касается того, что ставить намъ на видъ по поводу Бекка и некоторый іезуитъ, то, если Беккъ и Влеммидъ и выдавались необыкновенною ученостію, кто не знаетъ, что среди еретиковъ попадались и въ древности, и теперь встрѣчаются мужи, знаменитые ученостію и разнообразными познаніями? На Никейскомъ Соборѣ, говорятъ, явился Аріанскій философъ, обладавшій такою ученостію и силою слова, что Отцы мало могли противъ него возразить. Всѣмъ также извѣстенъ *Аполлинарій*, ученѣйшій человекъ своего времени, который однако, впавши въ ересь, отлученъ былъ отъ всякаго общенія съ прочими православными Отцами. И что бы быть краткимъ въ столь очевидномъ дѣлѣ, замѣчу: какіе между лютеранами и кальвинистами славятся ученые, если не превосходящіе латинскихъ писателей, то нисколько, конечно, имъ не уступающіе! Не на ученості, не на философіи, но на простомъ преданіи вѣры основана католическая церковь. Столпами ея были рыбаки, а не призванные изъ Аѳинъ философы. Равнымъ образомъ апостолы не спрашивали у тѣхъ, кого они ставили во главѣ церквей, слушали ли они философію въ Аѳинахъ, упражнялись ли они въ богословской наукѣ. И, наконецъ, съ какой стати іезуитъ выставляетъ намъ Бекка и Влеммида такими, съ которыми будто никто изъ защищавшихъ противъ Латинянъ православное ученіе не можетъ сравниться? *Фотій*, конечно, былъ ученѣйшій мужъ — что признаютъ сами Латиняне и что свидѣтельствуютъ его писанія; въ особенностъ его библіотека доказываетъ, насколько онъ былъ начитанъ въ твореніяхъ Отцовъ и иныхъ писателей. Всѣ также удивляются *Феофилакту*, ученѣйшему толкователю св. Писанія. Не меньшей похвалы за ученостъ достоинъ *Илія*, митрополитъ Критскій, какъ видно изъ его комментаріевъ на слова Григорія Богослова. Притомъ, кто изъ латинствующихъ Грековъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ превосходнѣйшими философами — *Евстратіемъ*, митрополитомъ Никейскимъ, *Михаиломъ Пселломъ*? Умалчиваю объ *Евфиміи Зигабентъ*, прославившемся своею напослѣдую (всеоружіемъ) противъ всѣхъ ересей; не говорю объ аввѣ *Нектаріи*, который на Латеранскомъ Соборѣ въ 1179 году безъ всякаго затрудненія разбилъ всѣ доводы Латинянъ (у Баронія подъ 1179 годомъ, ном. X). Не говорю о множествѣ другихъ,

ибо не хватило бы цѣлаго дня, еслибъ мы захотѣли только перечислить ихъ имена. Если, затѣмъ, Григора хвалить ученость Бекка и Влеммида, то онъ поминаетъ и другихъ, стоявшихъ выше Бекка и уличавшихъ послѣдняго въ заблужденіи на Соборѣ, бывшемъ при Андроникѣ Палеологѣ. Это были *Григорій*, патріархъ Константинопольскій, и великій логофетъ *Музалонъ*. Мы прочитаемъ въ послѣдствіи слова Григоры.

Далѣе,—если нѣкоторые изъ Грековъ перешли въ латинство, то съ другой стороны нѣкоторые ученѣйшіе Латиняне писали въ защиту Грековъ. Въ числѣ ихъ былъ помянутый *Георгій*, патріархъ Кипрскій; *Варлаамъ*, родомъ изъ Калабріи, въ послѣдствіи впрочемъ опять приставшій къ Латинянамъ (о немъ говоритъ *Кантакузенъ* во II кн. своей исторіи, гл. XXXIX, стр. 319, Парижское изданіе 1645 г.); *Нилъ Дамила*, также по происхожденію итальянецъ (у Льва Аллятія во II кн. его „согласія церкви“, гл. XVIII, ном. X,—который поэтому тутъ же замѣчаетъ: „хотя мнѣ не безъизвѣстно, что много итальянцевъ, какъ я писалъ въ другомъ мѣстѣ, въ этомъ пунктѣ (относительно исхожденія Св. Духа отъ Одного только Отца) благопріятствовали Грекамъ“). И такъ, у насъ не одинъ только Палама, другой Плетонъ, а третій Кавасила, какъ упрекаетъ насъ іезуитъ, но огромное число ученѣйшихъ мужей и учителей церкви, писавшихъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного Отца противъ Латинянъ. Трудъ ученѣйшаго грека *Гемиста*, иначе называемаго *Плетономъ*, приводитъ Левъ Аллятій, въ III кн., гл. III, ном. 6. Св. *Григорій Палама*, архіепископъ Фессалоникійскій, написалъ свои обличительныя слова объ исхожденіи Св. Духа противъ Латинянъ, изданныя по-гречески въ Лондонѣ; они весьма достойны прочтенія. Написалъ онъ и опроверженія на писанія Бекка объ исхожденіи Св. Духа; они изданы по-гречески и по-латыни Петромъ Аркудіемъ въ Римѣ 1630 г. *Нилъ Кавасила*, также архіепископъ Фессалоникійскій, написалъ различныя творенія противъ Латинянъ, которыя приводитъ Левъ Аллятій въ своемъ разсужденіи о Нилахъ и ихъ писаніяхъ, приложенномъ къ посланіямъ Нила—Аскета, изданнымъ въ Римѣ 1668 г. (стр. 49); между ними выдаются извлеченія его объ исхожденіи Св. Духа, разросшіяся, говорятъ, въ огромный томъ,

о чемъ свидѣтельствуесть *Виссаріонъ* (у *Сиропула* въ исторіи Флорентинскаго Собора, отдѣлъ VI, гл. XII); конспектъ его труда издалъ племянникъ (по брату) *Николай Кавасила*, о чемъ говоритъ Левъ Аллятій въ указанномъ мѣстѣ. Такъ какъ ихъ сочиненій означенный выше іезуитъ никогда не читалъ, то спрашивается, какъ могъ онъ судить объ ихъ учености? Разумѣется, если приведенные авторы писали въ защиту Латинянъ, они прослыли бы ученѣйшими, людьми высокой святости,—между тѣмъ какъ теперь Латиняне ихъ считаютъ ничего не значущими, невѣждами, какъ бы богами меньшихъ народовъ. ¹⁾ Насколько ничтожнымъ и пустымъ защитникомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына былъ *Хризоланъ*, видно изъ разсужденія его противъ восточныхъ у *Баронія* подъ 1116 годомъ, ном. XII; и однако іезуитъ выставялъ выше и его, какъ знаменитаго ученаго. Но и патріархъ Константинопольскій *Генадій*, когда Латиняне обыкновенно думаютъ, что онъ писалъ въ защиту ихъ мнѣнія, слываесть у нихъ за это ученѣйшимъ патріархомъ. Цѣнятся также ими его вопросы, изданные полѣтыни, въ которыхъ защищается исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Но когда тѣ же вопросы безъ имени Генадія приложены въ неприкосновенномъ видѣ въ концѣ твореній Аванасія и въ нихъ утверждается исхожденіе Св. Духа только отъ Отца, почему, эти вопросы тѣмъ же іезуитомъ подвергаются жестокому порицанію? „Въ нихъ, говоритъ онъ, сообщаются вещи противныя вѣрѣ; слогъ пошлый; попадаются смѣшныя умозаключенія; выведеніе божества, которое онъ приводитъ, осмѣяно Григоріемъ Богословомъ; цѣль воплощенія черезчуръ нелѣпа; вообще это недостойныя изслѣдованія, чтобы приписывать ихъ нѣкоторому великому патріарху“ ²⁾. Такимъ образомъ, какая бы то ни было книга, вышедшая изъ-подъ пера ученѣйшаго и святѣйшаго Отца, если въ ней злонамѣренно сдѣланы вставки сообразно съ мнѣніемъ Латинянъ, всеми принимается; если же та же книга въ своемъ неповрежденномъ видѣ утверждаетъ католическій догматъ восточныхъ, то писатель ея окажется невѣждою, глушцомъ и пошлякомъ. Небольшая погрѣш-

¹⁾ *Dii minorum gentium*—у Римлянъ божества покоренныхъ народовъ.
Прим. перев.

²⁾ Циховій, воп. X, стр. 117 и 118.

ность выставляется, какъ знакъ чрезвычайнаго невѣжества. Тутъ у Латинянь окажутся глаза аргуса, и вездѣ они найдутъ неудобныя выраженія, которыя однако одно утвержденіе исхожденія Св. Духа отъ Сына сразу уничтожить: ибо оно засіяетъ такимъ свѣтомъ, что сдѣлаетъ ихъ глаза неспособными видѣть всякія заблужденія. Кто не посмѣется надъ такою суетностію Латинянь?

Наконецъ, іезуитъ прибавляетъ, что сами Греки воздавали хвалу учености и отмѣнной святости Бекка и Влеммида. Относительно учености—допускаю, но относительно святости—не согласенъ: о ней Григора не обмолвился ни словомъ, и прибавляетъ это іезуитъ отъ себя.—Но достаточно объ императорѣ Михаилѣ и Беккѣ.

Возраженіе II.

Затѣмъ, во вторыхъ, если кто изъ епископовъ, или клириковъ присталъ къ уніи, то дѣлалъ это по настоянню императора, или по принужденію; если же они имѣли возможность свободно разсуждать, то прямо отказывались принять унію. Прежде всего, на запросъ легатовъ Григорія X, они отвѣтили, что никоимъ образомъ не могутъ приступить къ уніи, если изъ символа не будетъ изъята приставка, хотя заявили, что о самомъ догматѣ спорить они не хотятъ. Такъ *Пахимеръ* въ V кн., гл. XI разсказываетъ: „на это предстоятели нашей церкви отвѣтили слѣдующимъ образомъ: конечно, кто станетъ отрицать, что миръ—вещь хорошая и желательная, въ особенности между высокими церквами, имѣющими значеніе главы для всѣхъ, гдѣ бы они ни жили, учениковъ Христа, начальника мира. Но миръ нужно установить основательный и надежный, а не какой-нибудь, ибо великая опасность грозитъ уклоняющимся отъ прямого пути въ ту или другую сторону. Что же касается настоящаго соглашенія,—вы хотите, чтобы мы измѣнили то, что недавно или теперь только нами установлено,—поэтому намъ по справедливости будетъ вѣнено въ преступленіе, что мы либо съ незаконной дерзостію заводимъ новшество, либо съ упрямствомъ отказываемся возвратиться туда, гдѣ раньше были; между тѣмъ мужи великой добродѣтели и глубокой учености установили это послѣ долгихъ разсужденій и придали этому зна-

ченіе догмата, который нужно сохранять съ величайшей твердостью.—И такъ, хорошо и полезно было бы, что бы ты установилъ миръ церквей искренно, стараясь настаивать на томъ пути къ его достиженію, который ведетъ прямо къ этой цѣли,—именно —чтобы ты позаботился своею мудростью и авторитетомъ привести итальянцевъ къ уничтоженію соблазна, ими самими затѣяннаго, хотя они насъ неправильно въ этомъ обвиняютъ. Если вина этого соблазна дѣйствительно падаетъ на насъ, покарай насъ по заслугамъ, и мы терпѣливо снесемъ твое осужденіе въ сознаніи, что заслужили; если же соблазнъ возникъ по ихъ винѣ, то тебѣ, какъ духовному блюстителю мира, слѣдуетъ стремиться снять съ нихъ грѣхъ безрасудно затѣяннаго новшества въ измѣненіи символа.“ И далѣе Пахимерь прибавляетъ: „такъ говорили представители церкви и ѿ постановили между собою не слушаться императора, что бы онъ относительно этого ни приказывалъ, даже если бы онъ грозилъ самыми тяжелыми послѣдствіями за ослушаніе.“ И когда вслѣдъ затѣмъ императоръ, созвавши на совѣщаніе патріарха, епископовъ и клириковъ, сталъ употреблять большія усилія, чтобы склонить ихъ къ униі, то хартофилаксъ *Беккъ* ¹⁾, принужденный патріархомъ подъ угрозой отлучія высказаться, что онъ думаетъ объ итальянцахъ, отвѣтилъ, что они еретики, но ихъ такъ не называютъ только вслѣдствіе могущества этой націи (Пахимерь, кн. V, гл. XII). Послѣ этого императоръ распорядился написать книгу для доказательства, что Латинянь нельзя обвинять въ ереси, и препроводилъ ее къ патріарху въ убѣжденіи, что противъ нея тотъ ничего не сможетъ возразить. Тогда патріархъ, собравши синодъ, приказалъ каждому изъ собравшихся заявить, что онъ можетъ возразить по содержанію этой книги. Записанныя возраженія были представлены императору. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ Пахимерь, въ V кн, гл. XIV: „патріархъ, посовѣтовавшись съ синодомъ о томъ, что нужно предпринять по поводу этого писанія, счелъ нужнымъ созвать тѣхъ, кого считалъ на своей сторонѣ. Это были избраннѣйшіе люди и цвѣтъ церкви. Тутъ былъ и Терникополійскій Іоанникій съ своими приверженцами; хотя они явно разошлись съ патріархомъ, — однако теперь для общей пользы

¹⁾ см. выше, стр. 513.

предпочли забыть мелочныя оскорбленія,—причины раздора. Сюда явилась и сестра императора—Евлогія и вмѣстѣ съ нею все, что было выдающагося среди монаховъ и ученыхъ людей другихъ состояній. У нихъ былъ одинъ духъ, одно страстное желаніе составить общими силами книгу для опроверженія сочиненія, представленнаго императоромъ. Для этого сочли нужнымъ прочитать въ слухъ всѣхъ императорское писаніе и, по выслушаніи всякой главы, каждый немедленно заявлялъ, что онъ могъ возразить. Затѣмъ, трудъ—всѣ мнѣнія собрать и свести въ одно взялъ на себя Іовъ изъ Яссы, имѣвшій другихъ помощниковъ и соучастниковъ въ этомъ трудѣ, особенно автора настоящей исторіи. Всѣ они, приложивши стараніе къ приведенію въ порядокъ разныхъ мнѣній, вскорѣ составили книгу, которую и прочли въ общемъ собраніи; при этомъ всякій заявлялъ, что онъ находилъ нужнымъ измѣнить, или смягчить, при всеобщемъ желаніи избѣжать всего, что бы могло оскорбить императора. Наконецъ, исправивши трудъ, елико возможно, отсылаютъ къ императору съ тѣмъ же Арсеніемъ.“

Вслѣдъ затѣмъ патріархъ разослалъ письма всѣмъ подчиненнымъ ему епископамъ, убѣждая ихъ не отступать отъ прежней вѣры и не приставать къ пришельцамъ (Латинянамъ), причемъ клялся, что самъ онъ строго будетъ соблюдать то, что имъ внушаетъ. Это письмо Іосифа (патріарха) было прочитано въ синодѣ епископовъ, всѣ его одобрили, очень многіе подписали собственноручно,—и оно было отправлено по назначенію. Объ этомъ говоритъ *Пахимеръ* въ V кн., гл. XV: „между тѣмъ патріархъ былъ погруженъ въ тяжкую думу и размышлялъ, какой удовлетворительный отвѣтъ дать на доводы императора, который настаиваетъ на своей затѣѣ и, очевидно, и впредь не успокоится. Въ этомъ раздумьи увидѣлъ патріарха монахъ Іовъ изъ Яссы и, не безъ основанія опасаясь, что онъ не устоитъ въ борьбѣ съ разными мнѣніями и настояніями, сталъ придумывать какое-нибудь средство укрѣпить духъ патріарха въ принятомъ намѣреніи не уступить. Онъ далъ ему совѣтъ написать пастырское посланіе и отправить его ко всѣмъ вѣрующимъ, подчиненнымъ его пастырскому попеченію, съ цѣлью внушить имъ, чего нужно держаться въ данныхъ обстоятельствахъ, и, чтобы дѣйствительнѣе убѣдить ихъ въ томъ,

что онъ имъ предписывалъ, онъ тутъ же клятвенно обѣщалъ никогда не отступать отъ разъ принятаго мнѣнія и не соглашаться, сколько бы кто его къ тому ни склонялъ, принимать въ общеніе тѣхъ, отъ которыхъ онъ до сихъ поръ считалъ справедливо отдѣленнымъ себя и своихъ. Согласившись на предложеніе Іова, патріархъ поручилъ ему составить въ такомъ смыслѣ окружное посланіе. Прежде чѣмъ разослать, патріарху угодно было узнать мнѣніе о немъ епископовъ, чтобы видѣть, настолько ли они воодушевлены, чтобы онъ могъ быть увѣреннымъ, что они пребудутъ до конца непоколебимыми въ рѣшимости противостоятъ требованію императора. Когда они были созваны, прочитано было имъ монахомъ Іовомъ мнѣніе патріарха. Вслѣдъ за тѣмъ ихъ спросили каждаго, такъ ли и они думаютъ и дѣйствительно ли рѣшились на этомъ настаивать. Всѣ тотчасъ подтвердили свое согласіе и, за исключеніемъ не многихъ, слишкомъ предусмотрительныхъ, скрѣпили посланіе своими подписями, послѣ чего оно послано было по назначенію.

Наконецъ, между императоромъ и патріархомъ заключено было такое соглашеніе: Іосифъ уйдетъ съ патріаршаго престола, если унія состоится, и воротится снова, если уніи не послѣдуетъ (Пахимеръ, кн. V, гл. XVII). О томъ же говоритъ и посланіе очень многихъ епископовъ греческихъ къ Латинянамъ (т. XI Соборовъ, ч. I, столб. 970), равно какъ и о томъ, что впослѣдствіи съ заключеніемъ уніи Іосифъ добровольно оставилъ патріаршій престолъ. (Пахимеръ кн. VI, гл. XXII).

Такимъ образомъ, изъ всего этого достаточно ясно, что когда еще представлялась свобода патріарху, епископамъ, клирикамъ, народу,—они слышать не хотѣли объ уніи и поэтому не добровольно, а по настоянію и принужденію императора ее впослѣдствіи приняли.

Возраженіе III.

И такъ, не сомнѣнно, *въ третьихъ*, восточные епископы не добровольно, убѣжденные силою святыхъ доводовъ, а побуждаемые императоромъ, выставлявшимъ въ противномъ случаѣ грядущія бѣдствія для народа, съ сокрушеніемъ сердца допустили унію съ

Латинянами; не потому, значить, приняли ее, что считали благою саму по себѣ, но для отвращенія бѣльшихъ золъ, которыя иначе грозили Востоку отъ Латинянъ. Это ясно высказываетъ *Пахимеръ* (кн. VI, гл. XXIII): „какъ самъ Ефесскій, такъ и очень много другихъ епископовъ, одинаково мыслившихъ, будучи принуждены великими бѣдствіями къ принятію мира, подъ такимъ только условіемъ на него согласились, что бы, не касаясь основанія ученія и ничего не измѣняя въ писаніяхъ и опредѣленіяхъ, которыя обсуждать и перерабатывать заново было, по ихъ мнѣнію, не время, заключить съ Латинянами только внѣшнее соглашеніе. Они думали, что можно на это согласиться, сохранивъ вѣроученіе и обрядъ, на основаніи требуемаго обстоятельствами времени приспособленія, многочисленныя примѣры чего они имѣли въ исторіи древней церкви. Они думали, повторяю, съ спокойной совѣстью допустить общеніе съ Латинянами, какъ дѣло вѣрное не само по себѣ и согласное съ правилами вѣры, но только благоразумно терпимое изъ страха тяжелыхъ неудобствъ; дѣло, — состоятельное и представлявшееся благимъ не абсолютно, а, какъ говорятъ учителя риторическаго искусства, сравнительно, по скольку оно сопоставлялось съ вытекавшими изъ него большими благами. Такъ именно Павелъ обрилъ себѣ голову и принималъ другіе обряды іудейскихъ очищеній, — такъ имъ былъ обрѣзанъ Тимоѳей. Такъ III вселенскій Соборъ воздержался отъ отлученія Θεодора Мопсуетскаго; такъ раньше того Василій Великій принималъ дары Валента, поднесенные имъ церкви. И множество другихъ примѣровъ этого рода находимъ въ старинныхъ памятникахъ исторіи. Вотъ какъ понимали они миръ, недавно заключенный, такъ что можетъ признать ихъ погрѣшавшими въ этомъ случаѣ только тотъ, кто станетъ судить о дѣлѣ по существу и будетъ имѣть въ виду строгое велѣніе религіи отвергать погрѣшающихъ въ вѣрѣ.“ Поэтому-то, когда Беккъ сталъ одобрять унію съ Латинянами по существу и считать ихъ ученіе несомнѣннымъ, прочіе всѣ чрезвычайно на него обрушились. Пахимеръ рассказываетъ объ этомъ далѣе: „Бекку эта оговорка не нравилась. Ему казалась жизнь не въ жизнь, если онъ не докажетъ и не убѣдитъ изъ вѣрныхъ, какъ онъ думалъ, и подлинныхъ свидѣтельствъ писаній, что предстоятели погрѣшали, отвер-

гая общеніе съ Латинянами. Поэтому онъ собиралъ частныя синоды и созывалъ многихъ даже не духовныхъ, пересматривалъ старыя книги, издавалъ много новыхъ, поднимая всякій камень для доказательства, что всѣ могутъ и должны съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти присоединиться къ этому миру, какъ честному и справедливому по существу, и ничего не оставлялъ въ этомъ спорѣ, предаваясь неумѣренно этому занятію.—На это ссылался патріархъ (т. е. Беккъ), доказывая, что посредничество Сына съ необходимостью вводитъ предлогъ *черезъ*, и утверждая, что вслѣдствіе этого предлога нужно допустить *изъ*, принятый тутъ Латинянами, потому что казалось, что эти частицы одна другую замѣняютъ. Но (епископъ) Ефесскій и вмѣстѣ съ нимъ Аѳинскій Мелетій и очень много другихъ были скандализованы, думая, что затрогивать и снова выводить на обсужденіе изстари установленныя догматы—большее зло, чѣмъ они могутъ сознавать,—хотя ради отвращенія тяжкихъ золъ они приспособили свою совѣсть къ допущенію этого легкаго грѣха, которымъ они себя обязали, заключивши миръ съ погрѣшающими въ божественныхъ догматахъ. И въ особенности смѣло объ этомъ рассуждалъ Мелетій,—до того, что однажды послѣ жаркихъ преній объ этомъ предметѣ въ синодѣ, приказалъ своему прислужнику, внесши его паллій, быть при немъ, какъ бы готовясь отправиться немедленно въ ссылку изъ-за этого дѣла. Ефесянинъ велъ себя умѣреннѣе изъ уваженія къ императору, предвидя, что онъ будетъ оскорбленъ и станетъ считать согласившихся участвовать въ собраніяхъ виновниками смуты и волненій. Однако и онъ внутренно волновался, возмущаясь съ своими приверженцами дѣйствіями Бекка, и казалось ему, что они не задумаются, если представится возможность, посредствомъ тайныхъ козней свергнуть его съ патріаршаго престола.“ И раньше этого тотъ же Пахимерь, сообщивши, что Беккъ въ изданныхъ имъ сочиненіяхъ защищалъ унію и ученіе Латинянь, говоритъ: „что же отсюда послѣдовало? Возгорѣлась неблаговременная борьба, начался споръ, такъ какъ очень многіе сильно возстали противъ Бекка. Главная причина возбужденія противъ него заключалась въ томъ, что онъ затрогиваетъ догматы, затѣваетъ самъ и его единомышленники напрасныя споры. При этомъ прибавляли: ведите эти

споры о догматѣ частнымъ образомъ между собою, но воздержитесь отъ внесенія распрей въ домъ Божій. Этимъ они какъ будто говорили: допустимо, что бы думали и говорили частно о догматѣ, что вамъ угодно, умоляемъ только васъ, не обнародуйте вашихъ разсужденій и не смущайте темный народъ, въ простотѣ сердца принимающій то, что ему передано. Такіе голоса во множествѣ раздавались по поводу писаній Бекка, котораго нѣкоторые упрекали и въ томъ, что онъ затѣялъ борьбу при неравныхъ условіяхъ, разсуждая о догматѣ, тогда какъ зналъ, что противникамъ его объ этомъ говорить запрещено. Развѣ онъ, продолжая ихъ вызывать на возраженія и заставляя защищать принятый догматъ, хочетъ, чтобы они нарушили запрещеніе и подверглись наказанію? Я впрочемъ этого не думаю. Одно только знаю, что нѣкоторые доводили до слуха императора такія обвиненія противъ Бекка и общали, что они подчинятся тому, что постановлено, и будутъ хранить миръ, лишь бы императоръ ясно воспретилъ, что бы никто впредь въ своихъ писаніяхъ не касался догмата, довольствуясь для защиты заключеннаго мира какими угодно другими возможными доводами. “

Вотъ при какихъ условіяхъ заключалась унія. Станутъ ли Латиняне одобрять такую унію и такое настроеніе присоединяемыхъ, станутъ ли считать ее доказательствомъ противъ ихъ ученія? Греки видѣли, что Латиняне погрѣшаютъ въ догматахъ вѣры, что общеніе съ ними по существу есть нечестіе, но можетъ быть допущено, какъ меньшее зло, изъ страха бѣдствій, грозившихъ съ ихъ стороны. И такъ, зачѣмъ Латиняне упорно продолжаютъ ставить восточнымъ на видъ унію, кое-какъ устроенную при императорѣ Михаилѣ?

Возраженіе IV.

Что эта унія была совершенно непрочна и напрасна,—это не только засвидѣтельствовали тогда же нѣкоторые восточные, но и Латиняне на это указали черезъ присланное ими посольство. Самъ Михаилъ Палеологъ, убѣждая принять эту унію, такъ говоритъ своимъ подданнымъ (у Пахимера, кн. V, гл. XVIII): „въ сущности въ трехъ только пунктахъ заключается все дѣло этого соглашенія съ римскою церковью: въ приматѣ, апелляціи и поминаніи (папы), изъ которыхъ каждый, если кто правильно его по-

нимаешь, сводится въ пустякамъ.“ То же прямо заявили нѣкоторые изъ восточныхъ латинскимъ монахамъ, проживавшимъ въ Перѣ ¹⁾), о чемъ говоритъ также Пахимеръ (въ кн. VI, гл. XIV): „въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ нашихъ многихъ Фреріямъ (латинскимъ монахамъ), среди нихъ толкавшимся, говорили: миръ, который вы считаете крѣпкимъ, повидимому, ничто иное, какъ посмѣшище.“ Да и самъ императоръ объ этомъ заявляетъ (тамъ же, гл. XV): „такъ какъ нѣкоторые изъ нашихъ, какъ я узналъ, встрѣтившись съ Фреріями въ Перѣ, говорили: этотъ миръ—только насмѣшка и обманъ.“ Поэтому-то папа римскій Іоаннъ XXI, пославши легатовъ, указалъ императору и восточнымъ, что миръ между церквами заключается не въ словахъ, но въ дѣлахъ; что бы доказать, что миръ церквей существуетъ въ дѣйствительности, необходимо принять символъ съ прибавкой (Пахимеръ, кн. VI, гл. XIV). То же видно изъ меморіала, даннаго папою легатамъ, который мы находимъ у Льва Аллятія (II кн. „непрерывнаго согласія церквей,“ гл. XV, ном. II). Но этого условія не хотѣли никоимъ образомъ принять ни самъ императоръ, ни остальные, заключившіе унію. (Пахимеръ, кн. VI, гл. XIV, XV). Только по распоряженію императора составлена была записка, подъ которою будто бы подписались всѣ восточные епископы. Дѣйствительно, въ этой запискѣ, казалось, утверждалось исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, но затѣмъ во многихъ другихъ выраженіяхъ, этотъ догматъ развивался такъ, что слово — *исхожденіе*—совсѣмъ скрывалось. Подписаны были подъ ней въ огромномъ числѣ имена епископовъ, назывались многіе, никогда не получавшіе епископства, вписывались мѣста, никогда не имѣвшіе епископскихъ каедръ; а подписи другихъ искусно поддѣланы писцомъ, что бы казалось, что они подписались собственноручно. Эту-то записку, какъ подлинную и удовлетворяющую требованіямъ легатовъ, и передалъ императоръ послѣднимъ, рассчитывая, что этимъ онъ убѣдитъ Латинянъ въ прочности и твердости заключенной восточными уніи, между тѣмъ какъ она сама по себѣ была очень шатка. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ Пахимеръ (кн. VI, гл. XV^{II}): „тогда принялись составлять записку, чтобы удовлетворить папу относительно требованій, объ-

¹⁾ часть Константинополя.

явленныхъ черезъ легатовъ. Эту записку постарались снабдить для большей важности множествомъ подписей; тутъ записали епископами многихъ такихъ, которые никогда не были посвящены въ этотъ санъ, и придавали имъ титулы мѣстъ, никогда не имѣвшихъ епископовъ; въ ихъ числѣ подписалъ писецъ и многихъ лицъ, извѣстныхъ святостью, что бы тѣмъ вѣрнѣе убѣдить въ томъ, что было желательно. Было ли это сдѣлано съ вѣдома патріарха, не знаю; но вижу въ этомъ ревность императора, честолюбиво стремившагося устроить съ Латинянами дѣла греческой церкви. Такъ какъ въ числѣ доказательствъ заключеннаго соглашенія съ Греками Римъ видѣлъ многочисленность подписавшихъ его епископовъ (ибо въ этихъ странахъ такъ часты епископства, что синоды нерѣдко состоятъ изъ многихъ сотенъ епископовъ), то императоръ для большаго ли довѣрія, или какъ я сказалъ, для обозначенія какъ бы нѣкотораго равенства восточной церкви съ западной, употребилъ такое показное множество нашихъ архіереевъ. Приложено также было въ этой запискѣ стараніе, что бы въ выраженіи догмата объ исхожденіи Св. Духа собрать побольше разныхъ изреченій нашихъ Отцовъ, говорящихъ, что Духъ Св. изъ Сына изливается, даруется, дается, возсіяваетъ, блещетъ, или обнаруживается и т. п. Нагроможденіемъ этихъ словъ втайнѣ стремились какъ бы зарыть употребляемый Латинянами глаголь *исходитъ* (*procedit*) и, скрывши его замѣною другими глаголами, имѣли въ виду молчаливо его отвергнуть, отклонивъ Латинянь употребленіемъ съ виду равносильныхъ выраженій отъ требованія чего-нибудь большаго. Въ концѣ записки прибавлено было: если кто не станетъ повиноваться этому мирному соглашенію, то опредѣляемъ подвергнуть его достойному наказанію. Но все это было напрасное дѣло, не устойчивѣе пустого сновидѣнія; съ виду дѣлалось все это для того, чтобы разрѣшить добросовѣстно спорные вопросы, но на самомъ дѣлѣ, если приглядѣться по ближе и выяснить дѣло на чистоту, то взявшіеся за это дѣло оказывались повинными въ той распрѣ, которую съ такимъ стараніемъ хотѣли удалить. Впрочемъ хотѣли имѣть въ будущемъ противъ бѣдныхъ духовныхъ основаніе для обвиненій въ томъ, что они предавали анаѹемъ православныхъ, чего вѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ должно было

служить это письмо къ папѣ, хотя оно, по моему мнѣнію, написано не въ тотъ смыслъ, какой придавали тогда ему Латиняне, можетъ быть, для виду только, а можетъ быть, по убѣжденію, ибо оно намѣренно написано папѣ въ льстивомъ тонѣ, который Латинянамъ долженъ былъ понравиться.“

Это письмо цѣликомъ помѣщено въ XI т., ч. I Соборовъ, столб. 1034 и у Льва Аллятія во II кн. „непрерывнаго согласія церквей,“ гл. XV, ном. V.—Вотъ какъ говорится въ немъ объ исхожденіи Св. Духа: „вѣруемъ точно такъ же въ Духа Св., все изслѣдующаго и глубины Божіи, Который по природѣ присущъ Богу Отцу и по существу, такъ сказать, вселенъ въ Него и нераздѣльно изъ Него исходитъ; по природѣ присущъ Онъ и Сыну и существенно вселенъ въ Него и нераздѣльно изъ него выходитъ, изливается. Именно Онъ исходитъ, какъ отъ источника, отъ Бога Отца; изливается же отъ Самого Сына, какъ отъ источника, подобно тому какъ изъ Самого Бога Отца. Но хотя Отецъ—источникъ Духа и Сынъ—источникъ Духа, однако Отецъ и Сынъ—не два источника Духа. Вѣрное и благочестивое разумѣніе принимаетъ Отца и Сына за одинъ источникъ Духа и поэтому свѣтила и учителя Церкви богословски установили, что Духъ Св. есть общій (Духъ) Отца и Сына. Именно—Духъ Св.—какъ изъ сущности Отца по природѣ, такъ и изъ сущности Сына по природѣ, и какъ является по существу (Духомъ) Бога Отца, такъ является по существу (Духомъ) Сына; и какъ есть собственный сущности Отца и не внѣ ея выходитъ въ бытіе,—такъ есть собственный сущности Сына и не внѣ ея выходитъ въ бытіе. Ибо Сынъ, являясь существенно общникомъ природныхъ благъ Бога Отца, имѣетъ Духа, подобно какъ каждый изъ насъ содержитъ въ себѣ самомъ собственный духъ, и изъ глубочайшихъ вѣдръ изливаетъ Его во внѣ. Поэтому Онъ и тѣлесно вдунулъ Его ученикамъ, ибо мы знаемъ Духа въ дыханіи Сына и научились у апостола, что Духъ есть умъ Христа.“

И такъ, сами восточные признавали вмѣстѣ съ императоромъ, что уніа, ими заключаемая, ни къ чему не ведетъ, и по мнѣнію Латинянъ также она состоялась только на словахъ и была полна всякой лжи. Могутъ ли Латиняне одобрять эту унію и утверждать, что она соотвѣтствуетъ ихъ желанію?

Возраженіе V.

Что бы заставить восточныхъ пристать къ этой уніи, пущены были со стороны императора въ ходъ настоянія, угрозы, ссылки, штрафы и даже казни. Аббатъ *Варлаамъ* прямо заявилъ римлянамъ, по свидѣтельству папы Бенедикта XII въ посланіи къ королю Сицилійскому Роберту (у Льва Алмятія, кн. II „непрерывнаго согласія церквей“, гл. XVI, ном. II): „императоръ (Михаиль) стремился устроить съ вами унію посредствомъ насилія, а не добровольную.“ Когда императоръ никакъ не могъ привлечь на свою сторону предстоятелей церкви, то въ гнѣвъ сталъ обвинять ихъ въ разныхъ преступленіяхъ:—что они отказываютъ ему въ повиновеніи, что они обрушиваются на приверженцевъ уніи, проклинаютъ по поводу ея императора. Упрекая ихъ въ этомъ, онъ прибавилъ: пусть каждый заявитъ открыто, что онъ думаетъ объ уніи. (Пахимерь, кн. V, гл. XVII и XVIII). Затѣмъ онъ приказалъ осмотрѣть всѣ дома въ городѣ, объявивъ, что, такъ какъ онъ отнялъ городъ силою у враговъ, то всѣ дома перешли въ его собственность, и онъ не хочетъ предоставлять пользованіе ими непокорнымъ. И вотъ стали хватать и отправлять въ ссылку противящихся царю въ дѣлѣ уніи; другимъ приказано самимъ уходить изъ города, такъ что многіе, не устоявъ предъ такими бѣдствіями, согласились принять унію. Объ этомъ Пахимерь рассказываетъ такъ (кн. V, гл. XIX): „послѣ того (императоръ) послалъ свою свиту шарить вездѣ по домамъ и изгонять всякаго безъ различія, виновенъ ли, или нѣтъ. При этомъ онъ ссылался на то, что онъ завоевалъ городъ у враговъ, поэтому всѣ дома перешли въ его собственность; впредь онъ будетъ пользованіе ими уступать бесплатно вѣрнымъ ему; подозрительнымъ же и отказывающимся ему повиноваться не намѣренъ предоставлять такой милости. Но тутъ же онъ потребовалъ съ нихъ плату, соответствующую помѣщенію, за пользованіе въ прошлые годы. Складывались въ сумму деньги за многіе годы, требовалась немедленная уплата, бралась въ качествѣ залога домашняя утварь и все, что было въ домѣ. Такимъ образомъ отнималось все, что было у гражданъ въ домахъ цѣннаго, и всякія украшенія. Приготовлены были также корабли, что бы увозить въ ссылку достаточно изболченныхъ въ этомъ преступленіи (въ непокорности)

и осужденныхъ. И это не имѣло вида только угрозы бѣдствій, но несчастные испытали ихъ на опытѣ: одни изъ нихъ были отосланы на Лемность, другіе на Скиросъ, иные на Кеосъ, а нѣкоторые въ городъ Никею. Другіе повсюду изгонялись изъ города, или уходили добровольно, предупреждая изгнаніе. Нѣкоторымъ, такъ какъ они еще колебались, назначена была ссылка до Селимврїи и Редеста, другимъ до гавани по сю сторону маяка; изъ нихъ многіе, приведенные бѣдствіемъ къ согласію и заявившіе, что пристають къ униі, были освобождены и воротились домой.“

Но императоръ не ограничивался ссылками; такъ риторъ Оловола, наказавши плетями, онъ велѣлъ вмѣстѣ съ десятью другими клириками водить на позоръ по городу. Остальные клирики пришли при этомъ въ ужасъ, опасаясь не безъ основанія за себя, и начали просить, чтобы ихъ оставили въ покоѣ до возвращенія пословъ, отправленныхъ въ Римъ для заключенія униі. Но императоръ сталъ сильнѣе настаивать, объявляя, что всѣ, кто не подпишетъ немедленно унию, будетъ осужденъ, какъ виновный въ оскорбленіи величества. Поэтому нѣкоторые устремились въ бѣгство, что бы не подвергнуться такому обвиненію. Тогда императоръ обнародовалъ указъ, въ которомъ клятвенно обѣщалъ, что онъ не допуститъ ни іоты прибавить къ символу, только пусть согласятся на примать, апелляцію и поминаніе (папы), но заявлялъ, что онъ подвергнетъ страшному наказанію тѣхъ, кто этихъ условій не подпишетъ. Вслѣдствіе этого многіе клирики подписались, другіе, сосланные было за отказъ въ ссылку, приложили также руки; наконецъ, при этомъ условіи всѣ одобрили унию. Все это описано Пахимеромъ (въ V кн., гл. XX): „и его перваго (ритора Оловола) приказываетъ жестоко и безчеловѣчно бить плетями, а затѣмъ устраиваетъ передъ глазами гражданъ такое невиданное зрѣлище: повѣсивши на шеѣ длиную веревку, первымъ Оловола, вторымъ Мелія изъ Яссъ, а затѣмъ другихъ, составившихъ непрерывный рядъ изъ десяти человекъ, присоединивши одиннадцатою женщину, родственницу Оловола, выведенную на позоръ за то, будто она волшебница, повелѣя по всему городу, направляя это неприглядное шествіе въ особенности вокругъ церквей. И первые два, какъ упорно отрицавшіе взведенное на нихъ обвиненіе, шли впереди, увѣшанные овечьими

внутренностями, еще наполненными ~~кадомъ~~ ~~кадомъ~~, приче́мъ риторъ Оловола для особеннаго безчестія били всю дорогу по лицу печенкою, только что извлеченною изъ живота овецъ. Все это дѣлалось не столько для позора этого несчастнаго, сколько для устрашенія твердо еще стоявшихъ въ отказѣ отъ уніи клириковъ, которымъ этимъ примѣромъ хотѣли показать, какія бѣдствія имъ угрожали въ случаѣ дальнѣйшаго съ ихъ стороны упорства. Это происходило 6-го октября слѣдующаго года; за шесть дней до этого событія патріархъ **Арсеній** умеръ на островѣ, — именно послѣдній день его жизни было 30 сентября. — **Послѣ того какъ императоръ** такимъ способомъ обнаружилъ свой гнѣвъ, клирики, устрашенные **грозиной** имъ столь очевидной опасностью, просили у императора краткаго срока для размышленія, а также — что бы онъ ничего противъ нихъ не предпринималъ, пока не воротятся послы, отправленные въ Римъ. Но они ничего не добились, какъ горячо ни просили. Напротивъ, имъ сурово объявлено было: беспощадно будетъ осужденъ за оскорбленіе величества всякій, кто не подпишетъ условій устраиваемаго соглашенія. Такъ какъ вслѣдствіе этихъ угрозъ многіе стали бѣжать, опасаясь, что ихъ заставятъ дѣлать то, что имъ противно, то по повелѣнію императора обнародованъ былъ указъ, къ которому приложена была золотая печать; въ немъ императоръ съ страшными клятвами объявлялъ, что ему никогда на умъ не приходило кого-нибудь принуждать, или настаивать и убѣждать принять прибавленіе хотя бы одной іоты, или малѣйшей черточки къ символу. При этомъ онъ прибавлялъ, что удовольствуется всеобщимъ признаніемъ только трехъ пунктовъ: примата, апелляціи и поминанія (палы), да и это онъ требуетъ уступить только по имени въ виду необходимости заключить сдѣлку для общаго спокойствія и безопасности; если же этому не подчинятся, то пусть знаютъ, что онъ приметъ противъ нихъ суровыя, губительныя мѣры. Написавши и подписавши эту грамоту и скрѣпивъ ее приложеніемъ золотой печати, императоръ посылаетъ ее Церкви съ первымъ секретаремъ Неокесарійскимъ Михаиломъ. Убѣжденные этимъ указомъ, очень многіе подписались; нѣкоторые однако и теперь отказались, за что были сосланы. Впрочемъ они спустя нѣкоторое время одумались и, давши согласіе подписаться, были воз-

вращены и присоединились къ Церкви. Такимъ образомъ, не осталось въ духовенствѣ никого, кто бы не согласился на заключеніе мира между церквами согласно съ заявленіемъ императора.“

Велѣдъ затѣмъ Іосифъ, не желавшій одобрить уніи, былъ лишенъ патріаршества (Пахимерь кн. V, гл. XXII). Когда же онъ впоследствии сталъ дружески принимать неодобрявшихъ унію, то отъ имени императора приказано было ему не входить съ такими людьми ни въ сношенія, ни въ разговоры. На это патріархъ отвѣтилъ, что было бы жестокостью не позволить ему и говорить съ близкими ему людьми и что это можно отвратить только его ссылкой. Этими горькими словами онъ надѣялся возбудить къ себѣ состраданіе въ государѣ, къ нему очень расположенномъ. Но императоръ, толкуя эти слова въ томъ смыслѣ, будто Іосифъ дѣйствительно желаетъ отправиться въ добровольную ссылку, приказалъ сослать его въ отдаленнѣйшее мѣсто, разославъ приверженныхъ къ нему монаховъ въ другія мѣста (Пахимерь, кн. V, гл. XXIX).

Мало того,—за неодобреніе уніи содержались въ тюрьмѣ родственники самага императора, которыхъ онъ показывалъ папскимъ легатамъ съ цѣлью убѣдить ихъ, что онъ затѣялъ унію по душевному влеченію. Пахимерь (кн. VI, гл. XVI) рассказываетъ: „придумалъ императоръ и другое средство убѣдить легатовъ, что заключенное соглашеніе—не шутка. Онъ послалъ Ефесскаго епископа Исаака вмѣстѣ съ легатами въ общественную тюрьму, приказавши показать имъ своихъ родственниковъ и приближенныхъ, заключенныхъ тамъ за несочувствіе къ соглашенію. Это были протостраторъ Андроникъ Палеологъ, завѣдующій царскимъ столомъ Рауль Мануилъ, братъ его Исаакій и четвертый—племянникъ протостратора Іоаннъ Палеологъ, которые въ суровомъ одѣяніи (какъ сказалъ бы какой-нибудь поэтъ) занимали каждый уголъ четверугольной комнаты, закованные въ тяжелые кандалы.“ Кромѣ того, иныхъ, осудившихъ окончательно унію, императоръ отослалъ въ Римъ къ папѣ, повидимому, для того, что бы ихъ тамъ казнили; однако папа, принявши ихъ благосклонно, прислалъ обратно невредимыми (Пахимерь, кн. VI, гл. XVII и XVIII). Такъ какъ, затѣмъ, оставались еще отказывавшіеся отъ уніи, то императоръ,

пылая гнѣвомъ, сталъ свирѣпствовать надъ своими родственниками и тѣхъ, которые послѣ новыхъ убѣжденій не согласились одобрить унію, отправилъ въ ссылку, велѣвши имъ выколоть глаза. Пахимеръ (кн. VI, гл. XXIV) объ этомъ говоритъ: „то, что (императоръ) въ это время творилъ, достойно быть описаннымъ скорѣе слезами, чѣмъ чернилами. Приведенный въ изступленіе дикими какими-то мыслями, подозрѣвая всѣхъ, не знаю, почему, потому ли, что это ему казалось, или потому, что онъ дѣлалъ видъ, что такъ ему кажется, императоръ сталъ жаловаться на то, что его заботы о религіи дурно истолковываются; хотя онъ все дѣлаетъ для того, что бы найти и слѣдовать истинному пути богослуженія и здраваго ученія, однако на него клеветцуютъ и обвиняютъ въ стремленіи извратить вѣру. Поэтому онъ велѣлъ вывести изъ тюрьмы благородныхъ мужей, о которыхъ мы выше упоминали, именно двухъ братьевъ, сыновей Рауля, Мануила и Исаакія и третьяго Іоанна, изъ рода Кантакузеновъ (а протостраторъ Андроникъ умеръ раньше въ темницѣ) и представить къ нему не какъ подсудимыхъ, а какъ уже осужденныхъ. Затѣмъ, промучивши ихъ нѣсколько дней жестокими упреками и тяжкими оскорбленіями, при чемъ они непоколебимо отказывались подчиниться волѣ государя, онъ приказываетъ сперва Мануила, а потомъ Исаакія лишить зрѣнія. Только на этихъ двоихъ обрушилась столь жестокая казнь, такъ какъ Кантакузенъ, отдѣленный отъ нихъ и уstraшенный угрозами, согласился подписаться; но несомнѣнно, что и его постигла бы такая же судьба, если бы повинovenіемъ онъ не купилъ освобожденія и пользованія зрѣніемъ. И такъ, только эти двое стяжали славу непобѣдимой твердости въ борьбѣ и страданіяхъ за отеческіе обычаи, чего никто другой не имѣлъ смѣлости сдѣлать и перенести. Послѣ этого одинъ день видѣлъ лишенныхъ очей, вышедшихъ изъ одного чрева; тѣ, кого соединяли узы братства и дѣло, за которое они страдали вмѣстѣ, были разлучены другъ отъ друга: Мануилъ былъ сосланъ въ Кенхрей на Скамандрѣ и тамъ заключенъ въ мрачную тюрьму въ крѣпости, а другой братъ былъ уведенъ куда-то въ другое мѣсто.“

Между тѣмъ какъ противъ нѣкоторыхъ возбуждались жестокія преслѣдованія по какой-нибудь другой выдуманной причинѣ,

можно было, признавши унію, избѣжать наказанія, которому иначе непремѣнно нужно было подвергнуться. Но, наконецъ, пошли преслѣдованія безразлично противъ всѣхъ, выразившихъ относительно догматовъ что-нибудь противное императору, — при чемъ давался просторъ доносамъ. Такъ Пахимерь продолжаетъ рассказывать дальше: „но Макарія ни его полнѣйшая невинность и простота, стяжавшія ему прозваніе голубя, ни отдаленность его мѣстожителъства отъ нашихъ предѣловъ не спасли отъ жестокости императора. Онъ далъ приказъ Икарію, носившему титулъ великаго дуки и префекта флота, схватить его по обвиненію въ оскорбленіи величества, — будто онъ старался возстановить противъ него западныхъ государей. Когда онъ былъ схваченъ, то ему предложили или подвергнуться наказанію, положенному за измѣну, или искупить свою вину, одобривши соглашеніе церквей, къ которому онъ до тѣхъ поръ не желалъ пристать; и такъ какъ онъ твердо остался при своемъ отказѣ, то его судили и наказали. Нечего говорить о простыхъ монахахъ и тѣхъ, которые были при немъ. Ибо императоръ такъ былъ раздраженъ, что если кто-нибудь высказывалъ относительно тогдашнихъ несогласій мысль, противную мнѣнію императора, того тотчасъ постигало наказаніе. При этомъ не дѣлалось различія и разслѣдованія по сдѣланнымъ доносамъ, но кто-бы кого ни обвинялъ, ему вѣрили съ перваго слова. Мало того, поддаваясь простому подозрѣнію, императоръ опирался на него, какъ на доказательство, и когда люди, близко къ нему стоявшіе, указывали ему на чрезмѣрную его суровость, онъ сылался въ свою защиту на государственные законы и на принятый государями образъ дѣйствій, заявляя, что совсѣмъ неправильно смотрѣть на управленіе императора римлянами, какъ на управленіе монахами настоятелей монастырей, которые могутъ удовольствоваться принесевіемъ провинившимися раскаянія. Легкость же, съ которою онъ довѣрялъ доносчикамъ, онъ оправдывалъ необходимостью дѣятельно противостоять зарождающемуся злу, говоря: какое-бы преступленіе ни указывалось государю, дѣйствительное ли, или выдуманное доносчиками, общественное благо предписываетъ ему допустить обвиненіе. Онъ довольно часто прибѣгалъ къ такому способу оправданія своихъ дѣйствій; при этомъ прибавлялъ, что чувствуетъ себя очень

несчастливымъ оттого, что, слывя съ раннихъ лѣтъ другомъ монаховъ, онъ вынужденъ теперь ненавидѣть этихъ людей за ихъ зложелательство. Зложелательствомъ же онъ называлъ отказъ съ ихъ стороны одобрить его образъ дѣйствій.“

Наконецъ, когда Беккъ сталъ въ изданныхъ ими сочиненіяхъ защищать ученіе Латинянъ и многіе за это обвиняли его предъ императоромъ, то послѣдній началъ жестоко преслѣдовать обвинявшихъ. Такъ Пахимерь (кн. VI, гл. XXV) передаетъ: „когда стали обвинять патріарха (т. е. Бекка) въ томъ, что онъ перешелъ на сторону Латинянъ, то императоръ, раздраженный неповиновеніемъ подданныхъ, такъ разгнѣвался изъ-за патріарха, что, казалось, возненавидѣлъ обвиненія противъ него хуже смерти. По этому поводу онъ воспыпалъ гнѣвомъ на всякаго рода и званія людей, въ числѣ которыхъ были такіе, которыхъ онъ воспиталъ съ особенною любовью, осыпалъ почестями и считалъ обязанными повиноваться ему за оказанныя имъ благодѣянія. Изъ нихъ, кромѣ многихъ другихъ, не безнаказанно возстававшихъ на Бекка, выдавались двое: Константинъ Акрополитъ и Федоръ Музалонъ.“

И такъ, достаточно выяснено, что только по настояніямъ, сопровождавшимся угрозами и наказаніями, восточные принуждены были признать задуманную императоромъ Михаиломъ Палеологомъ унію; но приняли ее устами, а не сердцемъ. Отсюда опять слѣдуетъ, что эта унія церковей нисколько не помогаетъ дѣлу Латинянъ.

Возраженіе VI.

Не взирая на принужденія со стороны императора, угрозы, наказанія и ссылки, всегда были люди, рѣшительно отвергавшіе унію: одни изъ нихъ короче, другіе долше твердо стояли въ этомъ упорствѣ, а нѣкоторые противились императору до конца. Когда епископы, понуждаемые императоромъ, одобрили наконецъ унію, то явились клирики, долго ни за что не соглашавшіеся къ ней пристать, пока казнь нѣкоторыхъ изъ нихъ не заставила остальныхъ соглашаться признать ее; ибо одни слова на нихъ дотолѣ нисколько не дѣйствовали. Напротивъ, -- на настоянія императора они отвѣчали, что относительно соглашенія съ римскою

церковью они ничего не могут постановлять, такъ какъ находятся въ зависимости отъ патріарха. Спрошенные же порознь, одни осудили и примать, и апелляцію, и поминаніе папы, а другіе сдѣлали уступку относительно примата и апелляціи, такъ какъ это ни къ чему не вело, но поминаніе папы рѣшительно отвергли. Между прочимъ Ксифилинъ, великій экономъ, на колѣняхъ умолялъ императора, что бы онъ для избѣжанія внѣшней войны не повергалъ своихъ подданныхъ въ войну гражданскую и церковную. Пахимерь, кн. V, гл. XVIII такъ описываетъ эти обстоятельства: „на запросъ императора клирики такъ отвѣтили: прежде всего намъ священными канонами о такихъ вещахъ разсуждать запрещено, ибо мы подчинены патріарху, должны слѣдовать его сужденію и повиноваться его указаніямъ. Поэтому вмѣстѣ мы не можемъ говорить, а пусть насъ спросятъ каждаго отдѣльно. Тогда, когда насъ станутъ спрашивать по одиночкѣ, никакой страхъ не удержитъ насъ высказать на предлагаемый вопросъ то, что намъ придется на умъ. Такъ и сдѣлалъ императоръ; и одни изъ тѣхъ, кого онъ выслушалъ отдѣльно, отвергли одинаково всѣ три пункта, утверждая, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть принятъ Церковью, которая привыкла повиноваться одному верховному главѣ — своему патріарху; а нужно держаться и передать потомкамъ то, что приняли отъ отцовъ. Что касается опасностей, которыя, говорятъ, угрожаютъ, то ихъ частный долгъ отвращать ихъ не иначе, какъ горячими молитвами къ Богу, а обязанность государя не упустить ничего изъ военныхъ и политическихъ средствъ, которыя окажутся полезными для предохраненія и избавленія государства отъ бѣдствій. Были, затѣмъ, нѣкоторые, которые заявляли, что два первые пункта, т. е. примать и провокація (апелляція) могутъ быть приняты безъ большого ущерба, потому что то и другое можетъ остаться только по имени и для виду, а не на дѣлѣ, при чемъ можно сохранить полное обладаніе правомъ, которымъ до сихъ поръ непрерывно пользовались Греки. Далекое не такъ нужно смотрѣть на третій пунктъ, т. е. на поминаніе папы при богослуженіи. Черезъ него вводится право и пользованіе и слова узаконяются дѣломъ. Этимъ дѣлается уступка того, въ чемъ до сихъ поръ съ такими усиліями и такъ упорно наши отказывали, именно яв-

ное допущеніе общенія съ людьми, которые съ несносною дерзостью осмѣлились погрѣшати относительно Писанія, устанавливающаго правила вѣры, т. е. относительно символа.—Между тѣмъ Ксифилинъ, правившій тогда должность великаго эконома, съ смѣлостью, на которую давали ему право старость и близость къ императору, подойдя къ нему, сталъ просить, а потомъ палъ къ его ногамъ и обнявши колѣна государя, заклиналъ его такими словами: подумай еще и еще, государь, какъ бы, задавшись цѣлью отвратить отъ насъ внѣшнюю войну, не вовлечь насъ въ болѣе опасную—междоусобную, такъ какъ ты губишь этимъ миръ церковный и гражданскій; ибо если мы съ тобою согласимся на этотъ миръ (съ Латинянами), то они все на него не согласятся.“

Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ поднялась еще большая смута въ церкви, такъ какъ одни стали осуждать другихъ за одобреніе уніи. Такъ Пахимерь, въ XIX гл., продолжаетъ: „наконецъ, видя, что волненія въ церкви растутъ вслѣдствіе образованія партій, что одинъ другого не принимаетъ въ общеніе и тотъ, кто пребываетъ въ старинныхъ убѣжденіяхъ, отворачивается отъ сочувствующаго новымъ предложеніямъ, какъ отъ оскверненнаго, (императоръ) рѣшился принять мѣры противъ этого зла.“ И въ то время, какъ очень многіе за неободреніе уніи ссылались на Лемность, Скирось и въ другія мѣста, нѣкоторые оставили городъ добровольно. Большинство изгнанниковъ устояли въ отцовской вѣрѣ; но многіе, не выдержавъ бѣдствій, согласіемъ на унію купили себѣ свободу возвращенія домой. Объ этомъ говоритъ Пахимерь въ мѣстѣ, уже приведенномъ выше: „приготовлены были корабли, что бы увести въ ссылку казавшихся достаточно изобличенными въ непокорности и за это осужденныхъ. И это не было только угрозою бѣдствій, но несчастные испытали ихъ на опытѣ: одни изъ нихъ были отправлены на Лемность, другіе на Скирось, нѣкоторые на Кеосъ, а иныя въ городъ Nikeю. Нѣкоторымъ, такъ какъ они еще колебались, назначена была ссылка не дальше Селимврїи и Редеста, другимъ не дальше гавани по сю сторону маяка; изъ нихъ многіе, приведенные бѣдствіями къ согласію и заявившіе, что принимаютъ унію, были отпущены на свободу и воротились домой.“

Въ числѣ ихъ были подвергнуты позору и водимые на помѣшнице по городу вмѣстѣ съ великимъ риторомъ Оловоломъ, о чемъ говорено выше. Наказывая ихъ твердость, императоръ побѣдиль упорство остальныхъ клириковъ, убоявшихся подобной казни, — о чемъ также замѣчено было раньше.

Но когда вслѣдъ затѣмъ воротились императорскіе послы съ Лионскаго Собора и въ первый разъ сдѣлано было на богослуженіи поминаніе папы, еще большее волненіе возгорѣлось въ церкви: одни осуждали сношенія съ другими до того, что отказывались встрѣчаться, говорить и называть по имени; даже тѣ, кто одобрялъ унію, между собою расходились. Пахимерь такъ описываетъ эти обстоятельства (кн. V, гл. XXIII): „отъ этого страдали дѣла церкви, и люди чуждались другъ друга. Въ то время какъ одни допускали общеніе съ другими, иные усваиваютъ ненавистныя формулы разлада: не подходи, не прикасайся! доводя суевѣрный страхъ оскверненія до того, что избѣгали прикосновенія къ сосудамъ, названія по имени и разговоровъ. И расколъ росъ со дня на день,—такъ что кто вчера еще не колебался входить въ сношенія съ кѣмъ-нибудь, сегодня уже отъ него отворачивался. Точно будто къ кому-нибудь, пораженному уже внутреннимъ страданіемъ, приходила новая болѣзнь и удваивала горе несчастнаго, увеличивая прежнюю боль прибавленіемъ слабости и досады. Мало того, вслѣдъ затѣмъ обѣ болѣзни борются между собою на погибель больного, страданія котораго увеличиваются еще оттого, что то лѣкарство, которое могло бы облегчить одну болѣзнь, увеличиваетъ силу другой. Такъ случилось тогда съ церковью Божіею: въ то время когда уже раньше достаточно зла причинила ей схизма Арсенія, явилась эта вторая. Та и другая рана были гибельны сами по себѣ, но каждая изъ нихъ становилась еще ужаснѣе и невыносимѣе вслѣдствіе взаимнаго сообщества, и великое тѣло церкви, хотя свободное въ то время отъ смуть, порождаемыхъ ересями, приступомъ этихъ двухъ борющихся между собою въ ея внутренностяхъ заразъ было раздираемо на части самымъ печальнымъ образомъ. При этомъ замѣчалась еще та неожиданность, что тѣ, кто, казалось, составляютъ одну партію, опять между собою расходились, толкуя то, относительно чего они согласились, одни такъ,

другіе иначе; одни довольствовались прямым пониманіемъ предмета спора, другіе выясняли его съ разными тонкостями, находя тайный смыслъ въ немъ и, оставаясь каждый при своемъ мнѣніи, развивали расколъ дальше.“

Очень многіе изъ неодобрявшихъ унію убѣждали патріарха Іосифа возстать противъ нея и лишить соединившихся съ Латинянами всякаго общенія. Возмущенный этимъ, императоръ открыто воспретилъ патріарху сношеніе съ такими людьми. Пахимерь (кн. V, гл. XXIX) рассказываетъ: „при томъ нѣкоторые не могли ни сами успокоиться, ни оставить въ покоѣ Іосифа въ его уединеніи; но смущали покой этого человѣка, являясь къ нему ежедневно толпами, и причиняли ему не мало хлопотъ, пытаясь возбудить ревность его, ослабѣвшую, какъ они говорили, вслѣдствіе излишней простоты его поведенія, и зажечь въ немъ энергію. Это былъ мужъ столь непритязательный и кроткій, что всякій, находившійся въ общеніи съ церковью, если желалъ его видѣть, то только для того, чтобы поклониться ему и получить отъ него благословеніе. Ибо всякаго, побывавшаго съ нимъ въ общеніи, видимо посѣщала благодать Св. Духа,--что было несносно и для окружавшихъ его, и для другихъ. Поэтому являющіеся къ нему ежедневно все настаивали, что бы онъ явно и рѣшительно порвалъ всякія сношенія съ послѣдователями противной партіи. Когда это стало извѣстно императору, то онъ, не смотря на обнаруженное до сихъ поръ благоволеніе и довѣріе къ бывшему патріарху, рѣшилъ принять протявъ него мѣры, обвиняя его въ благосклонномъ отношеніи къ замысламъ бунтовщиковъ, тогда какъ государь рассчитывалъ на его благоразуміе и твердость. Особенно жаловался императоръ на неблаговидное поведеніе патріарха въ виду того, что онъ предоставилъ ему полную свободу, покой и безопасность, а между тѣмъ тотъ не переставалъ допускать къ себѣ людей, которые своимъ разномысліемъ и строптивостью раздражаютъ тѣло Церкви. Ему слѣдовало бы, говорилъ императоръ, употребить свой авторитетъ на то, что бы успокоить непокорныхъ и убѣдить ихъ подчиниться указамъ и жить мирно, а не давать поводъ своимъ поведеніемъ думать, что онъ самъ увлеченъ примѣромъ и совѣтами бунтовщиковъ, явныхъ враговъ церкви и государства. Поэтому императоръ

послалъ къ Іосифу запрещеніе принимать такихъ людей и входить съ ними въ сношенія подѣ страхомъ лишиться того спокойнаго существованія, которое ему было обезпечено.“ Такъ какъ Іосифъ не захотѣлъ отказаться отъ общества неодобрявшихъ унію, то бѣлъ сосланъ; сосланы были въ разныя мѣста и монахи, его приверженцы, за то именно, что не приняли увіи. „Нѣкоторыхъ же монаховъ, рассказываетъ дальше Пихимеръ, послалъ въ ссылку cadaго въ другое мѣсто, на острова Эгейскаго моря. А Яскаго монаха Іова сослалъ въ Хабею, крѣпость, расположенную на рѣкѣ Сангарѣ, что бы тамъ держать подѣ крѣпкою стражею.“

Вслѣдъ затѣмъ расколъ увеличился до того, что нѣкоторые предали анаѣемѣ принявшихъ унію, хотя бы только на словахъ. Пахимеръ, кн. VI, гл. XVIII: „многимъ было извѣстно, что были такъ думавшіе и явно предавшіе анаѣемѣ соглашавшихся на миръ (съ Латинянами). Это были чрезчуръ строгіе въ дѣлахъ вѣры люди, совершенно не знавшіе и не старавшіеся изучать дѣлъ церкви Латинянъ, именно не знавшіе, что они нѣкогда во всѣхъ или по крайней мѣрѣ въ главныхъ догматахъ и таинствахъ были внутренно соединены съ Греками и, хотя я не знаю, по какому случаю впоследствии эти узы древняго согласія мало по малу ослабѣли, однако и послѣ того осталось нерушимымъ обоюдное единомысліе въ вѣрѣ и употребленіи главныхъ таинствъ христіанскихъ, такъ какъ было бы, по общему мнѣнію, безуміемъ посягать на крещеніе, священство, бракъ, монашество и остальные таинства, въ которыя посвящаетъ своихъ чадъ единая католическая церковь. Но такъ какъ, повторяю, они ничего не знали о томъ, что было въ древности въ христіанской церкви, какъ будто были изъ дуба, или изъ камня, то вслѣдствіе этого невѣжества съ высокоумнымъ презрѣніемъ отворачивались отъ Латинянъ и послѣ заключенія мира съ ними само наше богослуженіе, какъ бы освященное допущеніемъ сообщества Латинянъ, не стѣнялись проклинать и говорить богохульно, что его нужно отвергнуть и уничтожить, какъ не имѣющее уже никакого религіознаго смысла. Императоръ, видя, что это ведетъ къ тяжкому и гибельному колебанію христіанской вѣры, проникшись ревностью, созываетъ всѣхъ епископовъ и монаховъ и

въ числѣ ихъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ схизматиковъ, пообѣщавъ имъ безопасность. Одинъ изъ нихъ былъ Акакій Фригійскій, другой его ученикъ Германъ и съ ними очень много другихъ.“

Среди многихъ другихъ, неприставшихъ тогда къ уніи, были Деспоть Нихизскій Дука и Синтократоръ Патрасскій Іоаннь Дука, которые поэтому, какъ нарушители мира, преданы анаѳемѣ въ посланіи къ папѣ Іоанну XXI, написанномъ Беккомъ и другими восточными. Въ этомъ синодскомъ посланіи (т. XI Соборовъ, ч. I, столб. 1037) сказано: „желаемъ донести настоящею грамотою вашей любви, что мы, собравшись на Соборъ въ Константинополѣ для обсужденія раскола, давно возникшаго между церковью латинскою и греческою, и вмѣстѣ съ этимъ святымъ Соборомъ порѣшивши—всѣхъ схизматиковъ и возмутителей церковнаго единства, пребывающихъ гдѣ бы то ни было, далеко, или близко, въ своемъ упорствѣ, которые не признаютъ святой римской церкви матерью и главою всѣхъ другихъ церквей и учительницей православной вѣры, а ея верховнаго первосвященника первымъ пастыремъ всѣхъ христіанъ,—какого бы чина или званія они ни были, облеченныхъ ли достоинствомъ архіерейскимъ, или священническимъ, или діаконскимъ, и вообще всѣхъ другихъ мятежныхъ схизматиковъ, какое бы состояніе и положеніе они ни занимали,—будь они императорскими совѣтниками, или сенаторами, или иного какого состоянія,—вмѣстѣ съ ними самаго Нихизскаго Дуку, называемаго Деспотомъ, и Іоанна Дуку изъ Патръ, называемаго Синтократоромъ, какъ схизматиковъ и возмутителей настоящаго единенія церкви и гонителей тѣхъ, кто призналъ это церковное единеніе, какъ отдѣлившихся отъ нашего народа и избѣгающихъ нашего общества изъ за повиновенія, которое мы оказали апостольскому престолу,—отлучили, анаѳематствовали, объявили ихъ осужденными и совершенно отверженными. Въ свидѣтельство этого мы сочли нужнымъ приложить къ настоящей грамотѣ нашу печать вмѣстѣ съ нашей обычной подписью. Дано въ Константинополѣ у св. Софіи 1277 года отъ Р. Хр.“ Хотя Пахимеръ въ выше приведенныхъ словахъ изъ IV кн., гл. XVI утверждалъ, что эта грамота подписана только императоромъ, однако изъ нея достаточно явствуетъ, что очень многіе тогда отказывались отъ уніи и, не довольствуясь словесными заявленіями, многіе обнародо-

вали даже книги, въ которыхъ опровергали унію. Пахимерь (въ VI кн., гл. XXIII) рассказываетъ: „Беккъ ежедневно получалъ новыя писанія противниковъ уніи, въ которыхъ они жестоко преувеличивали преступленіе вступившихъ въ общеніе съ Латинянами, называя его не иначе, какъ нечестивымъ отступничествомъ. Они думали доказать это вѣрными свидѣтельствами Писанія, ими приводимыми, и прибавляли, что принявшіе унію ложною и превратною увѣренностью, съ ко^юрою они, заглушивши въ себѣ совѣсть, примирились съ нечестивымъ дѣломъ, какъ съ правильнымъ и похвальнымъ, возжигаютъ въ нихъ гнѣвъ и ненависть къ другимъ. Когда Беккъ увидѣлъ, что записки съ такими мнѣніями появляются и въ большомъ количествѣ распространяются въ народѣ, то вынужденъ былъ, наконецъ, и самъ писать.“

Наконецъ, видя, что неудовольствіе противъ уніи проникаетъ во всѣ слои народа, императоръ обрушился на своихъ родственниковъ и сталъ съ ними жестоко расправляться. Пахимерь, кн. VI, гл. XXII: „приведенъ былъгосударь въ изступленіе какими-то дикими мыслями больной души, и сталъ подозрѣвать всѣхъ, не знаю, почему,—потому ли что ему казалось, или потому, что онъ хотѣлъ подозрѣвать; сталъ при этомъ жаловаться, что его заботы о религіи истолковываются самымъ несправедливымъ образомъ; хотя онъ не щадилъ усилій и стараній, что бы отыскать и слѣдовать прямому пути богопочитанія и здраваго ученія, на него однако клеветуютъ, что онъ извращаетъ вѣру.“ И дальше онъ рассказываетъ то, что выше было изложено относительно казней родственниковъ императора ¹⁾).

Главными противниками уніи были монахи; претерпѣвъ много бѣдъ за отказъ подписать унію, они начали старательно высчитывать время, когда умретъ императоръ, надѣясь тогда освободиться отъ тиранніи. Узнавъ объ этомъ, императоръ еще болѣе воспылялъ гнѣвомъ и предалъ многихъ монаховъ жестокимъ казнямъ. Пахимерь повѣствуетъ тамъ же: „гнѣвъ императора обрушился на монаховъ, не за то только, что они не повинуются Церкви и производятъ схизму, но и за то, что они считаютъ дни его и опредѣляютъ время его кончины, думая, что смерть его избавитъ ихъ отъ

¹⁾ См. возраженіе V.

претерпѣваемыхъ бѣдъ. Онъ устрашалъ ихъ гнѣвными угрозами, которыя однако онъ воздерживался приводить тотчасъ въ исполненіе изъ страха предъ общественнымъ мнѣніемъ, что бы его свирѣпость не показалась не имѣющей достаточнаго основанія. Однако вскорѣ, поборовши этотъ страхъ, онъ велѣлъ выколоть глаза Галактіону, а Мелетію отрѣзать языкъ; простую ссылку опредѣлялъ онъ, когда хотѣлъ смягчить немилость. Такая умѣренность спасла Лазаря Горіанита, мужа почтеннаго: пославши уже людей его ослѣпить, онъ отозвалъ ихъ и удовольствовался его изгнаніемъ. Но Макарія, прозваннаго голубемъ, не спасла его невинность и простота“ и пр. Продолженіе этого мѣста мы уже выше привели.

Между тѣмъ когда Беккъ издалъ сочиненіе въ защиту истинности ученія Латинянь, это еще больше возстановило неодобрившихъ унию, такъ что они стали за это обвинять Бекка предъ императоромъ, но въ отвѣтъ получили казни, какъ объ этомъ сообщаетъ Пахимерь (кн. VI, гл. XXV): „императоръ обнаружилъ чрезвычайную твердость, защищая Бекка, котораго, какъ я сказалъ, выставляли источникомъ и виновникомъ настоящихъ смутъ, потому что, недовольствуясь допущеніемъ и принятіемъ соглашенія, онъ старался сверхъ того еще доказать, что Латиняне правильно мыслятъ относительно исхожденія Св. Духа, и едва признавалъ ихъ незначительную вину только въ прибавкѣ, которую они позволили себѣ сдѣлать къ символу. Это невѣроятно волновало умы, и многіе выражали правдоподобное мнѣніе, что если бы Беккъ отъ этого удержался, то съ теченіемъ времени пылъ схизматиковъ поубавился бы и все уладилось бы. А между тѣмъ дѣйствія Бекка вели къ тому, что со дня на день увеличивалась неразумная ревность къ отказу отъ повиновенія предписаніямъ императора относительно мира, и отказывавшіеся обвиняли патріарха (т. е. Бекка) въ переходъ на сторону Латинянь“ и пр.,—что уже мы читали выше.

Наконецъ, даже родственники императора и другіе знатные люди подняли открытое возстаніе, отказались повиноваться ему и, взявшись за оружіе, стали сопротивляться высланнымъ противъ нихъ войскамъ. При этомъ сто монаховъ, восемь епископовъ и нѣсколько настоятелей монастырей, составивши соборъ, произнесли анаѣму на папу Николая, императора, Бекка и на всѣхъ приверженцевъ

послѣдняго и признали ихъ отлученными, какъ еретиковъ. Съ епископами же, имъ сопротивлявшимся, они обошлись такъ дурно, что императору показалось невозможнымъ дальше проводить унію, что бы не лишиться совсѣмъ власти, о чемъ онъ черезъ пословъ заявилъ папѣ Николаю. Такъ Спанданъ (подъ 1279 г. ном. I) пишетъ: „въ годъ отъ Р. Хр. 1279, индикта VП пришли отъ императора греческаго Палеолога послы поздравить папу Николая съ вступленіемъ на папство, черезъ которыхъ и патріархъ Константинопольскій Іоаннъ Беккъ также представилъ папѣ должное почтеніе, называя Николая пастыремъ пастырей и верховнымъ начальникомъ надъ всѣми предстоятелями. Огерій, императорскій протонотарій, представилъ записку, въ которой хотѣлъ отъ имени императора донести папѣ Николаю, что императоръ до сихъ поръ изо всѣхъ силъ старался привести всѣхъ къ уніи съ римскою церковью, но многіе изъ его близкихъ и родныхъ, не говоря уже о другихъ, крѣпко воспротивились, даже подняли открытое возмущеніе, котораго императоръ не могъ усмирить, выславши даже противъ возставшихъ войско. Мало того, собравшись на соборъ, около ста монаховъ, нѣсколько аббатовъ и восемь епископовъ произнесли анаѹему на самаго папу Николая, а также на императора и Константинопольскаго патріарха, и на всѣхъ ихъ приверженцевъ и осудили ихъ, какъ еретиковъ; а съ епископами, имъ противившимся, обошлись очень дурно. По этой причинѣ императору кажется невозможнымъ дальше двигать унію, и онъ думаетъ, что это дѣло нужно ему вести съ великою осторожностью, что бы не потерять даже царства. Эта записка находится въ Ватиканскомъ регистрѣ папы Николая; о ней писалъ также Вадингъ.“ Извѣстно также, что многіе главные вельможи, не признавшіе уніи, бѣжали въ Трапезунтъ и тамъ основали Трапезундскую имперію; привлекиши на свою сторону много провинцій. Эта имперія впоследствии процвѣтала вплоть до 1461 г., когда Трапезунтъ былъ завоеванъ Турками, и послѣдній императоръ Трапезунтскій Давидъ Комненъ палъ въ битвѣ. — Объ этомъ подробно рассказываетъ Вадингъ въ „лѣтописи меньшихъ братьевъ,“ т. II.

Наконецъ, кромѣ императора и Бекка, а также нѣкоторыхъ близкихъ къ нимъ людей, унія стала противной всему остальному населенію Византіи, какъ объ этомъ повѣствуетъ Пахимерь въ

кн. VI, гл. XXX: „Латиняне узнали правду о нашихъ дѣлахъ и заподозрили, что и было на самомъ дѣлѣ, что этотъ хваленый миръ ничто иное на самомъ дѣлѣ, какъ обманъ и насмѣшка: ибо, кромѣ императора, патріарха и нѣкоторыхъ къ нимъ приближенныхъ, всѣмъ прочимъ уніа была противна.“ Притомъ другіе три патріарха: Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій съ своими епископами не согласились на унію; все что ни дѣлалось относительно уніи, ограничивалось Константинопольскою церковью и епископами, ей подчиненными.

И такъ, что можетъ помочь Латинянамъ уніа, которой многіе, даже большинство восточныхъ не приняли, а тѣ, кто ее одобрялъ, принуждены были къ тому настояніями, угрозами и казнями? Да и послѣдніе признали ее не какъ благое дѣло само по себѣ, но какъ меньшее зло изъ опасенія большихъ золъ, и наконецъ прониклись къ ней враждой и отвращеніемъ.

Возраженіе VII.

Вскорѣ самъ Михайль Палеологъ за то, что не достаточно искренно принялъ унію и неуспѣшно проводилъ ее, былъ подвергнутъ отлученію папой Мартиномъ въ 1284 г. Текстъ отлученія приводитъ *Эбергардъ*, архидіаконъ Регенсбургской церкви, въ своей лѣтописи (т. I древнихъ чтеній Канизіа). Та же булла находится въ папскомъ булларіи, т. I римскаго изданія 1617 г. стр. 124. Въ ней сказано: „мы, Мартинъ епископъ, рабъ рабовъ Божьихъ, для свѣдѣнія теперъ живущихъ и на память потомкамъ, — Михайла Палеолога, называемаго греческимъ императоромъ, какъ одного изъ Грековъ, старинныхъ схизматиковъ и въ старой схизмѣ пребывающихъ и велѣдствіе этого еретиковъ, притомъ какъ покровителя ихъ ереси и старинной схизмы, по совѣту и съ вѣдома нашихъ братьевъ и въ присутствіи многочисленнаго собранія вѣрныхъ, — объявляемъ подлежащимъ осужденію на отлученіе, установленному канономъ, и связаннымъ впредь узами этого осужденія“ и пр. А Пахимерь (кн. VI, гл. XXX) рассказываетъ, что это отлученіе произнесено было Мартиномъ въ присутствіи императорскихъ пословъ. „Случилось, говоритъ онъ, императору, находив-

шемуся тогда подъ Прусою ¹⁾, получить извѣстіе о положеніи своихъ дѣлъ у пашы. Это былъ Мартинъ, наслѣдовавшій Николаю. Къ нему императоръ поспѣшилъ послать Гераклейскаго епископа Льва и Никейскаго Теофана. Но прибывши туда, куда были посланы, они были приняты совершенно противно ожиданіямъ. Ибо Латиняне узнали истину о нашихъ дѣлахъ и заюдозрили, что и было на самомъ дѣлѣ, что этотъ хваленный миръ—не что иное, какъ обманъ и насмѣшка, такъ какъ, кромѣ императора и патріарха и нѣкоторыхъ къ нимъ приближенныхъ, всѣ прочіе тяготились соглашеніемъ и были ему противны. Кромѣ того, не одобряя жестокихъ мѣръ, принятыхъ императоромъ, что бы доказать искренность съ его стороны принятія уніи, и находя ихъ чуждыми кротости церкви, въ Римѣ приняли пословъ холодно и презрительно и только вечеромъ и не охотно ввели ихъ къ папѣ. Исходъ посольства, наконецъ, былъ тотъ, что императоръ съ его приближенными какъ обманщики и употребившіе насилія для достиженія притворнаго соглашенія, были подвергнуты анаѣмѣ. Послѣ этого отпустили пословъ, не удостоивши никакихъ знаковъ благоволенія и почета. — И такъ, что за смѣлость со стороны Латинянъ выставять противъ насъ унію, которую самъ папа объявилъ не существовавшею, наложивши на императора и прочихъ Грековъ отлученіе? Конечно, тѣмъ, кто ставитъ намъ на видъ эту попытку уніи съ Латинянами, предпринятую Михаиломъ, не слѣдовало упоминать объ этомъ отлученіи. Иначе они устыдились бы приводить въ защиту своего мнѣнія соглашеніе, которое самъ папа, наконецъ, призналъ неосновательнымъ, признаннымъ Греками только устами, а не сердцемъ.

Отсюда внослѣдствіи и другіе Латиняне ни во что ставили эту унію. Папа *Иннокентій VI* въ посланіи къ императору *Кантакузему* (у *Бзовія* подъ 1353 г., ном. XXIV) пишетъ: „извѣстно намъ стало новое горячее желаніе и открылось полное расположеніе, которыми кипитъ непрестанно твоя душа, что бы, очистивши ржавчину застарѣлой схизмы и разсѣявъ мракъ заблужденій, воротиться вмѣстѣ съ подчиненнымъ тебѣ народомъ къ единенію съ святою римскою и вселенскою церковью и къ признанію католической вѣры, которой эта церковь, учительница истины, не знающая лжи, дер-

¹⁾ нынѣ Брусса—въ Малой Азіи

Прим. перев.

жится, учить и проповѣдуетъ и дѣленія которой не допускаетъ искупитель всѣхъ Христосъ, ея основатель. Такъ и ты, заботясь о себѣ и о своемъ народѣ, стань вождемъ въ дѣлѣ общаго спасенія. Отъ этого душа наша возвеличила Господа и о Богѣ Спасителѣ возрадовался духъ нашъ тѣмъ болѣе, что мы истинно вѣруемъ, и тому, что соединило расходящіяся стѣны, слишкомъ довѣряемъ и надѣмся, что дѣло соединенія обѣихъ церквей, т. е. латинской и греческой, въ достиженіи котораго съ благочестивымъ усердіемъ трудились многіе изъ нашихъ предшественниковъ, будетъ приведено къ желанному исходу. Такимъ образомъ, въ наши времена Господне стадо, съ помощью Того, Кто намъ поручилъ его пасти и направлять, послѣ побѣды надъ кознями древняго врага, будетъ пастись однимъ только пастыремъ и станетъ отдыхать въ одномъ дворѣ.“ И такъ, если многіе папы до Иннокентія VI трудились надъ униєю и однако только самъ Иннокентій VI имѣлъ надежду достигнуть благополучнаго совершенія этой униіи (таковъ именно смыслъ его словъ), то очевидно, что этотъ папа не признавалъ нисколько униіи, которую пытался устроить Михаилъ Палеологъ.

И папа *Евгеній IV* точно такъ же въ опредѣленіи Флорентинскаго Собора (т. XIII Соборовъ, столб. 512) говоритъ: „вотъ западные и восточные Отцы, послѣ длиннѣйшаго періода разногласія и вражды, подвергая себя опасностямъ на морѣ и на сушѣ, побѣдивши однако всѣ препятствія, сошлись на этотъ святой вселенскій Соборъ охотно и радостно съ желаніемъ священнаго единства и ради возстановленія древней любви,—и не обманулись въ своемъ намѣреніи! Великій, въ самомъ дѣлѣ, и божественный даръ ниспослалъ намъ Богъ: собственными глазами мы видимъ то, чего многіе раньше насъ, хотя страстно желали, не могли увидѣть.“ Если до тѣхъ поръ никто никогда не видѣлъ униіи церквей, хотя и очень этого желалъ, ясно, что ни Григорій X, ни Іоаннъ XXI, ни Николай III ея не видѣли. Слѣдовательно и Евгеній IV ни во что ставилъ попытку униіи, предпринятую Михаиломъ Палеологомъ.

Притомъ, и *Виссаріонъ* въ рѣчи, которую онъ держалъ на I засѣданіи Флорентинскаго Собора, выражается такъ: „ибо то обстоятельство, что члены Церкви, раздѣленные другъ отъ друга уже столько времени, никоимъ образомъ не желавшіе сойтись, не вы-

носившіе даже самого призыва къ соглашенію и уюрствовавшіе въ томъ, что имъ было вредно,—нынѣ съ такимъ душевнымъ пыломъ съ тѣй и другой стороны, поборовъ разныя препятствія, стремятся къ одному тому, что ведетъ къ водворенію мира,—кто не припишетъ этого божественной силѣ и не станетъ поэтому считать вѣрнѣйшимъ указаніемъ всяческихъ благъ?“. Если до времени Флорентинскаго Собора восточные никонмъ образомъ не хотѣли сходиться съ Латинянами, ясно, что никакой прочной уніи не было заключено при помянутыхъ папахъ Григоріи, Іоаннѣ и Николаѣ. Въ числѣ другихъ и папа *Николай V* въ посланіи къ императору Константину (помѣщенномъ среди богословскихъ сочиненій, изданныхъ *Аркудіемъ* и названныхъ имъ „золотыми,“ стр. 693) ¹⁾ пишетъ: „вотъ уже прошло пятьсотъ лѣтъ съ того времени, какъ сатана, начальникъ и виновникъ всѣхъ грѣховъ, и въ особенности проводникъ схизмы и раздѣленія, отвлекъ Константинопольскую церковь отъ повиновенія римскому первосвященнику, преемнику Петра и намѣстнику Господа Нашею Іисуса Христа. Съ тѣхъ поръ послѣдовали безчисленные переговоры, собиралось множество Соборовъ, посылались по этому поводу множество разъ послы; все это дѣлалось, что бы залѣчить столь страшную рану въ Церкви Божьей. А недавно, по промыслу Бога, на Соборѣ Феррарскомъ и Флорентинскомъ“ и пр. И такъ, если предпринимались только сношенія и собирались Соборы для прекращенія схизмы вплоть до временъ Флорентинскаго Собора, то отсюда вытекаетъ, что прочной уніи церковей до тѣхъ поръ совершенно не было.

Возраженіе VIII.

Какъ только умеръ императоръ Михаилъ Палеологъ, зачинщикъ этой уніи, такъ всѣ:—и тѣ, кто неохотно передъ тѣмъ подинасалъ унію, и кто отказался къ ней присоединиться, единодушно ее отвергли и осудили. Тотчасъ возмутились противъ уніатовъ не представшіе на унію. Объ этомъ сообщаетъ *Григора* (кн. VI, вначалѣ): „когда Андроникъ наслѣдовалъ отцу на императорскомъ престолѣ, все было повержено въ великую смуту. По случаю смерти импе-

¹⁾ Это статьи объ исхожденіи Св. Духа Іоанна Бекка, Григорія Паламы, Кардинала Виссаріона, Дмитрія Кидонскаго и Максима Плавудскаго, которыя Аркудій перевелъ на латинскій языкъ;—онѣ изданы по гречески и по-латыни въ Римѣ въ 1630 и 1671 г.

ратора возобновилась церковная борьба, поднятая противной партией. “ При этомъ Андроникъ Палеологъ эдиктомъ вызываетъ изъ ссылки отправленныхъ въ нее за осужденіе уніи и, кромѣ того, подтверждаетъ, что унія должна быть уничтожена, такъ какъ при жизни отца онъ только притворно одобрялъ все, что тогда происходило. Такъ Григора дальше говоритъ: „самъ онъ воротился въ Византію и, по окончаніи траура по отцѣ, прежде всего занялся устройствомъ церкви. Это намѣреніе, тщательно скрываемое при жизни отца, теперь обнаружилъ и этимъ показалъ, что онъ былъ за челоѡкъ. Поэтому были разосланы повсюду вѣстники и эдикты, возвѣщавшіе исправленіе церкви и вызывавшіе тѣхъ, кто томился въ ссылкѣ или вообще пострадалъ за ревность къ вѣрѣ.“ Въ то же время Беккъ издалъ грамоту, въ которой сознавался, что онъ впалъ въ заблужденіе и, испросивши позволеніе, добровольно отказался отъ патріаршества. Объ этомъ было говорено уже въ I возраженіи. Беккъ заперся въ Панахрантскомъ монастырѣ, опасаясь, что бы теперь его не растерзали. На его мѣстѣ тотчасъ снова поставленъ былъ Іосифъ. Такъ Григора продолжаетъ: „между тѣмъ Беккъ, оставивши тайно престолъ, уходитъ и запирается въ монастырѣ Панахрантскомъ, опасаясь быть растерзаннымъ при этой внезапной переменѣ. А на его мѣсто тотчасъ возведенъ былъ Іосифъ, уступившій раньше ему престолъ, теперь удрученный старостью и болѣзнью и близкій къ смерти.“

Когда вслѣдъ затѣмъ Беккъ былъ посланъ въ ссылку, чему не мало способствовалъ вступившій послѣ Іосифа на патріаршій престолъ Григорій Кипрскій, то онъ, громко жалуясь на причиненную ему обиду и оставленный всѣми, потребовалъ надъ собою публичнаго суда. Надѣялся онъ въ этомъ случаѣ либо смягчить судей своимъ краснорѣчіемъ, либо доказать, насколько они немилосерды. Узнавши объ этомъ, императоръ, что бы не дать Бекку основанія утверждать, что онъ страдаетъ неправильно, призвалъ на совѣтъ вельможъ и клириковъ и рѣшилъ вмѣстѣ съ ними собрать Соборъ для разбора дѣла Бекка. Объ этомъ рассказываетъ Григора въ указанномъ мѣстѣ: „и такъ, составляется Соборъ изъ патріарха Константинопольскаго Григорія, патріарха Александрійскаго Аванасія, всѣхъ клириковъ, епископовъ и множества монаховъ и изъ важ-

нѣйшихъ свѣтскихъ мужей. Вести споръ съ Беккомъ взялись патріархъ Григорій и великій логоуетъ Музалонъ. Сперва спрошены были два архидіакона, ¹⁾ сторонники Бекка: какъ они вѣруютъ? Они отвѣчаютъ: учить, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына,—не противно символу; Писаніе учить, что Духъ Св. Сыномъ изливается, дается; великій Дамаскинъ говоритъ: Отецъ есть производитель Духа черезъ Сына. Поэтому, прибавляютъ они, такъ какъ причина и производитель,—одно и то же, то, конечно, Отецъ есть причина Духа Св. черезъ Сына; однако изъ того, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, не слѣдуетъ, что вмѣстѣ и Сынъ причина Духа Св.“ Но ничего нелѣпѣ этого не могли придумать архидіаконы. Ибо, если Духъ Св. исходитъ отъ Сына, или произведенъ Сыномъ, то, конечно, Сынъ—производитель Духа Св. Но, по ихъ словамъ, причина и производитель—одно и то же; значитъ, если Сынъ—производитель, то Онъ также будетъ и причиною Духа Св. Какъ же они опять утверждали, что Сынъ не есть причина Духа Св? Поэтому великій логоуетъ возражаетъ: „вѣдь вы признаете Сына причиною Духа Св., когда утверждаете, что Отецъ—причина Духа Св. черезъ Сына“ (ибо они думали, что словомъ *черезъ* обозначается производитель). На это они стали ему говорить, что „много нелѣпостей можно выводить изъ догматовъ вѣры; однако, осудивши нелѣпости, защищаютъ истину догматовъ.“ Но развѣ это былъ достаточный отвѣтъ на возраженіе логоуета? Слѣдовало доказать, что ничего нелѣпаго изъ ихъ ученія не вытекаетъ, да и ложно они заявляли, будто изъ иныхъ членовъ вѣры можно вывести что-нибудь нелѣпое. При этомъ *Мосхампаръ* сталъ отрицать, что выше приведенныя слова принадлежатъ Дамаскину; но его перебилъ великій логоуетъ, который снова обратился къ архидіаконамъ и такъ продолжалъ возражать: „если Отецъ—причина Духа Св. черезъ Сына (въ томъ именно смыслѣ, въ которомъ понимали это, какъ сказано, противники его), то Отецъ—причина Духа Св. инымъ образомъ, а Сынъ—инымъ,—что невозможно.“ Не будучи въ состояніи отвѣтить на этотъ доводъ, архидіаконы повторяютъ только слова Дамаскина: „Отецъ есть производитель Духа Св. черезъ Сына,“ желая этимъ сказать, что споръ ведется не противъ нихъ, а про-

¹⁾ Константинъ Мелитиніотъ и Георгій Метохитъ.

тивъ Дамаскина. Патріархъ Григорій возражаетъ, что очень часто въ Писаніи встрѣчаются мѣста, которыя кажутся трудными, однако они допускаютъ удовлетворительное толкованіе. Къ такимъ мѣстамъ относятся приведенныя слова Дамаскина; но архидіаконы ихъ дурно понимаютъ и дѣлаютъ натяжку, что бы доказать, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Иногда учителя Церкви выражаются еще темнѣе, такъ что если они хотятъ доказать, что таковъ именно смыслъ словъ Дамаскина, какъ они думаютъ, пусть приведутъ слова другихъ Отцовъ. На это архидіаконы отвѣтили: „никакого иного смысла слова Дамаскина не допускаютъ, кромѣ того, который мы имъ придавали.“ (Между тѣмъ мы видѣли въ другой главѣ¹⁾, что означаютъ слова Дамаскина). „Смыслъ — такой, возразилъ патріархъ: Духъ Св. исходитъ отъ Отца.“ Архидіаконы тогда сказали: „мы это принимаемъ.“ „Если принимаете, зачѣмъ намъ представляете это въ качествѣ возраженія?“, замѣтилъ логоветъ. При этомъ правильномъ замѣчаніи логовета (ибо, въ самомъ дѣлѣ, нельзя заключать: Духъ Св. исходитъ отъ Отца, слѣдовательно также и отъ Сына) Беккъ сказалъ: „а развѣ Григорій Нисскій не учитъ также, что Духъ Св. производится чрезъ Сына? А развѣ свѣтъ не рождается изъ солнца черезъ лучъ, и однако не лучъ, но солнце — причина свѣта?“ Такъ какъ окружавшіе патріарха Григорія поняли эти слова Бекка въ томъ смыслѣ, что онъ подразумѣваетъ какъ бы нѣкоторыя разстоянія — такъ, что по рожденіи Сына черезъ нѣкоторый промежутокъ времени изошелъ отъ Сына Духъ Св., то Беккъ заявляетъ, что никакого промежутка времени тутъ нѣтъ, а только по отношенію къ нашему умственному воспріятію, какъ говоритъ Григорій Нисскій, Сынъ отъ Отца непосредственно рождается, Духъ Св. отъ Отца черезъ Сына исходитъ (Отцомъ черезъ Сына производится). Это была плохая со стороны Бекка поддержка архидіаконовъ. Ибо данъ былъ для разрѣшенія вопросъ: становится ли Отецъ причиною черезъ Сына въ томъ, конечно, смыслѣ, какъ отсюда вытекаетъ, что равнымъ образомъ и Сынъ является производителемъ Св. Духа. Между тѣмъ по смыслу Григорія Нисскаго выходитъ только, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца по рожденіи Сына, а не то, — что вмѣстѣ и отъ Сына исходитъ Духъ Св.

¹⁾ См. гл. I, вѣкъ VIII и гл. XV.

Въ то время, какъ Беккъ защищаетъ такимъ образомъ архидіаконовъ, патріархъ Александрійскій, вслѣдствіе болѣзни лежавшій на складной кровати, восклицаетъ: „то, что ты говорилъ, Беккъ,—ново, Отцы этому не учили,“—т. е., что когда говорится: отъ Отца черезъ Сына, то нужно при этомъ понимать, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына. Это именно доказывалъ вмѣстѣ съ архидіаконами Беккъ, а Отцы совсѣмъ иначе учили, — именно: Духъ Св. исходитъ отъ Отца послѣ Сына, т. е. по рожденіи Сына. Вслѣдъ за этимъ Александрійскій патріархъ заявляетъ, что слѣдуетъ успокоиться и не возбуждать споровъ ни о чемъ, кромѣ необходимаго; на томъ же настаиваетъ и императоръ. Между тѣмъ патріархъ Григорій заговорилъ снова: „вы говорите, что *изъ* (отъ) и *черезъ* въ этомъ случаѣ — равнозначущи. По вашему, значить, когда Григорій Нисскій говоритъ: Духъ Св. есть черезъ того, кто непосредственно отъ перваго, то это то же, что Духъ Св. есть изъ того, т. е. Сына, кто непосредственно изъ перваго; однако вы этого теперь сказать не хотите.“ При этихъ словахъ послѣдователи Бекка сознались, что они заблуждаются, прося однако, что бы остальные ихъ не предавали проклятію и не считали оскверненными ересью, — потому что и среди прочихъ есть очень много погрѣшившихъ. Беккъ же, видя, что дѣло принимаетъ оборотъ, противный его желаніямъ, сказалъ: „дѣлайте, что хотите, я соглашюсь съ вами; уничтожимъ слова: *черезъ Сына*, осудимъ ихъ, хотя они намъ переданы. Вмѣстѣ съ вами буду подлежать суду Божію. Если же вы словъ: *черезъ Сына*—не можете осудить, такъ какъ они переданы Отцами, зачѣмъ судите меня за то, что я то же сказалъ и училъ, или зачѣмъ принуждаете меня это осудить?“ Конечно, напрасно Беккъ такъ говорилъ: его обвиняли не въ томъ, что онъ сказалъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына, а въ томъ, что онъ это *черезъ Сына* такъ понималъ, будто этимъ выраженіемъ обозначается, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына. Такое именно пониманіе Беккомъ этого выраженія отрицалъ Соборъ и хотѣлъ, что бы всѣ его отвергли, въ прочемъ соглашаясь вполне съ Отцами и съ VII вселенскимъ Соборомъ, что Духъ Св. въ его смыслѣ исходитъ отъ Отца черезъ Сына. Патріархъ, наконецъ, обрушился на Бекка съ укорами, — а тотъ въ свою очередь, выйдя

изъ себя, сталъ бранить патріарха и, обратившись къ императору, сказалъ: „если онъ не уйдетъ съ патріаршества, буря въ церкви никогда не уляжется.“ И такимъ образомъ, первое засѣданіе этого Собора закончилось ссорой.—Объ этомъ подробно рассказываетъ *Пахимеръ* въ VII кн. (у Льва Аллятія во II кн. „непрерывнаго согласія церквей,“ гл. П, ном. XI); выписывать цѣликомъ его черзчуръ подробный рассказъ мы воздерживаемся.

О томъ, какъ на этомъ Соборѣ противъ Бекка возстали патріархъ и великій логоетъ и какъ Беккъ былъ ими пораженъ, повѣствуетъ также и *Григора* въ VI кн. Такъ онъ говоритъ: „послѣ этого вышелъ на середину Беккъ и силою своего краснорѣчія все могъ бы смѣшать и разбить то, что выставили защитники здраваго ученія; можетъ быть, ложь побѣдила бы истину и хитрость превзошла бы силу, если бы патріархъ Григорій и великій логоетъ Музалонъ не противостали обширностью учености и свидѣтельствами св. Писанія и не укротили эту сильную бурю изворотливаго языка. А Музалонъ этотъ былъ какъ бы соучастникъ въ правленіи имперіею, вѣдалъ царскія и народныя дѣла и за свою ученость, старость и долгое исполненіе разнообразныхъ должностей, соединенное съ благоразуміемъ, пользовался великимъ почетомъ у императора Андроника. По этимъ причинамъ ему одному изъ занимавшихъ прежде такую же должность предоставлена была особенная честь носить на головѣ повязку, обшитую пурпурною, тканною золотомъ каймою до самаго верха, имѣющаго форму пирамиды: она отличалась отъ повязки, носимой дѣтьми императора, тѣмъ, что нижняя поверхность не была разукрашена золотыми кругами, а была совершенно гладкая.“

Затѣмъ на томъ же Соборѣ патріархъ написалъ записку противъ Бекка. Такъ *Пахимеръ* въ кн. VIII (у Льва Аллятія въ указанномъ выше мѣстѣ) говоритъ: „поэтому взявши главу и какъ изреченіе святого (т. е. Дамаскина, въ которомъ онъ сказалъ, что Отецъ есть производитель Духа Св. черезъ Сына) сохраняя, изыскивали толкованіе сообразно съ правильнымъ ученіемъ и опредѣлили написать книгу и писаніемъ утвердить благочестіе. Такъ какъ патріархъ, по общему мнѣнію, считался ученымъ и былъ такимъ на

самомъ дѣлѣ, то ему поручили составленіе книги, которая должна была служить, какъ думали, столпомъ благочестія, а также наставленіемъ для тѣхъ, которые впади было въ заблужденіе. Взявшись за дѣло, патріархъ составляетъ сильную книгу. “Въ этой книгѣ сначала изложено было исповѣданіе вѣры, въ которомъ въ особенности было доказано, что Духъ Св. исходитъ отъ Одного только Отца; затѣмъ слѣдовало осужденіе Ліонской уніи; далѣе шло повѣствованіе о томъ, что сдѣлано на Соборѣ, созванномъ противъ Бекка, а также заявлено, что Беккъ, признавшись, что онъ заблуждался, согласился на свое низложеніе. Наконецъ, приложено было опредѣленіе осужденія Бекка и его сообщниковъ вмѣстѣ съ повтореніемъ проклятія уніи, задуманной Михаиломъ Палеологомъ. Подписались подъ этой запиской, кромѣ императора и патріарха, сорокъ два епископа и двадцать восемь клириковъ. Такъ *Спонданъ* (подъ 1283 г., ном. X) объ этомъ говоритъ: „сообщилъ намъ ученѣйшій отецъ Іаковъ Сирмондъ, изъ общества Іисуса (іезуитъ), состоящій теперь при христіаннѣйшемъ (французскомъ) королѣ, о Соборѣ, состоявшемся по указанному выше случаю при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ и патріархѣ Григоріи противъ того же Бекка и его послѣдователей Константина Милетиніота и Георгія Метохита, которые исповѣдывали латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа и въ этомъ ученіи крѣпко пребывали, какъ объясняютъ слова Собора, восемь лѣтъ, т. е. отъ времени общаго Ліонскаго Собора, происходившаго въ 1274 г. Послѣ предисловія излагается исповѣданіе вѣры, въ которомъ въ особенности выясняется мнѣніе Грековъ объ исхожденіи Св. Духа и въ концѣ отвергается миръ, заключенный на томъ же Ліонскомъ Соборѣ. Затѣмъ разсказывается, что Іоаннъ Беккъ по этой причинѣ былъ раньше осужденъ на какомъ-то Соборѣ Грековъ, на которомъ вмѣстѣ съ Константинопольскимъ присутствовалъ и патріархъ Александрійскій,—и что онъ представилъ грамоту раскаянія, въ которой соглашался съ своимъ осужденіемъ и низложеніемъ; но потомъ снова воротился къ прежнему мнѣнію. Потомъ слѣдуетъ приговоръ осужденія трехъ выше названныхъ лицъ и опроверженіе каждаго пункта ученія ихъ о Св. Духѣ вмѣстѣ съ повтореніемъ отреченія отъ заключенной уніи, которую Соборъ называетъ *πεπλασμένην οἰκονομίαν* и *εἰρήνην*

πολεμίαν. ¹⁾ Наконецъ, идутъ подписи. Сперва подпись императора красными буквами: Андроникъ, вѣрный въ Богъ царь и императоръ (αὐτοκράτωρ), Дука Ангелъ Комнень Палеологъ. Потомъ: Григорій, Божіею милостію Архіепископъ Константинополя Новаго Рима и вселенскій патріархъ. Іоаннь, смиренный епископъ, митрополитъ Ефесскій и пр. Подписались сорокъ два епископа, двадцать восемь занимающихъ высокія должности клириковъ. Гдѣ происходилъ этотъ Соборъ ни изъ заголовка, который большею частью истерся, ни изъ конца нельзя узнать. Однако изъ того, что выше сказано, видно, что онъ происходилъ въ началѣ царствованія Андроника, полагаемъ, въ самомъ Константинополѣ.“

Объ этомъ Соборѣ вотъ что находимъ у *Никифора Каллиста*, писателя того времени (въ предисловіи къ его исторіи, въ обращеніи къ императору Андронику Палеологу, передъ концомъ, т. I, стр. 22, Парижское изд. 1630 г.): „тебѣ же что? Развѣ ты не держался одинаковаго теченія съ нимъ относительно соестественнаго Духа? Ибо на Соборѣ, составленномъ при томъ не изъ какихъ-нибудь простецовъ и прислужниковъ, но изъ первыхъ лицъ нашей церкви, ты, какъ нѣкій новый Авраамъ, принялъ вновь подъ свой кровъ блаженную Троицу и, разстроивъ фаланги болтуновъ, ясно опредѣлилъ, откуда происходитъ исхожденіе, т. е. отъ Одного только Отца,—оттуда, откуда имѣеть непостижимымъ образомъ Свое бытіе также и Сынъ, однако—какъ рожденный.“

Когда разошелся Соборъ, плохо пришлось тѣмъ, кто во времена Михаила подписалъ унію, хотя они ее открыто осудили, сознавши свое заблужденіе. Всѣ эти митрополиты, епископы и священники, собранные въ храмъ, хотя и умоляли о снисхожденіи и указывали при этомъ на примѣры предшествующихъ временъ, были лишены своего сана. Наконецъ, послѣ многихъ неприличныхъ и недостойныхъ поступковъ съ ними, ихъ прогнали изъ храма; но и поступившіе съ ними такъ—впослѣдствіи понесли заслуженное наказаніе за свою ярость и сами были снова прогнаны съ своихъ каедръ. Такъ *Григора* рассказываетъ: „послѣ сожженія около Адрамиттія книгъ, возбуждавшихъ споры и раздоры, всѣ тѣ, кто притворялся объятымъ ревностью къ вѣрѣ,

¹⁾ Такъ въ запискѣ Собора сказано и значитъ: придуманная, фальшивая сдѣлка и враждебный миръ. Прим. перев.

частью подѣливъ уже, а частью собираясь подѣлить митрополи и другія мѣста, опредѣлили безъ всякаго снисхожденія отрѣшнить всѣхъ вообще архіереевъ и клириковъ, единомышленниковъ императора Михаила, не умѣя пользоваться умѣренно и человѣчно своимъ счастьемъ. Ибо большая часть ихъ происходила изъ пригородной, худо воспитанной и мятежной толпы, членамъ которой не много раньше нельзя было и видѣть лицо императора; теперь же они имъ были приняты весьма благосклонно, забыли о своемъ происхожденіи, нисколько не отличаясь отъ пьяныхъ. Получивши отъ императора, ни въ чемъ имъ не отказывавшаго изъ страстнаго желанія возстановить единство церкви, власть, вполне увѣренные въ своей силѣ, эти люди собрали въ большой Влахернскій храмъ, какъ овецъ, всѣхъ тѣхъ, противъ которыхъ рѣшили заранѣе издать это гнусное постановленіе. Послѣдніе старались умоляющими жестами и словами исторгнуть къ себѣ состраданіе и приводили подобные примѣры снисходительности древнихъ, между прочимъ изъ временъ двукратнаго иконоборства, когда погрѣшившіе хуже ихъ встрѣтили больше человѣчности въ защитникахъ православія и удержали каждый свое мѣсто; но ихъ противники постановили не отступать отъ своего безчеловѣчнаго рѣшенія, точно волны злобы унесли всякую милость и состраданіе на дно Атлантическаго моря. Такъ велика была зависть въ средѣ этого священнаго собранія, такое ожесточеніе поднялось въ самомъ началѣ этого прекраснаго соглашенія! Кто будетъ столь твердъ, у кого найдется крѣпкая душа, что бы описать жестокость и безчеловѣчность, съ которыми обошлись съ бѣдными епископами и священниками? Ибо послѣ оскорбленій на словахъ предводители собранія приказали низшимъ снять съ ихъ головъ митры и камилавки и бросить на землю, трижды воскликнувъ: недостойны! съ иныхъ велѣли снять платье и, обернувши его сверху внизъ, надѣть на голову также съ восклицаніями трижды: недостойны! Затѣмъ, надававши оплеухъ, ихъ вытолкали изъ храма, какъ разбойниковъ. Но человѣколюбецъ и Спаситель Нашъ Іисусъ принялъ разбойника и желалъ и ждалъ раскаянія предателя, только бы онъ пожелалъ раскаяться. Поэтому и тѣ, хотя поздно, но понесли должное наказаніе за свое жестокосердіе: ни одинъ изъ этихъ новыхъ законодателей не умеръ въ

своёмъ достоинствѣ, но постыднѣйшимъ образомъ изгнанные со своихъ кафедръ, какъ мы послѣ объ этомъ скажемъ, они окончили свою жизнь въ горести и печали.“

Кромѣ упомянутой записки, въ Вѣнской библіотекѣ хранится сочиненіе *Григорія Кипрскаго* противъ богохульствъ Бекка. Противъ Латинянъ писалъ также въ то время *Георгій Мосхампартъ*, хартофилаксъ великой церкви, о чемъ свидѣтельствуесть Беккъ (у Льва Аллятія, кн. II „непрерывнаго согласія церквей“, гл. XV, ном. XIII). Наконецъ и *Константинъ Акрополитъ*, великій логоветъ, издалъ много изслѣдованій объ исхожденіи Св. Духа противъ Латинянъ (у того же Аллятія, указанное мѣсто, ном. XIV^о).

Такимъ образомъ, съ возвращеніемъ свободы всѣ восточные, за исключеніемъ Бекка и его двухъ сообщниковъ, единодушно свергли и осудили унію церквей, которую пытался ввести Михаилъ Палеологъ, что служить вѣрнѣйшимъ доказательствомъ, что они приняли ее неохотно по настоянію и принужденію императора. Развѣ такая унія можетъ помочь Латинянамъ въ ихъ дѣлѣ?

Возраженіе IX.

Наконецъ, что касается Ліонскаго Собора, то, спрашивается, какимъ образомъ можно называть этотъ Соборъ вселенскимъ, если на немъ не было ни самихъ восточныхъ патріарховъ, ни ихъ пословъ? Поэтому — то аббатъ *Варлаамъ*, какъ сообщаетъ *Бенедиктъ XII* въ посланіи къ Роберту, королю Сицилійскому (у Льва Аллятія, кн. II, гл. XV¹, „непрерывнаго согласія церквей“, ном. II) говорить: „если кто скажетъ, что объ этомъ былъ созванъ общій Соборъ въ Ліонѣ, то пусть знаетъ, что никто не можетъ унижить греческій народъ до того, что бы онъ принялъ этотъ Соборъ безъ другого Собора. Почему? Потому что тѣ Греки, которые присутствовали на этомъ Соборѣ, не были присланы ни четырьмя патріархами, управляющими восточною церковью, ни народомъ, а только однимъ императоромъ, стремившимся заключить съ вами унію насильственную, а не добровольную.“ Слѣдовательно, на этомъ Соборѣ были послы императора Михаила, который, какъ мы выше видѣли, побуждаемъ былъ къ уніи только мірскими соображеніями, такъ что его согласіе въ этомъ случаѣ не имѣетъ рѣшительно никакого зна-

ченія. То, что нѣкоторые Латиняне заявляли, будто самъ императоръ присутствовалъ на Лионскомъ Соборѣ, нисколько не согласно съ истиною; ихъ опровергаетъ даже самъ *Ваддингъ* въ лѣтописи Миноритовъ, во II томѣ. Не было тутъ и патріарха Константинопольскаго Германа, а былъ другой какой-то Германъ¹⁾, родственникъ и учитель императора Михаила, который хотя и сидѣлъ когда-то одинъ годъ на патріаршемъ престолѣ, но на Лионскій Соборъ былъ посланъ не церковью, а императоромъ и отъ имени императора согласился на унію. Присутствовали далѣе послы епископовъ съ грамотами, ими написанными, присланные либо самими епископами, либо отправленные только императоромъ. Существуетъ между актами Лионскаго Собора посланіе восточныхъ епископовъ, въ которомъ они заявляютъ, что признаютъ примать папы, возвращаются къ единенію, что они возведутъ на мѣсто Іосифа патріарха, не противнаго уніи. Это же посланіе написано также и отъ имени всѣхъ клириковъ великой церкви, какъ ясно для всякаго, кто его развернетъ. Между тѣмъ клирики еще не согласились на унію въ то время, какъ послы отправлялись на Соборъ, о чемъ свидѣтельствуется Пахимеръ въ V кн., гл. XVII и XVIII. Если же по отношенію къ клирикамъ это посланіе подписано фальшивою рукою, то какую вѣру слѣдуетъ давать цѣлому посланію относительно епископовъ, или ихъ пословъ?

Далѣе, — это посланіе между прочимъ заключаетъ слѣдующія слова: „но ревность Богомъ вѣнчаннаго императора побѣждаетъ, наконецъ: всѣ уже единодушно принимаютъ эту единственную унію, по которой мы соглашаемся воздать апостольскому престолу древняго Рима первенство (примать), воздаваемое отъ древнѣйшихъ временъ.“ Но это опять-таки измышленіе: кромѣ епископовъ, какъ сказано, остальные рѣшительно не соглашались; мы выше видѣли,

¹⁾ Этотъ Германъ занялъ патріаршеское мѣсто вслѣдствіе низложенія Арсенія, никакъ не желавшаго простить Михаилу Палеологу ослѣпленія Іоанна, законнаго наследника престола, а также тираническаго правленія. Германъ патріаршествовалъ вмѣсто Арсенія съ Іюня 1267 г. по Сентябрь, когда отказался отъ патріаршества. Тогда возведенъ былъ Іосифъ настоятель Галійскаго монастыря. Когда послѣ шестилѣтняго управленія церковью Іосифъ былъ сосланъ, патріархомъ сталъ въ 1274 г. Іоаннъ Беккъ, при которомъ созданъ былъ Соборъ въ Лионѣ. Какъ же могъ явиться на соборъ Германъ, какъ правящій Константинопольскою церковью, за восемь лѣтъ передъ тѣмъ отказавшійся отъ патріаршества? Послѣ него уже два патріарха держали въ своихъ рукахъ кормило церкви.

сколько усилій послѣ этого употреблялъ императоръ для распространенія уніи, какъ также очень многіе восточные отъ нея отбивались. Бтому же это былъ обычный приѣмъ императора—обманывать Латинянь подложными грамотами епископовъ, какъ мы это выше видѣли относительно грамоты, написанной къ Іоанну XXI.

Наконецъ, вымыслена присяга, которую, говорятъ, дали послы епископовъ по ихъ порученію на томъ же Соборѣ. Она находится въ XI т. Соборовъ, ч. I, столб. 971 въ такомъ видѣ: „я (такой-то), посолъ, имѣя достаточное полномочіе для нижеписаннаго, клятвенно отрекаюсь отъ всякой схизмы, и подписанную истину вѣры, какъ она полно прочитана и вѣрно мною изложена, именемъ Господа Бога Нашего признаю истинной, святой католической вѣрой, ее принимаю, исповѣдую сердцемъ и устами и обѣщаю ее такъ, какъ держать и вѣрно учить и проповѣдуетъ святая римская церковь, нерушимо соблюдать и въ ней во всякое время пребывать и никогда отъ нея не отступать, никоимъ образомъ не уклоняться и съ нею не расходиться. Точно такъ же и первенство этой святѣйшей римской церкви, какъ содержится въ предъидущемъ пунктѣ, приходя добровольно въ повиновеніе этой церкви, исповѣдую, признаю и добровольно принимаю. И самъ все вышеизложенное какъ относительно истины вѣры, такъ и относительно примата той же римской церкви и признанія епископовъ, принятія, воспринятія, соблюденія и сохраненія до конца, тѣлесно данною клятвою обѣщаю и утверждаю. Такъ да поможетъ ему Богъ и это святое евангеліе. Скриніарій, Сакристъ, Хартофилаксъ и великій Скевофилаксъ ¹⁾ Константинопольской церкви Іоаннъ Читатель (Lector).“

Въ этой присягѣ и въ полномочіи епископовъ одобряется сама вѣра Латинянь, слѣдовательно и исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Между тѣмъ епископы, хотя до того времени и одобряли унію, всегда однако заявляли, что Латиняне погрѣшаютъ въ вѣрѣ и не хотѣли и слышать объ этомъ ихъ догматѣ. Все, относительно чего заключена была унія, касалось только примата, апелляціи и поминанія (папы), какъ выше было подробно объяснено. Какимъ же образомъ могла быть дана такая клятва по порученію епископовъ? Далѣе,—

¹⁾ Названіе должностей обозначено сперва по-латыни, а потомъ по-гречески: *Scriniarius*—*Χαρτοφύλαξ*, *Sacristus*—*σκεβοφύλαξ*. Прим. перев.

клятва эта говорила: „такъ да поможетъ ему Богъ.“ Если бы клятва эта давалась именемъ епископовъ, то вмѣсто этого было бы сказано: „такъ да поможетъ имъ Богъ.“ Опять въ ней есть выраженіе: „именемъ Господа Бога Нашего.“ Но посоль никоимъ образомъ не могъ отъ имени Бога и вмѣсто Бога обѣщать повиновенія римскому престолу. Поэтому самъ іезуитъ *Гавріилъ Коссартій*, издавшій вмѣстѣ съ іезуитомъ *Филлипомъ Ляббе* въ Парижѣ въ 1671 году томы Соборовъ, тамъ же замѣчаетъ: „тѣми же словами составлено, какими присяга самого императора, раньше данная, изъ которой мы дополнили здѣсь пропускъ нѣсколькихъ словъ. А что, если тутъ переписана присяга императорская вмѣсто епископской? Ибо посоль епископскій долженъ былъ бы сказать: именемъ епископовъ, подобно тому, какъ сказалъ посоль кесарскій: отъ имени сказаннаго господина моего, каковыя слова здѣсь испорчены и измѣнены въ таковыя: именемъ Бога и Господа Нашего. Вѣдь посоль этотъ принималъ присягу не отъ имени Бога и не отъ имени и за Бога обѣщалъ повиновеніе римской церкви. Затѣмъ,—что иное въ концѣ говорятъ слова: такъ да поможетъ ему Богъ?.... А то, что стоитъ выше: и самъ все предъидущее и пр., есть то, что читаемъ въ присягѣ императора: и самого все предъидущее и пр.“

Однако епископы могли писать подобныя грамоты въ пользу уніи, могли съ цѣлью заключить ее посылать пословъ, ибо они тогда уже сочувствовали уніи. Но какое отношеніе имѣетъ эта унія къ доказательству вселенскаго характера Лионскаго Собора? Епископы одобряли унію съ Латинянами, но не какъ дѣло хорошее и благое само по себѣ, ибо они заявляли, что заключаютъ единеніе съ заблуждающимися въ вѣрѣ, а только допускали ее, какъ меньшее зло въ сравненіи съ большими бѣдствіями, такъ какъ иначе Востоку грозили со стороны Латинянъ жестокия войны, кровопролитіе и разореніе. Но даже къ принятію и такого мира, въ такомъ смыслѣ объясняемаго, и епископы, и за ними другіе—не сами собою пришли, а дѣлали это по настоянію императора, вынуждаемые угрозами и казнями. Думаютъ ли Латиняне, что такое принятіе уніи придаетъ Лионскому Собору значеніе вселенскаго? Напротивъ, скорѣе въ этомъ отношеніи его можно обличить въ большомъ обманѣ. Допустимъ, епископы сочувствовали уніи, заключенной на

Ліонскомъ Соборѣ,—но развѣ поэтому они подписались подѣ опредѣленіями Собора? Какъ мы видѣли, тѣ же епископы всегда твердо отрицали исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Между тѣмъ на томъ же Ліонскомъ Соборѣ предаются осужденію тѣ, кто сомнѣвается въ этомъ догматѣ. Какимъ же образомъ признали бы восточные епископы Ліонскій Соборъ и своимъ признаніемъ и одобреніемъ придали бы этому Собору еще больше значенія? И такъ, остается пока одинъ только императоръ Михаилъ, который одобрилъ опредѣленія этого Собора своимъ голосомъ. Но и онъ подалъ за нихъ голосъ, какъ мы видѣли, неискренно, за что былъ даже отлученъ папою Мартиномъ. Такимъ образомъ, остаются одни Латиняне, которые на этомъ Соборѣ присутствовали и съ его опредѣленіями согласились. Какъ же послѣ этого можно утверждать, что этотъ Соборъ былъ вселенскимъ.?

Притомъ, на Ліонскомъ Соборѣ подтверждено было исхожденіе Св. Духа отъ Сына, осуждены тѣ, кто его отвергаетъ; но ничего объ этомъ догматѣ на Соборѣ не было обсуждаемо, ничего не постановлялось, все устроено по желанію папы и Латинянъ. Это шло совершенно въ разрѣзъ съ обычаемъ законныхъ Соборовъ, на которыхъ всегда предшествовало обсужденіе предметовъ вѣры на основаніи св. Писанія, или свидѣтельствъ Отцовъ, а потомъ уже постановлялось опредѣленіе относительно спорныхъ вопросовъ. Поэтому-то въ то время, какъ остальные вселенскіе Соборы были нерушимо приняты вселенскою церковью, этотъ Ліонскій Соборъ, по смерти Михаила, Соборомъ самихъ восточныхъ былъ отвергнутъ, осужденъ и никогда впослѣдствіи восточною церковью не признавался. Яснымъ отсюда становится, что Латиняне совѣмъ неосновательно выставляютъ противъ восточныхъ этотъ Ліонскій Соборъ.

Этимъ мы заканчиваемъ рѣчь объ уніи церквей, которую пытался провести Михаилъ Палеологъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывается, что Флорентинскій Соборъ былъ незаконнымъ и не долженъ быть причисляемъ къ вселенскимъ Соборамъ.

Вѣянiя или акты Флорентинскаго Собора находятся въ рукахъ у всѣхъ, такъ что нѣтъ необходимости въ данномъ случаѣ предпосылать какiя-нибудь заявленiя со стороны Латинянъ, а лучше прямо перейти къ самому предмету изслѣдованiя, т. е. показать, почему восточныя церкви по праву отвергають до сихъ поръ этотъ Соборъ.

§ А.

Первая часть этого собора прошла въ спорахъ относительно смысла извѣстнаго постановленiя Ефесскаго Собора: „не вносить въ церкви иного опредѣленiя вѣры, кромѣ Никейскаго.“ Изъ всѣхъ силъ ратовали Латиняне, что бы доказать, будто смыслъ этого постановленiя тотъ, что только ложнаго нельзя вносить въ символъ. Отсюда, наконецъ, въ заключенiе Собора ими постановлено было опредѣленiе, что исхожденiе Св. Духа отъ Сына внесено въ символъ основательно. Между тѣмъ все, что Латиняне по этому предмету утверждали на множествѣ засѣданiй въ Феррарѣ, и все, что постановлено ими о прибавкѣ къ символу во Флоренцiи,—все это до очевидности изблiчается во лжи одинаковымъ, по имѣвшимъ далеко не такую цѣль, споромъ и опредѣленiемъ, состоявшимся при Львѣ Ш. Этотъ папа въ разсужденiи съ послами, присланными

въ Римъ Ахенскимъ Соборомъ, пространно доказалъ, что смыслъ означеннаго опредѣленія тотъ, что въ символъ нельзя ничего вводить, даже и истиннаго. Поэтому онъ постановилъ опредѣленіе: „слѣдуетъ изъять изъ символа внесенное исхожденіе Св. Духа отъ Сына.“ Онъ воздвигъ даже вѣчный памятникъ, на которомъ начертанъ былъ золотыми буквами святой символъ нерушимо и безъ извѣстный прибавки съ подписью: „Я, Левъ, положилъ это изъ любви къ православной вѣрѣ и для ея охраны.“ Мало того, — въ бесѣдѣ съ послами отъ Собора Левъ прибавилъ: „такія доказательства выставляются (т. е. доказательства того, что смыслъ опредѣленія вселенскихъ Соборовъ таковъ, что даже и истинное не можетъ быть прибавлено къ символу), что бы не только убѣдить мудрыхъ, но что бы поразить и глупцовъ.“ За кого же нужно считать, по суду Льва, собравшихся на Феррарскомъ Соборѣ Латиняны, когда *Маркъ Ефесскій*, говоря объ этомъ предметѣ очень много, никакъ не могъ убѣдить ихъ? Но не буду на этомъ настаивать, ибо выводъ изъ этого дѣянія Льва мы подробно развили въ главѣ, въ которой доказано, что, по смыслу Ефесскаго опредѣленія, даже и истинное не можетъ быть внесено въ символъ ¹⁾. Конечно, Латинянамъ слѣдуетъ краснѣть, что ихъ вселенскій Соборъ столь постыдно защищалъ, установилъ и опредѣлялъ то, что противорѣчитъ объясненію и опредѣленію Льва III (не говоря уже о другихъ доказательствахъ, приведенныхъ въ указанной главѣ). Ибо вселенскій, или только законный Соборъ, не попираетъ рѣшеній остальныхъ вселенскихъ Соборовъ, не проповѣдуетъ имъ противнаго, не защищаетъ отчаянной лжи на множествѣ засѣданій и не опредѣляетъ, наконецъ, недозволеннаго.

§ Б.

Вторую часть этого Собора Латиняне провели въ разсужденіяхъ о самомъ догматѣ, что бы доказать, конечно, что исхожденіе Св. Духа отъ Сына преподается въ св. Писаніи, передается св. Отцами какъ восточными, такъ и западными и затѣмъ общимъ согласіемъ утверждено въ церкви римской и латинской. Но что касается св. Писанія, то только съ помощью нѣкоторыхъ нелѣ-

¹⁾ См. гл. V.

ныхъ выводовъ они оттула извлекали свое ученіе, какъ доказано нами во многихъ главахъ; большую часть свидѣтельствъ восточныхъ Отцовъ они дурно истолковали, очень много привели въ испорченномъ видѣ, что доказано въ главѣ о свидѣтельствахъ восточныхъ Отцовъ, приводимыхъ Латинянами, и въ главѣ ¹⁾ о поврежденіяхъ въ писаніяхъ восточныхъ Отцовъ. Изъ этихъ послѣднихъ первое мѣсто занимали слова *Василія*, испорченныя въ началѣ III кн. противъ Евномія, и символъ *Аванасія*; мало того, и что всего хуже, — символъ самого II Никейскаго вселенскаго Собора. Очень много засѣданій второй части Собора, о которомъ идетъ рѣчь, потрачены были на разсужденія объ означенномъ испорченномъ мѣстѣ *Василія* и о другомъ мѣстѣ изъ его же бесѣды о крещеніи, какъ будто на этихъ двухъ свидѣтельствахъ всего больше основывается мнѣніе Латинянъ; между тѣмъ однако даже въ изданіяхъ *Василія*, сдѣланныхъ самими Латинянами, оба эти мѣста такъ читаются, какъ тогда же правильно утверждалъ *Маркъ Ефесскій*. То же и мы доказали на основаніи иныхъ соображеній въ указанныхъ главахъ. Точно такъ же испорчены были и свидѣтельства западныхъ Отцовъ, приводившіяся Латинянами, какъ доказано въ особой главѣ о поврежденіяхъ, произведенныхъ въ свидѣтельствахъ латинскихъ Отцовъ ²⁾. Равнымъ образомъ ложно на Соборѣ старались увѣрять, что въ латинскихъ церквахъ всегда въ непоколебимомъ согласіи утверждалось исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Ибо не говоря о первыхъ восьми вѣкахъ, сколько распрей, сколько возраженій и споровъ возникло среди самыхъ Латинянъ, послѣ того какъ въ началѣ IX-го вѣка нѣкоторые ввели этотъ догматъ въ латинскую церковь. Это также изложено въ особой главѣ ³⁾. Затѣмъ, самый догматъ, который защищали такъ страстно и, наконецъ, утвердили постановленнымъ опредѣленіемъ, не былъ маловажнымъ, но, противорѣча самому св. Писанію и всему каѳолическому преданію, завѣщанному св. Соборами и писаніями св. Отцовъ, онъ колеблетъ непосредственно самыя основанія христіанской вѣры, вводя два начала, а потому и двухъ Боговъ, какъ у язычниковъ,

¹⁾ см. гл. II.

²⁾ см. гл. III.

³⁾ см. гл. IV.

—что доказано въ другихъ главахъ нашего изслѣдованія.—И такъ, можетъ ли быть названъ вселенскимъ Соборъ, на которомъ пустыми софистическими умозаключеніями оскверняется св. Писаніе,—на которомъ выворачивается по своему желанію смыслъ свидѣтельство Отцовъ, или они приводятся въ намѣренно испорченномъ видѣ, — на которомъ, наконецъ, крайне лживо стараются установить вѣчное, будто бы, согласіе латинской церкви относительно нѣкотораго догмата? На законныхъ Соборахъ, конечно, нѣтъ вовсе мѣста обману, натяжкамъ и передержкамъ,—истина защищается только истинной. Потому-то моноелиты, уличенные въ поврежденіи актовъ V-го вселенскаго Собора, были осуждены за это на VI-мъ вселенскомъ Соборѣ,—о чемъ сказано въ другомъ мѣстѣ. Можно ли, затѣмъ, считать вселенскимъ Соборъ, на которомъ защищается, устанавливается и опредѣляется догматъ, противный св. Писанію, Соборамъ и Отцамъ, мало того, самымъ началамъ христіанской вѣры? Будь во Флоренціи Отцы съ Запада и Востока въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ то, въ какомъ они тамъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, были; но, если не истина тамъ установлена, если опредѣленъ ложный догматъ, то, какъ бы ни было велико количество Отцовъ, они не сдѣлаютъ Собора ни истиннымъ, ни вселенскимъ. Потому-то признается Никейскій соборъ, а Ариминійскій, хотя состоявшійся при большомъ стеченіи епископовъ, не признается, ибо католическое преданіе вѣры, основанное на св. Писаніи и на писаніяхъ Отцовъ, никакой Соборъ не могъ колебать, или уничтожать, постановивши противное опредѣленіе.

§ В.

Если мы теперь перейдемъ къ самимъ восточнымъ Отцамъ, собравшимся на этомъ Соборѣ, то развѣ кто-нибудь изъ нихъ постолько, поскольку свободно мыслилъ, поскольку свободныя разсужденія съ Латинянами имѣли мѣсто, развѣ восточные, убѣжденные какими-нибудь доказательствами, одобрили миѣніе Латинявъ? Нисколько! Главное разногласіе между церквами было и есть относительно прибавки къ символу. И вотъ *Маркъ Ефесскій*, а за нимъ другіе восточные рѣшительно заявили, что церкви могутъ соединиться въ истинномъ и прочномъ единствѣ, когда будетъ уничтожена въ символѣ прибавка. Пусть перероютъ акты Феррарскаго

Собора, пусть пересмотрят сочиненія писавшихъ объ этомъ Соборѣ: найдутъ ли тамъ указаніе на то, что кто-нибудь изъ восточныхъ среди ли преній о прибавкѣ, или даже послѣ прекращенія этихъ преній согласился, что папа, либо Латиняне имѣли право внести что нибудь, даже и истинное, въ символъ? Никто никогда. И такъ, какими же доводами были побѣждены восточные, чтобы подписаться вѣдѣнію подѣ опредѣленіемъ, гласящимъ, будто Латиняне правильно употребляютъ прибавку къ символу объ исхожденіи Духа Св. отъ Сына? Опять: сколько свободно ни спорили во Флоренціи о догматѣ, восточные никоимъ образомъ не соглашались съ Латинянами, но неизмѣнно оставались при прежней своей вѣрѣ. И такъ, что же, — доказательства Латинянъ побудили ихъ подписаться подѣ догматомъ Латинянъ? Притомъ, — когда императоръ, видя, что преніями нельзя никоимъ образомъ добиться уніи, велѣлъ прекратить всѣ споры съ Латинянами, то, такъ какъ все-таки тогда еще допускалась свобода, предложенное Латинянами опредѣленіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына всѣми было отвергнуто. Даже сами *Григорій Протосинкеллъ*, *Исидоръ*, Московскій митрополитъ ¹⁾, и *Виссаріонъ Никейскій*, хотя были горячими защитниками уніи, совѣтовали вмѣстѣ съ епископомъ Митиленскимъ составить иное опредѣленіе уніи, какъ о томъ свидѣтельствуется очевидецъ *Сильвестръ Синопулъ* въ исторіи Флорентинскаго собора (отд. VIII, гл. XIV). И тѣмъ не менѣе послѣ того очень многіе восточные подписались подѣ опредѣленіемъ, ими самими осужденнымъ. Слѣдовательно, другими совершенно основаніями, а не доказательствами Латинянъ доведены были вѣдѣнію восточные до того, что подписались подѣ догматомъ и мнѣніями, угодными Латинянамъ. Несомнѣнно, подѣ вліяніемъ настояній, льстивыхъ обѣщаній и угрозъ со стороны императора, или томимые скукою на чужой сторонѣ и нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, дали они, наконецъ, свои подписи Латинянамъ. Ибо императоръ, не видя возможности безъ помощи Латинянъ защитить себя и Константинополь отъ угрожавшихъ ему Турокъ, желалъ какимъ бы то ни было способомъ достигнуть уніи съ Латинянами для полученія отъ нихъ помощи. Поэтому, когда выяснилось, что

¹⁾ у Зерникава онъ названъ Кіевскимъ.

пренія нисколько не приведуть къ цѣли, императоръ, прекративши ихъ, сталъ искать другихъ средствъ, чтобы принудить своихъ Грековъ къ заключенію уніи съ Латинянами. Для совѣщаній объ этомъ приглашались императоромъ одни только упомянутые Григорій, Исидоръ и Виссаріонъ, такъ какъ онъ зналъ, что они сочувствуютъ уніи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ опять-таки Сильвестръ Сиронулъ (отд. VШ, гл. IV°); равно также и акты Флорентинскаго Собора, изданные по-гречески и переведенные Іоанномъ Матѳеемъ Каріофиломъ ¹⁾ на латинскій языкъ, подъ конецъ XXV засѣданія вдругъ замѣчаютъ, что Исидоръ и Виссаріонъ одобрили унію съ Латинянами.

И такъ, послѣ совѣщаній съ тремя означенными лицами императоръ сталъ прибѣгать къ разнымъ уловкамъ. Такъ онъ рѣшилъ, что унію слѣдуетъ заключить, если Латиняне примутъ посланіе *Св. Максима*, о которомъ въ своемъ мѣстѣ говорилось. Но когда императоръ предложилъ это остальнымъ созваннымъ восточнымъ, то часть одобрила его предложеніе, а другіе осудили такое основаніе для заключенія уніи. (Сильвестръ, отд. VШ, гл. V). Тогда, по приказанію императора, былъ написанъ новый проэктъ уніи. Смыслъ его былъ таковъ: такъ какъ Латиняне признаютъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного начала, а Греки, — что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и есть собственный Сына и отъ Него истекаетъ, и отъ Того и Другого, т. е. отъ Отца чрезъ Сына по существу изливается, — то поэтому Греки и Латиняне опять соединяются въ одну церковь (Сильвестръ, отд. VШ, гл. XVШ). Этотъ проэктъ не всеѣмъ восточнымъ понравился; когда рѣшено было его пустить на голоса, двѣнадцать человекъ оказалось противъ, а двадцать четыре за проэктъ. (Тамъ же, гл. XVШ). Но Латиняне рѣшительно отказались допустить принятіе уніи на предложенномъ императоромъ опредѣленіи, — заявивъ прямо, что унія не можетъ состояться, если восточные безъ всякихъ разсужденій не подишутся подъ ихъ догматомъ (Сиронулъ,

¹⁾ Этотъ Каріофилъ жилъ ок. 1633 г., родомъ Критянинъ, — воспитанникъ и орудіе Рима, такъ же какъ и его современники Коркирянинъ Петръ Аркудій и Хиосецъ Левъ Аллятій; кромѣ разныхъ сочиненій противъ церкви, отъ которой отпалъ, перевелъ на Латинскій языкъ исторію Флорентинскаго собора, составленную Феодоромъ Ксанеонуломъ, великимъ Скевофилаксомъ.

гл. XIX и помянутый авторъ дѣяній Флорентинскаго Собора, — за-сѣданіе XXV). Но до того времени велись другіе переговоры, о чемъ свидѣтельствуеть и кардиналъ Юліанъ у Андрея di S. Croce ¹⁾. (Засѣд. XXII Флор. Соб. т. XIII Соборовъ, столб. 1159). „Наконецъ, говоритъ онъ, рѣшилъ государь императоръ и Греки прекратить разсужденія и пренія и приступить къ опредѣленнымъ переговорамъ, надѣясь такимъ образомъ довести дѣло до конца. И хотѣли они, что бы число договаривающихся было не велико. Что бы удовлетворить ихъ желанію, нельзя было допустить къ переговорамъ всѣхъ вашихъ (т. е. папы) Отцовъ, а отряжены были только нѣкоторые. Такъ какъ вопросъ объ исхожденіи былъ важнѣе, съ него и начали переговоры, надѣясь, что если онъ будетъ разрѣшенъ, то останется уже не много разницы. Много выслушано было возраженій и трудностей, предложены были способы ихъ уладить. Сперва Греки говорили, чтобы составлено было опредѣленіе, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца черезъ Сына. Черезъ нашихъ депутатовъ былъ отвергнутъ этотъ путь по многимъ соображеніямъ. Предложенъ былъ другой путь, именно, что бы они признали, что и мы правильно содержимъ вѣру, и они хорошо вѣрують по своему пониманію. И этотъ путь былъ отвергнутъ нами: ибо истина не допускаеть дѣленія. Затѣмъ предложенъ былъ еще иной путь: заявлялось, что Духъ Св. *изливается* отъ Отца и Сына, такъ какъ Греки страшились слова — *исходитъ*; и нами была отвергнута эта формула, потому что эти слова могутъ имѣть сомнительный смыслъ, и потому ихъ не слѣдуетъ употреблять въ опредѣленіи. Потомъ стали говорить, что нѣтъ разницы въ выраженіи: Духъ Св. *изливается*, или *истекаетъ*, но разница — выразиться: *исходитъ*. Поэтому такую формулою нельзя опредѣлить существующаго спора. Затѣмъ предложено, чтобы въ опредѣленіи было сказано: *исходитъ отъ Отца и Сына и отъ Отца черезъ Сына*. Но и эта формула найдена неудовлетворительною, ибо могла привести къ худому переводу, такъ что предлогъ *изъ* (отъ)

¹⁾ Этотъ Андрей di S. Croce (отъ Св. Креста) былъ римскій патрицій и адвокатъ апостолической консисторіи; присутствуя на Соборѣ, онъ выслушивалъ, что говорила та и другая сторона и, какъ нотарій, записывалъ. Такъ говоритъ Горацій Юстиніанъ, хранитель Ватиканской бібліотеки, въ предисловіи къ собранію изданныхъ имъ актовъ Флор. Собора.

могъ бы перейти въ *черезъ*; говорилось, что этимъ путемъ было бы объяснено, что Сынъ — причина, и что это — не хорошій способъ выраженія, такъ какъ мысль въ него вложенная была бы сомнительною, а она должна быть точной и недопускающей сомнѣнїя.“

Однако это несогласіе Латинянь не помѣшало императору собрать своихъ на засѣданіе. Такъ какъ уже раньше нѣкоторые изъ прїѣхавшихъ на Соборъ грековъ защищали въ противность остальнымъ, что *изъ* (отъ) равносильно *черезъ* (Сильвестръ, Отд. VШ, гл. XIV, XV, XVI), и императоръ думалъ, что изъ этого разногласія среди его спутниковъ онъ можетъ извлечь пользу для заключенія уніи, то онъ предложилъ вопросъ: одно ли и то же — *черезъ Сына* и *отъ Сына*? Но, замѣтивши, что епископы настаиваютъ на отрицательномъ рѣшеніи этого вопроса, и что онъ этимъ ничего не добьется, онъ заявилъ, что уніи нельзя довести до конца, если сперва не будетъ выяснено, что объ этомъ думаютъ западные Отцы церкви. Ибо онъ видѣлъ, что Латиняне оказываютъ не малое давленіе на прїѣхавшихъ съ нимъ Грековъ тѣмъ именно, что прямо утверждаютъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Сына, слѣдовательно, если примутъ во вниманіе ученіе этихъ Отцовъ, то дѣло уніи пойдетъ на ладъ. Но когда пустили вопросъ на голоса, то одни стояли за то, что слѣдуетъ принять мнѣніе латинскихъ Отцовъ, а другіе — отвергнуть (Сильвестръ, Отд. IX, гл. II и III). Отвергли принятіе пять епископовъ и три крестноносца ¹⁾ вмѣстѣ съ остальными, подававшими голосъ послѣ нихъ. Поэтому, что бы уменьшить голоса несогласныхъ, императоръ прибѣгнувъ къ хитрости и лишилъ права подачи голоса крестноносцевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что на семи вселенскихъ Соборахъ они ²⁾ не подписывались (Сильвестръ, гл. IV).

Послѣ этого императоръ спросилъ своихъ: исходитъ ли, по ихъ мнѣнію, Духъ Св. отъ Сына? Патріархъ отвѣтилъ уклончиво, изъ епископовъ и киновитовъ (монаховъ) десять отвѣтили утвердительно, а семнадцать отвергли и осудили исхождение отъ Сына. Что бы перетянуть на свою сторону несогласныхъ и склонить ихъ

¹⁾ свѣтскіе члены Собора.

²⁾ т. е. бывшіе тамъ крестноносцы.

къ одинаковому мнѣнію, императоръ прибѣгаетъ къ разнымъ средствамъ: однихъ увлекаетъ угрозами и бранью, другихъ—дружескими убѣжденіями, третьихъ лестью; при этомъ помогаютъ императору патріархъ и Исидоръ (Сильвестръ, Отд. IX, гл. VIII). Эти усилія не остаются безъ успѣха. Такъ какъ одни желаютъ воротиться въ отечество, а безъ заключенія уніи для этого трудно было найти средства; другіе же опасаются лишиться содержанія, выдаваемого панюу, что уже однажды было,—то начинаютъ относиться уже нѣсколько уступчивѣе къ мнѣнію Латинянъ. Когда императоръ, снова собравши своихъ на совѣщаніе, спрашиваетъ: что они думаютъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына?, то согласились признать его уже тринадцать епископовъ и только шесть отказались; при этомъ не были отобраны голоса отъ киновитовъ и крестоносцевъ, которыхъ императоръ, какъ враждебныхъ его намѣреніямъ, уже прежде лишилъ права голоса.

Прежде всѣхъ тогда патріархъ подтвердилъ, что выраженіе *черезъ Сына* обозначаетъ причину и что *черезъ Сына*—то же, что и *отъ Сына*. Спрошенныя міряне ¹⁾ всѣ одобрили унію.—(Подробно объ этомъ рассказываетъ Сильвестръ въ гл. IX и X). Когда, такимъ образомъ, уже большая часть одобрила догматъ Латинянъ, императоръ рѣшилъ, что несогласныхъ можно заставить замолчать, не оставляя имъ никакой свободы и принудивъ по мимо ихъ воли одобрить противное мнѣніе. Поэтому, распуская собраніе, онъ держалъ рѣчь, смыслъ которой былъ таковъ: „унія съ Латинянами уже установлена на вселенскомъ Соборѣ; слѣдуетъ всѣмъ къ ней пристать и самымъ точнымъ образомъ соблюдать, лишь бы только Латиняне не предъявили еще требованія, что бы мы приняли прибавку къ символу, или ихъ обряды въ богослуженіи.“ (Сильвестръ, Отд. IX, гл. X). Но когда послѣ того папа заявилъ, что недостаточно изъявить согласіе относительно догмата объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, пужно еще, кромѣ другихъ пунктовъ, одобрить и прибавку къ символу, то императоръ забылъ свое обѣщаніе, руководствуясь въ этой перемѣнѣ прежняго рѣшенія не ка-

¹⁾ т. е. бывшіе съ императоромъ Греки свѣтскіе, не занимавшіе церковныхъ должностей и не состоявшіе въ монашествѣ.

кими-нибудь основаніями, а только убѣжденіемъ, что Латиняне иначе откажутся отъ уніи. Поэтому онъ утвердилъ каждый изъ этихъ пунктовъ безъ вѣдома всѣхъ, кромѣ Григорія, Исидора и Виссаріона (Сильвестръ, отд. X, гл. I). — И такъ, — какъ хватило совѣсти, какъ не устыдился императоръ и остальные, имъ увлеченные, подписать такіе пункты, которымъ они въ душѣ рѣшительно были противны и относительно которыхъ они только что заявили, что не могутъ ихъ принять? Потому-то императоръ раньше и сдѣлалъ упоминаніе, что не слѣдуетъ соглашаться на прибавку къ символу, что ему было хорошо извѣстно, что окружающіе его этого условія никоимъ образомъ не примутъ.

Ктому же папа, пообѣщавши добровольно дать восточнымъ извѣстную сумму денегъ на переѣздъ въ Италію и содержаніе на Соборѣ, теперь не платилъ обѣщанныхъ субсидій, что бы заставить ихъ принять унію. Объ этомъ, кромѣ Сильвестра Сиронула, вездѣ жалующагося на такое поведеніе папы, свидѣтельствуетъ и *Маркъ Ефесскій* въ своей апологіи противъ Флорентинскаго Собора. Да и самъ авторъ дѣяній Флорентинскаго Собора, на XV засѣданіи, еще въ Феррарѣ состоявшемся, свидѣтельствуетъ, что Грекамъ отказано было въ денежномъ пособіи, чтобы такимъ образомъ принудить перейти во Флоренцію. Такъ въ XIII т. Соборовъ, столб. 216 сказано: „затѣмъ о деньгахъ, положенныхъ на наше содержаніе, не говорилось ни слова, почему мы терпѣли страшныя лишенія. А папа говорилъ: вы отлично знаете, что въ Феррарѣ я ничего не могу вамъ дать, ибо изъ того, на что я надѣялся, ничего не сбылось. Между тѣмъ Флорентинцы даютъ вамъ и вамъ сорокъ тысячъ золотыхъ монетъ съ тѣмъ, что бы мы перенесли къ нимъ Соборъ. Сдѣйствуйте мнѣ, чтобы намъ перейти во Флоренцію, и я обѣщаю дать двѣнадцать тысячъ золотыхъ монетъ въ видѣ субсидіи и двѣ триремы (галеры) Константинополю; вамъ же столько флориновъ, сколько я долженъ, и даровое содержаніе, такъ что впредь вы всегда станете получать ежемѣсячно то, что взмъ положено. И такъ, пріѣзжайте во Флоренцію, а послѣ трехъ, или четырехъ мѣсяцевъ вольно вамъ будетъ уѣхать, состоится ли унія, или нѣтъ. Услыхавъ это, мы смугились, въ особенности потому, что, дѣйствительно, не было никакой надежды что-нибудь получить

въ Феррарѣ. И не знали, что дѣлать: не ѣхать во Флоренцію?— Но у насъ нечѣмъ было жить. Ёхать? А что если и тамъ мы попадемъ въ такую же бѣду, какъ въ Феррарѣ? Такъ мы колебались.“ И затѣмъ въ столб. 217: „мы предложили императору такія условія, если онъ хочетъ, что бы мы отправились во Флоренцію: что бы городу нашему выдана была субсидія на восемь мѣсяцевъ, что бы намъ заплочено было слѣдующее намъ содержаніе за пять истекшихъ мѣсяцевъ.“

И философъ *Амирутичъ* ¹⁾ подтверждаетъ, что нѣкоторые восточные подписали унію изъ-за денежныхъ субсидій и что папа, задерживая субсидіи, принудилъ ихъ къ этому. Самъ онъ точно также подписалъ унію, но, воротившись, отъ нея отказался. Такъ у Льва Аллятія въ III кн. „непрерывнаго согласія церквей“ (гл. I, ном. IV) онъ говоритъ: „какъ могъ быть вселенскимъ Соборъ, платившій за вѣру деньги? Это симоническій Соборъ, на который мы пошли, чтобы получить денегъ и мірской помощи.—Но папа говоритъ: я вижу во всемъ явное раздѣленіе, удивляюсь и понять не могу, какую выгоду можетъ принести вамъ это раздѣленіе. Если это такъ и впредь будетъ, то какъ къ этому отнесутся западные государи? Да и меня это крѣпко огорчить. Притомъ съ чѣмъ вы отправитесь въ отечество? Замѣтите, что папа ясно давалъ понять восточнымъ: если они не подпишутъ рѣшеній Собора, то будутъ лишены необходимыхъ средствъ жизни, да и воротиться домой имъ будетъ не на что, не съ чѣмъ и воевать съ Агарянами.“ Точно такъ же говорилъ и *Досиоей* на Константинопольскомъ Соборѣ, происходившемъ не задолго до взятія города Турками, какъ мы увидимъ впоследствии въ актахъ этого Собора: „кромѣ хитраго Григорія, мы оба насильно, по приказу императора, дали руки для неправедной подписи. Мы совершили этотъ грѣхъ противъ воли и по невѣдѣнію, думая этими подписями не только добыть средства для возвращенія домой, но и для побѣды надъ врагами.“ На другомъ засѣданіи того же Собора, говоря о томъ, что сдѣлано было въ Италіи, также и *Гемистъ* заявилъ, что Флорентинская унія

¹⁾ Этотъ Амирутичъ, родомъ изъ Трапезунта, по завоеваніи его отечества Турками, принужденъ былъ принять магометанство.

была устроена императоромъ и другими при помощи симоніи. При этомъ три патріарха — Антиохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій прибавляютъ: „нужно отыскивать истину изслѣдованіемъ, а не насиліемъ императорскимъ, и не должны были принуждать восточныхъ къ соглашенію лишеніемъ средствъ къ жизни.“ Но объ этомъ впоследствии еще будетъ рѣчь. Наконецъ *Дука*, потомокъ Михайла, хотя былъ побороникъ уніи, въ своей Византійской исторіи (гл. XIII, стр. 120 Парижскаго изд. 1651 г.), говоря съ *Георгіемъ Акрополитомъ* о возвращеніи епископовъ въ Италію, заявляетъ: „но когда архіепископы, епископы и предстоятели вышли изъ трирремъ, Константинопольскіе граждане по обычаю привѣтствуютъ ихъ и спрашиваютъ: какъ дѣла? Какъ сошелъ Соборъ? Побѣдили ли мы? Тѣ отвѣтили: мы продали нашу вѣру.“ И немного дальше: „когда нужно было подписать опредѣленіе, нѣкоторые даже изъ архіепископовъ сказали: не подпишемъ, если не заплатите достаточной для насъ суммы. И только когда отсчитаны были имъ деньги, они, омочивъ перо въ чернила, подписали. На содержаніе ихъ высчитаны были огромныя суммы, и каждому изъ Отцовъ выданы были деньги на руки. Когда впоследствии они раскаялись въ своемъ поступкѣ, то денегъ этихъ не возвратили. Собственнымъ сознаниемъ, что продали вѣру, они изобличаютъ себя въ томъ, что поступили хуже Іуды, который возвратилъ сребренники.“ Если же кто не уступалъ, не смотря на настоянія императора и не увлекаясь жадностью къ деньгамъ, того принуждали подписаться угрозами и приказомъ императора. Три крестоносца, получивши приказъ подписаться, рѣшительно отъ этого отказались (Сильвестръ, бывшій въ числѣ этихъ трехъ крестоносцевъ, Отд. X, гл. VI). Приказъ былъ повторенъ съ придачею угрозъ, и тогда они согласились, но, какъ заявляетъ самъ Сильвестръ, съ протестомъ, что „они вовсе не согласны съ мнѣніями Латинянъ и исполняютъ приказаніе по принужденію, что бы имъ позволено было впоследствии взять свое согласіе назадъ, когда они пожелаютъ.“ (Сильвестръ, Отд. X, гл. VШ).

Что насиліемъ и угрозами со стороны императора достигнуто было соглашеніе на Флорентинскомъ Соборѣ, утверждаетъ и философъ *Амируцъ*. Такъ въ приведенномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „не

вселенскій это, а насильственный Соборъ, не доказательствами святыхъ, а насиліемъ императора, увлекшагося заблужденіемъ и впавашаго въ умопомраченіе, и угрозами его состоявшійся.“ И Досифей, какъ мы выше видѣли, говорить: „кромѣ хитраго Григорія, мы оба дали подписи подь неправымъ дѣломъ противъ воли и по приказу императора; погрѣшили невольно и по невѣдѣнію, думая и пр.“ Далѣе онъ прибавляетъ: „я очень раскаиваюсь въ насильно исторгнутой у меня подписи, да проститъ мнѣ Богъ!“ Наконецъ и сами три Сирійскіихъ патріарха заявили: „истину слѣдовало отыскивать изслѣдованіями, а не императорскимъ насиліемъ.“

И такъ, достаточно выяснилось, что Флорентинскій Соборъ, какъ симоническій и насильственный, справедливо всеми отвергается и всемъ внушаетъ чувство отвращенія и негодованія. Императоръ, какъ мы видѣли, главный зачинщикъ уніи, подписался подь мнѣніями Латинянъ и принудилъ окружавшихъ его Грековъ одобрить ихъ, не вельдствіе доказательствъ, но изъ корыстныхъ, симоническихъ соображеній, желая получить помощь противъ Турокъ; увлекаемый этою цѣлью, онъ стремился добиться уніи восточныхъ съ Латинянами какими бы то ни было средствами. И никогда даже одного только исхожденія Св. Духа отъ Сына не подписали бы восточные, если бы только можно было иначе достигнуть уніи съ Латинянами, ибо мы выше видѣли, что императоръ, предлагая разныя сдѣлки, часто пытался найти другой путь, ведущій къ уніи. Что же это, какъ не симонійное предательство христіанской вѣры, какъ не продажа нерушимой и православной вѣры за внѣшнюю помощь? Поэтому-то впоследствии и самъ императоръ, видя, какъ мало пользы ему оказываетъ эта унія съ Латинянами, охладѣлъ къ ея распространенію и наконецъ не задолго до смерти совсѣмъ отъ нея отказался. Такое же корыстное, симонійное основаніе руководило какъ другими, такъ и Виссаріономъ, Григоріемъ и Исидоромъ, когда они внушали императору унію и сами на нее соглашались. Подобно тому какъ императоръ, все дѣлавшій по ихъ совѣту, по ихъ внушенію пытался найти иные пути къ достиженію уніи, и они также, если бы только позволяли Латиняне, вошли бы съ ними въ единеніе, отнюдь не одобрили и не подписавшись подь ихъ мнѣніями. Когда, затѣмъ, запрещены были пренія, но су-

ществовала еще свобода выражать свое мнѣніе, всѣ восточные отвергли даже одно опредѣленіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Между тѣмъ когда, по волѣ и приказу императора, все, что дѣлалось, стало совершаться не по разсужденіямъ, доказательствамъ или изслѣдованіямъ, то не только этотъ догматъ, но и прибавка къ символу, а также другія ученія Латинянь были пригягы и одобрены. Для кого же отсюда не ясно, что это былъ насильственный Соборъ? Замѣтивши, что крестоносцы и киновиты не сочувствуютъ уніи, императоръ лишилъ ихъ права голоса, чтобы они своимъ несогласіемъ не смущали согласія остальныхъ, которыхъ онъ хотѣлъ заставить просто слѣдовать мнѣнію другихъ. Такимъ образомъ, если у собравшихся Отцовъ не было должной свободы мыслить, кто опять-таки станетъ отрицать, что это былъ насильственный Соборъ? Далѣе, императоръ и его сообщники побуждаютъ несогласныхъ къ принятію латинскихъ мнѣній то дружескими рѣчами и обѣщаніями, то лестью, то запугиваніями.—И такъ, развѣ о тѣхъ, кто принужденъ былъ одобрить латинскую вѣру такимъ обманомъ и кознями, можно сказать, что они согласились на унію, побуждаемые доказательствами и разумнымъ убѣжденіемъ, а не обманутые лстивыми словами? Прибавьте къ сказанному досаду пребыванія на чужой сторонѣ, что также заставляло подписать унію, ибо иначе не представлялось возможности воротиться домой;— и желаніе получить денежную помощь, въ которой папа иначе отказывалъ. Но развѣ такимъ образомъ собравшіеся на законный Соборъ Отцы должны побуждаться къ подписанію опредѣленія вѣры, приневоленные, или закупленные? Ко всему этому присоединяется еще насиліе со стороны императора, приказавшаго пристать къ большинству голосовъ и употреблявшаго угрозы противъ меньшинства. Но развѣ на законныхъ Соборахъ истина и правильность ученія выясняется приказомъ императора, а не указаніями, взятыми изъ св. Писанія, Соборовъ и Отцовъ? Такимъ образомъ, по справедливости Флорентинскій Соборъ по этимъ причинамъ причисляется къ продажнымъ (симолическимъ) и насильственнымъ Соборамъ, такъ какъ на немъ восточные подписались подъ мнѣніями Латинянь не добровольно, а потому, что иначе нельзя было войти въ единеніе съ Латинянами,—а также изъ расчета получить по-

мощь для отечества, денежныя субсидіи,— наконецъ, по настояніямъ, приказаніямъ и угрозамъ со стороны императора. Всего этого не было на законныхъ и святыхъ вселенскихъ Соборахъ, принятыхъ церковью, да, конечно, и не должно быть.

Слѣдуетъ припомнить, что подобнымъ образомъ совершился Ариминійскій Соборъ. Сначала каѳолики (православные) на немъ крѣпко отстаивали православную вѣру, отлучили даже отъ общенія собственныхъ пословъ (легатовъ) за то, что на Востокѣ они сдѣлали уступку Аріанамъ. Однако потомъ многіе изъ нихъ частью по слабости ума, частью утомленные скукою на чужбинѣ и тоскою по родинѣ, перешли на сторону противниковъ: разъ обнаружилось такое направленіе умовъ, каѳолики стали толпами переходить къ противникамъ, пока наконецъ число ихъ не уменьшилось до двадцати. Когда противъ важнѣйшихъ изъ этихъ оставшихся вѣрными православію угрозы не имѣли успѣха, стали дѣйствовать на нихъ мольбами и слезами. Имъ говорили: „будьте уступчивѣе; уже седьмой мѣсяцъ мы здѣсь заперты, терпимъ холодъ и нужду, и нѣтъ надежды на возвращеніе домой. Когда же будетъ конецъ этому? Послѣдуйте примѣру большинства,—истина всегда на сторонѣ большинства.“ Нѣсколько дней они оставались глухими къ этимъ рѣчамъ, но, наконецъ, видя, что ихъ твердость не приводитъ къ соглашенію, они и сами уступили Аріанамъ. Такимъ же порядкомъ, какъ мы видѣли, шли дѣла на Флорентинскомъ Соборѣ съ тою только разницею, что тамъ не осталось ни одного каѳолика, который не уступилъ бы Аріанамъ, а здѣсь многіе пребыли твердыми до конца. О нихъ рѣчь впереди.— Какъ собравшіеся во Флоренціи восточные побуждались къ заключенію соглашенія съ Латинянами несприятностями пребыванія на чужой сторонѣ и невозможностью возврата иначе, какъ подъ условіемъ признанія этого соглашенія, затѣмъ лишеніями, настояніями императора, заманчивыми обѣщаніями, а, наконецъ, и силою; такъ равно и каѳолики, отправившіеся на Ариминійскій Соборъ, приведены были къ соглашенію и миру съ Аріанами неудобствами жизни вдали отъ родины по приказу императора, не дозволявшаго воротиться домой безъ заключенія мира, и разнаго рода лишеніями. Поэтому-то, если Ариминійскій Соборъ всеми отвергается и осуждается, какъ ложный и насильственный, то, конечно, съ большимъ

еще правомъ слѣдуетъ отвергнуть и осудить Флорентинскій Соборъ, какъ допустившій насиліе, ложь и симонію; кромѣ того все это дѣлалось въ присутствіи самого императора, расточавшаго обѣщанія и угрозы, чего на Ариминійскомъ Соборѣ не было.

Но чтобы не показалось выдуманнѣмъ то, что мы сказали объ Ариминійскомъ Соборѣ, послушаемъ *Сулпиція Севера*, разсказу котораго мы выше слѣдовали. Вотъ что онъ говоритъ (кн. II его священной исторіи): „закончивши Соборъ, отправили къ императору посольство для сообщенія того, что сдѣлано; осужденные также отправились къ царю, рассчитывая на силы своихъ союзниковъ и расположеніе государя. Между тѣмъ пословъ Ариминійскаго Собора отъ нашей стороны императоръ заставляеть войти въ общеніе съ еретиками,—передаетъ имъ написанное этими нечестивцами исповѣданіе вѣры, облеченное въ фальшивую форму, что бы изложить католическое ученіе съ скрытымъ коварствомъ. Ибо тутъ было употреблено двусмысленное слово, заимствованное у Отцовъ и не подтвержденное авторитетомъ Писанія, подъ видомъ ложнаго разсужденія допускавшее, что Сынъ не одной сущности съ Отцомъ. Это исповѣданіе заявляло, что Сынъ подобенъ Отцу, но внутри заключалась скрытая ложь,—что Онъ подобенъ, но не равенъ Отцу.—Отпустивши такимъ образомъ пословъ, императоръ поручилъ префекту не раньше распустить Соборъ, какъ когда всѣ исповѣдаютъ и своими подписями удостовѣрять, что они согласны съ написаннымъ изложеніемъ вѣры; а если кто станетъ слишкомъ упорствовать, отправить въ ссылку, лишь бы только число такихъ упорствующихъ не превышало пятнадцати. Но воротившіеся послы были отлучены отъ общенія, хотя они ссылались на насиліе со стороны императора. Между тѣмъ извѣстіе о томъ, что рѣшено императоромъ, произвело большую перемѣну въ положеніи и смуту въ умахъ; затѣмъ мало-по-малу многіе изъ нашихъ частью по слабости ума, частью измученные тягостями пребыванія на чужбинѣ, перешли на сторону противниковъ, послѣ возвращенія пословъ поднявшихъ голову и захватившихъ, вытѣснивши нашихъ, церковь. Разъ обнаружилось такое направленіе умовъ, начинается огульный переходъ къ другой партіи, пока число нашихъ не дошло всего до двадцати. Но чѣмъ меньше было число послѣднихъ, тѣмъ они мужественнѣе

стояли на своемъ. Самымъ твердымъ между ними считался нашъ Фегадій и Тунгрскій епископъ Серваціонъ. Такъ какъ они не уступали передъ угрозами и запугиваніями, Тавръ приступаетъ къ нимъ съ мольбами и со слезами заклиняетъ быть уступчивѣе. Епископы, говоритъ онъ имъ, уже седьмой мѣсяцъ заперты въ одномъ городѣ: они измучены жестокою зимою и нуждою во всемъ и не имѣютъ никакой надежды на возвращеніе домой; какой будетъ конецъ всему этому? Послѣдуйте примѣру большинства, признайте значеніе численнаго превосходства. Однако Фегадій заявляетъ, что онъ готовъ идти въ ссылку и на всякую казнь, если потребуется, но не приметъ изложенія вѣры, составленнаго Аріанами. Такъ въ этой борьбѣ прошло нѣсколько дней безъ успѣха для достиженія мира; но мало по малу и самые упорные сдаются, наконецъ, на предложенное условіе. Ибо Валентъ и Урсатій утверждали, что несогласные отвергають теперь изложеніе вѣры, составленное въ каѳолическомъ духѣ, предложенное восточными по почину императора, такъ что, говорили они, каковъ будетъ конецъ раздоровъ, если рѣшенное восточными не будетъ принято западными? Въ концѣ концовъ, если что-нибудь покажется недостаточно полно выраженнымъ въ представленномъ изложеніи вѣры, то пусть они прибавятъ, что считаютъ нужнымъ, и они согласятся съ тѣмъ, что будетъ прибавлено. Это благопріятное заявленіе было охотно принято всѣми, и наши не посмѣли его отвергнуть, желая уже какимъ бы то ни было образомъ покончить дѣло. Затѣмъ начали издавать исповѣданія, принятые Фегадіемъ и Серваціономъ; въ нихъ сперва говорится объ Аріи и его лжеученіи, но дальше заявляется, что Сынъ Божій не равенъ Отцу, не безначальный и не предвѣчный. Тогда Валентъ, какъ бы становясь на нашу сторону, присоединилъ мысль, заключающую скрытое коварство,—именно: Сынъ Божій не есть тварь, какъ прочія твари, и отъ слушателей ускользнула ложь этого исповѣданія. Ибо этими словами, въ которыхъ отрицалось, что Сынъ Божій подобенъ прочимъ тварямъ, онъ однако объявлялся тварью, хотя сильнѣе, чѣмъ прочія. И такъ, ни та, ни другая сторона не могла вполнѣ считать себя ни побѣдительницею, ни побѣжденною: изложеніе вѣры составлено было въ аріанскомъ духѣ, а прибавленныя разъясненія были въ пользу нашихъ, кромѣ того, которое

присоединилъ Валентъ, но его тогда не поняли, а замѣтили только позже. Такимъ образомъ распущенъ былъ Соборъ, совершившійся при хорошемъ началѣ и постыдномъ исходѣ.“

Въ виду того, что сказано объ окончаніи Флорентинскаго Собора, неосновательно пишетъ нѣкій іезуитъ ¹⁾: „нельзя игнорировать, что не только историки греческіе и нѣмецкіе (изъ сочиненій которыхъ одинъ экземпляръ, напечатанный въ Нюрембергѣ очень скоро послѣ Флорентинскаго собора, я видѣлъ въ Геданѣ, въ Розеневіанской бібліотекѣ,—а другой, почти въ то же время напечатанный въ Аугсбургѣ, видѣлъ въ Кіевѣ въ стариннѣйшемъ монастырѣ знаменитаго общества отцовъ Проповѣдниковъ), не только, говорю, греческіе и нѣмецкіе писатели того вѣка свидѣтельствуютъ, что этотъ Соборъ весьма благополучно закончился полнѣйшимъ согласіемъ восточныхъ и западныхъ Отцовъ (одинъ только Маркъ возражалъ, или, какъ говоритъ одинъ греческій историкъ Флорентинскаго Собора, одна только ворона оставалась вороною), и на немъ не только Греки, но и Армяне воссоединились съ римскою церковью.“ Но развѣ можно, или должно было искать истины о томъ, что совершалось на Флорентинскомъ Соборѣ, у самихъ Латинянъ, напр. Нѣмцевъ, или у Грековъ—перебѣжчиковъ (ихъ именно отмѣчаетъ затѣмъ іезуитъ)? Мы приводили Сильвестра Сиропула, приводили и другихъ, присутствовавшихъ на этомъ Соборѣ: изъ ихъ свидѣтельствъ ясно, что ходъ дѣлъ тамъ былъ совсѣмъ иной. Состоялся этотъ Соборъ при помощи симоніи, лжи и насилія, а когда являлась возможность дѣйствовать свободно, то восточные никоимъ образомъ не соглашались съ Латинянами. Такъ можно ли говорить о томъ, что Соборъ закончился весьма счастливо полнымъ согласіемъ восточныхъ и западныхъ, когда восточные, дѣйствительно дали свое согласіе, но были къ нему приведены обманомъ, приказомъ и насиліемъ императора, а также подкупомъ? Да и не одинъ только Маркъ громко возражалъ противъ соглашенія, а и многіе другіе твердо стояли, отвергая догматы Латинянъ, но о нихъ послѣ скажемъ. Наконецъ извѣстно также, что какъ ни старался папа Евгений, но привести Армянъ къ уніи съ Латинянами не удалось. *Ботеръ* въ III ч. „всеобщихъ повѣствованій,“ въ главѣ о Дискорі-

¹⁾ Циховій, вопр. V, стр. 25.

анахъ, гдѣ говорится объ Армянахъ, прямо заявляетъ (слова его съ народнаго итальянскаго, на которомъ изданы его повѣствованія, передаемъ въ переводѣ на латинскій языкъ): „помнѣть они первую свою унію съ римскою церковью, заключенную во времена св. папы Сильвестра и императора Константина. И мы имѣемъ буллу объ уніи армянскихъ Грековъ и Іаковитовъ, составленную въ концѣ Флорентинскаго Собора, хотя сами Армяне, равно какъ и Іаковиты не сохраняютъ о ней никакой памяти.“

§ Г.

Хотя собравшіеся въ Флоренціи восточные въ большинствѣ уступили при указанныхъ условіяхъ Латинянамъ, однако нѣкоторые постоянно возражали противъ уніи. Среди нихъ выдавался *Маркъ*, архіепископъ Ефесскій, экзархъ синода, который до сихъ поръ одинъ несъ на себѣ все бремя преній съ Латинянами какъ въ Феррарѣ, такъ и во Флоренціи и поэтому, видя лучше всѣхъ, что доказательства Латинянъ не представляютъ ничего основательнаго, онъ никоимъ образомъ не хотѣлъ присоединиться къ подкушеннымъ голосамъ другихъ и уступить приказаніямъ, убѣжденіямъ и угрозамъ императора. Изъ прочихъ несогласавшихся папу интересовалъ одинъ Маркъ,—онъ хотѣлъ его заставить подчиниться рѣшенію Собора. Отъ исповѣданія дѣло дошло бы до мученичества, если бы императоръ не заявилъ, что это не возможно, какъ свидѣтельствуешь Сильвестръ Сиропуль (Отд. X, гл. XII). Призванный къ папѣ, Маркъ остался твердъ въ своемъ убѣжденіи, хотя тотъ пустилъ въ ходъ угрозы (тамъ же, гл. XV). Не согласились на унію и съ мнѣніями Латинянъ деспотъ, родной братъ императора, и ученѣйшіе изъ всѣхъ тогдашнихъ грековъ Гемистъ и Схоларій. Въ то время какъ большая часть Грековъ согласились уже на унію, а прочіе принуждалась ее одобрить, послѣдніе вмѣстѣ съ деспотомъ удалились въ Венецію (тамъ же отд. IX, гл. X). Того и другого Латиняне ни за что не хотѣли раньше допустить къ преніямъ, ибо знали объ ихъ выдающейся учености. Мало того, что бы удержать Гемиста подалше отъ Собора, они отправили его во Францію для разысканія нужныхъ книгъ,—какъ объ этомъ заявляетъ онъ самъ на Соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ не задолго до взятія го-

рода Турками, о которомъ рѣчь впереди. Не захотѣли согласиться на унію и послы Иверійскаго народа. Напротивъ того, одинъ изъ нихъ, когда дѣло шло о подписаніи латинскихъ опредѣленій вѣры, предъявилъ грамоту антиохійскаго патріарха, въ которой тотъ приказывалъ ему не соглашаться съ Латинянами и ни на іоту не уклоняться отъ православной восточной вѣры. (Сильвестръ, отд. IX, гл. XII). Поэтому нѣтъ подписей этихъ Иверійскихъ легатовъ подъ опредѣленіями Флорентинскаго собора, тогда какъ авторъ актовъ этого Собора, написанныхъ по-гречески утверждаетъ, что въ началѣ Собора присутствовали два легата изъ Иверіи. „Были также, говоритъ онъ, изъ Иверіи одинъ митрополитъ и одинъ епископъ.“ Въ актахъ Флорентинскаго Собора, изданныхъ по-латыни Андреемъ di Santa Croce, на I засѣданіи Собора упоминается также, что между восточными архіепископами присутствовалъ митрополитъ Иверійскій, апокрисиарій (посолъ) царя Иверіи. Но и его подписи подъ актами нѣтъ. О Схоларіи также *Лаоникъ Халкондила* въ VI, стр. 156 парижскаго греко-латинскаго изд. 1650 г. говоритъ: „Маркъ, епископъ Ефесскій, и Схоларій, ученѣйшій изъ Грековъ, съ самаго начала не захотѣли согласиться съ ученіемъ Латинянь.“ Такимъ образомъ изъ несогласія этихъ ученѣйшихъ Грековъ, Марка, Схоларія и Гемиста достаточно явствуетъ, что не разсужденіями и не доказательствами доведены были восточные до одобренія и принятія мнѣній Латинянь, а движимые чисто человѣческими соображеніями согласились уступить послѣднимъ. Поэтому, означенные ученые, требуя основаній и доказательствъ для сознательнаго убѣжденія, никоимъ образомъ не могли обременить свою совѣсть подписями подъ тѣмъ, въ чемъ не были убѣждены.

§ Д.

Согласившіеся во Флоренціи на унію и подписавшіеся подъ мнѣніями Латинянь, воротившись въ свое отечество, всѣ за исключеніемъ епископа Кизическаго, Григорія протосинкелла, Виссаріона и Исидора, отказались отъ уніи, снова и снова заявляя, что тамъ все велось нечестиво, насильственно и при помощи симоніи. Такъ *Лаоникъ Халкондила* (въ I кн. стр. 4) говоритъ: „Греки, воротившись домой, не захотѣли признавать того, что сдѣлано было

на Соборахъ ¹⁾ въ Италиі, полагая, что имъ отноудь нельзя соглашаться съ Римлянами, держащимися совершенно невѣрныхъ мнѣній. Отсюда ясно, что въ дѣлѣ религіи Греки всегда питали вражду противъ Римлянъ.“ И въ кн. VI: „Греки, воротившись домой, не захотѣли дальше стоять на томъ, на что согласились въ Италиі, но держась различныхъ мнѣній, не желали въ дѣлѣ религіи пристать къ Римлянамъ.“ Леонардъ ²⁾ также утверждаетъ, что восточные послѣ Флорентинскаго Собора, сбросивши съ себя прежнее умопомраченіе и оцѣпененіе и прогнавши чрезвычайную косность, поняли, какъ бы пробужденные отъ сна, что они жестоко погрѣшили, приставши къ Латинянамъ въ томъ, что должно оставаться неприкосновеннымъ и непоколебимымъ, поэтому, проливая потоки слезъ въ знакъ раскаянія, съ особымъ стараніемъ настаивали, что бы ихъ очистили отъ совершеннаго ими преступленія. И философъ *Амируцъ*, присутствовавшій на Флорентинскомъ Соборѣ и одобрившій его рѣшеніе своею подписью, точно такъ же, какъ мы видѣли выше, заявляетъ, что этотъ Соборъ былъ симоническимъ и насильственнымъ, а не вселенскимъ, и что поэтому онъ отказывается отъ провозглашенной на немъ уніи. *Михаилъ Вальсамонъ* ³⁾, также подписавшій опредѣленія этого Собора, пространно его осуждаетъ въ своемъ донесеніи Константинопольскому клиру (у Льва Алліатія, въ III. кн. „непрерывнаго согласія церквей).“ Подписали унію и Макарій Никомидійскій и Игнатій, епископъ Тарнобскій, но и они впоследствии ее осудили, какъ видно изъ посланія восточныхъ къ Богемцамъ, о которомъ будетъ рѣчь потомъ. Что многіе другіе отказались отъ уніи, явствуетъ изъ актовъ Константинопольскаго Собора, созданнаго не задолго до взятія города Турками. Въ числѣ ихъ были: Досифей, Митрофанъ, Аванасій, игумень Перивлѣпійскаго монастыря, и иные, какъ увидимъ.

¹⁾ т. е. въ Феррарѣ и во Флоренціи.

²⁾ Этого Леонарда посылалъ вмѣсто себя Григорій, изъ протосинкелловъ ставшій патріархомъ Константинопольскимъ, на Соборъ, въ храмъ Св. Софіи собравшійся, защищаться по дѣлу уніи. На этомъ же Соборѣ Леонардъ велѣнне съ Феодоромъ, великимъ риторомъ, объ исхожденіи Св. Духа

Прим. перев.

³⁾ Архидіаковъ, исполнявшій должность великаго хартофилакса.

Прим. перевод.

Затѣмъ, когда въ Константинополѣ состоялось собраніе для выбора патріарха, то епископъ Гераклеійскій, по свидѣтельству Сильвестра Сиропула (отд. XII, гл. II), держалъ тутъ такую рѣчь: „я пришелъ сюда не затѣмъ, что бы подавать голосъ, а что бы сказать вамъ то, что хочу. И такъ, я говорю, что въ томъ, что касается совершившагося на Флорентинскомъ Соборѣ, я не по убѣжденію согласился съ вами, когда вы утверждали унію, какъ и вы это знаете, — и не утверждалъ, что это дѣло святое, и не согласился на него по свободному выбору. И хотя противъ воли, не знаю самъ, какъ подписался подъ опредѣленіемъ, но теперь заявляю, что заключающееся въ этомъ опредѣленіи противно преданію Господа Нашего Іисуса Христа и чуждо нашей церкви. И съ тѣхъ поръ, какъ я подписался, я мучился подъ ударами совѣсти и подъ тяжестью моихъ мыслей бродилъ, плача и стелая, ища средствъ сбросить съ себя это страшное бремя. Теперь я благодарю Бога, что Онъ удостоилъ меня видѣть васъ въ сборѣ, сказать то, что я хотѣлъ, и предъ лицомъ вашимъ сложить тяготящее на мнѣ бремя. Поэтому предъ вами во всеуслышаніе заявляю, что отказываюсь и беру назадъ свое утвержденіе, или скорѣе, — что я и не утверждалъ ни уніи, ни опредѣленія и совершенно отвергаю то, что въ немъ постановлено, какъ несогласное и противное древнему преданію нашей святой католической церкви. Предаю себя въ руки церкви и готовъ понести отъ нея наказаніе за то, что подписалъ, чего не слѣдовало.“ А Трапезунтскій епископъ спрашивавшимъ его мнѣнія объ уніи такъ отвѣтилъ (у Сильвестра, Отд. XII, гл. III): „унія не кажется мнѣ хорошимъ дѣломъ и заключена она неправильно, поэтому я не могу ея утвердить.“ И на убѣжденія и настоянія прибавилъ: „теперь же въ этой смутѣ и раздѣленіи церкви нахожу для себя невозможнымъ принять его (т. е. патріаршество), хотя, можетъ быть, и утвердилъ бы эту унію, разъ она состоялась. Тѣмъ болѣе не могу этого сдѣлать, когда она не представляется ни хорошей, ни честной, ни заключенной по-божьему, не всеми принимается, да и мнѣ не нравится. Вотъ что я заявляю, а вы поступайте, какъ знаете, отъ меня ничего другого не добьетесь.“ Когда же императоръ выбралъ въ патріархи епископа Кизическаго, защитника заключенной

уніи, то великій хартофілаксъ, и самъ Сильвестръ Сиропуль, а также оба крестоносца, не желавшіе признать такого патріарха, отказались отъ своихъ должностей, такъ какъ они точно такъ же снова осудили унію, о чемъ свидѣтельствуетъ Сильвестръ (Отд. XX, гл. VI и VII). Да и *Дука*, потомокъ Михаила, въ своей Византійской исторіи (гл. XIII, стр. 120 указаннаго выше изд.) рассказываетъ о возвратившихся изъ Флоренціи членахъ Собора: „послѣ того какъ архіепископы, епископы и предстоятели сошли съ триремъ на берегъ, граждане Константинополя по обычаю привѣтствуютъ ихъ и спрашиваютъ: какъ ваши дѣла? Какъ сошелъ Соборъ? Побѣдили ли мы? Тѣ отвѣтили: мы продали нашу вѣру; наше благочестіе замѣнили нечестіемъ и, ставши азимитами (опрѣсночниками), предали чистую жертву. Такіе и еще болѣе постыдныя рѣчи слышались даже отъ тѣхъ, кто подписался подъ опредѣленіемъ уніи, именно отъ Гераклейскаго митрополита Антонія и другихъ. Если же кто нибудь имъ замѣчалъ: зачѣмъ вы подписали? Они отвѣчали: мы сдѣлали это изъ страха передъ Франками. На дальнѣйшіе вопросы: развѣ Франки подвергли васъ пыткамъ, бичевали кого нибудь, или бросили въ тюрьму?—отвѣчали: нѣтъ, съ нами такъ не поступали; но вотъ рука, которая подписывала, отсѣките ее, вотъ языкъ, которымъ признана унія, вырвите его съ корнемъ. И ничего не могли другого сказать.—А между архіепископами были нѣкоторые такіе, что говорили, когда у нихъ требовали подписать опредѣленіе: если не дадите намъ достаточно денегъ, не подпишемъ. И только когда отсчитаны были деньги, омочивши въ чернила перо, подписывали. Издержаны были на ихъ содержаніе огромныя деньги и каждому изъ Отцовъ выдана была на руки значительная сумма; когда же они раскаялись, то денегъ этихъ не возвратили. Слѣдовательно, ихъ сознаніе, что они продали вѣру, обличаетъ ихъ, что они согрѣшили тяжеле Іуды, который возвратилъ сребренники.“ Объ этомъ фактѣ повѣствуетъ и другой уніатъ *Плусіаденъ* ¹⁾, хотя толкуетъ его неосновательно, будто Отцы говорили это не по убѣжденію. Такъ (у Льва Аллятія, кн. III, гл. II,

¹⁾ Протоіерей Іоаннъ Плусіаденъ написалъ діалогъ о различіи въ вѣрѣ между Греками и Латинянами и о святомъ Флорентинскомъ Соборѣ. Діалогъ этотъ изданъ по-гречески и по-латыни Львомъ Аллятіемъ.

ном. I „непрерывнаго согласія церквей)“ онъ пишетъ: „подобно тому и остальные, которые шли вмѣстѣ, видя, что народъ такъ возбужденъ противъ Латинянъ, называетъ ихъ единомышленниками Латинянъ и азимитами и не считаетъ ихъ ни архіереями, ни даже христіанами, стали съ ироніею говорить согражданамъ: что вы противъ насъ такъ бѣснуетесь за то, что мы подписались? Худо мы сдѣлали. Вотъ руки, подписавшія опредѣленія Собора,—отрубите ихъ.—Такъ говорили они, обуздывая этимъ натискъ бросившагося на нихъ съ яростью народа. Если они такъ дѣйствительно выражались, чего я не думаю, то удивляться тутъ нечему.“—Но если Плуциаденъ не зналъ, искренно, или притворно такъ говорили воротившіеся съ Собора восточные, то другіе приведенные авторы достаточно доказываютъ, что они говорили такія рѣчи чистосердечно.— И такъ можетъ ли быть настоящимъ и законнымъ Флорентинскій Соборъ, когда восточные Отцы, получивши свободу, отказываются явно отъ подписанной ими уніи, такъ какъ подписали они ее противъ своего убѣжденія, не добровольно, а по настоянію и принужденію императора.

Могутъ сказать вмѣстѣ съ упомянутымъ Плуциаденомъ, что тѣ же случилось и на Никейскомъ Соборѣ, когда точно такъ же нѣкоторые Отцы, подписавшіеся подъ католическимъ изложеніемъ вѣры, потомъ отъ него отказались. Но тутъ обстоятельства были совершенно другія. На Никейскомъ Соборѣ все совершилось при помощи изслѣдованій и доказательствъ,—тамъ процвѣтала золотая свобода; не насиліемъ, не обманомъ, не угрозами, или льстивыми обѣщаніями Отцы приводились къ подписи; а на Флорентинскомъ Соборѣ все происходило какъ разъ наоборотъ. Свобода обсужденія тутъ была отнята, и Отцы склонялись къ подписи не доказательствами, а настояніями императора, лестію и угрозами, а также движимые корыстными расчетами. Слѣдовательно, когда воротившіеся съ Собора заявили, что такъ именно все дѣлалось во Флоренціи, а потому они отказываются отъ уніи, то кто не видитъ, что на этомъ основаніи совершенно уничтожается всякое значеніе Флорентинскаго Собора, какъ лишеннаго согласія восточныхъ Отцовъ? Между тѣмъ Отцы, подписавшіе въ Никее исповѣданіе вѣры, не могли, какъ я сказалъ, выставить въ свое оправданіе ничего подобнаго,—ибо они

давали свое согласіе свободно, убѣжденные доказательствами. Поэтому позднѣйшее ихъ несогласіе не могло повредить вселенскому значенію этого Собора.

§ E.

Чтобы какой-нибудь Соборъ имѣлъ право называться вселенскимъ, слѣдуетъ, что бы онъ былъ въ послѣдствіи принятъ и признанъ всею Каѳолическою Церковью. Между тѣмъ о Флорентинскомъ Соборѣ остальные восточные епископы, не бывшіе во Флоренціи, не хотѣли и слышать. Остальные три патріарха: Антиохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій осудили этотъ Соборъ, не признавши даже подписей своихъ пословъ. И такъ, если Востокъ питалъ такое отвращеніе къ этому Собору, если подписи патріаршескихъ пословъ самими патріархами были уничтожены, то, спрашивается какимъ образомъ въ отношеніи восточной церкви Флорентинскій Соборъ можетъ назваться вселенскимъ? Обо всей восточной церкви сама исторія Флорентинскаго Собора, предпосланныя актамъ этого Собора, наставлявши много обиднаго о восточныхъ, подъ конецъ прибавляетъ (т. XIII Соборовъ, столб. 4): „такимъ образомъ, кромѣ Отцовъ восточной церкви, присутствовавшихъ на Соборѣ, Греки никогда не признали этого общаго Собора.“ А о Константинопольской церкви Сильвестръ Сиропуль (отд. XII, гл. I) рассказываетъ слѣдующее: „мы же всѣ, сколько насъ ни было изъ главныхъ клира великой Божіей Церкви, вмѣстѣ съ подчиненными намъ собрались опять въ великой Церкви и въ первую недѣлю великаго поста участвовали во всѣхъ святыхъ ея службахъ по нашему старинному чину; присутствовали и изъ клира, которые оставались въ городѣ и исполняли церковныя должности; но на насъ воротившихся они смотрѣли непріязненными глазами. Когда настало празднованіе православія, мы, узнавши, какое будетъ смятеніе, если мы захотимъ служить литургію, отказались отъ этого въ субботу и въ это воскресеніе. Затѣмъ мы опять сошлись сообразно съ чиномъ, какой имѣли. Но духовники, игумены и и остальные клирики оттолкнули насъ, какъ латинствующихъ.“ И далѣе: „и въ недѣлю крестопоклонную литургію совершалъ великій хартофилаксъ съ другими, бывшими съ нами на Соборѣ; но ни очередной, ни никто другой изъ давшихъ обѣщаніе служить въ

этотъ день, не служили, а насмѣявшись надъ нами, ушли. И затѣмъ оставили намъ пустую церковь, и литургію совершили бывшіе съ нами на Соборѣ.“

Политическая исторія Константинополя, приложенная къ сочиненію *Крузія* — „Турко-Греція“ (кн. I, стр. 4), такъ рассказываетъ объ этомъ: „клирики же города, іеромонахи, священники, игумены, духовники и остальные не хотѣли служить литургію съ возвратившимися, ни поминать ихъ въ молитвахъ, но сторонились отъ нихъ, какъ бы отъ нечестивыхъ. Многіе отказывались отъ священства. Такимъ образомъ унія привела къ раздѣленію.“ И *Эней Сильвій*, въ послѣдствіи папа Пій II, въ своемъ сочиненіи — „Европа“, кн. II, гл. III говоритъ: „хотя патріархъ Іосифъ и императоръ этого народа Іоаннь пѣли согласно съ Латинскою церковью символъ вѣры; однако Константинопольская церковь считала какъ бы нечестіемъ вѣровать такъ, какъ вѣровала римская церковь.“

Далѣе, когда о происшедшемъ на Флорентинскомъ Соборѣ услышалъ Арсеній, митрополитъ Кессаріи Каппадокійской, экзархъ всего Востока, то отправившись въ Палестину, донесъ остальнымъ тремъ патріархамъ, что тамъ сдѣлано и дѣлается. Тогда они съѣхавшись, осудили заключенную во Флоренціи унію и приказали низложить изъ клира всѣхъ, кто принялъ соглашеніе съ Латинянами; непокорныхъ же предавать анаѣемѣ. Опредѣленіе этого синода приводитъ Левъ Аллятій (III кн. „непр. согл. церкв.“, гл. VI, ном. I). Оно имѣетъ такой видъ: „Патріарховъ Сиріи постановленіе. Когда прибылъ сюда святѣйшій митрополитъ святѣйшей митрополи Кесаріи Каппадокійской, состоящій прототрономъ и экзархомъ всего Востока, какъ для того, чтобы прежде всего поклониться достопочитаемому и божественному гробу Господа Нашего Іисуса Христа и посѣтить святыя мѣста въ Іерусалимѣ, гдѣ совершилось дивное таинство нашего искупленія,—такъ и для того,—что бы вмѣстѣ съ нами пріобщиться великой тайнѣ правой вѣры и благочестія и обнаружить всѣ соблазны, возникшіе въ Константинополѣ вслѣдствіе незаконнаго Собора, состоявшагося въ италіанскомъ городѣ Флоренціи и одобрившаго догматы Латинянъ и папы Евгенія, чего не слѣдовало дѣлать,—подписавшаго извѣстную прибавку къ святому

и непорочному символу нашей вѣры, убѣдившаго, что Божественный Духъ исходитъ отъ Сына, и дозволившаго приносить и у насъ для жертвоприношенія опрѣсноки и вслѣдствіе этого поминать папу, кромѣ того, много другого не дозволеннаго канонами признавшаго и принявшаго. Разказалъ онъ и то, какъ матереубійца Митрофанъ Кизикскій разбойническимъ образомъ занялъ Константинопольскій патріаршій тронъ, согласившись съ еретиками—уже названнымъ папою и императоромъ греческимъ Палеологомъ, единомышленникомъ Латинянъ, — какъ онъ преслѣдуетъ не безъ угрозъ вѣрныхъ и послѣдователей правой вѣры, подобно тиранну угнетателю и гонителю, а невѣрныхъ и напоенныхъ нечестивыми мнѣніями поощряетъ, — доставляетъ имъ почетъ и должности, какъ послѣдователямъ его ереси, и, что еще болѣе удивительно, возвышаетъ ихъ сообразно съ ихъ отвращеніемъ къ правой вѣрѣ и благочестію. Такъ онъ вытасцилъ вездѣ на божественные и святые престолы святой Константинопольской церкви гнусныхъ митрополитиковъ и отвратительныхъ епископишекъ, какъ подчиненныхъ его епархіальной власти. Означенный святѣйшій митрополитъ Киръ Арсеній святѣйшей митрополи великой Кесаріи Каппадокійской, а также прототронъ и экзархъ всего Востока, показалъ, что не только въ другія церкви матереубійца патріархъ Митрофанъ вопреки канонамъ учинилъ посвященіе надъ единомышленниками Латинянъ, но что, будучи самъ не хиротонисованъ, хиротонисовалъ уже для епархій всего Востока четырехъ митрополитишекъ и епископишекъ, именно въ Амасіи, Неокесаріи, Тіонѣ и Мокессѣ, которые во всемъ мыслятъ и поступаютъ, какъ Латиняне, и надѣются не только распространить порчу и погибель, но послѣ такой дерзости всѣхъ живущихъ тамъ въ стадѣ Христа христіанъ обманываютъ, развращаютъ и разсѣваютъ среди нихъ многое, что производитъ соблазнъ въ православной церкви. Поэтому благочестивый, вѣриѣйшій всего православія защитникъ и ревнитель, помянутый уже митрополитъ Кесаріи Каппадокійской, не вынося новшества и развращенія церкви Христовой, которыя разномыслящими вводятся въ нашу самую правую и здравую вѣру, просилъ насъ трехъ православныхъ предстоятелей Сиріи:—Филоея Александрійскаго, Дорооея Антиохійскаго и Іоакима Іерусалимскаго дать ему синодальное опредѣленіе, чтобы онъ могъ, какъ старѣйшій и право-

славный, изгонять изъ всей своей епархіи всѣхъ неправомыслящихъ. Посему мы, собравшись вмѣстѣ, постановляемъ соборно: во имя единосущной, живоначальной и нераздѣльной святой Троицы—митрополитовъ и епископовъ, возведенныхъ не по добродѣтели и благочестію; къ тому же и игуменовъ и вмѣстѣ духовныхъ отцовъ, если таковые найдутся, точно также священниковъ, діаконввъ и въ какомъ бы то ни было церковномъ чинѣ состоящихъ, оскверненныхъ и недостойныхъ, которые, ухватившись за подвернувшуюся ересь, въ то время какъ правая вѣра подверглась гоненію, способомъ пустой славы и ереси добѣждали недостойно до епископствъ и митрополитствъ, какъ будто они были хранителями душъ, для того что бы вмѣстѣ съ собою и другихъ привести къ гибели, и все православное стадо Христа, истиннаго Бога нашего, лишивъ ихъ плодовъ страха Божія, а также правды и благочестія,—но на самомъ дѣлѣ презрителей и безстыдныхъ на всякое нечестіе,—отъ сего дня опредѣляемъ отрѣшить отъ всякаго священнодѣйствія и церковнаго чина, пока ихъ благочестіе не будетъ испытано сообща и со всѣхъ сторонъ. И такъ, пусть они подчиняются и откажутся отъ всякаго священнаго сана; если же воспротивятся и, какъ разбойники, станутъ незаконно дѣйствовать, то да будутъ, какъ ослушники, отлучены и отчуждены отъ святой, свѣрхъестественной и единосущной Троицы; равно какъ тѣ, кто ихъ принимаетъ, имъ сочувствуетъ и помогаетъ. Уступаемъ выше помянутому святѣйшему митрополиту, честнѣйшему экзарху всего Востока, какъ проповѣднику благочестія и православія, право проповѣдывать вездѣ, не боясь за истину ни императора, ни патріарха, который бы не право мыслилъ и дѣйствовалъ, ни богатаго, ни вельможи. Но пусть онъ содержитъ вѣру и православіе открыто и свободно, безъ всякаго страха и колебанія согласно данному ему наказу, а именно: съ этого времени онъ долженъ ради благочестія обличать, упрекать, исправлять неправо мыслящихъ на всякомъ мѣстѣ, куда только можетъ придти, получивши на это отъ насъ позволеніе по данной намъ благодати и власти Св. Духа; и долженъ онъ въ этомъ соблюдать правильно и неподкупно благочестіе. Посему и дано ему на письмѣ наше опредѣленіе въ полномъ собраніи Синода, собственноручно нами подписанное. Мѣсяца Апрѣля 6951 года, текущаго нынѣ VI индиктіона, отъ Рождества Христова 1443 года.“

Написалъ и папа грамоту къ означеннымъ патріархамъ относительно принятія Флорентинской уніи, не прибавляя однако основанія, по которому эта унія была заключена. Папѣ данъ былъ отвѣтъ: если преданія семи вселенскихъ Соборовъ утверждены на Флорентинскомъ Соборѣ, то патріархи принимаютъ унію; если дѣло обстоитъ иначе, то унія и всѣ восточные, къ ней приставшіе, должны быть осуждены. Вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ еще не были имъ точно извѣстны основанія Флорентинской уніи, то тѣ же патріархи послали письмо императору Іоанну съ увѣщаніемъ не извращать каѳолическихъ преданій и возвратиться къ болѣе здравымъ мыслямъ; если же онъ будетъ упорствовать въ ослушаніи, то они подвергнутъ его даже наказанію. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ изложено было синодское посланіе патріарховъ къ императору (у Льва Аллятія, кн. III, гл. IV^а, ном. I): „державнѣйшій, милостивѣйшій государь императоръ! Мы непрестанно молимъ Бога, что бы Онъ сохранилъ твое величество и державу отъ всякаго несчастія невредимыми къ нашей духовной радости. Да будетъ вѣдомо твоему священному величеству, что мы получили отъ папы Евгенія три письма объ унії церквей, что бы приняли ее безъ разсужденій, какъ она состоялась, и стали помянуть папу. И это папа Евгеній написалъ намъ просто и не объяснилъ, на какомъ основаніи совершилось это дѣло. Между тѣмъ изъ предшествовавшаго письма къ намъ святѣйшаго брата Киръ Іосифа, архіепископа Константинополя, Новаго Рима, и вселенскаго патріарха, мы узнали несомнѣнно, что Флорентинскій Соборъ не былъ, какъ Греки и Латиняне съ клятвою письменно договорились, каноническимъ и свободнымъ по преданіямъ апостоловъ и святыхъ семи вселенскихъ Соборовъ и божественныхъ Отцовъ; но что Итальянцы, замысливши безчисленныя хитрости, уничтожили договоры, нарушили свои письменныя клятвы и, наконецъ, подобно тираннамъ, снова установили свои нечестивые догматы и добились другихъ уступокъ, противныхъ канонамъ,— и, что хуже всего и нечестивѣе, вмѣстѣ съ многимъ другимъ не пренебрегли извѣстною прибавкою къ общему символу вѣры, но даже передали на письмѣ, что, о несчастіе!, всѣ ее признали. Вслѣдствіе этого мы отвѣтили папѣ: если онъ принимаетъ преданія и постановленія святыхъ вселенскихъ

Соборовъ и всѣ тѣ каноны и законы, которые опредѣлили св. Отцы этихъ Соборовъ, то мы принимаемъ Флорентинскій Соборъ и не отказываемся помянуть папу,—лишь бы только папа прислалъ намъ подобное заявленіе на письмѣ, какъ предписываетъ законное и древнее преданіе и обычай. Если же этого не будетъ, то мы не принимаемъ ни Собора Флорентинскаго, ни помянутаго папы. Мало того, тѣхъ изъ нашихъ, кто на подобное согласился, т. е. призналъ Флорентинскій Соборъ и помянутаго папу безъ сказаннаго прямого съ его стороны заявленія,—если они изъ клира,—низложивши, лишаемъ всякаго священнаго чина и священнослужительства; если же изъ сената,—отлучаемъ и выдѣляемъ изъ сообщества вѣрныхъ, сообразно канонамъ Богопроповѣдниковъ и учениковъ Христа, а также предписаніямъ и преданіямъ семи святыхъ вселенскихъ Соборовъ. Это именно мы ему и написали; а твоему величеству заявляемъ слѣдующее. Если ты подобное совершилъ ради нашего народа, совершенно ослабѣвшаго и истощеннаго, принужденный искать себѣ помощи всеми способами, или, быть можетъ, по другимъ какимъ-нибудь соображеніямъ общей пользы согласился съ мнѣніями Латинянъ и принялъ прибавку по необходимости,—а теперь, отбросивши ихъ нелѣпости и нечестіе, ты исповѣдуешь и признаешь здоровое преданіе относительно святаго символа и вѣруешь тому, чему вѣровали твои державные предшественники;—то и мы не только будемъ совершать любовное помянутаго твоего величества, но будемъ непрерывно и непрестанно молить Бога за твою державу, въ особенности же за твою душу, что бы Богъ каждый день миловалъ тебя и простилъ прегрѣшенія, содѣянные намѣренно, или по невѣдѣнію. И такимъ образомъ, ты получишь помилованіе грѣховъ и отпущеніе ошибокъ по невѣдѣнію, если не отвергнешь божественныхъ преданій. Если же ты пребудешь упорнымъ и станешь держаться чуждыхъ ученій, хотя они противны всякому каноническому и соборному преданію; то мы не только прекратимъ помянутаго твоего величества, но наложимъ на тебя бремя епитиміи, дабы въ Христовой Церкви не взяло силу гибельное и чуждое ученіе, такъ какъ мы называемся пастырями благочестія и такъ исповѣдали на письмѣ передъ Богомъ и святыми ангелами. Поэтому мы пасемъ Церковь благочестія не какъ

наемники, и не дорога намъ кровь и душа, но за Христа и Его евангеліе мы готовы отдать душу, тѣло и кровь и все, чѣмъ бы ни владѣли на землѣ. А если ты, подобно тираннамъ, прибѣгнешь къ незаконному насилію и будешь стремиться оболъстить свободную и рабству неповинную Церковь, то знай, что мы никогда не оставимъ благочестія, не будемъ равнодушно молчать, но станемъ по заповѣди безтрепетно порицать тебя и присоединимъ также и угрозы. Посему и посылаемъ это заявленіе къ твоему величеству съ іеромонахомъ и духовнымъ Отцомъ, досточтимымъ Киръ Макаріемъ, сыномъ нашей мѣрности, который возвѣститъ твоему величеству, что мы ему поручили. Ибо мы, повѣрь намъ, какъ никто другой, горячо желаемъ единенія съ древнѣйшимъ Римомъ и всѣми Итальянцами, лишь бы они подали руку истинѣ. Но если они стремятся установить ложь, мы не можемъ съ ними войти въ общеніе, хотя бы въ одинъ день намъ всѣмъ сняли головы: разъ нужно умереть, — всего лучше закончить жизнь, когда бы то ни было, въ благочестіи. И такъ, вспомни и ты, божественнѣйшій и свѣтлѣйшій императоръ, святыя установленія и законы Христа и преданія Богопроповѣдниковъ и Христовыхъ учениковъ, ты, жившій до сихъ поръ благочестиво, вспомни, что тебѣ заповѣдуютъ твои предки, честно и благочестиво окончившіе свое поприще. Нѣтъ ничего въ нашемъ благочестіи двумысленнаго, что могло бы вести въ христіанскихъ догматахъ къ сомнѣнію или колебанію. Въ то же время ни одинъ народъ не приложилъ столько тщательности и точнаго изслѣдованія въ Христовой вѣрѣ, сколько приложили наши отцы. Поэтому собранныя отъ сотворенія міра свидѣтельства, въ разныя времена проповѣданныя отъ Св. Духа св. Пророками, прежде всего утвердили въ нихъ вѣру; затѣмъ, съ минованіемъ тьмы и пришествіемъ благодати совершилось всеобщее и спасительное таинство искупленія. И такъ, когда исполнилось свѣтлѣйшее и животворящее воскресеніе, свидѣтели этой тайны и ученики, объявляя о ней черезъ Духа Св., проповѣдали всѣмъ для того, чтобы мы, потомки ихъ, правильно имъ слѣдуя, стали наслѣдниками вѣчнаго царства, котораго дай намъ Богъ достигнуть въ Христѣ Іисусѣ, Господѣ Нашемъ. Аминь. Мѣсяца Декабря, индикта шестого.“

Подобный же приѣмъ оказала Флорентинской уніи и Россія. Когда Кіевскій митрополитъ Исидоръ, однимъ изъ первыхъ одобрившій во Флоренціи унію, сдѣланный потомъ кардиналомъ Римской церкви, сталъ проповѣдывать Русскимъ унію, его и слушать не хотѣли; мало того, когда онъ явился въ Москву, то былъ схваченъ по приказанію князя, заключенъ въ оковы и лишенъ имущества. Затѣмъ онъ осужденъ былъ на Соборѣ епископовъ и, по ихъ приговору, былъ бы сожженъ, если бы ему не удалось бѣжать изъ темницы. Не успѣвъ ничего у прочихъ Руссовъ, онъ наконецъ воротился въ Римъ. Вотъ что о немъ говоритъ *Матвій Мъховій* во II кн. гл. I своей „Сармаціи:“ „Исидоръ, нѣкогда Кіевскій митрополитъ, искуснѣйшій въ краснорѣчіи и наукѣ грекъ, во время папы Евгенія IV отправился на ста коняхъ на Флорентинскій Соборъ и, принявши тамъ унію съ Римскою церковью, воротился въ Россію. Но когда онъ сталъ проповѣдывать повиновеніе Риму, Москвитяне его ограбили и довели почти до гибели.“ И въ IV кн. польской хроникѣ, въ гл. VIII, говоря о заключеніи уніи на Флорентинскомъ Соборѣ, онъ замѣчаетъ: „эта унія латинской и греческой церкви продолжалась весьма недолго, такъ какъ Греки и Русскіе надъ ней насмѣхались и презирали. Поэтому когда означенный Исидоръ прибылъ въ Россію и Москву къ своей паствѣ и сталъ тутъ проповѣдывать эту унію, то былъ схваченъ Московскими князьями, заключенъ въ тюрьму и лишенъ всѣхъ сокровищъ, которыя онъ собралъ въ значительномъ количествѣ. Однако впослѣдствіи онъ, съ помощью Божьею, спасся изъ этого заточенія бѣгствомъ.“ — *Кромеръ* въ XXII кн. „о дѣяніяхъ Поляковъ“ говоритъ: „Исидоръ, Кіевскій митрополитъ, сдѣланный кардиналомъ папою Евгениемъ IV, прогнанный Русскими за то, что на Флорентинскомъ Соборѣ соединилъ ихъ съ Латинянами, воротился въ Римъ.“ *Герберштейнъ*, посоль Германскаго императора къ русскому монарху ¹⁾, въ своей книгѣ — „о Московіи“ пишетъ: „былъ нѣкоторый русскій митрополитъ, прибывшій по настоянію папы Евгенія на Соборъ, на которомъ были соединены церкви. По возвращеніи въ отечество, его схватываютъ, лишаютъ всего имущества и бросаютъ въ тюрьму, откуда онъ, наконецъ, бѣжалъ.“ —

¹⁾ Московскому князю Василию Ивановичу III.

Гванинъ въ описаніи Москвы, гл. П: „былъ также митрополитъ русскій, по имени Исидоръ, удерживавшій свой престолъ въ Кіевѣ. Онъ явился на Флорентинскій Соборъ, происходившій при папѣ Евгении, гдѣ, отбросивши греческіе обряды, соединилъ русскія церкви съ церковью римскою, но когда онъ, наконецъ, воротился въ Россію, представилъ свое предложеніе принять заключенную уже унію и словомъ Божиимъ призывалъ Русскихъ къ единенію и согласію въ вѣрѣ, то былъ схваченъ, лишенъ всего имущества и брошенъ въ темницу.“ *Левъ Креуза* въ запискѣ подъ заглавіемъ „защита уніи-церквей,“ изд. въ Вильно 1618 г.: „великій князь Московскій Василій Васильевичъ дурно принялъ въ Москвѣ митрополита Исидора за унію Москвитянъ съ римскою церковью и за истину постановленныхъ на Флорентинскомъ Соборѣ догматовъ. Онъ бросилъ его въ окопахъ въ тюрьму и, собравши соборище Московскихъ епископовъ, нарядилъ противъ него судъ, и по приговору судей онъ несомнѣнно былъ бы сожженъ, если бы божественная благодать его не спасла и онъ не успѣлъ бѣжать.“ То же видно изъ посланія польскаго короля *Казимира* къ Іоанну Капистрану, писаннаго въ 1451 г. Такъ помянутый король говоритъ въ этомъ посланіи (у *Взовія* подъ 1451 г., ном. 26): „кромѣ того, есть у насъ огромныя русскія земли, которыя, хотя исповѣдуютъ вѣру христіанскую, однако давно уже увлечены въ ересь Грековъ, исполняютъ ихъ обрядъ и охраняютъ. И не смотря на столько времени, протекашаго отъ ихъ паденія и отдѣленія отъ латинской Церкви, ихъ нельзя было отвлечь и оторвать отъ мрака ихъ обрядовъ, — хотя на многихъ Соборахъ къ тому приложено было не мало трудовъ.“ Значить, русскіе въ то время отнюдь не признали Флорентинскаго Собора. Напрасно поэтому іезуитъ *Віюкъ* говоритъ въ IV кн. своей исторіи Литвы (стр. 187) слѣдующее: „въ то же время среди военныхъ бурь былъ установленъ религіозный миръ продолжительными трудами Флорентинскихъ Отцовъ, и въ Литвѣ также, благодаря стараніямъ Исидора, Кіевского Предстоятеля и кардинала Римской Церкви, получилъ большое приращеніе.“

И такъ,—когда наша услыхалъ, что Греки весьма противятся Флорентинской уніи, то послалъ въ Константинополь своихъ легатовъ хлопотать о томъ, что бы всѣ признали этотъ Соборъ. Но

когда дѣло дошло до разсужденій и преній, то римскіе легаты воротились, ничего не сдѣлавши. Такъ *Лавникъ Халкондила* (въ VI кн., стр. 156) говоритъ; „смущенный этимъ, папа послалъ нѣкоторыхъ ученыхъ мужей къ Грекамъ въ Византію уговаривать ихъ, такъ какъ они не признавали Собора и соглашенія, заключеннаго въ Италіи. Ибо Маркъ, епископъ Ефесскій, и ученѣйшій грекъ Схоларій съ самаго начала не захотѣли согласиться съ латинскимъ ученіемъ. Когда дѣло дошло до бесѣды и состязанія, Римляне ничего не могли успѣть и ни съ чѣмъ воротились домой.“ Объ этомъ состязаніи поминаетъ и изъ Латинянъ *Антоній* ¹⁾, хотя онъ дѣлаетъ всевозможныя натяжки для защиты своего мнѣнія. Такъ въ титулѣ XXII, гл. XI онъ говоритъ: „однако извѣстный, чрезвычайно острый Ефесскій спорщикъ, оставаясь въ своемъ вѣроломствѣ, не захотѣлъ вмѣстѣ съ другими возвратиться къ истинѣ; но ушелъ въ отечество. Когда же Венеціанскій кардиналъ, назначенный легатомъ въ Константинополь, явился сюда и сталъ тутъ жить въ обществѣ достопочтеннаго епископа Коронскаго Вареоломея изъ Флоренціи, отличнаго профессора богословія, знающаго также греческаго языка, то угодно было императору и его вельможамъ устроить публичное состязаніе между сказаннымъ Ефесскимъ епископомъ и Коронскимъ епископомъ, объ учености котораго шла большая слава. На состоявшемся состязаніи вышеозначенный Ефесянинъ снова былъ имъ побѣжденъ и смѣшался, и вслѣдствіе этого впалъ въ такую печаль, что черезъ нѣсколько дней скончался вмѣстѣ съ своимъ вѣроломствомъ.“ Въ другомъ мѣстѣ мы докажемъ, что Латиняне нисколько не побѣдили Марка; равнымъ образомъ—ложь, что онъ черезъ нѣсколько дней послѣ преній, состоявшихся въ Константинополѣ, умеръ. Онъ еще живъ былъ во время императора Константина и присутствовалъ на послѣднемъ передѣ взятіемъ города варварами Соборѣ, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Но, наконецъ, и самъ императоръ Іоаннъ VI, столь горячо и насильственно двигавшій Флорентинскую унію въ Италіи, пересталъ о ней особенно хлопотать, а передъ смертію и совѣмъ отъ нея

¹⁾ Антоній Массая изъ ордена Миноритовъ, котораго папа Мартинъ V послалъ апокрисиаріемъ въ Константинополь въ 1422 г. Прим. перев.

отказался. Поэтому патриархъ Митрофанъ вошелъ къ императору съ секретнымъ представленіемъ, что онъ откажется отъ принятія своего сана, если императоръ всенародно не введетъ уніи въ Церковь. Тогда императоръ, дѣйствительно, обѣщаль это сдѣлать, но въ назначенный для этого день патриархъ скончался; затѣмъ вслѣдствіе разныхъ препятствій унія такъ и осталась не введенной. Подробно объ этомъ повѣствуетъ Сиропуль въ Отд. XII. Да и самъ папа Евгенийъ въ посланіи къ деспоту Константину Палеологу, написанномъ въ 1441 г. и заключающемся въ III ч. Флорентинскаго Собора, ном. X, говоритъ: „письмо высокопочтеннаго брата Христофора, епископа Коронскаго, нашего апокрисиарія, и донесенія многихъ православныхъ мужей извѣстили насъ и апостольскій престолъ, какимъ желаніемъ, горячностью душевною къ славѣ Божіей и ревностью къ католической вѣрѣ горитъ твое благочестіе, что бы святая унія восточной и западной церкви, благодатію Господа и Спасителя Нашего Іисуса Христа недавно столь торжественно, чинно и единодушно отпразднованная, получила должное исполненіе тамъ, въ Константинополѣ, и въ прочихъ частяхъ Греціи. Ибо хотя въ этомъ дѣлѣ любезнѣйшій во Христѣ сынъ нашъ Іоаннъ Палеологъ, Ромейскій императоръ, до сихъ поръ поступалъ довольно небрежно и равнодушно, однако твое высочество хочетъ и стремится къ тому, что бы дѣло это достигло возможнаго распространенія и исполненія. И такъ, съ помощью Бога, Котораго дѣло въ данномъ случаѣ ты преслѣдуешь и намѣренъ, какъ сказано, преслѣдовать, если когда-нибудь въ будущемъ тебѣ придется въ Ромейской имперіи наслѣдовать, или какимъ-нибудь образомъ предсѣдательствовать и попасть въ императоры и ты дашь должное, какъ сказано, исполненіе утвержденію означенной уніи, обнародовавъ относительно этого указъ, то мы настоящею грамотою обѣщаемъ твоему благочестію отъ имени нашего и апостольскаго престола ту помощь людьми и деньгами и то содѣйствіе, которыя обѣщали любезнѣйшему во Христѣ сыну нашему, вышесказанному императору, для охраны и защиты города Константинополя, — и все то, что по винѣ и холодности послѣдняго не могло быть исполнено, ты, взявши тогда на себя и свою особу и находясь во главѣ управленія въ сказанной имперіи, означенную унію, уже раньше

тобою, какъ сказано, заключенную, будешь въ твердости содержать, совершенствовать и окружать должными заботами и попеченіями. Присоединяемъ еще: никогда ни сомнѣвайся, что римская церковь и апостольскій престолъ оставлятъ тебя, если ты будешь оказывать имъ должное и благоговѣйное почитаніе, будешь слѣдовать по стезѣ истины и приступишь вѣрно и властно къ непремѣнному выполнению священной уніи.“ Но и послѣ этого императоръ Іоаннъ не ввелъ всенародно уніи, что видно изъ посланія Николая V-го къ императору Константину (находящагося въ концѣ богословскихъ „золотыхъ“ трудовъ, изданныхъ Петромъ Аркудіемъ въ Римѣ въ 1630 г.) Въ этомъ посланіи папа пишетъ: „мы нисколько не сомнѣваемся, что Іоаннъ Палеологъ, твой родной братъ и предшественникъ въ правленіи, могъ, если бы захотѣлъ, по данному ему Богомъ разумѣнію довести это дѣло до счастливаго завершения; однако въ то время, какъ онъ слишкомъ раздумываетъ, какъ согласовать это дѣло съ своимъ временнымъ положеніемъ, его застигаетъ смерть.“ Кромѣ того, описатель послѣдняго Константинопольскаго Собора свидѣтельствуетъ, что передъ смертію Іоаннъ отказался отъ уніи. Онъ начинаетъ свое описаніе такъ: „эта книга обнимаетъ начало послѣдняго Константинопольскаго Собора, собравшагося въ храмъ св. Софіи спустя полтора года послѣ совершенія Флорентинскаго псевдособора и послѣ смерти Іоанна Палеолога, единомышленника Латинянъ, обманутаго Итальянцами обѣщаніемъ помощи, который однако передъ смертію заявилъ согласіе съ православнымъ ученіемъ.“ Объ этомъ Соборѣ поговоримъ послѣ.

Но и въ царствованіе Константина вплоть до 1451 года опредѣленіе относительно Флорентинской уніи не было принято на Востокѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ опять-таки папа Николай V въ приведенномъ посланіи. Такъ онъ тамъ говоритъ (указанное мѣсто, стр. 697): „вотъ уже столько лѣтъ прошло, какъ это случилось, и однако опредѣленіе объ этой уніи у Грековъ покрывается молчаніемъ, и, повидимому, нѣтъ никакой надежды, что бы они оказались расположенными ее принять. Ежедневно дѣлаются отсрочки и приводятся одни и тѣ же почти извиненія, точно Греки думаютъ, будто римскій первосвященникъ и вся западная Цер-

ковъ (такъ мы полагаемъ) бродятъ во тьмѣ и не понимаютъ, что въ этомъ отъгладываніи скрывается притворство. Понимаютъ, но терпятъ.“

Наконецъ, восточнымъ церквамъ показалось недостаточнымъ отвергнуть единодушно Флорентинскую унію, онѣ пожелали противопоставить свой Соборъ Флорентинскому и тутъ осудили послѣдній, какъ симоническій и насильственный. Происходилъ этотъ Соборъ въ 1450 г. въ Константинополѣ, въ храмѣ св. Софіи, въ царствованіе Константина. Въ первомъ же засѣданіи въ присутствіи трехъ патріарховъ: Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго послали разъ и другой звать на Соборъ Григорія, патріарха Константинопольскаго, покровителя и поборника латинскаго ученія, но позванный затѣмъ и въ третій разъ, онъ не пожелалъ явиться. Поэтому, отрѣшивши его отъ патріаршества, избираютъ на престолъ Аѳанасія,—православнаго, и выводятъ къ Собору. Среди восточныхъ образуются партіи: одни стоятъ за Латинянь, другіе за восточныхъ. Засѣданіе закончилось рѣчью защитника Латинянь, оказавшейся слабой.

На второмъ засѣданіи ученѣйшій Гемистъ повелъ рѣчь о томъ, что совершилось въ Италіи, и доказалъ, что Флорентинская унія была устроена императоромъ и другими на основѣ симоніи. При этомъ Сирійскіе патріархи заявили, что истину слѣдуетъ отискивать разсужденіями, а не силою императора, и что не слѣдовало восточныхъ принуждать къ согласію отнятіемъ необходимыхъ средствъ къ жизни. Гемистъ прибавилъ, что Латиняне не давали возможности высказаться тѣмъ изъ восточныхъ, которые были болѣе учены, а предоставляли ее только невѣждамъ и необразованнымъ; что они отослали его въ Галлію искать книгъ; не допустили до преній Геннадія; экзарха на синодѣ, Марка Ефесскаго, заставили, наконецъ, замолчать; что Виссаріону очень захотѣлось получить кардинальство, и онъ былъ виновникомъ всего зла. Тутъ всѣ остальные заявили, что они подписали унію, вынужденные императоромъ, обманутые надеждою на помощь и боясь, что ихъ лишатъ средствъ для возвращенія въ отечество.

Все это изложено въ актахъ Собора въ такомъ видѣ: *Патріархъ Аванасій*: „въ самомъ дѣлѣ, покойный патріархъ Іосифъ, предстоятельствовавшій до меня въ Царьградѣ, оставилъ жизнь до подписанія. Но кто же подписалъ? Ни Маргъ Ефесскій, ни епископъ Гераклеискій, ни я — не пожелаали дать согласія подписать, потому что это было противно канонамъ и не соответствовало, какъ бы слѣдовало, божественному ученію. А Исидоръ Кіевскій и Досиѳей Монеувасійскій подписали.“ *Досиѳей*: „кромѣ коварнаго Григорія, мы оба по насилію и приказу императора согласились дать незаконныя подписи; мы согрѣшили противъ воли и по необходимости, думая этими подписями добиться не только денегъ для возвращенія домой, но достигнуть этимъ побѣды надъ врагами. Въ концѣ концовъ Латиняне обманули императора, не подавъ ему помощи.“ *Патріархи*: „такъ какъ тотъ псевдособоръ былъ приведенъ къ концу хитростью, ложью и насиліемъ, а не испытаніемъ истины; то по нашему рѣшенію его исполнительная часть пусть не имѣетъ силы. Да будетъ отринутъ и Соборъ этотъ, какъ дерзостный и святымъ вселенскимъ Соборамъ противный; ибо и Богъ его отринулъ, посылая чуму и смерть.“ *Досиѳей*: „я раскаиваюсь въ исторгнутой у меня насиліемъ подписи. Да проститъ мнѣ Богъ!“ *Митрофанъ*: „Да проститъ и мнѣ! По истинѣ всякъ человѣкъ — лжець.“ *Досиѳей*: „да проститъ мнѣ также за исполненіе насильственнаго и тиранническаго приказанія! Никто не безъ грѣха, кромѣ Одинаго Бога. Погрѣшаетъ то, что измѣнчиво.“ *Макарій Никомидійскій*: „да подастъ Онъ и мнѣ прощеніе! Заповѣдалъ мнѣ Кіевскій митрополитъ Киръ Дороей всегда соблюдать вѣру вмѣстѣ съ подчиненными, которые издревле были просвѣщены, именно вѣру святыхъ семи вселенскихъ Соборовъ и отвергнуть ложь и насиліе Флорентинскаго сборища; кромѣ того, сохранять неизмѣннымъ Соборъ при святѣйшемъ Фотіи, съ которымъ согласился папа Іоаннъ и на которомъ опредѣлено осудить всякаго, кто что-нибудь прибавитъ къ символу, — почему и въ храмѣ св. Петра, по приказу папы, появился св. символъ вырѣзанный (на доскѣ).“ *Патріархъ Теофанъ*: „да проститъ всѣхъ васъ Богъ.“ *Епископъ Ефесскій*: „меня считали еретикомъ.“ *Патріархъ*: „да падетъ трудъ ихъ на ихъ головы: ибо ты не ереси излагалъ, но во всемъ сохранялъ ученіе святыхъ

въ непрерывной и ненарушимой связи. И если прибавка была причиною соблазна, то отнятіе ея могло доставить миръ, который прежде всего должно воздать Христу. Ибо, сказалъ Онъ, Я--миръ и жизнь,—а діаволь—причина соблазновъ. Конечно, они должны были сперва отнять (прибавку), а потомъ уже разсудить,—слѣдовало ли прибавлять, или нѣтъ. Никакого смысла не имѣло, что папа, призванный къ суду, постановлялъ рѣшеніе,—ибо голоса подаются не тѣми, кого судятъ, а тѣми, кто судить. Если же онъ не можетъ въ томъ, что касается вѣры, погрѣшать, то на какомъ основаніи его привлекають къ суду по дѣламъ вѣры?« Вслѣдъ затѣмъ Ефесскій, Геннадій и другіе высказали разныя мнѣнія о прибавкѣ къ символу и объ Отцахъ, испорченныхъ Латинянами; наконецъ, прибавка была осуждена.

Третье засѣданіе заканчивается разсужденіями того же Марка Ефесскаго, Геннадія и иныхъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Въ концѣ патріархи вносятъ такое заключеніе: „Латиняне, считая рай и адъ своими владѣніями, полагають, что въ ихъ власти, а не въ Божіей, кого они захотятъ, послать въ адъ, а кого пожелаютъ,—въ рай. Поэтому не вѣрующаго, что Духъ Св.—есть отъ Отца и Сына, какъ отъ одного начала и причины, они посылають въ адъ, а вѣрующаго въ это,—въ рай, не обращая вниманія на то, что и Діонисій Ареопагитъ, и Іустинъ, и Григорій Чудотворецъ и семь вселенскихъ Соборовъ научили вѣрѣ, достаточной для спасенія. Ибо, какъ говоритъ Нисскій въ словѣ о Чудотворцѣ, этотъ блаженный училъ, что Одинъ Духъ Св. имѣетъ бытіе отъ Бога и черезъ Сына является, конечно,—людямъ. Замѣтъ хорошо и тщательно это: *конечно.*“

На четвертомъ засѣданіи обсуждались остальные догматы Латинянь, а также обряды и обычаи, которыми они грѣшатъ противъ канонв. Наконецъ, патріархи прилагають опредѣленіе: „не иное отсюда слѣдуетъ, какъ то, что Флорентинское сборище—ложь и обманъ мірской и насильственный и лишено всякаго вышаго попеченія. Ибо предатель Виссаріонъ, иное скрывая въ душѣ, иное выражая устами, убѣждалъ — патріарховъ, что онъ можетъ привлечь Латинянь къ принятію нашего ученія посредствомъ разсужденій и бесѣдъ, а императора, что съ помощью уніи онъ отразитъ

Агарянь. Когда же собраніе восточныхъ достигло Феррары и Флоренціи, онъ пообѣщалъ Латинянамъ, что, если они его сдѣлаютъ кардиналомъ, онъ убѣдитъ Грековъ слѣдовать ихъ мнѣніямъ. Императора же онъ заставилъ обѣими руками ухватиться за унію съ Итальянцами, что бы одержать побѣду надъ Агарянами. Между тѣмъ Итальянцы обманывали, обѣщали чрезвычайно много, хотя могли сдѣлать мало. И на этомъ основаніи Итальянцы ввели въ обманъ и сами были обмануты. Ибо побѣжденные въ рѣчахъ, они намѣревались остаться побѣдителями посредствомъ насилія. Поэтому да будутъ напрасными и подписи, и это недоброе собраніе и да будетъ оно изъято изъ числа Соборовъ, какъ исполненное лжи и насилія. Ибо другіе вселенскіе Соборы устанавливали патріархи и вся вселенная,— а этотъ, какъ ненавистный Богу, патріархи отвергли вмѣстѣ со всѣмъ Востокомъ.“

Послѣ этого разбираются возраженія, выставляемыя Латинянами противъ восточныхъ. Наконецъ, слѣдуютъ подписи четырехъ патріарховъ, многихъ епископовъ и всего клира, при чемъ прибавляютъ: „всѣ мы согласно заявляемъ, что прибавка въ символѣ излишня: символъ семи Соборовъ не нуждается въ исправленіи и достаточенъ для спасенія. Духъ Св. исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына, и одна только причина бытія Сына и Духа— Отецъ. Папа, если онъ православный, образуетъ Соборъ вселенскій вмѣстѣ съ другими четырьмя патріархами и превосходитъ другихъ порядкомъ, но не достоинствомъ, какъ будто бы тѣ подчинялись его законамъ. Одинъ только вселенскій Соборъ издаетъ правила, а не папа, какъ монархъ. Святые созерцаютъ Бога; но до суда, несовершенно. Освобожденіе бываетъ въ аду, а не въ очистительномъ огнѣ внѣ ада. Превращеніе тайнъ бываетъ по существу отъ Троицы и Господнихъ словъ послѣ молитвъ священника, проводящаго, какъ органъ, къ священнодѣйствію. Согласно съ этимъ Соборомъ и собраніе трехъ патріарховъ, котораго начало таково: трехъ вселенскихъ православныхъ патріарховъ—Филооея Александрійскаго Іоакима Іерусалимскаго и Дорооея Антиохійскаго.“

Обнародовалъ въ сокращеніи эти свѣдѣнія о Соборѣ изъ рукописи *Левъ Аллятій* въ приложеніи къ своимъ тремъ книгамъ „о непрерывномъ согласіи церквей;“ но онъ стремится доказать,

что весь этот Соборъ выдуманъ какимъ-нибудь новѣйшимъ писателемъ, ибо, *во-первыхъ*, во всѣхъ церковныхъ Соборахъ, говоритъ онъ, въ самомъ началѣ, или же только въ концѣ обозначается время, когда Соборъ этотъ состоялся; а тутъ нѣтъ никакого обозначенія времени, нѣтъ упоминанія мѣсяца, ни опредѣленія индикта. Рукопись имѣетъ такое заглавіе: „отсюда начинается книга послѣдняго Константинопольскаго Собора, собравшагося въ храмъ св. Софіи въ промежуткѣ одного съ половиною года послѣ состоявшагося псевдособора Флорентинскаго и послѣ кончины Іоанна Палеолога, который мыслилъ одинакого съ Латинянами, обманутый итальянцами надеждою помощи; однако передъ кончиною присоединился къ православному ученію, при православномъ сынѣ его Константинѣ. Извлечено изъ собственной библіотеки рукописей Константина Ласкариса, по истинѣ ученѣйшаго мужа, издавшаго довольно обширную ясную грамматику по приказу мудрѣйшаго Византійскаго патріарха Аванасія, и переписано Θεодоромъ Зигмалою, протекдикомъ великой Церкви.“ Въ этомъ заглавіи сказано, что этотъ Соборъ происходилъ послѣ Флорентинскаго спустя полтора года, — значитъ это было въ 1440 г.; однако въ актахъ этого Собора дѣлается упоминаніе о другомъ Соборѣ съ патріархами, случившемся въ 1443 г.; прибавлено также, что Соборъ происходилъ при Константинѣ; между тѣмъ Іоаннъ умеръ только въ 1449 году. Слѣдовательно, какимъ же образомъ Соборъ этотъ отпразднованъ черезъ полтора года послѣ Флорентинскаго? *Во-вторыхъ*, Константинъ былъ братъ, а не сынъ Іоанна. *Въ-третьихъ*, не правда, будто императоръ Іоаннъ отрекся отъ разъ принятой уніи: онъ возвелъ на патріаршій престолъ Митрофана Кизическаго, защитника уніи, а послѣ его смерти—Григорія протосинкелла, при жизни котораго императоръ и умеръ. *Въ-четвертыхъ*, неправда, будто Ласкарисъ написалъ грамматику по приказу патріарха; — онъ сдѣлалъ это въ Италіи, гдѣ власть патріарха не имѣла никакого значенія. Притомъ, Ласкарисъ самъ заявляетъ, что онъ написалъ грамматику по просьбѣ нѣкоторыхъ Латинянъ. Если же утверждать, что смыслъ словъ заглавія тотъ, что Ласкарисъ не грамматику написалъ по приказанію патріарха, а что по приказанію Аванасія изъ его автографовъ сдѣлано извлеченіе о Соборѣ, тогда во всемъ

придется допустить большую натяжку. Удивительно, что Соборъ, едва родившійся, описанъ по приказанію предсѣдателя изъ чужого автографа. Развѣ акты его не хранились въ архивахъ, развѣ нельзя было вытребовать копію ихъ отъ нотаріевъ? Или Аѳанасій довѣрялъ замѣткамъ Константина Ласкариса болѣе, чѣмъ остальныхъ? *Въ-пятыхъ*, никто ни изъ греческихъ, ни изъ латинскихъ писателей не упоминаетъ, что бы въ это время Константинопольскимъ патріархомъ былъ Аѳанасій. *Въ-шестыхъ*, на первомъ засѣданіи Антиохійскій патріархъ называется Дороеемъ, а въ подписяхъ Ананією; однако спустя три года Дороеей еще былъ живъ, какъ видно изъ синода трехъ патріарховъ. Ставившіе Аѳанасія въ патріархи епископы называются — Никейскій Неофитомъ, Кизическій — Митрофаномъ; а въ подписяхъ первый именуется Парөніемъ, а второй — Ставракіемъ. Что же, вытерлись имена? Поэтому вдругъ они оказались умершими, на ихъ мѣсто поставлены другіе, а послѣ они вновь оживаютъ и опять восстанавливаются въ своемъ достоинствѣ? — *Въ-седьмыхъ*, — Кіевского митрополита Исидора на второмъ засѣданіи перерядили въ Дороея и т. д. — *Въ-восьмыхъ*, — на одномъ и томъ же засѣданіи низлагается патріархъ Григорій и избирается Аѳанасій; но въ 1440 году, когда происходилъ этотъ соборъ, Григорій не былъ патріархомъ, а сталъ имъ только въ 1445 г. послѣ Митрофана. — *Въ-девятыхъ*, тамъ же Аѳанасій заявляетъ, что онъ былъ однимъ изъ присутствовавшихъ на Флорентинскомъ Соборѣ и вмѣстѣ съ Ефесскимъ и Гераклеискимъ епископами не захотѣлъ подписаться. „Но между присутствовавшими на Флорентинскомъ Соборѣ, говоритъ Алмятій, не встрѣчается никакого Аѳанасія, кромѣ того, который нѣкогда былъ игуменомъ Перивлентскаго монастыря и который, подписываясь также и на этомъ пседособорѣ послѣ патріарха Аѳанасія и другихъ, не могъ быть игуменомъ Перивлента. Могъ быть какой-нибудь другой, но если онъ равняетъ себя митрополитамъ Ефескому и Гераклеискому, то, конечно, весьма вѣроятно, что акты не замолчали бы его имени.“ — *Въ-десятыхъ*, Аѳанасія посвящаютъ въ патріархи Макарій Никомидійскій, Неофитъ Никейскій и Митрофанъ Кизическій; между тѣмъ было въ обычаѣ, что бы это дѣлалъ митрополитъ Гераклеискій, который тогда тутъ находился и подписывался. — *Въ-одиннадцатыхъ*, Митрофанъ Кизическій былъ патріархомъ, благо-

пріятствовавшимъ латинскимъ мнѣніямъ; какъ же онъ, избѣжавъ обвиненія въ ереси, сталъ снова епископомъ Кизическимъ? Могъ быть тутъ другой,—но почему же этотъ Митрофанъ также не подписался?—*Въ двѣнадцатыхъ*, на третьемъ засѣданіи сказано, что Флорентинскій Соборъ вслѣдствіе чумы былъ прерванъ; но чума появилась только въ Феррарѣ.—*Въ тринадцатыхъ*, на четвертомъ засѣданіи говорится, что во Флоренціи спорили о словахъ Господнихъ,—именно, ими ли превращается хлѣбъ въ тѣло и вино въ кровь Христа, или же для этого требуются непременно прилагаемая молитвы Отцовъ? И Латиняне сказали, что они, когда молятся, послѣ словъ Господнихъ: сдѣлай это тѣломъ Господа и это вино—кровью, перемѣнивъ Духомъ Твоимъ, понимаютъ: послѣ того какъ перемѣнишь, сдѣлай этотъ хлѣбъ тѣломъ, это вино—кровью, что бы было пріобщающимся во спасеніе тѣла и души. Но опять-таки это неправда, ибо Латиняне спрашивали Грековъ: зачѣмъ они употребляютъ эту молитву послѣ словъ Господнихъ? *Наконецъ*, когда на этомъ Соборѣ спорятъ, то приводятся и новѣйшіе восточные писатели, т. е. жившіе во время схизмы, а также латинскіе Отцы, —что не въ обычаѣ у Грековъ.—Вотъ какія соображенія выставляетъ Левъ Аллятій.

Конечно, столько трудился онъ, что бы уничтожить этотъ Соборъ не для иной цѣли, какъ только для того, что бы латинское ученіе вмѣстѣ съ Флорентинскимъ Соборомъ не оказалось побѣжденнымъ. Между тѣмъ развѣ не самъ Аллятій не много выше призналъ дѣйствительнымъ упомянутый Соборъ трехъ патріарховъ? Да развѣ изъ другихъ источниковъ не извѣстно, что остальные Греки, какъ присутствовавшіе на Флорентинскомъ Соборѣ, за очень немногими исключеніями, такъ и остававшіеся дома, рѣшительно отвергли этотъ Соборъ, какъ подкупленный и насильственный? Мы выше это доказали. Слѣдовательно, и безъ того мы имѣемъ здѣсь всеобщее согласіе Востока противъ Флорентинскаго Собора. Но, затѣмъ,—не новый это со стороны Латинянъ пріемъ,—когда какой-нибудь Соборъ имъ мѣшаетъ, заявлять, что онъ выдуманъ. То же они дѣлали относительно знаменитаго Собора происходившаго при Фотіи, о чемъ говорилось въ другомъ мѣстѣ. Ибо подобно тому, какъ Латиняне, руководимые духомъ фальсификаціи повредили во множе-

ствѣ мѣсть писанія Отцовъ, сдѣлавши кой-гдѣ вставки, а кой-гдѣ выскобливши слова; такъ равно подѣ влияніемъ того же духа стараются они поставить внѣ всякаго существованія какой-нибудь неприятный для нихъ Соборъ. Какъ ложно и коварно выдумали они посланіе Филоея, патріарха Александрійскаго, въ защиту Флорентинскаго Собора, мы впослѣдствіи увидимъ. Тутъ дѣло ясное, тутъ не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, такъ что рѣшительно съ большимъ правомъ можно упрекнуть Латинянь, что они не добросовѣстно поступали въ дѣлѣ утвержденія состоятельности Флорентинскаго Собора.

Что касается самихъ разсужденій Аллятія, то хотя они кажутся убѣдительными, однако не ведутъ къ несомнѣннымъ заключеніямъ, согласно съ излюбленнымъ обычаемъ, по которому онъ въ цѣломъ своемъ сочиненіи „о непрерывномъ согласіи церквей“ пользуется аргументами только вѣроятными и никогда вѣрными и несомнѣнными, что мы могли бы доказать безчисленными примѣрами, если бы не избѣгали излишняго многословія. Большая часть изъ приведенныхъ аргументовъ опровергается хотя бы однимъ возраженіемъ: откуда Льву Аллятію извѣстно, что каждое слово, заключающееся въ томъ спискѣ актовъ Собора, которымъ онъ пользовался, вышло отъ самихъ Отцовъ, составлявшихъ Соборъ? Развѣ не встрѣчаются обыкновенно разныя погрѣшности въ писаніяхъ по ошибкѣ перваго переписчика, или другихъ, послѣдующихъ переписчиковъ? И изъ-за такихъ погрѣшностей подобное сочиненіе слѣдуетъ считать подложнымъ? Въ силу какой необходимости Левъ Аллятій отъ своей рукописи могъ заключать что-нибудь съ несомнѣнностью объ истинности означеннаго Собора? И какимъ образомъ, спрашивается, если бы даже Соборъ этотъ выдуманъ былъ какимъ-нибудь позднѣйшимъ человѣкомъ, можно было бы повѣрить, что этотъ авторъ захотѣлъ добровольно заблуждаться въ такихъ вещахъ, которыя ему были отлично извѣстны, или несомнѣнно не могли отъ него укрыться, — мало того, въ вещахъ, которыя, если бы произошли на дѣлѣ, нисколько не повредили бы въ отношеніи измышленнаго Собора? Такъ какъ подобный характеръ носятъ почти все то, что приводитъ въ качествѣ возраженія Левъ Аллятій, то, очевидно, нужно искать другую причину; почему въ рукописи

актовъ этого Собора встрѣчаются такія погрѣшности, и не слѣдуетъ изъ - за этого просто отнимать всякое значеніе у этого Собора и считать его несуществовавшимъ. Желательно было бы, что бы акты этого Собора обнародованы были по нѣсколькимъ и болѣе исправнымъ рукописямъ ¹⁾. Тогда обстоятельства Собора, думаю, окажутся въ другомъ видѣ; во всякомъ случаѣ о каждомъ изъ нихъ можно будетъ имѣть болѣе вѣрное сужденіе.

Затѣмъ, что касается надписи Собора, изъ которой Аллятіи выплелалъ много своихъ аргументовъ, — что, спрашивается, можно было на основаніи ея возражать противъ самого Собора? Пусть будетъ она нелѣпа, несогласна ни съ временемъ, ни съ другими обстоятельствами; — но развѣ это слова самаго Собора, а не скорѣе того, кто извлекъ акты этого Собора изъ библіотеки Ласкариса? Какъ можно было отсюда выводить заключеніе, что Соборъ этотъ вымысленъ? Вѣдь въ данномъ случаѣ погрѣшность допущена не противъ самого существованія Собора и не отъ самихъ Отцовъ она исходила.

Но обратимся къ каждому изъ возраженій Льва Аллятія въ отдѣльности. — *Во-первыхъ*, относительно обозначенія времени слѣдуетъ замѣтить, что оно отмѣчено въ самой надписи на актахъ Собора. Охотно однако признаемъ, что здѣсь допущена въ словахъ ошибка. Соборъ этотъ состоялся отнюдь не въ 1440 г., а уже спустя годъ съ половиною по смерти императора Іоанна. Переписчикъ легко могъ ошибиться въ одномъ слогѣ, а именно: когда нужно было написать сообразно съ греческимъ текстомъ: „послѣ состоявшагося псевдособора Флорентинскаго, черезъ годъ съ половиною послѣ кончины Іоанна Палеолога,“ переписчикъ вписалъ связку и впереди словъ: „послѣ кончины Іоанна“ ²⁾. Далѣе въ надписи слѣдуетъ: „при... Константинѣ православномъ.“ И въ самомъ дѣлѣ Константинъ, взойдя на императорскій престолъ, нисколько не сталъ принимать латинской вѣры и стоять за Флорентинскую унію. Поэтому онъ низложилъ латинствующаго патріарха Констан-

¹⁾ Впослѣдствіи это сдѣлалъ патріархъ Іерусалимскій Досифей (1641—1707), уже по смерти Зерникава. Прим. перев.

²⁾ Вышло такимъ образомъ: „послѣ состоявшагося псевдособора спустя годъ съ половиною и послѣ кончины Іоанна,“ вмѣсто: „послѣ состоявшагося псевдособора и спустя годъ съ половиною послѣ кончины Іоанна“ (т. е. въ 1451 года.)

тинопольскаго Григорія; поминаніе папы также тогда было прекращено и восточные стали болѣе прежняго враждебны уни. Это ясно видно изъ писателей того времени. Такъ *Дюка*, потомокъ Михаила, въ своей Византійской исторіи говоритъ (гл. XXXVI, стр. 141): „царь послалъ уже раньше въ Римъ просить помощи, для того что бы установить заключенное во Флоренціи соглашеніе и что бы на богослуженіяхъ въ великой Церкви читалось изъ священныхъ диптиховъ имя папы, что бы также патріархъ Григорій воротился на свой престолъ и чтобы папа прислалъ легатовъ для усмиренія вражды и ненависти, возникшихъ вслѣдствіе схизмы.“ Папа Николай V точно такъ же упоминаетъ въ посланіи къ императору Константину о низложеніи латинствующаго патріарха и о возстановленіи его снова на престолѣ. Тамъ онъ между прочимъ пишетъ (стр. 607 „золотыхъ твореній,“ изд. Аркудіемъ): „мы хотимъ, что бы ты снова призвалъ Константинопольскаго патріарха на его престолѣ.“ *Эній Сильвій*, въ книгѣ своей „о Европѣ,“ гл. III говоритъ: „Константинъ, ему наслѣдовавшій, обманутый ли, либо самъ собою впавшій въ безуміе, оказался нисколько не сочувствующимъ уни, даже патріарха Григорія, поставленнаго на мѣсто предшественника, за то, что прилежалъ къ истинной вѣрѣ, прогналъ изъ дома, захвативъ церковныя имущества.“ Да и посланіе великой Константинопольской Церкви къ Богемцамъ, помѣченное 18 Января 1451 г., о которомъ мы еще будемъ говорить, заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „опредѣлила великая Церковь написать къ вамъ это и склонять васъ къ единенію съ нею, не сообразно съ той притворной унией во Флоренціи, которую скорѣе слѣдуетъ назвать отдѣленіемъ отъ истины, почему мы ее вовсе не признаемъ, даже совсѣмъ уничтожаемъ, но согласно непоколебимому и неизмѣнному опредѣленію, въ которомъ одномъ можемъ соединиться истинно и надежно.“ Между тѣмъ во время Іоанна Флорентинская униа никоимъ образомъ не была еще уничтожена всенародно; это было сдѣлано уже въ царствованіе Константина. Наконецъ ясны слова философа *Амируца*, присутствовавшаго на Флорентинскомъ Соборѣ (у Льва Алятія, кн. III, гл. I, Ном. IV): „и поэтому патріархи не безъ основанія, даже созвавши Соборъ, не признали подписей собственныхъ уполномоченныхъ, желая, что бы Соборъ этотъ поконченъ былъ посредствомъ разсужденій,

а не безбожно.“ Но сдѣлали такъ патріархи именно на этомъ Соборѣ. На второмъ засѣданіи его они заявили: „такъ какъ означенный лжесоборъ закончился хитростью, ложью и насиліемъ, а не изслѣдованіемъ истины, то по нашему рѣшенію пусть данныя нами полномочія не имѣють силы.“—И такъ, уже въ царствованіе императора Константина въ 1450 г. былъ созванъ этотъ Соборъ, а не спустя полтора года послѣ Флорентинскаго Собора, какъ по ошибкѣ переписчика читалъ въ своей рукописи Аллятій.

Во-вторыхъ, дѣйствительно, Константинъ былъ братъ, а не сынъ Іоанна;—но и это могло быть написано пѣ невѣжеству, или невнимательности переписчика, и опять-таки заключать отсюда противъ дѣйствительности Собора ничего нельзя.

Что касается *третьяго* возраженія, то разсужденіе Льва Аллятія не имѣетъ никакого основанія, ибо что за выводъ: императоръ Іоаннъ раньше возвелъ на патріаршій престолъ Митрофана, а потомъ Григорія; оба они были латинствующими; слѣдовательно передъ смертію онъ не отказался отъ уніи? Выше мы показали, что Іоаннъ относился холодно къ распространенію уніи дома и, наконецъ, совсѣмъ оставилъ это дѣло въ небреженіи; поэтому неудивительно, что, не видя впослѣдствіи присылки помощи, или считая ее уже ненужною въ виду близкой смерти, онъ отказался отъ уніи. А что унія имъ была заключена во Флоренціи единственно въ надеждѣ, что за ней послѣдуетъ помощь, это мы уже видѣли.

Въ четвертыхъ, по смыслу словъ надписи не выходитъ, что Константинъ Ласкарисъ по приказанію патріарха обнародовалъ грамматику, а—что по приказанію патріарха были списаны акты Собора. И такимъ образомъ не выходитъ натяжки: смыслъ оказывается ясный, легкій и нисколько не натянутый. Акты извлечены изъ рукописей Константина по приказанію патріарха и списаны Зигомалою. По разнымъ причинамъ могло случиться, что акты этого Собора были извлечены изъ рукописей Константина, такъ что опять отсюда нѣтъ никакой необходимости заключать что-нибудь противъ дѣйствительности Собора.

Въ пятыхъ, дѣйствительно, справедливо, что, насколько помню, другіе писатели не упоминають о патріархѣ Аѳанасіи; но это могло случиться или потому, что онъ вслѣдъ затѣмъ скончался,

или что онъ былъ вскорѣ императоромъ низложенъ, такъ какъ тотъ снова сталъ посматривать на Латинянъ, желая получить отъ нихъ помощь противъ наступившихъ уже Турокъ. Въ виду того, что его патріаршество было какъ бы мимолетнымъ, на этомъ основаніи писатели могли имъ пренебречь. Въ самомъ дѣлѣ, 18 Января 1451 г. въ Константинополѣ не было никакого патріарха, какъ оказывается изъ упомянутаго посланія Константинопольской Церкви къ Богемцамъ. — *Въ шестыхъ*, относительно измѣненія имени Дороея Никейскаго и епископа Кизическаго слѣдуетъ думать, что по ошибкѣ ли переписчика, или по другой какой-либо причинѣ такъ могло стоять въ рукописныхъ кодексахъ. Такимъ образомъ, если бы аргументація Аллятія имѣла силу, то должно было бы заключить, что и самый Соборъ Флорентинскій выдуманъ, ибо точно такъ же акты этого Собора нисколько не сходятся относительно имени Отцовъ, тамъ засѣдавшихъ, хотя во время засѣданій умерли только патріархъ Константинопольскій и митрополитъ Ставропольскій. Если разсматривать греческіе акты этого Собора, то подписался на соборѣ Игнатій, митрополитъ Торнобскій, а также Мелетій Меленикскій. Но они въ началѣ актовъ этого Собора не упоминаются въ числѣ прочихъ восточныхъ, бывшихъ на Соборѣ. Наоборотъ, — въ началѣ актовъ называется Меѳодій, митрополитъ Лакедемонскій, подъ Соборомъ не подписавшійся; опять тамъ же приводится *Евстратій Меленикскій*, котораго имя въ подписи — *Матѳеи Меленикскій*. Если же развернемъ латинскіе акты, записанные Андреемъ de S. Cruce, то увидимъ, что на I засѣданіи онъ поминаетъ архіепископа Тривоніенскаго, или Торновенскаго, архіепископа Толосонскаго, Гаринійскаго, Ахилійскаго, — но въ подписяхъ ихъ нѣтъ; напротивъ того, подписались архіепископы Россіи, Родеса, Сава и Драмы, въ первомъ засѣданіи не упоминаемые. А между тѣмъ, кромѣ двухъ помянутыхъ умершихъ, изъ епископовъ отказался подписаться одинъ только Ефесскій съ послами Иверовъ.

Что касается *седмого* возраженія, то, спрашивается, что за выводъ? Исидоръ былъ русскимъ митрополитомъ; слѣдовательно, передъ этимъ Соборомъ, происходившимъ въ 1450 году, при жизни его, не было Кіевскаго? Но мы выше видѣли, что Исидоръ, воротившись съ Флорентинскаго Собора, былъ своими пасомыми отвер-

гнуть, даже, по словамъ Кромера, прогнанъ, такъ что принужденъ былъ бѣжать въ Римъ. Когда удалился Исидоръ, какъ же другой митрополитъ ему не наслѣдовалъ? Дѣйствительно, русскіе источники свидѣтельствуютъ, что въ Кіевскіе митрополиты былъ поставленъ въ 1442 году изъ Константинопольскихъ игуменовъ Григорій. Былъ ли онъ въ уніи съ Римскою церковью, или нѣтъ, одно ли это лицо съ Дороеемъ съ переменною но ошибкѣ имени на этомъ Соборѣ, изслѣдовать точнѣ этотъ вопросъ здѣсь не мѣсто. Достаточно того, что его назначеніемъ совершенно опровергается аргументъ Аллятія, по которому выходило, что никто другой, напр. Дороеей, не былъ митрополитомъ Кіевскимъ, потому что тѣмъ же митрополитомъ былъ Исидоръ.

Тутъ только прибавимъ, что живо хвастаетъ среди другихъ одинъ іезуитъ ¹⁾, который пишетъ, будто бы вся Россія приняла тогда вмѣстѣ съ упомянутымъ Григоріемъ Флорентинскую унію. Онъ говоритъ: „выпросилъ (Исидоръ) у него (папы), что бы спутникъ его въ странствіяхъ Григорій былъ посвященъ въ Кіевскіе митрополиты, чтб тотъ и исполнилъ. Григорій явился въ Польшу съ письмомъ папы заключавшимъ просьбу къ королю помочь Григорію получить Кіевскую митрополию.—Москвитяне хотѣли противодѣйствовать этому и избрали себѣ новаго митрополита Іону. Но Россія, подчиненная Польскому королю, приняла Григорія вмѣстѣ съ унією, имъ провозглашенною.“ Выше мы показали, что даже эта послѣдняя Россія не признала нисколько Флорентинской уніи; въ особенности это доказывало приведенное письмо короля Польскаго Казимира, написанное въ 1451 г., въ которомъ онъ заявляетъ, что до того времени Россія, подчиненная Польшѣ, нисколько не признала уніи. Какъ же въ 1442 г. Россія вмѣстѣ съ Григоріемъ приняла унію, заключенную во Флоренціи? Притомъ, когда съ Бресткаго Собора два Русскихъ епископа безъ вѣдома другихъ обманнымъ образомъ отправились въ Римъ и отъ имени прочихъ предложили папѣ подчиненіе въ 1595 году, то, по приказанію папы, *Сильвій Антоніанъ*, папскій тайный совѣтникъ (*Pape a Secretis*) держалъ такую рѣчь (у Баронія, въ приложеніи къ VП т.): „къ скалѣ вѣры, на которой Христосъ Господь основалъ Церковь Свою,

¹⁾ Циховій, полож. IX о приматъ папы стр. 267.

къ святой горѣ, на которой благоугодно обитать Богу, къ матери и учительницѣ всѣхъ Церквей, къ святой римской церкви возвращаетесь вы, русскіе епископы, послѣ ста пятидесяти лѣтъ, по великому, конечно, и особенному благодѣянію Божию къ вамъ и народу вашему и къ столь великой радости святѣйшаго господина нашего, которой никакое богатство рѣчи, никакая сила слова не могутъ достаточно выразить.“ И дальше: „святѣйшій господинъ нашъ готовъ съ отеческою благостію, открывши объятіе любви, допустить къ своему общенію васъ, и митрополита вашего, и соепископовъ вашихъ, и вашъ русскій народъ.“ И такъ если въ 1595 году насчитывалось уже сто пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ Россія не была въ единеніи съ Латинянами (по поводу же отступничества Исидора, русскаго митрополита, ораторъ считаетъ Россію признавшею примать, на который папа имѣетъ притязаніе), то какимъ образомъ Россія приняла вмѣстѣ съ Григоріемъ Флорентинскую унію? Или, какъ иногда Латиняне заявляютъ, Россія будто бы была въ уніи съ римскою церковью даже до 1516 года? ¹⁾ Не слѣдуетъ сразу, безъ разслѣдованія, вѣрить Латинянамъ, когда они въ защиту уніи съ римскою церковью рассказываютъ, что патріархи, митрополиты, архіепископы и цѣлые народы признавали папу своимъ непогрѣшимымъ главою.

По поводу *восьмого* возраженія слѣдуетъ сказать, что такъ какъ Соборъ, о которомъ идетъ рѣчь, состоялся отнюдь не въ 1440, а въ 1450 г., то оно не имѣетъ никакой силы.

Относительно *девятого* скажемъ, что Аѳанасій могъ, конечно, присутствовать на Флорентинскомъ Соборѣ, занимая тогда какое-нибудь низшее положеніе; черезъ столько же лѣтъ отъ этого Собора до 1450 года онъ возвысился. Избранный патріархомъ, почему не могъ онъ называть себя рядомъ съ митрополитами Гераклейскимъ и Ефесскимъ?

На *десятое*: почему Константинопольскій патріархъ былъ посвященъ другими, а не Гераклейскимъ митрополитомъ, могли случиться разныя причины,—и отсюда опять ничего нельзя заключать съ *необходимостью* противъ патріаршества Аѳанасія.

¹⁾ Левъ Креуза,—объ уніи церквей.

На *одиннадцатое*: конечно, Митрофанъ, епископъ **Бизическій**, присутствовавшій на этомъ Соборѣ, былъ другое лицо по отношенію къ Митрофану Бизическому, патріарху Константинопольскому. Если въ подписи попадаетъ одно и то же имя, то ничего тутъ нѣтъ страннаго: подобное обстоятельство встрѣчается и въ актахъ Флорентинскаго Собора, какъ было указано.

На *двѣнадцатое*: правильно сказано, что Флорентинскій Соборъ былъ прерванъ чумою, потому что обыкновенно, даже и у Латинянъ, Ферраро-Флорентинскій Соборъ слыветъ подъ однимъ именемъ Флорентинскаго.

Что касается *тринадцатаго* возраженія, то слѣдуетъ замѣтить, что не весь этотъ споръ о совершеніи таинъ вращался около вопроса Латинянъ: „почему вы, восточные, молитесь еще послѣ словъ Господнихъ.“? Мы читаемъ, что довольно часто объ этомъ предметѣ шли пренія на Флорентинскомъ Соборѣ, согласно съ записью на XXV засѣданіи этого Собора. Поэтому—развѣ среди этихъ разсужденій восточные не могли спросить Латинянъ о томъ, о чемъ, по разсказу Собора, ихъ самихъ спрашивали, и развѣ Латиняне не могли на вопросъ дать такой отвѣтъ?

Въ *последнемъ* возраженіи своемъ Аллятій заявлялъ, какъ доказательство выдуманности непріятнаго ему Собора, что этотъ Соборъ приводилъ изъ своихъ Отцовъ тѣхъ, которые жили уже во время схизмы, а также и латинскихъ Отцовъ. Но что отсюда слѣдуетъ? Почему же, въ то время уже достаточно зная, что Латиняне приводятъ противъ восточныхъ изъ своихъ Отцовъ также и тѣхъ, которые жили во время схизмы, восточные въ свою очередь не могли отвѣтить Латинянамъ тѣмъ же? Что у Грековъ существовалъ противоположный обычай, этого я не вижу. И сами Латиняне точно такъ же имѣютъ обыкновеніе приводить въ непрерывномъ порядкѣ своихъ предковъ, чтобы доказать, что истина католическаго ученія имъ передана по непрерываемому наслѣдству. Какимъ же образомъ восточные, живя долго передъ тѣмъ въ Италіи, могли не знать нѣкоторыхъ свидѣтельствъ латинскихъ Отцовъ въ пользу своего догмата? Наконецъ, если бы выставленное основаніе имѣло какую-нибудь силу, то пришлось бы допустить, что этотъ Соборъ вымышленъ не Грекомъ, какъ доказываетъ Аллятій,

а какимъ-нибудь латиняниномъ, что является явную нелѣпостью, ибо, по его словамъ, такія вещи имѣють обыкновеніе продѣлывать Греки.—Но достаточно объ этомъ послѣднемъ Константинопольскомъ Соборѣ.

Случилось, что въ то время Богемцы (чехи) отдѣлились отъ латинской вѣры. Они прислали къ Константинопольской церкви письмо, желая съ нею соединиться. Поэтому отъ имени Константинопольской церкви написано въ отвѣтъ Богемцамъ посланіе, въ которомъ опять осуждается Флорентинскій Соборъ. Оно издано во Франкфуртѣ въ 1583 г. въ концѣ книги *Давида Хитрея* „о состояніи церквей въ Греціи.“ Оно начинается словами: „святѣйшая Константинопольская церковь, мать всѣхъ православныхъ и учительница.“ Въ этомъ посланіи и заключаются уже приведенныя выше слова: „опредѣлила святѣйшая церковь вамъ это написать и равнымъ образомъ побуждать васъ къ единенію съ нею, но не согласно подкупленной Флорентинской уніи, которая скорѣе должна быть названа отдѣленіемъ отъ истины, почему мы ее нисколько не признали, а даже совершенно уничтожили, но согласно съ неизмѣннымъ правиломъ, въ которомъ одномъ можемъ соединиться истинно и надежно:“ Подписали: „Никомидійскій Макарій. Смиранный митрополитъ Торновскій Игнатій. Филиппопольскій Іосифъ. Смиранный митрополитъ Акакій. Великій епископъ Діаконъ Сильвестръ Сиронулъ. Диеофилаксъ и іеромнимонъ Теодоръ Агалліонъ. Каволическій православной церкви учитель, смиренный монахъ Геннадій.“ Издатели прибавляютъ, что это посланіе было обнаружено въ Прагѣ изъ бібліотеки коллегіи Карла IV-го и что на другой сторонѣ той же страницы было оно написано по-латыни, при чемъ въ латинскомъ текстѣ оказались слѣдующія слова, которыхъ не было по-гречески: „для увѣренности и предостереженія всѣхъ, до кого дойдетъ настоящая грамота, угодно было намъ снабдить обычною печатью образа Бога нашего Господа Іисуса Христа и Богородицы, Его Матери, напечатлѣннаго на лазоревомъ воскѣ, въ буквовомъ деревянномъ ящикѣ, висящемъ подъ каймой на шелковомъ фіолетовомъ шнурѣ, а также въ особенности скрѣпить нашими подписями. Дано 18 Января 1451 г. индикта XV.“

Когда впоследствии императоръ Константинъ увидѣлъ, что силы Турокъ уже соединились и угрожаютъ ему, то обращая взоры на Западъ и ища помощи у Латинянъ, съ обычнымъ искусствомъ восточныхъ императоровъ сталъ притворяться, что намѣренъ приступить къ уніи. Поэтому онъ послалъ въ Римъ пословъ сказать, что онъ еще не могъ ввести Флорентинской уніи, хотя чрезвычайно этого желаетъ: онъ много до сихъ поръ встрѣчалъ для этого препятствій. Но папа легко догадался, что это только слова, и серьезно потребовалъ отъ него введенія уніи. Это видно изъ посланія Николая V-го къ тому же императору, помѣщеннаго въ концѣ „золотыхъ“ богословскихъ трудовъ, изданныхъ Аркудіемъ. Затѣмъ когда тираннъ (Магометъ II) готовилъ уже городу роковую осаду, доведенный до послѣдней крайности, императоръ снова послалъ къ папѣ пословъ хлопотать о подмогѣ, присоединивъ обѣщаніе, что онъ хочетъ навѣрное утвердить Флорентинскую унію; Григорія вновь возстановить на патріаршемъ престолѣ; поминаніе папы будетъ совершаться по диптихамъ; пусть папа пришлетъ пословъ, что бы уничтожить великую схизму. Поэтому посланъ былъ въ Константинополь Исидоръ: но когда пошли разговоры о соглашеніи, императоръ и нѣкоторые другіе его одобрили, но очень многіе осудили. Несочувствовавшіе уніи, стали приходить къ Геннадію ¹⁾ и спрашивать, что дѣлать? Тотъ прибилъ къ дверямъ своей кельи дощечку, въ надписи на которой чрезвычайно вооружался противъ тѣхъ, кто призналъ унію. Онъ называлъ ихъ предателями православной вѣры и свободы, такъ какъ они уповаютъ не на Бога, а на вѣшнюю помощь; всѣ они поэтому будутъ по взятіи города уведены въ рабство. Тогда тѣ, кто съ нимъ совѣтовался, послѣдовали за Схоларіемъ. Точно такъ же признавшіе унію стали потомъ публично говорить, что они отъ нея останутъ, какъ только освободятся отъ опасности, — ибо они согласились на унію только для полученія помощи. Такъ *Иоаннъ Дука* въ Византійской исторіи (гл. XXXVI, стр. 141) рассказываетъ: „уже раньше послалъ царь въ Римъ просить помощи, что бы такимъ образомъ могло утвердиться соглашеніе и унія, заключенныя во Флоренціи, — что бы папу поминали на богослуженіяхъ въ великой церкви и что бы

¹⁾ Геннадій Схоларій, знаменитый ученый, защищавшій вмѣстѣ съ Маркомъ Ефесскимъ православное ученіе на Флорентинскомъ Соборѣ. Прим. пер.

патріархъ Григорій возвратился на свой престолъ. Онъ приглашалъ также папу прислать кого-нибудь, кто бы могъ усмирить страшную вражду, возникшую изъ-за уніи. Поэтому поводу папа послалъ кардинала Польши, бывшаго русскаго архієпископа Исидора, мужа, дѣйствительно, разумнаго и умѣреннаго, свѣдующаго въ православныхъ догматахъ, по происхожденію римлянина, который, какъ мы сказали, былъ однимъ изъ выдающихся Отцовъ на Флорентинскомъ Соборѣ. Наконецъ, когда явился ожидаемый корабль, отплыли изъ Хіоса и направились въ Константинополь и прибыли въ его портъ въ Ноябрь мѣсяцѣ 6961 года. Царь принялъ кардинала, какъ и слѣдовало, ласково и съ почетомъ. Когда пошли совѣщанія объ единеніи церквей, царь и нѣкоторые представители греческой церкви заявили себя склонными его утвердить. Но большая часть священническаго и монашескаго чина, игумены, архимандриты, монахини даже, отвергли заключенную унію. Что я говорю, — большая часть? Монахини именно заставляли меня говорить и писать: рѣшительно никто не согласенъ, да и самъ царь присоединился къ ней для виду, притворно. Тѣмъ не менѣе согласившіеся, по видимому, на заключеніе уніи — клирики, священники и діаконы, царь и сенатъ — собрались въ великую церковь, что бы въ душевномъ согласіи и единеніи отслужить божественную литургію и принести Богу искреннія молитвы. Тогда и схизматики бѣгутъ къ монастырю Пантократора и являются къ Геннадію, раньше называвшемуся Георгіемъ Схоларіемъ, и просятъ у него совѣта, какъ имъ себя вести. Онъ заперся въ своей келіи и, взявши листъ, открылъ на письмѣ свою мысль и свой совѣтъ. Написано было слѣдующее: „несчастные Римляне! Зачѣмъ заблудились? Зачѣмъ, довѣрившись силамъ Франковъ, вы оставили надежду на Богу? вмѣстѣ съ городомъ вы погубили истинную вѣру, которая въ немъ должна въ скоромъ времени уничтожиться. Будь милостивъ ко мнѣ, Господи! Предъ лицомъ Твоимъ говорю, я неповиненъ и чистъ въ этомъ дѣлѣ. Смотрите, несчастные граждане, что вы дѣлаете. вмѣстѣ съ рабствомъ, которое обрушится на ваши шеи, вы отказались отъ вѣры, переданной вамъ Отцами, и признали нечестіе. Горе вамъ, осужденнымъ! — Написавши это и многое другое и прибивши гвоздемъ къ двери своей келіи, онъ самъ заперся внутри; листъ же читали. Тогда монахини, счи-

тавшія сами себя чистыми и непорочными служительницами Божиими и исповѣдницами православія и признаваемыя такими ихъ учителемъ Геннадіемъ, вмѣстѣ съ игуменами, духовниками и другими священниками и мірянами, стали кричать:—анаѳема! и анаѳематствовали опредѣленіе Собора и тѣхъ, кто его принялъ, принимаетъ и намѣренъ принять. Потомъ низкая уличная чернь бросилась со двора монастыря въ винныя лавки и держа въ рукахъ чаши, наполненныя виномъ, стала проклинать принявшихъ унію. Осушивши чаши въ честь образа Богородицы, толпа стала призывать Ее, что бы Она взяла начальство надъ городомъ и защищала его; и какъ нѣкогда Она боролась противъ Хозрая, Кагана и Арабовъ, такъ что бы теперь сражалась противъ Магомета. Не нужно намъ, говорили, помощи Латинянъ, не нужна намъ унія; прочь отъ насъ служеніе опрѣсночниковъ!—Собравшіеся же въ великой Церкви христіане, вознеся Богу обѣты и сугубыя молитвы и выслушавъ проповѣдь кардинала, рѣшали повиноваться опредѣленію соглашенія и уніи церквей. При этомъ согласились все, что бы, когда отражена будетъ угрожающая отъ Турокъ опасность и восстановлено спокойствіе, было выбрано нѣсколько извѣстныхъ и почтенныхъ мужей для тщательнаго пересмотра опредѣленія и исправленія, если что нибудь въ немъ окажется не совсѣмъ православнымъ. Придя такимъ образомъ къ соглашенію, рѣшили, что бы Итальянцами и Греками была отслужена въ великой Церкви общая литургія, за которой поминали бы папу Николая въ священныхъ диптихахъ, а также патріарха Григорія, тогда находившагося въ ссылкѣ. Эта литургія была совершена 12 Декабря 6961 года. Но были многіе, которые не приняли просфоры антидора, думая, что за этой уніатской литургіей совершена была нечистая и оскверненная жертва. Между тѣмъ кардиналъ зорко слѣдилъ за расположеніемъ умовъ и намѣреніями Грековъ, и не укрылось отъ него ихъ коварство и обманъ. Но, такъ какъ онъ былъ изъ того же народа, то старался помочь городу; однако дѣлалъ это не слишкомъ охотно, и то, что послѣ случилось, доставило напѣ законное оправданіе: большая часть бѣдствій была приписана волѣ Божьей, направляющей все къ благому концу. Но чернь дикая и враждебная добру, зародышь и корень кичливости, вѣтвь тщеславія, цвѣтъ гордости, выжимки греческаго

народа, которая, сама презрѣнная, не уважаетъ другіе народы, считала все едѣланное какъ бы не бывшимъ. Стали говорить принявшіе унію схизматикамъ: погодите, посмотримъ, сокрунить ли Богъ этого врага, — огромнаго дракона, стоящаго во всеоружіи противъ насъ, который похваляется пожрать совѣмъ этотъ городъ. Если Богъ его уничтожить, тогда ясно вамъ станетъ, съ опрѣсночниками ли мы вошли въ согласіе и дружбу.“

Что и эта послѣдняя унія была измышлена и лжива, свидѣтельствуешь и *Леонардъ Хіосскій* ¹⁾ въ книгѣ о завоеваніи Константинополя. Во время четырехдесятницы, когда, по обыкновенію, совершалась исповѣдь, церковь Константинопольская волновалась чрезвычайно схизмою. Православные духовники, если попадали на такого, кто только имѣлъ общеніе съ защитникомъ уніи, или присутствовалъ при литургіи, совершаемой уніатомъ, считали его достойнымъ тяжелой кары. По принесеніи раскаянія они приказывали такимъ не принимать евхаристіи отъ священника, признавшаго унію, говоря, что онъ и не священникъ, и не совершаетъ таинства. Если уніатъ приходилъ для совершенія похоронъ, или поминовенія по покойникъ, то всѣ убѣгали. Великая Церковь, въ которой заключена была эта унія и и совершенно поминаніе паны, всѣми была оставлена; между тѣмъ Схоларій продолжалъ предавать уніатовъ проклятію. — Такъ тотъ же *Дука* (гл. XXXV^П, стр. 146) повѣствуетъ: „въ этихъ перебранкахъ проходило время; когда подошла весна и начались дни поста, то и тутъ не прекратился разладъ въ церкви. Смута происходила на глазахъ всѣхъ, когда обязанные совершать исповѣдь раздѣлились на противныя партіи. Приходившихъ къ нимъ исповѣдывать свои грѣхи христіанъ они спрашивали, — сообщались ли они съ тѣми, кто отдѣлился отъ общенія съ церковью? присутствовали ли они за литургіей, совершаемой уніатомъ? Признававшимся въ такой винѣ назначалось суровое наказаніе и тяжелая епитимія. По выполненіи епитиміи оказывавшемуся достойнымъ приобщенія тѣла и крови Господнихъ запрещалось подъ страхомъ тяжкаго наказанія принимать причастіе отъ уніатскаго священника. Послѣдняго не

¹⁾ Онъ описалъ взятіе Константинополя въ видѣ письма къ палѣ Николаю V. Говорятъ, что онъ въ санѣ митрополита Митиленскаго былъ посланъ папою вмѣстѣ съ Исидоромъ въ качествѣ легата, поэтому, когда городъ палъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и впоследствии замученъ Турками.

признавали священникомъ и его возношеніе даровъ не считали дѣйствительнымъ. Приглашенные для выноса покойника, или для совершенія поминаненія по умершемъ, когда появлялся среди нихъ униатскій священникъ, мгновенно сбрасывали ризы и бѣжали, какъ изъ огня. Великая Церковь стала считаться вертепомъ демоновъ и языческимъ капищемъ. Куда дѣвались свѣчи, елей въ лампадахъ? Все полно мрака, и никого не было, кто бы его разсѣялъ. Священный храмъ оказывался опустѣвшимъ, предзнаменуя собою пустыню, въ которую онъ скоро долженъ былъ обратиться за грѣхи и беззаконія его обитателей. Между тѣмъ запершійся Геннадій училъ и грозилъ проклятіями соглашавшимся на примиреніе (съ Латинянами).“

Но даже когда началась уже осада города, Константинопольцы нисколько не меньше питали отвращенія къ этой униі. Тотъ же авторъ (стр. 148) сообщаетъ: „Константинопольцы съ того дня, какъ въ великой Церкви совершилось заключеніе униі, стали избѣгать ее, какъ іудейской синагоги; не носили въ нее просфоръ, ни ѳиміама. Если какой-нибудь священникъ служилъ литургію въ праздникъ, то молящіеся стояли до времени возношенія святыхъ даровъ, а тогда уходили всѣ:—мушцины и женщины, монахи и монахини. Чего же еще больше нужно? Храмъ стали считать капищемъ и языческимъ жертвенникомъ, а богослуженіе, какъ бы жертвоприношеніемъ Аполлону. Между тѣмъ Геннадій не переставалъ ежедневно учить и писать противъ униатовъ, стремясь изобличить въ ереси ученѣйшаго и блаженнаго Өому Аквинскаго и его сочиненія, а также Димитрія Бидонскаго; онъ сплеталъ противъ нихъ силлогизмы и возраженія. Въ этомъ былъ ему сообщникомъ и помощникомъ первый между сенаторами и великій Дука Мезазонъ, котораго безстыдная дерзость противъ Латинянъ, скорѣе же противъ самого города, дошла до того, что въ то время, какъ Римляне (т. е. Византіяцы) увидѣли передъ собою несмѣтное войско Турокъ, онъ сказалъ: лучше видѣть среди города турецкую чалму, чѣмъ латинскую митру. Въ то же время Римляне, потерявши всякую надежду на спасеніе, стали возсылать такія пожеланія: о, если бы нашъ городъ попалъ подъ власть Латинянъ, призывающихъ Христа и Его Матерь Богородицу, и не преданы мы были въ руки нечестивыхъ Турокъ! Тогда и Мезазонъ сталъ говорить то же.“

Наконецъ насталь день, когда городъ былъ взятъ Турками. Не хватило бы дня, если бы мы захотѣли представить, какъ съ тѣхъ поръ и до новѣйшихъ временъ восточные выказывали отвращеніе къ Флорентинскому Собору. Достаточно, что мы уже доказали то, на чемъ выше настаивали вмѣсто послѣдняго возраженія противъ Флорентинскаго Собора, именно, — что восточные, какъ только узнали о Флорентинской уніи, никоимъ образомъ ея не признали, напротивъ, созывая противъ нея Соборы, отвергали ее, какъ лживую, насильственную и заключенную при помощи подкупа. Если же затѣмъ оказывалось, что нѣкоторые впоследствии за нее стояли, то дѣлали это только притворно изъ корыстныхъ и чловѣческихъ расчетовъ, т. е. въ надеждѣ получить помощь отъ Латинянъ.

Вмѣсто заключенія отмѣтимъ обманъ, съ которымъ Латиняне выдумали посланіе Филоея, патріарха Александрійскаго, будто бы одобрившаго Флорентинскую унію. Выше мы привели грамоту трехъ патріарховъ, между которыми былъ и упомянутый Филоей, къ императору Іоанну, въ которой они заявляли, что получили отъ папы письмо о заключеніи уніи, но что онъ не сообщилъ имъ, какимъ образомъ эта унія была достигнута; поэтому они ему отвѣтили: если унія во Флоренціи была заключена по преданіямъ семи вселенскихъ Соборовъ, то ее примутъ и на Востокѣ, лишь бы папа свое исповѣданіе вѣры препроводилъ патріархамъ на письмѣ; безъ сообщенія же прямого исповѣданія папы они никогда не признаютъ Флорентинскаго Собора, а, напротивъ, всякаго, кто его признаетъ, они отлучаютъ. Императору Іоанну точно также писали, какъ явствуетъ изъ того же письма патріарховъ, что бы онъ, если принялъ мнѣніе Латинянъ на Флорентинскомъ Соборѣ, снова его осудилъ и отказался отъ него; а если онъ послушается и станетъ упорствовать, то будетъ подвергнутъ (церковному) наказанію:—ибо унія съ Латинянами—дѣло очень хорошее, но ея нельзя допустить, когда они стремятся установить свое ложное ученіе. Вслѣдъ затѣмъ тѣ же три патріарха обнародовали противъ Константинопольскаго патріарха Митрофана синодское посланіе за то, что онъ оказался единомышленникомъ Латинянъ; тутъ же они объявляли проклятіе Флорентинскому Собору и низложеніе всѣмъ латинствующимъ ми-

трополитамъ и епископамъ. Посланіе это точно также мы привели выше. Наконецъ тѣ же патріархи осудили Флорентинскій Соборъ, какъ обманной, насильственный и симоническій, на созванномъ ими въ Константинополѣ Соборѣ въ 1450 г., что мы видѣли изъ актовъ этого Собора. И такъ, какъ же могъ бы Филоөөей, лишь только получилъ отъ папы письмо о Флорентинской уніи, сейчасъ ее одобрить; или какимъ образомъ могъ бы онъ дать немедленно папѣ категорическій отвѣтъ, что онъ принимаетъ опредѣленіе Флорентинскаго Собора и одинъ символъ съ Латинянами? Спрашивается также, какъ Филоөөей могъ бы письменно заявить императору Іоанну, что, кто не приметъ уніи, долженъ быть осужденъ, когда онъ именно, какъ мы видѣли, считалъ бы того же императора достойнымъ отлученія, если бы тотъ оказался упорнымъ въ защитѣ ученія Латинянъ? Между тѣмъ это-то и заключаетъ въ себѣ все посланіе Филоөөея, на что указываютъ съ похвалъбою Латиняне. Вотъ его текстъ, помѣщенный въ XIII томѣ Соборовъ, столб. 1173:

„Отецъ святѣйшій, отецъ блаженнѣйшій, благоговѣйнѣйшій, справедливѣйшій, земной ангелъ и небесный человѣкъ, ты, который, будучи облеченъ Божіей благодатью и украшенъ священною одеждою, являешься наилучшимъ пастыремъ стада, отгоняющимъ твоимъ ученіемъ врывающихся волковъ отъ овецъ всемірной овчарни; по наслѣдію благодѣтеля нашего Христа, а затѣмъ князя апостоловъ Петра, — скала вѣры, глава всѣхъ христіанскихъ церквей, который, получая священную власть отъ Господа Нашего Іисуса Христа, сталъ папою великаго города Рима и покровителемъ остальныхъ патріарховъ, сослужитель и братъ въ Святомъ Духѣ, святой киръ Евгений! Да будетъ съ тобою благодать, величіе, вмѣстѣ съ тѣмъ и слава отъ всемогущаго Бога Отца и Господа Нашего Іисуса Христа, который, давая своимъ ученикамъ миръ въ святомъ Сіонѣ, сказалъ: миръ Мой даю вамъ, миръ оставляю вамъ: Онъ пришелъ къ нимъ не такъ, какъ къ другимъ народамъ, но посредствомъ огненныхъ языковъ, открывая ихъ сердца и наполняя, сколько каждый могъ вмѣстить, и такъ наставивши, послалъ ихъ во весь міръ: насколько они не были обучены естественной языческой философіи, настолько постигли основанія истиннаго знанія и справедливости. Эту благодать, миръ и благословеніе сперва въ твоей ве-

ликой блаженности, а потомъ въ святыхъ братьяхъ моей мѣрности — въ архіереяхъ, іереяхъ и всѣхъ называющихся именемъ христіанъ да удостойтъ умножить Тотъ же Духъ при ходатайствѣ все-совершеннѣйшей царицы и госпожи Богородительницы Маріи, святаго апостола и евангелиста Марка и, наконецъ, всѣхъ святыхъ, Аминь.“

„Моя смиренность, блаженнѣйшій Отець, слыша отъ моего въ Духѣ святомъ сына брата Альберта, монаха ордена Миноритовъ, присланнаго въ Египеть, твоей великой святости доношу, что именно, приѣдя сюда къ намъ, онъ принесъ святѣйшую грамоту твоей святости, которую мы приказали тщательнѣйше прочитатъ и содержащіяся въ ней приказанія отъ святаго вселенскаго Собора со всѣми Отцами, мѣстоблюстителями святыхъ патріарховъ, и съ державнѣйшимъ императоромъ нашимъ Іоанномъ Палеологомъ и всѣми архіереями и святыми учителями восточными и западными — и изъ нея уразумѣли и узнали, какимъ образомъ совершился миръ и унія во всей католической церкви въ совершенной любви, одною душою, одною вѣрою и символомъ, съ удаленіемъ схизмы и вражды, для общаго служенія и справедливости, — какъ призваны были любовь и миръ всемогущаго Бога по благодати, милосердію и щедротамъ Господа Нашею Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

„И такъ, прочитавши твою святѣйшую грамоту, совершеннѣйшій Отець, мы воздали всякое благодареніе Господу Нашему Іисусу Христу за столь возвышеннѣйшій даръ, ниспосланный Его католической церкви. Но къ этой нашей радости прибавился еще другой родъ веселія. Именно почти въ то же время, когда прибылъ сюда господинъ братъ Альбертъ, вручено мнѣ было письмо изъ великаго города Константинополя отъ свѣтлѣйшаго государя императора, Отцовъ мѣстоблюстителей нашихъ и нѣкоторыхъ благородныхъ мужей, доставленное руками преосвященнѣйшаго брата моей мѣрности митрополита Родосскаго киръ Анаѳермита. Мы прочитали ту и другую грамоту, т. е. греческую и латинскую, сравнили ихъ слово въ слово и стихъ со стихомъ, нашли ихъ совершенно схожими, завѣренными подписями святыхъ Отцовъ и братьевъ, архіепископовъ и учителей восточныхъ и западныхъ, обозначенными печатями твоей великой святости и державнѣйшаго князя государя

императора. Поэтому съ нашими Египетскими архіереями и прочими нашими клириками опредѣлили, дабы вездѣ во всѣхъ церквахъ при совершеніи литургій дѣлать поминаніе твоего блаженства прежде прочихъ патріарховъ, какъ было предусмотрѣно это въ священныхъ формулахъ. Я же, блаженнѣйшій Отецъ, принимая опредѣленіе священнаго Собора съ величайшимъ почтеніемъ, на вѣки запечатлѣлъ его въ моей груди, рѣшая слѣдовать священнымъ стопамъ твоей святости, Соборамъ и апостольскимъ канонамъ. Кромѣ того, высылаемъ благодаренія милосерднѣйшему Богу съ христіанскими народами за то, что Онъ благоизволилъ сдѣлать насъ достойными столь великаго дара и устроилъ насъ всѣхъ, дабы мы управлялись подъ властію и могуществомъ твоей святости и водились подъ тѣнью крыльевъ твоего благочестія. Тебя же, блаженнѣйшій Отецъ, всѣ народы будутъ почитать счастливымъ и достойнымъ вышшаго блаженства. Ибо Источникъ жизни въ евангеліи называлъ блаженными и сынами Божіими тѣхъ, кто устрояетъ миръ среди людей. И, подлинно, блаженъ ты, святѣйшій Отецъ, ибо многіе изъ святыхъ архіереевъ и царей страстно желали видѣть этотъ даръ единенія—и не могли. А ты не только заслужилъ предъ прочими его достигнуть, но и будешь имѣть высшую награду и увѣнчаешься вѣнцомъ истины со всѣми праведниками. Аминь.“

„Написала моя смиренность посланіе къ державнѣйшему князю государю императору и нѣкоторымъ архіереямъ въ Константинополь, заявляя, что бы, если кто того, что на священномъ Соборѣ постановлено и опредѣлено, не принимаетъ, того считать тиранномъ и еретикомъ и отсѣчь отъ общенія со святою католическою церковью.“

„Самъ я, святѣйшій Отецъ, склоняюсь подъ подножіе ногъ твоей святости, съ которой да будетъ благодать, блаженство и миръ со всѣми подъ твоею властію установленными мужами того и другого чина; благословеніе же твоего блаженства да будетъ со всѣми нами. Аминь.“

Такимъ образомъ живый Флорентинскій Соборъ хотѣли впоследствии Латиняне подтвердить еще другою ложью.

Этимъ мы заканчиваемъ наше изслѣдованіе объ этомъ Соборѣ.

У К А З А Т Е Л Ъ

собственныхъ именъ.

А.

- Августинъ*—учить, что Христосъ называется началомъ въ отношеніи къ тварямъ I. 241; утверждаетъ ученіе Грековъ I. 392; поврежденъ I. 332 и слѣд.
- Аврелій Кассіодоръ*, Римскій сенаторъ, пишетъ въ защиту ученія Грековъ I. 430.
- Авторъ* вопросовъ изъ ветхаго и новаго Завѣта, между твореніями Августина сохранившихся, въ защиту ученія Грековъ, I. 388.
- Авторъ книги* о Троицѣ, приписываемой Кириллу Александрійскому,—говорить въ защиту ученія Грековъ, I. 155; разъясняетъ свойства лицъ I. 402.
- Авторъ* книгъ объ единствѣ божества Троицы, помѣщенныхъ въ твореніяхъ Аѳанасія, говоритъ въ защиту ученія Грековъ I. 420 и слѣд.; выясняетъ свойства лицъ I. 551.
- Авторъ*, собравшій разныя извѣстія, относящіяся къ Константинопольскому Собору Фотія, ложно сообщаетъ, что Фотій былъ осужденъ папою Іоанномъ VIII, I. 197.
- Авторъ* трактата: „какъ нужно понимать, что имя Божіе несообщимо“ и пр.,—говоритъ въ пользу ученія Грековъ I. 176.
- Авторъ* языческой діалого, озаглавленнаго Филопаторъ, I. 23.
- Агафонъ*, папа съ Римскимъ Соборомъ—въ защиту ученія Грековъ I. 433; учитъ, что символъ не можетъ быть измѣненъ даже въ словахъ I. 590.
- Адонъ*, епископъ Виенскій, испорченный Латинянами, I. 359.
- Адриана* папы посланіе къ Карлу, Королю Франковъ, испорчено I. 362.

II.

- Адріанъ* папа, преемникъ Николая, помогающій императору Василию и епископамъ согласнымъ на низложеніе Фотія, не осмѣлился исхожденіе отъ Сына, осужденное послѣднимъ, выставить противъ него, какъ ересь, I. 184.
- Акты* I-го вселенскаго Собора, испорченные Беккомъ и Калекою, I. 254.
- Аллатій*, латинствующій грекъ, возражая противъ ученія Грековъ, опровергается I. 126; свидѣтельствуесть противъ своихъ, что чтеніе Дамаскина въ пользу ученія Грековъ—подлинное I. 174; признаесть, что Дамаскинъ, Константинъ Арменопуль и Никита Хоніатъ испорчены въ интересахъ Латинянь, I 302, 304.
- Альбинъ Алкуинъ* англичанинъ, первый борется противъ заблужденія Латинянь I. 440; писанія его испорчены I. 364; ученіе Грековъ часто защищаетъ I. 443.
- Амвросій Св.*—говоритъ въ защиту ученія Грековъ I. 382 и слѣд.; въ испорченномъ видѣ приводится Ломбардомъ, Гугономъ Еверіанскімъ и Калекою I. 326.
- Амфилохій*, епископъ Инокійскій, — въ защиту ученія Грековъ I. 97.
- Анастасій*, бібліотекарь Римской церкви, современникъ папы Іоанна VШ, пишетъ въ защиту ученія Грековъ I. 210, 523.
- Анастасій* исповѣдникъ, патриархъ Θεополитанской,—въ защиту ученія Грековъ I. 144.
- Анастасій Синаитъ*—въ защиту ученія Грековъ I. 144; писанія его одобрены VI вселенскимъ Соборомъ I. 151; изложеніе ипостасныхъ свойствъ I. 555; выяснены его слова, извращенныя въ латинскомъ смыслѣ, II. 389.
- Андрей Колоссенскій* начало прибавки Filioque неосновательно отыскиваетъ отъ временъ св. Максима исповѣдника и VI вселенскаго собора I. 512.
- Андроникъ* императоръ, сынъ Михаила Палеолога, по смерти отца вызвалъ изъ ссылки всѣхъ, сосланныхъ за отказъ отъ уніи II. 548.
- Антіохъ*, монахъ лавры св. Саввы, учитъ, что Духъ Св. имѣесть все то же, что и Отець, какъ имѣесть и Сынъ I. 577.

Арменопулъ Константинъ испорченъ по свидѣтельству самого Аллятія I. 303.

Арновій—въ защиту ученія Грековъ, I. 418.

Ахенскій Соборъ—на немъ возбужденъ былъ споръ объ исхожденіи между самими Латинянами и остался нерѣшеннымъ; разныя свидѣтельства I. 449 и слѣд.

Ахенскаго Собора послы (апокрисіаріи) свидѣтельствуютъ, что исхожденіе Св. Духа отъ Сына долгое время было неизвѣстно, I 367, 436, 439, 451.

Афанасій В.—въ защиту ученія Грековъ, I. 32 и слѣд.; испорченъ I. 257.; символъ его испорченъ I. 259; II 289; изъяснилъ свойства лицъ I. 555; училъ, что Отецъ раждаетъ и производитъ не въ отношеніи сущности, а—ипостаси I. 557; приведенныя въ качествѣ возраженія его слова объясняются II. 289 и слѣд.

Аѳинагоръ, греческій философъ, въ защиту ученія Грековъ, I. 25.

Б

Балдуинъ, латинскій Константинопольскій императоръ, вмѣстѣ со многими своими вельможами взятый при Адрианополѣ въ плѣнъ Валашскимъ княземъ Іоанникіемъ, II. 472.

Бароній ложно выставляетъ, будто Калека свидѣтельствуешь, что исхожденіе отъ Сына было заявлено на VІІ вселенскомъ Соборѣ, I. 150; выставляетъ испорченнаго Дамаса и изобличается, I. 377; сообщая, что Ахенскіе Отцы спорили только о прибавкѣ, а не о самомъ догматѣ, опровергается I. 455; пытается уничтожить таблицы Льва Ш, но безуспѣшно I. 504; взводитъ на Фотія обвиненіе въ подлогѣ,—будто бы тотъ измыслилъ посланіе папы Іоанна VІІІ къ Византійскому императору, къ клиру и къ нему самому I. 532.

Беккъ испортилъ слова Нисскаго I. 94; собралъ акты Собора, состоявшагося въ пользу Фотія, I. 208; сначала сильно боролся съ Латинянами, а потомъ послѣ чтенія Влеммида олатинился II. 513;—по смерти Михаила Палеолога пись-

менно сознался, что онъ ошибался, и добровольно ушелъ съ патріаршества; наконецъ по стараніямъ патріарха Григорія Кипрскаго отправленъ въ ссылку II. 548.

Беда—испорченъ I. 357; пишетъ въ защиту ученія Грековъ I. 435.

Беллярминъ - возражаетъ I. 54, 169; заявляетъ, что Никео-Цареградскій символъ испорченъ,—будто на VII вселенскомъ Соборѣ онъ читанъ съ прибавкою I. 246; настаиваетъ, что Духъ Св. посылается, какъ божество, а не только какъ дары,—и избличается II. 49; также,—будто изъ ученія Грековъ слѣдуетъ, что Сынъ отличается отъ Отца нѣкоторою субстанціальною формою, а не сыновствомъ только, но избличается въ нелѣпости II, 121; дѣлаетъ натяжку надъ словами Дамаскина I. 169;—Василія I. 286; присоединяется противъ своихъ къ настоящему чтенію Дамаскина I. 174; признаетъ, что Дамаскинъ испорченъ въ интересахъ Латинянь, что признаетъ также послѣ него и Биллій I. 302.

Бриенній Иосифъ свидѣтельствуетъ о Соборѣ, возстановившемъ Фотія на престолѣ и подтвердившемъ ученіе Грековъ I. 207.

Бруно—Картезианецъ соглашается съ ученіемъ Отцовъ о свойствахъ ипостасей I. 554.

В.

Ваддингъ въ своей исторіи Миноритовъ съ прочими латинскими писателями свидѣтельствуетъ, что Греки послѣ взятія Константинополя Латинянами всегда противились ихъ ученію II 478.

Валашскій и Болгарскій король соглашался принять унію съ Римскою церковью, требуя за это отъ папы Иннокентія III королевской короны II. 499.

Василій Великій—въ защиту ученія Грековъ I. 43 и слѣд.; его посланіе къ брату Григорію, одобренное Халкидонскимъ Соборомъ, I. 58; испорченъ I. 269; II. 323; изъясняетъ свойства лицъ I. 549, 555; учитъ, что нельзя даже слога прибавить къ Никейскому символу I. 600; слова его, выставленныя въ качествѣ возраженія, объясняются II. 323 и слѣд.

- Ваттакій*, греческій князь, сражается противъ Балдуина П. 475.
Венанцій Фортунатъ, епископъ Пиктавиенскій (Пуатье), пишетъ
 въ защиту ученія Грековъ, I. 430.
Вигилій, епископъ Тридентскій,—тоже I. 419.

Г.

- Гаймонъ*, епископъ Гальберштадскій, пишетъ въ защиту ученія
 Грековъ I. 518.
Галактіонъ, по приказанію императора Михаила, лишенъ глазъ
 за отказъ отъ принятія уніи и *Мелетій* за то же поте-
 рялъ языкъ П. 542.
Геннадій, патріархъ Константинопольскій, жестоко испорченный
 Латинянами и преимущественно предъ другими искалѣчен-
 ный, I. 305.
Георгій Акрополитъ о нашествіи папскаго легата Пелагія на Кон-
 стантинополь П. 467.
Геривей, Реймскій архіепископъ, убѣждаетъ епископовъ возстать
 противъ ученія Грековъ, I. 216.
Германъ, патріархъ Константинопольскій,—въ защиту ученія Гре-
 ковъ I. 175; его посланіе къ папѣ Григорію IX объ
 угнетеніи острова Кипра П. 464.
Гинкмаръ, Реймскій архіепископъ, свидѣтельствуеетъ, что ученіе
 объ исхожденіи Св. Духа отъ одного только Отца было об-
 щимъ у Грековъ во времена папы Николая I, I. 182; сто-
 итъ и самъ за ученіе Грековъ I. 417; потомъ по внуше-
 нію папы Николая пишетъ противъ Грековъ, I. 521.
Гормизда, папа Римскій, испорченъ I. 348.
Грегентій, епископъ Тафарскій,—въ защиту греческаго ученія,
 I. 140.
Григорій Кипрскій, патріархъ Константинопольскій, составилъ за-
 писку противъ Бекка П. 552.
Григорій Великій—папа испорченъ I. 349 и слѣд.; пишетъ въ
 пользу ученія Грековъ, I. 430.
Григорій Мосхампаръ, Константинъ Акрополитъ и другіе издали
 изслѣдованія объ исхожденіи Св. Духа противъ Латинянъ
 П. 556.

Григорій Нисскій въ защиту ученія Грековъ I. 83 и слѣд.; 226; испорченъ I. 295; учитъ о свойствахъ лицъ I. 550, 553 и что Отецъ рождаетъ и производитъ не въ отношеніи сущности, но ипостаси I. 557; слова его, извращаемыя Латинянами, правильно объясняются II, 362.

Григорій IX папа на Люнскомъ Соборѣ представилъ плачевное состояніе уніи Грековъ съ Латинянами II. 476.

Григорій Богословъ въ защиту ученія Грековъ I. 59; говоритъ, что безумствуютъ тѣ, кто черезчуръ погружается въ разслѣдованіе рожденія Сына и исхожденія Духа Св. II. 425.

Григорій Чудотворецъ—въ защиту ученія Грековъ I. 28; испорченъ I. 257; слова его, выставленныя Латинянами, правильно объясняются II. 288.

Григорій, Турскій епископъ, объясняетъ, въ какомъ смыслѣ Христосъ называется началомъ, т. е. въ отношеніи тварей I. 241.

Григорій Оссалоникійскій I. 83, 103.

Гретсеръ Іаковъ извращаетъ слова Аѳанасія Синаита I. 146; порицаетъ ученіе Грековъ и порицаніемъ приноситъ ему пользу I. 213.

Гуго Евѳеріанскій напрасно возводитъ на Грековъ обвиненіе въ порчѣ Дамаскина I. 123.

Д.

Дамаскинъ—о сообщеніи дара языковъ I. 136; испорченъ по сознанію самихъ Латинянь: Биллія, Беллярмина и Аллятія I. 302; II. 392; самъ доставляетъ случайно поводъ Латинянамъ спорить объ исхожденіи Св. Духа I. 439; объяснилъ свойства лицъ I. 552 и слѣд.; его слова, выставляемыя во вредномъ смыслѣ для Грековъ, правильно объясняются II. 392.

Дамаса папы исповѣданіе къ Паулину епископу испорченное I. 325; однако онъ со своимъ Соборомъ дѣйствуетъ въ пользу ученія Грековъ I. 375.

Даніилъ, князь Русскій, обѣщалъ заключить унію съ римскою церковью для полученія королевской короны, получивши которую, не сдержалъ обѣщаній II. 502.

Де-ла-Винь, признавая, что мнѣніе Грековъ объ исхожденіи Св. Духа отъ одного только Отца—древнее и общее, называетъ его заблужденіемъ I. 148.

Деспотъ Никифоръ Дука и синтократоръ *Іоаннъ Дука* преимущественно передъ прочими противились уніи, затѣянной Михаиломъ Палеологомъ, II. 540.

Діонисія Александрійскаго слова, приведенныя въ качествѣ возраженія Латинянами, II. 288.

Діонисій Ареопагитъ—свидѣтельство его въ пользу ученія Грековъ, I. 19.

Дидимъ Александрійскій—говоритъ въ защиту ученія Грековъ I. 40; поврежденъ I. 262 и *слѣд.*; II. 320; его изъясненіе словъ: *отъ Моего возьметъ*—не въ пользу Латинянъ II. 184; объясненіе его словъ, выставленныхъ Латинянами II. 321.

Е.

Евы и Сива подобіемъ выясняется произведеніе лицъ въ божествѣ I. 68.

Евгеній, епископъ Карфагенскій, поврежденъ I. 345.

Евгиппій, Африканскій пресвитеръ и аббатъ—въ защиту ученія Грековъ I. 425.

Евлогій, архіепископъ Александрійскій,—тоже I. 139.

Евсевій, Эмиссенскій епископъ въ Финикіи, испорченъ I. 343.

Елесеорій, Торнакійскій епископъ,—въ защиту ученія Грековъ, I. 417.

Епифаній Св.—въ защиту ученія Грековъ I. 72 и *слѣд.*; о свойствахъ ипостаси I. 550; его слова у Кирилла въ защиту ученія Грековъ I. 114.

Ефесскаго Собора опредѣленіе о неизмѣняемости символа. I. 581.

Ефремъ Сиринъ—въ защиту ученія Грековъ I. 41.

Еверій, Уксаменскій епископъ, поврежденъ I. 361;—въ защиту Грековъ I. 435.

І.

Іакова апостола литургія въ защиту ученія Грековъ I. 18.

Іаковъ Витріакскій, Аконскій епископъ въ Сиріи, свидѣтельствуешь, что Латиняне вписали въ символъ Аѳанасія и въ писанія другихъ Отцовъ объ исхожденіи Св. Духа слова *Filioque*

І. 260; также,—что Греки въ Сиріи и Палестинѣ во время обладанія Латинянами Константинополемъ только на словахъ соглашались съ Латинянами, а на самомъ дѣлѣ считали ихъ отлученными отъ церкви П. 499.

Иодокъ Коккій перечисляетъ патріарха Константинопольскаго Никифора среди защитниковъ греческаго ученія І. 177.

Іоаннъ Дамаскинъ—доказываетъ, что также и Сынъ обнаруживается Духомъ Св. І. 28; пишетъ въ защиту греческаго ученія І. 160. см. *Дамаскинъ*.

Іеронимъ—испорченъ І. 329; въ защиту ученія Грековъ І. 385; о свойствахъ лицъ І. 550.

Іоаннъ VIII папа вмѣстѣ съ созваннымъ имъ въ Римѣ Соборомъ одобрилъ возстановленіе Фотія на его престолѣ І. 193; утвердилъ ученіе Грековъ, а противное осудилъ І. 194, 211; самъ напоминаетъ и о Соборѣ, возстановившемъ Фотія, и о легатахъ своихъ, отправленныхъ на этотъ Соборъ І. 199; въ посланіи своемъ къ Фотію исповѣдуетъ ученіе Грековъ и очищаетъ себя отъ подозрѣнія въ латинскомъ заблужденіи І. 527; посланія его къ князю Святополку І. 537, а также къ митрополиту Моравскому Меѳодію І. 539, въ которыхъ порицаетъ ученіе Латинянъ и прибавку къ символу.

Іоаннъ Златоустъ—см. Златоустъ.

Іоаннъ Провинціалъ, хотя дѣлаетъ натяжки въ толкованіи Дидима, но слова его приводитъ неизмѣнно І. 267; приводитъ текстъ Василія въ испорченномъ видѣ и основательно опровергается І. 275; соглашается съ ученіемъ Отцовъ о свойствахъ лицъ І. 554; аргументируетъ весьма нелѣпо отъ философскихъ положеній и естественныхъ началъ къ непостижимой тайнѣ Троицы П. 218; очень неосновательно пытается вывести исхожденіе отъ Сына изъ сообразности, которою, по словамъ Писанія, Духъ Св. сообразуетъ насъ Сыну Божію П. 219.

Іосифъ, патріархъ Константинопольскій, за непризнаніе уніи посланный императоромъ Михаиломъ Палеологомъ въ ссылку П. 531.

- Гуліанъ* Кардиналъ на Феррарскомъ Соборѣ представляетъ испорченныя греческіе кодексы I. 245.
- Гуліанъ*, епископъ Келанскій (въ Италіи),—въ защиту ученія Грековъ I. 416.
- Густиніанъ* императоръ объявляетъ, что символъ Никейскій должно разумѣть такъ, какъ онъ былъ увеличенъ въ Константинополѣ I. 584.
- Густинъ* Философъ и мученикъ—въ защиту ученія Грековъ I. 23; учить о свойствахъ ипостасей I. 549.

И.

- Идакій Кларъ*, испанскій епископъ,—въ защиту ученія Грековъ I. 390.
- Иларій*, Пиктавіенскій епископъ, испорченъ I. 315; въ защиту ученія Грековъ I. 373.
- Илія*, архіепископъ Критскій, въ защиту ученія Грековъ I. 217.
- Императоръ* Михаилъ и Василій съ подданными исповѣдывали ученіе Грековъ I. 179.
- Иннокентій III* папа самъ свидѣтельствуеъ о совершенныхъ Латинянами при взятіи Константинополя злодѣянїяхъ II 455.
- Исаакъ*, христїанинъ изъ Іудеевъ,—въ защиту ученія Грековъ I. 380.
- Исидоръ*, архіепископъ Гиспаленскій, поврежденъ I. 353.
- Исихій*, епископъ Іерусалимскій, — въ защиту ученія Грековъ I—151.

З.

- Захарія*, Митрополитъ Митиленскій, прозванный схоластикомъ, въ защиту ученія Грековъ I. 142.
- Златоустъ*—въ защиту ученія Грековъ—I. 98; изъясняетъ свойства лицъ I. 550 испорченъ II. 363.

К.

- Калекъ* Мануилъ, хотя другъ Латинянь, свидѣтельствуеъ о Соборѣ, созванномъ въ пользу Фотія I. 208; сообщаетъ, что на VII вселенскомъ Соборѣ внесено было исхожденіе Св. Духа черезъ Сына только, а не отъ Сына I. 250; повто-

Х.

рываетъ, слѣдуя другимъ, что начало прибавки идетъ отъ временъ Дамаса, но не правильно, по свидѣтельству Пета-вія I. 515.

Канизій Генрихъ извращаетъ смыслъ посланія Альбина Алкуина I. 441.

Кесарій, братъ Назіанзина,—въ защиту ученія Грековъ I. 97; объясняетъ свойства лицъ I. 550.

Киприанъ мученикъ—испорченъ I. 313; въ защиту ученія Грековъ I. 372.

Кириллъ Александрійскій—въ защиту ученія Грековъ I. 102; учитъ, что къ Никео-Цареградскому символу не должно прибавлять даже чего-нибудь истиннаго I. 585; хвалитъ Финикійскихъ епископовъ за то, что, отставши отъ Несторіанской ереси, написали истинное изложеніе вѣры, но внѣ символа, сохранивъ его неприкосновеннымъ I. 588; часто говоря, что Духъ Св.—изъ Сына, смыслъ словъ своихъ выяснилъ въ изложеніи своей IX анаѳематизмы II. 376; объясняются разныя его выраженія, выставленныя Латинянами, II. 368.

Кириллъ Іерусалимскій убѣждаетъ, что не слѣдуетъ о Духѣ Св. говорить того, что Онъ Самъ о Себѣ не сказалъ въ св. Писаніи, II. 223.

Климентъ Александрійскій—въ защиту ученія Грековъ I. 26.

Клирики Ахейскіе—тоже I. 22.

Косма Іерусалимскій, учитель Дамаскина, въ защиту ученія Грековъ I. 155.

Л.

Ласкарисъ Θεодоръ, бѣглець изъ Константинополя, утвердилъ свою власть въ Анатоліи и велѣлъ снять кожу съ какого-то латинскаго князя, взятаго въ плѣнь, II. 485.

Латеранскій Соборъ при папѣ Мартинѣ—въ защиту ученія Грековъ I. 432.

- Легаты* папы Іоанна VIII, спрошенныя Фотіемъ, исповѣдали неприкосновенный символъ и въ такомъ же видѣ подписали его на Константинопольскомъ Соборѣ, которымъ Фотійъ возстановленъ на престолѣ, I. 523.
- Легатовъ* Ахенскаго Собора рѣчь даетъ понять, что къ символу не должно прибавлять даже и истиннаго I. 597.
- Левъ Великій* папа—въ защиту ученія Грековъ I. 417.
- Левъ III* папа, по сообщенію историковъ, одобрилъ догматъ исхожденія отъ Сына, будучи обманутъ, I. 458; его бесѣда съ Ахенскими послами о прибавкѣ къ символу, *тамъ же и слѣд.*; серебрянныя доски съ неприкосновеннымъ символомъ I. 501; II. 562; онъ также весьма ясно учитъ, что нельзя прибавить къ символу даже и истиннаго, II. 544, 595.
- Левъ IX* папа поражаетъ Грековъ анаѳемою за то, будто бы они выскоблили изъ символа *Filioque* I. 602.
- Левъ Мудрый* императоръ въ защиту ученія Грековъ I. 212; испорченъ I. 303.
- Леонтій*, монахъ Палестинскій, по родомъ изъ Византіи, въ защиту ученія Грековъ I. 143; о свойствахъ лицъ I. 552.
- Либерія* папы посланіе къ Аванасію, упоминаящее объ опредѣленіи, будто бы постановленномъ I Никейскимъ Соборомъ, о томъ, что нельзя увеличивать символъ, измышлено, по сознанію самихъ Латинянъ I. 316 *и слѣд.*
- Литургія* Марка испорчена I. 255.
- Ломбардъ* говоритъ, что Духъ Св. Самимъ Собою посылается, т. е. подается твари II. 11.
- Лионскій* Соборъ при папѣ Григоріи X объ исхожденіи Св. Духа II. 508; восточные патріархи не участвовали на немъ ни сами, ни черезъ своихъ пословъ, ни даже Константинопольскій патріархъ Германъ II. 556.

М.

- Макарій*, епископъ Антиохійскій, въ защиту ученія Грековъ I. 152.
- Мансветъ*, епископъ Медиоланскій, вмѣстѣ съ Соборомъ въ защиту ученія Грековъ I. 434; учитъ, что Отецъ родитъ и производитъ не на основаніи сущности, а ипостаси *тамъ же.*

Маркъ Сануть Торселль венеціанецъ свидѣтельствуеть, что Сирійцы вмѣстѣ съ Греками вѣрили, а Латинянамъ повиновались только изъ страха предъ ихъ господствомъ въ то время, когда Константинополь былъ въ ихъ рукахъ П. 495.

Маркъ евангелистъ въ защиту ученія Грековъ I. 18.

Маркъ Антоній de Dominis убѣждаетъ, что Священное Писаніе не должно быть унижаемо нелѣпыми выводами, какіе онъ читаетъ у Беллярмина П. 123.

Мартинъ полякъ неправильно свидѣтельствуеть, будто исхожденіе Духа Св. отъ Сына было утверждено на VII вселенскомъ Соборѣ I, 249.

Матоей Парижскій свидѣтельствуеть, что Греки послѣ взятія Константинополя не соглашались на унію П. 474; и что нѣкоторые вельможи ихъ около 1254 г. явились къ папѣ и обличали его въ заблужденіи относительно исхожденія отъ Сына П. 480; онъ же, восхваляя папу въ исторіи Англіи, называетъ его преемникомъ Петра, но нисколько не подражателемъ П. 498.

Максимъ исповѣдникъ въ защиту ученія Грековъ I. 153; его посланіе къ Марину о православномъ въ его время мнѣніи Латинянъ объ исхожденіи Св. Духа П. 369; его же слова, приводимыя Латинянами въ свою пользу, объясняются П. 396.

Максимъ, Тавринскій епископъ, въ защиту ученія Грековъ I. 415.

Метафрастъ Симеонъ—объясненіе его словъ, приводимыхъ Латинянами П. 396.

Митрофанъ, Смирнскій митрополитъ, въ защиту ученія Грековъ I. 211.

Михаилъ Палеологъ императоръ, овладѣвши Константинополемъ, для отвращенія войны, объявленной ему папою, дѣлаеть видъ, что хочетъ заключить унію съ римскою церквью и сильно о ней хлопочеть П. 510; кое-кто заявляетъ, что онъ былъ на Ліонскомъ Соборѣ, но ложно П. 509; П. 557; преслѣдуетъ своихъ родственниковъ за отказъ принять унію, Мануила и Исаака, сыновей Рауля, сперва

ослѣпленныхъ, посылаетъ въ ссылку П. 531; однако за недостаточную преданность уніи отлучается папою Мартиномъ П. 554.

Михаилъ Синкелль — въ защиту ученія Грековъ I. 178.

Михаликій, отпавши отъ Латинянъ, сражается противъ нихъ П. 473.

Музалонъ, великій Логоѣтъ, съ патріархомъ Григоріемъ избличили опредѣленіе Бекка на Соборѣ П. 552.

II.

Никита Хоніатъ испорченъ въ интересахъ Латинянъ не разъ, по свидѣтельству самого Аллітія I. 304; говоритъ о завоєваніи Константинополя Латинянами П. 455 и *слѣд.*

Николая Св. мощи перенесены въ Италію въ то время еще, когда нижнею Италією владѣли греческіе императоры П. 435.

Николай Гидрунтскій свидѣтельствуєтъ о спорахъ между Греками и Латинянами послѣ взятія послѣдними Константинополя П. 435.

Николай I папа въ посланіи къ Гинкмару защищаетъ исхожденіе Св. Духа отъ Сына I. 180. и *слѣд.*; онъ первый изъ папъ -- защитникъ латинскаго заблужденія и подстрекатель другихъ I. 519; Фотія однако не осмѣлился анаѣматетствовать, какъ еретика, но только какъ ставшаго патріархомъ изъ свѣтскихъ людей I. 186.

Николай V папа въ посланіи къ императору Константинопольскому отъ 1451 г. не предрекаетъ уничтоженія Грековъ Турками, а только грозитъ имъ своимъ отлученіемъ отъ церкви П. 447.

Нилъ Аскетъ говоритъ о сообщеніи дара языковъ I. 136.

Ноннъ египтянинъ изъ города Панополя, — въ защиту ученія Грековъ I. 140.

Никифоръ, Константинопольскій патріархъ, въ защиту ученія Грековъ, I. 177.

О.

Одонъ, епископъ Белловакскій, писалъ противъ восточныхъ по внушенію Гинкмара — I. 26.

Оккамъ, будучи самъ латиняниномъ, отвергаетъ аргументы Фомы Аквината въ пользу исхожденія отъ Сына, взятыя изъ разума П. 415.

Оригенъ Адамантскій въ защиту ученія Грековъ I. 26.

Г.

Паулинъ, Аквилейскій патріархъ, — испорченъ I. 363; противится латинскому нововведенію на Фріульскомъ Соборѣ I. 444; общаетъ изложить вѣру, сохранивши однако неприкосновеннымъ символъ 445.

Паулинъ Ноланскій — въ защиту ученія Грековъ — I. 416.

Пеллгій Африканскій — то-же I. 416.

Пеллгій папа осуждаетъ нѣкоторыя ученія въ сочиненіяхъ Θεодорита, прочія одобряетъ I. 127; согласенъ съ ученіемъ Грековъ I. 426.

Пеллгій, легатъ Римскаго папы, съ большими полномочіями, явившись въ Константинополь, предоставилъ гражданамъ на выборъ — смерть, или подчиненіе папѣ II. 466.

Петавій іезуитъ, — неправильно переводя Епифанія, опровергается — I. 73; выставляетъ разныя возраженія и опровергается I. 88, 92;; II. 308, 378; свидѣтельствуеъ, что Нисскій испорченъ въ интересахъ Латинянъ I. 300.

Петръ Алліакскій, хотя латинянинъ, обычные доводы относительно исхожденія отъ Сына отвергаетъ, какъ несостоятельные — II. 388.

Петръ, епископъ Никомидійскій, — въ защиту ученія Грековъ I. 152.

Пивей Петръ, будучи латиняниномъ, свидѣтельствуеъ, что символъ Константинопольскій испорченъ прибавкою и отъ Сына I. — 246; защищаетъ Грековъ отъ обвиненія въ порчѣ писанія Агаѳона I. — 355.

Просперъ Аквитанскій, епископъ Регійскій, въ защиту ученія Грековъ I. 418.

Р.

Рабанъ Мазръ — испорченъ I. 365; писалъ въ защиту ученія Грековъ въ то время, когда уже возрастало заблужденіе Латинянъ I. 518.

Ратрамнъ, монахъ Корбейскій, цитируетъ неприкосновенно Дидима, хотя и старается затѣмъ загладить свой промахъ I. 265 и слѣд; Аванасія приводитъ въ испорченномъ видѣ I. 341; борется съ восточными I. 522.

Редестонскій епископъ Іоаннъ соглашается на общеніе съ Латинянами, отъ чего отказываются его соепископы, клирики и монахи П. 471.

Рустикъ—Кардиналь—діаконъ—испорченъ І. 345; въ защиту ученія Грековъ—І. 427.

Руффинъ, пресвитеръ Аквилейскій, —испорченъ І. 328; въ защиту ученія Грековъ І. 391.

С.

Северъ, патріархъ Александрійскій, — въ защиту ученія Грековъ І. 152; въ его требникѣ символъ Константинопольскій испорченъ І. 301.

Сергій І папа исхожденіе Св. Духа отъ Одного только Отца осуждаетъ, какъ богохульство І. 216.

Симеонъ Столпникъ—въ защиту ученія Грековъ, І. 143.

Симеонъ Богословъ, игуменъ монастыря св. Маманта, въ защиту ученія Грековъ І. 175.

Сіагрій—въ защиту ученія Грековъ І. 426; учитъ, что Отець раждаетъ и производитъ не въ отношеніи сущности, а ипостаси І. 558.

Сильвестръ, епископъ Римскій, въ защиту ученія Грековъ І. 373.

Сикстъ папа свидѣтельствуеть, что Іоаннъ Антиохійскій никогда не былъ послѣдователемъ Несторія І. 134.

Синезій, епископъ Птолемаидскій, въ защиту ученія Грековъ І. 101; правильное объясненіе его словъ, приводимыхъ Латинянами П. 367.

Смарагдъ, аббатъ Вирдунскій, пишетъ въ защиту ученія Грековъ въ то время, когда заблужденіе Латинянъ беретъ силу І. 457, 519.

Софроній, патріархъ Іерусалимскій,—въ защиту ученія Грековъ І. 152; учитъ, что символъ Никейскій должно понимать такъ, какъ онъ былъ дополненъ въ Константинополѣ І. 583.

Т.

Тарасій, патріархъ Константинопольскій, въ защиту ученія Грековъ І. 176.

Тертулліанъ—въ защиту ученія Грековъ І. 371.

Теодульфъ Авреліанскій, латинскій епископъ, писалъ противъ своихъ послѣ временъ папы Льва III I. 517.

Ф.

Флодоардъ, Реймскій аббатъ, свидѣтельствуеть, что греческіе епископы думали объ исхожденіи Св. Духа одинаково съ своими императорами вопреки тому, что заявляетъ папа Николай, I. 182.

Фульгенцій Руспенскій въ защиту ученія Грековъ I. 423.

Ц.

Целестій, ученикъ Пелагія, въ защиту ученія Грековъ I. 416.

Циховій іезуитъ — опроверженіе его возраженій и ссылокъ I. 21, 29, 37, 56, 57, 88, 89, 90, 122, 157, 258, 261; неосновательно усиливается доказать, будто папа Адріанъ въ низложеніи Фотія защитилъ исхожденіе отъ Сына I. 192; также — что именованіемъ причины у Отцовъ обозначается причина непріозводная I. 229 и *слѣд.*, литургію Марка приводитъ въ испорченномъ видѣ I. 216; уличается въ клеветѣ I. 261; защищая испорченное мѣсто Василія, опровергается I. 286; пытаясь разбить доски Льва III, разбилъ себѣ голову I. 506; настаивая на томъ, что посланіе есть доказательство исхожденія, опровергается II. 17; доказываетъ, что слѣдуетъ говорить, что и Отецъ — посланъ, если посланіе есть дѣло *ad extra* и обще всѣмъ лицамъ, — но напрасно II. 56; усиливается доказать, что Духъ Св. есть въ такомъ же смыслѣ — Христа, въ какомъ — Отца и притомъ изъ ученія Кирилла, — но опровергается изъ того же Кирилла II. 137; обвиняетъ восточныхъ, будто они выскоблили слово *Iususъ* въ текстѣ Апокалипсиса II. 143; усиливается доказать вопреки очевидному ученію Отцовъ, что *отъ Моего возьметъ* значить то же, что *возьметъ отъ Сына* II. 153; также что Отецъ и Сынъ — одинъ дышатель подобно тому, какъ Оба Они составляютъ одного творца II. 165; выраженіе *черезъ Сына*, употребляемое Отцами, толкуеть во всякихъ смыслахъ II. 228 и *слѣд.*; изъ *пробыванія* Духа Св. въ Сынѣ сплетаетъ разныя софизмы, которые всѣ опровергаются II. 244 и *слѣд.*

Ө.

Оалассій Африканецъ, Ливійскій авва VШ в., въ защиту ученія Грековъ I. 224, 431.

Оеодоритъ, Кирскій епископъ, въ защиту ученія Грековъ I. 120. и слѣд.; неправда, что его опроверженія анаематизмъ Кирилла были осуждены V вселенскимъ Соборомъ I. 124; учить о свойствахъ лицъ I. 551, 555.

Оеодоръ Абукара, Карійскій епископъ, въ защиту ученія Грековъ I. 178

Оеодоръ Мопсуеткій въ защиту ученія Грековъ I. 137.

Оеодоръ, патріархъ Іерусалимскій, то же I. 174.

Оеофанъ Керамевсъ, архіепископъ Тавроменійскій, въ защиту ученія Грековъ I. 216.

Оома Аквинскій обвиняетъ Дамаскина въ несторіанствѣ I. 171.; его доказательство исхожденія отъ Сына, опирающееся на отношеніяхъ противоположнаго, опровергается II. 399. 415.

Э.

Эней Газскій, изъ платониковъ ставшій христіаниномъ, въ защиту ученія Грековъ I. 141.

Эней Парижскій епископъ, защищаеъ ученіе Грековъ I. 522.

Ю.

Юліанъ; Юстиніанъ, Юстинъ см. *Іуліанъ* и пр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

въ которой доказывается, что посланіе Св. Духа Сыномъ (Іоан. XV, 26) не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына 1.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

въ которой доказывается, что дуновеніе Спасителя на апостоловъ со словами: „получите Духа Святаго“ (Іоан. XX, 22) не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына. 64.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

въ которой доказывается, что выраженіе Спасителя: „все что имѣеть Отець,—Мое“ (Іоан. XII, 15) не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына. 94.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

въ которой доказывается, что выраженіе: Духъ Св. есть Духъ Сына, не есть доказательство исхожденія Св. Духа отъ Сына. 124.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывается, что слова Спасителя: „Духъ Св. отъ Моего возьметъ“ (Іоан. XVI, 14) не могутъ служить доказательствомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына. 146.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывается, что слова: „Духъ Св. не отъ Себя будетъ говорить, но будетъ говорить, что услышитъ,“ (Іоан. XVI, 13) не служатъ доказательствомъ исхожденія Св. Духа отъ Сына 191.

ГЛАВА ЧЕТЫРЕНАДЦАТАЯ.

въ которой опровергаются остальные доказательства Латинянь въ пользу исхожденія Св. Духа отъ Сына, взятыя изъ священнаго Писанія 211.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

въ которой опровергаются свидѣтельства, извлеченныя изъ писаній восточныхъ Отцовъ въ пользу исхожденія Св. Духа и отъ Сына 224.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывається, что и остальные доказательства Латинянь не приводятъ къ утвержденію исхожденія Св. Духа отъ Сына 398.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывається, что унія съ Римскою церковью при папѣ Иннокентіи III навязана была восточнымъ насильно и потому при первой возможности была ими отвергнута и уничтожена 451.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывається, что унія восточной и западной Церкви, предпринятая императоромъ Михаиломъ Палеологомъ, нисколько не помогаетъ дѣлу Латинянь 504.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

въ которой доказывається, что Флорентинскій Соборъ былъ незаконнымъ и не долженъ быть причисляемъ къ вселенскимъ Соборамъ. 561.

